

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1877.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1877 г. см. ниже, на оберткѣ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ V.

ГОДЪ XLI. — ТОМЪ CCXLI. — 1/13 СЕНТЯБРЯ, 1877.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ШЕСТЬДЕСЯТЪ-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ V

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1877

— Да, велѣлъ, велѣлъ. Дядя ея самъ сказывалъ... Въ городѣ вотъ это видѣлись... Прямо сказалъ: говоритъ, велѣно...

— Дай Богъ, дай Богъ! Она такая славная, кроткая,—проговорила матушка, пододвигая супругу чашку чаю... — Петруша, бери чашку; будетъ тебѣ съ дрянью-то возиться: не маленькій... Право, это очень хорошо... при ея сиротствѣ...

— При сиротствѣ... А ты думаешь — мало сиротъ-то... въ пригоршни слезы собираютъ? Не всякой-то вѣдь... А ужъ это именно владыка щедроты свои явилъ.

Произошла пауза, во время которой слышалось только, какъ члены благодатной семьи откусывали сахаръ, дули на горячій чай и звучно и смачно прихлебывали изъ своихъ блюдечекъ.

— Оно, положимъ,—началъ опять отецъ Арсеній:—онъ былъ каѳедральный протоіерей и человѣкъ близкій къ преосвященному. Да вѣдь мало ли что... Былъ, да сплылъ, и теперь ужъ другой приблизился... съ своими родственниками. Это разъ. А потомъ: какой тамъ ни каѳедральный, а ныньче ужъ это и владыкамъ не велятъ, чтобы тамъ... мѣсто сдавать. А владыка, по своей милости, все это обошелъ, только чтобы сироту призрѣть. Мало того — сироту: двухъ съ-разу облагодѣтельствовалъ. Дядю-то ея онъ, вѣдь, переводитъ въ другое, превосходнѣйшее село, а ей на его мѣсто пріискивать соблаговолилъ. Вотъ вѣдь какъ! И тому, и другому хорошо. А поди-ка у другого архіерея!.. Есть такіе, что и братъ родной не подходи... А нашъ вотъ снисходитъ... Дай Богъ ему, право... Многомилостивъ и щедръ.

Снова наступило молчаніе, и снова раздались прикусыванья и прихлебыванья и причмокиванья.

— Ну, какъ же теперь они? Кого? — начала матушка, утирая со лба потъ.

— То-то вотъ они теперь безпокоятся насчетъ этого, отвѣтилъ батюшка. — Дядя-то совсѣмъ не знаетъ, куда и какъ обратиться. Просилъ все меня вступиться въ это, — убѣдительнѣйше просилъ. Въ нашей окрестности, говоритъ, жениховъ совсѣмъ что-то не видать; а подальше куда, говоритъ, не знаю... да и некогда, говоритъ. Притомъ же, говоритъ, и не ловко самому ѣзть съ невѣстой къ женихамъ; кабы, говоритъ, невѣсту нужно было найти, — другое дѣло: тогда бы, говоритъ, смѣло поѣхалъ, хоть по всей епархіи. Я, говоритъ, когда сватался, такъ уѣздовъ пять съ своимъ отцомъ объѣхалъ, — все выбиралъ, говоритъ, а тутъ, говоритъ, нельзя этакъ... Такъ вотъ онъ меня и просилъ: пожалуйста, говоритъ. У васъ, говоритъ, тамъ кажется, есть по сосѣдству... Намъ ужъ, говоритъ, не до студента, а такъ — чтобы

былъ мало-мальски... Поскорѣе, говоритъ, хочется развязать руки, да на новоселье... Я пообѣщалъ, даже далъ слово: непремѣнно, я говорю, постараюсь. Да и нельзя не постараться: человѣкъ хорошій, еще съ семинаріи знакомы; притомъ же, мы, можно сказать, одолжены имъ. Вѣдь онъ-то къ намъ рѣдко, а мы-то къ нему... ты сама знаешь. Ѣдешь въ городъ, къ кому на перепутьи? Все къ нему. Каждый разъ и покой и привѣтъ достодолжный. Надо, надо какъ-нибудь постараться... устроить эту статью. На свадьбѣ ужъ, конечно, мы первые гости.

— Такъ-то такъ,—промолвила матушка:—только какъ же это ты сдѣлаешь-то?

— То-то вотъ... какъ бы это... я все думаю...

— Кого намѣтить-то, еще неизвѣстно. У Брылёвскаго священника сынъ еще учится. У дьячка тамошняго большой былъ малый, чуть ли не исключенъ ужъ: все что-то плохо о немъ говорили.

— Исключенъ, — вставилъ Петруша.

— Ну, вотъ, я такъ и думала. Сѣнокосовскаго попа сынъ по гражданской службѣ пошелъ... Вотъ развѣ къ Лаптевскому попу обратиться? Его Андрей-то еще въ прошломъ году все мѣста искалъ. Нашелъ ли, нѣтъ ли, — не знаю.

— Нѣтъ, — снова вставилъ Петруша, накрывши чашку и сильно потягиваясь.—Онъ весною былъ у насъ на квартирѣ и говорилъ, что никакъ, говоритъ, не добьюсь мѣста,—все отказываютъ: то вакантныхъ нѣтъ, а то по-достойнѣй люди находятся, — по крайней мѣрѣ, та́къ говорили ему въ консисторіи.

— Ну, вотъ и отлично,—подхватилъ отецъ Арсеній, выходя изъ-за стола и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ:—вотъ ему и предложить бы, и поскорѣе бы это какъ-нибудь.

Онъ громко высморкался и молча прошелся по комнатѣ. Матушка стала убирать чашки.

— Вотъ что, мать, воскликнулъ, наконецъ, батюшка,—остановившись посреди комнаты.—Самому мнѣ ѣхать въ Лаптево не приходится, по нѣкоторымъ резонамъ. Съ отцомъ Андреемъ я почти незнакомъ, да и некогда мнѣ туда ѣхать; а мы это дѣло препоручимъ вотъ Петрушѣ. Завтра праздникъ, дѣлать ему нечего, вотъ онъ и сходитъ. Я пойду къ заутренѣ, а онъ по-маленьку въ Лаптево. Петруша, сходишь?

— Да какъ же это, тятенька? Вѣдь далеко пѣшкомъ-то,—16 верстъ! Если бы на лошади...

— Э, тамъ на лошади!.. Лошадь, пожалуй, еще самому мнѣ понадобится завтра. Чего сто́итъ тебѣ добѣжать? Дѣло молодое...

со скотиной домой придешь, а пожалуй еще и скотину не пригонять, а ужъ ты дóма будешь. Право, сходи-ка: доброе дѣло сдѣлаешь. Еще неизвѣстно, чтó будетъ: можетъ быть всѣ эти люди и намъ пригодятся. Да и теперь все-таки честь тебѣ будетъ не малая; скажутъ: вотъ!.. даромъ, что молодой человѣкъ... Къ тому же и яблочка тамъ поѣшь кстати: у нихъ садъ великолѣпный. И намъ съ матерью принесешь десяточекъ.

— Тяжело ли сходить? О чемъ толковать-то?—вставила матушка, вытирая ветошкой стаканъ. Сходитъ да и только. Я бы даже и сама, да только... Кто ихъ тамъ знаетъ... Досадно, что я съ попадьей-то незнакома. Знаю только, что Сидоровна, а видать ни разу не пришлось.

— Я пожалуй пойду,—согласился Петруша; только чтó же я буду тамъ дѣлать? Чтó говорить?

— Вота-а!—протянулъ батюшка:—маленькій что ли ты? Вѣдь ты слышалъ сейчасъ разговоръ? Приспособительно къ этому и будешь говорить. Я бы, пожалуй, письмо написалъ, да къ чему письмо, когда ты идешь? Ты лучше всякаго письма. Прямо пришелъ, повидался, такъ и такъ, молъ... Тятенька, молъ, вѣрно узналъ,—стороной, молъ,—что мѣсто очищается, и просилъ передать вамъ... не угодно ли воспользоваться оказіей... А предлогъ тебѣ самый прямой: женихъ тебѣ знакомъ и на квартирѣ у тебя бывалъ; его и спроси прежде всего, какъ придешь въ ихній домъ. Они и всѣ-то, кажется, ничего... добрые какъ будто.

II.

Пять часовъ утра. Солнце не спѣша взбирается на высоту небосклона и пронизываетъ своими лучами застилающія его тонкія облака. Слабый прохладный вѣтерокъ слегка цѣпляется за верхушки деревъ и соломенныя крыши избъ. Звонятъ къ утрени.

И звонъ смиряющій
Всѣмъ въ душу просится,
Окрестъ сзывающій
Въ поляхъ разносится.

Отецъ Арсеній, совсѣмъ уже собравшійся въ церковь, разбудилъ Петрушу, спавшаго на сѣновалѣ, и вкратцѣ повторилъ ему вчерашнія соображенія и наставленія. Тѣ же наставленія пришлось выслушать Петрушѣ и отъ матери, которая, сверхъ того, посовѣтовала ему на дорогу надѣть парусинный пиджакъ, а

сюртукъ завязать въ платокъ и нести подъ мышкой. Выпивши двѣ кружки холодной воды и вооружившись суковатой палкой, Петруша, въ качествѣ свата, побрелъ въ Лаптево. За селомъ ему то-и-дѣло встрѣчались группы прихожанъ, идущихъ и ѣдущихъ къ утрени. Всѣ они низко кланялись ему и адресовали ему привѣтствія.

— Здорово, Пётра!—произносили одни.

— Здравствуй, Арсеничъ! Далеча-ли поднялся?—произносили другіе.—А что же Богу молиться? Не хотца, видно? А? Ха-ха-ха...

Вотъ прошелъ Петруша «ельникъ и песокъ», и передъ нимъ за березками большой дороги обрисовалась квартира станового пристава. Поровнявшись съ нею, Петруша былъ удивленъ неожиданною встрѣчею. Крупный молодой человѣкъ, съ непокрытой головой, съ взъерошенными волосами, быстро соскочилъ съ «станововскаго» крыльца и широкими, проворными шагами приблизился къ Петрушѣ.

Это былъ писарь станового, товарищъ нашего свата, годъ тому назадъ исключенный изъ семинаріи.

Вижу я въ котомкѣ книжку:
Такъ учиться ты идешь?

—выпалилъ онъ, указывая на узелокъ Петруши.

— Вовсе не учиться,—отозвался Петруша, остановившись и подавая недавнему коллегѣ руку.

— А куда же ты, ангелъ мой, стремишься?

— Чуть не жениться.

— Ну, полно! Да вѣдь ты еще... Нѣтъ, вправду?

Петруша, осторожно умолчавъ о подробностяхъ, въ урѣзанномъ видѣ изложилъ цѣль своего путешествія.

— Вотъ что! Ахъ, чортъ побери, вѣдь это и меня касается!—воскликнулъ писарь, сильно ероша себѣ волосы. Вѣдь я съ Андреемъ-то Андреевичемъ вмѣстѣ квартировалъ и многое на гитарѣ у него перенялъ. Славный малый, весельчакъ! Скажи ему, что если дѣло пойдетъ на ладъ,—я его непремѣнный шаферъ. Пусть и лошадей не присылаетъ, — прилечу самостоятельно, а то пѣшкомъ привалю, только бы навѣрное знать, когда свадьба... Это, братецъ ты мой, *любопытная* штучка... Да что мы здѣсь на дорогѣ-то стоимъ? Зайдемъ ко мнѣ.

— Не могу... некогда... спѣшу.

— Да ну, зайдемъ, хоть на минутку! Вѣдь у насъ никого нѣтъ, я одинъ хозяйствую.

— Нѣтъ, ни за что... До свиданія.

— Хоть покурить...

— Не курю.

— Э, гороховый!.. Ну, я хоть провожу тебя маленько.

— Сдѣлай милость.

Писарь обхватилъ Петрушу за талію и оба пріятели двинулись по пыльной дорогѣ.

— Ну, какъ ты поживаешь?—спросилъ Петруша.

— Вообще здорово. Жизнь привольная, не то что въ семинаріи. Пишу по-маленьку, ѣзжу съ становымъ на тройкѣ производить дѣла. Эхъ, если бы ты зналъ, что̀ это за парень нашъ становой!.. Прелесть! *люботá!* Со мной все равно какъ съ братомъ. Недавно вотъ какой былъ случай... Поймали меня мужики ночью въ овинѣ... Ну, тамъ... я... Вообще чепуха... Сейчасъ меня, раба Божія, подъ руки. Подняли гвалтъ: «къ становому его, къ становому!» Волокутъ. Я примолкъ и не сопротивляюсь, радъ, что не бьютъ по крайней мѣрѣ... А могли, конечно, и избить: вѣдь дѣло было въ потьмахъ, и они не знаютъ, кого поймали... Ладно. Вломились, наконецъ, къ становому въ сѣни, орутъ: «Николай Николаичъ, негодника къ тебѣ привели; хорошенько его!» Становой вышелъ въ сѣни со свѣчей, глядь, а это я! Чортъ знаетъ что! Скандалъ, братецъ ты мой! Тутъ мужики выпустили меня изъ рукъ и смотрятъ на меня. Куда и храбрость ихъ дѣвалась: примолкли и жмутся къ стѣнѣ. Только одинъ смѣльчакъ нашелся: что̀ же это такое, говоритъ, ваше благородіе? Вѣдь этакъ-то, говоритъ, все-таки нельзя... Становой спрашиваетъ: что̀ такое? Мужики разсказали, въ чемъ дѣло.—Ладно, говоритъ становой: пошли вонъ, я съ нимъ расправлюсь. Мужики ушли, а онъ завелъ меня въ кабинетъ и чуть не лопнулъ со смѣху. Похохотали мы съ нимъ,—тѣмъ дѣло и кончилось. Душа-человѣкъ,—одно слово!.. А самъ-то какія штуки выдѣлываетъ! Жена у него чахоточная, злая, надоѣла ему страсть! Разъ онъ и говоритъ: ты бы говоритъ, душенька, поѣхала къ тётѣ (это верстъ за 50); тебѣ прокатиться полезно; тамъ, говоритъ, погостишь себѣ, а не хочешь — завтра же пріѣдешь. Та собралась, поѣхала. Только, какими-то судьбами, его Ѳеничка и возвратись ночью. Входитъ въ спальню, а тамъ... Господи, что̀ тутъ было, что̀ только было!! Я даже со двора сбѣжалъ. Вообще очень любопытно... Жизнь, братъ, столько представляетъ...

Въ это время ораторъ закурилъ папироску и — забылъ досказать, что̀ именно представляетъ жизнь.

— А съ мужиками онъ чисто по военному,—снова началъ писарь, пустивъ тонкую струю дыма.—О прошлой пасхѣ пришли

мужики похристосоваться съ нимъ. Народъ все чиновный, солидный: старосты съ медалями, десятскіе... Становой выходитъ къ нимъ.—«Христосъ воскресе, ваше благородіе!» А онъ—бацъ по рылу одного! бацъ другого! бацъ третьяго! Дуетъ ихъ, да приговариваетъ: «во-истину воскресе! во-истину воскресе!» А у одного старосты вотъ этакой клокъ изъ бороды вырвалъ... Мужики говорятъ: «За что же вы насъ, ваше благородіе, ради такихъ дней?»...—А вы, говоритъ, починили дорогу между Шушуевкой и Драчовкой? Если, говоритъ, вы у меня не почините ее завтра же, всѣхъ васъ, бездѣльниковъ, въ грязь втопчу!.. Пошли вонъ!» Тѣ поклонились, да и пошли... Такъ-то, братецъ ты мой!.. Однако довольно; ступай теперь одинъ. До свиданія. Кланяйся Андрею Андреевичу. Шаферъ, молъ, уже есть,—такъ и скажи. Пусть только поскорѣй концы съ концами сводитъ.

Около двѣнадцати часовъ, солнце сильно припекаетъ. Воздухъ не колыхнется. Петруша, смоченный потомъ и покрытый пылью, тяжело дыша, приближался къ Лаптеву. Усѣвшись подъ плетнемъ, онъ снялъ свой пиджакъ, досталъ изъ узелка сюртукъ, надѣлъ его и тщательно отерши съ лица носовымъ платкомъ потъ, разбитымъ шагомъ двинулся отыскивать жилище жениха. На заваленкѣ одной крестьянской избушки нѣсколько ребятишекъ склеивали змѣй.

— Гдѣ тутъ домъ священника?—обратился Петруша къ ребятишкамъ.

— Поповъ-то?—переспросило нѣсколько ребятишекъ въ одинъ голосъ.

— Да.

— А вонъ крайній-то,—гдѣ человѣкъ-то сидитъ на крыльцѣ. Это самъ попъ...

Черезъ нѣсколько минутъ Петруша добрался, наконецъ, до попа. Попъ сидѣлъ на лавкѣ въ одной рубахѣ, безъ шапки, и, склонивъ голову на бокъ, не то сонливо, не то задумчиво глядѣлъ въ пространство. Его голый, неуклюжій черепъ, короткій тупой носъ, какая-то волнистая нечесаная борода напомнили Петрушѣ бюстъ Сократа, виданный имъ въ квартирѣ учителя педагогики. Какъ будто лѣпитель укралъ въ Лаптевѣ этотъ православный типъ для языческаго философа. Въ одной рукѣ Сократъ держалъ берестовую табакерку; на колѣняхъ у него лежалъ коричневый платокъ, на поверхности котораго мѣстами проглядывалъ его первобытный зеленый фонъ.

— Здравствуйте, батюшка!—несмѣло проговорилъ Петруша, взойдя на первую ступеньку высокаго крыльца, и снялъ фуражку.

— Что тебѣ? — спросилъ отецъ Андрей, вскинувъ черные глаза на гостя, и заморгалъ такъ, какъ будто кто замахнулся на него палкой.

— Андрей Андреичъ дома?

— Нѣтъ, нѣту.

— Гдѣ же онъ?

— Ушелъ въ губернію. Тамъ ему есть дѣло... одно... важное... Нѣту, нѣту Андрея Андреича, нѣту! — скороговоркой проговорилъ отецъ Андрей, уже не глядя на пришельца и замѣтно стараясь поскорѣе отдѣлаться отъ него.

Въ это время изъ-за угла выскочила огромная черная собака и бросилась на Петрушу. Петруша прижался къ колонкѣ крыльца и избралъ свои усталыя ноги средствомъ къ оборонѣ. Отецъ Андрей, съ табакеркой въ одной рукѣ и съ платкомъ въ другой, вскочилъ съ лавки, и, неистово топоча ногами и размахивая руками, закричалъ:

— Фиделька, цыцъ! Прочь пошла! Вотъ я тебя, анаѳему!

Фиделька, сердито рыча, послушно юркнула подъ крыльцо. Одно изъ оконъ въ домѣ отворилось, и изъ него выглянула женская голова. Петруша ухватился-было за фуражку, чтобы раскланяться, но голова тотчасъ скрылась, и окно захлопнулось.

— Да... ушелъ, ушелъ нашъ Андрей Андреичъ, ушелъ, — проговорилъ Сократъ, усѣвшись на свое мѣсто и испустивъ глубокій, протяжный вздохъ.

— А скоро онъ возвратится? — полюбопытствовалъ Петруша, взойдя на вторую ступень крыльца.

— Неизвѣстно, — отвѣтилъ Сократъ, медленно раскрывая табакерку.

— Можетъ быть, онъ мѣсто пошелъ искать? — допытывался гость.

— Можетъ быть, и мѣсто... неохотно проговорилъ батюшка, поднося щепоть табаку къ носу.

— Такъ я вотъ тоже насчетъ мѣста пришелъ... нарочито для этого...

При этихъ словахъ Петруши отецъ Андрей, неимовѣрно сморщившись, начинивалъ уже другую ноздрю и потому не могъ ничего сказать съ-разу, а только искоса взглянулъ на Петрушу прищуренными глазами.

— Какого мѣста? — спросилъ онъ, наконецъ, крякнувъ и стряхнувъ съ пальцевъ табачную пыль. Морщины, образовавшіяся на его физіономіи во время процесса нюханья, быстро исчезли и прищуренные глаза раскрылись во всю ширину.

— Мѣсто для Андрея Андреича, — пояснилъ Петруша: — въ одномъ селѣ открылось, и пріискиваютъ теперь жениха, — добавилъ онъ.

— Да ты кто? — рѣшился наконецъ спросить отецъ Андрей.

— Горшковскаго отца Арсенія сынъ, воспитанникъ семинаріи, изъ богословскаго класса, — отрапортовалъ Петруша.

— А-а, вотъ что-о! — протянулъ отецъ Андрей: — знаю, знаю отца Арсенія. Да что же *вы* стоите? Пожалуйте сюда, пожалуйте! — торопливо проговорилъ онъ, пошлепывая по лавкѣ широкою ладонью.

Петруша, наконецъ, вознесся на высоту священнаго крыльца.

— Ну, здравствуйте! — произнесъ батюшка, протягивая гостю руку. Какъ васъ?.. что — Арсеньичъ, это я знаю, — а какъ ваше имя-то?

— Петръ, — отвѣтилъ гость, ставя палку въ уголъ.

— Петръ Арсеньичъ... хорошо! Прекрасно! Пожалуйте-ка, пожалуйте! — повторилъ отецъ Андрей, снова пошлепывая по лавкѣ ладонью. — Такъ какое же это мѣсто? А? — спросилъ отецъ Андрей, повысивъ голосъ на послѣднихъ словахъ. При этомъ въ его голосѣ, физіономіи, жестахъ выразилось нѣкоторое нетерпѣніе и чаяніе удачной комбинаціи.

Петруша обстоятельно разсказалъ о мѣстечкѣ, впрочемъ, — не превышая своего посланническаго полномочія, и ни на іоту не нарушая родительскихъ инструкцій.

Во время разсказа отецъ Андрей указательнымъ пальцемъ правой руки повертывалъ свою табакерку между большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой, и, изрѣдка кивая головой, произносилъ: «гм! гм! гм!»

— Ну, а домъ у нихъ хорошъ? — спросилъ отецъ Андрей, дождавшись конца разсказа. — Вы меня извините: вѣдь нужно же все это знать... для вѣрности.

— Да, домъ большой, удобный.

— Крыша тесовая?

— Нѣтъ, соломенная, только знаете... этакъ... сдѣлано подъ щетку. Ничего себѣ, очень красиво.

— Гм!... Ну, и невѣста какъ слѣдуетъ?.. Вы меня извините, право... Конечно, ваше дѣло еще... Но мнѣ, какъ отцу, все-таки... на всякой случай...

— Хвалятъ... говорятъ, — славная такая.

— Да-а, — протянулъ отецъ Андрей, и задумался... Андрюши-то вотъ нѣтъ; этакая невадача, право... — проговорилъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. Такъ вы говорите, поспѣшить надо!

— Да, тятенька говоритъ, поскорѣе...

— Съѣздимъ, съѣздимъ; только вотъ Андрюшу дождаться.

Въ сѣняхъ хлопнула дверь, заскрипѣли шаткія доски пола, и на крыльцѣ появилась высокая, стройная, смуглая женщина, лѣтъ 45, съ продолговатою, выразительною физіономіею, съ длиннымъ носомъ и большими черными глазами. Голова и плечи ея, несмотря на страшную жару, покрыты были большою сѣрою шалью.

Петруша, догадавшись, что это матушка, всталъ и молча поклонился.

— Это вотъ сынъ горшковскаго отца Арсенія, богословъ,—доложилъ отецъ Андрей, указавъ на Петрушу табакеркой:—охлопатываетъ мѣстечко нашему Андрюшѣ. Да... Мы ужъ тутъ переговорили.

— Гм-гм...—произнесла матушка, взглянувъ на гостя твердымъ, пытливымъ взглядомъ...—Да что же это ты, попъ, гостя-то держишь на крыльцѣ? Ты бы въ горницу его просилъ... Ахъ ты хозяинъ, хозяинъ!...

Матушка съ упрекомъ взглянула на супруга и покачала головой.

— Да! что же это мы въ самомъ дѣлѣ?—спохватился батюшка.—Пожалуйте-ка въ горницу, пожалуйте, пожалуйте!—засуетился онъ, топчась на одномъ мѣстѣ и перекладывая табакерку съ платкомъ изъ одной руки въ другую.—А мы, знаете, этакъ... пообѣдали, я и говорю: пойти, молъ,—посидѣть на крыльцѣ... Пожалуйте!...

Хозяева пошли впередъ, гость поплелся за ними.

III.

Войдя въ переднюю, матушка пригласительно указала гостю рукой въ залу и, слегка дернувъ «попа» за рукавъ, откачнулась съ нимъ въ дверь направо. Хозяева довольно долго не показывались. Изъ-за переборки до слуха Петруши доносился неясный говоръ: батюшка съ матушкой то вполголоса, то сильнымъ, шипящимъ шопотомъ о чемъ-то бесѣдовали.

Пока хозяева шушукались и возились за переборкой, Петруша занялся разсматриваньемъ ихъ залы (гостиной тожъ). Въ переднемъ «святомъ» углу помѣщалось нѣсколько иконъ большихъ и маленькихъ, въ кіотахъ и безъ оныхъ. Стѣны были простыя, бревенчатыя, съ висѣвшими по мѣстамъ клоками пакли. Въ одномъ

изъ простѣнковъ залы висѣли часы, съ огромнымъ циферблатомъ и съ чугунными гирями на веревочкахъ. На переборкѣ, отдѣляющей залу отъ передней, помѣщалась гитара съ вытертымъ пальцами грифомъ и съ порванной квинтой. Изъ-за маленькаго, съ раскрашенными рамками, зеркала выглядывалъ край «Руководства для сельскихъ пастырей». Подъ зеркаломъ висѣлъ портретъ Александра I-го; за нижнюю часть рамки этого портрета заткнуто было нѣсколько пожелтѣвшихъ фотографическихъ карточекъ, изображавшихъ неизвѣстныхъ Петрушѣ личностей. Но самое главное украшеніе залы составляли два небольшихъ портрета, писанныхъ масляными красками и помѣщенныхъ надъ низенькою дверью, ведущею изъ залы въ—должно быть въ спальню. Одинъ изъ этихъ портретовъ изображалъ хозяина «среди самыхъ юныхъ лѣтъ», впрочемъ уже облеченнаго въ рясу. Изображая сію персону, художникъ, кажется, придерживался византійской манеры иконописанія, потому что отецъ Андрей изображенъ сухощавымъ, съ острыми, суровыми очертаніями физіономіи и съ сѣроватымъ цвѣтомъ волосъ. (Во время óно черепъ его, судя по портрету, былъ покрытъ приличною растительностію). Матушку Сидоровну изографъ, напротивъ, изобразилъ à la Рубенсъ: плечи широкія, круглыя, щеки полныя, румяныя, выраженіе глазъ вызывающее и вмѣстѣ манящее. Насколько эти портреты соотвѣтствовали дѣйствительности, этого не знали ни ихъ живые оригиналы, ни мудрый изографъ; вѣдалъ про то одинъ Господь Богъ.

Наконецъ послѣдовалъ торжественный выходъ хозяевъ. Впереди шелъ батюшка, успѣвшій уже облачиться въ нанковый, безъ подкладки, подрясникъ. Но, Боже мой, какъ смятъ былъ этотъ подрясникъ! Можно было подумать, что дней пять его жевали коровы, и потомъ, отнятый у нихъ и высушенный на печи, онъ попалъ на плечи іерея. Вслѣдствіе своей смятости, онъ былъ такъ коротокъ, что едва спускался ниже колѣнъ отца Андрея, и обнаруживалъ границы голенищей съ сосѣднею территоріею. За отцомъ Андреемъ двигалась матушка; прикрывавшая ея голову шаль была спущена уже на плечи, причемъ черныя густыя косы ея, змѣею свернутыя на макушкѣ, блестѣли, какъ вороново-крыло.

— Ну вотъ, я и товó... обрàзился немножко,—проговорилъ отецъ Андрей, остановясь среди залы и тщетно стараясь застегнуть подрясникъ. Отъ предполагаемыхъ имъ пуговицъ остался едва замѣтный слѣдъ. Убѣдившись въ этомъ, отецъ Андрей наконецъ плюнулъ.

— Ужъ эти мнѣ пуговицы! Хоть не пришивай: то и дѣло рвутся.

— Отъ неаккуратности,—пояснила матушка, разставляя ломберный столъ.

— Отъ твоей,—отозвался батюшка, все еще продолжая стоять посреди залы и похватывать себя за бортъ подрясника.—Другая бы мужа-то всячески... а она... тово...

— Полно тебѣ хвалиться неряшествомъ-то,—сказала матушка:—займи гостя-то.

Батюшка нѣсколько разъ кашлянулъ, понюхалъ табаку и помѣстился на стулѣ подлѣ гостя.

— Такъ-то, батюшка!—началъ онъ:—ка̀къ бишь васъ?

— Петръ Арсеньичъ.

— Да, такъ-то батюшка, Петръ Арсеньичъ...

Гость не зналъ, что отвѣчать.

Отецъ Андрей нагнулся, сложилъ руки между колѣнъ и продолжалъ:

— Жизнь прожить—не поле перейти. Жизнь... э-э... Жизнь это, я вамъ скажу, не то, что...

Петруша испустилъ глубокій вздохъ и молча повернулся на стулѣ. Между тѣмъ батюшка философствовалъ:

— Одинъ живетъ та́къ (при этомъ Сократъ значительно кивнулъ головою), другой—иначе (Сократъ кивнулъ еще значительнѣе). Кому ка̀къ... Всякъ свое... и всякъ по-своему. Такъ-то, батюшка... Петръ Арсеньичъ...

Петруша, раскраснѣвшійся отъ усилія сказать что-нибудь подходящее, тоскливо водилъ глазами по стѣнамъ. Наконецъ, глаза его остановились на торчащемъ изъ-за зеркала «Руководствѣ для сельскихъ пастырей».

— Вы получаете духовные журналы?—спросилъ Петруша, чтобы только развязать языкъ.

— Это «Руководство-то?»—спросилъ въ свою очередь батюшка,—взглянувъ на зеркало. Получаю,—проговорилъ онъ съ недовольствомъ и сдѣлалъ пренебрежительный жестъ.—Велѣно... ничего не сдѣлаешь. Деньги тратятся, а когда намъ читать? То—то́, то—другое, то—третье. Что̀ поважнѣе, и того не успѣешь сдѣлать. Вотъ ваше дѣло—иное. Знай себѣ книгу и больше ничего. Да и вамъ-то нужно соблюдать... какъ бы сказать... разборчивость. Вѣдь можно начитаться бо̀знать чего. Читаешь, думаешь—хорошо, а тамъ глядишь—зловредность, пагуба. Не знаю, какъ вы... а другіе семинаристы съ нехорошимъ душкомъ. Я вотъ знаю двухъ-трехъ Андрюшиныхъ товарищей. Что̀ же вы

думаете? Я съ ними безъ возмущенія говорить не могъ. Совсѣмъ забыли свое званіе. И оскоромиться, по-ихнему, не грѣхъ, и пѣсни пѣть подъ праздникъ не грѣхъ, и жениться безъ благословенія родителей не грѣхъ. Чтó за диковина такая? Какъ будто вовсе откачнулись отъ матери своей, святой церкви! Быть не можетъ, чтобы ихъ учили этому наставники; это непремѣнно отъ вѣтренныхъ книгъ. Я имъ всегда говорилъ и даже вамъ вотъ теперь скажу,—хотя вы, можетъ быть и не товó... а все-таки скажу:—за этакія разсужденія, да за этакое чтеніе не только насъ, духовныхъ, а кого хочешь проберутъ, какъ узнаютъ. Не помню, отъ кого-то я слышалъ одну исторію, назидательную исторію. Давно ужъ это было. Одна княжна... не то графиня... даже баронесса, кажется...

— Болтай тамъ еще пустяки-то!—вставила матушка, уже сидя за столомъ передъ самоваромъ и разставляя чашки.

— Чего болтай! Своими ушами слышалъ. И чтó тутъ мудренаго? Императоръ Петръ-Великій, говорятъ, самъ палкой такого-то дурака отколотилъ, даромъ, что тотъ былъ вельможа. Какъ же иначе-то? Чтó это за народъ, который вольнодумствуетъ! Да будь я теперь начальство, да я бы всѣхъ такихъ вилами навозными запоролъ!

Отецъ Андрей хлопнулъ рукой о табакерку и вскочилъ со стула.

— Вольнодумецъ ни Богу, ни людямъ,—продолжалъ батюшка, ходя по залѣ;—а коли ты ни Богу, ни людямъ, куда же ты годишься? На чтó ты мнѣ нуженъ?

При послѣднихъ словахъ хозяинъ развелъ руками и остановился передъ гостемъ. Петруша всталъ, и, заложивъ руки за спину, выстроился передъ Сократомъ, обратившимся въ Демосѳена.

— Такъ-то Петръ Арсеньичъ,—заключилъ батюшка:—это ужъ вѣрно, будь только я начальство...

— Будетъ тебѣ,—прервала матушка,—пока еще не начальство. Идите-ка чай пить.

— Чай-то чай... Пожалуйте, Петръ Арсеньичъ... А по-моему—именно такъ! Какъ же иначе-то?

Усѣлись. Матушка пододвинула Петрушѣ стаканъ и желтую сахарницу, изображающую изъ себя утку,—а батюшка изъяснялъ:

— Вотъ Андрей мой... Онъ всего этого чуждъ. Правда, онъ хоть болтливъ, но болтаетъ шутки ради, чтобы повеселить человѣка. А чтобы отзываться о чемъ-нибудь—никогда... никогда! Кончилъ курсъ благополучно, никто его не замаралъ. Учителемъ здѣсь былъ — опять безъ всякаго пятна; всѣ имъ довольны, всѣ

его любятъ. Вотъ, Богъ дастъ, удостоится благодати священства и—и заживетъ себѣ припѣваючи. Дай Богъ также и вамъ, да и всякому дай Богъ... Я какъ самъ Богомъ благословенъ въ своей жизни, такъ желаю и всякому, особенно своимъ... Вы водочки выкушаете?—вдругъ предложилъ батюшка Петрушѣ.

— Нѣтъ, я не пью.

— А винца?

— И вина не пью.

— Вотъ ка́къ! Это похвально. Только какъ же это? Чѣмъ же васъ еще угостить-то... Подумаешь, сколько перемѣнъ происходитъ съ теченіемъ времени,—началъ снова батюшка.—Въ наше время, я помню, меньше было воздержанія у семинаристовъ: иные, бывало, такъ накутятся, что и полиція ни по чемъ; полицію не разъ разбивали. Ей-богу. А чтобы кто совсѣмъ ничего не пилъ, такихъ, кажется, совсѣмъ не было.

— Ну вотъ, батюшка,—а вы не хвалите нынѣшнихъ семинаристовъ..,—скромно возразилъ Петруша.

— За это-то я хвалю, а вотъ только бойкость въ нихъ мнѣ не нравится. Да и тó сказать: пить пей, только дѣло разумѣй. Бывало и пили, а свое творили: учились, кончали курсъ, получали мѣста, да еще какими людьми-то дѣлались!.. А это я та́къ вообще сказалъ, что во всемъ замѣтна нынче перемѣна противъ прежняго, не то что касательно семинаристовъ однихъ. Теперь чтó ни возьмите, все не то, что въ наше время. Да... Ну вотъ... чтó бы это такое взять?.. Вотъ хоть конвертъ для письма. Бывало, его ножницами вырѣзаешь изъ толстой бумаги, зачастую и нитками зашиваешь письмо-то, а теперь ужъ готовые пошли вездѣ, не на одной только почтѣ. Послюнилъ—и готово. Конечно, не все новое хорошо и не все старое плохо,—вотъ чтó нужно взять во вниманіе.

Напившись чаю, Петруша поблагодарилъ за угощеніе и началъ прощаться.

— Ну, дай Богъ часъ, — торжественно проговорилъ отецъ Андрей, благословляя Петрушу большимъ крестомъ. — Спасибо, что пожаловали съ доброй вѣсточкой. И Андрюшка будетъ очень благодаренъ. Хорошо, если бы Господь устроилъ его по вашему указанію... А вамъ дай Богъ кончить курсъ въ добромъ здоровьѣ. Попадется хорошая невѣста, долгомъ сочтемъ отрекомендовать вамъ.

— Въ случаѣ, если дѣло сойдется, милости просимъ на свадьбу,—проговорила матушка, провожая гостя съ крыльца...—Попъ, проводи отъ собаки... Такъ и папашѣ съ мамашей пере-

дайте, чтобъ непремѣнно пожаловали. Тамъ что будетъ—не будетъ съ невѣстиной стороны, а мы покорнѣйше просимъ. Конечно, это еще не скоро, а все-таки... Прощайте.

Было уже темно, когда Петруша, усталый и голодный, едва передвигая ноги, всходилъ на родное крыльцо.

IV.

Въ домѣ дяди протоіерейской дочери скоро узнали о результатахъ чрезвычайнаго путешествія Петруши въ Лаптево. Отецъ Арсеній при первой же оказіи обязательно сообщилъ объ этомъ длиннымъ обстоятельнымъ письмомъ. Извѣстіе объ открытіи жениха подѣйствовало на невѣсту совсѣмъ иначе, чѣмъ на ея опекуновъ. Дядя ея, высокій, плечистый, рябой блондинъ, какъ-то просіялъ и ожилъ: онъ замѣтно сталъ ласковѣе къ женѣ, чаще и продолжительнѣе бесѣдовалъ съ нею на-единѣ; даже движенія и жесты его сдѣлались быстрѣе и рѣшительнѣе. На физіономіи высокой, поджарой, сутуловатой супруги его заиграла небывалая улыбка, и хозяйственная дѣятельность ея приняла отпечатокъ суетливости. Что же касается Лёнушки (какъ звалъ невѣсту покойный отецъ ея), то она, получивъ извѣстіе о пріисканіи ей жениха, стала особенно задумчива и молчалива. Ею овладѣлъ безотчетный страхъ, какъ будто она ждала бѣды на свою голову. Ея отношенія къ дядѣ и тёткѣ значительно измѣнились: она даже стала избѣгать съ ними встрѣчи и разговора, особенно послѣ одной лаконической бесѣды съ нею дяди. Разъ найдя ее одну на крыльцѣ, дядя подсѣлъ къ ней и съ серьёзнымъ видомъ, скороговоркой, проговорилъ:—«вотъ, того и гляди—женихъ пріѣдетъ; не осрами себя, старайся всячески понравиться ему. Человѣкъ хорошій, священниковъ сынъ; не будь разборчива, иначе—живи какъ хочешь и гдѣ хочешь». Лёнушку точно что-нибудь въ сердце кольнуло; она промолчала и невольно отвернулась отъ дяди. Слова его показались ей почему-то страшными... Но избѣгая *своихъ*, Лёнушка въ то же время чувствовала въ себѣ непреодолимую потребность съ кѣмъ-либо побесѣдовать по душѣ. Подругъ у нея въ селѣ не было. Съ младшею сестрою о великомъ вопросѣ жизни говорить ей казалось неудобнымъ. Въ состояніи мучительнаго затаеннаго томленія она рѣшилась высказаться передъ одной доброй старушкой, просвирней и сосѣдкой, Анною Ивановною. Однажды, часовъ въ шесть утра, Лёнушка умывалась у себя въ кухнѣ, обмотавъ вокругъ шеи полотенце, на

подобіе шарфа. Блестящіе каштановые волосы ея безпорядочными прядями разсыпались по плечамъ. Дядя ея въ это время служилъ по комъ-то заупокойную обѣдню. Тётка еще спала.

— Чтó, матушка встала? — спросилъ вдругъ знакомый голосъ женщины, просунувшей голову въ слегка отворенную дверь.

— Нѣтъ еще,—отвѣтила Лёнушка, плеская холодную, ключевую воду на свои заспанные. глаза.—Войди, Анна Ивановна, войди,—проговорила дѣвушка, продолжая умываться.—Она теперь скоро встанетъ.

Вошла просвирня, помолилась Богу и ласково произнесла:

— Здравствуйте, милая! Чтó это вы съ сѣрымъ мыломъ умываетесь-то? Вамъ вѣдь кáкъ теперь нужно холиться-то! Купить бы мыльца-то душистаго, да разъ бы по пяти въ день умываться!

— Ну, еще тамъ чтó! — отвѣтила Лёнушка, повертываясь лицомъ къ гостьѣ и разматывая съ шеи полотенце. — Мыломъ вѣдь ничего къ своему лицу не прибавишь, да и не зачѣмъ.

— И, чтó вы это, моя милая!—съ нѣкоторымъ удивленіемъ проговорила Анна Ивановна, широко раскрывъ глаза.—Вы теперь стойте на такой линіи... Безпремѣнно должны наблюдать вокругъ себя чистоту и благородство. Оно хоть правда, что счастье счастьемъ и-и-и...; а и этимъ много берутъ и благополучія достигаютъ. Иная даже и вовсе ни туда, ни сюда, а мыльцемъ да душками такъ себя подправитъ, что—вонъ какіе молодцы цѣпляются!..

— Я такъ думаю, что если захочетъ Господь устроить, такъ устроитъ, а не захочетъ—ничего не сдѣлаешь.

При этомъ Лёнушка, вытерши послѣдній палецъ, энергически перекинула полотенце черезъ плечо.

— Теперь-то ужъ, положимъ, устроитъ,— съ увѣренностію замѣтила Анна Ивановна.—Дѣло-то ужъ въ видáхъ.

— Кто его знаетъ, все можетъ быть, — задумчиво проговорила невѣста, садясь на лавку.

— А вы бы, милая, погадали для спокойствія,—посовѣтовала просвирня. — Отъ Бога этотъ гадатель или нѣтъ, Богъ его знаетъ,—только вѣдь какъ иной разъ вѣрно говоритъ:—какъ обрѣжетъ! На моей родинѣ было у священника двѣ дочери и такія обѣ дурныя! Одна конопатая, а у другой нижняя губа вотъ этакъ оттопырилась, глаза и слезятся, и гноятся, притомъ же еще и гундосая. Но онѣ мной-таки не брезгали, хоть я была и дьячкова дочь: бывало и ко мнѣ придутъ, и меня къ себѣ позовутъ, особливо когда отца дома нѣтъ. Вотъ разъ объ Рождествѣ уѣхали наши отцы въ приходъ, мы и собрались у нихъ

въ горницѣ. Накупили это онѣ подсолнуховъ... Давай, говорятъ, Анюта, о женихахъ гадать. Достали гадатель. Конопатая и загадай: «кому я нравлюсь?» И вышло по гадателю: «слѣпымъ». Ну, вѣстимое дѣло, подняли смѣхъ. Потомъ загадала гундосая: «какой у меня будетъ женихъ?» Вышло: «рябъ, какъ кукушка, но добръ». Опять смѣхъ. Подъ конецъ мнѣ загадали насчетъ жениха. Обо мнѣ прямо сказано: «сиди лучше въ дѣвкахъ». Ей-богу, такъ и сказано: «сиди лучше въ дѣвкахъ». И что же вы думаете? Все какъ есть вышло правда. Конопатая вышла за подслѣповатаго приказнаго, гундосая за рабого, а я... вѣстимое дѣло, лучше бы совсѣмъ не выходить, чѣмъ въ ту-жъ пору овдовѣть... Вотъ и вы, матушка, кинули бы себѣ на пробу на гадатель: что выйдетъ? Можетъ, онъ и покажетъ вамъ что-нибудь подходящее къ вашей жизни. Я сама вамъ, пожалуй, загадаю.

— О, Боже сохрани, ни за что! — живо проговорила Лёнушка, отрицательно качая головой.—Выйдетъ что-нибудь пустое, а ты все будешь думать. Нѣтъ, нѣтъ!

Лёнушка вздохнула и, наклонивъ голову, въ задумчивости начала комкать въ рукахъ конецъ полотенца.

— Господи, если бы живъ былъ папаша! — съ чувствомъ проговорила она, поднявъ голову. — Тогда было бы не то, совсѣмъ не то. Какъ онъ меня любилъ! Какъ онъ желалъ сдѣлать меня счастливою! Что же я вижу теперь? Вижу только одно желаніе дяди поскорѣе отдѣлаться отъ меня. И тетушка туда же... Господи, Господи!.. Пусть будетъ, что будетъ. Надѣюсь, что Господь меня не оставитъ.

— И-и, ягодка, что это вы ужъ больно сумнѣваетесь? Будете вы за священникомъ, — это ужъ вѣрно,—развѣ это плохо? Иная бы... О, Господи, да доведись это до меня... Я бы прыгала съ радости, не токмо что. Да что это вы въ самомъ дѣлѣ?..

Въ это время отворилась дверь въ кухню и вошла матушка. Лёнушка поднялась съ лавки и проворно ушла изъ кухни. Просвирня стала просить у «матушки» сита, потому что, куда она ни ходила, никакъ не могла и проч.

V.

Лёна — мы знаемъ — дочь каѳедральнаго протоіерея города Х., о. Якова Пурикордова. Яковъ Пурикордовъ былъ человѣкъ довольно оригинальный... Слабый здоровьемъ съ самаго дѣтства, онъ во весь длинный періодъ своего школьнаго воспитанія то-и-

дѣло обращался къ докторамъ за совѣтомъ и по цѣлымъ мѣсяцамъ вылеживалъ въ больницѣ. Подъ вліяніемъ болѣзненности, въ немъ развился мистическій взглядъ на міръ божій. Этотъ взглядъ окончательно утвердился въ немъ въ академіи, подъ вліяніемъ лекцій профессора психологіи, который читалъ студентамъ эту науку по вдохновенному поэту-философу Шуберту и такъ восхищалъ ихъ своими чтеніями, что они нерѣдко выносили его изъ аудиторіи на рукахъ. Кончивъ курсъ въ академіи со степенью кандидата, онъ рѣшилъ-было идти въ монахи, но, поступивъ на службу въ городъ Х., скоро увлекся дочерью одного изъ своихъ сослуживцевъ, миловидной, востроносенькой блондинкой, женился и принялъ священство. Страстно любимая имъ жена черезъ годъ подарила ему дочку—Лёнушку, свою копію, а черезъ три года другую, Машеньку, и — умерла. Выписанная изъ деревни для ухаживанія за дѣтьми дальняя родственница о. Якова, пожилая, неряшливая, плутоватая вдова, утвердилась въ его домѣ въ качествѣ полной хозяйки. Отецъ Яковъ довѣрчиво отдавалъ въ ея распоряженіе все свое жалованье и доходы, съ тѣмъ, чтобы она снабжала его пищей и въ нужныхъ случаяхъ одеждой и обувью. Самъ онъ ни во что не входилъ и отчета отъ своей родственницы-хозяйки ни въ чемъ не требовалъ. Вниманіе его было сосредоточено преимущественно на милой Лёнушкѣ, напоминавшей ему собою милую, рано оставившую его подругу жизни. Она постоянно была предметомъ его нѣжныхъ заботъ. Возвращаясь домой со службы, онъ каждый разъ нетерпѣливо спрашивалъ: что̀ Лёнушка? Сидя дома, онъ между дѣлъ забавлялъ Лёнушку и самъ забавлялся ею. Садился ли онъ за чай, или за обѣдъ,—она непремѣнно у него на колѣняхъ. Ночью, заслышавъ ея плачъ, онъ требовалъ ее къ себѣ: надѣвши худенькую рясу, служившую ему халатомъ, и туфли, возьметъ онъ, бывало, свою дочку на руки, прижметъ ее къ груди, прислонится щекой къ ея головкѣ, покрытой нѣжнымъ пушкомъ, и ходитъ по комнатѣ взадъ и впередъ, тихо напѣвая какую-либо церковную пѣснь. Ребенокъ уже замолчалъ, ребенокъ уже спитъ; даже и нянька его успѣла уже заснуть, а отецъ Яковъ, слегка шмыгая туфлями, все еще ходитъ по комнатѣ и все напѣваетъ. Слабо, какъ-бы въ дремотѣ, мигающая лампада бросаетъ свой таинственный полусвѣтъ на высокую, движущуюся фигуру отца Якова и служитъ безмолвной свидѣтельницей его, яркою свѣчею горящей, родительской любви... Лёнушка замѣняла ему всѣ удовольствія и развлеченія. Къ знакомымъ своимъ онъ ходилъ только въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ; точно также и его посѣ-

щали только въ день его имянинъ и на великіе праздники. Онъ выписывалъ нѣсколько духовныхъ журналовъ, читалъ и жестоко критиковалъ. Поля прочтенныхъ имъ книгъ были испещрены его рѣзкими замѣчаніями. Онъ на все смотрѣлъ своеобразно. Истинными философами онъ считалъ Филона и Шуберта; истиннымъ богословомъ Ѳому Кемпійскаго, истинными проповѣдниками — Ефрема Сирина и Тихона Задонскаго. Лучшіе изъ всѣхъ русскихъ писателей, по его мнѣнію, Карамзинъ и Жуковскій, потому что у нихъ много сердца. Въ докторовъ онъ потерялъ вѣру. Докторъ,—говаривалъ онъ,—это слѣпой съ дубиной: попадетъ въ болѣзнь—болѣзнь пришибетъ, попадетъ въ здоровье—здоровье убьетъ. Чувствуя себя постоянно больнымъ, онъ лечился медикаментами собственнаго изобрѣтенія. У него на чердакѣ висѣлъ возлѣ трубы цѣлый мѣшокъ различныхъ травъ, нарванныхъ имъ лѣтомъ въ лѣсу, въ поляхъ, въ лугахъ и садахъ. Изъ этихъ травъ онъ дѣлалъ разные настои, отвары, и этими настоями и отварами старался исцѣлять свои недуги.

Когда старшая дочка отца Якова нѣсколько подросла, онъ усердно занялся ея образованіемъ. Настольною книгою по педагогикѣ было у него сочиненіе: «О воспитаніи дѣтей въ духѣ вѣры и нравственности христіанской». Выучивъ Лёнушку читать и писать, онъ старался пріохотить ее къ чтенію книгъ. Каждый день онъ прочитывалъ и объяснялъ ей по главѣ или по двѣ изъ историческихъ книгъ ветхаго завѣта и изъ евангелія. Затѣмъ, онъ сталъ читать ей избранныя, по его усмотрѣнію, сочиненія Тихона Задонскаго, особенно занимательныя и поучительныя житія святыхъ, и, наконецъ, посвятилъ ее въ красоты карамзинской поэзіи и прозы. Кромѣ того, онъ объяснялъ ей, по своему крайнему разумѣнію, различныя явленія природы, а, придя изъ церкви, обыкновенно посвящалъ нѣсколько минутъ на объясненіе богослуженія и т. п. Лѣтомъ онъ бралъ ее въ свои фармацевтическія экспедиціи, бѣгалъ и игралъ съ ней, какъ дитя. Лёнушка всѣми силами души была привязана къ своему папашѣ: съ нетерпѣніемъ ждала его, когда онъ уходилъ изъ дому, и съ жадностью слушала каждый его разсказъ, каждое объясненіе. Головка ея пріучалась мало-по-малу мыслить и разсуждать, хотя и односторонне. Нерѣдко она дѣлала папашѣ разнаго рода возраженія, и онъ восторгался любознательностью и разсудительностью дитяти. Рѣшивъ ея вопросъ, онъ обыкновенно цѣловалъ ее въ голову и предрекалъ ей счастливую жизнь. Изъ Лёнушки слагалась какая-то дѣвочка-монашка: кроткая, наивная, нѣсколько созерцательная. Отецъ Яковъ такъ высоко цѣнилъ ее, что, пере-

бирая въ своей головѣ извѣстныхъ ему молодыхъ людей своей среды, не находилъ между ними никого, кто бы могъ быть достойнымъ женихомъ его Лёнушки. «Женихъ Лёнушки долженъ быть съ ангельской душой», иногда размышлялъ онъ, шагая въ сумеркахъ по комнатамъ.

Но не суждено было отцу Якову сосватать свою Лёнушку и довоспитать младшую сестру ея—Машу. Въ одинъ изъ ненастнѣйшихъ осеннихъ дней, онъ, несмотря на свою осторожность, крѣпко простудился, слегъ въ постель и чрезъ три дня отдалъ Богу душу.

— Лёнушка,—сказалъ отецъ Яковъ наканунѣ своей смерти:— я, должно-быть, умру скоро...

Лёнушка, присѣвъ на кровать къ больному, горько заплакала.

— Чего же ты? Это малодушіе... Не печалься,—тихимъ и прерывающимся голосомъ проговорилъ отецъ Яковъ.—Если останешься... такою, какъ ты... теперь, то и безъ меня... и безъ меня, милая, будешь... счастлива.

Больной пожелалъ благословить дѣтей.

— Будьте, дѣти, тихи и кротки,—проговорилъ онъ, осѣняя дочекъ иконою.

Затѣмъ, на минуту закрывъ глаза и помолчавъ, отецъ Яковъ обратился къ Лёнушкѣ:

— Возьми, Лёна, тамъ... на этажеркѣ книжку: «Сокровище духовное... отъ міра собираемое». Читай, дружокъ... читай почаще, и Машу пріучай.

На другой день, отецъ Яковъ уже лежалъ на столѣ и дьяконъ монотонно басилъ надъ нимъ: «Азъ есмь пастырь добрый» и проч. Лёнушка, въ наскоро сдѣланномъ траурѣ, стоя на колѣнахъ подлѣ гроба, со слезами молилась Богу.

Къ похоронамъ отца Якова пріѣхалъ изъ деревни братъ его, тотъ самый священникъ, у котораго, въ предыдущей главѣ, мы нашли Лёнушку. Послѣ похоронъ, долго и горячо онъ бранился за что-то съ старой няней и, забравъ кое-какую рухлядь, оставшуюся послѣ покойника, уѣхалъ вмѣстѣ съ 15-лѣтней Лёной и 12-лѣтней Машей въ деревню. Впослѣдствіи, изъ неоднократныхъ попрековъ дяди, Лёна узнала, что папаша ея, дорожившій «Сокровищемъ духовнымъ, отъ міра собираемымъ», не умѣлъ собрать отъ міра сокровища матеріальнаго, «потому что былъ простъ, не зналъ, какъ жить и вообще не понималъ выгоды своего положенія»...

Въ домѣ дяди, Лёнушку запрягли, какъ говорится, «во вся

тяжкая». Она сдѣлалась здѣсь—и нянькой, и горничной, и отчасти кухаркой. На каждомъ почти шагу ей пришлось выносить выговоры, брань, грубые упреки, тяжелыя оскорбленія.

— Ты, дѣвка, забудь, что ты протопопская дочь, не разъ гнѣвно восклицалъ дядя.—Если бы твой протопопъ-то денегъ намъ оставилъ на ваше содержаніе-то, тогда мы тебя, пожалуй, въ святой уголъ посадили бы, а коли голыхъ оставилъ на чужую шею, такъ ужъ тутъ нечего морщиться и барствовать: благо еще пріютъ дали добрые люди. Свои дѣти попеченія требуютъ, а тутъ еще чужихъ вѣтромъ нанесло.

Лёна на всѣ подобныя замѣчанія отвѣчала молчаніемъ и съ кроткою покорностью исполняла капризную волю строптивыхъ родственниковъ. Но и эта самая кротость, и эта самая покорность не спасали ее отъ нападеній дяди и тётки. Молчитъ ли она,—ей говорятъ: «что̀ ты букой смотришь? Злюка этакая!..» Начнетъ ли она высказывать о чемъ-нибудь свое мнѣніе,—ей замѣчаютъ: «ну, заумничала! Видно, что протопопская дочь»...

Такъ прожила Лёнушка въ домѣ дяди три года. Къ Машѣ дядя и тётка были добрѣе, потому что ее очень любили двоюродныя сестрёнки ея, съ которыми она играла.

Разъ у отца Степана (такъ звали дядю Лёны) куда-то забрела корова. Искали, искали ее вечеромъ—не нашли. Утромъ отцу Степану сообщаютъ, что его корову съѣли волки, подлѣ Фонина оврага, въ кустахъ. Разсвирѣпѣлъ отецъ Степанъ и цѣлый день ругался на все и на всѣхъ. «Чортъ васъ побери!» повторялъ онъ нѣсколько разъ: «полонъ домъ народу, а присмотрѣть за чѣмъ-нибудь нѣкому. Хоть самого волки съѣшь, имъ все равно. Все барыни собрались... Это разоренье! Просто, хоть бѣги, куда глаза глядятъ»...

На другой день, рано поутру, отецъ Степанъ поскакалъ въ городъ X.—«изложить все владыкѣ», какъ онъ выразился въ разговорѣ съ своей женой. Доро́гой, въ пылкой головѣ озлобленнаго батюшки, этого «изложенія» накопилось на цѣлый томъ. Пріѣхавъ въ городъ и явившись къ архіерею, отецъ Степанъ, «давъ волю словъ теченью», не находилъ конца своимъ жалобамъ. Тутъ было поставлено на видъ—и обремененіе многочисленнымъ семействомъ, и малочисленность прихода, и скудость средствъ къ жизни, и быстрое ослабленье силъ и увяданье здоровья, и *высокія заслуги* покойнаго каѳедральнаго протоіерея для церкви, и «неисчерпаемая благость его преосвященства, препобѣждающая всякое беззаконіе» и проч., и проч. Архіерей съ трудомъ успокоилъ взвол-

нованнаго батюшку, вошелъ въ его положеніе, обѣщалъ ему лучшее мѣсто, а племянницѣ велѣлъ пріискать жениха.

— Не покуда же мнѣ, ваше преосвященство, жить въ вертепѣ,—проговорилъ просіявшій отецъ Степанъ, цѣлуя руку у владыки.

Такимъ образомъ, «коровій вопросъ» породилъ марьяжные интересы.

VI.

Въ концѣ августа, въ воздухѣ уже повѣяло осенней прохладой; ясные дни начали перемежаться съ пасмурными; жиденькія, расплывчатыя облака низко и быстро неслись надъ землей, надъ слоемъ другихъ облаковъ, бѣловатыхъ и густыхъ, медленно плывущихъ въ другомъ направленіи; солнце то застилалось облаками, то вновь выглядывало изъ-за нихъ, обрисовываясь на небольшомъ расчищенномъ фонѣ далекой синевы. Съ утра никакъ нельзя было поручиться, что къ полудню не будетъ дождя... Хлѣбъ уже убрали съ поля и почти кончили сѣвъ. По гумнамъ, то тамъ, то здѣсь раздавались удары увѣсистыхъ цѣповъ.

Въ одинъ изъ сѣреньких, полу-осеннихъ дней, около полудня, къ дому отца Степана подъѣзжала простенькая телѣжка, запряженная толстою пѣгою лошадью. На телѣжкѣ сидѣлъ батюшка въ ватномъ суконномъ подрясникѣ, подпоясанный синимъ кушакомъ. На головѣ у него была старинная, широкая и низенькая, взъерошенная пуховая шляпа. Уши его были подвязаны темнымъ ситцевымъ платкомъ. Поставивши колѣнки и обхватя ихъ руками, батюшка держалъ возжи и слегка подергивалъ ими. Подлѣ него помѣщался молодой человѣкъ, въ сѣромъ холодномъ пальто и въ кожаной фуражкѣ. Въ передкѣ лежалъ армякъ, а сверху красовался огромный парусинный зонтъ, съ заплатой чуть не въ носовой платокъ.

— Батюшка!.. матушка!—женихъ!.. Сейчасъ провалиться,—женихъ ѣдетъ!—почти задыхаясь, прокричала работница, отворивъ изъ сѣней дверь въ покои отца Степана:—съ попомъ... на пѣгой... прямо къ намъ.

— Ступай скорѣй... тамъ... самоваръ... Чтó ты такая безобразная?—засуетился отецъ Степанъ.—Мать, слышишь?.. Гдѣ Елена-то?..

Работница опрометью бросилась въ кухню, поправляя на себѣ поддернутую юбку. Схвативши около порога голикъ, она тороп-

ливо начала подметать въ сѣняхъ соръ. Но вотъ лошадь, размашисто качая головой, остановилась у крыльца—и работница, оставивши кучу сору и голикъ среди сѣней, быстро скрылась въ кухню. Здѣсь она достала изъ сундука чулки, башмаки и крупныя ожерелья, убралась и начала вытряхивать самоваръ.

Между тѣмъ батюшка, привязавши лошадь къ колонкѣ и бросивши ей съ телѣги клочокъ сѣнца, забралъ армякъ и зонтъ и, въ сопровожденіи сына, направился въ сѣни. Голикъ среди сѣней смутилъ его, и онъ на минуту остановился.

— Андрюша, это ужъ не примѣта-ли какая?—полушопотомъ проговорилъ онъ, сдѣлавъ полу-оборотъ къ сыну.

— Ну, тятенька, какая тутъ примѣта!—возразилъ Андрюша тоже полу-шопотомъ.

— Чтò «ну»? Бываетъ...—какъ-то таинственно проговорилъ отецъ Андрей.—Ты, смотри, не наступи на *это*... Лучше обойдемъ... Господи, помилуй насъ!

И отецъ Андрей описалъ возлѣ кучи сора полукругъ, подозрительно косясь на невинный вѣникъ. Сынъ сдѣлалъ маленькую гримасу, но все-таки послѣдовалъ примѣру отца.

Когда гости вошли въ переднюю, хозяинъ въ спальнѣ переодѣвалъ подрясникъ и сапоги, а хозяйка за перегородкой наряжала невѣсту. Сваливъ ношу на какой-то неопредѣленнаго назначенія ларь, отецъ Андрей степеннымъ шагомъ направился въ залу, прямо къ святому углу. Здѣсь онъ опустилъ висѣвшую на снуркѣ лампадку, обмакнулъ палецъ въ масло и помазалъ себѣ лобъ. Эта загадочная операція, кромѣ санитарной цѣли, имѣла у отца Андрея другую, таинственную, и стояла въ связи съ чрезвычайнымъ обстоятельствомъ... Какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда отецъ Андрей вздергивалъ лампадку, послышался позади его голосъ вошедшаго хозяина:

— Здравствуйте, гости дорогіе... Извините... я такъ долго...

Андрюша быстро всталъ со стула и, держа фуражку въ рукахъ, почтительно поклонился. Хозяинъ подалъ ему обѣ руки.

Отецъ Андрей, принужденный оглянуться, выпустилъ изъ руки снурокъ. Лампадка снова спрыгнула внизъ и сильно заколебалась; огонёкъ испуганно заморгалъ и чуть-было не погасъ.

— А вотъ и товò... самъ,—проговорилъ отецъ Андрей и торопливо шмыгнулъ себѣ по лбу рукавомъ.

Батюшки три раза облобызались, придерживая другъ друга за плечи. Хозяинъ жестомъ попросилъ гостей сѣсть, и — всѣ усѣлись.

— Э-э-мм-э... Это вѣдь... сынъ мой... кончившій курсъ...—

проговорилъ отецъ Андрей, сложивъ руки на животѣ и указывая на сына бородой.

— Да, да... Я тотчасъ... По поличью даже,—подхватилъ отецъ Степанъ, взглянувъ на Андрея Андреича.

«Кончившій курсъ», наклонивъ голову, слегка забарабанилъ пальцами по козырьку фуражки.

— Ты, Андрюша, положи картузъ-то: вѣдь не сейчасъ же мы уѣдемъ,—обратился отецъ къ сыну.

Андрюша сконфузился и положилъ картузъ на окно.

— Ну, какъ вы... съ поля убрались?—спросилъ хозяинъ.

— Да, совсѣмъ,—отвѣтилъ отецъ Андрей.—Слава Богу, что Господь вó-время вёдрышко послалъ. Почитай безъ задержки все шло. Ну, и урожаемъ не обижены... А вы кáкъ?

— Да тоже... роптать—грѣхъ... Убрали-таки.

— Ныньче вѣдь кáкъ убирать-то? Уборка одна чего стóитъ. Работники и работницы—страсть вздорожали! Бывало, хорошій работникъ стóитъ двадцать цѣлковыхъ въ лѣто, а бабы такъ десять,—а теперь дай ему шестьдесятъ, а ей двадцать-пять. Вотъ вѣдь ныньче ужъ кáкъ. Какая-жъ тутъ прибыль отъ земли-то?. Притомъ и земля-то наша...—сами знаете...—песокъ: черезъ десять лѣтъ одинъ урожай, сколько ни вали на нее... Ныньче ужъ, съ позволенія сказать, и навозъ-то за деньги достаемъ,—пять копѣекъ телѣга! Это вотъ, бывало, при господахъ... ну, тогда еще было земледѣліе... Бывало, попросишь барина... Какъ нагонитъ народу—мигомъ все слетитъ... и все даромъ. И навозъ этотъ, съ позволенія сказать, тоже съ барскаго двора... даромъ.

— А «помочь» развѣ вы не созываете по праздникамъ?—спросилъ отецъ Степанъ.—Я созываю, и ничего... порядочное подспорье въ работѣ.

— Э, чтó это за помочь!—произнесъ отецъ Андрей, махнувъ рукой.—Злыдни одни... Мужики... вѣдь это... самый окаянный теперича народъ. Положимъ, я тоже зову. Цѣлую деревню обойдешь подъ праздникъ: молъ, приходите завтра пособить. Пообѣщаются... Наготовишь всего пропасть и ждешь. А они ажъ послѣ обѣда придутъ, да и то изъ пятаго въ десятый. Обожрутъ тебя всего, а дѣла не надѣлаютъ. Да еще какія разсужденія иной разъ слышишь: по праздникамъ, говоритъ, работать грѣхъ, а вы насъ, батюшка, заставляете. Дурачье, молъ, вы этакое! Вѣдь послѣ обѣда-то почитай ужъ другой день начинается... А когда же, говоритъ, намъ отдохнуть-то?.. Вотъ вѣдь окаянные какіе!.. Можетъ быть у васъ... а у меня—о-о-о, окаянные! Еще кто нужду въ тебѣ чувствуетъ... тамъ свадьбу какую-нибудь затѣваетъ... ну,

этотъ еще съ почтеньемъ... и услужитъ, и все... А ужъ другіе... о-о-о!..

Отецъ Андрей снова махнулъ рукой.

— Ну, а вы помогали своему папашѣ?—обратился отецъ Степанъ къ Андрею Андреичу.

— По возможности...—отвѣтилъ тотъ.

— Именно «по возможности»,—прервалъ родитель:—какая отъ нихъ помощь? Это не то, что... какъ мы, бывало, у отца-то, ровно лошади ворочаемъ. Вакацію-то, бывало, дня божьяго не видишь... Оно, впрочемъ, что-жъ... его-то дѣло ужъ теперь... Женихъ... Съ бабами да съ мужиками въ одной рубахѣ не... тово ужъ... Да, женихъ, женихъ... Вотъ намъ бы только Богъ далъ невѣсту... какъ-нибудь... Вотъ мы наслышались, что у васъ... тово... есть. Не придется-ли какъ-нибудь... породниться.

— Очень пріятно... очень рады... благодаримъ за вниманіе... — съ улыбкой проговорилъ отецъ Степанъ, на половину приподнявшись со стула и кланяясь.

— Такъ стало быть... тово... можно и взглянуть?

— Конечно... это сейчасъ можно.

Отецъ Степанъ быстро всталъ со стула и направился къ боковой двери.

Хозяинъ скрылся, а отецъ Андрей кивкомъ подозвалъ къ себѣ сына, что-то пошепталъ ему и усадилъ рядомъ съ собой въ святомъ углу.

Отецъ Степанъ возвратился къ гостямъ въ сопровожденіи супруги, которую тотчасъ и представилъ имъ. Затѣмъ, едва давши ей присѣсть на стулъ, засуетился:

— Ну, мать, такъ ты тамъ... поскорѣе... самоварчикъ и *ее*... Вотъ сейчасъ увидите,—добавилъ онъ, обращаясь къ гостямъ.

Отецъ Андрей испустилъ глубокій вздохъ и началъ по-купечески вертѣть большимъ пальцемъ правой руки вокругъ большого пальца лѣвой. Андрюша, заложивъ руку за спинку стула, вытянулъ ногу и уставилъ свой взоръ на кончикъ нечищеннаго сапога. Отецъ Степанъ, нѣсколько встревоженный, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, то потирая руки, то закладывая волосы за уши. Прошло нѣсколько минутъ напряженнаго затишья, изрѣдка прерываемаго какимъ-то принужденнымъ, неловкимъ кашлемъ одного изъ дѣйствующихъ лицъ. Наконецъ растворилась боковая дверь и показалась невѣста. Отецъ Андрей тотчасъ же устремилъ на нее исподлобья пристальный, какъ ему казалось, проницательный, но въ сущности тупой, дикій, стальной взглядъ. Женихъ, завидѣвъ невѣсту, немедленно подобралъ вытяну-

тую ногу подъ стулъ, выпрямился, скрестилъ руки на груди и, окинувъ невѣсту мимолетнымъ взглядомъ, быстро забѣгалъ глазами по стѣнамъ, по полу, опять по стѣнамъ, опять по полу и не зналъ, гдѣ ихъ остановить. Между тѣмъ невѣста, одѣтая въ шерстяное сиреневое платье, въ убогомъ, какомъ то-пѣгомъ шиньонѣ, потупя взоры, робко несла гостямъ на громадномъ разрисованномъ подносѣ чай. Грудь ея замѣтно колебалась, руки тряслись и—чашки слегка гремѣли на подносѣ. Дойдя до половины комнаты, она остановилась на мгновеніе—въ нерѣшительности, кому первому поднести чай: жениху или его отцу. Отецъ Степанъ, подскочивши къ ней, почтительно указалъ рукой на отца Андрея. Увидѣвши невѣсту передъ самымъ своимъ носомъ, отецъ Андрей, нѣсколько прищуривъ глаза, медленно измѣрилъ ее съ ногъ до головы все тѣмъ же, якобы проницательнымъ, взглядомъ, затѣмъ, немного повозившись на стулѣ, медленно снялъ съ подноса стаканъ чаю, такъ же медленно досталъ изъ широкой, накрытой крышкой, хрустальной сахарницы кусокъ сахару, зачѣмъ-то отряхнулъ его надъ подносомъ, затѣмъ дунулъ на него и, повернувшись къ ней спиною, помѣстилъ и стаканъ, и кусокъ сахару на столѣ, возлѣ котораго сидѣлъ.

— Батюшка, не угодно ли въ накладку?—предложилъ отецъ Степанъ, пристально наблюдавшій за всѣми движеніями и дѣйствіями отца Андрея.

— Нѣтъ, я непривыченъ, — отозвался тотъ, наливая чай въ блюдечко и нѣсколько наклонивъ голову на бокъ.

Невѣста, все еще продолжавшая стоять передъ отвернувшимся отъ нея батюшкой, тихо проговорила:

— Хлѣба не хотите ли?

— Да, вотъ хлѣбца-то въ самомъ дѣлѣ...,—подхватилъ отецъ Степанъ.

Отецъ Андрей снова обернулся къ невѣстѣ. Та молча указала ему подбородкомъ на лежавшіе на подносѣ ломти ноздреватаго, какъ губка, бѣлаго хлѣба, купленнаго на постояломъ дворѣ.

— Хлѣбца-то? Э—гм... Нѣтъ, благодарствую: я къ этому тоже не очень сроденъ, — проговорилъ онъ и снова отвернулся къ столу.

Лёнушка подошла къ своему суженому. Голова ея еще болѣе наклонилась надъ подносомъ, губы плотно сжались, руки задрожали сильнѣе. Андрей Андреичъ быстро, какъ блинъ со сковороды, схватилъ стаканъ съ подноса и въ-торопяхъ выхватилъ изъ сахарницы, вмѣсто одного, два куска сахару, причемъ одинъ

тотчасъ же уронилъ на поднос, и—молча закивалъ головою въ знакъ благодарности.

— Можетъ быть вамъ...,—начала-было Лѣнушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, ничего больше, — перебилъ ее Андрей Андреичъ:—благодарю васъ.

Въ это время глаза жениха и невѣсты какъ-то нечаянно встрѣтились; Лѣнушка вспыхнула, быстро повернулась и проворно направилась къ боковой двери. Женихъ, держа стаканъ на колѣнкѣ, проводилъ ее пристальнымъ, внимательнымъ взглядомъ.

— Будь поразвязнѣе... Что ты, какъ клуша какая? — съ досадой прошептала тётка, встрѣтивъ племянницу.—Хлѣбъ весь назадъ принесла... Развѣ такъ подчуютъ?

— Да, я тётя... Кака же еще?—тоже шопотомъ оправдывалась Лѣнушка.

— Какъ же... Какъ люди-то?.. Загляни - ка въ дверку - то: небось ужъ выпили... Что это за дѣвка такая!

Лѣнушкѣ пришлось еще раза три выносить гостямъ чай, несмотря на то, что отецъ Андрей два раза уже опрокидывалъ стаканъ на блюдечко и произносилъ: «душевно благодаренъ», а Андрей Андреичъ послѣ перваго же стакана увѣрялъ, — приложивъ руку къ сердцу и по своему расшаркиваясь, — что онъ «кончилъ», и что больше даже никогда не пьетъ.

Послѣ чаю отецъ Андрей, утирая ситцевымъ платкомъ лобъ, съ разстановкой проговорилъ:

— Ну, что-жъ... теперь пожалуй что... можно и къ дѣлу?..

— Какъ вамъ угодно,—отозвался отецъ Степанъ.

— Мнѣ вотъ хотѣлось бы поразсмотрѣть получше вашъ домикъ, а равно и надворное строеніе.

— Извольте, извольте: это сейчасъ же можно.

Отецъ Андрей, опершись рукой на столъ, тяжело поднялся со стула, взялъ въ руки шапку и, остановившись среди комнаты, внимательно обвелъ глазами полъ, стѣны и потолокъ залы.

— Пожалуйте, — проговорилъ отецъ Степанъ, дождавшись конца «внутренняго обозрѣнія» и указывая рукой по направленію къ выходной двери.

Оба батюшки и женихъ направились въ сѣни.

— Что, тамъ нигдѣ не свѣтится?—спросилъ отецъ ревизоръ въ сѣняхъ, поднявъ голову и указывая пальцемъ вверхъ.

— Помилуйте, что вы! — произнесъ отецъ Степанъ, широко раскрывши глаза:—аршинъ толщины крыша,—гдѣ же тутъ свѣтиться?

Гости забрались въ кухню. Кухарка отвѣсила имъ низкій

VII.

— Ну, что́, Андрей?—обратился отецъ къ сыну, когда оба они уже усѣлись въ залѣ на прежнихъ мѣстахъ.

Сынъ молча улыбнулся и, взглянувъ на отца Степана, сдѣлалъ рукой какой-то неопредѣленный жестъ.

Отецъ Андрей всадилъ въ обѣ ноздри сильный зарядъ табаку, громко чхнулъ, еще громче кашлянулъ, спряталъ табакерку и платокъ въ карманъ и, нѣсколько пошевелившись на стулѣ, началъ:

— Э - э... Видите ли, отецъ Степанъ... Дабы удобнѣе намъ... тово... Вы ужъ извините... Какъ бы въ этой комнатѣ намъ вотъ съ нимъ (при этомъ онъ кивнулъ на Андрюшу) вдвоемъ... А вы съ матушкой и—и... тамъ съ другими... пока на время еще куда-нибудь...

— Извольте, извольте,—проговорилъ отецъ Степанъ, вскочивъ съ дивана и собираясь уйти.

— Мы здѣсь, какъ водится, подумаемъ, — порѣшимъ, что́ слѣдуетъ, и тогда, натурально, объявимъ вамъ,—добавилъ отецъ Андрей, нѣсколько повысивъ голосъ.

— Хорошо, хорошо, — скороговоркой произнесъ хозяинъ и юркнулъ въ боковую дверь.

Во исполненіе желанія свата, тотчасъ послѣдовало великое переселеніе всѣхъ домочадцевъ отца Степана. Предъ глазами отца Андрея прослѣдовала чрезъ выходную дверь въ сѣни цѣлая толпа: впередъ шли ребятишки отца Степана, дотолѣ скрывавшіеся за кулисами, затѣмъ невѣста съ младшей сестрой своей и наконецъ самъ отецъ Степанъ съ женою, постоянно сѣменившій ногами изъ опасенія наступить невѣстѣ на платье. Хозяинъ съ женой вышли на крыльцо, а остальные переселенцы пріютились въ кухнѣ.

— И чудёнъ же!—прошепталъ отецъ Степанъ, усѣвшись съ женой на лавочкѣ.

— И не говори!—отозвалась матушка тоже шопотомъ и покачала головой.—Энтотъ-то... женихъ-то... кажется, ничего...

— Еще бы!—произнесъ отецъ Степанъ:—какого же ей еще? Лишь бы только Богъ далъ—сладилось...

Между тѣмъ отецъ Андрей, лишь только выходная дверь захлопнулась, пожелалъ удостовѣриться, точно ли они съ Андрюшей остались въ комнатѣ вдвоемъ. Тихо, на цыпочкахъ, подкрался онъ къ боковой двери, тихонько отворилъ ее, и, широко

раскрывъ глаза и слегка высунувъ языкъ, воровски заглянулъ направо и налѣво. Убѣдившись, что подслушивать ихъ некому, онъ смѣлою, рѣшительною поступью возвратился на свое мѣсто.

— Ну, Андрей,—началъ онъ вполголоса:—ты теперь все видѣлъ; ну, ка̀къ... твое мнѣніе?

— Да что-жъ? ничего...—не задумываясь, отвѣтилъ Андрюша.

— То-то... смотри... Нужно говорить подумавши и поразмысливши. Я вотъ нарочно водилъ тебя вездѣ, чтобы ты собственными глазами видѣлъ, гдѣ что̀ и ка̀къ... чтобы потомъ ужъ ни на кого не пенялъ. Ну, что̀—домъ и надворное?...

— Да ничего... Домъ, какъ домъ... Годится... жить можно.

— Можно... Ты, я говорю, обдумай... Вѣдь гнилья много!..

— Это пустяки!... Чего тамъ...

— Ну, смотри... Я свое сказалъ, а тамъ—ка̀къ хочешь... Ну, а... тово... невѣста?... Ты говори прямо, тутъ ужъ нечего... Я вѣдь отецъ...

— И невѣста ничего... Довольно красивая...

— Я тоже нахожу, что она, какъ будто... какъ слѣдуетъ дѣвушка. Породы-то она вѣдь хорошей; должно быть, жена изрядная выйдетъ... Ну, такъ ты, стало быть, согласенъ?

— Да, я согласенъ... Чего же еще? Другое-то мѣсто либо найдешь, либо нѣтъ... Мнѣ и такъ ужъ надоѣло толкаться въ консисторіи-то... Все—нѣтъ, да нѣтъ...

— Правда-то правда... Ну, такъ, стало быть, позвать *ихъ?*

— Зовите.

Отецъ Андрей, держа локти какъ-то на отлетѣ и какъ будто разгребая воздухъ руками, отправился звать хозяевъ. Онъ широко растворилъ дверь въ сѣни и, сдѣлавъ пригласительный жесть рукой, возгласилъ:

— Эй, вы... какъ бишь... Отецъ Степанъ! матушка! Идите! Кончено...

Хозяева вошли и вмѣстѣ съ гостями образовали группу среди залы.

— По обстоятельномъ и подробномъ разсужденіи,—началъ отецъ Андрей,—мы съ Андрюшей, при помощи Божіей, порѣшили задить. Женихъ вотъ... во всѣхъ отношеніяхъ доволенъ, а я... что-жъ? не мнѣ жить, а ему... Стало быть... тоже и я согласенъ.

— Очень благодарны, очень благодарны!—съ радостію проговорили хозяева въ одинъ голосъ, и нѣсколько разъ поклонились гостямъ порывистыми, короткими поклонами.

— Что дѣлать-то?.. Видно ужъ быть тому,—пробормоталъ

отецъ Андрей, почесывая однимъ пальцемъ въ затылкѣ...—Ну, дай же намъ Боже...

Съ этими словами отецъ Андрей потянулся лобызать отца Степана. Пока Андрюша, подражая отцу, въ свою очередь цѣловалъ отца Степана, отецъ Андрей успѣлъ перенести свое лобзаніе на матушку, но тутъ уже не нашелъ подражанія въ сынѣ, ибо сей послѣдній по отношенію къ матушкѣ ограничился только рукопожатіемъ.

— Ну, вотъ и слава Богу,—проговорилъ отецъ Андрей, потирая руки.—Теперь пора и нашей нареченной объявить о нашемъ согласіи. Какъ *ихъ* имя-отчество-то?

— Елена Яковлевна,—изъяснилъ отецъ Степанъ.

— Такъ вотъ теперь и Елену Яковлевну... тово... сюда же...

Черезъ нѣсколько минутъ появилась Лёнушка, раскраснѣвшаяся отъ непривычнаго волненія и томительнаго ожиданія. Тётка что-то шепнула ей и указала на диванъ. Лёнушка усѣлась и поджала руки.

— Елена Яковлевна,—началъ отецъ Андрей...—Такъ, кажется?—обратился онъ къ отцу Степану. Тотъ молча кивнулъ головой...—Елена Яковлевна! Мы вотъ тутъ сообща порѣшили... э-э... посредствомъ васъ... тово... породниться. Вамъ это не противно будетъ? А?

— То-есть... какъ это?—едва слышно проговорила Лёнушка.

— Какъ роднятся-то? Черезъ бракъ... супружескій союзъ. Вотъ Андрей Андреичъ открылся, что вы вполнѣ можете соотвѣтствовать ему въ жизни... на мѣсто вотъ... вашихъ родственниковъ, что́, конечно, вамъ не безъизвѣстно. Андрей Андреичъ будетъ священникомъ, а вы супругой его... на этомъ самомъ пепелищѣ. А мы въ васъ, кромѣ добраго, ничего плохого не замѣчаемъ... Вотъ хоть извольте спросить у вашихъ родственниковъ... Ну, что же, согласны?

Лёнушка поднесла правую руку къ уху и, немного подумавъ, прошептала:

— Я согласна.

— Ну, вотъ — и только всего. Чего же тутъ? — произнесъ отецъ Андрей такимъ тономъ, какимъ произноситъ подобныя слова врачъ, съ трудомъ добившійся возможности совершить надъ трусливымъ больнымъ ребенкомъ легкую операцію. Теперь,—продолжалъ онъ,—возблагодаримъ всѣ вмѣстѣ Господа.

Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ. Отецъ Андрей выстроился предъ иконами впереди всѣхъ и торжественно, какъ-бы совершая священнодѣйствіе, произнесъ: «Боже милостивый, Господи!

(При этихъ словахъ онъ отвѣсилъ низкій поклонъ). Призри и ущедри,—импровизировалъ онъ, снова выпрямившись и переведя духъ—и опять отвѣсилъ поклонъ,—созижди и утверди рабовъ твоихъ—аминь, аминь, аминь». Еще разъ отвѣсивъ низкій поклонъ, отецъ Андрей глубоко вздохнулъ и, обратившись къ сыну, вдругъ заговорилъ совершенно инымъ тономъ:

— Андрюша, я пойду взгляну на лошадь, а ты тѣмъ временемъ что-нибудь тутъ поговори съ нареченной-то. Нельзя же... Какъ водится.

Андрюша въ точности исполнилъ порученіе отца; а отецъ, вскорѣ вернувшись въ комнату, объявилъ, что «еще слова два—три, да ужъ и ѣхать пора́». Но на эти «два—три слова» пошло болѣе часу, такъ какъ поднятъ былъ весьма серьёзный вопросъ—о приданомъ.

Отецъ Степанъ безъ запинки, какъ по писанному, изложилъ реестръ вещей, которыя онъ можетъ дать за племянницей. Пригиная палецъ за пальцемъ, онъ исчислялъ: Божіе милосердіе въ серебряной ризѣ, суконная шуба на кошачьемъ мѣху, пальто на ватѣ—рукава съ опушкой,—кисейное платье для вѣнчанья, три шерстяныхъ праздничныхъ платья, пять ситцевыхъ платьевъ для обихода, пара столовыхъ серебряныхъ ложекъ, полдюжины серебряныхъ же чайныхъ ложекъ, молодая корова и сто рублей на посвященіе въ санъ. Какъ видите, батюшка,—прибавилъ отецъ Степанъ,—хорошо, полагаю, безъ обиды, не такъ какъ другіе, которые въ этакихъ случаяхъ, кромѣ мѣста, ничего не даютъ. А нѣкоторые—это я вѣрно знаю—даже сами получаютъ за уступку мѣста-то... Все это отецъ Степанъ произнесъ, глядя прямо и смѣло въ глаза своему собрату, полагая, что вполнѣ удовлетворилъ его своимъ приданымъ. Но не тутъ-то было. Оказалось, что предложенія его далеко не соотвѣтствовали видамъ и желаніямъ отца Андрея. Послѣдній, выслушавъ своего собесѣдника, сперва молча покачалъ головой, потомъ лѣниво и медленно потянулъ за уголъ изъ кармана платокъ, высморкался и началъ возражать и торговаться. Вотъ эти-то возраженія и торги собственно и затянули время. Ни одинъ пунктъ дотальныхъ условій, предложенныхъ отцомъ Степаномъ, за исключеніемъ перваго—о божьемъ милосердіи—не былъ оставленъ въ покоѣ. Такъ, въ прибавокъ къ шубѣ на кошачьемъ мѣху и къ пальто, отецъ Андрей требовалъ шубу на заячьемъ мѣху—«въ случаѣ куда поѣхать», и полушубокъ—«въ случаѣ зимой по хозяйству около дома». Вмѣсто кисейнаго вѣнчальнаго платья, требовалъ шелковаго («это будетъ пооснователнѣе и постепеннѣе»—пояснилъ онъ

при этомъ). Къ тремъ шерстянымъ платьямъ онъ просилъ прибавить четвертое «для круглоты»; для той же цѣли онъ выпрашивалъ шестое ситцевое платье. Далѣе отецъ Андрей выразилъ удивленіе по поводу отсутствія въ «реестрѣ» лошади.

— Теперь, Господи благослови, на чемъ *онъ* поѣдетъ?—воскликнулъ сердобольный отецъ и развелъ руками.—Опять же вотъ на посвященіе... всего сто рублей,—продолжалъ онъ:—да развѣ на это посвятишься? Къ тому же еще вѣдь и *окопироваться* надо... тамъ рясу и все такое... А вы: сто рублей! Вѣдь, съ позволенія сказать, дьячку какому-нибудь—и то больше даютъ! Такъ хорошо Господь приводитъ—и вы такъ крѣпитесь, сводите на этакую малость... я... тово... я, признаться, никакъ не предполагалъ... Что же это такое? Господи помилуй! Вотъ и выходитъ, что намъ съ этого бы слѣдовало начать-то, а не съ другого...

Отецъ Андрей надвинулъ брови и, поникши головой, умолкъ. Отецъ Степанъ, не предвидѣвшій такихъ послѣдствій, нѣсколько струсилъ и пошелъ на уступки, хотя относительно нѣкоторыхъ пунктовъ упорно остался при своемъ мнѣніи. Такъ онъ не согласился уступить своему будущему преемнику ни одного изъ двухъ любимыхъ своихъ коней, какъ ни усиливался отецъ Андрей доказать, что «безъ лошади все равно, что безъ рукъ». Но отецъ Андрей, проигравъ въ одномъ, наверсталъ въ другомъ. Именно, онъ добился того, что къ «молодой коровѣ» была присоединена еще тёлка.

Когда Андрюша замѣтилъ, что отцы во время переговоровъ стали возвышать голосъ, то прекратилъ свою бесѣду съ «нареченной» и отклонился къ спинкѣ дивана, такъ чтобы не смотрѣть ей въ лицо. Лёнушка, сознавая себя яблокомъ зарождающагося раздора, почувствовала себя неловко и удалилась за кулисы.

Однако дѣло уладилось благополучно, и на лицахъ отцовъ замелькала улыбка. Въ заключеніе они громко ударили по рукамъ и условились о времени *образованія* и свадьбы. На прощаньи, держа уже въ рукахъ шапку, отецъ Андрей выпросилъ у отца Степана четвертную «для пущей крѣпости, на могущіе представиться расходишки».

— Ну, Елена, молить тебѣ Бога за дядю съ тёткой,—обратился къ невѣстѣ отецъ Степанъ, проводивъ гостей.—Этакое счастье тебѣ доставляютъ... себя не жалѣючи.

— Я, дяденька, и то... благодарю васъ,—проговорила Лёнушка.

— То-то: благодарю... Такого жениха-то поди-ка дождись кто... А мы вотъ достали тебѣ и за наградой не постояли, только

бы не отогнать его. Теперь вотъ съѣзжу съ нимъ ко владыкѣ: молъ, пріискалъ и—сейчасъ же билетъ на женитьбу. Медлить нечего; надо, чтобы этимъ же мясоѣдомъ и свадьба. Чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше—и для меня, и для васъ.

VIII.

Владыка обѣими руками благословилъ «пріисканнаго» и пожелалъ ему быть «дѣлателемъ непостыднымъ» и вполнѣ достойнымъ зятемъ блаженной памяти отца Якова. Онъ тутъ же положилъ на прошеніи жениха резолюцію о выдачѣ билета на женитьбу и послалъ Андрея Андреевича къ секретарю. Будущій непостыдный дѣлатель съ восторгомъ выскочилъ изъ архіерейскаго дома и чуть не рысью побѣжалъ по направленію къ квартирѣ секретаря консисторіи. Но по мѣрѣ приближенія его къ дому секретаря восторженное чувство его ослабѣвало и мало-по-малу смѣнялось чувствомъ безотчетнаго страха. Вотъ онъ подходитъ къ большому двухъ-этажному дому. Парадный входъ запертъ, но за то помѣщающіяся рядомъ съ нимъ ворота растворены настежъ. Въ воротахъ стояли два дьячка и о чемъ-то разсуждали съ выразительными жестами, то-и-дѣло озираясь по сторонамъ. Андрей Андреичъ шмыгнулъ-было въ ворота мимо дьячковъ, но тотчасъ же вернулся и спросилъ у нихъ, дома ли секретарь. Тѣ отвѣчали, что «дома, но очень сердитъ, а потому не лучше ли обождать». «Мое дѣло совсѣмъ другое», пробормоталъ Андрей Андреичъ и зашагалъ по двору. На дворѣ онъ наткнулся на приземистаго мужика съ сѣрой окладистой бородой, подпоясаннаго краснымъ кушакомъ по порыжѣлому кафтану.

— Почтенный, — остановилъ онъ Андрея Андреича:—скажи мнѣ на милость... Я ужъ спрашивалъ, да такъ... для вѣрности...

— Что такое?

— Тутъ рѣшаютъ на счетъ годовъ?

— Какихъ годовъ?

— Да вотъ я свою Аксютку мясоѣдомъ окрутить хотѣлъ, а ей маленько въ лѣтахъ недочетъ... Пустякъ и не достаетъ-то... Такъ вотъ насчетъ этого могу я здѣсь, аль нѣтъ?.. У меня и бумаги есть. Мужикъ досталъ изъ пазухи бумагу, обернутую грязнымъ платкомъ.

— Тебѣ нужно къ архіерею.

— Такъ это вѣрно? А мнѣ одинъ сказалъ, что и тутъ рѣшаютъ.

— Нѣтъ, къ архіерею, къ архіерею ступай, — повторилъ Андрей Андреичъ.

— Гм! Такъ къ архіерею... Больно боязно, сударь, къ самому-то...

Андрей Андреичъ направился къ заднему крыльцу.

— Эй, почтенный, постой-ка маленько...

«Почтенный» обернулся.

— Ваше дѣло опытное... Сколько тамъ полагается?..

— За что?

— А за года-то... Аксюткины-то?

— Я не знаю. Если нужно будетъ—что-нибудь тамъ дашь...

— Это *самому?*

— Ну, самому! Тамъ есть кромѣ...

— Вотъ коммиссія, Господи!.. Ну-ка они тамъ не подъ силу?.. — забормоталъ мужикъ.

Когда Андрей Андреичъ поднимался по грязной лѣстницѣ, ведущей въ секретарскія сѣни, на встрѣчу ему, подобравши полы рясы, спускался незнакомый священникъ, красный какъ ракъ. «Окунулся.... Должно быть, пробрали бѣднягу»... — подумалъ Андрюша. Остановившись въ сѣняхъ, онъ снялъ фуражку, поправилъ волосы, тихонько откашлялся въ ладонь и досталъ изъ бокового кармана прошеніе и маленькій пакетецъ. Глубоко вздохнувъ, онъ позвонилъ у двери. Дверь отворилась, и едва Андрюша переступилъ порогъ, горничная спросила его:

— Вы къ барину? по дѣлу?

— Да, по дѣлу. Доложите пожалуйста.

Горничная подняла съ полу кѣмъ-то оставленные голову сахару и наполненный чѣмъ-то кулёкъ и, держа все это въ рукахъ, снова обратилась къ Андрюшѣ:

— Какъ объ васъ доложить?

— Кончившій курсъ, Андрей Златокрыловъ.

Горничная удалилась, а Андрюша подумалъ: «это должно быть притащилъ тотъ, что на лѣстницѣ-то сейчасъ встрѣтился».

Черезъ минуту Андрюша услышалъ нѣсколько фразъ, донесшихся къ нему изъ глубины залы:

— Одинъ?—спросилъ мужской голосъ.

— Одинъ,—отвѣчалъ знакомый голосъ горничной.

Затѣмъ мужской голосъ что-то еще спросилъ, но Андрюша разслушалъ только отвѣтъ горничной.

— Нѣтъ, не видать.

— Пусть подождетъ,—громко произнесъ опять мужской голосъ.

— Обождите немножко... *они* скоро, — сказала горничная, выйдя въ переднюю.

Андрюша сперва стоялъ какъ вкопанный, устремивъ глаза на стоявшій въ залѣ на окнѣ горшокъ съ разросшейся густой геранью. Въ залѣ громко стучалъ маятникъ стѣнныхъ часовъ, не совсѣмъ вѣрно соблюдая тактъ, какъ-бы прихрамывая. По временамъ, до слуха Андрюши доносилось изъ глубины «покоевъ» протяжное рѣзкое харканье и звучные плевки.

Прошло съ полчаса. Физіономія Андрея Андреича приняла тоскливое выраженіе, и онъ отъ усталости то-и-дѣло переступалъ съ ноги на ногу. Для развлеченія онъ развернулъ свое прошеніе и медленно провелъ глазами по̀ резолюціи архіерея, пристально вглядываясь въ каждую букву. Затѣмъ, свернувъ прошеніе, онъ сталъ вертѣть въ рукахъ пакетецъ, на лицевой сторонѣ котораго, вмѣсто адреса или титула, красовалась крупно выведенная карандашомъ нѣкая цифра. Но вотъ въ залѣ раздался громкій кашель и послышалось шмыганье мягкой обуви. Въ дверяхъ показался мужчина средняго роста, съ сѣдыми, коротко остриженными волосами, съ длинной, изборожденной морщинами и чисто выбритой физіономіей, съ маленькими сѣрыми мутными глазами, съ нависшими жиденькими бровями и нѣсколько выдвинувшейся впередъ нижнею губою. Онъ былъ одѣтъ въ красный, огурцами, халатъ; на ногахъ у него были зеленыя туфли. Во взглядѣ у него было что-то аракчеевское,—что-то жесткое, холодное и непреклонное... Это былъ секретарь.

— Что̀ тебѣ?—спросилъ онъ Андрея Андреича.

— Вотъ, по резолюціи его преосвященства, покорнѣйше прошу билетъ на женитьбу,—запинаясь проговорилъ Андрей Андреичъ и съ низкимъ поклономъ подалъ секретарю прошеніе.

Секретарь быстро пробѣжалъ глазами прошеніе и сдѣлалъ гримасу.

— Я тебѣ, братъ, такой билетъ пропишу, что ты у меня носа никуда не покажешь!—проговорилъ онъ, возвысивъ голосъ. Туда же вѣдь,—съ... рыломъ въ калашный рядъ. Подостойнѣй тебя есть, да ничего не получаютъ, а онъ... лазитъ тамъ...

— Я потому осмѣлился утруждать васъ,—робко проговорилъ Андрюша,—что владыка ужъ соблаговолилъ...

— Знать ничего не хочу! — вскричалъ секретарь, топнувъ ногой.—Потворствовать такимъ дуралеямъ — съ чѣмъ это согласуется? Нынче же войду съ особымъ представленіемъ... Не бывать этому!—добавилъ онъ, ожесточенно плюнувъ въ уголъ.

Андрюша нерѣшительно приблизился къ секретарю и, подавая ему пакетецъ, пробормоталъ:

— Извините, ради Бога... Это вотъ... покамѣстъ... со временемъ *еще* буду благодарить.

— Это... это чтò же такое? — проговорилъ секретарь, принимая подачку.

Онъ мелькомъ взглянулъ на цифру, и тотчасъ же засунулъ пакетецъ въ рукавъ халата.

— То-то вотъ ваше свинство... непониманіе..., — заговорилъ Аракчеевъ, понизивъ тонъ почти на цѣлую октаву. Пришелъ: давай ему билетъ... Нельзя же всякому безъ разбора... Владыка — владыкой, а я свою отвѣтственность и... власть имѣю... Вотъ я еще подумаю... есть ли надлежащія данныя... Ступай. Послѣ навѣдаешься *въ столъ*.

Но надлежащія данныя нашлись скоро, и Андрюшѣ на другой же день былъ изготовленъ билетъ.

— Чтò, готовъ билетъ на женитьбу Андрею Златокрылову? — спросилъ Андрюша, явившись «въ подлежащій столъ» и обращаясь къ плѣшивому, широконосому и широкоротому столоначальнику.

— Готовъ-то готовъ, — отвѣчалъ столоначальникъ, взглянувъ на Андрюшу сквозь огромныя очки, — да только надо его выкупить.

— Да чтò, на бѣдный приходъ-то я поступаю, — попробовалъ было отговориться Андрюша.

— Ну, нечего тамъ... Вашего брата къ голой осинѣ привяжи, и то обростетъ. Нужно вѣдь тоже знать честь и благородство. Тутъ сидишь, гнешь горбъ — почти, можно сказать, задаромъ...

Андрюша сунулъ столоначальнику рубль.

— И это не стыдно будущему священнику?

— Ей-богу, больше нѣтъ!

— Нѣтъ... Знаемъ мы васъ! Вотъ продержать бы въ городѣ-то недѣли двѣ... Нашлось бы тогда...

Съ этими словами столоначальникъ заложилъ рубль въ карманъ жилета и съ неудовольствіемъ сунулъ Андрюшѣ билетъ.

Только-что Андрюша вышелъ въ сѣни, какъ его сзади кто-то тронулъ за плечо. Андрюша оглянулся. Предъ нимъ стоялъ взъерошенный, небритый писецъ въ сѣромъ истертомъ пиджакѣ.

— Письмоводителю-то что-нибудь, — проговорилъ каллиграфъ, склонивъ голову на бокъ.

Андрюша спѣшно вынулъ изъ кармана двугривенный и молча подалъ ему.

— Это обидно, помилуйте!—воспротестовалъ каллиграфъ:—старался — переписывалъ, нарочно поскорѣе снесъ подписать...

— Ей-богу же больше нѣту,—отрѣзалъ Андрюша и двинулся впередъ.

— Это даже не добросовѣстно,—проговорилъ въ слѣдъ ему каллиграфъ.

Наблюдавшій эту сцену высокій плечистый солдатъ поспѣшилъ къ двери и, одной рукой отворивъ дверь, а другую протянувъ къ Андрюшѣ, пробасилъ:

— Сторожу-то не забудьте, чтó слѣдуетъ...

Андрюша сунулъ ему пятакъ и, выскочивъ на улицу, съ глубокимъ вздохомъ вполголоса проговорилъ: «ну, слава Богу, одно мытарство прошелъ!»...

IX.

Вскорѣ послѣ того, какъ Андрей Андреичъ получилъ билетъ на женитьбу, совершено было «образованіе», то-есть благословеніе жениха и невѣсты образомъ. Когда женихъ сталъ прощаться съ невѣстой, то отецъ Андрей предложилъ сыну оставить ей что-нибудь на память.

— Зачѣмъ же это, тятенька!—возразилъ Андрюша.

— Нельзя, нельзя, другъ,—настаивалъ отецъ Андрей:—это изстари требуется. Я самъ, помню, тоже...

— Ну что же мнѣ оставить?—спросилъ Андрюша.

— Да что нибудь... Вотъ хоть жилетку... либо сапоги.

Андрюша съ минуту постоялъ въ нерѣшительности, молча улыбаясь и почесывая въ затылкѣ, и наконецъ порѣшилъ на жилеткѣ. Онъ удалился за кулисы, надѣлъ тамъ *дорожную* сѣрую жилетку, а суконную, въ которой *благословлялся*, вынесъ въ рукахъ и торжественно преподнесъ невѣстѣ. Лёнушка съ легкой краской въ лицѣ приняла этотъ оригинальный сувениръ, а отецъ Андрей проговорилъ:

— Вотъ и ладно! Вонъ *имъ* и будетъ по чемъ припамятовать своего дружка. Взглянуть этакъ на жилеточку-то, да и тово... и припомнять. Хе-хе-хе... Прекрасный обычай, прекрасный... Я помню, сапоги оставилъ,—такъ жена послѣ сказывала: не малую, говоритъ, отраду испытывала. Да и чтó удивительнаго? Оно, положимъ, сапоги... А вѣдь они въ этакомъ случаѣ тоже связуютъ...

Восьмого сентября совершено было *образованіе*, а на двадцать шестое сентября назначена была свадьба.

Въ домѣ невѣсты закипѣла работа. Планамъ, соображеніямъ и толкамъ конца не было. Отецъ Степанъ нѣсколько разъ принимался спорить съ своею супругою о томъ, сколько домашнихъ четвероногихъ и птицъ нужно погубить къ свадьбѣ и какихъ именно; сколько бутылокъ вина нужно запасти, какую закуску приготовить, кого звать на свадьбу, какую музыку приладить и т. п. Лёнушка заявила, что сшить всего къ свадьбѣ она одна не въ силахъ, а помогать ей некому, — что нужно будетъ по крайней мѣрѣ лучшія платья отдать сшить въ городъ *мадамѣ*. Предложеніе это послѣ нѣкотораго колебанія было принято, и батюшка съ матушкой поскакали въ городъ «дѣлать заказъ» и разныя закупки. Тамъ одна знакомая мѣщанка, у которой когда-то квартировалъ отецъ Степанъ, отрекомендовала имъ нѣкую мадамъ Рюмину, какъ самую «сходную». Эта «сходная» мадамъ квартировала въ захолустьѣ, въ крошечномъ, похильнувшемся флигелькѣ и «промышляла тайно, безъ вывѣски», какъ выразилась о ней прежняя хозяйка отца Степана. Мадамъ запросила съ нашихъ заказчиковъ два рубля за фасонъ. Отецъ Степанъ возразилъ, что «это даже не по-христіански, что лучше въ такомъ случаѣ самимъ сшить». Только послѣ усиленныхъ просьбъ, увѣщаній и усовѣщиваній батюшкѣ съ матушкой удалось сбить цѣну на полтора рубля за фасонъ «со всѣмъ съ прикладомъ»...

Лёнушка, между тѣмъ, кроила по своимъ прежнимъ платьямъ и шила себѣ новыя ситцевыя платья, ссланивала изъ тонкой холстины простыни, подрубала носовые платки и проч. Просвирня находилась почти неотлучно при ней и помогала ей въ работѣ. Она то шила рубашки и «невыразимые» Андрею Андреичу, то начиняла подушки перомъ, полуперомъ, пухомъ и полупухомъ. При этомъ она постоянно охала и стонала о сиротствѣ и безпомощности Лёнушки, и въ то же время утѣшала ее надеждою на счастливое попадейство и потѣшала разнаго рода росказнями. Такъ она разсказала, какъ въ ея родномъ селѣ попова дочь шила своему жениху бѣлье.

— Вотъ, матушка вы моя родимая, пошабашила это она рубашки и принялась за эти самые... прости Господи... за растопыренные-то. Что-жъ вы думаете? Не совладаетъ да и только. Либо клинья не такъ вошьетъ, либо задомъ напередъ у ней выйдетъ, а то обѣ ноги вмѣстѣ стачаетъ. Билась, билась, — просто до слезъ. Чтобъ они пропали, говоритъ, окаянные! *Тотъ-то* ихъ, говоритъ, выдумалъ!.. Кабы не я, такъ она въ жизнь свою не

сладила бы съ этимъ навожденьемъ. Тутъ, милая, вся мудрость въ клиньяхъ: какъ клинъ одинъ поймешь, такъ и все ни почемъ. А она-то по этой части была непривычна, ну и-и...

X.

Еще наканунѣ свадьбы нѣсколько сосѣднихъ отцу Степану домовъ было занято гостями, пріѣхавшими на свадьбу издалека. По погосту возлѣ церкви мелькали суконныя, шерстяныя, шелковыя рясы, длинные и короткіе сюртуки, желтыя, голубыя и сѣрыя платья заѣзжаго люда, отъ нечего дѣлать обозрѣвавшаго окрестности. Отъ времени до времени на улицѣ появлялись разряженные по-своему кучера и проводили усталыхъ лошадей; или какой-нибудь дьячокъ тянулъ за конецъ узды свою кляченку на водопой. Все село почувствовало себя какъ-бы наканунѣ великаго праздника. Бабы повязали красные платки и, спрятавъ руки подъ фартукъ, съ любопытствомъ посматривали на гостей съ крыльца или изъ воротъ. Мужики понадѣли свѣжія рубахи и отвѣшивали низкіе поклоны при встрѣчѣ съ каждымъ пріѣзжимъ духовнымъ лицомъ. Въ домѣ отца Степана то-и-дѣло хлопали двери. На крыльцѣ появлялись бабы съ засученными рукавами и тотчасъ же снова скрывались въ сѣняхъ. Церковный сторожъ разметалъ метлой пространство передъ крыльцомъ дома и посыпалъ желтымъ пескомъ...

Въ семь часовъ вечера слѣдующаго дня домъ отца Степана былъ необычно освѣщенъ. Въ залѣ подъ образами сидѣли молодые, только-что пріѣхавшіе отъ вѣнца. Андрей Андреичъ, чисто выбритый и гладко причесанный, въ поношенномъ сюртукѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, безпокойно возился на стулѣ, то-и-дѣло потрогивалъ рукой бѣлую ленточку у себя на шеѣ, откашливался и что-то глоталъ. Лёнушка въ лиловомъ шелковомъ платьѣ, съ прической собственнаго изобрѣтенія, съ золотыми колосьями въ головѣ и съ откинутой назадъ коротенькой фатой, стыдливо прятала подъ платье кончики башмаковъ. На лицѣ ея, истомленномъ продолжительными хлопотами и обычнымъ передъ вѣнчаньемъ цѣлодневнымъ постомъ, выражалась и усталость, и радость, и задумчивость... Гости въ безпорядкѣ толпились по залѣ. Въ передней помѣстился оркестръ, нанятый въ одномъ трактирѣ города X. и состоящій изъ двухъ скрипокъ, кларнета, флейты

и контрабаса. Въ окнахъ виднѣлись платки, шапки, фуражки и приплюснутые стекломъ носы уличныхъ зрителей.

— Шампанскаго сюда, скорѣй шампанскаго! — бойко скомандовалъ шаферъ, кивая головой по направленію къ импровизованному домашнему буфету. (Шаферъ этотъ былъ не кто иной, какъ писарь станового, Иванъ Ильичъ, уже знакомый читателю).

— Шипучку, живѣй—шипучку!—повторилъ кто-то торопливымъ, рѣзкимъ шопотомъ въ дверяхъ буфета.

Подали шипучку.

Оркестръ заигралъ почему-то персидскій маршъ, и гости одинъ за другимъ потянулись къ новоиспеченной четѣ съ бокалами и поздравленіями. Новобрачные, вытянувшись въ струнку, безъ разбора и безъ счета отвѣшивали гостямъ поклоны, а гости варьировали на разные лады благожеланія. Кто говорилъ: «совѣтъ да любовь!» Кто: «счастливое долгоденствіе!» и т. п.

— Сто лѣтъ и куль червонцевъ!—вскрикнулъ писарь станового, стараясь принять живописную и торжественную позу.

Оркестръ затрещалъ-было вальсъ, но писарь тотчасъ же остановилъ его,—такъ какъ вальсирующихъ не предвидѣлось,— и приказалъ играть кадриль. Пока Ильичъ, суетливо бѣгая изъ угла въ уголъ, составлялъ кадриль, священно- и церковно-служители, составлявшіе преобладающій элементъ въ публикѣ, мало-по-малу разбрелись по другимъ комнатамъ, на этотъ разъ очищеннымъ отъ всего не относящагося къ *торжеству*. Въ спальнѣ, превращенной въ гостиную, образовался кружокъ однихъ батюшекъ подъ предсѣдательствомъ отца Андрея. Между ними тотчасъ же завязался разговоръ.

Но — два слова о батюшкахъ.

Въ послѣднія десятилѣтія успѣлъ незамѣтно выработаться новый типъ «попа», вовсе непохожій на прежній, такъ хорошо всѣмъ извѣстный и часто изображаемый въ литературѣ.

Въ составѣ теперешняго духовенства два поколѣнія — отцы и дѣти — представляютъ рѣзкія особенности съ внѣшней и внутренней стороны... Отцы носятъ шляпы бóльшею частію пуховыя, широкія и съ широкими крыльями, и носятъ ихъ лѣтъ по десяти. Дѣти обзавелись шелковыми цилиндрами съ узкими полями и мѣняютъ ихъ чуть не каждый годъ. Отцы предпочитаютъ въ одеждѣ черный цвѣтъ и суконную матерію; рясы шьютъ на всю жизнь и надѣваютъ только въ торжественныхъ случаяхъ; по подряснику подпоясываются кушакомъ. Дѣти излюбили шерстяную и шелковую матерію и притомъ цвѣтную; рясы надѣваютъ часто и имѣютъ привычку—особенно въ городѣ—на ходу отво-

рачивать полы и рукава, щеголяя франтовской подкладкой; подрясникъ, вмѣсто кушака, подпоясывають шитымъ поясомъ. Отцы надѣвають подрясникъ прямо на холстинное бѣлье и обматывають шею или ситцевымъ платкомъ, или длинной каленкоровой косынкой. Дѣти носятъ подъ подрясникомъ брюки на выпускѣ и выставляютъ подъ бородой полотняные воротнички. Отцы носятъ простые мужицкіе сапоги безъ калошъ. Дѣти хотя не обходятся безъ простыхъ, но непремѣнно имѣютъ въ запасѣ смазные съ мелкими и глубокими калошами. Отцы только въ торжественныхъ случаяхъ мажутъ себѣ волосы, и то—коровьимъ или деревяннымъ масломъ. Дѣти болѣе заняты собой, знакомы съ репейнымъ масломъ и постоянно носятъ при себѣ гребешокъ. Отцы съ самаго выхода своего изъ семинаріи имѣютъ дѣло только съ церковно-богослужебными книгами и относятся къ нимъ съ безотчетнымъ благоговѣніемъ; о журналахъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, или вовсе не имѣютъ понятія, или имѣютъ понятія самыя смутныя; о политикѣ знаютъ по наслышкѣ; проповѣди говорятъ очень рѣдко, и то, по примѣру праотцевъ, общими мѣстами и длинными періодами. Въ обществѣ отцы не разговорчивы. Дѣти читаютъ священныя и церковно-богослужебныя книги ex officio; больше любятъ читать журналы и газеты, но довольно поверхностно, чтобы запастись матеріаломъ для разговора и пустить пыли въ глаза. Проповѣди они говорятъ чаще отцовъ, причемъ любятъ щегольнуть публицистическимъ характеромъ содержанія и популярностью изложенія. Нѣкоторые силятся стяжать себѣ даже литературную славу помѣщеніемъ мелкихъ корреспонденцій въ газетахъ. Въ обществѣ дѣти умѣютъ «безъ принужденья въ разговорѣ коснуться до всего слегка». Отцы живутъ скопидомами, съ работниками раздѣляютъ трудъ и столъ; обстановка у нихъ въ домѣ незатѣйливая и старинчатая; изъ музыкальныхъ инструментовъ вы найдете у отцовъ развѣ только гитару,—да и то рѣдко. У нихъ свои наливки и настойки своего приготовленія и закуски. Дѣти живутъ открыто и нѣсколько барственно; за работой только присматриваютъ; ѣдятъ отдѣльно отъ прислуги и гораздо лучше ея. Въ домѣ у нихъ вы увидите вѣнскую мебель, диваны и кресла новаго фасона и даже фортепьяно, или роялино, купленное въ городѣ по случаю и стоящее по обыкновенію безъ употребленія. Выпивка и закуска у нихъ закупается въ городѣ. Отцы нюхаютъ табакъ,—дѣти курятъ. Отцы изрѣдка позволяютъ себѣ безкорыстно сыграть въ дурачки или въ короли. Дѣти возлюбили стуколку и то-и-дѣло упражняются въ ней. Отцы консервативны, не любятъ нововведеній ни въ чемъ.

Поставивши себѣ за правило вставать къ утренѣ въ четыре часа, они крѣпко держатся этого правила. Духовное званіе они предпочитаютъ свѣтскому, духовно-учебныя заведенія — свѣтскимъ учебнымъ заведеніямъ и пускаютъ своихъ сыновей по той дорогѣ, по которой шли сами. Дѣти любятъ либеральничать: утреню служатъ поздно; нерѣдко высказываютъ недовольство покроемъ православнаго духовнаго платья, сѣтуютъ иногда на запрещеніе имъ ходить въ театры и концерты; семинарію они въ большинствѣ презираютъ и дѣтей своихъ начали отдавать въ гимназіи. Отцы всѣмъ суютъ цѣловать руку, не разбирая ни званія, ни общественнаго положенія. Дѣти — даже богатаго мужика только благословляютъ, не давая ему цѣловать руки, а *господъ* — такъ и совсѣмъ не благословляютъ, а прямо жмутъ руки.

Между гостями отца Степана были представители какъ отцовъ, такъ и дѣтей.

Итакъ, между батюшками завязался разговоръ.

— Вотъ сколько насъ здѣсь собралось: чисто съѣздъ депутатовъ, — началъ высокій, горбоносый блондинъ въ пепельной шелковой рясѣ.—Ужъ не разработать ли намъ здѣсь что-нибудь къ будущему январьскому съѣзду? Ха-ха-ха!...

— А что же? Разсуждать всегда и вездѣ можно, — отозвался жирный брюнетъ въ коричневой рясѣ, поднося къ свѣчкѣ папиросу.

— Охъ, эти съѣзды-съѣзды, —проворчалъ отецъ Андрей, крутя головой.—Сколько шуму! сколько толковъ! Мы тó сдѣлаемъ, мы другое устроимъ. А пройдетъ съѣздъ — и всего ничего! Только время убивается, да расходъ лишній...

— Но позвольте васъ спросить, отъ кого это зависитъ?—произнесъ блондинъ, возвысивъ голосъ.—Вы вотъ не бывали на съѣздахъ-то, и не знаете. Въ журналахъ съѣзда бывали цѣлые десятки пунктовъ, и самыхъ жизненныхъ, такъ сказать вопіющихъ, а утверждалось всего два-три пункта. А вы, кажется, знаете, кто утверждаетъ-то...

— Значитъ, не слѣдовало утверждать — вотъ и не утверждали, — спокойно проговорилъ отецъ Андрей, принимая стаканъ поднесеннаго ему чаю.

— Не слѣдовало? Нѣтъ, слѣдовало, —горячился блондинъ.— Возьмите, напримѣръ, эмеритуру... Вѣдь это вопросъ жизни и смерти!...

— Эмеритуру? Это какую? — съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спросилъ отецъ Андрей.

Горбоносый блондинъ вкратцѣ объяснилъ значеніе и пользу эмеритуры.

— Вона-а!—протянулъ отецъ Андрей. — Хорошо, что и не утвердили. Зачѣмъ я буду платить на-вѣтеръ? Деньги я убью, а выйди изъ меня духъ—моей женѣ шишъ покажутъ. Нѣтъ, какъ самъ не наживешь, такъ ни изъ какой кассы не дадутъ. А ты живи, не мотай да дѣтямъ соблюдай; вотъ тебѣ и касса. А эти ваши... эмеритуры—пустая затѣя. Кто-нибудь другой наживется, а сироты въ обидѣ будутъ.

— Это не плоше нашего попечительства,—подойдя къ столу,—вставилъ отецъ Арсеній (родитель Петруши свата):—собираютъ, собираютъ деньги, а сиротамъ помощи почти никакой. Вдовая протопопица какая-нибудь, одинокая, да притомъ еще богатая, получаетъ сто рублей, а вдовая дьячиха съ кучею дѣтей — десять, либо семь рублей въ годъ. Да!...

— Но позвольте, позвольте, — прицѣпился-было блондинъ.

Но отецъ Арсеній, довольный тѣмъ, что вставилъ солидное возраженіе, заложивъ руки за спину, медленно зашагалъ въ сосѣднюю комнату.

— *Проминажъ!*—командовалъ въ залѣ Ильичъ.—Марья Алексѣвна, ко мнѣ, ко мнѣ! Э, Господи, да не такъ..

— Нѣтъ, да вы поймите, — приставалъ блондинъ къ отцу Андрею.

— Тутъ понимать-то нечего.

Блондинъ съ улыбкой пожалъ плечами, и оставивъ въ покоѣ отца Андрея, послѣ нѣкоторой паузы обратился къ молодымъ своимъ собратіямъ.

— Въ случаѣ неудачи будущаго съѣзда, я полагаю, намъ нужно будетъ что-нибудь предпринять. Иначе — чтó же это такое? Мы и такъ отстали отъ другихъ епархій, живемъ до сихъ поръ на патріархальныхъ началахъ.

— Чтó же именно намъ предпринять? спросилъ жирный брюнетъ.

— А то... Нужно будетъ дѣйствовать литературнымъ путемъ, подвергнуть свои интересы обсужденію общества. Въ наше время есть, слава Богу, самый цѣлесообразный органъ — «Церковно-общественный Вѣстникъ». Какъ не повезетъ, сейчасъ — хлопъ туда статейку!

— Дамы впередъ!—неистовствовалъ Ильичъ. Довольно! Фу, чортъ возьми!...

Ильичъ, утирая лобъ платкомъ, въ изнеможеніи бросился на стулъ возлѣ молодой вдовушки, развертывавшей конфекту.

— Конфетку желаете скушать? — спросилъ онъ, склонивъ голову и кося глаза на вдовушку. — А вотъ я—такъ сладкаго не люблю.

— Да и я не очень охотница...—жеманно отвѣчала вдовушка:— я взяла, — думала на ней стишокъ какой-нибудь есть. Бывало, на конфеткахъ стишки пишутъ.

— Зачѣмъ вамъ, сударыня, конфетка, когда вы сами конфетка?—изъяснялся Ильичъ.—Стишокъ вамъ нуженъ, такъ я вамъ стишокъ...

— Вотъ что! Нуте-ка, нуте-ка...—проговорила вдовушка, впиваясь въ собесѣдника масляными глазками.

Ильичъ наклонился къ вдовушкѣ, и, отгородивъ ротъ ладонью, шепнулъ ей на ухо:

Скажу вамъ отъ души:
Вы очень хороши!...

— Ха-ха-ха! — залилась вдовушка.—О, да какой же вы... Ну, ну-у...

— Еще бы! Я въ семинаріи цѣлыя сочиненія писалъ стихами; за это меня и выгнали, — отрапортовалъ Ильичъ... Не угодно ли со мной кадриль?

— Съ удовольствіемъ.

— Вашу руку... Эй, вы, кадриль!

Оркестръ заигралъ кадриль.

Долговязый дьячокъ съ впалыми щеками, выкаченными большими глазами и рѣдкой черной бородой, успѣвшій прежде времени схватить ободрительнаго, выстроившись среди залы, съ умиленіемъ провозгласилъ:

— Господи, какъ восхитительно-то! Музыка-то, музыка-то... такъ тебя и поднимаетъ!.. Елена Яковлевна, вы не обидитесь, если я сейчасъ въ присядку?.. То-есть... эхъ! Вотъ какъ!..

— Погодите, послѣ; сейчасъ кадриль будетъ, — проговорила Лёнушка.

— Послѣ... можетъ, я сейчасъ хочу,—обидчиво проговорилъ плясунъ и отправился къ батюшкамъ.

Къ батюшкамъ внесли подносъ съ выпивкой и закуской. Горбоносый блондинъ, засучивъ рукава выше локтя, выпилъ рюмку водки и, намазывая кончикомъ ножа масло на хлѣбъ, проговорилъ:

— Охъ, эти рукава наши! И закусить съ ними нельзя. Пора бы эту византію... Не даромъ въ «Отечественныхъ Запискахъ»...— продолжалъ онъ, уже закусывая.

— Эти широкіе рукава свидѣтельствуютъ о широтѣ нашего вліянія на народъ,—съострилъ кто-то изъ батюшекъ.

Острота была покрыта дружнымъ хохотомъ.

— Опять же вотъ теперь все пошло... съ насъ, да съ насъ,— надувался отецъ Андрей, уписавши полкоробки сардинокъ.—На разные тамъ классы, на зданія... Изыскать, говоритъ, средства. А по-моему, все это долженъ синодъ. У него, я полагаю, есть немалая сумма... да какъ, чай, не быть? Вотъ бы онъ изъ этой суммы-то и тово...

Отецъ Андрей исподлобья окинулъ глазами свою собратію и ожидалъ отвѣта. Но отвѣта не послѣдовало.

— Что же, неужели мы нынче не сразимся?.. хоть по маленькой?—шепнулъ жирный брюнетъ блондину.

— Неудобно,—тихо отозвался тотъ...—Развѣ на квартирѣ?..— А то такъ и быть: еще увидимся.

Ужинъ. Гости сидятъ вокругъ столовъ, разставленныхъ во всю залу покоемъ.

— За здоровье новобрачныхъ!—провозглашаетъ Ильичъ.

— Свя-а-тый Бо-о-же...—реветъ долговязый дьячокъ, свѣсивъ голову подъ столъ.

Одни изъ гостей улыбаются, другіе качаютъ головами.

— На свою тебѣ голову,—мрачно ворчитъ отецъ Андрей.

Гости торопливо прощаются и толпами расходятся по квартирамъ. Зала темнѣетъ. Освѣщеніе сосредоточивается въ спальнѣ. Отецъ Андрей, при участіи своей супруги, торжественно благословляетъ постель новобрачныхъ и троекратно цѣлуетъ Андрюшу и Лёнушку.

Потухаетъ послѣдній огонёкъ. Копотливая суета жизни задернута таинственнымъ покрываломъ ночи.

XI.

9 часовъ утра. Андрюша съ Лёнушкой подъ руку ходятъ по залѣ и весело разговариваютъ. Гости лѣниво бродятъ изъ комнаты въ комнаты, позѣвываютъ и потягиваются.

— А, вы уже тово... встали?—проговорилъ вошедшій отецъ Андрей.—А я хотѣлъ-было еще съ полчасика помѣшкать: пущай, молъ, ихъ... по новости.

Молодые подошли къ нему подъ благословеніе, поцѣловали его въ руку, въ губы и потомъ опять въ руку. Отецъ Андрей молча взялъ Лёнушку двумя пальцами подъ подбородокъ и уставилъ на нее испытующій взоръ. Лёнушка, встрѣтивши устойчивый взглядъ свекра, мгновенно вспыхнула и слегка отвела голову въ сторону. Отецъ Андрей опустилъ руку, тихонько и какъ-то принужденно кашлянулъ и направился въ сосѣднюю комнату. Въ дверяхъ встрѣтилъ его отецъ Степанъ и три раза крѣпко поцѣловалъ. Отецъ Андрей взялъ отца Степана за руку, отвелъ его къ окну и таинственно началъ:

— Ну, что́, ка́къ?

— То-есть, что́ это?—спросилъ отецъ Степанъ, не отнимая руки.

— Э-э... тово?...

— Да все слава Богу... Чего тамъ...

Отецъ Андрей началъ извиняться и лобызаться. Лёнушку онъ погладилъ по головкѣ и три раза поцѣловалъ въ маковку. Началось символическое битье тарелокъ, горшковъ и проч.

Послѣ продолжительныхъ ликованій отецъ Андрей отправился въ свою квартиру «отдохнуть» и насильно утащилъ съ собой Андрюшу. Черезъ полчаса съ его квартиры является къ отцу Степану посланный—шаршавый горбатый мужичонка.

— Что́ тебѣ?—спросилъ отецъ Степанъ посланнаго.

— Тамъ батюшка велѣлъ Алёну Яковлевну... чтобы, значитъ, къ нему. Супругъ, говоритъ, ихній желаетъ...

— Скажи батюшкѣ, что у Елены Яковлевны свой домъ есть,—съ досадой проговорилъ отецъ Степанъ:—пусть сюда пожалуютъ.

— Слушаю-съ.

Отказъ отца Степана поднялъ бурю, утишеніе которой стоило большихъ усилій.

На третій день свадьбы, утромъ, двинулся изъ села отца

Степана цѣлый поѣздъ гостей. Дня черезъ два послѣ того отецъ Степанъ укатилъ провѣдывать свое новоселье, а Андрюша началъ собираться въ городъ X. для посвященія.

XII.

— Андрюша, и я съ тобой поѣду,—просилась Лёнушка у мужа, какъ-то по-дѣтски растягивая слова.

— Да вѣдь неудобно, Лёна,—отговаривалъ тотъ:—ну, куда ты тамъ дѣнешься?

— Куда ты, туда и я. Развѣ мнѣ много мѣста нужно?

— Нѣтъ, право, Лёна: ну, что̀ ты тамъ будешь дѣлать?

— Ну, вотъ... будто непремѣнно дѣлать... Я посмотрю, какъ тебя будутъ посвящать. Тамъ на карточку снимемся... Ну же, Андрюша, возьми. Что это, ей-Богу...

— Да ну, ладно, ладно, поѣдемъ.

— Охъ ты, мой миленькій! Вотъ же тебѣ за это! вотъ! вотъ! Лёна обвила руками шею мужа и начала крѣпко и звонко цѣловать его въ губы, въ лобъ, въ щеки. Она быстро уложила въ узелъ свои платьица и платье Андрея Андреича, не забыла даже захватить съ собою чаю и сахару—и они поѣхали.

Прибывши въ губернскій городъ, они заняли въ «гостинницѣ для пріѣзжающихъ» грязный нумерокъ въ одну комнатку. Когда они напились чаю и нѣсколько отдохнули съ дороги, Андрей Андреичъ, приформившись, отправился разузнать, когда могутъ его посвятить. Часа черезъ два онъ вернулся и объявилъ Лёнушкѣ, что сегодня же ему велѣно явиться въ каѳедральный соборъ ко всенощной читать шестопсалміе, каѳизмы и канонъ, что завтра, по случаю праздника, будетъ служить архіерей и посвятитъ его во діакона.

— Ахъ, какъ славно, что все это безъ задержки!.. Ну, дружокъ, прощайся съ своимъ сюртукомъ!.. Вѣдь, ты завтра ужъ въ подрясникѣ пойдешь?

— Да, въ подрясникѣ.

— Ми-илочка ты мой!—съ нѣкоторой жалостью протянула Лёнушка.

Андрей Андреичъ, молча, осмотрѣлъ себя кругомъ, какъ-бы прощаясь съ своимъ свѣтскимъ костюмомъ.

Къ вечеру у Лёнушки разболѣлась голова, такъ что она не пошла ко всенощной.

— Ну, что, благополучно?—спросила она мужа, когда тотъ, часовъ въ десять, вернулся къ ней отъ всенощной.

— Вообще ничего, — отвѣтилъ Андрей Андреичъ, раздѣваясь.—Только собака-псаломщикъ ужасно надоѣлъ: то-и-дѣло ворчитъ и суетъ въ книгу пальцемъ. Какъ будто безъ него не знаютъ!.. Раза три даже удареніе мнѣ поправилъ, да вѣдь все въ слухъ.

Утромъ слѣдующаго дня часа полтора съ-ряду торжественный гулъ соборнаго колокола носился густыми волнами надъ городомъ. Лёнушка отправилась въ обѣднѣ хотя послѣ мужа, но все-таки довольно рано. Выбравъ въ соборѣ удобное мѣсто для наблюденія, она съ нетерпѣніемъ ждала момента, когда ея «дружокъ» явится дѣйствующимъ лицомъ въ величественномъ обрядѣ... Народъ разступился передъ каѳедрой на двѣ половины и съ умиленіемъ смотрѣлъ на архіерея, какъ онъ громаднымъ гребешкомъ расчесывалъ себѣ бороду, садился на мягкую бархатную табуретку, мылъ руки, благословлялъ и т. п. Но вотъ привели къ каѳедрѣ и Андрея Андреича, заставили его поклониться архіерею, поцѣловать у него руку и надѣли на него коротенькую тальмочку. Волосы у него ссыпались на лобъ; онъ суетливо вертитъ головою, боязливо моргаетъ. Краска бросилась въ лицо Лёнушки, и она съ затаеннымъ дыханіемъ слѣдитъ за каждымъ движеніемъ «дружка». «Бѣдненькій, какъ онъ, должно быть, испугался!» думаетъ она. Между тѣмъ коренастый, курносый и низколобый протодіаконъ, чувствуя себя въ церкви какъ дома, вскинулъ обѣими руками свои пушистые волосы, и раскрывъ какую-то большую книгу, пальцемъ указалъ Андрюшѣ что-то прочесть въ ней. Вотъ книгу снова берутъ у Андрюши, снимаютъ съ него тальмочку, надѣваютъ на него стихарь, снова заставляютъ поцѣловать у архіерея руку и велятъ идти въ алтарь. Торопливою, неровною поступью, слегка пошатываясь, направился онъ въ указанное ему мѣсто.

Лёнушка провожаетъ мужа глазами и ждетъ дальнѣйшихъ священныхъ дѣйствій надъ нимъ. Ни на что больше она не обращаетъ вниманія, и ей кажется, что и народъ, наполнившій соборъ, собрался затѣмъ только, чтобы посмотрѣть на ея Андрюшу.

Въ душѣ Лёнушки «торжественно и чудно», и она молится, молится, крѣпко прижимая пальцы ко лбу и не чувствуя усталости отъ продолжительной службы. Широко раскрывшіеся глаза ея блестятъ вдохновеннымъ блескомъ, личико сдѣлалось какимъ-то прозрачнымъ.

Вотъ пропѣли «Тебе поемъ». Андрюша, въ сопровожденіи

двухъ иподіаконовъ, вышелъ за амвонъ. Лёна подняла голову, приподнялась на пальчикахъ и нѣсколько вытянулась.

— «Повели-и!»—раздался звонкій теноръ иподіакона.

— «Повели, преосвященнѣйшій владыко»,—подхватилъ въ алтарѣ протодіаконъ страшнымъ громовымъ басищемъ.

Иподіаконы, уцѣпившись одной рукой за рукавъ стихаря Андрюши, а другую положивши ему на плечо, быстро потащили его въ алтарь, и сильнымъ, порывистымъ толчкомъ повалили въ ноги архіерея, сидѣвшаго въ креслахъ съ лѣваго угла престола.

— «А-аксіосъ! А-аксіосъ! А-аксіосъ!»—заключилъ церемонію протодіаконъ.

— «Аксіосъ-аксіосъ-а-а-аксіосъ!»—стройнымъ аккордомъ отозвался хоръ, въ противоположность протодіакону, сливая всѣ три слова въ одно.

Мурашки пробѣжали по тѣлу Лёнушки, и она испустила тихій, протяжный вздохъ.

Предъ концомъ обѣдни Андрюша вышелъ съ маленькой книжкой изъ алтаря и остановился предъ мѣстной иконой, съ лѣвой стороны царскихъ вратъ. Рядомъ съ нимъ выстроился иподіаконъ.

— «Паки и паки міромъ Господу помолимся!»—возгласилъ въ первый разъ Андрюша по знаку иподіакона, и такимъ неестественнымъ, тоненькимъ, слабенькимъ фальцетомъ, что Лёнушка подумала про себя: «бѣдненькій!»

Увидѣвшись съ мужемъ въ нумерѣ, Лёнушка съ трепетною и восторженною радостію бросилась его цѣловать. Она шаловливо дергала его за широкіе рукава, гладила его по спинѣ и по плечамъ, отбѣгала въ сторону и съ улыбкой осматривала его съ ногъ до головы, снова подбѣгала къ нему и цѣловала его, называя «милымъ отцомъ дьякономъ» и т. п.

— Скажи пожалуйста,—спрашивала Лёнушка, уже присмирѣвшая, сидя съ мужемъ за чайнымъ столомъ,—скажи пожалуйста, какія это слова говорилъ тебѣ архіерей на ухо? Покойный папаша говорилъ, что это великія, страшныя слова; такъ вѣдь—а?

— Да-а,—задумчиво протянулъ Андрей Андреичъ, и отвелъ глаза въ сторону.

Въ слѣдующее воскресенье Андрея Андреича посвятили во священники, и наступила для него пора расплаты.

Проводивши архіерея изъ церкви, соборяне, разоблачившись, начали одинъ за другимъ подходить къ Андрею Андреичу.

— Съ благодатію васъ, отецъ Андрей,—пробасилъ протодіаконъ, пододвигаясь къ новому *отцу* и протягивая ему жирную, нестибающуюся ладонь. — Славный будете служака, славный!—продолжалъ онъ, взвѣшивая на своей ручищѣ маленькую руку Андрюши.—Похлопотали мы около васъ, но за то, я увѣренъ, не даромъ.

Усмотрѣвши въ послѣднихъ словахъ протодіакона тенденціозную двусмысленность, Андрюша полѣзъ въ карманъ...

Послѣ протодьякона приступилъ къ Андрюшѣ ключарь, и хотя «ловкимъ, тонкимъ и обходительнымъ манеромъ, но все-таки слизалъ съ него подобающее». (Въ этихъ именно выраженіяхъ Андрюша разсказывалъ послѣ о своей расплатѣ съ ключаремъ).

Затѣмъ подскочили иподіаконы и «тоже сорвали свое» (опять выраженіе Андрюши). Они набивались-было къ нему «на вечерокъ», но Андрюша отдѣлался отъ нихъ, солгавши, что у него жена въ нумерѣ ужасно разболѣлась. Послѣ иподіаконовъ архіерейскій регентъ получилъ «на хоръ». Андрюша собрался-было уходить, какъ его обступили трое мальчугановъ «исполатчиковъ», и тоже просили у него на чай. Когда Андрей Андреичъ замѣтилъ, что онъ уже далъ на пѣвчихъ, то мальчуганы возразили: «тѣ сами по себѣ, а мы *исъ-полла-эти-деспота* поемъ». Какъ ни слабъ былъ аргументъ мальчугановъ, но они такъ неотступно приставали, что Андрюша долженъ былъ заплатить и имъ. Затѣмъ пришлось еще одѣлить псаломщика, звонарей и церковныхъ сторожей. И всѣ-то недовольны, ворчатъ, просятъ прибавки. Холодный потъ выступилъ на лбу Андрюши, и онъ, дрожащими руками схвативши шапку, опрометью бросился изъ собора.

— Стригольники, право, стригольники! — ворчалъ Андрей Андреичъ, поднявъ полы рясы и шагая по выдающимся изъ грязи камнямъ.

Андрюша зналъ изъ исторіи, что стригольники были противъ поставленія «на мздѣ»; но въ раздраженномъ состояніи почему-то именно это выраженіе сорвалось у него съ языка. Впослѣдствіи же это, случайно употребленное, выраженіе такъ ему понравилось, что онъ и соборянъ и консисторцевъ иначе не называлъ, какъ «стригольники».

Незадолго до отъѣзда его изъ X., ему вручили въ консисторіи славянскую библію большого формата и потребовали за нее три рубля.

— Да у меня есть библія дома,—возразилъ Андрюша.

— Мало ли что... Нельзя... Такъ полагается,—отвѣтили ему, и продали ему библію.

XIII.

Не малыхъ хлопотъ стоило Андрюшѣ и Лёнушкѣ устроить хозяйство въ своемъ домѣ, такъ какъ отецъ Степанъ, переѣзжая на новоселье въ свой «отличнѣйшій приходъ», почти все движимое забралъ изъ своего прежняго дома съ собою. Но Лёнушку это нисколько не огорчало; напротивъ, ей нравилась суета первоначальнаго обзаведенія и даже въ утомленіи среди хозяйственныхъ хлопотъ она находила наслажденіе, при сознаніи, что она дѣйствуетъ уже по своей доброй волѣ и созидаетъ свое собственное гнѣздо. Не сѣтовала она и на то, что младшая сестра ея, Маша, уѣхала съ дядей, склонившись на убѣжденія тётки и двоюродныхъ сестрёнокъ и не обративши вниманія на просьбу родной старшей сестры—остаться съ нею. Лёнушка чувствовала себя до такой степени счастливою, что, казалось, никто ничего не могъ прибавить къ ея счастію. Весь міръ для нея сосредоточился въ одномъ лицѣ—въ ея миломъ Андрюшѣ. Не ощущая до своего замужства никакихъ любовныхъ поползновеній, она полюбила его со всѣмъ пыломъ первой любви, предполагая въ немъ совмѣщеніе всѣхъ совершенствъ, какими только могъ, по ея понятіямъ, обладать человѣкъ. Андрюша сталъ для нея чѣмъ-то въ родѣ пантеистическаго бога, проникающаго и наполняющаго собою все, въ особенности же ея сердце. Оставшись одна, она постоянно ощущала его присутствіе возлѣ себя, воспроизводила тѣ чувствованія, какія она испытывала отъ его ласкъ, улыбалась, внутренно разговаривала съ нимъ. Его платье и вообще всѣ его вещи, попадавшіяся ей на глаза, мгновенно олицетворялись въ ея воображеніи и принимали *его* образъ. Она слышала его даже въ скрыпѣ двери, въ благовѣстѣ колокола и т. п. Дѣлала ли она что-нибудь, она представляла себѣ *его*, представляла, ка̀къ онъ увидитъ это, и что̀ онъ скажетъ ей. Прислушиваясь къ звукамъ своего голоса, она замѣчала, что она говоритъ уже не такъ, ка̀къ прежде говорила, что она стала говорить точь-въ-точь такъ, ка̀къ *онъ* говоритъ; это и забавляло ее, и вмѣстѣ чрезвычайно нравилось ей. Она была увѣрена, что все, что̀ нравится ей, непремѣнно нравится и ему, и что онъ всегда долженъ чувствовать себя совершенно такъ же, какъ и она. Возвращался ли откуда-нибудь Андрюша, Лёнушка, узнавши его шаги еще въ сѣняхъ, бѣжала къ двери, встрѣчала его, помогала ему раздѣваться, цѣловала его, тащила его за руки въ залъ и уже ни на минуту отъ него не отходила. Словомъ, лю-

бовь Лёнушки была восторженная, энтузіастическая, самозабвенная, любовь «Пѣсни Пѣсней».

Лёнушка внесла въ супружескую жизнь нѣжно-поэтическую идиллію, которая проникала всѣ разнообразныя отношенія ея къ мужу.

Андрей Андреичъ и въ санѣ священства любилъ забавляться игрой на гитарѣ. Разъ, утромъ, онъ досталъ со стѣны гитару, усѣлся на диванѣ, положилъ нога на ногу и взялъ нѣсколько аккордовъ.

— Андрюша, выучи меня играть, — съ живостью сказала Лёнушка, наклонившись къ мужу и ласково смотря ему въ глаза.

— Да вѣдь трудно, ты не поймешь... Я вѣдь сколько учился-то!..

— Пойму, пойму, съ-разу пойму!...

— Ну, хорошо; нá, бери.

Андрюша вручилъ Лёнушкѣ гитару.

— Ну, какъ же тутъ? — спросила Лёнушка, неловко уложивши гитару на колѣняхъ.

— Да развѣ такъ можно держать?—замѣтилъ Андрюша...— и показалъ, какъ нужно держать гитару.

— Ну, хорошо, хорошо... Такъ какъ же играть-то?

Андрюша просунулъ свою руку подъ руку Лёнушки и сдѣлалъ для примѣра нѣсколько переборовъ.

— Ну, погоди, сейчасъ, — серьёзно проговорила Лёнушка, кивнувъ головой въ знакъ того, что, дескать, поняла.

Она подобрала платьице, усѣлась половчѣй и начала свой «переборъ». Нѣсколько подогнувъ свои маленькіе пальчики, она медленно начала шевелить ими по струнамъ, цѣпляя однимъ пальцемъ двѣ-три струны съ-разу и при каждой ошибкѣ тряся головой.

— Э, э, братъ, чтó же это такое? — поддразнивающимъ тономъ произнесъ Андрюша.

— Да ты погоди... не съ-разу вѣдь...

— Ты, я вижу, до второго пришествія не выучишься,— проговорилъ Андрюша, хохоча и протягивая руку, чтобы взять гитару.

Лёнушка ударила его по рукѣ, отложила неблагодарный инструментъ въ сторону, и, быстро вскочивъ съ мѣста, начала щекотать мужа...

— Постой, постой, не трогай! Ой, постой! О-о-о-ой! — кричалъ Андрюша, прогрессивно возвышая голосъ.

Лёнушка, запыхавшаяся и раскраснѣвшаяся, крѣпко стиснула мужа въ объятіяхъ.

— Ну-ка, поди сюда, — сказала Лёнушка, нѣсколько успокоившись и дергая мужа за обѣ руки.

— Куда?—спросилъ Андрюша, не трогаясь съ мѣста.

— Вотъ сюда, сюда,—продолжала она, тащя его къ зеркалу.

Чета подошла къ зеркалу, и Лёнушка, положивши руку на плечо мужа, спросила:

— Посмотри, ты вѣдь похожъ на меня, — а?

— Ничуть, — отвѣтилъ Андрюша, водя глазами по обоимъ отраженіямъ въ зеркалѣ.

— Да ты посмотри получше: ну, какъ же не похожъ-то?

— Я и смотрю... Ну, какое же тутъ сходство? У тебя волосы каштановые, а у меня темные. У тебя лобъ высокій, а у меня низенькій. У тебя глаза голубые, а у меня каріе. У тебя носъ длинный и острый, а у меня короткій. У тебя губки тоненькія, а у меня толстыя.

Пока Андрюша говорилъ все это, Лёнушка молча улыбалась и провѣряла въ зеркалѣ его описаніе.

— Все-таки что-то такое есть... такъ мнѣ кажется,—сказала она, продолжая улыбаться.

— У тебя нѣтъ бороды, а у меня есть!—шутливо крикнулъ Андрюша, пріосанившись.

— Эка вѣдь борода какая! — насмѣшливо произнесла Лёнушка и провела ладонью по колючимъ игламъ возникающей бороды мужа...—Отчего это ты бываешь разный?—спросила она послѣ нѣкоторой паузы.

— Какъ разный?

— Да такъ: вотъ теперь ты такой, а въ церкви совсѣмъ другой. Посмотришь на тебя—ты какой-то святой. Особенно я люблю смотрѣть на тебя во время Херувимской, когда ты стоишь передъ престоломъ и вотъ этакъ... руки кверху.

Лёнушка вышла въ сосѣднюю комнату и минуть черезъ десять вынесла Андрюшѣ свернутый клочокъ бумаги.

— Вотъ тебѣ записку прислали,—сказала она, едва сдерживая улыбку.

Андрюша развернулъ клочокъ и прочелъ въ слухъ: «Голубчикъ мой! пора обѣдать. Слуга твоя Елена». Онъ улыбнулся, досталъ въ одномъ изъ своихъ кармановъ коротенькій карандашикъ, присѣлъ къ столу и на оборотѣ клочка написалъ: «Вели, душенька моя, накрывать на столъ. Заочно цѣлую тебя несчетно разъ. Послушникъ твой Андрей». Лёнушка блестящими глазами пробѣжала отвѣтъ.

— Охъ ты мой!.. — воскликнула она, сильно ударивъ мужа по плечу, и убѣжала.

— Андрюша, ты знаешь, какъ я тебя люблю, — обратилась Лёнушка къ мужу за вечернимъ чаемъ.

— Нѣтъ, не знаю, — съ улыбкой отвѣтилъ Андрюша.

— Какъ папашу своего.

— Гм-гм... — промычалъ Андрей Андреичъ.

— Чтò я, какъ папашу? — поправилась Лёна. — Я тебя такъ люблю, такъ люблю, какъ... ужъ и не знаю кáкъ...

— Гм-гм...; снова промычалъ супругъ.

— Бывало, папаша мнѣ книжки читаетъ, разсказываетъ мнѣ обо всемъ, — изъясняла Лёнушка. — Ты вѣдь тоже будешь мнѣ читать и разсказывать — а?

— Гм-гм... — отозвался Андрей Андреичъ.

— Да чтò ты все: «угу, угу!» — передразнила Лёнушка: — ты скажи, какъ слѣдуетъ.

— Тогда видно будетъ, — проговорилъ Андрей Андреичъ, приглаживая себѣ волосы.

Лёнушка пристально посмотрѣла на него — и задумалась.

XIV.

Андрей Андреичъ учился въ семинаріи, какъ говорится, тàкъ себѣ. Онъ былъ парень со способностями, но не зналъ, чтò дѣлать съ этими способностями, на чтò ихъ употребить. Влеченія къ наукамъ онъ не чувствовалъ и стимула къ занятіямъ ими ниоткуда не получалъ. Онъ постоянно сознавалъ, что лучше кончить курсъ, чѣмъ не кончить; но для чего это нужно и чтò изъ этого выйдетъ, — объ этомъ онъ знать не хотѣлъ. Съ одинаковымъ равнодушіемъ онъ изучалъ физику и Пророка Іезекіиля, философію и гомилетику, педагогику и греческій языкъ. Ни одного семинарскаго учебника онъ не зналъ вполнѣ. Въ цѣлый мѣсяцъ изъ каждаго учебника онъ готовилъ только по одному уроку, именно къ тому классу, въ который, по его соображеніямъ, учитель долженъ былъ спросить его. (А эти соображенія у семинаристовъ очень тонки и основательны.) Экзаменовъ Андрей Андреевичъ не боялся, да и нечего было ихъ бояться, такъ какъ билеты къ экзамену дѣлали по каждому предмету сами же ученики, дѣлали на нихъ предварительно мѣтки — и на экзаменѣ каждый изъ учениковъ отвѣчалъ, чтò лучше зналъ и чтò *хотѣлъ* отвѣчать. Учителя хотя бòльшею частію и знали эти продѣлки,

но не мѣшали ученикамъ, вспоминая свою юность и зная изъ опыта, что система надувательства выставляетъ на экзаменѣ плоды ихъ педагогической дѣятельности гораздо въ лучшемъ свѣтѣ, чѣмъ система нелицемѣрной прямоты и нагольной правды. Отецъ о томъ только и твердилъ Андрюшѣ, чтобы онъ «ничѣмъ не маралъ себя, ни во что не вовлекался, и чтобы старался кончить курсъ безъ всякаго пятна». Андрюша рано успѣлъ убѣдиться, что отецъ проповѣдуетъ ему не глубокую евангельскую мораль, а житейскую, полицейскую, и тщательно выполнялъ завѣтъ родителя.

У него было своего рода savoir vivre, въ силу котораго онъ всегда искусно лавировалъ между сциллами и харибдами семинарской жизни. Онъ жилъ все время школьнаго *воспитанія* на квартирѣ, находившейся на одной изъ окраинъ города. Хотя суровыя правила семинарской инструкціи были одинаково обязательны какъ для «казеннокоштныхъ», «корпусныхъ», такъ и для «квартирныхъ» учениковъ, но жизнь «квартирная», по силѣ самыхъ вещей, была несравненно вольготнѣй жизни «корпусной». Въ корпусѣ *ученикъ* неизбѣжно долженъ былъ приспособляться къ узаконеннымъ для него условіямъ; въ квартирѣ, напротивъ, сами условія свободно и искусно приспособлялись къ ученикамъ. Всѣ лица инспекторскаго надзора жили въ корпусѣ, и если не всѣ, то какое-нибудь одно изъ нихъ въ каждую данную минуту внѣ-класснаго времени непремѣнно стояло надъ душою и тѣломъ ученика до тѣхъ поръ, пока онъ въ 10 часовъ ночи не заснетъ сладкимъ сномъ отогнавшаго отъ себя нечистыхъ духовъ праведника. Въ жизнь квартирныхъ учениковъ инспекція, сконцентрированная въ корпусѣ, заглядывала рѣдко: бóльшею частью въ праздникъ, и то въ случаѣ хорошей погоды и притомъ никакъ уже не позже восьми часовъ вечера. «Квартирные» ученики знали это очень хорошо, и такъ искусно прилаживались къ благопріятнымъ для нихъ обстоятельствамъ, что инспекція нерѣдко ставила ихъ въ примѣръ «корпуснымъ». Но на дѣлѣ жизнь квартирныхъ учениковъ далеко не согласовалась съ идеаломъ и дисциплинарными предначертаніями начальства. Они общими силами прорывали себѣ нѣсколько каналовъ, по которымъ въ удобное время выплывали изъ тѣснаго русла казенной школьной жизни въ русло просторнаго, заманчиваго, но запрещеннаго моря житейскаго — и нерѣдко доплывали до геркулесовыхъ столбовъ... Тогда какъ въ корпусѣ усердно слѣдили за тѣмъ, чтобы ученикъ занимался уроками къ слѣдующему дню и позволяли читать книги только предварительно просмотрѣнныя инспекціею и имѣющія близкое отношеніе къ

изучаемымъ имъ предметамъ,—въ квартирѣ можно было или ничего не дѣлать, или читать, что кому угодно, что кому нравится. Люди серьёзные умѣли извлекать для себя крупную пользу изъ этой свободы, но такихъ было не много; они составляли отдѣльный кружокъ, къ которому Андрей Андреичъ не примыкалъ. Андрей Андреичъ, подобно своимъ квартирнымъ товарищамъ, тоже пріобрѣлъ вкусъ къ чтенію, но къ такому чтенію, которое Смайльсъ назвалъ «особаго вида лѣностью». Онъ читалъ для того, чтобы убить время, занять чѣмъ-нибудь праздное воображеніе. Онъ читалъ обыкновенно *свѣтскія* книги, и читалъ безъ всякаго разбора и плана. Ему безотчетно, самъ онъ не зналъ почему, нравились тѣ теоріи естествознанія, которыя противорѣчили какому-либо пункту догматики, хотя онъ и мало понималъ эти теоріи. Но съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ онъ такія повѣсти и разсказы, въ которыхъ въ смѣшномъ видѣ изображалось духовенство. Онъ испытывалъ при этомъ чувство какого-то непонятнаго злорадства. Впрочемъ, чтеніе книгъ было не единственнымъ развлеченіемъ въ школьной жизни Андрея Андреича. Удобства «квартирной» жизни открывали ему пути и способы къ разнообразнымъ удовольствіямъ. Тогда какъ «корпусные» ученики ночью обыкновенно были кругомъ заперты и обставлены стражей, «квартирные», просидѣвъ дома *опасное* время — до восьми часовъ вечера,—смѣло затѣмъ отправлялись искать приключеній, гдѣ кому и какихъ было угодно. Хозяйки величали ихъ *большими*, были съ ними на *вы*, называли непремѣнно по имени и отчеству, и услужливо отпирали имъ ворота во всякое время. Если же иногда не хотѣлось выходить со двора, то и дома можно было провести время не въ примѣръ веселѣе, чѣмъ въ корпусѣ. На гитарѣ играй, сколько хочешь; захотѣлось пѣть —ори хоть во все горло, никто не скажетъ: тише, замолчите! Послѣ ужина затѣвался иногда такой разговоръ, что только успѣвали животы подхватывать со смѣху. Разговоръ продолжался иногда далеко за-полночь, въ потьмахъ, когда каждый уже лежалъ на своей постели. И сколько тутъ слышалось грубаго кощунства, непокрытаго, безстыднаго цинизма, Богъ знаетъ, когда и откуда начерпаннаго! И все это было шито-крыто; слышали однѣ стѣны, да свой братъ-товарищъ, который не осудитъ и не выдастъ. Начальство этого не подозрѣвало, родители и вообразить не могли.

И кончилъ Андрей Андреичъ курсъ съ клочками и хвостиками изъ обширнаго курса наукъ и съ бродячими, отрывочными, мимолетными свѣдѣніями изъ чего-то *такого*, *этакого*.

Серьёзной подготовленности—ни къ чему, убѣжденій—никакихъ, взглядъ на жизнь—верхъ легкомыслія, понятіе о себѣ—самое высокое,—вотъ добродѣтели, съ какими Андрей Андреичъ выступилъ изъ школы въ жизнь. Семинарія выпустила его въ началѣ второго разряда и оцѣнила его нравственность балломъ 5. Отецъ принялъ «незапятнаннаго» сына съ распростертыми объятіями, любовался имъ и всѣмъ ставилъ въ примѣръ. Андрей услаждался ухаживаніемъ за нимъ отца, ни въ чемъ не противорѣчилъ ему и въ глубинѣ души чувствовалъ неизмѣримое надъ нимъ превосходство. Жизнь отца ему казалась «чепухой», «ерундой», но какова должна быть настоящая, истинная жизнь, — объ этомъ онъ имѣлъ самое смутное понятіе и не чувствовалъ ни малѣйшаго побужденія размышлять объ этомъ. Сдѣлавшись мужемъ красивой, «родовитой» женщины, священникомъ и самостоятельнымъ хозяиномъ, онъ первое время постоянно чувствовалъ себя какъ послѣ сытнаго, питательнаго обѣда. По всему существу его разливалось ощущеніе лѣнивой нѣги. Онъ чувствовалъ себя счастливымъ, и это чувство не походило на чувство Лёнушки. У Лёнушки чувство счастія проистекало изъ увѣренности, что ей Богъ послалъ въ лицѣ Андрюши самое высшее благо, которымъ она будетъ владѣть вѣчно и непрерывно. У ней это чувство соединялось съ живѣйшею дѣятельностью фантазіи, создававшей заманчивые планы и свѣтлыя мечты, рисовавшей ей будущее въ самыхъ привлекательныхъ картинахъ,—и проявлялось въ неудержимой дѣтской игривости и въ нѣжныхъ неотвязчивыхъ ласкахъ. У Андрея Андреича источникомъ этого чувства служило прозаическое сознаніе, что онъ, «слава Богу, устроился вообще не хуже многихъ». Въ будущее онъ не заглядывалъ, ни о чемъ не мечталъ, а доволенъ былъ тѣмъ, что ему въ *данную минуту* хорошо. Довольство жизнью у него выражалось въ шуткахъ и остротахъ, иногда въ пѣніи и т. п.; на ласки къ женѣ онъ не былъ скупъ, но ласкалъ ее большею частію уже въ отвѣтъ на ея ласки. Иниціатива въ этомъ отношеніи принадлежала обыкновенно Лёнушкѣ. Онъ старался попасть въ ея тонъ, но внутренно чувствовалъ въ тонахъ разладъ, хотя Лёнушка этого не замѣчала. Всѣ сокровенныя духовныя струны супруговъ были настроены на совершенно разные тоны. Взгляды, вкусы, симпатіи и желанія у обоихъ были различны. Но Лёнушкѣ, горѣвшей пламенной любовью, нужно было если не куль, то по крайней мѣрѣ—пудъ соли съѣсть съ своимъ супругомъ, чтобы быть въ состояніи уразумѣть и почувствовать эту дисгармонію.

О. Завѣтный.

КАРЛЪ МАРКСЪ

и

ЕГО КНИГА О КАПИТАЛѢ

I.

Область общественныхъ наукъ давно дѣлилась на двѣ отдѣльныя отрасли: науку права и экономію. Собственно говоря, эти отдѣлы отвѣчали двумъ различнымъ сторонамъ, которыя заключаются для насъ въ каждомъ предметѣ: сторонѣ формальной и матеріальной. Наука права изучила общество со стороны его формы, или въ отношеніи морфологическомъ. Экономія—со стороны матеріальной, или содержанія, обусловливающаго эту форму.

Въ дѣйствительности обѣ стороны предмета бываютъ неразрывно связаны между собой, а потому подобное дѣленіе бываетъ всегда болѣе или менѣе искусственно. Тѣмъ не менѣе оно оправдывается въ виду удобства изученія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывается и существованіе двухъ отдѣльныхъ научныхъ отраслей наукъ, которыя мы указали. Не имѣя вслѣдствіе этого ничего сказать противъ такого раздѣла въ существѣ, нельзя не обратить вниманія на ту важность, которую представляетъ ясное сознаніе наукою вышеозначенной естественной связи между ея отдѣлами, и на тѣ заблужденія, которыя могутъ проистекать, разъ мы станемъ забывать условное ихъ значеніе. Примѣръ науки права въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до послѣдняго времени, можетъ служить живымъ указаніемъ послѣдствій, вытекающихъ изъ взгляда на форму какъ на нѣчто совершенно самостоятельное,

и изъ спеціализаціи ея изученія въ этомъ смыслѣ. Нечего, я думаю, объяснять, что такова была дѣйствительно точка зрѣнія университетской науки права.

Можно сказать только въ ея оправданіе, что изученіе общества началось наукою вообще съ такой его внѣшней, формальной стороны, что наука права родилась ранѣе экономіи, и потому до появленія послѣдней естественно было искать объясненія этихъ формъ какъ явленія совершенно самостоятельнаго или по крайней мѣрѣ совершенно независимаго отъ экономическихъ явленій. Изучая ихъ въ такомъ видѣ, первоначально наука права отыскивала объясненія этихъ формъ и ихъ опредѣляющаго содержанія поневолѣ въ такихъ же формальныхъ отвлеченныхъ основаніяхъ. Онѣ для нея служили то осуществленіемъ на землѣ высшей правды и справедливости, то идеи добра, проходившей въ своемъ развитіи формальныя стадіи логическаго процесса и достигавшей, наконецъ, сознанія самой себя.

Что въ такихъ средствахъ наука права не могла найти объясненія этихъ формъ и съ ихъ помощію открыть ихъ опредѣляющаго содержанія,—это можетъ быть не потребуетъ теперь особеннаго объясненія. Но разъ ставъ на подобную точку зрѣнія, наука продолжала ея держаться, не безъ нѣкотораго упрямства, и гораздо позднѣе появленія экономической науки. Какого бы мы ни были мнѣнія о послѣдней, нельзя отрицать, что появленіе ея обязывало юристовъ обратить на нее свое вниманіе и изслѣдовать вообще вопросъ объ отношеніи, которое она могла имѣть къ юридическимъ формамъ. Между тѣмъ игнорированіе ея простиралось до того, что экономическая наука исключалась вовсе изъ юридическихъ факультетовъ и отдѣлилась въ область наукъ филологическихъ и историческихъ. Филологъ болѣе зналъ о политической экономіи, чѣмъ спеціалистъ по наукѣ права.

Съ своей стороны, экономія началась съ скромнаго изученія матеріальныхъ условій человѣческаго существованія, осторожно обходя вопросы права, какъ для нея посторонніе, принимая юридическія формы, какъ обязательныя для нея факты и изслѣдуя экономическій процессъ, какъ онъ совершается въ данныхъ формахъ.

Въ этомъ видѣ она образовала направленіе исключительно занятое изслѣдованіемъ собственно матеріальной стороны общежитія. Но упорное игнорированіе наукой права всякаго экономическаго значенія за формами привело къ тому, что въ средѣ экономическихъ писателей возникла школа, вмѣшавшаяся въ формальные вопросы общежитія съ экономической точки зрѣнія.

Если бы такое вмѣшательство происходило съ той осторожностью, какой требуетъ строго-научное изслѣдованіе, то оно ничего не принесло бы кромѣ пользы наукѣ. Но, какъ всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возникающія направленія вытекаютъ не изъ постепеннаго развитія науки, а вслѣдствіе упорства послѣдней въ ложныхъ методахъ или другихъ причинъ образуются внѣ ея, означенное вмѣшательство пріобрѣло характеръ, вовсе не соотвѣтствовавшій по своей смѣлости ни уровню знанія экономическаго, ни формальнаго. Если въ то время, когда оно произошло, можно было говорить о связи между формальными и экономическими фактами, то въ ближайшемъ своемъ видѣ эта связь была вовсе не обслѣдована и экономическое значеніе отдѣльныхъ формъ вовсе не выяснено въ подробности.

Точно также недостаточно была изслѣдована и матеріальная или экономическая сторона общежитія и не выяснены въ точности границы, полагаемыя стремленіямъ человѣка, какъ внѣшней природой, такъ и природою самого человѣка.

Формальныя условія, конечно, играютъ громадную роль въ вопросѣ матеріальнаго благосостоянія, но могутъ ли они имѣть всеразрѣшающую роль? Такой вопросъ естественно было поставить прежде, чѣмъ придавать имъ это значеніе.

Между тѣмъ объ этомъ менѣе всего заботилось названное направленіе. Разъ додумавшись до связи между формальными и матеріальными условіями жизни, оно возвело форму на степень орудія, разрѣшающаго всякія матеріальныя затрудненія. Всѣ слабыя стороны матеріальнаго положенія были отнесены къ недостаткамъ въ формахъ и потому устраненіе ихъ поставлено въ прямую зависимость отъ измѣненія этихъ формъ. Что же касается послѣдняго, то форма представлялась этому направленію исключительно зависящею отъ произвола человѣка и независящею ни отъ внѣшнихъ матеріальныхъ условій, ни отъ природы или степени развитія человѣческой личности. Поэтому въ довершеніе всего, вмѣсто всякой повѣрки такихъ, во всякомъ случаѣ рискованныхъ, положеній научнымъ путемъ, разсматриваемое направленіе предложило опытъ. Вслѣдствіе этого оно ничего не произвело, кромѣ временнаго возбужденія страстей и неудавшихся надеждъ съ одной стороны, и предубѣжденія противъ себя въ самомъ обществѣ, за которыми началось отступленіе представителей этого направленія къ болѣе осторожному и менѣе сангвиническому отношенію къ формамъ.

Поэтому, обращаясь къ болѣе позднимъ представителямъ этого направленія, прежде всего естественно спросить, насколько они

успѣли избѣгнуть недостатковъ своихъ предшественниковъ и возвыситься до сознанія тѣхъ пробѣловъ, которые должны быть наполнены наукою прежде, нежели она могла бы имѣть право на тотъ рѣшительный тонъ въ вопросахъ подобной важности, на который претендовало это направленіе.

Марксъ—одинъ изъ послѣднихъ представителей этого направленія въ германской литературѣ; поэтому подобный вопросъ естественнымъ образомъ обращается въ настоящемъ случаѣ къ нему. По существу своихъ воззрѣній, Марксъ дѣйствительно выдѣляется изъ ряда болѣе раннихъ и радикальныхъ писателей этого направленія; но онъ раздѣляетъ общіе недостатки школы, о которыхъ мы говорили, въ томъ отношеніи, что ограничиваетъ свое изслѣдованіе точно также одной формальной стороной, а другая, матеріальная сторона оставляется имъ точно также безъ серьёзнаго разсмотрѣнія. Правда, и въ этомъ отношеніи онъ настолько разсудительнѣе своихъ предшественниковъ, что не игнорируетъ вовсе значенія матеріальныхъ условій, но онъ въ то же время обходитъ ихъ прямое изслѣдованіе. Какимъ формальнымъ пріемомъ,—мы это сейчасъ увидимъ.

«Первая работа, которую я предпринялъ», писалъ онъ (въ предисловіи къ своей брошюрѣ «Zur Kritik d. Polit. Oekonomie» 1859), «для разрѣшенія собственныхъ сомнѣній, была критика философіи права Гегеля».

Анализируя эту философію, Марксъ пришелъ къ тому выводу, что юридическія и политическія отношенія не суть самостоятельныя явленія, возникающія изъ духа народа или воли судебъ, какими ихъ до сихъ поръ еще разсматриваютъ историки и юристы, или продуктъ человѣческаго сознанія, какими ихъ разсматривала отвлеченная философія, а только зданія, выстраивающіяся на почвѣ другихъ отношеній, въ которыя человѣкъ ставится самъ собой окружающею его природой, отношеній матеріальныхъ или экономическихъ. Они питаются и выростаютъ на почвѣ экономическихъ условій и служатъ имъ только выраженіемъ. Ихъ характеръ и строй опредѣляются, слѣдовательно, экономическими условіями жизни народа. Условія производства ставятъ людей въ извѣстныя отношенія другъ къ другу и опредѣляютъ форму этихъ отношеній, — политическую и юридическую организацію общества. Послѣдняя, слѣдовательно, вовсе не произвольна для человѣка, какъ думали нѣкоторые соціалисты; она не только не создается человѣкомъ изъ его личнаго духа, какъ думали философы, но зависитъ вполнѣ отъ природы.

Когда измѣняются эти условія производства, то измѣняется

и юридическое устройство, ихъ отражающее,—но не ранѣе. Тогда новыя измѣнившіяся условія въ экономическихъ основахъ жизни, въ условіяхъ производства даютъ себя чувствовать своимъ противорѣчіемъ старому юридическому и политическому строю; тогда наступаетъ борьба новаго, прокладывающаго себѣ дорогу, содержанія съ устарѣвшими формами, которыя въ результатѣ этой борьбы и уступаютъ мѣсто новымъ порядкамъ. Такимъ образомъ, новыя формы никогда не возникаютъ ни на дѣлѣ, ни въ сознаніи людей ранѣе, чѣмъ будетъ готова для нихъ матеріальная почва, или экономическія условія ихъ существованія. Внимательное разсмотрѣніе показываетъ, что задача возникаетъ только тогда и тамъ, когда матеріальныя условія ея осуществленія уже болѣе или менѣе готовы. Вотъ почему человѣчество ставитъ себѣ только разрѣшимыя задачи. Историческіе типы обществъ азіатскихъ, древне-европейскихъ и ново-европейскихъ могутъ быть разсматриваемы какъ отдѣльныя политическія формаціи, отвѣчающія измѣнившимся экономическимъ условіямъ. Поэтому, если среди европейскаго буржуазнаго общества замѣчается начало борьбы новыхъ порядковъ со старыми, то это доказываетъ, что въ немъ болѣе или менѣе должны быть выработаны экономическія условія, противорѣчащія буржуазнымъ отношеніямъ.

Таковъ тотъ обходъ, которымъ Марксъ избавляетъ себя отъ необходимости изслѣдовать тѣ матеріальныя условія, которыми все опредѣляется по его же словамъ. Разъ европейское настоящее представляетъ начало борьбы старыхъ порядковъ съ новыми, а это несомнѣнно, то для Маркса несомнѣнно и то, что въ обществѣ готовы уже всѣ матеріальные задатки для конечной побѣды новыхъ порядковъ. Разсужденіе это, конечно, совершенно согласно съ духомъ гегелевской философіи, которую Марксъ критикуетъ, и кто не узнаетъ въ немъ повторенія тѣхъ же, извѣстныхъ положеній учителя: «Никто не можетъ возвыситься надъ своимъ временемъ или опередить его; всякая философія только сознаетъ свое время и ничего болѣе. Все, что дѣйствительно, разумно» и пр. Но насколько то же разсужденіе можетъ считаться вѣрнымъ и соотвѣтствующимъ современнымъ научнымъ воззрѣніямъ,—это другой вопросъ. Юридическія формы могутъ выростать на экономической почвѣ, и дѣйствительно выростаютъ на ней, это неоспоримо; но слѣдуетъ ли отсюда, чтобы въ самомъ сознаніи человѣка могли возникать только формы, для осуществленія которыхъ есть готовыя матеріальныя средства, это— другой вопросъ. Слѣдуетъ ли отсюда, чтобы процессъ развитія человѣчества былъ чисто-прозябательный и его сознаніе состав-

ляю лишній придатокъ такого чисто-растительнаго процесса? Если бы это было такъ, то этому сознанію доступны были бы всегда только однѣ истины и никогда заблужденія. Въ этомъ же отношеніи за человѣческимъ сознаніемъ остается, кажется, полная свобода не только сознавать возможное, но и создавать и предъявлять требованія невозможныя и противорѣчащія условіямъ природы, требованія ложныя, фальшивыя, неестественныя, и, наконецъ, предъявлять требованія хотя и осуществимыя, но предъявлять ранѣе, чѣмъ для нихъ выработались вполнѣ матеріальныя основанія. Если Марксъ утверждаетъ, что сознаніе новыхъ порядковъ должно служить доказательствомъ выработавшихся для ихъ принятія матеріальныхъ основаній, то онъ забываетъ исторію политической литературы, такъ какъ здѣсь это сознаніе заявило себя ранѣе, чѣмъ возникли буржуазные порядки или, по крайней мѣрѣ, въ томъ же XVI вѣкѣ, къ которому Марксъ относитъ и начало капиталистическаго процесса и производства. Если онъ утверждаетъ, что политическая борьба, которую онъ видитъ въ Европѣ, новыхъ формъ съ старыми, служитъ для него признакомъ той же зрѣлости экономической почвы для новыхъ формъ, то онъ забываетъ исторію, ибо протестъ низшихъ классовъ длится въ Европѣ съ крестьянскихъ войнъ того же XVI вѣка. Такимъ образомъ, доказательства его ничего не доказываютъ, или вѣрнѣе, доказываютъ то именно, что́ я утверждаю, — что между помысломъ и требованіемъ человѣка, между игрой его ума и воображенія и соотвѣтствіемъ этой игры дѣйствительнымъ условіямъ природы и условіямъ даннаго времени и мѣста нѣтъ никакой непремѣнной связи, а есть, напротивъ, та непроходимая бездна, которая съужается только по мѣрѣ того, какъ человѣкъ болѣе узнаётъ природу и тѣ матеріальныя условія, которыя выучиваютъ его отдѣлять возможное отъ невозможнаго. Чѣмъ бѣднѣе и несовершеннѣе сознаніе, тѣмъ болѣе оно расходится съ дѣйствительностью въ своихъ требованіяхъ, и потому разладъ сознанія съ дѣйствительностью еще не говоритъ ничего ровно о наличности или отсутствіи матеріальныхъ условій для осуществленія тѣхъ или другихъ требованій этого сознанія. Точно также ничего не говоритъ о томъ и политическая борьба. Эта борьба ничего не доказываетъ, кромѣ присутствія извѣстныхъ впечатлѣній, которыхъ не подавляетъ сознаніе, а, напротивъ, возбуждаетъ къ ихъ естественному выраженію въ дѣйствіи. Но я не знаю того естественнаго закона, въ силу котораго присутствіе извѣстнаго болѣзненнаго ощущенія, его сознаніе и выраженіе могли служить доказательствомъ готовыхъ или назрѣвающихъ средствъ противоядія; я не знаю, какое

знаніе, претендующее на точный естественно-историческій характеръ, могло бы утверждать что-либо подобное. Во всякомъ случаѣ, это былъ бы взглядъ незрѣлаго естествоиспытателя. Со стороны же Маркса это—естественная ошибка ученика формалистической философіи, кончившей свое время.

Итакъ, мы должны удержаться при томъ воззрѣніи, что идеи и требованія—одно, а матеріальныя условія для выполненія—другое; что для человѣчества возможенъ безконечный рядъ противорѣчій между этими двумя членами, и что подобное противорѣчіе тѣмъ естественнѣе и вѣроятнѣе, чѣмъ менѣе оно знакомо съ тѣми матеріальными условіями, отъ которыхъ въ данномъ случаѣ зависитъ осуществленіе его требованія. Вотъ почему я утверждаю, что въ данномъ случаѣ изслѣдованіе матеріальныхъ условій вопроса должно было предшествовать всякому разсужденію о формахъ. Но это изслѣдованіе обходили соціалисты, его обходитъ и Марксъ; по крайней мѣрѣ, мы знаемъ теперь, на какомъ основаніи онъ это дѣлаетъ.

II.

Итакъ, тотъ анализъ общественнаго вопроса, который представляетъ Марксъ, ограничивается чисто формальными юридическими и политическими его основаніями. Съ этой стороны, т.-е. по своему отношенію къ юридическимъ основамъ общества, Марксъ точно также рѣзко выдѣляется изъ школы соціалистовъ. Если мы примемъ за отличительный признакъ послѣднихъ критическое отношеніе къ началу личной собственности, то должны будемъ признать, что изслѣдованіе Маркса держится другой почвы: онъ остается на той почвѣ личной собственности, которая отрицается соціалистами крайняго направленія; онъ признаетъ это начало, какъ начало, и все его изслѣдованіе направлено къ тому, чтобы объяснить всѣ темныя стороны европейской соціальной жизни вовсе не присутствіемъ этого начала, а тѣмъ, что это начало было нарушено по отношенію къ работнику. Насколько онъ въ этомъ успѣлъ, мы увидимъ ниже. По своему порядку изложенія, книга Маркса представляетъ послѣдовательное описаніе капиталистическаго процесса производства. Онъ анализируетъ или, вѣрнѣе, описываетъ этотъ процессъ сперва теоретически, то-есть въ его составныхъ элементахъ, потомъ излагаетъ исторію этого процесса производства въ Европѣ и, наконецъ, разсматриваетъ точно также результатъ капиталистическаго производства—накопленіе капитала—со стороны теоретической и исторической. Этими отдѣ-

лами исчерпывается съ внѣшней стороны все содержаніе книги «Капиталъ», которая должна была составить только первый томъ болѣе обширнаго сочиненія, но остальные до сихъ поръ еще не появились.

Такое фактическое отношеніе текущаго процесса производства само по себѣ поставляетъ Марксу тѣ данныя, которыя, будучи сопоставлены съ разъ принятымъ имъ началомъ личной собственности, доставляютъ ему тѣ заключенія и выводы, къ которымъ сводится его воззрѣніе. Если бы Марксъ считалъ достаточными фактическія доказательства, которыми довольствуется точное знаніе, то книга его много бы выиграла въ простотѣ и ясности.

Какъ писатель, Марксъ выдѣляется изъ массы публицистовъ многими почтенными преимуществами. Его книга полна свидѣтельствъ серьёзнаго и добросовѣстнаго труда, начитанности и эрудиціи, свойственныхъ нѣмецкимъ писателямъ, но отличается отъ цеховой нѣмецкой начитанности богатствомъ не мертвыхъ, безцѣльныхъ цитатъ, а богатствомъ живыхъ примѣровъ, взятыхъ изъ оффиціальныхъ документовъ. Его изложеніе отличается крайней последовательностью и стройностью, логической связью отдѣловъ, и съ этой стороны, равно какъ и со стороны манеры, носитъ несомнѣнные слѣды той философской школы, которой авторъ былъ несомнѣннымъ ученикомъ въ молодости. Марксъ все-таки въ корнѣ вѣрный ученикъ гегелевой философіи, какъ онъ отъ нея ни отнѣкивается.

Когда, послѣ всеобщаго увлеченія этой философіей, въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія, на нѣмецкое образованное общество повѣяло свѣжимъ воздухомъ точныхъ наукъ, тогда, вслѣдъ за безграничными восторгами, послѣдовало быстрое охлажденіе къ идеямъ великаго учителя. Школа его, какъ извѣстно, раздѣлилась на два направленія; одно изъ нихъ, правое, оставшееся вѣрнымъ учителю, тихо отошло въ вѣчность, среди этой вѣрности; другое, лѣвое, потопило содержаніе философіи своего учителя въ чуждомъ ему потокѣ новыхъ идей; но удержало его манеру и методъ, которые, какъ родимое пятно, выдаютъ ихъ неотразимымъ образомъ.

Марксъ былъ тѣмъ вольнодумнымъ ученикомъ, который не хотѣлъ убѣдиться, что «идея добра, дошедшая до сознанія самой себя», осуществилась въ прусской конституціи, но онъ не могъ освободиться отъ вѣры въ силу діалектическихъ доказательствъ. Поэтому, и въ настоящемъ случаѣ Марксу недостаточно было доказать присутствіе въ практическихъ отношеніяхъ противорѣчій,

а нужно было еще доказать діалектическій корень, природу и происхожденіе этихъ противорѣчій. Для этого нужно было разложить процессъ производства на діалектическія категоріи, представить процессъ производства, какъ игру такихъ категорій, и затѣмъ отыскать въ игрѣ между ними такое слабое мѣсто, которое можно бы было выдать за таинственный источникъ новаго Нила. Послѣдствіемъ этого вліянія школы въ изложеніи Маркса является утомительное перекладываніе одного и того же простого и понятнаго самого по себѣ содержанія въ различныя діалектическія формы, которое напрасно удлинняетъ изложеніе, утомляетъ вниманіе, а для читателя, непривычнаго къ подобной метафизической игрѣ, дѣлаетъ самое изложеніе мѣстами вовсе непонятнымъ.

Свой діалектическій арсеналъ Марксъ собираетъ на первыхъ страницахъ книги, и здѣсь поэтому непривычный читатель встрѣчается съ наибольшими для него трудностями. Этому арсеналу Марксъ придаетъ особенную важность; но все это имѣетъ важность только развѣ въ кружкѣ дилеттантовъ діалектики, къ которому принадлежитъ Марксъ. Для существа дѣла всѣ эти діалектическія доказательства тѣхъ положеній, которыя доказываетъ Марксъ, не имѣютъ никакого интереса; поэтому я пройду, по возможности, кратко діалектическія выкладки Маркса. Впрочемъ, и все дальнѣйшее, собственно критическое содержаніе книги Маркса, вся ея философская сущность, если отдѣлить ее отъ чисто-фактической части, имѣющей значеніе какъ простое описаніе текущаго процесса производства, выражается въ немногихъ словахъ и не потребуетъ для ея объясненія много мѣста.

Богатство общества,—пишетъ Марксъ,—въ которомъ господствуетъ капиталистическій способъ производства, является прежде всего въ видѣ громаднаго скопленія товаровъ. Поэтому Марксъ начинаетъ все свое изложеніе съ анализа понятія товара; этотъ анализъ и приводитъ его къ открытію того діалектическаго противорѣчія, которое должно составить закваску практическихъ противорѣчій. Такой товаръ,—пишетъ Марксъ,—есть прежде всего какая-либо вещь, полезная человѣку. Но такая полезность еще не дѣлаетъ вещи товаромъ. Эта полезность вещи для человѣка и обращаетъ ее только въ извѣстную цѣнность для человѣка. Сама по себѣ вещь эта не имѣетъ никакой цѣнности, не представляетъ никакой стоимости. Поэтому цѣнность не есть прирожденное свойство вещей, а такое свойство, которое возникаетъ для нихъ изъ чисто-общественныхъ отношеній, вслѣдствіе прикосновенія къ вещамъ человѣка. Это прикосновеніе человѣка къ вещамъ, насколько оно имѣетъ свойство обра-

щать вещь въ цѣнность, не есть отвлеченное; оно имѣетъ свою внѣшнюю конкретную форму и разумѣется въ чисто-матеріальномъ смыслѣ. Подъ нимъ разумѣется извѣстная сумма человѣческаго труда, истраченная человѣкомъ на данную вещь, и мѣра этого прикосновенія, или количество истраченнаго человѣкомъ труда служитъ въ то же время мѣрой цѣнности или стоимости вещи. «Поэтому, — пишетъ Марксъ, — разсматриваемыя какъ стоимости, вещи представляютъ не что иное, какъ кристаллизованный трудъ». Но и это прикосновеніе человѣческаго труда къ вещи, обращая ее въ цѣнность, не обращаетъ еще вещи въ товаръ. Оно однако сказываетъ въ себѣ уже тотъ процессъ, которымъ создается матеріалъ для развитія изъ понятія стоимости понятія товара, а вмѣстѣ съ нимъ и все основаніе искомаго діалектическаго противорѣчія. Оно создаетъ двойственное значеніе для вещи: вещи — какъ вещи и вещи — какъ извѣстной суммы труда. Это-то отождествленіе вещи и человѣческаго труда и служитъ уже означеннымъ матеріаломъ. Тѣмъ не менѣе, пока еще на той степени разсужденія, до которой мы дошли, вещь, превратившись только въ стоимость или цѣнность, еще не получила значенія товара. Мы сейчасъ увидимъ, какъ она въ него обратится. Стоимость вещей получаетъ свое внѣшнее выраженіе посредствомъ отношенія различныхъ вещей другъ къ другу или ихъ обмѣна. Такъ какъ вещь представляетъ извѣстное количество труда, то мы можемъ представить себѣ это отношеніе въ двухъ различныхъ смыслахъ: или какъ непосредственное отношеніе тѣхъ величинъ труда, которыя представляютъ вещи, или какъ отношеніе вещей, какъ обмѣнъ труда на трудъ или какъ обмѣнъ вещи на вещь.

Съ перваго взгляда кажется, какъ-будто все равно, какъ ни представлять себѣ это отношеніе; на дѣлѣ же, смотря по тому, какую изъ двухъ формъ представленія мы изберемъ, получаются и различные результаты.

Продукты, которые я произвожу для себя, для своего употребленія, не составляютъ еще товара, несмотря на то, что они суть для меня цѣнности. Точно также продукты, которые производитъ семья для своего употребленія, не суть товары, несмотря на то, что въ ихъ производствѣ участвуетъ трудъ не одного лица, а нѣсколькихъ лицъ. Наконецъ, точно также не будутъ товарами продукты, которые производитъ для себя и всякое кооперативное общество. Почему же это? — «Потому», отвѣчаетъ Марксъ, «что здѣсь происходитъ прямой обмѣнъ труда на трудъ; всѣ отношенія отдѣльныхъ лицъ другъ къ другу остаются отношеніями труда къ труду въ его непосредственной формѣ, или отношеніями лицъ

къ лицамъ. Лицо здѣсь не подавляется вещью; вещи вяжутся между собой только черезъ посредство лицъ». Итакъ, пока мы будемъ представлять обмѣнъ въ формѣ обмѣна труда на трудъ, у насъ не появится понятія товара. Для того, чтобы вещь превратилась въ товаръ, нужно, чтобы она была вынесена на рынокъ для обмѣна на другую вещь, какъ продукта двухъ совершенно ничѣмъ не связанныхъ между собою лицъ, кромѣ этихъ вещей. При такомъ обмѣнѣ, лица входятъ въ соприкосновеніе между собой не прямо, а черезъ посредство вещей; непосредственнаго отношенія или связи между лицами, обмѣнивающими товары, собственно уже не существуетъ и въ непосредственное отношеніе входятъ уже не лица, а вещи. Лица же представляются здѣсь не болѣе, какъ носильщиками вещей, которыя сами-собою не могутъ двигаться. При такомъ порядкѣ, первоначальныя общественныя отношенія лицъ другъ къ другу замѣняются отношеніями вещей другъ къ другу. Вещь подавляетъ и исключаетъ лицо, и это превращеніе совершается незамѣтнымъ образомъ, начиная съ того, что человѣческій трудъ, отожествленный съ вещью, начинаетъ продаваться и покупаться въ формѣ вещи. Разъ допущено такое отожествленіе человѣческаго труда или личности съ вещью, оно продолжаетъ развиваться само-собою; разъ отношенія лицъ замѣнены отношеніями товаровъ или вещей, нужно будетъ уже и самую человѣческую личность разсматривать, какъ товаръ, и поставить ее въ положеніе товара. Этимъ путемъ діалектическое противорѣчіе, переходя въ дѣйствительность, будетъ служить источникомъ безконечныхъ противорѣчій, на которыхъ, по Марксу, и строятся всѣ права *капитала*, и которыя онъ намъ сейчасъ разскажетъ.

Капиталъ, по мнѣнію Маркса, рождается изъ обмѣна товаровъ, составляетъ результатъ такого обмѣна или обращенія товаровъ. «Обращеніе товаровъ», говоритъ онъ, «есть исходная точка капитала». Поэтому торговля составляетъ то необходимое предварительное условіе, которое всегда предшествуетъ въ исторіи появленію капитала. Конечнымъ результатомъ обмѣна является извѣстная прибавочная стоимость, которая и даетъ начало капиталу. Эта прибавочная стоимость внѣшнимъ образомъ выражается обыкновенно въ извѣстной суммѣ *денегъ*. А потому капиталъ появляется обыкновенно въ исторіи въ формѣ денежной. Откуда однако можетъ образоваться такая прибавочная стоимость? Нетрудно видѣть, что простой обмѣнъ товаровъ самъ по-себѣ еще не можетъ ни въ какомъ случаѣ вести къ образованію такой прибавочной стоимости, а слѣдовательно и капитала. Сколько бы

разъ мы ни мѣняли одну вещь на другую, отъ этого сумма обмѣниваемыхъ вещей не увеличится. Обмѣнъ самъ по себѣ не въ состояніи вызвать ни малѣйшаго приращенія. Разсматривая ближе процессъ обмѣна, мы можемъ съ формальной стороны представить его въ двухъ различныхъ видахъ. Или я продаю товаръ на деньги и на эти деньги покупаю новый товаръ—такъ поступаетъ каждый производитель; или я покупаю товаръ на деньги и продаю его опять за деньги—такъ поступаетъ всякій купецъ. Въ первомъ случаѣ окончательнымъ результатомъ обмѣна является товаръ; во второмъ—деньги.

Съ внѣшней, формальной стороны оба порядка обмѣна различны; но это различіе и оканчивается этой внѣшностью. Въ существѣ дѣла, какимъ бы изъ двухъ порядковъ ни совершался обмѣнъ, изъ обмѣна не можетъ образоваться никакой прибавочной стоимости. Въ результатѣ всѣхъ обмѣновъ, хотя бы они повторялись милліоны разъ, останется все то же количество вещей, какое было, и, слѣдовательно, неоткуда образоваться капиталу.

Прибавочной стоимости не можетъ образоваться изъ такихъ обмѣновъ, очевидно, потому, что обмѣниваемыя вещи не обладаютъ способностью сами собой увеличиваться и перемѣщеніе ихъ изъ рукъ въ руки само по себѣ не въ состояніи доставить имъ этой способности. Послѣ этого, для того, чтобы могла образоваться означенная прибавочная стоимость, очевидно необходимо, чтобы послѣднее правило или законъ оказались несправедливыми, хотя въ примѣненіи къ какому-либо ограниченному ряду вещей; чтобы покупщику удалось найти такой товаръ, который обладалъ бы свойствомъ, полежавъ въ его рукахъ, стать источникомъ, дать извѣстный приростъ за это время или приплодъ, подобный тому, какой даютъ растительные и животные организмы. Такого приплода не можетъ дать никакая мертвая сама по себѣ неорганическая вещь, никакой товаръ въ обыкновенномъ смыслѣ, ни сюртукъ, ни домъ, ни лопата; его можетъ дать только вещь органическая, поставленная въ положеніе товара,—живой организмъ. Такой товаръ покупатель дѣйствительно находитъ на рынкѣ; этотъ товаръ, говоритъ Марксъ, есть самъ человѣкъ въ положеніи работника или тотъ же человѣческій трудъ въ формѣ товара. Такимъ образомъ разгадка появленія прибавочной стоимости на лицо; источникомъ ея служитъ, по Марксу, человѣческій трудъ, поставленный въ положеніе товара. Замѣчу однако, что Марксъ при этомъ напрасно ограничиваетъ этотъ источникъ прибавочной стоимости однимъ *трудомъ*. Рядъ разсужденій, путемъ которыхъ мы только-что привели читателя къ открытію источника приба-

вочной стоимости, самъ собой показываетъ, что такимъ источникомъ прибавочной стоимости, а слѣдовательно и капитала, можетъ быть всякій товаръ, дающій приплодъ, способный увеличиваться независимо отъ вліянія на него труда человѣка; такимъ источникомъ можетъ быть дерево, земля, скотъ—словомъ все, что̀ способно само собой порождать сумму новыхъ полезныхъ потребительныхъ стоимостей, могущихъ обратиться въ мѣновыя. Но Марксъ ограничиваетъ источникъ прибавочной стоимости и капитала однимъ предметомъ—человѣческимъ трудомъ.

Для того, однако, чтобы человѣческій трудъ могъ стать этимъ источникомъ, требуется, говоритъ Марксъ, нѣсколько условій: требуется, чтобы начальный владѣлецъ этого труда, то-есть самъ работникъ, былъ вынужденъ продавать свой трудъ не въ формѣ вещей, въ которыя онъ можетъ быть воплощенъ, а въ сырой натуральной формѣ труда и въ то же время имѣлъ право свободно располагать своимъ трудомъ. Если эти условія соблюдены, то порядокъ образованія прибавочной стоимости готовъ.

Какъ всякій товаръ, рабочая сила или трудъ долженъ имѣть свою мѣновую стоимость. Эта мѣновая стоимость опредѣлится точно такъ же, какъ она опредѣляется и для всѣхъ товаровъ вообще, то-есть стоимость ея производства или, точнѣе, воспроизведенія. Чего же сто̀итъ производство труда? Выраженная въ вещахъ, стоимость труда равняется тому матерьялу, который долженъ потребить организмъ работника для того, чтобы быть въ состояніи поставить данное количество работы, короче—содержанію рабочаго за время работы. Выраженная въ единицахъ работы, эта стоимость рабочей силы равняется тому количеству работы, которое нужно истратить для производства содержанія работнику на время работы. Этимъ количествомъ опредѣляется та рабочая плата, которую наниматель заплатилъ работнику за его работу. Положимъ, что это количество, или стоимость содержанія рабочаго, или рабочая плата равняются шести часамъ работы; въ такомъ случаѣ, проработавъ шесть часовъ, работникъ возвратитъ нанимателю работой всю рабочую плату, которую онъ отъ него получилъ; возвратитъ въ общую массу цѣнностей все, что̀ онъ взялъ изъ нея для своего существованія въ теченіи не шести часовъ работы, а цѣлаго дня.

По истеченіи шести часовъ работы, сумма вещей и цѣнностей останется, словомъ, та же, какая была до начала работы и найма нашего работника. Но, затѣмъ, въ теченіи того же дня работникъ проработалъ еще новыхъ шесть часовъ, такъ какъ былъ нанятъ или купленъ не на шесть часовъ, а на цѣлый день.

въ эти послѣднія шесть часовъ, онъ, конечно, произведетъ извѣстную сумму новыхъ вещей или стоимостей, и вся эта сумма будетъ уже, очевидно, чистымъ придаткомъ къ суммѣ прежнихъ вещей, находившихся въ странѣ или государствѣ до найма нашего рабочаго, потому что содержаніе рабочаго уже оплачено за цѣлый день первыми шестью часами работы. Этой-то чисто прибавочной стоимостью и воспользуется капиталистъ, и она-то и дастъ начало капиталу.

Здѣсь опять слѣдуетъ замѣтить, что тѣ же совершенно разсужденія примѣнимы не только къ человѣческому труду, но и ко всякой другой производительной силѣ: землѣ, дереву, лошади, волу и прочее.

Если содержаніе лошади окупается тремя часами ея работы, а она работаетъ цѣлый день, то она образуетъ прибавочную стоимость; если расходы по обработкѣ земли покрываются только частью ея плодовъ, то вся остальная часть плодовъ образуетъ и прибавочную стоимость. На этомъ основаніи начало капиталу даетъ не исключительно человѣческій трудъ, а совмѣстная дѣятельность самой природы и человѣка. Разъ живая сила, получающаяся при совмѣстномъ дѣйствіи труда и силъ природы въ формѣ продукта, значительнѣе той, которая истрачена была на ея образованіе, излишекъ ея, составляя чистую прибыль, даетъ основаніе капиталу.

Съ другой стороны, очевидно также, что ни одно изъ условій, перечисляемыхъ Марксомъ, ни свобода распоряженія трудомъ, ни вынужденность продавать его въ формѣ труда — не составляютъ условій, которыя бы были нужны для начала капитала вообще. Они нужны только для монополизаціи капитала и потому составляютъ условія не образованія капитала, а его монополизаціи; не образованія или возникновенія капитала въ обществѣ вообще, а возникновенія его путемъ обмѣна.

Прибавочная часть рабочаго дня, въ теченіи которой работникъ работаетъ уже на капиталиста, служитъ мѣрой работы, которой пользуется капиталистъ изъ общей суммы работы, поставленной работникомъ. Если работникъ отработываетъ свою рабочую плату въ теченіи v часовъ работы и затѣмъ работаетъ еще m часовъ, то работникъ тѣмъ самымъ работаетъ v часовъ на себя и m для капиталиста. Число часовъ m, которое работникъ работаетъ на капиталиста, выражаетъ чистую прибыль капиталиста, а число часовъ, которое работникъ работаетъ на себя, выражаетъ рабочую плату, которую уплачиваетъ капиталистъ. Отношеніе $\frac{m}{v}$ равно отношенію прибавочнаго труда къ необходимому

для покрытія рабочей платы или достающемуся работнику, или отношеніе чистой прибыли капиталиста къ рабочей платѣ выражаетъ, согласно Марксу, степень эксплуатаціи рабочей силы капиталистомъ.

Марксъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, показывающихъ, какую величину представляетъ это отношеніе въ дѣйствительности. Приведемъ одинъ примѣръ, относящійся къ прядильной фабрикѣ, а число—къ 1860 г.

Расходъ. Еженедѣльное потребленіе хлопка 11,500 ф., по 7 пенсовъ за фунтъ, при 1,500 ф. отбросу,—336 фунт. стерл. Число веретенъ 10,000, стоимостью по 1 ф. каждое. Ежегодная утрата на веретенахъ 12% составляетъ 1,200 ф. с. въ годъ, а въ недѣлю 24 ф. с. Еженедѣльная утрата на паровой машинѣ 20 ф. с. Вспомогательныя вещества: уголь, масло 40 ф. с.—Итого 420 ф. с. Плата работникамъ 70 ф. с.—Всего 490 фунт. стерл.

Приходъ. По цѣнѣ за фунтъ пряжи, равной 1,1 шил., за 10,000 ф. пряжи 550 ф. с. Слѣдовательно, чистая прибыль капиталиста 550—490=60 ф. стерлинговъ, а имъ истрачено на работу 70 ф. и потому отношеніе чистой прибыли къ рабочей платѣ равно $\frac{60}{70}=\frac{6}{7}$, почти единицѣ.

Итакъ, вотъ тѣ выводы, къ которымъ приводитъ, по мнѣнію Маркса, на практикѣ означенное діалектическое противорѣчіе обращенія труда въ товаръ.

III.

Посмотримъ теперь, какой вѣсъ и значеніе могутъ имѣть только-что приведенныя разсужденія Маркса.

Замѣтимъ прежде всего, что выведенное имъ отношеніе къ рабочей платѣ чистаго дохода отличается отъ того, которое разсматривается обыкновенно подъ именемъ «процента» только тѣмъ, что здѣсь чистый доходъ дѣлится не на весь затрачиваемый капиталъ, какъ это дѣлается относительно «процента», а только на часть капитала, затрачиваемую на работу; остальная же часть капитала не берется въ разсчетъ вовсе.

Такимъ пріемомъ обыкновенная величина процента значительно увеличивается, ибо дѣлителемъ прибыли является здѣсь не весь капиталъ, истраченный на производство, а только часть капитала, истрачиваемая на рабочую плату. Что такой пріемъ весьма удобенъ для того, чтобы выставить въ яркомъ свѣтѣ выгоды капиталиста и невыгоды работника—въ этомъ нѣтъ никакого

сомнѣнія; но насколько онъ можетъ быть допущенъ на самомъ дѣлѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ его допускаетъ Марксъ, т.-е. въ какой степени означенное отношеніе можетъ быть допущено какъ выраженіе степени эксплуатаціи рабочей силы капиталомъ, это—вопросъ, относительно котораго нельзя принять словъ Маркса на вѣру. Допустить это можно только сдѣлавъ одно предварительное предположеніе,—именно, что вся чистая прибыль составляетъ на самомъ дѣлѣ продуктъ текущаго труда, его воплощеніе и притомъ его одного. Вотъ это-то положеніе допускаетъ Марксъ; и оно-то должно быть предварительно доказано, потому что отъ вѣрности его зависитъ не только вѣрность всего допущеннаго имъ разсчета, но научный вѣсъ всего его изслѣдованія,—такъ какъ мы теперь уже настолько подвинулись въ изложеніи содержанія книги Маркса, чтобы видѣть, что для самого автора въ означенномъ положеніи скрывается главная точка опоры всего дальнѣйшаго анализа.

Посмотримъ же, насколько это положеніе вѣрно.

Прежде всего замѣтимъ, что разсчетъ, который дѣлаетъ Марксъ, какъ разсчетъ, самъ по себѣ ничего не доказываетъ. Повторимъ еще разъ этотъ разсчетъ въ томъ болѣе комментированномъ видѣ, въ какомъ повторяетъ его Марксъ. Одинъ фунтъ пряжи стóитъ 1 шилл. 6 п., а заключенная въ немъ хлопчатая бумага 1 ш. или $^2/_3$ того, чтó стоитъ пряжа. На этомъ основаніи 20 ф. хлопка будутъ равны 13,33 ф. пряжи, покрываютъ собой стоимость всего сырого матеріала или хлопка, заключающагося въ количествѣ пряжи, равномъ 20 фунтамъ, и дѣло представляется такимъ образомъ, какъ будто на производство первыхъ 13,33 ф. пряжи не было употреблено никакого труда, орудій и прочее, а на производство $6^2/_3$ остальныхъ фунтовъ пряжи не было употреблено никакого сырого матеріала. На томъ же основаніи изъ остающихся $6^2/_3$ ф. пряжи, $2^2/_3$ можно разсматривать какъ представляющіе только стоимость истраченныхъ орудій, и наконецъ последніе 4 ф. пряжи, какъ воплощающіе собой исключительно трудъ, составляющіе продуктъ исключительно одного труда, и притомъ такимъ образомъ, что 2 ф. изъ этого воплощенія труда обращаются въ пользу работника, другіе 2 въ пользу капиталиста.

Марксъ началъ здѣсь разсчетъ съ сырого матеріала и кончалъ его трудомъ. Посмотримъ, чтó выйдетъ, если начать его съ другого члена, положимъ—съ труда. Тогда мы должны будемъ разсуждать такъ: 2 ф. пряжи представляютъ собой стоимость текущаго труда. Дѣло представляется такъ, какъ будто въ первыхъ

двухъ фунтахъ пряжи не заключалось ни одного атома матеріала и орудій, а въ остальныхъ 18 ф. пряжи ни одного атома труда. Слѣдующіе затѣмъ $13^1/_3$ ф. пряжи представляютъ собой истраченный сырой матеріалъ. Остаются 20—2—13,33=4,66 ф. пряжи, которые могутъ представлять собой только работу орудій. Дѣло представляется такимъ образомъ, какъ будто орудія выпряли эти 4,66 ф. изъ воздуха и безъ всякаго содѣйствія текущаго труда. Наконецъ, изъ этихъ 4,66 ф. пряжи 2,66, или стоимость орудія представляетъ необходимую работу орудій для покрытія своего содержанія; остальные же 2 ф. пряжи—прибавочную и совершенно даровую работу орудій, которая достается совершенно даромъ, безъ всякой затраты на нее хотя одного атома сырого матеріала, и текущаго труда, такъ какъ стоимость того и другого уже вполнѣ оплачена первыми 13,33 ф. пряжи.

Остающіеся 4,66 ф. составляютъ, слѣдовательно, чистый продуктъ работы орудій, которая, вмѣсто того, чтобы продолжаться 6 часовъ, продолжалась 12. Но орудія принадлежатъ капиталисту, слѣдовательно, нѣтъ ничего удивительнаго, если ему достаются всѣ 6,66 ф. пряжи.

Мы видимъ, что нашъ разсчетъ оказывается нисколько неменѣе строгъ, чѣмъ разсчетъ Маркса, а между тѣмъ онъ приводитъ насъ къ выводу совершенно противоположному, чѣмъ тотъ, къ которому приходитъ Марксъ. Отсюда не слѣдуетъ еще конечно, чтобы нашъ разсчетъ былъ вполнѣ правильный, но слѣдуетъ только, что и разсчетъ Маркса не можетъ считаться правильнымъ. Употребленный нами пріемъ показываетъ только, что тѣмъ способомъ, какимъ разсуждалъ Марксъ, можно придти къ какому угодно выводу, смотря по тому, съ какого фактора производства начать и какимъ кончить. Въ стоимость производства какого угодно продукта входятъ три вещи: сырой матеріалъ, орудія или трудъ прошлый и трудъ текущій. Смотря по тому, какой изъ этихъ факторовъ мы возьмемъ послѣднимъ въ разсчетъ, на долю того и достанется, по способу разсужденія Маркса, честь или услуга чистой прибыли. Марксъ кончилъ текущимъ трудомъ и началъ сырымъ матеріаломъ, и у него услуга чистой прибыли достается на долю текущаго труда. Мы начали съ текущаго труда и кончили орудіями, и у насъ чистая прибыль вышла услугой орудій. Можно было бы кончить сырымъ матеріаломъ, и тогда виновникомъ чистой прибыли оказался бы сырой матеріалъ. Все это показываетъ совершенную случайность и произвольность тѣхъ выводовъ, которые принимаетъ Марксъ.

Въ физическомъ, матеріальномъ смыслѣ въ каждомъ атомѣ

пряжи неразрывно соединены всѣ три фактора производства — сырьё, орудія и трудъ, и мы не можемъ выдѣлить ни одного, не уничтоживъ вмѣстѣ съ тѣмъ самой пряжи. Если затѣмъ 20 ф. хлопка оказываются равными 13,33 ф. пряжи, то прибавочные 4,66 ф. хлопка не могутъ представлять ничего другого, какъ стоимость труда и орудія, выраженную въ единицахъ хлопка. Они показываютъ, что къ 13,33 ф. хлопка прибавлено во время пряжи въ видѣ орудій или прошлаго труда и текущаго труда столько часовъ текущаго труда, сколько нужно для производства 4,66 ф. хлопка. Весь излишекъ стоимости пряжи передъ хлопкомъ выражаетъ, слѣдовательно, не что иное, какъ количество труда, приданное къ труду, который произвелъ хлопокъ для обращенія его въ пряжу; никакого излишка сверхъ стоимости текущаго труда и орудій не можетъ представлять стоимость полученной пряжи, т.-е. если для обработки 13,33 ф. хлопка нужно употребить количество труда, эквивалентное 2 ф. хлопка въ видѣ текущаго труда, то стоимость 13,33 ф. пряжи возрастетъ на два ф. и будетъ равна 15,33 ф. хлопка, и если нужно употребить еще въ видѣ орудій количество труда, эквивалентное 4,66 ф., то будетъ равно 20 ф. Но однако этотъ излишекъ является. Пряжа стóитъ 20 ф., между тѣмъ какъ для производства ея нужно было собственно употребить текущаго труда на сумму 2 ф., на содержаніе орудій 2,66, итого 18 ф.: остается чистая прибыль 2 ф. Марксъ говоритъ, что этотъ излишекъ является потому, что работникъ работаетъ не 1/2 дня, а цѣлый день, ибо онъ отработывалъ въ полъ-дня все свое содержаніе. Тутъ-то мы позволимъ себѣ остановить его, и спросить, дѣйствительно ли это такъ. По виду это дѣйствительно какъ будто такъ. Работникъ прядетъ и въ шесть часовъ напрялъ столько пряжи, что если ее продать, то она оплатила и сырой матеріалъ, и орудія, и содержаніе работника—послѣднее за цѣлый день. Но вѣдь работникъ напрялъ столько пряжи въ полъ-дня не потому только, что онъ работалъ, а потому, что ему помогали въ работѣ орудія готовыя и сырой матеріалъ; самъ по себѣ, безъ этихъ орудій, онъ произвелъ бы вовсе не то же количество пряжи. Но когда мы хотимъ знать, чего стóитъ его работа, то мы должны, кажется, спрашивать, чего стóитъ эта работа сама по себѣ, а вовсе не въ связи съ тѣми посторонними придатками къ ней, которые ей не принадлежатъ. Теперь онъ отработываетъ свое содержаніе въ шесть часовъ; можетъ быть, найдется добрый человѣкъ, который по дружбѣ къ нему исполнитъ за него полъ-работы даромъ, тогда онъ отработаетъ свое содержаніе въ 3 часа. Можно ли поэтому сказать, что работникъ отработываетъ свое содержаніе въ три часа?

Такъ, однако, разсуждаетъ именно Марксъ. На дѣлѣ же вещи происходятъ иначе: работникъ дѣйствительно, при содѣйствіи машинъ и орудій, отработываетъ свое содержаніе въ шесть часовъ, и если бы онъ самъ сдѣлалъ прежде эти машины, то могъ бы, конечно, утверждать, что работаетъ остальные шесть часовъ даромъ. Но безъ содѣйствія машинъ работникъ отработываетъ свое содержаніе не въ теченіи шести часовъ, а въ теченіи того времени, въ которое на послѣднемъ обработываемомъ участкѣ, неприносящемъ никакой ренты, свободный работникъ отработываетъ свое содержаніе; это время можетъ быть, при благопріятныхъ условіяхъ, менѣе одного рабочаго дня, но оно непрестанно стремится къ этой величинѣ и всегда выражаетъ дѣйствительную рабочую плату, получаемую работникомъ.

Итакъ, есть большая разница между выработкой труда при помощи капитала и выработкой труда самого по себѣ. Марксъ забываетъ совершенно эту небольшую разницу и разсуждаетъ такъ, какъ будто работникъ былъ самъ обладателемъ тѣхъ веретенъ, которыми онъ работалъ или самъ ихъ произвелъ предварительно.

То же самое можно объяснить и другимъ способомъ. Марксъ предполагаетъ, что каждый работникъ производитъ при помощи фабричныхъ средствъ свое содержаніе въ теченіи шести часовъ работы. На это нужно замѣтить, что въ строгомъ смыслѣ это положеніе не вѣрно. Если бы это было такъ, то капиталистъ могъ бы съ выгодою для себя увеличивать число рабочихъ на своей фабрикѣ до безконечности. Между тѣмъ мы знаемъ, что во всякомъ производствѣ число рабочихъ можетъ быть увеличиваемо съ выгодой для хозяина только до извѣстнаго предѣла, начиная съ котораго всякій новый рабочій приноситъ хозяину все меньшую и меньшую выгоду. Но хозяинъ имѣетъ интересъ держать его и увеличивать число рабочихъ, очевидно, до тѣхъ поръ, пока послѣдній приглашенный рабочій, по крайней мѣрѣ, окупаетъ свое содержаніе. Это пониженіе прибыли происходитъ отъ весьма разнообразныхъ причинъ, надъ которыми здѣсь нѣтъ возможности останавливаться, но несомнѣнно то, что оно существуетъ во всякомъ производствѣ. Но этого обстоятельства Марксъ, повидимому, не подозрѣваетъ вовсе, потому что говоритъ слѣдующее: количество произведенной прибавочной стоимости равняется прибавочной стоимости, доставляемой работой отдѣльнаго работника, умноженной на число употребленныхъ работниковъ. Означенное обстоятельство, однако, существуетъ, и въ виду его уже нельзя никакимъ образомъ сказать, что работникъ отработываетъ свое со-

держаніе въ такое-то число часовъ. Послѣдній содержимый работникъ, на всякой фабрикѣ, работая цѣлый день, будетъ во всякомъ случаѣ только отработывать свое содержаніе, несмотря на присутствіе орудій, и будетъ содержаться хозяиномъ только благодаря прибыли отъ прочихъ рабочихъ. Это обстоятельство доказываетъ, что орудія и фабричныя средства не приносятъ никакой выгоды или помощи работѣ этого послѣдняго рабочаго, что они для него какъ-бы не существуютъ вовсе и онъ работаетъ какъ-бы безъ всякихъ орудій. Понятно, что работа этого-то рабочаго и будетъ служить мѣрой того, что̀ можетъ выработать трудъ самъ по себѣ, — мѣрой стоимости труда — какъ труда, независимо отъ орудій. Итакъ, вообще мѣрой цѣнности труда какъ труда служитъ выработка, которую даетъ рабочій, работая безъ капитала, и эта мѣра опредѣляетъ на самомъ дѣлѣ величину рабочей платы. Работникъ самъ по себѣ не только не отработываетъ своего содержанія въ теченіи шести часовъ, но можетъ ихъ не отработать и въ теченіи двѣнадцати; иначе, что̀ бы заставляло его идти на фабрику, если бы его трудъ на самомъ дѣлѣ былъ производительнѣе его рабочей платы? Спрашивается, на какомъ же основаніи Марксъ относитъ къ производительности труда тотъ придатокъ, который даютъ этому труду средства производства, заключающіяся въ капиталѣ, т.-е. орудіяхъ? Правда, въ общемъ счетѣ эти орудія произведены тѣмъ же рабочимъ сословіемъ, но трудъ истраченный на производство орудія работникомъ, былъ ему уплаченъ уже въ видѣ его рабочей платы и имъ давно потребленъ; эту уплату сдѣлалъ въ свое время капиталистъ и она ему теперь возвращается въ видѣ стоимости въ производствѣ машинъ и орудій.

Откуда же берется чистая прибыль? Неужели она оказывается потому только, что капиталистъ заплатилъ рабочимъ, производившимъ машины и орудія годъ тому назадъ, ихъ содержаніе и согласился ждать годъ или болѣе его вознагражденія. Обыкновенно политическая экономія дѣйствительно останавливается на такомъ объясненіи и имъ удовлетворяется. Рикардо говоритъ, что, вмѣсто ожиданія въ теченіи года, двухъ и т. д., капиталистъ могъ бы употребить свои деньги на покупку такого труда или такое производство, которое возвращаетъ капиталъ въ болѣе короткій срокъ съ прибылью. Такъ какъ онъ вкладываетъ свой капиталъ въ болѣе долгосрочное производство, то онъ долженъ въ концѣ-концовъ получать все то, что̀ получили другіе въ это время въ менѣе долгосрочныхъ производствахъ. И возможность получить эту выгоду не даромъ даетъ именно образованный имъ капиталъ.

6*

Трудъ, употребленный на производство орудій, не погибаетъ, а только мѣняетъ форму. Теряясь въ формѣ текущаго труда, онъ сохраняется въ формѣ орудія и начинаетъ работать теперь; въ этомъ орудіи эта-то работа и выражаетъ чистую прибыль. Если бы, однако, послѣднее объясненіе было вполнѣ вѣрно, то мы обладали бы замѣчательной способностью творить силу изъ ничего. Трудъ, истраченный работникомъ при производствѣ машины, дѣйствительно не погибаетъ, но онъ не можетъ вырости, его не можетъ сохраниться больше, чѣмъ было истрачено.

Поэтому, если бы машина представляла только трудъ работника, то она никогда не могла бы возвратить ничего, кромѣ стоимости работы, которая на нее потрачена. Между тѣмъ она-то и даетъ на дѣлѣ чистую прибыль, то-есть возвращаетъ работу, на нее истраченную, съ излишкомъ. Этотъ излишекъ, однако, не можетъ получиться изъ текущаго труда или работы, истраченной на машину; поэтому очевидно, что во всемъ разсчетѣ затратъ нами упущенъ какой-либо важный членъ или факторъ производства, сохраненіе котораго должно сказаться въ чистой прибыли. Этотъ членъ дѣйствительно до сихъ поръ упускается изъ виду вовсе экономической наукой, между тѣмъ какъ онъ едва ли не ярче всѣхъ, давно замѣченныхъ, бьетъ въ глаза. Экономисты объясняли до сихъ поръ происхожденіе капитала, все его вліяніе сбереженіемъ труда, но не трудно показать, что одно сбереженіе труда само по себѣ еще не даетъ никакой чистой прибыли, не окажетъ никакого облегчающаго дѣйствія производительности текущаго труда, и что вопросъ вовсе не въ сбереженіи труда. Если мы станемъ анализировать успѣхи, сдѣланные человѣческимъ производствомъ отъ его зарожденія и до послѣдняго времени, то мы увидимъ, что всѣ они заключались вовсе не въ сбереженіи труда. Когда вы поднимаете камень на высоту, то вы сберегаете въ этомъ камнѣ, поднятомъ на высоту, ровно столько труда, сколько истратили на его подъемъ въ томъ смыслѣ, что если этотъ камень снова упадетъ или придетъ въ прежнее положеніе, то онъ совершитъ ту работу, которую вы истратили на его подъемъ. Но больше этой работы онъ вернуть не можетъ. Напротивъ, когда сдѣлаете лопату, истративъ на нее, положимъ, пять дней труда, и при посредствѣ этой лопаты вспашете въ теченіи пяти дней вашъ огородъ, тогда какъ прежде, работая просто крючковатымъ сукомъ, вспахивали его въ 20 дней, то ваша лопата возвратитъ вамъ не только пять дней, истраченныхъ на ея производство, но, сверхъ того, еще 10 дней вашего труда въ видѣ чистой прибыли. Откуда же взялась эта прибыль?

На этомъ примѣрѣ вы можете видѣть ясно, откуда она взялась. Все ваше дѣло заключалось въ томъ, что, вмѣсто того, чтобы по прежнему употребить 20 дней заурядъ на рытье земли, вы предварительно направили вашъ трудъ на производство лопаты, и потомъ уже приступили къ пашнѣ. Въ этомъ заключалась вся разница въ вашемъ способѣ дѣйствія, а между тѣмъ—къ какимъ различнымъ результатамъ она васъ привела: прежде вы кончали вашу работу въ 20 дней, теперь вы кончите вашу работу въ 5 дней. Итакъ, весь источникъ вашей чистой прибыли заключался, очевидно, въ новомъ направленіи или распредѣленіи вашего труда. Прежде весь вашъ трудъ поступалъ прямо на пашню, теперь часть его поступаетъ сперва на лопату и затѣмъ уже дальнѣйшій трудъ идетъ на пашню. Прибыль возникаетъ изъ способа употребленія труда, изъ направленія или организаціи труда, вотъ ея настоящій источникъ и весь секретъ. Въ такой-то организаціи или такомъ измѣненіи направленія труда заключались всѣ успѣхи человѣческаго производства отъ самаго ихъ начала и до послѣдняго времени.

Теперь возникаетъ самъ собой новый вопросъ: такъ-какъ очевидно, что всякое измѣненіе направленія труда приноситъ прибыль или увеличиваетъ его производительность, такъ-какъ такую прибыль можетъ дать только такое измѣненіе въ способѣ примѣненія труда, которое происходитъ именно въ томъ направленіи, которое въ данномъ случаѣ отвѣчаетъ своей цѣли, то очевидно, что тому или другому полезному измѣненію въ направленіи труда должна предшествовать одна небольшая вещь. Это—знаніе того направленія, которое должно быть дано труду для того, чтобы въ результатѣ производительность его могла увеличиться. Если бы это знаніе было дано человѣку отъ рожденія въ его полномъ объемѣ или по крайней мѣрѣ само собой спадало съ неба періодически, тогда, конечно, и вся прибыль въ производствѣ была бы ничего нестоющимъ человѣку даромъ природы. Но этого не было и нѣтъ на дѣлѣ. Напротивъ того, человѣку, повидимому, было легче добыть первую пищу, чѣмъ сдѣлать первые шаги въ умѣньи организовать свой трудъ или пріобрѣсти первые зачатки знанія, соотвѣтствующіе великой задачѣ — возвышенія производительности труда.

Для пріобрѣтенія этого знанія долженъ былъ быть затраченъ извѣстный прибавочный трудъ,—кромѣ того, который тратился имъ на это производство. Иными словами: кромѣ труда физическаго, человѣчество затрачивало значительную сумму труда иного, психическаго, умственнаго и нравственнаго, и результатомъ этихъ

то послѣднихъ затратъ только и являлись тѣ улучшенія въ его производствѣ, которыя давали начало чистой прибыли. Сумма и разнообразіе этого труда усложнялись еще тѣмъ, что задачи организаціи труда съ самаго начала представляли двѣ стороны: съ одной стороны, опредѣленіе техническаго порядка приспособленія труда къ эксплуатаціи отдѣльныхъ силъ природы, предполагавшее знаніе природы; съ другой — порядка комбинированія труда отдѣльныхъ единицъ въ трудъ коллективный или общественный, составлявшее задачу наукъ нравственныхъ или общественныхъ. Эта-то крупная величина психической работы всѣхъ изобрѣтателей, тружениковъ знанія, организаторовъ, администраторовъ и проч. — составляла тотъ членъ или факторъ въ производствѣ, который оставался скрытымъ для политической экономіи, подъ именемъ сбереженія или капитала, несмотря на то, что эта работа постоянно выбирала свою долю въ дѣйствительности изъ общей выработки; эта-то работа должна была, въ свою очередь, сохраняться въ общей выработкѣ, и она имѣла свой соотвѣтствующій членъ въ выработкѣ, и этотъ членъ и составляла прибыль. Исторія намъ показываетъ, что этой прибылью пользовались всегда дѣйствительные организаторы труда, правительства или лица, прилагавшія на дѣлѣ какое-либо изобрѣтеніе или улучшеніе.

Всѣмъ этимъ я не могу сказать, чтобы прибыль составляла величину, эквивалентную потраченному на ея образованіе труду. Собственно говоря, происходитъ ли трудъ въ психической или физической формѣ, онъ представляетъ извѣстную сумму живой силы или движенія молекулярнаго. Въ общемъ счетѣ въ природѣ отъ этого движенія ничего не можетъ сохраниться, кромѣ потенціальной силы, равной этому движенію. Такъ, положимъ, что вы придумали какое-либо орудіе обработки тряпья, которое сокращаетъ стоимость бумаги вдвое. На это изобрѣтеніе вами истрачено всего два мѣсяца труда.

Въ природѣ отъ вашей мозговой работы не можетъ сохраниться ничего болѣе, кромѣ количества живой силы, соотвѣтствующаго истраченной вашими нервами во время вашего изобрѣтенія; это количество можетъ быть выражено эквивалентно количествомъ пищи, потребнымъ для обновленія вашей мозговой дѣятельности въ теченіи двухъ новыхъ такихъ же мѣсяцевъ. Далѣе, результатъ вашей работы выразился двумя, тремя страницами символическихъ знаковъ работы, которая также считается оплаченной въ тѣхъ же двухъ мѣсяцахъ содержанія. Но эти двѣ страницы символическихъ знаковъ, представляющія собой работу, эквивалентную двухмѣсячному прокормленію организма, сокращать,

можетъ, на половину всю работу, которая будетъ употреблена человѣчествомъ на производство писчей бумаги. Если ежегодно будетъ производиться 100 пудовъ бумаги и производство каждаго пуда равнялось прежде 2 рабочимъ днямъ, то по истеченіи 10 лѣтъ было бы произведено бумаги 1,000 пудовъ, которые бы стоили 2,000, а теперь они будутъ стоить 1,000 дней; слѣдовательно, ваше изобрѣтеніе доставитъ обществу прибыль, равную 1,000 рабочимъ днямъ, между тѣмъ какъ ваша работа равнялась 60 днямъ. Но бумаги можетъ производиться не 100 пуд., а 1,000, 2,000 и т. д., и притомъ не 10, а 20, 100 и т. д. лѣтъ, и тогда прибыль будетъ опять иная. Очевидно, что между величиной вашего труда и величиной прибыли нѣтъ никакого эквивалентнаго отношенія; иными словами: прибыль вовсе не представляетъ сохраненія вашего труда въ прямомъ смыслѣ слова. Но если та живая сила, которую доставляетъ ваше изобрѣтеніе, не можетъ заключаться и проистекать изъ вашего труда, истраченнаго на это изобрѣтеніе, то откуда же берется эта живая сила, разъ мы знаемъ, что живая сила, а слѣдовательно и прибыль, не можетъ образоваться изъ ничего? Дѣло въ томъ, что, кромѣ вашего труда, въ производствѣ участвуютъ силы природы; на счетъ этихъ силъ совершается главнымъ образомъ самая значительная и тяжелая работа во всякомъ производствѣ; человѣческій же трудъ совершаетъ только ничтожную долю работы, воплощающейся въ каждомъ производствѣ; его роль состоитъ только въ освобожденіи и направленіи силъ природы. По отношенію къ природѣ онъ то же, что хозяинъ по отношенію къ работнику. Изъ одного человѣческаго труда, будетъ ли онъ психическій или физическій, мы не слѣпимъ малѣйшей доли того запаса силъ, который овеществляется въ продуктъ благодаря силамъ внѣшней природы. Такимъ образомъ, величина живой силы, собирающейся въ продуктѣ, опредѣляется величиной силъ природы, которыя успѣваютъ кристаллизоваться или собраться въ этомъ продуктѣ при содѣйствіи человѣческаго труда. Эта же величина можетъ быть различна, смотря по тому, какъ эти силы будутъ направлены человѣческимъ трудомъ, и смотря по этой величинѣ и величинѣ истраченнаго человѣкомъ труда, опредѣлится и величина прибыли.

Если на направленіе силъ природы истрачивается человѣкомъ столько же труда, сколько его возвращаютъ въ продуктъ силы природы, то прибыль равна нулю, и она вообще тѣмъ больше, чѣмъ меньше траты труда въ сравненіи съ выработкой.

Поэтому, чистая прибыль не что иное, какъ разность живой

силы, капитализированной въ продуктъ изъ природы, и живой силы, истраченной человѣкомъ на устройство процесса такой капитализаціи. Эта разность, а слѣдовательно и прибыль, можетъ быть положительной, можетъ представлять перевѣсъ продукта надъ тратой или работой человѣка, только подъ условіемъ, чтобы источникомъ образованія продукта, кромѣ силъ человѣка, служилъ какой-либо внѣшній, посторонній запасъ силы, и этотъ запасъ представляютъ силы природы. Итакъ, живая сила, воплощенная въ прибыли, берется изъ силы природы, и величина его зависитъ отъ совершенствованія въ способахъ пользованія или направленія человѣческимъ трудомъ силъ природы. Поэтому, между количествомъ прибыли и количествомъ истраченнаго на производство труда не существуетъ никакого непремѣннаго эквивалентнаго отношенія, но такое отношеніе должно существовать между величиной прибыли и степенью искусства человѣка въ пользованіи силами природы или степенью совершенства организаціи труда. Это не мѣшаетъ въ дѣйствительности сравнивать обѣ величины чисто внѣшнимъ образомъ, и отношеніе ихъ и составляетъ то, что называютъ обыкновенно процентомъ: *чистый доходъ*, трудъ прошлый (капиталъ) + трудъ текущій.

Такимъ образомъ, всякій затраченный трудъ возстановляется только насчетъ силъ природы, постороннихъ труду; но въ то время, какъ трудъ физическій, будетъ ли онъ употребленъ на производство хлѣба или орудія, въ состояніи собрать только столько силъ природы, сколько нужно для его прокормленія, трудъ психическій въ состояніи собрать больше, чѣмъ нужно для содержанія труда.

Въ окончательномъ счетѣ пріемъ, допущенный Марксомъ, можетъ быть слѣдовательно, употребленъ развѣ какъ пріемъ вспомогательный для наглядности изложенія или удобства измѣренія извѣстныхъ величинъ, но вовсе не какъ пріемъ для апологіи правъ рабочаго. Въ этомъ же смыслѣ этотъ пріемъ ничего не доказываетъ ровно. Между тѣмъ въ этомъ-то смыслѣ, какъ оказывается, его и употреблялъ Марксъ.

IV.

Объяснивъ происхожденіе капиталистическаго процесса, Марксъ излагаетъ далѣе исторію его развитія или тѣ дальнѣйшія формальныя состоянія, которыя проходитъ трудъ подъ вліяніемъ этого капиталистическаго процесса.

Въ этомъ отношеніи онъ прежде всего объясняетъ подробно, какъ увеличивается прибыль съ увеличеніемъ длины рабочаго дня; какъ англійскіе капиталисты это знаютъ и стараются, вопреки закону, увеличивать его длину, и приводитъ рядъ показаній работниковъ, данныхъ ими относительно этого предмета при оффиціальныхъ изслѣдованіяхъ различныхъ отраслей промышленности, какія производятся въ Англіи. Все это давно повторяется почти каждымъ сочиненіемъ, посвященнымъ изслѣдованію пауперизма; все это тамъ совершенно на мѣстѣ и способно вселить читателю много участія къ положенію рабочаго, но все это говоритъ только о злоупотребленіяхъ, которыя дѣлаютъ капиталисты изъ своего права; говоритъ болѣе объ общей порочности людей и заставляетъ серьёзно помышлять о мѣрахъ къ устраненію этихъ злоупотребленій. Но все это въ существѣ нисколько не подтверждаетъ той постановки вопроса, которую принялъ Марксъ, не подтверждаетъ взгляда на прибавочную стоимость, какъ на продуктъ труда. Впрочемъ, примѣры, приводимые Марксомъ, бо̀льшею частью весьма любопытны и поучительны.

Привожу нѣсколько примѣровъ, которые цитируетъ Марксъ. «Вильямъ Вудъ, мальчикъ 9-ти лѣтъ: началъ работать, когда ему было 7 лѣтъ 10 мѣсяцевъ. Сначала онъ только относилъ въ сушильню только-что вылѣпленную посуду и приносилъ обратно пустую форму. Онъ работаетъ ежедневно отъ 6 до 9 часовъ. Другой мальчикъ вертитъ колесо. Приходитъ въ 6, а иногда въ 4 часа утра. «Я работалъ въ продолженіи всей прошлой ночи, вплоть до восьми часовъ утра. Кромѣ меня работало всю прошлую ночь еще 8 или 9 мальчиковъ. За исключеніемъ одного, всѣ они пришли на работу сегодня утромъ. Я получаю въ недѣлю 3 шилл. 6 пен. Я не получаю ни гроша прибавки за ночную работу». Изъ этихъ примѣровъ собственно для существа дѣла читатель могъ вывести только то заключеніе, что рабочій день есть величина эластическая, которая можетъ быть растягиваема до извѣстныхъ предѣловъ. Капиталъ капиталиста, его орудія суть мертвый капиталъ, говоритъ Марксъ, пока они стоятъ безъ работы; они оживаютъ какъ вампиры, только всасывая въ себя живой текущій трудъ, поэтому каждый часъ простоя невыгоденъ для капиталиста и онъ естественно стремится растянуть рабочій день на всѣ 24 часа его физической длины. Это убиваетъ силы рабочихъ, но такъ какъ на смѣну погибающихъ всегда есть готовые кандидаты, то капиталистъ и не имѣетъ интереса щадить рабочаго. Вслѣдствіе такой растяжимости рабочаго дня, Марксъ называетъ его также перемѣннымъ капиталомъ. Выгода капи-

талиста, однако, можетъ проистекать не только изъ удлинненія рабочаго дня. Такъ какъ вся она зависитъ собственно отъ величины прибавочной, то эта величина можетъ увеличиваться также безъ удлинненія рабочаго дня, которое необходимо для покрытія рабочей платы. Прибавочную стоимость, проистекающую насчетъ удлинненія рабочаго дня, Марксъ называетъ абсолютной прибавочной стоимостью. Напротивъ, ту, которая проистекаетъ изъ сокращенія времени, необходимаго для работы, покрывающей содержаніе рабочаго, онъ называетъ относительной прибавочной стоимостью. Для того, чтобы понизить стоимость рабочей силы, увеличеніе производительности труда должно захватить такія отрасли промышленности, продукты которыхъ опредѣляютъ стоимость рабочей силы, т.-е. прямо входятъ въ кругъ тѣхъ жизненныхъ средствъ, которыя необходимы работнику. Напротивъ того, увеличеніе производительной силы труда въ такихъ отрасляхъ производства, которыя не доставляютъ ни необходимыхъ жизненныхъ средствъ, ни орудій или матеріала для ихъ производства, не уменьшаетъ стоимости рабочей силы.

Правда, если одинъ какой-либо капиталъ найдетъ способъ увеличенія производительности рабочаго въ его производствѣ, положимъ, вдвое, то онъ, продавая продуктъ по текущей или почти по текущей цѣнѣ, выручитъ вдвое бо́льшую сумму, чѣмъ прежде за продуктъ одного дня работы, и потому стоимость работы, если она оплачивалась прежде половиной рабочаго дня, теперь оплатится всего одной четвертью. Но это будетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока прочіе производители не воспользуются тѣмъ же способомъ и новая стоимость производства товара не обратится въ общую рыночную его стоимость, которую Марксъ называетъ общественной стоимостью. Эта же стоимость вдвое меньше прежней, то-есть: на данную сумму продукта, о которомъ идетъ рѣчь, теперь можно будетъ купить вдвое меньше всякаго другого продукта, а слѣдовательно и жизненныхъ средствъ для работниковъ. На этомъ основаніи рабочій произведетъ теперь въ полъ-часа то, что́ прежде производилъ въ часъ, но получитъ за получасовую работу только половину тѣхъ средствъ, которыя получалъ прежде, и долженъ будетъ по прежнему проработать тотъ же часъ, чтобъ получить то же, что́ получалъ и прежде за часъ работы. Такимъ образомъ величина стоимости содержанія рабочаго для капиталиста не измѣнится, и величина прибавочнаго труда для него нисколько не увеличится. Итакъ, въ окончательномъ счетѣ прибавочная стоимость увеличивается только при такихъ улучшеніяхъ производства, которыя удешевляютъ средства содер-

ханія рабочаго; остальныя улучшенія *остаются безъ вліянія на норму прибавочной стоимости или прибыли.*

Степень производительности человѣческаго труда совершенно зависитъ отъ способа пользованія человѣкомъ, съ одной стороны, силами труда, съ другой—этимъ трудомъ, и увеличеніе производительности труда можетъ происходить какъ на счетъ измѣненія въ порядкѣ пользованія человѣкомъ силами природы, такъ и пользованія ими трудомъ. Первое мы пока оставимъ вовсе въ сторонѣ, и остановимся вмѣстѣ съ Марксомъ на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя могутъ происходить въ производительности труда вслѣдствіе измѣненія въ формѣ пользованія этимъ трудомъ, независимо отъ его приложенія къ тѣмъ или другимъ силамъ природы. Такое пользованіе мы можетъ себѣ представить въ двухъ формахъ, единичной и коллективной. Опытъ показываетъ, да и не трудно понять a priori, что одно сложеніе труда или обращеніе работы изъ работы единичныхъ силъ въ работу суммы силъ производитъ приращеніе въ производительности труда.

Съ одной стороны, при такомъ сложеніи труда можетъ уменьшаться стоимость потребныхъ орудій производства. Комната, въ которой работаютъ двадцать ткачей, конечно, должна быть больше, чѣмъ комната, потребная для одного ткача; но построеніе мастерской для двадцати ткачей стóитъ дешевле построенія двадцати мастерскихъ для двадцати ткачей, работающихъ отдѣльно. Такія же сбереженія могутъ происходить и на прочихъ орудіяхъ. Съ другой стороны, сложеніе силъ, во-первыхъ, даетъ возможность преодолѣть такія препятствія, совершать такую полезную работу, которая силами разрозненными, или работающими въ одиночку, или не могла бы быть произведена вовсе, или съ большой тратой силъ. Во-вторыхъ, одна совмѣстная работа въ одной мастерской порождаетъ соревнованіе между рабочими, отзывающееся на итогѣ полезной работы. Въ-третьихъ, хотя бы данная работа и могла быть совершена работникомъ, работающимъ отдѣльно, но при совмѣстной работѣ она совершается скорѣе, несмотря на то, что отдѣльные рабочіе исполняютъ въ этой работѣ одну и ту же операцію. Такъ, напримѣръ, подъемъ кирпичей на высоту совершается быстрѣе каменьщиками, которые, расположившись на различныхъ высотахъ, передаютъ ихъ другъ другу, чѣмъ если каждый изъ нихъ станетъ таскать кирпичи наверхъ. Въ этомъ случаѣ, предметъ труда проходитъ то же самое пространство въ болѣе короткое время. Въ-четвертыхъ, наконецъ, во многихъ случаяхъ возможность исполненія данной работы ограничена опредѣленнымъ срокомъ, въ теченіи котораго работа эта только и можетъ быть

исполнена, и потому полезный результатъ работы вполнѣ зависитъ отъ одновременнаго направленія на эту работу извѣстной суммы силъ.

Итакъ, одно простое сложеніе силъ можетъ уже производить значительныя сбереженія въ количествѣ труда, потребнаго на то или другое производство. Результаты такого сложенія силъ мы можемъ видѣть въ громадныхъ размѣрахъ въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ древности — въ египетскихъ пирамидахъ, напримѣръ, и проч. Вездѣ, гдѣ мы встрѣчаемъ капиталистическій способъ производства, мы видимъ также сложеніе единичныхъ силъ; но въ своемъ развитомъ видѣ наше мануфактурное производство представляетъ еще нѣчто бо́льшее, чѣмъ такое простое сложеніе силъ; мы встрѣчаемъ въ то же время и раздѣленіе труда между складываемыми силами. На практикѣ раздѣленіе труда рождалось — или изъ первоначально простого сложенія силъ: нѣсколько работниковъ, производившихъ одну какую-либо вещь въ горячее время, соединялись капиталистомъ въ одной мастерской и первоначально каждый производилъ свою вещь въ полномъ ея объемѣ, но мало-по-малу производство одной и той же вещи начинаетъ раздѣляться между нѣсколькими работниками; отдѣльные процессы, изъ которыхъ слагается производство вещи, становятся спеціальной обязанностью отдѣльныхъ работниковъ. Или раздѣленіе труда можетъ происходить и инымъ путемъ: возьмемъ такое производство, какъ производство каретъ. Это производство и до раздѣленія труда могло слагаться изъ ряда производствъ, которыя составляли занятіе отдѣльныхъ ремесленниковъ. Одни части кареты производилъ кузнецъ, другія—плотникъ, третьи — шорникъ, четвертыя — портной и т. д. Но первоначально всѣ эти ремесленники, кромѣ частей кареты, производили и другія вещи; а капиталистъ соединилъ всѣхъ этихъ ремесленниковъ въ одну каретную мастерскую, въ которой каждый изъ ремесленниковъ сталъ производить только часть своего мастерства, непосредственно относящуюся къ производству каретъ, а остальныя части вовсе оставилъ и позабылъ. Вслѣдствіе такого раздѣленія труда, трудъ каждаго работника становился производительнѣе,—работникъ пріобрѣталъ особенную ловкость въ своей работѣ. Еще ранѣе, чѣмъ мы встрѣчаемъ такое раздѣленіе труда внутри отдѣльныхъ мануфактуръ, мы его встрѣчаемъ уже въ другомъ видѣ—въ видѣ общественнаго раздѣленія труда на профессіи: земледѣльческую, торговую и ремесленную, и, соотвѣтствующее этому — отдѣленіе городской жизни отъ сельской. Во всякомъ обществѣ такое раздѣленіе труда должно, естественно, предшествовать тому болѣе дробному его дѣ-

ленію, которое замѣчается внутри мануфактурнаго производства. Такимъ образомъ, общественное раздѣленіе труда составляетъ болѣе ранній и начальный видъ этого раздѣленія.

«Несмотря на то, между обоими видами раздѣленія труда,—говоритъ Марксъ,—есть то существенное различіе, что, при общественномъ раздѣленіи труда, каждый производитъ какую-либо потребительную стоимость въ цѣлости: такъ, напримѣръ, земледѣлецъ—производитъ хлѣбъ и исполняетъ всѣ операціи, изъ которыхъ слагается производство хлѣба, тогда какъ въ мануфактурномъ раздѣленіи труда отдѣльный работникъ никогда не производитъ цѣльной вещи». Мы, впрочемъ, замѣтимъ съ своей стороны, что это различіе не существенное, и что то раздѣленіе труда, которое встрѣчается внутри мануфактуръ, составляетъ только непремѣнное историческое продолженіе начавшагося болѣе ранняго раздѣленія труда, которое Марксъ называетъ общественнымъ раздѣленіемъ труда.

При такомъ измѣненіи въ способѣ производства или способѣ примѣненія труда, трудъ каждаго рабочаго, очевидно, спеціализуется все болѣе и болѣе, сфера его рабочей дѣятельности или трудовыхъ операцій становится однообразнѣе, но за то рабочій пріобрѣтаетъ въ ней болѣе навыка и искусства, черезъ что въ общей сложности отдѣльныя составныя части общаго процесса производства совершаются съ бо̀льшей быстротой и, въ общей сложности, работа становится производительнѣе. Но какъ бы ни спеціализировалась работа отдѣльныхъ работниковъ въ мануфактурномъ производствѣ, успѣшность ея все-таки остается зависящей отъ искусства работника. Каждый работникъ остается артистомъ въ предѣлахъ своего, хотя и ограниченнаго, отправленія. Онъ держитъ въ рукахъ орудіе, исполняющее работу, и исполнительный механизмъ работы слагается изъ этого орудія и его рукъ, его направляющихъ.

Успѣшность работы зависитъ отъ совершенства обоихъ частей исполнительнаго механизма. На этой формѣ сложенія труда, однако, не оканчивается исторія способовъ производства, и мы сейчасъ увидимъ, что вслѣдъ за раздѣленіемъ труда появляется новое средство дальнѣйшаго сокращенія, упраздняющее эту форму.

Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, производство изъ мануфактурнаго вида приложенія труда преобразуется въ новый видъ фабричнаго или машиннаго производства въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Практическая механика различаетъ въ каждой машинѣ три части: движущій механизмъ, механизмъ передаточный (т.-е. передающій силу), и, наконецъ, исполнительный механизмъ. До

сихъ поръ въ мануфактурномъ производствѣ машина исполняла преимущественно первыя двѣ функціи; послѣдняя, т.-е. функція исполнительнаго механизма оставалась на отвѣтственности рукъ человѣка и зависитъ отъ ихъ искусства.

Въ фабричномъ производствѣ, машина снабжается исполнительнымъ механизмомъ, который упраздняетъ работника и отъ этой функціи; она не только держитъ орудіе, исполняющее работу, но и движетъ его: работнику ничего не остается болѣе, какъ только направлять его, какъ въ самоточкѣ, или даже просто надзирать за работой, которую производитъ машина. До сихъ поръ машина была помощникомъ человѣка—теперь человѣкъ является помощникомъ машины. «Съ рабочими инструментами,—пишетъ Марксъ, — искусство управленія ими переходитъ отъ рабочаго къ машинѣ. Это искусство не стѣсняется болѣе личными средствами человѣческой силы. Вмѣсто іерархіи рабочихъ спеціалистовъ на фабрикѣ, является уравненіе работъ, которыя производятъ отдѣльные работники, и однообразіе котораго нарушается спеціализаціей или дѣленіемъ работъ совершенно другого рода,—ихъ дѣленіемъ по росту и возрасту».

Работы, нетребующія усилій взрослаго человѣка, само собой, замѣняются работой дѣтей и женщинъ, а взрослые мужскіе работники оставляются тамъ только, гдѣ они нужны. Прежде семья оставалась дома и мужской работникъ долженъ былъ получать за свою работу столько, сколько нужно было для его прокормленія съ семьей; теперь вся семья перешла на фабрику, и всѣ ея члены вмѣстѣ стали получать столько, сколько нужно для ихъ прокормленія, т.-е. столько же, сколько и прежде, но капиталистъ получилъ за ту же цѣну вмѣсто одного, трехъ, четырехъ и болѣе работниковъ, вслѣдствіе чего въ общей сложности часть рабочаго дня, остающаяся на его долю, должна была увеличиться.

Усовершенствованная этимъ путемъ машина вытѣсняла, такимъ образомъ, прежнее раздѣленіе труда, но она этимъ не ограничивалась. Она вытѣсняла и простое сложеніе труда. Сѣнокосилка, напримѣръ, замѣняла рядъ косцовъ, жатвенная машина—рядъ жнецовъ и т. д.

Правда, уничтожаемое совершенствованіемъ машины раздѣленіе труда по спеціальностямъ воскресало и теперь, но уже въ другой формѣ—въ видѣ раздѣленія труда не между работниками, а между машинами, или исполнительными механизмами. Насколько черезъ такое замѣненіе рукъ человѣка автоматической работой исполнительнаго механизма увеличивалась успѣшность работы, тому поразительнымъ примѣромъ можетъ служить производство иголокъ,

на которомъ Ад. Смитъ объяснилъ въ свое время выгоду раздѣленія труда.

По свидѣтельству Смита, въ его время, благодаря раздѣленію труда, 10 человѣкъ приготовляли ежедневно болѣе 48,000 иголокъ. Теперь же одна машина приготовляетъ въ теченіи 11 часовъ 145,000 иголокъ. Одна женщина наблюдаетъ среднимъ числомъ за четырьмя подобными машинами, производя, слѣдовательно, при содѣйствіи машинъ ежедневно 600,000 иголокъ. Десять женщинъ приготовятъ, слѣдовательно, 6.000,000 иголокъ въ день, или производительность труда по отношенію къ производству иголокъ со времени Смита увеличилась въ 120 разъ.

Собственно говоря, и этотъ фазисъ труда по своему началу или принципу не составлялъ ничего новаго. Выражаясь иными словами, мы можемъ назвать его обращеніемъ работы человѣка на работу силъ природы; такая работа съ самаго начала существовала въ производствѣ и безъ нея, можно сказать, невозможно было бы самое существованіе человѣка. Вопросъ состоялъ только въ расширеніи тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ она существовала, въ увеличеніи сферы пользованія человѣкомъ даровыми силами природы. Такимъ образомъ, исторія человѣческаго труда въ ея общемъ формальномъ видѣ проходила нѣсколько отдѣльныхъ фазисовъ, изъ которыхъ каждый приносилъ новое приращеніе его производительности.

Самая первобытная и простая форма примѣненія труда есть единичная; за ней слѣдовало простое сложеніе труда въ коллективный трудъ; далѣе—организація этого сложнаго труда по спеціальностямъ или раздѣленіе отдѣльныхъ актовъ производства по отдѣльнымъ группамъ работниковъ, и наконецъ—замѣщеніе работы человѣческихъ рукъ работой механическихъ двигателей и исполнительныхъ механизмовъ.

Въ различныхъ отрасляхъ производства трудъ проходилъ эти фазисы не одновременно, и потому въ одно и то же время одновременно встрѣчались и встрѣчаются различные фазисы пользованія трудомъ. Такъ, въ дѣлѣ производства пищи трудъ оставался до послѣдняго времени почти на самой первобытной ступени изложенной схемы своего развитія, между тѣмъ какъ въ извѣстныхъ отрасляхъ обработывающей промышленности онъ прошелъ всѣ фазисы отъ перваго до послѣдняго.

Я не буду затѣмъ входить въ разсмотрѣніе тѣхъ вліяній, которыя оказывали эти измѣненія въ исторіи труда на судьбу работника, хотя эти вліянія особенно подробно разсматриваются Марксомъ. Изложены они здѣсь крайне обстоятельно; изложеніе

переполнено примѣрами и фактами, заимствованными изъ оффиціальныхъ данныхъ и отчетовъ коммиссій, назначавшихся въ Англіи для изслѣдованія той или другой отрасли промышленности. Желающихъ познакомиться съ этимъ предметомъ мы поэтому отсылаемъ прямо къ книгѣ Маркса; сама же она отставляетъ его въ сторону, потому что, собственно говоря, обстоятельства, сюда относящіяся, не представляютъ ничего новаго и давно вошли въ разрядъ общихъ мѣстъ, повторяющихся въ каждой книжкѣ о западномъ пауперизмѣ, съ свойственнымъ этимъ сочиненіямъ человѣколюбіемъ.

Въ только-что изложенныхъ историческихъ измѣненіяхъ, въ судьбѣ труда выразились всѣ средства сбереженія работы, доступныя человѣку. Разсматривая ихъ подробнѣе, можно видѣть, что средства эти двоякаго рода. Одни заключаются въ переложеніи труда съ человѣка на силы природы и зависятъ отъ способа пользованія человѣкомъ силами природы; другія заключаются въ формальномъ, внѣшнемъ устройствѣ человѣческаго труда. Въ первомъ трудъ сберегается, потому что часть его переносится на силы природы; во второмъ онъ сберегается потому, что при томъ же итогѣ труда увеличивается полезная часть этого труда или уменьшается безполезная сравнительно съ полезной.

Въ первомъ случаѣ сокращается количество полезной работы, которое долженъ поставить человѣкъ, потому что часть работы переносится на природу; во второмъ—количество требуемой полезной работы остается то же, но требуется менѣе работы вообще, вслѣдствіе сокращенія въ общемъ итогѣ работы безполезной.

Перваго рода средства даетъ наука и знаніе, второго рода средства—устройство труда, администрація.

Изъ перечисленныхъ выше трехъ фазисовъ въ исторіи труда, три первые представляли три различныя формы приложенія труда и потому обусловливали собой успѣхи въ производительности труда, насколько послѣдніе зависѣли собственно отъ формы приложенія труда.

Послѣдній же, или переложеніе труда человѣка на силы природы, не представлялъ никакой новой формы труда, а просто сокращеніе труда, насколько оно зависѣло не отъ внѣшней формы его употребленія, а отъ самой технической послѣдовательности его приложенія или способа пользованія со стороны труда силами природы.

Послѣ такого изложенія этихъ средствъ становится еще очевиднѣе, что ни одно изъ нихъ не проистекаетъ изъ иниціативы работника, не есть дѣло его рукъ или продуктъ физическаго

труда, а, напротивъ, есть результатъ психической работы и результатъ дѣятельности тѣхъ классовъ общества, которые заняты этого рода работой. Иными словами, та часть рабочаго дня, которую Марксъ называетъ прибавочной, есть вещь, которая создается совмѣстнымъ дѣйствіемъ науки и организаціи труда. Она только по внѣшнему виду составляетъ часть рабочаго, какъ тотъ рубль, который я могу положить въ вашъ карманъ на сбереженіе, составляетъ только по внѣшнему виду вашу, а не мою собственность. Платье, которое я вѣшаю на гвоздь, составляетъ точно также принадлежность этого гвоздя; между тѣмъ оно остается моимъ платьемъ, и никто не станетъ утверждать, чтобы оно было не мое. Работникъ въ дѣлѣ сокращенія работы чистый гвоздь, къ которому знаніе и организація труда пристегиваютъ лишній итогъ силы, но въ созданіи котораго работникъ совершенно неповиненъ.

Онъ не создаетъ той прибыли, въ которой его хозяинъ хочетъ сдѣлать участникомъ, и эта прибыль не можетъ быть измѣряема по существу, какъ это допустилъ Марксъ, длиной рабочаго дня и только вяжется съ нимъ чисто внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, какъ платье вяжется съ вѣшалкой, на которой оно виситъ, какъ рычагъ вяжется съ тяжестью, которую онъ поднимаетъ. Про этотъ рычагъ вы точно также можете сказать, что онъ поднимаетъ тяжесть, между тѣмъ какъ эту тяжесть поднимаетъ вовсе не рычагъ, а сила, дѣйствующая на этотъ рычагъ. Работникъ Маркса настолько же ровно создаетъ прибыль или прибавочную стоимость, насколько полоса желѣза, представляющая рычагъ, поднимаетъ тяжесть или собираетъ силу; онъ не болѣе какъ орудіе въ рукахъ знанія и организаціи труда; и сила, создающая прибыль, находится точно такъ же внѣ его, столь же чужда ему и посторонняя, какъ и сила, дѣйствующая на рукоятку рычага. Измѣрять прибыль длиной рабочаго дня Марксъ могъ, конечно, въ смыслѣ схематическомъ, внѣшнемъ, какъ можно измѣрять аршиномъ ростъ человѣка; но онъ пошелъ далѣе: онъ допустилъ, что между аршиномъ и ростомъ человѣка заключается органическая связь; разсуждая надъ рычагомъ и видя, какъ онъ поднимаетъ тяжесть, онъ забылъ ту силу, которая дѣйствуетъ на рычагъ и приписалъ все дѣйствіе, весь эффектъ желѣзной полосѣ. Онъ спуталъ вещи и вся его защита рабочаго вопроса лишена прочнаго основанія. Работникъ остался въ книгѣ Маркса пока такимъ же голымъ и беззащитнымъ, какимъ и вошелъ въ нее. Марксъ разсказалъ намъ только пока его исторію, но ничего

болѣе. Эту исторію онъ разсказалъ, правда, классически превосходно, безъ излишней реторики, систематически и полно, съ послѣдовательностью и точностью, достойными бо́льшаго результата, но выше этого мы не можемъ оцѣнить его заслугъ.

Не въ этомъ, однако, одномъ состояла его задача, какъ онъ ее ставилъ самъ. «Процессъ труда,—пишетъ онъ,—былъ нами изслѣдованъ сперва абстрактно, независимо отъ его историческихъ формъ, какъ процессъ, происходящій между природой и человѣкомъ». Въ этомъ-то предположеніи и заключается заблужденіе Маркса: именно въ этомъ смыслѣ, какъ процессъ, происходящій между природой и человѣкомъ, процессъ этотъ не былъ изслѣдованъ Марксомъ, а только какъ процессъ, происходящій между капиталистомъ и работникомъ. Иначе Марксъ долженъ бы былъ придти къ совершенно другимъ выводамъ, чѣмъ пришелъ.

V.

Покончивъ съ формальной исторіей труда подъ вліяніемъ капиталистическаго процесса, Марксъ разсматриваетъ результаты капиталистическаго процесса, или накопленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы переходимъ къ послѣднему отдѣлу его книги, и намъ остается сказать немного. Разсматривая рабочую плату, онъ продолжаетъ: «Двѣнадцатичасовой рабочій день сто́итъ, положимъ, 6 шилл. Если бы обмѣнивались эквиваленты на эквиваленты, *то рабочій получилъ бы* за 12 часовъ работы 6 шилл. Цѣна его труда равнялась бы цѣнѣ его продукта. Въ этомъ случаѣ онъ не произвелъ бы никакой прибавочной стоимости для капиталиста и почва капиталистическаго производства исчезла бы. Теперь же онъ продаетъ 12 часовъ труда за 10», и «отсюда дѣлается очевиднымъ, что стоимость труда должна быть постоянно меньше произведенной ею стоимости, такъ какъ капиталистъ постоянно заставляетъ рабочую силу дѣйствовать долѣе, чѣмъ это необходимо для воспроизведенія ея собственной стоимости».

При такомъ положеніи вещей прибавочный или неоплаченный трудъ представляется оплаченнымъ и денежныя отношенія скрываютъ даровую работу наемнаго работника. Черезъ это скрываются дѣйствительныя отношенія и на этомъ основываются всѣ правовыя представленія какъ капиталиста, такъ и рабочаго, всѣ мистификаціи капиталистическаго способа производства, всѣ капи-

талистическія иллюзіи о свободѣ, всѣ оправдательныя уловки вульгарной политической экономіи. Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ, что Марксъ приравниваетъ всю выработку совершенно серьёзно одной текущей работѣ рабочаго. «12 часовъ работы,—говоритъ онъ,—приравниваются 10 или 6 часамъ работы», и видитъ здѣсь противорѣчіе. Между тѣмъ какъ слѣдовало бы сказать: 12 часовъ голой работы приравниваются 10 часамъ такой же работы плюсъ работѣ психическаго труда, истраченной для сообщенія труду той производительности, которую онъ имѣетъ теперь,—и тогда не было бы никакого противорѣчія. Читатель видитъ, что все противорѣчіе проистекаетъ оттого, что Марксъ употребляетъ ложную терминологію и самъ себя обманываетъ ею.

Но эта ложная терминологія, разъ она оказалась имъ установленною и принятою за вѣрную, служитъ Марксу для своеобразнаго объясненія самаго накопленія. Капиталъ, какъ извѣстно, накопляется такимъ образомъ, что разъ полученная прибыль снова обращается на производство, даетъ новую прибыль и т. д. Это схема сложныхъ процентовъ. Но процессъ этотъ долженъ былъ когда-нибудь начаться; поэтому нужно предположить, что капиталистъ когда-то и посредствомъ какого-то независимаго отъ неоплаченнаго труда предварительнаго накопленія сдѣлался собственникомъ начальнаго капитала. Допустимъ, говоритъ Марксъ, что этотъ первый капиталъ былъ произведеніемъ труда самого рабочаго. Но въ такомъ случаѣ въ первомъ добавочномъ капиталѣ исчезаетъ всякая тѣнь подобнаго представленія или перваго акта образованія капитала, по которому капиталистъ какъ-бы вкладываетъ въ обращеніе нѣкоторыя стоимости изъ своего собственнаго фонда... Обмѣнъ эквивалентовъ, являющійся первоначальной сдѣлкой, до такой степени извратился, что мѣна совершается теперь только для вида, такъ какъ, во-первыхъ, часть капитала, обмѣненная на рабочую силу, есть только часть продукта чужого труда, присвоеннаго безъ соотвѣтствующаго эквивалента, и, во-вторыхъ, она должна быть возвращена собственно рабочимъ, но возвращена съ новой прибавкой. Слѣдовательно, отношеніе обмѣна между капиталистомъ и рабочимъ представляетъ теперь только внѣшній видъ, свойственный обмѣну, голую его форму, лишенную самаго содержанія.

Постоянная покупка и продажа рабочей силы есть только форма. Содержаніе же заключается въ томъ, что часть уже овеществленнаго чужого труда, постоянно присвоиваемаго капиталистомъ безъ вознагражденія, постоянно увеличивается на счетъ

новыхъ количествъ чужого труда. Первоначальное право собственности представлялось намъ основаннымъ на собственномъ трудѣ; по крайней мѣрѣ мы должны были это допустить. Теперь же собственность является со стороны капитала правомъ присвоенія чужого неоплаченнаго труда или продукта его; со стороны же рабочаго—невозможностью овладѣть своимъ собственнымъ продуктомъ.

Таковы совершенно послѣдовательные выводы изъ совершенно же невѣрнаго основанія, и потому выводы a priori невѣрные. Не менѣе удачны послѣ этого и опроверженія, которыя пытается представить Марксъ противъ нѣкоторыхъ положеній относительно накопленія въ «классической политической экономіи», какъ онъ называетъ школу Смита и Рикардо. Рикардо, надо замѣтить, пишетъ, что «всѣ продукты страны потребляются; но потребляются ли они тѣми, кто производитъ новыя стоимости, или тѣми, кто не производитъ никакой стоимости, это большая разница». Марксъ возражаетъ: «одна изъ величайшихъ ошибокъ, которую дѣлали Смитъ и Рикардо, есть та, что часть дохода, которая присоединяется къ капиталу, потребляется производительными рабочими». При этомъ, говоритъ онъ, вся прибавочная стоимость должна была бы обратиться въ перемѣнный капиталъ, то-есть, по Марксу, на наемъ рабочихъ (спрашивается: почему?). Между тѣмъ, она, какъ первоначальный капиталъ, дѣлится на покупку не только рабочей силы, но и другихъ средствъ производства. Смитъ на это можетъ объяснить Марксу, что его возраженіе невѣрно даже въ томъ случаѣ, если понимать слова его и Рикардо совершенно буквально, потому что прочія средства производства, какъ-то: сырой матеріалъ и орудія, растутъ также не изъ ничего, а выражаютъ сумму текущаго производительнаго труда, истраченную на ихъ производство, иначе—должны быть выражены извѣстнымъ числомъ рабочихъ, содержаніе которыхъ составляетъ стоимость сырья и орудій. Марксъ утверждаетъ, что Смитъ дѣлаетъ нелѣпый выводъ, и прерываетъ изслѣдованіе именно тамъ, гдѣ оно становится трудно. Почему выводъ Смита нелѣпъ?

Мы не станемъ затѣмъ продолжать далѣе этихъ выписокъ, равно какъ заниматься долѣе процессомъ накопленія, какъ онъ изображается у Маркса. Все дальнѣйшее содержаніе этого послѣдняго отдѣла книги, если отбросить безконечныя тавтологіи, безконечную игру отвлеченными категоріями, отягощающими безъ всякой нужды чтеніе,—сводится къ тому, что капиталистическое накопленіе должно неизбѣжно вести къ избытку рабочаго насе-

ленія и пролетаріату. Послѣ чего Марксъ снова занимается примѣрами, рисующими жалкое положеніе рабочаго.

Читатель, который сколько-нибудь внимательно слѣдилъ до сихъ поръ за нашимъ изложеніемъ, уже самъ собой можетъ понять, какъ представляется процессъ накопленія съ точки зрѣнія высказаннаго нами взгляда, или—какимъ представленіемъ мы должны замѣнить то, которое только-что выписали у Маркса. Если источникомъ прибыли служитъ вообще психическій трудъ или измѣненіе порядка пользованія физическимъ трудомъ, какъ по существу, такъ и по формѣ, словомъ—знаніе и организація труда, то и первый капиталъ былъ продуктомъ того же труда, той же психической дѣятельности, проявившейся въ обществѣ въ формѣ ли изобрѣтенія или организаціи труда и самаго общежитія. Даже простое образованіе капитала изъ сбереженія, если оно могло имѣть мѣсто въ мѣстахъ, представлявшихъ избытокъ жизненныхъ средствъ, уже предполагало извѣстную опытность и предусмотрительность со стороны первобытнаго капиталиста, которая возвышала его надъ другими и была плодомъ умственной работы. Всякое знаніе и изобрѣтеніе или случайное открытіе возвышало средства лица, которое владѣло этимъ знаніемъ, надъ остальными и обращало его въ капиталиста; всякое дальнѣйшее приращеніе этого знанія служило новымъ источникомъ повышенія производительности труда и, слѣдовательно, образованія капитала. Но еще бо́льшее значеніе капитала имѣла организація работы или гражданское и государственное устройство въ человѣческомъ обществѣ, и, наконецъ, частный шагъ въ организаціи труда, сокращавшій величину труда, терявшуюся прежде на то или другое производство. И между первоначальнымъ и послѣдующимъ порядкомъ образованія капитала, между порядкомъ образованія первой и послѣдующихъ прибылей не было, согласно нашему объясненію, никакого различія.

Пользованіе означеннымъ капиталомъ доставалось въ руки тѣхъ, кто оказывался виновникомъ его появленія, то-есть организующихъ классовъ. Работникъ же, ничего не изобрѣтавшій и ничего не организовавшій, а только постоянно организуемый, не имѣетъ никакого основанія заявлять на нее малѣйшія притязанія, и что, если сравнить въ этомъ случаѣ обоихъ, то, съ точки зрѣнія права, классъ капиталистовъ, не въ томъ ограниченномъ смыслѣ, какъ понимаетъ его Марксъ, а какъ классъ болѣе обширный, обнимающій собой какъ правительство, такъ и поземельныхъ и денежныхъ собственниковъ, словомъ — весь классъ

лицъ, выдвинувшійся изъ рабочей массы въ теченіи исторіи и явившійся организаторомъ коллективной работы въ обществѣ, какъ представитель психической работы общества за все прошлое время, — имѣетъ, по крайней мѣрѣ, съ внѣшней, формальной стороны, въ отношеніи прибавочной стоимости и болѣе правъ. Это положеніе будетъ непоколебимо вѣрно до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ искать для раздѣла и распредѣленія прибыли другого основанія, другого закона, кромѣ того, который принимаетъ Марксъ и по которому каждому должно принадлежать то, что̀ онъ производитъ и та доля общей выработки, которой онъ служитъ виновникомъ.

Такой порядокъ, конечно, выдерживается лишь въ общей сложности. Въ частности, плоды изобрѣтенія достаются, конечно, нерѣдко не самому изобрѣтателю, точно также отдѣльныя лица пользуются выгодами капитала не настолько, насколько они были ихъ прямыми производителями. Выгоды эти, будучи продуктомъ не текущаго труда и будучи плодомъ работы безчисленнаго ряда поколѣній, достаются въ массѣ каждому новому поколѣнію въ порядкѣ наслѣдственномъ, то-есть въ томъ же порядкѣ, въ какомъ человѣкъ получилъ даромъ преимущества своей физической организаціи; онѣ въ строгомъ смыслѣ теряютъ характеръ капитала и обращаются въ ренту, въ производствѣ которой текущій работникъ не принималъ никакого участія и потому не имѣетъ на нее никакого права, разъ, по собственному увѣренію Маркса, всякій долженъ получать только то, что̀ онъ производитъ. Все это показываетъ, что на основаніи того принципа, которымъ задался Марксъ съ самаго начала, и опираясь на который онъ думалъ утвердить право рабочихъ на участіе въ прибыли, нельзя придти къ тому результату, къ которому стремится Марксъ. Права, которыя Марксъ хочетъ предоставить рабочему, были бы правами не только на прибыль, но и на ренту. Но въ такомъ случаѣ на томъ же основаніи одни рабочіе должны имѣть права на естественныя преимущества другихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вопросъ теряетъ совершенно ту своеобразную почву болѣе ранняго соціализма, на которой думалъ утвердить его Марксъ, и возвращается къ тѣмъ основаніямъ, на которыхъ здѣсь было бы совершенно лишне за нимъ слѣдить.

Всѣмъ изложеннымъ я не отрицаю того, чтобы рабочій не могъ получить извѣстнаго участія въ прибыли, чтобы это не могло случиться, напримѣръ, путемъ развитія того же капиталистическаго процесса; я утверждаю только, что тѣ формальныя основанія, которыя избираются для такого участія, никуда не

годится и основаніе, избранное Марксомъ, не лучше другихъ. Далѣе, я утверждаю, что мѣра, въ которой случится это участіе, зависитъ отъ матеріальныхъ условій вопроса, лежащихъ какъ въ степени развитія личности рабочаго, такъ и въ матеріальныхъ условіяхъ производства. Иначе разсуждаютъ формалисты. По ихъ мнѣнію, съ начала исторіи была совершена какая-то ошибка. Съ тѣхъ поръ все переставилось не какъ слѣдуетъ. Все было отлично. Первоначальный человѣкъ наслаждался и даровой пищей, и проч.; затѣмъ, все пошло не такъ и не туда, куда слѣдуетъ. Общественный процессъ разсматривается ими не какъ естественный процессъ, особенности котораго обусловливались настолько же природой, насколько человѣкомъ, принимавшимъ въ немъ участіе, въ которомъ виноватъ былъ настолько же работникъ, насколько и прочіе члены. Онъ разсматривается ими какъ образовавшійся такимъ, какъ онъ есть, совершенно случайно. Такъ именно разсуждаетъ Марксъ. Капиталистическія отношенія,—пишетъ онъ,—предполагаютъ отдѣленіе работниковъ отъ собственности во время осуществленія труда. Какъ скоро капиталистическое производство стало уже разъ на собственныя ноги, то оно не только сохраняетъ это отдѣленіе, но воспроизводитъ его во все болѣе и болѣе широкихъ размѣрахъ. Слѣдовательно, такъ-называемое первоначальное накопленіе есть не что иное, какъ историческій процессъ отдѣленія производителя отъ средствъ производства.

Происхожденіе этого накопленія разсказываютъ какъ анекдотъ изъ прошлыхъ временъ.

Въ давнопрошедшія времена были, съ одной стороны, трудолюбивые люди, съ другой—лѣнивые. Поэтому и произошло то, что первые накопили богатство, а послѣднимъ въ концѣ-концовъ ничего не осталось продавать, кромѣ своей собственной шкуры.

Въ дѣйствительности же, какъ извѣстно, завоеваніе, порабощеніе, разбой, словомъ—сила играла большую роль. Съ перваго взгляда видно, что процессъ отдѣленія заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ историческихъ процессовъ, притомъ двойной рядъ: съ одной стороны, уничтоженіе отношеній, дѣлающихъ самого работника собственностью третьяго лица и средствомъ производства, которое можно присвоивать; съ другой—уничтоженіе права собственности непосредственныхъ производителей на ихъ средства производства. Слѣдовательно, процессъ отдѣленія охватываетъ въ дѣйствительности всю исторію развитія новѣйшаго буржуазнаго общества.

Исходной точкой его развитія служило крѣпостное состояніе

рабочаго. Процессъ же его состоялъ въ измѣненіи формы этого подчиненія, хотя спорадически капиталистическое производство и встрѣчалось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Средиземнаго моря еще въ XV и XIV столѣтіяхъ, но капиталистическое лѣтосчисленіе начинается, пишетъ Марксъ, только съ XVI столѣтія. Въ процессѣ отдѣленія историческое значеніе имѣютъ тѣ моменты, когда громадныя массы людей вдругъ и насильственно отторгались отъ своихъ средствъ производства и бросались на рабочій рынокъ, какъ свободные пролетаріи. Экспропріація земли у работниковъ служитъ основаніемъ всего процесса. Затѣмъ Марксъ разсматриваетъ исторію обезземеленія крестьянъ въ Европѣ.

Очевидно, что, по мнѣнію Маркса, если бы подобной экспропріаціи не было, то не было бы и капиталистическаго способа производства; корень всего зла онъ видитъ сперва въ закрѣпощеніи работника и потомъ въ безземельномъ его освобожденіи. Справедливо ли такое предположеніе, дѣйствительно ли, въ случаѣ отсутствія насильственнаго отдѣленія крестьянъ отъ земли, производство не получило бы характера, который онъ называетъ капиталистическимъ,—онъ не трудится изслѣдовать. Онъ не спрашиваетъ себя даже, не принимаетъ ли онъ въ настоящемъ случаѣ самаго явленія за причину; не есть ли обезземеленіе, которое онъ выставляетъ какъ причину капиталистическаго производства, только одинъ изъ моментовъ этого самаго капиталистическаго производства и результатъ болѣе глубокой и существенной причины, которая обусловила и экспропріацію и капиталистическій порядокъ за-одно; не скрывалась ли, словомъ, настоящая причина капиталистическаго порядка гдѣ-нибудь глубже, чѣмъ въ такомъ случайномъ фактѣ, какъ безземельное освобожденіе?

По мнѣнію Маркса, словомъ,—въ Европѣ произошло безземельное освобожденіе и вышелъ капиталистическій порядокъ; въ другомъ мѣстѣ могло быть не безземельное освобожденіе и капиталистическаго порядка не должно выдти.

Какъ просты кажутся формалистамъ причины капиталистическаго процесса, столь же просты кажутся имъ и средства его измѣненія. Для Маркса, повидимому, все дѣло можетъ ограничиться однимъ закрѣпленіемъ за рабочими права на прибыль. Но въ какомъ видѣ понимаетъ онъ это закрѣпленіе и каковъ долженъ оказаться, по его представленію, некапиталистическій процессъ,—этого онъ не говоритъ. Онъ бросаетъ изслѣдованіе тамъ, гдѣ кончаетъ съ доказательствомъ правъ рабочаго на такую прибыль, а потому и мы не имѣемъ повода продолжать его далѣе. На-

сколько же доказательства его такихъ правъ были шатки,—это мы видѣли достаточно. Прибавимъ только, что, какимъ бы ни представлялся Марксу капиталистическій процессъ, настоящій работникъ едва ли могъ бы въ немъ фунгировать такимъ, какъ онъ есть, благодаря своимъ крайне капиталистическимъ свойствамъ; что если намъ указываютъ на личный эгоизмъ капиталистическаго класса, то это свойство, конечно, въ той же степени коренится и въ низшихъ классахъ. Въ этомъ отношеніи средній уровень развитія личности очень слабъ и средній человѣкъ не представляетъ вовсе той единицы, съ которыхъ строятся идеальныя общества.

Ю. Жуковскій.

РОССІЯ и ЕВРОПА

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

III.

Первая неудачная коалиція.

У первобытныхъ народовъ существовалъ обычай, при закладкѣ какого-нибудь зданія, для его прочности, приносить человѣческую жертву. Въ основу зданія французской имперіи положенъ былъ трупъ герцога ангьенскаго. Едва покончилась венсенская трагедія, какъ сенатъ явился къ первому консулу съ предложеніемъ императорской короны. Но дѣло объ имперіи еще не было кончено, когда послѣдовалъ разрывъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею, императорскій титулъ Наполеона не былъ признанъ Россіею; Пруссія поспѣшила признать его; призналъ и германскій императоръ, выговоривъ себѣ признаніе наслѣдственнаго императорскаго титула, какъ государю австрійскихъ земель. Превращенію французской республики въ имперію даже очень радовались въ высшихъ кругахъ Вѣны, ибо думали, что дѣло покончено съ революціею; но радость была непродолжительна. То, чѣмъ могъ довольствоваться первый консулъ, тѣмъ не могъ довольствоваться императоръ; новый титулъ требовалъ новой, блистательнѣйшей обстановки, и средства для этой обстановки должна была доставить Европа. Странно было думать, что Наполеонъ, ставши императоромъ, сдѣлается умѣрен-

нѣе, какъ будто онъ не долженъ былъ заплатить за новую верховную честь новою славою для народа, новыми пріобрѣтеніями для него; странно было думать, что Наполеонъ, который не хотѣлъ отказаться отъ Италіи, когда былъ первымъ консуломъ, откажется отъ нея, ставши императоромъ, а здѣсь-то, въ Италіи, и мѣсто столкновенія между Австріею и Франціею. Столкновеніе было необходимо, къ нему надобно было готовиться; въ Вѣнѣ не могли обманывать себя надеждою на нейтралитетъ, какъ обманывали себя въ Берлинѣ; но точно такъ же, какъ и въ Берлинѣ, въ Вѣнѣ дрожали при мысли начать борьбу съ Наполеономъ, а начать ее одинъ на одинъ считали невозможностью.

Были союзники. Какъ только возобновилась война между Англіею и Францію, британское правительство начало искать союзниковъ на континентѣ, хлопотать о коалиціи, причемъ не могло не обратиться къ Австріи, старой союзницѣ своей въ борьбѣ съ Франціею. Но старыя времена прошли; Австрія не была болѣе первенствующею державою восточной Европы; въ Германіи ее постоянно давилъ кошмаръ Пруссіи, а на востокѣ была Россія, которая одна могла стать въ челѣ коалиціи. И потому на англійскія предложенія въ Вѣнѣ былъ одинъ отвѣтъ: безъ Россіи ничего сдѣлать нельзя. Этого мнѣнія крѣпко держался человѣкъ, управлявшій тогда внѣшними сношеніями Австріи, графъ Людвигъ Кобенцль, пріобрѣтшій, какъ дипломатъ, громкую извѣстность въ XVIII вѣкѣ, особенно какъ австрійскій министръ при русскомъ дворѣ, при дворѣ Екатерины. Кобенцль, подобно Маркову, былъ полный представитель того добраго стараго времени, когда шутя дѣлали важныя дѣла, когда въ Эрмитажѣ, за веселымъ разговоромъ, втыкая иголку въ канву, дѣлили царства. Кобенцль славился своимъ волокитствомъ, несмотря на тяжелую и крайне непріятную наружность, славился умѣньемъ играть на театрѣ; имѣя около 60 лѣтъ, не переставалъ брать уроки пѣнія. Курьеръ прискачетъ изъ Вѣны съ важными депешами, а посланникъ передъ зеркаломъ разучиваетъ роль. Дурныя извѣстія, которыя получалъ Кобенцль изъ Вѣны во время неудачной борьбы Австріи съ республиканскою Францію, не мѣшали ему давать блестящіе балы; когда узнавали о побѣдахъ французовъ надъ австрійцами, то говорили: «прекрасно! въ субботу будетъ балъ у Кобенцля». Екатерина говорила: «Вы увидите, что онъ бережетъ лучшую пьесу ко дню входа французовъ въ Вѣну».

Кобенцль выѣхалъ изъ Россіи съ убѣжденіемъ, что Австрія можетъ быть безопасна только въ союзѣ съ этою державою; съ этимъ убѣжденіемъ онъ принялъ въ свое завѣдываніе внѣшнія

дѣла. Въ Вѣнѣ не могли не знать, по крайней мѣрѣ не могли не подозрѣвать, что въ Петербургѣ не придаютъ большого значенія союзу съ Австріею, вслѣдствіе военной слабости, обнаруженной ею въ послѣднее время. Такому взгляду въ Вѣнѣ приписывали и старанія Россіи привлечь на свою сторону Пруссію, потаковничество видамъ послѣдней, какъ казалось, одолѣваемой ревностію Австріи. Съ цѣлью внушить русскому правительству бо́льшее уваженіе къ военнымъ силамъ Австріи, лѣтомъ 1803 года отправился въ Петербургъ братъ императора, венгерскій палатинъ; но хотя онъ привезъ въ Вѣну успокоительное извѣстіе, что и къ Пруссіи въ Петербургѣ не питаютъ особеннаго уваженія, однако не замѣтилъ тамъ и желанія сблизиться съ Австріею. Въ Петербургѣ хотѣли дѣятельнаго союза, а не безполезнаго сближенія; на первый же была плохая надежда, судя по извѣстіямъ, приходившимъ изъ Вѣны. По этимъ извѣстіямъ, Тугута уже съ годъ ни о чемъ не спрашивали; вліяніе эрцгерцога Карла ограничивалось одними военными дѣлами; императрица не имѣетъ *важнаго* вліянія, она хохочетъ съ утра до вечера, устраиваетъ фантастическіе деревенскіе праздники, строитъ странные за́мки. Администрація слабая, хочетъ все дѣлать сама, выводитъ темныхъ людей, и хочетъ этимъ показать, что ищетъ силъ во всѣхъ классахъ общества. Французскій посланникъ пользуется въ Вѣнѣ огромнымъ значеніемъ; онъ знаетъ все, потому что посланникъ испанскій, министры итальянскій, прусскій сообщаютъ ему о всѣхъ своихъ поступкахъ, совѣтуются съ нимъ обо всемъ, передаютъ ему всѣ извѣстія. Франціи терпѣть не могутъ, но страшно боятся. Армія въ лучшемъ положеніи, чѣмъ можно было надѣяться, но полководцевъ нѣтъ.

Представителемъ австрійскаго двора въ Петербургѣ былъ графъ Филиппъ Стадіонъ, человѣкъ, пользовавшійся по своимъ личнымъ качествамъ всеобщимъ уваженіемъ и давно пріятный въ Россіи. Но Стадіону была задана трудная задача. «Старайтесь,—писалъ ему Кобенцль,—поставить насъ въ самыя лучшія отношенія къ Россіи, но чтобы при этомъ мы не обязаны были вести войны». Кобенцлю давали знать, что изъ сановниковъ, завѣдывавшихъ иностранными дѣлами Россіи, князь Чарторыйскій раздѣлялъ воинственный жаръ императора Александра, но графъ Воронцовъ смотрѣлъ на дѣло спокойнѣе и систематичнѣе, и Кобенцль предписывалъ Стадіону извлечь пользу изъ миролюбивыхъ наклонностей русскаго канцлера. Но Воронцовъ не былъ такъ миролюбивъ, какъ про него насказали Кобенцлю: Воронцовъ напоминалъ Стадіону то доброе старое время, время незабвенной

Елисаветы, когда Россія и Австрія были въ тѣсномъ союзѣ, и слѣдствія этого союза хорошо зналъ Фридрихъ II; теперь слѣдствія такого союзда долженъ узнать Наполеонъ, иначе зачѣмъ союзъ? Война есть бѣдствіе, но избѣжать ея трудно. Россія можетъ двинуть 90,000 войска, съ такимъ же корпусомъ удерживать Пруссію; будетъ стараться въ Баваріи, Виртембергѣ и Баденѣ, чтобъ эти владѣнія не примкнули къ Франціи. Русскія войска, говорилъ Воронцовъ, могутъ выступить въ походъ въ 8 дней.

Русскія предложенія произвели сильное смущеніе въ Вѣнѣ. Министерство было за условное принятіе ихъ; эрцгерцогъ Карлъ требовалъ безусловнаго отверженія; наконецъ отправили (1 апрѣля 1804 г. н. ст.) въ Петербургъ отвѣтъ съ чистосердечнымъ признаніемъ жалкаго финансоваго положенія Австріи, которая едва могла бы вести и оборонительную, и ужъ никакъ не можетъ рѣшиться на войну наступательную; при этомъ старались доказать, что тѣсная связь Россіи съ Австріею одна можетъ удержать Наполеона отъ дальнѣйшихъ захватовъ. Такая уклончивость и поведеніе вѣнскаго двора въ дѣлѣ герцога ангьенскаго не могли не произвести раздраженія въ Петербургѣ. Императоръ Александръ не скрывалъ этого чувства въ разговорахъ съ австрійскимъ военнымъ агентомъ Штуттергеймомъ: «Вы идете по дорогѣ, которая приведетъ васъ къ погибели,—говорилъ государь:—вы отдаетесь подъ покровительство Франціи, которая съ вами играетъ, и кто знаетъ, куда васъ заведетъ робость». Раздраженіе усилилось, когда Австрія признала императорскій титулъ Наполеона. Въ Вѣнѣ одинаково боялись раздражить и Россію, и Францію. Старались представить въ Петербургѣ, что не должно вступать въ борьбу ни слишкомъ рано, ни слишкомъ поздно; преждевременный разрывъ, безъ приготовленія по меньшей мѣрѣ равныхъ съ непріятелемъ силъ, только закрѣпитъ цѣпи, а не разобьетъ ихъ. Бѣдственное существованіе сардинскаго короля, опасности, грозящія Неаполю, требуютъ, конечно, величайшаго вниманія; но что все это значитъ въ сравненіи съ соединеніемъ Италіи съ Франціею, съ этимъ первымъ рѣшительнымъ шагомъ ко всемірной монархіи? Для войны требовали отъ Россіи 150,000 войска, отъ Англіи большихъ денежныхъ субсидій. Страннымъ долженъ былъ казаться въ Петербургѣ страхъ предъ соединеніемъ Италіи съ Франціею на бумагѣ, когда уже все было къ тому приготовлено на дѣлѣ. Въ отвѣтъ на такую странность императоръ Александръ черезъ Штуттергейма не переставалъ увѣщевать Австрію, чтобы она вооружалась, иначе погибнетъ, и ея паденіе повлечетъ за собою

паденіе цѣлой Европы: «Нѣтъ другого средства сдержать Наполеона, какъ усиливать свое войско; развѣ австрійскій кабинетъ не видитъ, что право сильнаго составляетъ всю настоящую политику?» Когда въ Петербургѣ узнали, что папа ѣдетъ въ Парижъ короновать Наполеона, то Александръ говорилъ Штуттергейму: «Вы потеряли дорогое время; папа возложитъ корону на этого человѣка, который надъ вами смѣется, закрѣпляя свое положеніе. Чтобъ привязать къ себѣ французовъ, надобно ихъ ослѣпить. Партіи противъ Наполеона, о которыхъ вы говорите, не образуются. Вы дали ему время утвердиться, вы даете ему еще досугъ, и онъ кончитъ тѣмъ, что сдѣлается королемъ итальянскимъ».

Въ послѣднемъ трудно было сомнѣваться; очень вѣроятно было и то, что Австрія выйдетъ изъ своей неподвижности при этомъ рѣшительномъ шагѣ Наполеона ко всемірному владычеству. Въ Петербургѣ не хотѣли терять дорогого времени, хотѣли закрѣпить дѣло по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ можно было бросить якорь — въ Англіи.

Мы видѣли, что при завѣдываніи внѣшними сношеніями графа Александра Воронцова можно было ожидать только самыхъ пріязненныхъ отношеній Россіи къ Англіи, что̀ вполнѣ соотвѣтствовало обстоятельствамъ времени, требовавшимъ тѣснаго союза между обѣими странами. Мы видѣли также, что, относительно политическихъ взглядовъ, графа Александра Воронцова нельзя отдѣлить отъ брата его, посла въ Англіи, графа Семена Романовича, вліяніе котораго на брата очевидно. Въ 1802 году графъ Семенъ рѣшился покинуть любезную Англію и побывать въ Петербургѣ: конечно, желаніе уговориться съ братомъ относительно веденія дѣлъ, окончательно закрѣпить свои внушенія, не могло быть чуждо этой поѣздкѣ. На возвратномъ пути графъ Семенъ провелъ 13 дней въ Берлинѣ и Потсдамѣ и переслалъ брату любопытныя извѣстія о прусскомъ дворѣ и главныхъ дѣйствующихъ лицахъ. Мы видѣли, что у Воронцовыхъ не было недостатка въ побужденіяхъ относиться враждебно къ Пруссіи, а что̀ поразсказали теперь графу Семену пріятели въ Берлинѣ, — не могло уменьшить этой враждебности, и такъ какъ отзывы графа Семена не могли остаться неизвѣстными императору Александру и не могли остаться безъ вліянія на опредѣленіе его взгляда на нѣкоторыхъ прусскихъ дѣятелей, напримѣръ графа Гаугвица, то мы не можемъ не обратить вниманія на эти отзывы. Король, по словамъ Воронцова, уменъ отъ природы, но необразованъ, неохотникъ заниматься дѣлами, робокъ и чрезвычайно скупъ, не

способенъ къ безчестному поступку и въ частной жизни безупречной нравственности. Кромѣ военнаго дѣла, король не вмѣшивается ни во что и отдалъ все на волю министрамъ, которыхъ видитъ рѣдко и всегда подписываетъ ихъ доклады; любитъ уединенную жизнь съ женою, братьями и немногими адъютантами, изъ которыхъ на одного смотритъ какъ на друга, и который преданъ Франціи: это Коверицъ. Пруссіею управляютъ три министра: графъ Шулембургъ, Струензе и графъ Гаугвицъ. Два первыхъ завѣдываютъ финансами и внутреннею администраціею; это люди искусные, приведшіе свои департаменты въ такой порядокъ, какого нѣтъ нигдѣ, даже въ Англіи; люди неутомимые и честные, разумѣется, относительно только собственнаго государя и отечества, ибо гдѣ можно стянуть нѣсколько тысячъ талеровъ или отхватить у сосѣда землицу, то нѣтъ коварства, какого бы они себѣ не позволили; тутъ, чтобъ сильнѣе дѣйствовать на короля, они присоединяются къ Гаугвицу, котораго, впрочемъ, презираютъ по причинѣ его безнравственности. Въ этой странѣ все уступаетъ системѣ захвата. Гаугвицъ очень уменъ и образованъ, гибокъ, двоедушенъ и лживъ въ высшей степени; по обстоятельствамъ былъ то гернгутеромъ, то иллюминатомъ; когда иллюминаты обманывали покойнаго короля некромантіею, выводя передъ нимъ тѣни знаменитыхъ людей, жившихъ двѣ тысячи тѣтъ тому назадъ, и когда королю захотѣлось увидѣть ангеловъ и, наконецъ, самого Христа, то представить Спасителя поручено было Гаугвицу, который такъ отлично исполнилъ порученіе, что король никакъ не могъ узнать своего министра. Есть подозрѣніе, что и Гаугвицъ такъ же преданъ Франціи, какъ и Коверицъ; то же подозрѣніе падаетъ и на Ломбарда, выведеннаго Гаугвицомъ и помѣщеннаго имъ при королѣ въ должности тайнаго секретаря. Изъ всего сказаннаго Воронцовъ выводитъ, что Пруссія есть не иное что, какъ большая французская провинція; изъ Парижа приходятъ приказанія, какъ вести дипломатическія дѣла; что министры прусскіе при всѣхъ дворахъ Европы суть адъютанты министровъ французскихъ, которымъ они сообщаютъ все и служатъ видамъ Франціи или, лучше сказать, ея деспота, Бонапарта. Воронцовъ не могъ произнести имени правителя Франціи, чтобъ не сдѣлать выходки противъ него; такъ и тутъ онъ писалъ брату: «Несчастіе, что нашъ императоръ былъ вовлеченъ, не знаю какимъ образомъ, въ частную переписку не только съ прусскимъ королемъ, но и съ самимъ Бонапартомъ. Не говоря уже о происхожденіи корсиканца, его безнравственности, гнусныхъ преступленіяхъ, посредствомъ которыхъ онъ достигъ ти-

ранніи, никогда не слѣдовало бы имѣть съ нимъ частной переписки, да и ни съ какимъ государемъ въ мірѣ. Эта переписка всегда ведетъ къ большому злу и никогда не производитъ никакого добра. Одинъ изъ переписывающихся всегда обмануть другимъ. Императоръ такъ великъ и добродѣтеленъ, что не захочетъ обманывать; но другіе не имѣютъ его нравственности и возвышенности его духа; такимъ образомъ, самъ не зная того, со своею чистотою онъ ведетъ борьбу противъ Бонапарта, Талейрана и ихъ орудій, Гаугвица и Ломбарда, которые заставляютъ короля писать то, чтó сами ему продиктуютъ». Гдѣ же та счастливая страна, которая могла пóмочь народамъ освободиться отъ бонапартовскаго ига? Разумѣется, это—Англія: «эта страна заключаетъ въ самой себѣ всѣ элементы для сохраненія своего благоденствія и независимости и для поданія помощи другимъ, если они откроютъ глаза на опасности, грозящія имъ отъ французскаго деспота, и если они захотятъ отложить до другого времени свои взаимныя ненависти, чтобъ соединиться противъ общаго врага, котораго честолюбіе и деспотизмъ не знаютъ границъ, который грозитъ всѣмъ тронамъ, всѣмъ правительствамъ, такъ что тираннія Рима надъ другими странами есть правленіе отеческое сравнительно съ властію Бонапарта въ Испаніи, Италіи, Швейцаріи, Голландіи и Германіи».

Доклады графа Александра Воронцова императору, относительно средствъ предохранить Европу отъ французскихъ «*перековеркиваній*», какъ онъ выражался, были эхомъ мнѣній графа Семена. Въ 1802 году графъ Александръ писалъ въ докладѣ: «Съ самаго вступленія моего въ управленіе иностраннымъ департаментомъ изъяснился я предъ Вашимъ Величествомъ, что направленіе французской республики ко всемірному владычеству остановить могутъ только совокупныя усилія Россіи, Англіи и Австріи; на берлинскій дворъ я и тогда уже не разсчитывалъ... Къ чему послужатъ Россіи всѣ новыя учрежденія къ просвѣщенію, къ успѣхамъ промышленности и къ благосостоянію народному, когда гибель, всѣмъ прочимъ государствамъ угрожающая, поработивъ постепенно оныя, постигнуть можетъ и ее?» Въ 1804 году канцлеръ прямо совѣтовалъ обратиться къ Англіи, причемъ сильно преувеличивалъ значеніе послѣдней, котораго она, какъ держава неконтинентальная, никогда не могла имѣть; Воронцовъ приписывалъ ей именно то значеніе, какое имѣла одна Россія. «Признаться должно,—писалъ канцлеръ,—что мы, не выпуская изъ виду всѣхъ опасеній, кои Франція не наводить не можетъ могуществомъ своимъ, и чувствуя надобность въ принятіи

міръ, тому противоборствующихъ, не вызывались однакоже къ той самой державѣ, которая, по могуществу морскихъ своихъ силъ, чрезмѣрнымъ ея денежнымъ оборотамъ, по кореннымъ своимъ интересамъ и, сверхъ того, будучи въ войнѣ съ Франціею, не оказала бы претительности къ составу общей лиги противъ державы, всю Европу устрашающей. Сію истину трудно не признать, что Англія, такъ сказать, дастъ душу и силу коалиціи (?), если она составиться еще можетъ. Морскія силы Англіи держатъ, такъ сказать, морскія силы Франціи въ блокадѣ, такъ что и въ Средиземномъ морѣ французскіе военные корабли, несмотря, что почти всѣ порты онаго моря въ зависимости ея—показаться тамъ не смѣютъ. Итакъ, не признать нельзя, что Англія есть та стѣна, которая охраняетъ безопасность и независимость Европы и къ которой прислоняться могутъ всѣ тѣ, кои о независимости своей еще помышляютъ (?). Долго-ль она похочетъ сію обузу на себя брать, не видя ни отъ кого себѣ содѣйствія, мнѣ кажется сей вопросъ заслуживаетъ вниманіе. Но невѣроятнымъ кажется, чтобъ на семъ основаніи лондонскій дворъ похотѣлъ долго войну сію продолжать, не видя, такъ сказать, себѣ и предмета, тѣмъ паче, что мѣрами, принятыми для его собственной обороны, кажется отвращена уже опасность, которая сначала не невозможной была: высадка французскихъ армій въ Англіи, коею Бонапартъ такъ хвастался. Англія, получа себѣ въ добычу разныя селенія французскія внѣ Европы, можетъ легко особенный свой миръ съ Франціею заключить, и при возвращеніи части своихъ завоеваній выговорить себѣ нѣкоторыя выгоды, служащія къ личному ея успокоенію. А и Бонапартъ, удостовѣрясь о затрудненіи въ исполненіи плана его о высадкѣ армій французскихъ въ Англію и въ настоящемъ своемъ положеніи достигнувъ до главнаго предмета, императорской короны, и не захотя подвергнуть потрясенію то состояніе, до котораго онъ дошелъ, можетъ быть и не несклоненъ будетъ съ Англіею примириться, такъ какъ въ народѣ французскомъ оно и весьма желается. Ничего столь пагубнаго не было бы для независимости Европы, какъ таковое событіе. Извѣстно по прежнимъ примѣрамъ и, можно сказать, по самому роду правленія англійскаго, что, примирясь съ Франціею, не вскорѣ могутъ они рѣшиться опять на новыя вооруженія; слѣдовательно, Бонапартъ будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, совершенную свободу кроить и перековеркивать, какъ похочетъ, на твердой землѣ. Нельзя безъ примѣчанія оставить, что хотя пріуготовленіе его на десантъ въ Англію и не исполнилось на дѣлѣ; но собранныя по берегамъ Франціи около

200,000 войска могутъ легко обратиться на другой предметъ; ибо тогда, имѣя отъ Англіи свободныя руки, не найдетъ онъ препятствія оказать явнымъ образомъ своего негодованія и даже непріятельскими предпріятіями на тѣ державы, на кои онъ злость имѣетъ. Всѣ сіи событія, можетъ, и упредились бы, еслибъ главные кабинеты Европы на твердой землѣ болѣе заботы со своей стороны оказали къ высвобожденію себя отъ угрожаемаго ига французскаго, не теряя времени для соглашенія о семъ съ Англіею. А масса силъ европейскихъ еще такова, что при единодушіи и съ помощію и съ соглашеніемъ Англіи весьма достаточна учинить преграду властвованію Франціи и обезпечить твердую землю Европы на будущія времена».

Воронцовъ указываетъ на возможность мира между Англіею и Франціею, что̀ было бы бѣдствіемъ для Европы. Эта угроза была сдѣлана въ Англіи графу Семену Воронцову. Когда Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ, въ Англіи Питтъ снова вступилъ въ министерство, что̀ означало ожесточенную борьбу съ Франціею. Но для такой борьбы одного моря было недостаточно, надобно было возбудить континентальную войну, составить коалицію. Попытки къ составленію коалиціи были неудачны вслѣдствіе робости Пруссіи и Австріи, и послѣдняя на внушенія лондонскаго двора прямо указывала на Россію, безъ которой нельзя двинуться; чтобы побудить Россію дѣйствовать энергичнѣе при составленіи коалиціи Питтъ употребилъ угрозу: «Нѣтъ человѣка въ мірѣ, говорилъ онъ графу Семену Воронцову, нѣтъ человѣка въ мірѣ, который бы болѣе моего былъ противникомъ мира съ Франціею при томъ положеніи, въ какомъ она теперь; но если мы будемъ продолжать биться одни, то нашему народу это наскучитъ, а вы знаете хорошо нашу страну, знаете, что когда народъ рѣшительно чего захочетъ, то волею-неволею надобно подчиниться». Графъ Семенъ писалъ брату въ октябрѣ 1804 года: «Если ничего не сдѣлаете въ теченіи 1805 года, то Бонапартъ такъ утвердится и усилится, что Австрія еще менѣе посмѣетъ двинуться. Пруссія еще болѣе офранцузится. Бонапартъ не теряетъ времени и пріобрѣтаетъ силы въ то время, какъ другіе разсуждаютъ только, и такъ какъ здѣсь увѣрены, что нечего больше бояться высадки французовъ, то вѣроятно, что англичане потребуютъ мира съ страшнымъ крикомъ и миръ будетъ заключенъ въ 1806 году; итакъ, если я останусь здѣсь будущій годъ, и если къ концу этого года не будетъ ничего устроено относительно континентальной коалиціи, то я буду просить моего ото-

званія, ибо предметъ, для котораго и здѣсь, и въ Россіи уговариваютъ меня остаться, не будетъ существовать болѣе».

Въ то время, какъ старый Воронцовъ думалъ, что онъ необходимъ въ Англіи для устройства коалиціи, для этого самаго дѣла ѣхалъ въ Англію одинъ изъ молодыхъ приближенныхъ къ императору людей, товарищъ министра юстиціи, Николай Николаевичъ Новосильцевъ, долго жившій въ Англіи и англоманъ, подобно Воронцову. Послѣднему хотѣли оставить всю оффиціальную сторону дѣла, переговоры съ министерствомъ, заключеніе договора; но Воронцовъ казался старъ, упрямъ, узокъ въ своихъ взглядахъ и слишкомъ пылокъ въ ихъ проведеніи. Новосильцевъ везъ цѣлый обширный планъ дѣйствія, обнять его не по силамъ Воронцову, старикъ будетъ спорить то о той, то о другой части плана; лучше обойти старика. Новосильцевъ явится въ Англіи подъ предлогомъ знакомства съ юристами по поводу новаго уложенія, составляемаго въ Россіи; а между тѣмъ войдетъ въ сношеніе съ министерствомъ и съ главами оппозиціи, и если успѣетъ въ томъ, что министерство приметъ планъ, то самъ Питтъ будетъ предлагать его отъ себя Воронцову, и тотъ, разумѣется, согласится изъ уваженія къ авторитету, а между тѣмъ Новосильцевъ, какъ будто отъ себя, будетъ убѣждать старика въ разумности содержанія плана, что̀ Новосильцеву сдѣлать будетъ нетрудно по давнему доброму расположенію къ нему Воронцова.

Что-жъ это былъ за планъ?

Это былъ планъ не только уничтоженія французскаго преобладанія, но и новаго установленія отношеній въ Европѣ послѣ ея умиренія. Уже въ прошломъ вѣкѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Россіи приходилось обнаруживать сильное вліяніе на европейскія дѣла, можно было замѣтить различіе въ ея политическихъ взглядахъ и взглядахъ другихъ европейскихъ государствъ. Составляя особый міръ, чуждый религіозныхъ интересовъ западной Европы, чуждый и политическихъ интересовъ главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, сводя свои счеты съ государствами, имѣвшими незначительное вліяніе на ходъ дѣлъ въ Европѣ, Швеціею, преимущественно же Польшею, и, главное, по обширности своей территоріи не чувствуя побужденій къ распространенію своихъ владѣній, особенно послѣ достиженія морскихъ береговъ, Россія необходимо въ своей европейской дѣятельности являлась болѣе свободною, чѣмъ другія государства, имѣвшія давніе счеты другъ съ другомъ, давніе, исторически выработавшіеся интересы и неудержимое стремленіе округлиться и распространить свои территоріи и не дать сдѣлать этого другимъ. Такая свобода Россіи

порождала въ ней необходимо стремленіе играть посредствующую роль, устраивать европейскія отношенія на общихъ началахъ, по общимъ интересамъ; Россіи всего легче было предлагать и проводить теорію устройства европейскихъ отношеній, тогда какъ другія государства руководились практикою и были неподатливы на удовлетвореніе общимъ интересамъ, отстаивая во что бы то ни стало свои частные. Такимъ образомъ, теоретическія стремленія Россіи сталкивались иногда враждебно съ практическими стремленіями другихъ государствъ; кромѣ того, эти государства, не зная прошедшаго Россіи и проистекшаго изъ него ея настоящаго существа, не понимали въ своихъ практическихъ стремленіяхъ, не признавали ея стремленій теоретическихъ, видѣли тутъ неискренность, прикрытіе практическихъ стремленій. Но такъ какъ теорія имѣетъ свою необходимую сторону въ жизни, то и русскіе планы, хотя въ частяхъ, осуществлялись, несмотря на противоборство частныхъ интересовъ.

Выраженіемъ такихъ теоретическихъ стремленій Россіи былъ планъ, привезенный Новосильцевымъ въ Англію въ 1804 году; планъ этотъ представлялъ увертюру, гдѣ встрѣчались мотивы, которые подробнѣе были выполнены послѣ, когда обстоятельства позволили разыграть всю оперу. Что Россія, по означеннымъ причинамъ, была податлива на политическія теоріи, изъ этого не слѣдуетъ, чтобы планы необходимо составлялись одними русскими людьми; такъ, и въ планѣ, которымъ мы теперь занимаемся, оказывались внушенія двоихъ извѣстныхъ политическихъ теоретиковъ: Піатоли, учителя Чарторыйскаго, и Жозефа де-Мэстра, сардинскаго министра въ Петербургѣ. Въ инструкціи императора Александра Новосильцеву, «человѣку, пользующемуся неограниченною довѣренностію государя и знающему всѣ его мысли», говорилось: «самое могущественное оружіе, которымъ пользовались до сихъ поръ французы и которымъ они еще угрожаютъ всѣмъ странамъ, состоитъ въ общемъ мнѣніи, что ихъ дѣло есть дѣло свободы и благосостоянія народовъ. Было бы постыдно для человѣчества, чтобы на такое прекрасное дѣло смотрѣли какъ на цѣль правительства, ни въ какомъ отношеніи не заслуживающаго быть его защитникомъ. Благо человѣчества, истинный интересъ законныхъ правительствъ и успѣхъ предпріятія, которое задумываютъ двѣ державы (Россія и Англія), требуютъ отнятія у французовъ столь страшнаго оружія и пріобрѣтенія его себѣ, чтобъ обратить его противъ самихъ же французовъ. Между обоими правительствами, русскимъ и англійскимъ, должно состояться соглашеніе: въ странахъ, которыя должно будетъ освободить отъ

та Бонапарта, не возстанавливать прежнихъ злоупотребленій и такого положенія дѣлъ, къ которому народы, испытавшіе формы независимости, примѣниться не могутъ; напротивъ, надобно постараться упрочить имъ свободу, установленную на своихъ настоящихъ основаніяхъ». Для приложенія этого общаго начала требовалось, чтобы сардинскій король былъ возстановленъ, владѣнія его должны быть увеличены, но онъ долженъ дать своимъ подданнымъ свободную и мудрую конституцію. Голландіи и Швейцаріи должно также дать полную свободу устроиться какъ хотятъ. Франціи надобно объявить, что союзники сражаются не съ нею, а съ ея правительствомъ, которое также угнетаетъ и ее, какъ остальную Европу, что ей дастся свободный выборъ формы правленія. Выборъ короля для Франціи—дѣло второстепенное. По окончаніи войны и умиреніи Европы, никто не помѣшаетъ заняться договоромъ, который станетъ основаніемъ взаимныхъ сношеній европейскихъ государствъ. Здѣсь дѣло идетъ не объ осуществленіи мечты вѣчнаго мира, но будетъ что-то похожее, если въ этомъ договорѣ опредѣлятся ясныя и точныя начала народнаго права. Для упроченія внѣшняго мира необходимо, чтобы внутренній строй государствъ былъ основанъ на благоразумной свободѣ, дающей крѣпость правительствамъ, сдерживая страсти правителей. Въ инструкціи говорилось уже, что для безопасности государствъ они должны имѣть удобныя границы, какими всего лучше могутъ быть горы и моря; говорилось, что каждое государство должно имѣть одноплеменное народонаселеніе. По указаніямъ опыта признана необходимость усилить второстепенныя государства, чтобъ они были въ состояніи выдержать первый ударъ сильнѣйшаго и дождаться помощи союзниковъ. Средства для этого—присоединеніе мелкихъ владѣній къ крупнѣйшимъ и образованіе федерацій. Такъ для сдерживанія Франціи необходимо распорядиться въ Италіи и Германіи. Въ послѣдней второстепенныя владѣнія можно высвободить изъ-подъ вліянія Австріи и Пруссіи и образовать изъ нихъ тѣсный союзъ.

Въ инструкціи говорилось, что Россія и Англія были единственныя державы въ Европѣ, интересамъ которыхъ негдѣ было сталкиваться, и въ той же инструкціи указано было мѣсто столкновенія. Изъ послѣдующихъ объясненій Чарторыйскаго съ императоромъ Александромъ видно, что людей, близкихъ къ государю, которымъ приписывали главное вліяніе на дѣла, тяготилъ упрекъ, что русское правительство заботится только объ общемъ благѣ Европы и пренебрегаетъ прямыми русскими интересами. Особенно эти упреки были чувствительны Чарторыйскому, во-пер-

выхъ, какъ завѣдывавшему иностранными дѣлами, во-вторыхъ, какъ человѣку не-русскому, поляку, знавшему за собою вину относительно Россіи — въ исключительности помысловъ о возстановленіи Польши. Поэтому совѣтникамъ императора, и особенно Чарторыйскому, естественно было поднимать вопросы о средствахъ удовлетворить этимъ прямымъ интересамъ Россіи, причемъ, разумѣется, восточный вопросъ, слабость и варварство турецкаго правительства, невозможность равнодушно смотрѣть на положеніе христіанъ въ Турціи, опасность отъ французскихъ интригъ въ этой странѣ,—все это было на первомъ планѣ. Присоединеніе къ Россіи Молдавіи и Валахіи удовлетворяло такъ-называемымъ прямымъ интересамъ Россіи и вознаграждало за то, что̀ могла потерять Россія по планамъ Чарторыйскаго относительно Польши. Отъ Молдавіи и Валахіи естественно разговоры доходили до освобожденія турецкихъ христіанъ, до возможности соединенія грековъ и турецкихъ славянъ съ Россіею или подъ однимъ скипетромъ съ нею, что̀ нисколько не противорѣчило основнымъ планамъ Чарторыйскаго. По его свидѣтельству, императоръ Александръ отвергалъ подобныя предложенія; но, какъ видно, императоръ не нашелъ неудобнымъ узнать относительно Турціи мысли британскаго кабинета, и потому Новосильцевъ долженъ былъ предложить англійскому правительству согласиться на счетъ участи оттоманской порты. Ея слабость, анархія, возростающее неудовольствіе христіанскихъ подданныхъ грозили постоянно спокойствію Европы. Надобно было принять противъ этого мѣры, и если бы Турція вошла въ союзъ съ Франціею или по другимъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ дальнѣйшее существованіе турецкой имперіи въ Европѣ стало невозможнымъ, то союзники должны были распорядиться устройствомъ различныхъ ея частей. Новосильцевъ долженъ былъ коснуться другого больного мѣста: предложить объ измѣненіи поведенія англичанъ на моряхъ, нестерпимаго для нейтральныхъ державъ, негодованіе которыхъ на Англію было очень выгодно для Франціи.

22 ноября 1804 года Новосильцевъ писалъ государю: «графъ Воронцовъ сперва принялъ меня довольно холодно; но не прошло сутокъ, какъ прежнее расположеніе его ко мнѣ возвратилось; потомъ часъ отъ часу лучше и, наконецъ, онъ сдѣлался только такимъ орудіемъ, каковымъ въ настоящихъ обстоятельствахъ его имѣть нужно. Все будетъ дѣлаться черезъ него и окончено имъ». Однако, изъ письма Новосильцева отъ 24 декабря видно, что дѣло было не такъ легко: «я не иначе могъ успѣть заставить здѣшнее министерство принять всѣ правила В. В-ства во всей

ихъ полнотѣ, какъ чрезъ непосредственное мое съ министрами, а особливо съ г. Питтомъ сношеніе. Сколь трудно было до сего достигнуть, не оскорбивъ честолюбія гр. Воронцова и не вооруживъ его противъ себя! Сколь много было мнѣ безпокойствъ, чтобъ удалить его подозрѣнія и успокоить его воображеніе на счетъ всѣхъ моихъ сношеній, а особливо съ принцемъ Валлійскимъ и съ лордомъ Моира, а теперь съ Фоксомъ! Труднѣе, безпокойнѣе для духа и непріятнѣе я ничего еще не встрѣчалъ. Удалось поддержать хорошія сношенія вполнѣ. Система ваша получитъ нужную прочность и не встрѣтитъ никакого сопротивленія въ оппозиціи, потому что принцъ Валлійскій обѣщалъ мнѣ, при лордѣ Моира, когда все приходить будетъ къ окончанію, дать свое честное слово, или, какъ онъ говоритъ, la parole de cavalier, что онъ, съ своей стороны, будетъ всѣми мѣрами содѣйствовать во всемъ, чтó къ утвержденію оной служить можетъ, и что онъ, по вступленіи на великобританскій престолъ, будетъ свято и ненарушимо оную сохранять. Лордъ Моира, тотъ человѣкъ, который при перемѣнѣ царствованія, конечно, болѣе всѣхъ будетъ имѣть силы въ дѣлахъ, увѣрялъ меня, что онъ не знаетъ (ничего) соотвѣтственнѣе благу человѣческому вообще и пользамъ обоихъ государствъ въ особенности, почему и беретъ на себя обѣтъ защищать всегда всѣми силами сію систему. Фоксъ также, какъ слышно, за русскую систему, слѣдовательно и оппозиція за нее, чтó важно, ибо она будетъ наблюдать, чтобъ министерство неуклонно ее проводило».

Дѣйствительно, въ Англіи никто не могъ быть противъ русской системы вообще. Питтъ, разумѣется, былъ совершенно согласенъ, что надобно составить коалицію, низвергнуть Наполеона и установить во Франціи безопасное для Европы правительство; Питтъ здѣсь прямо указывалъ на Бурбоновъ, впрочемъ, не настойчиво—дѣло трудное, да и рано еще объ этомъ думать. Питтъ былъ совершенно согласенъ и съ тѣмъ, что, по сверженіи Наполеона, надобно будетъ распорядиться и судьбою странъ, которыя коалиція освободитъ изъ-подъ власти Франціи, распорядиться согласно съ ихъ безопасностію и безопасностію Европы. На все это легко было согласиться, потому что здѣсь не затрогивались интересы Англіи; но иначе пошло дѣло относительно тѣхъ вопросовъ, гдѣ эти интересы затрогивались. Вопросъ о морскомъ кодексѣ, о свободѣ морей былъ отложенъ на неопредѣленное время: здѣсь Англія была Наполеономъ. Другой вопросъ, не переставашій подавать поводъ къ непріятнымъ объясненіямъ, былъ вопросъ восточный. До какой степени въ Англіи были чувстви-

тельны къ этому вопросу и до какой степени Воронцовъ былъ чувствителенъ ко всему, къ чему были чувствительны въ Англіи, лучше всего показываетъ письмо его къ кн. Чарторыйскому (отъ 10 октября н. с.): «не могу не признаться, что депеша ваша, гдѣ дѣло идетъ о союзѣ, который Порта хочетъ возобновить съ нами, и отъ котораго мы стараемся по возможности уклониться, чрезвычайно меня затрудняетъ. Принужденный прочесть ее Питту и Гарроуби, я увидалъ ихъ изумленіе, и признаюсь вамъ по дружески, что депеша можетъ быть истолкована, какъ будто наше правительство имѣетъ тайное желаніе увеличить свои владѣнія на счетъ оттоманской имперіи, которая разрушается и упадетъ, если не будетъ поддержана Россіею и Великобританіею. Они меня спросили, какъ я думаю, нѣтъ ли у насъ мысли взять что-нибудь у турокъ. Внутренно затрудненный вопросомъ, ибо смыслъ вашей депеши возбуждалъ во мнѣ нѣкоторое подозрѣніе чего-то подобнаго, я, однако, отвѣчалъ, что не вижу въ депешѣ ничего такого, чтó они видятъ. Они мнѣ сказали, что предметъ такъ важенъ и такъ сложенъ, что они не могутъ отвѣчать, тѣмъ болѣе, что содержаніе депеши не достаточно развито; что они пошлютъ въ Турцію войско только съ одною цѣлію—изгнанія французовъ или для ихъ предупрежденія, когда будетъ очевидно, что французы намѣрены туда войти, но сдѣлаютъ это всегда съ твердымъ намѣреніемъ возвратить Портѣ области, занятыя съ цѣлію ихъ защиты. Лордъ Гарроуби опять мнѣ говорилъ объ этомъ дѣлѣ; его сокрушаетъ мысль, нѣтъ ли у насъ намѣренія взять что-нибудь у турокъ. Признаюсь,—оканчивалъ Воронцовъ,— что я буду въ отчаяніи, если у насъ существуютъ планы увеличенія территоріи. Мы уже и такъ страшно распространились, вслѣдствіе чего страна не можетъ быть хорошо управляема. У насъ съ турками естественная граница—море и Днѣстръ; сохранимъ ихъ, удержимъ сосѣдями этихъ бѣдныхъ турокъ: вѣдь они лучшіе сосѣди, чѣмъ шведы, пруссаки и австрійцы». Несмотря на это письмо Воронцова, Новосильцеву было предписано затронуть восточный вопросъ: въ разговорѣ съ Питтомъ онъ началъ дружескимъ выговоромъ, что въ Англіи слишкомъ подозрительны на счетъ русскихъ намѣреній относительно Порты. Питтъ, недовольный возобновленіемъ этого непріятнаго вопроса, замѣтилъ, что бывало много примѣровъ, какъ покровительство надъ страною оканчивалось ея покореніемъ, и когда Новосильцевъ имѣлъ наивность сказать, что если бы даже Россія и дѣйствительно имѣла виды на Турцію, то друзьямъ Россіи, англичанамъ, нечего безпокоиться, торговля ихъ еще лучше будетъ обезпечена,—Питтъ

указалъ, какъ несвоевременно заниматься теперь планами на счетъ Турціи, когда надобно думать объ освобожденіи европейскихъ державъ отъ насилій Франціи. Питтъ сводилъ дѣло къ одному: Россія должна устроить коалицію противъ Наполеона, Англія будетъ платить союзникамъ деньги. По извѣстіямъ Новосильцева, и глава оппозиціи, Фоксъ, былъ согласенъ съ русскою системою. Можетъ быть онъ и былъ согласенъ съ русскою системою, но онъ расходился съ Питтомъ въ томъ, что министръ хотѣлъ начинать дѣло какъ можно скорѣе, а глава оппозиціи этого не хотѣлъ, что видно изъ позднѣйшаго письма его къ Чарторыйскому (отъ 17 марта 1806 н. с.): «я имѣлъ несчастіе не одобрить планъ прошлаго года и не скрылъ своего мнѣнія на этотъ счетъ. Если бы послѣднія слова мои Новосильцеву, сказанныя въ присутствіи принца Валлійскаго, произвели большее впечатлѣніе! Я сказалъ: *«идите по крайней мѣрѣ тихонько — piano, piano»*.

Когда въ началѣ 1805 года открылся англійскій парламентъ, то въ тронной рѣчи говорилось объ искреннихъ союзахъ съ континентальными государствами, особенно съ Россіею, которой монархъ далъ сильнѣйшія доказательства своей мудрости, благородныхъ чувствъ и живого участія въ безопасности и независимости Европы. Въ бюджетѣ стояло 5 милліоновъ фунтовъ на пособіе континентальнымъ державамъ. 30 марта (11 апрѣля) 1805 года былъ заключенъ между Россіею и Англіею договоръ: обѣ державы согласились принять самыя скорыя и дѣйствительныя мѣры для образованія коалиціи, которая выставила бы 500,000 войска съ цѣлію побудить французское правительство къ миру и возстановленію политическаго равновѣсія въ Европѣ; для послѣдняго признано необходимымъ освобожденіе Италіи, Швейцаріи, Голландіи, Ганновера и Сѣверной Германіи и установленіе въ Европѣ порядка, который бы обезпечивалъ на будущее время всѣ государства отъ насилій. Императоръ Александръ хотѣлъ-было включить въ договоръ, что Мальта будетъ занята русскимъ гарнизономъ; но графъ Семенъ Воронцовъ писалъ ему, что когда онъ сообщилъ объ этомъ Питту, тотъ былъ пораженъ этимъ, какъ громовымъ ударомъ; никогда Воронцовъ не видалъ еще его въ такомъ горѣ; наконецъ, онъ сказалъ, что парламентъ и нація этого не потерпятъ, ибо это значитъ отдать Средиземное море, Сицилію, Левантъ и Египетъ во власть французамъ; что Англія для содержанія Мальты и постоянной эскадры при ней беретъ на себя громадныя издержки, потому что Франція замышляетъ раздробленіе турецкой имперіи, завоеваніе Египта, кото-

рое дасть французамъ возможность выгнать англичанъ изъ Индіи, а это изгнаніе разоритъ Великобританію въ конецъ. Русскій гарнизонъ на Мальтѣ не воспрепятствуетъ французамъ господствовать на окружныхъ водахъ, должно имѣть тамъ постоянно сильную эскадру. Надобно было оставить Мальту англичанамъ. Относительно субсидій затрудненій не было: Англія обязалась помогать коалиціи своими сухопутными и морскими силами и платить ежегодно по 1,200,000 фунтовъ на каждыя сто тысячъ войска. Какія же державы могли быть членами коалиціи?

На Австрію прежде всего можно было разсчитывать, потому что страшный для нея итальянскій вопросъ становился на очередь: чтó сдѣлаетъ новый императоръ французовъ съ Италіею? Не можетъ же императоръ оставаться президентомъ итальянской республики! За вопросомъ итальянскимъ виднѣлся уже во всей своей грозѣ вопросъ восточный, къ которому Австрія менѣе, чѣмъ какая другая держава, могла быть равнодушна. Было очевидно, что война между Франціею и Англіею возобновилась преимущественно изъ-за восточнаго вопроса; яблокомъ раздора послужила Мальта, важная станція между Франціею и Египтомъ; англичане не хотѣли выпускать ее изъ своихъ рукъ, особенно напуганные донесеніемъ Себастіани; въ Россіи не могли долѣе оставаться при мысли, что турки—самые покойные сосѣди, когда увидали, что, вмѣсто турокъ, сосѣдями могутъ быть французы; вслѣдствіе этой перемѣны взгляда туча прошла между естественными союзницами—Россіею и Англіею; Австрія не могла быть покойна, ибо дѣло могло начаться въ ея сосѣдствѣ, затрогивая ея ближайшіе интересы. Эти два вопроса — итальянскій и восточный, преимущественно первый, ибо гроза второго гремѣла еще далеко, эти два вопроса заставили Австрію заключить съ Россіею конвенцію (6 ноября н. с. 1804 года): въ случаѣ новыхъ покушеній Франціи на независимость Италіи, либо на занятіе Египта, Австрія обязалась выставить 250,000 войска, Россія 115,000 и, сверхъ того, корпусъ войскъ на границахъ Австріи и Пруссіи, на случай враждебности послѣдней; Англія давала субсидіи Австріи. Опираясь на эту конвенцію, Австрія рѣшилась въ концѣ 1804 года освѣдомиться о намѣреніяхъ императора французовъ на счетъ Италіи; дѣлу данъ былъ такой оборотъ, что соединеніе Италіи съ Франціей противорѣчило бы условіямъ люневильскаго мира и что Наполеонъ до сихъ поръ слѣдовалъ правилу, чтобы между Австріею и Франціею находились независимыя государства. Какое право, былъ отвѣтъ, имѣетъ Австрія вмѣшиваться во внутреннія дѣла итальянской респуб-

лики? Какъ независимое государство, послѣдняя можетъ избирать какую угодно правительственную форму. Дѣло идетъ не о правительственной формѣ, но о независимости,—было замѣчено съ австрійской стороны. Когда Талейренъ доложилъ Наполеону объ австрійскихъ внушеніяхъ, тотъ велѣлъ ему отвѣчать: «скажите графу Кобенцлю [1]), я еще и самъ не знаю, какія перемѣны я произведу въ Италіи; но я не намѣренъ сдѣлать изъ нея французскую провинцію. Всѣ слухи объ этомъ ложны». Чрезъ нѣсколько дней императоръ Францъ получаетъ отъ Наполеона письмо съ извѣщеніемъ о желаніи императора французовъ сдѣлать королемъ Италіи своего брата (Іосифа). Тяжело, но все не такъ, все еще какая-то независимость, даже больше прежней, да и родные братья не всегда дружно живутъ. Можно согласиться, особенно если что-нибудь дадутъ за согласіе. Но въ то время, какъ Австрія собиралась поторговаться, подороже продать свое согласіе Наполеону, тотъ поступилъ по-своему. Узнавши, что въ Австріи дѣлается передвиженіе войскъ, Наполеонъ на пріемѣ въ новый 1805 годъ обратился къ австрійскому посланнику съ словами: «императоръ двигаетъ 40,000 войскъ, угрозами ничего отъ меня получить нельзя, я двину 80,000; если императоръ вооружается, и я буду вооружаться, что̀ бы изъ этого ни вышло». Императоръ Францъ написалъ Наполеону, что войско двинуто къ итальянскимъ границамъ не противъ Франціи, а противъ моровой язвы. Этимъ объясненіемъ, повидимому, остались довольны, но объ Италіи ни полслова, несмотря на всѣ старанія австрійскаго посланника завести рѣчь объ этомъ любопытномъ предметѣ; наконецъ, молчаніе было нарушено извѣщеніемъ, что императоръ французовъ принялъ титулъ короля Италіи.

Громъ разразился; изъ Петербурга—увѣщанія, что нельзя болѣе медлить. Но эрцгерцогъ Карлъ подаетъ мнѣніе, что надобно медлить, что средства Австріи, даже и при русской помощи, не въ уровень съ французскими. Штуттергеймъ передалъ мнѣніе эрцгерцога императору Александру и получилъ отвѣтъ: «Я начинаю думать, что все останется при однихъ проектахъ и ничего серьёзнаго не будетъ; это мнѣ наскучитъ. Пруссію никакъ нельзя вывести изъ ея апатіи; вы, остальные, ничего не дѣлаете, ничего не приготовляете, ничего яснаго не говорите. Все идетъ дурно, и я утомляюсь». Когда русскій посолъ въ Вѣнѣ,—графъ Разумовскій, потребовалъ, чтобъ Австрія приступила къ договору, заключенному между Россіею и Англіею, то ему отвѣчали, что при-

---

[1]) *Филиппъ* Кобенцль, австрійскій посланникъ при французскомъ дворѣ.

соединиться къ договору значитъ обязаться объявить войну Франціи, но только весною 1806 года Австрія можетъ начать войну съ надеждою на успѣхъ. Между тѣмъ Наполеонъ, встревоженный слухомъ о состоявшейся коалиціи, спѣшилъ предупредить ее и уяснить для себя дѣло — заставить враговъ высказаться: онъ написалъ англійскому королю письмо съ предложеніемъ мира. Въ Англіи поняли въ чемъ дѣло, и, чтобъ усилить тревогу императора французовъ, отвѣчали очень ловко, что англійскій кабинетъ ведетъ переговоры для соглашенія съ главными державами континента, и особенно съ русскимъ императоромъ, съ которымъ его связывали отношенія самыя конфиденціальныя. Чтобъ усилить впечатлѣніе этого отвѣта, Англія предложила императору Александру принять на себя веденіе переговоровъ съ Наполеономъ: предложить мирныя условія, могшія успокоить Европу съ угрозою коалиціей, въ случаѣ несогласія съ французской стороны; эта угроза имѣла гораздо бóльшее значеніе въ устахъ Россіи, главнаго континентальнаго государства, чѣмъ Англіи. Въ это время графъ Александръ Воронцовъ, по нездоровью и неудовольствію ходомъ дѣлъ внутренняго управленія, уже не управлялъ больше внѣшними сношеніями и жилъ въ Москвѣ, сохраняя званіе государственнаго канцлера; но въ важныхъ вопросахъ Чарторыйскій, по приказанію государя, обращался къ нему за совѣтами; такъ случилось и по вопросу о предложеніи Англіи послать въ Парижъ русскаго уполномоченнаго. Графъ Александръ отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, въ англійской депешѣ большая смута въ идеяхъ. Видно, что Англія сама не ждетъ никакого успѣха отъ этой посылки; быть можетъ, она имѣетъ въ виду возбудить неудовольствіе внутри Франціи, если Наполеонъ отвергнетъ предложеніе, а съ другой стороны — оправдать и усилить министерскую партію въ Англіи. Но если англичане ожидаютъ какого-нибудь успѣха отъ этой посылки, тогда какъ надобно приводить весь континентъ въ движеніе обширными средствами, то онъ, Воронцовъ, не видитъ причины, почему лондонскій дворъ не употребилъ самаго простого средства, не поручилъ своему государственному секретарю вести переписку съ французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто того, чтобъ навязывать намъ дѣло, которое можетъ только компрометтировать достоинство Россіи, подвергая ея уполномоченнаго вспышкамъ и выходкамъ Бонапарта. Совѣтъ старика (который скоро послѣ того умеръ) не былъ принятъ: молодости естественно было не желать уклоняться отъ дѣятельности на первомъ планѣ, упустить изъ рукъ веденіе дѣла, которое имѣло общеевропейскій характеръ, и тотъ же Новосиль-

цевъ, который ѣздилъ въ Лондонъ, сталъ собираться въ Парижъ. Онъ долженъ былъ требовать отъ Наполеона независимости Швейцаріи, Голландіи, Италіи; для смягченія послѣдняго условія для новаго короля Италіи соглашались на устройство въ сѣверной Италіи владѣнія въ пользу кого-нибудь изъ родственниковъ Наполеона. Англія обѣщала возвратить Франціи нѣсколько маленькихъ островковъ и Пондишери.

Единственная возможность — заставить если не принять эти условія, то начать переговоры на ихъ основаніи, заключалась въ угрозѣ коалиціею. Но чѣмъ грозить, когда коалиціи не было? Къ вѣнскому двору отправили требованіе, чтобъ австрійскій посланникъ въ Парижѣ поддерживалъ Новосильцева; послѣдовалъ отказъ: Австрія еще не можетъ вести общаго дѣла съ Россіею и Англіею и говорить угрожающія рѣчи, потому что нападеніе французовъ на австрійскія владѣнія будетъ неминуемымъ слѣдствіемъ этого. Другое дѣло, еслибъ была увѣренность въ приступленіи Пруссіи къ коалиціи; но такъ какъ этой увѣренности нѣтъ, то благоразуміе требуетъ дѣлать предложенія какъ можно умѣреннѣе, чтобъ не повели къ разрыву; какъ скоро переговоры начнутся, то можно увеличивать и уменьшать требованія, смотря по увеличенію и уменьшенію надежды на участіе Пруссіи. Представленіе Австріи раздражило одинаково и въ Лондонѣ, и въ Петербургѣ. «Эти господа въ Вѣнѣ,—говорилъ Питтъ,—всегда отстаютъ на годъ, на войско и на идею». Когда Штуттергеймъ началъ представлять императору Александру, что Австрія не признаетъ Наполеона королемъ Италіи, но пусть дадутъ ей лѣто для приготовленія къ войнѣ, то императоръ отвѣчалъ: «Ахъ, Господи! Сколько времени вы толкуете о приготовленіяхъ и все еще не готовы!.. Какія пропадаютъ благопріятныя минуты!.. Бонапартъ усиливается, міръ привыкаетъ къ его господству и находитъ все естественнымъ. У васъ нѣтъ никакой энергіи, это несчастіе для вашихъ союзниковъ». Въ іюнѣ 1805 года, императоръ Александръ потребовалъ отъ вѣнскаго двора прямого отвѣта: можетъ ли и хочетъ ли Австрія принять участіе въ войнѣ; пусть назначится срокъ, къ которому она надѣется быть готовою; отъ Австріи зависитъ рѣшеніе участи Европы, ибо Пруссія волею или неволею должна будетъ принять участіе въ войнѣ. Если союзники будутъ имѣть только 365,000 войска (250,000 австрійцевъ и 115,000 русскихъ), то можно отважиться на борьбу. Французская армія не на военной ногѣ, союзники Франціи дурно къ ней расположены; часть войска Наполеонъ долженъ оставить на случай высадки англичанъ, другую часть употребить на охрану Гол-

ландіи и Бельгіи, устьевъ Эльбы и Везера. Чѣмъ долѣе оставлять Наполеона укрѣпляться въ завоеванныхъ областяхъ, тѣмъ менѣе послѣ можно ожидать помощи отъ ихъ народонаселенія. Теперь самое благопріятное время для войны; Россія выставитъ 180,000 войска и, такимъ образомъ, у обоихъ союзниковъ будетъ 430,000 подъ ружьемъ. Императоръ Александръ рѣшился принудить Пруссію къ участію въ войнѣ, а за нею послѣдуютъ и другіе.

Съ одной стороны, русскія заявленія отстраняли сомнѣніе, что война будетъ предпринята не съ равными силами; съ другой, пришло извѣстіе, что Наполеонъ присоединилъ лигурійскую республику (Геную) къ Франціи, вслѣдствіе чего Новосильцевъ не поѣхалъ въ Парижъ: «Съ нами поступаютъ, какъ съ ребятишками», писалъ ему Чарторыйскій. Въ Петербургѣ раздражились захватомъ Генуи, какъ насмѣшкою, поддразниваніемъ; въ Вѣнѣ смотрѣли на дѣло съ другой точки: нынче взялъ Геную, завтра дойдетъ очередь до Венеціи, Наполеонъ не оставитъ у Австріи ничего изъ итальянскихъ земель, оправдаетъ свой титулъ короля Италіи. Слуги Наполеона прямо говорятъ объ этомъ. Можно ли же при такой опасности отвергать союзъ съ Россіею, отталкивать ее къ Пруссіи? Но эрцгерцогъ Карлъ, лучшій полководецъ, съ успѣхомъ боровшійся противъ французовъ, опять говоритъ громко за миръ. Дѣйствительно, все говорилось только о количествѣ: «у насъ будетъ много войска, у Наполеона будетъ меньше, мы его побѣдимъ»; а не говорили, что противъ Наполеона, перваго полководца времени, мы выставимъ подобнаго ему; противъ его знаменитыхъ генераловъ, противъ его воспитаннаго на побѣдахъ войска мы выставимъ такихъ же генераловъ, такое же войско. Лучшіе полководцы, въ томъ числѣ (очень небольшомъ) и эрцгерцогъ Карлъ, понимали всю неправильность этого *матеріалистическаго* взгляда, весь вредъ этого разсчета на одно количество, съ забвеніемъ качества, и отсюда проистекала ихъ осторожность, ихъ неохота мѣряться съ Наполеономъ, ихъ система отступленія, войны только оборонительной. Другое дѣло—полная коалиція, соединенное, дружное дѣйствіе всей Европы противъ одной Франціи: тутъ никакія усилія первокласснаго военнаго генія не помогутъ, и эрцгерцогъ Карлъ спрашиваетъ: «будетъ ли Пруссія участвовать въ коалиціи»;—«Пруссія, волею или неволею, будетъ участвовать», отвѣчали изъ Россіи; выраженіе «неволею» было загадочно, да и во всякомъ случаѣ это было только еще въ будущемъ.

«Но если ждать, то чего же ждать?» спрашивали съ другой стороны. «Какое ручательство противъ неудержимаго стремленія

Наполеона къ захвату? Стоять вооруженными, на-готовѣ къ защитѣ?—но онъ и этого не позволитъ; при извѣстіи о сборѣ войска, объ его движеніи, онъ кричитъ, грозитъ нападеніемъ и непремѣнно исполнитъ угрозу. Если что можетъ еще сдержать его, дать надежду на сохраненіе мира, такъ это—союзъ Австріи съ другими державами. Какъ скоро Наполеонъ увидитъ, что Австрія одинока, то непремѣнно объявитъ ей войну. Понятно, что и война представляетъ опасность; но изъ двухъ золъ надобно выбирать меньшее, и если эрцгерцогъ указываетъ на многія неудобства войны, то онъ не указываетъ средства, какъ сохранить миръ, когда союзники будутъ потеряны». Легко понять затруднительное положеніе императора Франца, когда ему предстояло рѣшить споръ двухъ сторонъ, вооруженныхъ такими сильными доказательствами въ свою пользу, когда братъ, лучшій полководецъ, лучшій знатокъ военнаго положенія Австріи, утверждаетъ, что не должно воевать, а министръ иностранныхъ дѣлъ Кобенцль спрашиваетъ: «если не воевать, то какія средства сохранить миръ?» Наконецъ, императоръ рѣшилъ споръ въ пользу министра, и въ началѣ іюля курьеръ поскакалъ въ Петербургъ къ Стадіону съ приказаніемъ вступить въ переговоры относительно приступленія Австріи къ англо-русскому коалиціонному трактату.

Разумѣется, для уничтоженія главнаго возраженія противниковъ войны, Россія должна была прежде всего стараться о полнотѣ коалиціи. Страшно трудно было увлечь Пруссію; легко было это сдѣлать съ Швеціею, ибо ея король, Густавъ IV, также ненавидѣлъ наполеоновское правительство, какъ отецъ его, Густавъ III, ненавидѣлъ революціонныя движенія Франціи. Важность шведскаго союза для Россіи, какъ главы коалиціи, была очевидна уже изъ того, что Наполеонъ добивался дружбы Густава IV, причемъ, по своему обычаю, не щадилъ приманокъ, предлагалъ Швеціи Норвегію взамѣнъ германскихъ ея владѣній—Помераніи: послѣдняя была очень нужна Наполеону—и какъ приманка для Пруссіи, и какъ сдержка для нея и важный пунктъ относительно Россіи. Но Густавъ IV не согласился и прежде другихъ сталъ членомъ коалиціи, хотя въ Петербургѣ и не могли полагать большой надежды на его помощь. Еще въ 1803 году, русскій министръ въ Стокгольмѣ, Алопеусъ 2-й, сообщилъ своему двору печальныя извѣстія объ умственномъ состояніи короля и его поведеніи. Густавъ IV постоянно посѣщалъ масонскія ложи, никогда не видали улыбки на вѣчно-серьёзномъ и суровомъ лицѣ его, никакое развлеченіе не допускается во дворцѣ; король мучитъ солдатъ безполезными формальностями, вѣритъ въ какую-то

несчастную звѣзду, считаетъ себя Карломъ XII-мъ, носитъ драбантскій мундиръ его времени; народъ очень недоволенъ. Но какъ бы то ни было, союзомъ съ Швеціею заручиться было необходимо, хотя бы только по причинамъ близкаго сосѣдства, и этотъ союзъ, благодаря Помераніи, долженъ былъ имѣть вліяніе и на отношенія Россіи къ Пруссіи.

Пруссія продолжала упорно отказываться измѣнить свои отношенія къ Россіи и Франціи. Тщетно въ Петербургѣ думали, что эттенгеймское происшествіе заставитъ Пруссію тронуться. На извѣстное письмо императора Александра объ этомъ происшествіи король Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣчалъ, что заботы и чувства императора достойны его характера и требуютъ самой живой благодарности.... *Но*—должна имѣться въ виду великая цѣль сохраненія спокойствія, а Наполеона нельзя принудить дать полное удовлетвореніе иначе какъ съ оружіемъ въ рукахъ. Александръ указывалъ другую великую цѣль; онъ писалъ королю: «Признаюсь, страшная скорбь будетъ для меня, если я не увижу ваше величество принимающимъ самое дѣятельное участіе въ славѣ возстановленія политическаго равновѣсія Европы». Фридрихъ-Вильгельмъ, въ своемъ упорномъ желаніи сохранить миръ, не быть принужденнымъ къ страшному, по его убѣжденію, риску, не хотѣлъ признать, что уступка Наполеону ведетъ точно такъ же, если еще не скорѣе, къ войнѣ, какъ и сопротивленіе. Германія уступила ему въ эттенгеймскомъ дѣлѣ—сейчасъ же пошли другія нарушенія международнаго права. Наполеонъ заставилъ баварскій и кассельскій дворы выслать находившихся при нихъ англійскихъ посланниковъ; наконецъ французскій отрядъ ночью на нейтральной гамбургской почвѣ схватилъ Румбольда, англійскаго посланника при нижне-саксонскомъ округѣ. Въ этомъ поступкѣ находили еще большее нарушеніе международнаго права, чѣмъ въ поступкѣ съ герцогомъ Ангьенскимъ, потому что Румбольдъ былъ посланникъ, а герцогъ Ангьенскій считался частнымъ человѣкомъ. Оскорбленіе коснулось прямо Пруссіи, потому что, по тогдашнему германскому устройству, прусскій король обязанъ былъ блюсти за спокойствіемъ и безопасностію нижне-саксонскаго округа; наконецъ, гдѣ-же была послѣ того неприкосновенность сѣверной Германіи, на чемъ такъ сильно настаивалъ Фридрихъ-Вильгельмъ? Посланники русскій и англійскій приступили съ требованіями, чтобы Румбольду было оказано покровительство, причемъ Алопеусъ напомнилъ о соглашеніи между Россіею и Пруссіею, гдѣ нарушеніе неприкосновенности сѣверной Германіи было опредѣлено какъ причина войны съ Франціею

(casus foederis). Король велѣлъ требовать у французскаго правительства удовлетворенія за нарушеніе нейтралитета и освобожденія Румбольда. Но чтó далѣе? чтó если Наполеонъ не исполнитъ этого требованія? Въ это время графъ Гаугвицъ, который считалъ для себя должнымъ и полезнымъ вполнѣ сообразоваться со взглядами короля, былъ въ безсрочномъ отпуску, и внѣшними дѣлами завѣдывалъ баронъ Гарденбергъ, который позволялъ себѣ высказывать мнѣніе, что поддержаніе, во что бы то ни стало, нейтралитета и мира и постоянная уступчивость Франціи будутъ имѣть печальныя слѣдствія для Пруссіи. Такое мнѣніе Гарденбергъ высказалъ и теперь, обративъ вниманіе короля и на то, что крайняя уступчивость его произведетъ неблагопріятное впечатлѣніе на прусскую армію и народъ. Королю, разумѣется, были очень непріятны подобныя представленія; онъ возражалъ, что нельзя въ поступкѣ съ Румбольдомъ видѣть непремѣнно оскорбленіе Пруссіи,—оскорблена Англія, а не Пруссія. И къ чему тутъ народъ, армія? Имъ до политики дѣла нѣтъ. Вообще, у Гарденберга какія-то странныя мнѣнія, неудобный министръ! Надобно спросить мнѣнія Гаугвица, и король пишетъ ему. «Я потребовалъ удовлетворенія у Бонапарта за нарушеніе нейтралитета и освобожденія Румбольда. Но если Бонапартъ не согласится, чтó должна дѣлать Пруссія для поддержанія своего достоинства и выполненія своихъ обязательствъ какъ относительно Россіи, такъ и владѣній сѣверной Германіи? Многіе хотятъ войны, а я не хочу. Мнѣ кажется, что есть средства выдти изъ затрудненія, не прибѣгая къ такой крайности; мнѣ противно возжигать континентальную войну единственно изъ-за этого».—«А я не хочу!» Разумѣется, и Гаугвицъ тоже не захотѣлъ, а счастье на этотъ разъ помогло. Наполеонъ, зная, что Россія и Англія стараются составить коалицію противъ него, хлопоталъ, чтобъ эта коалиція не составилась, или, по крайней мѣрѣ, была бы неполная; для этого ему нужно было удержать Пруссію при себѣ или, по крайней мѣрѣ, нейтральною. Вотъ почему онъ исполнилъ требованіе Фридриха-Вильгельма, освободивъ Румбольда, и объявилъ, что это сдѣлано для прусскаго короля. Такая уступка утвердила окончательно короля въ политикѣ мира и нейтралитета: стóитъ только что-нибудь потребовать съ твердостію, ни въ чемъ не откажутъ ни съ той, ни съ другой стороны, никто не тронетъ Пруссію, чтобъ не имѣть ее противъ себя и она будетъ наслаждаться миромъ, да и Европѣ дастъ миръ, потому что безъ насъ не будутъ воевать. Король былъ на седьмомъ небѣ: блистательная побѣда безъ кровопролитія!

Но восторгъ былъ непродолжителенъ. И въ Лондонъ и въ Вѣну изъ Россіи давали знать, что Пруссія будетъ втиснута въ коалицію неволей, если не захочетъ войти въ нее добровольно. Мы видѣли, что Воронцовы питали сильное нерасположеніе къ Пруссіи; въ послѣднемъ мнѣніи своемъ канцлеръ, графъ Александръ, писалъ: «Считаю долгомъ замѣтить, что если надобно будетъ предложить Пруссіи приманку, обѣщать ей увеличеніе территоріи, чтобъ склонить ее во вступленію въ коалицію, то интересы Россіи не допускаютъ увеличенія прусскихъ владѣній на сѣверѣ Германіи у балтійскихъ береговъ, но пусть она распространяется во Фландріи, Нидерландахъ и нѣмецкихъ земляхъ, отошедшихъ къ Франціи по люневильскому миру. Увеличеніе прусскаго могущества здѣсь не только намъ не опасно, но даже выгодно, сталкивая непосредственно Пруссію съ Франціею». Дружба Воронцовыхъ съ Чарторыйскимъ закрѣплялась нерасположеніемъ къ Пруссіи. Но Воронцовы руководились русскими интересами, тогда какъ поляку Чарторыйскому до русскихъ интересовъ было мало дѣла. Жозефъ де-Мэстръ оставилъ о Чарторыйскомъ такую замѣтку: «Онъ высокомѣренъ, скрытенъ, отталкиваетъ отъ себя; я сомнѣваюсь, чтобы полякъ, имѣющій притязаніе на корону, могъ быть хорошимъ русскимъ». Чарторыйскій ненавидѣлъ Пруссію, какъ главную виновницу паденія Польши, и во враждебномъ столкновеніи Россіи съ Пруссіею видѣлъ средство возстановленія своего отечества во всей цѣлости. По его плану, жители польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, должны были возстать при первомъ появленіи русскихъ войскъ въ прусскихъ предѣлахъ; эти области присоединялись къ тѣмъ, которыя отошли къ Россіи по тремъ раздѣламъ, и возстановленная такимъ образомъ Польша признаетъ своимъ королемъ императора Александра. Австрія не будетъ этому противиться и даже отдастъ Галицію, потому что щедро будетъ вознаграждена Силезіею и Баваріею. Кромѣ другихъ очевидныхъ затрудненій къ осуществленію этого плана, первое затрудненіе заключалось уже въ самомъ императорѣ Александрѣ. Онъ могъ согласиться на то, чтобъ употреблена была угроза, которая бы заставила короля принять мнѣніе людей, желавшихъ вступленія Пруссіи въ коалицію противъ Франціи; но захотѣлъ ли бы Александръ привести въ исполненіе угрозу—это было очень сомнительно, тѣмъ болѣе, что со временъ мемельскаго свиданія была личная дружба между нимъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Чарторыйскій считалъ это мемельское свиданіе пагубнымъ событіемъ.

Первое непріятное объясненіе между петербургскимъ и бер-

линскимъ дворами произошло по поводу Швеціи. По договору съ Англіею, Густавъ IV обязался выставить въ своей части Помераніи 25,000 войска для войны съ Франціею. Въ Берлинѣ взволновались: театръ войны перенесется въ сѣверную Германію, гдѣ же послѣ того будетъ ея нейтралитетъ, о которомъ такъ хлопотала Пруссія? Изъ Берлина поэтому дали знать Густаву IV, что Пруссія, для охраненія нейтралитета сѣверной Германіи, займетъ своимъ войскомъ шведскую Померанію; но изъ Петербурга присылается въ Берлинъ внушеніе, что если хоть одинъ прусскій солдатъ войдетъ въ шведскую Померанію, то Россія будетъ принуждена выполнить свой союзный договоръ съ Швеціею и поспѣшить къ ней на помощь. Въ то же время изъ Петербурга требовали, чтобъ, въ случаѣ войны Россіи съ Франціею, данъ былъ свободный проходъ русскимъ войскамъ чрезъ прусскія владѣнія; но это, другими словами,—требованіе отказаться отъ драгоцѣннаго нейтралитета. Около Фридриха-Вильгельма борьба. Гаугвицъ искусно излагаетъ мнѣнія короля, излагая собственныя мнѣнія; Гаугвицъ за нейтралитетъ, въ которомъ видитъ собственную политику Пруссіи; послѣдняя не должна отказываться отъ этой политики и предать себя всѣмъ случайностямъ колеблющейся политики Россіи и Австріи, которыя притомъ же не открываютъ своихъ плановъ Пруссіи. Впрочемъ и съ этими державами не должно рѣзко разрывать.—Нейтралитетъ, отвѣчаетъ Гарденбергъ, есть могила самостоятельности и чести прусскаго государства, а войны все же не избѣжать, только надобно будетъ ее вести по волѣ побѣдителя и для его цѣлей. Гаугвицъ ставилъ на видъ, что Россія и Австрія, побуждая Пруссію вступить съ ними въ коалицію, скрываютъ однако отъ нея свои намѣренія. Нельзя было вступить съ ними въ соглашеніе, не узнавши прежде ихъ цѣлей. Для этого узнанія отправленъ былъ въ Петербургъ генералъ-адъютантъ Застровъ, и привезъ собственноручную ноту императора Александра. «Чтобъ отвѣчать съ полною откровенностію на желаніе короля знать всѣ мои политическія отношенія, надобно прежде знать мнѣ въ точности: его величество признаетъ ли необходимость прибѣгнуть къ оружію противъ Бонапарта, въ случаѣ если онъ не приметъ мирныхъ предложеній? Рѣшится ли король соединить свои войска съ войсками Россіи и Австріи, если эти державы прибѣгнутъ къ сильнымъ мѣрамъ для достиженія мира? Впрочемъ, я не колеблюсь объявить теперь же, что мои мирныя предложенія будутъ заключать въ себѣ одно необходимое для будущей безопасности и независимости Европы, что

Англія сдѣлаетъ всѣ пожертвованія, какія только можно разумно надѣяться отъ нея. Если переговоры не поведутъ ни къ чему и надобно будетъ прибѣгнуть къ силѣ, то я поведу войну съ союзниками, которые, подобно мнѣ, обяжутся не полагать оружія до всеобщаго мира; я буду охотно содѣйствовать къ доставленію имъ денежной помощи и къ опредѣленію вознагражденій за потери. Дѣло будетъ идти объ утвержденіи независимости Европы, а не для произведенія контръ-революціи и не для низверженія Франціи съ того мѣста, которое принадлежитъ ей въ общей системѣ. Если король хочетъ соединиться именно на этихъ основаніяхъ, я обѣщаю ему употребить гораздо болѣе 100,000 войска и принять мѣры къ тому, чтобъ не подвергать Пруссію опасности со стороны Франціи».

Упоминая о мирныхъ предложеніяхъ, императоръ Александръ имѣлъ въ виду тѣ, которыя Новосильцевъ долженъ былъ сдѣлать въ Парижѣ; но мы видѣли, что Новосильцева возвратили съ дороги, и Пруссія потеряла послѣднюю надежду на миръ. Пруссія одною изъ причинъ своего колебанія приступить къ коалиціи выставляла неувѣренность въ достаточной энергіи Австріи, а та съ своей стороны останавливалась колебаніемъ Пруссіи. Понятно, что надобно было употребить всѣ средства для уничтоженія, по крайней мѣрѣ на время, соперничества и подозрѣнія между этими державами. Австрія первая предложила забыть о Силезіи, забыть старое для новаго, выставила убѣжденіе, что ослабленіе Австріи теперь будетъ вредно для Пруссіи и наоборотъ; увѣряла, что вовсе не думаетъ о пріобрѣтеніи вліянія въ Германіи, а только заботится о сохраненіи равновѣсія въ Европѣ и германской имперіи; даже въ случаѣ счастливой войны не имѣетъ намѣренія измѣнить существующій порядокъ вещей въ Баваріи или гдѣ бы то ни было. Но въ Берлинѣ слушали все это однимъ ухомъ, и въ мартѣ 1805 года Гарденбергъ сказалъ австрійскому посланнику, по поводу русскихъ требованій: «Короля никогда не принудятъ къ мѣрамъ, вызывающимъ войну, и я увѣренъ, что наши два двора думаютъ въ этомъ отношеніи одинаково по сходству ихъ положенія; Россіи нечего бояться войны, а Пруссія и Австрія могутъ одинаково пострадать». Послѣ этого въ Вѣнѣ перестали полагаться на Гарденберга, начали считать его такимъ же французомъ, какъ и Гаугвица.

Сильнѣйшее искушеніе для берлинскаго двора пришло съ запада. Наполеону нужно было разбить коалицію, удержать Пруссію при себѣ, и онъ рѣшается не щадить ни убѣжденій, ни приманокъ, чтобъ заставить Фридриха-Вильгельма покинуть систему

нейтралитета. «Какъ только Россія объявитъ войну Франціи, то войска послѣдней сейчасъ же занимаютъ главный городъ шведской Помераніи, ибо Швеція въ союзѣ съ Россіею: что же станется съ прусской системой нейтралитета для сѣверной Германіи? Напротивъ, союзъ съ Франціею представляетъ для Пруссіи выгоды несомнѣнныя, многочисленныя и непосредственныя, опасности же никакой. Пруссія должна вспомнить, что у нея нѣтъ такихъ средствъ къ усиленію себя, какими обладаютъ ея сосѣди, которые, будучи вмѣстѣ ея врагами, не дадутъ ей распространить своихъ владѣній. Императоръ французовъ предлагаетъ прусскому королю Ганноверъ въ вѣчное владѣніе и обязывается уступку его сдѣлать необходимымъ условіемъ мира съ Англіей, которая основываетъ всѣ свои надежды на континентальной войнѣ; но Россія и Австрія не начнутъ войны, если Пруссія выступитъ какъ союзница Франціи: такимъ образомъ королю достанется слава примирителя Франціи съ Англіею. Уступка Ганновера не представитъ непреоборимыхъ затрудненій: не король Георгъ будетъ заключать миръ, а народъ англійскій; отъ Пруссіи же Франція требуетъ одного ручательства въ сохраненіи существующаго порядка въ Италіи. Государство, которое не увеличивается, уменьшается».

Это внушеніе произвело сильное впечатлѣніе въ Берлинѣ, затрогивая самыя нѣжныя струны, совпадая съ самыми завѣтными помышленіями и цѣлями: уже стали мечтать, что пріобрѣтенія не должны ограничиться однимъ Ганноверомъ, можно пріобрѣсти и Богемію и вымѣнить Саксонію на польскія области. Не слѣдуетъ быть злодѣемъ вполовину! Не легко было, по мнѣнію Гарденберга, выставить основанія, говорившія въ пользу французскаго союза, съ бо́льшею вѣскостію и обольстительностію, и многія основанія были дѣйствительно вѣски: съ одной стороны — предложенія, хотя и не совсѣмъ безопасныя, но возможныя, съ выгодою сохранить миръ, и если бы это не удалось, съ видами на могущественную помощь сильнѣйшей державы; съ другой стороны — извѣстное намѣреніе принудить Пруссію ко вступленію въ коалицію, тонъ русскаго кабинета, становящійся все грознѣе и грознѣе, и еще болѣе угрожающее положеніе русскаго войска; никакихъ выгодъ, развѣ отдаленныя, которыя еще нужно завоевать, пріобрѣтенія невѣрныя. Но въ то же время, кто не понималъ, что взять что-нибудь у Наполеона значило продать свою душу врагу и дать на нее кровавое рукописаніе, рабство было необходимымъ слѣдствіемъ. Короля могла прельстить больше всего надежда на сохраненіе мира (да еще съ Ганноверомъ!); но этой надеждѣ вполнѣ предаваться было нельзя по грозному положе-

нію Россіи: еще пока-то французское войско явится на помощь, русское будетъ уже въ прусскихъ владѣніяхъ, и Пруссія сдѣлается ареною борьбы, исходъ которой неизвѣстенъ. Для короля, и, конечно, не для одного его, оба союза, французскій и русскій, представляли только однѣ невыгоды, и потому, разумѣется, онъ могъ рѣшиться на тотъ или другой только въ случаѣ крайности, а до тѣхъ поръ долженъ былъ упорствовать въ нейтралитетѣ. Гаугвицъ также совѣтуетъ крѣпко держаться нейтралитета, и для его сохраненія вооружаться; яркими красками выставилъ Гаугвицъ невѣрность французскихъ обѣщаній и, съ другой стороны, опасность разрыва съ Россіею: точь-въ-точь, какъ думалъ самъ король! Итакъ, вооруженный нейтралитетъ! имъ всего скорѣе можно достигнуть желанной цѣли, сохраненія мира: и Наполеонъ, да и Россія съ Англіею и Австріею будутъ податливы и помирятся при прусскомъ посредничествѣ. Наполеону отвѣчали, что никакая приманка увеличеніемъ территоріи не можетъ побудить короля къ мѣрамъ наступательнымъ; нельзя изъ-за совершенно разореннаго Ганновера подвергать бѣдствіямъ войны старыя цвѣтущія прусскія области. Есть надежда сохранить миръ, если императоръ Наполеонъ, по соглашенію съ Пруссіею, обезпечитъ цѣлость и независимость остальной Италіи, республики батавской и гельветической и германской имперіи, если онъ дастъ королю возможность какъ можно скорѣе передать слова мира въ Петербургъ и Вѣну. — Императору Александру король писалъ (5-го сентября 1805 г.), что твердо рѣшился поддерживать нейтралитетъ свой и своихъ сосѣдей и вооружается для защиты послѣднихъ; притомъ Франція еще ничего не сдѣлала такого, чтѣ бы заставляло Пруссію объявить ей войну. Король надѣется, что императоръ Александръ также не сдѣлаетъ ничего, чтѣ бы нарушило покой сѣверной Германіи.

Въ то время, какъ въ Пруссіи только еще рѣшали, что надобно вооружаться, чтобъ дать больше вѣсу своимъ мирнымъ предложеніямъ, въ Австріи давно уже вооружались, и все еще надѣялись, что войны можно избѣжать, по крайней мѣрѣ, что она не начнется въ текущемъ 1805 году. Когда императоръ Александръ въ іюнѣ узналъ о присоединеніи Генуи къ Франціи, то сказалъ Штуттергейму: «Этотъ человѣкъ (Наполеонъ) ненасытимъ, его честолюбіе не знаетъ границъ, это бичь вселенной! Въ Вѣнѣ должны остановиться на этомъ событіи. Я его предвидѣлъ; но никакъ не ожидалъ, чтобы Генуя была обращена во французскую провинцію въ то самое время, когда хотѣли начать мирные переговоры съ этимъ господиномъ; онъ надъ нами смѣется,

онъ хочетъ войны: ну, хорошо, онъ будетъ ее имѣть, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видите: мы медлимъ, а онъ этимъ пользуется». Когда Штуттергеймъ замѣтилъ, что надобно подождать до весны, то Александръ сказалъ: «Я не буду изъ всѣхъ силъ спѣшить, но война неизбѣжна». Но «этотъ человѣкъ» былъ не такой человѣкъ, чтобъ сталъ сидѣть спокойно, видя, какъ другіе вооружаются. Онъ велѣлъ Талейрану объявить австрійскому посланнику, что лагери въ Тиролѣ и Штейермаркѣ должны быть сняты, отказъ въ этомъ Наполеонъ приметъ за объявленіе войны. Въ концѣ августа Австрія отвѣчала, что она вооружается для поддержки выговоренныхъ трактатами условій; что она готова вступить съ французскимъ дворомъ въ переговоры о сохраненіи континентальнаго мира и удостовѣряетъ, что монархи австрійскій и русскій обязались не вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи, не нарушать существующаго порядка германской имперіи и цѣлости Порты оттоманской. Въ Вѣнѣ произошла въ это время перемѣна: воинственный дипломатъ Кобенцль восторжествовалъ надъ знаменитымъ, но требующимъ мира полководцемъ, эрцгерцогомъ Карломъ. Отчего же произошла такая удивительная перемѣна? Явился генералъ-квартирмейстеръ Макъ, который обѣщалъ поставить армію на военную ногу, вмѣсто шести мѣсяцевъ, въ два мѣсяца, и исполнилъ обѣщаніе; но не довольствовались приготовленіемъ арміи: тому же Маку поручено было перевести ее за баварскую границу, чтобъ предупредить Наполеона. Суворовъ, Наполеонъ побѣждали стремительностію, умѣньемъ предупреждать непріятеля, нападать на него врасплохъ; стоило только принять такой же образъ дѣйствія, предупредить непріятеля, и Макъ становился Суворовымъ, Наполеономъ! Но дѣйствительно ли Макъ предупреждалъ Наполеона? Въ Вѣнѣ по крайней мѣрѣ думали, что «театральный монархъ», какъ тамъ величали Наполеона, ничего не знаетъ, ни къ чему не готовъ, или бездѣйствуетъ, потерявъ голову отъ стыда и затруднительности положенія.

Императоръ Александръ былъ изумленъ такою энергіею и поспѣшностію Австріи! Столько времени на его увѣщанія къ войнѣ былъ одинъ отвѣтъ: не готовы и раньше весны 1806 года готовы быть не можемъ; русскій государь былъ въ полной увѣренности, что раньше этого срока войны не будетъ, обѣщалъ Штуттергейму не торопиться, а теперь принужденъ былъ спѣшить, спѣшить двумя дѣлами, и отправленіемъ войска на помощь Австріи, и склоненіемъ Пруссіи ко вступленію въ коалицію.

Въ августѣ императоръ послалъ королю письмо, въ которомъ предлагалъ личное свиданіе на границахъ, снова говорилъ о не-

обходимости приступить къ коалиціи и требовалъ согласія на проходъ своихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія. Король отвѣчалъ, что согласенъ на первое, но никакъ не можетъ согласиться на послѣднее, ибо это «непремѣнно погубило бы Европу». Фридрихъ-Вильгельмъ спрашивалъ, какимъ образомъ императоръ Александръ, принявшій на себя прекрасную роль защитника международнаго права и особенно права нейтральныхъ государствъ, можетъ безъ малѣйшаго предлога нарушить право сосѣда и союзника, представляющаго оплотъ для безопасности сѣвера и говорившаго всегда языкомъ мира. Сильнѣйшее впечатлѣніе произведено было донесеніемъ Алопеуса 7 (19) сентября о разговорѣ своемъ съ Гарденбергомъ. Послѣдній передалъ русскому посланнику слова короля: «Если императоръ, — говорилъ Фридрихъ-Вильгельмъ, — намѣренъ принудить меня дѣйствовать противъ моихъ правилъ и нарушить законъ, который я самъ себѣ предписалъ, законъ — не подвергать моихъ народовъ бѣдствіямъ войны, то я скорѣе погибну, чѣмъ соглашусь на это. Но неужели возможно, чтобъ императоръ, котораго я считалъ своимъ первымъ другомъ, къ которому, Богъ свидѣтель, я питалъ довѣріе безпредѣльное, возможно ли, чтобъ онъ употребилъ во зло это довѣріе? Еслибъ онъ нашелся въ опасности, еслибъ теперь, начавши великую борьбу, онъ испыталъ какое-нибудь бѣдствіе, то я полетѣлъ бы къ нему на помощь. Хотѣть заставить меня смотрѣть на вещи точно такъ, какъ онъ смотритъ, это значитъ посягать на мою независимость. Но если я потеряю независимость, то какъ я осмѣлюсь взглянуть на изображенія моихъ предковъ, какъ мнѣ хотя минуту остановиться на мысли, что между нами былъ Фридрихъ II, Великій курфюрстъ [1]). Нѣтъ, если мнѣ суждено погибнуть, то погибну со славою; я паду жертвою моего довѣрія къ государю, который умѣлъ завоевать мое сердце». Алопеусъ донесъ также о словахъ короля, сказанныхъ генералу Кёкерицу: «Много государей погибло отъ страсти къ войнѣ; а я погибну отъ того, что люблю миръ». Императоръ Александръ находился въ большомъ затрудненіи: съ одной стороны, такіе протесты Фридриха-Вильгельма; съ другой — въ Вѣнѣ и Лондонѣ заявлено, что русскій государь *заставитъ* Пруссію приступить къ коалиціи; съ третьей стороны, разумѣется, Чарторыйскій настаивалъ на вступленіи въ Пруссію и поднятіи поляковъ. Александръ былъ выведенъ изъ затруднительнаго положенія самымъ главнымъ союзни-

---

[1]) Такъ называли обыкновенно знаменитаго курфюрста браденбургскаго Фридриха-Вильгельма.

комъ. Штуттергеймъ сталъ дѣлать сильныя представленія противъ войны съ Пруссіею. «Но это значитъ меня компрометтировать,—возражалъ Александръ,—нѣтъ, я не могу отступить; если я могу возвратить вамъ Силезію, то вы можете на меня положиться». Пришли депеши изъ Вѣны съ такими же отсовѣтованіями нападать на Пруссію; Штуттергеймъ усилилъ свои представленія; наконецъ, Чарторыйскій подался. Этого только, разумѣется, и нужно было: русскія войска были задержаны на границѣ впредь до личнаго свиданія государей; да скоро трудно стало думать о войнѣ съ Пруссіею, когда узнали о быстрыхъ движеніяхъ Наполеона.

Въ то время, какъ въ Вѣнѣ думали, что «театральный императоръ» находится въ бездѣйствіи, Наполеонъ съ необыкновенною скрытностію и быстротою двигалъ свои войска на востокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ былъ очень радъ этой континентальной войнѣ, ибо сосредоточеніе силъ на берегахъ Атлантическаго океана, для преднамѣренной будто бы высадки въ Англію, не достигало цѣли; Англію нельзя было этою угрозою принудить къ миру, а высадку Наполеонъ не могъ не признавать предпріятіемъ отчаяннымъ. Теперь континентальная война давала ему отличный предлогъ покончить съ приготовленіями къ высадкѣ, которыя скоро грозили стать смѣшными, и нанести Англіи ударъ пораженіемъ коалиціи, о которой она такъ хлопотала. Это пораженіе было вѣрное въ глазахъ Наполеона: коалиція была неполная, Пруссія къ ней не приступала, Австрія же сдѣлала страшную ошибку, выдвинувъ часть своихъ войскъ за границу и не дождавшись русской помощи. Въ концѣ сентября н. с. французскія войска стояли уже въ Швабіи и Франконіи подъ начальствомъ самого Наполеона; курфюрсты баденскій, вюртембергскій и ландграфъ дармштадтскій были за Францію; за нее же была и Баварія, несмотря на австрійскія угрозы. Пруссіи Наполеонъ опять предложилъ союзъ. «Заключать союзъ съ воюющею державою значитъ принять участіе въ войнѣ»—былъ отвѣтъ. Съ французской стороны соглашались договориться на основаніи нейтралитета Пруссіи, соглашались дать ей Ганноверъ подъ залогъ, соглашались на ея посредничество—все для того, чтобъ выиграть время. 1-го октября (н. с.) въ Шарлоттенбургѣ, въ присутствіи стараго вождя прусскихъ войскъ, герцога брауншвейгскаго, была конференція, гдѣ Гарденбергъ предлагалъ не постановлять ничего съ Франціею до свиданія короля съ русскимъ императоромъ, ибо послѣдній оскорбится такимъ постановленіемъ; занятіе Ганновера должно произойти съ согласія

всѣхъ сторонъ. Король, противъ своего обыкновенія, обнаруживалъ въ конференціи нетерпѣніе и неудовольствіе: толковали о личномъ свиданіи его съ русскимъ императоромъ, а онъ именно не хотѣлъ этого свиданія, боясь нравственнаго вліянія обаятельнаго друга болѣе, чѣмъ насильственнаго перехода русскихъ войскъ черезъ прусскія владѣнія; онъ предполагалъ въ послѣднюю минуту подъ какимъ-нибудь предлогомъ отказаться отъ свиданія и послать, вмѣсто себя, герцога брауншвейгскаго. Предлогъ былъ уже придуманъ—болѣзнь ноги. Но Наполеонъ перемѣнилъ ходъ дѣла: по его приказанію, французскія войска, для удобства движенія противъ Австріи, нарушили нейтралитетъ Пруссіи, пройдя черезъ ея владѣнія (въ Анпшахѣ). Извѣстіе объ этомъ произвело страшное впечатлѣніе въ Берлинѣ. Король былъ въ отчаяніи: драгоцѣнный нейтралитетъ исчезъ; теперь нельзя было сказать русскому императору, что со стороны Франціи не сдѣлано ничего, могущаго дать Пруссіи право объявить ей войну. Въ Пруссіи давно уже существовала такъ-называемая патріотическая партія, которая видѣла униженіе отечества въ равнодушіи къ захватамъ Наполеона; сама королева, двоюродный братъ короля, принцъ Людвигъ думали такимъ образомъ. Партія сдерживалась противнымъ образомъ мыслей короля; но теперь она возвысила голосъ и увеличилась въ числѣ. Неудовольствіе не могло уменьшиться, когда Наполеонъ, извиняясь, въ письмѣ къ королю, въ анпшахскомъ происшествіи, старался дать дѣлу такой видъ, какъ будто это была бездѣлица, когда Талейранъ написалъ, что виноватъ берлинскій кабинетъ, который все толковалъ о нейтралитетѣ сѣверной Германіи, тогда какъ прусскія владѣнія—Анпшахъ и Байрейтъ находятся на югѣ, слѣдовательно внѣ демаркаціонной линіи.

Императоръ Александръ рѣшился пользоваться обстоятельствами; прусскаго короля долго было дожидаться на границахъ, императоръ самъ поѣхалъ къ Фридриху-Вильгельму и 25-го октября (н. с.) прибылъ въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ жителями съ необыкновеннымъ восторгомъ. Надобно было спѣшить привлеченіемъ Пруссіи въ коалицію и этимъ помочь Австріи, дѣла которой шли дурно. Французы перешли Дунай, поразили австрійцевъ въ трехъ сраженіяхъ, заняли Аугсбургъ и Мюнхенъ, а Макъ, придвинувшись къ Ульму изъ желанія предупредить Наполеона, затворился въ этомъ городѣ и спокойно смотрѣлъ, какъ непріятель окружалъ его со всѣхъ сторонъ. Послѣ побѣды, одержанной французами подъ начальствомъ маршала Нея при Эльхингенѣ, Макъ былъ совершенно запертъ, завелъ переговоры и

сдался: 23,000 австрійскаго войска положило оружіе, французамъ досталось 59 пушекъ. 20-го октября сдался Макъ; 21-го—англійскій адмиралъ Нельсонъ истребилъ французско-испанскій флотъ при Трафельгерѣ и заплатилъ жизнію за побѣду; 25-го—пріѣхалъ Александръ въ Берлинъ и начались конференціи о томъ, какъ поправить континентальныя дѣла. Сначали шли они между Чарторыйскимъ, пріѣхавшимъ вмѣстѣ съ императоромъ, Гаугвицемъ и Гарденбергомъ; 28-го числа присутствовали императоръ, король и герцогъ брауншвейгскій; 3-го ноября дѣло было кончено; государи ратификовали договоръ, извѣстный подъ именемъ Потсдамскаго: прусскій король принималъ на себя посредничество между воюющими державами, но посредничество вооруженное, результатомъ котораго должно быть или непосредственное возстановленіе континентальнаго мира, или, въ случаѣ непринятія Франціею мирныхъ условій, дѣйствительное участіе Пруссіи въ войнѣ. Мирныя условія заключались въ томъ, что за Франціею оставалось все полученное ею по люневильскому и послѣдующимъ договорамъ; уничтожались только тѣ распоряженія Наполеона, которыя возбудили противъ него коалицію: возстановлялось независимое сардинское королевство, выговаривалась независимость Голландіи, Швейцаріи, Неаполя и германской имперіи; королевство итальянское, которое названо было ломбардскимъ для избѣжанія слишкомъ широкаго смысла, заключавшагося въ словѣ «итальянское», долженствовало быть независимо отъ французской короны; наконецъ, выговаривалась неприкосновенность Турціи.

Обстоятельства представляли нѣчто новое противъ прежняго: Пруссія принимала рѣшительное положеніе, и, не согласившись на ея предложенія, Наполеону надобно было вести войну противъ небывалой еще коалиціи, что̀ могло заставить его задуматься; но, съ другой стороны, нельзя было надѣяться, чтобъ Наполеонъ принялъ предложенія: это значило бы признаться, что испугался коалиціи, уничтожить обаяніе, которое онъ производилъ надъ французами, обаяніе силы, незнающей препятствій, и это послѣ того, какъ народъ, находившійся подъ такимъ обаяніемъ, провозгласилъ его императоромъ. И побѣжденный—Наполеонъ не могъ принять потсдамскихъ условій, а теперь онъ блистательно началъ кампанію: на сторонѣ французовъ бодрость, возбужденная успѣхомъ, на сторонѣ противниковъ упадокъ духа—слѣдствіе ульмскаго позора. Коалиція опасна; но она еще не вполнѣ образовалась: Пруссія еще не объявляла войны, и нѣтъ сомнѣнія, что Фридрихъ-Вильгельмъ войны не хочетъ по преж-

нему, онъ подвергся нравственному насилію; Пруссія не вступила прямо въ коалицію, согласилась только на вооруженное посредничество, и здѣсь уже видна ясно уступка Александра своему другу; здѣсь слабое мѣсто, которымъ легко воспользоваться; австрійцы старые знакомые, ихъ бояться нечего; русскіе— враги новые, но кто ими предводительствуетъ? И притомъ—въ соединеніи два чуждыхъ другъ другу войска, два императора, сколько интересовъ и страстей въ столкновеніи!

Очень важно было то, кто будетъ присланъ къ Наполеону съ мирными предложеніями изъ Берлина; если это будетъ человѣкъ изъ патріотической партіи, желающей вступленія Пруссіи въ коалицію, то онъ повернетъ дѣло быстро и непріятнымъ для Наполеона образомъ, предложивъ вопросъ: миръ на извѣстныхъ условіяхъ или война? и не входя въ дальнѣйшія объясненія. Но Фридрихъ-Вильгельмъ, именно не хотѣвшій крутого поворота дѣла, не хотѣвшій, боявшійся по-прежнему войны, выбралъ человѣка, въ которомъ былъ увѣренъ, что не доведетъ дѣла до крайности, съумѣетъ воспользоваться обстоятельствами, чтобы выгородить Пруссію съ ея интересами; кого же онъ могъ выбрать лучше, какъ не несравненнаго графа Гаугвица, полнаго своего представителя, свой портретъ относительно политическихъ воззрѣній. Странно, что императоръ Александръ не настоялъ на выборѣ другого лица для посылки къ Наполеону, тѣмъ болѣе, что онъ, пріѣхавши въ Берлинъ, явно обнаружилъ свое нерасположеніе къ Гаугвицу и благосклонность къ Гарденбергу. Въ Петербургѣ были невѣрно извѣщены о положеніи партій въ Берлинѣ и считали Гаугвица съ Ломбардомъ главами французской партіи; но мы видѣли, что Гаугвицъ если принадлежалъ къ какой-нибудь партіи, то къ королевской, стоялъ за нейтралитетъ, за миръ во что бы то ни стало, совѣтовалъ ни подъ какимъ видомъ не разрывать съ Россіею, тогда какъ Гарденбергъ, ратуя противъ нейтралитета, вовсе не настаивалъ на необходимости держаться Россіи. Теперь Гаугвицъ ѣхалъ къ Наполеону для исполненія королевскихъ желаній, но, разумѣется, не безъ горечи противъ коалиціи, потому что былъ сильно оскорбленъ холодностію главы ея.

Коалиція была неполная; присоединеніе Пруссіи предполагалось еще въ будущемъ; дѣйствія союзниковъ начаты были не дружно; Австрія, не дожидаясь русскихъ войскъ, выдвинула свои въ Баварію и потерпѣла уже страшное пораженіе. Недостатокъ полководца, котораго можно было бы противопоставить Наполеону, привелъ императора Александра къ мысли о вызовѣ знаменитаго французскаго генерала Моро, изгнаннаго Наполеономъ

въ Америку за участіе въ роялистскомъ заговорѣ; но Моро не поспѣлъ бы во всякомъ случаѣ; надобно было употребить въ дѣло остатки екатерининскихъ, суворовскихъ временъ. Имя перваго русскаго генерала, которое услыхалъ Наполеонъ, было имя Кутузова. Человѣкъ, которому послѣ суждено было проводить завоевателя изъ Россіи, долженъ былъ теперь встрѣтить его въ Баваріи. При несчастной непредвидѣнной поспѣшности, съ какою Австрія начала войну, русское войско должно было не идти, а бѣжать ей на помощь. Русскіе прибѣжали на Иннъ въ ненастье, по грязнымъ дорогамъ, въ очень некрасивомъ видѣ, въ изношенномъ платьѣ, босые,—и отовсюду дурные слухи, союзники дали себя разбить, теперь вся тяжесть ударовъ побѣдителя падетъ на русскія плечи. Естественно, русскіе не могли отнестись благопріятно къ австрійцамъ, тѣмъ болѣе, что память о послѣднемъ походѣ Суворова, объ его отношеніяхъ къ австрійцамъ, была жива. Русскіе презрительно относились къ людямъ, «привыкшимъ битыми быть», по выраженію Суворова; австрійцы, въ отместку, называли ихъ словомъ, которое первое попадается на языкъ западнаго европейца, когда онъ недоволенъ русскими, называли ихъ варварами, смѣялись надъ недостаткомъ у нихъ военной выправки. Русскіе должны были отступать, сдерживая и отбиваясь отъ превосходнаго числомъ непріятеля; маршалу Мортье сильно досталось отъ Кутузова при Дюрренштейнѣ: услыхали о давно неслыханномъ дѣлѣ, о разбитіи французовъ; самъ Наполеонъ назвалъ битву рѣзнею. Такая же рѣзня произошла при Шёнграбенѣ, гдѣ умѣлъ отбиться знаменитый суворовецъ, князь Багратіонъ, оставленный, по словамъ Кутузова, на неминуемую гибель для спасенія арміи. Багратіонъ не погибъ и армія была спасена отступленіемъ въ Моравію, гдѣ съ нею соединились другія русскія войска, только-что прибывшія изъ Россіи, и небольшой австрійскій корпусъ, отступившій отъ Вѣны, которая была уже занята французами. Союзники стояли у Ольмюца, куда пріѣхали и оба императора—Александръ и Францъ; Наполеонъ занялъ Брюннъ. Союзники рѣшили идти къ нему на встрѣчу, и 20-го ноября встрѣтились у Аустерлица. Наполеонъ побѣдилъ; изъ рядовъ русскаго войска выбыло слишкомъ 20,000 человѣкъ.

Въ нашу задачу не входитъ подробное описаніе и обсужденіе военныхъ дѣйствій; но всякое явленіе должно быть уяснено въ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, должно быть уяснено въ той степени, въ какой обнаруживаетъ характеры дѣйствующихъ лицъ, ихъ отношенія и взгляды, въ какой имѣетъ вліяніе на послѣдующія отношенія их и взгляды. Позоръ пораженія

послѣ екатерининскихъ войнъ, послѣ суворовскаго похода въ Италію, не могъ быть перенесенъ равнодушно современниками; какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, они должны были съ чрезвычайною страстностію искать виноватаго, накидываясь на перваго встрѣчнаго, не будучи въ состояніи выслушивать оправданій, изслѣдовать дѣло безпристрастно и спокойно. Разумѣется, прежде всего стали виноваты союзники—австрійцы. Мы не станемъ останавливаться на обвиненіяхъ, что австрійцы, изъ вражды къ русскимъ, открыли Наполеону планъ сраженія и т. п.; но не подлежитъ сомнѣнію, что австрійцы испортили кампанію въ самомъ началѣ, выдвинувши свои войска въ Баварію, не дожидаясь прихода русскихъ, и если это дѣйствіе объясняется желаніемъ предупредить Наполеона, то трудно не предположить здѣсь и другого желанія—заручиться успѣхомъ до прихода русскихъ войскъ, чтобы смыть позоръ прежнихъ неудачъ и не дать утвердиться мнѣнію, что успѣхъ для Австріи возможенъ только при чужой помощи. Мы видимъ любопытное явленіе, которое не останется одинокимъ: противъ войны былъ извѣстный своими способностями полководецъ, завѣдывавшій военною частію въ имперіи, эрцгерцогъ Карлъ, тогда какъ за войну былъ преимущественно министръ иностранныхъ дѣлъ Кобенцль, потому что для послѣдняго было невыносимо тяжело невыгодное положеніе Австріи въ политической системѣ Европы;—это, при своей должности, онъ долженъ былъ чувствовать ежедневно, и война представлялась единственнымъ выходомъ; Кобенцль поддерживалъ и превозносилъ похвалами Мака въ его поспѣшныхъ распоряженіяхъ. Но въ Россіи обвиняли не Кобенцля, а русскаго посла въ Вѣнѣ, графа Разумовскаго: зачѣмъ онъ не доносилъ своему правительству объ ошибкахъ австрійскаго, зачѣмъ не протестовалъ противъ перехода австрійскихъ войскъ черезъ Иннъ, какъ будто невоенный человѣкъ могъ рѣшиться протестовать противъ военныхъ распоряженій, протестовать противъ того, къ чему Россія постоянно побуждала Австрію. Сильно нарекали на завѣдывавшаго иностранными дѣлами въ Россіи, кн. Чарторыйскаго; но его заподозрѣвали вообще, какъ поляка, въ непріязни къ Россіи; въ печальномъ же окончаніи коалиціи онъ виноватъ не былъ. Чарторыйскій, оскорбленный обвиненіями, написалъ императору Александру длинное письмо, гдѣ, оправдывая себя, главнымъ виновникомъ бѣды выставилъ самого императора. По его мнѣнію, Александръ былъ виноватъ, во-первыхъ, въ томъ, что не послушался его совѣта и не вторгнулся съ войскомъ въ Пруссію для возстановленія Польши, а во-вторыхъ, въ томъ, что по-

ѣхалъ самъ къ дѣйствующей арміи, гдѣ его пребываніе, вмѣсто пользы, приносило только вредъ. На первомъ обвиненіи намъ останавливаться не нужно: оно показываетъ пунктъ помѣшательства, очень непріятный въ русскомъ министрѣ иностранныхъ дѣлъ. Но второе обвиненіе имѣетъ за себя кажущуюся правду. Если бы, по мнѣнію Чарторыйскаго, главнокомандующій Кутузовъ былъ предоставленъ самому себѣ, не стѣснялся присутствіемъ государя, то, отличаясь прозорливостію, онъ сталъ бы избѣгать сраженія до вступленія Пруссіи въ коалицію. Таково было именно мнѣніе Кутузова. Въ интересахъ Бонапарта было не терять времени, въ нашихъ интересахъ—длить время; онъ имѣлъ всѣ причины желать рѣшительнаго сраженія, союзники—всѣ причины избѣгать его. Надобно было утомлять непріятеля частными битвами, не вводя въ бой главныя силы, идти въ Венгрію и войти въ сношеніе съ нетронутыми австрійскими корпусами. Итакъ, Чарторыйскій указываетъ намъ человѣка, по мнѣнію котораго не должно было давать сраженія подъ Аустерлицемъ: этотъ человѣкъ былъ *главнокомандующій* Кутузовъ, и мнѣніе главнокомандующаго не было принято! Зачѣмъ же онъ послѣ того оставался главнокомандующимъ? Самъ императоръ Александръ оставилъ намъ свидѣтельство, почему мнѣніе главнокомандующаго не было принято: «Я былъ молодъ и неопытенъ; Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе». Вина, слѣдовательно, заключалась въ Кутузовѣ, который не настойчиво проводилъ свое мнѣніе и тѣмъ обнаружилъ недостатокъ гражданскаго мужества. Разсказывали, что наканунѣ сраженія Кутузовъ пришелъ къ оберъ-гофмаршалу графу Толстому и сказалъ: «Уговорите государя не давать сраженія, мы его проиграемъ».—«Мое дѣло знать соусы да жаркія,—отвѣчалъ Толстой,—война—ваше дѣло». Этой неискренности подъ Аустерлицемъ приписывали послѣдующее нерасположеніе императора къ Кутузову. Но имѣемъ ли мы право предположить у Кутузова въ такой степени недостатокъ гражданскаго мужества? Дѣйствительно ли онъ не настаивалъ на своемъ мнѣніи изъ нежеланія, изъ страха противорѣчить государю, желавшему сраженія? Подобно эрцгерцогу Карлу, Кутузовъ не разсчитывалъ на успѣхъ при встрѣчѣ съ Наполеономъ; но какъ не встрѣтиться? Трудность рѣшенія этого вопроса понималъ лучше другихъ Кутузовъ, знавшій, что въ интересахъ Наполеона было именно дать сраженіе, и знавшій, какъ трудно заставить Наполеона отказаться отъ своего желанія въ пользу враговъ. Уклониться отъ рѣшительной битвы, когда такой полководецъ, какъ Наполеонъ, ея

хочетъ, трудно, невозможно; надобно отступить; но для этого надобно имѣть планъ отступленія, надобно знать, куда отступать, съ какими средствами, и какія средства можно найти въ странѣ, куда будетъ направлено отступленіе. Отступать въ Венгрію: но чтó такое Венгрія? Не надобно забывать, что русскій главнокомандующій былъ въ чужой странѣ, ходилъ ощупью, въ потьмахъ, начальникомъ штаба былъ у него австрійскій полковникъ Вейнротеръ, потому что хорошо зналъ мѣстность; австрійцы своими искусными распоряженіями уже заморили голодомъ русское войско въ Моравіи: лучше ли будетъ въ Венгріи? И главное: хотѣли ли австрійцы отступленія, продленія войны? Они этого не хотѣли; они были утомлены войною во всѣхъ отношеніяхъ, и такъ или иначе желали ея окончанія; выдерживать Австрія не умѣла, не привыкла, народной войны боялась: въ 1797 году въ подобномъ же положеніи австрійскій министръ Коллоредо произнесъ знаменитыя слова: «Побѣдоносному врагу зажму я ротъ одною провинціею, но народъ вооружить—значитъ тронъ низвергнуть». Австрійцы желали рѣшительнаго сраженія и надѣялись на его успѣхъ: дѣйствія русскихъ войскъ при Дюрренштейнѣ и Шёнграбенѣ служили основаніемъ этой надеждѣ. Но теперь легко представить положеніе императора Александра, русскаго главнокомандующаго и всѣхъ русскихъ: австрійцы желаютъ сраженія; русскіе, пришедшіе къ нимъ на помощь, русскіе, знаменитые своею храбростію, вдругъ станутъ уклоняться отъ битвы, требовать отступленія, обнаружатъ трусость предъ Наполеономъ! Всякій долженъ чувствовать, что въ такомъ положеніи ничего подобнаго нельзя было требовать отъ Александра и окружавшихъ его, нельзя было требовать отъ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія, колебанія, и здѣсь, въ этомъ положеніи предъ австрійцами, желающими сраженія, основаніе того воинственнаго задора, за который такъ щедро теперь упрекаютъ императора Александра и его приближенныхъ; всякій долженъ чувствовать, что Кутузовъ также не могъ настаивать на уклоненіи отъ сраженія, на отступленіи, ибо видѣлъ, что на устахъ каждаго русскаго готовый отвѣтъ: «да, вѣдь, это позоръ для насъ; и войско упадетъ духомъ, если заставить его отступать». Наконецъ, надобно прибавить и сильную физическую причину, заставлявшую спѣшить сраженіемъ: голодъ. Есть извѣстіе, что солдаты по два дня не ѣли; что на обѣдѣ у императора одинъ жареный гусь подавался на 20 человѣкъ.

Но писателямъ исторій непремѣнно надобно было найти одного какого-нибудь человѣка и сложить на него вину Аустер-

лица. Подъ руку попался имъ генералъ-адъютантъ императора Александра, князь Петръ Петровичъ Долгорукій, который передъ сраженіемъ былъ отправленъ къ Наполеону для переговоровъ. Князь Долгорукій обвиненъ въ томъ, что держалъ себя гордо передъ Наполеономъ, раздражалъ его, отнялъ всякую возможность къ дальнѣйшимъ переговорамъ. Но для Наполеона были горды, раздражали его и Колычевъ и Марковъ, его могли не раздражать только люди, пресмыкавшіеся предъ нимъ, уступавшіе всѣмъ его требованіямъ, доступные обаянію его звонкихъ, пестрыхъ рѣчей. Князь Долгорукій не позволилъ себѣ ничего болѣе, кромѣ предложенія условій, измѣнять которыя не имѣлъ никакого права. Разговоръ его съ Наполеономъ для насъ важенъ потому, что въ немъ обнаружилось все различіе во взглядѣ между соперниками. Наполеонъ не могъ, или не хотѣлъ понять, чтобъ русскій государь могъ вести войну за независимость державъ, за возстановленіе политическаго равновѣсія въ Европѣ, нарушеннаго захватами Франціи; не хотѣлъ допустить, чтобъ русскій государь владѣлъ тою широтою взгляда, по которой онъ долженъ былъ предупреждать опасность, какою восточной Европѣ, Россіи, грозило образованіе имперіи Карла Великаго на западѣ Европы. Наполеонъ привыкъ имѣть дѣло съ державами, для которыхъ первый и послѣдній вопросъ былъ: «Чтò мнѣ тутъ взять? чтò мнѣ за это дадутъ?» Онъ предполагалъ то же самое и въ побужденіяхъ Александра. — «Зачѣмъ мы ведемъ войну; какія существуютъ могущественныя причины, заставляющія Францію и Россію драться другъ съ другомъ? Я этого не понимаю». Вотъ слова, которыми Наполеонъ встрѣтилъ Долгорукаго. — «Цѣлый свѣтъ знаетъ эти причины, ихъ повторять не нужно»—отвѣчалъ Долгорукій.

Наполеонъ. Нѣтъ ничего легче, какъ возстановить согласіе между мною и императоромъ Александромъ: хочетъ онъ Валахіи?—стóитъ ему только объ этомъ вымолвить слово, и дѣло будетъ улажено.

Долгорукій. У императора Александра достаточно земель, и онъ намѣренъ охранять цѣлость Порты; у него другія цѣли: возстановленіе равновѣсія въ Европѣ, независимость Голландіи и Швейцаріи.

Наполеонъ. Развѣ эти страны не независимы? У меня нѣтъ ни одного солдата въ Швейцаріи; впрочемъ, все это можно уладить.

Долгорукій. Возстановленіе короля сардинскаго...

Наполеонъ. Король сардинскій—мой личный врагъ; я не могу

терпѣть его въ Италіи; впрочемъ, можно согласиться вознаградить его гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.

Долгорукій. Однако ваше величество обѣщали это въ заключенномъ съ Россіею договорѣ?

Наполеонъ. Но подъ какимъ условіемъ это было обѣщано? Чтобъ императоръ Александръ помогъ мнѣ ограничить морское владычество англичанъ; Россія не сдержала своего слова, и я свободенъ отъ своего... Итакъ, мы будемъ драться.

Наполеонъ долго хвалился аустерлицкимъ солнцемъ; оно сіяло ему — до самаго московскаго зарева. Для Александра съ Аустерлица начинается рядъ тяжкихъ испытаній въ продолженіи почти семи лѣтъ.

С. Соловьевъ.

НѢМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

ПОСЛѢ

ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

Die neuen Serapionsbrüder. Roman in drei Bänden, von Karl Gutzkow. Breslau, 1877.

V.

Когда все затихло въ домѣ Вольни, самъ хозяинъ, измученный событіями дня, бросился на постель, но долго не могъ сомкнуть глазъ отъ нервнаго возбужденія.

Свѣтало. Легкое забытье охватило, наконецъ, утомленнаго Вольни. Онъ не видѣлъ лучей зари, врывавшихся въ комнату, не слышалъ просыпающейся дневной работы на фабрикѣ. Въ домѣ уже все оживало.

Кассиръ постучался въ дверь Вольни. Было уже половина десятаго.

Вольни отперъ дверь.

— Поразительно!—прошепталъ сѣдовласый старикъ.—Элердтъ пришелъ на фабрику, какъ ни въ чемъ не бывало!

— А что́ же такое было?—спросилъ Вольни, вѣрный разъ принятому рѣшенію.

Кассиръ вытаращилъ глаза на своего принципала.

— Связка ключей съ отмычкой не принадлежала вѣдь къ нашему домашнему инвентарю!—проговорилъ онъ въ то время, какъ Вольни одѣвался.—Богу одному извѣстно, до чего собственно добирались воры!

— Воры? — перебилъ принципалъ. — Развѣ я не говорилъ вчера, что потерялъ ключъ и самъ просилъ отпереть конторку отмычкой? Покорнѣйше прошу не высказывать сомнѣній въ правдивости моихъ словъ! Никакого слѣдствія о вчерашнихъ событіяхъ не предполагается... ради спокойствія моей жены... даже на счетъ этихъ глупыхъ хлопушекъ...

— Взрывчатыхъ патроновъ, — поправилъ кассиръ.

Вольни насильственно засмѣялся.

— Какое преувеличеніе! — сказалъ онъ. — Хлопушки нашумѣли и надымили — вотъ и все. Многимъ даже нравится запахъ пороху.

Кассиръ ушелъ, качая головой. Вольни заперъ дверь и докончилъ свой туалетъ.

Онъ на-скоро позавтракалъ. Марта мимоходомъ замѣтила ему:

— Я отдала ключъ фрейлейнъ Дорѣ! — Послѣ этого она крѣпко пожала руку Вольни и исчезла. Она была въ зимней шляпѣ и въ шотландскомъ клѣтчатомъ плащѣ. «Ужъ не оставляетъ ли она совсѣмъ нашъ домъ?» спросилъ себя смущенный хозяинъ и пошелъ на половину жены. Но едва онъ успѣлъ войти въ комнату, рядомъ со спальной жены, гдѣ послѣ вчерашнихъ вечернихъ событій все уже было подметено и прибрано, какъ ему навстрѣчу появился страшный призракъ совсѣмъ умирающей жены.

— Габріэль! — закричалъ онъ. — Что́ ты дѣлаешь? Зачѣмъ ты встала съ постели?

Несчастная покачала своей, нѣкогда прекрасной, а теперь совсѣмъ обезображенной головой. Старшая ея сестра, Дора, вела ее подъ руку. Тихо опустилась она на кушетку, покрышка которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ прогорѣла, и на эту-то тэму и направила разговоръ тетушка Дора. Старая дѣва была внѣ себя отъ негодованія. Ретивая читательница романовъ, она принадлежала къ числу тѣхъ натуръ, которыя допускаютъ все необыкновенное, эксцентричное, волнующее лишь въ книгахъ, а не въ обыденной жизни. Это свойство тётушки Доры, вѣчно ворчавшей и все порицавшей въ домѣ, между тѣмъ какъ самые дикіе вымыслы въ романахъ казались ей необыкновенно привлекательными, Вольни характеризовалъ библейскимъ изреченіемъ: здѣсь ихъ пугаютъ мошки, а тамъ они глотаютъ слоновъ!

— Милый другъ, — начала совѣтница, — вчерашнимъ вечеромъ, благодаря своей находчивости, ты съумѣлъ замаскировать передъ свѣтомъ наши крайне натянутыя отношенія! Я благодарю тебя за твою доброту, хотя ты и щадилъ при этомъ совсѣмъ не

моего сына и его злостнаго совѣтчика, барона Форбека, но жертву их злыхъ умысловъ, молодого—языкъ ея отказывался произнести имя Марты...—Элердта,—съ трудомъ, наконецъ, вымолвили ея блѣдныя губы.

— Оставь все это!—перебилъ Вольни.—Я вѣдь послалъ тебѣ ключъ! Осмотри сама все, что ты найдешь въ конторкѣ. Я тебя прошу объ этомъ! Ты хочешь, слышалъ я, ѣхать въ Италію. Намъ могутъ пригодиться для этого путешествія маршрутъ и записки, составленныя мною, когда я былъ еще студентомъ!..

— Намъ пригодиться?—перебила его больная.—Нѣтъ, нѣтъ, я поѣду одна, но я хочу, чтобы ты, милый Вольни, былъ счастливъ безъ меня!..

— Счастливъ? Какъ такъ?—спросилъ Вольни, предчувствуя, что рѣчь опять зайдетъ о разводѣ.

— Я уѣду въ Италію, если только силы мнѣ позволятъ, и, вѣроятно, найду себѣ могилу въ Ментонѣ или въ Санъ-Ремо! Разводъ развяжетъ тебѣ руки! Марта будетъ твоей. Надо только, къ сожалѣнію, подбирать низкіе, неприличные мотивы для развода!

— Значитъ, сынъ дѣйствовалъ отъ твоего имени?—вскричалъ Вольни.—Фрейлейнъ Дора, а вы тутъ какую роль играете? Тоже совѣтуете разводъ? Или это одинъ Гарри устроиваетъ? Разводъ! Развѣ я тебѣ мѣшалъ измѣнить завѣщаніе твоего мужа и написать свое собственное? Вѣдь всѣ старанія Гарри только къ этому и направлены!

— Не говори со мной объ этомъ! — закричала совѣтница, кусая губы какъ-бы отъ нестерпимой боли. — Я тебѣ толкую про Италію и свое здоровье, а не про Гарри...

Тетушка Дора усѣлась въ сторонкѣ, раздвинула немного оконныя занавѣсы, затемнявшія комнату, и вынула изъ кармана романъ, взятый ею изъ библіотеки для чтенія. Затѣмъ вздохнула, проговоривъ:

— Да, да, у князя Кауница тоже были свои заботы!

Взволнованной четѣ былъ хорошо знакомъ этотъ способъ старой чудачки отдѣлываться отъ домашнихъ дрязгъ.

— Видишь ли, любезный Вольни, вѣдь для развода требуются мотивы, — продолжала совѣтница едва слышнымъ голосомъ.—Теперь на этотъ счетъ очень строги!

— Гдѣ ключъ?—вскричалъ Вольни съ сердцемъ.—Фрейлейнъ Дора! Мы пріищемъ мотивы! Твой сынъ дѣйствовалъ, значитъ, отъ твоего имени? Мотивы для развода...

Вольни бросился къ конторкѣ. Замокъ былъ неповрежденъ,— такъ ловко дѣйствовалъ вчера Элердтъ.

— Сегодня рано утромъ, — начала больная, — я призвала Марту и просила ее объявить мнѣ по совѣсти и какъ передъ Богомъ: любитъ ли она тебя?

Вольни вышелъ изъ себя при этомъ сообщеніи. Теперь ему стало понятно торопливое прощаніе Марты. Она совсѣмъ уѣхала изъ дому.

— Я просто ногъ подъ собой не чувствую!—кричалъ онъ.— Врываться въ чужую душу и доискиваться тайны, которая, быть можетъ, не ясна еще самой душѣ! Тайны, въ которой она не признавалась еще ни лунѣ, ни звѣздамъ! Это преступленіе противъ природы! Бо́льшее преступленіе, нежели то, что́ ты совершила, по мнѣнію твоей сестры, выйдя замужъ за человѣка, который моложе тебя!..

Сестра читала вслухъ: «кардиналъ Мигацци объявилъ на это императрицѣ...»

Она, очевидно, хотѣла возстановить миръ и согласіе.

Но больная ее не слушала. Она горько замѣтила:

— Марта лучше владѣетъ собою, нежели ты! Насмѣшливое молчаніе, притворное удивленіе, и сострадательное пожиманіе плечами—вотъ ея дипломатическій отвѣтъ!

Вольни не смутился отъ этой насмѣшки.

— Мнѣ пора на работу!—вскричалъ онъ гнѣвно.—Ящикъ отпертъ. Я припряталъ отъ твоего сына одно только завѣщаніе. Если ты желаешь его измѣнить, я покоряюсь твоей волѣ. Призови нотаріуса и свидѣтелей!

Съ этимъ онъ бросился вонъ изъ комнаты и жена осталась одна, плача и крича ему вслѣдъ:—Господи! Отто, Отто! Да послушай же...

Онъ не слышалъ этого, ни того, какъ она кричала:

— Если бы ты зналъ, какъ я тебя люблю! Ты мой Богъ, ты мое все!

Сестра закрыла книгу и хотѣла уйти.

— Не оставляй меня,—приказала больная своей маленькой, полугорбатой сестрѣ. Темные глаза той засверкали, она угрюмо подошла къ конторкѣ, вынула желѣзную шкатулку и сказала:

— Ну, такъ, по крайней мѣрѣ, развлечемся доказательствами его невинности! Я, съ своей стороны, охотно читаю подобные мемуары, какъ тебѣ извѣстно! Къ сожалѣнію, это рукописное!

И обѣ женщины удалились въ сосѣднюю комнату, захвативъ

съ собою темный, лакированный ящичекъ, съ китайскими рисунками и надписью «Lettres».

Въ домѣ царствовала суматоха. Фрейлейнъ Марта уѣзжала. У подъѣзда стояла наёмная карета и происходила бѣготня внизъ и вверхъ по лѣстницамъ. Старикъ кассиръ пришелъ съ вытянутымъ лицомъ. Раймундъ внезапно сбѣжалъ съ работы, вообразивъ, что его непремѣнно арестуютъ. Это давало новую пищу вчерашнимъ сплетнямъ.

Марта вернулась въ наёмной каретѣ. Она еще разъ простилась съ Вольни уже въ шляпкѣ и въ пальто, но съ женой его и тётушкой Дорой не захотѣла прощаться.

— Я прощусь съ ними письменно. Меня оскорбили! Но я не хочу объ этомъ говорить!—объявила она Вольни.

— Куда вы думаете отправиться?—спросилъ этотъ послѣдній, стараясь придать твердость своему голосу.

— Во-первыхъ, въ хорошую гостинницу! Кучеръ знаетъ такую. Быть можетъ, я переселюсь къ брату и постараюсь пріобрѣсти на него вліяніе—чтó совсѣмъ не невозможно; къ сожалѣнію, только для этого мнѣ нужно увѣрять его, что въ немъ есть задатки для того, чтобы быть величайшимъ человѣкомъ нашего вѣка. Стóитъ только мнѣ назвать его геніальнымъ, и я могу тогда обернуть его вокругъ пальца.

— Вы были бы недалеко отъ истины!—замѣтилъ Вольни задумчиво.—Онъ очень даровитый человѣкъ.

Марта уѣхала. Всѣ домочадцы провожали ее до кареты. Каждый думалъ, что этотъ внезапный отъѣздъ находится въ связи съ вчерашней исторіей съ патронами и взломомъ конторки. Въ домѣ наступила тишина на нѣсколько часовъ. Всѣ ходили на цыпочкахъ. Совѣтницѣ стало опять хуже и она слегла въ постель. Чтеніе писемъ она предоставила сестрѣ, которая сообщала ей то, чтó находила интереснымъ.

— Кто бы это подумалъ!—вдругъ замѣтила она, пересматривая одну старую пачку писемъ.

— Что такое?—съ любопытствомъ спросила больная, но вдругъ приподнялась на кровати.—Я слышу стукъ экипажа,—лихорадочно пролепетала она...—вдругъ это Гарри... нотаріусъ... свидѣтели... пасторъ...

— Чего же ты боишься? развѣ ты не имѣешь полнаго права выгнать Гарри за дверь?

— Онъ пріѣдетъ съ своимъ зятемъ, съ нотаріусомъ и съ сердитымъ Луціусомъ. Я должна составить завѣщаніе и написать бумагу о разводѣ... разводѣ по любви...

Больная привстала съ кровати точно привидѣніе.

— Ты ошибаешься. Я ничего не слышу.

— Я слышу стукъ колесъ... Позови Марту...

— Марта уѣхала! она оставила нашъ домъ!

— Какъ громко звонятъ колокола!

— Все тихо!..

Тутъ больная, чувствовавшая уже приближеніе смерти, оглянулась и пришла въ себя:

— Марта уѣхала?

— Разумѣется!—отвѣчала сестра.

— Я хочу надзирать за нею,—вдругъ закричала больная...—змѣя ускользнула отъ меня... Вороти ее назадъ!

Все это было проговорено лихорадочнымъ тономъ.

Дора встала и своими слабыми руками пыталась удержать сестру въ постелѣ. Она дала ей опіуму.

Мало-по-малу больная впала въ забытье и бредъ.

— Благодарность! благодарность!—лепетала она.—Какъ? неужели только благодарность! Отто клялся и божился мнѣ, что любитъ меня! Зачѣмъ я заболѣла! Я бы ему вѣчно казалась молодой!...

— Ну, ну, ну!—замѣтила Дора не столько отъ безсердечія, сколько потому, что знала по опыту, что сестра любитъ, чтобы съ ней обращались какъ-бы съ здоровой, спорили съ ней и даже поддразнивали ее.—Терпѣть не могу похоронныхъ лицъ,—говаривала она обыкновенно.

Однако сегодня она огрызнулась:

— Ну что жъ, береди мои раны! Ты никогда не могла мнѣ простить, что я вышла замужъ! Всѣ совѣты, которыми надѣляютъ женщины одна другую, имѣютъ въ своемъ основаніи одну только зависть!

— Я лучше опять примусь за свой романъ,—отвѣтила сердито сестра.

Но тутъ дѣйствительно послышался стукъ колесъ. Тетушка Дора поспѣшно вышла изъ комнаты. Больная замѣтила наконецъ, что она одна въ комнатѣ. Она приподнялась на кровати, услышала чьи-то голоса, новый стукъ подъѣзжающей кареты,—и позвонила. Она способна была бы, если бы къ ней пріѣхала графиня Трейенфельсъ напримѣръ, подняться съ постели, завернуться въ дорогую шаль, подколоть волосы бриллiантовой булавкой и принять графиню, которую многіе величали «свѣтлостью», въ холодномъ салонѣ.

Дора вернулась.

— Говорила ты вчера съ Гарри о завѣщаніи?—спросила она.

— Ни единаго слова!—отвѣчала больная съ дрожащей челюстью.

— Гарри пріѣхалъ съ совѣтникомъ юстиціи Луціусомъ... и съ двумя свидѣтелями... одинъ изъ нихъ пасторъ Зигфридъ, а другой—г. Дитерици... ты согласилась вчера, говоритъ онъ, написать бумагу о разводѣ и завѣщаніе...

— Господи! Господи!—закричала совѣтница.—Гдѣ... Вольни?.. я думала только въ томъ случаѣ... если бы Марта открыто созналась...

— На что̀ тебѣ теперь Вольни?—перебила сестра.

— Мой мужъ! мой милый мужъ!—кричала нерѣшительная, вѣчно колеблющаяся то въ ту, то въ другую сторону женщина, которая одного только не выносила—напоминовенія о смерти.

— Вольни уѣхалъ!—отвѣтила Дора.

— Вслѣдъ за Мартой!—подхватилъ Гарри, появляясь изъ сосѣдней комнаты.

— Негодный! Онъ повторяетъ то, что̀ писалъ въ своихъ анонимныхъ письмахъ...

Говоря эти слова, совѣтница пыталась встать и идти въ сосѣднюю комнату.

— Я извинюсь передъ этими господами! Скажи имъ это сама!... Въ другой разъ!...

— Какъ же это сдѣлать?—отвѣчала тетушка Дора сердито, изъ боязни Гарри.

— Пасторъ Зигфридъ... г. Дитерици?...—лепетала больная.— Она любила ихъ слушать. Но только въ церкви и вечеромъ, за чайнымъ столомъ. Референдарій Дитерици очень ей нравился. Онъ говорилъ съ ней о новыхъ лирическихъ поэтахъ, которыхъ она никогда не читала. Но принять этихъ господъ въ настоящую минуту... толковать съ этимъ грубымъ Луціусомъ... и о завѣщаніи!... Слышать, какъ бросаютъ три горсти земли на вашу собственную могилу!... Нѣтъ, этого она не въ силахъ!—Прогони ихъ всѣхъ прочь! Я больна! Я заплачу имъ за ихъ безпокойство.

Дора исполнила, наконецъ, волю больной и удалилась.

Экипажи уѣхали. Въ сосѣдней комнатѣ воцарилась тишина. Больная, шатаясь, побрела туда, но увидѣла тамъ Гарри, который съ нахальствомъ мѣднаго лба, добродѣтели новѣйшаго времени, просто-на-просто спрятался отъ Доры. Въ растрепанномъ костюмѣ, съ пьяными глазами подошелъ онъ къ испуганной матери и съ бѣшенствомъ обратился къ ней:

— Ну, мамаша, ты неподражаема! Вчера еще говорила мнѣ:—дай доказательства!

Но мать перебила его; шатаясь, притащила отпертую шкатулку изъ сосѣдней комнаты. Письма попадали изъ нея.

— Гдѣ же доказательства? Несчастный, болтунъ, интриганъ,— запутался въ своихъ собственныхъ сѣтяхъ!...

— Мамаша,—пролепеталъ Гарри,—мы не одни!

И дѣйствительно, дверь отворилась и вошелъ Вольни, поторопившійся сегодня покончить съ дѣлами.

— Вольни,—обратилась къ нему больная почти въ изступленіи,—ты сердишься на меня! и ты правъ! Ахъ! всѣ мы, жалкіе люди, игрушки нашего собственнаго безумія! А ты, глупый идіотъ,— обратилась она къ Гарри,—жертва собственной глупости! Все, чтó ты хотѣлъ выкрасть, касается твоихъ собственныхъ дѣяній. Жалобы твоихъ учителей, наставниковъ, угрозы полицейскихъ властей принять мѣры противъ твоихъ безобразій, и чтó всего лучше...

Тутъ тетушка Дора, вернувшаяся тѣмъ временемъ въ комнату, вмѣшалась въ дѣло и залилась насмѣшливымъ хохотомъ.

— Разскажи ему сама! — замѣтила выбившаяся изъ силъ сестра, опускаясь на диванъ.

— О,—протянула иронически Дора. — Я охотнѣе читаю эти вещи напечатанными!

И съ этими словами захихикала.

— Твоя жена разсчитывала на мою смерть,—продолжала мать напрямки.—А теперь она не знаетъ, кого ей выбрать себѣ въ любовники, барона Кона или барона Форбека.

Гарри гнѣвно дернулъ себя за остатокъ волосъ.

— Нѣтъ! нѣтъ!—поправила Дора.—Это уже случилось позже. Вначалѣ она только находила Гарри Робе невыносимымъ. Какъ бишь она о немъ выражается? Его длинный, гадкій носъ, его вѣчно немытыя руки...

Бѣшенство Гарри усиливалось.

Вольни пытался успокоить его. Онъ боялся какой-нибудь отчаянной выходки. Потихоньку собралъ онъ письма и хотѣлъ уложить ихъ обратно въ шкатулку, чему однако Гарри хотѣлъ, повидимому, помѣшать.

— Ни одна строчка не попадетъ въ твои руки,—загремѣлъ вдругъ на него Вольни, и отбросилъ его отъ себя. — Я хотѣлъ только показать тебѣ и твоей матери, каковы мои тайны.

— Позднѣе, будучи уже женой Робе, несравненная Женни внезапно постигла нравственныя стороны спутника своей жизни,— продолжала тетушка Дора съ горькимъ юморомъ.—Женни забот-

ливо предупреждала своего вотчима объ опасностяхъ, ему угрожающихъ и назначала ему свиданія... для того, чтобы поговорить о дѣлахъ... Хи! хи! хи!

Какъ тигръ набросился Гарри на шкатулку и хотѣлъ схватить ее. Но Вольни схватилъ его обѣими руками и оттолкнулъ. То было повтореніе сценъ изъ его юности, когда Вольни приходилось обуздывать своенравнаго мальчишку, который доходилъ до того, что билъ свою мать.

Тетушка Дора теперь не боялась больше Гарри.

— Третья группа интересныхъ писемъ—это анонимныя письма. Каракули Женни признать не трудно, а также и орѳографическія ошибки Гарри...

Ярость Гарри не знала больше предѣловъ.

— Скоро ли окончится эта комедія?—заоралъ онъ во все горло.—Я вѣдь знаю,—обратился онъ къ матери,—что ты никогда меня не любила! Никогда не заступалась ты за меня! Ты только любила, чтобы я расхваливалъ твои наряды...

Мать вздрогнула, точно ее ножомъ ударили. То, что̀ онъ говорилъ, было слишкомъ вѣрно.

— Кто находилъ прекраснымъ твои размалёванныя щеки,—продолжалъ сынъ съ ехидной злостью,—кто восхищался твоей таліей, которую затягивали въ корсетъ три горничныя...

Дора и Вольни онѣмѣли отъ негодованія.

—...Тотъ могъ играть тобой, какъ мячикомъ, продолжалъ Гарри.

Онъ собирался, какъ Францъ Мооръ, убить мать страхомъ...

— Такой человѣкъ казался тебѣ разумнымъ и чувствительнымъ человѣкомъ, хотя бы за полчаса передъ тѣмъ ты считала его осломъ. Ты была при этомъ всегда ханжей, потому я и пригласилъ сюда твоего любезнаго попа! Онъ долженъ былъ освѣщать факеломъ тебѣ путь въ могилу, гдѣ тебя ждутъ фуріи... Вотъ будетъ настоящій шабашъ вѣдьмъ, когда ты...

Тутъ Вольни схватилъ негодяя за воротъ и собирался вышвырнуть за дверь, но, взглянувъ на жену, остолбенѣлъ. Она лежала какъ мертвая. И не могла больше встать. Губы ея были раскрыты, глаза остановились...

— Убійца! убійца!—заохала ея сестра.

Съ крикомъ: денегъ! денегъ! денегъ! давай денегъ, ты, наслѣдникъ! а не то я подожгу твою фабрику съ четырехъ угловъ!—бѣсноватый былъ, наконецъ, вытащенъ вонъ изъ комнаты и дверь заперта на ключъ.

Когда негодяй былъ удаленъ, позвали прислугу, чтобы перенести совѣтницу на кровать. Призванъ былъ докторъ. Вольни

вышелъ, заперевъ предварительно шкатулку съ письмами, замѣтивъ тетушкѣ Дорѣ:

— Слѣдуетъ всегда держаться на-сторожѣ относительно людей съ худой памятью, въ особенности когда они намъ обязаны чѣмъ-нибудь, и потому не слѣдуетъ рвать ихъ писемъ!

Вечеромъ Оттомаръ хотѣлъ навѣстить своего друга. Но его нельзя было видѣть. Ему объявили, что совѣтница умираетъ.

. . . .

Зима стояла суровая и ненастная. Собранія Серапіоновыхъ братьевъ по понедѣльникамъ бывали многолюдны. Но Альтингъ цѣлую зиму не показывался по понедѣльникамъ. Его поглощала не только работа (онъ трудился надъ монументомъ для Габріэли Вольни, которая умерла четыре мѣсяца тому назадъ), но и сильная болѣзнь дочери Елены. Незадолго до Рождества у милой дѣвушки обнаружилась нервная горячка, такъ называемый тифъ. Сырой воздухъ большого парка, волненіе, тревога, внушаемая воззрѣніями брата на жизнь, казавшимися ей легкомысленными, женитьба графа, который осмѣлился даже заговорить съ ней о своей любви, на что она съумѣла только притвориться, будто не разслышала его словъ—все соединилось, чтобы привести ее на край гроба. Братъ, отецъ, мать чередовались у ея постели. Такъ-называемой діакониссы, Альтингъ не хотѣлъ допустить въ домъ. Онъ не терпѣлъ монашескаго платья, даже ради благородныхъ цѣлей. И вотъ въ это время Марта Элердтъ была для нихъ настоящимъ ангеломъ-хранителемъ! Преданная душа приняла на себя весь уходъ за больной, которая долгіе дни лежала безъ сознанія и въ бреду; она придвинула свою кровать къ постели больной и всѣ ночи просиживала надъ ней, позволяя себѣ лишь небольшой отдыхъ днемъ, чтобы самой не заболѣть. Въ этотъ періодъ мучительнаго волненія, когда самому отцу приходилось побѣждать себя и допускать въ домъ образъ графа Удо Трейенфельса не только въ грезахъ и фантазіяхъ больной, но и въ дѣйствительности, причемъ графъ очень настойчиво, съ неподдѣльнымъ горемъ, выслушивалъ худыя извѣстія и съ нескрываемой радостью добрыя вѣсти о дорогой больной.—Свадьба его съ Адой фонъ-Форбекъ тѣмъ не менѣе состоялась. Торжество отпраздновано было съ большой пышностью въ графскомъ дворцѣ, и затѣмъ молодые немедленно уѣхали на югъ и въ настоящее время находились въ Ниццѣ. Они намѣревались по возвращеніи, послѣ краткаго пребыванія въ столицѣ, уѣхать въ имѣніе графа, Гохлинденъ, гдѣ уже находилась графиня, а съ ней вмѣстѣ и генеральша фонъ-Форбекъ.

На собраніяхъ Серапіоновыхъ братьевъ въ послѣднее время часто упоминалось имя особы, приводившей въ смущеніе стараго Альтинга. У него завязалась непріятная переписка съ Эдвиной Марлофъ. Когда въ одинъ прекрасный день между нимъ и сыномъ произошло объясненіе, вызванное сплетнями его пунктирера, то скульпторъ, не подозрѣвавшій, что въ немъ сидитъ порядочный-таки тиранъ, объявилъ Блаумейселю, чтобы тотъ сказалъ своей Мишелинѣ, что если Жозефа не откажется отъ мѣста въ Палисадной улицѣ, то онъ, профессоръ, вынужденъ будетъ разстаться съ Блаумейселемъ. Послѣ этого профессоръ получилъ письмо отъ Эдвины, котораго не могъ скрыть отъ домочадцевъ. Мать и Елена прочитали его. Жозефа поступила на другое мѣсто, и Плюмике, любившій ее безкорыстно, какъ рыцарь Тоггенбургъ, хотя и находилъ нужнымъ время отъ времени подкрѣплять свою любовь парой золотыхъ серегъ, очень гордился этой побѣдой. Эдвина, которая, повидимому, разбогатѣла, писала профессору, что намѣрена перемѣнить образъ жизни, и заставить умолкнуть всѣ злые языки! Проклятіе тѣмъ, которые злоупотребляютъ своей силой надъ невинными! Быть можетъ, тó была цитата изъ какой-нибудь драмы, — потому что Эдвина аккуратно появлялась въ первомъ ряду тѣхъ театровъ, на которыхъ давались серьёзныя пьесы. Это и было причиной, почему вниманіе посѣтителей Серапіонова клуба было привлечено ею. Но всѣ эти разговоры были непріятны старику Альтингу: восхваленія красоты Эдвины, туалетовъ «этой женщины», толки объ ея высокомъ покровителѣ, о негодяѣ мужѣ, продавшемъ ее — все это были такія тэмы, которыя заставляли его немедленно уходить изъ клуба.

Тѣмъ временемъ Эдвина получила отъ графа Трейенфельса 30,000 талеровъ и зажила по-новому. Она нашла себѣ дуэнью, которая ее всюду сопровождала. Совѣтникъ-юстиціи Луціусъ, этотъ странный, непонятный человѣкъ, отсчиталъ Эдвинѣ 30,000. Онъ былъ съ давнихъ поръ довѣреннымъ лицомъ графовъ Трейенфельсъ. Эдвина, знавшая людей вдоль и поперекъ, немедленно рѣшила, что этотъ, хотя и грубый по виду, человѣкъ, — воплощенная скромность, ходячее чувство долга, несмотря на болтовню его домочадцевъ. Жены любятъ разыгрывать роль домашнихъ мученицъ! Эдвина сдѣлала визитъ юстицъ-совѣтницѣ. Эта дама, какъ уже извѣстно, страдала болѣзнью большихъ городовъ, которая не нашла еще своего Мольера: страстью заводить знакомства. На той свадьбѣ, которая описывается въ евангеліи, не было столько гостей, сколько умѣла наприглашать ихъ совѣтница

Луціусъ: зимою на балы, лѣтомъ на пикники, на разныя parties de plaisir. У Саши и Церлины часто вырывалось неодобрительное: ахъ! мамаша! когда она только-что представленнаго ей человѣка забрасывала градомъ вопросовъ, неизмѣнно кончавшихся приглашеніемъ пожаловать на чашку чаю. Отецъ замѣчалъ иногда съ свойственной ему ироніей: — она вѣдь дочь издателя, а потому привыкла набирать подписчиковъ! Глаза совѣтницы въ театрѣ, въ зоологическомъ саду вѣчно тревожно озирались кругомъ. Охотники не гонятся такъ за дичью, собаки такъ не выслѣживаютъ ея, какъ гонялась совѣтница за новыми знакомыми. Дочери, въ сущности, были такія же, но только онѣ съ бо̀льшимъ тактомъ скрывали свою страсть знакомиться. — Ты когда-нибудь Картуша сдѣлаешь другомъ дома или какого-нибудь Абеллино заманишь на свои вечера, — говаривалъ несчастный совѣтникъ, но покорялся женѣ, и замашки этой послѣдней встрѣтили сочувствіе у поэта Дитерици, прозваннаго Теодорихомъ, который многозначительно объявилъ своимъ сослуживцамъ: — у нашей совѣтницы развитъ въ высшей степени культъ личности, присущій Фарнгагенской школѣ! Она въ принципѣ вторая Рахель, абсолютный ловецъ людей!—Совѣтницѣ передали эти слова, и съ тѣхъ поръ Дитерици пользовался ея особымъ благоволеніемъ.

Послѣ посѣщенія Эдвины Марлофъ, совѣтница объявила, что всѣ городскія сплетни объ этомъ прелестномъ созданіи — одна гнусная ложь и что Эдвина — ангелъ. Она немедленно пригласила къ себѣ на вечеръ прелестную, «богатѣйшую» дѣвушку, которая пріѣзжала къ ней въ богатомъ экипажѣ, въ роскошномъ черномъ шолковомъ платьѣ, отдѣланномъ перьями, держа въ рукѣ роскошный платокъ, обшитый кружевами и портфель для визитныхъ карточекъ, изъ перламутра съ драгоцѣнными каменьями; Саша съ Церлиной нашли эту «иностранку» восхитительной и нисколько не завидовали ей, а тѣмъ менѣе скандализировались ея исторіей! Впрочемъ, Эдвина опускала глаза и разыгрывала невинную шестнадцатилѣтнюю дѣвочку. Пять или шесть человѣкъ уже просили у ней ея фотографической карточки, а Дитерици уже успѣлъ мысленно придумать цѣлый циклъ сонетовъ на нее. Совѣтнику юстиціи Луціусу извѣстенъ былъ смыслъ таинственнаго превращенія «фрау» Марлофъ въ «фрейлейнъ» Марлофъ, но онъ никому не говорилъ объ этомъ. Жена его хлопотала найти дуэнью. И съ какой энергіей,—Боже! Небу становилось жарко! Фрау Луціусъ нашла, наконецъ, дуэнью, единственную въ своемъ родѣ, настоящій перлъ, который она выудила когда-то въ Швейцаріи.

Она писала Эдвинѣ: «Я только-что получила письмо изъ Новой-Помераніи, отъ одной старой пріятельницы, которая до сихъ поръ завѣдывала хозяйствомъ одного польскаго каноника. Теперь каноникъ умеръ, и я откровенно говорю вамъ: статская совѣтница Бренинке осталась одинока въ цѣломъ мірѣ и безпомощна. У поляка не было состоянія, а пенсія, оставшаяся послѣ статскаго совѣтника, нелѣпо мала. Какъ бы то ни было, статская совѣтница Бренинке прочитала ваше объявленіе и написала мнѣ»....

— Ахъ! мамаша, вмѣшалась Саша, читавшая записку матери, по мѣрѣ того, какъ та ее писала,—ты не видѣла этой дамы уже цѣлыхъ десять лѣтъ.

Церлина замѣтила:—Развѣ такія мѣняются!

Но мать видѣла передъ собой даму изъ Новой-Помераніи въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она нѣкогда предстала передъ ея глазами въ Швейцаріи. Кругомъ горы, высокія ели, колокольчики коровъ, божественный Интерлакенъ... все это...

— Ахъ! дѣти!—вскричала энергическая женщина:—ну, что вы тутъ пристаете ко мнѣ съ вашими глупостями! Она должна взять Бренинке! Это особа изъ хорошаго общества, умная, образованная! Вы сами удивитесь и похвалите меня!...

Эдвина получила наконецъ записку и надъ многимъ въ ней посмѣялась,—что не помѣшало ангелу изъ Палисадной улицы немедленно прикатить къ совѣтницѣ и выразить ей свою благодарность съ опущенными, прекрасными, черными рѣсницами.

Интерлакенская знакомая появилась и заняла мѣсто дуэньи при Эдвинѣ. Время, повидимому, не коснулось этой дамы, хотя, впрочемъ, уже совѣтница Луціусъ въ періодъ знакомства своего съ совѣтницей Бренинке затруднилась бы опредѣлить ея годы. Но это не мѣшало ей быть несноснѣйшей особой въ мірѣ, благодаря своимъ непомѣрнымъ претензіямъ. Она явилась изъ Новой Помераніи, но привезла съ собой такую самоувѣренность, какъ будто бы она выросла и воспиталась разомъ въ трехъ столицахъ: Вѣнѣ, Лондонѣ и Парижѣ. Ничто ее не удивляло въ нашей столицѣ, ничто ей не импонировало. Она обо всемъ высказывала свое сужденіе съ непогрѣшимостью папы, и Эдвина колко замѣтила ей на первыхъ же порахъ, какъ только у нихъ вышло разногласіе по найму квартиры, покупкѣ и разстановкѣ мебели, цвѣта обоевъ и гардинъ:

— Вы, кажется, воображаете, что исчерпали всю земную мудрость съ вашимъ покойнымъ совѣтникомъ. Вамъ бы слѣдовало искать себѣ мѣсто оберъ-гофмейстерины при дворѣ!

Фрау Бренинке вытаращила глаза на Эдвину. Но глаза послѣдней могли при случаѣ дѣйствовать не хуже Медузиныхъ.

— Я объявляю вамъ разъ навсегда,—продолжала она твердымъ голосомъ и поблѣднѣвъ, какъ полотно,—что предоставляю вамъ полную свободу разсуждать и декламировать, но не потерплю ни малѣйшаго противорѣчія относительно своего образа дѣйствій, иначе мы немедленно разстанемся! Это было равнозначуще тому впечатлѣнію, какое производитъ въ оперѣ звукъ *tam—tam*'а. Послѣ того дѣйствіе обыкновенно принимаетъ иное направленіе.

Тетушка Бренинке умолкла. Вѣдь ей предоставляли свободу разсуждать и декламировать! Послѣднее входило въ ея утонченное, эстетическое образованіе. Голова ея была набита всякаго рода романсами и балладами, которыми она, какъ кажется, усыпляла обыкновенно польскаго каноника, нѣсколько говорившаго по-нѣмецки. Въ убранство квартиры, поглощавшее кучу денегъ, и въ которомъ помогала старая женщина, жившая на заднемъ дворѣ, по имени фрау Мюллеръ, совѣтница больше не вмѣшивалась. Но она скоро подмѣтила слабыя стороны въ характерѣ Эдвины, между прочимъ ея непомѣрное тщеславіе, и это помогло ей ладить съ послѣдней. Благодаря ея маніи къ эпической и всяческой другой поэзіи, «салонъ» Эдвины Марлофъ скоро наполнился посѣтителями и черезъ нѣсколько недѣль въ немъ появился даже князь... да! настоящій князь, если не лежалъ, то сидѣлъ у ногъ Эдвины... все случилось какъ по писаному! Спекуляція повидимому блистательно удалось.

Совѣтница Бренинке была непризнанной Сафо, второй Ристори, Циглеръ—всѣми вмѣстѣ. Она приглашала поэтовъ и композиторовъ, устраивала вечера, звала на Оссіана, Тегнера, Ингемана и другихъ поэтовъ, съ которыми она носилась; сопровождала свою питомицу въ театръ, гдѣ ее удовлетворяла одна трагедія. Она раскланивалась въ театрѣ направо и налѣво. Со всѣми была она повидимому знакома. Все, что̀ причастно было литературѣ, искусству, стремилось проникнуть въ салонъ Эдвины, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ почти ежедневно сталъ появляться князь Циска фонъ-Рауденъ.

Этотъ кульминаціонный пунктъ въ жизни Эдвины наступилъ не съ-разу. Сначала побѣды ея были не такія крупныя. Длинноволосые музыканты будущаго, съ ихъ гармоническими новинками, Дитерици съ изданнымъ имъ уже томомъ лирическихъ стихотвореній—появились первыми въ салонѣ статской совѣтницы Бренинке, которая передѣлала свое имя на Бренна. Эдвина намѣренно

играла въ этомъ салонѣ второстепенную роль. Но когда она появлялась въ немъ, то въ бѣломъ, то въ розовомъ платьѣ съ открытой шеей и обнаженными руками, то всѣ взоры съ восхищеніемъ устремлялись на нее. Она хорошо играла на фортепьяно, пѣла, рисовала. Въ театрѣ всѣ бинокли устремлялись на нее.

Князь Рауденъ увѣнчалъ собою систему, опасности которой мало-по-малу сказывались. Банковые билеты таяли, какъ снѣгъ. Статская совѣтница выслѣдила князя, музыкальнаго дилеттанта, въ вѣчной погонѣ за либретто для оперы. Его прозвали «князь Нарцисъ», потому что онъ былъ очень тщеславный и совершенно углубленный въ себя человѣкъ. Онъ былъ родственникъ графини Трейенфельсъ. Въ то время какъ всѣ остальные Раудены служили въ военной службѣ, князь Эгмонтъ Циска фонъ-Рауденъ, прослуживъ короткое время подъ знаменами третьестепеннаго государства, поступилъ въ свиту одного высокопоставленнаго лица, что позволяло ему носить весьма красивый гусарскій мундиръ, расшитый золотомъ и серебромъ, но не давало никакого хода впередъ.

Страстью его была музыка, а мечта состояла въ томъ, чтобы сдѣлаться знаменитымъ композиторомъ. Какъ «олень за свѣжей водой», такъ и большинство мало-образованныхъ композиторовъ нашего времени гоняются за либретто. Неугомонное желаніе уподобиться Рихарду Вагнеру привело его въ ту поэтическую сферу, гдѣ царила фрау Бренннке и раздавались при лунномъ свѣтѣ жалобные тоны эоловой арфы. Преслѣдуемый насмѣшками великихъ міра сего, князь искалъ поддержки въ низшихъ. Одинъ изъ принцевъ крови, какъ утверждали, надѣлилъ его прозвищемъ «Нарциса», составивъ его изъ словъ «Narr» и «Ziska»; другіе же увѣряли, что это имя составлено изъ музыкальнаго тона «Cis» и «Narr». Какъ бы то ни было, но болѣе женственнаго существа, чѣмъ этотъ человѣкъ, трудно было бы встрѣтить подъ гусарскимъ ментикомъ. Музыка совсѣмъ разслабила его, какъ она должна, по мнѣнію древнихъ, разслабить цѣлый народъ, если ею заниматься такъ, какъ недавно въ Байрейтѣ.

Князь Рауденъ жилъ въ великолѣпномъ дворцѣ. Тамъ онъ по цѣлымъ днямъ вздыхалъ и стоналъ за роялемъ надъ какимъ-нибудь поднесеннымъ ему манускриптомъ или избранной имъ самимъ книгой. Одинъ контрапунктистъ, бѣднякъ, который, къ сожалѣнію, только до четырехъ часовъ пополудни могъ противиться неудержимо увлекавшей его затѣмъ силѣ алкоголя—назовемъ его хоть Мейеръ—придавалъ правильную форму этимъ

дряннымъ обрывкамъ мелодическихъ фразъ, этой, скажемъ по-просту, музыкальной чепухѣ.

Князь, стройный, завитый и расчесанный, всегда со звѣздой на фракѣ, появлялся каждый вечеръ въ салонѣ госпожи Бреннике. Благодаря этому высокопоставленному дилеттанту, статскую совѣтницу такъ ласкали и такъ искали ея знакомства. Но... съ князя Нарциса взятки были гладки! Онъ воспѣвалъ Эдвину въ томныхъ романсахъ, присылалъ букеты изъ своихъ оранжерей, началъ пріѣзжать уже съ самаго послѣобѣда, но все, что́ онъ ни дѣлалъ, было отмѣчено непроходимымъ эгоизмомъ. Эдвина желала непремѣнно сдѣлаться княгиней Рауденъ. Она нисколько не любила этого человѣка, но она была незаконной дочерью графа, и хотѣла выгодно пристроить себя и увѣнчать славной побѣдой свою смѣлую спекуляцію.

Какъ ловко умѣла она появляться въ прекраснѣйшихъ туалетахъ изъ зимняго сада и каждому изъ гостей, которыми былъ биткомъ набитъ салонъ, сказать что-нибудь пріятное, точно настоящая княгиня! Уже другіе поклонники начинали какъ будто превращаться въ жениховъ, но ихъ стѣсняли ежедневныя посѣщенія князя.

— Мнѣ бы хотѣлось убить его!—закричала въ одно прекрасное утро Эдвина, когда онъ снова прислалъ ей въ рукописи одну изъ своихъ музыкальныхъ Rêverie.—Что́ онъ хочетъ этимъ сказать? Неужели только пользоваться салономъ, который мнѣ такъ дорого сто́итъ, съ тѣмъ, чтобы знакомить съ собой публику, вербовать себѣ поклонниковъ, клакёровъ? Да! онъ слишкомъ труслив, слишкомъ скупъ, чтобы самому открыть салонъ для всѣхъ тѣхъ, кто въ этомъ городѣ интересуется музыкой и поэзіей! И вотъ, онъ эксплуатируетъ насъ, заставляетъ Бреннике представлять ему всякихъ знаменитостей и воображаетъ, что оставилъ неизгладимое впечатлѣніе, за которое уплатилъ цвѣтами и нотами!...

А тридцать тысячъ талеровъ, полученныхъ отъ графа, таяли и таяли...

VI.

Вольни остался единственнымъ наслѣдникомъ своей жены. Онъ задумалъ какъ можно скорѣе продать свою фабрику акціонерному обществу. Совершенно безсознательно, не подозрѣвая въ чемъ дѣло, онъ столкнулся съ такъ-называемыми «предпринимателями», которые въ ту эпоху такъ невинно выступали на поле дѣятельности. Ему хотѣлось путешествовать, чтобы отбыть

годъ траура. Онъ хотѣлъ посѣтить Англію, Америку, и сдѣлалъ крупную глупость—предоставилъ все коммиссіонерамъ. Смерть коммерціи-совѣтницы и рѣшеніе Вольни какъ можно скорѣе продать фабрику вызвали къ жизни акціонерное общество «машиннаго производства». Когда Вольни находился уже въ Бельгіи, въ директоры правленія этого общества поступили Максъ фонъ-Форбекъ, Гарри Робе и баронъ Конъ фонъ-Конгеймъ. Техническимъ директоромъ, который на фабричныхъ лошадяхъ и въ изящнѣйшемъ фаэтонѣ ѣздилъ по городу, былъ Раймундъ Элердтъ, занимавшій теперь нижній этажъ дома Вольни. Въ верхнемъ этажѣ обиталъ первый директоръ правленія, отставной ассессоръ Гарри Робе. Сынъ опять поселился въ отцовскомъ домѣ! Акціи общества съ самаго начала стояли 101.

Удивительное настало время. Выгодныя предпріятія росли, какъ грибы: желѣзодѣлательные заводы, заведенія извощичьихъ экипажей, фабрики выдѣлки кожъ, фабрики хлыстовъ и бичей и всякихъ другихъ «цѣнныхъ» предметовъ. Въ клубѣ Серапіоновыхъ братьевъ Ашеръ Ашерсонъ, биржевой психологъ, замѣтилъ: «съ неба падаетъ манна и народъ питается небеснымъ хлѣбомъ, отъ котораго, боюсь, впослѣдствіи у него заболитъ животъ или онъ получитъ хроническое разстройство желудка!»

Всѣ превратились въ сыновъ Израиля. Всѣ начали поклоняться золотому тельцу. Всѣ повѣрили, что изъ «ничего» можетъ создаваться народное богатство. И какія тогда всплывали высокія задачи! Всѣ заговорили о покровительствѣ нѣмецкому мореходству, объ очищеніи гаваней, учрежденіи маяковъ на бушующемъ морѣ. Но, увы! покупка и перепродажа желѣзныхъ дорогъ и городскихъ кварталовъ, участіе въ мошенническихъ продѣлкахъ приносятъ больше денегъ, нежели всѣ эти долгія исторіи съ народнымъ благосостояніемъ и національными цѣлями, которыя сулили «предприниматели». Исторія уже осудила ихъ! Явнымъ представителемъ фабрики былъ баронъ Мейеръ Конъ фонъ-Конгеймъ, банкиръ, хвалившійся, что всѣ сильные міра сего сидятъ у него въ карманѣ. Всѣмъ, по его словамъ, онъ помогалъ выпутываться изъ денежныхъ затрудненій. Всѣ принимали его съ распростертыми объятіями, когда онъ являлся къ нимъ утромъ съ визитомъ, въ тотъ часъ, когда они совершали свой туалетъ. Конъ держался того правила, что великихъ міра сего слѣдуетъ ловить въ тѣ минуты, когда они ближе всего къ природѣ. На биржѣ правило его подвергалось самымъ циническимъ комментаріямъ, но Конъ ими не стѣснялся. Въ клубѣ Серапіоновыхъ братьевъ учители Ведде и Горнунгъ замѣчали: «онъ правъ». Юлій

Цезарь,—который былъ, какъ извѣстно, плѣшивъ, и очень объ этомъ сокрушался,—безъ сомнѣнія, не принялъ бы его въ тѣ часы, когда онъ уже облекался въ консульскую тогу; но если бы о немъ доложили въ то время, когда Цезарь совершалъ свой туалетъ, да еще вдобавокъ съ извѣстіемъ, что онъ придумалъ то средство, какое, какъ извѣстно, изобрѣлъ самъ Цезарь, т.-е. парикъ, то онъ былъ бы принятъ... мало того, Конъ получилъ бы титулъ барона.

Вольни взялъ предложенную ему сумму за фабрику, но отклонилъ всѣ предложенія о техническомъ управленіи съ блистательнымъ содержаніемъ. Онъ получилъ всю сумму сполна, но не мало удивился, когда уже въ Голландіи увидѣлъ, что пріобрѣлъ порядочный барышъ тѣмъ, что взялъ капиталъ акціями. Продавъ акціи, онъ больше не слѣдилъ за этимъ дѣломъ, но отъ бывшаго своего старика-кассира Велиша узналъ, что этому послѣднему отказано, что производство затѣвается въ огромныхъ размѣрахъ, что Гарри Робе занялъ верхній этажъ дома своихъ родителей, въ качествѣ предсѣдателя правленія общества, что новый директоръ-техникъ, Раймундъ Элердтъ, живетъ въ нижнемъ этажѣ, рядомъ съ бывшими комнатами самого Вольни, которыя теперь обращены въ контору. Послѣ чувствительной сцены, въ которой экзальтированный Элердтъ доходилъ до того, что бросался даже на колѣни передъ сестрой, послѣдняя согласилась хозяйничать въ его новой квартирѣ. «Такимъ образомъ, все уладилось,—писалъ старикъ,—лишь бы только директоры вели дѣло умно, да заказы приливали въ контору».

Вначалѣ Элердтъ былъ сама любезность съ сестрой, когда та переселилась къ нему. Квартира была зá-ново меблирована и очень роскошно, чтó невольно наводило на мысль о долгахъ, сдѣланныхъ ради этого. Элердтъ занялъ немного комнатъ, но онѣ были отдѣланы съ безпримѣрнымъ изяществомъ. Мебель обита краснымъ сафьяномъ. Портьеры тяжелыя. Приспособленія для курильщиковъ соединяли обычаи Востока съ тѣми, которые, быть можетъ, царствовали на Явѣ и Суматрѣ. Тигровая кожа лежала передъ диваномъ, обитымъ сафьяномъ, на которомъ возлежалъ «титанъ», когда сестра приносила ему дымящійся мóкка. Съ согласія совѣта правленія, онъ ввелъ на фабрикѣ «прогрессивную ренту». Онъ долженъ же былъ хоть съ какой-нибудь стороны отдать дань своему прошлому. Скоропостижная смерть коммерціи-совѣтницы положила конецъ борьбѣ, затѣянной имъ съ Вольни, да рабочіе и безъ того, какъ и всякій честный нѣмецъ, враги всякаго руководителя и повелителя, призваннаго руководить и

повелѣвать не по рожденію,—распались на партіи, причемъ многіе были рады снова пріобрѣсти на свою сторону энергію Раймунда, его мощное слово, его «здоровенныя легкія», какъ выражался язвительный Маль́. И этотъ смертный былъ тоже реабилитированъ, благодаря неожиданному обороту дѣлъ. Этотъ джентльменъ щеголялъ теперь въ новомъ цилиндрѣ, высокихъ брыжжахъ, въ галстухѣ, заколотомъ стразовой булавкой и въ сюртукѣ новѣйшаго покроя, купленномъ въ магазинѣ готоваго платья. Мейеръ Конъ не только подарилъ ему три «акціи Робе», но и написалъ приказъ на бланкѣ, чтобы эти три акціи были немедленно реализированы въ кассѣ по текущему курсу. Но Мейеръ Конъ былъ удивительный знатокъ людей! Онъ не даромъ изучалъ слабости великихъ міра сего и являлся къ нимъ по утрамъ, когда они бывали еще въ дезабилье! Онъ не захотѣлъ, чтобы Маль́ съ перомъ въ рукѣ ратовалъ за его акціи, хотя бы даже въ самой мизернѣйшей народной газеткѣ. «Нѣтъ!—сказалъ онъ ему коротко и ясно,—ходите по виннымъ погребкамъ и кабакамъ! Вліяйте ловкой бесѣдой на простонародье, чтобы оно вкладывало свои капиталы въ наши акціи! Съумѣйте ловко похвалить ихъ, и бюргеръ, возвратившись домой, скажетъ: «жена, отопри-ка комодъ и вынь сто талеровъ изъ чулка: мы купимъ на нихъ акцій Робе!»

Когда Маль́ впервые появился въ своемъ новомъ видѣ передъ свѣтлые очи Раймунда Элердта, то выбралъ для этого ранній часъ утра. Теперь, когда его стараго друга, который составилъ такую блистательную карьеру, посѣщала толпа разныхъ лицъ, негоціантовъ, фабрикантовъ всякаго сорта и аферистовъ, онъ боялся, что его не примутъ, если онъ придетъ попозже. Раймундъ, котораго онъ засталъ за туалетомъ, вытаращилъ на него глаза съ удивленіемъ.

— Чт́о тебѣ нужно? чего ты шатаешься ко мнѣ? И на кого ты сталъ похожъ?

— Да!—отвѣчалъ Маль́, глядясь въ зеркало, передъ которымъ одѣвался Раймундъ:—я самъ вопрошаю себя: откуда мнѣ сіе?

— Но ты вѣдь знаешь, подъ какими условіями Конъ подарилъ тебѣ акціи?—продолжалъ Раймундъ, застегивая запонки у рубашки.—Я просилъ его объ этомъ! А толку изъ этого я пока не вижу никакого! да и не мудрено, если ты такъ франтишь!

— Акціи Робе упали на 7 процентовъ! Радуюсь, что продалъ свои раньше! Впрочемъ, я готовъ взять еще нѣсколько акцій по текущему курсу,—былъ отвѣтъ Маль́.

— Нашелъ дураковъ, чтобы даромъ кормить тебя,—замѣтилъ Раймундъ.—Вотъ уже цѣлыхъ полгода какъ ты живешь на нашъ счеть!

— Если бы прокуроръ настоялъ въ тотъ разъ на слѣдствіи на счетъ взрывчатыхъ патроновъ,—началъ со злостью Малó, но умолкъ, испуганный, потому что Раймундъ схватилъ его съ крикомъ:

— Молчи! Или... чего ты собственно отъ насъ хочешь?— продолжалъ онъ, сдерживая себя, и разложилъ передъ собой цѣлый ассортиментъ дорогихъ галстуховъ, изъ которыхъ ему предстояло выбрать одинъ. Малó вздрогнулъ.

— На мнѣ все бумажное, а на тебѣ шелкъ, да бархатъ, да тончайшая шерсть!

Завистливо и льстиво погладилъ онъ рукой платье Раймунда.

— Хоть бы ты подарилъ мнѣ вотъ это кашнэ! У меня такъ грудь слаба.

И закашлялся при этомъ.

— При твоей безпутной жизни ты скоро и совсѣмъ ноги протянешь,—замѣтилъ Раймундъ.

Онъ сердился на Малó за то, что тотъ злоупотреблялъ отпускаемыми ему средствами, да и вообще зналъ его за «каналью», которой и обозвалъ теперь сквозь зубы.

Онъ отказался дать ему позавтракать. Онъ не хочетъ, объявилъ онъ, безпокоить сестры изъ-за него. Но, такъ и быть, дастъ ему денегъ.

— Гляди въ окно и не смѣй на меня оглядываться,— скомандовалъ онъ.

Малó топнулъ ногой отъ злости при этомъ знакѣ недовѣрія.

— Ты не хочешь, чтобы я видѣлъ, что твоя касса пуста,— замѣтилъ онъ.

— Стой ко мнѣ спиной въ то время, пока я буду вынимать деньги,—внушительно подтвердилъ Раймундъ.

Можно было подумать, что находишься между разбойниками, которые дѣлятъ добычу.

Раймундъ, боявшійся какъ-бы Малó не подскочилъ неожиданно къ желѣзному, ввинченному въ полъ денежному шкапу, приготовился отразить его нападеніе; затѣмъ, вынувъ изъ шкапа свертокъ съ пятьюдесятью талерами, старательно заперъ шкапъ и подалъ деньги Малó, серьёзно внушая ему быть поэкономнѣе и поретивѣе охотиться за мелкими капиталистами. Чѣмъ усерднѣе онъ будетъ въ этомъ отношеніи, тѣмъ лучше.

— Къ чему это такой тяжелый свертокъ? Господи Боже мой,

я бы удовольствовался и бумажками,—сказалъ Мало, разсчитывая, не отопретъ ли Раймундъ шкапа вторично.

— Тяжесть будетъ напоминать тебѣ о стоимости денегъ, которыя даются тебѣ ни за что, ни про что,—отвѣтилъ выразительно Раймундъ.

— Творецъ небесный! ты, кажется, собираешься умножить Соломоновы изреченія!—язвительно засмѣялся Мало и собрался уходить.

Въ эту минуту Марта случайно прошла по двору. Мало вскрикнулъ съ жестомъ экстаза.

— Твоя сестра! Она все хорошѣетъ! пишетъ ей Вольни?

— Не суйся въ чужія дѣла!—замѣтилъ Раймундъ, и досталъ изъ шкапа пальто.

— Что, вы ладите другъ съ другомъ и съ тѣми, вонъ, господами на верху,—продолжалъ любопытствовать Мало, озираясь кругомъ, не лежитъ ли что плохо.

Но Раймундъ уже потерялъ терпѣніе. Онъ припомнилъ, что не даромъ славился силою своихъ мускуловъ, и безцеремонно выпроводилъ экс-рабочаго за дверь.

Мало однако не обидѣлся и весело удалился.

Случай свелъ Марту съ Эдвиной. Когда Марта еще не переѣхала къ брату, а Эдвина не пріобрѣла еще себѣ въ дуэньи поэтическую статскую совѣтницу Бренникe, Марта, прочитавъ объявленіе Эдвины въ газетахъ, что приглашается компаньонка, отправилась-было къ ней. Дѣло, конечно, не состоялось. Эдвина прямо заявила ей, что она слишкомъ хороша собой, и была бы для нея слишкомъ опасной соперницей. Да и сама Марта, узнавъ въ чемъ дѣло, не пожелала бы принять такое мѣсто. Но Марта понравилась Эдвинѣ и та просила ее быть съ ней знакомой. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, когда Раймундъ проходилъ по двору, ливрейный слуга подалъ Раймунду визитную карточку, тотъ взглянулъ на имя, стоявшее на карточкѣ, взглянулъ на изящную карету, изъ которой выглядывала очаровательная женская головка, и спросилъ: «Кому передать эту карточку?»

— Фрейлейнъ Элердтъ...

— Сейчасъ. Милости просимъ!

Онъ поспѣшно спрятался въ сѣняхъ, которые вели въ контору и оттуда наблюдалъ, какъ выходила изъ кареты молодая особа въ модномъ костюмѣ. Осанка была горделивая, поступь твердая.

«Вотъ особа, которая жила со мной когда-то подъ одной кровлей!—говорилъ онъ самому себѣ. — Гдѣ я иногда чуть не

стукался лбомъ на лѣстницѣ съ старымъ, сѣдымъ господиномъ! Но она, говорятъ теперь всѣ, дочь этого барина! Онъ оставилъ ей, говорятъ, милліоны! Говорятъ также, что она скоро станетъ княгиней Рауденъ! Князь Нарцисъ посвящаетъ ей всѣ свои романсы»...

Вотъ мысли, вертѣвшіяся въ головѣ Раймунда. Поглощенный ими, онъ забылъ послать визитную карточку сестрѣ.

— Вы меня не узнаете?—спросила Эдвина у появившейся, наконецъ, Марты, поправляя свои локоны; слуга взялъ шаль и вышелъ изъ комнаты.—Какъ вы мило здѣсь устроились! Но тѣсновато! И окнами во дворъ.

Только теперь Марта узнала ее и испугалась. Но она также, со времени своего перваго посѣщенія Эдвины, слышала многое, чтó смягчило первоначальное непріятное впечатлѣніе.

— Чѣмъ могу служить вамъ?—спросила она.

— Нѣтъ, я не могу повѣрить, чтобы вамъ здѣсь нравилось! — продолжала Эдвина, какъ-бы не разслышавъ вопроса Марты.—Какъ здѣсь на дворѣ черно отъ угля! А стукъ машинъ! Когда вы откроете окно, то въ комнату къ вамъ врывается дымъ! Вы послѣ того раза не навѣдывались больше ко мнѣ, да и сама я не дѣлала шагу, чтобы удержать васъ. Вы показались мнѣ въ то время слишкомъ хороши собой и слишкомъ строгихъ принциповъ! Съ тѣхъ поръ я перемѣнила мнѣніе о безуміи, а также и о добродѣтели... Какая у васъ хорошенькая брошка!—подхватила она,—голова Медузы! Вотъ была бы кстати для моей фрау Бренно, которая меня опекаетъ и безконечно мнѣ надоѣдаетъ! Я бы рада была отъ нея отдѣлаться!

И усаживаясь, прибавила:

— Не хотите ли переѣхать ко мнѣ и нѣсколько освѣжить мое существованіе.

— Вы предполагаете во мнѣ слишкомъ много силы воображенія,—отвѣчала Марта.

— Вы думаете, что мнѣ нужно каждый день что-нибудь разнообразное для развлеченія?—отвѣчала Эдвина и оглянулась.

Она слышала рядомъ шаги, хлопанье дверей.

— Вы очень ошибаетесь! Я цѣлые годы прожила въ уединеніи, вынося ложныя сужденія о самой себѣ, читала книги, занималась музыкой. Я, видите ли,—говорю вамъ по чистой совѣсти,—такого флегматическаго, мечтательнаго, покойнаго характера, что годилась бы въ жены хедиву или могла бы изображать заколдованную лилію въ какомъ-нибудь сказочномъ саду. Кофе и конфекты—моя единственная страсть! Нѣтъ! Я совсѣмъ

не развлеченія требую отъ васъ, а только поддержки для того, чтобы мужественно переносить житейскія невзгоды.

Такое признаніе изъ устъ блестящей молодой дѣвушки казалось просто пустой болтовней.

Марта замѣтила:

— У васъ ежедневно вечера и въ числѣ посѣтителей вашего салона находятся даже князья!

— Это-то и есть самое монотонное!—отвѣчала Эдвина.—Я нашла даму, которая спасаетъ мою репутацію. Но моя дуэнья питаетъ страсть къ котурнамъ. Князь Рауденъ могъ бы служить громоотводомъ, но его музыка мнѣ не нравится. Да я кто можетъ быть всегда расположенъ поддаваться тому или другому сердечному горю, воспѣваемому въ стихахъ или въ музыкѣ. Меня называютъ невѣстой князя... Но это сказки! Я замѣтила, что князь, который не очень молодъ, бывалъ тронутъ тогда только, когда ему говорили про критику его музыкальныхъ произведеній, которой онъ еще не прочиталъ. Вотъ когда кровь его начинаетъ кипѣть, а сердце биться! При этомъ князь весь погруженъ въ прошлыя времена, которыя я ненавижу. Порою онъ увлекается Сáфо. Этому я еще могу сочувствовать, потому что Сáфо была несчастна. Но романтика среднихъ вѣковъ, всѣ эти Нибелунги и Гибели боговъ—все это для меня слишкомъ возвышенно и я примиряюсь съ добрымъ княземъ только за чашкой кофе. Кромѣ античнаго искусства и романтики, у него есть еще страсть къ *рококо* и онъ передъ каждымъ саксонскимъ сервизомъ впадаетъ въ экстазъ, такъ что можно подумать, что онъ снова желалъ бы нарядить все общество въ пудренные парики съ косами и въ башмаки съ пряжками. Пожалуйста, пріѣзжайте ко мнѣ! Помогите мнѣ насмѣяться надъ міромъ и людьми! Серьёзно, неужели вы можете выносить здѣшній дымъ?

Отвѣту Марты помѣшало поспѣшное появленіе Раймунда, который съ дѣланнымъ равнодушіемъ и напускной дѣловитостью вошелъ въ комнату, какъ-бы не подозрѣвая о гостьѣ. Обворожительная улыбка Эдвины, ея мягкій, ласкающій взглядъ, ея вкрадчивый голосъ, мигомъ вскружили красивую, бѣлокурую, наскоро завитую голову Раймунда. Ему еще не приходилось сталкиваться съ такой женственной и обаятельной красотой. Онъ словно приросъ къ мѣсту и забылъ, зачѣмъ собственно вошелъ въ комнату.

— Я хочу похитить вашу сестру!—промолвила Эдвина, не дожидаясь представленія.—Она должна переѣхать ко мнѣ! Не въ

Палисадную улицу, гдѣ, какъ мнѣ разсказывали, мы съ вами вмѣстѣ жили.—У меня даже есть женихъ для вашей сестры!

Раймундъ слушалъ во всѣ уши, а Марта не могла не засмѣяться. Ее забавлялъ любезный юморъ Эдвины и растерянность брата.

— Но она не соглашается, — продолжала Эдвина. — Она боится, что князь Рауденъ въ нее влюбится! Добрякъ не опасенъ! но у насъ есть еще братъ фрейлейнъ Альтингъ! Затѣмъ ассессоръ Дитерици, веселый Жанъ Фоглеръ! Кромѣ того, всѣ художники съ проданными и непроданными картинами, и больше всего биржевиковъ. Все это является на поклонъ къ князю Раудену! Кстати о биржѣ. Вы, вѣроятно, дѣлаете блистательныя аферы?

Дѣло было какъ разъ наоборотъ. Но Раймундъ овладѣлъ, наконецъ, собою.

— Да! да!—отвѣчалъ онъ и показалъ заказы, приходившіе съ востока и запада, высыпалъ цѣлый рогъ изобилія писемъ, отвѣты на которые отвлекали его отъ его истиннаго призванія... соціальнаго движенія. Сестра трепетала, чтобы имъ не овладѣла ораторская горячка.

— Удивляюсь этой дѣятельности!—перебила его Эдвина кокетливо и сняла перчатку, причемъ обнаружилась бѣлая, какъ молоко, точно безкровная ручка, унизанная перстнями.

Раймунду хотѣлось схватить эту ручку и покрыть ее поцѣлуями. Марта видѣла, что̀ въ немъ происходило.

— Ловите счастіе!—продолжала Эдвина.—Ловите удачу! Мы, женщины, ненавидимъ всѣхъ неудачниковъ! Только богатство можетъ дать счастіе. Разсчитывать всякую копѣйку, думать о завтрашнемъ днѣ, фи, отъ этого появляются морщины на лбу! Но, что̀ это! Я начинаю говорить какъ моя дуэнья! Вамъ слѣдуетъ познакомиться съ этой замѣчательной дамой, г. Элердтъ! Навѣстите насъ и убѣдите свою сестру переѣхать къ намъ. Мы будемъ, какъ двѣ сестры.

Марта видѣла, что ея братъ попалъ въ сѣти. Онъ съ трудомъ перевелъ духъ, потому что дыханіе спиралось въ его груди.

Эдвина поглядѣла въ лорнетъ на одну изъ картинъ и захотѣла довершить побѣду надъ Раймундомъ, который и ей, какъ нѣкогда Адѣ, показался «интереснымъ».

— Я не препятствую Мартѣ!—проговорилъ Раймундъ, пристально слѣдя за каждымъ движеніемъ Эдвины.—Пусть узнаетъ свѣтъ!

У Марты, дѣйствительно, могли быть мотивы желать переѣ-

нить свое положеніе: братъ не могъ долго сдерживать грубыхъ выходокъ; однако, она объявила, что привыкла къ этому дому и къ здѣшней жизни, и испортила своимъ отказомъ хорошее расположеніе духа Эдвины. Конечно, та не выказала досады, и нашла утѣшеніе и поддержку въ нескрываемомъ обожаніи, съ какимъ глядѣлъ на нее братецъ. Директоръ фабрики—это былъ не совсѣмъ такой женихъ, о которомъ первоначально мечтала Эдвина, горько сознававшая весь паѳосъ своего существованія въ томъ отношеніи, что женщины порядочныя сторонились отъ нея...—Но бывали примѣры блистательной карьеры, сдѣланной какъ разъ такими людьми.

Эдвина вздохнула.

— Итакъ, я осуждена жить какъ Аріадна на Наксосѣ! Но вы знаете вѣдь, что Бахусъ явился, чтобы утѣшать покинутую? У меня былъ старикъ, другъ и учитель (она подразумѣвала графа Вильгельма), который проходилъ со мной миѳологію и, дойдя до этого мѣста, всегда съ усмѣшкой замѣчалъ: — въ переводѣ на прозаическій языкъ это означаетъ: Аріадна, съ тоски по вѣроломномъ любовникѣ, предалась пьянству! Ну, мы постараемся избѣжать этого.

Съ этими словами она встала. Всѣ трое смѣялись. Раймундъ отчасти со смущеніемъ, потому что реальное образованіе, которое онъ получилъ, не захватывало собою области миѳологіи; онъ не могъ щеголять латинскими или греческими цитатами, называлъ школы, гдѣ преподаютъ миѳологію, латынь и греческій языкъ «вертепами человѣческаго отупленія»... и съ другой стороны—выраженіе: «предалась пьянству»... затрогивало въ немъ слабую струнку.

Эдвина еще разъ оглядѣлась кругомъ.

— Какъ прекрасно умѣли древніе разнообразить и поэтизировать жизнь,—сказала она, мечтательно глядя на нѣкоторыя картины.—На всѣ явленія жизни у нихъ былъ свой богъ! На каждомъ шагу они натыкались на Олимпъ! Панъ сидѣлъ въ каждомъ кустѣ; въ кухнѣ, у кастрюль и горшковъ стояли Опима, Абунданція и всякія другія кухарки міра духовъ—все это мнѣ приходилось изучать. Теперь все голо и пустынно, все пошло и обыкновенно, и фантазія разыгрывается только, когда люди считаютъ деньги! Смѣлость, съ какой банкиры выговариваютъ громадныя суммы, полученныя или долженствующія получиться, по-истинѣ изумительна! Въ этомъ заключается новый романтизмъ, замѣтилъ недавно Дитерици... Вы его вѣдь знаете. Но, однако, какъ я за-

болталась. Итакъ, моя надежда, что вы укрѣпите меня въ религіи, лопнула, какъ мыльный пузырь?

— Моя сестра укрѣпитъ васъ въ религіи?—замѣтилъ Раймундъ?—Напрасно вы это думаете. У нея есть идеи сестры милосердія, но весь интересъ ея сосредоточенъ на медицинѣ! Она поѣдетъ въ Цюрихъ и тамъ сдѣлается докторомъ.

Марта съ упрекомъ взглянула на брата, и Эдвина поддержала ее.

— Не смѣйтесь надъ серьёзными вещами, г. Элердтъ,—сказала она, оправляя платье и натягивая перчатки на руки. — Намъ, женщинамъ, тоже необходимо запастись свѣдѣніями! Весна длится не вѣчно, а вселенная холодна и непріятна!

Послѣ внушительной паузы она снова заговорила:

— Итакъ, мои мечты разсѣяны. Но пріѣзжайте ко мнѣ сегодня вечеромъ въ восемь часовъ, г. Элердтъ, и привезите вашу сестру! Въ десять часовъ мы подаемъ пиво, но до того времени пьемъ чай! Пока князь остается съ нами, ему все мало гостей. Онъ пишетъ оперу и нуждается въ клакёрахъ!

И распрощалась со взглядомъ, какой она одна умѣла бросить и со словами:

— Я не хочу этимъ сказать, что человѣкъ съ вашимъ умомъ, г. Элердтъ, былъ бы предназначенъ на то, чтобы расчищать путь другому!

Марта дружески простилась съ Эдвиной. Раймундъ проводилъ прекрасное созданіе до кареты. Вмѣсто того, чтобы идти на фабрику, гдѣ отъ 12-ти ч. до 2-хъ бывалъ перерывъ въ работѣ (2 часа уже пробило), онъ бросился къ Мартѣ, которая встрѣтила его со смѣхомъ:

— Что? нашла коса на камень? Она совсѣмъ вскружила твою голову. Ты стоялъ какъ пень!...

Это его не разсердило. Онъ былъ просто внѣ себя. Онъ все забылъ. Забылъ, что его сферой была теорія теплоты, давленіе воздуха, торричеліева пустота. Онъ забылъ, что въ тригонометріи и стереометріи не знаетъ себѣ равнаго. Онъ забылъ всѣ свои неудовольствія на сестру.—Господи, Боже мой!—вскричалъ онъ, чтб за женщина!—И принялся бѣгать взадъ и впередъ по комнатѣ. — Это просто съ ума сойти можно! Я жилъ съ нею въ одномъ домѣ! Старая прачка, жившая на заднемъ дворѣ того же дома, считалась ея бабушкой! Отцомъ ея считался землемѣръ, но на дѣлѣ отцомъ у нея былъ графъ и какой-то архіепископъ, или венгерскій...

— Сторонись отъ нея,—подсмѣивалась Марта.—Она очень учена! Миѳологія не твоя спеціальность!

— Неужто ты воображаешь, что я ничего не знаю про Аріадну?...—перебилъ Раймундъ сестру.—Ну, да что говорить! Ты и твоя добродѣтельная Елена... вы настоящія ворбны! Скучныя, глупыя вы куклы, засѣвшія по уши въ трясину добродѣтели и прозы! Боже милостивый! какая это, однако, прелесть истинно-поэтическая женщина! Она переселяетъ въ Испанію, хотя и не двигаешься съ мѣста. Апельсинные лѣса вѣютъ вокругъ нея! Иначе и быть не можетъ. Этотъ князь Рауденъ!—я застрѣлю его изъ пистолета на улицѣ! Вотъ настоящая жена для меня! Съ такой женой я завоюю міръ!

— Она, какъ говорятъ, очень богата!—ободряла его насмѣшливо Марта.

Раймундъ умолкъ. На него нашло раздумье. Онъ задумался о будущемъ, которое ему всегда улыбалось, но въ которомъ съ нѣкоторыхъ поръ начали появляться мрачныя тучи. Все тише и рѣже становились его возгласы:—Господи! что за женщина!... Только разъ онъ вскрикнулъ громко:—если бы она знала, какъ я умѣю любить!

При этомъ восклицаніи Марта выскользнула изъ комнаты. Она боялась, чтобы братецъ не вздумалъ показывать на ней, какъ онъ умѣетъ любить. Въ такомъ случаѣ онъ чуть не ломалъ ей костей. Она ушла поспѣшно въ кухню, чтобы позаботиться о запоздавшемъ обѣдѣ...

VII.

Дитерици навѣстилъ Альтинга и засталъ его погруженнымъ въ какія-то бумаги.

Но «изслѣдователь коренныхъ задачъ жизни» продѣлалъ первое засѣданіе благотворительнаго комитета у генеральши, и чувствовалъ потребность поговорить объ этомъ съ Оттомаромъ Альтингомъ. Послѣдній былъ въ числѣ немногихъ людей, дозволявшихъ ему высказывать свое мнѣніе въ закругленныхъ періодахъ. Терпѣливые люди, способные дослушать чужую рѣчь до конца, попадаются, какъ извѣстно, все рѣже и рѣже, а Дитерици очень любилъ начинать свою рѣчь съ сотворенія міра.

Онъ разсказалъ о томъ, что видѣлъ и что слышалъ на этомъ первомъ засѣданіи, которое долженствовало быть и послѣднимъ. Лѣтній сезонъ разгонялъ всѣхъ изъ города. Для медлительнаго

хода идей Дитерици разсказъ его былъ довольно живъ. Онъ усматривалъ запутанныя отношенія, но понималъ, что лекція о соціальныхъ наукахъ была бы теперь не у мѣста. Но ему нуженъ былъ переходъ къ главному предмету, съ которымъ онъ пришелъ, и онъ перескочилъ съ соціальнаго вопроса на свой любимый конёкъ: порицаніе убранства письменнаго стола Альтинга.

— Какой у васъ вѣчно безпорядокъ, любезный Альтингъ! Право, чисто Овидіевскій хаосъ! Вы опять когда-нибудь схватите чернильницу, вмѣсто песочницы, и зальете всѣ свои бумаги! И зачѣмъ это вы употребляете этотъ ящикъ... ужасно! старый сигарный ящикъ!... для сургуча и печати! И зачѣмъ, во всякомъ случаѣ, поставили вы его налѣво, а не направо! Движенія вашей правой руки входятъ въ область философіи безсознательнаго! Лѣвая рука не участвуетъ въ дѣяніяхъ правой.

— Подарите мнѣ ко дню моего рожденія хорошенькій палисандровый ящикъ съ инкрустаціями изъ слоновой кости!—спокойно отвѣчалъ Оттомаръ.

Дитерици громко засмѣялся. Онъ зналъ, что Альтингу слишкомъ хорошо извѣстно состояніе его финансовъ. Онъ разорился на изданіе своихъ стихотвореній.

Дитерици все еще не высказывалъ того, съ чѣмъ собственно пришелъ. Онъ снова вернулся къ засѣданію и принялся хвалить громадный выборъ новыхъ профессій, открывающихся для незамужнихъ женщинъ. Онъ собирался написать объ этомъ въ газетахъ.

— Жаль только,—возразилъ Оттомаръ,—что изъ 440 шляпныхъ мастерицъ уже, быть можетъ, завтра останется только 380! Профессіи, на первый взглядъ самыя прочныя, колеблются до такой степени, что общество рѣшительно не можетъ ничего установить на этотъ счетъ. Я убѣдился, что женскій вопросъ дошелъ до такого пункта, отъ котораго у насъ волосы становятся дыбомъ! Палліативныя мѣры больше не достигаютъ цѣли.

— Ради самого неба, что̀ вы хотите сказать...—Дитерици вытянулъ шею, какъ верблюдъ...—неужели исходъ въ мормонствѣ?

— Поглядите,—отвѣчалъ Оттомаръ съ лукавымъ юморомъ своему посѣтителю, который, по своему обыкновенію, уже началъ вертѣться передъ зеркаломъ, любуясь своимъ собственнымъ изображеніемъ и отыскивая симптомовъ хроническаго катарра желудка, или даже, чего добраго, туберкулознаго состоянія легкихъ,—поглядите хотя бы только на послѣдствія одноженства въ Америкѣ! Эти послѣдствія ужасны на мой взглядъ не для женщинъ, но для мужчинъ! Мужчины погибаютъ жертвами мотовства и тщеславія одной жены! Если бы у дамы была конкурренція въ

ея собственномъ домѣ, то она старалась бы нравиться только одному мужу!

Дитерици продолжалъ вертѣться передъ зеркаломъ. Многоженство смущало его. Онъ разсказалъ удивительную исторію про жену ихъ бывшаго принципала. Она должно быть пьетъ! Потому что не успѣлъ онъ усѣсться рядомъ съ ней въ каретѣ послѣ засѣданія, какъ она продѣлала такую сцену, которая до сихъ поръ представляется ему крайне загадочной. Она плакала въ каретѣ, ломала себѣ руки, превозносила своихъ дочерей, какъ самыхъ милѣйшихъ, добрѣйшихъ созданій въ мірѣ; увѣряла, что съ ними будетъ счастливъ каждый мужчина, причемъ я,— продолжалъ разсказчикъ, скромно оглядываясь,— разстроенный печалью маменьки о недостаткѣ поклонниковъ у ея дочерей и вспомнивъ про мое открытіе, что и мать и дочери страдаютъ Варнгагенскимъ культомъ личностей, заговорилъ о томъ, что... Саша вамъ очень нравится—Альтингъ.

— Чортъ бы васъ побралъ!—закричалъ Оттомаръ.—Это непростительная шутка.

— Боже мой! Я вѣдь это съ отчаянія. Дождь лилъ ливнемъ, и притомъ въ тѣсной каретѣ! Дамы поужинали у жены министра, какъ настоящіе мужчины! Генеральша фонъ-Форбекъ пила самыя крѣпкія вина! Юстицъ-совѣтница плакала! Она собиралась броситься ко мнѣ на шею! А вы вѣдь часто говорили, что Саша не такая несносная, какъ ея сестра Церлина...

— И поэтому...—загремѣлъ Оттомаръ, но поправился:—вы бы по крайней мѣрѣ приписали мнѣ любовь къ Церлинѣ! Ложь обнаружилась бы сама собой!

— Чтó мнѣ было дѣлать въ моемъ ужасномъ положеніи?—оправдывался Дитерици.—На дворѣ дождь лилъ какъ изъ ведра. Кучеръ мчалъ, какъ угорѣлый. А я былъ въ тончайшемъ фракѣ и въ легкомъ пальто. Я съ горя заговорилъ также о любви Фоглера къ Церлинѣ, чтобы только унять слезы моей барыни, упившейся шампанскимъ...

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ Оттомаръ,—скажите лучше: упившейся знатнымъ обществомъ! Она опьянѣла отъ превосходительныхъ особъ и отъ стремленія втереться въ высшее общество! Удивляюсь только, какъ это юстицъ-совѣтникъ, съ его разумомъ и остроуміемъ, терпитъ все это безобразіе въ своемъ домѣ!

— Я спорю противъ того, чтобы стремленіе втираться въ высшее общество было всеобщимъ! — замѣтилъ Дитерици твердо и рѣшительно:—и приведу сейчасъ вамъ доказательство этого. Короче

сказать, я разсыпался въ похвалахъ этому, вообще нестерпимому, Фоглеру и толковалъ просто, что онъ влюбленъ въ Церлину. Но ничто не помогало. Когда мы подъѣхали къ улицѣ, гдѣ они живутъ, а сѣтованія совѣтницы о судьбѣ ея дѣвочекъ все еще не унимались, я началъ съ отчаянія говорить о своей собственной холостой жизни, обусловливаемой лишь Шопенгауэровскимъ настроеніемъ, и признаваться, что многія изъ моихъ стихотвореній, печатаніе которыхъ меня разорило, относятся къ Сашѣ, и что при болѣе обезпеченныхъ средствахъ къ жизни...

— Несчастный!—перебилъ Оттомаръ,—она поймаетъ васъ на словѣ!

— Мы были уже почти у самаго дома. Maman, къ счастію, не могла хорошенько разобрать моихъ словъ, благодаря скверной мостовой! Неоднократно даже толчки бросали ее въ мои объятія. Вообразите мой ужасъ! Когда карета остановилась, когда я протянулъ руку, чтобы отворить дверцу, выдти изъ кареты, позвонить и приказать служанкѣ вынести дождевой зонтикъ, моя барыня вдругъ, словно полоумная, отказывается отъ всѣхъ моихъ услугъ и огорошиваетъ меня по-истинѣ оскорбительнымъ, послѣ моей діагнозы о Варнгагенскомъ культѣ, словомъ: — и вы также никогда меня не понимали! Точь-въ-точь какъ выразился нѣкогда Гегель о своемъ преемникѣ, профессорѣ Габлерѣ, котораго самъ же рекомендовалъ!

Оттомаръ разсмѣялся.

— Въ юстицъ-совѣтникѣ для меня много загадочнаго,— проговорилъ онъ,—но тутъ намъ не требуется Эдипъ! Барыня пришла въ сантиментальное настроеніе, а вы подвернулись подъ руку въ такой интимной обстановкѣ!

— Возможно ли!—забѣгалъ по комнатѣ маленькій Дитерици, закручивая свои усики.—Но кому это можетъ придти въ голову, когда передъ глазами носится божественный образъ Эдвины Марлофъ! Мои сонеты къ ней... да! вы правы!...

И чтобы оправиться, онъ спросилъ у Оттомара, почему онъ не посѣщаетъ салона г-жи Бренникe?

— А вы тамъ часто бываете?—спросилъ Оттомаръ въ свою очередь, закуривая сигару.

— Мнѣ слѣдуетъ избѣгать этого,—отвѣчалъ Дитерици съ глубокимъ вздохомъ.—Геніальное созданіе, Эдвина Марлофъ, настоящая Мелюзина, которая будитъ во мнѣ всѣ фантазіи поэтической, эксцентрической школы, а моя теперешняя карьера требуетъ простого здраваго смысла и добрыхъ нравовъ.

— Разсказывайте,—перебилъ Оттомаръ, которому требовался матеріалъ для писемъ къ графу.

— Какъ только рѣчь зашла о моихъ сонетахъ, вы тотчасъ переходите къ очередному порядку дѣлъ,—вскричалъ Дитерици съ досадой, и закашлялся.

Онъ былъ обидчивъ, какъ дѣвушка.

Дитерици ушелъ наконецъ и оставилъ Оттомара заниматься своимъ дѣломъ.

Въ послѣднее время Оттомаръ получилъ два письма, содержаніе которыхъ предвѣщало наступленіе мучительнаго и опаснаго кризиса въ его жизни.

Одно было отъ графа Трейенфельса. Во-первыхъ, въ немъ была изумительная для Оттомара новость, что старуха графиня-вдова, посѣщавшая въ послѣднее время очень часто мастерскую его отца, очень привязалась къ молодой дѣвушкѣ, и привязанность эта только усилилась вслѣдствіе болѣзни Елены. Теперь старая матрона находила, что молодая дѣвушка слишкомъ тихо поправляется и настоятельно требовала, чтобы она ѣхала вмѣстѣ съ ней въ ея имѣніе! И дѣйствительно, второе письмо, бывшее отъ отца Оттомара, говорило о долгой, тяжелой борьбѣ Елены съ этимъ предложеніемъ, объ обязательствахъ, которыя налагаются частію желаніемъ доброй превосходительной старухи, частію здоровьемъ Елены; и вотъ почему строгій отецъ согласился, а Елена рѣшилась, какъ смѣлая, сильная, стойкая, геройская дѣвушка, пренебрегая опасностью, отправиться въ имѣніе графа, съ тѣмъ лишь условіемъ, что Марта Элердтъ поѣдетъ вмѣстѣ съ нею. Что же касается самого Оттомара, то графъ настоятельно требовалъ, чтобы онъ тоже оторвался отъ своихъ занятій и отдохнулъ въ деревнѣ. Всего лучше было бы, писалъ графъ, если бы онъ проводилъ свою прелестную сестру и старую графиню. Что желанія Ады сходятся въ этомъ случаѣ съ его желаніями, объ этомъ безполезно и упоминать. Графъ умолялъ его провести нѣсколько недѣль въ зáмкѣ, охотиться, гулять, купаться, словомъ: отдыхать и наслаждаться всѣми лѣтними удовольствіями. Они всѣ вмѣстѣ заживутъ такой жизнью, какую воспѣвали провансальскіе поэты, какъ «преддверіе рая»:—«это выраженіе я подцѣпилъ у своей доброй тётки,—писалъ графъ Удо,—у этой добрѣйшей, вѣрующей женщины».

Оттомаръ, прочитавъ это письмо, произнесъ почти вслухъ:

— Елена любитъ графа и ѣдетъ въ его зáмокъ! а я, я опять попаду изъ огня да въ полымя! Отецъ пишетъ о самообладаніи, о притупленіи соблазна силою привычки! Пустяки, пустяки! го-

воритъ мнѣ внутренній голосъ. Нравственное дѣйствіе на Елену! Ха! ха! ха!—смѣялся скрытый въ немъ демонъ.—Привычка! деревенская простота! вліяніе старой графини! Все это—одна фантазія. Твердая воля всегда приводитъ къ цѣли, было издавна поговоркой всѣхъ слабыхъ женщинъ. «Графиня-вдова осыпала любезностями Елену», писалъ отецъ. И это была правда: въ качествѣ урожденной княгини, вдова нуждалась въ придворныхъ дамахъ. Супругъ ея, по особенному капризу, не желалъ допустить женскаго элемента въ свой домъ. Эдвина, которая могла привести многія изреченія своего «Сократа», имѣла бы случай упомянуть при этомъ объ одномъ изъ нихъ:—присутствіе посторонней женщины разрушаетъ интимность отношеній между мужемъ и женой, а если статсъ-дама хорошенькая...—то можно было бы докончить цитатой изъ другого источника: «избѣгай, пуще всего, случая согрѣшить!»

Передъ Оттомаромъ какъ-бы разверзалась пропасть. Онъ предвидѣлъ большое испытаніе. Сонъ бѣжалъ его глазъ и онъ вышелъ на улицу, чтобы освѣжиться.

Безсознательно добрелъ онъ до того локаля, остающагося отпертымъ до глубокой ночи, въ которомъ въ одну памятную ночь инженеръ Марлофъ передалъ ему свою потрясающую повѣсть. Локаль былъ отпертъ. Онъ вошелъ въ него. Пробилъ часъ. Въ немъ никого не было, кромѣ кельнеровъ и хозяина. Они сидѣли и дремали на стульяхъ. Газъ еще горѣлъ. И только одного посѣтителя открылъ онъ въ полутемной Серапіоновой залѣ. Онъ сидѣлъ въ углу, увитомъ плющомъ, который росъ въ большихъ кадкахъ, набитыхъ землей. Подперевъ голову рукой, механически держа стаканъ въ рукѣ, человѣкъ этотъ сидѣлъ неподвижно, уставивъ глаза въ столъ, и погруженный въ глубокую думу.

Оттомаръ отступилъ назадъ. Знакомый человѣкъ взглянулъ на него, но не поклонился.

— Прикажете подать карту, г-нъ Альтингъ?—спросилъ хозяинъ.—Быть можетъ, общество господина...

— Нѣтъ!—перебилъ поспѣшно Оттомаръ, и не далъ произнести ни титула, ни имени запоздалаго посѣтителя.—Я думалъ... встрѣтиться съ однимъ знакомымъ.

И съ этими словами Оттомаръ вышелъ вонъ, покачалъ головой отъ удивленія и направился домой, гдѣ скоро заснулъ.

Но запоздалый и одинокій посѣтитель продолжалъ сидѣть молча и неподвижно, подперевъ голову рукою. То былъ одинъ изъ «Серапіоновыхъ братьевъ», который днемъ всегда глядѣлъ прямо въ лицо солнцу. «Nec soli cedit»—девизъ его отечества,

былъ и его личнымъ девизомъ. А теперь онъ какъ-будто углубился въ «солнце ночи».

И дѣйствительно, въ то время, какъ онъ такъ сидѣлъ (снятыя очки лежали на столѣ), онъ какъ-будто перенесся въ тотъ темный міръ, міръ неоткрытыхъ истинъ, къ оборотной сторонѣ всѣхъ вещей, въ таинственную область мірскихъ и людскихъ цѣлей...

Ему представлялось, что «Серапіоновы братья» и жрецы Сераписа слились въ одно. Онъ видѣлъ необозримые покои съ высокими, величественными колоннами. Тысячи огоньковъ дрожали въ воздухѣ. Факелы держали, должно-быть, руки духовъ, потому что они переходили то туда, то сюда. Пѣніе оглашало воздухъ и прославляло брата Серапіона, который продалъ себя въ рабство, чтобы помочь ближнему, и затѣмъ прославляло тѣхъ, кто выкупилъ и освободилъ его. Ахъ! какъ сжималась грудь одинокаго посѣтителя при этихъ звукахъ!.. Какъ билось его сердце, когда онъ узрѣлъ передъ престоломъ вѣчной истины,—тамъ, гдѣ солнце, еще завѣшанное густымъ покровомъ, пропускаетъ лишь нѣсколько ослѣпительныхъ лучей,—ареопагъ судей мертвыхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ золотыми жезлами, вокругъ которыхъ обвивались маленькія змѣйки!..

По ступенькамъ, ведущимъ къ ихъ сѣдалищамъ, мечтатель видѣлъ, какъ взбирался мальчикъ, черноволосый, съ руками и лицомъ какъ-бы выпачканными сажей. Это былъ не негръ. Онъ былъ черенъ только вслѣдствіе своего ремесла, и вотъ туманное покрывало, окутывавшее солнце, разсѣялось, ночь дѣлалась все свѣтлѣе и свѣтлѣе, занялся день и онъ увидѣлъ... двухъ юныхъ друзей; одинъ со слезами на глазахъ рвалъ на себѣ волосы и съ отчаяніемъ валялся въ ногахъ своего друга...

Картины смѣняли одна другую!.. Старыя моды оживали!.. Простыя картины, висѣвшія въ то время на стѣнахъ, всплывали въ памяти: Наполеонъ, Блюхеръ, Москва, Греція!.. Большая контора съ двадцатью служащими, гдѣ одна клѣтка лѣпилась возлѣ другой, одна темнѣе другой, совсѣмъ въ глубинѣ задняго двора... Кто могъ бы прозрѣть здѣсь богатыхъ владѣльцевъ, Арнима и Вегенера, которые обитали затѣмъ вонъ тамъ въ паркѣ, давно уже возведенные въ дворянство, давно уже пропавшіе безъ вѣсти, истлѣвшіе... какъ и всѣ мы со временемъ!..

Мечтатель оглянулся вокругъ себя. Хозяинъ и кельнеръ не напоминали ему о томъ, что пора уходить. Посѣтитель былъ слишкомъ высокопоставленное лицо. Онъ возвращался съ раута, который давался министромъ юстиціи. Но такое позднее сидѣнье въ винномъ погребкѣ было у него не въ обычаѣ.

Картины продолжали носиться передъ его умственными очами. Легкомысленный молодой человѣкъ, воспользовавшійся минутной забывчивостью кассира, схватываетъ связку ключей и, посредствомъ маленькаго ключика, уноситъ три тысячи талеровъ въ билетахъ! Дѣло было вечеромъ. Легкомысленный воръ слышалъ кругомъ, какъ запирались конторки, двери, окна. То былъ канунъ праздника. Охъ, эта ужасная забывчивость кассира! На другое утро уже все обнаружилось!.. О связкѣ ключей кассиръ тотчасъ же хватился. Развѣ могъ этотъ сѣдовласый старецъ пройти десять шаговъ по улицѣ, не ощупавъ кармана своихъ панталонъ? Но такъ поздно суммы никогда не пересчитываются!.. Свѣчи — и всего-то ихъ было нѣсколько сальныхъ свѣчей: въ этой милліонной конторѣ онѣ составляли все освѣщеніе,—вскорѣ потушены. Кругомъ темно. Трехъ тысячъ талеровъ нѣтъ, какъ нѣтъ.

Уплатить долги есть чѣмъ! Но затѣмъ чтó?.. Бѣжать въ Америку?—или же дожидаться того, чтó будетъ?.. Призовутъ полицію. «Вы оставались послѣднимъ въ конторѣ, когда я забылъ связку ключей!» Чтò я на это отвѣчу? Боже мой! билеты становятся все тяжеле и тяжеле... они точно жернова и тащутъ меня въ воду!.. Жизни моей наступаетъ конецъ... помогите! помогите!..

И вотъ вдругъ, точно будто тѣ артисты, которымъ запродалъ себя Серапіонъ, заиграли на флейтахъ! О, тáкъ тихо, тáкъ мелодично, тáкъ кротко и любовно!.. Они даровали свободу своему рабу!.. Другъ, котораго онъ посѣтилъ въ ту же полночь, который перенесъ бурныя объятья несчастнаго, раскаянье, страхъ, ужасъ терзаемаго угрызеніями совѣсти, и придумалъ исходъ!.. Преступникъ былъ найденъ—мальчикъ, подмастерье слесаря, который въ тотъ день работалъ въ конторѣ. Настоящій преступникъ сохранилъ свою должность, измѣнилъ образъ жизни, перешелъ изъ торговаго міра въ ученый, занимался, превосходно сдалъ экзамены, поддерживаемый вѣрнымъ другомъ, который тѣмъ временемъ основалъ цвѣтущую фабрику, заслужилъ всеобщее уваженіе, но велъ съ тѣхъ поръ безрадостную жизнь.

Но вотъ снова появляются судьи мертвыхъ!.. Мальчикъ взбирается по ступенькамъ... «Веселая Мэри» назывался корабль, нагруженный углемъ, который отплывалъ на островъ св. Ѳомы. И мальчикъ уплылъ на немъ съ охотой и радостью, по причинамъ, хорошо извѣстнымъ мечтателю. Умный, изобрѣтательный другъ все отлично придумалъ!..

Мальчика скрываетъ теперь темнота ночи. Онъ едва освѣщенъ лучами, падающими изъ-подъ покрывала... Но онъ обвиняетъ меня!.. Здѣсь, въ груди моей, обвиненія его не умолкаютъ.

Въ эту минуту потухъ одинъ газовый рожокъ. Хозяинъ повернулъ кранъ.

Мечтатель опомнился, надѣлъ очки, взялъ пальто, шляпу и палку—и твердымъ голосомъ попрощался съ хозяиномъ.

Мечтатель направился въ знакомую намъ улицу и остановился у дверей квартиры юстицъ-совѣтника Луціуса.

VIII.

— Это обвиненіе однако черезъ-чуръ нелѣпо!—кричалъ въ одинъ изъ понедѣльниковъ придворный живописецъ Тризель, вернувшись съ укрѣпленными силами съ морского купанья.—Какъ, господа? Вы хотите увѣрить, что наше время стало бѣдно идеями? Такими идеями, которыя бы всѣ раздѣляли или оспаривали, про которыя бы писали, на которыя бы сочиняли стихи, рисовали картины, которыя бы воодушевляли людей? Развѣ не идея—единство дорогого отечества? Не идея—ограниченіе властолюбивой церкви?.. Господа! развѣ конечная германизація присоединенныхъ французскихъ земель не идея?

— А Нибелунги-то, переложенныя на музыку?—пародировали нѣкоторые голоса.

— А упраздненіе буквы *h* въ нѣмецкомъ языкѣ?—подхватили другіе.

Всеобщая веселость воцарилась въ Серапіоновомъ клубѣ.

— Я говорю про властительныя, міровыя идеи, живущія не въ одномъ какомъ-нибудь народѣ, но охватывающія весь міръ, всѣ умы! Назовите мнѣ хотя бы одну руководящую идею въ современномъ искусствѣ! Въ немъ нѣтъ такой идеи! Одна только правильность, скажемъ—техническое совершенство составляетъ руководящую идею современнаго искусства. Прекрасно! Очень хорошо для людей, получившихъ нѣкоторое образованіе; но для массы... это—трынъ-трава!—Развѣ не такъ, г-нъ Тризель?

Санитарный совѣтникъ, проговорившій эти слова, воспользовался сегодня установленнымъ въ клубѣ Серапіоновыхъ братьевъ правиломъ абсолютной отмѣны всякихъ титуловъ.

— Правильность, правильность! — волновался придворный живописецъ.—Эге! вы такъ развязно произносите это слово, господинъ Эльтестеръ или, пожалуй, monsieur Эльтестеръ... Для установленія этого понятія нашего времени работали тысячелѣтія!.. Объ этомъ писаны цѣлыя библіотеки! Правильности не знавали ни Рафаэль, ни Рубенсъ, ни Микель-Анжело, ни Донателло!

— Но вѣдь художники растутъ, какъ полевые цвѣты на лугахъ,—проговорилъ чей-то голосъ.—Они ни о чемъ не заботятся, ничему не учатся!

— Пустяки! чистое воображеніе!—закричалъ Тризель.—Не академія воспитываетъ ихъ, а внутреннее сознаніе. Академія заключается въ нѣдрахъ самого ремесла! Пиши, что̀ хочешь, малюй, что̀ вздумаешь,—въ правильности вся суть! Это чертовски-трудное дѣло, господа! Тожественность произведенія съ намѣреніемъ! Всѣ удивляются современной прелести красокъ, эффектамъ, комфортабельности зданія; мирятся съ скучнѣйшими картинами, какія когда-либо были нарисованы, картинами новѣйшей исторической мюнхенской школы, иллюстраціями масляными красками ко всеобщей исторіи Беккера; но техника ничему не мѣшаетъ. Она вооружена теперь всѣми пособіями знанія, историческими свѣдѣніями, сборниками костюмовъ, анатоміей. «Техника!»—волшебное слово нашего времени! Неаполитанскій лаззарони, срисованный съ натуры до того вѣрно, что готовъ протянуть ему кусокъ холстины, чтобы онъ прикрылся; готовъ отвернуться, когда...

— Понимаемъ!—завопилъ одинъ изъ посѣтителей.

— Возбуждаетъ, однако, удивленіе!..

Сегодня Тризель вступился за своихъ собратьевъ.

— Я не буду вдаваться въ подробности,—продолжалъ онъ.— Но возвращаюсь къ нашей тэмѣ, г. Эльтестеръ. Развѣ правильность сама по себѣ не идея? Я согласенъ, что она, быть можетъ, спокойная, трезвая идея. Понятіе, напоминающее тщательно одѣтую даму на модной картинкѣ. Ну-съ, господа, я началъ читать Спинозу. И что̀ же я нашелъ? Очень, очень глубокія мысли, очень высокія идеи, но страхъ какъ мало увлекательнаго, убѣдительнаго, согрѣвающаго. Правильность можетъ, по крайней мѣрѣ, убѣдить и иногда даже согрѣть!

— Что касается идей,—подхватилъ ассессоръ Бухэръ, тоже только-что вернувшійся съ водъ и нашедшій дома дипломъ на статскаго совѣтника,—то вы напоминаете мнѣ нѣкоторыя явленія въ природѣ. Я посѣтилъ недавно прекрасный Зальцбургъ! Тамъ бываетъ та̀къ: съ одной стороны—хорошая погода, а по другую сторону обширной горной долины дождь идетъ! Вотъ такая всеобщая неурядица въ мысляхъ замѣчается у людей нашего времени! Намъ совсѣмъ не достаетъ единства. Если бы въ искусствѣ все свели къ правильности, какъ говоритъ г. Тризель, то это было бы не такъ уже худо. Идеи мыслятъ сами по себѣ! Мы только ихъ органы! Послѣднею великою идеею у насъ былъ либерализмъ. Онъ теперь сталъ такъ обыкновененъ, такъ пошлъ,

какъ какая-нибудь смородина! Даже консерваторы стали либеральны! Что же изъ этого выходитъ?.. Я право не усматриваю ни одной руководящей, всемірной идеи!..

— Сожиганіе труповъ!—закричалъ кто-то.

— Происхожденіе отъ обезьянъ!—подхватилъ другой.

— Человѣкъ—машина!

Статскій совѣтникъ Пфифферлингъ попросилъ слова:

— Господа! громадная растяжимость идеи о германской имперіи вовсе не шуточное дѣло! Подумайте: цѣлый народъ, народъ во всѣхъ его слояхъ, во всѣхъ его отношеніяхъ вынужденный каждую минуту стоять на сторожѣ вплоть до двадцатаго столѣтія, по мнѣнію Мольтке, это—колоссальная, Вагнеровская идея! Чего только она не требуетъ: воспитаніе, общество, все направленіе государства, его внѣшняя и внутренняя политика должны быть устремляемы единственно и исключительно на сохраненіе пріобрѣтеннаго, всего какихъ-нибудь нѣсколько лѣтъ тому назадъ казавшагося баснословнымъ. Неужели же вы не считаете однимъ изъ факторовъ нашего существованія это упоеніе побѣдой, эту горделивую радость, возбуждаемую дѣяніями, безпримѣрными въ исторіи,—факторомъ, проникающимъ во все, окрашивающимъ всѣ впечатлѣнія, вдохновляющимъ поэтовъ, художниковъ и могущимъ измѣнять самыя понятія? Гдѣ та партія, которая—каковы бы ни были ея цѣли вообще — осмѣлилась бы не выставить во главѣ своей программы идеи германской имперіи, хотя бы она при этомъ и лгала, какъ ультрамонтаны? Въ этомъ заключается нѣчто неотразимое, роковое и, слѣдовательно, великая для нѣмцевъ современная идея!

— Да! да! — подхватилъ Тризель, съ язвительной иронiей (этотъ вообще осмотрительный консерваторъ сегодня чувствовалъ себя необыкновенно свободномыслящимъ): — и поэтому критика теперь требуетъ, чтобы даже всякій ландшафтъ, изображающій хотя бы лунную ночь, находился въ связи съ идеей германской имперіи! Во всякомъ случаѣ одна великая идея царитъ несомнѣнно—въ нѣкоторыхъ болѣе или менѣе подкупленныхъ газетахъ.

Надворный совѣтникъ Мильбе потребовалъ, чтобы Тризель назвалъ эти газеты и пришелъ въ волненіе.

— Эта идея въ самомъ дѣлѣ старѣе нашихъ побѣдъ!—сказалъ архитекторъ Оммà, присоединенный фрисландецъ. — Идея единства восторжествовала уже въ битвѣ подъ Лейпцигомъ. Съ тѣхъ поръ только раболѣпные министры и ослѣпленные государи могли упустить ее изъ виду. Думаете ли вы, что рѣшеніе выступить противъ Пруссіи въ 1866 г. было принято спокойно-

мыслящими людьми въ защиту старыхъ, отжившихъ династій? Нѣтъ! Придворное дворянство и различные выскочки соединились съ пергаментными душами нѣкоторыхъ окостенѣвшихъ государей, которые никогда не были способны на національное воодушевленіе, чтобы вызвать то печальное самоизбіеніе, которое не съумѣло даже воспользоваться побѣдой, одержанной при Лангензальцѣ...

— Долой политику!—закричало нѣсколько голосовъ.—Вспомните статуты!

Статуты напомнили про Луціуса и Шиндлера, кровнаго друга вообще неприступнаго Луціуса. Послѣдняго не было въ клубѣ. Шиндлеръ сказалъ:

— Объединеніе нѣмецкой имперской машины для меня, фабриканта, рабочая идея! Тутъ нужна тонкая работа! Машинная смазка, лесть—не исправитъ недостатковъ въ механизмѣ! Поэтому я полагаю, что излишекъ энтузіазма долженъ необходимо испариться, потому что онъ вреденъ! Нѣмецкій шовинизмъ... онъ присталъ только дѣтямъ, которые въ бумажныхъ каскахъ играютъ въ солдатики! Взрослые скоро освоились съ завоеваннымъ и озабочены только тѣмъ, какъ бы ложное толкованіе этихъ завоеваній, вѣчное водотолченіе объ одномъ и томъ же предметѣ, преувеличенное усердіе—все прикрыть нѣмецкой шапкой—не отразилась вредно на остальныхъ сферахъ жизни. Господа! Нѣкоторое чванство, безсмысленная жажда наслажденія, утонченное хищничество, остатокъ худыхъ привычекъ, порождаемыхъ войной, грабительскіе софизмы («другіе все-равно завладѣютъ этимъ, такъ лучше уже возьму я это себѣ»), — все это породило въ Германіи такое направленіе умовъ, которое, въ связи съ такъназываемыми компромиссами, составляетъ одно изъ ужасающихъ явленій нашего времени! Наши школы, наши университеты, наука, административныя сферы—все заражено духомъ карьеры! Національное развитіе отъ этого хромаетъ. И въ концѣ-концовъ такимъ положеніемъ дѣлъ воспользуются Римъ и интернаціоналы.

Въ опроверженіяхъ, особливо со стороны директоровъ учебныхъ заведеній и учителей, не могло быть недостатка. Но майоръ Брандтъ поддержалъ фабриканта.

— Люди, пробивающіеся впередъ, всегда существовали! — раздался сильный басъ директора гимназіи Вейгеля.—Шиллеръ, Гёте, Виландъ, Гердеръ — всѣ представители нѣмецкой литературы и нѣмецкаго искусства, были карьеристами! Канта я исключаю, также и Фихте. Но Шеллингъ и Гегель были карьеристы! Лейбницъ, матадоръ между ними, и Вольтеръ, оба

были придворными льстецами, проповѣдовали двоякую философію: одну для Платона и Аристотеля, а другую—для ландграфинь и баронессъ своего времени!

— Они были побирушки! — загремѣлъ Альтингъ, который всегда, когда боролся съ самимъ собой, выпить ли еще кружку пива или нѣтъ, приходилъ въ ярость и прежде всего на самого себя.

— Ого...го! — успокоивалъ тротуарнаго больного Эльтестеръ своимъ тонкимъ, груднымъ, докторскимъ голосомъ, который такъ пріятно ласкаетъ слухъ больныхъ. — Господа! магнитъ притягиваетъ желѣзо! Именно потому, что то время владѣло изумительно свѣтлой идеей, стремленіемъ къ абсолютно-прекрасному, потому самому государи и дворяне старались привлечь къ себѣ геніальныхъ людей—совсѣмъ не ради того только, чтобы выслушивать отъ нихъ восхваленія собственной персонѣ или добиваться оды по случаю какого-нибудь юбилея. Теперь это направленіе совершенно прошло. Все, чтó мы замѣчаемъ въ этомъ родѣ,—одна пустая внѣшность! Случайное патронатство! Ничто не вытекаетъ изъ высокаго принципа! Если великіе міра сего когда и оказываютъ покровительство поэтамъ и музыкантамъ, то только изъ тщеславія. Вы можете судить объ этомъ по нашему князю Нарцису! Все покровительство, оказываемое этимъ человѣкомъ искусству, сводится на то, что онъ даритъ брошки и браслеты пѣвицамъ, распѣвающимъ его романсы! Истинный геній нашего времени стремится въ ширь, а не вверхъ. Поэты и художники, увѣшанные орденами, производятъ на меня тяжелое впечатлѣніе. Каждый вѣдь знаетъ, что эти отличія вызваны лишь льстивымъ забѣганіемъ впередъ того, кто ихъ получилъ, а со стороны дающаго ихъ указываютъ на разсчетъ воспользоваться услугами награжденнаго для личныхъ цѣлей.

Придворный живописецъ скоро прервалъ неловкое молчаніе, наступившее вслѣдъ за этимъ замѣчаніемъ. Онъ почувствовалъ себя лично задѣтымъ и сказалъ, бросая сердитый взглядъ на послѣдняго оратора:

— Вы забываете, что награда орденомъ никогда не дается какъ личная милость государя, но въ большинствѣ случаевъ слѣдуетъ за оффиціально признанными, можно сказать, цѣлымъ государствомъ, заслугами и не зависитъ отъ льстивыхъ забѣганій впередъ. По крайней мѣрѣ картинъ, напримѣръ, никакъ нельзя засылать впередъ!

— Высокопоставленныхъ лицъ приглашаютъ къ картинамъ,— замѣтилъ майоръ Брандтъ; и нѣкоторымъ юмористамъ пришлось

вытаскивать придворнаго живописца изъ просака, въ который онъ попалъ, причемъ промышленники и биржевики оказали дѣятельное содѣйствіе, потому что они болѣе, чѣмъ кто другой имѣли основанія раздуматься надъ причинами тревожныхъ знаменій времени. Крахъ надвигался съ быстротой молніи. Длинная тѣнь Агасѳера предшествовала ему, но еще неслышными шагами, а не въ тѣхъ тяжеловѣсныхъ башмакахъ, подбитыхъ гвоздями въ формѣ креста, въ какихъ, по сказанію Эжена Сю, странствуетъ іерусалимскій башмачникъ къ сѣверному полюсу. Къ сѣверному полюсу!—вотъ глупость! Современный Агасѳеръ знакомъ съ мороженымъ Дена въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ—у Канцлера—и только! Онъ отдыхаетъ на турецкихъ диванахъ и куритъ съ барономъ Конъ фонъ-Конгеймомъ изъ турецкаго чубука! Ашеръ Ашерсонъ пробормоталъ сквозь зубы:

— Великая идея нашего времени это: нажить деньги!

Во время этихъ преній, князь Нарцисъ, о которомъ упоминалось на нихъ, сидѣлъ за своимъ «Эраромъ» и фантазировалъ такъ-называемую «безконечную» мелодію. Возлѣ него стоялъ столъ, на которомъ онъ поспѣшно записывалъ «мысли» и «руководящіе мотивы» и ихъ мало драматическій аккомпаниментъ. Потому что, говаривалъ его свѣтлость, ничто такъ легко не можетъ кануть въ Лету, какъ музыкальная картина! Она подобна вѣтру! Какой-нибудь измѣненный полу-тонъ—и весь эффектъ пропалъ! Вагнеръ самъ писалъ свои либретто и этимъ подготовилъ не мало мученій для своихъ послѣдователей.

Князь мучился надъ передачей въ музыкѣ совершенно немузыкальнаго сюжета. Передъ нимъ лежала сага о Фритіофѣ, Тегнера. Она была раскрыта какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Фритіофъ прощается съ Ингеборгой. Поэзія этого мѣста вся заключается въ словахъ и передать ее музыкальными тонами совершенно невозможно. Во дворѣ княжескаго дворца мяукали кошки, лаяли собаки на сворѣ, исподтишка смѣялись лакеи и дивился новый секретарь князя, американскій нѣмецъ, рекомендованный его свѣтлости Луціусомъ—до того изумительно было это возсозданіе невозможнаго.

Гейнрихъ Гейне съ свойственнымъ ему добродушіемъ описалъ страданія композиторовъ. По его словамъ, у Мейербера всегда дѣлалась рѣзь въ животѣ, когда онъ сочинялъ свои произведенія, и ему приходилось черезъ каждые десять тактовъ прерывать свою работу. Съ княземъ Рауденомъ дѣлалось нѣчто подобное. Но, кромѣ сочинительства, его мучили въ настоящую минуту еще два обстоятельства: отношенія его къ Эдвинѣ, грозившія принять

неблагопріятный оборотъ. Эдвина уже раза два дѣлала ему такъ-называемыя «сцены» и обзывала «трусомъ», «вялымъ, бездушнымъ человѣкомъ». И еще мучило его внезапное паденіе акцій различныхъ промышленныхъ компаній, которыхъ онъ накупилъ.

О приходѣ настоящаго виновника этихъ потерь только-что доложили. То былъ братъ Ады, баронъ Форбекъ. Баронъ Форбекъ терроризировалъ князя и заставилъ его накупить этихъ акцій.

Но сегодня Форбекъ явился точно громомъ оглушенный. Буря еще свирѣпствовала. На его лицѣ виднѣлась борьба стихій.

— По чести, ваша свѣтлость, хорошія дѣла творятся! Но порази меня Богъ, я бы скорѣе повѣрилъ, что мы лишимся Эльзаса и Лотарингіи, нежели тому, что на биржѣ произойдетъ такой переполохъ! Можно было подумать, что видишь горящій пароходъ среди открытаго моря! Отчаянные пассажиры одинъ за другимъ бросались въ воду! Я участвовалъ въ сраженіи при Марсъ-Латурѣ, но здѣсь было еще хуже!

— Бюллетень курсовъ!—позвонилъ взволнованный князь.

— Еще не полученъ! я уже спрашивалъ внизу! — сказалъ баронъ.

Князь Рауденъ очень испугался, но однако совладалъ съ собой.

— Я поскорѣе продамъ свои акціи,—замѣтилъ онъ спокойнѣе, чѣмъ ожидалъ Форбекъ.

— Акціи Робе.

— Эти скорѣе всего.

— Но, ваша свѣтлость, кто ихъ купитъ?

— Правленіе общества обязано ихъ купить! — проговорилъ новый голосъ, и въ комнату вошелъ высокій человѣкъ, еще молодой, съ строгимъ лицомъ и слегка прихрамывавшій: тó былъ новый секретарь, американскій нѣмецъ, рекомендованный Луціусомъ князю. Вольни изъ Америки рекомендовалъ его Оттомару Альтингу. Морякъ по призванію, онъ командовалъ броненосцемъ во время войны сѣвера съ югомъ и былъ при этомъ раненъ. Онъ казался человѣкомъ проницательнымъ и умнымъ. Вольни познакомился съ нимъ въ Бостонѣ; хромота препятствовала ему продолжать морскую службу. Луціусъ, къ которому обратился Оттомаръ, хотя и смутился какъ будто, помигалъ глазами, три раза переспросилъ объ имени, происхожденіи, первоначальныхъ занятіяхъ пріѣзжаго, однако вспомнивъ, что князь Рауденъ выражалъ ему желаніе пріобрѣсти новаго фактотума, такъ какъ прежній его управляющій поступилъ на государственную службу,

обѣщалъ устроить дѣло. И такимъ образомъ Густавъ Голль, уроженецъ здѣшняго города, которому было теперь уже 35 лѣтъ, поступилъ къ князю. Князь представилъ его Форбеку.

— Вы были офицеромъ! гмъ! Какъ вы попали въ Америку?— спросилъ вскользь Форбекъ.

— Въ этомъ виноватъ главнымъ образомъ Герштеккеръ! — отвѣчалъ капитанъ Голль, получавшій пенсію.

— Это очень интересно!—замѣтилъ князь, собираясь впослѣдствіи разспросить объ этомъ; теперь его интересовалъ вопросъ объ акціяхъ.—Совѣтъ правленія долженъ держаться курса, долженъ поддерживать свои акціи! Mon Dieu, я читалъ, что онъ въ своемъ отчетѣ объявляетъ, что у него хранится весьма значительный резервный капиталъ.

— Да! какъ бы да не такъ!—возразилъ Форбекъ, и засмѣялся при этомъ нагло и неосторожно.

— Позвольте! — перебилъ новый секретарь князя, который въ черномъ фракѣ и бѣломъ жилетѣ производилъ такое впечатлѣніе, которое мало согласовалось съ его первоначальнымъ званіемъ въ жизни — онъ былъ въ юности слесаремъ. — Въ интересахъ одного моего пріятеля, находящагося въ Америкѣ, доктора Вольни, я наводилъ справки объ этомъ предпріятіи. Если совѣтъ правленія не поспѣшитъ покупкой акцій, то послѣдній балансъ его, въ которомъ показанъ резервный капиталъ въ 500,000 талеровъ, чистѣйшая ложь!

— Милостивый государь!—вскричалъ Форбекъ,—прошу взвѣшивать ваши выраженія! я самъ членъ совѣта правленія! Мы ведемъ дѣло по принятымъ обычаямъ!

— Которые никуда не годятся, если вводятъ въ заблужденіе публику. Люди скачутъ по улицамъ на бѣшеныхъ рысакахъ только затѣмъ, повидимому, чтобы оглушить свою совѣсть!—прибавилъ морякъ.

Форбекъ пріѣхалъ въ собственной каретѣ и собирался отвѣтить грубостью. Князь же замѣтилъ про себя:—Боже! мой новый секретарь кажется вспыльчивъ!

Но новый совѣтчикъ мигомъ сообразилъ въ чемъ дѣло: понялъ наглость одного и трусость другого.

— Ваша свѣтлость, передайте барону Форбеку ваши пятьдесятъ акцій: касса совѣта правленія должна дисконтировать ихъ по курсу сегодняшняго утра, то-есть по вчерашнему курсу. Завтра они упадутъ еще ниже!

Баронъ смутился, затѣмъ погладилъ бороду, поправилъ пан-

талоны, застегнулъ свою оригинальную куртку. У него явилась новая мысль.

— Само собой разумѣется, что ваша свѣтлость поручите обдѣлать это дѣло барону Конгейму!—смѣло добавилъ секретарь.

Форбекъ опять накинулся на него и закричалъ:

— Вы не хотите этимъ сказать, что если я возьму акціи... что я мошенникъ?...

Секретарь не поднялъ на него своихъ проницательныхъ глазъ. Онъ ничего не отвѣчалъ и отступилъ назадъ.

Князь далъ ему знакъ, что онъ можетъ удалиться. Секретарь ушелъ, замѣтивъ, что еще не успѣлъ оріентироваться среди пріятелей его свѣтлости.

Легкая хромота нисколько не мѣшала достоинству его движеній.

— Кто онъ собственно такой?—спросилъ Форбекъ у князя, презрительно глядя на дверь, которая затворилась за Густавомъ Голлемъ. — Ученый слесарь?

— Юстицъ-совѣтникъ Луціусъ рекомендовалъ мнѣ его! Шмидтъ нашелъ себѣ другое мѣсто.

— Онъ хромаетъ.

— Развѣ вы не слышали? Онъ пріѣхалъ изъ Америки, гдѣ участвовалъ въ междоусобной войнѣ! Осколокъ гранаты ранилъ его въ ногу! Онъ уроженецъ здѣшняго города и разсказывалъ мнѣ о странномъ поэтическомъ влеченіи своего дѣтства, которое я, будучи мальчикомъ, испытывалъ тоже...

— Ваша свѣтлость вездѣ откопаете поэзію...—замѣтилъ Форбекъ, снова разсѣянный. Онъ думалъ частію объ Эдвинѣ Марлофѣ, частію объ акціяхъ Робе.

— Толкуютъ объ отсутствіи идей у нашего времени! А волшебная сила дали! Романтизмъ внутренней Африки!—началъ князь.—Ливингстонъ, по моему мнѣнію, настоящій герой нашего времени!... Я вовсе не поклонникъ нашего времени. Но эта страсть къ путешествіямъ, эти вѣчныя кочеванія... въ Лурдъ, въ Римъ, на всемірныя выставки—религія ли или промышленность замѣшаны въ дѣло, вещь побочная—все это симптомы одного общаго явленія: мы наканунѣ новаго переселенія народовъ. Подумайте, какой переворотъ, какой поэтическій міръ...

— Мы переселимся во внутреннюю Африку?—покорно благодарю!

Форбекъ вытеръ при этомъ потъ съ своего лба.

— Ваша свѣтлость, вотъ вамъ мотивъ для величественнаго

музыкальнаго сочиненія,—продолжалъ онъ.—Переселеніе народовъ... если обработаете эту тэму во вкусѣ Вагнера...

Князь разсмѣялся надъ этимъ предположеніемъ и замѣтилъ: Фигура остгота Теодориха должна была бы быть центральной фигурой всего сочиненія...

Но Форбекъ перебилъ его:

— Ваша свѣтлость усматриваете сходство между положеніемъ дѣлъ въ наше время и средними вѣками; но касса совѣта правленія запирается ровно въ 5 часовъ!

— Вѣрно!—отвѣчалъ князь и поглядѣлъ на часы.

— Теперь только три! Молодой Голль былъ сынъ бѣдныхъ родителей и питалъ страсть къ морю, къ мореплаванію. Купера и Герштеккера врядъ-ли онъ читалъ въ то время, но есть столько дѣтскихъ книгъ съ матросами, кораблями, водою!... А Колумбъ-то! Мастеръ, у котораго онъ находился въ обученіи, дурно обращался съ нимъ; родители, какъ кажется, не особенно любили его—и вотъ въ одно прекрасное утро, когда онъ собирался идти на работу и плакалъ на лѣстницѣ дома, отъ полученныхъ побоевъ...

— Послушайте, ваша свѣтлость! у этого человѣка, кажется, очень нехорошіе антецеденты,—замѣтилъ Форбекъ, нетерпѣливо постукивая своими лакированными сапогами, но понижая голосъ. — Остерегайтесь его!

— Напротивъ того,—защищалъ князь отсутствующаго.

— Голль былъ такой же мечтатель, какъ и я... увѣряю васъ... очарованный морской поэзіей! Я вѣчно стремился открыть новую Америку! Но корабль! На этомъ вертѣлись всѣ мои мысли! Въ открытое море! Увидать дикихъ, караибовъ! Правда, что и теперь меня поѣдають людоѣды — газетные рецензенты.

Князь самъ разсмѣялся надъ своей остротой, и Форбекъ вторилъ ему изъ угожденія.

— Но развѣ васъ не пугала мысль о морской болѣзни?—спросилъ Форбекъ, которому такія фантазіи были совершенно непонятны.

Князь распространялся о томъ, что въ дѣтствѣ былъ большимъ романтикомъ и стремился въ чужія, дальнія страны, преимущественно въ Австралію.

Форбекъ догадался, что онъ не хочетъ ничего предпринять безъ банкира Кона.

— Салонный адмиралъ! — отвѣчалъ онъ иронически и сердито.—Это пріятно! заслужить и носить въ салонѣ золотые эпо-

леты и вышитый золотомъ голубой воротъ рубашки... Поздравляю съ такой пріятной адмиральской должностью!

Не чувствуя себя нисколько оскорбленнымъ этой насмѣшкой, князь продолжалъ разсказывать, что молодой Голль могъ предаться своей страсти къ морю, благодаря одному молодому человѣку, котораго онъ смутно помнитъ, и который жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ жили и его родители, и былъ часто свидѣтелемъ жестокаго обращенія ихъ съ мальчикомъ. Молодой человѣкъ далъ ему сто талеровъ и рекомендательное письмо къ капитану корабля, нагруженнаго каменнымъ углемъ, «Счастливая Мэри», и къ этому еще теплый пледъ, чтобы прикрыться на желѣзной дорогѣ, билетъ для проѣзда въ Штеттинъ,—и вотъ такимъ образомъ онъ очутился на дальнихъ моряхъ и подъ конецъ капитаномъ панцырнаго корабля на Миссисипи.

— Исторія очень интересна, ваша свѣтлость. Но отложимъ продолженіе до завтра,—замѣтилъ Форбекъ, и торопливо пошелъ на встрѣчу слугѣ, принесшему вечернюю газету, еще не успѣвшую высохнуть, и биржевой бюллетень.—Шестьдесятъ восемь!—вскричалъ онъ. — Послѣ этой биржевой паники никакой другой курсъ невозможенъ! Поспѣшимъ! Касса открыта только до 5 часовъ!

Князь принималъ очень близко къ сердцу свои потери на акціяхъ. У него всегда болѣло подъ ложечкой, когда ему приходилось разставаться съ деньгами. Онъ не довѣрялъ также честности Форбека.

Въ волненіи заглянулъ онъ въ вечернюю газету: въ хроникѣ общественныхъ удовольствій возвѣщалось о концертѣ, имѣющемъ быть въ непродолжительномъ времени и въ которомъ будетъ исполняться написанная имъ гораздо раньше музыкальная картина «Тассо и Леонора». Онъ самъ устроилъ это дѣло и совсѣмъ тѣмъ у него вырвалось радостное: — ахъ!

Форбекъ понялъ его причину.

— Уже взялъ десять билетовъ,—сказалъ онъ. — У мамаши ладони здоровенныя. Жаль, что Ады нѣтъ! Жокей-клубъ явится en masse! Успѣхъ будетъ колоссальный!...

Съ своеобразнымъ и нелѣпымъ выраженіемъ въ лицѣ, точно у человѣка, который хочетъ чихнуть и не можетъ, — князь отправился въ свою спальню, гдѣ возлѣ его кровати стоялъ желѣзный шкапъ для денегъ.

Баронъ Форбекъ громкимъ голосомъ заявлялъ, что доставитъ деньги завтра поутру.

Чтó было дѣлать? Человѣкъ, участвовавшій во всѣхъ денежныхъ операціяхъ, катавшійся по улицамъ въ элегантнѣйшемъ

экипажѣ, имѣвшій доступъ во всѣмъ биржевымъ королямъ, получилъ акціи, далъ въ нихъ росписку, сунулъ акціи въ карманъ и обѣщалъ сообщить о результатѣ на-дняхъ.

— На-дняхъ? нѣтъ, завтра!—поправилъ поспѣшно князь.

— Завтра!—успокоилъ Форбекъ и откланялся.

Князь остался одинъ съ своими ощущеніями. Онъ охотно переговорилъ бы о нихъ съ Густавомъ Голлемъ. Но они были еще слишкомъ мало знакомы для такой откровенности. Форбеку онъ запретилъ говорить съ нимъ объ Эдвинѣ. Радости и горести, причиняемыя ему этими отношеніями, были непонятны для грубаго реалиста.

Вечеръ принадлежалъ Эдвинѣ... несмотря на новѣйшія открытія. Жестокая насмѣшка судьбы одарила такой прелестью незаконную дочь графа Трейенфельса! Онъ спрашивалъ объ этомъ юстицъ-совѣтника Луціуса. Если этотъ послѣдній говоритъ: *можетъ быть*, то значитъ это навѣрное такъ! Въ какое положеніе станетъ онъ относительно своей фамиліи! Относительно Трейенфельсовъ, съ которыми онъ примирился послѣ похоронъ графа Вильгельма! Онъ сочинилъ траурную кантату, которая растрогала старую графиню до слезъ, и примиреніе состоялось не только съ княземъ Циской, но и съ старымъ, ворчливымъ бородачомъ, сеньоромъ дома Рауденовъ, австрійскимъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ. Какъ тѣсно сблизились они, доказывало письмо, полученное имъ только-что отъ старой графини!

За обѣдомъ князь Циска говорилъ о происхожденіи своего рода, объяснялъ Густаву Голлю свой гербъ и только-что перешелъ къ раздору, существовавшему между нимъ и графиней Констанціей, когда пришло письмо изъ Гохлиндена.

— Lupus in fabula! — замѣтилъ Голль.

— Надо сказать: Lupa in fabula!—поправилъ князь.

— Нѣтъ, нѣтъ, ваша свѣтлость!—перебилъ новый секретарь, какъ видно успѣвшій образовать себя:—Lupa имѣетъ еще одно нехорошее, побочное значеніе.

Но князь съ свойственнымъ ему упрямствомъ настаивалъ на Lupa и Густавъ Голль прочиталъ цѣлую лекцію:

— Lupus in fabula!—метафора, картинное выраженіе. Такого рода выраженія никогда не слѣдуетъ измѣнять. Такъ какъ въ баснѣ не было никакой lupa, а былъ lupus, то даже если бы рѣчь шла о дамѣ и отъ нея въ эту самую минуту получено письмо, слѣдуетъ говорить: lupus in fabula!

Князь изумился такимъ тонкостямъ со стороны бывшаго слесаря...

— Чѣмъ были вы въ дѣйствительности?

— Слесаремъ,—гласилъ отвѣтъ.

— Откуда же вы все это знаете?

— Необходимость заставила меня образовать себя. Когда моя рана сдѣлала меня негоднымъ для морской службы, мнѣ пришлось даже съизнова переучиваться нѣмецкому языку.

Князь сталъ читать письмо старой графини. Графиня писала про то, какъ необыкновенно пріятно проводятъ они время въ Гохлинденѣ. А Форбекъ только-что сообщалъ со всѣмъ противоположное князю; по извѣстіямъ, полученнымъ имъ отъ матери, въ Гохлинденѣ ежедневно происходили ссоры и всякія «сцены!».

Неужели все это существовало лишь въ нравственномъ настроеніи сердитой генеральши? Неужели Ада разыгрывала исторіи въ комнатѣ матери?

Старая графиня ничего объ этомъ не знала. Она сообщала только объ идилліи и счастіи.

«Эта ангельская дѣвушка, эта Елена Альтингъ, ниспослана мнѣ самимъ Богомъ! Всѣ ея слова и поступки возвышенны и благородны! Художественныя понятія отца олицетворились въ дочери! Ада также сошлась съ ней. Она стала гораздо тише. Необузданное городское дитя полюбило, на мой взглядъ, слишкомъ природу! Она живетъ только въ лѣсахъ и ущельяхъ! Добрая генеральша оставила насъ! Я простилась съ ней съ желаніемъ, чтобы наша деревенская жизнь пришлась ей по́ сердцу. Одно только очень огорчаетъ меня, — это что я не нахожу въ моемъ новомъ кружкѣ товарища себѣ по религіознымъ воззрѣніямъ. Даже сама генеральша точно будто оставила въ городѣ свою религіозность! Елена Альтингъ совершенно откровенно сознается, что у ней нѣтъ религіозныхъ, выработанныхъ, церковныхъ понятій! Такихъ людей часто теперь встрѣчаешь! Хожденіе въ церковь для нихъ чистая мука; они дѣлаютъ это только изъ любезности къ пастору! Я согласна, впрочемъ, что здѣшній пасторъ не особенно симпатиченъ... Моему счастью, впрочемъ, скоро наступитъ конецъ. Елена рвется домой. Пріятельница Елены, Марта Элердтъ, замѣчательная дѣвушка, какъ я слышу, пріѣдетъ за ней. Я бы желала удержать эту Марту Элердтъ у себя, но боюсь, что образъ мыслей Марты относительно религіи еще хуже, чѣмъ у Елены, и что она заразилась понятіями нашей коммерціи-совѣтницы Робе, у которой прежде жила! Про эту бѣдняжку мнѣ разсказывали, что она иногда просто-на-просто грозила кулакомъ небу!»

Князь нашелъ мало для себя интереснаго въ этой болтовнѣ.

О немъ, объ его музыкѣ не говорилось ни слова! Никто повидимому не занимался въ Гохлинденѣ его симфоническими поэмами, никто не пѣлъ его пѣсенъ; Ада, которая однако понимала музыку, не выбрала его предметомъ своего постояннаго изученія. Нѣкоторыя прежнія письма графиня заключала пожеланіемъ, чтобы ему, наконецъ, удалось выполнить великую задачу его жизни: найти хорошій оперный сюжетъ. И со всѣмъ тѣмъ онъ просто испугался, когда его застольный собесѣдникъ, который во время чтенія письма сидѣлъ задумавшись, съ оживленіемъ замѣтилъ:

— Да, ваша свѣтлость, композиторъ или полководецъ!—вотъ, по моему мнѣнію, величайшихъ два призванія!

— Да! да!...—пробормоталъ Циска уныло.

— Громкій финалъ съ трубами, контрабасами и даже барабаннымъ боемъ: съ этимъ можетъ сравниться только Наполеонъ при Лейпцигѣ на конѣ, съ подзорной трубой у глазъ, рассылающій адъютантовъ на-право и на-лѣво...

— Да, да!—засмѣялся князь.

— Выражать свои ощущенія, не прибѣгая къ словамъ! Срывать съ неба звѣзды и цѣловать цвѣты и вызывать душу вселенной!... все это можетъ композиторъ!... чудесно! чудесно!—вскричалъ Голль.

— Да, да!—подтверждалъ князь разсѣянно.

Дѣло въ томъ, что онъ боялся за сегодняшній вечеръ. Онъ не могъ жениться на Эдвинѣ!.. Сначала онъ и подумывалъ объ этомъ, но если она дѣйствительно незаконная падчерица этой доброй матроны, которая радовалась тому, что ихъ старинная семейная распря улажена, то онъ не могъ же ввести въ семью это двусмысленное, анонимное созданіе и обратить жизнь старухи графини въ каторгу. Кромѣ того, онъ побаивался и сеніора Рауденовъ, старика австрійскаго генерала.

Взять ее въ любовницы, онъ бы, такъ и быть, рѣшился, хотя любовница стóитъ дороже жены! вздыхалъ онъ. Но на это Эдвина ни за что не согласится. Онъ послалъ ей сегодня рано поутру браслетъ, золотой, массивный, изображавшій ремень съ пряжкой, усыпанной бриллiантами. Вмѣстѣ съ этимъ также и два паштета изъ дичи, съ княжеской кухни, для ужина Бренны. Но все это были холостые заряды. Онъ предвидѣлъ свою отставку. Какая-то баронесса Угарти, появившаяся въ послѣднее время на горизонтѣ Эдвины, особа, словно выскочившая изъ сказокъ Гоффмана—все въ ней было искусственное и поддѣльное: румяна, стальныя пружины, гуттаперча—она, ухитрялась, насчитывая 60 лѣтъ отроду,

устраивать себѣ наружность 30-ти-лѣтней женщины—собиралась, повидимому, совсѣмъ иначе руководить Эдвиной, нежели Бренно.

Вечеромъ князь посѣтилъ сперва, вмѣстѣ съ Густавомъ Голлемъ, маленькій народный театръ, гдѣ одна субретка, падкая на брошки, должна была исполнить одну изъ его пѣсенъ съ удивительными речитативами, которую ухитрилась приплести въ качествѣ куплетовъ въ каскадную роль. Но, кромѣ его, изъ всей аристократіи тамъ не было ни единой души! Раздосадованный и нисколько не утѣшенный апплодисментами, которые вызвала его пѣсенка, опечаленный исчезновеніемъ изъ его запаса брошекъ еще одной, цѣною въ цѣлыхъ двадцать талеровъ, онъ былъ очень удивленъ, подъѣзжая къ дому Эдвины, увидя, что въ квартирѣ ея царствуетъ мракъ непроглядный.

— Сегодня нѣтъ гостей!—прошепталъ онъ Густаву Голлю и попросилъ его подождать немного, и если онъ не вернется, уѣхать домой. Лошадямъ не слѣдуетъ застаиваться. Черезъ нѣсколько часовъ князь пришлетъ за каретой. Положеніе дѣлъ показалось Голлю серьёзнымъ.

— Ваша свѣтлость, барыня одна дома...

Это возвѣстила ему Жозефа Зипоровіусъ, отпирая дверь. Даже корридоръ не былъ освѣщенъ. Это было какъ будто сдѣлано съ намѣреніемъ. Смущенный князь началъ предвкушать новую «сцену». Опущенныя гардины на окнахъ, мертвая тишина—душа у него ушла въ пятки и онъ охотно бы вернулся вспять. Кто знаетъ, его сегодня ожидаетъ, быть можетъ, еще болѣе сильная буря! А у него не хватало даже мужества откровенно сказать:—жениться на тебѣ, милое дитя, мнѣ не позволяетъ мое общественное положеніе и я боюсь убить этимъ сѣдую матрону!

Тѣмъ временемъ онъ очутился передъ Эдвиной. Въ полуосвѣщенной комнатѣ она предстала передъ нимъ точно картина, вышедшая изъ рамокъ Ватто. Она казалась видѣніемъ изъ міра *рококо*, съ своими слегка напудренными волосами, четырехугольнымъ вырѣзомъ, полудлинными рукавами у ярко-розоваго платья, обшитаго кружевами. Но толстаго браслета не было на рукѣ. Черныя бархатныя ленты служили ему замѣной и еще сильнѣе выдавали ослѣпительную бѣлизну кожи.

— Чтò вамъ угодно?—спросила она.—Развѣ вы не получали моей записки? Я просила васъ не посѣщать насъ больше! Вотъ вашъ браслетъ! Мнѣ его не нужно!

— Очень печально для меня! Записка не дошла до меня! Впрочемъ, я былъ въ театрѣ! Онъ такъ далеко,—бормоталъ князь.

Онъ видѣлъ, какъ Эдвина повернулась къ зеркалу и стала оправлять свой туалетъ, точно она ждала кого-то другого.

— Кого же вы ждете?—спросилъ князь, очевидно мучимый ревностью. Магическое освѣщеніе комнаты, снятые чехлы съ мебели, обитой свѣтло-голубымъ шелковымъ дама—все показывало какъ будто, что ждали дорогого гостя.

— Скажите, кому я помѣшалъ своимъ посѣщеніемъ?

Эдвина вынула изо рта булавку, которою хотѣла что-то приколоть у себѣ на спинѣ.

— Какое вамъ до этого дѣло, ваша свѣтлость? — коротко отвѣчала она.—Это до васъ не касается!

— Я имѣю однако право дружбы надъ вами! Наконецъ, приличія...—бормоталъ князь.

— Поздно вы о нихъ вспомнили! Ну, поворчите, поворчите еще,—продолжала она, выбирая изъ туалетнаго ящика себѣ вѣеръ: —я очень люблю когда вы ворчите! Ха, ха, ха!

— Эдвина!—вскричалъ князь, вздыхая и чуть не плача.

— Прошу васъ не обращаться со мной такъ фамильярно,— замѣтила она.

Однако расположилась на диванѣ. Кончикъ маленькой ножки въ хорошенькой туфлѣ выглядывалъ изъ-подъ шлейфа. Взоръ ея ласкалъ и манилъ. Князь усѣлся у ея ногъ. Звѣзда, которую онъ надменно носилъ съ фракомъ и которою онъ озарялъ салонъ Бренны, поднялась почти до шеи, до того его движенія были порывисты и рѣзки.

— Кто проситъ васъ садиться?—продолжала язвить Эдвина и скрывая улыбку подъ вѣеромъ.—Я еще никогда не видывала, чтобы вы разыгрывали роль повелителя!

Она расхохоталась, радуясь, что можетъ, наконецъ, дать волю смѣху, который въ ней возбуждали смущеніе и ревность, выражавшіяся въ поведеніи князя.

Наконецъ, тономъ капризнаго ребенка она призналась ему, что вовсе не писала ему, что поджидала его и что съ удовольствіемъ принимаетъ его браслетъ. Она не ждетъ сегодня много гостей. Ей хочется провести съ нимъ часокъ наединѣ, но у ней есть для этого свои особыя причины.

— О, говорите! ваше довѣріе дѣлаетъ меня счастливымъ!— вскричалъ князь послѣ первой половины этой рѣчи.—Но при второй онъ снова задрожалъ. Онъ предчувствовалъ, что декораціи сейчасъ перемѣнятся.

— Я должна совсѣмъ измѣнить свой образъ жизни, любезный князь!—начала Эдвина, принявъ спокойную позу и обмахи-

ваясь вѣеромъ.—Все идетъ по новому! я не хочу отставать отъ другихъ.

— Многое новое уже оказалось ненадежнымъ,—возразилъ князь, думая о своихъ бумагахъ.—На биржѣ громадныя потери!

— У васъ новый секретарь... онъ съумѣетъ уберечь васъ отъ большихъ убытковъ!—замѣтила Эдвина.—Красивый, стройный человѣкъ вашъ секретарь!

— Онъ недостаточно хорошо знакомъ съ здѣшними дѣлами. Я боюсь также, что ему недостаетъ идеальной точки зрѣнія!... Онъ мечтаетъ о битвахъ и пороховомъ дымѣ!..

— Ваша идеальная точка зрѣнія, любезный князь, совсѣмъ мнѣ не нравится!—возразила Эдвина.—Что̀ за идеалъ, когда подъ нимъ нѣтъ никакой прочной почвы! Къ тому же, посторонніе люди гораздо вѣрнѣе понимаютъ характеръ вашей свѣтлости, нежели вы сами, любезный князь!.. Вы гораздо реальнѣе, нежели думаете.

— Вы опять, кажется, принимаетесь меня пилить!—вскричалъ князь, нетерпѣливо ёрзая по стулу.

— Да! и сегодня совсѣмъ серьёзно, — отвѣчала она. — Я должна сегодня принять очень важное для меня рѣшеніе! Говоря безъ обиняковъ, я рѣшилась выдти замужъ!

Князь принялъ это объявленіе за холостой зарядъ, но онъ такъ мало намѣревался сдѣлать Эдвину княгиней, что, быть можетъ, перспектива знакомства съ молодой, кокетливой женщиной представилась ему новымъ и пріятнымъ развлеченіемъ.

— Я удивленъ,—началъ-было онъ хладнокровно.

Сначала Эдвина молчала, но потомъ вскочила и закричала:

— Какъ? это васъ нисколько не волнуетъ? Ну, такъ увольте меня отъ вашего присутствія! Ваша апатія для меня нестерпима.

— Но вѣдь вы знаете,—пролепеталъ князь, опасавшійся бури и анализа своего характера,—что̀ мнѣ мѣшаетъ сдѣлаться счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Вѣдь весь свѣтъ утверждаетъ, что вы... извините (тутъ онъ понизилъ голосъ)... незаконная дочь графа Вильгельма фонъ-Трейенфельсъ!...

— Кто говоритъ это?—вскричала она.—Я дочь инженера Марлофа!.. Сплетники нестерпимые люди!..

— Но вѣдь вы согласитесь...,—настаивалъ князь, которому уже слышалось слово «трусъ», готовое сорваться съ губъ Эдвины...,—правды никакъ не утаишь.

— Моя бабушка,—продолжала она гнѣвно,—старая прачка! Я никакихъ претензій не заявляю, я желаю быть самой собой и ничѣмъ больше!

Она выпрямилась передъ нимъ, стройная и прелестная.

— Вы дѣвушка изъ Шиллера,—закричалъ князь,—окруженная сказочными чарами! Но войдите въ мое положеніе, милый другъ! Къ нашей фамиліи принадлежитъ овдовѣвшая графиня. Мы долгое время были въ ссорѣ. Теперь эта добрая женщина съ участіемъ обратилась ко мнѣ. Неужели же я могу сдѣлать то, что́ ей разобьетъ сердце? Вѣдь она усмотритъ въ этомъ доказательство вражды. Я, я, ея родственникъ, и это неподалеку отъ ея дворца, поставлю ея супругу, такъ-сказать, другой памятникъ, кромѣ того, что́ создалъ профессоръ Альтингъ?.. Ваша особа... единственная, очаровательная... привлекла бы ко мнѣ весь городъ, дворъ...—Здѣсь прекратилось перечисленіе мотивовъ, которые онъ уже часто излагалъ себѣ... письменно.

Лицо Эдвины омрачилось. При упоминовеніи о графинѣ, она закрыла глаза рукой, какъ-бы затѣмъ, чтобы скрыть слезы.

— Что́ я похоронила,—проговорила она мрачно и глухо,— того никто не можетъ возвратить мнѣ!

Эдвинѣ припомнилось въ эту минуту и то, что ей не удалось сблизиться съ Мартой Элердтъ, какъ она того желала. «Жизнь и люди въ заговорѣ противъ меня!» говорилъ ей какой-то внутренній зловѣщій голосъ.

Послѣ минутнаго молчанія, во время котораго князь чуть-было не бросился передъ ней на колѣни, она проговорила:

— Я не хочу огорчать графини! Я не злая женщина! Мой пріемный отецъ поклялся нѣкогда, что я его дочь, я не хочу также сдѣлать его клятвопреступникомъ. Хотя я увѣрена, что съумѣла бы лучше теперешней молодой графини Трейенфельсъ, Ады фонъ-Форбекъ, заслужить любовь и довѣріе старой графини! Но... довольно... я отказываюсь отъ васъ...

Она гордо отвернулась.

— Ваша мать была, безъ сомнѣнія, такъ же очаровательна, какъ и ея дочь!—вскричалъ князь, и хотѣлъ обнять Эдвину и похитить у ней одинъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, которыми онъ «жилъ въ теченіи долгихъ недѣль», какъ онъ утверждалъ, и про которые она говорила, что они ей «нравственно ничего не сто́ятъ».

Но сегодня она оттолкнула его.

— Оставьте меня! Я наканунѣ великаго рѣшенія, быть можетъ... моей погибели!

Отъ князя не ускользнуло, что Раймундъ Элердтъ, управляющій той самой машинной фабрикой, которая причинила ему такую большую денежную потерю (благодаря паденію курса акцій этой фабрики съ 101 на 71, онъ терялъ на пятидесяти акціяхъ 1500 талеровъ), ухаживаетъ за Эдвиной.

«Вотъ это такъ мужчина!» говаривала еще и раньше Эдвина, а теперь объявила князю, что она невѣста Элердта, который долженъ составить карьеру!

— Въ министерствѣ торговли и промышленности онъ первый человѣкъ!—говорила она, однако прибавила:—я отдаю вамъ предпочтеніе, князь, и недѣлю срока на размышленіе.

Князь стоялъ, какъ громомъ пораженный. Ему то представлялось, что онъ уже женатъ на этой божественной дѣвушкѣ—и дѣйствительно счастливъ... то онъ видѣлъ, что разлученъ съ нею на вѣки—и несчастливъ...

Эдвина позвонила. Появилась статская совѣтница, а съ ней и прислуга. Лампы были зажжены, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла. Все приняло праздничный видъ. Дуэнья Бренно сгарала отъ любопытства:—чтó рѣшено?—она вся превратилась въ вопросительный знакъ. Раймундъ былъ уже тутъ и дожидался гдѣ-то въ углу. Бренно едва могла успокоить его безумную ревность. Наконецъ, князь удалился съ такимъ чувствомъ, что никогда больше сюда не вернется. Сердце у него разрывалось. Онъ видѣлъ, какъ съѣзжались гости, которые станутъ пожирать его паштеты!

Фрау Бренно тоже ходила, слегка повѣся носъ. Ей собирались отказать отъ мѣста, это она услышала отъ Жозефы. А на лѣстницѣ князю попалась та самая фигура, которую онъ уже часто видѣлъ, когда ходилъ на сцену за кулисы. Въ шумящихъ платьяхъ, изукрашенныя золотомъ и драгоцѣнными каменьями, проходили мимо него въ свои гардеробныя разрумяненныя «наперсницы». Съ легкой дрожью прошелъ онъ мимо баронессы Угарти, напоминавшей театральныхъ «наперсницъ», и сѣлъ въ карету. Даже извѣстіе, привѣтствовавшее его дома о томъ, что баронъ фонъ-Форбекъ дѣйствительно привезъ деньги, часъ тому назадъ, и передалъ ихъ «господину Голлю», его не развеселило. Правда, Форбекъ сообщалъ, въ приложенной запискѣ, что касса разсчитала по курсу 65. Вмѣсто 1500 талеровъ, 1800 потери! Но Эдвина!..

IX.

— Отчего здѣсь не освѣщено?—гремѣлъ голосъ, который обыкновенно привыкли слышать сдержаннымъ и скорѣе просящимъ прислугу объ услугѣ, нежели приказывающимъ.

Слуги въ ливреяхъ сновали взадъ и впередъ. Оффиціанты въ черныхъ, слегка порыжѣлыхъ фракахъ бросились впередъ. Одинъ

поспѣшно схватилъ восковую свѣчу въ обыкновенномъ оловянномъ подсвѣчникѣ, другой спички. Одинъ изъ слугъ стоялъ съ канделяброй у входныхъ дверей и провожалъ гостей съ низкими поклонами, собирая на-водку. Вскорѣ газовые рожки были зажжены. Все это происходило частью въ сѣняхъ, частью въ корридорѣ дѣлового помѣщенія Луціуса, расположеннаго въ нижнемъ этажѣ дома.

Тишина и порядокъ въ дѣловомъ кабинетѣ юстицъ-совѣтника представляли странный контрастъ съ шумомъ и безпорядкомъ, съ которымъ только-что разошлись гости, которыхъ провожалъ хозяинъ въ сопровожденіи фабриканта Шиндлера. Такъ-называемый «холостой обѣдъ» принадлежалъ къ числу обязательствъ, отъ которыхъ дамы Луціусъ никакъ не могли уклониться. Онѣ очень неохотно его давали. Онъ длился обыкновенно отъ 4-хъ до 8-ми часовъ. Только отцы семействъ, увѣшанные орденами, сѣдовласые холостяки, которыхъ древній Римъ основательно обложилъ бы налогомъ за безбрачіе, приглашались на эти обѣды. Мать предсѣдательствовала до жаркого; на другомъ концѣ громаднаго стола, сверкавшаго хрусталемъ и серебромъ, сидѣли дочки, распредѣленныя между двумя кавалерами. Послѣ жаркого дамы уходили и оставляли мужчинъ однихъ. Сегодня карета въ оперу подана была уже въ три-четверти седьмого. Мамаша все еще не считала слишкомъ моложавымъ по своему календарю платье вишневаго цвѣта. Ея прелести, къ сожалѣнію, нѣсколько страдали отъ чрезвычайной худобы и слегка краснаго носа. Бѣлая пудра долженствовала смягчать его непріятную яркость и привести его въ гармонію съ остальнымъ, слегка багровымъ лицомъ. На голыя плечи была кокетливо накинута бѣлая кружевная косынка. Куафюра изъ дикихъ розъ лежала на фальшивыхъ косахъ, вздымавшихся точно башня. Выразительный кивокъ головы далъ знать дочерямъ, что пора уволочь свои шлейфы. Въ передней дамы принялись оправлять туалеты. Молодыя дѣвушки были въ свѣтлоголубыхъ шелковыхъ платьяхъ. Все на нихъ было богато и даже черезъ-чуръ богато. Въ волосахъ виднѣлись золотые обручи. Руки были ими унизаны. Но всѣ движенія и рѣчи производили на тонкій глазъ и слухъ впечатлѣніе чего-то пошлаго и дюжиннаго.

Слова, съ которыми юстицъ-совѣтникъ, встрѣчая гостей, обратился къ своему старому другу Шиндлеру, худому, сѣдобородому, добродушному человѣку, пожимавшему руки на-право и на-лѣво, отведя его въ амбразуру окна: «послѣ обѣда, любезный другъ, когда всѣ разойдутся, мнѣ надо переговорить съ тобой

внизу, въ моей рабочей комнатѣ!» почти испортили хорошее расположеніе духа этого веселаго, застольнаго собесѣдника, разсказчика анекдотовъ, не стѣснявшагося обыкновенно ни «превосходительныхъ», ни «свѣтлѣйшихъ» гостей. Давно уже не видѣлъ онъ выраженія такого дикаго испуга на лицѣ своего замученнаго дѣлами и начинающаго страдать одышкой Луціуса.

Когда Лукулловское пиршество было окончено и гости разошлись, Луціусъ увелъ его въ свой кабинетъ и, отперевъ ящикъ въ шкапу, вынулъ оттуда револьверъ, говоря: «вотъ каковъ будетъ мой конецъ»!

Шиндлеръ отступилъ въ ужасѣ. Вопросъ: «что̀ случилось?» замеръ у него на губахъ.

— Онъ еще не заряженъ!—замѣтилъ съ горькимъ смѣхомъ Луціусъ.—У меня нѣтъ пуль и пороху, и я боюсь, что голосъ измѣнитъ мнѣ, когда я спрошу ихъ въ магазинѣ! Поэтому, быть можетъ, я выберу вотъ тотъ крюкъ у дверей...

— Ради самого неба, говори—въ чемъ дѣло!..

И невольно Шиндлеръ взглянулъ на желѣзный шкапъ, гдѣ хранились довѣренные его другу документы и денежныя бумаги. Луціусъ, снявъ очки и протирая ихъ носовымъ платкомъ, замѣтилъ:

— О! тамъ все въ порядкѣ! Ты вѣдь знаешь, что я хотѣлъ искупить честной жизнью грѣхъ моей юности!.. Нѣтъ! что̀ меня приводитъ въ отчаяніе, что̀ однимъ дуновеньемъ сметаетъ все искусное зданіе, возведенное мною въ продолженіи двадцати-пяти лѣтъ, это слѣдующее обстоятельство: Густавъ Голль вернулся!

Шиндлеръ не съ-разу припомнилъ это имя.

— Но ка̀къ ты это узналъ и что̀ же грозитъ намъ вслѣдствіе его возвращенія?

— Мнѣ рекомендовалъ его молодой Альтингъ, къ которому его адресовалъ Вольни. Меня взволновало его имя.—Откуда онъ родомъ?—спросилъ я.—«Отсюда! онъ еще мальчикомъ мечталъ о жизни матроса!» отвѣчалъ молодой Альтингъ и разсказалъ дальше: онъ убѣжалъ отъ своихъ родителей и никогда потомъ ничего не слыхалъ объ нихъ! Въ Бостонѣ, куда онъ удалился, чтобы закончить свое образованіе, Вольни, въ теченіи всего своего пребыванія тамъ, давалъ ему ежедневно по четыре часа съ-ряду уроки нѣмецкаго и латинскаго языковъ. Вольни пишетъ мнѣ, говорилъ Альтингъ, что капитанъ (таковъ его американскій рангъ) пережилъ удивительныя вещи. Я рекомендовалъ его въ секретари князю Раудену, которому онъ тоже разсказалъ свои похожденія. Натурально, онъ началъ ихъ съ твоей экспедиціи на «Счастливой Мэри»...

— Которая у острова св. Өомы претерпѣла крушеніе,—съ ней вмѣстѣ погибъ и капитанъ, съ которымъ я познакомился въ погребкѣ за устрицами.

— Голль и нѣсколько матросовъ были спасены. Князь говоритъ, что Голль спитъ и видитъ, какъ-бы отыскать своего друга и благодѣтеля, который тогда сунулъ ему сто талеровъ, плэдъ и письмо. Но сперва ему нужно добраться до его имени. Онъ его никогда не зналъ, или позабылъ.

— Въ домѣ, гдѣ я почти ежедневно сталкивался съ мальчикомъ по-утрамъ, когда онъ шелъ въ мастерскую, дрожа отъ холода и жалуясь на жестокое обращеніе своихъ родителей, жило около двадцати молодыхъ квартирантовъ! Такъ онъ не скоро найдетъ, кого ему нужно. Его третье слово, какъ мы, бывало, встрѣтимся: хочу въ море! хочу быть матросомъ!

— Банкирскій домъ...—началъ-было Луціусъ.

— Больше не существуетъ! Всѣ умерли! Старика-кассира хватилъ ударъ.

Луціусъ закрылъ глаза рукой. Онъ долженъ былъ опять надѣть очки, потому что его ослѣпляло пламя. Онъ назвалъ себя убійцей старика.

— Ба!—перебилъ его Шиндлеръ съ полной увѣренностью.— Всѣ мы, люди, взаимные убійцы! Мы только этого не знаемъ! Жены до-смерти сердятъ мужей, мужья женъ... Стой! Голль вѣрно еще не женатъ. Онъ долженъ жениться на твоей Сашѣ. Это уладитъ все дѣло.

Луціусъ горестно засмѣялся.

— А молодой Альтингъ возьметъ Церлину! Я дамъ, какъ крестный отецъ, за каждой въ приданое по виллѣ! У насъ ихъ теперь сколько хочешь!

— Ты хочешь высушить океанъ!—сказалъ Луціусъ, вздыхая.— Молодой Альтингъ худо сдѣлалъ, что оставилъ меня. Мнѣ онъ былъ такъ нуженъ! Да и жена забрала себѣ въ голову разныя фантазіи... Но...

Луціусъ хотѣлъ-было сказать: «но сыну скульптора вскружили голову его отношенія къ графу Трейенфельсу! Говорятъ, онъ нравится его женѣ больше, чѣмъ самъ мужъ. А мужъ, въ свою очередь...»

Но онъ этого не сказалъ, а замѣтилъ со вздохомъ:

— Къ чему утѣшать себя несбыточными мечтами. У Голля, которому всего какихъ-нибудь тридцать-шесть лѣтъ, найдутся еще родственники! Онъ розыщетъ ихъ, они съ упреками встрѣтятъ его, или, по крайней мѣрѣ, увѣдомятъ его, что относительно его

изданъ приказъ объ арестѣ! Твой поступокъ внезапно представитъ ему совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ! Онъ станетъ розыскивать тебя, обвинитъ тебя въ утонченномъ посягательствѣ на его честь, даже самъ судъ, если быть-можетъ и не захочетъ поднимать исторію, случившуюся двадцать лѣтъ тому назадъ, однако...

Въ эту минуту въ дверь постучались.

Счастливый, осыпанный деньгами слуга, которыя онъ только что раздѣлилъ съ двумя другими главными персонами въ хозяйствѣ: кухаркой и служанкой, доложилъ о приходѣ капитана Густава Голля, подавая его визитную карточку...—Секретарь князя Раудена, немного прихрамываетъ,—добавилъ онъ. Старикъ слуга, Рошке по имени, привыкъ наблюдать и сообщать своему господину о костюмѣ, манерахъ посѣтителей, порою даже о томъ, чѣмъ отъ нихъ пахнетъ. Рошке могъ бы соединиться съ Ларозомъ, камердинеромъ графа Удо для изданія психологіи, основанной на непосредственныхъ наблюденіяхъ.

— Они ждутъ,—проговорилъ Рошке, уже выйдя изъ комнаты въ корридоръ:—они ждутъ... госпожа совѣтница пригласила ихъ на чашку чаю... господинъ капитанъ желаетъ только сказать нѣсколько словъ...

— Очень пріятно!—пробормоталъ Луціусъ,—но я не одинъ...

Шиндлеръ всталъ. Потёмки, окружавшія его, еще усилились отъ того, что онъ зашелъ за высокіе шкапики письменнаго стола, который только одинъ и былъ освѣщенъ.

— Прошу извиненія, послышался изъ корридора пріятный, чужой голосъ, если я безпокою своимъ посѣщеніемъ въ такой поздній часъ. Ваша супруга была такъ добра, что пригласила меня зайти въ любой день на чашку чаю! Сегодня князь какъ разъ уѣхалъ на вечеръ къ одному министру, вотъ я и позволилъ себѣ явиться въ вашъ гостепріимный домъ, тѣмъ болѣе, что нуждаюсь въ вашихъ опытныхъ совѣтахъ по случаю одного дѣла.

Оба пріятеля насторожили уши.

— Чѣмъ могу служить вамъ? Вамъ не помѣшаетъ присутствіе моего пріятеля? Г-нъ фабрикантъ...

Имя какъ-то скомкалось въ устахъ глубоко взволнованнаго человѣка. При упоминовеніи о приглашеніи, сдѣланномъ его женой: «на чашку чаю, въ любой день»—онъ попытался улыбнуться, глядя на Шиндлера, который отлично понималъ его.

— Пожалуйста оставайтесь!—сказалъ Голль, когда Шиндлеръ хотѣлъ встать съ кресла, которое онъ нашелъ въ своемъ темномъ уголкѣ, пожалуйста оставайтесь: дѣло такого рода, что гласность тутъ весьма кстати, потому что я долженъ призвать на помощь

все, чтó только зовется правосудіемъ на землѣ, чтобы избавиться отъ злодѣянія, совершённаго надо мной, когда я былъ еще невиннымъ ребенкомъ! Я уже говорилъ объ этомъ съ княземъ, и онъ оказался такъ благороденъ, что считаетъ меня заранѣе очищеннымъ отъ пятна, которымъ заклеймили мое имя!

— Но чтò такое?... чтò такое?... вы подзадориваете наше любопытство!—сказалъ юстицъ-совѣтникъ.

Фабрикантъ Шиндлеръ игралъ цѣпочкой отъ часовъ.

— Я узналъ, что меня обвиняютъ въ томъ, что я будто бы убѣжалъ отсюда мальчикомъ, потому что укралъ 3,000 талеровъ въ большой банкирской конторѣ!

— Скажите! но кто же утверждаетъ это?—спросилъ Луціусъ.

— Пока только старикъ дядя, братъ моей матери, живущій въ богадѣльнѣ, единственный изъ моихъ родственниковъ, котораго я засталъ въ живыхъ. Онъ просто прогналъ меня отъ себя, когда я къ нему пришелъ, и объявилъ мнѣ, что я позорю его въ богадѣльнѣ, гдѣ всѣ старики знаютъ обо мнѣ, что хотя я и сталъ теперь капитаномъ, но мальчикомъ совершилъ воровство. Я убѣжалъ, видите ли, съ деньгами и здѣсь скорѣе попаду въ тюрьму, нежели въ новый флотъ...

— Это все одна старческая злоба!—вмѣшался Шиндлеръ.— Они такіе тамъ ехидные въ богадѣльняхъ! Сердца у нихъ совсѣмъ высыхаютъ. Эти старики только и думаютъ, что о своей мясной порціи, о своей похлёбкѣ, о своихъ сигарахъ. Я это знаю. Я самъ управляю подобными богадѣльнями. Къ тому же, это такая древняя исторія... истцы давнымъ-давно вѣроятно схоронены... свидѣтели въ могилѣ...

Все это подтвердилъ и Луціусъ—слабымъ, но спокойнымъ голосомъ.

— Но, господа! — возразилъ Голль, машинально садясь на стулъ, который Луціусъ пододвинулъ къ нему такъ, что онъ приходился спиной къ Шиндлеру, я-то живъ! Я долженъ добиться того, чтобы честь моя была возстановлена! Какъ могу я примириться съ клеветой, которая будетъ преслѣдовать меня шагъ за шагомъ, мѣшать всѣмъ моимъ предпріятіямъ! Эта клевета приписываетъ мнѣ преступленіе, котораго я никогда не совершалъ! И когда я подумаю, что совершенно посторонній человѣкъ, который часто дружески разговаривалъ со мною, далъ мнѣ средства выбраться изъ того злополучнаго положенія, въ какомъ я находился у своихъ родителей и своего хозяина (я учился слесарному ремеслу), и что, быть можетъ, этотъ человѣкъ былъ связанъ съ этимъ преступленіемъ и вздумалъ свалить вину на меня, то про-

сто прихожу въ ярость! Я долженъ найти этого человѣка! Я долженъ схватить его за шиворотъ и затрясти до смерти! Я долженъ ему сказать: ты совершилъ ужасное дѣло надъ человѣкомъ! отдай мнѣ назадъ мое *я!* Я непремѣнно найду этого человѣка. Онъ былъ тогда еще молодъ! Онъ долженъ быть еще живъ! Только уличивъ его, наказавъ его, я могу возстановить свою честь и спокойствіе всей своей жизни!

— Вы уже разыскали приказъ объ арестѣ?—спросилъ юстицъ-совѣтникъ послѣ долгой паузы.

— Вотъ объ этомъ-то я именно и хочу васъ просить! Г. Оттомаръ Альтингъ, который, конечно, помогъ бы мнѣ въ этомъ дѣлѣ, внезапно уѣхалъ съ фрейлейнъ Мартой Элердтъ въ имѣніе графа Трейенфельса. Въ противномъ случаѣ я бы не сталъ утруждать васъ своей просьбой.

— Мартой Элердтъ?—спросилъ юстицъ-совѣтникъ разсѣянно.

— Я принятъ у Альтинговъ, какъ родной сынъ. Тамъ я познакомился съ этой особой, которую очень уважаетъ мой другъ Вольни! Это славный кругъ людей! Образованіе и доброта сказываются въ каждомъ словѣ, которое тамъ говорится (съ дочерью я еще незнакомъ), и передъ такими-то людьми я могу привести въ свое оправданіе только то, что подозрѣніе несправедливо! Я ничѣмъ не могу подкрѣпить своего протеста. Внѣшнія обстоятельства, мой побѣгъ изъ родительскаго дома, о которомъ я никогда не скрывалъ, набрасываютъ на меня подозрѣніе.

— Господинъ капитанъ... вы слишкомъ преувеличиваете—сказалъ Луціусъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! я долженъ принять мѣры!—отклонялъ Голль попытку легко отнестись къ его дѣлу.

— Вы желаете слѣдовательно, чтобы я разслѣдовалъ обстоятельства дѣла? чтобы я порылся въ старыхъ правительственныхъ газетахъ? Въ самомъ дѣлѣ, при моемъ недосугѣ...

Луціусъ умолкъ; ему трудно было солгать.

— Господинъ совѣтникъ,—началъ Голль страстно взволнованнымъ, но нисколько не подозрительнымъ тономъ,—я поручаю вамъ вести дѣло, если только у васъ есть на это время! Князь проситъ васъ взяться за него. Я не стану требовать, чтобы вы того таинственнаго благодѣтеля... Боже мой! я столько лѣтъ почиталъ его! Въ бурю и въ непогоду, во время крушенія «Счастливой Мэри» и при пушечной пальбѣ въ войну за освобожденіе, я думалъ о немъ! Думалъ съ любовью и надеждой, съ страстнымъ желаніемъ когда-нибудь еще разъ увидѣться съ нимъ въ жизни!

Шиндлеръ, тронутый, всталъ и отвернулъ лицо къ закрытому окну, потому что у него навертывались слезы на глазахъ.

Голль продолжалъ:

— Его послѣднее «прощай» звучитъ у меня въ ушахъ! Потомъ мнѣ видится гавань, куда я, наконецъ, прибылъ! «Счастливая Мэри», вся черная, точно вымазанная сажей, стоитъ у меня передъ глазами! Какой добродушный и веселый малый былъ ея капитанъ! Добрый, честный человѣкъ принялъ меня такъ, какъ если бы я былъ сыномъ его лучшаго друга. А мой такъ-называемый благодѣтель всего только роспилъ съ нимъ двѣ бутылки вина въ погребкѣ! Ахъ! и затѣмъ это страшное зрѣлище у острова св. Ѳомы! Но въ бѣдѣ и въ опасности я говорилъ себѣ: тяжка корабельная служба, но человѣкъ этотъ желалъ мнѣ добра! Въ навигаціонной школѣ, которую я посѣщалъ, я не забывалъ своего благодѣтеля! И когда снова наступила опасность, подъ градомъ пуль изъ окоповъ и фортовъ Миссиссипи, я опять-таки говорилъ себѣ: тяжкія времена, но человѣкъ этотъ желалъ мнѣ добра. И вотъ, вдругъ теперь я узнаю, что былъ жертвой гнуснаго замысла...

Шиндлеръ ворочалъ шеей отъ волненія. Кровь бросилась ему въ голову. Онъ распустилъ галстухъ.

— Если бы я могъ найти его,—продолжалъ капитанъ,—то я бы высказалъ ему, что онъ сдѣлалъ со мной. Какъ могъ онъ знать, чтó мнѣ не понадобится моя честь и моя добрая слава! Для того, чтобы оправдаться, я долженъ его найти, его наказать! Укралъ! я! Мальчикъ, только и мечтавшій, что о морѣ и ежедневно проливавшій море слезъ отъ худого обращенія! Этотъ человѣкъ устроилъ мнѣ счастливое настоящее, но разрушилъ мое будущее! Г-нъ совѣтникъ, помогите мнѣ наказать преступленіе, совершённое надо мной... средства мои позволяютъ вполнѣ вознаградить васъ за хлопоты! Я употреблю тотъ досугъ, который мнѣ предоставляетъ князь, на то, чтобы розыскать того человѣка, имя котораго я слышалъ... но... съ теченіемъ, времени... Боже мой, Боже мой! какъ его звали!

— Не ищите далѣе!—выступилъ Шиндлеръ изъ своего темнаго угла, въ величайшему ужасу юстицъ-совѣтника. Злодѣй, посягнувшій на вашу жизнь—я! Меня зовутъ Шиндлеръ... развѣ вы не помните?

И къ великому удивленію Голля, въ памяти котораго сверкнулъ точно лучъ молніи, фабрикантъ продолжалъ, ударивъ себя въ грудь:

— Я уважаемый бюргеръ этого города, фабрикантъ... Да,

вы правы! Я хотѣлъ скрыть проступокъ друга... другъ этотъ давно умеръ, давно схороненъ! Никакая сила въ мірѣ не заставитъ меня назвать его! Двадцать комми́ работало у Арнима и Вегенера! Что я виновенъ, я этого не отрицаю. Но судъ едва ли приметъ вашу жалобу: только отмѣна приказа объ арестѣ можетъ еще вызвать нѣкоторыя формальности. Что я самъ, я, Гейнрихъ Іоганнъ Шиндлеръ, укралъ три тысячи талеровъ, это такое предположеніе, надъ которымъ вы сами, г. капитанъ, расхохочетесь! Бросьте все это, капитанъ! пусть вашъ старый дядя злится на свою маленькую мясную порцію! Мы можемъ столковаться! Вотъ я на лицо! Убейте меня, или что̀ тамъ вы еще собираетесь со мной сдѣлать?

Густавъ Голль всталъ. Онъ вглядывался въ черты стоявшаго передъ нимъ человѣка. Луціусъ отступилъ назадъ, проговоривъ задыхающимся голосомъ:—какая удивительная встрѣча!... Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за движеніями моряка, который медленными шагами подошелъ къ Шиндлеру и уставя на него свои голубые глаза, промолвилъ:

— Что̀ я съ вами хочу сдѣлать? Да! или убить васъ, или...— долго вглядывался онъ въ лицо, ставшее для него совсѣмъ чуждымъ и увидѣлъ столько доброты въ глазахъ своего стараго знакомаго, столько достоинства въ его позѣ, что не только произнесъ слова:—простить вамъ вашу юношескую шалость!—но и привелъ ихъ въ исполненіе. — Такъ это были вы!—проговорилъ онъ, со слезами обнимая своего фальшиваго благодѣтеля. — Поступокъ вашъ былъ дуренъ, но вы были молоды и я вижу, что вы честно прожили свой вѣкъ! Вы все-таки честный человѣкъ! И если я правильно сужу о вещахъ, то вы все-таки устроили мою судьбу и помогли мнѣ образоваться! Но лучше всего то, что вы единственный человѣкъ, который можетъ освободить меня отъ приказа объ арестѣ! Какое счастье! какое счастье!

— Я охотно это сдѣлаю!—отвѣчалъ Шиндлеръ съ свойственнымъ ему юморомъ. — Я охотно просижу три года въ тюрьмѣ за утайку показанія и четыре года за оскорбленіе чужой чести! Но прежде пойдемте ко мнѣ, и немедленно! мы поговоримъ о моемъ заключеніи въ моемъ собственномъ домѣ. Послѣ холостого обѣда я всегда бываю немного возбужденъ и долженъ еще роспить бутылочку! Да и сигары у меня недурны!... Доброй ночи, совѣтникъ! Проститесь съ выгоднымъ процессомъ! Мы иначе устроимъ дѣла. Да, такъ угодно Богу!

Послѣднія слова Шиндлеръ проговорилъ такъ рѣзко, точно

будто Луціусъ былъ ему самымъ дальнимъ знакомымъ, у котораго онъ случайно находился въ гостяхъ.

— Но мое молчаніе...,—хотѣлъ-было возразить Луціусъ.

Но Шиндлеръ перебилъ его и какъ хорошій актеръ замѣтилъ:

— Совѣтникъ навѣрное усталъ послѣ обѣда, и его слѣдуетъ удалить отъ зрѣлища раскаянія, стыда... уличеннаго преступника. Что касается вашего молчанія, то оно славится столько же, сколько молчаніе Вильгельма Оранскаго или Мольтке.

Густавъ Голль уже вышелъ изъ комнаты. Открытый благодѣтель и врагъ его попросилъ его приказать прислугѣ кликнуть «карету Шиндлера».

— Мужайся, мужайся, другъ мой! — вскричалъ Шиндлеръ, оставшись наединѣ съ Луціусомъ.—Теперь все спасено! Успокойся! ты умеръ, похороненъ! Выкажи всю свою силу! Ты вѣдь вновь родился на свѣтъ Божій!

Голль пришелъ сказать, что экипажъ поданъ; но еще не успѣлъ отъѣхать экипажъ, Луціусъ все еще не успѣлъ опомниться отъ случившагося, какъ Шиндлеръ снова вбѣжалъ въ комнату, вынулъ изъ шкапа револьверъ и сунулъ его въ карманъ, проговоривъ:—онъ не заряженъ и никому не можетъ здѣсь пригодиться.

И быстро исчезъ. Карета покатилась. Рошке получилъ еще на-водку и пришелъ спросить: тушить ли газъ?

— Потуши всѣ рожки и запри двери!

Самъ же Луціусъ упалъ на диванъ и углубился въ размышленія: хорошо ли сдѣлалъ Шиндлеръ и не поторопился ли онъ?— и только тогда, когда семья его пріѣхала изъ оперы, усталая и съ «волчьимъ голодомъ», какъ выражались дочки (онѣ досидѣли до конца оперы, не столько ради прелести Вагнеровской музыки, сколько ради того, чтобы пощеголять туалетами), отправился совѣтникъ на покой.

А. Э.

ОГНЕННОЕ ДѢЛО

Изъ очерковъ Сѣвернаго Зауралья.

Тяжелая година настала для сѣверныхъ зауральцевъ. «Сибирка»,—эта губительная язва, за послѣднее время почти ежегодно появляющаяся на пресловутыхъ трактахъ сибирскомъ и ирбитскомъ, — обколесила почти весь край, поглощая съ невообразимой быстротой лошадей, коровъ, овецъ, и тѣмъ нанося страшный, зачастую ничѣмъ непоправимый, вредъ крестьянскому хозяйству. Задумались земскіе дѣятели, озаботились даже представители заводо-владѣльческихъ интересовъ, пріуныли крестьяне и заводскіе мастеровые.

И было надъ чѣмъ задуматься, чѣмъ озаботиться и отъ чего пріуныть: — гибла рабочая сила зауральскаго мужика, средство существованія какъ его самого, такъ и окрестныхъ заводовъ, пользовавшихся до 19-го февраля 1861 года его безвозмезднымъ трудомъ; уничтожалось и безъ того немудрое крестьянское хозяйство.

— Какъ внесутъ крестьяне земскіе налоги?—думаютъ представители земства, и шлютъ, однихъ за другими, ветеринаровъ и фельдшерскихъ учениковъ, поручая имъ, за невозможностью принять энергическія мѣры къ уничтоженію зла, наблюдать за надлежащимъ зарытіемъ труповъ павшихъ животныхъ, хлопотать объ устройствѣ сожигательныхъ печей, взваливая на нихъ, такимъ образомъ, обязанности земской полиціи и сельскихъ старостъ.

— Какимъ образомъ приступить намъ къ заготовкѣ угля и дровъ, къ перевозкѣ металла на пристани? Людей, пожалуй, хватитъ, а лошадей-то гдѣ мы возьмемъ? — задаютъ себѣ вопросы,

одинъ другого неразрѣшимѣе, заводскіе управляющіе и управители, отдавая затѣмъ приказанія объ отпускѣ денегъ на «прижигалки» для ранъ и опухолей, «ремней» для перевязокъ и тому подобныхъ средствъ для поданія первоначальной помощи;— карболовой же кислоты, для смазки ранъ, или, по просту говоря, «сока изъ-подъ доменныхъ печей», на заводахъ не занимать стать, и потому сокъ этотъ отпускался въ волю.

— Чѣмъ прокормлю я мою семью? Гдѣ и кàкъ заработаю на подати и на повинности? — недоумѣваетъ зауральскій мужикъ, безнадежно оглядывая свое разоренное гнѣздо, и бредетъ онъ затѣмъ въ лѣсъ, крадучись и остерегаясь бдительнаго глаза сельскаго старосты, находитъ мѣсто, гдѣ зарыта его «скотина», сдираетъ съ нея кожу и также осторожно возвращается домой.

— По малости хоть на обувь себѣ да хозяйкѣ хватитъ, — говоритъ онъ самъ себѣ, вѣшая кожу въ завозню и не думая о заразѣ.

Не въ лучшемъ положеніи были и «сиверцы», — обитатели деревни Сѣверной, стоящей въ лѣсу, у малопроѣзжей проселочной дороги, на грани двухъ отдѣльныхъ горнозаводскихъ лѣсныхъ дачъ.

«Сѣверная» была скорѣе не деревня, а выселокъ другого, хотя и большого по числу дворовъ, но столь же бѣднаго села Ясашнаго. Тридцать лѣтъ тому назадъ, три семейства ясашинцовъ, по прозвищу Ѳедорченковы, видя небогатое положеніе своего села, испросили разрѣшеніе выселиться за пятнадцать верстъ отъ Ясашнаго, въ самую чащу лѣсныхъ дебрей, по прямой линіи между двумя сосѣдними большими заводами.

Думалось этимъ людямъ, что мѣстность, которую они очистятъ трудовымъ своимъ пòтомъ, должна будетъ принадлежать имъ въ полную собственность, безъ всякихъ за нее налоговъ; потомъ они надѣялись, такъ кàкъ ихъ выселокъ будетъ лежать на прямомъ и самомъ короткомъ пути между двумя значительными заводскими центрами, что имъ удастся проложить здѣсь проѣзжій проселочный трактъ, по которому товары начнутъ возить, да чиновные, заводскіе и торговые «господа» станутъ ѣздить.

Разрѣшеніе, наконецъ, было дано, и семьи Ѳедорченковыхъ, почти за сто лѣтъ до того перенесенныя, Богъ вѣсть какими судьбами, съ привольныхъ степей Украйны въ дремучіе лѣса Зауралья, отправились гурьбой въ самую чащу лѣса рубить кондовыя десятивершковыя бревна, сжигать поросль и мелкій кустарникъ, вырывать могучіе пни и затѣмъ строить избы, на первое время безъ трубъ, съ простымъ отверстіемъ въ крышѣ. Ревъ

медвѣдей, встрѣча съ волками, не пугали зауральскихъ колонизаторовъ: Ѳедорченковы, съ несвойственною ихъ натурѣ настойчивостью и упрямствомъ, отбросили въ сторону малороссійскую лѣнь и съ энергіей принялись за тяжелую, на видъ непосильную работу заселенія на новомъ, необитаемомъ до того мѣстѣ.

Арина Петровна Ѳедорченкова, жена одного изъ ясашинскихъ переселенцевъ, осталась вдовою годовъ черезъ пятнадцать послѣ возникновенія деревни Сѣверной. Мужъ ея, Данила Игнатьевъ, былъ мужикъ «аккуратный и трезвый», такъ что хозяйство ихъ замѣтно выдавалось между «домашностью» остальныхъ сиверцовъ. — Данила успѣлъ устроить свой домъ какъ тому надо быть; огородилъ свою перемѣну, засѣялъ поля, завелъ скотъ, купилъ двухъ коней, на которыхъ пускался на заводскія работы. Но смерть подкосила его почти передъ самымъ освобожденіемъ и дѣла его осиротѣлой семьи пошли плохо. Остались, правда, послѣ него два парня, да одинъ изъ нихъ, старшій, Павелъ, былъ не такъ-то здоровъ, а меньшенькій, Максимъ, остался послѣ отца на второмъ годочкѣ. Тутъ же подошло вскорѣ и освобожденіе, а съ нимъ вмѣстѣ и налоги да подати, о которыхъ жители выселка и не чуяли до того. Земля, которую они расчищали своими руками, оказалась господской и обложена оброкомъ; окружавшій ихъ лѣсъ сдѣлался казеннымъ; каждая лѣсина или жердь, каждый колъ, отпускались не иначе, какъ за полупопенныя деньги. Однимъ словомъ, Ѳедорченковы, подобно остальнымъ заводскимъ крестьянамъ и мастеровымъ, которыхъ сѣкли еще наканунѣ самаго дня освобожденія, почувствовали на себѣ ярмо новой, если не крѣпостной, то податной зависимости. Безъ надѣла, безъ отвода ни полевыхъ, ни лѣсныхъ угодій, безъ права безвозмезднаго пользованія той порослью, которая покрывала ихъ запущенныя пашни, да незначительныя между деревьями покосныя мѣста,—крестьяне деревни Сѣверной, подобно остальнымъ заводскимъ людямъ всего Зауралья, пошли снова въ заводы искать работы за деньги, которыя они опять возвращали заводовладѣльцамъ и казнѣ въ видѣ оброка, лѣсного налога и другихъ повинностей. Начался, однимъ словомъ, тяжелый, нескончаемый трудъ — трудъ изъ-за существованія, который приноситъ съ собой одинъ только кусокъ черняго хлѣба, да и тотъ зачастую чёрствый....

Углевая или такъ-называемая «огненная» работа принадлежитъ къ числу самыхъ тяжелыхъ вспомогательныхъ заводскихъ

работъ. Для того, чтобы добыть коробъ угля и тѣмъ заработать отъ 80 копѣекъ до одного рубля, надо нарубить одну четверть или треть сажени дровъ куренной мѣры; когда количество нарубленныхъ дровъ дойдетъ до десяти саженъ, надо сложить ихъ въ кучи, одернить, осыпать землей и зажечь, тщательно наблюдая за тѣмъ, чтобы уголь вышелъ не менѣе какъ въ кубическій вершокъ, такъ какъ болѣе мелкій на заводахъ не принимается и останется на шеѣ углевщика. Работа начинается въ концѣ апрѣля, среди распутицы и грязи, съ того, что приступаютъ къ рубкѣ дровъ, оканчивая ее непремѣнно къ 1-му іюля, съ котораго времени наступаетъ въ сѣверномъ Зауральѣ страдная пора.

Съ началомъ страды крестьянинъ и мастеровой одинаково бросаютъ всякую постороннюю работу, какая бы она ни была, и идутъ на косьбу да на жнитво. Какъ ни незначительны полевыя угодья заводскихъ крестьянъ, какъ ни неприглядно ихъ хлѣбопашество, но въ немъ, со времени освобожденія, заключается главная основа сельскаго крестьянскаго хозяйства, поддерживаемаго и улучшаемаго только заработками, почему всякій дорожитъ страдой и спѣшитъ пользоваться скуднымъ сѣвернымъ лѣтомъ. Пріостанавливаются заводскія работы, умолкаютъ «неугасимыя» безъ того доменныя печи, поднимаются плотинные запоры, очищается парящій надъ заводомъ воздушный сводъ. Ярче, какъ-то любовнѣе, смотритъ солнце на заводскій людъ, уходящій весь цѣликомъ, съ пѣснями и плясками, на вольныя полевыя работы, проводитъ день и ночь не у пудлинговыхъ или доменныхъ печей, не у зажженныхъ и дымящихся угольныхъ кучъ, не въ лѣсу среди однообразныхъ, клейменныхъ полѣнницъ дровъ,— а подъ открытымъ небомъ, на лугахъ и поляхъ, у зародовъ сѣна и копенъ хлѣба, гдѣ нѣтъ ни смотрителей, ни уставщиковъ, ни набившей оскомину урочной или штучной работы. Хорошо и привольно дышется этимъ людямъ! Они какъ-будто спѣшатъ вознаградить себя за долгіе дни и ночи, проведенные у огня, среди чугуна, желѣза и угля, поглощающихъ ихъ силы, разрушающихъ здоровье и превращающихъ ихъ, въ сорокъ съ небольшимъ лѣтъ, въ неспособныхъ болѣе заниматься работой, къ которой ихъ пріучили съ дѣтства...

Кончается страдное время: много осталось не сробленнымъ, хлѣбъ только-что насаженъ въ овины, зароды сѣна еще не вполнѣ уставлены, надо бы все это кончить; но неумолимые заводы не ждутъ—снова зовутъ они рабочихъ въ свои объятія, грозя опоздавшимъ штрафомъ, а не то,—такъ и полнымъ отказомъ отъ работъ, т.-е. нищетой и безысходнымъ бѣдствіемъ. И возвращается

заводскій людъ на прежнюю работу; опять загораются доменныя печи, приходятъ въ движеніе машинные станки, раздаются по лѣсамъ удары топоровъ дроворубовъ, начинается углежженіе. Это конецъ августа, когда всюду, кромѣ заводскаго края, жатвенная страда въ полномъ разгарѣ. Поэтому и спѣшатъ всѣ покончить во-время хоть съ самыми главными работами; у кого семья поменѣе или угодій поболѣе, тотъ нанимаетъ безнадѣльныхъ мужиковъ и бабъ; всякій, кто только можетъ и хочетъ работать, идетъ на поля «отробливать страду»; прислуга оставляетъ нанимателей, зная хорошо, что съ косой да граблями въ рукахъ она болѣе заработаетъ, чѣмъ съ метлой или половой щеткой.

Съ Воздвиженья углевщики приступаютъ къ кладкѣ кучъ, оканчивая ихъ одерненіе и осыпку къ половинѣ октября, когда, снова среди распутицы, безпрерывныхъ иногда дождей и мокраго снѣга, начинается самый выжегъ. Крайне оригинальную картину представляютъ горящія кучи: ѣдете вы, напримѣръ, по долгой просѣкѣ, окаймленной высокими, покрытыми снѣгомъ деревьями и глубокими сугробами снѣга, выѣзжаете на поляну, и передъ вашими глазами являются дымящіяся массы; по временамъ высовываются изъ нихъ большіе огненные языки, ярко освѣщая какія-то черныя фигуры, копошащіяся около огня, — а кругомъ бѣлая, снѣжная равнина.

— Чтó это такое? — спрашиваете вы своего ямщика, пораженные своеобразнымъ, тѣмъ не менѣе великолѣпнымъ видомъ, напоминающимъ картину валпургіевыхъ ночей, но только на бѣломъ фонѣ.

— Кучи горятъ! — флегматично отвѣчаетъ возница, удивленный, что вы сами не догадались.

Первоначально, по выходѣ манифеста объ освобожденіи, администраціи зауральскихъ заводовъ, — не довѣряя ли бывшимъ крѣпостнымъ, по недодумію ли и неохотѣ вникнуть поглубже въ интересы окружающаго ихъ крестьянства — отдавали всѣ заводскія вспомогательныя работы «на отрядъ», одному или нѣсколькимъ подрядчикамъ, которые, въ свою очередь, раздѣляли подрядъ по частямъ, между населеніемъ окрестныхъ деревень, сбавляя, разумѣется, договоренную плату до возможнаго. Подъ видомъ заботъ о пропитаніи рабочихъ и доставленіи имъ наиболѣе удобствъ относительно «харчеванія», кулаки-подрядчики закупали запасы провизіи весьма сомнительнаго качества и продавали ее въ-тридорога заподрядившимся у нихъ крестьянамъ,

въ счетъ будущаго заработка. Земская полиція, хотя и видѣла это явное нарушеніе закона, воспрещающаго подобнаго рода операцію, но молчала, такъ какъ за подрядчикомъ горой стояла прежняя заводская администрація, за которую полиція постоянно и крѣпко цѣплялась, словно устрица за раковину. Поэтому, когда иная партія рабочихъ, забредшая въ самую глубь горнозаводскихъ дачъ, теряла терпѣнье отъ гнилой пищи, поставляемой подрядчикомъ, начинала роптать и выказывала намѣреніе кинуть работу,—тотчасъ же наѣзжалъ чинъ уѣздной полиціи, напускался на голодныхъ рабочихъ, грозилъ имъ острогомъ, чуть не каторгой, и дѣло улаживалось. Только-что скинувшій съ себя, и то скорѣе номинально, ярмо крѣпостничества, крестьянскій людъ умолкалъ передъ подобными угрозами; понуря голову, принимался онъ за тяжелую огненную работу, подбодряемый обдающимъ его спереди пламенемъ и дымомъ, а сзади трескучимъ 30-градуснымъ морозомъ, согрѣваясь только щами изъ промерзлой черной капусты. Когда же приходилось имѣть дѣло съ людьми болѣе строптивыми, неугомонными, то полиція прибѣгала къ средству, находившемуся тутъ же у ней подъ рукой:—въ то время, когда бòльшая часть нашего отечества начала уже пользоваться благодѣтельными послѣдствіями судебной реформы, въ зауральскихъ заводахъ, селахъ и деревняхъ, среди непроѣздныхъ лѣсовъ Зауралья, раздавались крики и стоны людей, выносящихъ несчетные удары розогъ.

До сихъ поръ еще не изгладились слѣды временъ царствованія исправника-звѣря, считавшаго зуботычину и пощечину одной лаской. Пріѣздъ его въ село или заводъ заставлялъ трепетать все населеніе, такъ какъ всякій зналъ, что исправникъ даромъ не пріѣдетъ, что не обойдется безъ жертвъ, которыя если и не умрутъ подъ ударами палокъ и розогъ, то останутся надолго «изуроченными». Донынѣ еще содрогаются, при одномъ воспоминаніи о немъ, тѣ, которые побывали въ его рукахъ, да и есть съ чего: у однихъ—своročены скулы, выбиты зубы; у другихъ—поврежденъ спинной хребетъ; у третьихъ—отшиблена память... и все это ему сходило съ рукъ: его поддерживали «въ губерніи» и считали чуть-ли не лучшимъ администраторомъ. За то, кàкъ легко вздохнули зауральцы, кàкъ широко и усердно перекрестились они, когда, послѣ одной сенаторской ревизіи, исправникъ этотъ былъ убранъ. Имя его до сихъ поръ служитъ пугаломъ и угомономъ для крестьянскихъ дѣтей.

«Тише, ты!—кричитъ крестьянка-мать на разоравшагося ребенка,—смотри, Яшеву отдамъ!»—ребенокъ умолкаетъ...

Убѣдились ли заводскіе администраторы въ томъ вредѣ, который принятая ими система приносила экономическому быту окрестнаго населенія; сознали ли они, что эксплуатація рабочихъ подрядчиками невыгодно отражалась на самыхъ работахъ, или нó-просту изъ-за каприза, — но въ послѣднее время они стали отдавать подряды на работы предпочтительно артелямъ рабочихъ, связанныхъ между-собой круговою порукою. Хоть и пришлось мужикамъ самимъ отвѣчать за произведенную работу, подвергаться вычетамъ за недоработки, входить въ сношенія съ куренными мастерами и лѣсообъѣздчиками,—но имъ какъ-будто полегчало; по крайности высвободились они изъ-подъ тяготы подрядчиковъ, напоминавшихъ имъ зачастую худшія времена крѣпостничества. Хлѣбъ они ѣдятъ хоть и чёрствый, но свой и не затхлый; плату они получаютъ за свой трудъ, глядя по договору съ конторой, безъ сторонннихъ «посредственниковъ»; работаютъ они для себя, а не для другого; если сами не обогащаются, то не обогащаютъ своимъ трудомъ и своими лишеніями человѣка, который отплачивалъ имъ однимъ только обсчитываніемъ, да обманомъ. — Вотъ чтó любо зауральскому рабочему, вотъ чтó облегчаетъ ему теперь его тяжелый трудъ, служащій подспорьемъ въ хлѣбопашеству и безъ котораго ему не поддержать свое немудрое хозяйство, не прокормить свою семью. — Цѣлый годъ кругомъ работаетъ онъ, переходя отъ пашни къ куренной постати (на которой заготовляетъ уголь или дрова), отъ постати къ перевозкѣ руды или желѣза,—работаетъ безустанно, не зная отдыха, и все же не можетъ никакъ устроить или улучшить своего положенія. Пятнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ народу возвѣщена была свобода и начертаны основанія къ устройству быта крестьянъ-собственниковъ, а зауральскій мужикъ до сихъ поръ не знаетъ—ни того, чѣмъ онъ теперь владѣетъ,—ни того, чѣмъ онъ будетъ владѣть... За эти пятнадцать лѣтъ крестьянскій вопросъ на Уралѣ не двинулся ни на шагъ,—въ этомъ бѣда края и главнѣйшая причина низкаго уровня благосостоянія зауральскаго населенія...

Максиму Ѳедорченкову только-что стукнулъ пятнадцатый годъ, когда на заводахъ завелись новые порядки. Сызмалѣтства привыкъ онъ къ лѣсной работѣ: еще ребенкомъ бѣгалъ онъ, за поселившимся у нихъ въ избѣ дядей Софрономъ, въ окружной лѣсъ, помогалъ ему таскать валежникъ и мелкую поросль, а не тó такъ и цѣлыя жерди, припасая такимъ родомъ топливо нá-зиму. Дѣла не было Максимкѣ, что онъ бралъ безъ дозволенія чужой лѣсъ;

ему и въ голову не приходило, что этого законъ не дозволяетъ: онъ видѣлъ, что не одинъ только дядя Софронъ, но и другіе мужики «по-дрова́» въ сосѣднюю чащу ходятъ — и слѣдовалъ за ними.

«Когда еще придетъ до насъ очередь; въ кои поры вздумаетъ начальство намъ билетъ выправить, а мы сиди безъ дровъ!» съ уморительною важностью повторялъ за другими маленькій самовольщикъ. — «Лонись (въ прошломъ году) билетъ-то къ зимнему Николѣ привезли, такъ вѣдь ка́къ, паря, вся деревня-то натерпѣлась; мы, мужики, и ума не приложили», глубокомысленно прибавлялъ онъ и, махнувъ рукой, отправлялся въ лѣсъ на самовольную порубку.

Никакъ не складывается въ головѣ крестьянъ понятіе о незаконности совершаемыхъ ими безъ разрѣшенія порубокъ. Ежегодно вносятъ они лѣсной налогъ, подаютъ свѣдѣніе или, по мѣстному выраженію, «счётку лѣса и дровъ», потребныхъ на предстоящій годъ; имъ извѣстно, что за этотъ налогъ они имѣютъ право получить пять бревенъ, десять жердей, двадцать кольевъ и пять саженъ дровъ квартирной мѣры. Наступитъ время рубки, подойдетъ пора заготовки на́-зиму запасовъ топлива, а лѣсорубочнаго билета все нѣтъ: горнозаводское начальство живетъ въ теплѣ, ему строиться не надо, и не къ чему загородь дѣлать, — ну, оно и не торопится. Крестьянину же ждать не приходится; весной, при выпускѣ скотины на подножный кормъ, онъ спѣшитъ огородить свою «перемѣну», дабы предохранить отъ потравы посѣянное имъ незначительное количество хлѣба; лѣтомъ — надо пользоваться длинными днями, чтобы успѣть завозню подправить, на дыру въ крышѣ заплату положить, двери и ворота обновить, а тутъ, глядишь, и студёное время наступило, топлива требуетъ... Не понятны ли послѣ этого тѣ самоволья зауральскихъ крестьянъ, за которыя ихъ нынѣ преслѣдуютъ и которыя состоятъ въ томъ, что — нужный имъ для домашняго обихода и оплаченный ими налогомъ — лѣсъ они рубятъ въ неотведенномъ лѣсосѣкѣ? Видна ли въ этомъ та злая воля, которая одна только карается закономъ? Бываетъ иногда, что мужикъ въ теченіи трехъ-четырехъ лѣтъ не вывозитъ слѣдуемаго ему за налогъ лѣса, думая накопить его и затѣмъ отстроить хоть новый амбаръ или овинъ, — но и тутъ его опять преслѣдуютъ за самоволье, такъ какъ, по лѣсному уставу, онъ не имѣетъ уже права, по истеченіи двухъ лѣтъ, вывозить съ мѣста порубки отпущенный ему за налогъ лѣсъ и онъ — пользуясь тѣмъ, за что́ заплатилъ кровныя деньги — преступаетъ законъ. Крестьянинъ, въ концѣ-концовъ,

теряетъ голову, не понимая, въ чемъ состоятъ требованія закона, и пускается въ самовольныя порубки.

Максимка, подобно своимъ односельчанамъ, искусился въ тайномъ провозѣ бревенъ и жердей изъ лѣса домой: нарубитъ онъ, бывало, два-три бревна, съ десятокъ жердей, оставитъ ихъ въ самой чащѣ, далеко и скрытно отъ глазъ лѣсной стражи; а подойдетъ пора удобнаго пути, такъ перевезетъ ихъ къ себѣ въ ограду—до того крадучись, употребитъ ихъ въ дѣло—до того скоро, что никто еще ни-разу не словилъ его—ни полѣсовщики, ни объѣздчики, ни самъ лѣсничій.

«Ну, ужъ шустрый у Арины паренёкъ, диво просто!» говорили промежъ себя «сиверцы», глядя на бойкую изворотливость Максимки.

Когда ему минуло десять лѣтъ, Максимка сталъ ѣздить на куренныя работы. По нраву пришлась ему чуднàя жизнь среди дремучихъ лѣсовъ, у пылающихъ углевыхъ кучъ, среди дыма и копоти; жутко подчасъ становилось ему, слыша издали грозный ревъ лѣсныхъ обитателей, громкимъ эхомъ разносимый по окрестностямъ. Невольный трепетъ пробиралъ все молодое существо ребёнка, съ крикомъ и плачемъ кидался онъ къ работающимъ у кучъ мужикамъ...

«Эка дурень, паря,—ободряли его старшіе,—вѣдь звѣрь дивно отсюда ревётъ; энто только лѣшій разноситъ»,—и мальчикъ успокоивался, вѣрилъ, что это дѣйствительно лѣшій разноситъ звѣриный ревъ, привыкалъ къ лѣсной жизни и, наконецъ, совсѣмъ съ нею свыкся.—Когда же заводское начальство стало отдавать куренныя работы артелямъ, онъ былъ изъ первыхъ, представившихъ поручную запись.

Горячо принялся пятнадцатилѣтній рабочій за привычный для него трудъ; съ бóльшей еще охотой поѣхалъ онъ на этотъ разъ въ знакомую чащу рубить дрова и готовить ихъ къ осени, чтобы затѣмъ приступить къ клажѣ, одерненію и осыпкѣ кучъ; полученный отъ конторы задатокъ онъ отдалъ матери на домашность, а самъ удовольствовался чернымъ хлѣбомъ и квасомъ. За то съ какимъ наслажденіемъ садился онъ, въ каждую свою побывку въ Сѣверной, за столъ, уже издали примѣтивъ приготовленную заботливой рукой матери чашку съ пильменями. Это была роскошь зажиточныхъ людей, которую обѣднѣлая Арина позволяла себѣ только для нѣжно-любимаго кормильца-сына....

Въ тяжелую годину, ко временамъ коей относится нашъ разсказъ, судьба не пощадила Арины и ея сына; злая «сибирка» не обошла ихъ дома, унесла съ собой послѣдняго Максимкина

сиваго коня и единственную Аринину красную корову. Пригорюнились они оба; тяжелыя думы отуманили молодую голову Максима, крѣпко заныло сердце его старухи-матери. Будь ихъ только двое, они, можетъ, какъ-нибудь и справились бы съ бѣдой, но у Арины была еще небольшенькая дочь, да старшій сынъ ея Павелъ, лѣтъ пять тому умершій, оставилъ по себѣ больную жену и двоихъ ребятишекъ, которые жили у бабушки. Весь этотъ больной, безпомощный людъ увеличивалъ еще болѣе кручину Максима. Какъ на бѣду, ему не у кого было добраго совѣта спросить, потому что всѣ его сосѣди, оставшіеся подобно ему безъ скотины и рабочей силы, тоже не могли ума приложить. Скорбь, стонъ и плачъ носились надъ выселкомъ; ревѣли и причитывали бабы, пріуныли мужики; еще къ счастью ихъ, что во всей деревнѣ не было кабака, значитъ некуда нести послѣднюю лопатину и запивать виномъ тяжелую долю.

Но не вѣкъ горевать, надо и горю пособить; такъ и сѣверяне порѣшили, наконецъ, идти на заводъ, «къ барину», просить работы и двойныхъ задатковъ.

— Не дадутъ задатковъ, чтобы коней купить, такъ по крайности въ рудовозы къ подрядчикамъ наймемся,—порѣшили мужики, попрощались съ бабами и пошли за сто верстъ работы на хлѣбъ просить. Въ заводѣ ихъ ждали...

Многіе изъ крестьянъ сосѣдняго уѣзда, заключившіе еще ранней весной договоръ на поставку угля, отказались отъ подряда, такъ какъ и у нихъ оказался, вслѣдствіе той же «сибирки», полный недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ; а дѣло было дальнее, пѣшкомъ трудно было поспѣть; поэтому на постатяхъ куренныхъ много осталось дровъ, заготовленныхъ для углежженія, такъ что въ рабочихъ была потребность.

Предусмотрительная заводская администрація, по полученіи свѣдѣній о ходѣ сибирской язвы и числѣ поглощенныхъ ею лошадей, разочла по вѣдомостямъ предшествующаго года, сколько рабочихъ силъ поставляли сосѣднія мѣстности, разоренныя нынѣ страшной эпизоотіей, и, сообразуясь съ полученными выкладками, закупила на ближайшемъ конномъ рынкѣ потребное число лошадей, предложивъ ихъ затѣмъ, по своей цѣнѣ, замѣсто задатка стянувшимся въ заводъ рабочимъ изъ окрестныхъ деревень.

Подобная предупредительная мѣра была неожиданностью для бѣдняковъ, полагавшихъ, что имъ много и долго придется упрашивать передъ тѣмъ, чтобы получить двойные задатки и новую работу. Съ понятною въ ихъ положеніи алчностью согласились

они на предложенія заводоуправленія, тѣмъ болѣе, что предлагаемые кони были по преимуществу изъ киргизскихъ степей, крѣпкіе и выносливые; быстро разобрали подрядъ выжега угля изъ нарубленныхъ дровъ, не принимая, разумѣется, во вниманіе, насколько у кого хватитъ силъ и времени. Заводское начальство, со своей стороны, не желая пользоваться несчастіемъ мужиковъ, сложило со счетовъ выданныя первоначальнымъ работникамъ еще весной задаточныя деньги и назначило за кладку кучъ и выжегъ угля только двадцатью процентами менѣе цѣны за весь подрядъ, считая тутъ и рубку дровъ, такъ что рабочимъ пришлось получить по 80 копѣекъ за коробъ угля сосновой или иной хвойной породы.

Пришлись по сердцу эти условія и Максиму Θедорченкову; въ особенности приглянулись ему два вороныхъ коня, тощихъ и съ подведеннымъ брюхомъ, но жилистыхъ и широкогрудыхъ; зная по опыту нѣкоторый толкъ въ лошадяхъ, онъ предвидѣлъ въ нихъ хорошихъ работниковъ, способныхъ на чтó угодно. Стоили кони семьдесятъ рублей пара; чтобы уплатить эти деньги изъ половины подрядной цѣны, выдаваемой въ задатокъ, надо было взять на себя поставку двухъ-сотъ коробовъ. Подумалъ немного Максимъ и велѣлъ себя записать, въ подаваемомъ при артельной записи реестрѣ, на самое это количество и получилъ желаемую имъ пару коней, да еще пять рублей.

— Справишь-ли, Θедорченокъ, такой большой подрядъ?—посомнѣвался заводскій лѣсничій.

— Пошто не справить, Иванъ Иванычъ, — возразилъ Максимъ,—на двухъ коняхъ теперь робить стану; поспѣю!—и глаза мальчика заискрились отъ самодовольствія: впервые пришлось ему такой большой подрядъ брать, и онъ гордился этимъ.

Поспѣшилъ Максимъ на постать, гдѣ сложены были принятыя лѣсообъѣздчиками и заклейменныя уже дрова. Едва попростился онъ съ матерью, оставилъ ей пять рублей на покупку хлѣба, захватилъ съ собой чтó было овса и отправился: медлить нельзя было, приближалось Воздвиженье, а съ нимъ и кладка кучъ, которая вмѣстѣ съ одерненіемъ и осыпкою ихъ должна быть окончена черезъ десять дней послѣ Покрова, а тамъ надлежало начать самый выжегъ. На долю Θедорченкова выпадала обязанность сложить 50 саженъ дровъ куренной мѣры въ пять большихъ кучъ, а окончить эту работу въ двадцать-шесть дней куда какъ трудно!

Призадумался-было парень, да не надолго: перекрестясь, принялся онъ за работу—и та у него закипѣла; надо было видѣть,

какъ быстро переносилъ онъ семичетвертовыя дрова изъ полѣнницъ въ кучи, какъ живо уничтожались одинъ за другимъ отведенные ему осьминники (восьмая часть куренной сажени), какъ скоро превращались они въ кучи или костры.

Пріѣзжала къ нему не разъ сестрёнка съ племянницами, провѣдать объ его житьѣ-бытьѣ. Застали онѣ его въ то время, какъ онъ переносилъ бревно; не успѣлъ Максимъ донести бревно до мѣста кучи и напиться затѣмъ изъ лубочнаго «треска» (буракъ) привезеннаго сестрой свѣжаго квасу, какъ услыхалъ за собой дѣтскіе голоса:

— Дядя, а дядя, мотри, мы съ Афоней тащимъ лѣсину!— Онъ обернулся и увидѣлъ, что его маленькія племянницы, Афоня и Павла, тащутъ бревно. Раскраснѣлись дѣвчонки, натянулись жилы на ихъ ручёнкахъ, едва двигались онѣ, а все-таки бревно дотащили.

— Ай-да дѣвочки, молодцы! — смѣялись работавшіе около односельчане. Максимъ взялъ дѣвчонокъ на руки и крѣпко поцѣловалъ ихъ, восхищенныхъ совершённымъ ими подвигомъ. Долго еще послѣ того разсказывали дѣти, какъ они дядѣ Максиму лѣсину помогали таскать.

Не минулъ еще Покровъ, а у Өедорченкова всѣ пять кучъ были складены, оставалось только ихъ одернить и осыпать землей, устроивъ надлежащій токъ для воздуха. Окончивъ и эту работу, Максимка, какъ разъ къ сроку, далъ осмотрѣть ее куренному мастеру и съ удостовѣреніемъ отъ него отправился въ заводскую контору получать, согласно договору, по десяти копѣекъ на коробъ. Отвезъ онъ двадцать рублей матери и остался у ней денька два отдохнуть. Въ первый же день побывки сына совѣтовалась съ нимъ Арина о томъ, на чтò деньги потратить: корову ли купить или ихъ за подати внести.

— У Митревны въ Ясашнахъ, слышь, славная корова продается, не хуже, баятъ, будетъ нашей краснушки, — говорила мать.—А Калистрата Осипыча я упрошу какъ ни на есть; смилуется, авось...

— Не смилуется онъ, маменька,—возражалъ Максимъ, недовѣрчиво качая головой.—Не взлюбилъ онъ меня съ тѣхъ поръ, какъ я увезъ то бревно, которое онъ самоуправно срубилъ. Такъ и норовитъ теперь меня ткнуть, благо—старостой сталъ. Гляди, въ куренѣ, по сосѣдству, робимъ, а онъ ни слова не говоритъ, все только со стороны надзираетъ.

— Какъ же быть-то, паря? — кручиниласьАрина: — а безъ коровы куда какъ тяжело!

— Еще бы не тяжело,—повторилъ Максимъ и задумался.— Впрочемъ, вотъ что маменька, — проговорилъ онъ минуту спустя: — покупай у Митревны корову: до оброчнаго сбора еще дивно, авось нароблю.

На этомъ было рѣшено.

Морозное ноябрьское утро. Дней пять уже какъ стоятъ двадцатиградусные морозы, прибившіе рыхлый снѣгъ къ землѣ и на-славу проложившіе зимнюю дорогу — безухабистую, выкатанную, гладкую какъ стекло. Лихо мчатся, по вновь вырубленной просѣкѣ, крестьяне въ своихъ дровняхъ, запряженныхъ полученными изъ завода бойкими лошадками; быстро мелькаютъ, одна за другой, ихъ пестрыя, пѣгія, рыхлыя и бѣлыя яги (тулупы, покрытые телячьими и козлиными шкурами), точно цѣлое стадо телятъ и козлятъ проносится по дорогѣ. Никакого вниманія не обращаютъ они на ѣдущихъ къ нимъ на встрѣчу; успѣютъ своротить — ладно, не успѣютъ — и такъ пройдетъ.

— Держи лѣвяй!—кричитъ ямщикъ, попадающійся на пути со становской или иной чиновничьей повозкой.—Держи! Сворачивай!—повторяетъ онъ еще повелительнѣе, гордясь своимъ сѣдокомъ. Но не тутъ-то было: мужики не сворачиваютъ; имъ не охота вязнуть въ снѣжномъ сугробѣ, они юрко проскакиваютъ мимо «барской повозки» и быстро мчатся впередъ, словно на пиръ ѣдутъ. Догоняй ихъ, если есть охота, а до ругани имъ мало дѣла,—они и сами съумѣютъ отругаться, благо теперь становскіе казаки не пробуютъ на мужицкихъ спинахъ крѣпость своихъ нагаекъ. Не до повозокъ въ эту пору рабочимъ: они спѣшатъ къ кучамъ, на которыя обращено главнѣйшее ихъ вниманіе и сосредоточена вся ихъ забота. Дѣло въ томъ, что съ наступленіемъ хорошаго саннаго пути должна, по настоящему, начаться перевозка угля, а кучи еще едва запалены и много времени понадобится имъ, чтобы хорошенько обгорѣть.

Много работы предстояло Максиму съ его пятидесятью кучами, изъ коихъ половина должна была быть изготовлена никакъ не позже 18 января, а остальная часть доставлена въ заводъ къ 1 марта.

Цѣлые дни, съ ранняго утра и до самой темноты, проводилъ Ѳедорченковъ въ томъ, что перебѣгалъ отъ одной кучи къ другой, присматривалъ за тѣмъ, чтобы скученныя дрова не перегорали, а только обугливались; чтобы уголь выходилъ потребной для заводскаго дѣйствія величины и крѣпости. Много надо было

навыка и усиленнаго, самаго напряженнаго вниманія: — не доглядишь, а тутъ какъ разъ уголь измельчаетъ, не то головни длиннѣе 4-хъ вершковъ останутся; придется опять ихъ скучивать и эти особыя кученки снова пережигать. Ежели — чего Боже сохрани — выжженный уже, но не сграбленный еще въ валы, уголь воспламенится и сгоритъ, тогда просто бѣда: вычтется не только стоимость сгорѣвшаго въ углѣ лѣсного матеріала, но и плата за «сработку угля отъ самаго пня», такъ что работа-то пойдетъ прахомъ, да и остальныя деньги не выдадутъ. Поневолѣ не отводятъ углевщики глазъ отъ дымящихся кучъ и только подъ вечеръ, когда совершенно стемнѣетъ, идутъ они на отдыхъ въ сырыя и дымныя куренныя избы. Ложатся они на промерзлыя нары, а нѣтъ ихъ, такъ просто на холодный, обледенѣлый полъ, зажгутъ хворостъ въ каменкѣ, похожей на каминъ, подложатъ подъ голову шапку, сами завертываются въ ягу и засыпаютъ тѣмъ богатырскимъ сномъ, который наступаетъ послѣ цѣлаго дня, проведеннаго на ногахъ, въ постоянномъ движеніи... На-утро опять та же работа, и идетъ это такъ, изо дня въ день, пока не окончится пережогъ хотя первой половины заподряженнаго угля. Тутъ надо кучи ломать, уголь въ валы сгребать, очищая его отъ мусора, мелкоты, шелухи и печника (обгорѣлой земли), стараясь дѣлать все это такъ, чтобы куренный мастеръ могъ на мѣстѣ видѣть доброкачественность добытаго выжегомъ угля и дать разрѣшеніе на перевозку.

Куренный мастеръ имѣетъ большое значеніе при угольной работѣ; онъ полный хозяинъ отведеннаго на его долю куреня: онъ указываетъ рабочимъ постати и дѣлянки, надзираетъ за тѣмъ, чтобы весь лѣсъ и вся поросль на данномъ мѣстѣ были вырублены на уголь, чтобы по ломкѣ и уборкѣ кучъ не оставался мусоръ и хламъ; на его же обязанности лежало освидѣтельствованіе угольныхъ валовъ, разсортированіе самаго угля и удостовѣреніе въ доброкачественности работы, безъ чего контора не выдавала заработковъ.

Свидѣтельствуя валы, мастеръ могъ, по желанію, или придраться къ сомнительнымъ углинамъ, заставить всю кучу перебрать, или же, наоборотъ, не замѣчать мелкоту и слабость угля, пропустить безъ вниманія попадающіяся головни длиннѣе четырехъ вершковъ, и тѣмъ значительно облегчить самую сдачу угля, такъ какъ на заводѣ, не будь даже стачки между мастеромъ и пріемщикомъ, пріемъ угольнаго матеріала, за многочисленностью подвоза, не можетъ быть строго и тщательно произведенъ. Какъ тутъ усмотрѣть за всѣмъ, когда сотни возовъ покрываютъ уголь-

ную площадку, а за воротами еще новыя сотни ждуть очереди. Хотя и говорится въ подрядномъ договорѣ, что привезенный уголь будетъ промѣряться заводскою мѣрою короба въ 22.656 вершковъ вмѣстимости, пропускаться сквозь рѣшетку, причемъ крупный уголь отдѣлится отъ мелкаго, — но на дѣлѣ далеко не всѣ коробья подвергались такой тщательной провѣркѣ. Поэтому-то и была вся сила въ куренномъ мастерѣ, удостовѣреніямъ коего придавалась безусловная вѣра.

На куренѣ, гдѣ работалъ Максимъ, куреннымъ мастеромъ былъ конторскій служитель, находившійся въ былыя времена «у кабинета» главнаго уполномоченнаго отъ заводовладѣльцевъ, проведшаго, до уничтоженія крѣпостного права, нѣсколько лѣтъ за Ураломъ. Хотя и незнакомый ни съ дровяною работою, ни съ угольною, Матвѣичъ тѣмъ не менѣе съ-разу смекнулъ, какъ можно будетъ свои дѣлишки обдѣлывать.

Онъ тотчасъ же понялъ, какимъ образомъ и при какомъ случаѣ предстояла возможность придраться къ иному рабочему и пригровить ему штрафомъ. Не любилъ онъ, понятно, тѣхъ, которые не видѣли въ немъ «главное начальство», не кланялись ему, не «ублаготворяли» его, — въ числѣ которыхъ былъ и Өедорченковъ. Не нравились старому дворовому, привыкшему съ малолѣтства къ ябедамъ и нашептываніямъ, смѣлыя и удалыя выходки молодого рабочаго.

— Нѣтъ, не такъ блюли мы себя при баринѣ Андреѣ Николаичѣ, — говаривалъ Матвѣичъ своему «доброжелателю и благопріятелю», старостѣ села Ясашнаго, Калистрату Осипову Татаринову, глядя на то, какъ Максимъ, проходя мимо, не ломалъ передъ нимъ шапки. — Бывало, выйдетъ управитель или иное какое ни на есть начальственное лицо, такъ мы сейчасъ поклонъ отдаемъ. Все это оттого, что мы остерегались, какъ бы изъ кабинетныхъ, да въ подтурщики въ домкѣ не попасть; а теперь что? — никакой острастки у этихъ молодцовъ нѣтъ.

— Чего имъ остращиваться: сами себѣ теперь баре! — подливалъ масла въ огонь Калистратъ. — Примѣромъ скажу: нагдась замѣтилъ я у Өедорченка головни, большущія такія; говорю ему, не ладно, молъ, паря, дѣлаешь, какъ разъ мастеръ увидитъ. А онъ мнѣ отвѣтомъ: не боюсь я мастера, только бы на заводѣ приняли.

— Больно ужъ прытокъ вашъ Максимка, — съ недовольнымъ видомъ отвѣтилъ заживо задѣтый Матвѣичъ: — больно прытокъ, какъ-бы не допрыгался.

— Надоть его уму-разуму поучить, — со своей стороны за-

мѣтилъ старшина. — Погоди, дай съ подрядомъ справиться, подати пойду собирать, такъ погляжу, какъ онъ попрыгаетъ; только бы ему денегъ въ конторѣ поменѣе дали, а я его урезоню. А что̀, Матвѣичъ, — вдругъ перемѣнилъ Калистратъ свою рѣчь,— можно мнѣ будетъ за себя недоимщиковъ на постатъ прислать? Самому, вишь ты, не слободно будетъ, службу справлять надо; старшина и то поминалъ...

— Зачѣмъ нельзя,—отвѣчалъ мастеръ.—Въ нашихъ рукахъ дѣло, а для хорошаго человѣка мы всегда съ удовольствіемъ.

— Спасибо, другъ любезный; мы со своей стороны въ долгу не останемся. Пока что̀, пойдемъ-ка, Матвѣичъ, въ избёнку, тамъ у меня и согрѣвательная есть,—и съ этими словами оба пріятеля ушли въ куренную избушку.

Наступилъ Аѳанасьевъ день, послѣдній безштрафный срокъ, назначенный по договору для начала перевозки первой партіи угля. У Ѳедорченкова оказались наготовѣ всѣ 100 коробковъ; уголь подходилъ подъ опредѣленную мѣрку, не было ни головней, ни мелкоты, всякая углина какъ быть не менѣе кулака. Какъ ни старался Матвѣичъ, осматривая работу, найти въ ней что-либо неподходящее, какъ ни придирался онъ, но ничего не могъ подѣлать и вынужденъ былъ дать Максиму разрѣшеніе на перевозку. Перевозная плата назначена была по пятидесяти копѣекъ съ большого двойнаго короба, причемъ половина должна была быть удержана въ обезпеченіе исправности перевозки.

На другой день, рано утромъ, собрались всѣ рабочіе куреня и стали между собой жребій бросать, кому съ первыми возами идти, кому со вторыми. Всѣмъ имъ нельзя было двинуться, такъ какъ не на кого оставить вновь зажженныя кучи второй партіи. Максиму досталось идти «въ первыхъ». Запрягъ онъ свою пару и двухъ, приведенныхъ его сестрой отъ сосѣдокъ лошадей въ четыре большихъ короба, еще съ вечера вѐрхомъ наложенныхъ углемъ, и, перекрестясь, отправился за товарищами въ недальній, но трудный путь. Потянулись одинъ за другимъ, накрытые сѣтками коробья; тяжело было лошадямъ выбираться изъ чащи на проѣзжую дорогу; онѣ вязли въ снѣжныхъ сугробахъ, нанесенныхъ неперестававшимъ за послѣднія двѣ недѣли сѣвернымъ вѣтромъ. Гурьбой кидались возчики къ коробу, которому грозила опасность перевернуться; собственными спинами поддерживали они его, пока лошадь, послѣ неимовѣрныхъ усилій, не выбиралась на дорогу; потомъ они переходили къ слѣдующему и шли такъ далѣе до послѣдняго. Только попавъ на проѣзжій путь, могли рабочіе быть увѣрены, что ихъ тяжелый трудъ не

пропадетъ даромъ; что выжженный ими уголь не разсыплется въ мелкіе куски, не распорошится, а дойдетъ до мѣста такимъ, какимъ они его добыли. Зная на опытѣ всю тяжесть угольной работы, дорожа поэтому какъ собственнымъ, такъ и товарищескимъ трудомъ, углевщики зорко слѣдили за каждымъ возомъ, предупреждая, по возможности, всякій несчастный случай.

Въ заводѣ точно также все обошлось благополучно — уголь Ѳедорченкова принятъ былъ безъ всякихъ препятствій, несмотря даже на то, что, по настоянію того же Матвѣича, его перемѣривали заводскимъ коробомъ и пропускали сквозь заводскую рѣшетку. Такъ шло до послѣдняго подвоза первой партіи; Максиму оставалось только навалить два двойныхъ короба и затѣмъ приняться за окончательную заготовку второй партіи къ Евдокіеву дню.

Едва сталъ Максимъ нагребать послѣдніе коробы, какъ увидѣлъ, что у него не хватитъ почти съ полъ-короба. Призадумался парень, не зная чему приписать оказавшуюся недостачу; собрались къ его валу и другіе рабочіе, диву даются, никакъ въ толкъ взять не могутъ, откуда такая оказія случилась. Осмотрѣли кругомъ, нѣтъ ли гдѣ слѣдовъ, но таковыхъ не оказалось.

— Что за притча?—недоумѣвалъ молодой рабочій.—Кажись, еще пережогъ должо́нъ бы быть, а тутъ, вишь, нехватка...

Мелькнула у него мысль, что никто другой какъ Калистратъ надъ нимъ свое сердце сорвалъ, но дѣло сдѣлано было чисто и Ѳедорченковъ не смѣлъ высказать своихъ сомнѣній. Махнулъ онъ, наконецъ, рукой и поручилъ сосѣду по выселку, отправлявшемуся съ возами, сказать въ конторѣ, что недожогъ онъ доставитъ со второй партіей, только бы съ него не вычитали ни рядной платы, ни половины стоимости сработки угля отъ пня,— самъ же онъ остался въ куренѣ изготовлять къ сдачѣ новый уголь. Не ждалъ онъ того новаго несчастья, которое готовила ему судьба.

Только-что выбрались возы изъ чащи на просѣкъ, какъ ихъ сталъ обгонять Матвѣичъ на своихъ небольшихъ одиночныхъ санкахъ. Калистратъ, согрѣвавшійся у огня, разложеннаго на послѣднемъ возу, закричалъ возчикамъ, чтобы они посторонили лошадей, а самъ кинулся къ ближайшему возу, намѣреваясь отвезти его въ сторону, но при этомъ онъ не разсчиталъ и такъ круто повернулъ лошадь, что коробъ раскатился, ударился о пень и перевернулся. Испуганная лошадь бросилась еще болѣе

въ сторону и поволокла за собой коробъ, оказавшійся принадлежащимъ Ѳедорченкову. Съ трудомъ остановили возчики разгорячившагося коня и поспѣшили осмотрѣть лежавшій въ коробу уголь. Грустно вздохнули они и съ участіемъ покачали головами, видя, какъ измельчалъ, какъ «окрупинился» онъ, сдѣлавшись по большей части негоднымъ къ сдачѣ.

— Эхъ ты, Калистратъ Осипычъ, какъ круто повернулъ-то!— выговаривали Татаринову прочіе крестьяне.—Гляди-ка, почти весь коробъ испорошился! какъ быть-то теперь? Вѣдь Максимка зареветъ!—продолжали они промежъ себя горевать.

— А я разѣ зналъ, что это Ѳедорченкинъ возъ? Мнѣ и не вдомёкъ: попросту хотѣлъ Матвѣичу дорогу очистить,—оправдывался Калистратъ.

— Такъ-то такъ, — соглашались мужики,—а все не ладно; уголь парня, больно ужъ онъ насидчиво робилъ...

— Все отъ неуваженія къ старшимъ,—замѣтилъ, проѣзжая мимо, Матвѣичъ, главный виновникъ несчастнаго случая.

Пораженъ былъ Максимъ, когда узналъ отъ возвратившихся товарищей, что̀ сдѣлалось съ однимъ изъ его коробьевъ. Къ довершенію его бѣды въ конторѣ отказали въ выдачѣ денегъ, удержавъ ихъ въ обезпеченіе доставки недожога.

Руки опустились у парня, работа не шла ему на умъ; одна только неотвязная дума томила его,—дума о томъ, какъ поправить онъ свое горе. Теперь, когда вторая бѣда пришла отъ Татаринова, Максимъ убѣдился, что и первая была дѣломъ тѣхъ же рукъ. Сильная, горючая злоба къ Калистрату засѣла у него въ груди, не давая ему ни днемъ, ни ночью покоя; точила его, точно ржа желѣзо. Примется ли онъ за работу — ненавистный образъ тутъ какъ тутъ; ляжетъ ли Максимъ отдохнуть — сна нѣтъ; видѣнія, одно другого мучительнѣе, не даютъ уснуть.

Снится Максиму, что онъ идетъ по большому тракту, куда-то далеко, и встрѣчаетъ на дорогѣ свою старуху-мать, побирающуюся Христовымъ именемъ: — исхудалая, въ однихъ отрепьяхъ, бредетъ она по пути; пряди сѣдыхъ волосъ выбиваются изъ-подъ дыряваго платка, она дрожитъ вся отъ стужи и двѣ крупныя слезы текутъ по ея морщинистымъ щекамъ:

— Милая моя!—вскрикиваетъ Максимъ и пробуждается отъ тяжелаго сновидѣнія; кругомъ его раздается непробудный храпъ товарищей.

Потомъ кажется ему, что онъ встрѣчаетъ Калистрата на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ тотъ свалилъ его возъ. Кровь бросилась Максиму въ голову при этой встрѣчѣ; со скрежетомъ зубовъ кидается

онъ на своего лютаго врага, схватываетъ за горло и однимъ взмахомъ руки бросаетъ его бездыханнаго на землю... Но онъ открываетъ глаза и видитъ Калистрата спящаго въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него.

Вспоминаетъ еще Максимъ, какъ дивно время тому, онъ, десятилѣтній мальчуганъ, набрелъ разъ въ лѣсу на Татаринова, рубившаго дерево. Не шелохнулся мальчишка, ничѣмъ не обнаружилъ своего присутствія, только на утро, съ разсвѣтомъ, привелъ онъ къ этому мѣсту дядю Софрона и вмѣстѣ съ нимъ отвезъ лѣсину къ себѣ на дворъ. Богъ вѣсть, какъ провѣдалъ о томъ Калистратъ, но ссоры не затѣялъ, такъ какъ бревно рубилъ самовольно:—только съ самой этой поры страшно озлобился на всю Аринину семью.

— Проклятая лѣсина! — шепталъ Максимъ, вспоминая объ этомъ случаѣ. — Знать бы, такъ лучше и во вниманіе не брать.

Безсонныя и тревожныя ночи, непрестанныя думы, неумолкная злоба въ груди совершенно измучили парня, такъ что на немъ лица не было. Какъ оторопѣлый ходилъ онъ между угольными кучами и валами, продолжая дѣлать свое дѣло, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ сознательно. О томъ, чтобы добыть поболѣе угля, для добавки за недоставшій при первой перевозкѣ, онъ думалъ, но ни до чего не додумался.

— Пусть будетъ что Богъ велитъ, а я ничего не могу — говорилъ онъ сосѣдямъ въ отвѣтъ на ихъ соболѣзнованія.—Только домашнимъ не говорите; мать отревожится,—прибавлялъ онъ, и уходилъ подалѣе, скрыть отъ другихъ навертывавшіяся при воспоминаніи о матери слезы.

Однако работа шла своимъ чередомъ; когда же Калистратъ, согласно обѣщаніямъ куреннаго мастера, ушелъ въ село, а вмѣсто себя поставилъ неисправныхъ ясашенскихъ плательщиковъ, Максиму стало легче: по крайности не видѣлъ онъ болѣе ехидной улыбки, съ которой подглядывалъ за нимъ Татариновъ.

Однажды, когда уже перевозка по второму сроку приходила къ концу, пріѣхала подъ вечеръ сестра Максима, съ вѣстью, что утромъ пріѣзжалъ Калистратъ Осипычъ за повинностями и только два дня сроку далъ.

— Не то грозится корову и коней продать,—прибавила дѣвочка съ озабоченнымъ видомъ.—Маменька такъ и ахнула, при немъ на лавку упала, ей и теперь все неможется, къ тебѣ меня послала, оповѣстить....

Совершенно обезумѣлъ Максимъ отъ послѣдняго удара: — кровь прилила къ сердцу, невольный стонъ вырвался у него

изъ груди, но тутъ были посторонніе люди, была сестра, передъ которой онъ не хотѣлъ выказывать своей слабости, и потому скоро оправился.

— Поѣзжай, Анна, домой и успокой маменьку,—сказалъ онъ сестрѣ.—Скажи ей, что какъ только уголь перевезу, такъ самъ пріѣду и все устрою; пущай не кручинится родная, Богъ, молъ, милостивъ,—скажи ей.

Долго еще сидѣлъ Максимъ, послѣ отъѣзда сестры, и думалъ; затѣмъ быстрыми шагами направился онъ къ своему валу, тщательно оглядѣлъ оставшееся количество угля, смѣрилъ его глазами и съ какою-то горячечною живостью принялся нагребать уголь въ коробья. Какъ ни старался онъ, какъ ни подбиралъ валявшіяся на токахъ углины, все было напрасно—нужнаго короба не выходило, а съ тѣмъ вмѣстѣ пропадала надежда на получку полнаго заработка.

Наступила ночь лунная, не-студеная, мартовская. Всѣ рабочіе, кончивъ накладку коробьевъ, забрались въ куренную избушку на отдыхъ, остались одни караульщики, да и тѣ, утомленные дневной работой, убаюкиваемые легкимъ лѣснымъ шумомъ и будто согрѣваемые мягкимъ свѣтомъ луны, также скоро заснули, уткнувъ голову въ обширный воротникъ яги. Многимъ изъ нихъ грезилось близкое окончаніе измучившаго ихъ «огненнаго дѣла»,—полно будетъ возиться съ огнемъ да угольемъ, пора и за болѣе легкую работу приниматься, хоть за ней маленечко отдохнуть, а тамъ опять за старое, привычное дѣло...

Не тó было съ горемычнымъ сыномъ Арины: ему не спалось, опять стали являться прежнія видѣнья, одно другого мучительнѣе, съ тою только разницей, что теперь, въ видѣніяхъ этихъ, къ дорогому для него облику матери присоединялось ненавистное лицо Калистрата, улыбающееся, зловѣщее. Не выдержало подобной муки молодое, недостаточно окрѣпнувшее еще существо Максима,—его всего охватило словно внутреннимъ огнемъ. Почти безъ памяти выбѣжалъ онъ изъ избы; виски его стучали, сердце сжималось, голова точно на куски хотѣла разбиться. Скорыми шагами заходилъ онъ по опустѣлой постати; ходилъ, пока холодный вѣтеръ не освѣжилъ его.

Обезсиленный, утомленный, присѣлъ онъ на пень; блуждающій его взоръ какъ-то дико переходилъ съ одного предмета на другой. Все ему было издавна знакомо—и пограничная къ постати сосна, отъ которой объѣздчикъ показывалъ, при началѣ работъ, каждому углевщику его участокъ; и угольные токи, на которыхъ еще недавно высылись кучи угля, и поляна, виднѣю-

щаяся вдали, — все это Максимъ переглядѣлъ, изучилъ, но на этотъ разъ какъ будто не узнавалъ; по крайней мѣрѣ такъ можно было судить по его глазамъ.

«А чьи это коробья стоятъ, такіе тугіе?» подумалось вдругъ Максиму въ ту минуту, какъ взоръ его остановился на двухъ, сосѣднихъ съ его, коробьяхъ съ углемъ.

«Чьи-бы это были?» повторилъ онъ вопросъ уже громко, и съ этими словами всталъ съ пня, пошелъ-было къ коробьямъ, но остановился въ нерѣшимости. Тяжелая дума пробѣжала по лицу Ѳедорченкова, снова сжалось сердце, опять прильнула къ вискамъ кровь: — онъ вспомнилъ, что замѣченные имъ короба принадлежали Калистрату.

— Вотъ откуда наполнить можно недостающій уголь и затѣмъ получить всѣ деньги, — мелькнуло въ головѣ Максима, и поспѣшными шагами, почти бѣгомъ, направился онъ къ коробьямъ. Быстро, не озабочиваясь тѣмъ, спятъ ли караульные или нѣтъ, развязалъ онъ сѣтку одного короба, взялъ лопату и бережно переклалъ въ свой коробъ столько угля, сколько недоставало; натянувъ затѣмъ снова сѣтку на старостинъ коробъ, онъ упаковалъ свои, запрягъ коней и, пользуясь луннымъ свѣтомъ, выѣхалъ, никѣмъ не замѣченный, съ постати. Все это Максимъ дѣлалъ какъ-то порывисто, лихорадочно, точно онъ самъ боялся, что не хватитъ рѣшимости докончить; до постороннихъ же, могущихъ быть свидѣтелями его поступка, ему повидимому и дѣла не было, онъ о нихъ не думалъ: — въ эти минуты онъ былъ одинъ, съ гнетущей его мыслью о необходимости уплатить, какимъ бы то ни было образомъ, оброкъ и съ тяжелымъ воспоминаніемъ о дорогой матери, которой, по словамъ сестры, до сихъ поръ неможется, до того растревожилась родная требованіемъ старосты.

Дальше этого Максимъ не шелъ, ему достаточно было, что требованіе объ уплатѣ податей озаботило его мать и онъ рѣшилъ успокоить ее, но ка́къ?—За два часа до выѣзда съ постати, Максимъ не могъ дать отвѣта на этотъ вопросъ.

Выбравшись на просѣку, Ѳедорченковъ остановился и далъ лошадямъ вздохнуть; самъ же обошелъ коробья и попробовалъ, туго ли натянуты сѣтки. Невольная улыбка самодовольствія промелькнула на его губахъ, при видѣ того, какъ полны были его коробья...

— Сквитались мы съ тобой по-дружески, Калистратъ Осипычъ, — проговорилъ онъ громко, обратясь по направленію къ куреню. Только бы сдать уголь да деньги изъ конторы получить,

а тамъ чтó Богъ дастъ, можетъ и скоро придется возвратить тебѣ твою долю...

Но не суждено было сбыться мечтамъ Аринина сына. Работавшіе за Татаринова ясашинцы тотчасъ замѣтили недостатокъ угля, и, догадавшись, что это было дѣло рукъ Максима, бросились за нимъ въ погоню, такъ что онъ былъ настигнутъ у самаго завода, гдѣ его, вмѣсто заводскаго двора, отвели въ волостное правленіе.

Въ камерѣ у—го мироваго судьи вечернее засѣданіе. Пользуясь свободнымъ отъ работы и занятій временемъ, заводскіе служащіе и торговцы собрались посмотрѣть на недавно-введенный въ ихъ мѣстности новый судъ, такъ что довольно просторная безъ того камера на этотъ разъ была биткомъ набита. Кое-гдѣ, между присутствующими, виднѣлись черныя отъ угольной работы лица пріѣзжихъ крестьянъ:—то были «сиверцы и ясашинцы», вызванные въ свидѣтели по дѣлу о похищеніи съ заводскаго куреня полъ-короба угля.

— Объявите суду ваше имя, отчество и фамилію, — обратился судья къ стоявшему передъ нимъ смуглолицому парню, лѣтъ 17-ти на видъ.

— Максимъ Даниловъ Ѳедорченковъ,—отвѣтилъ подсудимый.

— Максимъ Даниловъ Ѳедорченковъ,—продолжалъ судья,— вы обвиняетесь въ томъ, что, работая по подряду въ заводскомъ куренѣ, увезли оттуда полъ-короба угля, вамъ не принадлежащаго и вами не сработаннаго, послѣ чего намѣревались сдать этотъ уголь на заводѣ за свой. Признаете ли вы себя въ этомъ виновнымъ?

Тихо поднялъ молодой подсудимый свои большіе, темнокаріе глаза на сидѣвшаго передъ нимъ; также тихо и покойно обвелъ онъ взглядомъ наполнявшихъ камеру людей; провелъ смуглой, начерствѣлой отъ работы рукой по свѣтло-русымъ волосамъ и, подумавъ немного, отвѣтилъ ровнымъ голосомъ:

— На что грѣхъ таить! Виноватъ, ваше благородіе; взялъ я старостинъ уголь, но не дивно-таки, сколько надоть было, чтобы свой наполнить...

— Чтó побудило васъ къ подобному поступку?—продолжался допросъ.

— Чтó побудило! нужда, ваше благородіе, вотъ чтó побудило. Подати нечѣмъ было вносить. Мать у меня больная, старенькая; въ домѣ я одинъ работникъ, сестрёнка мала...

Тутъ Максимъ остановился, какъ-бы припоминая что-то, и затѣмъ продолжалъ:

— Силъ подчасъ не хватаетъ; робишь лѣто, зиму, осень; вешную пору и спины не разгибаешь... Взялся за огненную работу, на свое дѣло всталъ, подрядъ снялъ, а самъ знаешь, ваше благородіе, легкое ли дѣло—огненная работа...

— Куда, паря, легкая!—послышался голосъ изъ публики.

— Я попрошу присутствующихъ не перебивать подсудимаго,—остановилъ судья.

— Ладно, ваше благородіе; мы только къ слову, тяжелое ужъ больно дѣло,—продолжалъ тотъ же голосъ—и замолкъ.

— Я долженъ предупредить васъ,—обратился судья къ Ѳедорченкову,—что законъ предоставляетъ вамъ право не отвѣчать мнѣ, если вы не желаете.

— Зачѣмъ не отвѣчать, ваше благородіе,—отвѣтилъ Максимъ,—я сейчасъ все могу разсказать, какъ передъ Богомъ, такъ и передъ вамъ. За работу я взялся какъ надо быть и сробилъ бы подрядъ къ сроку, не случись бѣдѣ. Должно, Бога прогнѣвилъ, аль врагъ насадилъ. Коробъ у меня при перевозкѣ испорошился, тотъ же староста свалилъ въ снѣгъ, по нечаянности: говоритъ, Матвѣичу дорогу давалъ. Денегъ въ конторѣ не выдали, до полнаго выжега удержали, а тутъ начальство съ податьми подошло, два дня сроку дали... Мамонька у меня послѣ этого несмогла (голосъ Максима при этомъ дрогнулъ)... ну, меня, ваше благородіе, и разобрало; все, вишь-ты, мучило, какъ это я изъ-за чужихъ-то людей да мамоньку въ гробъ вложу. Зналъ я, что для нея разоренье пуще гроба, не стерпитъ ея душа... ночи послѣ этого не спалъ, такъ тоска и томитъ; сердце уснуть не давало, все она, родная, мерещится, а старостинъ-то уголь рядомъ съ моимъ... я и взялъ чего не хватало... Вотъ и вина вся моя—окончилъ Ѳедорченковъ свои объясненія, кланяясь судьѣ въ поясъ.

— Понимали ли вы, чтó худо дѣлаете?—спросилъ его снова судья.

— Коли не понималъ! Понималъ, ваше благородіе, что не ладно дѣлаю; да, вить, онъ, староста-то, для насъ еще неладнѣе сдѣлалъ. Къ тому же, я намѣренъ былъ на-послѣди отдать ему его долю, когда зароблю; будто займовалъ, значитъ. Тогда-бъ мы съ нимъ и поквитались... Виноватъ, ваша милость,—повторилъ онъ опять и нерѣшительно прибавилъ:—не можно ли штрафъ за это самовольство разсрочить, по половинамъ мѣсяца? Дѣло-то наше, вишь, ужъ больно бѣдное, не сладать—и глаза Максима наполнились слезами.

— Нѣтъ, Өедорченковъ, нельзя. Вы увезли чужой уголь, а за это законъ наказываетъ строго; не деньгами—тюрьмой наказываетъ,—возразилъ судья, и глубже уткнулся въ свой протоколъ.—По выраженію его голоса, можно было судить, что не легко ему приходилось примѣнять къ стоящему передъ нимъ бѣдному, безпомощному, кающемуся мальчику ту кару, которую опредѣляетъ законъ за кражу. Тѣмъ болѣе тяжело было это для судьи, что онъ въ своей практикѣ видѣлъ уже примѣры того, какъ тлетворно и развращающе дѣйствовалъ на своихъ питомцевъ в—скій тюремный зáмокъ, поглощая, въ водоворотѣ арестантской жизни, всѣ тѣ остатки нравственности и добрыхъ началъ, съ которыми входили въ этотъ гнусный исправительный пріютъ присужденные въ первый разъ къ тюремному заключенію. Множество мыслей, одна другой тяжеле и неотвязчивѣе, копошились въ головѣ судьи въ то время, когда онъ старался найти основанія если не къ полному оправданію Өедорченкова, то къ смягченію ему наказанія до возможнаго.—Между тѣмъ какъ-то беззвучно и холодно отдавался въ камерѣ голосъ частнаго обвинителя,—повѣреннаго по дѣламъ мѣстнаго заводоуправленія,—изощрявшагося въ доказательствахъ нравственной порчи какъ заводскихъ рабочихъ вообще, такъ и молодого Өедорченкова въ особенности. Обвинитель видѣлъ въ его дѣяніи «явное присутствіе злой воли, которая, не уважая чужой собственности, считаетъ себя въ правѣ распоряжаться произвольно всякою вещью, принадлежащею заводовладѣльцамъ».

— Гдѣ же тутъ злая воля, караемая закономъ? Гдѣ тутъ испорченность?—спрашивалъ себя мировой судья, слушая разглагольствованія обвинителя.

— Эта-то злая воля,—продолжалъ повѣренный,—руководящая поступками всего почти окрестнаго заводамъ населенія, служитъ первичной причиной тѣхъ кражъ заводскаго имущества, которыя до введенія новыхъ судовъ такъ часто повторялись. Поэтому я надѣюсь, г. судья, что вы отнесетесь къ настоящему дѣлу со всей строгостью и приговорите подсудимаго къ высшей мѣрѣ наказанія, т.-е. къ шестимѣсячному заключенію въ тюрьмѣ.

Судью невольно передернуло отъ чрезмѣрныхъ требованій зауральскаго оратора и онъ еще болѣе осупился.

Шевельнулись при этихъ словахъ, сидѣвшіе до того безмолвно, люди, наполнявшіе камеру...

Недавнимъ дѣломъ былъ для нихъ новый судъ,—страннымъ, небывалымъ чѣмъ-то казалось имъ все происходившее на этомъ судѣ.—Не прошло и полутора десятка лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ

въ зауральскихъ заводахъ господствовала своя заводская полиція—строгая и безпощадная для бѣднаго рабочаго люда, снисходительная и услужливая для лицъ вліятельныхъ. Творился судъ келейный, владѣльческій. Всякій проступокъ, касавшійся до имущества и правъ поссессіонныхъ владѣльцевъ, если только «баринъ» или заступавшій его мѣсто управляющій изъ крѣпостныхъ не соглашались покончить дѣло денежнымъ штрафомъ, наказывался розгами, число ударовъ которыми соразмѣрялось не съ характеромъ самаго проступка, не съ дѣйствительною виновностью обвиняемаго, а съ прихотью и зачастую съ расположеніемъ духа творившихъ судъ и расправу.

Приведутъ, бывало, попавшагося къ заводскому исправнику въ то время, когда «травяная настойка» не удалась, рябина не настоялась или сама благовѣрная «нафараонила», разсердится мѣстный жрецъ Ѳемиды и, не разобравъ въ чемъ дѣло, кричитъ:—«ввали сотенную!»—и мастеровой, похитившій желѣзо стоимостью въ нѣсколько копѣекъ, выдерживалъ сто ударовъ.—Тяжелое было это время, возбуждающее до сихъ поръ въ заводскомъ населеніи много тяжкихъ воспоминаній!—Кто вздумалъ бы не покориться, протестовать, или даже промолвить слово «жаловаться», того ссылали «на исправленіе» въ рудники, на самый сѣверъ края, «далѣе чего и почта не ходитъ».—Тамъ, вдали отъ семьи и друзей, среди суроваго климата, въ неспадаемомъ холодѣ, за тяжелой и непосильной работой, учились эти люди покорности и терпѣнью. На вопросъ же ихъ, за что́ и зачѣмъ они туда сосланы?—имъ былъ одинъ отвѣтъ, перефразировавшій припѣвъ «сибирской» пѣсни:

—«Чтобъ человѣкъ не баловался».

Правда, тѣмъ, которые возвращались съ рудниковъ домой физически разбитые, нравственно измученные, отупѣлые, тѣмъ трудно было «баловаться». Нѣкоторые экземпляры подобныхъ «укрощенныхъ баловниковъ», отживающіе свой вѣкъ полуидіоты, служатъ наилучшимъ живымъ примѣромъ тяготѣвшаго столько лѣтъ надъ сѣвернымъ Зауральемъ порядка.

Но настало, наконецъ, 19-ое февраля 1861 года; полегче вздохнули зауральскіе заводскіе люди. Пала заводская полиція, замѣненная земской и уѣздной... и пошли обвиняемыхъ таскать въ уѣздный городъ, иногда за полтораста и болѣе верстъ, на расправу полицейскаго управленія; мѣстная же расправа, какъ мы видѣли, ограничивалась преимущественно опять тѣми же исправительными средствами, какія представляли въ такомъ изоби-

ліи, бывшія тогда еще въ порядкѣ, казенныя и горнозаводскія лѣсныя дачи, благо средства эти были завсегда подъ руками. Болѣе крупныя дѣла, выходящія изъ круга дѣйствій мѣстной полицейской расправы, затягивались, за недостаткамъ времени, у членовъ полицейскаго управленія.

Прослышали зауральцы про новый судъ, который «въ Россіи» будто уже давно существуетъ; ждали его, вотъ, думали, дадутъ, а благодатная реформа никакъ до нихъ не достигала; «вятчанамъ», наконецъ, дали, а зауральцамъ нѣтъ какъ нѣтъ— только въ 1874 году узнали они на дѣлѣ, что̀ такое новый судъ.

Съ любопытствомъ посѣщаютъ его обыватели; видятъ, что тамъ съ ними обращаются по-человѣчески, сажаютъ наравнѣ съ другими, даютъ говорить свободно какъ барину, такъ и крестьянину, выслушиваютъ всякаго, дѣла рѣшаютъ скоро: въ одинъ разъ, а много въ два; о розгахъ и зуботычинахъ нѣтъ и помину; о ссылкѣ за непокорность также не говорятъ... Одно только не хорошо: хотѣлось бы мужику, чтобы его оштрафовали, а его подъ арестъ, не то и въ тюрьму сажаютъ, отъ работы отрываютъ. Напримѣръ, это дѣло: «мальчишка коробъ угля увезъ, ну, и постегать бы его хорошенько, уму-разуму научить, а его, вишь, въ тюрьму, да еще на шесть мѣсяцевъ. Вѣдь это въ конецъ разоренье». Таковы были думы большинства присутствующихъ, полагавшихъ, что требованія обвинителя, «заводскаго повѣреннаго», должны быть непремѣнно удовлетворены.

— Что̀ вы имѣете сказать, Ѳедорченковъ?—обратился судья къ оторопѣлому подсудимому.—Законъ предоставляетъ вамъ послѣднее слово.

Максимъ молчалъ; только двѣ крупныя слезы скатились на синій, замаранный въ углѣ зипунъ.

— Что̀ же, Ѳедорченковъ?—настаивалъ судья.

— Да что̀, ваша милость, коли виноватъ, такъ пусть судъ рѣшитъ. Думается мнѣ только, что за такую малость не стоило бы за полтораста верстъ водить, да еще полгода сидѣть... Не воръ я, ваше благородіе,—продолжалъ Максимъ, немного помолчавъ:— нужда подступила, безъ того мнѣ бы на умъ не взбрело такое дѣло. Къ тому же я не у конторы уголь-то взялъ, а у своего брата-мужика, который мнѣ еще хуже зла надѣлалъ. У старосты пережогъ былъ, свое-то онъ сробилъ, подрядъ очистилъ, а это излишекъ, не конторская бѣда...

— Какъ излишекъ?—живо повторилъ судья, предвидя возможность исхода изъ тяжелаго положенія. Затѣмъ, онъ обратился къ повѣренному:

— Скажите, чтó могло терять заводоуправленіе, если бы Ѳедорченковъ успѣлъ сдать похищенный уголь за свой?

— Заводоуправленіе ничего бы не потеряло,—отвѣчалъ повѣренный,—такъ какъ Татариновъ, дѣйствительно, сдалъ весь подрядъ, а тотъ коробъ, половину коего взялъ Ѳедорченковъ, составлялъ пережогъ, т.-е. чистую прибыль Татаринова, который получилъ бы за излишекъ особую плату.

Исходъ былъ найденъ...

— Я нахожу дѣло достаточно разъясненнымъ и приступаю къ постановленію приговора,—проговорилъ судья, и принялся писать; но на этотъ разъ никакая тяжелая дума не отуманивала его головы, писалось легко и свободно, такъ что черезъ нѣсколько минутъ готово было частное опредѣленіе, коимъ мировой судья, въ виду того, что въ настоящемъ случаѣ лицомъ потерпѣвшимъ являлся крестьянинъ Татариновъ, а не заводоуправленіе, и что цѣна похищеннаго не превышала 30-ти рублей, призналъ это дѣло подсуднымъ не мировымъ судебнымъ установленіямъ, а волостному суду.

Молча выслушалъ приговоръ судьи молодой Ѳедорченковъ, только влажные его глаза, обращенные на висѣвшій на стѣнѣ портретъ государя, краснорѣчиво говорили о томъ, чтó онъ въ ту минуту чувствовалъ. Потомъ, тихо перекрестясь, онъ обратился къ судьѣ:

— Покорно благодаримъ, ваша милость, что отъ тюрьмы освободили; а на волостномъ пусть судятъ, и отговариваться не стану, по крайности не Богъ вѣсть насколько времени отъ работы, да отъ дому оторвутъ. Покорно васъ благодаримъ, кормилецъ,—прибавилъ онъ еще разъ съ низкимъ поклономъ и вышелъ изъ камеры.

Также радостно и легко вздохнули всѣ присутствующіе: разборъ дѣла Максима показалъ имъ, что и для зауральцевъ настало, наконецъ, хорошее время праваго и милостиваго суда; что старое, пережитое время какъ-будто очень далеко, и такъ свѣтло сдѣлалось у нихъ на душѣ, что они рукой махнули на былое—«пусть, молъ, такъ быльемъ и заростетъ»...

А. С—невъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ
ШИШКОВЪ

БІОГРАФІЯ

I.

Молодые годы. — Морское путешествіе.

Одна изъ замѣчательныхъ личностей, связанныхъ съ царствованіемъ императора Александра I-го, Александръ Семеновичъ Шишковъ составляетъ интересный предметъ для изученія историческаго и психологическаго. Оцѣнка этой личности не сдѣлана безпристрастно ни его современниками, ни потомствомъ. Сужденія о немъ и тѣхъ и другихъ довольно разнорѣчивы, хотя почти никто не отказываетъ ему ни въ честности, ни въ прямотѣ. Трудно было прослѣдить его дѣятельность, такъ какъ она являлась на глазахъ у другихъ только моментами, отрывочно и притомъ въ разныхъ сферахъ, но всегда шумно и бурно, всегда заставляла говорить о себѣ. Собственно въ три момента общественной жизни онъ рѣзко выдается: въ началѣ царствованія, уже въ чинѣ адмирала, онъ выступаетъ въ литературной сферѣ и производитъ тамъ бурю своимъ рѣзкимъ словомъ противъ любимца тогдашней образованной молодежи, Карамзина; онъ вызвалъ на борьбу два литературныя поколѣнія, борьбу, которая не скоро улеглась и которая представляетъ видный фактъ въ исторіи нашей литературы. Затѣмъ, черезъ десять лѣтъ, въ эпоху борьбы русскихъ съ нахлынувшими врагами, въ 1812 году, Шишковъ является посредни-

комъ между царемъ и народомъ, выражая патріотическимъ словомъ мысли и чувства царя, рѣшившагося защищать свою землю до послѣдняго изнеможенія и сильными патріотическими возгласами поддерживая народную энергію въ отчаянной борьбѣ. Этой эпохой впослѣдствіи поэтъ Пушкинъ характеризовалъ Шишкова:

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года.

Наконецъ, еще черезъ десять лѣтъ онъ является въ новой борьбѣ противъ мистиковъ, направлявшихъ дѣятельность библейскаго общества, и въ качествѣ министра народнаго просвѣщенія съ мыслію дать иное направленіе общественному образованію и воспитанію. Въ промежутки между этими моментами онъ велъ тихую уединенную кабинетную жизнь, о которой знали только немногіе близкіе ему люди. У многихъ осталась въ памяти только послѣдняя его дѣятельность, какъ министра, и, имѣя причины быть недовольными ею по тѣмъ разрушительнымъ слѣдствіямъ, какія вытекали изъ нея, они клеймили сѣдую голову разными непривлекательными эпитетами, которые не могутъ остаться за нимъ въ исторіи на ряду съ разными инквизиторами, злобными обскурантами, фанатиками, выслужившими себѣ эти прозванія своими подвигами.

Я намѣренъ прослѣдить жизнь этого человѣка, чтобы можно было представить его цѣльный нравственный образъ, безъ намѣренія возвеличить или унизить его. Пусть сгруппируются всѣ біографическіе факты, они нарисуютъ портретъ на фонѣ, который для всѣхъ лицъ готовитъ исторія; а впечатлѣніе, какое произведетъ онъ, зависитъ отъ настроенія зрителя.

Родился Шишковъ въ 1754 г. Какъ онъ росъ и воспитывался въ первое десятилѣтіе своей жизни — мы не знаемъ; но, имѣя въ виду направленіе въ его юности, можемъ заключать, что жизнь его развивалась не въ модномъ семействѣ, близкомъ ко двору — тамъ выходили другіе юноши; развивалась и не въ богатой помѣщичьей семьѣ — оттуда выступали люди другого сорта, наконецъ и не въ грубой невѣжественной семьѣ, откуда плодились Митрофаны, являясь на свѣтъ въ своемъ нравственномъ уродствѣ. Скорѣе всего онъ воспитался при тѣхъ же условіяхъ, при которыхъ воспитывались и нѣкоторые изъ его сверстниковъ, почтенныхъ дѣятелей въ общей русской жизни второй половины прошедшаго столѣтія, какъ, напримѣръ, Фонъ-Визинъ, Державинъ и др. Въ нихъ развивались религіозное чувство и мысль подъ вліяніемъ чтенія церковныхъ книгъ, священной исторіи и четіи-

минеи, а съ этимъ вмѣстѣ и ухо роднилось съ церковнымъ языкомъ; развивалась и любовь къ природѣ подъ вліяніемъ близкихъ отношеній къ ней, развивалась любовь къ человѣку подъ впечатлѣніями любящей родной семьи, развивалась любовь къ родинѣ подъ впечатлѣніемъ разсказовъ о славныхъ и громкихъ прошедшихъ временахъ Петра, подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсенъ, а можетъ быть и звучныхъ одъ Ломоносова и другихъ стихотворцевъ. По крайней мѣрѣ, чутье народнаго языка въ немъ не было заглушено въ дѣтствѣ, какъ въ то время уже заглушалось въ модныхъ семьяхъ придворнаго общества; равнымъ образомъ и пониманіе старо-славянскаго языка библіи настолько сдѣлалось доступно, что позволяло понимать поэтическія красоты выраженія. Научное образованіе Шишковъ получилъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ первые годы директорства Ивана Логиновича Кутузова, котораго въ запискахъ онъ называетъ своимъ свойственникомъ, человѣка весьма просвѣщеннаго, энергически принявшагося за образованіе морскихъ кадетовъ. Кутузовъ зналъ въ совершенствѣ языки французскій и нѣмецкій и въ особенности любилъ зачинавшуюся тогда русскую литературу. Въ его гостиной можно было встрѣтить ученыхъ, писателей и художниковъ, которые время отъ времени пріѣзжали изъ-за моря въ Петербургъ. Для чтенія лекцій въ корпусѣ Кутузовъ приглашалъ извѣстныхъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, Эпинуса, Миллера. Въ это же время подвизался тамъ и бывшій питомецъ корпуса, знаменитый Кургановъ, котораго характеризуютъ такими словами: наивной, но безпощадной ироніей онъ казнилъ современный ему педантизмъ и умышленную темноту науки, и самъ старался по возможности упрощать ее и передавать занимательно. Онъ оказывалъ большое нравственное вліяніе на учениковъ, которые за то любили и уважали его. Кромѣ морскихъ спеціальныхъ наукъ и связанной съ ними математики, въ корпусѣ преподавали языки: нѣмецкій, французскій, англійскій, латинскій и такъ-называемыя словесныя науки, т.-е. физику, генеалогію, реторику. Изъ географіи и исторіи уроковъ не задавали, а обучали въ классѣ «черезъ затверживаніе при сказываніи поочередно всѣхъ». Изъ исторіи давали только краткія хронологическія таблички. Во время обѣда, по монастырскому образцу, читали хорошія историческія и нравоучительныя книги, «для знанія прежнихъ обращеній свѣта и вкорененія благонравія» [1]). Въ спискѣ преподаваемыхъ предметовъ того времени не встрѣчаемъ ни русскаго, ни славянскаго

[1]) Историческій очеркъ Морскаго кадетскаго корпуса, соч. Веселаго.

языка. Въ нихъ молодые люди могли совершенствоваться только изъ практики черезъ переводы съ иностранныхъ языковъ и чтеніе немногихъ русскихъ писателей, во главѣ которыхъ стоялъ только-что умершій Ломоносовъ.

Шишковъ, повидимому, вынесъ изъ корпуса все, чтó могъ вынести прилежный и добронравный ученикъ, по крайней мѣрѣ, вскорѣ онъ имѣлъ случаи выказать и знаніе иностранныхъ языковъ, и знакомство съ морскими науками, и любовь къ возвышенной поэзіи, и страсть къ литературнымъ упражненіямъ и, наконецъ, не чёрствое и не загрубѣлое сердце.

Послѣдній годъ его корпусной жизни долженъ былъ быть особенно образовательнымъ въ его курсѣ—по множеству такихъ испытанныхъ имъ впечатлѣній, съ какими обыкновенно мужаетъ и нравственно крѣпнетъ молодой человѣкъ. О нихъ мы можемъ говорить довольно подробно, потому что у насъ есть воспоминанія, записанныя самимъ Шишковымъ. Въ началѣ 1771 года, когда Шишковъ былъ уже гардемариномъ, онъ вмѣстѣ съ другими своими товарищами, въ числѣ тридцати человѣкъ, былъ отправленъ въ городъ Архангельскъ, для того, чтобы оттуда возвратиться моремъ на трехъ построенныхъ тамъ шестидесяти-шестипушечныхъ корабляхъ. Это была первая морская экскурсія, пробная для молодыхъ людей. Шишкову на первыхъ же порахъ пришлось испытать горькія случайности службы, которыя вѣчной обидой остаются въ жизни. Капитанъ корабля, къ которому былъ причисленъ Шишковъ, былъ человѣкъ властолюбивый, вспыльчивый и нетрезвый. Несправедливо разсердившись на Шишкова за то, что тотъ въ свободное время поѣхалъ для прогулки съ однимъ мичманомъ на берегъ, имѣя на то право, пьяный капитанъ присуждаетъ молодому человѣку наказаніе, когда онъ воротится—продержать ему всю ночь на плечахъ двѣ свинцовыя гири болѣе пуда вѣсомъ, и, не дожидаясь его возвращенія, идетъ въ каюту спать. Каково отчаяніе молодого человѣка, когда, вступивъ на палубу, онъ слышитъ капитанскій приговоръ! Онъ возмущается, спѣшитъ къ своему начальнику по корпусу, капитану, прибывшему съ гардемаринами изъ Петербурга. Этотъ былъ, по описанію Шишкова, человѣкъ добрый, услужливый, усердный къ службѣ и довольно неглупый, но часто заблуждавшійся отъ излишнихъ умствованій и притомъ передъ старшими до крайности почтительный и робкій. Конечно, на кораблѣ онъ долженъ былъ во всемъ подчиняться капитану корабля. Къ нему-то подъ защиту хотѣлъ прибѣгнуть Шишковъ, никогда не подвергавшійся никакимъ штрафамъ и не могшій вынести мысли о жестокомъ и

несправедливомъ наказаніи. Но ни жалобы, ни просьбы, ни опасенія получить чахотку, ни угрозы, ни слезы, ничто не помогло. Корпусный капитанъ признавалъ правоту своего гардемарина и жестокость наказанія, но не рѣшался не исполнить приказанія своего командира, и не осмѣливался будить его, чтобы помочь молодому человѣку. И вотъ ужъ ведутъ его на мѣсто казни, съ ужасомъ представляетъ себѣ юный гардемаринъ, какъ придется провести ему ночь,—снова плачъ, отчаяніе и наконецъ послѣднія просьбы — по крайней мѣрѣ отсрочить до утра исполненіе приговора, когда проснется капитанъ. Только на это согласился исправляющій должность педагога. Какую ночь провелъ несчастный осужденный! Но съ утромъ все измѣнилось. Капитанъ, отрезвившись, всталъ въ другомъ расположеніи духа и, выслушавъ объясненія Шишкова, рѣшилъ, что его не за чтó наказывать. Дѣло обошлось, повидимому, благополучно; но, конечно, не безслѣдно прошло оно по душѣ семнадцатилѣтняго самолюбиваго юноши.

По вскрытіи Двины корабли пустились въ Бѣлое море, затѣмъ приблизились къ Лапландскимъ берегамъ, около которыхъ задержали ихъ противные вѣтры. Здѣсь впервые пришлось Шишкову наслаждать свои чувства видами морской природы и испытывать свою любовь къ грандіозной природѣ. Лавируя, забрались далеко къ сѣверу, такъ что солнце въ самую полночь уже не заходило подъ горизонтъ. «Смотря на него», прибавляетъ Шишковъ, «я припоминалъ стихи Ломоносова:

Достигло дневное до полночи свѣтило,
Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло,
Какъ пламенна гора казалась межъ валовъ
И простирала блескъ багровый изъ-за льдовъ.
Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
Верхи златыхъ зыбей пловцамъ сверкаютъ въ очи...

«Мнѣ мечталось, что я смотрю на него глазами Ломоносова и плыву съ Петромъ Великимъ». Поэтическое настроеніе фантазіи юноши-Шишкова продолжалось и въ дальнѣйшемъ плаваніи. Благополучно миновали Мальстремъ, въ половинѣ октября были въ Копенгагенѣ, а черезъ нѣсколько дней поплыли далѣе; съ попутнымъ вѣтромъ въ темную ночь быстро приближались къ острову Борнгольмъ. Капитанъ спалъ въ каютѣ, а штурманъ, по ошибочному соображенію, далъ кораблю нѣсколько иное направленіе, и его принесло къ шведскому берегу. Такъ какъ въ темнотѣ нельзя было разглядѣть окружающей мѣстности, то допу-

стали корабль попасть на мелкое мѣсто и произошло кораблекрушеніе. Сильныя волны стали подхватывать тяжелый корабль и ударять о морское дно. Для облегченія пришлось рубить мачты и сбрасывать въ море. Открылась течь, съ которой не могли справиться. Каждый часъ угрожалъ гибелью. Люди потеряли надежду на спасеніе и стали готовиться къ смерти, надѣвая на себя бѣлыя рубашки. Священникъ въ облаченіи читалъ передъ образомъ молитвы. Вся эта картина поражала испуганныхъ неопытныхъ гардемариновъ. «Всѣ были въ отчаянномъ страхѣ,— передавалъ потомъ Шишковъ,—иные, падши ницъ, иные стоя на колѣняхъ, иные съ воздѣтыми къ небу руками, молились и, какъ обреченныя жертвы, оплакивали послѣднія свои минуты. Между тѣмъ шумъ моря, скрипъ членовъ корабля, унылый свистъ вѣтра вокругъ обломковъ мачтъ и пушечные, для призванія помощи, ежеминутно производимые выстрѣлы, напоминали безпрестанно, что мы гибнемъ и нѣтъ спасенія».

Настало утро. Положеніе не улучшилось. При дневномъ свѣтѣ оно представилось даже худшимъ. Капитанъ пришелъ въ такое отчаяніе, что даже не хотѣлъ думать о спасеніи людей, ушелъ въ каюту и отказался отъ всякихъ распоряженій. Мысль о спасеніи на лодкахъ приходитъ всѣмъ въ голову; но капитанъ лучше хочетъ погибнуть со всѣмъ экипажемъ и не даетъ своего согласія. «Мы всѣ, гардемарины,—говоритъ Шишковъ,—бѣжимъ къ нему въ каюту и передъ нимъ рыдаемъ». Но и ихъ слезы не подѣйствовали. Капитанъ съ угрозами прогоняетъ ихъ. Тогда экипажъ рѣшается выбрать другого капитана и съ нимъ подумать о средствахъ спасенія. Выборъ падаетъ на кадетскаго капитана. Онъ не вдругъ соглашается нарушить священное въ его глазахъ подчиненіе, ведетъ весь экипажъ къ капитану, чтобы сдѣлать ему послѣднее предложеніе, и объявить, что̀ ожидаетъ его въ случаѣ отказа. Капитанъ смиловался и принялъ снова команду. Корабль удалось стянуть съ мелкаго мѣста. Спустили шлюбку, чтобы отправить нѣсколько человѣкъ на берегъ—требовать помощи. Между ними назначенъ былъ одинъ гардемаринъ, лифляндскій дворянинъ, какъ говорящій по-нѣмецки, хорошій пріятель Шишкова. «Онъ былъ въ восхищеніи,—разсказываетъ Шишковъ,—прибѣгаетъ ко мнѣ и говоритъ: знаешь ли что̀, меня посылаютъ на берегъ, поѣдемъ со мною, здѣсь опасно оставаться, а тамъ мы будемъ спокойны; хочешь ли, я скажу капитану, что ты мнѣ надобенъ. — Я съ радостью согласился, — продолжаетъ Шишковъ,—и мы пошли вмѣстѣ. Но лишь только приходимъ мы къ дверямъ капитанской каюты, какъ вдругъ, не знаю отчего,

родившійся во мнѣ страхъ перемѣняетъ во мнѣ мысли. Я останавливаю товарища и усильно прошу: ради Бога не говори о мнѣ капитану, я не хочу ѣхать». Несмотря на всѣ убѣжденія товарища, Шишковъ упорно стоялъ въ своемъ намѣреніи, такъ что тотъ долженъ былъ одинъ войти въ капитанскую каюту. Но когда онъ вышелъ оттуда,—замѣчаетъ Шишковъ, — то въ немъ всѣ замѣтили перемѣну: онъ былъ смущенъ, обыкновенная веселость его исчезла, слезы катились по лицу. Вѣроятно безотчетный страхъ Шишкова перешелъ и къ нему, но отказаться отъ исполненія порученія было нельзя. При сходѣ въ шлюпку, онъ сказалъ: прощайте, братцы, я первый ѣду на смерть. Шлюпка отчалила, распустила парусъ, понеслась птицею, по морю. Съ корабля смотрятъ, какъ она ныряетъ въ волнахъ, какъ подходитъ къ берегу и—вдругъ опрокидывается. Всѣ въ тяжеломъ недоумѣніи, не зная, спасутся ли несчастные моряки, а подать помощь съ корабля не было никакой возможности. Бѣдный пріятель Шишкова погибъ дѣйствительно. Вся эта сцена произвела на него сильное впечатлѣніе. «Я бросился въ свою каюту,—говорилъ онъ,— затворился въ ней и, упавъ на колѣни, изъ глубины души моей благодарилъ Бога за внушенную въ мысли мои перемѣну, избавившую меня отъ предстоящей мнѣ погибели». Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ случай долженъ былъ сильно подѣйствовать на религіозное чувство юнаго Шишкова и оставить глубокій слѣдъ въ его душѣ. Здѣсь же могла зародиться въ немъ и нѣкоторая склонность къ мистицизму. Утомленный всѣми предшествовавшими тревогами, юноша, наконецъ, заснулъ, но не долго пришлось ему отдыхать. Его будятъ и еще въ просонкахъ тащатъ на палубу, накинувъ только тулупъ на плечи. Оказывается, что, кромѣ него, никто на кораблѣ не умѣлъ говорить по-нѣмецки, а нужно было объясниться съ подплывшей къ кораблю лодкой. Хотя лодочникъ говорилъ больше по-шведски, чѣмъ по-нѣмецки, но едва опамятовавшійся гардемаринъ съумѣлъ понять, что тотъ посланъ изъ городка Истедъ какимъ-то проѣзжимъ Сальдерномъ, который, узнавъ о бѣдствіи русскаго корабля, приказалъ разузнать о немъ. Капитанъ тотчасъ же приказалъ Шишкову пересѣсть въ лодку къ посланному и ѣхать въ городъ. Такъ какъ лодка за сильнымъ волненіемъ не могла стоять у борта корабля, то всѣ засуетились, чтобы какъ-нибудь спустить въ нее юношу, и онъ даже не слыхалъ, зачѣмъ посылается на берегъ. Въ полное сознаніе пришелъ онъ уже тогда, когда волны отнесли лодку далеко отъ корабля. Посреди бурнаго моря, глазъ на глазъ съ незнакомыми гребцами, которыхъ трудно было по-

нимать, безъ приличнаго платья, безъ денегъ, безъ хлѣба, и не зная при этомъ, для чего онъ ѣдетъ, положеніе крайне затруднительное. Пришлось проплыть восемь верстъ: холодный осенній вѣтеръ насквозь продувалъ его, брызги отъ волнъ, какъ дождемъ, кропили его и, наконецъ, не оставили ни одной сухой нитки. Уже въ три часа утра пристали къ берегу. Окоченѣлаго моряка привели въ какой-то домъ, достучались, зажгли огня, разбудили хозяина; тотъ что-то спрашиваетъ его; но на всѣ вопросы юноша не можетъ отвѣчать ни слова, языкъ не повинуется, мысли мѣшаются, и, наконецъ, исчезаютъ всякое понятіе и сознаніе. Только на другой день очувствовался русскій пришелецъ, и могъ говорить съ Сальдерномъ, къ которому привели его. Оказалось, что у этого добраго человѣка былъ въ Россіи братъ, и изъ любви къ нему онъ рѣшился сдѣлать и для бѣдствующихъ русскихъ, что было въ его силахъ. Узнавъ, въ какомъ они положеніи, онъ направляетъ Шишкова къ бургомистру, который по усиленной просьбѣ юноши, одѣтаго въ тулупъ, и отправилъ къ кораблю двухъ лоцмановъ и десять лодокъ. Шишковъ остается въ городѣ и удивляетъ своею расторопностью и находчивостью, хотя и могъ объясняться только на нѣмецкомъ языкѣ, который понимаютъ далеко не всѣ шведы. Имя русскаго, со временъ Петра Великаго, пугало простой народъ въ Швеціи, и безпріютному юношѣ съ трудомъ удалось найти себѣ ночлегъ въ городѣ. На другой день онъ узналъ, что посланныя лодки высадили на берегъ въ восьми верстахъ отъ города всѣхъ больныхъ съ корабля. Онъ спѣшитъ къ нимъ пѣшкомъ и находитъ въ самомъ жалкомъ положеніи: всѣ они лежали подъ открытымъ небомъ, на вѣтру, подъ дождемъ, и вдобавокъ безъ хлѣба. И спасенные отъ кораблекрушенія, они были обречены на гибель. Сюда же прибило волной и погибшаго его товарища. Похоронивъ его съ сокрушеннымъ сердцемъ, Шишковъ понималъ, что отъ его заботъ зависитъ участь всѣхъ его спутниковъ, такъ какъ онъ одинъ только могъ кое-какъ объясняться со шведами. И вотъ онъ спѣшитъ снова въ городъ, умоляетъ Сальдерна и бургомистра помочь больнымъ и голоднымъ, и послѣ многихъ усилій удается ему уже на другой день привезти нѣсколько пищи измученнымъ товарищамъ. Всѣ встрѣтили его съ радостью и благодарностью, понимая, что безъ него пришлось бы имъ очень горько. Только одинъ грубый солдатскій командиръ, которому довѣрены были больные, принялъ его очень сурово. Онъ считалъ и расторопнаго гардемарина подъ своимъ начальствомъ и некстати хотѣлъ это показать ему. Тутъ-

то юноша выказалъ замѣчательную черту характера, рѣдкую въ его годы.

— Знаешь ли ты, что я здѣсь начальникъ?—услышалъ онъ гнѣвныя командирскія слова:—какъ ты смѣлъ вчера уйти отсюда безъ спроса? Ежели ты еще разъ осмѣлишься это сдѣлать, то я тебѣ руки и ноги переломаю.

«Толь грубыя слова,—разсказываетъ Шишковъ,—весьма меня огорчили; я не опасался угрозъ его, но боялся слѣдствій нашей ссоры, ибо въ случаѣ какой-либо дальнѣйшей отъ него дерзости, я бы принужденъ былъ обратиться къ людямъ съ просьбою защитить меня, а люди такъ были противъ него озлоблены и столько изъявляли мнѣ благодарности за попеченіе мое о нихъ, что при малѣйшемъ отъ меня ободреніи, легко могло бы родиться изъ сего какое-либо несчастное происшествіе. Сія опасность преодолѣла во мнѣ движеніе гнѣва и я отвѣчалъ съ кротостію, что признаю его начальникомъ надъ собою и готовъ ему повиноваться, но что посланъ съ корабля въ городъ за дѣломъ, которое и долженъ выполнить...» Командиръ смягчился.

Съ помощью бургомистра Шишкову удалось устроить больныхъ въ городѣ, и затѣмъ нужно было еще хлопотать о судьбѣ корабля: онъ тоже былъ похожъ на больного, нуждающагося въ леченіи. Для починокъ требовалось много времени. Сказали, что за это можно приняться въ городѣ Карлсгомнѣ, въ шестидесяти верстахъ отъ Истеда. Шишкову было поручено уговориться съ двумя купеческими кораблями, которые должны были сопровождать русскій корабль и въ случаѣ опасности принять къ себѣ экипажъ.

Воспользовавшись затруднительными обстоятельствами, купцы потребовали четыре тысячи рублей, но у капитана не было такихъ денегъ. Рѣшили занять двѣ тысячи у города Истеда, которые и вручить нанятымъ кораблямъ при отправленіи; остальные же занять въ городѣ Карлсгомнѣ и заплатить тамъ. При этихъ переговорахъ истомленный юноша уже слегъ въ постель: силы его не выдержали, но и тутъ безъ него не могли обойтись.

Нанятые корабельщики въ день отправленія, когда подулъ попутный вѣтеръ, заупрямились и потребовали впередъ всѣ деньги. Нужно было везти больного, въ горячечномъ состояніи, на берегъ для объясненія. На рукахъ перенесли его въ лодку, на рукахъ перенесли къ бургомистру, куда были призваны и упрямые корабельщики. Они стояли на своемъ требованіи, несмотря на всѣ убѣжденія юноши. Наконецъ, онъ вышелъ изъ терпѣнія и съ жаромъ началъ говорить имъ: «стыдно для шведовъ не вѣрить

русскому военному кораблю въ двухъ тысячахъ руб. Если господа корабельщики сомнѣваются въ полученіи, то я отдаю имъ себя въ залогъ; я остаюсь здѣсь, пока они не получатъ деньги, и если бы капитанъ не заплатилъ ихъ и правительство наше не удовлетворило ихъ (чему никакъ статься не возможно), то отецъ мой, русскій дворянинъ и достаточный человѣкъ, меня выкупитъ». Эти слова, произнесенныя, какъ говорилъ Шишковъ, съ жаромъ и досадою, поколебали корабельщиковъ. Дѣло было сдѣлано, но виновникъ всего поплатился нѣсколькими днями болѣзни.

Въ Карлсгомнѣ гардемарины были размѣщены въ одномъ домѣ вмѣстѣ съ своимъ капитаномъ. «Когда мы пришли въ Карлсгомнъ,—говоритъ Шишковъ—то въ первые дни женщины не смѣли ввечеру ходить по улицамъ и часто пугали именемъ русскихъ». Такъ, по преданію, страшны были русскіе. Скоро все перемѣнилось, къ русскимъ присмотрѣлись, убѣдились, что они не такіе варвары, какъ о нихъ разсказывали, и стали мало-помалу завязываться знакомства, при которыхъ офицеры, въ особенности капитанъ, пользовались знаніемъ нѣмецкаго языка своего гардемарина. Ему было не скучно. Впрочемъ, у юноши скоро завязался свой романъ. Въ сосѣдствѣ онъ часто видѣлъ въ окнахъ два хорошенькія личика, которыя смотрѣли на него съ привѣтливой улыбкой. Встрѣчи были почти ежедневно, такъ что подъ конецъ молодой человѣкъ сталъ смотрѣть на нихъ какъ на знакомыхъ и снималъ передъ ними шляпу. Онѣ отвѣчали ему ласковыми улыбками, а скоро явился случай и познакомиться съ ними. Онъ нашелъ большое, простое и доброе семейство, съ которымъ очень сблизился, а съ однимъ изъ братьевъ даже подружился. Но особенно привлекала его старшая сестра, восемнадцатилѣтняя Христина, веселая и бойкая дѣвушка. Такъ какъ ни она, ни сестра ея не знали по-нѣмецки, а молодой гость ихъ по-шведски, то съ перваго же визита онъ началъ учиться у нихъ шведскому языку, и, благодаря интереснымъ учительницамъ, скоро научился свободно объясняться. Черезъ недолгое время русская колонія сдѣлалась знакома почти всему городу. «Мы видѣли отъ всѣхъ жителей отличную къ намъ привязанность,—говоритъ Шишковъ:—для насъ часто дѣлали обѣды, вечеринки, катанье на саняхъ за городъ». Въ этихъ удовольствіяхъ молодые люди сближались еще болѣе. Но любовь ихъ встрѣтила помѣху. «Удовольствіе мое видѣться съ Христиною,—продолжаетъ Шишковъ,— и быть безпрестанно у нихъ въ домѣ, гдѣ я такъ со всѣми свыкся и такъ отъ нихъ былъ любимъ, какъ самый близкій ихъ родственникъ, не долго продолжалось. Изъ Стокгольма отъ посланника

нашего Остермана пришло повелѣніе, чтобъ всѣхъ гардемариновъ отправить съ капитаномъ для продолженія наукъ въ Карлскрону, гдѣ былъ шведскій кадетскій корпусъ. Разлука съ домомъ Берлингьери была тяжелая. Какъ ни утѣшались мы черезъ нѣсколько времени опять увидѣться, однакоже не обошлось съ обѣихъ сторонъ безъ пролитія слезъ».

Въ Карлскронѣ для гардемариновъ были взяты два учителя — шведскаго и французскаго языковъ. Такъ какъ Шишковъ уже могъ нѣсколько объясняться по-шведски, то этотъ языкъ доставилъ ему входъ во многіе дома, чтó, конечно, помогало развитію молодого человѣка, хотя, по его сознанію, всѣ эти знакомства не могли замѣнить ему *одного* дома: «сердце и мысли мои туда стремились». Такъ прошло время до весны. Нужно было снова отправиться въ Карлстомнъ, чтобы оттуда плыть въ Россію. Влюбленный юноша нашелъ Христину похудѣвшею: она была больна. Они снова съ утра до вечера вмѣстѣ; но немного было счастливыхъ дней. Корабль готовъ, насталъ и день отправленія. Прощаніе было самое чувствительное. «Я пришелъ къ нимъ въ послѣдній разъ, — пишетъ Шишковъ, — они всѣ были вмѣстѣ. Всѣ мы сѣли, не говоря ни слова. Печальное молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Наконецъ я всталъ и подошелъ съ сокрушеннымъ сердцемъ къ матери поцѣловать у нея руку. Всѣ встали. Она обняла меня, облилась слезами и сказала: — другъ нашъ уѣзжаетъ отъ насъ и мы никогда уже на этомъ свѣтѣ не увидимся съ нимъ. Христина стояла съ потупленною головою; я подошелъ къ ней, но мы не имѣли даже силы сказать другъ другу «прости». Рыданія заглушали меня, и я вышелъ отъ нихъ изъ дому, почти не помня самъ себя» [1]).

Черезъ нѣсколько дней Шишковъ былъ уже въ Кронштадтѣ. Онъ уже не былъ похожъ на того мальчика, который за нѣсколько мѣсяцевъ выѣхалъ изъ Петербурга на сѣверъ. Разнообразныя впечатлѣнія вызвали въ немъ тѣ силы, которыя имѣютъ значеніе въ жизни. Грандіозная природа сѣвера сблизила его и съ величественною поэзіею; опасности морского пути сдѣлали его смѣлымъ и въ то же время осторожнымъ; любовь высказала въ немъ чувствительное сердце. Фантазія и чувство нашли себѣ пищу и дали направленіе его жизни.

Въ спискѣ 1772 года въ числѣ гардемариновъ морского корпуса, выпущенныхъ въ мичманы, находимъ *капрала* Але-

---

[1]) Разбитіе русскаго военнаго корабля у береговъ Швеціи въ 1771 году. — Сочиненія Шишкова, ч. XII.

ксандра Шишкова,—значитъ, онъ кончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ учениковъ. Онъ былъ хорошо образованъ для морской службы и для свѣтской жизни, но, имѣя въ виду пройденный имъ научный курсъ, нужно сказать, что для ученой дѣятельности подготовка его была очень неудовлетворительна; умъ его не прошелъ надлежащей школы; да вѣроятно онъ и самъ не предвидѣлъ себѣ ученаго поприща.

Скоро пришлось Шишкову совершить новое продолжительное плаваніе, въ которомъ еще болѣе окрѣпъ его характеръ. Въ 1776 г. предполагалось провести изъ Кронштадта черезъ Дарданеллы въ Черное море три тридцатидвухпушечные фрегата «Павелъ», «Григорій» и «Наталья». Это нужно было сдѣлать обманомъ, такъ какъ турки не пускали въ Черное море нашихъ военныхъ кораблей. Рѣшено было вести ихъ подъ купеческимъ флагомъ, оставивъ на виду по восьми пушекъ на каждомъ фрегатѣ, а остальныя закопавъ въ песокъ на днѣ судна: по договорамъ, турки не могли останавливать нашихъ купеческихъ кораблей. Сопровождать ихъ назначенъ былъ сорокапушечный фрегатъ «Сѣверный Орелъ» подъ командою капитана Козлянинова. Въ числѣ офицеровъ къ нему былъ причисленъ и Шишковъ, какъ знакомый съ иностранными языками. Путешествіе продолжалось три года. Впослѣдствіи Шишковъ напечаталъ его описаніе [1]). Мы извлечемъ изъ него то, чтó, по нашему мнѣнію, можетъ имѣть біографическое значеніе. Плаваніе до береговъ Италіи было благополучно; только на пути отъ Магона къ Ливорно Шишкова поразило одно обстоятельство: съ мачты «Сѣвернаго Орла» упалъ матросъ; летя стремглавъ оттуда, онъ слегка коснулся своимъ тѣломъ руки Шишкова, который обратилъ на него вниманіе уже тогда, когда тотъ лежалъ у его ногъ съ переломленною въ трехъ мѣстахъ хребтовою костью; вскорѣ за этимъ несчастный умеръ. Шишковъ видѣлъ особую божескую милость въ своемъ собственномъ спасеніи: «Сожалѣя о семъ бѣдномъ матросѣ,—говоритъ онъ,—я благодарилъ Бога, что самъ остался цѣлъ, ибо еслибъ я на одинъ вершокъ еще подвинулся, то, упавъ мнѣ на плечо, онъ подвергнулъ бы меня той же самой участи, какую самъ претерпѣлъ». Такіе случаи способствовали къ бóльшему развитію религіозности въ молодомъ морякѣ. У береговъ Ливорно фрегату «Павелъ» назначалась продолжительная стоянка. Прельщаемый Италіею, Шишковъ перепросился на этотъ фрегатъ и, пользуясь случаемъ, сталъ учиться по-итальянски. «Учитель мой,—разсказываетъ онъ,—очень

1) Сочиненія его, часть XVII.

любилъ Петрарка и имѣлъ самыя старинныя его изданія; онъ толковалъ мнѣ сонеты его и пѣсни. Хотя я въ итальянскомъ языкѣ былъ еще очень слабъ и хотя начали мы съ самой трудной книги; однакожъ онъ такъ хорошо объяснялъ, что я самыя труднѣйшія мѣста могъ понимать и восхищаться красотами сего славнаго писателя. Иногда для перемѣны читали мы Тасса. Высокій стихотворецъ сей скоро сталъ душу мою наполнять такимъ сладкимъ восторгомъ и удивленіемъ, что она отъ часу больше жадничала его слушать. Учителю моему такъ полюбилось бесѣдовать со мною о Петраркѣ и Тассѣ, что онъ, вмѣсто двухъ условныхъ часовъ, просиживалъ со мною по три и по четыре, а иногда приходилъ и два раза въ день. Мнѣ казалось, что онъ самъ не меньше Тасса превозносился духомъ, читая его «Освобожденный Іерусалимъ» и не меньше Петрарка влюбленъ въ Лауру». Вдохновленный своимъ учителемъ, Шишковъ впослѣдствіи самъ перевелъ эту поэму Торквато Тасса.

Въ Ливорно нашъ морякъ прожилъ два съ половиною мѣсяца, ѣздилъ отсюда въ Пизу, Лукку, Монтенегро. Въ томъ же портѣ зимовалъ нашъ маленькій фрегатикъ «Констанція», который теперь былъ причисленъ къ прибывшимъ русскимъ фрегатамъ подъ командою Козлянинова. За недостаткомъ, офицеромъ на него былъ переведенъ Шишковъ. «На немъ,—замѣчаетъ онъ,—надлежало въ глухую осень плыть по морямъ неизвѣстнымъ, въ чужую сторону, изъ Италіи къ туркамъ. Сіе непріятное воображеніе, смѣшанное съ грустію разставанія съ береговою, довольно весело препровожденною нами жизнію и притомъ еще совершенная неизвѣстность объ оставшихся въ Россіи родныхъ моихъ и знакомыхъ приводили меня въ уныніе». У береговъ Сициліи, ночью, во время вахты Шишкова, корабль едва не потерпѣлъ крушеніе, наткнувшись на какую-то волканическую скалу: къ счастью, она въ время выкинула изъ себя огонь, который далъ возможность разглядѣть, на какую гибель летитъ корабль. Съ нѣкоторыми усиліями удалось дать ему другое направленіе и избавиться отъ смерти. «Милость Божія,—замѣчаетъ Шишковъ,—повелѣла этому каменному острову насъ спасти. Тутъ узнали мы, что въ счисленіи нашемъ была великая погрѣшность и что мы считали себя гораздо далѣе отъ Сициліи, нежели въ самомъ дѣлѣ были. Я во время плаванія моего по морямъ,—прибавляетъ онъ,—примѣтилъ, что какъ бы нѣкій промыселъ Провидѣнія печется о спасеніи мореплавателей: онъ поправляетъ ошибочное и немогущее никогда быть вѣрнымъ искусство ихъ; ибо если исчислить непредвидимые случаи, въ которыхъ предстоящая опасность нечаяннымъ образомъ откры-

вается, то сихъ случаевъ несравненно болѣе, нежели кораблекрушеній. Часто бываетъ, что плавающее долговременно судно нѣсколько разъ внезапнымъ образомъ исторгалось изъ угрожавшаго ему бѣдствія. Не явенъ ли здѣсь промыслъ Божій».

Поразила также Шишкова смерть его слуги. Въ портѣ Магонѣ тотъ былъ избитъ въ дракѣ и раненъ въ бокъ. Узнавъ объ этой дракѣ, Шишковъ хотѣлъ-было наказать его тѣлесно, но по душевной добротѣ сжалился надъ нимъ, увидя его окровавленное лицо и не зная объ его ранѣ, которую онъ скрылъ. Слуга былъ прощенъ; но о ранѣ никому не говорилъ, и она привела его къ смерти. «Я укорялъ себя,—пишетъ Шишковъ,—въ моей несчастной къ нему жалости, ибо если бы тогда, когда я за сію драку наказать его хотѣлъ, не сжалился я надъ нимъ и велѣлъ его раздѣть, то открылось бы, что онъ раненъ, и тогда рану легко бы можно было залечить. Долго не могъ я выкинуть сего изъ головы своей, почитая себя какъ бы виновникомъ его смерти»...

Въ Мессинѣ соединились съ фрегатомъ «Сѣверный Орелъ», куда снова перешелъ Шишковъ. Наконецъ доплыли до порта Мандра, близъ Аѳинъ, простояли вблизи этихъ развалинъ около трехъ недѣль, но, несмотря на сильное желаніе русскихъ моряковъ, имъ не удалось посѣтить мѣсто знаменитаго города. «Мы часто съѣзжали на берегъ,—пишетъ Шишковъ,—на сію, толико въ греческихъ бытописаніяхъ прославленную землю, называемую Аттикою, ходили по пустыннымъ, едва обитаемымъ мѣстамъ; ничего не попадалось намъ на ней примѣчанія достойнаго, кромѣ что находились индѣ почти уже сравнявшіяся съ землею подножія огромныхъ мраморныхъ столповъ, которые хотя и сохранили еще видъ свой, но были уже такъ рухлы, что ихъ можно было какъ песокъ брать рукою. Мы видѣли также нѣсколько новѣйшихъ греческихъ часовень съ написанными на стѣнахъ ихъ изображеніями святыхъ и не могли надивиться буйству и злочестію безбожныхъ французовъ, которые, заходя иногда въ сей портъ (Мандра), не оставили ни одной часовни безъ того, чтобы не обезобразить лицъ святыхъ и не начертать вездѣ насмѣшливыхъ и ругательныхъ подписей. Удивительно,—при этомъ прибавляетъ онъ,—до какой злобы и неистовства доводитъ развращеніе нравовъ. Пусть бы сами они утопали въ безвѣріи; но зачѣмъ же вѣроисповѣданіе другихъ, подобныхъ имъ, христіанъ ненавидѣть. Для чего турки не обезобразили сихъ часовенъ? Для чего не иной какой языкъ читается въ сихъ гнусныхъ надписяхъ, какъ только французскій?» Вотъ откуда начинается ненависть Шишкова противъ французовъ. Ими было оскорблено самое священное

для него чувство, прежде чѣмъ революція уничтожила расположеніе къ нимъ въ сердцахъ многихъ русскихъ.

Наконецъ «Сѣверному Орлу» пришлось разстаться съ прочими фрегатами, которые подъ купеческимъ флагомъ поплыли въ Мраморное море. Шишкову не хотѣлось упустить случая взглянуть на Константинополь, и онъ снова перепросился на фрегатъ «Павелъ». Но не весело пришлось ему провести время въ турецкой столицѣ. «Нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ,—разсказываетъ онъ,—почти ежедневно были въ собраніяхъ; но я не раздѣлялъ съ ними ихъ удовольствій или участвовалъ въ томъ очень мало, провождая по нѣскольку дней сряду въ уединеніи, запершись съ книгами въ маленькой моей каютѣ. На это были многія причины: безпокойный нравъ и сварливость моего начальника наводили мнѣ много скуки и огорченій; не было никакой возможности съ нимъ ужиться; никакая осторожность не помогала, никакого терпѣнія недоставало. Къ сему присовокупилось еще несравненно горестнѣйшее обстоятельство: я получилъ изъ Россіи письмо, увѣдомившее меня о смерти весьма близкой къ сердцу моему особѣ». Объ этой новой любви Шишкова у насъ нѣтъ свѣдѣній. Она намъ только подтверждаетъ нѣкоторыя свидѣтельства объ его частыхъ любовныхъ увлеченіяхъ.

Изъ Константинополя наши фрегаты и подъ купеческими флагами не были пропущены въ Черное море: у туровъ явилось подозрѣніе въ обманѣ, и послѣ девяти-мѣсячной стоянки фрегаты должны были вернуться въ Архипелагъ и снова соединиться съ «Сѣвернымъ Орломъ». Два съ половиною мѣсяца они лавировали около Тенедоса въ виду Анатолійскаго берега, вблизи предполагаемой древней Трои. Говоря объ этомъ, Шишковъ замѣчаетъ: «слѣды знаменитой Трои такъ исчезли, что ничего примѣтнаго не осталось. Однакожъ воображеніе работало и душа поражалась при взглядѣ на тѣ мѣста, гдѣ за нѣсколько предъ симъ вѣковъ Гекторъ сражался съ Ахиллесомъ, гдѣ погибъ Пріамъ, гдѣ Елена съ Парисомъ воздыхала, гдѣ плакала Андромаха и откуда Эней, исхитивъ изъ пламени отца своего Анхиза, уѣхалъ затѣмъ, чтобы воспалить любовію несчастную Дидону и построить на морѣ чудный городъ Венецію (?). О стихотворство (размышлялъ я, ходя по пустому азіатскому берегу и взглядывая то на гору Иду, то на небольшой островъ Тенедосъ), какую очаровательную имѣешь ты силу, когда кистію твоею управляетъ превосходный умъ и чувствующая красоты душа. Не родись Гомеръ, Виргилій: сколько именъ и дѣлъ сквозь множество вѣковъ гремящихъ потонули бы давно въ рѣкѣ забвенія».

Въ новый 1778 г. приближались къ берегамъ Калабріи. Цѣлый годъ пробыли въ Средиземномъ морѣ и остались зимовать. У Шишкова истощился кошелекъ, и онъ не зналъ какъ быть. Наконецъ вздумалъ испытать счастье въ карточной игрѣ и выигралъ пятьсотъ червонцевъ. «Никакой мильонщикъ не былъ меня благополучнѣе,—въ радости восклицаетъ онъ:—тотчасъ запираю денежки свои въ сундукъ и даю себѣ честное слово, что скорѣе возьму въ руки горячее желѣзо, нежели карты; всю ночь отъ радости я не спалъ и проводилъ ее въ разныхъ размышленіяхъ. Первое представилось мнѣ, что я но прибытіи въ Ливорно могу отпроситься путешествовать по Италіи. Воображеніе быть въ Римѣ, Неаполѣ—восхищало меня».

Но Шишковъ не сдержалъ своего слова: въ Ливорно онъ опять увлекся и едва не проигралъ всего. Однакожъ ему удалось побывать во Флоренціи, въ Римѣ, Миланѣ, Венеціи, о которыхъ, впрочемъ, разсказываетъ не много. Затѣмъ отправились въ Россію. «Я съ радостью возвратился въ отечество,—заключаетъ Шишковъ,—но радость моя была смѣшана съ горькимъ напоминаніемъ, что во время отсутствія моего лишился я близкой къ сердцу моему особы»... Произведенный въ лейтенанты, Шишковъ былъ переведенъ въ морской кадетскій корпусъ, помѣщавшійся уже въ Кронштадтѣ; тамъ онъ преподавалъ гардемаринамъ морскую тактику. Это показываетъ, что онъ успѣлъ на себя обратить вниманіе какъ знающій морякъ, которому можно было ввѣрить образованіе будущихъ моряковъ. Въ обществѣ онъ обращалъ на себя вниманіе своими краснорѣчивыми разсказами. Тимковскій въ своихъ запискахъ говоритъ, что въ Петербургѣ у И. И. Шувалова онъ встрѣчалъ Шишкова и однажды слышалъ, какъ плѣнительно и живо онъ описывалъ Палермо [1]).

II.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОПЫТЫ.—ВОЙНА.—СМЕРТЬ ЕКАТЕРИНЫ.—СЛУЖБА ПРИ ДВОРѢ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА.

Литературную дѣятельность Шишковъ началъ еще въ молодости. Хотя она стояла на второмъ планѣ въ его жизни и не составляла главнаго ея интереса, но тѣмъ не менѣе она способствовала ему выдвигаться впередъ, привлекая вниманіе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависѣло оффиціальное его положеніе. Не оставивъ

---

1) „Рус. Арх.", 1874.

большого слѣда въ литературѣ, она все же имѣетъ важное біографическое значеніе, и мы не можемъ упоминать о ней только мимоходомъ. Чтó могло привлечь молодого моряка къ литературѣ? Обыкновенно замѣчается, что люди чувствительные, съ воображеніемъ, рано пристращаются къ чтенію и любятъ пробовать свои собственныя силы въ литературныхъ занятіяхъ, чаще всего начиная съ сочиненія стиховъ. Восхищенію Ломоносовымъ у Шишкова уже и въ зрѣломъ возрастѣ не было предѣловъ, тѣмъ болѣе въ юности. Понятія о поэзіи у него составились по произведеніямъ Ломоносова и Сумарокова. Въ нихъ онъ и подъ старость находилъ такія красоты, какихъ не находилъ уже никто. Вкусъ его установился въ молодые годы, удовлетворялся произведеніями Петрова, Хераскова, Державина, и разныхъ стилистовъ XVIII столѣтія, но далѣе уже не пошелъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ самъ сдѣлался стилистомъ. Поэзія религіозная и героическая цѣнилась имъ преимущественно, но нужно замѣтить, что ему были доступны и народныя пѣсни: онѣ трогали его сердце своими живописными выраженіями. Но самъ онъ по природѣ не былъ поэтомъ, хотя и былъ одаренъ фантазіей. Въ своихъ первыхъ опытахъ онъ скорѣе является моралистомъ, какимъ навсегда и остался. Эти опыты были очень скромны. Онъ познакомился съ тогдашнимъ президентомъ академіи наукъ, Домашневымъ, который, вѣроятно замѣтивъ его любовь къ литературнымъ упражненіямъ, надоумилъ его заняться переводомъ нѣмецкой дѣтской библіотеки Кампе—небольшой книжки, наполненной нравоучительными разсказами для дѣтей, въ стихахъ и въ прозѣ. Хотя выраженныя въ нихъ дѣтскія моральныя идейки далеко не удовлетворили бы нашу педагогію, но для того времени и онѣ должны были обогатить нашу бѣдную литературу, которая не могла представить дѣтямъ ничего, кромѣ нехитрыхъ букварей и часослова. Предложеніе Домашнева пришлось Шишкову по сердцу, и вотъ онъ начинаетъ выработывать простой дѣтскій слогъ, передавая готовое содержаніе. Конечно, не мало пришлось ему поработать и надъ этимъ простымъ слогомъ, надъ которымъ едва ли кто прежде работалъ, такъ что этотъ трудъ вѣроятно былъ начатками его будущихъ стилистическихъ трудовъ. Когда переводъ былъ оконченъ, президентомъ академіи была уже извѣстная княгиня Дашкова. Ей переводчикъ представилъ свою работу, которая по ея приказанію и была напечатана. «Книжка моя,— замѣтилъ впослѣдствіи Шишковъ, — простымъ своимъ слогомъ увеселяла дѣтей и наставляла ихъ въ благонравіи; они многіе изъ ней стихи наизусть читали и родители ихъ принимали оную

благосклонно, такъ что въ теченіи шестнадцати или семнадцати лѣтъ была она троекратно издана». Она дѣйствительно была очень долго въ употребленіи въ русскихъ семействахъ, гдѣ обучали дѣтей грамотѣ [1]). Въ тридцатыхъ годахъ, въ своемъ дѣтствѣ, я еще слышалъ отъ нѣкоторыхъ лицъ не совсѣмъ пожилыхъ, которые произносили стихи, заученныя ими въ дѣтствѣ:

Хоть весною и тепленько,
А зимою холодненько,
Но и въ стужѣ мнѣ не хуже.
Въ зимній холодъ
Всякій молодъ...

или:

Дорогой школьникъ шелъ
И финикъ онъ нашелъ,
Къ сластямъ ребята падки,
А финики вѣдь сладки.

Эти стихи я пишу по памяти, сохранившей ихъ съ устъ другихъ. Вѣроятно, и теперь во многихъ захолустьяхъ русской земли повторяются эти столѣтнія дѣтскія пѣсенки.

Къ этому же времени нужно отнести переводъ Шишкова какой-то французской моральной маленькой драмы: «Благодѣянія пріобрѣтаютъ сердца», но мы нѣсколько остановимся не на ней, а на оригинальной его пьескѣ, написанной въ 1780 г. Въ этомъ году императрица Екатерина II путешествовала. Въ ея отсутствіе назначено было торжественно открыть петербургское намѣстничество. Директору театра Бибикову вздумалось ознаменовать этотъ день какимъ-нибудь особымъ театральнымъ представленіемъ въ честь императрицы. Тэмы искать было не нужно: она была наготовѣ. Не задолго до этого Екатерина послала значительную сумму денегъ въ Алжиръ для выкупа христіанскихъ невольниковъ, въ числѣ которыхъ былъ и русскій солдатъ. Бибиковъ хотѣлъ представить этотъ выкупъ въ дѣйствіи, и обратился къ Шишкову съ просьбою написать маленькую драму. Значитъ, въ это время Шишковъ уже успѣлъ прослыть за литератора, конечно, въ своемъ небольшомъ кружку. Онъ составилъ пьеску «Невольничество». Въ ней хотя онъ выказалъ довольно фантазіи, но она была не въ ладу съ естественностью. Нелѣпость вымысла скрасилась реторическими похвалами великодушію и щедрости импера-

---

[1]) Гречъ въ своихъ запискахъ съ благодарностью говоритъ объ этой книжкѣ Шишкова, которую въ дѣтствѣ онъ выучилъ наизусть.—„Русскій Арх.“ 1873. То же говоритъ и Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Семейная хроника“.

трицы, и успѣхъ пьесы и актеровъ былъ обезпеченъ. По возвращеніи Екатерины представленіе было повторено въ пользу тюремныхъ должниковъ. Въ числѣ зрителей былъ и великій князь Павелъ Петровичъ. Но драма ему не понравилась. Авторъ ея объясняетъ это тѣмъ, что въ ней не было упомянуто о немъ ни слова. Правда, Бибиковъ и Шишковъ спохватились о томъ еще передъ началомъ представленія, но было уже поздно. Этотъ промахъ былъ причиною, что великій князь, незнавшій до того Шишкова, обратилъ на него вниманіе, и хотя сначала сурово обошелся съ нимъ, но потомъ сблизился по другому поводу.

Занятія Шишкова въ морскомъ корпусѣ вызывали его на труды по учебной литературѣ: онъ перевелъ съ французскаго языка «Морское искусство» и составлялъ треязычный морской словарь (англійскій, французскій и русскій). Но война со Швеціею отвлекла его отъ этихъ трудовъ.

Въ то время, когда русскій корабельный флотъ уже дѣйствовалъ подъ командою адмирала Чичагова, наша гребная флотилія снаряжалась для дѣйствій подъ начальствомъ принца Нассау. За недостаткомъ настоящихъ моряковъ, которые всѣ были при Чичаговѣ, сюда назначались офицеры изъ гвардіи и арміи. Снаряженная такимъ образомъ, она выступила въ море, и когда проходила мимо Кронштадта, то Шишкову, служившему тамъ въ морскомъ корпусѣ, вздумалось посѣтить фрегатъ, на которомъ находился принцъ. Здѣсь все видѣнное имъ поселило въ немъ весьма невыгодное мнѣніе о флотиліи безъ моряковъ. Предубѣжденіе его не исчезло даже и черезъ нѣсколько дней, когда онъ услышалъ о громкой побѣдѣ, одержанной принцемъ Нассау надъ шведскимъ гребнымъ флотомъ. Въ Кронштадтѣ въ это время вооружался новый гребной фрегатъ «Св. Николай». Шишковъ, произведенный въ чинъ капитана второго ранга, былъ назначенъ на немъ командиромъ. Но въ этомъ году онъ не участвовалъ въ дѣлѣ, а съ весною 1790 г. получилъ приказаніе соединиться съ эскадрою вице-адмирала Крузе, когда шведскій флотъ приближался уже къ Кронштадту. Вскорѣ затѣмъ Крузе соединился съ Чичаговымъ, а фрегату «Св. Николай» велѣно было поступить подъ команду принца Нассау. Составивъ уже невыгодное мнѣніе объ этомъ начальствѣ, Шишковъ захотѣлъ остаться при корабельномъ флотѣ и сталъ просить о томъ адмирала. Случай ему благопріятствовалъ, такъ какъ Чичагову нужно было исполнить просьбу императрицы—опредѣлить командиромъ какого-либо судна присланнаго ею капитана Марчала. Имъ-то Чичаговъ и смѣнилъ Шишкова, котораго перевелъ къ себѣ на корабль, обѣщая при

первой вакансіи назначить его командиромъ на какой-либо фрегатъ. Шишковъ былъ и тѣмъ очень доволенъ, не ожидая добра отъ гребной флотиліи и вѣря въ силу предчувствія. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени онъ получилъ поводъ сказать: «предчувствіе мое меня не обмануло».

Шведскій флотъ съ королемъ попалъ въ Выборгскую губу; худая погода и вѣтры долго не позволяли ему выдти оттуда. Русскій флотъ стерегъ его, имѣя передъ собою четыре непріятельскіе корабля, которые при самомъ входѣ въ губу заграждали фарватеръ. По всѣмъ распоряженіямъ русскаго адмирала можно было заключить, что онъ готовился къ нападенію на шведскій флотъ; ждали только прибытія нашей гребной флотиліи, которая еще не была готова. «Слухи о скоромъ ея приходѣ, — пишетъ Шишковъ, — приближали часъ къ толь важной развязкѣ положенія нашего съ непріятелемъ. Чрезвычайная скромность адмирала не подавала никогда случая пристойнымъ образомъ узнать отъ него, точно ли онъ намѣренъ атаковать непріятеля и по собственному ли своему усмотрѣнію или по настоянію отъ верховной власти. Въ семъ сомнѣніи вздумалось мнѣ написать нѣчто касающееся до сихъ обстоятельствъ». Здѣсь впервые у Шишкова проявилась страсть къ ораторству, т.-е. стремленіе дѣйствовать убѣжденіями на извѣстныя лица и склонять ихъ въ пользу того или другого дѣйствія. Эта страсть собственно и составляла талантъ его. Она поддерживалась патріотическимъ желаніемъ быть полезнымъ отечеству своимъ умомъ, который всегда и во всемъ руководствовался осторожностью. Въ своемъ *разсужденіи* Шишковъ доказывалъ, что для насъ выгоднѣе держать непріятеля взаперти, чѣмъ атаковать его. Непріятель ждетъ съ нетерпѣніемъ нападенія, въ надеждѣ воспользоваться многими благопріятными для него обстоятельствами, тогда какъ мы при атакѣ можемъ ожидать скорѣе всего такихъ случайностей, которыя будутъ для насъ крайне неблагопріятны. Притомъ же, въ случаѣ изнеможенія непріятеля, онъ лишается только морскихъ силъ; въ случаѣ же нашего изнеможенія, ему отворяются врата русской столицы. По заключенію Шишкова, намъ слѣдовало лишь выжидать, какъ непріятель самъ рѣшитъ свою судьбу. Его флотъ почти цѣлый мѣсяцъ пребывалъ въ такомъ тѣсномъ заключеніи, что даже король, по слухамъ, не могъ иначе переслать своего письма въ Швецію, какъ приславъ его подъ открытою печатью къ графу Салтыкову, съ просьбою доставить въ Стокгольмъ; люди на ихъ флотѣ нуждались въ съѣстныхъ припасахъ и въ прѣсной водѣ. Такимъ образомъ, нужно было ожидать, что шведскій

флотъ въ скоромъ времени сдастся или при первомъ благопріятномъ вѣтрѣ будетъ пытаться прорваться сквозь нашъ флотъ, и тогда наша побѣда будетъ несомнѣнна. Шишковъ совѣтовалъ только вооружиться терпѣніемъ. Это разсужденіе онъ передалъ адмиралу Чичагову съ просьбою прочитать его внимательно и потомъ сказать ему, правъ ли онъ? Черезъ два дня адмиралъ возвратилъ ему бумагу съ словами: «читалъ не одинъ разъ и совершенно согласенъ съ тобою, но думаю, что мы не тó будемъ дѣлать». Изъ этого Шишковъ заключилъ, что адмиралу приходилось дѣйствовать не по собственному разсужденію, а по настоянію изъ Петербурга. Такого рода отвѣты на свои бумаги Шишковъ не разъ слышалъ и впослѣдствіи.

Но обстоятельства направили дѣло такъ, какъ хотѣлось Шишкову: прежде чѣмъ русскій флотъ собрался напасть на шведскій, подулъ вѣтеръ, благопріятный шведамъ. Непріятель распустилъ паруса и смѣло и искусно сталъ пробиваться черезъ нашъ флотъ. Оплошность русскихъ командировъ помогла ему, такъ что онъ успѣлъ спасти бóльшую часть своихъ судовъ, хотя и съ большими потерями. Вся гребная шведская флотилія была уже въ нашихъ рукахъ; но и ее упустили по нераспорядительности принца Нассау, который въ скоромъ времени чувствительно поплатился за это. Шведы день 22 іюня могли считать для себя счастливымъ, хотя мы и провозгласили себя побѣдителями. Въ реляціи о своей побѣдѣ Чичаговъ представлялъ въ числѣ отлично рачительныхъ и усердныхъ капитана второго ранга Шишкова. Послѣ на-скоро составленной реляціи, посланной съ сыномъ адмирала, была написана другая, подробная и обстоятельная, которую повезъ къ Екатеринѣ Шишковъ. «Пріѣхавъ прямо въ Царское Село (гдѣ находилась императрица), — разсказываетъ онъ, — явился я къ Трощинскому, который представилъ меня князю Безбородкѣ. Я удивленъ былъ довольно холоднымъ, какъ мнѣ казалось, пріемомъ; но удивленіе мое уменьшилось, какъ скоро услышалъ я, что за нѣсколько часовъ передо мною пришла печальная вѣсть о разбитіи шведами нашей флотиліи подъ начальствомъ принца Нассау (разбила его та же гребная флотилія, которую за нѣсколько дней онъ такъ опрометчиво выпустилъ изъ своихъ рукъ),—побѣда, едва не сравнившаяся съ нашею, въ которой потеряли мы до пятидесяти судовъ со множествомъ взятыхъ въ плѣнъ офицеровъ». По своей тупости, принцъ Нассау поставилъ нашу флотилію въ такое затруднительное положеніе, что ей оставалось гибнуть безъ всякой пользы, тѣмъ болѣе, что офицеры были не моряки и не могли распорядиться

въ трудныхъ обстоятельствахъ. Здѣсь же погибъ и капитанъ Марчалъ, который замѣстилъ Шишкова на фрегатѣ «Св. Николай». «Нельзя не подивиться, — восклицаетъ Шишковъ, — превратности случаевъ и безъизвѣстности судебъ человѣческихъ!».

«Опозданіе пріѣзда моего двумя или тремя часами въ Царское Село,—съ грустью приписываетъ онъ,—лишило меня многихъ выгодъ и того всемилостивѣйшаго пріема и бесѣдованія съ императрицею, каковыми, конечно, безъ сего предварившаго меня извѣстія, былъ бы я удостоенъ». Но онъ все же не остался безъ награды. На другой день позвали его во дворецъ, и князь Безбородко вручилъ ему пожалованную золотую шпагу съ надписью *за храбрость* и золотую, осыпанную бриллiантами, табакерку, съ пятью стами червонцевъ. Императрица въ то время спѣшила въ Петербургъ; при ея выходѣ онъ былъ представленъ ей, и успѣлъ только поцѣловать ея руку [1]).

10 августа 1790 г. былъ подписанъ миръ, и Шишковъ поселился въ Петербургѣ. Послѣ военныхъ тревогъ онъ снова обратился къ своимъ ученымъ занятіямъ; но, по своему характеру, онъ не былъ изъ числа тѣхъ, которые легко и ловко устроиваютъ свои дѣла. Ему нужно было получить высочайшій приказъ напечатать его книгу «Морское искусство» и для этого пришлось вытерпѣть много непріятностей, прежде чѣмъ она явилась въ свѣтъ въ 1793 г. За то эта книга послужила къ сближенію автора съ великимъ княземъ. Его школьный товарищъ Кушелевъ, бывшій въ то время при наслѣдникѣ, посовѣтовалъ ему поднести книгу Павлу Петровичу, какъ генералъ-адмиралу, научивъ при этомъ, какимъ образомъ можно было снискать его расположеніе:—слѣдовало, подавая книгу, стать на одно колѣно и поцѣловать руку. Шишковъ сдѣлалъ все это и доставилъ великому князю удовольствіе посмѣяться надъ дворомъ Екатерины, гдѣ не были вознаграждены труды его. Съ этого времени Шишковъ былъ на виду у наслѣдника. Скоро послѣ того другой случай доставилъ наслѣднику новое удовольствіе. Начальникъ черноморскаго флота, извѣстный Мордвиновъ, котораго Шишковъ называлъ своимъ другомъ и благодѣтелемъ, по познямъ разныхъ лицъ, былъ отставленъ, а вмѣсто него назначенъ всесильный князь Зубовъ. Эта партія хотѣла привлечь къ себѣ Шишкова. Ему предложили видное мѣсто правителя канцеляріи при Зубовѣ по морской части. Шишковъ согласился принять его. Но прія-

---

[1]) Военныя дѣйствія россійскаго флота противъ шведскаго въ 1788, 89, 90 гг., по запискамъ адмирала Чичагова, состав. А. Ш. 1800 г.

тель его Кушелевъ далъ ему хорошій совѣтъ, спроситься прежде у великаго князя, какъ у генералъ-адмирала, которому будетъ очень пріятно, что это сдѣлается не безъ его воли. Шишковъ послѣдовалъ этому совѣту, получилъ согласіе великаго князя и заручился на будущее его расположеніемъ.

Отъ новаго правителя канцеляріи потребовали не одной службы. Для покровительства Зубова ему нужно было пожертвовать дружбою съ Мордвиновымъ и сойтись съ его врагами. Но Шишковъ здѣсь не задумался показать свой характеръ, котораго, какъ видно, отъ него не ожидали, когда давали намеки, какими средствами можно пользоваться довѣренностью князя Зубова. Онъ далъ достойный отпоръ словами: «я еще отнюдь не знатный, ниже какой-либо важный человѣкъ; но ежели-бъ, когда и сдѣлался такимъ, то первые мои друзья всегда будутъ честь и правда, которымъ я ни для кого не измѣню».

Понятно, что Шишковъ оставался здѣсь въ тѣни и не хотѣлъ самъ напрашиваться на службу, только изрѣдка появляясь въ пріемной князя Зубова, гдѣ такъ многіе искали и ожидали себѣ милостей. Но 5 ноября 1796 г. ему пришлось въ послѣдній разъ заглянуть въ эту пріемную и не найти въ ней многолюднаго собранія. Это было въ день скоропостижной смерти Екатерины.

Вотъ какъ впослѣдствіи Шишковъ выразилъ впечатлѣніе этихъ дней: «Павелъ I воцарился. Никто не ожидалъ сей внезапной перемѣны. Кроткое и славное Екатеринино царствованіе, тридцать-четыре года продолжавшееся, такъ всѣхъ усыпило, что, казалось, оно, какъ-бы какому благому и безсмертному божеству порученное, никогда не кончится. Страшная вѣсть о смерти ея, не предупрежденная никакою угрожающею опасностью, вдругъ разнеслась и поразила сперва столицу, а потомъ и всю обширную Россію... Я вошелъ въ залу и столько же пораженъ былъ удивленіемъ, сколько удрученъ печалью. Перемѣна сія была такъ велика, что не иначе показалась мнѣ, какъ-бы непріятельскимъ нашествіемъ. Дворецъ наполненъ былъ множествомъ разнаго рода людей, стоявшихъ неподвижно, съ изображенною на лицахъ скорбью и безпокойствомъ. Весь прежній блескъ, вся величавость и важность двора исчезли. Вездѣ въ немъ и вокругъ его появились солдаты съ ружьями. Знаменитѣйшія особы, первостепенные чиновники, управлявшіе государственными дѣлами, стояли какъ-бы лишенные уже должностей своихъ и званій, съ поникнутою головой, непримѣтные въ толпѣ народной. Люди малыхъ чиновъ, о которыхъ день тому назадъ никто не помышлялъ, ни-

кто почти не зналъ ихъ, — бѣгали, повелѣвали, учреждали. Въ одинъ часъ все такъ перемѣнилось, что, казалось, насталъ иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе. Удивленный, смущенный отъ всего того, чтó глазамъ моимъ представлялось, возвратился я домой съ печальными мыслями, съ сокрушеннымъ сердцемъ» [1]).

Въ эти дни многимъ сильнымъ и даже несильнымъ лицамъ дѣйствительно пришлось дрожать за себя. Но Шишкову, повидимому, нечего было безпокоиться. Судьба его не была связана съ судьбою Зубова: какъ мы видѣли, онъ поступилъ на службу въ его канцелярію съ одобренія наслѣдника. Скорѣе онъ могъ выиграть съ новымъ царствованіемъ; но при своемъ болѣзненномъ настроеніи духа и отчасти мнительномъ характерѣ, онъ припомнилъ то неудовольствіе, какое новый императоръ когда-то выказалъ ему, и съ трепетомъ ждалъ своей участи. Но страхъ былъ напрасенъ: Шишкову объявляютъ, что онъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга. Нужно было благодарить императора на *вахтъ-парадѣ* (екатерининскіе офицеры не знали даже этого слова). Морозъ сильный, а новопожалованный сидитъ дома на лекарствахъ съ предписаніемъ медицины беречься всего болѣе простуды. Какъ же простоять на морозѣ въ одномъ мундирѣ? Нужно было рисковать или жизнію, или службою. Шишковъ былъ не настолько неблагоразуменъ, чтобъ рѣшиться на первое, и не настолько смѣлъ, чтобъ отважиться на второе. Онъ придумалъ удачный выходъ изъ своего труднаго положенія. Онъ поѣхалъ на вахтъ-парадъ, но выбралъ себѣ мѣсто за толпою, гдѣ непримѣтно можно было стоять въ шубѣ, до той минуты, когда начнется представленіе государю. «Я смотрю во всѣ глаза, — разсказываетъ Шишковъ, — не смѣю мигнуть, чтобы не пропустить этой минуты. Тотчасъ, по наступленіи ея, сбрасываю съ себя шубу, продираюсь сквозь людей и кидаюсь на колѣни. Павелъ поднимаетъ меня, даетъ мнѣ поцѣловать руку свою и говоритъ: «Поди, поди домой. Я знаю, что ты боленъ, береги свое здоровье, ты мнѣ надобенъ». Итакъ, императоръ зналъ даже объ его болѣзни, значитъ интересовался имъ, и не скрылъ, что цѣнитъ его. На какую же службу могъ ему пригодиться Шишковъ? Однѣ надежды на блестящую карьеру могли бы занимать его воображеніе. Но ежедневные примѣры быстраго возвышенія и паденія, покровительства и кары мѣшали ему радоваться. Честолюбіе не соблазняло его. Онъ считалъ болѣе благоразумнымъ отдалиться отъ той почвы, гдѣ безпрестанно были взрывы, и для

[1]) Записки Шишкова, т. I.

безопасности скрыться даже въ толпѣ. Предлогомъ послужило ему слабое его здоровье, которое беречь совѣтовалъ самъ государь. Не рѣшаясь просить объ отставкѣ, онъ просилъ годичнаго отпуска и получилъ его. Хотя онъ и остался въ Петербургѣ, такъ какъ ѣхать ему было некуда, но онъ былъ уже постороннимъ зрителемъ тѣхъ быстрыхъ перемѣнъ, которыя начались при дворѣ, и въ войскѣ, и во всемъ чиновномъ мірѣ. Все старое, екатерининское, одно за другимъ исчезло. Каждый день приносилъ какую-либо новость, а съ нею пересказы, шопотъ, толки, которые сопровождались горькими или насмѣшливыми улыбками. Съ глубокимъ огорченіемъ смотрѣлъ на все это Шишковъ, какъ человѣкъ, передъ глазами котораго оскорбляли все то, что̀ онъ считалъ идеальнымъ: такимъ ему представлялось царствованіе Екатерины со всѣми его порядками. Онъ вращался въ томъ кругу, гдѣ было много блеска, довольства и счастія; ихъ не затмевали нѣкоторыя неудачи собственной его жизни. Онъ не зналъ того круга, гдѣ терпѣли отъ вельможескихъ злоупотребленій, отъ разныхъ призраковъ, созданныхъ французской революціей, и гдѣ имѣли поводы роптать и желать лучшаго. Свѣтлый образъ вынесъ онъ изъ этого царствованія и съ сокрушеннымъ сердцемъ смотрѣлъ на разрушеніе. Онъ такъ боялся, чтобы о немъ не вспомнили, что даже рѣдко выходилъ изъ дому, избѣгалъ всякихъ встрѣчъ. А между тѣмъ какъ-будто судьба противъ его воли заботилась объ его карьерѣ и тянула его впередъ. При дворѣ возвысился пріятель его Кушелевъ, не потерялъ значенія и графъ Безбородко; оба они, по словамъ Шишкова, доброхотствовали ему и при раздачѣ, или при *расхваткѣ* деревень выпросили и на его долю двѣсти пятьдесятъ душъ—въ Кашинскомъ уѣздѣ. «Даръ сей, — замѣчаетъ Шишковъ, — тѣмъ больше для меня былъ пріятенъ, что доходы мои заключались въ одномъ только весьма небольшомъ жалованьѣ». Какъ ни скрывался онъ, но о немъ напомнили государю. Послѣ коронаціи, по возвращеніи изъ Москвы, императоръ назначилъ его въ *эскадръ-маіоры* при своей особѣ, хотя срокъ отпуска далеко еще не кончился. Пріятели не совѣтовали ему отказываться отъ службы изъ опасенія навлечь немилость государя. Онъ долженъ былъ принять назначеніе, хотя даже не зналъ обязанности этого новаго чина. Ему объяснили, что должность его — быть при государѣ и изъявлять его повелѣнія флагами, когда онъ пойдетъ въ море и будетъ командовать флотомъ. Этому назначенію, конечно, способствовала книга Шишкова о «Морскомъ искусствѣ», о которой

мы говорили и благодаря которой императоръ могъ убѣдиться въ учености Шишкова.

Къ веснѣ въ Кронштадтѣ вооружалась эскадра, которая должна была соединиться съ другою, вооружаемою въ Ревелѣ. Самъ императоръ, со всѣмъ своимъ семействомъ, хотѣлъ сопровождать ее на вновь построенномъ фрегатѣ «Эммануилъ». Конечно, Шишковъ долженъ былъ быть при немъ и хотя не всегда успѣвалъ угождать ему, противорѣча такимъ необдуманнымъ его желаніямъ и приказаніямъ, которыя были несогласны съ правилами морского искусства, но неудовольствія скоро забывались. Послѣ десятидневнаго похода, всѣ служившіе на фрегатѣ получили награды. Шишкову объявили, что онъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты его величества. «Я бросился на колѣни,—говоритъ онъ,—благодарить государя; онъ, надѣвая на меня орденъ св. Анны 2-й степени, сказалъ мнѣ: «ну, теперь ты мой домашній: старое забыто! а прежде я на тебя былъ очень сердитъ». Восхищенный чрезвычайной радостью, поѣхалъ я за нимъ въ Петергофъ. Почти всю ночь не спалъ. Тысячи мыслей толпились въ моей головѣ. Я не могъ вѣрить случившемуся со мною; мнѣ казалось это сновидѣніемъ. Какъ, думалъ я, изъ малозначащихъ офицеровъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, вдругъ сдѣлался я, можно сказать, вельможею! Ибо, имѣя въ свѣжей памяти важное званіе генералъ-адъютанта при Екатеринѣ (званія, котораго фельдмаршалъ Суворовъ, при всемъ своемъ домогательствѣ, не могъ получить), мудрено ли было мнѣ мысленно летать подъ небесами и почитать себя великимъ человѣкомъ? Но мечтанія мои недолго продолжались: на другой же день спустился я съ высокой горы на низкій холмикъ. Мнѣ досталось быть дежурнымъ. Я иду съ гордостью во дворецъ, думая тамъ всѣми повелѣвать. Меня зовутъ къ государю. Я вхожу къ нему. Онъ держитъ въ рукахъ записку и, отдавая мнѣ оную, говоритъ: справьтесь, такъ ли въ этой бумагѣ записано имя пріѣхавшаго сюда. И ежели такъ, то велите его отыскать. Зная, что онъ не жаловалъ, когда повелѣнія его медленно исполнялись, я вышелъ отъ него съ торопливостью и спросилъ: кто здѣсь подъ моимъ начальствомъ? Мнѣ съ холодностью отвѣчаютъ: никого!—Да какъ же? Государь приказалъ мнѣ справиться объ одномъ имени; надобно послать на шлагбаумъ, кого-жъ я пошлю? Мнѣ говорятъ: поди самъ! А между тѣмъ льетъ дождикъ; улицы грязны и шлагбаумъ отстоитъ почти на версту. Не знаю, что дѣлать, хочу самъ бѣжать, да боюсь отлучиться и опоздать».

Изъ такого затруднительнаго обстоятельства Шишкова выру-

чилъ великій князь Константинъ Павловичъ, считавшійся петергофскимъ главнокомандующимъ. Изъ этого мы видимъ, что, при такомъ быстромъ, хотя и мнимомъ возвышеніи, и въ сердцѣ Шишкова стало шевелиться властолюбіе. Но обольщеніе было такъ минутно, что Шишковъ, какъ наклонный къ морали, могъ изъ него вывести себѣ только полезный урокъ. Эта новая служба, въ качествѣ *домашняго*, была въ тягость Шишкову: ему поручались разныя мелочи, которыя не всегда можно было исполнять въ точности, а это легко навлекало гнѣвъ государя. За то моралисту было довольно матеріаловъ.

Въ это время Шишковъ выступилъ съ новымъ литературнымъ трудомъ. Его увѣрили, что государю будетъ очень пріятно и онъ щедро наградитъ того, кто представитъ ему описаніе его недавняго морского похода. Шишковъ составилъ поденныя записки и, напечатавъ, вмѣстѣ съ разными чертежами, поспѣшилъ вручить Павлу. Хотя въ первую минуту трудъ былъ принятъ очень благосклонно, но когда книга была прочитана, то автору пришлось услышать сухое замѣчаніе: «вы много лишняго написали». И затѣмъ пришлось ломать голову и догадываться, чтó могло не понравиться августѣйшему читателю: лесть ли, которая была выражена не совсѣмъ ловко, такъ какъ она была дѣломъ непривычнымъ для непридворнаго моряка; или замѣтка о томъ, что Павелъ страдалъ отъ качки, тогда какъ онъ дорожилъ званіемъ моряка,— или чтó другое. Но въ своемъ безпокойствѣ бѣдный авторъ ни на чемъ не могъ остановиться. И еще урокъ: ни лестью, ни правдой не слѣдуетъ напрашиваться на награды! Нерѣдко *важный* генералъ-адъютантъ чувствовалъ себя и въ комическомъ положеніи: «Однажды,—разсказываетъ онъ,—смѣнялъ я генералъ-адъютанта Неплюева. Онъ сдалъ мнѣ такое приказаніе, которое показалось мнѣ и странно и непонятно: привелъ меня на маленькомъ дворикѣ къ нѣкоторому отверстію, куда—не знаю: въ погребъ ли или иное мѣсто—спускаются внизъ, и сказалъ мнѣ, чтобъ я чаще на эту дыру ходилъ смотрѣть. Я сперва подумалъ, что онъ шутитъ; но онъ увѣрилъ меня въ томъ; и когда я спросилъ о причинѣ, то онъ отвѣчалъ, что причина ему не объявлена. Приказъ сей навелъ мнѣ скуку часто ходить туда, не зная зачѣмъ, и притомъ погрузилъ въ нѣкое сомнѣніе, чтобъ мнѣ какъ-нибудь нечаянно не провиниться. Хотя государь продолжалъ всегда ко мнѣ быть милостивъ, но часто случавшіеся уже со мною непредвидимые мои проступки тревожили меня».

Тягостное чувство безпокойства иногда вызывало въ Шишковѣ рѣшимость и смѣлость, на которую не всякій бы рѣшился,

но она сходила ему съ рукъ, можетъ-быть потому, что въ ней проглядывала какая-то наивность. На него особенно наводила страхъ верховая ѣзда. «Я, служа всегда на морѣ,—пишетъ онъ,— не ѣзжалъ никогда верхомъ, и всякій разъ, ѣздя за государемъ, боялся, чтобъ не попалась мнѣ такая лошадь, съ которою я не управлюсь и которая легко можетъ вовлечь меня въ какую-нибудь бѣду. Не смѣя самъ объясниться съ нимъ, я нарочно всѣмъ это твердилъ, чтобъ какъ-нибудь до него дошло. Скоро случилось, что государь ѣдетъ обучать какіе-то полки. Я рѣшился въ этотъ день не ѣхать за нимъ. Но кáкъ это сдѣлать? Долго думалъ я, и, наконецъ, вотъ чтó придумалъ: снарядился, кàкъ должно, для верховой ѣзды, то-есть обулся въ большіе сапоги и пошелъ за нимъ. Онъ, когда подведутъ ему лошадь, гладитъ ее и кормитъ сахаромъ. Въ это время всѣ адъютанты побѣгутъ садиться на своихъ лошадей. Я, напротивъ, остался и стою передъ нимъ, какъ стопочка. Онъ сѣлъ на лошадь, взглянулъ на меня, усмѣхнулся и, кивнувъ головою, сказалъ мнѣ: оставайся. — Съ тѣхъ поръ, ставъ свободенъ, я не иначе ѣздилъ на смотры и ученья, какъ за императрицею, съ придворными дамами, на линейкахъ. Всѣ надо мной смѣялись, но я радъ былъ, что избавился отъ верховой ѣзды и большихъ сапоговъ».

Послѣ этого Шишковъ, въ качествѣ моряка, сталъ позволять себѣ и другія вольности—устраняться отъ маневровъ и вообще избѣгать порученій. Императоръ сталъ замѣтно къ нему охлаждаться; но это уже мало печалило его: честолюбіе смягчалось моралью. Однимъ могла быть полезна ему для будущаго эта безпокойная служба: ему приходилось часто встрѣчаться съ молодымъ наслѣдникомъ Александромъ Павловичемъ и вступать съ нимъ въ бесѣду, въ которой будущій императоръ могъ оцѣнить его честность и прямоту.

III.

Поѣздка за границу.— Удаленіе отъ двора. — Смерть Павла.

Скоро Шишковъ совсѣмъ избавился отъ придворной службы. Ему было поручено ѣхать въ Вѣну и принять въ русскую службу голландскихъ морскихъ офицеровъ и матросовъ, которые должны были покинуть отечество по причинѣ нашествія французовъ. Быстро собрался Шишковъ въ дорогу; но въ Вѣнѣ онъ не нашелъ голландскаго графа Пфоффенгофена, къ которому былъ посланъ для переговоровъ. Нужно было ѣхать за нимъ въ Древ-

день, но и тамъ его не оказалось. Убѣдившись, что это человѣкъ ненадежный, Шишковъ послалъ о томъ донесеніе къ императору и, въ то же время, просилъ позволенія ѣхать на̀-воды въ Карлсбадъ. Отвѣтъ скоро пришелъ: въ немъ приказывалось возложенное на Шишкова дѣло оставить безъ всякаго исполненія, и позволялось, для собственныхъ надобностей, отправиться въ Карлсбадъ; но при этомъ возлагалась на него такая обязанность, которая и огорчила, и оскорбила его: "имѣть прилежное наблюденіе за поступками всѣхъ русскихъ, которые окажутся въ Карлсбадѣ, особенно же за княземъ Зубовымъ, Орловымъ и Разумовскимъ; и если въ ихъ поведеніи примѣтятся какія *худости*, немедленно съ нарочнымъ присылать о томъ донесенія. «Смотри, братъ, держи ухо востро̀, — писалъ при этомъ по-пріятельски статсъ-секретарь Обрѣзковъ: — къ тебѣ послано такое приказаніе, отъ котораго легко можешь попасть въ бѣду». Человѣку съ шаткой нравственностью могло бы показаться пріятнымъ такое порученіе, имѣя въ виду прежнія отношенія къ нѣкоторымъ лицамъ, на которыя теперь указывалось. Но честнаго и прямодушнаго Шишкова возмущало это. «Сіе порученіе, которымъ я гнушался, — говорилъ онъ, — и сіи угрозы произвели во мнѣ и омерзеніе, и страхъ». Конечно, онъ не могъ сдѣлаться шпіономъ; но нужно было постараться, чтобы не навлечь на себя и гнѣвъ. Зубовъ предупредилъ визитъ Шишкова еще въ Дрезденѣ, что̀ вызвало опять мораль въ его думахъ. «Свиданіе наше для обоихъ насъ имѣло въ себѣ нѣчто необыкновенное, — говорилъ онъ. — Чрезъ такое короткое время, та̀къ еще свѣжее въ памяти нашей, изъ толь различнаго между нами состоянія, — онъ столько, если не больше, упалъ, сколько я возвысился. Прежде я приходилъ къ нему, какъ ожидающій отъ него великія и богатыя милости, съ трепетомъ, — а теперь онъ пріѣхалъ ко мнѣ съ нѣкоторою, можетъ-быть, боязнью. О счастіе! — воскликнулъ я, по отъѣздѣ его, — покуда очаровываешь ты чувства наши, по тѣхъ поръ кажешься существеннымъ и вѣчнымъ; но когда проходишь, тогда превращаешься въ мечту и сновидѣніе».

Огорченіе Шишкова еще усилилось, когда онъ узналъ, что повѣренный французскаго революціоннаго правительства разглашалъ въ Дрезденѣ, будто русскій генералъ возитъ съ собою большія денежныя суммы, для того, чтобы подкупать нѣмцевъ воевать съ французами. Положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что ему часто приходилось бывать у нашего посла и встрѣчаться съ посланниками другихъ иностранныхъ дворовъ. Впрочемъ, по собственному его сознанію, онъ проводилъ здѣсь время довольно ве-

село; нерѣдко приглашали его къ столу, а иногда и на вечера́ къ саксонскому герцогу, который жилъ довольно скромно.

Изъ Дрездена онъ ѣздилъ на нѣсколько дней въ Лейпцигъ, гдѣ ежедневно, почти безвыходно, какъ говорилъ онъ, проводилъ время у опальнаго графа Орлова, который жилъ здѣсь съ семействомъ. Оно та́къ понравилось нашему путешественнику, что онъ даже пересталъ досадовать на данный ему приказъ—слѣдить за русскими: «безъ того не смѣлъ бы я ходить въ домъ къ графу,—замѣчаетъ онъ,—опасаясь, чтобъ, по какому-нибудь—неизвѣстному мнѣ—за мной присмотру, не подать на себя подозрѣнія».

Наконецъ, прибылъ Шишковъ и въ Карлсбадъ. Сюда скоро явились и Орловъ, и Зубовъ, и нѣсколько другихъ русскихъ; сюда же съѣхались и нѣсколько нѣмецкихъ принцевъ, курляндская герцогиня съ дочерьми, разные князья, графы, генералы. Въ такой компаніи пришлось лечиться Шишкову. Скоро графъ Орловъ окончательно выручилъ его изъ непріятнаго положенія, въ какое онъ былъ поставленъ передъ русскимъ петербургскимъ приказомъ. Въ день именинъ императора Павла, Орловъ устроилъ для всего Карлсбада великолѣпный праздникъ, на которомъ участвовало все общество туземныхъ стрѣлковъ, еще прежде избравшее Орлова своимъ главою. Всѣ русскіе приглашены были къ обѣденному столу. Послѣ обѣда былъ театръ, гдѣ въ аллегорическомъ балетѣ выставленъ былъ бюстъ императора Павла, въ честь которому геніи пѣли разные стихи, напечатанные и розданные всѣмъ зрителямъ. Вечеромъ былъ блестящій балъ, съ роскошнымъ угощеньемъ и ужиномъ, за которымъ, при тостѣ за здоровье императора, палили изъ пушекъ, нарочно для того выписанныхъ. Домъ и вокругъ роща были блистательно иллюминованы и, въ заключеніе, сожженъ красивый фейерверкъ. Подробное описаніе всего этого праздника внесено въ лѣтопись Карлсбада, который въ то время былъ очень маленькимъ городкомъ. Шишковъ былъ особенно доволенъ и радъ, такъ какъ имѣлъ случай, безъ всякихъ хитростей, представить правдивое донесеніе объ усердіи и благонамѣренности опальнаго графа. Императоръ Павелъ та̀къ былъ доволенъ этимъ, что, несмотря на свое крайнее нерасположеніе къ Орлову, написалъ къ нему благодарственное письмо.

Много заботъ принесъ Шишкову и юноша Кутайсовъ, котораго онъ взялъ съ собою изъ Петербурга по усиленной просьбѣ его отца, одного изъ самыхъ близкихъ лицъ къ императору. Желая угодить ему, Шишковъ обѣщалъ имѣть всякое попеченіе о юношѣ и употребить все, что̀ можетъ послужить къ его пользѣ. Но въ путешествіи юношѣ, какъ видно, не нравилась

опека серьёзнаго человѣка; безъ его вѣдома онъ пишетъ къ отцу, чтобъ тотъ позволилъ ему остаться въ Дрезденѣ, пока его менторъ будетъ лечиться въ Карлсбадѣ. Кутайсовъ-отецъ, сдѣлавшійся въ эти мѣсяцы при дворѣ самымъ сильнымъ вельможею, писалъ Шишкову, что предоставляетъ ему рѣшить вопросъ о сынѣ. Скрытность молодого человѣка огорчила его. Сдѣлавъ ему выговоръ, онъ взялъ его съ собою въ Карлсбадъ. Но юноша не угомонился. Не получая отъ своего спутника позволенія распоряжаться деньгами, какъ бы ему хотѣлось, онъ въ своихъ письмахъ къ отцу сплетничалъ на Шишкова, и жаловался, въ надеждѣ такимъ способомъ избавиться отъ него. Одно изъ такихъ писемъ попало въ руки Шишкова, и привело его въ крайнее замѣшательство. Онъ убѣдился, что за добро платилось ему зломъ и неблагодарностью. Сильно выбранивъ испорченнаго юношу, моралистъ не могъ этимъ ограничиться. «Ночью размышлялъ я,— пишетъ онъ, — какъ бы мнѣ въ семъ случаѣ лучше поступить: довесть ли это до свѣдѣнія отца или нѣтъ? Первое могло бы послужить къ моему оправданію, но за то изобличило бы непріятную для отца въ сынѣ его наклонность къ неблагодарности и лжи; во второмъ — представлялось мнѣ, что жалобы сына его, буде онъ по пріѣздѣ возобновитъ ихъ, могутъ безъ объясненія сего приключенія показаться ему дѣйствительно справедливыми или, по крайней мѣрѣ, такими, къ какимъ, вѣроятно, подалъ я какой-нибудь поводъ. Сіе послѣднее, хотя и подвергало меня свободному злорѣчію молодого Кутайсова, безъ всякаго съ моей стороны предупрежденія о настоящихъ тому причинахъ, однакожъ, я, жертвуя моими пользами, тишинѣ и миру отца съ сыномъ, предпочелъ оное первому». Остановившись на этой мысли, Шишковъ на другой день объявляетъ юношѣ, что рѣшается предать все забвенію и что даетъ ему честное слово, скрыть отъ его родителей злостное письмо его, которое наканунѣ онъ обѣщалъ показать имъ и потребовать отъ него отчета въ его жалобахъ.

Хотя этотъ случай самъ по себѣ ничтоженъ, но мы приводимъ его, чтобъ выяснить нѣкоторыя черты характера Шишкова, у котораго мораль и поступки стоятъ въ тѣсной связи.

По окончаніи курса леченья, Шишковъ направился черезъ Берлинъ къ Петербургу. Въ Потсдамѣ въ церкви онъ остановился передъ гробомъ Фридриха-Великаго, и отошелъ отъ него съ слѣдующею моралью: вотъ пища къ размышленію о суетности земной славы и о томъ, кто въ гордости ума своего, вопія противъ церкви, долженъ, наконецъ, смиренно лежать въ ней.

Въ Берлинѣ,—замѣчаетъ онъ,—не хотѣлъ онъ видѣть одного

извѣстнаго француза, потому что «не могъ никогда терпѣть сихъ революціонныхъ вороновъ, съ такою жадностью пившихъ кровь человѣческую».

Прибывъ въ Петербургъ, Шишковъ тотчасъ же явился къ государю. Первый вопросъ Павла былъ о Зубовѣ и Орловѣ: смирно ли они живутъ.—Сколько могъ я усмотрѣть,—отвѣчалъ онъ,—они преисполнены къ вашему в—у благоговѣніемъ и ведутъ жизнь самую кроткую. Слышать это императору было очень пріятно и онъ прибавилъ: я тебѣ вѣрю. Но у Шишкова вдругъ мелькнула боязливая мысль, ну, что какъ императоръ заподозритъ его въ неискренности. Чтобы не допустить его до этого, онъ еще поспѣшилъ прибавить: Государь, долгъ мой велѣлъ бы мнѣ донести вашему в—у правду даже и тогда, когда бы они были ближайшіе мои родственники или благодѣтели; но Зубову и Орлову я ничѣмъ не обязанъ и потворствовать имъ не имѣю никакой причины.

Императоръ остался очень доволенъ Шишковымъ, особенно, когда разсмотрѣлъ его денежные счеты, которые показались ему слишкомъ умѣренными. Но особенной награды не получилъ Шишковъ, хотя и ожидалъ ея. Въ этомъ онъ винилъ Кутайсова, подозрѣвая, что сынъ успѣлъ наговорить на него отцу.

Но не долго пришлось Шишкову быть при дворѣ. Въ первое же свое дежурство, онъ навлекъ на себя немилость Павла. «Я съ дороги не успѣлъ еще отдохнуть, и долженъ былъ встать очень рано. При смѣнѣ товарищъ мой сдаетъ мнѣ приказаніе, чтобъ въ извѣстный часъ поутру быть въ той комнатѣ, которую государь проходитъ мимо, когда изъ внутреннихъ своихъ покоевъ идетъ во внутренніе покои императрицы. Въ наставшее время пошелъ я туда, сѣлъ на мягкія бархатныя кресла и дожидаюсь выхода его величества. Довольно долгое ожиданіе, при моей усталости и спокойномъ положеніи, не взирая на всю мою предосторожность, усыпили меня такъ, что я не слыхалъ, когда государь отворилъ дверь и хотя скоро проснулся и вскочилъ, но это было поздно: онъ уже прошелъ мимо меня. Ужаснувшись такой бѣды, какъ ни досадовалъ я на себя, но пособить было нечѣмъ. Ожидаю со страхомъ возвратнаго пути и лишь только услышалъ его идущаго, тотчасъ вытягиваюсь, какъ можно прямѣе, *нахмуриваю лицо, чтобъ показать ему печаль мою и раскаяніе* о содѣянной мною винѣ. Онъ прошелъ, имѣя видъ суровый и не взглянувъ на меня».

На другой день былъ отданъ приказъ — состоять Шишкову въ званіи члена въ адмиралтейской коллегіи. Опальный внутренно

былъ радъ такому распоряженію, испытавъ на себѣ правду старинной пословицы: близь царя—близь смерти. Но императоръ все же не забылъ Шишкова и черезъ нѣсколько времени наградилъ орденомъ Анны первой степени и произвелъ въ вице-адмиралы.

Но разные страхи не переставали преслѣдовать пугливаго вице-адмирала. По случаю смерти Суворова онъ написалъ довольно остроумные стихи, въ которыхъ характеризовалъ великаго полководца противоположеніями въ его жизни, какъ напр.:

Съ полками тамъ ходилъ, гдѣ чуть летаютъ птицы,
Жилъ въ хижинахъ простыхъ и покорялъ столицы;
Вставалъ по пѣтухамъ, сражался на штыкахъ,
Чужой народъ его носилъ на головахъ,
Одною пищею съ солдатами питался,
Цари къ нему въ родство, не онъ къ нимъ причитался.
Былъ двухъ имперій вождь, Европу удивлялъ,
Сажалъ царей на тронъ—и на соломѣ спалъ.

Эти стихи ходили въ рукописяхъ по городу противъ воли автора. Онъ дрожалъ отъ боязни, что они могутъ дойти до императора, который, сердясь на Суворова, не хотѣлъ оффиціально присутствовать даже на его похоронахъ. Но дѣло обошлось безъ бѣды. Скоро потомъ новое безпокойство. Заболѣлъ предсѣдатель адмиралтейской коллегіи, графъ Кушелевъ, и съ докладами къ государю приказано было ходить Шишкову. Въ первый же день ему пришлось выслушать невыгодное мнѣніе Павла о Кушелевѣ, его пріятелѣ, будто онъ женился на богатствѣ и пошелъ въ холопы къ своей женѣ. Не могъ этого вытерпѣть прямодушный Шишковъ и сталъ выше своего страха передъ императоромъ, рѣшившись возразить ему: «Государь, можетъ быть, онъ не хорошо сдѣлалъ, что въ такихъ лѣтахъ женился, но я смѣю за него ручаться, что къ этому побудило его достоинство сей дѣвицы, а не богатство ея, въ которомъ онъ, будучи столько отъ вашего в—а награжденъ, не имѣетъ никакой надобности». И эта смѣлость сошла съ рукъ Шишкову. Скоро по интригамъ честолюбиваго Рибаса, попавшаго въ милость, Шишковъ былъ устраненъ отъ докладовъ и успокоился на такомъ моральномъ выводѣ: властолюбивые люди, равно какъ и мучимые всегдашними подозрѣніями, готовы для всякой пустой тѣни пожертвовать всякимъ, о комъ возмечтаютъ, что онъ можетъ имъ повредить. Но Рибасъ не долго пользовался плодами своихъ интригъ: онъ умеръ, и Шишкову снова назначено являться къ императору. На этотъ разъ ему пришлось выносить разныя придирки,

такъ что бѣдный докладчикъ, по собственному его признанію, всегда входилъ въ кабинетъ государя со страхомъ и трепетомъ. Наконецъ графъ Кушелевъ выздоровѣлъ. «Я сдалъ ему мои доклады,—замѣчаетъ Шишковъ,—и отправился благополучно домой, радуясь, что могу отъ безпокойства и страха отдохнуть». Но еще разъ, и уже послѣдній, суждено ему было сильно перетревожиться. Ночью на 12 марта 1801 г. слуга будитъ Шишкова и докладываетъ, что за нимъ присланъ фельдъегерь. «Я вскочилъ,—говоритъ Шишковъ,— съ ужасомъ разбудилъ жену и говорю ей: прости, меня зовутъ, и въ эту пору; какая-нибудь бѣда случилась со мною! Прости, можетъ быть, я не возвращусь». Не зная за собою никакой вины, онъ былъ увѣренъ, что на него была взведена какая-либо клевета, благодаря которой его, вѣроятно, ожидаетъ ссылка — судьба уже многихъ его сослуживцевъ. Но страхъ былъ напрасенъ, — тò былъ не фельдъегерь, а матросъ, который объявилъ ему о кончинѣ государя и о приказѣ съѣзжаться на утро въ адмиралтейскую коллегію для присяги новому императору.

Такимъ образомъ и Шишкову, хотя уже послѣ смерти больного духомъ Павла, пришлось испытать чувство, соединенное со словомъ «ссылка», если Богъ отъ нея избавилъ его во все это царствованіе. «Я не могу объяснить чувствъ,—говорилъ онъ,—какія внезапная сія вѣсть произвела во мнѣ; хотя, съ одной стороны, благодарность за благодѣянія его ко мнѣ и рождала въ сердцѣ моемъ печаль и сожалѣніе; но съ другой—освобожденіе отъ безпрестаннаго страха, въ какомъ я и почти всякій находился, смѣшивало печаль сію съ нѣкоторою радостью». Дѣйствительно, много пришлось ему перечувствовать въ эти годы, хотя въ то же время служебныя отличія были ему наградою за эти тяжелыя чувства. Подъ впечатлѣніемъ всѣхъ событій, какія совершались на его глазахъ, Шишковъ дѣлаетъ такую характеристику императору Павлу: «нельзя сказать, чтобъ онъ былъ злонравенъ или чуждъ способностей разума. Причиною сей крутой пылкости, часто затмевавшей разсудокъ его, должно полагать, во-первыхъ, ложное понятіе о худомъ и слабомъ, по мнѣнію его, правленіи матери своей, которое будто бы, а особливо по военной части, надлежало исправить перемѣнами и строгостями, и, во-вторыхъ, боязливая и всегда опрометчивая подозрительность, преклонявшая слухъ его ко всякимъ доносамъ, кои, волнуя въ немъ кровь и устрашая воображеніе, побуждали его, для мнимаго предупрежденія угрожающихъ послѣдствій, предпринимать поспѣшно и необдуманно такія мѣры, которыя скорѣе навлекать, нежели от-

вращать ихъ могли. Несчастная подозрительность сія представляла ему вездѣ опасности. Наушники потрясали довѣренность его даже и къ тѣмъ самымъ, которые были у него въ великой милости. Самый образъ жизни его долженствовалъ также много способствовать къ содѣланію нрава его суровымъ и мрачнымъ: онъ вставалъ рано и въ шесть часовъ утра садился уже выслушивать доклады, въ которыхъ помѣщаемы были подробныя донесенія о болѣзняхъ, смертяхъ, убійствахъ, злонамѣреніяхъ и всякихъ несчастіяхъ или преступленіяхъ, въ томъ или другомъ мѣстѣ толь обширнаго государства случившихся. Ежедневныя или, по крайней мѣрѣ, частыя тотчасъ по пробужденіи отъ сна выслушиванія сихъ обстоятельствъ, безъ сомнѣнія, возмущали въ немъ духъ и располагали чувства его къ угрюмости и гнѣву. Послѣ докладовъ съ сими мрачными мыслями обыкновенно спѣшилъ онъ на вахтъ-парадъ, обучать офицеровъ и солдатъ, гдѣ, какъ въ это время, такъ и въ остальные часы дня, всѣ приказы и дѣйствія его отзывались утренними впечатлѣніями. Вездѣ казались ему измѣны, непослушанія, неуваженія къ царскому сану и тому подобныя мечты, предававшія его въ руки тѣхъ, которые были для него опаснѣе, но хитрѣе другихъ».

Эта характеристика показываетъ, какое впечатлѣніе оставило въ Шишковѣ все царствованіе Павла. Онъ, по природѣ дѣятельный, желавшій приносить пользу своею службою, долженъ былъ чувствовать пустоту, какая у него оставалась въ душѣ отъ его безпокойной и суетливой придворной службы. Отъ постоянныхъ душевныхъ тревогъ, онъ дѣлался раздражительнымъ, хотя и умѣлъ скрывать свои чувства подъ холодной наружностью. Понятно, съ какимъ чувствомъ онъ долженъ былъ встрѣтить новое царствованіе. Въ значительномъ чинѣ, съ добрыми намѣреніями, лично знакомый молодому государю, онъ могъ надѣяться быть его ревностнымъ помощникомъ и послужить ему своею опытностью.

В. Стоюнинъ.

ИЗЪ АЛЬФРЕДА МЮССЕ

I.

ЛЮСИ.

Элегія.

Друзья мои! Когда умру я,
Взростите иву надо мной;
Печальный видъ ея люблю я
Съ поникшей, блѣдною листвой.
И надъ могилой тихо дремля,
Своею тѣнью негустой
Не отягчитъ она ту землю,
Гдѣ вѣчный ждетъ меня покой [1]).

Я помню, вечеромъ сидѣли мы вдвоемъ.
Къ роялю своему склонясь, она мечтала
И ручкой клавиши слегка перебирала...
То робкій шопотъ былъ, какъ будто бы крыломъ
Взмахнулъ вдали зефиръ, по тростнику играя,
И птицъ, уснувшихъ въ немъ, щадилъ, не пробуждая...
Отъ рощи къ намъ неслось, изъ чашечекъ цвѣтовъ,
Влюбленно-жаркое и нѣжное дыханье;
Въ листвѣ таинственной каштановъ и дубовъ
Чуть слышенъ шелестъ былъ, чуть видно колыханье.
Мы ночь ту слушали. Раствореннымъ окномъ

---

[1]) Стихи эти вырѣзаны, вмѣсто эпитафіи, на памятникѣ Альфреда Мюссе.

Весенній запахъ лилъ и чутко все молчало...
Одни, задумчивы, сидѣли мы вдвоемъ,
Въ тѣ дни пятнадцать лѣтъ намъ только миновало.
Взглянулъ я на Люси́: въ прозрачной полу-мглѣ
Головка русая, съ глазами голубыми,
Мнѣ грудь наполнила восторгами нѣмыми.
Да, я любилъ ее,—одну, на всей землѣ!
Но все дышало въ ней стыдливой чистотою
И чудилась она мнѣ милою сестрою.
Лаская ручку ей, мечталъ я безъ конца,
И я спросилъ себя въ то чудное мгновенье,
Что́ въ жизни можетъ дать намъ больше утѣшенья,
Какъ сердца молодость и молодость лица?!
Межъ тѣмъ взошла луна и на Люси́ упала
Заманчивыхъ лучей серебряная сѣть;
Она въ моихъ глазахъ свой образъ увидала
И, оживленная, съ улыбкой стала пѣть [1]).

. . . .
. . . .

О ты, Гармонія, дочь скорби и страданій,
Дитя Италіи, посланница небесъ!
Какъ много геніемъ дано тебѣ чудесъ
Для воплощенья грезъ, волненій и желаній!
Въ тебѣ любовь нашла волшебный говоръ свой,
И мысль въ тебѣ сквозитъ, какъ дѣва молодая
Иль тѣнь изгнанницы, отъ глазъ не убѣгая,
Для всѣхъ прозрачная, подъ легкой пеленой.
Постигъ ли кто-нибудь, что́ скажетъ, безъ умѣнья,
Дитя въ созвучіяхъ и въ лепетѣ твоемъ,
Какъ сердце дѣтское открытомъ и простомъ
И упоительномъ, какъ звуки его пѣнья?
Увы! Мы видимъ лишь печальные глаза,
Иль можемъ подсмотрѣть, какъ свѣтится слеза,
Но дальше... дальше что́? Не снимется завѣса!
Тамъ скрыто все отъ насъ, какъ тайны волнъ и лѣса...

Одни, задумчивы, сидѣли мы съ Люси́.
Еще въ ночной тиши дрожало эхо пѣнья...
Она заплакала, упавъ въ изнеможеньи
Ко мнѣ въ объятія младенческой любви!

---

[1]) Пѣсня Люси пропущена въ подлинникѣ.

Скажи, пугáло чтó, иль чтó тебя томило?
Печальна ты была, въ застѣнчивости милой,
Когда къ устамъ своимъ, прелестное дитя,
Ты чистому дала коснуться поцѣлую,—
Такою я тебя застывшую, нѣмую
Въ гробу поцѣловалъ, два мѣсяца спустя.
Такой погибла ты, какъ цвѣтъ на стеблѣ тонкомъ,
И къ Богу отошла нетронутымъ ребенкомъ!
. . . .
О ты, все милое, чтó въ дѣтствѣ пережито,
Вы, радости, и смѣхъ, и пѣсни первыхъ дней,
Ты, цѣломудріе, смутившее своей
Святыней Фауста предъ дверью Маргариты,
Вы, сны любви,—гдѣ вы? Въ какой умчались край?

Прощай, мой милый призракъ юныхъ грезъ, прощай!
Я полонъ къ памяти твоей любви благоговѣйной.
Прощай! Увы, съ тобой намъ больше не мечтать,
И въ тихомъ сумракѣ рукѣ твоей лилейной
По бѣлымъ клавишамъ ужъ больше не летать...

Друзья мои! Когда умру я,
Взростите иву надо мной;
Печальный видъ ея люблю я
Съ поникшей, блѣдною листвой;
И надъ могилой тихо дремля,
Своею тѣнью негустой
Не отягчитъ она ту землю,
Гдѣ вѣчный ждетъ меня покой.

II.

ДЕКАБРЬСКАЯ НОЧЬ.

Поэтъ.

Однажды, бывъ ученикомъ,
Читалъ я ночью. Все кругомъ
Поверглось въ сонное молчанье, —
И вдругъ за столъ присѣлъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Ребенокъ въ черномъ одѣяньѣ.

Лицомъ онъ грустенъ былъ, но милъ,
Онъ лобъ на руку мнѣ склонилъ
И въ книгѣ сталъ читать со мною.
Всю ночь, при тускломъ ночникѣ,
Задумчивъ, на моей рукѣ
Провелъ онъ и исчезъ съ зарею.

Мнѣ годъ пятнадцатый пошелъ.
Я помню разъ, я лѣсомъ брелъ,
Исполненъ тихаго мечтанья.
Вдругъ отрокъ встрѣтился со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Все въ томъ же черномъ одѣяньѣ.

Онъ лютню несъ въ рукѣ одной,
Букетъ шиповника — въ другой,
И сдѣлалъ мнѣ привѣтъ поклономъ.
Я у него спросилъ мой путь,
Онъ указалъ мнѣ — повернуть
Налѣво, за холмомъ зеленымъ.

Въ томъ возрастѣ, когда въ крови
Зажегся первый пылъ любви,
Надъ первымъ плакалъ я страданьемъ.
Внезапно рядомъ сѣлъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Ровесникъ въ черномъ одѣяньѣ.

Въ нѣмой печали и тоскѣ,
Сжимая мечь въ одной рукѣ,
Другую—къ небу онъ направилъ.
Онъ будто самъ со мной страдалъ,
Но только вздохъ одинъ издалъ
И въ мигъ, какъ сонъ, меня оставилъ.

Въ разгульной юности года,
Однажды на пиру, когда
Я взялъ бокалъ, для возліянья,
Вдругъ сѣлъ за столъ передо мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Товарищъ въ черномъ одѣяньѣ.

На немъ былъ миртовый вѣнокъ,
И ветхій пурпура кусокъ
Онъ трясъ подъ мантіею черной.
Онъ исхудалою рукой
О мой бокалъ ударилъ свой,
И мой — упалъ, въ рукѣ покорной.

Я помню, въ тотъ ужасный мигъ,
Какъ умеръ мой отецъ-старикъ,
Приникъ я къ мертвому съ рыданьемъ, —
И сирота поникъ со мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Въ печальномъ черномъ одѣяньѣ.

Слезами взоръ его блестѣлъ,
Вѣнокъ терновый онъ имѣлъ
На головѣ. Какъ скорби жало,
Вонзенъ былъ мечъ въ его груди,
И пурпуръ былъ его въ крови,
И лютня на землѣ лежала.

Запомнилъ живо я его,
И въ дни страданья моего
Всегда вездѣ онъ мнѣ являлся.
То̀ демонъ или ангелъ былъ,
Не зналъ я, — но его любилъ:
Онъ другомъ нѣжнымъ мнѣ казался.

Когда, усталый зло терпѣть,
Чтобы ожить иль умереть
Покинулъ берегъ я отчизны,
Когда поспѣшно я бѣжалъ
И всюду новыхъ силъ искалъ,
Просилъ надеждъ у новой жизни, —

Во всѣхъ странахъ, въ какихъ я былъ,
Гдѣ взоръ и сердце утомилъ,
Гдѣ вѣчною страдалъ я раной,
Гдѣ скука мучила меня
И, отдыха не давши дня,
Тащила по степи песчаной;

Гдѣ тайну жизни я ловилъ
И всюду только находилъ
Лишь тѣни собственныхъ мечтаній;
Гдѣ вновь, не живши, я встрѣчалъ,
Опять все то же, что̀ видалъ:
Людей, ихъ злобу и обманы...

Вездѣ, гдѣ вдоль большихъ дорогъ
Слезою я смочилъ платокъ,
Гдѣ раздались мои рыданья;
Гдѣ, какъ ягненокъ на репья́хъ
Теряетъ шерсть, — разсѣялъ въ прахъ
Своей души я дарованья;

Вездѣ, гдѣ грустно я мечталъ,
Вездѣ, гдѣ смерти я желалъ,
Вездѣ, гдѣ я земли касался, —
Вездѣ несчастный предо мной,
Подобный мнѣ, какъ братъ родной,
Весь въ черномъ появлялся.

О, кто же ты, кого вездѣ и неизбѣжно
На жизненномъ пути мнѣ суждено встрѣчать?
Твой взоръ задумчивый исполненъ грусти нѣжной,
И злобнымъ геніемъ нельзя тебя назвать.
Улыбка мнѣ твоя преподаетъ терпѣнье,
О сожалѣніи — слеза мнѣ говоритъ.
Встрѣчаяся съ тобой, я вѣрю въ Провидѣнье,

Твои страданія близкій моимъ мученьямъ
И дружба, будто бы, въ тѣни твоей сквозитъ.

Кто-жъ ты? Не знаю я, но ты не ангелъ божій:
Ни разу не пришелъ ты зло предупредить.
Ты видѣлъ бѣдствія мои всегда — и что же?
Безмолвно дозволялъ ты имъ меня губить.
Въ улыбкѣ ты своей со мной не веселился,
Участіемъ своимъ утѣшить ты не могъ,
За цѣлыхъ двадцать лѣтъ, что ты за мной влачился,
Себя ты не назвалъ и мнѣ ты не открылся, —
Открыться могъ бы ты, когда-бъ тебя далъ Богъ!

И вотъ, почти сейчасъ, въ сегодняшній же вечеръ
Ты былъ со мной опять. — Какъ ночь была темна!
Какъ грозно бушевалъ и рвался въ окна вѣтеръ!..
Я былъ такъ одинокъ на ложѣ, гдѣ она
Недавно ласкою своей меня дарила,
Еще на ложѣ томъ все молвило о ней,
Осиротѣлое, — оно не вдругъ остыло...
Я думалъ, какъ легко она меня забыла,
Какъ съ ней оборвалась и часть души моей!

Я перечитывалъ послѣднія посланья
И любовался я обрѣзками кудрей, —
И вотъ вы вѣчныя, я думалъ, обѣщанья,
Мнѣ подарившія такъ мало ясныхъ дней!
Въ остаткахъ милыхъ тѣхъ, какъ-будто бы витаетъ
Еще недавняя, счастливая пора:
Вотъ слезы сердца какъ безслѣдно исчезаютъ, —
Глаза тѣ самые ихъ завтра не узнаютъ,
Которые съ мольбой ихъ пролили вчера!

Въ одинъ большой конвертъ я уложилъ всѣ эти
Слѣды летучіе блаженства моего,
И я сказалъ себѣ, что здѣсь, на этомъ свѣтѣ,
Едва-ль не прядь волосъ живучѣе всего!
И какъ теряется въ волнахъ кипучихъ моря
Покинутый пловецъ, не видя береговъ,
Такъ, потерявшійся въ забвеніи и горѣ,
Теперь оплакивалъ одинъ я, на просторѣ,
Свою безвременно-погибшую любовь.

Ужъ надъ конвертомъ я занесъ сургучъ кипящій,
Чтобы проститься съ нимъ и ей его отдать,—
Меня остановилъ вдругъ сердца стонъ молящій:
Я горя своего не могъ еще понять...
О! безразсудное и гордое созданье!
Ты не хотѣла знать, но вспомнишь ты меня!
Чтó значили твои недавнія рыданья
И слезы, и тоска, и спертое дыханье,—
Тàкъ притворяться ты могла ли, не любя?

Ты плакала, и знай—еще ты плакать будешь!
Межъ нами тѣнь твоя невидимо живетъ
И, оттолкнувъ меня,—меня ты не забудешь:
Разлука на тебя всѣмъ бременемъ падетъ!
Уйди, оставь меня и унеси съ собою
Довольство гордое на сердцѣ ледяномъ.
Еще въ груди моей есть сердце молодое,
Оно не замолчитъ, пронзенное тобою,
И много новыхъ ранъ помѣстится на немъ.

Увы! не всѣмъ тебя природа одарила,
Хотя и много чаръ она тебѣ дала,
Своею красотой ты тѣшиться любила,
Жалѣть же и прощать во-вѣкъ ты не могла.
Уйди... оставь меня... иди своей дорогой
И пепелъ прошлаго по вѣтру ты разсѣй!
Я счастіе найду и въ жизни одинокой...
Иль нѣтъ?.. Зачѣмъ ты сдѣлалась далекой,
Когда ты такъ близка была къ груди моей?!.

Но въ этотъ мигъ, въ потьмахъ, мелькнуло тѣни нѣжной
Дрожанье слабое—и вновь передо мной
Явился ты, мой гость, мой спутникъ неизбѣжный,
Портретъ задумчивый, печальный призракъ мой!
Кто-жъ ты?—Летучій сонъ? Мое ли отраженье?
Чего ты требуешь, чтó хочешь отъ меня?
Зачѣмъ слѣдишь за мной, не зная утомленья?
Мой братъ таинственный, безмолвное видѣнье,
Откройся-жъ, наконецъ, и назови себя.

ВИДѢНЬЕ.

Я разрѣшу твои сомнѣнья:
Мы дѣти матери одной,
Не ангелъ я хранитель твой,
Но также и не ангелъ мщенья.
На краткомъ жизненномъ пути
Не знаю самъ, куда пойти
Придется тѣмъ, кого люблю я.
Не богъ, но и не демонъ я,
И вѣрно назвалъ ты меня,
Своимъ же братомъ именуя.
Тебя всю жизнь я прослѣжу,
Тебя до смерти провожу
И сяду надъ твоей могилой.
Въ печали, въ скорби я твой другъ,
Но не коснусь твоихъ я рукъ:
Я — одиночество, мой милый!

С. А.

ПУТЕШЕСТВІЯ
Г-ЖЪ МЭККЕНЗИ И ИРБИ
ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ ТУРЦІИ.

—Travels in the Slavonic Provinces of Turkey-in-Europe. By G. Muir Mackenzie and A. P. Irby. With a Preface by the Right Hon. W. E. Gladstone, M. P. In two volumes. Second edition revised. London. 1877.

Первое изданіе этой книги появилось въ 1867 году; сколько помнимъ, она осталась не замѣчена въ русской литературѣ, и тѣмъ, кто оцѣнили ее въ то время, нелегко было бы возбудить къ ней тотъ интересъ, какого она заслуживала. Общество,—надо признать этотъ фактъ,—не дальше какъ десять лѣтъ назадъ очень мало интересовалось тѣмъ славянствомъ, о которомъ теперь такъ много говоритъ; переводъ этой книги, — а она вполнѣ и теперь его стóитъ,—не нашелъ бы издателя. Между тѣмъ, это — одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ о балканскомъ славянствѣ со стороны его внутреннихъ отношеній; скажемъ даже,—самая замѣчательная изъ всей литературы новѣйшихъ путешествій въ эти страны.

Англійскія мнѣнія о восточномъ вопросѣ раздѣлены, и книга г-жъ Мэккензи и Ирби принадлежитъ той сторонѣ, которая не ставила англійскихъ интересовъ въ поддержаніи «государства», гдѣ самое свободное сословіе составляютъ баши-бузуки. У насъ высказано было много негодованія противъ партіи, желающей непремѣнно сохраненія Турціи и очевидно готовой даже на войну въ ея защиту; но тѣмъ больше должно признать заслугу другой стороны англійскаго общественнаго мнѣнія и литературы,

которая, не полагая англійскаго интереса въ поддержкѣ Турціи, предпочитаетъ видѣть этотъ интересъ—въ раскрытіи бѣдственнаго положенія цѣлыхъ христіанскихъ народовъ, въ исканіи для нихъ сочувствія и помощи. И русской литературѣ особенно слѣдовало бы отдавать справедливость людямъ, которые въ нынѣшнемъ возрожденіи восточнаго вопроса оказали существенныя услуги дѣлу справедливости, возставая—среди своего, дурно расположеннаго общества—противъ турецкаго владычества надъ славянствомъ, съ которымъ не связывали этихъ людей никакія національныя и конфессіональныя связи. Имена Гладстона, Фримэна, Макъ-Гахана, Скайлера, Стильмана найдутъ почетное мѣсто въ исторіи возрожденія балканскаго славянства; на ряду съ ними должны стать имена г-жъ Мэккензи и Ирби.

Ихъ путешествія по европейской Турціи начаты были лѣтъ пятнадцать тому назадъ. Прошло еще немного времени съ парижскаго трактата, сохранившаго полную «независимость» и «цѣлость» турецкой имперіи, или, другими словами, отдавшаго ея христіанскихъ подданныхъ подъ прежній безграничный произволъ. Христіанамъ обѣщана была гарантія дипломатической «Европы», которой въ сущности не было ни малѣйшаго дѣла до ихъ положенія. Результатъ былъ достоинъ такого покровителя, какъ Наполеонъ III. «Гарантіи» и султанскіе указы, которые были ихъ исполненіемъ, оказались простымъ пустословіемъ; это были такія же громкія слова, какими такъ часто бываютъ разныя оффиціальныя великодушныя заявленія, которыхъ ни на минуту не понимаютъ серьёзно тѣ, кто ихъ расточаетъ. Но уже и въ то время находились люди, которыхъ не обманывали эти слова; правда вскорѣ стала выходить наружу изъ-за всего политическаго лганья и лицемѣрія. Г-жи Мэккензи и Ирби путешествовали по Турціи, когда «гарантіи» были еще свѣжи; страна была что называется «спокойна»,—тѣмъ не менѣе картина славянскаго быта, видѣнная ими въ Турціи, была такова, что имъ тогда же была очевидна невозможность человѣческаго существованія для милліоновъ тамошнихъ христіанъ. Разсказы г-жъ Мэккензи и Ирби тѣмъ больше знаменательны, что ихъ книга не имѣетъ въ себѣ тѣни памфлета: это — простая, спокойная передача дорожныхъ встрѣчъ и видѣнныхъ во-очію фактовъ, гдѣ безпристрастіе не терялось и подъ вліяніями чувства. Англійскихъ путешественницъ влекла въ славянскія земли, повидимому, не одна чистая любознательность; въ нихъ съ самаго начала было великодушное желаніе принести здѣсь посильную пользу — тотъ гуманный идеализмъ, который такъ нерѣдко сглаживаетъ столь

осуждаемый нами «эгоизмъ» западнаго общества прекрасными примѣрами общечеловѣческаго великодушнаго чувства, который производилъ Говардовъ и Вильберфорсовъ, «друзей мира», враговъ торговли неграми и т. д., и т. д. Путешественницы хотѣли, кажется, принять участіе въ заботахъ о религіозномъ образованіи христіанской райи; онѣ странствовали съ запасомъ славянскихъ книгъ, которыя раздавали желающимъ и особенно школамъ. Первая поѣздка (изъ Константинополя въ Бѣлградъ и Черногорію) сдѣлана была ими въ 1862. Въ слѣдующемъ году онѣ предприняли путешествіе по другому краю Турціи: онѣ отправились изъ Салоники на сѣверо-западъ, черезъ Монастиръ, Скопію, Приштину въ Старую Сербію, къ боснійской границѣ; отсюда повернули въ Ипекъ (Печъ), знаменитый монастырь Дечаны, Призренъ, и оттуда черезъ Албанію къ Адріатическому приморью. Это путешествіе шло отъ Салоники по западному краю болгарской территоріи, на ея границѣ съ Албаніей; затѣмъ ихъ маршрутъ проходилъ по Старой Сербіи, нѣкогда центру древняго сербскаго царства, гдѣ теперь сербское племя перемежается съ албанцами. Книга оканчивается разсказами о Черногоріи и княжествѣ Сербіи.

Главный трудъ въ описаніи этого путешествія принадлежалъ г-жѣ Мэккензи. Къ сожалѣнію, мы не находимъ въ книгѣ никакихъ подробностей ея біографіи; знаемъ только, что впослѣдствіи, въ 1871 г., она вышла замужъ за г. Сибрайта (Sir Ch. Sebright, baron d'Everton), и умерла въ Корфу, въ январѣ 1874. Товарищъ ея трудовъ и путешествій, миссъ Ирби осталась вѣрна тѣмъ стремленіямъ, какія одушевляли ихъ обѣихъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ; въ послѣдніе годы она пріобрѣла новую почетную извѣстность своими неутомимыми усиліями на пользу бѣдствующихъ славянъ въ Босніи: съ начала возстанія и до сихъ поръ она отдаетъ свое время и средства на собираніе и раздачу пособій несчастному населенію бѣглецовъ. Въ настоящемъ изданіи прежней книги, г-жѣ Ирби принадлежатъ три вновь прибавленныя главы о Босніи въ 1875, 1876 и 1877 году.

Въ русской литературѣ сдѣлано довольно много для изученія Болгаріи и южнаго славянства, но почти исключительно по ихъ связи съ общеславянской древностью, съ началомъ славянскаго православія и русской стариной. О современномъ состояніи болгарскаго народа мы имѣемъ двѣ-три книжки и нѣсколько журнальныхъ статей, написанныхъ жившими въ Россіи болгарами о бѣдствіяхъ ихъ отечества; но у насъ не было и нѣтъ книги, которая могла бы быть поставлена въ параллель съ англійскимъ путешествіемъ.

Немногіе изъ русскихъ ученыхъ или писателей бывали въ Болгаріи и видѣли сами «политическое» состояніе народа, или даже хорошо видѣвши, какъ, напримѣръ, Григоровичъ, не могли разсказать о немъ: въ тѣ времена нельзя было и заикнуться о «политикѣ». По той же причинѣ отчасти, Болгарія, за двумя, тремя исключеніями, оставалась обыкновенно внѣ района путешествій нашихъ славистовъ. Страннымъ образомъ, тѣ славянскіе интересы, въ которыхъ многіе стали видѣть теперь панацею для подкрѣпленія нашей собственной національной идеи, лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ обставлены были самымъ подозрительнымъ надзоромъ. Этимъ интересамъ отведена была филологическая и археологическая рамка, и внѣ ея они становились какимъ-то вольнодумствомъ, которое ни мало не поощрялось. Понятно, что это прямо отражалось, во-первыхъ, недостаткомъ свѣдѣній о современномъ славянствѣ, въ томъ числѣ и южномъ, и недостаткомъ самаго интереса къ нему въ обществѣ; а, во-вторыхъ, отражалось и тѣмъ, что новѣйшее славянское развитіе шло мимо насъ, не имѣя понятія о нашей исторіи общественной. Для огромнаго большинства нашихъ образованныхъ людей, Болгарія, Боснія, Герцеговина были совсѣмъ неизвѣстныя страны: нѣсколько знали только княжества Сербію и Черногорію. Больше извѣстій о турецкомъ славянствѣ начинаетъ появляться только съ 60-хъ годовъ, въ случайныхъ и отрывочныхъ корреспонденціяхъ съ юга въ славянофильскихъ изданіяхъ и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ особенности по поводу болгарскаго церковнаго вопроса; но у насъ не явилось ничего подобнаго книгѣ г-жъ Мэккензи и Ирби. Десять-пятнадцать лѣтъ тому назадъ для огромнаго большинства общества вопросъ о славянствѣ все еще казался книжной выдумкой славянофиловъ и ученыхъ; между тѣмъ, книга г-жъ Мэккензи и Ирби, какъ вся мысль ихъ путешествія, есть дѣло общественной иниціативы. Наконецъ, для русскаго путешественника въ славянскихъ земляхъ Турціи издавна являлось препятствіе, незнакомое, кажется, никакому другому европейцу: путешествіе по Турціи вообще не безопасно, и для того, чтобы дѣлать его спокойно, нужно имѣть, во-первыхъ, извѣстныя средства, — а наши люди со средствами очень мало расположены такъ употреблять ихъ; во-вторыхъ, путешественнику въ Турціи, чтобы не рисковать непріятностями и даже опасностями, нужно особенное участіе своего посольства... Мы не сомнѣваемся, что послѣдній русскій посолъ въ Константинополѣ оказалъ бы содѣйствіе русскому путешественнику подобнаго рода; но, къ сожалѣнію, вообще русскіе не привыкли встрѣчать отъ представителей своего отечества такого вниманія и

содѣйствія. Фактъ тотъ, что изъ нашихъ ученыхъ славистовъ въ Болгаріи были, кажется, только Григоровичъ, путешествіе котораго (еще въ сороковыхъ годахъ), сколько мы знаемъ, исполнено было всякими затрудненіями, и Гильфердингъ, который сдѣлалъ большое путешествіе въ Босніи, Герцеговинѣ и Старой Сербіи въ качествѣ оффиціальнаго лица (онъ былъ консуломъ въ Сараевѣ), а въ Болгаріи сдѣлалъ, уже впослѣдствіи, только небольшую поѣздку.

Англійскія путешественницы принялись за свое дѣло очень добросовѣстно. Нечего говорить о томъ, что въ англійской дипломатической колоніи онѣ не только встрѣчали полное гостепріимство и содѣйствіе, но и могли запастись необходимыми и важными свѣдѣніями. Онѣ получили султанскій фирманъ, обезпечившій имъ вниманіе мѣстныхъ властей; свели знакомства, доставившія имъ много свѣдѣній изъ первыхъ источниковъ, — напр. онѣ бесѣдовали съ самимъ греческимъ патріархомъ. Онѣ, сколько могли, познакомились съ болгарскимъ и сербскимъ языкомъ, — хотя для болѣе сложнаго разговора имѣли при себѣ переводчика, — хорошо познакомились съ исторіей страны, съ современными отношеніями народа, политическими, религіозными, хозяйственными. Съ этой подготовкой онѣ могли тотчасъ видѣть дѣйствительное положеніе вещей. Какъ мы замѣтили, ихъ побужденія были христіанско-филантропическія, но онѣ приступали къ дѣлу безъ предвзятыхъ понятій, ни въ англійскую, ни въ русскую сторону: онѣ искали фактовъ; встрѣченные факты внушили путешественницамъ глубокое состраданіе къ несчастному славянскому народу. Чѣмъ больше онѣ узнавали этотъ народъ, тѣмъ больше возрастало ихъ участіе, тѣмъ больше онѣ цѣнили его характеръ, въ которомъ хотя и не могло не отразиться вѣковое угнетеніе, но не успѣло стереть симпатичныхъ природныхъ свойствъ; чѣмъ дальше, тѣмъ больше разъяснялось для умныхъ наблюдательницъ, что никакая турецкая цивилизація немыслима, что будущее возможно только для этого угнетеннаго славянства, въ которомъ онѣ видѣли и любовь къ труду, и исканіе образованія, и возможно только на условіи освобожденія отъ ига. Простое человѣчное чувство, съ которымъ путешественницы относились къ изучаемому народу, дало имъ понять его вѣрнѣе, чѣмъ удалось кому-нибудь изъ многочисленныхъ европейскихъ путешественниковъ, посѣщавшихъ и описывавшихъ Болгарію въ послѣдніе годы.

Указывая выше тотъ общественный характеръ, съ какимъ является книга г-жъ Мэккензи и Ирби въ англійской литературѣ, мы вовсе не думали сравнивать отношеніе русскаго обще-

ства къ южно-славянскому вопросу съ отношеніемъ къ нему либеральной части англійскаго общества. Это отношеніе слишкомъ различно и не подлежитъ сравненіямъ: наше общество, идя теперь вслѣдъ за правительствомъ, даетъ такія свидѣтельства своего участія, сильнѣе которыхъ не можетъ дать,—оно жертвуетъ жизнью десятковъ тысячъ людей. Южно-славянскій вопросъ расширился въ цѣлое національное дѣло; война, безъ сомнѣнія, популярна и уже отмѣчена порывами величайшаго энтузіазма. Но, когда является вопросъ о нашемъ ближайшемъ отношеніи къ тѣмъ, изъ-за кого идетъ борьба, мало одного чувства и національнаго инстинкта: нужно, чтобъ этотъ инстинктъ былъ освѣщенъ сознаніемъ. И въ этомъ отношеніи намъ, безъ сомнѣнія, остается еще многаго желать. Указанная нами бѣдность нашей литературы относительно современнаго положенія южнаго славянства можетъ быть мѣркой бѣдности тѣхъ свѣдѣній, какія имѣются въ самомъ обществѣ. Въ большинствѣ мы только теперь узнаёмъ ближе эти народы и составляемъ себѣ о нихъ первыя понятія. Въ сербской войнѣ оказались примѣры печальныхъ недоразумѣній, какія являются слѣдствіемъ этого недостатка сознательнаго отношенія къ другому народу: взаимное охлажденіе, конечно, не составляетъ желательнаго результата встрѣчи двухъ единоплеменниковъ. Настоящая борьба неизмѣримо шире прошлогодней; дѣло ведется самимъ государствомъ, всѣми его средствами; но для общества не прекращается та обязанность выяснить себѣ между-національныя отношенія, чтобы не повторилась, въ бóльшихъ размѣрахъ, та же прискорбная ошибка. Наше общество не имѣетъ голоса въ высшихъ рѣшеніяхъ, какія принимаются въ политическихъ вопросахъ, но господствующія понятія общества несомнѣнно отражаются въ многоразличныхъ исполнителяхъ, и если бы даже рѣшенія были безупречны, исполненіе можетъ извращать или ослаблять ихъ, когда исполнители недостаточно изучаютъ дѣло или вносятъ собственныя ошибки въ свое исполненіе. Международныя отношенія представляютъ въ особенности чувствительный барометръ.

Первое — да и послѣднее — условіе въ этихъ отношеніяхъ есть уваженіе къ чужой народной личности. Въ болгарскомъ вопросѣ, гдѣ мы являемся съ помощью, единственной, какой ждетъ народъ, это требованіе особенно настоятельно. Не торопитесь судить по случайнымъ встрѣчамъ, по страшно исключительнымъ обстоятельствамъ. Народы не проходятъ даромъ такихъ несчастій исторіи, какія пришлось вынести болгарамъ: неудивительно, если несчастія подавляли сознаніе, портили народный характеръ, прививали

ему непріятныя черты. Надо отдать себѣ отчетъ въ томъ, чтó мы видимъ; надо отдѣлить явленія, выросшія подъ вѣками рабства и отъ нихъ только происшедшія, и умѣть оцѣнить то, чтó есть прекраснаго и сочувственнаго въ уцѣлѣвшей основѣ народной личности. Болгары производятъ такое двойственное впечатлѣніе, но лучшая основа ихъ народнаго характера несомнѣнно уцѣлѣла. Станутъ они въ иныя условія, и она должна развиться и стать ихъ господствующей чертой.

Чтобы понять это и остаться справедливымъ въ сужденіи о народѣ, и нужно знакомство съ его бытомъ и исторіей. Книга г-жъ Мэккензи и Ирби можетъ въ этомъ служить хорошимъ пособіемъ для читателя, который найдетъ здѣсь много поучительныхъ фактовъ и наблюденій. Путешественницы умѣли отнестись къ дѣлу замѣчательно правдиво: онѣ не скрываютъ отъ себя и отъ читателя иныхъ непривлекательныхъ сторонъ изучаемаго ими народа, но онѣ умѣютъ отдать справедливость его лучшимъ качествамъ, и—найти первому объясненіе въ бѣдственной исторической судьбѣ народа. Трудъ г-жъ Мэккензи и Ирби успѣлъ уже принести свою великую пользу, внушая человѣколюбивое участіе къ несчастному народу. Гладстонъ, написавшій предисловіе къ настоящему (второму) изданію книги, признаётъ, что именно изъ этой книги больше, чѣмъ изъ какой-либо другой, онъ почерпнулъ справедливыя понятія о дѣйствительномъ положеніи балканскаго христіанства: «Я не хочу,—говоритъ онъ,—уменьшать значенія трудовъ и заслугъ другихъ, но, по моему мнѣнію, ни одинъ дипломатъ, ни одинъ консулъ, ни одинъ путешественникъ, изъ нашихъ соотечественниковъ, не сдѣлалъ такого цѣннаго вклада въ наши свѣдѣнія объ этомъ важномъ предметѣ, какой сдѣлали г-жи Мэккензи и Ирби, когда издали въ 1867 г. свое путешествіе въ нѣкоторыя изъ славянскихъ провинцій Европейской Турціи».

Это замѣчаніе можно распространить не на однихъ только англійскихъ дипломатовъ, консуловъ и путешественниковъ.

Мы дѣлаемъ нѣсколько извлеченій изъ этой книги, предполагая, что читатель съ бóльшимъ любопытствомъ, чѣмъ было бы прежде, прочтетъ разсказы о положеніи балканскаго славянства въ недавніе годы, въ его «нормальномъ» положеніи. Не забудемъ, что въ описываемое время славянскія земли Турціи «наслаждались спокойствіемъ»—въ этомъ «спокойствіи» можно угадывать прошлогоднія убійства и нынѣшнее истребленіе болгарскаго народа.

I.—Салоника, въ 1863.—Видъ Болгаріи изъ Салоники.—Енидье.—Водена.—Монастиръ (Битоля).

Въ концѣ мая 1863, г-жи Мэккензи и Ирби прибыли въ Салонику, откуда должно было начаться ихъ путешествіе внутрь страны, въ западную окраину Болгаріи. Салоника, входный пунктъ въ Болгарію отъ Эгейскаго моря, есть одинъ изъ главнѣйшихъ торговыхъ городовъ европейской Турціи, еще сохраняетъ нѣкоторые античные памятники для будущихъ изслѣдователей, и въ славянской исторіи знаменитъ какъ отечество св. Кирилла и Меѳодія и мѣсто чудесъ св. Димитрія Селунскаго. Прежняя церковь св. Димитрія обращена въ мечеть, гдѣ еще сохраняется, какъ статья дохода съ христіанскихъ паломниковъ, гробница этого святого; въ прошломъ году эта мечеть была сценой убійства германскаго и французскаго консуловъ. «Настоящая достопримѣчательность Салоники есть ея населеніе, странная смѣсь антипатичныхъ одно другому племенъ. «Терма» древней исторіи, «Ѳессалоника» посланій ап. Павла представляетъ теперь любопытный примѣръ города, исторически греческаго, политически турецкаго, географически болгарскаго и этнографически еврейскаго». Здѣшніе евреи—потомки испанскихъ евреевъ, переселившихся сюда во время гоненія противъ нихъ; они составляютъ большинство населенія Салоники, до 40 тысячъ изъ 60-ти, но евреи подкупаютъ турецкихъ чиновниковъ, чтобы уклониться отъ податей, и оффиціально ихъ считается только до 11—12 тысячъ.

Относительно славянскаго элемента, Салоника составляетъ пунктъ въ этнографической границѣ, которая въ этой части Турціи дѣлитъ славянское населеніе отъ греческаго. До извѣстной степени эта граница совпадаетъ съ чертой древней римской дороги, между Салоникой и Охридскимъ озеромъ; тѣмъ не менѣе, болгарскія поселенія идутъ на нѣсколько миль къ югу отъ via Egnatia, греческія къ сѣверу отъ нея, а въ городахъ населеніе смѣшанное, и отчасти состоитъ изъ турокъ-османлисовъ. Другіе пограничные (этнографически) города — Монастиръ, Водена и Енидье: во всѣхъ нихъ живетъ мало грековъ или ихъ вовсе нѣтъ, тогда какъ въ Салоникѣ всего только около 500 славянскихъ семей.

Должно замѣтить, что на юго-восточной границѣ масса славянскаго племени вездѣ отступаетъ отъ морского берега и оставляетъ (только изрѣдка прерывая ее) береговую полосу, заключающую часть Ѳракіи, Халкидскій полуостровъ, города Константинополь и Салонику. Этотъ край населенъ такъ разнообразно, такъ важенъ въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи—и каж-

дому такъ не понравилось бы, если бы онъ попалъ въ руки всякаго другого,—что люди, имѣющіе въ виду будущее переустройство славяно-греческаго полуострова, обращаютъ особенное вниманіе на этотъ край. Между прочимъ предлагаютъ сдѣлать изъ него нейтральную территорію и присоединить къ двумъ большимъ портамъ, такъ, какъ извѣстные округи земли присоединялись къ вольнымъ городамъ Германіи. «Эти передѣлыватели (modifiers) хотѣли бы отдать Греціи должное ей въ Ѳессаліи и Эпирѣ, а всѣмъ славянскимъ областямъ Турціи дать національное и христіанское самоуправленіе, какое есть въ княжеской Сербіи». Собственныя идеи г-жъ Мэккензи и Ирби [1]), въ этомъ пунктѣ совершенно опредѣленны. «Не принимая на себя судить о тѣхъ или другихъ политическихъ проектахъ, мы можемъ замѣтить, что *всякое устройство*, которое избавитъ бережливаго и трудолюбиваго болгарина отъ ига его нынѣшняго варварскаго господина, несомнѣнно будетъ выигрышемъ для цивилизаціи, и въ одномъ отношеніи особенно для самихъ насъ (т.-е. англичанъ). Прямымъ слѣдствіемъ этого было бы развитіе средствъ страны, и между прочимъ хлопка. Обширная пустынная равнина и сосѣдній округъ, недалеко отъ города Сереса, благопріятны для воздѣлыванія хлопка, которое можетъ обѣщать большія выгоды».

Но г-жа Мэккензи находитъ совсѣмъ невозможнымъ теперешнее положеніе болгарскаго земледѣльца, который не только платитъ большой налогъ съ земли, платитъ подать за изъятіе отъ военной службы, т.-е. за лишеніе оружія и угнетеніе мусульманами, но подвергается еще грабежу сборщиковъ и насилію отъ всякаго встрѣчнаго мусульманина. Когда налогъ натурой стали замѣнять денежной податью, то положеніе еще ухудшилось, при отсутствіи путей сообщенія и безопасности, которые дали бы возможность поселянину доставить свои произведенія на рынокъ. Онъ долженъ былъ сбывать ихъ въ сосѣдствѣ, а подать назначалась по цѣнамъ, стоящимъ на рынкѣ. «Народъ заявляетъ, что угнетеніе теперь еще хуже, чѣмъ когда-либо, и что это — одна изъ тѣхъ многихъ мнимыхъ *реформъ*, которыя хороши на бумагѣ, но оказываются зловредными на дѣлѣ, когда ихъ не сопровождаютъ другія реформы».

«Подъ *Болгаріей*,—замѣчаетъ при этомъ г-жа Мэккензи, — мы понимаемъ не ту незначительную часть ея, которая назы-

---

[1]) Впрочемъ, мы будемъ дальше употреблять одно первое имя, такъ какъ г-жа Мэккензи всего больше работала надъ описаніемъ путешествія.

вается «турецкой провинціей Болгаріей», но всю страну, населенную болгарами [1]). Число жителей ея, обыкновенно полагаемое въ четыре милліона, самимъ народомъ считается отъ пяти до шести милліоновъ, и составляетъ восточный отдѣлъ южно-славянскаго племени. Болгары во всѣхъ основныхъ чертахъ характера отличаются отъ своихъ сосѣдей — грека, румына и турка; нѣкоторыми чертами они отличаются и отъ своихъ западныхъ соплеменниковъ, сербо-кроатовъ. Главное изъ этихъ послѣднихъ отличій — недостатокъ того, что̀ называется esprit politique, и соотвѣтственное превосходство въ понятіи о матеріальномъ благосостояніи. Не такъ какъ сербъ, болгаринъ не поддерживаетъ своего самоуваженія воспоминаніями національной славы, и даже стремленіями къ славѣ будущей; съ другой стороны, никакая мѣра притѣсненія не можетъ сдѣлать его равнодушнымъ къ своему полю, къ своей лошади, своему цвѣтнику, даже къ мелочной опрятности его жилища.

«Какъ сильно можетъ сказываться племенное различіе при тожественныхъ условіяхъ климата, религіи и правленія, можно видѣть въ городахъ, гдѣ греки въ теченіи многихъ вѣковъ жили рядомъ съ болгарами. Одинъ любитъ торговлю, уменъ, ловко говоритъ, но лживъ, грязенъ и безнравственъ; другой любитъ земледѣліе, упрямъ и медленъ въ рѣчахъ, но честенъ, опрятенъ и хорошихъ нравовъ. Послѣднее качество съ древнихъ временъ внушало уваженіе къ южно-славянскимъ народамъ. Ихъ древніе законы наказываютъ открытую безнравственность смертью, и теперь ихъ мнѣніе, неумолимое къ женщинамъ, не оказываетъ, какъ у насъ, снисхожденія и къ мужчинамъ. Одна госпожа говорила намъ, что въ греческомъ обществѣ она не могла пробыть трехъ недѣль, чтобы не быть посвященной въ chronique scandaleuse; между болгарами она жила цѣлые мѣсяцы и никогда не слышала ни одной «исторіи».

Г-жа Мэккензи приводитъ мнѣніе лорда Странгфорда, что «грекъ не можетъ одолѣть болгарина, ни господствовать надъ нимъ, ни поглотить его; онъ (грекъ) менѣе многочисленъ, и раса его не выше; его умъ смѣлѣе, но онъ менѣе основателенъ». Это мнѣніе лица, знавшаго отношенія, любопытно по отношенію къ національной враждѣ двухъ племенъ, и къ притязаніямъ грековъ, которые хвастаются своимъ превосходствомъ надъ болгарами—на подобіе гусей, которыхъ предки спасли Римъ.

«Въ болгарскихъ городахъ мусульмане суть османлисскіе

---

[1]) Т.-е. болгарскую предбалканскую и забалканскую.

колонисты, составляющіе, такъ-сказать, гарнизонъ провинціи. Славяне, сдѣлавшіеся могаммеданами, бо́льшей частью живутъ въ селахъ и продолжаютъ говорить по-славянски.

«Своей храбростью и воинственностью болгарскіе ренегаты обнаруживаютъ характеръ націи, прежде чѣмъ она была предана и обезоружена, и они сами приняли могаммеданство только для того, чтобы не попасть въ положеніе райи. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они извѣстны подъ названіемъ «помаковъ» (отъ «помагамъ», помогаю) и, предполагаютъ, что они произошли отъ тѣхъ болгарскихъ войскъ, которыя служили въ арміи султана какъ «союзники», пока турки настолько усилились, что могли принудить ихъ, выдать свое оружіе или свою вѣру. Въ нашемъ конвоѣ случился разъ одинъ мусульманскій болгаринъ, который согласился, когда въ его присутствіи сказали намъ, что онъ въ душѣ все еще христіанинъ; и въ сосѣдствѣ Салоники мы слышали, какъ могаммеданскіе болгаре извиняли свое отступничество слѣдующей исторіей. Будучи сильно тѣснимы, они назначили извѣстный срокъ, въ продолженіи котораго они будутъ поститься и молиться Христу, а затѣмъ, если помощь не явится, они покорятся Могаммеду. Помощь не пришла, и они стали могаммеданами. Послѣ того, по старой племенной ненависти, они дѣйствовали противъ грековъ во многихъ возстаніяхъ; но они столько же ненавидятъ турокъ, и такимъ образомъ согласны съ своими христіанскими земляками какъ въ ихъ національныхъ антипатіяхъ, такъ и въ привязанности къ родному языку».

Деревенское населеніе Болгаріи — христіане. Г-жа Мэкензи судитъ о нихъ безпристрастнѣе, чѣмъ большинство путешественниковъ. Они унылы и угрюмы, и преслѣдованіе, повидимому, отняло у нихъ и умъ, и сердце; но въ послѣдніе годы они оказали большое упорство въ извѣстномъ церковномъ вопросѣ, когда противъ ихъ желанія хотѣли навязать имъ не народныхъ, а греческихъ епископовъ. Болгарскихъ христіанъ укоряютъ за ихъ робость, но эта робость — страха, а не рабскаго униженія; болгаринъ сторонится отъ тѣхъ, кого боится, а не вертитъ передъ ними хвостомъ. Это послѣднее путешественницы видѣли, напротивъ, у грековъ, и замѣчаютъ, что ихъ льстивое униженіе возстановляетъ многихъ противъ всего племени. Робость болгаръ слишкомъ достаточно объясняется игомъ; ихъ страна лежитъ на самой дорогѣ турокъ къ Дунаю, подвергалась безпрестанному грабежу, и нѣтъ ничего печальнѣе ихъ пустынныхъ большихъ дорогъ и той заботливости, съ какой деревни прячутся отъ глазъ

проѣзжаго. Переступите границу свободной Сербіи, и передъ вами явятся опять сельскіе домики.

Г-жа Мэккензи отдаетъ полную справедливость тому стойкому сопротивленію, какое болгары оказали греческимъ притязаніямъ въ церковномъ вопросѣ. Были колебанія, бывали ошибки, но въ этомъ спорѣ г-жа Мэккензи не сомнѣвается стать на сторону болгаръ,—на ихъ сторонѣ было и полное право.

Относительно такъ называемыхъ реформъ, для г-жи Мэккензи уже пятнадцать лѣтъ назадъ не было никакихъ иллюзій.

«Тѣ,—говоритъ она,—кто лоскутья свободы, предоставляемые теперь райѣ, считаетъ за доказательство радикальной перемѣны въ правилахъ турецкаго правительства, должны помнить, что турки дали христіанамъ гораздо лучшія условія пять столѣтій тому назадъ. Тѣ, кто вѣритъ въ турецкія обѣщанія, должны вспомнить, какъ вольности, обѣщанныя христіанскому населенію, подчинившемуся первымъ султанамъ, были попраны турками, какъ только они сдѣлались господами страны»...

Разсказавъ о церковныхъ волненіяхъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, г-жа Мэккензи слѣдующимъ образомъ продолжаетъ повѣствованіе о бѣдственномъ положеніи народа.

«Между тѣмъ всякія бѣдствія тяготѣли надъ Болгаріей—возстанія гайдуковъ, отчасти политическихъ изгнанниковъ, отчасти разбойниковъ—приливъ могаммеданскихъ татаръ изъ Крыма, для которыхъ болгаръ заставили построить домá и заготовить пищу—выселеніе болгаръ въ Россію, за которымъ слѣдовало ихъ возвращеніе разоренными — попытка другихъ болгаръ вырваться въ Сербію, разстроенная турецкими властями,—наконецъ, толпа баши-бузуковъ, выпущенная на сельское населеніе, подъ предлогомъ охраненія границы отъ сербовъ. Лѣтомъ 1862 мы были свидѣтелями этого положенія вещей. Другое средство подавить болгарское населеніе есть введеніе могаммеданскихъ колонистовъ, которые пополняютъ упадающее мусульманское населеніе, и хорошо снабжаются оружіемъ, котораго лишены христіане. Послѣ татаръ, введены были черкесы, и принята была идея разселить ихъ по сербской границѣ, чтобы совсѣмъ отрѣзать болгаръ. Татары были лѣнивы, между тѣмъ какъ новые переселенцы пришли съ жаждой—отмстить свои собственныя страданія на всѣхъ, кто носитъ христіанское имя. Говорятъ, впрочемъ, что черкесскіе горцы не живутъ на болгарскихъ равнинахъ и быстро уменьшаются въ числѣ.

Въ новомъ изданіи разсказа прибавлено замѣчаніе, что болгарскіе ужасы 1875 года были только усиленіемъ хроническаго

состоянія. «Они не могутъ удивить никого, кто лично знакомъ съ внутренностью страны».

«Въ Константинополѣ мы много слышали о болгарскомъ вопросѣ: о греческой сторонѣ его—отъ патріарха и его секретаря, о славянской—отъ болгарскихъ депутатовъ (т.-е. депутатовъ, хлопотавшихъ по церковному вопросу). Каждая сторона защищала свои аргументы въ памфлетахъ, пересыпанныхъ заявленіями о вѣрноподданствѣ султану, и клеймящихъ противниковъ какъ эмиссаровъ Россіи. Россія въ Турціи играетъ роль «кошки» въ дурномъ хозяйствѣ,—ее обвиняютъ во всякомъ вредѣ, кто хочетъ свалить вину съ самого себя.

«Мы справлялись съ мнѣніями иностранныхъ резидентовъ, какъ вѣроятно безпристрастныхъ судей; они, въ особенности французскій, британскій и американскій, дали свои голоса за болгаръ. Британскіе консулы увѣряли насъ, что они были изумлены, когда нашли въ Турціи такое трудолюбивое, бережливое, моральное и опрятное населеніе. Что касается американцевъ, это—лучшіе друзья, какіе есть у болгаръ, спокойнымъ образомъ. Ихъ замѣчательный ученый, д-ръ Риггсъ (Riggs), перевелъ ветхій завѣтъ съ древняго на новый славянскій, и много школьныхъ книгъ было переведено съ англійскаго; американскія школы есть въ главныхъ болгарскихъ городахъ, а ихъ книги продаются туземными книгоношами въ разныхъ частяхъ страны.

«Въ теченіи нашего собственнаго путешествія мы видѣли довольно доказательствъ стремленія народа къ улучшенію, и мы въ особенности были поражены его ревностью къ ученью. Горныя цѣпи Балканъ и Родопа дѣлятъ Болгарію на три части: сѣверную, центральную и южную. О сѣверной части, между Дунаемъ и Балканами, мы не можемъ говорить какъ очевидцы, такъ какъ турки объявили тогда, что она слишкомъ неспокойна для путешественниковъ; но, по свидѣтельствамъ лицъ, жившихъ тамъ, болгары, обитающіе между большимъ торговымъ воднымъ путемъ съ одной стороны и ихъ естественными горными крѣпостями съ другой, болѣе независимы и предпріимчивы, чѣмъ ихъ братья на внутреннихъ равнинахъ. Кромѣ того, народъ держитъ здѣсь многочисленныя школы, изъ которыхъ лучшія въ Терновѣ и Шумлѣ. Терново, древняя столица, есть мѣсто, предположенное для духовной семинаріи, и если возможно, для типографіи, но до сихъ поръ недовѣрчивость Порты не позволяетъ болгарамъ ни того, ни другого.

«Центральная Болгарія—та, которая лежитъ между хребтами Балканъ и Родопомъ. Здѣсь мы посѣтили школы въ Адріанополѣ,

Филиппополѣ, Самаковѣ, Софіи, Нишѣ—всѣ онѣ ведутся и содержатся христіанскими общинами безъ всякой денежной поддержки отъ правительства или (греческихъ) епископовъ. Школьные дома, бо́льшей частью просторные и съ свѣжимъ воздухомъ, опрятны, какъ все въ Болгаріи. Школьныя книги, собранныя изъ разныхъ источниковъ, дополняются книгами американскаго миссіонерства (Board of Missions). Для умягченія турокъ, одного или двухъ учениковъ учатъ турецкому языку, и привѣтственныя фразы въ честь султана собраны въ родъ школьнаго гимна. Правда, что тотъ же мотивъ имѣетъ другой подборъ словъ—въ честь того, кто освободитъ страну отъ турецкаго господства. Тотъ или другой текстъ поется предъ посѣтителемъ, смотря по тому, считаютъ ли его христіаниномъ или туркофиломъ. Мы имѣли случай слышать оба текста.

«Въ Филиппополѣ, Самаковѣ и Софіи есть женскія школы...

«Южная Болгарія лежитъ между Родопомъ и предѣлами древней Греціи. Школы, посѣщенныя нами здѣсь, были меньше и бѣднѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; но мы не видѣли школы въ Истибѣ и другихъ городахъ, лежащихъ на болѣе сѣверной дорогѣ отъ Салоники до Скопіи...

«Во всѣхъ упомянутыхъ мѣстахъ, греческій епископъ довольствуется тѣмъ, что не хочетъ знать о болгарской школѣ, или отъ времени до времени выгоняетъ какого-нибудь энергическаго учителя; но ближе къ греко-славянской границѣ мы нашли, что славянскому обученію положительно всячески мѣшаютъ. Въ Воденѣ и Енидье основаны греческія школы, и община должна содержать ихъ; въ случаѣ, если бѣдность не останавливаетъ жителей отъ содержанія также и своей школы, ей ставятъ всевозможныя препятствія.

«Одинъ результатъ этой анти-народной политики тотъ, что болгары, которые въ другихъ мѣстахъ такъ желаютъ учиться, въ этихъ округахъ тупы и нерадивы; другой результатъ, что, отчужденные отъ своего духовенства, они склоняются къ внушеніямъ изъ Рима. Нѣкоторые изъ нихъ разсчитываютъ воспользоваться латинской помощью, чтобы отдѣлаться отъ патріарха; другіе все еще опасаются, что иго, имъ неизвѣстное, можетъ оказаться еще тяжеле, чѣмъ извѣстное...

«Между тѣмъ, въ сосѣдствѣ Салоники пробуждается партія, которая размышляетъ, что протестанты не признаютъ ни патріарха, ни папы, и что покровительство Англіи могло бы быть не хуже покровительства Франціи. Они спрашиваютъ, приметъ ли ихъ Англія подъ свое покровительство, если они сдѣлаются

протестантами? Въ отвѣтъ они получили рѣшительное: «нѣтъ». Но они все-таки обращаются къ протестантскому священнику въ Салоникѣ, и просятъ его доставить имъ книгъ и учителей на ихъ языкѣ, предлагая, конечно, заплатить за то и другое».

Путешественницы выѣхали изъ Салоники въ іюнѣ. Путешествіе было вообще очень трудное. Стояли страшные жары; середину дня надо было пережидать или въ городахъ, или по дорогѣ въ грязныхъ «ханахъ», или постоялыхъ дворахъ. Несмотря на султанскій фирманъ, которымъ путешественницы не упускали пользоваться для внушенія къ себѣ уваженія, имъ приходилось выносить непріятныя исторіи и съ турецкими «кираджи», возчиками, и съ провожатыми заптіями. Бо́льшую часть пути надо было дѣлать верхо́мъ — обыкновенныхъ проѣзжихъ дорогъ, возможныхъ для экипажа, не существовало, да и тѣ, какія были, находились часто въ ужасномъ состояніи. Два-три раза путешественницы, которымъ случилось заболѣть лихорадкой, должны были искать экипажа; послѣ большихъ розысковъ, имъ доставляли эти «экипажи», которые употребляются въ тѣхъ мѣстахъ для перевозки гаремовъ пашей и чиновниковъ: разъ это была коробка на носилкахъ, укрѣпляемыхъ на двухъ лошадяхъ, одна впереди, другая позади, и рискующихъ сваливаться въ бокъ. Когда путешественницамъ случалось останавливаться на отдыхъ или ночлегъ въ христіанскомъ домѣ, онѣ видѣли обыкновенно, какъ перепуганные хозяева прятались отъ грубыхъ заптіевъ, и только когда разъяснялось, что путешественницы — мирныя христіанки, онѣ встрѣчали въ хозяевахъ привѣтливыхъ и порядочныхъ людей. Въ мѣстностяхъ съ мусульманскимъ, особенно албанскимъ населеніемъ, путешественницы бывали на волосъ отъ крупныхъ непріятностей и даже серьёзной опасности отъ дикаго разбойничьяго населенія. Путешествіе черезъ албанскія мѣстности приходилось дѣлать съ настоящимъ конвоемъ — изъ такихъ же разбойниковъ, но подъ надзоромъ турецкаго заптія. Этотъ способъ путешествія сопровождалъ ихъ по всей дорогѣ въ этомъ краѣ. Англійскія путешественницы умѣли выдержать всѣ эти неудобства и побѣждали тяжесть и опасность пути преданностью своему дѣлу.

Первой станціей отъ Салоники былъ городъ Енидье, близъ древней Пеллы, въ девяти часахъ отъ Салоники. Вся дорога идетъ по равнинѣ, бо́льшей частью пустынной, и иногда отмѣченной до сихъ поръ неизслѣдованными курганами (tumuli). Черезъ нее идетъ новая «императорская» дорога, — «мошенническое

дѣло въ самомъ полномъ смыслѣ слова». Во-первыхъ, она была дурно сдѣлана и избита; лѣтомъ она крѣпка, какъ камень, зимой—это трясина. Постройка ея была мошенничество. Паша собралъ съ здѣшняго народа экстренную подать, съ условіемъ, что вся работа ихъ на дорогѣ будетъ оплачиваться; но, получивши деньги, онъ положилъ ихъ себѣ въ карманъ, и затѣмъ строилъ дорогу принудительнымъ трудомъ. Множество семействъ было разорено этимъ двойнымъ способомъ. «Императорская» дорога пересѣкаетъ рѣку Вардаръ и для этого строится мостъ. Онъ начатъ былъ уже давно и давно могъ бы быть конченъ; но это послѣднее не входило въ планы исполнителей: мостъ начатъ съ двухъ концовъ и почти доведенъ до середины, но здѣсь работа была остановлена, и недодѣланное покрывается для переѣзда досками, которыя потомъ могутъ сниматься. Проѣзжающій долженъ каждый разъ платить, чтобы для него положены были доски. Паша, наконецъ, прекратилъ этотъ промыселъ; но наши путешественницы видѣли мостъ все еще въ недодѣланномъ видѣ.

Въ Енидье онѣ остановились въ болгарскомъ домѣ. Здѣсь онѣ не получили особенно новыхъ свѣдѣній, но получили подтвержденіе тѣхъ, какія имѣли изъ достовѣрнаго источника въ Салоникѣ. Въ Енидье считается до 6000 домовъ, на-половину болгарскихъ, на-половину турецкихъ османлисовъ. Здѣшніе христіане всѣ—славяне; изъ грековъ только епископъ и школьный учитель. Главные горожане говорятъ по-гречески, по торговымъ дѣламъ; но женщины совсѣмъ не знаютъ этого языка. Здѣсь были болгарскіе уніаты, которыхъ было сначала отъ 50 до 60 семействъ, а въ то время лишь до 35: остальные бросили унію, когда ошиблись въ ожиданіи, что она могла освободить ихъ отъ податей. Но число ихъ могло опять увеличиться, еслибъ уніатская церковь была устроена такъ, какъ они привыкли, т.-е. по православному образцу,—«они были увѣрены, что папѣ *не зачѣмъ латинизировать* ихъ: ему нужно только взять перевѣсъ надъ патріархомъ». Въ сущности, тотъ и другой одинаково имъ чужды. Хозяинъ дома не былъ уніатъ, но онъ объяснялъ дѣло слѣдующимъ образомъ: «Въ чемъ мы нуждаемся, это—въ покровительствѣ, и въ нѣкоторой помощи чтобы подняться. Мы не довольно богаты, чтобы построить вторую школу, и такъ какъ епископъ принуждаетъ насъ содержать греческую, то все, чего мы просимъ, это чтобъ учитель зналъ также по-болгарски. Имѣя покровительство какой-нибудь иностранной державы, мы могли бы успѣть въ этомъ, и если бы разъ была основана школа съ болгарскимъ учителемъ, то мы стали бы посылать дѣтей въ нее. Если бы мы со-

гласились перейти къ романистамъ (т.-е. въ унію), они обѣщають намъ и церковную службу и школьное ученіе на нашемъ собственномъ языкѣ; и хотя мы больше желали бы получить это какимъ-нибудь другимъ образомъ, но лучше получить это такъ, чѣмъ не получить вовсе».

Отъ Енидье шесть часовъ ѣзды до Водены. Переступивъ рѣку Ковасмакъ, путешественникъ съ каждымъ шагомъ приближается къ воденской долинѣ, гдѣ утомительное однообразіе безлѣсной равнины оттѣняется горами, зеленью и стремительными потоками. Вечеромъ путешественницы вступили въ долину; въ тутовыхъ садахъ, окаймляющихъ дорогу, пѣли соловьи, а легкій вѣтеръ качалъ красныя вѣтви гранатовыхъ деревьевъ въ полномъ цвѣту. Наконецъ, онѣ были при сліяніи потоковъ, отѣненныхъ громадными чинарами, и остановились полюбоваться сценой. Онѣ были у подножія скалы, съ которой падаетъ рѣка не одной полосой, а пятью большими каскадами, между тѣмъ какъ безчисленные маленькіе ручьи брызжутъ изъ зелени, падая сверху въ долину — прелестная смѣсь зелени и пѣны. Вверху, на скалѣ, при началѣ каскадовъ, стоитъ Водена, болгарскій «городъ водъ», нѣкогда македонская Эдесса.

Здѣсь онѣ остановились въ домѣ швейцарскаго торговца шелкомъ, куда были рекомендованы. Хозяевъ не было и ихъ принялъ завѣдывавшій конторой болгаринъ, получившій образованіе въ Вѣнѣ; онѣ привезли ему письма, и это сдѣлало его пріемъ еще болѣе сердечнымъ. Для избѣжанія дорожныхъ затрудненій, путешественницы пригласили къ себѣ мѣстную власть, мудира, который и явился къ намъ: «толстѣйшій, тупѣйшій и грубѣйшій турокъ, какого мы когда-нибудь видѣли», замѣчаетъ г-жа Мэккензи. Путешественницы желали направиться къ Охридскому озеру (съ городомъ Охридой, нѣкогда второй столицей стараго болгарскаго царства, въ юго-западной его части): но оказалось, что дорога въ Касторію, куда онѣ думали ѣхать по направленію къ Охридѣ, была усѣяна препятствіями. Власть воденскаго мудира, подчиненнаго салоникскому пашѣ, не шла дальше Острова, около трехъ часовъ ѣзды отъ Водены, и на этой станціи не было ни чиновниковъ, ни лошадей. Далѣе, мудиръ настаивалъ, что между Островомъ и Касторіей дорога была опасна отъ разбойниковъ; онъ не зналъ притомъ, и никто не могъ ему сказать, есть ли что-нибудь похожее на дорогу между Касторіей и Наумомъ на Охридскомъ озерѣ. Словомъ, путешественницы должны были отказаться отъ своего плана посѣтить сосѣдство Албаніи и рѣшили ѣхать прямо на Монастиръ.

Водена отличается какъ городъ совсѣмъ особеннымъ характеромъ; рѣка течетъ въ ней вдоль улицы; ее можно бы назвать Венеціей въ миніатюрѣ, съ той разницей, что вмѣсто спокойнаго канала здѣсь стремительный горный потокъ. Прямо изъ воды поднимаются красивые дома наиболѣе богатыхъ горожанъ, въ томъ числѣ многихъ купцовъ, болгаръ и нѣсколькихъ швейцарцевъ. Нижніе этажи этихъ домовъ каменные, верхніе—деревянные, и здѣсь очень въ модѣ красить стѣны въ бѣлое съ голубымъ. Городское гулянье есть аллея по рѣкѣ, на которую бросаютъ тѣнь чинары. Здѣсь путешественницы видѣли группу мусульманъ, сидѣвшихъ въ кружкѣ за важнымъ разговоромъ. Хозяинъ ихъ объяснилъ, что здѣсь на открытомъ воздухѣ часто держатся совѣты, и что въ настоящее время турки встревожены ожиданіемъ правильнаго подоходнаго налога, тогда какъ до сихъ поръ они умѣли платить одинъ піастръ тамъ, гдѣ райя платила двѣнадцать. Они обдумывали теперь, какъ отдѣлаться отъ новаго закона, и такъ какъ оцѣнку должны были производить мусульмане, то они могли имѣть всю надежду устроить дѣло.

Въ одномъ мѣстѣ на берегу собранъ былъ матеріалъ для постройки школы. «Крутизна берега, на которомъ стоитъ Водена, такъ велика, что гораздо дешевле поднимать камни наверхъ воротомъ, нежели подвозить ихъ по дорогѣ. Съ этого мѣста прелестный видъ, и когда мы съ восклицаніями удивились красотѣ ландшафта, одинъ болгаринъ проворчалъ:—«да, хорошая земля; только она *турецкая*. Свинья всегда забирается въ лучшій садъ». Насъ пригласили въ садъ сосѣдняго дома, гдѣ мы могли сѣсть и на свободѣ насладиться видомъ. На краю скалы былъ разостланъ коверъ и отсюда, съ красными гранатовыми цвѣтами на первомъ планѣ, мы смотрѣли картину такой красоты, которая имѣетъ мало равныхъ. На каждой сторонѣ Водены идутъ горы, и постепенными спусками долинъ сходятъ въ Вардарскую равнину. Равнина въ своемъ пурпурномъ отдаленіи сливается съ блестящимъ моремъ и на другомъ берегу залива свѣтъ падаетъ на бѣлыя стѣны Салоники. Таковъ видъ вправо отъ насъ; обернитесь налѣво—и передъ вами другая картина: отъ каскадовъ и тутовыхъ рощъ Водены поднимается низкій рядъ лѣсистыхъ холмовъ, надъ ними другой рядъ выше, и еще выше, и наконецъ все завершаетъ гора Олимпъ, которой широкое снѣжное чело блеститъ теперь золотомъ на заходящемъ солнцѣ. На подобныя сцены надо смотрѣть и смотрѣть, пока онѣ не запечатлѣются въ памяти—каждый цвѣтъ, линія, оттѣнокъ,—такъ чтобы, впослѣдствіи, послѣ скучныхъ уличныхъ стѣнъ и еще болѣе скучныхъ

стѣнъ гостиныхъ, довольно было закрыть глаза, чтобы вызвать живую картину. Чтобы унести, такимъ образомъ, съ собой виды изъ Водены, мы готовы были бы заплатить самую дорогую цѣну,— кромѣ той, какую заплатили. Сидя въ саду послѣ захожденія солнца, мы обѣ получили лихорадку».

На другой день онѣ продолжали путешествіе, и ландшафтъ былъ такой же очаровательный. Онѣ ѣхали вверхъ по рѣкѣ по роскошной долинѣ, съ верху которой рѣка падаетъ каскадомъ. Имъ встрѣтилось тутъ нѣчто въ родѣ шоссейной заставы, гдѣ албанцы брали съ проходящихъ какія-то деньги; но англійскихъ путешественницъ не тронули—у нихъ былъ «буюрди» (подорожная),—и имъ объяснили, что берутъ только съ «бѣдныхъ». Черезъ три часа онѣ круто спустились къ озеру Острово, которое было бы красиво, еслибъ не было слишкомъ черно; изъ воды выглядывалъ небольшой островокъ, съ мечетью: здѣсь было нѣкогда селеніе, но однажды оно было совсѣмъ затоплено поднявшеюся водой озера; недавно вода упала и на мѣстѣ селенія оказалась полоса голаго берега и мечеть. Деревня у озера, гдѣ остановились путешественницы отдохнуть, была бѣдна до крайности. Другая остановка въ «ханѣ» Горнишево была не менѣе тяжела; путешественницы были совсѣмъ больны; болгары, при провожатыхъ туркахъ, утверждали, что у нихъ ничего нѣтъ и нечего продать; только тогда, когда путешественницы, понявши это, отослали турокъ, жители успокоились, принесли молока, куръ и корма для лошадей и заговорили даже (несчастные!), нельзя ли получить болгарской азбуки. Къ концу дня болѣзнь не ослабѣвала; путешественницы серьёзно подумали, что можно и въ самомъ дѣлѣ умереть въ этомъ ужасномъ помѣщеніи и послали къ англійскому консулу въ Монастиръ съ просьбой прислать за ними какой-нибудь экипажъ. «Въ Турціи нѣтъ даже одного изъ ста мѣстъ, гдѣ бы можно было исполнить подобную просьбу; и, быть можетъ, нигдѣ на свѣтѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы больныхъ путешественницъ ждалъ такой пріемъ, какой мы встрѣтили въ домѣ г. и г-жи Кальвертъ въ Монастирѣ».

Здѣсь онѣ провели двѣ недѣли, пока поправились; осмотрѣли городъ, сосѣдніе монастыри, школу. Отъ поѣздки на албанскія озера пришлось отказаться,—ихъ главной цѣлью было посѣтить тѣ мѣста европейской Турціи, которыя наименѣе извѣстны европейцамъ, и онѣ утѣшились, узнавши, что озера хорошо были описаны въ путешествіяхъ мистера Лира (Lear). Онѣ слышали также, что готовится другое описаніе перомъ и карандашомъ —

одной «accomplished lady», г-жи Уокеръ, сестры британскаго капеллана въ Константинополѣ [1]).

Кромѣ красотъ природы, г-жа Мэккензи сожалѣла особенно, что не увидитъ города Охриды, нѣкогда «сто-мостной» столицы могущественнаго болгарскаго царства. Въ настоящее время Охрида стала гораздо менѣе значительна, чѣмъ Монастиръ, военная станція турокъ. Этотъ городъ прекрасно расположенъ на краю большой равнины, ограниченной величественнымъ горнымъ хребтомъ, въ которомъ снѣжный гребень Перистери достигаетъ высоты въ 7,500 футовъ. Кромѣ греческаго имени, Монастиръ имѣетъ болгарское: Битолія (изъ стараго Бутель), а турки соединили ихъ въ двойное названіе—Толи-Монастиръ. Различію названій отвѣчаетъ различіе населенія, столь же разнообразнаго, какъ въ Салоникѣ, по отчасти изъ другихъ составныхъ частей. Евреевъ много и здѣсь, но они не превышаютъ числомъ другихъ племенъ; могаммедане—османлисы; славяне, которыхъ немного живетъ въ городѣ, населяютъ окрестность и всю страну кругомъ; грековъ нѣтъ ни въ городѣ, ни въ окрестностяхъ, но они успѣли сдѣлать такъ, что ихъ интересы и языкъ представляются богатыми и хитрыми цинцарами. Цинцары (такъ зовутъ ихъ славянскіе сосѣди; или куцо-влахи)—отрасль румынскаго племени, которое нѣкогда было, вѣроятно, многочисленно въ Ѳессаліи и Македоніи. На югѣ отъ Дуная, говоритъ г-жа Мэккензи, это племя представляется торговыми общинами въ турецкихъ городахъ, поселянами въ восточной Сербіи и пастухами на Пиндѣ и въ Балканахъ. Большая часть ихъ до сихъ поръ говоритъ своимъ особымъ языкомъ, который одни называютъ латинизированнымъ варварскимъ нарѣчіемъ, другіе варваризованнымъ латинскимъ языкомъ. Но въ послѣдніе годы греки завели между ними свои школы и съумѣли увѣрить ихъ, что они собственно македонскіе греки, романизированные во время имперіи; поэтому цинцары раздѣляютъ греческія стремленія и антипатіи и дѣйствуютъ за одно съ греческимъ епископомъ для подавленія болгарскаго элемента. «Хитрый, притѣснительный и рабскій характеръ цинцаръ въ Турціи очень ослабляетъ уваженіе, какое могли бы внушить ихъ трудолюбіе и ловкость; между тѣмъ какъ добродушіе и честность угнетеннаго болгарина возбуждаетъ къ нему сочувствіе даже тогда, когда его умъ остается на самой низшей степени развитія, какъ здѣсь». Единственная болгарская школа въ

[1]) „Through Macedonia to the Albanian Lakes“, by Mrs. Walker.

Монастирѣ принадлежала уніатамъ; ею завѣдывалъ священникъ изъ Англіи, при помощи болгарскаго школьнаго учителя.

Въ Монастирѣ и въ странѣ около этого города и Охриды мусульманъ, какъ говорятъ, больше, нежели христіанъ. При такомъ отношеніи населенія, положеніе райи, безправной и безоружной, всегда бываетъ самое жалкое; открытыя убійства очень часты и остаются безнаказанными. Г-жа Мэккензи приводитъ нѣсколько примѣровъ, случившихся за послѣднее время передъ тѣмъ; указываетъ на такіе же разсказы м-ссъ Уокеръ, путешествовавшей въ Македоніи и Албаніи; приводитъ свидѣтельство американскаго миссіонера, жившаго близъ извѣстной теперь Эски-Загры, который говорилъ (въ 1863), что въ той окрестности каждый годъ убиваемо было отъ 70 до 100 христіанъ, и никакого изслѣдованія объ этихъ убійствахъ не дѣлалось. — Мы привели выше замѣчаніе г-жи Ирби, что прошлогоднія убійства не могутъ удивить тѣхъ, кто знаетъ обыкновенный, всегдашній порядокъ вещей въ Турціи. Какой это порядокъ вещей, это вновь показываютъ невѣроятные ужасы нынѣшней войны.

Г-жа Мэккензи приводитъ еще примѣръ, изъ котораго видно, что нравы баши-бузуковъ не чужды и высшимъ властямъ: былъ случай въ томъ же Монастирѣ, что самъ великій визирь, объѣзжая провинціи для совершенія правосудія и уничтоженія злоупотребленій, приговорилъ къ смерти христіанскаго *мальчика*, который, *защищаясь*, осмѣлился наложить руку на мусульманскаго мальчика. Сами консулы вмѣшались въ это вопіющее дѣло, но ихъ представленія остались безплодны, и визирь даже отложилъ свой отъѣздъ, чтобы видѣть, какъ умретъ христіанинъ. «Неудивительно,—замѣчаетъ г-жа Мэккензи,—что болгаринъ чувствуетъ, что пока турокъ управляетъ страной, сопротивляться злоупотребленію власти безполезно; но христіане сербскаго княжества, которые по крайней мѣрѣ въ теченіи одного поколѣнія пользовались свободой, встрѣчаютъ несправедливость уже совсѣмъ иначе». Г-жа Мэккензи разсказываетъ примѣръ упорнаго сопротивленія, оказаннаго сербомъ княжества, имѣвшимъ родство въ Болгаріи, въ одномъ случаѣ каверзнаго притѣсненія со стороны турокъ. Но сербы издавна сносили турецкое иго гораздо менѣе терпѣливо, чѣмъ болгары.

Отъ времени до времени, и часто по настоянію кого-нибудь изъ европейскихъ посланниковъ, турецкое правительство посылаетъ такъ-называемыхъ «уполномоченныхъ» (commissioner) или ревизоровъ, объѣхать провинціи, искоренить и наказать мѣстныя злоупотребленія. «И если нужно дальнѣйшее свидѣтельство не-

годности турецкаго чиновничества,—замѣчаетъ г-жа Мэккензи,—то результаты изслѣдованій одного изъ такихъ ревизоровъ доставили бы всѣ требуемыя доказательства. Когда мы были въ Монастирѣ (въ то время тамъ былъ одинъ изъ такихъ ревизоровъ), почти не проходило дня безъ того, чтобы не обнаружилось какое-нибудь злоупотребленіе администраціи, и какъ мы слышали, у Суби-бея (такъ звали ревизора) не было недостатка ни въ энергіи для наказанія, ни въ ловкости для раскрытія вещей. Но мало пользы разорить какихъ-нибудь дурныхъ подчиненныхъ чиновниковъ, когда ускользаютъ паши и ихъ секретари; чрезвычайно непріятное впечатлѣніе произвело извѣстіе, что другой ревизоръ въ западныхъ провинціяхъ, который хотѣлъ арестовать одного важнаго чиновника, былъ тотчасъ самъ отозванъ. Было большое опасеніе, что этотъ примѣръ не прибавитъ силы рукамъ Суби-бея и остроты его зрѣнію».

Монастирскій правитель съ удовольствіемъ разсказывалъ въ англійскомъ консульствѣ, гдѣ жили наши путешественницы, что его ревизія прошла отлично, какъ ни у одного изъ сосѣднихъ мудировъ. Но и этотъ правитель, человѣкъ порядочный, не могъ въ сущности ни мало хвастаться положеніемъ своего округа: округъ былъ въ крайнемъ безпорядкѣ, мѣстные мусульмане не обращали вниманія на законы, албанскіе разбойники грабили по дорогамъ. Но это уже не была его вина; ободренный похвалами ревизора, онъ сказалъ ему, что не можетъ ничего сдѣлать, если власть его не будетъ поддержана лучшими людьми, чѣмъ мѣстные заптіи. Ревизоръ обѣщалъ, что ему присланъ будетъ отрядъ регулярнаго войска.

«Къ несчастію, этотъ случай — не единственный. Предположимъ, что новый турецкій губернаторъ является на свой постъ; если это человѣкъ жестокій и грабитель, всѣ, кто служитъ ему, будутъ помогать его грабежу, съ условіемъ дѣлежа добычи. Но если это человѣкъ честный, съ желаніемъ быть справедливымъ и вводить порядокъ, онъ увидитъ, что всѣ преданія его предшественниковъ, всѣ его собственные мирмидоны будутъ противъ него; между тѣмъ центральное правительство рѣдко ставитъ его въ такое положеніе, чтобы онъ могъ быть независимымъ отъ мѣстныхъ мусульманъ, которые будутъ терпѣть его лишь на условіи, что имъ предоставлено будетъ продолжать свой негодный образъ дѣйствій. И увы, не одни мусульмане живутъ злоупотребленіемъ и усиливаютъ злыя руки. Мы уже говорили о томъ жалкомъ обстоятельствѣ, что въ Румеліи греческіе епископы находятся въ числѣ самыхъ безславныхъ прихлебателей у самыхъ обезславлен-

ныхъ правителей; и племенная ненависть или жадность къ прибыли всегда доставляютъ многочисленныхъ агентовъ изъ райи, готовыхъ явиться на первый зовъ сильнаго мусульманина. Такіе христіане, худшіе образчики своей общины, бываютъ, разумѣется, еще болѣе наглы и низки, чѣмъ ихъ могаммеданскіе товарищи; поэтому-то путешественники, которые всего больше бывали въ оффиціальныхъ кругахъ, и могли говорить, притомъ справедливо, что они нашли христіанъ еще хуже, чѣмъ турки. Но ихъ болѣе честные братья смотрятъ на этихъ христіанскихъ паразитовъ съ такимъ же отвращеніемъ, какое мы чувствуемъ къ нимъ; и они горько жалуются, что матеріальное угнетеніе турецкой системы составляетъ еще не такое большое зло, какъ ея деморализующее дѣйствіе. Изъ числа райи только люди рабскіе и безсовѣстные могутъ достигнуть власти; законныя требованія оставляются безъ всякаго вниманія, открытая рѣчь и независимость характера подавляются; и когда награда отдается корыстолюбію и предательству, то подонки общества возвышаются на его вершину».

Таковы были, десять лѣтъ тому назадъ, разсужденія англійской путешественницы, которой довольно было, не вдаваясь въ тонкости высшихъ дипломатическихъ соображеній, взглянуть на дѣло глазами простого здраваго смысла и человѣческаго чувства, чтобы увидѣть въ Турціи то, чтó она есть — разбойничье государство, «охраненіе цѣлости и независимости» котораго есть безсмыслица и безсовѣстность. Взглядъ г-жи Мэккензи любопытенъ именно какъ взглядъ англичанки, которой очень знакомы были мнѣнія ея соотечественниковъ объ этомъ предметѣ, и которая въ своихъ отношеніяхъ съ представителями «англійскихъ интересовъ» въ Турціи, консулами, имѣла въ особенности возможность изучить положеніе славянскихъ подданныхъ имперіи. Она понимала его дѣйствительно очень хорошо.

Въ Монастирѣ путешественницы собрали свѣдѣнія о средствахъ сообщенія отъ Македоніи до южной границы сербскаго княжества, куда онѣ хотѣли направиться. Онѣ въ такомъ жалкомъ видѣ явились въ Монастиръ, больныя и безсильныя, что теперь стыдились признаться консулу, который ихъ пріютилъ, что намѣрены ѣхать въ дикій округъ Старой Сербіи, чтобы осмотрѣть всѣ ея достопримѣчательности; но, съ другой стороны, онѣ никакъ не хотѣли отказаться отъ этого любимаго плана. Въ видѣ компромисса рѣшено было, что онѣ поѣдутъ изъ Монастира прямо въ Бѣлградъ, и на пути осмотрятъ Косово-поле и другія знаменитыя мѣста, какія встрѣтятся на дорогѣ. Ихъ здоровье еще такъ мало укрѣпилось, что найдено было необходимымъ поду-

мать, нельзя ли имъ сдѣлать этотъ путь въ экипажѣ. Ихъ слѣдующій пунктъ былъ Новый-Базаръ (въ Старой Сербіи, близъ границы княжества), и путь къ нему отъ Монастира есть одинъ изъ правильныхъ трактовъ внутренней торговли; но добыть экипажъ оказалось нелегко; нужно было сдѣлать настоящее изслѣдованіе, собирать свѣдѣнія и т. д., — такая это была рѣдкость. Консулъ сообщилъ, что *кое-какъ* онъ ѣхалъ съ женой въ экипажѣ до города Вéлесы; Ганъ, въ своемъ путешествіи, говоритъ, что ѣхалъ въ экипажѣ отъ Вéлесы до Приштины, на самомъ Косовомъ-полѣ; но чтó было за Приштиной до сербской границы, объ этомъ никто ничего не зналъ, точно Новый-Базаръ находился на другомъ концѣ имперіи. Наконецъ, путешественницамъ встрѣтился турецкій офицеръ полякъ, который сдѣлалъ всю эту дорогу и объяснилъ, что по ней можно возить *пушки;* другіе вспомнили при этомъ, что по этой дорогѣ должны были проѣзжать «талики» съ гаремами: слѣдовательно, экипажный путь есть. Путешественницы добыли нѣчто въ родѣ крытаго экипажа, наняли цинцаръ для перевозки багажа; консулъ далъ имъ провожатаго — смышленаго албанца. Онѣ пустились въ путь.

А. Пыпинъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

Привлеченіе въ Россію огромныхъ капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, и результаты, достигнутые при эксплуатаціи 20,000-верстной сѣти, оказали большое вліяніе на финансовое положеніе страны, которое послѣ крымской войны и нѣкоторыхъ предшествовавшихъ ей обстоятельствъ представлялось почти безвыходнымъ. Въ изданномъ мною трудѣ «Русскія желѣзныя дороги», я старался разъяснить фактическія данныя и условія эксплуатаціи нашихъ дорогъ, въ сравненіи съ иностранными, какъ-то: отношеніе доходовъ къ расходамъ, стоимость провоза, направленіе разныхъ отраслей торговли по различнымъ артеріямъ желѣзно-дорожной системы и т. д. Благосклонный пріемъ, оказанный этому труду, поощрилъ меня заняться дальнѣйшей разработкою вопросовъ, относящихся къ экономическому и финансовому вліянію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, вопросовъ незатронутыхъ въ первомъ сочиненіи.

При этихъ изслѣдованіяхъ, я болѣе и болѣе приходилъ къ заключенію, что какъ бы высоко ни цѣнить благотворное вліяніе, оказанное на государственное и народное хозяйство желѣзными дорогами, оно могло произойти только при совмѣстномъ дѣйствіи другихъ могучихъ факторовъ развитія, а именно при проведеніи цѣлаго ряда реформъ, изъ которыхъ величайшею было освобожденіе крестьянъ. Для того, чтобы отдать себѣ отчетъ въ этомъ именно взаимодѣйствіи, и явилась необходимость отдѣльнаго изслѣдованія экономическаго состоянія Россіи въ прошломъ срав-

нительно съ настоящимъ, съ показаніемъ, какая доля вліянія на улучшеніе нашего финансоваго положенія принадлежала желѣзнымъ дорогамъ. Но предпринятый трудъ, отчасти по новизнѣ подобнаго рода изслѣдованій, не только у насъ, но и за-границею, отчасти по отсутствію достаточно разработанныхъ статистическихъ матеріаловъ, оказался столь громаднымъ, что послѣ почти 4-хъ-лѣтней работы, несмотря на значительныя употребленныя на него средства и широко оказанное ему содѣйствіе, какъ со стороны высшей администраціи, такъ и многими учеными спеціалистами, не находится еще въ такомъ видѣ, чтобы вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему таблицами и графическими изображеніями могъ быть теперь уже изданъ. А между тѣмъ, нынѣшнія обстоятельства и порожденные ими пессимистическіе толки о нашемъ финансовомъ положеніи дѣлаютъ какъ нельзя болѣе кстати сравненіе финансовыхъ фактовъ послѣдняго времени и причинъ ихъ вызвавшихъ съ недавнимъ еще печальнымъ прошлымъ. Взглянувъ назадъ, мы можемъ убѣдиться, что нынѣшнее положеніе русскихъ финансовъ гораздо надежнѣе, чѣмъ въ эпоху крымской войны, и что изъ него устранены именно элементы безвыходности, какіе были присущи прежнему положенію.

Вотъ почему я рѣшился до изданія моего новаго труда представить въ двухъ статьяхъ, основанныхъ на изслѣдованіяхъ и разсчетахъ для него составленныхъ, представить главнѣйшіе результаты и общіе выводы, какъ финансоваго значенія постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, такъ и характеристическихъ условій, сопровождавшихъ ее, а наконецъ и отличительныя черты дѣятельности рельсовыхъ путей въ Россіи. Къ сожалѣнію, природа журнальныхъ статей не дозволяетъ представить достаточнаго числа таблицъ и исчисленій, служившихъ основаніями для выводовъ. Цифры и безъ того слишкомъ обильны для тѣхъ, кто любитъ легкое чтеніе. Но самое свойство предмета таково, что безпрестанная ссылка на цифры, въ разсужденіи о немъ, неизбѣжно, хотя и приводятся только тѣ, которыя необходимы, чтобы разсужденія не были голословны.

I.

Экономическая отсталость России до крымской войны.

Съ первой четверти настоящаго столѣтія экономическая жизнь народовъ, вслѣдствіе открывшихся новыхъ, болѣе благопріятныхъ для нея, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, политическихъ и хозяйственныхъ условій, подверглась коренному измѣненію. Радикальныя реформы, введенныя во всемъ порядкѣ управленія главнѣйшихъ европейскихъ государствъ, вызвали самыя утѣшительныя перемѣны въ производительной дѣятельности населенія. Вслѣдствіе того возрастающее благосостояніе, при облегченіи, произведенномъ пароходами и желѣзными дорогами въ дѣлѣ перевозки и международной мѣновой торговли, усилило потребленіе предметовъ какъ первой необходимости, такъ и удовлетворяющихъ утонченнымъ потребностямъ въ столь значительномъ размѣрѣ, что промышленность теряла болѣе и болѣе характеръ кустарной и становилась фабричною, а вмѣстѣ съ тѣмъ получала первенствующее значеніе оптовая торговля.

Особенно послѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія, освобожденіе труда отъ остатковъ связывавшихъ его крѣпостныхъ и бюрократическихъ узъ, а затѣмъ болѣе раціональное его раздѣленіе, распространеніе образованія на всѣ классы общества, предпринятыя реформы въ гражданскомъ судопроизводствѣ, устранившія медлительную, стѣснявшую кредитъ, процедуру, вызвали въ оборотъ праздно-лежавшіе до того времени капиталы, вслѣдствіе чего явилось развитіе ассоціацій, за которыми послѣдовало широкое примѣненіе пара и машинъ къ промышленности и земледѣлію, усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Все это придало и безъ того уже быстро совершавшимся измѣненіямъ столь ускоренный ходъ, что богатство и могущество націй, для видоизмѣненія которыхъ въ прежнее время требовались длинные періоды времени, начали возрастать съ небывалою быстротою.

Но столь радикальныя перемѣны въ матеріальномъ и умственномъ положеніи народовъ не могли не выходить отъ времени до времени изъ предѣловъ умѣренности и благоразумія, послѣдствіемъ чего по необходимости являлись кризисы, которые, по невозможности заблаговременно предвидѣть ихъ появленіе и уменьшить ихъ послѣдствія, при отсутствіи сознанія объ ихъ лечебномъ, возстановляющемъ нарушенное равновѣсіе, характерѣ, возбуждали самыя серьёзныя опасенія въ правительствахъ и государственныхъ людяхъ, слѣдившихъ за ходомъ событій.

Россія въ то время оставалась уединенною отъ остальной Европы, не только географическими препятствіями, но и административными мѣрами. Громадное измѣненіе, происходившее въ экономическихъ условіяхъ въ другихъ государствахъ, не могло, конечно, не обращать на себя вниманіе въ Россіи; но такъ какъ измѣненіе это находилось въ связи еще съ другими вышеуказанными причинами, кромѣ успѣховъ техники, и сопровождалось неизбѣжными потрясеніями, то у насъ любили останавливаться преимущественно на бѣдствіяхъ, вызываемыхъ кризисами, и охотно придавали имъ преувеличенное значеніе.

Вслѣдствіе этого, русскіе государственные дѣятели того времени, воспитанные въ понятіяхъ, созданныхъ крѣпостнымъ правомъ, убѣждены были въ незрѣлости для реформъ народовъ вообще, а тѣмъ болѣе русскаго, и не только представляли собою среду недумающую о примѣненіи къ Россіи совершавшихся въ Европѣ реформъ, но и не были въ состояніи достаточно хладнокровно обсудить послѣдствія, которыя неминуемо должны были въ недалекомъ будущемъ произойти для Россіи отъ неподвижности ея хозяйственнаго и административнаго строя.

Препятствовать всякому движенію и нововведенію считалось дѣломъ тѣмъ болѣе необходимымъ, что благотворные результаты, происходящіе отъ реформъ, вводимыхъ въ другихъ государствахъ, отрицались, и явленія, происходившія въ Европѣ, обыкновенно обсуждались у насъ безъ достаточныхъ изслѣдованій, часто для того только, чтобы имѣть случай восхвалять тогдашнее, покрытое тайною и мракомъ и казавшееся по этому крѣпкимъ, состояніе Россіи.

Одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ дѣятелей той эпохи, министръ финансовъ графъ Канкринъ, въ то время, когда въ Россіи, уже съ 1838 года, была открыта для движенія царскосельская желѣзная дорога, и затѣмъ, въ 1842 г., возбужденъ былъ вопросъ о соединеніи двухъ русскихъ столицъ желѣзнымъ путемъ, не сочувствовалъ этому новому предпріятію, и во всеподданнѣйшемъ докладѣ выражалъ мнѣніе, что желѣзныя дороги «усиливаютъ наклонность къ ненужному передвиженію съ мѣста на мѣсто, и безъ того весьма свойственную нашему вѣку, выманивая при этомъ излишнія со стороны публики издержки».

Такое мнѣніе графа Канкрина раздѣлялось большинствомъ лицъ, участвовавшихъ въ особо назначенной, для обсужденія этого предмета, коммиссіи; предпріятіе соединенія Москвы съ С.-Петербургомъ желѣзнымъ путемъ представлялось большинству

невыгоднымъ и вреднымъ, и только по волѣ императора Николая Павловича рѣшено было строить Николаевскую желѣзную дорогу.

Не только желѣзныя дороги, но и стремленія къ учрежденію ассоціацій и компаній на акціяхъ, для осуществленія предпріятій, недоступныхъ одиночнымъ силамъ, не пользовались расположеніемъ графа Канкрина, который постоянно въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ выражалъ мнѣніе, что на таковое слѣдуетъ смотрѣть «болѣе какъ на болѣзнь, нежели какъ на средство, могущее дѣйствительно улучшить нашъ общественный бытъ».

Тѣмъ не менѣе, общее стремленіе къ учрежденію акціонерныхъ обществъ для общественныхъ предпріятій въ Европѣ было столь сильно, что оно не могло не проявиться и въ Россіи.

Но вслѣдствіе ли распоряженій правительства, стѣснявшихъ свободу частной дѣятельности, или же отъ недостатка людей вѣрныхъ и знающихъ, для веденія задуманныхъ, по большей части слишкомъ сложныхъ, техническихъ предпріятій, таковыя имѣли у насъ весьма слабые успѣхи [1]).

Между тѣмъ, къ вышеозначеннымъ могучимъ факторамъ, вызвавшимъ въ Европѣ столь сильное движеніе, прибавился еще одинъ, оцѣнка результатовъ котораго для Россіи, какъ государства земледѣльческаго, должна бы была составлять предметъ серьёзнаго изслѣдованія: повсемѣстнымъ устройствомъ желѣзныхъ дорогъ и улучшеніемъ судоходства создана была возможность усиленнаго переселенія въ плодородныя мѣстности Америки и Австраліи излишка народонаселенія густо заселенныхъ странъ Европы. Открытіе, въ 1848 г., неслыханнаго богатства золотыхъ розсыпей въ Калифорніи и въ 1851 г. еще болѣе обширныхъ австралійскихъ золотоносныхъ рудниковъ усилило переселеніе въ еще болѣе громадныхъ размѣрахъ. Но вскорѣ жадная погоня переселенцевъ за золотомъ уменьшилась, вслѣдствіе дороговизны жизни, доходившей до того, что имъ приходилось расходовать на свое содержаніе почти весь заработокъ, добываемый тяжелымъ, невыносимымъ многими, трудомъ и переселенцы находили болѣе

---

[1]) Приводимъ капиталы акціонерныхъ компаній:

	Учредившихся.	Прекратившихъ дѣйствія и несостоявшихся.
1837 г.	4357 тысячъ руб.	2578 тысячъ руб.
1838 „	4341 „ „	1788 „ „
1839 „	285 „ „	— „ „
1840 „	460 „ „	460 „ „
1841 „	968 „ „	900 „ „
1842 „	70 „ „	70 „ „

выгоднымъ измѣнить свою дѣятельность и обратиться къ обработкѣ плодородныхъ мѣстностей Америки и Австраліи, гдѣ, пользуясь ничѣмъ неограниченною свободою и неизмѣримыми пространствами дѣвственныхъ, богатѣйшихъ земель, усилили съ неимовѣрною быстротою производство земледѣльческихъ продуктовъ. Между тѣмъ происходилъ постоянный приливъ золота изъ Калифорніи и Австраліи въ весьма обширныхъ размѣрахъ; взамѣнъ золота требовались мануфактурные предметы, на потребность золотопромышленниковъ и богатѣвшихъ, вслѣдствіе выгоднаго сбыта земледѣльческихъ продуктовъ и высокой заработной платы, жителей Америки и Австраліи. Въ свою очередь этотъ усиленный отпускъ изъ Европы имѣлъ послѣдствіемъ, что предпріимчивость по всѣмъ отраслямъ промышленности въ Европѣ чрезвычайно усилилась и увеличеніе количества денегъ возвысило стремленіе къ открытіямъ и производительности. Но все это происходило не къ выгодѣ Россіи, такъ какъ земледѣльческими продуктами Америка и Австралія стали снабжать рынки, доселѣ пользовавшіеся преимущественно русскими продуктами [1]).

Слѣдуетъ еще замѣтить, что при этой охватившей міръ лихорадочной дѣятельности, вслѣдствіе своеобразныхъ условій добычи и распространенія новаго золота, въ то же самое время проявляется въ промышленности новое направленіе, а именно стремленіе къ изысканію средствъ для удовлетворенія болѣе утонченныхъ потребностей низшихъ классовъ общества [2]).

Вслѣдствіе этого, всѣ области прикладныхъ наукъ обращаютъ усилія свои къ удешевленію предметовъ потребленія, усовершенствованіемъ производства, посредствомъ утилизаціи многихъ веществъ и остатковъ, которые прежде считались никуда непригодными и уничтожались.

Достигнутые въ этомъ направленіи результаты оказались столь удачными, что многіе жизненные припасы и предметы, которые считались роскошью и производились въ прежнее время только для незначительной части населенія, сдѣлались общедоступными и мало-по-малу, при постепенномъ вздорожаніи труда и земли, этихъ двухъ главныхъ источниковъ заработковъ, вошли въ упо-

---

[1]) Подробныя указанія происшедшихъ въ торговлѣ земледѣльческими продуктами перемѣнъ описаны нами подробно въ 1-й части настоящаго труда („Земледѣліе“) и въ 2-й части („Скотоводство“).

[2]) Вслѣдствіе вздорожанія труда, въ первое время послѣ открытія золотыхъ пріисковъ въ Калифорніи и Австраліи было дѣломъ неслыханнымъ вымыть рубашку, наложить заплату на лопнувшій башмакъ или починить разорванное платье; плата за стирку и починку была столь высока, что равнялась стоимости новой одежды.

требленіе и стали уже потребностію для среднихъ и низшихъ классовъ общества, составляющихъ значительнѣйшую часть населенія государства.

Подъ вліяніемъ усиленнаго потребленія и производства, торговля достигла громадныхъ размѣровъ, причемъ установившіеся центры ея, въ прежнее время расположенные преимущественно вблизи водяныхъ сообщеній, стали отчасти терять свое значеніе вслѣдствіе постоянно расширявшейся сѣти желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, и перемѣщались туда, гдѣ находили болѣе выгодныя условія относительно производства и кредита.

Было естественно, что выгодами громаднаго усиленнаго производства и торговли воспользовались преимущественно тѣ народы, которые были болѣе другихъ предпріимчивы и своимъ развитіемъ болѣе подготовлены къ новому порядку вещей, или которые находились въ столь выгодномъ географическомъ положеніи, что оно давало имъ возможность принять на себя посредничество въ расширяющейся всемірной торговлѣ. Въ такомъ выгодномъ положеніи находились *Англія*, *Бельгія*, *Франція*, *Голландія* и отчасти *Германія*, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ этихъ государствахъ, при развитомъ принципѣ самопомощи и индивидуальной иниціативѣ, благосостояніе народа возрастало и накоплялись матеріальные и умственные капиталы, пропорціонально которымъ росло и могущество этихъ народовъ.

Подвозъ золота изъ Калифорніи и Австраліи за 9 лѣтъ, съ 1848 г. по 1856 г., равнялся 1,253 милл. руб., или около 13% всего запаса золота и серебра, имѣвшагося въ различныхъ формахъ въ Европѣ и Америкѣ. Распредѣленіе этого количества золота сообразовалось съ относительною способностію каждой страны производить товары, годные для вывоза въ тѣ страны, гдѣ производилось добываніе золота, а также вообще годные для всемірнаго рынка. Естественно, что наименьшая доля участія въ выгодахъ, проистекавшихъ отъ этой добычи для капитала и труда, досталась Россіи, промышленность которой не могла удовлетворять даже собственнымъ потребностямъ государства.

Русскіе государственные люди того времени, уединивъ политическую жизнь страны отъ всего прочаго міра и мало обращая вниманія на экономическое состояніе народныхъ массъ, не отдавали себѣ отчета въ этомъ, постоянно возрастающемъ могуществѣ другихъ странъ. Силу государствъ измѣряли только численностію войскъ и забывали, что, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія и военной техники, борьбу народовъ между собою рѣшаютъ и накопленные матеріальные и умственные рессурсы. Вообще

польза, возникающая отъ ускоренія всѣхъ хозяйственныхъ функцій, отрицалась и самымъ очевиднымъ фактамъ благосостоянія и могущества другихъ народовъ придавалось противоположное значеніе.

Такимъ только извращеннымъ толкованіемъ фактовъ можно объяснить, что Россія, которой министры финансовъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, начиная съ графа Канкрина, постоянно, до 1856 года, заявляли, что «финансовая система у насъ должна состоять въ содѣйствіи къ умноженію народнаго богатства, усиленію внутренней производительности и расширенію внѣшнихъ торговыхъ сообщеній, и въ покрытіи государственныхъ расходовъ съ возможно-меньшимъ отягощеніемъ народа», тѣмъ не менѣе оставалась неподвижною и вышеприведенная программа (на которую и въ настоящее время охотно бы можно согласиться) примѣнялась лишь на бумагѣ, т.-е. въ ежегодныхъ оффиціальныхъ отчетахъ.

Для оправданія тогдашней финансовой политики и въ доказательство исполненія вышеуказанной финансовой программы, экономическое положеніе Россіи представлялось, а многимъ, незнакомымъ съ исторіею нашихъ финансовъ, еще и теперь представляется какъ образецъ благоустройства. Дѣйствительно, до крымской войны, если не вникать глубоко въ тогдашнія дѣла, экономическое состояніе государства являлось блестящимъ.

Наружная сторона положенія, дѣйствительно, была блестяща: при размѣнномъ фондѣ въ 149 милл. рублей, и $6^1/_2$ милл. руб. металлическихъ рессурсовъ за границей, сумма кредитныхъ билетовъ составляла всего 348 милл., изъ которыхъ собственно въ обращеніи находилось только 311; при этомъ кредитные билеты ходили, разумѣется, наравнѣ съ металлическими деньгами; средняя цифра привоза за четырехлѣтіе 1850—1853 гг. равнялась цифрѣ вывоза за то же время: 88 милл. руб.; государственныя 6-ти-процентныя бумаги въ 1852 г. стоили 131%, и даже въ 1853 г. упали только на 1%.

По наружности это положеніе, повторимъ, казалось блестящимъ; но оно представляло только миражъ. Какъ бы исправно ни было хозяйство въ уплатахъ по обязательствамъ, оно не находится въ удовлетворительномъ положеніи, если ведется въ ущербъ себѣ; тогда достаточно одного случайнаго кризиса, чтобы и наружныя, показныя цифры смѣнились иными, менѣе благопріятными.

Такъ именно и было въ Россіи того времени. Она никакъ не могла, чтó называется, «сводить концовъ» и постоянно призa-

нимала на годовой обиходъ, несмотря на то, что съ 1831 г. по 1853 годъ, т.-е. въ теченіи 23-хъ лѣтъ, не вела войнъ (за исключеніемъ кратковременной венгерской экспедиціи) и не дѣлала никакихъ производительныхъ затратъ, ни на общеполезныя работы, ни на поднятіе уровня образованности, ни на улучшеніе строя администраціи и суда. Все шло главнымъ образомъ на войско и на проценты по долгамъ; изъ 266 милл. руб. бюджета 1850 года 16,04% шли на долги, 38,73% на военное министерство, 6,73% на морское, такъ что на всѣ прочіе расходы оставалось только 38,50%. Разсчитавъ цифры того же бюджета на единицу населенія, получаемъ, что государство расходовало на 1 душу населенія 4 р. 49 коп., а получало дохода только 3 р. 40 коп. При этомъ изъ 4 р. 49 коп. оно расходовало 2 р. 76 к. на уплату долговъ и военные расходы. Если вычесть эту послѣднюю цифру изъ той, которая представляла обыкновенные доходы на 1 душу населенія, а именно 3 р. 40 к., то увидимъ, что на всѣ остальныя государственныя нужды оставалось всего 64 коп. на жителя [1]).

Несмотря на меньшій размѣръ податей сравнительно съ другими государствами, масса народонаселенія была ими чрезвычайно отягощена.

Высшіе слои общества, такъ называемые привилегированные классы, въ уплатѣ податей почти вовсе не участвовали и вся тяжесть государственныхъ расходовъ лежала на податномъ сословіи, которое было обременено налогами и повинностями до того, что они поглощали весь свободный доходъ, несмотря на крайне бѣдную, многимъ еще памятную, полную лишеній, жизнь его.

Поэтому и недоимки, несмотря на происходившее принудительное взиманіе ихъ хлѣбомъ и другими припасами, на ежегодно почти предпринимаемыя чрезвычайныя и, въ то же время,

[1]) Расходы главнѣйшихъ государствъ того времени на одного жителя были слѣдующіе:

	Населеніе.	Годъ исчисленія насел.	Общіе расходы.	Общіе расходы на жителя.	Долгъ на жителя.	Расходы военнаго и морского министерствъ на жителя.
	Милл.		Милл. руб.	Коп.	Коп.	Коп.
Россія	59,2	1850	266	4,49	0,72	2,04
Великобританія.	27,4	1851	315	11,50	6,35	3,05
Франція . . .	35,4	1848	358	10,12	2,54	2,88
Австрія . . .	36,9	1845	184	4,98	0,97	2,76
Пруссія . . .	16,3	1849	89	5,50	0,48	1,27
Соедин. Штаты.	23,3	1850	76	3,28	0,93	1,58

какъ всѣмъ извѣстно, крутыя мѣры взысканія, помимо частыхъ сложеній манифестами, прогрессивно увеличивались [1]).

Дефициты, съ 1832 по 1852 г., составили 570 милл., несмотря на сдѣланное государственному казначейству облегченіе, посредствомъ переложенія платежей изъ ассигнацій на серебро и списанія таковыхъ на 427 милліоновъ [2]).

Обыкновенные же государственные доходы, съ 1832 по 1852 г., составляли сумму въ 3,609 милл. руб. или были въ среднемъ выводѣ ниже расходовъ на 12,69%. Но въ дѣйствительности расходы превышали доходы еще въ значительнѣйшемъ размѣрѣ, такъ какъ государственныя росписи того времени не давали еще итога всѣхъ расходовъ, какъ это дѣлается въ настоящее время.

Чтобы уменьшить постоянные дефициты, часть расходовъ на государственныя нужды покрывалась займами изъ кредитныхъ учрежденій [3]).

---

[1]) Количество недоимокъ, въ милліонахъ рублей и въ процентномъ отношеніи къ обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ выражается слѣдующими цифрами:

Къ	1831 г.	38,4 милл.	руб.	или	34,24%	Къ	1844 г.	80,1 милл.	руб.	или	43,12%.
„	1832 „	40,5	„	„	31,20%	„	1845 „	85,4	„	„	46,28%
„	1833 „	35,3	„	„	27,83%	„	1846 „	92,0	„	„	48,08%
„	1836 „	51,7	„	„	33,98%	„	1847 „	95,0	„	„	48,53%
„	1837 „	54,3	„	„	35,01%	„	1848 „	97,4	„	„	49,23%
„	1838 „	64,4	„	„	41,08%	„	1849 „	101,5	„	„	51,04%
„	1839 „	71,0	„	„	44,73%	„	1850 „	107,1	„	„	52,95%
„	1840 „	78,4	„	„	50,64%	„	1851 „	110,4	„	„	52,86%
„	1841 „	67,8	„	„	42,45%	„	1852 „	125,3	„	„	56,58%
„	1842 „	71,7	„	„	41,03%	„	1853 „	130,3	„	„	59,58%
„	1843 „	68,5	„	„	38,12%						

[2]) Во время переложенія ассигнацій на серебро, въ обращеніи находилось ассигнацій на 597 милл. руб.; по курсу на серебро онѣ составляли 170 милл. руб.; разность между этими цифрами, 427 милл. руб., и выражаетъ ту сумму долга, отъ которой государство освободилось.

[3]) Если сдѣлать сводъ этихъ позаимствованій съ 1835 по 1852 г., то окажется, что занято 199 милл. руб. сер. на слѣдующія надобности:

На выдачу ссудъ	5,0	милл.	руб.
„ устройство заводовъ	5,4	„	„
„ устройство помѣщеній для госуд. учрежденій	4,4	„	„
„ надобности Высочайшаго двора	17,9	„	„
„ монументальныя постройки	13,0	„	„
„ постройки по морской части	28,0	„	„
„ флотъ	6,6	„	„
„ укрѣпленія	30,9	„	„
„ расходы по военной части	5,2	„	„
„ устройство шоссе	52,4	„	„
„ водяныя сообщенія	12,7	„	„
„ желѣзныя дороги	11,2	„	„
„ почты, телеграфы и особенныя надобности	6,7	„	„

Для покрытія столь значительныхъ дефицитовъ, государство принуждено было не только прибѣгать къ внутреннему и внѣшнему кредиту во всѣхъ его видахъ и формахъ, но и создавать новые чрезвычайные рессурсы, посредствомъ выпуска билетовъ казначейства, контрамарокъ, и т. п. Потребность государственнаго казначейства въ деньгахъ доходила по временамъ до того, что несправедливая, относительно неимущихъ классовъ общества, форма налога, именно систематическая продажа рекрутскихъ квитанцій, возведена была въ постоянную статью росписнаго дохода. Словомъ, государство вело свое хозяйство такимъ образомъ, что оно поглощало всѣ доступные ему рессурсы, не будучи въ состояніи дѣлать затратъ для созданія или усиленія будущихъ источниковъ дохода.

Относительно мнимаго кредита, которымъ пользовались до крымской войны выпущенные кредитные билеты, прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ то время средства обращенія государства, послѣ только что произведенной конверсіи ассигнацій, состояли частію изъ металлическихъ, частію изъ бумажныхъ денегъ, а въ такомъ случаѣ, какъ извѣстно, при невыгодности торговаго баланса или новыхъ выпускахъ бумажныхъ денегъ, превышающихъ потребности совершающихся оборотовъ, прежде всего утекаетъ за границу металлъ и засимъ только, если для бумажныхъ денегъ устанавливается закономъ, какъ это имѣетъ мѣсто у насъ, принудительный нарицательный курсъ, цѣна благородныхъ металловъ и товаровъ должна подняться въ соотвѣтствующей обезцѣненію пропорціи. Кромѣ того, выгодный вексельный курсъ въ 1852 г. вызванъ былъ исключительно значительнымъ чрезвычайнымъ вывозомъ хлѣба изъ Россіи, составлявшимъ въ 1851 г. только 4,730 тыс. четв., и дошедшимъ въ 1852 г. до 7,540 тыс. четв., въ 1853 г.—10,440 тыс. четв.

До того же времени правительство вынуждено было почти постоянно поддерживать вексельные курсы; и для сей цѣли, на сколько возможно безъ огласки, отправлялось золото за границу.

Такимъ образомъ, отправлено въ Англію для поддержанія курсовъ:

Въ 1845 году.	290 пуд. золота.
» 1846 »	146 » »
» 1847 »	1.141,000 руб. сер.
	и 4.120,000 руб. имперіалами.
» 1848 »	6.448,000 » »

И сверхъ того, въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ того же 1848 г. на с.-петербургской биржѣ продано золота 1.406,000 руб. Въ

1849 г. отправлено въ Лондонъ для продажи 250 пуд. золота. Тѣмъ не менѣе въ 1848 г., при первыхъ послѣдовавшихъ въ Европѣ замѣшательствахъ, совершавшійся до того времени размѣнъ долженъ былъ прекратиться и вывозъ изъ Россіи золотой и серебряной монеты воспрещенъ; и только 1 декабря 1849 г. таковой былъ вновь разрѣшенъ. Конечно, финансовая администрація, чтобы маскировать дѣйствительныя причины (невыгодный торговый балансъ и отсутствіе кредита) необходимости пріостановки размѣна, приписала непомѣрное востребованіе звонкой монеты злонамѣреннымъ людямъ, а не непрочности экономическаго строя страны. Но тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ предпринимаемыя для поддержанія вексельныхъ курсовъ мѣры, цѣнность кредитнаго рубля въ международныхъ сдѣлкахъ, опредѣленная по курсу петербургской биржи на Лондонъ, съ 1843 по 1853 г., въ среднемъ выводѣ ни разу не достигала пари [1]). Если разсматривать курсы по мѣсячнымъ періодамъ, то окажется, что лишь съ декабря 1846 года по май 1847 г. и затѣмъ только въ концѣ 1852 и 1853 гг. курсъ стоялъ однимъ до двухъ процентовъ выше пари. Во все остальное время курсъ стоялъ ниже и часто, несмотря на оффиціально производившійся размѣнъ, значительно ниже пари. Такъ, напримѣръ, въ началѣ 1843 г., несмотря на сдѣланную девальвацію съ ассигнаціоннаго обращенія, курсъ стоялъ только около 97 к. метал. за рубль кредитный. Въ 1848 же году курсъ съ $97,_6$ к. въ февралѣ понизился до $90,_5$ коп. въ маѣ и затѣмъ только сталъ возвышаться и поднялся въ августѣ до $96,_5$ коп., чтобы опять понизиться въ маѣ 1849 г. до $93,_6$ к. Замѣчателенъ также курсъ 1853 г., когда въ іюлѣ онъ понизился до $95,_7$ к., чтобы, вслѣдствіе усиленнаго вывоза [2]), въ августѣ повыситься разомъ до $1,_{01}$ к.

---

[1]) Средній годовой курсъ былъ:

въ	1843	году	$97,_2$	коп.
„	1844	„	$98,_5$	„
„	1845	„	$98,_1$	„
„	1846	„	$98,_6$	„
„	1847	„	$99,_5$	„
„	1848	„	$95,_0$	„
„	1849	„	$95,_7$	„
„	1850	„	$98,_7$	„
„	1851	„	$97,_9$	„
„	1852	„	$98,_8$	„
„	1853	„	$99,_8$	„

[2]) Перевѣсъ отпуска надъ привозомъ товаровъ въ 1853 г. составилъ 44 мил. руб., и вслѣдствіе сего перевѣсъ надъ отпускомъ драгоцѣнныхъ металловъ составлялъ 19 милл. Въ 1854 году, въ мартѣ, вывозъ золота былъ воспрещенъ, такъ какъ въ те-

Объ этихъ фактахъ необходимо напомнить, такъ какъ въ нынѣшнемъ обществѣ довольно распространено мнѣніе, что разницы между металлической и бумажной валютой до крымской войны не существовало.

Равновѣсіе въ нашемъ товарномъ балансѣ, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ курсовъ, было также фиктивно, какъ и кредитъ. Цифра ввоза къ намъ товаровъ изъ-за границы была показываема значительно ниже дѣйствительной. При огромномъ протяженіи нашей сухопутной границы, при ничтожномъ, далеко недостаточномъ даже для пропитанія, вознагражденіи служащихъ таможеннаго вѣдомства и пограничной стражи, съ давнихъ временъ непомѣрно развилась контрабанда, и контрабандный торгъ при самыхъ таможенныхъ учрежденіяхъ былъ въ то время явленіемъ никого не поражавшимъ.

Вслѣдствіе такого положенія, сдѣлать правильную оцѣнку ввоза того времени представляется невозможнымъ. Но, что̀ всего важнѣе, привозъ, какъ это покажемъ ниже, при сравненіи внѣшней торговли прошлаго времени съ настоящимъ, состоялъ преимущественно изъ предметовъ непроизводительнаго потребленія и то для однихъ почти привилегированныхъ классовъ.

Отечественная промышленность и торговля находились въ полномъ застоѣ. Фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ находилось въ 1852 году всего 10,126, на которыхъ имѣли занятіе 465,016 мастеровыхъ, и ими выдѣлывалось разныхъ предметовъ всего на 159.380,000 руб.; торговое сословіе состояло только изъ 47,028 купцовъ, 35 иностранныхъ гостей, 14,158 прикащиковъ и 7,450 торгующихъ крестьянъ, съ объявленными капиталами въ 134.220,000 р.

Такимъ образомъ, государственное управленіе жило въ самообольщеніи относительно экономическихъ рессурсовъ страны до тѣхъ поръ, пока крымская война не доказала всю несостоятельность нашего государственнаго строя.

II.

Послѣдствія крымской кампаніи и реформъ до кризиса 1866 г.

Восточная война довершила произведенное прежнимъ образомъ дѣйствій разстройство народнаго хозяйства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показала администраціи и обществу всѣ пагубныя послѣдствія, происходящія отъ принятой системы управленія.

ченія первыхъ двухъ мѣсяцевъ отправлено за границу драгоцѣнныхъ металловъ на 5.698,000 руб.

Вновь образовавшіеся дефициты съ 1853 по 1856 годъ составили громадную сумму въ 701 мил. руб. [1]), и для покрытія таковыхъ государственное казначейство вынуждено было прибѣгнуть къ займамъ:

внѣшнимъ на	83.792,000 р.
изъ кредитныхъ установленій на	188.597,000 »
изъ оборотнаго капитала коммиссіи погашенія долговъ	8.757,000 »
и къ выпускамъ:	
билетовъ государственнаго казначейства на	30.000,000 »
и кредитныхъ билетовъ на	390.867,000 »

Страна была истощена войною; всѣ податныя недоимки пришлось сложить, за исключеніемъ одного годового оклада (манифестъ 27 марта 1855 г.). Въ 1855 г. недоборъ въ однѣхъ податяхъ увеличился противъ 1854 г. на около $10^1/_2$ милл. руб. А между тѣмъ, уяснилась необходимость перевооруженія арміи и преобразованія ея управленія.

И дѣйствительно, на военное и морское вѣдомства въ 1857 году предположено было израсходовать 117 мил. р. Чтобы составить себѣ понятіе, насколько велика была эта сумма для тогдашнихъ обстоятельствъ, достаточно указать на то, что, за уплатою по государственнымъ займамъ, весь обыкновенный доходъ составлялъ только 158 милл., такъ что на всѣ прочія государственныя надобности оставалось всего 41 мил. р.

Но и эти суммы на военныя издержки оказываются недостаточными. Военное вѣдомство требовало усиленія средствъ, между тѣмъ какъ финансовая администрація прямо указывала на невозможность добывать ихъ долѣе посредствомъ выпуска кредитныхъ билетовъ, такъ какъ, вслѣдствіе прежнихъ чрезмѣрныхъ выпусковъ, установился лажъ на золото и серебро столь высокій, что металлическія деньги до самыхъ мелкихъ монетъ включительно стали утекать изъ страны. Въ 1855 году средняя годовая цѣнность кредитнаго рубля, составлявшая $93,_8$ коп., въ мартѣ и октябрѣ понижалась до $90,_6$ коп.

Засимъ, въ 1856 году, за окончаніемъ войны, вслѣдствіе усиленнаго вывоза нагромоздившихся продуктовъ, вексельный курсъ улучшается и валюта доходитъ до пари. Но такое улучшеніе не держится долго. Къ концу 1857 года курсъ опять понижается, такъ что цѣнность нашего кредитнаго рубля составляетъ всего

---

[1]) На военныя чрезвычайныя издержки 1855—1856 годовъ исчислено къ отпуску всего 394.749,979 рублей.

$90,_2$ коп., и, послѣ незначительныхъ колебаній, въ маѣ 1859 г. доходитъ до $83,_4$ к.

Чтобы остановить угрожавшее еще болѣе значительное паденіе курсовъ, могущее вызвать опасный кризисъ, правительство не останавливалось передъ тяжелыми жертвами и дѣлало всевозможныя усилія. Для этой цѣли въ 1855 г. былъ заключенъ 5% VI внѣшній заемъ въ 50 милл. руб., изъ которыхъ въ 1856 году употреблено было на поддержаніе курсовъ 19.843,000 руб.; затѣмъ, 12 апрѣля 1857 г. разрѣшенъ былъ воспрещенный до того времени вывозъ золота и 19 того же мѣсяца сдѣлана попытка возстановить размѣнъ. Но требованіе на золото было столь велико, что, несмотря на стѣснительныя мѣры, установленныя при размѣнѣ, до 5 мая выдано 3 милл. руб., вслѣдствіе чего размѣнъ уже не частными стѣснительными мѣрами, но оффиціально долженъ былъ быть ограниченъ. Но, чтобы не вызвать слишкомъ сильнаго паденія курсовъ, которое легко было предвидѣть, съ 10 мая началась продажа золота на биржѣ за счетъ правительства. Съ 2 августа по 8 ноября продано 1.200,000 полуимперіаловъ, съ 8 ноября еще 1.000,000 полуимперіаловъ; но, тѣмъ не менѣе, многія требованія оставались еще неудовлетворенными. Наконецъ, 22 ноября 1857 г. получило утвержденіе постановленіе финансоваго комитета, не допускать упадка вексельныхъ курсовъ на с.-петербургской биржѣ ниже 360 сантимовъ за кредитный рубль. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ предпринятыхъ мѣръ, дальнѣйшее паденіе курса въ 1857 г. и было дѣйствительно временно остановлено.

Чтобы возстановить потрясенное довѣріе, прежде всего представлялась необходимость возстановить равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ.

Съ цѣлью изысканія мѣръ, которыя бы могли поставить государственные доходы и расходы въ соразмѣрность и вообще вывести Россію изъ столь критическаго финансоваго положенія, и образованъ былъ, по высочайшему повелѣнію, въ 1857 г. особый комитетъ; но таковой, послѣ тщательнаго разбора всѣхъ рессурсовъ государства, пришелъ къ убѣжденію, *что усиленіе старыхъ или установленіе новыхъ налоговъ, въ виду бѣдственнаго состоянія края, не привело бы къ желаемой цѣли,* и что единственнымъ средствомъ къ уменьшенію дефицита оставалось сокращеніе расходовъ, особенно на военное дѣло, принимавшихъ ужасающіе размѣры, вслѣдствіе требованій сверсмѣтныхъ ассигновокъ, которыя разрѣшались особыми высочайшими повелѣніями или основывались на законоположеніяхъ, не всегда согласованныхъ съ

дѣйствительными потребностями. По заявленію комитета, оцѣнить необходимость требуемыхъ суммъ и цѣлесообразность дѣлаемыхъ военнымъ и морскимъ министерствами расходовъ, вслѣдствіе вышеуказанныхъ недостатковъ принятой системы, оказывалось невозможнымъ.

Вслѣдствіе такого заявленія комитета, для спеціальнаго изслѣдованія возможности уменьшить расходы на военное дѣло, по высочайшему повелѣнію, изъ членовъ комитета генералъ-адъютанта князя Меньшикова, князя Горчакова и Анненкова образована была, 9 апрѣля 1857 г., особая субъ-коммиссія.

По остальнымъ же министерствамъ и управленіямъ комитетъ, по принятому обычаю прошлаго, приведшаго Россію до столь плачевнаго состоянія, гораздо менѣе стѣснялся и, дабы воспрепятствовать дальнѣйшему возрастанію расходовъ, безъ вниманія на послѣдствія для будущности, опредѣлилъ нормальныя предѣльныя цифры на три года, на основаніи данныхъ средняго расхода десятилѣтней сложности, уменьшивъ таковыя еще отъ 2% до 3% по каждому вѣдомству.

Такимъ образомъ, нормальная сумма для министерствъ и управленій, кромѣ военнаго и морского министерствъ, расходы которыхъ, несмотря на труды вышеупомянутой субъ-коммиссіи, могли быть только незначительно сокращены, опредѣлена была въ 65.828,000 р.

Тѣмъ не менѣе, помимо этой, очевидно въ ущербъ будущаго развитія государства предпринятой, мѣры сокращенія расходовъ собственно производительныхъ (на администрацію, образованіе, юстицію и т. п.), дефициты далеко не уничтожились и составляли:

въ 1857 г. 38,4 милл.
» 1858 г. 15,9 »
» 1859 г. 5,8 »

Для покрытія этихъ дефицитовъ, въ виду упадка внѣшняго кредита, тогдашней финансовой администраціи, послѣ новаго выпуска кредитныхъ билетовъ на 12.000,000 р. и выпуска билетовъ государственнаго казначейства на 6.000,000 р. (въ 1857 г.), не оставалось ничего болѣе, какъ вновь обратиться, по примѣру прошлаго, къ позаимствованіямъ изъ вкладовъ сохранныхъ казенъ и заемнаго банка. Но источникъ этотъ въ скоромъ времени иссякъ не только вслѣдствіе предпринятыхъ финансовой администраціей ошибочныхъ, не соотвѣтствовавшихъ тогдашнему положенію нашего кредита, мѣръ, но и въ то же время, подвергъ состоятельность государства не малозначительному риску.

Въ виду особаго значенія, которое имѣли предпринимаемыя въ то время мѣры для будущей финансовой политики, необходимо на нихъ нѣсколько болѣе остановиться.

Какъ извѣстно, кредитныя установленія, дѣйствовавшія въ Россіи до банковой реформы 1860 г., дѣлились на занимавшіяся операціями исключительно государственнаго кредита (ассигнаціонный банкъ, коммиссія погашенія долговъ) и банки, предназначенные преимущественно для частнаго, краткосрочнаго кредита (коммерческій банкъ и ссудныя казны) и для долгосрочнаго, такъ-называемаго, ипотечнаго кредита (сохранныя казны, приказы и заемный банкъ). Банки для краткосрочнаго кредита, по незначительности производимыхъ операцій, вслѣдствіе слабаго развитія торговли и промышленности, занимали второстепенное мѣсто, и для помѣщенія принимаемыхъ кредитными установленіями вкладовъ до востребованія, за которые платили до 1830 г. 5%, а съ 1830 по 1857 г. 4%, оставались только операціи выдачи ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ или на надобности государственнаго казначейства.

Денежное обращеніе сверхъ потребностей страны производило такой приливъ въ банковыя кассы бумажноденежныхъ капиталовъ, что они превосходили потребности, и банки часто несли потери отъ невозможности помѣстить таковые, такъ какъ выдача ссудъ подъ недвижимости, по причинѣ нахожденія большей уже части оныхъ въ залогѣ, постепенно сокращалась.

При такомъ положеніи правительство считало себя въ правѣ пользоваться свободными капиталами, не справляясь съ ихъ характеромъ, въ столь широкихъ размѣрахъ, что къ разбираемому здѣсь 1857 году оно задолжало этимъ кредитнымъ учрежденіямъ 553 мил. р. сер., употребленныхъ на покрытіе дефицитовъ и на общественныя надобности.

Изъ занятой суммы 553 милл. руб. проценты на 43 милл. руб. уплачивались изъ особыхъ спеціальныхъ источниковъ вѣдомствъ, на 80 милл. руб., занятыхъ на шоссейныя работы, уплачивались изъ земскихъ сборовъ, такъ что на государственномъ казначействѣ лежала обязанность уплачивать проценты и погашеніе съ суммы 428 м. руб., которые составляли ежегодно 30.538 тыс. руб.

Для уменьшенія столь обременительной для государственнаго бюджета суммы платежей, финансовой администраціей придумано было произвести переложеніе займовъ на 56 лѣтъ, съ пониженіемъ платежа процентовъ до 4% и погашенія до $^1/_2$%. Такой пересрочкой займовъ предполагалось достичь сбереженія въ расходахъ ежегодно на 11.708,072 руб. и будущимъ предполагав-

шимся займамъ [1]), постановлено производить уплату процентовъ въ размѣрѣ 4%, а не 5%, какъ было до того времени.

Естественно, что возможность пониженія процентовъ по столь значительнымъ ссудамъ, сдѣланнымъ правительству, могла получиться не иначе, какъ чрезъ пониженіе процентовъ, платимыхъ кредитными учрежденіями по вкладамъ. Этому-то опасному пути рѣшилась слѣдовать финансовая администрація того времени, предполагая, что пониженіе процентовъ отъ вкладовъ не повлечетъ за собою, при тогдашнихъ условіяхъ денежнаго обращенія, вредныхъ послѣдствій. Но предположенія не сбылись.

Вслѣдствіе пониженія размѣра процентовъ, сперва до 4-хъ, потомъ до 3-хъ и, наконецъ, до 2-хъ процентовъ въ годъ, сумма вкладовъ въ сохранныхъ казнахъ и банкахъ неожиданно быстро уменьшилась. Въ 1858 году (несмотря на послѣдовавшее уже пониженіе процента до 3-хъ) вкладовъ было еще на 967 милл., а къ 22 іюля 1860 г. (вслѣдствіе пониженія до 2%) сумма вкладовъ уменьшилась съ 1 января 1859 г. на 580.210,000 р., такъ-что къ этому времени оставалось таковыхъ, за сложеніемъ нѣкоторыхъ суммъ, всего 338.572,000 р. Но для безостановочнаго удовлетворенія вкладчиковъ столь громадными суммами и для удержанія банковъ отъ ежедневно угрожавшей имъ несостоятельности, оказалось необходимымъ пріостановить выдачу подъ недвижимости, сдѣлать выпускъ 5% банковыхъ билетовъ и 4% непрерывно-доходныхъ билетовъ коммиссіи погашенія долговъ, съ обязательнымъ обмѣномъ на таковые общественныхъ и сословныхъ вкладовъ. За недостаточностію и этихъ мѣръ для удовлетворенія вкладчиковъ за неимѣніемъ другихъ источниковъ, пришлось вновь прибѣгнуть къ выпуску кредитныхъ билетовъ, несмотря на то, что пагубное вліяніе чрезмѣрнаго обращенія таковыхъ на государственное хозяйство стало уже яснымъ.

Выпускъ кредитныхъ билетовъ на 390.867,000 р., который правительство вынуждено было сдѣлать во время восточной войны, при обѣднѣніи страны, вслѣдствіе пріостановленія производства съ одновременнымъ непроизводительнымъ потребленіемъ умственныхъ и матеріальныхъ средствъ для военныхъ цѣлей [2]), былъ причиной того, что въ странѣ возникло бумажное денежное обра-

[1]) Въ какой степени финансовая администрація не предусмотрѣла послѣдствій пониженія процентовъ отъ вкладовъ, можетъ доказать то обстоятельство, что въ 1857 г. ею предполагалось занять вновь 46.752,000 р., а въ 1858 году 13.391.000 руб.

[2]) В. Безобразовъ, въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи: „Денежное обращеніе“, оцѣниваетъ потери государства, вызванныя восточной войной, въ милліардъ рублей.

щеніе свыше потребностей, которое, въ свою очередь, вызвало самыя серьёзныя потрясенія государственнаго кредита и народнаго хозяйства.

Насильственное изгнаніе вкладовъ изъ банковъ, которые служили, такъ-сказать, резервуаромъ для излишка выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, не могло не усилить этихъ потрясеній.

Съ появленіемъ въ обращеніи хранившихся вкладовъ, кредитные билеты, переполнивъ денежный рынокъ, подняли цѣну всѣхъ вообще движимостей и возбудили разнаго рода предпріятія и спекуляціи, въ значительной степени рискованныя, результаты коихъ вскорѣ оказались неудачными, частію вслѣдствіе скоро возбудившейся недовѣрчивости публики, ко вреду предпринятыхъ даже солидныхъ и истинно полезныхъ предпріятій, а главное — отъ недостатка людей вѣрныхъ и спеціально подготовленныхъ.

Дальнѣйшимъ неминуемымъ послѣдствіемъ изгнанія вкладовъ изъ кредитныхъ установленій было то, что владѣльцы кредитныхъ билетовъ, получаемыхъ изъ кредитныхъ установленій, какъ возвратъ вкладовъ, должны были обратиться къ покупкѣ процентныхъ бумагъ, которыя чрезъ усиленный спросъ непомѣрно поднялись въ цѣнѣ. Заемъ 6%, котировавшійся на с.-петербургской биржѣ въ февралѣ 1857 г. по $119^3/_4$%, къ концу года дошелъ до $133^3/_8$%, затѣмъ въ декабрѣ 1858 г. повысился до $136^1/_2$%; 5% заемъ, стоявшій въ февралѣ 1857 года 102%, къ концу 1858 г. достигъ 115%.

Такимъ значительнымъ повышеніемъ, несоразмѣрнымъ съ курсомъ процентныхъ бумагъ въ другихъ государствахъ, должны были воспользоваться иностранные капиталисты, которые, въ виду постоянныхъ дефицитовъ и дѣлаемыхъ правительствомъ, для покрытія ихъ, новыхъ займовъ, потерявъ довѣріе къ кредиту государства, и будучи сами стѣснены, вслѣдствіе разразившагося въ Англіи, Германіи и другихъ государствахъ всѣмъ памятнаго финансоваго кризиса 1857 года, стали высылать къ намъ бумаги на продажу въ значительномъ количествѣ, требуя взамѣнъ высылки столь же значительнаго количества звонкой монеты. Финансовая администрація, сознавая свою ошибку, старалась воспрепятствовать этому движенію посредствомъ уменьшенія выгодности операцій высылки фондовъ нашихъ изъ-за границы. Для этой цѣли она старалась уронить курсъ нашихъ фондовъ и сама являлась продавцомъ изъ размѣннаго фонда 4% облигацій на 5 милл. руб. Но усилія финансовой администраціи въ этомъ направленіи остались тщетными. Требованіе звонкой монеты для высылки за границу усиливалось постоянно, и для поддержанія вексельныхъ курсовъ, пре-

дѣлъ паденія которыхъ трудно было предвидѣть, правительство изъ размѣннаго фонда должно было продолжать продавать золото. Усилія къ искусственному поддержанію курсовъ, какъ уже показано выше,—вещь у насъ не новая. Но въ виду однородной операціи прошедшаго года, не лишне будетъ привесть точныя цифры, въ которыхъ выразились мѣры, принятыя съ той же цѣлью въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ. Въ 1858 г. выдано золота на 12.875,000 руб., въ 1859 г. на 29.006,018 руб. и въ 1860 г. на 14.057,880 руб. Вслѣдствіе сего, средній курсъ, который за 1858 г., какъ видно изъ таблицы курсовъ, составлялъ 93,14 коп. металл. за кред. рубль, а въ маѣ 1859 г. понизился до 83,47 коп., повышается, такъ что средній годовой курсъ 1859 г. составлялъ 90,57 коп. Засимъ въ 1860 г. курсъ держался довольно ровно, такъ что въ среднемъ выводѣ составлялъ 92,51 коп., но затѣмъ, въ февралѣ 1861 г., какъ только поддержка курса правительствомъ пріостановилась, онъ понизился до 84,39 коп. Въ мартѣ мѣсяцѣ того же года курсъ нѣсколько поправляется и доходитъ до 89,2 коп. Съ апрѣля 1861 г. вексельный курсъ улучшается, но это улучшеніе достигается тяжелыми жертвами со стороны правительства. Въ теченіи 1861 г. на операцію поддержанія вексельнаго курса употреблено 20.672,000 руб. и, сверхъ того, выдано 11.170,000 руб. частнымъ лицамъ и казеннымъ мѣстамъ. Но, кромѣ этого, правительство, для той же цѣли поддержанія курса, принимаетъ на себя арбитражныя операціи и, конечно, нельзя предположить, что съ выгодою. Въ теченіи 1861 г. финансовая администрація трассировала на иностранные рынки 35.615,000 руб., а обратно пріобрѣла купленными въ Россіи векселями 14.942,000 руб.

Къ причинамъ, вызвавшимъ вывозъ золота за границу, слѣдуетъ отнести, кромѣ усиленной высылки къ намъ фондовъ заграничными денежными рынками, о которой было упомянуто выше, еще нѣсколько другихъ обстоятельствъ. Выдачею концессій, на устройство 4,000-верстной сѣти желѣзныхъ дорогъ, весьма сильному консорціуму иностранныхъ банкировъ, образовавшему Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, правительство предполагало привлечь къ намъ капиталы заграничныхъ рынковъ. Между тѣмъ, изгнаніе вкладовъ изъ банковъ, создавъ чрезмѣрное повышеніе нашихъ фондовъ, заставило владѣльцевъ кредитныхъ билетовъ обратиться къ покупкѣ выпускавшихся Главнымъ Обществомъ акцій и облигацій; на бумаги эти образовалась премія, которою воспользовались учредители, пріобрѣвшіе

часть акцій и облигацій по номинальной цѣнѣ, для сбыта таковыхъ въ Россіи.

Смѣло можно утверждать, что выпущенныя Главнымъ Обществомъ бумаги почти цѣликомъ были распроданы въ Россіи, и стали серьёзно помѣщаться за границей только впослѣдствіи, когда, вслѣдствіе разразившагося у насъ кризиса, цѣна таковыхъ значительно понизилась. Въ 1858 году выдана была также концессія на риго-динабургскую дорогу съ правительственной $4^1/_2\%$ гарантіей, и выпущенныя Обществомъ акціи помѣщались на нашихъ внутреннихъ денежныхъ рынкахъ также съ преміей [1]).

Между тѣмъ, для постройки желѣзныхъ дорогъ требовалась высылка за границу значительныхъ капиталовъ, такъ какъ руководившіе дѣломъ постройки дорогъ Главнаго Общества французскіе инженеры, а риго-динабургской—англійскіе инженеры считали необходимымъ все, что только оказалось возможнымъ, изъ матеріаловъ и рабочей силы выписывать изъ-за границы.

Введеніе крестьянской реформы имѣло также немаловажное вліяніе на увеличеніе вывоза отъ насъ золота. Многіе изъ состоятельнѣйшихъ помѣщиковъ считали мѣру эту столь опасною для экономическаго быта страны, что стремились свои свободные капиталы помѣщать въ бумагахъ, не находившихся въ зависимости отъ государственнаго кредита. Опасенія эти были до того сильны, что нѣкоторые землевладѣльцы закладывали свои имущества, чтобы получить лишь возможность помѣстить полученный капиталъ внѣ государства.

Не менѣе вредное вліяніе на курсъ оказывало также неблагопріятное отношеніе вывоза къ ввозу къ намъ изъ-за границы разныхъ предметовъ потребленія категоріи роскоши, на которое будетъ указано впослѣдствіи, при сравненіи внѣшней торговли прошлаго съ настоящимъ.

Такое положеніе дѣлъ, при усиленномъ трассированіи векселей для снабженія множества лицъ, не примирившихся еще съ новымъ порядкомъ вещей и посему удалявшихся изъ Россіи въ чужіе края, понизило цѣнность нашего бумажнаго рубля въ началѣ 1862 года до 85,5 коп. и вызвало повсемѣстный недостатокъ звонкой, даже мѣдной монеты, которая, при тяжеловѣсности своей и тогдашнемъ курсѣ, съ выгодою переводилась за границу. Постоянныя колебанія, вызванныя искусственнымъ поддер-

---

[1]) Въ 1858 и 1859 гг. на акціи платилась премія отъ 4-хъ до 8-ми рублей на штуку, и затѣмъ только въ 1860 году акціи понизились въ августѣ и сентябрѣ на $5^1/_2$ руб., а въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ на 10 руб. на штуку ниже номинальной цѣны.

живаніемъ курсовъ правительствомъ и бумажно-денежное обращеніе свыше потребностей, произвели возвышеніе цѣнъ на всѣ произведенія и необезпеченность торговыхъ сдѣлокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсненіе частнаго и государственнаго кредита и застой торговыхъ оборотовъ.

Однимъ словомъ, всѣ бѣдствія, проистекающія отъ разстройства нашей финансовой системы, все болѣе и болѣе давали себя чувствовать, такъ-что у правительства естественно возникла мысль загладить послѣдствія войны и возстановить въ странѣ металлическое денежное обращеніе, существовавшее до крымской кампаніи.

Для подкрѣпленія размѣннаго фонда были заключены въ 1859 и 1860 годахъ два внѣшнихъ займа, доставившихъ въ дѣйствительности: первый — 29.869,870 руб., второй — 38.144,884 руб., и произведенъ былъ въ 1860 г. выпускъ 4% металлическихъ билетовъ на 60 милл. руб. Затѣмъ, въ 1862 г. заключенъ съ той же цѣлью еще внѣшній заемъ (подъ названіемъ седьмого), который доставилъ 88.465,545 рублей. Когда размѣнный фондъ былъ столь значительно подкрѣпленъ, то съ 1-го мая 1862 г. былъ открытъ размѣнъ въ банкѣ кредитныхъ билетовъ по 570 коп. за имперіалъ и 110½ коп. за серебряный рубль, согласно тогдашнему биржевому курсу, причемъ назначены были мѣсячные сроки для постепеннаго уравненія уплаты металломъ съ нарицательной стоимостью кредитнаго рубля.

Сумма выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ къ 1-му мая 1862 года простиралась до 722 милл. рублей. Съ открытія размѣна 1-го мая 1862 г. по 31-ое декабря того же года, изъ размѣнной кассы было выдано золота около 24¾ милл. руб., а поступило около 8-ми милл., такъ что разница, т.-е. излишекъ выдачи составилъ, въ точной цифрѣ, 16.780,591 рубль.

Но въ 1863 году картина измѣнилась. Постепенное возвышеніе цѣны кредитнаго рубля въ опредѣленные сроки вызвало спекуляцію; подъ вліяніемъ какъ ея, такъ и политическихъ осложненій, вызванныхъ польскимъ возстаніемъ, начался усиленный отливъ золотой монеты. Такъ, напримѣръ, въ теченіи одного мая 1863 года выдано было слишкомъ на 10¼ милл. руб. болѣе, чѣмъ поступило. Замѣчательно, что въ іюнѣ, т.-е. въ то время, когда на европейскихъ биржахъ распространился слухъ, что Россія принимаетъ предложенія западныхъ державъ, излишекъ выдачи золота вдругъ упалъ съ 10-ти слишкомъ до двухъ слишкомъ милл. рублей. Но болѣе всего на неблагопріятный ходъ размѣнной операціи имѣло вліяніе — недовѣріе къ возможности долго поддерживать ее, такъ

какъ къ 1-му января 1863 года находились еще въ обращеніи 698,9 милл. кредитныхъ билетовъ. Чтобы уменьшить возроставшее востребованіе звонкой монеты, банкъ съ 6-го августа сталъ выдавать только серебро, но не золото. Востребованіе, дѣйствительно, уменьшилось, но за то операціи банка по трассированію такъ усилились, что достигли скоро суммы 29 милл. 600 тыс. рублей. При такихъ усиліяхъ къ продолженію размѣна, средняя стоимость кредитнаго рубля съ января по ноябрь довольно правильно поднималась съ 93,1 до 98,2.

Но политическое положеніе не улучшилось, и финансовыя обстоятельства на всѣхъ биржахъ Европы принимали даже угрожающій характеръ. Банки французскій, англійскій и германскіе прибѣгали, для огражденія себя отъ востребованій звонкой монеты, къ возвышенію учета. Къ концу 1863 г. положеніе всѣхъ финансовыхъ дѣлъ еще ухудшилось, вслѣдствіе рѣчи, произнесенной императоромъ Наполеономъ 5-го ноября н. с., при открытіи законодательнаго собранія, принятой всѣми биржами и въ особенности германскими за предвѣстника—если не прямо войны, то продолжительныхъ политическихъ компликацій, сопряженныхъ съ разорительными для Россіи вооруженіями и нескончаемыми тревогами. Эти опасенія отразились и на с.-петербургской биржѣ, на которой съ 29-го октября началась паника; хотя курсы и были поддержаны банкомъ почти на прежней высотѣ посредствомъ значительнаго трассированія, но всѣмъ стало ясно, что истощеніе металлическаго фонда, въ то время болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимаго на случай войны, было уже весьма недалекимъ. Вслѣдъ затѣмъ стали поступать извѣстія, болѣе и болѣе для Россіи невыгодныя: въ Берлинѣ и Лондонѣ какъ фонды наши, такъ и курсъ нашей валюты, внезапно и значительно упали. На с.-петербургской биржѣ 5% государственные фонды, стоявшіе въ началѣ 1862 года $104^3/_4$% и въ январѣ 1863 года котировавшіеся еще $99^1/_8$%, въ ноябрѣ мѣсяцѣ упали до $89^3/_4$%.

Наконецъ, на послѣдующей за 29 октября биржѣ 1-го ноября, несмотря на продолжавшіяся значительныя усилія банка, вексельные курсы тѣмъ не менѣе упали на семь слишкомъ процентовъ. При такомъ положеніи, дальнѣйшее продолженіе размѣна, очевидно, становилось невозможнымъ, и $^5/_{17}$ ноября 1863 г. размѣнъ былъ пріостановленъ.

Описавъ исторію предпринятой операціи размѣна 1862 и 1863 г., имѣющей для нашего настоящаго положенія особый интересъ, разсмотримъ еще послѣдствія таковой.

Первымъ конечнымъ послѣдствіемъ пріостановленія размѣна

оказалось постепенное пониженіе цѣнности кредитнаго рубля; въ ноябрѣ средній курсъ былъ 92,3, и въ октябрѣ 1864 г. уже только 77,3 и затѣмъ, когда политическій горизонтъ совершенно выяснился, тогда только наступила реакція и курсъ сталъ мало-по-малу улучшаться и составлялъ въ ноябрѣ 80,8 въ декабрѣ 80,5.

Такимъ образомъ, исходъ предпринятой реформы возстановленія, по номинальному достоинству бумажнаго обращенія, металлической валюты оказался неудачнымъ, и государство, не укрѣпивъ цѣнности кредитныхъ билетовъ, понесло, вслѣдствіе увѣнчавшихся успѣхами дѣйствій спекуляціи и заключенныхъ внѣшнихъ обременительныхъ займовъ, значительные убытки.

Тѣмъ не менѣе, чтобы быть справедливымъ въ сужденіи о вышеописанной попыткѣ возстановить въ странѣ металлическое обращеніе, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, до какихъ размѣровъ понизился бы нашъ вексельный курсъ, если бы правительство вовсе не дѣлало усилій для поддержанія его и для уменьшенія количества находящихся въ обращеніи кредитныхъ билетовъ. Достаточно будетъ напомнить, что въ 1802 г. при ассигнаціонномъ обращеніи въ 230½ м. р. цѣна кредитнаго рубля въ металлическихъ копѣйкахъ были 78 коп., а въ 1814 г. при обращеніи въ 798 м. р. цѣна кредитнаго рубля была 32 коп., въ 1816 г. при обращеніи въ 851½ м. р. цѣна кредитнаго рубля была 26 коп.; она возвратилась еще и въ 1820 году, несмотря на то, что обращеніе составляло уже только 685 м. р.

Конечно, въ виду все-таки къ лучшему измѣнившихся условій производства и увеличенія торговыхъ оборотовъ, было бы слишкомъ смѣло утверждать, что размѣръ паденія курса могъ быть столь же значительнымъ послѣ крымской войны, какъ былъ послѣ Наполеоновскихъ войнъ; но тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію, что, при упадкѣ кредита, при грозныхъ политическихъ обстоятельствахъ, внѣшней задолженности, уменьшенной производительности и другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, паденіе курсовъ могло быть весьма значительно и потрясенія, вызванныя этимъ, вѣроятно, также недешево обошлись бы государству.

Но, въ виду ясно представлявшейся невозможности возстановить равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ, принятіе столь рѣшительной мѣры было по крайней мѣрѣ сдѣлано слишкомъ рано и во всякомъ случаѣ, кажется, было бы правильнѣе со стороны финансовой администраціи не принимать обязательства къ столь быстрому возстановленію размѣна по номинальному достоинству. Если бы финансовая администрація устремила свои дѣйствія лишь къ тому, чтобы колебанія курса, составляющія

еще бо́льшее зло, чѣмъ его ухудшеніе, не были столь рѣзки, по всему вѣроятію, результаты въ такомъ случаѣ были бы гораздо благопріятнѣе, чѣмъ тѣ, которые оказались на дѣлѣ и были описаны выше, такъ какъ размѣнный фондъ къ 1-му января 1864 г. уменьшился до 68,5 милл. руб., а кредитныхъ билетовъ въ обращеніи находилось 627,4 милл. руб., представлявшихъ, при тогдашнихъ стѣсненныхъ оборотахъ, массу слишкомъ значительную для удовлетворенія потребностямъ страны.

Со времени открытія въ государственномъ банкѣ размѣна, съ 1-го мая 1862 г. по 1-е ноября 1863 г. поступило въ кассу банка, въ обмѣнъ на звонкую монету, 72.615,427 руб. кредитными билетами; изъ этого числа билетовъ въ іюнѣ 1863 г. сожжено на 45.577,662 р.; остальные затѣмъ кредитные билеты на 27.327,865 р. хранились въ государственномъ банкѣ; впослѣдствіи часть ихъ была выпущена вновь въ обращеніе, ибо къ 1-му января 1866 г. кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи 634,1 мил. [1]).

Не только описанное разстройство финансовой системы, но и тяжелые опыты, вынесенные изъ крымской кампаніи, убѣждали въ отсталости и несостоятельности заведеннаго государственнаго строя и доказывали необходимость употребить всѣ силы къ радикальному измѣненію финансовой и административной системъ, доведшихъ государство до такого бѣдственнаго положенія, и къ прінсканію средствъ къ постепенному умноженію умственныхъ и матеріальныхъ капиталовъ, не отдѣльныхъ только лицъ или сословій на счетъ народнаго труда, но цѣлой страны, усиленіемъ внутренней производительности ея и распространеніемъ образованія.

---

[1]) Въ публикѣ распространилось въ то время мнѣніе, что пріостановленію размѣна и пониженію курса способствовала также значительная поддѣлка кредитныхъ билетовъ и распространеніе таковыхъ агентами польскаго возстанія. Мнѣніе это, однако, оказывается неосновательнымъ, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ. Со времени появленія фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ по 1-е января 1864 г. поступило оныхъ въ экспедицію кредитныхъ билетовъ и государственный банкъ:

1	рублеваго достоинства	1,578	листовъ на	1,578	руб.
3	„	7,685	„	23,025	„
5	„	7,983	„	39,915	„
10	„	9,787	„	97,870	„
25	„	6,586	„	164,650	„
50	„	4,865	„	243,250	„
100	„	33	„	3,300	„
	Итого . . .	38,507	листовъ на	573,588	руб.

Въ томъ числѣ въ 1863 г. поступило всего на 94,881 руб.

Вступившимъ на престолъ нынѣ царствующимъ Государемъ и открытъ былъ для Россіи этотъ путь къ новой жизни цѣлымъ рядомъ преобразованій, результатомъ которыхъ было то, что менѣе чѣмъ въ 20-ть лѣтъ Россія, насколько возможно въ столь ничтожный для жизни народовъ періодъ времени, отреклась отъ старыхъ привычекъ и подвинулась настолько, что стала во многихъ отношеніяхъ не отставать уже отъ другихъ европейскихъ государствъ.

Прежде всего Россія, получивъ до извѣстной степени свободу гласнаго обсужденія пробѣловъ, недостатковъ и больныхъ сторонъ государственной и общественной жизни, мало-по-малу выработала себѣ общественное мнѣніе, до того времени, смѣло можно сказать, почти несуществовавшее, и тогда только общество почувствовало потребность оставить укоренившіеся взгляды и обычаи стараго времени, препятствовавшіе смотрѣть съ правильной точки зрѣнія на вредъ, который наносился государству прежнимъ безучастнымъ эгоистическимъ отношеніемъ общественнаго мнѣнія къ эксплуатирующей дѣятельности лицъ, занимающихъ государственныя и общественныя должности.

Къ числу мѣръ, необходимость которыхъ наиболѣе сознавалась всѣмъ обществомъ и правительствомъ, принадлежитъ, безспорно, стремленіе къ скорѣйшему отысканію средствъ для возможно быстрой постройки желѣзныхъ дорогъ.

Но упадокъ государственнаго кредита представлялъ собою явленіе, какъ нельзя болѣе неблагопріятное и по отношенію къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ это показано будетъ нами ниже.

III.

Преобразованіе росписей и общее финансовое положеніе въ шестидесятыхъ годахъ.

Уничтоженіе крѣпостного права и введенныя реформы, для того, чтобы доставить благотворные результаты, требовали затратъ со стороны государства. Крестьяне, освобожденные отъ обязательнаго труда на помѣщичьемъ полѣ, не обратились еще къ ревностной обработкѣ своего собственнаго; переходъ отъ лѣниваго труда на помѣщика къ усиленному для собственныхъ выгодъ требуютъ нравственнаго развитія, для достиженія котораго необходимо продолжительное время.

Кромѣ того, съ освобожденіемъ крѣпостныхъ крестьянъ, рас-

предѣленныхъ по государству чрезвычайно неравномѣрно [1]), положеніе прочихъ классовъ и отношенія сословій между собою существенно измѣнились, вслѣдствіе чего и прежняя патріархальная администрація, устроенная для огражденія правъ преимущественно привилегированныхъ сословій, не могла оставаться безъ радикальныхъ измѣненій.

Въ свою очередь, уничтоженіе власти помѣщика, вызвавшее преобразованіе мѣстной администраціи, указало на необходимость столь же коренныхъ реформъ въ другихъ центральныхъ частяхъ управленія. Съ администраціею того времени случилось, какъ обыкновенно бываетъ со зданіемъ, которое подлежитъ капитальному исправленію. Пока оно стоитъ нетронутымъ, для неискуснаго глаза мало замѣтны поврежденія, и, только разъ тронувши его, живущіе въ немъ съ ужасомъ видятъ, до какой степени оно ветхо, грязно и гнило.

И дѣйствительно, во всѣхъ частяхъ тогдашней исполнительной, финансовой и судебной администраціи, при наружной благополучной обстановкѣ, расхищеніе казенныхъ и общественныхъ суммъ, злоупотребленія властью и медленность въ судахъ, но что̀ всего хуже, продажность и безнаказанность должностныхъ лицъ — были обыденнымъ, рѣдко кого въ то̀ время поражавшимъ, явленіемъ. Искорененію нѣкоторыхъ и уменьшенію многихъ изъ этихъ стародавнихъ язвъ русской администраціи не мало содѣйствовало допущенное гласное обсужденіе въ печати общественныхъ и финансовыхъ дѣлъ, и только подъ вліяніемъ возрожденія общественной мысли и проявившагося интереса къ общественнымъ дѣламъ, могло оказаться возможнымъ въ столь (сравнительно съ временемъ, въ которое накоплялось зло) короткій срокъ создать контроль надъ расходами и доходами, уничтожить откупа, въ значительной части отмѣнить подушныя подати, ввести судебную реформу, новый законъ о печати, образованіе сдѣлать доступнымъ, учредить земское и городское самоуправленіе, всеобщую воинскую повинность и пр. и пр.

Но всѣ эти, предпринятыя одновременно почти во всѣхъ областяхъ управленія, реформы требовали усиленныхъ расходовъ, со-

---

[1]) Процентное отношеніе крѣпостного населенія составляло:

Въ	6 губ.	отъ	1%	до	10%	Въ	3 губ.	отъ	40%	до	45%
„	3 „	„	10	„	20	„	3 „	„	45	„	50
„	4 „	„	20	„	30	„	2 „	„	50	„	55
„	4 „	„	30	„	35	„	9 „	„	55	„	60
„	7 „	„	35	„	40	„	5 „	выше	60		

здавать источники для которыхъ, при стѣсненномъ положеніи, въ которомъ находилось государство, было дѣломъ не легкимъ.

По финансовымъ смѣтамъ 1862 года, въ первый разъ въ Россіи распубликованнымъ во всеобщее свѣдѣніе, исчислено было расходовъ 301.354,709 р., тогда какъ сумма предположенныхъ на тотъ годъ доходовъ составляла всего 271.767,809 р., т.-е. противъ расходовъ менѣе на 29 м. 586 т. руб. Въ виду этого дефицита, смѣтныя требованія были сокращены на 7 м. 244 т. руб., а доходы увеличены на 7 м. 585 т. руб. посредствомъ возвышенія окладовъ податей, разныхъ пошлинъ и почтовыхъ сборовъ.

На покрытіе исчисленнаго засимъ дефицита въ 14 милл. 757 тысячъ рѣшено было употребить соотвѣтственную сумму изъ второго $4^1/_2$% займа. Таковы были бюджетныя данныя въ то время, когда рѣшался вопросъ объ измѣненіи самаго порядка составленія нашихъ бюджетовъ. Эта важная реформа была осуществлена въ 1863 году. Она была вызвана необходимостью имѣть смѣты, сколько-нибудь приближающіяся къ дѣйствительнымъ потребностямъ и затѣмъ, по возможности, ихъ ограничивающія, взамѣнъ такихъ смѣтъ, которыя представляли просто рутинную канву для вышиванія на ней всевозможныхъ узоровъ.

Преобразованіе системы смѣтъ было возложено на особую коммиссію при государственномъ контролѣ и выработанныя ею правила были утверждены въ законодательномъ порядкѣ въ маѣ 1862 года. Излишне было бы излагать здѣсь основанія этой реформы. Достаточно напомнить, что сущность ея заключалась въ утвержденіи требованій по каждой статьѣ на законномъ основаніи и на фактѣ дѣйствительной потребности, въ объединеніи государственныхъ рессурсовъ (хотя и не всѣхъ еще) и исчисленіи ихъ цифръ на основаніи дѣйствительнаго поступленія ихъ въ предшествующемъ году; наконецъ, въ напечатаніи всѣхъ смѣтъ и приложеній къ нимъ, въ видѣ систематическаго цѣлаго.

Правила эти были примѣнены впервые къ росписи на 1863 г., и эта роспись, поэтому, первая обняла, за нѣкоторыми исключеніями, всѣ доходы и расходы государства. Такимъ образомъ, въ нее внесены были 42 милл. 700 т. р. такихъ доходовъ, которые до того времени не поступали въ государственное казначейство и не включались въ росписи, и 37 милл. 800 т. руб. расходовъ, не входившихъ въ прежнія росписи.

Несмотря, однако, на это преобразованіе, дѣйствительное исполненіе росписей слѣдующихъ годовъ обнаружило весьма значительное превышеніе въ чрезвычайныхъ расходахъ сверхъ цифръ,

предположенныхъ для нихъ по росписямъ. Такъ, за 1863 годъ, сверхъ смѣтныхъ 8 милл. руб., потребовалось на чрезвычайные расходы свыше 31 милл. р.; за 1864 г., сверхъ 4 милл. руб., еще 22 милл. р.; за 1865 г., сверхъ 4 милл. р., еще 32 милл. р.

Итакъ, въ періодъ съ 1862 по 1865 г., какъ и въ предшествовавшее время, обыкновенныхъ доходовъ постоянно не доставало на покрытіе расходовъ, несмотря на то, что даже самыя производительныя затраты на преобразованія и реформы сокращались до минимума.

Перспектива будущаго также не была отрадна. Постоянные дефициты предшествовавшаго времени вызвали значительную задолженность за границею и чрезмѣрное бумажное денежное обращеніе внутри страны, а эти два явленія, при неблагопріятныхъ политическихъ и торговыхъ обстоятельствахъ, значительно понизили цѣнность нашего рубля и этимъ также мало дѣлали вѣроятнымъ, чтобы дефицитъ въ бюджетѣ далѣе не возрасталъ. Уменьшеніе дефицитовъ, посредствомъ сокращенія значительныхъ военныхъ расходовъ, оказывалось тѣмъ болѣе недостижимымъ, что въ европейскихъ государствахъ обнаружилось, вслѣдствіе французско-итальянско-австрійской войны 1859 г., которая дала толчокъ такъ называемой «идеѣ національностей», носящей въ себѣ зародыши нескончаемыхъ тревогъ и будущихъ столкновеній, непомѣрное стремленіе къ вооруженіямъ. Кромѣ того, французско-австрійская война еще осязательнѣе, чѣмъ крымская кампанія, показала значеніе новыхъ усовершенствованныхъ орудій. Россія, по необходимости, не только уже ради поддержанія своего вліянія на европейскія дѣла, но и для своей безопасности, вынуждена была слѣдовать этому общему стремленію усилить численность и усовершенствовать вооруженіе войскъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить, почему въ самое тяжелое для государственнаго и народнаго хозяйства время у насъ дѣлались расходы на военное дѣло, далеко несоотвѣтствовавшіе средствамъ страны, и отвлекались наиболѣе необходимыя для поднятія производительности страны рабочія силы.

Въ какой мѣрѣ возросли расходы на военныя надобности въ Россіи и значительнѣйшихъ европейскихъ государствахъ, сравнительно съ другими государственными расходами, можетъ показать слѣдующая таблица, въ которой приведено процентное увеличеніе или уменьшеніе расходовъ 1874 г., сравнительно съ расходами 1859 г., принятыми за сто.

	Общій итогъ государственныхъ расходовъ.	Расходъ военнаго министерства.	Расходъ морского министерства.	Долги.	Прочіе расходы.
	В ъ п р о ц е н т а х ъ.				
Въ Россіи. . .	+ 84%	+ 54%	+ 29%	+ 66%	+126%
» Англіи. . .	+ 10	+ 7	— 3	— 8	+ 58
» Франціи. .	+ 44	+ 46	+ 10	+ 114	0
» Германіи .	+190	+164	+466	+ 3	+210
» Австріи. .	+ 95	+ 19	+ 73	+ 151	+162
» Турціи. . .	+186	+ 73	+ 32	+4604	+164

Изъ этой таблицы видно, что въ Россіи общій итогъ расходовъ въ 1874 г., сравнительно съ 1859 г., увеличился на 84%, между тѣмъ какъ въ Англіи онъ увеличился на 10%, во Франціи на 44%, въ Австріи на 95%, въ Турціи на 186%, въ Германіи, послѣ происшедшаго объединенія ея, на 190%.

Обращая вниманіе на расходы военныхъ министерствъ, видимъ, что вышепоименованныя государства увеличили свои расходы слѣдующимъ образомъ:

Англія.	на	7%
Австрія	»	19
Франція.	»	46
Россія	»	54
Турція.	»	73
Германія. . . .	»	164

Расходы морскихъ министерствъ также не лишены интереса. Англія уменьшила расходы на 3%; другія государства увеличили расходы, именно:

Франція	на	10%
Россія.	»	29
Турція.	»	32
Австрія	»	73
Германія. . . .	»	466

Увеличеніе прочихъ расходовъ, за исключеніемъ платежей по государственнымъ долгамъ, послѣдовало:

Въ Англіи. . . .	на	58%
» Россіи. . . .	»	126
» Австріи . . .	»	162
» Турціи . . .	»	164
» Германіи. . .	»	210

Во Франціи же не послѣдовало никакого измѣненія.

Платежи по государственнымъ долгамъ уменьшились единственно въ Англіи на 8%; въ Германіи же, несмотря на громадное увеличеніе всѣхъ расходовъ, увеличились всего на 3%,

въ Россіи на 66%, во Франціи на 114%, въ Австріи на 151%, въ Турціи на 4604%.

Возрастаніе расходовъ на военныя надобности съ 1859 г. по 1865 г. собственно для Россіи представляемъ въ особой таблицѣ, въ выноскѣ [1]).

Покрытіе громадныхъ дефицитовъ, вызванныхъ, какъ мы видѣли, въ значительной части чрезмѣрными расходами на военное дѣло въ Россіи, посредствомъ увеличенія старыхъ или установленія новыхъ налоговъ, представлялось возможнымъ только въ отдаленномъ будущемъ, такъ какъ въ то время государство находилось, относительно производительности, въ самомъ невыгодномъ переходномъ состояніи. Крѣпостное право было уничтожено, а вмѣстѣ съ нимъ исчезли и преимущества системы, столь высоко цѣнимыя защитниками старыхъ порядковъ невольнаго труда, если можно видѣть «преимущества» въ томъ, что запашки были больше, хотя народъ голодалъ.

Покрытіе дефицитовъ посредствомъ новыхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ также оказывалось невозможнымъ, такъ какъ билеты и безъ того уже значительно понизились въ своемъ достоинствѣ. Кромѣ того, непомѣрное возвышеніе цѣнъ на всѣ товары, а особенно составлявшіе предметъ международной торговли и трудъ, служило лучшимъ доказательствомъ, что дальнѣйшее увеличеніе безпроцентнаго долга, безъ окончательнаго разстройства финансовъ государства, было невозможно.

Единственнымъ средствомъ для покрытія дефицитовъ представлялись внѣшніе и внутренніе займы, къ которымъ правительство и вынуждено было обращаться, несмотря на сознаваемую всѣми истину, что займы вообще приносятъ существенную пользу

---

1) Возрастаніе расходовъ на военныя надобности съ 1859 г. по 1865 г. собственно для Россіи представляемъ въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Годъ.	Расходъ военнаго министерства, въ тысячахъ рублей.	Процентное отношеніе къ общим. госуд. расходамъ.	На жителя руб. и копѣекъ.	Расходъ морского министерства, въ тысячахъ рублей.	Процентное отношеніе къ общим. госуд. расходамъ.	На жителя руб. и копѣекъ.	ИТОГО на военныя надобности тысячъ рублей.	Процентное отношеніе къ общим. госуд. расходамъ.	На жителя руб. и копѣекъ.
1859	106,692	36,29	1,69	20,307	6,90	0,31	126,999	43,19	2,00
1860	106,654	29,93	1,58	22,144	6,21	0,32	128,798	36,14	1,90
1861	115,965	33,59	1,68	23,566	6,82	0,34	139,531	40,41	2,02
1862	111,697	37,80	1,59	20,590	6,97	0,29	132,287	44,77	1,88
1863	115,577	34,97	1,62	18,030	5,45	0,25	134,607	40,42	1,87
1864	152,435	39,21	2,11	26,581	6,83	0,37	179,016	46,04	2,48
1865	127,973	34,74	1,76	22,322	6,06	0,31	150,295	42,80	2,07

государству только въ томъ случаѣ, если къ нимъ обращаются, какъ къ средству устранить лишь временное затрудненіе въ деньгахъ, или для поднятія производительности страны въ неслишкомъ отдаленномъ будущемъ.

Выше было уже указано, какія суммы изъ сдѣланныхъ займовъ были употреблены на покрытіе дефицитовъ, и чтобы пополнить картину задолженности разсматриваемаго нами періода, остается упомянуть еще только о займахъ съ выигрышами.

Къ формѣ займовъ съ выигрышами оказалось впервые необходимымъ обратиться въ 1864 году, за невозможностью пріисканія другихъ средствъ. Цѣль перваго съ выигрышами займа оффиціально значилась для доставленія государственному банку достаточныхъ средствъ къ расширенію операцій его на пользу промышленности и къ воспособленію дѣятельнаго сооруженія важнѣйшихъ для государства линій желѣзныхъ дорогъ между Москвою и Чернымъ-моремъ. Но въ дѣйствительности заемъ этотъ былъ необходимъ для возмѣщенія государственному банку ссудъ, произведенныхъ государственному казначейству.

Указъ и положеніе о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ были объявлены 13 ноября 1864 г., а самая подписка была открыта лишь съ 3 по 12 декабря 1864 г. во многихъ мѣстахъ имперіи; тѣмъ не менѣе, общая сумма подписки на билеты означеннаго займа превзошла цифру его только на 15.257.900 руб. Но, кромѣ того, есть основаніе предполагать, что въ дѣйствительности весь заемъ не былъ покрытъ и что на значительныя суммы подписался самъ государственный банкъ. Въ 1866 г. произведенъ выпускъ 2-го съ выигрышами займа въ 100 милл. рублей, а также 5% второго англо-голландскаго займа въ 2.774.358 ф. стерл. и 26.026.210 гол. гульд. и на 12 мил. билетовъ государственнаго казначейства.

Естественно, что, при такомъ критическомъ положеніи, для избѣжанія финансовой катастрофы единственнымъ средствомъ представлялось увеличеніе платежныхъ силъ государства посредствомъ поднятія производительности страны. Но для этого необходимо было поставить ее въ болѣе выгодныя условія, что̀ на практикѣ встрѣчало немаловажныя препятствія. Положеніе сельскаго хозяйства и связанныхъ съ нимъ отраслей промышленности, которыя въ Россіи составляютъ главнѣйшіе источники народнаго богатства, въ виду отсутствія сбереженій и кредита, при помощи которыхъ могъ бы создаться необходимый для правильнаго веде-

нія хозяйства при наемномъ трудѣ оборотный капиталъ, было крайне затруднительно.

Притомъ еще слабое распространеніе между земледѣльцами необходимыхъ знаній для раціональнаго веденія хозяйства, при новыхъ условіяхъ, и дороговизна доставки продуктовъ до мѣстъ сбыта, по причинѣ отсутствія желѣзныхъ дорогъ, производили то, что земледѣльческое производство едва приносило достаточный чистый доходъ для пропитанія владѣльцевъ, уплаты тогдашнихъ, менѣе значительныхъ, чѣмъ теперь, государственныхъ налоговъ и процентовъ по обременявшимъ почти всѣ помѣщичьи имѣнія долгамъ. Владѣльцы же земель, находившихся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, въ большинствѣ случаевъ оказывались неисправными въ платежѣ налоговъ и процентовъ по заключеннымъ ими займамъ, и имѣнія ихъ поступали въ продажу. Обработывающая промышленность находилась въ не менѣе трудномъ положеніи.

При предложеніи капиталовъ, изгнанныхъ изъ банковъ посредствомъ уменьшенія процентовъ и при сангвиническомъ взглядѣ, который обыкновенно проявляется въ народѣ, когда въ деньгахъ или суррогатахъ таковыхъ, которые тогда принимаются обыкновенно за дѣйствительный капиталъ, не только не ощущается недостатка, но и имѣется избытокъ (какъ именно это и имѣло мѣсто въ то время, послѣ выпуска слишкомъ 450 милліоновъ рублей бумажныхъ денегъ), усиленный спросъ вызвалъ поспѣшное, необдуманное устройство фабрикъ и заводовъ, въ большинствѣ случаевъ, при нормальномъ порядкѣ вещей, не имѣвшихъ раціональныхъ основаній существованія.

Но различіе свойства бумажныхъ денегъ отъ звонкой монеты и дѣйствительныхъ богатствъ не замедлило вскорѣ обнаружиться. Искусственный спросъ не могъ продолжаться долго, потребленіе уменьшилось; между тѣмъ ввозъ изъ-за границы мануфактурныхъ произведеній усилился какъ вслѣдствіе тарифа 1857 г., такъ благодаря контрабандѣ. Ко всему этому прибавилось еще отсутствіе кредита, вслѣдствіе недовѣрія общества, вызваннаго потерями, созданными множествомъ рискованныхъ предпріятій.

Но, кромѣ этихъ причинъ, которыя прямо оказывали неблагопріятное вліяніе на Россію и на кредитъ ея, были и другія, возникавшія изъ политическихъ и экономическихъ затрудненій другихъ государствъ и дѣйствовавшія, хотя косвенно, но въ столь сильной степени, что нельзя было даже думать о принятіи мѣръ къ исправленію нашихъ финансовъ.

Междоусобная война въ Америкѣ, начавшаяся съ 1861 года и длившаяся до апрѣля 1866 года, заставила правительство Сое-

диненныхъ-Штатовъ искать на европейскихъ рынкахъ денежныхъ средствъ для окончанія войны и покоренія возставшихъ южныхъ штатовъ. Весьма выгодныя условія, предлагавшіяся сѣверными штатами (въ 1863—1864 до марта 1865 г. курсъ 6% американскихъ фондовъ колебался отъ 40 до 50%), заставляли капиталистовъ свободныя средства помѣщать въ этихъ фондахъ преднпочтительно предъ русскими. Но кромѣ этого, неблагопріятно дѣйствовавшаго на курсъ русскихъ бумагъ обстоятельства, война сѣверныхъ штатовъ Америки съ южными и освобожденіе негровъ вызвало въ Англіи, въ концѣ 1863 года, тяжелый кризисъ, извѣстный подъ названіемъ хлопчатобумажнаго.

Учетъ англійскаго банка въ декабрѣ возвышается до 8% и въ теченіи цѣлаго 1864 года держится между 7 и 9%, и только въ февралѣ 1865 года понижается до 5% и въ іюлѣ того же года нисходитъ до 3%. Но затѣмъ къ концу года учетъ опять возвышается до 7%, а война Австріи съ Пруссіею въ маѣ 1866 г. доводитъ его до 10%, и только къ августу учетъ понижается до 5%. Французскій денежный рынокъ слѣдуетъ за англійскимъ, и еще въ декабрѣ 1866 года учетъ французскаго банка держится на 9%. Неудивительно, что при совмѣстномъ дѣйствіи внутреннихъ экономическихъ затрудненій и мѣстныхъ политическихъ и финансовыхъ замѣшательствъ, фонды наши и курсы подверглись значительному пониженію. Шестипроцентный заемъ на с.-петербургской биржѣ, по сложности курсовъ декабря 1864 г., котировался по $105^1/_2$%, въ январѣ 1866 г. держался еще на $102^3/_4$%, но засимъ въ декабрѣ того же года падаетъ до $93^3/_4$%, а къ октябрю 1867 г. достигаетъ минимума, не бывшаго съ 1814 года, именно 80%. Вексельный курсъ также подвергался не меньшимъ колебаніямъ, какъ это видно изъ выше помѣщенной таблицы, и достигъ небывалаго со времени уничтоженія ассигнацій пониженія, достигшаго въ 1866 году до 68 копѣекъ. Такое громадное паденіе вексельнаго курса уменьшало достоинство государственныхъ доходовъ и увеличивало расходы, вслѣдствіе чего дефициты должны были еще болѣе усиливаться. Кромѣ того, рѣзкія колебанія нашей денежной единицы уничтожали всякую возможность вѣрныхъ разсчетовъ при веденіи предпріятій и дѣлали невозможнымъ временное привлеченіе для таковыхъ иностранныхъ капиталовъ, вслѣдствіе чего, при отсутствіи сбереженій, и являлась у насъ чрезмѣрная дороговизна денегъ. Учетъ въ государственномъ банкѣ, составлявшій въ апрѣлѣ 1866 г. $6^1/_2$%, постепенно возвышается и доходитъ въ сентябрѣ до $8^1/_2$% и 9%, и за исключеніемъ незначительнаго пониженія съ февраля

но іюнь 1867 года, до конца того же года держится на $8^1/_2$ и 9%.

Всѣ вышеуказанныя неблагопріятныя условія, въ которыхъ, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ, находились производительные классы народа, дѣйствовали столь пагубно на страну, что въ концѣ-концовъ создали задолженность, а вслѣдствіе того со стороны государства неправильную расплату, со стороны же общества частыя разоренія въ средѣ землевладѣльцевъ и лицъ, занятыхъ промышленностью и торговлею. Неудивительно, что совмѣстное дѣйствіе столь могучихъ факторовъ, наконецъ, создало весьма тяжелый и памятный всѣмъ кризисъ, исходъ котораго, равно какъ и превращеніе печальныхъ его послѣдствій, трудно было предвидѣть. Таково было финансовое и экономическое положеніе Россіи передъ тѣмъ временемъ, когда усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ дала громадный толчокъ ея производительности и огромнымъ приливомъ капиталовъ изъ-за границы измѣнила состояніе нашего фондоваго и денежнаго рынка, и этими двумя путями оказала дѣйствіе на самое положеніе государственныхъ финансовъ.

IV.

Исторія двухъ первыхъ періодовъ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Но такъ какъ самая постройка желѣзныхъ дорогъ прежде всего требовала капиталовъ, то было естественно, что она должна была замедлиться вслѣдствіе упадка государственнаго кредита, въ то самое время, когда необходимость ея окончательно была сознана и правительствомъ, и обществомъ. Всѣмъ стало ясно, что желѣзныя дороги должны были улучшить экономическое и финансовое положеніе страны; но на первыхъ порахъ именно неблагопріятность этого положенія должна была препятствовать реализаціи капиталовъ на постройку. Въ исторіи постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ можно указать три періода: періодъ (до крымской кампаніи) начинаній, колебаній, неопытности, когда самая польза и возможность покрытія Россіи желѣзнодорожной сѣтью не была выяснена; затѣмъ — періодъ, когда установилось полное сознаніе необходимости созданія обширной сѣти, но самое положеніе государственнаго кредита представило затрудненія къ скорому выполненію дѣла; исторія этихъ двухъ періодовъ будетъ очерчена въ настоящей статьѣ; затѣмъ останется періодъ пріобрѣтенной уже опытности и выполненія, тотъ періодъ, въ которомъ

уже могли сказаться и экономическіе результаты, и техническія особенности железнодорожной предпріимчивости въ Россіи. Этому последнему періоду, вмѣстѣ съ выгодами вліянія всей сѣти железныхъ дорогъ на наши финансы, промышленность и торговлю, мы предполагаемъ посвятить особую статью.

Сооруженіе железныхъ дорогъ въ Россіи началось еще въ 1836 году постройкою линіи между С.-Петербургомъ и Павловскомъ. Засимъ въ 1842 году рѣшено было строить желѣзную дорогу между Петербургомъ и Москвою. Постройка дороги начата была въ іюнѣ 1843 г., но открытіе для движенія на всемъ протяженіи послѣдовало только 1-го ноября 1851 г. Если даже исключить два года, въ которые, по причинѣ венгерской кампаніи и финансоваго кризиса, на постройку отпускались только незначительныя суммы, все-таки на сооруженіе николаевской дороги употреблено слишкомъ шесть лѣтъ.

На основаніи составленныхъ смѣтъ, объявлено было, что для сооруженія николаевской дороги потребуется всего отъ 40 до 50 мил., и разрѣшено на потребности каждаго года открывать займы, и платежъ процентовъ и погашенія по нимъ производить, до окончанія постройки дороги, на счетъ суммъ, поступающихъ отъ займовъ, а по открытіи дороги—на счетъ доходовъ.

Между тѣмъ дѣйствительно произведенныя позаимствованія для расходовъ и уплаты процентовъ столь значительно превзошли первоначальныя предположенія, что въ 1857 году вопросъ: на какіе источники относить дальнѣйшіе расходы, разбирался въ комитетѣ финансовъ, который съ высочайшаго разрѣшенія, послѣдовавшаго 15-го ноября 1857 г., имѣя въ виду, что едва ли можно ожидать, чтобы доходы съ дороги когда-либо могли быть достаточны на покрытіе ежегодныхъ по долгу платежей, постановилъ причислить къ долгамъ государственнаго казначейства всѣ займы, сдѣланные для николаевской желѣзной дороги.

Произведенные для николаевской дороги расходы, въ виду многихъ неясностей, подвергались особой спеціальной ревизіи, и въ 1863 г. исчислено, что для сооруженія дороги, на покрытіе передержекъ и на разные платежи по долгамъ, сдѣлано было займовъ: а) внѣшнихъ съ 1842 по 1850 г. нарицательнаго капитала 76.300,000 руб., за которые дѣйствительно выручено 70.131,255 р., и б) внутреннихъ изъ кредитныхъ установленій, съ 1846 по 1859 г., 40.289,146 р. и, сверхъ того, выпущено въ 1847 г. на этотъ предметъ билетовъ государственнаго казначейства на 12.000,000 р., всего въ 1862 году 131.420,402 р. Изъ этой суммы произведено расходовъ: собственно на сооруже-

ніе дороги съ 1842 по 1852 г. 66.854,113 р., на покрытіе передержекъ и производства платежей по займамъ 64.566,289 р.; итого 131.420,402 р., что составляетъ на версту р. 217,583.

Чтобы составить себѣ понятіе о сравнительной стоимости сооруженія николаевской желѣзной дороги со строющимися въ послѣднее время дорогами, укажемъ на нѣкоторыя только цифры.

При постройкѣ николаевской дороги балластъ обошелся въ 7,807 р. съ версты, а укладка верхняго строенія и путей въ 3,538 р. съ версты. Между тѣмъ на четырехъ новѣйшихъ дорогахъ, сданныхъ по подпискѣ на акціи и не отличающихся дешевизною, по расцѣночнымъ вѣдомостямъ полагается съ версты одиночнаго пути на балластъ среднимъ числомъ 1,639 р. м., на укладку же верхняго строенія и путей 275 р. Послѣ открытія, несмотря на то, что за николаевскою дорогою и въ то время уже признавалось самое выгодное положеніе, результаты эксплуатаціи также не поощряли къ дальнѣйшему устройству желѣзныхъ дорогъ, и вышеприведенное мнѣніе финансоваго комитета вполнѣ оправдывалось.

Въ 1856 году, т.-е. черезъ 5 лѣтъ послѣ открытія всей дороги, чистый доходъ эксплуатаціи составлялъ всего 796,000 р., а въ 1857 г. хотя и возросъ до 2.584,000 р., но изъ этого чистаго дохода государственное казначейство получило въ первый разъ въ 1857 г. лишь одинъ милліонъ, такъ какъ остальныя деньги израсходованы на разныя потребности дороги. Въ послѣдующее время съ 1858 по 1862 годъ чистый доходъ дороги колебался около $2^{1}/_{2}$ милліоновъ рублей. Между тѣмъ на уплату процентовъ требовалось, смотря по состоянію вексельнаго курса, отъ $6^{1}/_{4}$ до 7 милліоновъ.

Такіе результаты мало поощряли къ устройству другихъ желѣзныхъ путей, и вопросъ о новыхъ желѣзныхъ дорогахъ возникъ снова только тогда, когда крымская война самымъ ощутительнымъ и роковымъ образомъ показала невыгодныя, вслѣдствіе огромныхъ разстояній, условія, въ которыя поставлено государство для защиты своихъ границъ. Независимо отъ того, ясно было, что недостатки нашихъ водяныхъ сообщеній, замерзающихъ въ теченіи 6 зимнихъ мѣсяцевъ, мелѣющихъ лѣтомъ и притомъ еще изливающихся въ наименѣе благопріятныхъ для нашей внѣшней торговли мѣстахъ, ставятъ непреодолимую преграду благопріятному развитію народнаго хозяйства.

Вслѣдствіе такого сознанія, вслѣдъ за окончаніемъ крымской войны, въ январѣ 1857 года состоялось разрѣшеніе группѣ капиталистовъ, во главѣ которыхъ стояли первоклассные банкир-

скіе дома, какъ: Штиглицъ, Берингъ, Гопе, Перейра, образовать акціонерное общество съ капиталомъ въ 250 милліоновъ рублей, подъ названіемъ «Главнаго Общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ» для сооруженія 4,000-верстной сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Первоначальный выпускъ акцій Главнаго Общества на сумму 75 мил. руб., въ виду предшествовавшихъ громадныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, изгнанія вкладовъ изъ банковъ и металлической гарантіи, былъ покрытъ съ излишкомъ, и значительнѣйшая часть акцій съ выгодою для учредителей (такъ какъ премія составляла болѣе 12 р. на акцію) была ими помѣщена внутри государства. Въ 1858 году выпускъ облигацій на сумму 35 мил. руб. также былъ покрытъ съ излишкомъ.

Но капиталовъ этихъ было недостаточно для окончанія не только сѣти, но даже начатыхъ уже: петербурго-варшавской и нижегородской дорогъ, и поэтому въ 1861 г. общество пыталось сдѣлать новый выпускъ 4% облигацій. Но обстоятельства нашего денежнаго рынка и кредита самаго общества до того измѣнились, что выпускъ не могъ состояться и облигаціи могли найти помѣщеніе лишь на сумму 2.359,635 р.

Курсъ акцій Главнаго Общества понизился также слишкомъ на 10%, такъ что общество нашлось въ безвыходномъ положеніи, и правительство должно было оказать, для окончанія работъ, пособіе, составляющее 33 мил. руб., и освободить общество отъ обязательства строить дороги изъ Москвы въ Ѳеодосію и изъ Орла или Курска въ Либаву.

Постройка дорогъ, оконченныхъ Главнымъ Обществомъ, обошлась: с.-петербурго-варшавской 125,1 мил.: на версту 104 тысячи, нижегородской — 36,1 мил.: на версту 88 тысячъ, или 40% дороже предположеннаго.

Въ виду того значенія, которое пріобрѣло Главное Общество для опредѣленія цѣны будущихъ построекъ и порядковъ эксплуатаціи большинства нашихъ желѣзныхъ дорогъ, пользуясь близкимъ знакомствомъ съ дѣлами Главнаго Общества, которое я могъ пріобрѣсти какъ одинъ изъ *строителей* с.-петербурго-варшавской дороги, имѣвшій работы почти по всему протяженію линіи, остановлюсь нѣсколько на причинахъ, вызвавшихъ такіе печальные результаты.

Во главѣ учредителей Главнаго Общества стоялъ парижскій Crédit Mobilier, съ преобладающимъ вліяніемъ Перейровъ; остальные же учредители были только участниками финансоваго синдиката. Вслѣдствіе вліянія Перейровъ, для завѣдыванія техническою и административною сторонами дѣла, были приглашены французскіе инженеры корпуса Ponts et Chaussées, получающіе

свое образованіе въ Ecole Polytechnique, привилегированномъ учебномъ заведеніи. Изъ этого корпуса вышли для Франціи многіе замѣчательные желѣзно-дорожные инженеры-строители и даже эксплуататоры, но онъ отличается тѣснымъ кругозоромъ, самоувѣренностію и исключительностію. Явившіеся къ намъ французскіе инженеры приняты были всѣмъ обществомъ съ особымъ почетомъ, который окончательно вскружилъ имъ головы. Кромѣ того, общество наше, такъ легко впадающее въ крайности, восторгаясь французскими инженерами, выражалось о нашихъ инженерахъ какъ о людяхъ несвѣдущихъ и способныхъ лишь только на злоупотребленія. Французскіе инженеры, незнакомые съ характеристическою чертою того времени—порицать все свое, тѣмъ охотнѣе вѣрили такимъ отзывамъ, что этимъ доставлялась возможность устранять мѣстные элементы и предоставлять бо̀льшую часть занятій и заработковъ навязываемымъ имъ Перейрами и другими вліятельными лицами ихъ соотечественникамъ, остававшимся безъ мѣстъ послѣ окончанія предпринятыхъ Crédit Mobilier дорогъ въ Испаніи и Италіи.

Но выборъ таковыхъ былъ почти всегда неудаченъ: бо̀льшая часть приглашенныхъ лицъ были люди необразованные, въ рѣдкихъ случаяхъ технически подготовленные, но тѣмъ не менѣе подражающіе духу Ponts et Chaussées.

При такихъ условіяхъ, между французскими инженерами и инженерами путей сообщенія не замедлилъ обнаружиться полный антагонизмъ, перешедшій вскорѣ и на самое министерство, которое ко всѣмъ дѣйствіямъ руководителей Главнаго Общества начало относиться самымъ враждебнымъ образомъ. Такія отношенія между французскими инженерами съ одной стороны и русскими инженерами и министерствомъ путей сообщенія—съ другой, страшно вредили самому дѣлу. Антагонизмъ этотъ стоилъ Россіи лишніе десятки милліоновъ и задержалъ дальнѣйшее развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ на многіе годы.

Представляемые французскими инженерами планы подвергались строгой критикѣ и излишнимъ требованіямъ, не были утверждаемы и возвращались. Засимъ, неоднократно дѣлались въ нихъ измѣненія, иногда лишнія, но чаще дѣйствительно необходимыя, потому что французскіе инженеры вообще мало принимали въ соображеніе условія климата и требованія, возникающія изъ привычекъ народа и характера мѣстности. Безъ плановъ же, не имѣя притомъ увѣренности въ утвержденіи таковыхъ, не рѣшались производить работы. Между тѣмъ, раньше уже были заключены контракты и условія на работы, и невозможность присту-

лить къ нимъ вызывала претензіи со стороны строителей и вообще мѣшала правильному веденію дѣла. Принятая система отдачи работъ не оптомъ, но по единичнымъ цѣнамъ, безъ заранѣе приготовленныхъ плановъ, не дозволяла вовсе впередъ опредѣлять стоимости работъ.

Но, чтó всего важнѣе, французскіе инженеры совершенно забывали объ экономической сторонѣ дѣла, объ экономіи въ производствѣ работъ, и техническія требованія ихъ отличались непрактичностью. Но при всемъ томъ, французскіе инженеры принесли и немалую долю пользы Россіи тѣмъ, что въ желѣзнодорожное дѣло внесли систему, пріемы и формы болѣе усовершенствованные, чѣмъ существовавшіе при постройкѣ николаевской желѣзной дороги, а борьба съ русскими инженерами путей сообщенія побудила послѣднихъ болѣе серьёзно относиться къ дѣлу, чѣмъ это было до того времени.

Благопріятный пріемъ, который нашли въ публикѣ акціи Главнаго Общества, поощрилъ рижскій биржевой комитетъ, въ началѣ 1858 г., предпринять постройку рижско-динабургской дороги, и удовольствоваться правительственною гарантіею въ $4^1/_2$% на 53,561 р.

По образцу риго-динабургской дороги выстроилась и динабурго-витебская, съ акціонернымъ капиталомъ въ 66,872 руб. на версту, пользующимся 5% металлическою гарантіею.

Обѣ дороги эти построены были англійскими инженерами-подрядчиками.

Въ томъ же 1858 году разрѣшена постройка волго-донской дороги, а въ 1859 г. московско-ярославской, саратовской и риго-митавской желѣзныхъ дорогъ. Но условія денежнаго рынка измѣнились и образовавшіяся общества: волго-донское, московско-ярославское и риго-митавское, уже встрѣчали препятствія къ исполненію принятыхъ на себя обязательствъ.

Акціи общества саратовской желѣзной дороги понизились въ цѣнѣ на 50%, и, несмотря на отдаленіе сроковъ постройки и увеличеніе гарантіи до 5%, оказалось невозможнымъ собрать капиталъ, такъ что только въ январѣ 1863 г. правительство вынуждено было разрѣшить обществу ограничиться постройкою дороги до Рязани, съ правомъ выпуска облигацій на 5 милл. руб.

Несмотря на весьма тяжелое, вышеописанное нами, положеніе государственныхъ финансовъ и кредита, забота о сооруженіи необходимѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ не переставала стоять на первомъ планѣ нашей финансовой администраціи, и въ этомъ

отношеніи нельзя не отдать ей полной справедливости за свѣтлый взглядъ и твердую волю, которые проявились въ постоянной поддержкѣ, оказываемой при выдачѣ новыхъ концессій съ цѣлью добыть капиталы на необходимѣйшія въ то время государственныя дороги. Но задача эта, несмотря на предлагаемыя, исключительно выгодныя условія концессіи, была вовсе не легка, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ:

Еще въ маѣ 1857 года торговый домъ Томсона Бонаръ и К°, графы Ржевускій, Адлербергъ 2-й, Голенищевъ-Кутузовъ и Лубенскій, князья С. Долгорукій и Л. Кочубей, гг. Бенкендорфы и г. Сафроновъ, получили концессію на сооруженіе дороги изъ Одессы чрезъ Кіевъ, до встрѣчи съ предположенными ѳеодосійскою или либавскою дорогами, на протяженіи до 1400 верстъ, съ гарантіею правительства 5% на 60 лѣтъ и на капиталъ 53,000 р. съ версты, или $4^1/_2$% на 75 лѣтъ, на капиталъ 50,000 руб.

Затѣмъ, въ маѣ 1858 года новая компанія учредителей, къ которой присоединились и прежніе, вновь получила дозволеніе на постройку дорогъ отъ Одессы до Бердичева и черезъ Кіевъ до Курска, на тѣхъ же условіяхъ. Но какъ прежніе, такъ и новые учредители предоставленнымъ имъ правомъ, за невозможностію собрать капиталы, не могли воспользоваться.

Наконецъ, въ мартѣ 1863 году вновь выдана была концессія на постройку дороги отъ Одессы до Кіева, съ вѣтвью до р. Днѣстра, длиною 647 верстъ, съ 5% гарантіею правительства уже на увеличенный капиталъ 84,000 руб. съ версты; но въ назначенный по уставу годичный срокъ учредители не были въ состояніи реализировать даже половины перваго выпуска акцій и общество объявлено также несостоявшимся.

Такой же неудачный исходъ имѣла попытка построить желѣзную дорогу, признанную одною изъ важнѣйшихъ, но исключенную въ 1861 году, по несостоятельности Главнаго Общества, изъ его обязательствъ, а именно — дорогу отъ Москвы къ Черному морю, несмотря на то, что въ іюлѣ 1863 г. былъ утвержденъ договоръ на линію отъ Москвы до Севастополя, съ вѣтвью къ антрацитовымъ копямъ, съ англійскими учредителями: Пальмеромъ, Фрюлингомъ, Гешеномъ, Гиббсомъ, Губбардомъ и К°. При всей выгодности этого договора учредители не могли привесть его въ исполненіе. Назначенный для образованія капитала срокъ былъ продолженъ до 1-го ноября 1864 г.; тѣмъ не менѣе, общество не могло состояться.

Такимъ образомъ, постройка дорогъ отъ Москвы къ Черному морю и отъ Одессы къ Кіеву и Курску, несмотря на то, что

дороги эти представляли собою обезпеченіе имѣющаго быть затраченнымъ на таковыя капитала не только въ правительственной гарантіи, но и въ несомнѣнной будущей доходности, не могла состояться, и правительство вынуждено было, при стѣсненномъ финансовомъ положеніи, начать на собственныя средства постройку этихъ дорогъ частями отъ Одессы до Балты и отъ Москвы до Орла, а затѣмъ и отъ Орла до Курска.

Участь обществъ московско-севастопольской и одесско-кіевской дорогъ была раздѣлена и обществомъ, образованнымъ для постройки желѣзной дороги отъ Орла до Витебска англійскимъ подданнымъ баронетомъ сэромъ Мортономъ Пито, который, внесши залогъ въ 230,000 фунт. стерл., обязался, въ декабрѣ 1865 г., построить дорогу за 83,449 руб. съ версты, на которые правительство даровало гарантію въ $5^1/_{12}\%$.

Къ назначенному сроку капиталъ не могъ быть собранъ и учредителю дана была отсрочка на 3 мѣсяца [1]). Послѣ того, по ходатайству брюссельскаго банкирскаго дома Бишофстейма и К°, вступившаго въ права сэра Мортона Пито, срокъ для образованія общества былъ вновь продолженъ до 1-го декабря 1866 г. Но и къ этому сроку общество не могло состояться.

Въ это время, въ виду неблагопріятнаго дѣйствія, которое производили на государственный кредитъ учрежденныя общества, повсюду искавшія капиталовъ и объявлявшіяся засимъ несостоявшимися, правительство принимаетъ рѣшеніе воздерживаться отъ утвержденія концессій и выдавать только предварительныя удостовѣренія. Первое такое удостовѣреніе, въ 1865 году, выдано было графу Э. Т. Баранову и К°, что въ случаѣ пріисканія ими капиталовъ концессія на дорогу курско-азовскую имъ будетъ выдана, съ опредѣленіемъ поверстной стоимости дороги въ 84,037 рублей.

Но пріисканіе капиталовъ, въ теченіи послѣдующихъ двухъ лѣтъ, оказалось также невозможнымъ, и выданное учредителямъ удостовѣреніе потеряло свою силу 31-го января 1867 года.

Уступочнымъ договоромъ, выданнымъ баронету Пито на по-

---

[1]) Максъ Виртъ въ „Исторіи торговыхъ кризисовъ" (переводъ Конради) объ этомъ желѣзнодорожномъ предпринимателѣ выражается слѣдующимъ образомъ: „Каждый разъ, какъ въ какой-нибудь отдаленной странѣ желѣзнодорожный комитетъ не могъ найти охотниковъ подписаться на его акціи въ Швеціи, Америкѣ и т. д., появлялся Пито и умѣлъ посредствомъ разныхъ манипуляцій нажить еще барыши тамъ, гдѣ обыкновенныя компаніи терпѣли убытокъ".

Тѣмъ не менѣе, столь опытный предприниматель для Россіи не могъ найти капиталовъ.

стройку орловско-витебской дороги, заканчивается періодъ безуспѣшныхъ попытокъ строить желѣзныя дороги посредствомъ выдачи концессій иностраннымъ финансовымъ знаменитостямъ, и открывается второй, болѣе удачный для государства, періодъ сооруженія сѣти желѣзныхъ дорогъ.

Первою дорогою, открывающею такую болѣе благопріятную эпоху въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ, является утвержденная въ мартѣ 1865 года за П. Г. фонъ-Дервизомъ рязанско-козловская дорога, капиталъ которой, разсчитанный по 75,965 р. м. съ версты, образовался выпускомъ 66% акцій и 33% облигацій, съ 5% гарантіей.

При постройкѣ рязанско-козловской дороги въ первый разъ встрѣчаемся съ двумя нововведеніями, которымъ предназначено было имѣть громадное вліяніе на развитіе сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Во-первыхъ, до постройки рязанско-козловской дороги, капиталы обществъ образовывались преимущественно посредствомъ выпуска акцій, которыя въ виду риска, какой, по всеобщему мнѣнію, при гарантіи, начинающей свое дѣйствіе только послѣ открытія дороги, представляла постройка, не пользовались расположеніемъ капиталистовъ; съ этого же времени является обратная пропорція,—выпуски облигацій составляютъ приблизительно ³/₄, а акціи получаютъ второстепенное значеніе, только около ¹/₄ части всего капитала.

Во-вторыхъ, выпускъ облигацій производится въ прусскихъ талерахъ съ цѣлью открыть для ихъ помѣщенія германскіе рынки.

Засимъ, рязанско-козловская дорога открывается для движенія въ короткій, небывалый до того времени, срокъ.

Важное значеніе выпуска облигацій въ талерахъ заключалось въ слѣдующемъ. Англійскіе денежные рынки, какъ выше было указано, были недоступны для нашихъ желѣзно-дорожныхъ предпріятій. Французскій денежный рынокъ, будучи обремененъ постоянными выпусками на колоссальныя общественныя работы, предпринятыя правительствомъ второй имперіи, и на покрытіе расходовъ мексиканской экспедиціи, также находился въ неблагопріятныхъ условіяхъ для помѣщенія нашихъ желѣзно-дорожныхъ бумагъ. Голландскій рынокъ, отличающійся, какъ извѣстно, болѣе другихъ своими особенностями, обращаетъ сбереженія свои преимущественно на пріобрѣтеніе государственныхъ фондовъ и вообще мало доступенъ такъ-называемымъ спекулятивнымъ бумагамъ, въ числѣ которыхъ въ это время считались и наши желѣзно-дорожныя акціи и облигаціи.

Изъ государствъ, дѣлающихъ сбереженія, и рынковъ, помѣщающихъ свои капиталы, оставались лишь германскія. Но въ это время излюбленными бумагами, пользовавшимися спросомъ со стороны крупныхъ германскихъ капиталистовъ, были преимущественно американскіе фонды, приносившіе громадный процентъ. Мелкіе только, главнымъ образомъ провинціальные, капиталисты, ищущіе прежде всего вѣрнаго помѣщенія своихъ незначительныхъ сбереженій, обращались преимущественно къ покупкѣ правительственныхъ германскихъ бумагъ или желѣзно-дорожныхъ гарантированныхъ облигацій.

Привлеченіе этихъ мелкихъ капиталистовъ къ пріобрѣтенію нашихъ желѣзно-дорожныхъ облигацій представляло единственное средство открыть имъ сбытъ на германскихъ рынкахъ. Но этого возможно было достигнуть лишь при содѣйствіи такъ-называемыхъ банкировъ-мѣнялъ, главнѣйшимъ образомъ, берлинской и франкфуртской биржъ, которые, посредствомъ ассоціаціи съ болѣе мелкими провинціальными банкирами, конторами и мѣнялами, составляютъ совѣтниковъ этого рода лицъ. Подобнаго рода участіе этихъ посредниковъ и было достигнуто нашими желѣзно-дорожными дѣятелями, но за весьма дорогія, платимыя имъ, коммиссіи или за участіе въ барышахъ постройки. Значительная часть громадныхъ состояній первостепенныхъ теперь фирмъ франкфуртскихъ и особенно берлинскихъ банкировъ составилась въ значительной степени изъ этого именно источника.

Конечно, желѣзно-дорожнымъ дѣятелямъ, при выгодныхъ условіяхъ, при которыхъ выдавались концессіи, не трудно было платить и весьма высокія коммиссіи, лишь бы только получить возможность добыть капиталъ.

Послѣ разрѣшенія рязанско-козловской дороги, новыхъ концессій не выдавалось болѣе года. Но затѣмъ, когда уже сдѣлались извѣстны громадные барыши, полученные отъ рязанско-козловской дороги, на полученіе концессій явилось множество соискателей и правительство было завалено предложеніями различныхъ предпринимателей. Въ числѣ конкуррентовъ выступилъ новый элементъ—земство, которому вообще правительство стремится дать предпочтеніе предъ другими соискателями.

Въ августѣ 1866 года выдается земству воронежской губ. концессія на постройку козлово-воронежской дороги, съ 5% гарантіею на капиталъ въ 73,500 руб. на версту. Земство воронежской губ., однако-жъ, само и не думало строить дороги, а передало концессію С. С. Полякову. Въ декабрѣ того же года утверждена концессія на постройку курско-кіевской дороги, при

которой въ первый разъ дѣлается опытъ, хотя еще весьма несовершенный, примѣненія конкурренціи, отдѣленія процесса постройки отъ эксплуатаціи и прямого участія правительства въ составленіи капитала.

Послѣ поступленія многихъ заявленій, они разсматривались особою коммиссіею изъ членовъ комитета желѣзныхъ дорогъ и затѣмъ въ комитетѣ министровъ. Концессія утверждена была, 24 декабря 1866 года, за гг. П. фонъ-Дервизомъ, княземъ С. А. Долгоруковымъ и К. Ф. фонъ-Меккомъ на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) постройка дороги передана учредителямъ на подрядныхъ основаніяхъ за оптовую плату, и 2) по принятіи дороги правительствомъ образуется акціонерное общество, продажею поступившихъ въ распоряженіе правительства акцій на капиталъ въ 1.500,000 ф. ст. и передачею въ пользованіе будущаго общества дороги со всѣми принадлежностями.

Исполненіе всѣхъ условленныхъ работъ и поставокъ должно было быть произведено за оптовую плату (при тогдашнемъ курсѣ 7 руб. 80 к. за ф. ст.), 67,794 руб. кредитныхъ на версту.

Источниками платежа имѣли служить: 1) суммы государственнаго казначейства, взамѣнъ которыхъ поступали на 1.500,000 ф. ст. акціи, которыя правительство оставляло за собою за исключеніемъ 1/4 части (на сумму 375,000 ф. ст.), пріобрѣтенной по нарицательной цѣнѣ учредителями, и 2) суммы, выручаемыя продажей имѣющихъ быть выпущенными учредителями облигацій на сумму 7.000,000 ф. ст. Облигаціи эти правительство впослѣдствіи оставило за собою.

Въ слѣдующемъ 1867 году, 1-го марта елецкое земство, получивъ концессію на постройку желѣзной дороги отъ Грязей до Ельца съ 5% правительственною гарантіею на капиталъ, разсчитанный по 76,268 руб. металл. съ версты, права свои передаетъ С. С. Полякову и, по всей вѣроятности, съ немаловажными барышами, какъ можно предположить въ виду высокой строительной цѣны.

Эти ли барыши, или мѣстные интересы, или же совмѣстное дѣйствіе этихъ двухъ элементовъ вызвало, когда дѣло коснулось постройки дороги отъ Ельца до Орла, конкурренцію уже не одного, но трехъ земствъ: ефремовскаго, елецкаго и ливенскаго. Побѣда осталась за елецкимъ земствомъ, которое въ апрѣлѣ 1868 года и получило концессію на постройку желѣзной дороги отъ Ельца до Орла съ пониженіемъ поверстной стоимости, вслѣдствіе вышеупомянутой конкурренціи, до 70,000 руб. металличе-

скихъ съ версты. Полученная концессія, также какъ и предыдущія, немедленно была передана.

Въ мартѣ 1867 года выдана была весьма характеристическая, служащая доказательствомъ тогдашняго настроенія, концессія на постройку шуйско-ивановской дороги, отъ ст. Новки до Иванова, М. А. Горбову и Бусурину, по которой строительный капиталъ опредѣленъ только по 56,616 руб. мет. на версту, безъ правительственной гарантіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено обществу, что если оно начнетъ строить дорогу на свои средства, то правительствомъ будетъ ему дарована (впредь до выпуска облигацій) ссуда въ размѣрѣ половины употребленныхъ имъ суммъ, но не болѣе 1.000,000 руб., и что, когда будетъ исполнено не менѣе половины всѣхъ работъ, общество пріобрѣтетъ право ходатайствовать о назначеніи правительственной гарантіи на весь строительный капиталъ.

Для помѣщенія капиталовъ всѣхъ вышеупомянутыхъ дорогъ служили преимущественно, какъ выше было указано, германскіе рынки и значительная часть барышей отъ построекъ желѣзныхъ дорогъ того времени распредѣлялась между строителями и посредниками-банкирами, которые занимались помѣщеніемъ выпускаемыхъ бумагъ.

Но, несмотря на то, что эти посредники были сильно заинтересованы въ дѣлѣ постройки нашихъ дорогъ, тѣмъ не менѣе нѣмецкіе рынки вскорѣ переполнились нашими желѣзно-дорожными бумагами и помѣщеніе ихъ сдѣлалось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что политическія замѣшательства, порожденныя люксембургскимъ вопросомъ, возбуждали именно для Германіи, серьёзныя опасенія за сохраненіе мира. Не подлежитъ сомнѣнію, что дальнѣйшее развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи пріостановилось бы, если бы нашимъ желѣзно-дорожнымъ облигаціямъ не была дарована абсолютная гарантія и, вслѣдствіе того, для нихъ не былъ открытъ англійскій рынокъ. Заслуга открытія англійскаго рынка принадлежитъ обществу орловско-витебской дороги, которому первому удалось помѣстить тамъ свои облигаціи. Но прежде, чѣмъ описать эту операцію, необходимо представить интересную картину судебъ этой дороги.

Выше было уже указано, что заключенный 17-го декабря 1865 года уступочный договоръ съ баронетомъ Мортономъ Пито, а потомъ съ Бишофсгеймомъ и К°, несмотря на дарованныя имъ отсрочки до 1-го декабря 1866 года, не состоялся. Въ виду этого, земство орловской губерніи вошло съ ходатайствомъ о дарованіи ему концессіи, на тѣхъ же основаніяхъ, какія были да-

рованы баронету Пито, но уже, въ виду пріобрѣтенныхъ въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ опытовъ, съ уменьшеніемъ основного, гарантируемаго правительствомъ, капитала до 6.000,000 ф. ст. (вмѣсто 6.582,500 ф. ст.), т.-е. 77,390 руб. метал. съ версты.

Земство просило о выдачѣ ему удостовѣренія, что концессія будетъ ему выдана, если оно въ теченіи 8-ми недѣль представитъ доказательства, что всѣ акціи, на сумму, не превышающую 1/4 капитала, разобраны со взносомъ 10%. Въ январѣ 1867 года требуемое удостовѣреніе и было выдано земству.

Но уже въ февралѣ 1867 года уполномоченные земства, въ виду затрудненій собрать капиталъ, вошли съ новымъ ходатайствомъ о дарованіи облигаціямъ общества безусловной гарантія, считая оную со дня ихъ выпуска, а не со дня открытія дороги для движенія. Ходатайство это, въ виду сознаваемыхъ затрудненій въ пріисканіи капиталовъ, признано уважительнымъ и въ мартѣ 1867 года получило утвержденіе. Въ обезпеченіе предпріятія, общество должно было внести въ одно изъ кредитныхъ учрежденій залогъ 937,500 мет. р.

Орловское земство, на другой день послѣ полученія концессіи, заключило два контракта: одинъ на реализацію капитала, поставку рельсовъ, подвижного состава и металлическихъ принадлежностей съ барономъ Френкелемъ, который и внесъ за земство въ государственный банкъ требуемый залогъ, другой—съ строителями Губонинымъ и Казаковымъ на постройку оптомъ полотна дороги и всѣхъ ея сооруженій. Такимъ образомъ, и орловское земство, на подобіе предшествовавшихъ, всѣ права и обязанности свои передало барону Френкелю, Губонину и Казакову.

Баронъ Френкель, заключивъ, какъ казалось, весьма выгодный контрактъ и имѣя въ рукахъ удостовѣреніе правительства объ абсолютной гарантіи для облигацій, для помѣщенія послѣднихъ, конечно, обратился немедленно заграницу, такъ какъ о помѣщеніи какой бы то ни было части таковыхъ внутри Россіи, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могло быть и рѣчи. Но дѣло это не было такимъ легкимъ, какъ это можетъ казаться многимъ, малознакомымъ съ исторіею нашихъ желѣзныхъ дорогъ и финансовъ.

На берлинскомъ рынкѣ, вслѣдствіе переполненія его и нашими, и другими спекулятивными бумагами и политическихъ опасеній, не оказалось возможности ни помѣстить орловско-витебскія облигаціи, ни получить какую бы то ни было ссуду подъ залогъ ихъ. Голландскій и парижскій денежные рынки представляли такія же неблагопріятныя къ тому условія. Затѣмъ, барону

Френкелю оставался только лондонскій рынокъ, но и здѣсь орловско-витебскія облигаціи не нашли лучшаго пріема.

Даже для предложенія облигацій къ подпискѣ невозможно было найти въ Англіи ни одного банкирскаго дома. Братья Берингъ, которымъ баронъ Френкель предлагалъ, подъ залогъ 2.000,000 фунтовъ облигацій, выдать ссуду лишь 500,000 фунтовъ на 3 мѣсяца съ 2% вознагражденія въ видѣ коммиссіи, кромѣ права на проценты по купонамъ (что составляло 13%), тѣмъ не менѣе, несмотря на очевидную выгодность предлагаемыхъ условій, отказались. При этомъ братья Берингъ не скрывали вовсе мотива своего отказа, состоявшаго преимущественно въ опасеніи за состоятельность государства по выдаваемымъ обществамъ гарантіямъ. Казалось, что орловско-витебскую дорогу не минуетъ участь предшествовавшихъ концессій, когда предпринятая австрійскимъ правительствомъ мѣра обложенія купоновъ австрійскихъ фондовъ налогомъ сдѣлала въ англійскомъ общественномъ мнѣніи переворотъ въ пользу Россіи.

Въ виду этого новаго обстоятельства, банкирскій домъ Томсонъ Бонаръ и К° въ Лондонѣ согласился открыть подписку за вознагражденіе въ 50,000 фунтовъ, которое баронъ Френкель обязался уплатить даже въ случаѣ неудачи подписки. И дѣйствительно, 13 (25) іюня 1867 г. подписка была открыта и почти все предложенное количество облигацій 2.000,000 фунтовъ было подписано. Подписная цѣна была установлена по $72\frac{1}{2}$%, но въ сущности, такъ какъ подписчики вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали право на купонъ за истекшее время, облигаціи выпускались нѣсколько ниже 70%. Цѣна эта, въ виду того, что наши желѣзно-дорожныя облигаціи на берлинской биржѣ котировались около 72%, оказывалась весьма высокою.

Затѣмъ, въ іюнѣ 1867 г. выдаются концессіи на риго-митавскую, съ 5% гарантіей на строительный капиталъ 68.000 р. мет. съ версты, и на поти-тифлисскую дорогу, строительный капиталъ которой опредѣленъ въ 61,930 р. съ версты, и 1 марта 1868 г. на постройку желѣзной дороги отъ Курска до Харькова, какъ части курско-харьково-азовской дороги. Исторія постройки этой дороги, уступленной С. С. Полякову, имѣетъ особый интересъ, по причинѣ примѣненія къ ней въ первый разъ если еще не совсѣмъ правильной, то во всякомъ случаѣ болѣе открытой конкурренціи.

Выше было указано нами, что данное въ 1865 году право на сооруженіе курско-азовской дороги, по непріисканію капиталовъ, потеряло свою силу лишь въ январѣ 1867 года.

Если обратить вниманіе на фактъ, что многія другія дороги находили уже возможность помѣщать свои бумаги, нельзя не согласиться, что въ это время необходима была значительная доля и умѣнья, и финансовыхъ связей, чтобы пріискать капиталы. Операція эта не была дѣломъ столь легкимъ и простымъ, какъ это многимъ сегодня можетъ казаться, и если бы съ этой точки зрѣнія писалась исторія постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ, то несомнѣнно многія произносимыя до сихъ поръ неблагопріятныя сужденія стояли бы на болѣе справедливой почвѣ.

За уничтоженіемъ выданнаго удостовѣренія, немедленно отъ многихъ лицъ поступили предложенія на постройку курско-харьковской дороги за оптовую сумму въ видѣ подряда. Вслѣдствіе сего, послѣ составленія нормальныхъ условій, приглашены были какъ лица, заявившія свои предложенія, такъ и другіе изъ извѣстныхъ строителей-подрядчиковъ, съ тѣмъ, чтобы они окончательныя свои цѣны доставили въ министерство путей сообщенія въ запечатанныхъ конвертахъ 5-го января 1868 г., и засимъ, послѣ обсужденія сдѣланныхъ предложеній, 1-го марта 1868 г. концессія на курско-харьково-азовскую дорогу предоставлена С. С. Полякову по 68,000 р. м. съ версты.

Между тѣмъ все общество охватила желѣзно-дорожная горячка, вызванная отчасти появленіемъ капиталовъ, сбереженныхъ отъ предшествовавшихъ построекъ и слухами о баснословныхъ барышахъ, получаемыхъ отъ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Все это создало столь сильную конкурренцію на полученіе концессій, особенно со стороны земствъ, поддерживаемыхъ, подъ предлогомъ защиты собственныхъ мѣстныхъ интересовъ, наиболѣе вліятельными въ государствѣ лицами, что финансовая администрація измѣняетъ систему, и, чтобы избавиться отъ имѣющихъ цѣлью только барыши постройки ходатайствъ и проектовъ, вводитъ систему сооруженія дорогъ съ замѣною гарантіи правительства на акціонерный капиталъ—денежнымъ участіемъ и гарантіею ищущихъ концессіи земствъ, которыя этимъ путемъ предполагалось серьёзно заинтересовать въ успѣхахъ дѣла. На такихъ условіяхъ выдается концессія на грязе-царицынскую дорогу. Кромѣ того, при постройкѣ грязе-царицынской дороги, въ первый разъ появляются не только акціи, вмѣсто правительственной гарантіи, съ гарантіею земства, но еще дѣлается финансовою администраціею весьма важное по своимъ послѣдствіямъ нововведеніе, состоящее въ пріобрѣтеніи самимъ правительствомъ облигацій.

Этою мѣрою столь значительно облегчается желѣзно-дорожное дѣло: оно изъ финансовыхъ средъ переходитъ въ строитель-

скія. Послѣдствіемъ того является, что ходатайства о выдачѣ концессій, интриги и подходы, сдерживаемые опасеніемъ не пріискать капиталовъ, еще усилились, и если вспомнить тогдашнее настроеніе всего общества и биржи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что и финансовая администрація, видѣвшая неожиданную при этомъ еще доходность нѣкоторыхъ изъ открытыхъ линій, предалась также самообольщенію, и ей казалось, что и безъ правительственной гарантіи устройство желѣзныхъ дорогъ въ Россіи раціонально вполнѣ возможно. Вслѣдствіе такого всеобщаго убѣжденія, послѣдовало высочайшее повелѣніе о пріостановкѣ выдачи концессій съ правительственною гарантіею, и на такихъ условіяхъ выдана была тамбовскому и козловскому земствамъ, въ апрѣлѣ 1868 г., концессія на козлово-тамбовскую дорогу.

Поверстная стоимость дороги опредѣлена въ 68,919 р. нарицательнаго капитала, который долженъ былъ составиться выпускомъ 60,78% негарантированныхъ акцій кредитныхъ и 39,22% облигацій 5% металлическихъ, гарантированныхъ земствами.

Поверстная стоимость дороги, при чрезвычайно благопріятныхъ мѣстныхъ и техническихъ условіяхъ, была разсчитана столь широко, что для сооруженія дороги было достаточно почти одного облигаціоннаго капитала; но тѣмъ не менѣе дорога долго не могла быть выстроена, земства обращались съ предложеніями къ многимъ лицамъ, но акціи, а тѣмъ менѣе облигаціи не было возможности помѣстить ни внутри страны, ни заграницею, такъ какъ ни гарантіи земства, ни будущности дороги никто не довѣрялъ.

Только въ началѣ 1869 года, когда русскія желѣзно-дорожныя облигаціи, гарантированныя правительствомъ, все болѣе и болѣе стали находить себѣ покупателей, сдѣлана была въ Лондонѣ подписка на облигаціи тамбово-козловской дороги, которая оказалась удачною. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что англичанамъ, незнакомымъ съ устройствомъ нашихъ земствъ, не легко было различить, при сдѣланной редакціи проспекта для подписки, гарантированы-ли облигаціи однимъ лишь земствомъ, или же и правительство за земство принимаетъ ручательство. Изъ созданныхъ тогда вполнѣ негарантированныхъ дорогъ, если не по результатамъ постройки, какъ извѣстно, кончившейся несостоятельностію строителей и вынудившей общество увеличить первоначальный основной капиталъ, то по результатамъ эксплуатаціи, наиболѣе удачною является рыбинско-бологовская дорога.

Въ то же время выданную эстляндскому дворянству, также безъ правительственной гарантіи, концессію на постройку желѣзной дороги отъ Балтійскаго порта до С.-Петербурга по 70.000 руб.

съ версты, постигла другая, если не заслуженная, то во всякомъ случаѣ счастливая участь. Впослѣдствіи, въ ноябрѣ 1870 г. весь капиталъ общества получилъ 3°/₀ металлическую гарантію.

Къ разряду дорогъ, акціи которыхъ выпущены безъ правительственной гарантіи, принадлежитъ также линія отъ Харькова до Кременчуга, длиною 247 верстъ, уступленная въ августѣ 1868 г. по 57,895 мет. руб. съ версты.

Послѣдующая затѣмъ концессія не лишена интереса и представляетъ собою новый пріемъ, чтобы заставить правительство выдать концессію.

Устройство тамбово-саратовской дороги, длиною 340 верстъ, было предоставлено земствамъ саратовской губерніи и кирсановскаго уѣзда тамбовской губерніи, совмѣстно съ обществомъ города Саратова. Капиталъ былъ опредѣленъ въ 27.734,236 р. мет. (81,571 р. мет. съ версты) и образованъ выпускомъ 27,3°/₀ акцій и 72,7°/₀ облигацій. Земство и общество города Саратова обезпечивали создаваемому для сооруженія и эксплуатаціи дороги обществу абсолютную, со дня выпуска акцій до истеченія срока концессіи, гарантію въ пять металлическихъ процентовъ чистаго дохода на нарицательный акціонерный капиталъ общества въ 7.573,326 мет. руб. и, сверхъ того, $^1/_{12}$°/₀ для погашенія. Правительство обязалось лишь принимать акціи общества залогами во всѣхъ казенныхъ подрядахъ и поставкахъ наравнѣ съ бумагами, гарантированными правительствомъ.

На собранный по акціямъ капиталъ, общество обязано было строить первый участокъ дороги отъ Тамбова, на протяженіи 110 верстъ; до открытія же движенія на первомъ участкѣ, общество должно было представить на утвержденіе правительства условія реализаціи облигаціоннаго капитала, съ тѣмъ, что владѣльцы первоначальныхъ акцій, при подпискѣ, сохраняли за собою преимущество на пріобрѣтеніе бумагъ, имѣющихъ быть выпущенными впослѣдствіи для продолженія дороги. Земство права свои передало строителю; акціи съ трудомъ помѣщались, а облигаціи общества могли быть реализованы только при пособіи правительства.

Изъ вышесказаннаго видно, сколько было колебаній и опытовъ съ цѣлью выработать такую систему выдачи концессій на желѣзныя дороги, которая наиболѣе гарантировала бы интересы страны и правительства.

Болѣе другихъ распространенная система отдачи концессій земствамъ оказалась наименѣе удачною. Земства являлись лишь дорого обходящимся государству и почти всегда неумѣлымъ посредникомъ между оптовыми строителями, такъ-называемыми кон-

цессіонерами, и правительствомъ. Но, кромѣ этого, представлялись и другія неудобства—вліяніе сильныхъ міра сего и вообще связи, особенно при отдачѣ концессіи земствамъ, стали играть столь видную и опасную даже для государственнаго достоинства и кредита роль, что правительство нашлось вынужденнымъ составить и опубликовать правила о порядкѣ выдачи концессій на желѣзныя дороги посредствомъ торговъ.

Первою изъ дорогъ, на которую произведено было состязаніе, была московско-смоленская желѣзная дорога. На состязаніи высшая цѣна предъявлена была въ 60,000 р. на версту; низшую же цѣну въ 53,290 р. предложили А. Шенелеръ и банкирскій домъ Зульцбахъ, во Франкфуртѣ, за которыми 15 декабря 1868 г. и утверждена концессія. Капиталъ составленъ изъ 1/4 негарантированныхъ акцій и 3/4 гарантированныхъ облигацій, реализація коихъ по концессіи предоставлена самому обществу.

Концессія на либавскую дорогу, сданная съ торговъ на основаніи тѣхъ же правилъ, вслѣдствіе заявленной на торгахъ до того времени небывалой низкой цѣны и особыхъ условій, обнаружившихъ, при утвержденіи концессіи, правительству дѣйствительную стоимость построекъ, а также вслѣдствіе покупки правительствомъ, по навпередъ установленной цѣнѣ, облигацій общества, составляетъ начало новой эпохи дешевой постройки дорогъ въ Россіи.

Мысль о соединеніи либавскаго порта съ внутренними путями торговли была одобрена правительствомъ еще въ 1847 году, и разрѣшено либавскому купечеству построить желѣзную дорогу отъ Юрбурга до Либавы, длиною 199 1/2 верстъ, съ правительственною гарантіею чистаго дохода въ 4% на дѣйствительно употребленный капиталъ. Но необходимый капиталъ не могъ быть собранъ, и въ 1848 году высочайше разрѣшено отложить предпріятіе до того времени, пока либавское купечество не соберетъ необходимыя денежныя средства.

Затѣмъ, въ 1857 году, въ число линій, уступленныхъ Главному обществу россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, была включена линія отъ Курска или Орла, черезъ Динабургъ, къ либавскому порту.

Въ 1862 году, либавское купечество вновь испрашивало, для сооруженія ковно-либавской желѣзной дороги, гарантію въ 5 1/4% на капиталъ 62,000 руб. мет. съ версты, но ходатайство это отклонено. Въ мартѣ 1865 г. либавское купечество также неуспѣшно ходатайствовало о дарованіи гарантіи 5% чистаго дохода и погашенія съ нарицательнаго капитала: по линіи съ направленіемъ на Россіены по 70,000 руб. мет. на версту, а по линіи на Шавли (298 верстъ) по 68,000 руб. мет. на версту.

Между тѣмъ еще въ 1857 году правительство приняло на себя обязательство довершить устройство либавскаго порта ко времени окончанія главнымъ обществомъ постройки дороги отъ Динабурга до Либавы. Такимъ образомъ либавскій портъ избранъ былъ, предпочтительно предъ другими балтійскими портами, для отпускной торговли. Выборъ этотъ сдѣланъ былъ послѣ подробныхъ изслѣдованій портовъ Балтійскаго моря, которыя показали естественныя преимущества либавскаго порта предъ прочими. Вслѣдствіе того составленъ и утвержденъ былъ проектъ устройства и улучшенія этого порта, и въ 1861 году начаты по этому проекту работы.

На улучшеніе либавскаго порта употреблено правительствомъ болѣе 1.600,000 р., и посему существовало предположеніе, что портъ этотъ вполнѣ приспособленъ для торговли, и въ декабрѣ 1868 г. опредѣлено было включить дорогу отъ Либавы черезъ Шавли до Ковно въ число восьми нужнѣйшихъ желѣзно-дорожныхъ линій. Въ виду же большого числа предложеній, опредѣлено было открыть состязаніе на выдачу концессіи для сооруженія либавской дороги. Для этого составленъ былъ проектъ нормальной концессіи въ примѣненіи къ концессіи на московско-смоленскую дорогу, съ тѣмъ существеннымъ отъ нея различіемъ въ финансовыхъ условіяхъ, что на основаніи послѣдовавшаго 23 апрѣля 1869 года, по журналу особаго комитета, высочайшаго повелѣнія, акціонерный капиталъ составлялъ $^1/_3$ безъ правительственной гарантіи, а облигаціонный $^2/_3$ всего основного капитала съ 5% гарантіею. Для избѣжанія выпуска облигацій самимъ обществомъ, правительство оставляло за собою весь облигаціонный капиталъ, обязываясь выдавать обществу, по мѣрѣ выполненія работъ, $^2/_3$ изъ стоимости, исчисленной по расцѣночной вѣдомости, по курсу 75 за 100.

Въ маѣ 1869 года, съ высочайшаго разрѣшенія, были приглашены на конкурренцію 12 группъ соискателей.

На конкурренціи, синдикатъ, состоящій изъ барона Фитингофа, Шипова, банкирскихъ домовъ Жака, Симона и меня, предложилъ цѣну на 4.527,650 мет. руб. менѣе высшей изъ объявленныхъ при состязаніи цѣнъ (58,000 руб. на версту) и на 1.146,600 мет. руб. менѣе ближайшей низшей цѣны (47,400 руб. мет. на версту), т.-е. весь капиталъ на дорогу, длиною въ 294 версты, исчислялся въ 12.789,000 мет. руб., чтó составляетъ на версту 43,500 р. мет. номинальнаго капитала.

Цѣна эта представлялась баснословно низкою—тѣмъ болѣе, что подвижной составъ для либавской дороги былъ, въ виду ожидавшагося правительствомъ громаднаго движенія, потребованъ, какъ

можно убѣдиться изъ нижеслѣдующаго, въ небывалыхъ до того времени размѣрахъ.

По концессіи, требовалось паровозовъ 59, вагоновъ багажныхъ и пассажирскихъ 82, вагоновъ товарныхъ и платформъ 1,288. Это количество подвижного состава было столь велико, что впослѣдствіи поставка 25 паровозовъ и 430 товарныхъ вагоновъ и платформъ, по оцѣнкѣ на сумму 990,000 руб., была отложена и акціонерамъ разрѣшено не вносить по акціямъ помянутую сумму, и отъ акціонеровъ вслѣдствіе сего не потребованъ взносъ 20 рублей на акцію.

Столь низкая цѣна вызвала со стороны другихъ конкуррентовъ заявленія о неисполнимости принимаемыхъ обязательствъ. Правительство, привыкшее къ чрезмѣрно высокимъ поверстнымъ цѣнамъ прошлаго времени, смотрѣло уже съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на результаты, достигнутые при состязаніи на постройку московско-смоленской дороги. Заявленная же цѣна либавской дороги, будучи еще на 9,210 руб. мет. съ версты ниже цѣнъ, заявленныхъ на московско-смоленскую дорогу, такъ озадачила правительство, что утвержденіе предъявленной на торгахъ низшей цѣны было пріостановлено и потребованы осязательныя доказательства возможности, за испрашиваемую сумму, осуществить предпріятіе.

Для этой цѣли назначенъ былъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ г. министра путей сообщенія графа В. А. Бобринскаго, состоящій изъ барона А. И. Дельвига, П. А. Фадѣева и Н. О. Дунина, передъ которыми мнѣ лично пришлось доказывать правильность произведенныхъ мною изысканій и составленныхъ смѣтъ на всѣ работы и поставки безъ исключенія.

Послѣдствіемъ такого, такъ сказать, экзамена желѣзно-дорожнаго строительства явилась со стороны г. министра путей сообщенія и извѣщеннаго о результатахъ г. министра финансовъ столь энергическая поддержка, что, несмотря на всѣ маневры противниковъ, 21 іюня концессія была утверждена по предложенной на торгахъ цѣнѣ. Въ дальнѣйшихъ судьбахъ либавской желѣзной дороги будучи заинтересованъ, считаю, что будетъ болѣе правильнымъ дать мѣсто тому, чтб говоритъ оффиціальный сборникъ министерства путей сообщенія о желѣзныхъ дорогахъ (1872 г. стр. 63):

«Было предположеніе, чтò либавская желѣзная дорога, въ виду важности для отпускной торговли либавскаго порта, равно въ виду незначительности затраченнаго на ея сооруженіе капитала (по 43,500 мет. руб. на версту), а также незначительности расходовъ на ея эксплуатацію (менѣе 2,000 руб. на версту), будетъ

давать значительные доходы; но въ продолженіи перваго полугодія, со времени ея открытія, она не только не давала возможности уплачивать проценты правительству по гарантированнымъ имъ облигаціямъ, но доходность ея едва достигала половины ея расходовъ на эксплуатацію. Причиною неудовлетворительности дохода было открытіе новыхъ дорогъ: бресто-граевской, рижско-больдераaской, а главное, мелководье порта, что заставляло иностранныя суда, назначенныя въ Либаву, проходить мимо или возвращаться въ Кенигсбергъ и Мемель. Несмотря на свою незамерзаемость въ теченіи всей зимы, либавскій портъ, такимъ образомъ, не привлекалъ грузовъ зимнеотпускной нашей торговли изъ С.-Петербурга, Москвы, Орла и Риги, и товары слѣдовали чрезъ Динабургъ къ прусской границѣ, а оттуда въ Кенигсберъ и Мемель».

«Въ виду этого, представлялось необходимымъ сократить путь для товаровъ, идущихъ чрезъ Динабургъ къ либавскому порту, постройкою желѣзной дороги отъ Динабурга къ ближайшей станціи либавской дороги, и улучшить либавскій портъ. Вслѣдствіе сего, высочайше утвержденнымъ 24 марта 1870 г. журналомъ комитета желѣзныхъ дорогъ, желѣзная дорога отъ Динабурга до Шавли была отнесена къ числу дорогъ, устройство которыхъ признано необходимымъ, и концессія на таковую, по цѣнѣ 19,292 руб. мет. на версту, безъ подвижного состава, опредѣлившейся послѣ частнаго состязанія между конкуррентами, была предоставлена либавскому обществу, на которое вмѣстѣ съ тѣмъ возложена обязанность расширенія и улучшенія порта, безъ чего либавская дорога не могла давать дохода».

На улучшеніе порта опредѣлялась сумма 1.500,000 рублей. Но произведенныя изслѣдованія показали, что для улучшенія либавскаго порта необходимо было предпринять гораздо болѣе значительныя работы и что, вмѣсто суммы 1.500,000 р., потребуется до 5 милл. руб.

Вслѣдствіе сего утвержденіе плановъ замедлилось и портъ по настоящее время остался неулучшеннымъ, такъ что дорога едва въ состояніи выручать свои ничтожные эксплуатаціонные расходы.

Затѣмъ, съ цѣлью привлечь грузы внутреннихъ губерній, либавская дорога только въ настоящемъ году соединена съ ландварово-роменскою дорогою, и для улучшенія порта имѣютъ быть ассигнованы средства, какія окажутся необходимыми.

О послѣдующихъ концессіяхъ, какъ принадлежащихъ уже къ послѣдующему періоду, удобнѣе будетъ говорить въ слѣдующей статьѣ.

Н. С. Блюхъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е сентября, 1877.

Введеніе судебныхъ уставовъ въ западныхъ губерніяхъ.—Полемика по вопросу о примиреніи съ поляками.—Г-нъ Костомаровъ и «всеобщая къ намъ нелюбовь».—Начала реформы Н. А. Милютина.—Нынѣшнее и будущее польское общество.—Прежнія иллюзія поляковъ.—Основы для примиренія. — Объясненіе по поводу нашихъ замѣчаній объ учебныхъ планахъ гимназій.

Законодательная дѣятельность не была пріостановлена войною; въ прошломъ мѣсяцѣ обнародованъ утвержденный 19 іюня законъ о введеніи судебныхъ уставовъ въ полномъ ихъ объемѣ въ девяти западныхъ губерніяхъ. Такъ какъ эта реформа создаетъ три новые судебные округа, съ 11-ю окружными судами и потребуетъ новаго расхода государственнаго казначейства свыше милліона рублей въ годъ, то естественно, что введеніе ея въ дѣйствіе не могло послѣдовать въ военное время; сроки будутъ опредѣлены въ особомъ постановленіи, и хотя послѣдними пунктами новаго закона предписывается внесть въ государственный совѣтъ окончательныя соображенія о срокахъ открытія учреждаемыхъ судовъ—ко времени разсмотрѣнія бюджета на 1878 годъ, однако легко можетъ случиться, что военныя обстоятельства заставятъ отложить открытіе судовъ еще на нѣкоторое время. Тѣмъ не менѣе нынѣшняя, весьма важная для цѣлой западной полосы имперіи, реформа была обсуждена и обнародована въ военное время, чтò и представляетъ краснорѣчивое опроверженіе тѣмъ толкамъ, которые требовали отсрочки всѣхъ внутреннихъ вопросовъ еще въ то время, когда воевала одна Сербія. Теперь Россія напрягаетъ свои силы на войну и притомъ все-таки не отказывается отъ разрѣшенія внутреннихъ вопросовъ, въ ряду которыхъ одно изъ главныхъ мѣстъ занимаетъ вопросъ объ уравненіи въ правахъ съ центральными губерніями губерній западныхъ.

Основная черта новаго закона указывается въ самомъ его заго-

ловкѣ словами: „введеніе уставовъ 20 ноября 1864 года *въ полномъ ихъ объемѣ*". Центрами новыхъ округовъ и резиденціями судебныхъ палатъ избраны Кіевъ, Вильна и Смоленскъ. Къ кіевскому округу будутъ принадлежать губерніи: кіевская, волынская и черниговская (доселѣ временно присоединенныя къ харьковскому округу); къ виленскому округу причисляются губерніи: виленская, ковенская и минская; къ смоленскому — губерніи: витебская и могилевская, а также калужская и смоленская, отдѣляемыя отъ московскаго округа.

Извѣстно, что существовало одно время предположеніе учредить судебный центръ для всѣхъ губерній сѣверо-западнаго края не въ Вильнѣ, а въ Смоленскѣ. Предположеніе это, которое и въ нѣкоторыхъ органахъ печати было подкрѣпляемо соображеніями псевдо-политическаго свойства, вызвало, въ свое время, нѣсколько замѣчаній съ нашей стороны; мы указывали, что истинно-политическій взглядъ не согласенъ съ введеніемъ принципа недовѣрія къ цѣлымъ мѣстностямъ въ основныя и окончательныя учрежденія; мы говорили также, что странно создавать центръ внѣ круга или опредѣлять его на самой окружности, чтó и въ практическомъ отношеніи представляло бы неудобства. Что касается соединенія всѣхъ сѣверо-западныхъ губерній въ одинъ округъ, съ центромъ въ Вильнѣ, то это представлялось затруднительнымъ уже по той причинѣ, что тѣхъ губерній—шесть, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ весьма значительное населеніе. Можно только радоваться, что верхъ одержало другое предположеніе, именно то, которое состояло въ созданіи для четырехъ изъ названныхъ губерній судебнаго центра въ Вильнѣ, и въ отдѣленіи двухъ остальныхъ къ смоленскому округу вмѣстѣ съ двумя великорусскими губерніями.

Единственное отличіе судебнаго устройства западнаго края отъ того же устройства внутреннихъ частей имперіи, по введеніи новаго закона, будетъ заключаться въ тѣхъ особенностяхъ, которыя обусловлены отсутствіемъ въ этомъ краѣ учрежденій земскихъ. При неимѣніи этой выборной среды, дѣятельность мировыхъ учрежденій и составленіе списковъ присяжныхъ должны будутъ, разумѣется, находиться подъ нѣкоторымъ вліяніемъ администраціи. Мировыя судебныя установленія въ западномъ краѣ и впредь сохраняютъ то устройство, какое имъ дано законами 1871 и 1874 годовъ, т.-е. мировые судьи будутъ по назначенію отъ правительства. Составленіе же списковъ присяжныхъ поручается особымъ уѣзднымъ, временнымъ коммиссіямъ, составленнымъ изъ всѣхъ мѣстныхъ мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ, исправниковъ и полиціймейстеровъ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства. Списки, составленные этими коммиссіями, поступаютъ для просмотра еще въ другія,

особыя губернскія коммиссіи, которымъ предоставляется право исключать изъ списковъ „безъ указанія причинъ, по которымъ онѣ не признаютъ возможнымъ допустить къ исполненію обязанностей присяжнаго засѣдателя; постановленія коммиссіи (губернской) по этому предмету составляются по большинству голосовъ и не подлежатъ обжалованію“. Эта губернская коммиссія состоитъ изъ лицъ, которыхъ, за исключеніемъ предсѣдателя мѣстнаго окружнаго суда и предводителя дворянства, должно отнести къ административнымъ: губернатора (онъ — предсѣдатель), предсѣдателя съѣзда мировыхъ судей и прокурора окружнаго суда. Относительно участія евреевъ въ составѣ присяжныхъ опредѣляется численная норма, въ соотвѣтствіи къ численности евреевъ въ населеніи.

Слѣдуетъ пожелать, чтобы временныя особенности, указанныя выше, исчезли скорѣе, то-есть, чтобы скорѣе было признано возможнымъ ввести во всемъ западно-русскомъ краѣ земскія учрежденія. Затѣмъ, оставалось бы только отмѣнить, наконецъ, процентный контрибуціонный сборъ съ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія и всякое ограниченіе права ихъ пріобрѣтать имѣнія, и тогда весь исключительный строй, созданный въ краѣ нелѣпыми попытками повстанцевъ и послѣдовавшими затѣмъ мѣрами, тяжко отозвавшимися на всемъ западномъ краѣ, былъ бы отмѣненъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и „польскій вопросъ“ окончательно упраздненъ въ русскихъ губерніяхъ.

Но мы воспользуемся этимъ случаемъ, чтобы поговорить объ этомъ вопросѣ и по отношенію къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ онъ имѣетъ естественную причину быть, къ мѣстностямъ съ населеніемъ польскимъ, то-есть поговоримъ о „польскомъ вопросѣ“ въ царствѣ польскомъ.

Польскій вопросъ, то-есть вопросъ объ управленіи мѣстностями съ польскимъ населеніемъ и объ отношеніяхъ между русскимъ и польскимъ обществами, не можетъ быть упраздненъ молчаніемъ. Французская поговорка, что молчаніе—золото, а слово—только серебро, далеко не всегда вѣрна въ примѣненіи. Иногда молчаніе означаетъ неувѣренность въ себѣ, равнодушіе къ ближнему или неумѣнье найти слово, соотвѣтствующее справедливости и обоюдной выгодѣ. Настоящая минута едва ли не наиболѣе удобна, чтобы попытаться высказать слово справедливости и взаимной пользы. Предваряемъ читателя, что наше слово будетъ, насколько это возможно, безъ утайки правды, щадить чувства поляковъ, такъ какъ не Россія въ ихъ рукахъ, а они въ рукахъ Россіи.

Обращаемся мы къ этому вопросу не только потому, что это одинъ изъ главныхъ нашихъ внутреннихъ политическихъ вопросовъ—поводъ постоянный,— но еще и потому, что именно теперь есть серьёзные

временные поводы говорить о немъ. Со времени войнъ 1812 и послѣдующихъ годовъ мы не вели войны, которая была бы такъ популярна, какъ нынѣшняя. Единодушное, страстное отношеніе общества къ нынѣшней войнѣ возвышаетъ его мысль надъ мелочами, всецѣло направляетъ ее въ сферу высшихъ государственныхъ интересовъ, побуждаетъ самыхъ скромныхъ и даже апатичныхъ людей не только сознать солидарность каждаго съ интересами государства, но и принимать участіе въ ихъ обезпеченіи — посильной активной помощью. Но мысль каждаго неудержимо стремится еще далѣе; всякій хочетъ отдать себѣ отчетъ въ нашемъ положеніи, всякій обдумываетъ, хотя бы для себя только, въ удовлетвореніе неустранимой потребности, дѣла политическія такъ, какъ въ обыкновенное время онъ обдумывалъ только свои собственныя дѣла, то-есть съ дѣйствительнымъ, живымъ желаніемъ придумать, какъ именно лучше всего слѣдовало бы поступить въ томъ или другомъ дѣлѣ. Это настроеніе возвышаетъ общественную мысль надъ разными рутинными взглядами, придаетъ ей смѣлость въ виду затрудненій, которыя въ иное время казались бы непроходимыми.

Съ другой стороны, и въ польскомъ обществѣ, въ польской журналистикѣ стало высказываться такое настроеніе, которое побуждаетъ насъ думать, что правдивое, лишенное всякаго чувства вражды слово съ русской стороны могло бы быть полезно. Правда, за границами Россіи, въ Краковѣ и Львовѣ, тамъ, гдѣ польское слово свободно, оно и теперь раздается нерѣдко противъ Россіи, несмотря на все, чтó турки ежедневно прибавляютъ для доказательства полной законности войны, нынѣ предпредпринятой Россіею даже въ общечеловѣческомъ смыслѣ. Но придавать слишкомъ большое значеніе непріязненнымъ заявленіямъ въ галицiйскихъ органахъ не слѣдуетъ по разнымъ соображеніямъ. Во-первыхъ, непріязнь къ Россіи издавна была для поляковъ рутиною, и невозможно ожидать, чтобы слѣды рутины вдругъ изгладились въ словѣ, пока не будетъ дѣйствій, которыя доказали бы до очевидности возможность примиренія. Рутина эта особенно сильна именно въ Краковѣ и Львовѣ, городахъ, гдѣ польское общество живетъ наиболѣе замкнутою жизнью и гдѣ, благодаря тому, наиболѣе могутъ держаться самообольщеніе и незнаніе истиннаго положенія дѣлъ въ частяхъ Польши, принадлежащихъ другимъ государствамъ. Во-вторыхъ, польское населеніе Галиціи не составляетъ и четверти всего числа поляковъ. Наибольшее ихъ число входитъ въ составъ русской имперіи. Уже по этому польская печать въ Галиціи не можетъ имѣть того авторитета, на какой она претендуетъ въ силу того простора, который ей предоставленъ.

Въ нашей же Польшѣ замѣчается теперь настроеніе, хотя и сдер-

жанное, конечно, но несомнѣнно болѣе благопріятное примиренію, чѣмъ когда-либо въ прежнія времена. Можно указать на адресы и на пожертвованія, которые въ прежнее время были немыслимы. Были примѣры добровольнаго поступленія поляковъ на службу для участія въ войнѣ. Въ видѣ характеристическаго примѣра, укажемъ на судьбу графа Роникера, убитаго при переходѣ чрезъ Балканы. Роникеръ, отставной военный, въ одинъ изъ годовъ волненій, раздѣляя иллюзіи своего общества, подписалъ одно изъ прошеній, поданныхъ поляками юго-западнаго края, о присоединеніи къ царству польскому, и былъ высланъ куда-то, а впослѣдствіи возвращенъ. Когда начиналась нынѣшняя война, онъ исходатайствовалъ себѣ принятіе вновь на службу въ дѣйствующую армію, организовалъ команду конныхъ піонеровъ, которая облегчила переходъ чрезъ калифарское ущелье, и былъ убитъ во главѣ своей команды. Мы указали на этотъ примѣръ именно потому, что онъ характеристиченъ. Есть основаніе думать, что среди польскаго общества немало людей, которые, отбросивъ прежнія иллюзіи, были бы готовы идти съ нами рука объ руку, и обязанность русской печати—никакъ не обезкураживать и не отталкивать высокомѣрнымъ отказомъ такого стремленія.

Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что въ составѣ нашихъ войскъ есть тысячи поляковъ, служащихъ по обязанности, и что у этихъ людей на родинѣ такія же тысячи семействъ. Если отложимъ въ сторону враждебное чувство, воспитанное давнимъ временемъ, и спросимъ себя, какъ мы полагаемъ: искренно ли желаютъ побѣды своимъ полкамъ тѣ поляки, которые служатъ въ русской арміи, и за кого молятся теперь ихъ семьи — за русскихъ или за турокъ, — то должны будемъ отвѣтить себѣ въ такомъ смыслѣ, что между русскими и большимъ числомъ поляковъ теперь есть весьма реальное звено. Не слышно жалобъ, чтобы поляки въ рядахъ нашихъ войскъ дрались худо.

Наконецъ, мысль о сближеніи, о примиреніи, объ отреченіи отъ прежнихъ политическихъ мечтаній и прямо высказывалась въ послѣднее время въ польской печати: робко и сдержанно въ печати цензурной;—рѣшительно, но съ нѣкоторыми неумѣстно-самолюбивыми выходками въ иныхъ заграничныхъ польскихъ брошюрахъ и газетахъ.

Въ виду такихъ признаковъ, долгъ русской печати — разобрать дѣло, прежде всего, безъ раздражительности. На нее, во всякомъ случаѣ, имѣетъ менѣе права побѣдитель. Слѣдовало указать на то, что въ нѣкоторыхъ послѣднихъ заявленіяхъ изъ польской среды было неумѣстнаго, напвно-спѣсиваго, неполнаго. Но обратить все свое вниманіе только на эти особенности и по поводу ихъ высказать одну раздражительность—было странно. Между тѣмъ, таковъ былъ мотивъ,

преобладавшій въ отношеніяхъ нашей печати къ указанному явленію. Мы не можемъ, конечно, разбирать всѣхъ отзывовъ, появившихся по этому поводу въ нашей печати; въ числѣ ихъ были и чисто-фельетонные, и болѣе разсудительные. Намъ слѣдуетъ и здѣсь ограничиться примѣрами.

Для примѣровъ мы укажемъ на профессора Градовскаго и г. Костомарова. Проф. Градовскій высказалъ сознаніе, что въ этомъ дѣлѣ, именно въ настоящій моментъ, есть нѣчто весьма серьёзное, нѣчто могущее стать плодотворнымъ. Г. Костомаровъ откликнулся единственно на тѣ неумѣстныя особенности, какими отличались нѣкоторыя польскія заявленія, увлекся раздражительностью и свелъ серьёзный вопросъ на безплодные попрёки, почерпнутые изъ исторіи многихъ вѣковъ, до которыхъ намъ совершенно нѣтъ дѣла именно тогда, когда мы разсуждаемъ о вопросѣ *новомъ*, разсуждаемъ о возможности исправить въ будущемъ то, что въ прошедшемъ испорчено вѣками. Подобныя увлеченія служатъ только къ тому, чтобы запутать вопросъ. Когда уважаемый нашъ историкъ выказываетъ, по поводу нѣкоторыхъ самохвальныхъ оговорокъ въ польскихъ голосахъ о примиреніи, болѣе раздраженія, чѣмъ онъ высказывалъ въ моментъ самаго польскаго возстанія, то инымъ читателямъ можетъ придти мысль: не совершили ли теперь поляки какого-либо новаго преступленія, не замышляютъ ли чего еще худшаго, чѣмъ мятежъ?

Г. Костомаровъ хочетъ непремѣнно, чтобы поляки „вошли въ славянство", стали служить „славянской идеѣ". Его главный аргументъ противъ довѣрія къ желанію поляковъ примириться съ нами въ смыслѣ политическомъ, то-есть окончательно и навсегда признать себя русскими гражданами, состоитъ въ указаніи на нелюбовь поляковъ ко всему русскому. Изъ праха вѣковъ, изъ казацкихъ войнъ и исторіи смутнаго времени уважаемый историкъ извлекаетъ доказательства этой нелюбви, и подтверждаетъ ихъ собственными наблюденіями въ новѣйшія времена. По его словамъ, поляки никакъ не могутъ полюбить ничего русскаго и на этой „нелюбви", которая въ двухъ его статьяхъ занимаетъ главное мѣсто, г. Костомаровъ основываетъ тотъ выводъ, что нынѣшнія примирительныя заявленія изъ польской среды должны быть отвергнуты русскимъ обществомъ по недовѣрію къ ихъ искренности. Онъ заходитъ такъ далеко, что спрашиваетъ: „не въ правѣ ли мы предполагать, что мечтатели о возрожденіи старой Польши желаютъ, путемъ словесныхъ изліяній дружбы, лишь „замылить" намъ глаза, чтобы мы увѣрились въ ихъ правотѣ, и вслѣдъ за нами, и правительство наше подчинилось бы той же довѣрчивости и, нуждаясь въ боевыхъ силахъ на Дунаѣ, оставило бы польскія провинціи безъ войска?" (!!). При всемъ нашемъ ува-

женіи къ г. Костомарову, мы не можемъ не замѣтить, что въ этихъ послѣднихъ словахъ, сказанныхъ, очевидно, подъ вліяніемъ увлеченія, проглядываетъ пріемъ созданія призраковъ и раздуванія страховъ, свойственный только такимъ писателямъ, съ которыми нашъ почтенный ученый не имѣлъ доселѣ ничего общаго.

Мы провѣримъ эту аргументацію, начавъ съ практическаго и кончая теоретическимъ, то-есть начнемъ съ конца. Планъ добиться вывода изъ польскихъ губерній русскихъ войскъ (для того, чтобы поднять возстаніе, конечно) посредствомъ писемъ къ профессору Градовскому и нѣсколькихъ отдѣльныхъ заявленій въ печати — столь фантастиченъ, что даже полякамъ, при всей ихъ склонности къ фантастическому, приписывать его слишкомъ наивно. Объ этомъ не стóитъ и говорить болѣе. Что касается нелюбви поляковъ ко всему русскому, то сколько бы примѣровъ отсутствія такой нелюбви мы ни могли привесть изъ личныхъ своихъ наблюденій, — мы отказываемся противопоставлять ихъ историческимъ справкамъ и личнымъ наблюденіямъ г. Костомарова. Мы спросимъ только: какую же цѣну въ смыслѣ реальномъ, въ смыслѣ политическомъ, могутъ представлять и его историческія справки, и его наблюденія? Что исторія свидѣтельствуетъ о взаимной враждѣ, которую она сама создала,—чтó же въ этомъ пригоднаго для сужденія о томъ вопросѣ, о которомъ идетъ рѣчь? Вѣдь рѣчь идетъ именно о „примиреніи". Ея не могло бы и быть, если бы исторія не создала вражды. Казацкія войны и смутное время тутъ являются совершенно некстати, такъ какъ вопросъ — о томъ, чтобы изгладить ихъ слѣды, а вовсе не въ томъ, чтобы укоренить ихъ преданіе. Нелогично противопоставлять примиренію — фактъ прежней вражды, такъ какъ одно предполагаетъ другое, и весь смыслъ перваго въ томъ, что второе было фактомъ.

Допустимъ далѣе, что г. Костомаровъ правъ, говоря, что и нынѣшніе поляки, независимо отъ примѣровъ примиренія, которые онъ самъ приводитъ,— не любятъ ничего русскаго: ни вѣры, ни обычаевъ, ни литературы, ни всѣхъ національныхъ особенностей. Но, въ концѣ-концовъ, и сводя вопросъ на почву реальную, какое намъ до этого дѣло и какая намъ нужда, чтобы поляки въ насъ влюбились? У насъ, въ Россіи, а именно среди великорусскаго элемента, давно вошла въ обычай странная манера искать любви для себя во всѣхъ инородцахъ и иностранцахъ, и жаловаться на отсутствіе или недостатокъ этой любви. Какъ будто тотъ могучій элементъ, который создалъ величайшее въ мірѣ государство, страдаетъ какимъ-то томленіемъ институтки. Извѣстный романсъ: „нѣтъ, нѣтъ, онъ меня не любитъ!" распѣвается у насъ не однѣми московскими цыганками, но большинствомъ нашихъ публицистовъ. Наши нѣмцы, какъ и по-

ляки, не любятъ ничего русскаго, презрительно относятся къ русскимъ обычаямъ, языку, литературѣ, чуждаются русской мысли,— такъ жалуются у насъ; они, какъ и поляки, отказываются „войти въ славянство", только съ нихъ мы этого и не требуемъ, такъ какъ они не славяне, а поляки—славяне. Но вѣдь, коль скоро русское государство ведетъ войну за славянъ, положеніе русскихъ подданныхъ, будь они нѣмцы, поляки или великоруссы, на дѣлѣ совершенно одинаково. Миръ съ нѣмцами существуетъ же; несмотря на нелюбовь ихъ ко всему русскому и равнодушіе ко всему славянскому, на которыя жалуются у насъ, всѣ находятъ совершенно возможнымъ, что нѣмцы—хорошіе русскіе граждане. Отчего же не допустить, что такой же миръ у насъ установится и съ поляками послѣ примиренія, хотя бы они и сохранили совершенно такое же отношеніе къ русскимъ національнымъ особенностямъ, какое завѣдомо всѣмъ сохраняютъ нѣмцы?

Наши поляки насъ не любятъ, наши нѣмцы насъ не любятъ, наши татары и евреи насъ не любятъ; даже тамъ, гдѣ-то, въ глубинѣ русскаго востока православнымъ миссіонерамъ нѣтъ житья отъ какихъ-то бурятъ; финляндцы насъ не любятъ, хотя мы ихъ защищаемъ и кормимъ; наконецъ, оказывается, что даже и сербы, и болгары, которыхъ мы пришли спасать—и тѣ насъ не любятъ или недостаточно любятъ; поочередно на всѣхъ слышны жалобы; такъ вѣчно жалуются у насъ. А за предѣлами Россіи и района ея дѣйствій—тамъ то же самое; никто насъ не любитъ: ни нѣмцы, ни англичане, ни французы; мы должны сказать себѣ, что мы на свѣтѣ совершенно одни, какіе-то бѣдные сироты, которыхъ никто „не любитъ". И этотъ плачъ—любимый мотивъ публицистовъ восьмидесяти-милліоннаго народа! Вѣдь это, наконецъ, просто несогласно съ нашимъ достоинствомъ.

Какой любви намъ надо и для чего намъ нужно, чтобы всѣ непремѣнно любили и наши церкви, и наши обычаи, и нашъ языкъ, и нашу литературу, и наши пироги, и пѣтушковъ на нашихъ крышахъ и нашихъ полотенцахъ?

По отношенію къ иностранцамъ, совершенно достаточно, если имъ внушаетъ уваженіе наша матеріальная сила; лестно будетъ для насъ, если когда-нибудь имъ внушитъ уваженіе и наша сила умственная. А безъ любви ихъ мы проживемъ.

По отношенію къ нашимъ инородцамъ, необходимо только одно, чтобы они считали себя солидарными съ русскимъ государствомъ, чтобы продолжали быть или согласились быть добрыми русскими гражданами; чтобы политическій патріотизмъ ихъ былъ—въ Россіи. А затѣмъ, пусть отдаютъ полнѣйшее предпочтеніе своимъ національ-

нымъ особенностямъ надъ великорусскими, пусть обожаютъ каждый свой національный типъ, пусть даже свысока относятся, если желаютъ, къ нашей литературѣ и нашимъ пирогамъ.

Требовать, до примиренія, чтобы поляки стали „любить" все русское и затѣмъ прониклись „славянскою идеей"—значитъ разсуждать не серьёзно; это значитъ вводить какіе-то институтскія чувствительныя мечты въ ту жестко-реальную область, къ которой принадлежатъ вопросы политическіе. Спросимъ г. Костомарова: кто на свѣтѣ любитъ нѣмцевъ, кромѣ ихъ самихъ? И что же, развѣ они печалуются на свое сиротство? Развѣ какая-либо мѣра въ Познани, Силезіи, Шлезвигѣ, Эльзасѣ и Лотарингіи принималась на основаніи мотива, что поляки, датчане, французы, не любятъ ничего нѣмецкаго, характера ли или языка, или литературы, или музыки, или кухни, или вальса? Никогда ни одинъ нѣмецъ не требовалъ, чтобы полякъ, датчанинъ и французъ стали любить все нѣмецкое, не только больше своего, но хотя бы сколько-нибудь. Основы для мѣропріятій въ Германіи всегда были исключительно политическаго свойства и имѣли въ виду только одно: вѣрность мѣстныхъ населеній государству (Loyalität) или обезпеченіе его интересовъ ограниченіемъ правъ тѣхъ населеній. Если же при этомъ употреблялась еще система, направленная прямо противъ національностей, система германизаціи, то употреблялась она потому, что для нея Германія имѣетъ средство, котораго мы не имѣемъ—колонизацію, могущественное орудіе въ странѣ, которая такъ или иначе, туда или сюда, должна ежегодно выбросить изъ себя сотню, другую тысячъ людей. Но ни одному нѣмцу въ голову не приходило указывать на „отсутствіе любви" къ національному нѣмецкому типу, какъ на непреодолимое препятствіе къ примиренію, къ удовлетворительному сожительству въ государствѣ, къ *политической* неблагонадежности инородцевъ. Польскіе депутаты были всегда на прусскомъ сеймѣ, польскіе генералы нерѣдко командовали прусскими корпусами, польскіе магнаты иногда исполняли важныя дипломатическія порученія и имѣли даже большое вліяніе при дворѣ (какъ недавно умершій князь Радзивиллъ при нынѣшнемъ дворѣ). Отъ нихъ никто не требовалъ и не ждалъ, чтобы они сдѣлались нѣмцами въ смыслѣ *національномъ;* считалось вполнѣ достаточнымъ, что они—вѣрные граждане, что они считаютъ себя пруссаками въ смыслѣ политическомъ и, если угодно,—*народномъ*, но вовсе не національномъ.

Что касается „славянской идеи", о которой говоритъ г. Костомаровъ и которой онъ требуетъ, чтобы поляки послужили, то мы пока не видимъ никакой реальной „славянской идеи", кромѣ того *факта*, что Россія, къ гражданамъ которой принадлежатъ и нѣсколько мил-

ліоновъ поляковъ, ведетъ войну съ Турціею, для улучшенія участи балканскихъ славянъ. Въ этой войнѣ поляки принимаютъ участіе наравнѣ съ нами, въ соотвѣтствіи къ численности населеній. Чего же еще требуетъ отъ нихъ г. Костомаровъ для „славянской идеи"? Замѣтимъ, что доселѣ онъ ея не опредѣлилъ. А очень желательно было бы видѣть ея опредѣленіе г. Костомаровымъ. Неужели же это прежде всего—именно вѣроисповѣдная идея? Но въ такомъ случаѣ, ни отъ поляковъ, ни отъ чеховъ нельзя и требовать, чтобы они ею прониклись. Если же эта идея племенная, то мы, по крайней мѣрѣ, не видимъ возможности формулировать ее въ настоящее время и вмѣстѣ съ г. А. П., авторомъ „Замѣтки по южно-славянскому вопросу", помѣщенной въ іюньской книгѣ „Вѣстника Европы" (стр. 806), полагаемъ, что „славянская идея есть дѣло будущаго", и что „категорически заявляя ее теперь, мы говоримъ чисто-произвольную вещь". Если г. Костомаровъ думаетъ иначе, если онъ можетъ формулировать нынѣ же „славянскую идею", какъ нѣчто реальное и безспорное, то пусть онъ это сдѣлаетъ. Въ своемъ качествѣ заслуженнаго и всѣми уважаемаго историко-филолога, пусть онъ оформулируетъ эту „идею", хотя бы только въ сферѣ тѣхъ національныхъ особенностей, которыя представляются разными славянскими языками и нарѣчіями, и ихъ литературами, показавъ, какимъ образомъ изъ нынѣшняго ихъ положенія можно извлечь уже *въ настоящее время* реальную общую „славянскую идею".

Намъ кажется, что г. Костомаровъ и другіе писатели, сказавшіе почти то́ же, что́ онъ, ошибаются, думая, что примиреніе съ нынѣшнимъ польскимъ обществомъ, съ нынѣшней „Польшей"—невозможно, и что слѣдуетъ ожидать примиренія отъ новаго, имѣющаго народиться польскаго общества, отъ „Польши", преобразованной мѣрами, поднявшими польское крестьянство. Дѣло въ томъ, что безъ перваго едва ли возможно второе. Обрусеніе массы польскаго крестьянства есть мечта, не по мнимому превосходству польской культуры надъ русскою, какъ думаютъ поляки, но потому, что мы совершенно лишены тѣхъ колонизаціонныхъ силъ и той арміи средняго образованнаго класса, какими располагаетъ Германія. Стало быть, намъ приходится смотрѣть прямо въ глаза тому совершенно-вѣроятному факту, что на почвѣ царства будутъ рости только новыя поколѣнія поляковъ, и что насколько польская національность тамъ ослабнетъ, она ослабнетъ не въ нашу пользу, такъ какъ можетъ ослабѣть только отъ наплыва изъ Германіи, который мы сами поддерживаемъ.

Но если на почвѣ царства и впредь будутъ родиться поляки, а мы, отвергая примиреніе съ нынѣшнимъ польскимъ обществомъ, оставимъ тамъ въ силѣ все, что́ на немъ тяготѣетъ, то гдѣ же раціо-

нальное основаніе полагать, что будущія поколѣнія поляковъ окажутся намъ дружественными? Во-первыхъ, нѣкоторыя изъ нынѣ дѣйствующихъ мѣръ могутъ быть чувствительны и для безграмотнаго крестьянина. Во-вторыхъ, крестьянинъ, по мѣрѣ того, какъ онъ улучшитъ свой бытъ, пріобрѣтетъ нѣкоторое образованіе и станетъ выдѣлять изъ своей среды членовъ въ *новое* образованное польское общество (съ которымъ мы пожелаемъ мириться), долженъ будетъ проходить чрезъ всѣ тѣ условія, какія существуютъ для нынѣшняго польскаго общества, и которыя отвратятъ этого новаго человѣка отъ насъ и принудятъ его примкнуть именно къ тѣмъ же прежнимъ кадрамъ, на которыя мы махнули рукой. И въ результатѣ мы будемъ имѣть противъ себя польское общество новое, но настроенное по отношенію къ намъ совершенно такъ, какъ нынѣшнее польское общество. Разница будетъ только та, что это общество будетъ безъ всякаго сравненія болѣе многочисленно и вполнѣ солидарно со всей массой населенія. Противъ него уже не будетъ аппеляціи къ большинству; этотъ пріемъ уже былъ употребленъ нами успѣшно, но онъ имѣетъ такое свойство, что самъ себя исчерпываетъ; повтореніе его невозможно. Гдѣ же будетъ выгода для насъ, въ концѣ-концовъ?

Итакъ, примиренія нельзя откладывать до той поры, когда мы будемъ имѣть дѣло уже съ „новой Польшей," съ „переродившимся" польскимъ обществомъ, потому именно, что въ такомъ случаѣ „новая Польша" народилась бы при нынѣшней системѣ; а нѣтъ рѣшительно никакого повода ожидать, что она относилась бы къ намъ симпатичнѣе нынѣшней. У насъ слишкомъ много разсчитываютъ на то, что такъ какъ въ новомъ польскомъ обществѣ имѣетъ исчезнуть духъ аристократизма и шляхетства, то, по самой этой причинѣ, то, будущее, общество станетъ менѣе склоннымъ къ политической мечтѣ. Было бы, однако, ошибочно полагаться на это одно. Замѣтимъ, что аристократическій духъ въ Польшѣ постоянно ослабѣвалъ еще съ конца прошлаго столѣтія, но, съ тѣмъ вмѣстѣ, въ каждомъ новомъ возстаніи принимали болѣе и болѣе участія элементы нисколько не аристократическіе и не шляхетскіе. Уже возстаніе 1830 года нельзя назвать аристократическимъ въ общемъ его характерѣ; въ возстаніи же 1863 года городскіе классы принимали не менѣе участія, чѣмъ шляхта, и самые отчаянные люди оказывались именно въ средѣ ремесленниковъ, которые ужъ, конечно, не были заражены аристократическимъ и шляхетскимъ духомъ, да едва ли и клерикализмомъ, такъ какъ классъ городскихъ ремесленниковъ нигдѣ не отличается покорностью іезуитамъ, и Варшава, Лодзь и другіе промышленные города царства польскаго не составляютъ въ этомъ исключенія.

Мы должны отбросить отъ себя всякіе призраки и сознать впе-

редъ, что если новое польское общество и будетъ во многомъ отличаться отъ стараго, то оно все-таки будетъ польское общество. А настроеніе его по отношенію къ Россіи будетъ зависѣть прямо отъ тѣхъ условій, при которыхъ оно воспитается и сформируется. Вотъ почему не логично было бы ждать наступленія этого момента и уже затѣмъ измѣнять существующія условія, для примиренія; но необходимо облегчить дѣло примиренія теперь же, положивъ ему начало въ измѣненіи нѣкоторыхъ нынѣшнихъ условій.

Мысль о преобразованіи Польши поднятіемъ крестьянства, съ тѣмъ, чтобы создать въ немъ новую мѣстную, органическую силу, на которую правительство могло бы опереться, о претвореніи прежняго польскаго общества, при помощи элементовъ, всплывающихъ снизу, въ нѣчто новое, могущее стать органической связью между Польшей и Россіей, принадлежала Н. А. Милютину. Но для полнаго и вѣрнаго осуществленія ея Милютинъ считалъ необходимымъ—что̀ и высказывалъ оффиціальнымъ образомъ—нѣкоторыя условія, которыя впослѣдствіи если и не были упущены изъ виду, то какъ-то отошли на задній планъ. Хотя онъ и не могъ высказаться съ той полнотою, какъ мы это сдѣлали выше, но онъ совершенно ясно понималъ то, что̀ нами высказано, а отчасти и прямо у него заимствовано. Онъ писалъ по поводу образованія въ краѣ о̀рвановъ крестьянскаго самоуправленія, что разсчитывать на одну военную систему для управленія цѣлымъ краемъ невозможно; что если бы мы были убѣждены въ невозможности создать въ Польшѣ такую *органическую* силу, которая могла бы сдѣлаться добровольнымъ, надежнымъ звеномъ края съ Россіею, то лучше было бы намъ теперь же (то-есть въ концѣ шестидесятыхъ годовъ) отдать Польшу, иными словами: совсѣмъ развязаться съ такимъ вопросомъ, который оказывался бы, въ сущности, неразрѣшимымъ, такъ какъ военная система можетъ быть только переходнымъ, но не окончательнымъ разрѣшеніемъ. Въ этомъ сказывалась истинно-политическая мысль, та самая мысль, которая выражается аллегорическими изреченіями, что узелъ можетъ быть разрубленъ мечомъ, но мечъ не можетъ быть связью, или: что можно опереться на штыки, но усѣсться на нихъ нельзя.

Милютинъ держался убѣжденія, что такую органическую связь создать возможно, и въ этомъ—смыслъ его реформы; но онъ же настаивалъ, какъ на необходимомъ ея дополненіи, чтобъ въ отношеніи къ о̀рганамъ новой силы, то-есть польскаго крестьянства, при самомъ введеніи преобразованій было выказываемо полное довѣріе и чтобы прежній руководящій классъ, то-есть дворянское меньшинство, не былъ систематически устраняемъ отъ участія въ самоуправленіи, переданномъ въ руки крестьянскаго большинства. Напротивъ, онъ полагалъ,

что участіе дворянства въ практической дѣятельности самоуправленія было бы желательно, такъ какъ оно отвлекало бы этотъ классъ отъ фантастическихъ мечтаній свойства политическаго.

Чтобы не расширять чрезъ мѣру нынѣшнее разсужденіе, мы не станемъ изслѣдовать, до какой степени полно или неполно проведены эти мысли Милютина въ состоявшихся послѣ него крестьянскихъ учрежденіяхъ въ царствѣ. Намъ достаточно будетъ резюмировать его мысли и свѣрить съ ними нынѣшнее общее положеніе тѣхъ всходовъ новаго польскаго общества, которые поднимаются изъ крестьянства. Итакъ, Милютинъ считалъ безплоднымъ неопредѣленное существованіе системы военной и основывалъ всю русскую политику въ польскомъ краѣ на созданіи новой органической силы, намъ дружественной, на претвореніи прежняго польскаго общества въ новое, при участіи прежнихъ элементовъ, имѣющихъ со временемъ поглотиться наиболѣе образованными элементами самого большинства, и условіемъ благонадежности этого крестьянскаго и вышедшаго изъ крестьянства, дружественнаго Россіи большинства, ставилъ довѣріе къ нему.

Возьмемъ теперь средняго молодого польскаго крестьянина, прошедшаго начальную школу, и еще возьмемъ сына зажиточной крестьянской семьи, окончившаго курсъ гимназіи; такіе и теперь есть, а со временемъ ихъ будетъ много, и они-то должны составить новое образованное польское общество. Спросите ихъ: какой главный фактъ замѣчается въ краѣ, какое явленіе преобладаетъ надъ всѣмъ остальнымъ до такой степени, что даже въ умѣ самыхъ старыхъ утопистовъ и приверженцевъ эмиграціи оно заслоняетъ собою все прочее? Они скажутъ вамъ то, что́ слышатъ въ своей средѣ и отъ земляковъ всѣхъ классовъ; они скажутъ, что преобладающее явленіе въ краѣ—его обѣднѣніе. Въ послѣдніе года два-три, оно быстро шагнуло впередъ, сперва подъ вліяніемъ экономическаго потрясенія въ сосѣдней Пруссіи, потомъ подъ вліяніемъ застоя дѣлъ въ Россіи. Но началось оно гораздо раньше, и можетъ быть устранено не иначе, какъ съ отмѣною исключительныхъ мѣстныхъ условій.

Итакъ, первое поколѣніе новаго польскаго общества воспитывается прежде всего подъ вліяніемъ обѣднѣнія края. Затѣмъ, молодые люди, пріобрѣтая способность чтенія, знанія и сравненія, не могутъ не встрѣчаться очень часто съ условіями, которыя, положимъ, неизбѣжны при существованіи исключительной системы управленія, но которыя сами по себѣ все-таки представляютъ родъ затрудненій. Печать внутренняя, можно сказать, не существуетъ или такъ слаба, что не служитъ органомъ никакимъ мѣстнымъ кружкамъ и не можетъ дать никакого отпора тѣмъ польскимъ изданіямъ, которыя выходятъ за границею, и отъ которыхъ невозможно уберечь границу

въ нѣсколько сотъ верстъ. Низшія не только военныя, но и полицейскія власти имѣютъ такое значеніе, которое въ нынѣшней Россіи совершенно неизвѣстно; никакой самостоятельности по отношенію къ нимъ не имѣется. Есть новый судъ; но въ этомъ судѣ нѣтъ ни присяжныхъ, ни полной самостоятельности судей, а мѣстному языку не отведено и второстепеннаго положенія, на которое онъ могъ бы разсчитывать. Прибавьте къ этому сами всѣ тѣ мелочныя, но весьма чувствительныя подробности, которыя истекаютъ изъ исключительнаго положенія, и вы убѣдитесь, что педагогическія условія, при которыхъ должно воспитаться и сформироваться новое польское общество—не совсѣмъ тѣ, какія предполагались бы осуществленіемъ мыслей покойнаго Милютина.

Для того, чтобы отлить въ томъ краѣ новое общество, необходимо имѣть какую-нибудь форму, составить себѣ какой-нибудь идеалъ или программу примиренія, представить себѣ ясно, каковы же могли бы быть тѣ условія быта для новаго польскаго общества, въ которыхъ оно могло бы почувствовать себя хорошо и затѣмъ, облеченное довѣріемъ Россіи, дѣйствительно стать органическимъ звеномъ прежняго польскаго края съ прочими частями имперіи. А для того, чтобы создать удобную форму, необходимо, чтобы она годилась и для нынѣшняго польскаго общества. Игнорировать его, не давать ему никакого мѣста въ нашихъ соображеніяхъ нельзя; это противорѣчило бы и основной мысли реформы, какъ она была начата Милютинымъ, и здравому смыслу. Исторія развитія народовъ не допускаетъ безусловныхъ и внезапныхъ скачковъ отъ всего прежняго вдругъ ко всему новому; въ этой исторіи не можетъ быть пробѣловъ, и она именно имѣетъ тотъ horror vacui, который древними приписывался физической природѣ.

Стало быть, поверхностно и нелогично разсуждаютъ тѣ, кто говоритъ: „мы съ нынѣшнимъ польскимъ обществомъ мириться не хотимъ, а подождемъ, когда народится новое польское общество и съ нимъ мы будемъ мириться“. Въ томъ и опасность, что если оно народится при неопредѣленномъ существованіи нынѣшнихъ условій, то оно будетъ слишкомъ похоже на прежнее, и ослабленіе шляхетскаго духа тутъ окажется не причемъ.

Мало того, что намъ не слѣдуетъ отталкивать отдѣльныхъ заявленій нынѣшнихъ поляковъ о примиреніи, мы не должны даже ждать, чтобы они сперва своими дѣйствіями доказали намъ искренность своего желанія. Во-первыхъ, это была бы опять-таки отсрочка на неопредѣленное время, и до чего-то такого, чтѣ довольно неопредѣлительно само по себѣ. Какія „дѣйствія“ можетъ проявить народъ, нерасполагающій собою и неимѣющій выборнаго центра? Рѣчь могла бы быть только о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ, конечно. Но сколько

же этихъ дѣйствій требовалось бы для доказательства и какія именно дѣйствія могли бы быть признаны достаточными, убѣдительными? Славянофилы говорятъ—пусть поляки проникаются славянской идеей, пусть они возвратятся въ лоно славянства, котораго они отщепенцы, и г. Костомаровъ, какъ мы видѣли, требуетъ того же; но вѣдь это—одна фраза. Большинство самого русскаго образованнаго общества вовсе не понимаетъ славянскую идею такъ, какъ ее понимаютъ присяжные славянофилы и само несогласно „возвратиться" въ лоно славянства, если это лоно представляется до-петровскими, анти-европейскими и часовенными идеями одного московскаго кружка. Отъ поляковъ же потребовалось бы для этого еще бо́льшее насиліе надъ собою, чѣмъ для насъ. Если г. Аксаковъ приглашаетъ чеховъ перемѣнить вѣру, для полной вѣрности „славянской идеѣ", чеховъ, съ которыми еще годится нѣкоторое задобриваніе, какъ съ козами дикими, то съ поляками, съ козами домашними, которыя ужъ не уйдутъ, славянофилы еще менѣе станутъ церемониться.

Но, главное, это все-таки — одна фраза. Что́ значитъ „проникнуться"?—Ровно ничего, и у насъ есть гораздо болѣе вѣскія доказательства примиренія со стороны отдѣльныхъ поляковъ, если дѣйствія отдѣльныхъ лицъ мы хотимъ принимать въ соображеніе. Это — боевая служба поляковъ съ русскими и связь, которую она образуетъ между десятками тысячъ родныхъ тѣхъ поляковъ и русскимъ обществомъ въ настоящее время. Если намъ скажутъ, что этого мало, что это—повинность, то тѣмъ самымъ и будетъ подтверждено наше предположеніе, что отсрочивать первый нашъ шагъ къ примиренію до доказательства дѣйствіями отдѣльныхъ поляковъ, что они искренно его желаютъ—значитъ, отсрочивать все дѣло sine die. *Этого* мало; а *что́ же* будетъ достаточно и кто опредѣлитъ мѣру достаточности?

Во-вторыхъ, объявлять, что мы склонны будемъ къ примиренію только тогда, когда поляки „дѣйствіями" заслужатъ того, — не совсѣмъ великодушно. Въ какое положеніе мы поставили бы при этомъ тѣхъ изъ поляковъ, которые хотѣли бы служить піонерами примиренія и взялись бы доказывать намъ дѣйствіями свою искренность? Не легко принять на себя такую роль среди побѣжденныхъ; едва ли возможно браться за нее, когда, съ другой стороны, сами побѣдители относятся съ высокомѣріемъ и недовѣрчивостью къ первымъ заявленіямъ въ этомъ смыслѣ. Казалось бы и великодушнѣе и цѣлесообразнѣе вмѣстѣ, чтобы первый шагъ сдѣлали мы. Тогда всей той части польскаго общества, которая уже сознала совершенную несостоятельность политическихъ мечтаній—а очень можетъ быть, что къ этому сознанію пришло уже теперь большинство польскаго общества — будетъ легко отозваться на нашъ примирительный шагъ двумя шагами навстрѣчу къ намъ.

Условія, какія могли бы лечь въ основаніе искренняго и окончательнаго примиренія, вполнѣ ясны для всякаго, кто хочетъ держаться дѣйствительности, а не фантазій независимости — со стороны поляковъ, фантазій обрусенія—съ нашей стороны. Говоря о дѣйствительности, то-есть о реально-существующихъ фактахъ, мы разумѣемъ дѣйствительность какъ этнографическую, такъ и политическую. Польская національность въ предѣлахъ русскаго государства есть этнографическій фактъ; мы должны признать его и не стремиться къ его измѣненію; отмѣнить все то, чтò направлено въ эту сторону. Принадлежность царства польскаго къ русской имперіи и совершившееся сліяніе царства съ имперіею, то-есть отмѣна его автономіи, есть фактъ политическій; поляки должны примириться съ нимъ, принять его и отказаться отъ всякихъ помышленій объ его отмѣнѣ.

Мы готовы согласиться, что для многихъ поляковъ самое такое признаніе передъ самими собой будетъ не легко. Всего четырнадцать лѣтъ тому назадъ раздавались голоса, требовавшіе независимости царства и даже присоединенія къ нему западныхъ губерній, и если большинство не имѣло убѣжденія въ возможности осуществить такую програму, для которой и въ то время требовалось какое-либо враждебное Россіи чудо, то большинство все-таки могло прислушиваться къ ней. Но съ тѣхъ поръ вѣра въ чудеса должна была окончательно исчезнуть, и такое сознаніе со стороны поляковъ, о которомъ мы говорили, совершенно необходимо для того, чтобы могъ быть найденъ удовлетворительный modus vivendi между ними и нами.

Конечно, поляки могутъ возразить намъ, проводящимъ мысль о необходимости такого ихъ сознанія передъ самими собой, что мы не имѣемъ права вторгаться въ ихъ душу и рекомендовать имъ помыслы. Они могутъ отвѣтить намъ: „мы молчимъ, мы слушаемся, чего же вамъ еще?“ Но это означало бы отказъ отъ дѣйствительнаго примиренія, о которомъ нѣкоторые изъ нихъ сами заговорили недавно. Если польское общество не проникается убѣжденіемъ, что политическихъ фактовъ измѣнить нельзя, что какія-либо пріобрѣтенія оно можетъ получить не на отдѣльномъ пути, но только идучи съ русскимъ обществомъ дружно, одною дорогой совершенствованія, то никакого дѣйствительнаго примиренія быть не можетъ. Если мы, съ своей стороны, не откажемся отъ какихъ-либо мѣръ собственно противъ національности польской, отъ надеждъ изгладить или ослабить ее, въ такомъ случаѣ мы не въ правѣ ожидать, что поляки когда-либо готовы будутъ искренно примириться съ нами.

Если будемъ имѣть въ виду представителей крайностей съ обѣихъ сторонъ: мечтателей о польской независимости и приверженцевъ совершеннаго обрусенія царства польскаго, то, зная характеръ той

и другой національности, мы лично должны признать, что несостоятельность того и другого предположенія намъ легче доказать мечтателямъ великоруссамъ, чѣмъ мечтателямъ полякамъ. Такъ какъ намъ приходится на этотъ разъ много говорить о національныхъ особенностяхъ, то мы позволимъ себѣ замѣтить, что въ русскомъ характерѣ гораздо более свойства объективности, чѣмъ въ польскомъ. Мы не всегда вѣрно чувствуемъ факты, то-есть не всегда они возбуждаютъ въ насъ одинаковыя чувства; но мы всегда видимъ факты, никогда не отказываемся смотрѣть имъ прямо въ глаза. Поляки согласнѣе насъ чувствуютъ, но они нерѣдко не хотятъ видѣть фактовъ, старательно отъ нихъ отворачиваются для того, чтобы сохранить пріятныя иллюзіи. Поляки, даже наиболѣе серьёзные, способны тѣшить себя и строить политическіе планы на самыхъ удивительныхъ, самыхъ несостоятельныхъ обстоятельствахъ, какъ, напр., на томъ, что какой-нибудь отдѣльный полякъ случайно играетъ какую-нибудь роль на Западѣ. Такъ, не мало создавалось плановъ и расходовалось воображенія въ силу того, что министромъ Наполеона III одно время былъ графъ Валевскій...... Когда, въ 1871 году, во Франціи за войною внѣшнею послѣдовала война внутренняя, то въ польской средѣ съ какими-то таинственными намеками разсказывалось поочередно, что полякъ графъ Гауке былъ убитъ въ сраженіи съ пруссаками, а потомъ полякъ Домбровскій, въ продолженіи, кажется, дня или двухъ дней, командовалъ войсками парижской коммуны противъ французской арміи..... Для поляковъ политика доселѣ была какимъ-то культомъ, основаннымъ на вѣрѣ, а всѣ политическія комбинаціи, даже совершенно отдаленныя отъ польскаго вопроса,—непремѣнно польскими мистеріями.

Но если заявленія, недавно сдѣланныя въ польской печати и въ письмахъ отдѣльными поляками, могутъ быть принимаемы за выраженія поворота въ образѣ мыслей польскаго общества, то они должны означатъ именно, что оно, наконецъ, рѣшается признать коренные факты, окончательно устранившіе мечту о политической независимости Польши и самую мысль—не принятую поляками во-время — объ административной автономіи царства польскаго. Факты эти: крестьянская реформа въ царствѣ, подготовившая почву, на которой, при раціональномъ образѣ дѣйствій съ нашей стороны, можетъ утвердиться мѣстная органическая сила, дружественная Россіи; паденіе Франціи; положеніе Россіи какъ арбитра между двумя сильнѣйшими военными державами; преобладаніе въ Европѣ союза трехъ державъ, изъ которыхъ каждая владѣетъ частями прежней Польши; крайнее обѣдненіе губерній царства и невозможность жить долѣе между прежнимъ настроеніемъ поляковъ съ одной стороны и существующими

мѣрами — съ другой; постоянное и быстрое возрастаніе нѣмецкаго элемента въ царствѣ; наконецъ, возможность, что, отказавшись примирить поляковъ, Россія отдастъ часть царства Пруссіи.

Мы вѣримъ, что уже нынѣшнее польское общество рѣшилось трезво взглянуть на эти факты, убѣдилось, что выборъ для поляковъ одинъ: онѣмеченіе или искреннее примиреніе съ Россіей, готовность признать себя окончательно солидарными съ ней, намѣреніе стать вѣрными русскими, въ смыслѣ политическомъ, сохраняя себѣ полное право на національную особность. Охотно вѣримъ, что, заговоривъ о примиреніи, поляки избрали моментъ, когда Россія ведетъ войну, именно для того, чтобы доказать свою искренность; кто сказывается нашимъ другомъ въ то время, когда намъ наиболѣе нужно согласіе въ нашемъ домѣ, тому легче повѣрить.

Отталкивать эти заявленія невеликодушно и въ высшей степени безтактно: какъ намъ отталкивать нашихъ же славянъ, особенно въ эту минуту? Никакой особой любви къ нашимъ національнымъ особенностямъ мы отъ поляковъ не требуемъ, никакой „славянской идеи" имъ навязывать не будемъ (тѣмъ болѣе, что сами весьма неясно сознаемъ ее), никакихъ войскъ изъ царства польскаго не выдвинемъ вслѣдствіе однихъ заявленій, и никакой опасности не подвергнемъ *политическій* status quo въ томъ краѣ, имѣющій быть окончательнымъ. Но не было ли бы истинно-политическимъ дѣйствіемъ съ нашей стороны сдѣлать шагъ навстрѣчу полякамъ, какъ національности, а именно—отмѣнить сперва нѣкоторыя, а затѣмъ и всѣ тѣ мѣры, которыя направлены собственно противъ польскаго языка и противъ полнаго уравненія поляковъ съ русскими въ правахъ общественныхъ, личныхъ и служебныхъ? Тогда—и только тогда—мы будемъ въ правѣ ожидать, что за единичными заявленіями о примиреніи проявится заявленіе общее, заявленіе не на словахъ, а на дѣлѣ, и что поляки постараются воспользоваться всякимъ случаемъ для убѣжденія насъ и запада Европы, что, оставаясь поляками по языку, вѣрѣ и обычаямъ, они рѣшились въ политическомъ смыслѣ сдѣлаться *русскими*.

На пять страницъ нашихъ замѣчаній по поводу пересмотра учебныхъ программъ гражданскихъ гимназій, замѣчаній, помѣщенныхъ въ іюньскомъ „Внутреннемъ Обозрѣніи", намъ было прислано и напечатано въ августовской книгѣ двѣнадцать страницъ оффиціальнаго возраженія. Это возраженіе дѣлаетъ необходимыми нѣкоторыя объясненія съ нашей стороны. Но если бы при этомъ мы соблюли указанную прогрессію, то намъ пришлось бы написать на эту тэму двадцать-восемь страницъ. При всемъ интересѣ пред-

мета, это утомило бы читателей. Обѣщаемъ имъ быть гораздо воздержнѣе.

Прежде всего отдадимъ оффиціальному возраженію ту справедливость, что оно представляетъ собой настоящую полемику, которая разсчитана на убѣжденіе читателей, а не ограничивается утвержденіемъ, что все ненравящееся—ложь и клевета. Мы не оцѣнили бы раціональнаго пріема, употребленнаго въ возраженіи, пріема „разсужденія", если бы отказались отозваться на него. Мы ничего объяснить не можемъ противъ той части возраженія, въ которой опровергаются нѣкоторыя невѣрныя извѣстія, перепечатанныя нами изъ одной газеты. Замѣтимъ только, что по поводу этихъ извѣстій мы сами не дѣлали никакого заключенія: мы ограничились простымъ приведеніемъ нѣсколькихъ строкъ газеты.

Но мы должны и можемъ объясниться по поводу той части возраженія, которая обращена именно къ разсужденіямъ, нами высказаннымъ. Итакъ, мы оговоримся, что все построеніе оффиціальной статьи несовсѣмъ точно, такъ какъ она начинается съ положенія, что мы, напечатавъ невѣрныя свѣдѣнія изъ газеты, *„дополнили"* ихъ извѣстіями, столь же неточными. На самомъ дѣлѣ, цитата изъ газеты была у насъ въ самомъ концѣ, и на ней не было основано *ни одно* изъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами.

Но обратимся къ самымъ „пунктамъ" возраженія. Мы находили нѣкоторыя требованія гимназическихъ программъ чрезмѣрными; на это намъ возражаютъ: во-первыхъ, что министерство не находитъ ихъ чрезмѣрными; съ этимъ нельзя не согласиться; но авторы, въ свою очередь, должны согласиться съ нами, что въ этомъ пріемѣ возраженія заключается то, что̀ называютъ petitio principii, то-есть принимается за доказанное то, что̀ требовалось доказать; во-вторыхъ, намъ возражаютъ, что „жалобъ на какое-либо отягощеніе учащихся" со времени введенія устава 1871 года „заявлено не было". О какихъ жалобахъ здѣсь говорится,—мы недоумѣваемъ. Трудно было бы себѣ представить, чтобы мальчикъ, поступившій въ гимназію или переведенный изъ одного класса въ другой, заявилъ начальству, что онъ находитъ учебный планъ своего класса отяготительнымъ. Итакъ, отсутствіе жалобъ со стороны учениковъ едва ли можетъ служить доказательствомъ. Если же разумѣются жалобы вообще, то можно ли положительно утверждать, что ихъ не было? Вѣдь авторы возраженія хотятъ же опровергнуть хоть наше замѣчаніе; и первое ли это, явившееся въ печати замѣчаніе, въ томъ же смыслѣ, которое они считаютъ долгомъ опровергать? Наконецъ, самый фактъ учрежденія въ гимназіяхъ особаго VIII-го класса возраженіе объясняетъ такъ: „изысканіе способовъ *облегчить* для учащихся трудъ изученія

необходимыхъ имъ наукъ, даже въ томъ случаѣ, когда ученики не обременены ученіемъ, даетъ средства либо *тверже* усвоить предметъ преподаванія учащимся, либо расширить его программу". А такъ какъ возраженіе не говоритъ намъ, что прибавленіе лишняго класса вызвано именно необходимостью расширенія программъ, то мы и въ правѣ думать, что учрежденіе этого класса вызвано именно необходимостью *облегчить* трудъ и дать средство *тверже* усвоить предметы изученія. А затѣмъ, всѣ наши замѣчанія, которыя указывали на важность именно облегченія труда и болѣе твердаго усвоенія предметовъ, имѣли ту самую цѣль, къ которой стремится министерство народнаго просвѣщенія. Разница только въ предполагаемыхъ способахъ къ ея достиженію. Который способъ вѣрнѣе: замѣнить ли двухгодичный курсъ одного класса—двумя классами, или умѣрить нѣкоторыя требованія въ классахъ существовавшихъ, что́ дало бы тѣмъ болѣе возможности твердаго усвоенія преподаваемаго—вотъ въ этомъ все дѣло.

Далѣе, „возраженіе" хочетъ разъяснить автору помѣщенной въ той же книжкѣ „Вѣстн. Европы" статьи „Теперь и прежде", что классической спеціализаціи въ гимназіяхъ нѣтъ, такъ какъ гимназіи—училища общеобразовательныя, а не спеціальныя. Но нашъ сотрудникъ, конечно, не нуждался въ разъясненіи столь элементарнаго свойства. Едва ли роль древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ можно охарактеризовать такъ, какъ это сдѣлали авторы возраженія, сказавъ, что „въ программу гимназій *допущены* древніе языки". Будто они только „допущены" въ программу, а не занимаютъ въ ней, и по числу уроковъ, и по объему преподаванія, первое мѣсто, являясь предметомъ преобладающимъ? На языкѣ оффиціальномъ, языкѣ докладовъ и инструкцій, дѣйствительно не существуетъ словъ „классическая спеціализація", но существуетъ равносильное слово: „сосредоточеніе"; итакъ, если бы нашъ сотрудникъ употребилъ это слово вмѣсто другихъ, то приведенный доводъ возраженія не былъ бы столь убѣдительнымъ, какъ онъ показался авторамъ этого документа.

Мы не можемъ не посѣтовать на нихъ за то, что они приводятъ несовсѣмъ точно наши замѣчанія, какъ по буквѣ, такъ и по смыслу. Такъ, доказывая трудность установленныхъ обязательныхъ нормъ стиховъ и главъ древнихъ писателей, для учениковъ, мы выразились: „мальчикъ, поступивъ 10-ти лѣтъ въ первый классъ гимназіи, долженъ въ четвертомъ классѣ, т.-е. имѣя 13 лѣтъ, ознакомиться уже"... и т. д. На основаніи однихъ этихъ словъ, авторы возраженія начинаютъ цѣлый пунктъ его такимъ образомъ: „Вѣстникъ Европы" утверждаетъ, что въ гимназіи ученики поступаютъ обыкновенно 10-ти лѣтъ",— и затѣмъ доказываетъ намъ, что большинство оканчивающихъ курсъ состоятъ въ возрастѣ 19, 20 лѣтъ и даже 21 года, а не 17-ти лѣтъ,

какъ было бы, если бы большинство поступало въ гимназіи, имѣя 10 лѣтъ отъ роду. Но мы никогда и не утверждали этого. Очень можетъ быть даже, что большинство оканчивающихъ курсъ въ гимназіяхъ вовсе не составляется изъ тѣхъ, кто началъ курсъ съ перваго класса. Мы сказали только, что мальчики 10-ти лѣтъ принимаются въ первый классъ гимназіи и поступаютъ въ этотъ классъ. А доказательствомъ тому служатъ какъ самыя правила пріема въ гимназіи, такъ отчасти и тотъ, приводимый противъ насъ фактъ, что 17-ти-лѣтніе составляютъ-таки въ числѣ оканчивающихъ курсъ 5%; затѣмъ, намъ позволено догадываться, что въ первомъ классѣ 10-ти-лѣтніе, а въ четвертомъ 13-ти-лѣтніе составляютъ болѣе 5-ти процентовъ. Стало быть, мы имѣли полное право сказать: „мальчикъ, поступивъ 10-ти лѣтъ въ первый классъ"...—и изъ этого еще не слѣдуетъ, будто мы „*утверждали*, что въ гимназіи ученики поступаютъ *обыкновенно* 10-ти лѣтъ".

То, что говорится далѣе въ томъ же пунктѣ возраженія, не совсѣмъ опровергаетъ то, что говорили мы. Намъ разъясняютъ, что „Корнелій Непотъ, Цезарь и Саллюстій, «Анабазисъ» Ксенофонта и Гомерова Иліада въ училищахъ всѣхъ образованныхъ народовъ предлагаются начинающимъ". Но о Корнеліѣ Непотѣ, замѣтимъ мимоходомъ, мы и не упоминали; о Цезарѣ мы говорили, но насъ смущало не то, что 13-ти-лѣтнему мальчику *предлагается* Цезарь, а то, что онъ обязанъ прочесть въ теченіи одного года *не менѣе 70 главъ* Цезаря и 100 стиховъ Овидія; это по одному латинскому языку, сверхъ котораго остаются и греческій, и всѣ прочіе предметы. Мы указывали, что въ пятомъ классѣ ученикъ 14-ти лѣтъ (а хотя бы 15-ти или 16-ти лѣтъ), берясь за Цицерона, долженъ быть знакомъ изъ Овидія *не менѣе, чѣмъ* съ 800 стиховъ, три раза въ недѣлю готовиться къ переводу заданныхъ мѣстъ Гомера, — между-тѣмъ, какъ на немъ лежитъ, сверхъ того, приготовленіе уроковъ и задачъ по всѣмъ прочимъ предметамъ. Мы указывали на чрезмѣрность (по нашему мнѣнію) именно этихъ *нормъ*, а не на невозможность „предлагать" ученикамъ того или другого автора. Авторы „возраженія" замѣчаютъ, что „главнымъ достоинствомъ и прелестью Гомеровой Иліады считаютъ, между прочимъ, безыскусственную простоту рѣчи и изложенія, которою отличается это знаменитое твореніе". Замѣтимъ, что подъ это замѣчаніе не подведенъ однако Овидій, который читается еще съ четвертаго класса. Мы вполнѣ согласны съ отзывомъ возраженія объ Иліадѣ. Но замѣтимъ съ своей стороны, что „безыскусственная простота рѣчи и изложенія" въ стихахъ менѣе очевидны для начинающихъ, чѣмъ для профессоровъ филологическаго факультета. На страницахъ нашего журнала однажды были указаны забавныя

ошибки въ переводѣ латинскаго прозаика такимъ знатокомъ, какъ М. С. Куторга. Смѣемъ увѣрить авторовъ возраженія, что никто изъ „начинающихъ" никогда еще не находилъ въ стихахъ Гомера „простоты рѣчи и изложенія", и если они вспомнятъ свои первые школьные годы, то ихъ память придетъ на помощь нашему замѣчанію. Въ стихахъ Кольцова мы безспорно находимъ „безыскусственную простоту рѣчи и изложенія", но едва ли даже взрослый иностранецъ, только еще начинающій учиться по-русски, найдетъ легкимъ дѣломъ вполнѣ усвоить смыслъ 800 стиховъ Кольцова.

Далѣе „возраженіе" употребляетъ противъ насъ слѣдующій пріемъ: все, что́ мы говоримъ о томъ, что́ дѣлается *въ классахъ*, оно опровергаетъ тѣмъ, что́ дѣлается *на экзаменахъ* и притомъ преимущественно—на послѣднемъ экзаменѣ, на „испытаніи зрѣлости". Мы говорили, что въ классахъ могутъ иногда заботиться болѣе всего о немногихъ отличныхъ ученикахъ, упуская изъ виду среднихъ, а тѣмъ болѣе слабыхъ. Намъ возражаютъ, что заботятся всегда обо всѣхъ, и доказываютъ это сообщеніемъ, что въ заслугу гимназіи вмѣняется, когда всѣ или почти всѣ ученики старшаго класса выдержатъ экзаменъ при испытаніи зрѣлости. Противъ этого легко сказать, что въ старшій классъ и могутъ попасть только лучшіе ученики. Мы говорили, что въ пятомъ классѣ трудно вполнѣ усвоить смыслъ 800 стиховъ Овидія, потому что въ этомъ классѣ могутъ быть и 14-ти лѣтніе. Намъ возражаютъ, что „не составляетъ особой заслуги ни для гимназіи, ни для гимназиста, какъ то полагаетъ «Вѣстникъ Европы», знаніе сотни и даже тысячи стиховъ Овидія и Горація; но основнымъ мѣриломъ знанія, *на испытаніяхъ зрѣлости*, считаются переводы съ русскаго языка на латинскій и греческій" и т. д. Мы замѣчаемъ, что, при слишкомъ большихъ требованіяхъ програ́ммъ, *въ классахъ* можетъ иногда проявляться система списыванія съ готовыхъ переводовъ, подсказыванья и подглядыванья, исполненіе переводовъ и сочиненій на слишкомъ затѣйливыя тэмы — домашними, т.-е. старшими братомъ и сестрой или отцомъ. Намъ возражаютъ на это, что „родители не допускаются, конечно, къ участію *въ испытаніяхъ зрѣлости*", что отчеты объ *испытаніяхъ зрѣлости* убѣждаютъ, что „подсказываніе на экзаменахъ не имѣетъ цѣли", а при строгомъ надзорѣ—едва ли и возможно.

Выходитъ, что опровергается совсѣмъ не то, что́ мы допускали возможнымъ, а нѣчто такое, чего мы вовсе не утверждали и никогда не стали бы утверждать, именно—будто *экзамены* въ гимназіяхъ, и преимущественно „испытанія зрѣлости" производятся при посторонней помощи. Если то, о чемъ мы дѣйствительно говорили, случается иногда во время учебнаго года, при приготовленіи уроковъ и сочи-

ненiй дóма и въ классахъ, то *на экзаменъ* это можетъ отразиться только значительнымъ процентомъ недопускаемыхъ до экзамена или невыдерживающихъ его по слабости подготовки.

Ближе къ цѣли то мѣсто возраженія, гдѣ говорится, что такъ какъ къ 1-му января 1876 года число учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ достигало всего до 47,471 чел., то „невѣроятно, чтобы такое огромное число учащихся постоянно пользовалось наставленіемъ и руководствомъ со стороны своихъ старшихъ братьевъ, сестеръ и отцовъ, при составленіи своихъ письменныхъ работъ. Напротивъ", прибавляетъ возраженіе, — и это уже вполнѣ основательно, — „чаще слышатся жалобы на равнодушіе родителей и родственниковъ къ успѣхамъ молодыхъ людей; многіе отдаютъ дѣтей въ ученье, чтобы избавиться отъ надзора за ними". Мы вполнѣ вѣримъ въ возможность, даже въ неособенную рѣдкость этого прискорбнаго явленія; мы хотимъ быть безпристрастны. Но когда же мы утверждали, будто всѣ 47½ тысячъ учениковъ гражданскихъ гимназій и прогимназій, постоянно пользуются наставленіемъ со стороны домашнихъ? Хорошо, если бы было такъ. Но этого въ Россіи, къ сожалѣнію, не можетъ быть. Наша мысль была такова, что, при трудности исполненія непосильныхъ требованій программъ, является необходимость уклоняться отъ исполненія ихъ такъ или иначе, или же подвергаться исключенію. И вотъ мы указывали, къ какимъ средствамъ необходимость заставляетъ прибѣгать. Прибавимъ, что мы не ограничивали нашихъ замѣчаній однѣми тэмами изъ древнихъ языковъ. Вотъ, напримѣръ, ученику пятаго класса задано написать сочиненіе на тэму „о пользѣ книгъ церковныхъ въ россійскомъ языкѣ". Ученикъ, можетъ-быть, не въ состояніи написать на эту задачу что̀-либо, кромѣ выписки изъ Ломоносова; или, можетъ-быть, ему на тотъ же вечеръ задана хорошая порція Овидія, да задачъ десять изъ математики. Надо же найти исходъ изъ этого положенія. Если есть у ученика братъ, сестра, старшій товарищъ или отецъ, которые сдѣлаютъ за него сочиненіе или задачи,—найденъ одинъ исходъ; если помощниковъ нѣтъ— онъ спишетъ себѣ готовый переводъ Овидія и болѣе или менѣе вызубритъ его, а русское сочиненіе пуститъ на авось;—вотъ другой исходъ; третій исходъ — подсказыванье и списыванье въ классѣ. Если никакого исхода нѣтъ — въ такомъ случаѣ, онъ сдѣлаетъ все худо; сдѣлаетъ худо разъ, два, двадцать разъ, — попадетъ въ категорію лѣнивыхъ и навсегда въ ней останется. „Возраженіе" указываетъ на 47,471 чел. учениковъ—и говоритъ „невѣроятно", чтобы они всѣ пробавлялись чужой помощью. Конечно, нѣтъ. Нѣкоторые не имѣютъ въ ней нужды, иные нуждаются въ ней только иногда, третьи—постоянно въ ней нуждаются, но не находятъ ее, и потому не успѣ-

ваютъ и не оканчиваютъ курса. Что касается самой цифры 47,471 чел., то, какъ она ни внушительна, она сама-по-себѣ ничего не доказываетъ. Если у одного мальчика можетъ быть одинъ помощникъ въ числѣ домашнихъ, то у десяти мальчиковъ могутъ быть десять помощниковъ и т. д.

Авторы возраженія напрасно приняли нашу характеристику N—ской гимназіи за описаніе какой-либо отдѣльной гимназіи. Это была просто характеристика нѣкоторыхъ недостатковъ, замѣчаемыхъ въ разныхъ гимназіяхъ, чтò и было достаточно ясно выражено слѣдующей оговоркой: „ни одному изъ нашихъ педагоговъ неизвѣстна N—ская гимназія; но едва ли они будутъ утверждать, что имъ совершенно *незнакома ни одна черта* изъ преобладающихъ въ ней условій“. Возраженіе хотя и не признается, что какая-либо изъ указанныхъ нами чертъ знакома его авторамъ, но и не отрицаетъ этого. Въ немъ сказано: „министерство не скрываетъ существующихъ недостатковъ; въ числѣ 200 гимназій и прогимназій есть такія, которыя еще не вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ министерства, но число такихъ гимназій годъ отъ году уменьшается; въ массѣ 47,000 учащихся есть, конечно, слабые, лѣнивые и даже неспособные, но они составляютъ весьма незначительное меньшинство“.

Затѣмъ, спрашивается: чтó же изъ собственныхъ нашихъ замѣчаній опровергается возраженіемъ? Мы вели рѣчь къ тому, что, при пересмотрѣ учебныхъ плановъ, полезно было бы обратить главное вниманіе на интересы большинства; возраженіе сообщаетъ намъ, что интересы большинства обезпечены, доказывая это успѣшными экзаменами учениковъ, дошедшихъ до высшаго класса. Мы находили, что учебныя программы по нѣкоторымъ предметамъ слишкомъ обширны, и что для того, чтобы требовать строгаго ихъ исполненія, не мѣшало бы отказаться отъ нѣкоторой роскоши, которая иногда представляется просто показною. Возраженіе утверждаетъ, что ничего обременительнаго въ программахъ нѣтъ и что въ огромномъ большинствѣ гимназій и большинствомъ учениковъ, за незначительными исключеніями, требованія программъ строго исполняются. Вотъ резюмé всего разногласія, которое мы можемъ только констатировать. Дѣйствительное же мнѣніе общества можетъ основаться, конечно, только на личномъ наблюденіи, на практикѣ каждаго, кого интересуетъ этотъ вопросъ, а не на нашихъ словахъ и даже не на приводимыхъ въ возраженіи отзывахъ лицъ, служащихъ въ вѣдомствѣ народнаго просвѣщенія, о блестящихъ результатахъ и самомъ дѣйствительномъ исполненіи нынѣшнихъ учебныхъ программъ въ гимназіяхъ.

СОВРЕМЕННАЯ РУМЫНІЯ.

Въ настоящее время, когда при помощи русскаго оружія разрѣшается вопросъ объ отдѣленіи и самостоятельномъ существованіи нѣкоторыхъ изъ провинцій европейской Турціи, намъ кажется, что не безъинтересно будетъ для русскаго общества получить нѣсколько бѣглыхъ очерковъ объ одной изъ странъ, чрезъ владѣнія которой и въ союзѣ съ которой русское правительство рѣшилось предпринять посильное участіе въ такомъ или иномъ разрѣшеніи „восточнаго вопроса". Мы говоримъ о Румыніи, странѣ, прилегающей къ политическимъ границамъ Россіи, и о которой, между тѣмъ,—какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ экономическомъ,—въ нашей русской литературѣ до сихъ поръ почти ничего не появлялось, несмотря на то, что русская имперія сама считаетъ въ своихъ предѣлахъ цѣлую область съ румынскимъ народонаселеніемъ въ 600,000 человѣкъ, говорящихъ на своемъ „родномъ" языкѣ и по нравамъ и обычаямъ своей народной жизни глубоко связанныхъ съ страною, къ этой области прилегающей.

Румынія, Руманія или Романія состоитъ изъ двухъ, прежде отдѣльно другъ отъ друга существовавшихъ, княжествъ — Валахіи и Молдавіи. По парижскому трактату 1856 года, къ послѣднему княжеству была присоединена часть бессарабской области, отошедшей къ Россіи въ 1812 году. Только съ 1861 года оба княжества оффиціально слились и приняли общее названіе Румыніи.

Въ древній періодъ исторіи этихъ странъ—Валахія, Молдавія, Трансильванія, Буковина и банатъ Темешскій (Тимиссіора, — по-румынски) составляли страну Дакію. До 105 года нашей эры Дакія была населена независимымъ народомъ — даками. Даки были побѣждены, послѣ долгой борьбы, Траяномъ, который разорилъ до тла страну и истребилъ почти цѣлый народъ. Все, что только осталось отъ этого народа — укрылось въ горы. Тогда-то, по сказаніямъ Евтропія, Траянъ рѣшилъ населить обезлюденную имъ страну римскими переселенцами: „Traianus victa Dacia *e toto orbe Romano* infinitas eo copias hominum transtulerat ad agros et urbes colendas. Dacia enim *diuturno bello* Decebali viris fuerat exhausta" (Eutropius, Hist. libr. VII. 3). На множествѣ древнихъ памятниковъ въ Румыніи встрѣчаются надписи легіоновъ, пришедшихъ въ эту страну. Отъ покореннаго народа въ настоящее еще время можно встрѣтить въ горной части Румыніи не-

большое племя пастуховъ, называемыхъ „mocans“, которые отнюдь не смѣшиваются съ румынскимъ населеніемъ страны и ведутъ особую интимную жизнь; — ихъ считаютъ остатками древнихъ даковъ. Кромѣ даковъ, древнюю Дакію населяли еще геты, народъ, какъ полагаютъ, пелазгическаго происхожденія.

Современная Румынія простирается на 120,973 квадр. километровъ. Кряжъ Карпатскихъ горъ отдѣляетъ ее отъ Австріи, Дунай служитъ ей границею со стороны Турціи; отъ Россіи она отдѣлена, въ верхней своей части, рѣкою Прутомъ, а ниже—отчасти рѣкою Ялпугомъ, отчасти же искусственною политическою линіей, которая, начинаясь у Чернаго моря (близъ Туслы), составляетъ почти прямой уголъ съ рѣкою Ялпугомъ.

Народонаселеніе Румыніи, по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ 1871 года, достигаетъ 5.000,000; въ эту цифру входятъ 700,000 человѣкъ не-румынскаго происхожденія, а именно: 265,000 евреевъ, 230,000 цыганъ, 50,000 нѣмцевъ, 50,000 ціангаевъ (ciangaï), 41,000 сербовъ и болгаръ, 36,000 венгровъ, 8,000 армянъ, 5,800 грековъ и албанцевъ, 8,000 русскихъ, 2,000 французовъ, 1,000 англичанъ, 500 итальянцевъ и 2,700 разныхъ національностей (швейцарцевъ, поляковъ, чеховъ, турокъ, татаръ).

Чужеземное народонаселеніе Румыніи играетъ въ народной мѣстной жизни слѣдующую роль: нѣмцы, венгры, французы и англичане живутъ въ главныхъ центрахъ края. Нѣмцы и венгры заняты, главнымъ образомъ, сбытомъ продуктовъ австро-венгерской промышленности; многіе изъ нихъ закупаютъ и направляютъ на Австрію сырьё румынскаго рынка. Бухарестъ, Плоешти, Яссы и Галацъ — суть пункты, куда стекаются, главнымъ образомъ, эти далеко-непрошенные гости, распоряжающіеся въ краѣ зачастую словно бы у себя дома. Среди еврейскаго населенія Румыніи нужно различать два, слабо отдѣляющіеся другъ отъ друга, типа — евреи-нѣмцы и евреи-поляки. За рѣдкими исключеніями, все еврейское населеніе страны пришло и до сихъ поръ все идетъ и идетъ — изъ Галиціи, австрійской Сербіи и южной Россіи. Еврейская эмиграція началась съ 1846 года и съ каждымъ годомъ наплывъ новыхъ выходцевъ становится все болѣе и болѣе. Румынскіе евреи говорятъ на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, смѣшанномъ съ славянскими нарѣчіями и древнимъ еврейскимъ языкомъ. Въ еврейскихъ школахъ Румыніи преподается нѣмецкій языкъ, журналы ихъ пишутся на нѣмецкомъ языкѣ—и вообще, по отношенію къ Румыніи, можно сказать, что здѣсь евреи служатъ авангардомъ германизаціи латинскаго племени. Принимая во вниманіе ту ежедневную борьбу, которая ведется изо-дня въ день на полѣ экономическаго и соціальнаго строя нынѣшней Румыніи между евреями —

съ одной стороны, и румынами—съ другой, мы, съ своей стороны, считаемъ цѣлесообразнымъ воздержаться отъ высказыванія какого-либо мнѣнія по вопросу о той роли, которую играютъ евреи во внутренней жизни этой страны; но для того лишь, чтобы дать читателю нѣкоторое понятіе о причинахъ глубоко вкоренившейся вражды румынскаго народонаселенія къ евреямъ, я приведу слова человѣка, котораго отнюдь нельзя заподозрить въ пристрастіи въ данномъ случаѣ. Сѣверо-американскіе Штаты въ настоящее время имѣютъ своего консула, живущаго въ Бухарестѣ. Американскій консулъ г-нъ Моррисъ — еврей по происхожденію — говоритъ въ своей статьѣ (Journal de Bucarest, 27 avril, 1873), слѣдующее о румынскихъ евреяхъ: „Одни (евреи) эмигрировали изъ Австріи, откуда конкурренція собратій по племени вытѣснила ихъ; другіе пришли изъ Россіи— всѣ они стекаются сюда, въ Румынію, гдѣ своими способами пріобрѣтенія благосостоянія *дѣлаютъ бѣдняка еще несчастнѣе*".

Болгары въ Румыніи преимущественно занимаются земледѣліемъ; въ городахъ и селахъ они служатъ кузнецами, — порою ведутъ мелкую торговлю. Они многочисленны въ городкахъ по Дунаю, а также въ той части Бессарабіи, которая отошла къ Румыніи по парижскому трактату (Кагулъ, Вылково, Измаилъ и пр.). Болгары вполнѣ сохраняютъ свой языкъ и свои нравы въ Румыніи. Румынское правительство никогда не посягало на ихъ національныя особенности, и въ школахъ болгарскихъ деревень все преподаваніе совершается на болгарскомъ языкѣ. Русскіе и рутены, или малороссы, населяютъ исключительно измаильскій округъ, — первые болѣе всего скучены въ Яссахъ, Бухарестѣ и Галацѣ. Малороссы занимаются хлѣбопашествомъ, извозомъ и рыболовствомъ, а русскіе, принадлежащіе къ сектѣ липованъ и скопцовъ, извозничаютъ въ городахъ и торгуютъ. Что касается армянъ, пришедшихъ въ Румынію еще въ XVII вѣкѣ,— то всѣ они заняты торговлею; вся коммерческая операція табакомъ, до объявленія его правительственной монополіей, была въ ихъ рукахъ. Въ послѣднее время они стали переселяться въ Россію. Цыгане, которыхъ насчитываютъ до 230,000 чел., до 1864 года были въ крѣпостной зависимости у румынскихъ помѣщиковъ; въ настоящее время, полноправные граждане Румыніи, но безъ земли, безъ усадебной осѣдлости, не имѣя возможности воспользоваться данными имъ правами, они остаются глубоко вѣрными всѣмъ традиціямъ номаднаго племени. Кузнецы по ремеслу, цыгане занимаются также воспитаніемъ и торговлею лошадьми, въ мѣстностяхъ, тому способствующихъ. Цыгане лѣсистой части края занимаются производствомъ деревянной посуды. Самыя тяжелыя работы въ городахъ производятся ими. Многія изъ вѣтвей желѣзныхъ дорогъ Румыніи построены

на костяхъ этого жалкаго племени. Цыганъ встрѣтить можно повсюду въ Румыніи. Укрываясь подъ сѣнью изодраннаго шатра, полуодѣтые, всегда голодные, они нанимаются во всякое время года за самую ничтожную плату для выполненія самой каторжной работы. Отношеніе имущаго класса къ этимъ паріямъ человѣческаго общества въ Румыніи прекрасно формулировано профессоромъ бухарестскаго университета, г-мъ Обеданаромъ, въ его книгѣ „La Roumanie économique". На стр. 407, говоря о цыганахъ, онъ высказываетъ слѣдующее: „Съ ними (цыганами) все можно подѣлать, если только относиться къ нимъ, какъ къ дѣтямъ: водка, ничтожныя милости и страхъ палки—совершаютъ чудеса. Но если кто пожелаетъ отнестись къ нимъ, какъ къ свободнымъ людямъ, онъ ничего не добьется". И дѣйствительно, совѣтамъ профессора столичнаго университета тщательно слѣдуютъ всѣ въ Румыніи. Всѣ антрепренеры, всѣ подрядчики составляютъ свои рабочіе механизмы изъ цыганъ, которыхъ нанимаютъ лишь за харчи и рюмку водки. Среди цыганъ, населяющихъ Румынію, существуетъ одинъ типъ, рѣзко выдѣляющійся отъ своихъ собратій по происхожденію,—это цыгане, никогда не бывшіе въ крѣпостной зависимости, турчицы, какъ ихъ называютъ; это—кочевники закоренѣлые, лудильщики по ремеслу; они питаются исключительно молокомъ буйволицъ, которыхъ сами воспитываютъ. Говорятъ они языкомъ, смѣшаннымъ съ турецкимъ. Культа своего религіознаго не имѣютъ и съ трудомъ дѣлаются прозелитами христіанства или ислама.

Всѣ эти пришлые въ Румынію элементы живутъ своею особою жизнью, говорятъ на своемъ родномъ языкѣ, потому что, съ одной стороны, румынскій народъ съ большимъ трудомъ ассимилируется съ другой національностью, а съ другой стороны, въ данномъ случаѣ естественно содѣйствуетъ этому національное чувство самосохраненія своихъ особенностей. Что же касается политическаго строя самой страны, то онъ вполнѣ гарантируетъ всякой національности, на его территоріи находящейся, свободу рѣчи, религіи и образованія.

Для того, чтобы дать болѣе опредѣленное понятіе объ основныхъ началахъ, на которыхъ зиждется управленіе страной, мы находимъ цѣлесообразнымъ дать читателю здѣсь самый текстъ основныхъ статей румынской конституціи. Намъ кажется, что тѣмъ болѣе это необходимо (хотя даже переводъ этого документа нѣсколько увеличитъ рамки нашей статьи), что настоящій союзъ Россіи съ Румыніей, союзъ, признанный необходимымъ русскимъ правительствомъ,—требуетъ основательнаго знакомства русскаго общества съ основными принципами правленія въ союзной съ Россіей странѣ. Только при этомъ знаком-

ствѣ русскіе люди избѣгнуть многихъ недоразумѣній и разочарованій, какими сопровождалось прошлогоднее братство русскихъ добровольцевъ съ сербами.

Для перевода румынской конституціи мы взяли самый текстъ ея, напечатанный въ оффиціальномъ министерскомъ органѣ за 1866 г. въ № 142 (Monitor Official). На первой страницѣ этого документа стоитъ общепринятая въ конституціонныхъ государствахъ формула присяги: „Присягаю быть вѣрнымъ конституціи и законамъ народа румынскаго, присягаю беречь его національныя права и защищать цѣлость его территоріи.—Карлъ". За подписью князя слѣдуютъ подписи министровъ. Первая глава, которую мы выпускаемъ, посвящена опредѣленію границъ государства и его политическому внутреннему подраздѣленію на округи, подъокруги и общины. Вторая глава посвящена гражданскимъ правамъ румына. Она подраздѣлена на 25 статей. Вотъ подлинный текстъ этихъ статей:

„Ст. 5. Румыны благословляютъ свободу ихъ конституціи, свободу представительства, прессы и рѣчи, данныхъ странѣ.

„Ст. 6. Конституція опредѣляетъ гражданскія права румына.

„Ст. 7. Сохраненіе этихъ правъ и потеря ихъ, а также и пріобрѣтеніе таковыхъ опредѣляются гражданскимъ кодексомъ законовъ страны.

„Ст. 8. Пріобрѣтеніе гражданскихъ правъ совершается лишь чрезъ посредство законодательныхъ властей.

„Только таковое пріобрѣтеніе правъ чужеземцемъ дѣлаетъ его равнымъ съ румыномъ въ пользованіи всѣми правами въ странѣ наравнѣ со всѣми гражданами таковой.

„Ст. 9. Каждый румынъ по происхожденію, къ какому бы государству по рожденію онъ ни принадлежалъ, если только того пожелаетъ, отрекшись отъ прежде бывшей надъ нимъ государственной протекціи, можетъ сдѣлаться гражданиномъ страны чрезъ посредство простого вота по этому случаю законодательнаго корпуса.

„Ст. 10. Въ государствѣ нѣтъ отдѣльныхъ классовъ общества. Всѣ граждане равны передъ закономъ и обязанности всѣхъ одинаковы передъ государствомъ. Одни граждане могутъ быть допущены къ занятію правительственныхъ мѣстъ, какъ гражданскихъ, такъ точно и военныхъ.

„Спеціальные законы опредѣляютъ условія допущенія или недопущенія въ данномъ случаѣ гражданина къ занятію таковыхъ мѣстъ.

„Чужеземцы отнюдь не могутъ занимать въ государствѣ таковыхъ мѣстъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ это можетъ быть допущено по рѣшенію всѣхъ законодательныхъ властей.

„Ст. 11. Всѣ чужеземцы, находящіеся въ предѣлахъ государства,

пользуются покровительствомъ законовъ, распространяющихся, какъ на нихъ, такъ и на ихъ имущества.

„Ст. 12. Всякія привилегіи, преимущества и частныя монополіи класса навсегда уничтожаются въ предѣлахъ государства.

„Титулы иностраннаго происхожденія, какъ-то: титулы принца, графа, барона и др. пр., какъ несовмѣстные съ политическимъ строемъ страны, признаются недѣйствительными въ государствѣ.

„Наружныя отличія, ордена и медали иностраннаго происхожденія могутъ быть носимы лишь съ соизволенія великаго князя.

„Ст. 13. Свобода личности находится подъ охраною конституціи.

„Никто не можетъ быть задержанъ или арестованъ, если не тяготѣетъ надъ нимъ какое-либо преступленіе, и въ послѣднемъ случаѣ арестъ совершается на основаніи мотивированнаго судебнаго приказа, каковой обязанъ быть представленъ арестуемому не позже 24-хъ часовъ по лишеніи свободы.

„Ст. 14. Никто не въ правѣ укрываться отъ отвѣтственности передъ законами страны.

„Ст. 15. Домъ каждаго—неприкосновенная святыня.

„Никакой обыскъ не можетъ быть сдѣланъ у гражданина въ его домѣ, внѣ исключительныхъ случаевъ, законами указанныхъ.

„Ст. 16. Никто не можетъ быть приговоренъ или же наказанъ, если это не предусмотрѣно самими законами.

„Ст. 17. Никакое наказаніе не влечетъ за собою конфискаціи имуществъ.

„Ст. 18. Всѣ послѣдствія приговора уничтожаются со смертію осужденнаго.

„Ст. 19. Всякая собственность, а также всѣ кредитныя бумаги государственнаго выпуска священны и неприкосновенны.

„Никто не можетъ быть лишенъ своихъ правъ на собственность, за исключеніемъ если экспропріація совершается въ интересахъ общественной пользы, и въ такомъ случаѣ всѣ убытки, понесенные личностью, выплачиваются государствомъ.

„Подъ общественной пользою понимается устройство путей сообщенія, гарантія общественнаго здравія и необходимыхъ сооруженій для охраны государства.

„Всѣ пути навигаціи и дороги сообщеній признаются общественнымъ достояніемъ.

„Ст. 20. Собственность, данная крестьянамъ и поземельнымъ закономъ за ними утвержденная, а также и стоимость ея, гарантированная ея прежнимъ собственникомъ, государствомъ—неприкосновенна.

„Ст. 21. Свобода совѣсти въ государствѣ абсолютная.

„Свобода культовъ религіозныхъ находится подъ охраною конституціи, лишь бы догматы таковыхъ и священнодѣйствія не посягали на общественный порядокъ и общественную нравственность.

„Восточная православно-каѳолическая религія есть религія государства румынскаго.

„Церковная духовная іерархія независима отъ чужеземной іерархіи.

„Всѣ дѣла, подлежащія духовному вѣдомству, подлежатъ синоду, сообразно спеціальнымъ на этотъ случай законамъ.

„Митрополитъ и епископы епархій государственной религіи подлежатъ избранію по закону, спеціально на этотъ случай изданному [1]).

„Ст. 22. Всѣ дѣла духовенства чисто гражданскаго характера подлежатъ гражданскому вѣдомству.

„Ст. 23. Свобода преподаванія въ государствѣ абсолютная.

„Свобода преподаванія гарантируется законами, лишь бы преподаваніе не посягало на общественный порядокъ и общественную нравственность.

„Всякая община въ краѣ должна имѣть свою школу. Ученіе въ школахъ, принадлежащихъ государству, безплатное.

„Первоначальное обученіе обязательно для всѣхъ дѣтей, но на первое время лишь для тѣхъ мѣстностей края, гдѣ элементарныя школы уже открыты.

„Все касающееся образованія подлежитъ спеціально на этотъ случай выработаннымъ законамъ.

„Ст. 24. Конституція гарантируетъ всѣмъ гражданамъ полную свободу слова, письма и печати; каждый лично отвѣтственъ въ случаяхъ злоупотребленія этимъ правомъ, и никогда не можетъ быть изданъ какой-либо новый законъ, стѣсняющій свободу слова, письма и печати.

„Преступленія по дѣламъ печати подлежатъ суду присяжныхъ.

„Ни цензура, ни другое какое-либо подобное мѣропріятіе, относящееся къ изданію, продажѣ и распространенію какихъ бы то ни было публикацій, никогда не могутъ быть приняты.

„Для печатанія періодическихъ изданій не требуется никакого предварительнаго правительственнаго разрѣшенія.

„Никакихъ денежныхъ залоговъ не будетъ взиматься съ авторовъ, продавцовъ, типографовъ и литографовъ.

„Печать никогда не будетъ стѣснена закономъ о *предостереженіяхъ*.

---

[1]) Епископы и архіепископы избираются сенатомъ, депутатскимъ собраніемъ и синодомъ изъ монашества—всѣ три института въ этомъ случаѣ составляютъ одинъ избирательный органъ.

„Никакое періодическое изданіе не можетъ быть пріостановлено единовременно или же окончательно закрыто.

„Авторъ лично отвѣтственъ за свои статьи, и лишь въ случаѣ отсутствія послѣдняго—отвѣтственность падаетъ на редактора и издателя.

„Ст. 25. Секретъ писемъ и телеграммъ неприкосновененъ.

„Спеціальный на этотъ случай законъ опредѣляетъ отвѣтственность правительственныхъ чиновниковъ въ данномъ случаѣ [1]).

„Ст. 26. Свобода сходокъ и собраній полная, лишь бы только тѣ и другія имѣли мирный характеръ и лица собирающіяся были безоружны.

„Для сходокъ и собраній нѣтъ необходимости въ предварительномъ разрѣшеніи мѣстной власти.

„Ст. 27. Румыны пользуются полнымъ правомъ ассоціацій и организацій всякихъ обществъ.

„Ст. 28. Каждый гражданинъ пользуется правомъ петицій, лишь бы таковыя были подаваемы отъ лица подписавшихся подъ ними.

„Однѣ конституціонныя власти пользуются правомъ подачи петицій отъ коллективнаго имени какой-либо мѣстности.

„Ст. 29. Никакого предварительнаго разрѣшенія не требуется для производства слѣдствія надъ дѣйствіями какого-либо правительственнаго лица.

„Ст. 30. Румынъ, поступившій на службу къ другому какому-либо государству безъ предварительнаго разрѣшенія на это своего правительства, лишается правъ гражданства.

„Выдача политическихъ преступниковъ воспрещается конституціей".

Таковы статьи главы о правахъ румынскихъ гражданъ. Указавъ читателю на основную главу румынской конституціи, мы перейдемъ теперь къ бѣглому описанію всего правительственнаго механизма страны.

Законодательная власть страны находится въ рукахъ главы государства—князя (Domnu или Domnitor) и собранія представителей. Національное представительство раздѣляется на двѣ палаты—сенатъ и собраніе депутатовъ. Предложеніе законопроектовъ принадлежитъ одинаково всѣмъ тремъ органамъ правительственнаго механизма: князю, сенату и собранію.

Бюджетъ страны вотируется лишь собраніемъ депутатовъ и утверждается княземъ.

---

[1]) По уголовному кодексу, за вскрытіе письма почтовымъ чиновникомъ, послѣдній подлежитъ лишенію всѣхъ правъ и каторжнымъ работамъ.

Исполнительная власть находится въ рукахъ князя, который пользуется ею сообразно духу конституціи. Отвѣтственность за дѣятельность князя падаетъ цѣликомъ на долю министровъ, которые выбираются имъ. Судъ надъ министрами подлежитъ кассаціонному департаменту. Судебная власть находится въ вѣдѣніи судебнаго департамента и судебныхъ палатъ. Рѣшенія и приговоры таковыхъ совершаются на основаніи законовъ страны и отъ имени князя. Личность князя неприкосновенна.

Частныя дѣла и мѣстные интересы, касающіеся округовъ и общинъ, подвѣдомственны окружнымъ совѣтамъ и муниципальной власти. Каждый округъ управляется однимъ префектомъ, подъокруги находятся въ вѣдѣніи подпрефектовъ; община управляется мэромъ (primar).

Государственныя имущества находятся въ вѣдѣніи спеціальной администраціи, находящейся, въ свою очередь, въ вѣдѣніи министерства финансовъ.

Собраніе депутатовъ состоитъ изъ 157 членовъ, избранныхъ слѣдующимъ порядкомъ. Избирательный механизмъ каждаго округа раздѣленъ на четыре части или коллегіи. Въ первую коллегію входятъ всѣ граждане, имѣющіе поземельный доходъ, превышающій сумму въ 3,550 франковъ; во вторую коллегію входятъ граждане, коихъ доходъ ниже вышеозначенной суммы, но во всякомъ случаѣ выше суммы въ 1,185 фр.; въ третью коллегію (городская коллегія) входятъ всѣ торговцы и фабриканты, платящіе государству подать въ 30 фр. въ годъ, а также всѣ офицеры въ отставкѣ и всѣ профессоры и чиновники, ненаходящіеся болѣе въ государственной службѣ. Эти три коллегіи избираютъ пропорціональное число депутатовъ. Они пользуются *прямымъ избирательнымъ правомъ*. Двѣ первыя коллегіи избираютъ по одному депутату каждая. Третья же коллегія (городская) избираетъ пропорціональное значенію города число депутатовъ: 7—Бухарестъ, 6—Яссы, 4—Галацъ и т. д. Въ четвертую коллегію входятъ всѣ граждане, платящіе государству какую-либо подать. 50 избирателей четвертой коллегіи избираютъ одного делегата, каковые делегаты, собравшись въ центральный пунктъ округа, избираютъ изъ своей среды одного депутата отъ каждаго округа. Такимъ образомъ, четвертая коллегія пользуется лишь *косвенной подачей голосовъ*.

Сенатъ избирается лишь двумя первыми коллегіями. Для того, чтобы быть сенаторомъ, необходимо имѣть 41 годъ отъ роду и быть собственникомъ достоянія, приносящаго доходу не менѣе 9,400 фр. въ годъ.

Таковъ правительственный механизмъ страны.

Образованіе въ Румыніи даровое во всѣхъ государственныхъ шко-

лахъ. Элементарное образованіе обязательно во всѣхъ частяхъ края, гдѣ таковыя школы уже открыты. Въ 1875 году существовало 276 первоначальныхъ школъ для городского населенія, изъ которыхъ 136 для мальчиковъ и 110 для дѣвочекъ. Число учениковъ въ этихъ школахъ за тотъ же годъ, по оффиціальнымъ источникамъ, показано въ 26,160, изъ коихъ 18,902 мальчиковъ и 7,876 дѣвочекъ. Сельскихъ школъ въ ту же эпоху времени было 2,175, изъ которыхъ 1,871 для мальчиковъ и 304 для дѣвочекъ. Число учениковъ въ последнихъ школахъ простиралось до 65,005 (51,727 мальчиковъ). Среднихъ учебныхъ заведеній въ Румыніи въ 1876 году было: 14 гимназій, 7 лицеевъ, 8 семинарій, 5 среднихъ учебныхъ заведеній для дѣвицъ. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ числилось въ прошломъ году 5,893 ученика. Спеціальное обученіе имѣетъ: 7 педагогическихъ институтовъ, 5 коммерческихъ школъ, 3 ремесленныя училища, 1 школу машиннаго производства, 1 земледѣльческую академію, 2 консерваторіи, 2 школы художествъ, 1 ветеринарную школу; итого 21 школу съ 1,538 учениками. Высшее образованіе получается румынскою молодежью въ университетѣ г. Бухареста (четыре факультета) и въ университетѣ г. Яссъ (три факультета). Число студентовъ въ прошломъ году въ обоихъ университетахъ было 656 (одинъ изъ 7,600 челов.; въ европейской Россіи, безъ Финляндіи, съ остзейскимъ краемъ и Польшею было въ 1874 г. 5,698 студ. унив.,—одинъ на 12,800 челов.). Кромѣ этихъ школъ существуютъ еще три школы военнаго образованія и 180 частныхъ учебныхъ заведеній.

Всего въ Румыніи приходится на 1,000 чел. жителей 20 учениковъ, а именно 17 въ элементарныхъ школахъ и 3 въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. (Въ Россіи, по отчету министра нар. просв. за 1873 г., въ элементарныхъ школахъ учится 942,487, слѣдовательно, на тысячу человѣкъ населенія податныхъ классовъ 12 человѣкъ).

Преподаваніе въ школахъ государственныхъ ведется на румынскомъ языкѣ. Существуютъ, впрочемъ, устроенныя на государственный счетъ школы въ болгарскихъ селеніяхъ, гдѣ преподаваніе производится на болгарскомъ языкѣ.

Воинская повинность ложится на всѣхъ гражданъ государства. Каждый румынъ обязанъ нести воинскую повинность отъ 21 года до 46 лѣтъ отъ роду. Отъ 21 до 29 лѣтъ по жребію, выпавшему на долю, молодые люди зачисляются въ регулярную армію. Тѣ же, которые по жребію таковому зачисленію не подлежатъ, поступаютъ въ кадры національной милиціи, въ которой обязаны служить отъ 21 до 37 лѣтъ. Граждане, прослужившіе закономъ опредѣленное число лѣтъ въ регулярной арміи, тоже зачисляются въ національную мили-

цію вплоть до 37-ми-лѣтняго возраста. Отъ 37 до 46 всѣ граждане составляютъ національную гвардію. Всего въ постоянной арміи румынской числится 62,286 чел. Войска имѣютъ бодрый видъ и хорошую военную выправку.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію экономическаго положенія народа, кинемъ бѣглый взглядъ на финансовое состояніе государства. Прямые налоги даютъ государству 29.082,017 фр. Косвенные налоги приносятъ 32.201,000 фр. Государственныя имущества приносятъ доходъ въ 19.075,000 фр.; почты, телеграфы и желѣзныя дороги 6.500,000 фр.; разныя взиманія въ государственную пользу даютъ, кромѣ того, 1.883,454 фр.; продажа національныхъ имуществъ ежегодно реализируетъ 1.937,313 фр.; штемпельный доходъ 812,000 фр.; итого всего дохода 91.441,418 фр. Расходы по главнымъ статьямъ суть слѣдующіе:

Совѣтъ министровъ....	44,048	фр.
Минист. внутр. дѣлъ	7.749,149	„
Минист. иностр. дѣлъ............	724,017	„
Министерство юстиціи	3.896,832	„
Минист. народн. просв............	8.329,930	„
Военное министерство............	18.275,674	„
Минист. путей сообщ.........	5.110,356	„
Минист. финансовъ..............	52.029,544	„
Суммы экстраординар. кредита....	1.000,000	„
Итого расхода.....	97.149,551	фр.

т.-е. около $19^1/_2$ франковъ на человѣка (въ Россіи около 24 франк.).

Слѣдовательно, дефицитъ за 1876 годъ былъ на сумму въ 5.708,133 фр. Личное содержаніе князя румынскаго достигаетъ за этотъ же годъ суммы въ 1.185,185 фр. Государственный долгъ Румыніи до 1-го іюня 1876 года былъ въ 167.181,968 фр.

Таково положеніе румынскаго государства, какъ политической единицы. Теперь постараемся резюмировать въ общихъ чертахъ экономическое положеніе народа, его внутреннюю жизнь, характеръ и нравы. До переворота, происшедшаго въ Румыніи послѣ Крымской войны, рабочее населеніе страны раздѣлялось на два класса. Одни были свободными поселенцами на своихъ земляхъ, другіе находились въ крѣпостной зависимости у помѣщиковъ. На основаніи „органическаго закона“, такъ называемаго кодекса барщинныхъ повинностей—каждый румынскій земледѣлецъ, кромѣ цѣлой массы мелкихъ натуральныхъ повинностей,—обязанъ былъ доставить собственнику земли: 1) 12 рабочихъ дней вообще; 2) одинъ день полевой работы, и 3) одинъ день возки дровъ. Въ концѣ-концовъ, 14 рабочихъ дней въ годъ. Но, на основаніи глубокихъ политико-экономическихъ соображеній,

рабочій день принимался въ кодексѣ вовсе не въ своемъ обыкновенномъ смыслѣ: подъ рабочимъ днемъ подразумѣвался здѣсь такой рабочій день, который необходимъ для производства средняго дневного продукта; а этотъ средній дневной продуктъ опредѣлялся такъ хитро, что никакой циклопъ не способенъ былъ бы сработать его въ 24 часа. Самый законъ объявлялъ безъ всякихъ обиняковъ, что подъ 12-ю рабочими днями слѣдуетъ понимать продуктъ 36-тидневнаго ручного труда; подъ однимъ днемъ полевой работы—три дня, и подъ однимъ днемъ возки лѣсу—также три дня, итого: 42 барщинныхъ дня. Но къ этому присоединялись еще такъ-называемыя jobagie, т.-е. услуги, которыя земледѣльцы должны оказывать были землевладѣльцу въ разныхъ чрезвычайныхъ случаяхъ по хозяйству. Извѣстная часть мужского населенія, соотвѣтствующая числу жителей деревни, осуждена была ежегодно на эти услуги. Въ теченіи года, приходилось на каждаго румынскаго крестьянина по 14 дней этого прибавочнаго барщиннаго труда. Такимъ образомъ, предписанный закономъ барщинный трудъ составлялъ 56 рабочихъ дней въ годъ. Но, по климату страны, земледѣльческій годъ Румыніи состоитъ только изъ 210 дней, изъ которыхъ 40 дней приходятся на праздничные дни, а 30 дней на дурную погоду среднимъ числомъ; такимъ образомъ рабочій годъ уменьшается въ сложности на 70 дней. Остается 140 рабочихъ дней. Отношеніе барщиннаго труда къ необходимому труду $^{56}/_{84}$, или $66^{2}/_{3}$ %. Но приведенное нами количество барщиннаго труда представляетъ лишь то количество, которое предписывалось закономъ. „Органическій законъ" облегчалъ для помѣщиковъ возможность обходить его собственныя положенія. Послѣ того, какъ изъ 14-ти дней имъ было сдѣлано 56 дней, номинальный дневной трудъ каждаго изъ этихъ 56 дней барщины былъ опредѣленъ такимъ образомъ, что въ концѣ всякаго дня долженъ былъ оставаться неоконченный излишекъ, падающій на слѣдующій день. Въ теченіи одного дня, напр., должно выполоть такое пространство земли, которое требуетъ для этой цѣли, особенно на маисовыхъ поляхъ—вдвое больше времени. Законный дневной трудъ въ Румыніи до освобожденія крестьянъ начинался въ маѣ, а оканчивался въ октябрѣ—и весь онъ уходилъ на барщину. „Двѣнадцать барщинныхъ дней, установленные закономъ,—восклицалъ одинъ упоенный помѣщикъ,—составляютъ 365 дней въ году".

Положеніе народа при такой системѣ было безвыходно. По уничтоженіи крѣпостного права, крестьяне получили поземельный надѣлъ, средняя величина котораго колеблется между $2^{1}/_{2}$ и 3 десятинами; цыгане, бывшіе также крѣпостными, почти по всей странѣ были причислены къ дворовымъ и ремесленнымъ людямъ, и на этомъ осно-

ваніи лишены поземельнаго надѣла. Недостаточность надѣла, быстрое возростаніе цѣнъ за наемъ земли, скудость народнаго хозяйства при переходѣ изъ-подъ крѣпостного права на свободный трудъ—поставили страну въ крайне неблагопріятныя условія. Народъ сталъ пуще того нищать. И въ настоящее время положеніе румынскаго крестьянина крайне несчастно. Одно лишь плодородіе почвы да вѣками выработанная привычка къ непосильному труду и спасаютъ до сихъ поръ еще румына-земледѣльца отъ голодной, медленной смерти. Народонаселеніе луговой части края изъ году въ годъ вырождается. Малярія безпощадно свирѣпствуетъ въ деревняхъ. Употребленіе одной растительной пищи въ продолженіи нѣсколькихъ поколѣній въ придунайскихъ долинахъ Румыніи создали, наконецъ, своеобразный типъ придунайскаго мужика. Мускульно-слабый, сонливый, онъ невыносливъ въ трудѣ, сильно подверженъ эпидемическимъ заболѣваніямъ. Пища рабочаго населенія Румыніи состоитъ исключительно изъ мамалыги (итальянская polenta), которая приготовляется изъ маисовой муки, и служитъ ему вмѣсто хлѣба;—изъ капусты и огурцовъ. Отъ времени до времени немного молока, соленой рыбы, брындзы (овечій сыръ) и два, три раза въ годъ соленой говядины (postrama). Эта послѣдняя, соленая до-нельзя и сильно высушенная, представляетъ изъ себя цѣлый лѣсъ микроскопическихъ грибковъ. Питающійся съ малолѣтства такой неудобоваримой и малопитательной пищей, румынскій мужикъ, кромѣ того, постится въ продолженіи года 185 дней. И какой еще это постъ! Ни мяса, ни молока, ни рыбы—огурцы и мамалыга, мамалыга и огурцы. Такое питаніе народа развиваетъ въ странѣ диспепсію, атонію, страшную анемію и полный упадокъ физическихъ силъ, а какъ слѣдствіе всего—окончательную неспособность къ умственному труду и упадокъ нравственныхъ силъ. По принятіи тяжелой пищи, чтобы возбудить въ организмѣ силы, необходимыя для выполненія непосильнаго труда, мужикъ и городской рабочій по необходимости прибѣгаютъ къ водкѣ, единственному доступному ему средству изъ числа возбуждающихъ. Принявъ во вниманіе суровость зимы и сырость лѣта, станетъ понятна вся гибель такого „національнаго режима" цѣлаго народа. Въ апрѣлѣ и маѣ мѣсяцѣ лихорадки сотнями губятъ дѣтей деревенскихъ жителей, дѣтей, приведенныхъ почти къ полупрозрачному состоянію пищею великаго поста. Самый строгій постъ приходится именно къ тому времени года, когда климатическія условія страны способствуютъ развитію всякихъ міазмовъ, когда въ туманѣ болотныхъ мѣстъ, на залитыхъ весенними водами поляхъ и лугахъ нарождается ужасная маларія, этотъ бичъ придунайскихъ княжествъ. А тутъ еще самый тяжелый трудъ мужика выпадаетъ какъ разъ въ великій постъ — орка и засѣмененіе полей. Истощенный постомъ, истомленный тру-

домъ, рабочій человѣкъ покорно клонитъ уставшую голову подъ удары смертоносной лихорадки. Откуда взять силъ на сопротивленіе?

Одежда румынскаго крестьянина состоитъ изъ рубашки, сшитой изъ толстаго крѣпкаго полотна и такихъ же портковъ; рубашка опоясана краснымъ кушакомъ; ноги обуты въ сапоги, или босые; на головѣ барашковая мерлушка. Вьющіяся длинныя кудри въ безпорядкѣ падаютъ по плечамъ. Въ горной части Румыніи крестьяне носятъ, вмѣсто краснаго кушака, широкій кожаный поясъ, украшенный множествомъ мѣдныхъ и оловянныхъ пуговицъ. Зимою на этотъ лѣтній костюмъ крестьяне одѣваютъ длинный бараній тулупъ. Путешествуя по странѣ зимою, часто въ самый холодный день можно встрѣтить мужика съ широко раскрытою грудью, совершенно обнаженною и съ спиною тщательно покрытою тулупомъ. Грудныхъ болѣзней отъ этой національной привычки не пріобрѣтается, такъ какъ закаленная лѣтнимъ солнцемъ кожа груди представляетъ изъ себя непроницаемую броню для зимняго холода.

Румынскія женщины хороши собою; большіе черные глаза и удлиненный профиль лица румынки напоминаютъ собою итальянскій типъ; выраженіе лица не столь меланхолично, какъ у мужчинъ. Стройныя, онѣ не любятъ сгибаться надъ работою, а поэтому всѣ тяжести носятъ на головѣ или при помощи коромысла. Въ городахъ по простой манерѣ носить тяжести можно узнавать румынку отъ чужеземки: послѣдняя предпочитаетъ носить тяжести на спинѣ. Въ горной части Румыніи женщины ѣздятъ прекрасно по-мужски на лошадяхъ верхомъ. Женскій костюмъ румынки состоитъ изъ рубашки, верхняя часть которой служитъ и вмѣсто корсажа. Рубашка вышита шерстью или шелками на воротѣ, плечахъ и груди. Цвѣта узоровъ—голубой и красный. Лансело въ своей книгѣ „Le tour du monde“, т. XIII, описывая костюмъ румынской женщины, говоритъ: „Костюмъ здѣшнихъ женщинъ будитъ во мнѣ счастливыя воспоминанія объ Италіи и Греціи“. Поверхъ рубашки накинутъ крѣпко обхватывающій талію и бедра шерстяной коврикъ чернаго или бураго цвѣта, съ красною каемкою внизу. Головной уборъ женщинъ состоитъ изъ цвѣтного или бѣлаго платка, носимаго на манеръ итальянскихъ женщинъ; дѣвушки головы не покрываютъ и заплетаютъ волосы въ двѣ косы.

Въ горной части Румыніи крестьянское населеніе мускулисто, росло, и пользуется сильнымъ здоровьемъ; оно гораздо энергичнѣе и способнѣе къ сопротивленію по отношенію ко всѣмъ мѣстнымъ эпидеміямъ, нежели жители долины. Выраженіе ихъ лица бодрѣе и общій видъ горныхъ деревень веселѣе и носитъ на себѣ нѣкоторыя черты матеріальнаго довольства.

Румынъ одаренъ быстрымъ пониманіемъ и сильно развитымъ воображеніемъ. Въ началѣ какого-либо предпріятія у него проявляется сильная энергія, стойкость и упорство къ достиженію цѣли — это быстро воспламеняющійся народъ... но вскорѣ вся бодрость духа и энергія падаютъ и наступаетъ апатія и полный индифферентизмъ., Таковы общія черты народнаго характера. Румынъ любитъ до сумасшествія музыку. Мотивы народныхъ пѣсенъ меланхоличны и порою глубоко грустны; въ пѣсняхъ историческаго характера воспѣвается многовѣковая борьба съ турками, страданія и казнь народныхъ героевъ и т. д. Румынъ крайне опрятенъ, изба его чисто выбѣлена, внутри надушена сушеными пахучими травами, всѣ движенія его носятъ на себѣ какой-то отпечатокъ благородства, присущій, впрочемъ, всѣмъ латинскимъ народамъ. Румынскій крестьянинъ владѣетъ вообще способностью красно выразить свои мысли, и зачастую среди крестьянъ можно встрѣтить истинно-краснорѣчивыхъ людей. Въ послѣдніе годы въ собраніи депутатовъ не разъ можно было слушать краснорѣчивыя рѣчи депутатовъ изъ крестьянскаго сословія.

Средніе и высшіе классы общества не любятъ труда, требующаго упорства и порядка; въ этихъ слояхъ предпочитаютъ полную бездѣятельность или же гоняются за государственными мѣстами, не имѣя никакихъ положительныхъ знаній. Среди румынскаго общества сильно развита роскошь и любовь къ напыщенности, наружной мишурѣ и лоску. Расточительность и жизнь не по средствамъ разоряютъ помѣщиковъ. Время проводится за картами и другими азартными играми. Игра зачастую ведется большая. Зимніе вечера проводятся, посреди облаковъ табачнаго дыма, въ пустыхъ разговорахъ о туалетахъ, о мѣстныхъ сплетняхъ и интригахъ, и вести серьёзный разговоръ среди этого общества, значитъ—говорить о процессахъ и тяжебныхъ дѣлахъ.

Е. Х.

МАДЬЯРЫ И ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ *).

„Suum cuique".

I.

Событія на Балканскомъ полуостровѣ взволновали весь славянскій міръ. Славяне поняли, что на Дунаѣ и на Балканахъ начинаетъ рѣшаться ихъ будущая судьба, что предполагаемымъ и усердно желаемымъ созданіемъ или, скорѣе, возобновленіемъ болгарскаго государства и увеличеніемъ обоихъ сербскихъ княжествъ, сербскаго и черногорскаго—при помощи единственнаго славянскаго государства, Россіи—дѣлается первый шагъ къ осуществленію политическихъ идеаловъ славянскихъ. Кровавая драма на берегахъ Зеты и Моравы, на Дунаѣ и на Балканахъ — начало осуществленія завѣтныхъ желаній славянскаго міра, начало разрѣшенія *восточнаго, т.-е. славянскаго вопроса.*

Но не одни славяне взволновались. Всѣ ихъ сосѣди и недоброжелатели сильно переполошились, увидавъ, какъ разбросанныя сухія кости славянскія вдругъ обводятся мясомъ, наполняются духомъ жизни, и „сташа на ногахъ своихъ соборъ многъ зѣло".... Съ особеннымъ ужасомъ смотрятъ на это мадьяры [1]). Болгары, и сербы и румыны рвутъ свои кандалы, сбрасываютъ крышки съ своихъ гробовъ, и мнимые мертвецы домогаются новой самостоятельной жизни; а восточное царство помогаетъ несчастнымъ изгонять варварскихъ могильщиковъ и

*) Читателю извѣстно, какую роль заняли въ настоящихъ событіяхъ мадьяры. Въ предлагаемой статьѣ собраны основные факты старыхъ историческихъ связей „венгерской короны" съ разными славянскими землями и указаны новѣйшія отношенія племенъ и славянская сторона вопроса. *Ред.*

[1]) Славяне и другіе европейскіе народы называли мадьяръ (Magyár) „Угри" и государство ими основанное „Угрія" (по мад. Magyár-ország). Въ эту Угрію вошли и разные не-угорскіе народы: словаки, русскіе, сербы, румыны и др.; всѣ эти народы могутъ назваться „уграми" только въ политическомъ смыслѣ, какъ жители Угріи, равнымъ образомъ, какъ напр. поляки, литовцы, чудь и др. въ Россіи считаются „русскими"; но въ національномъ отношеніи словакъ или сербъ не можетъ быть угромъ, угриномъ. Между тѣмъ, мадьяры, сдѣлавъ свой языкъ господствующимъ въ своей странѣ, признаютъ въ своей землѣ только одну политическую *націю*,—мадьярскую, а сербовъ, словаковъ, румынъ и пр. считаютъ они лишь „народностями"; названіе „славянскій, сербскій и пр. народъ" раздражаетъ мадьяръ въ высшей степени. У русскихъ въ послѣдніе вѣка вошла въ общее употребленіе польская форма „Венгрія".

палачей изъ райскихъ земель дунайскихъ и балканскихъ. Съ ужасомъ смотрятъ на все это мадьяры, считавшіе себя уже наслѣдниками своихъ балканскихъ товарищей и родственниковъ. Они вообразили, что у нихъ есть извѣстное „право" на это наслѣдство; а вдругъ—это право оказывается несостоятельнымъ. Надѣялись они, что вернутся времена Белъ, Людовиковъ, Сигмундовъ, Матвѣевъ и другихъ венгерскихъ королей, распоряжавшихся на Нижнемъ-Дунаѣ и на Балканахъ какъ дома, — а вдругъ оказывается, что возобновленіе этихъ „славныхъ" временъ невозможно, что онѣ прошли безвозвратно. Остались только сладкія историческія воспоминанія.

Съ XII и XIII вѣковъ венгерскій король называетъ себя „Апостольскимъ королемъ венгерскимъ, далматскимъ, хорватскимъ, славонскимъ, *босанскимъ, сербскимъ, галицкимъ, владимірскимъ, куманскимъ* (т.-е. румынскимъ), *болгарскимъ*, и великимъ княземъ Семиградскимъ", иногда съ прибавленіемъ „навсегда".

Эта высокопарная титулатура не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, ибо ни Босна, ни Сербія и Болгарія, ни Румынія и Галиція, не входятъ въ составъ Венгріи. Но по государственному праву венгерскому, всѣ эти земли считаются частями (partes adnexae, territorium accessorium) коренной земли, т.-е. венгерскаго королевства, наравнѣ съ Тріединымъ королевствомъ хорватско-славонско-далматскимъ и съ великимъ княжествомъ Семиградскимъ, которыя (кромѣ Далмаціи) фактически составляютъ часть венгерской короны. По государственному праву венгерскому, эти земли считаются частями Венгріи de jure, хотя de facto къ ней не принадлежатъ; ихъ гербы встрѣчаются между гербами остальныхъ земель короны венгерской; ихъ знамена носятся при коронаціи короля венгерскаго, какъ и знамена венгерское, хорватское, славонское и далматское. Венгерскій король обѣщаетъ въ такъ-называемомъ инавгуральномъ дипломѣ, что онъ земли, принадлежавшія прежде къ венгерскому королевству и которыя онъ съ божьей помощью пріобрѣтетъ, опять къ нему *присоединитъ*. Въ коронаціонной присягѣ король обѣщаетъ, что онъ границъ Венгріи не уменьшитъ, а насколько возможно, *расширитъ*.

Итакъ, по государственному праву венгерскому, Венгрія приписываетъ себѣ право на Босну съ Герцеговиной, на Сербію, Болгарію, Румынію (съ Буковиной и Бессарабіей) и Галицію. Это право или, скорѣе, эти притязанія основываются на томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторые венгерскіе короли производили въ тѣхъ земляхъ извѣстную верховную власть,—впрочемъ, часто очень сомнительную и кратковременную.

Мадьяры или, какъ ихъ славяне издавна называютъ, угры, венгры, основали ок. 900 г.—на развалинахъ Великой Моравіи и при-

дунайской Болгаріи—свое государство. Сдѣлавшись позже христіанской, Венгрія вошла въ составъ западно-европейскихъ государствъ, и вскорѣ распространила свои границы на востокъ и на югъ. Въ 1002 г. присоединена къ ней Семиградія, а черезъ сто лѣтъ (1102 г.) и королевство хорватско-далматское. Такимъ образомъ, Венгрія завязала сношенія съ южной славянщиной, сначала съ хорватами, и скоро послѣ того и съ сербами.

Сербы жили на юго-востокъ отъ ближайшихъ своихъ соплеменниковъ хорватовъ, между Савой, Моравой, Ибромъ, Скадарскимъ озеромъ, Адріатическимъ моремъ, рѣками Цетиной и Вербасомъ. Они раздѣлялись на нѣсколько племенъ: сѣверную, бо̀льшую половину означенной территоріи занимали собственно такъ-называемые сербы (нын. западная Сербія и Босна), на югѣ были неречане, захолмяне, требиняне и конавляне (нын. Герцеговина и южная Далмація), дукляне или зетяне (нын. Черная Гора и Которская-Бока). Эти сербскія племена были почти совершенно независимы другъ отъ друга, и только изрѣдка удавалось сильному князю соединить ихъ въ извѣстную федерацію. Сербскія земли раздѣлялись на округи—жупы. Такими жупами собственной Сербіи были Босна (по рѣкѣ显Боснѣ, между Савой, Вербасомъ и Дриной), Мачва (по рѣкѣ Колубарѣ, между Дриной, Савой и Моравой), Рась, или Раса, по рѣкѣ Рашкѣ (нын. Новый-Базаръ), и др. Въ Захолмьѣ одна сѣверная жупа, на границѣ Босны, называлась Рама, по рѣкѣ того имени, притока Неретвы. Во время разъединенія сербскихъ племенъ въ X и XI вѣкахъ хорватскіе короли, успѣвшіе заранѣе создать сильное государство, завладѣли смежными сербскими землями, именно Босной, Неретвой и сѣвернымъ Захолмьемъ; въ числѣ хорватскихъ бановъ (т.-е. высшихъ сановниковъ земскихъ, жупановъ первой степени) упоминается и босанскій и подрамскій (Рама). Въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка въ Боснѣ владѣлъ опять великій жупанъ сербскій, который уступилъ Босну своему зятю, венгерскому королю Белѣ II. Съ тѣхъ поръ, ок. 1120 г., Босна является „бановиной“ или „банатомъ“ Венгріи, управляемымъ венгерскими королевичами или своими домашними банами. Къ Боснѣ принадлежала тогда и сѣверо-захолмская жупа Рама, и по этой жупѣ стали въ венгерской канцеляріи называть всю Босну. Венгерскіе короли приняли титулъ: король рамскій (rex Ramae, первый разъ въ грам. 1138 г.), т.-е. босанскій. Съ тѣхъ поръ осталась Босна съ немногими промежутками при венгерской коронѣ. Босанскіе баны, а съ 1376 г.—короли считали себя подручниками короля венгерскаго, хотя они пользовались полной самостоятельностью, а въ концѣ XIV вѣка даже возстали противъ своего верховнаго господина. Приведемъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ грамотъ, харак-

теризующихъ отношеніе Босны къ Венгріи. Венгерскіе короли всегда называютъ Босну *своимъ* королевствомъ: regnum nostrum Boznae (1364), regnum nostrum Ramae seu Boznae (1405), и пр.; такъ ее называютъ и иностранные государи, напр. сербскій Вуканъ Неманичъ (terra regis Ungariae videlicet Bossina 1199), папы и пр. Босанскіе баны и короли считались подручниками венгерскихъ королей, которые ихъ назначали и утверждали въ ихъ достоинствѣ, были въ правѣ требовать отъ нихъ военной помощи и другихъ повинностей. Банъ и позже король босанскій Стефанъ Твердко называетъ себя „баномъ Босны божіею милостію и короля Людовика", т.-е. венгерскаго (1366); король Стефанъ Дабиша, покорившись королю Сигмунду, обязывается отбывать прежнія повинности венгерской коронѣ (1394); король Стефанъ-Ѳома Кристичъ признаетъ, что онъ назначенъ королемъ Владиславомъ, и обѣщаетъ ему во всемъ послушаніе и помощь (1444). Послѣдній король босанскій Стефанъ-Ѳома стремился, съ помощью папы, къ большей самостоятельности, прося отъ него и короны. Сначала папа отказывалъ просьбамъ Стефана, называя его „вассаломъ венгерскаго короля, который одинъ имѣетъ право короновать босанскаго короля"; вмѣстѣ съ тѣмъ папа увѣрялъ венгерскаго короля Матвѣя, что онъ ничего не сдѣлаетъ безъ его соизволенія, именно что онъ Стефану не пошлетъ короны. Но, несмотря на эти увѣренія, папскій легатъ все-таки вѣнчалъ Стефана короной (1461). Матвѣй горько жаловался на такое нарушеніе своихъ правъ, такъ какъ „Босна всегда принадлежитъ къ венгерской коронѣ", а король босанскій—подданный королей венгерскихъ, и не можетъ быть коронованъ папскими легатами безъ тяжкаго и явнаго ущерба королямъ венгерскимъ. Но вскорѣ король Стефанъ покорнлся Матвѣю.

Въ то время босанское королевство обнимало, кромѣ Босны, и Захолмье или Холмъ, называемый тоже княжествомъ св. Савы (похороненнаго въ Милешевѣ), вмѣстѣ съ Травуніей (Требиньемъ). Холмскіе князья, находясь посреди Венгріи и Сербіи, тянули то въ ту, то въ другую сторону, и только съ конца XIII вѣка примкнули къ Боснѣ и тѣмъ самымъ и къ Венгріи; босанскій банъ Стефанъ Котроманичъ (съ 1322 г.) назывался княземъ Холмскимъ (Chelmi comes, Chulmiae dux, „господинь Хомскои земли"). Съ конца XIV вѣка княжили въ Холмѣ великіе воеводы босанскіе изъ рода Храничей, которые стремились къ полной независимости. Одинъ изъ нихъ, великій воевода Стефанъ Косача, обратился къ императору Фридриху и получилъ отъ него нѣмецкій титулъ герцога (1448 г.), и съ тѣхъ поръ назывался „*херцегъ* одъ светога Саве", и его княжество—„земля херцегова", „Херцеговина".

Въ 1463 г. погибъ король босанскій Стефанъ, и Босна сдѣлалась

турецкимъ пашалыкомъ. Черезъ двадцать лѣтъ та же самая участь постигла и Герцеговину. Турки двигались все дальше на сѣверъ, въ Хорватію и въ Венгрію. Въ то время присоединена къ Боснѣ и часть Хорватіи, между Уной, Савой и Вербасомъ, которая называется до сихъ поръ турецкой Хорватіей.

Сербское государство возобновлено или, скорѣе, создано сильнымъ Стефаномъ Неманей (1159—1195), который собралъ всѣ растерянныя земли сербскія, кромѣ Босны и Мачвы. Послѣдняя часть Сербіи находилась съ половины XII вѣка во власти венгерскихъ королей, и управлялась банами (banus de Machov). Такъ какъ колыбелью Стефана Немани была сербская жупа *Рась*, то первые короли сербскіе называли себя королями „всѣхъ расскихъ земель", а иностранцы, именно итальянцы и венгры, стали называть сербовъ рашанами, расціанами, рацами (мадьяр. Rácz, венгро-нѣм. Raizen), а Сербію—Rascia, Rassia, Raxia.

Послѣ великаго жупана Стефана Немани, сербскій столъ занялъ старшій его сынъ, Стефанъ, а младшій Вуканъ (Волканъ) былъ великимъ княземъ зетскимъ и холмскимъ. Вуканъ, стремясь къ полной самостоятельности, обратился къ папѣ и къ венгерскому королю (1198—1199). Стефанъ, чтобъ обезпечить себя противъ брата и Венгріи, просилъ у папы королевской короны, изъявляя готовность принять католицизмъ (1199). Папа обѣщалъ исполнить желаніе Стефана. Но венгерскій король Эмерихъ, узнавъ о предстоящемъ повышеніи великаго жупана сербскаго, вторгнулся въ началѣ 1202 года въ Сербію, посадилъ на сербскій столъ Вукана, и согласился, чтобъ онъ получилъ отъ папы королевскую корону, но съ условіемъ венгерской верховной власти надъ Сербіей,—землей, подданной Венгріи. Съ тѣхъ поръ, съ 1202 г., короли венгерскіе называются королями сербскими— „rex Serviae" или „rex Rasciae". Но уже черезъ годъ Вуканъ, не дождавшись даже коронаціи, помирился съ братомъ, который позже и коронованъ полученной отъ папы короной (1217). Титулъ венгерскихъ королей „rex Serviae" остался однимъ только титуломъ. Королевство и позже—царство сербское пользовалось полной самостоятельностью до несчастнаго сраженія Косовскаго (1389), вслѣдствіе котораго сербскій князь сдѣлался турецкимъ вассаломъ. Турецкое иго вогнало сербскаго князя или, какъ позже онъ сталъ называться по-гречески, деспота Стефана Лазаревича въ объятія Венгріи. Въ 1426 г. сербскій деспотъ (despotus Rasciae) призналъ, что „сербское королевство всегда было и есть подвластно венгерской коронѣ", и обѣщалъ „вѣрность и послушаніе коронѣ и королямъ венгерскимъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ венгерскій король призналъ Юрія Бранковича преемникомъ Стефана и венгерскимъ „кметомъ" (земскимъ сановникомъ);

въ случаѣ бездѣтной кончины Юрія Сербія достанется венгерской коронѣ. По смерти Стефана, Юрій Бранковичъ сдѣлался сербскимъ деспотомъ и вассаломъ Венгріи; Мачва съ Бѣлградомъ—при Лазарѣ возвратившаяся къ Сербіи—сдѣлалась опять венгерскимъ банатомъ; позже присоединены къ Мачвѣ и сѣверно-сербскія земли Браничево и Кучево (около Пожаревца и Голубца). Но верховная власть Венгріи не могла уже спасти Сербію отъ Турціи; уже въ 1439 г. деспотъ вынужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, и только вслѣдствіе побѣды короля Владислава въ Сербіи и Болгаріи получилъ вновь свое княжество. Но черезъ двадцать лѣтъ (1459) Сербія сдѣлалась турецкимъ пашалыкомъ. Бранковичи переселились въ Венгрію, продолжая и здѣсь называться „деспотами сербскими". Послѣ нихъ этотъ титулъ перешелъ на бана Бериславича (Johannes Berislo regni nostri Rasciae despotus, 1508 г.).

Въ Болгарію венгерскіе короли стали вторгаться въ XII вѣкѣ. Въ концѣ этого вѣка король Бела III занялъ на короткое время Браничево и Нишъ, и его преемникъ Эмерихъ всячески старался помѣшать папской куріи короновать государя болгарскаго, Іоанна Асѣня, въ короли. Позже сама папская курія благопріятствовала стремленіямъ венгерскихъ королей къ завоеванію Болгаріи—тѣмъ скорѣе, что венгерскій король Бела IV (1238) обѣщалъ подчинить ее въ духовномъ отношеніи папѣ. Но это желаніе венгерскаго короля и папы не сбылось: Болгарія, несмотря на нѣсколько наѣздовъ королевича Стефана въ глубь страны до самой столицы Тернова (1260—64), не лишилась своей независимости. Но со времени этихъ походовъ король венгерскій принялъ титулъ „короля болгарскаго", который употреблялъ изрѣдка уже король Бела, а постоянно—сынъ его Стефанъ (съ 1270 г.). На этихъ-то временныхъ и сомнительныхъ успѣхахъ основывается титулъ венгерскихъ королей „rex Bulgariae" и „историческое право" венгерской короны на землю Асѣней, преемники которыхъ, впрочемъ, не подозрѣвали такого „права" сосѣдняго короля на ихъ царство. Только черезъ сто лѣтъ король Людовикъ, пользуясь разъединеніемъ Болгаріи, вторгнулся въ ея западную половину, завоевалъ Бѣдынъ (Виддинъ), и, взявъ въ плѣнъ царя Срацимира, назначилъ здѣсь намѣстникомъ Діонисія, воеводу семиградскаго (1365). Уже черезъ четыре года прекратилось венгерское господство въ Бѣдынской Болгаріи, но не прекратились притязанія Венгріи; еще венгерскій лѣтописецъ XV вѣка, Турецъ (Thurócz), называетъ Болгарію землей венгерской короны.

Въ 1393 погибло царство болгарское, сдѣлавшись провинціей Турціи. Венгерскій король упрекалъ султана Баязида, что онъ занялъ Болгарію, принадлежащую по праву Венгріи. Но султанъ, показывая

венгерскимъ посламъ на развѣшенное по стѣнамъ оружіе, отвѣтилъ, что и его право на Болгарію основывается на силѣ оружія. Никопольское сраженіе (1396) утвердило турецкое господство въ Болгаріи. Побѣды короля Владислава въ Болгаріи (1443), — которая обѣщана Іоанну Гуньяду,—были безполезны; уже черезъ годъ погибъ молодой король подъ Варной.

Что касается титула „король куманскій" (rex Cumaniae), то онъ относится къ княжествамъ румынскимъ, Валахіи и Молдавіи, гдѣ въ XII — XIII вв. жили куманы (половцы). Титулъ встрѣчается въ первый разъ въ грамотѣ 1235 года. Впрочемъ, притязанія венгерской короны на эти румынскія княжества очень сомнительнаго свойства. Въ Валахіи короли венгерскіе господствовали только въ западной ея части, въ Малой Валахіи, гдѣ съ XIII вѣка встрѣчается венгерскій банатъ Северинскій. Нѣкоторые воеводы валашскіе, вынужденные обстоятельствами, признавали верховное господство венгерскихъ королей; но это верховное владычество Венгріи скоро уступило турецкому господству; напрасно еще воевода Михаилъ, отвернувшись отъ турокъ, старался примкнуть къ Венгріи, какъ „vajvoda partium regni Hungariae Transalpinarum" (1598). Въ Молдавіи венгерское вліяніе уступило уже въ концѣ XIV вѣка польскому. Но сами короли венгерскіе не переставали до XVI вѣка называть Молдавію и Валахію „своими землями" и ихъ воеводъ „своими вѣрными подданными".

Турецкое завоеваніе прекратило вообще всякое „историческое право" венгерской короны на дунайскія государства: Rama, Servia, Bulgaria Dalmaciaque ab hoc regno sunt alienatae—жалуются венгерскіе чины, собравшіеся въ 1505 году на полѣ Ракошѣ [1]).

Послѣ несчастнаго сраженія при Могачѣ (1526) турки наводнили всю южную Венгрію. Отъ Тріединаго королевства осталась только западная часть, отъ венгерскаго же — почти одна только сѣверная (Словакія). Все остальное сдѣлалось турецкими пашалыками, и турецкій бунчукъ развѣвался (съ 1541 г.) и на королевскомъ замкѣ въ Budинѣ. Земли по Савѣ и по Дунаю, такъ сказать, не засыхали отъ

---

1) Считаемъ лишнимъ приводить всѣ подробности объ этомъ „историческомъ правѣ" венгерской короны. Главнымъ источникомъ—грамоты въ дипломатаріяхъ венгерскихъ и юго-славянскихъ, Фейера, Катоны, Тейнера, Кукулевича, Миклошича, Шафарика, Любича и др.—Титулъ „rex Galiciae et Lodomeriae" встрѣчается въ венгерскихъ грамотахъ съ 1206 года. На основаніи этого „историческаго права" венгерской короны „ревиндикована" въ 1772 г. Червонная Русь какъ „Königreich Galizien und Lodomerien". На основаніи болтовни писаря короля Белы (Anonymus Belae notarius) можно бы было примѣнить „историческое право" Венгріи *ко всей Руси*; ибо уже великому Альмошу покорились не только князья галицкій и владимірскій, но и кіевскій и суздальскій.

проливаемой въ упорной борьбѣ съ турками крови всѣхъ венгерскихъ славянъ, мадьяръ, нѣмцевъ, словинцевъ и чеховъ и множества православныхъ сербовъ, которые переселялись изъ порабощенныхъ своихъ земель въ Хорватію и въ Венгрію. Всѣ христіанскіе народы Турціи смотрѣли тогда на императоровъ римско-нѣмецкихъ и королей чешскихъ и венгерско-хорватскихъ, какъ на своихъ будущихъ освободителей, не разъ обращаясь къ нимъ, „плачучи и издышучи". Долго военное счастье сопровождало турецкіе бунчуки, и только со второй половины XVII вѣка, именно съ 1683 года, удалось войскамъ императора начать наступательную войну. Императоръ Леопольдъ издалъ, 6-го апрѣля 1690 г., воззваніе къ сербскому патріарху Арсенію Черноевичу и ко всѣмъ народамъ Албаніи, Сербіи, Мизіи, Болгаріи, Силистріи, Иллиріи, Македоніи, Расціи и другихъ „отъ Венгріи зависящихъ" земель, обѣщая имъ, какъ „подданнымъ венгерскаго короля", разныя привилегіи. Въ привилегіи 21-го августа Леопольдъ обѣщаетъ сербамъ свободу вѣроисповѣданія и свободный выборъ архіепископа, духовнаго начальника всѣхъ православныхъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ венгерской коронѣ (in tota Graecia, Rascia, Bulgaria, Dalmatia, Bosna, Hercegovina, Hungaria et Croatia). Весной 1691 г. множество сербовъ съ патріархомъ Арсеніемъ переселилось въ южную Венгрію, надѣясь, что, въ случаѣ побѣдъ императорскихъ войскъ, они вернутся на освобожденную родину. Но эти надежды не сбылись; карловицкимъ миромъ (1699 г.) императоръ получилъ только Славонію и часть южной Венгріи (Бачку). Несмотря на этотъ неполный успѣхъ, императоръ римскій и вмѣстѣ съ тѣмъ и король венгерско-хорватскій пріобрѣлъ себѣ въ глазахъ всѣхъ юго-славянъ значительную важность. Въ его земляхъ, въ Хорватіи и въ южной Венгріи, жило множество православныхъ сербовъ подъ своимъ патріархомъ (позже только митрополитомъ), который назывался патріархомъ всѣхъ сербовъ и болгаръ, и превосходилъ патріарха печскаго въ турецкой Сербіи. Но сербы не получили всѣхъ обѣщанныхъ имъ привилегій; обѣщаннаго имъ „воеводы" они не дождались; воевода Юрій Бранковичъ, едва переправившись черезъ Дунай въ Венгрію, арестованъ и содержанъ въ тюрьмѣ до самой смерти: nihil mali fecit, sed sic poscit ratio status — „онъ не преступникъ, но его заточенія требуютъ государственные интересы"—вотъ характеристическій отвѣтъ вѣнскаго кабинета на всѣ просьбы и ходатайства объ освобожденіи Бранковича [1]).

---

[1]) Объ участіи юго-славянъ, особенно сербовъ, въ турецкихъ войнахъ см., между прочимъ: Czörnig, „Ethnographie der österreich. Monarchie", II. 151, III. 62; Berlić, „Die freiwillige Theilnahme der Serben u. Kroaten an den türk. Kriegen 1683—1790". Сербскія привилегіи часто напечатаны, напр., у Раича, Ист. слав. нар., IV, у Черника, III, и пр.

Надежды турецкихъ христіанъ оживились вслѣдствіе новыхъ войнъ императора съ турками. Въ 1718 г. присоединены къ его владѣніямъ Малая Валахія, Темешскій банатъ, сѣверная Сербія (Мачва, Браничево и Кучево) и сѣверная Босна. Въ началѣ слѣдующей войны (1737 г.) оба патріарха, печскій и охридскій, увѣряли императора, что всѣ подвластные имъ народы съ нетерпѣніемъ ожидаютъ войска императора, чтобъ возстать противъ турокъ и сдѣлаться его подданными. Охридскій патріархъ, князь Кантакузинъ, заявилъ тогда желаніе сдѣлаться, подъ верховнымъ владычествомъ императора, владѣтелемъ Босны, Сербіи, Албаніи и Македоніи, и просилъ для себя мѣста и голоса въ сеймѣ римско-нѣмецкой имперіи [1]). Но эта война кончилась несчастливо: не только ничего не пріобрѣтено, но надобыло возвратить недавно завоеванныя части Босны, Сербіи и Валахіи. Большія надежды объ освобожденіи турецкихъ христіанъ возбуждала война 1788 г., которую начали Австрія и Россія. Императоръ Іосифъ II думалъ, что настало время уничтоженія господства турокъ въ Европѣ. Приведемъ здѣсь выдержки изъ двухъ писемъ императора, которыя ярко характеризуютъ его взглядъ на турокъ. „Эти *варвары Востока* совершали больше, чѣмъ два столѣтія, всевозможныя вѣроломства противъ моихъ предковъ, нарушали договоры, когда ихъ разбойнической алчности (Raubbegier) захотѣлось опустошать и грабить, и помогали всѣмъ возставшимъ противъ законнаго короля. Не взирая ни на какія присяги, они нарушали всѣ мирные трактаты, и мучили жителей Венгріи самымъ жестокимъ образомъ. Когда Австрія воевала съ другими непріятелями, то они нападали вооруженной рукой на границы государства и вели себя, какъ *каннибалы*. Настало время, гдѣ я являюсь мстителемъ человѣчества, гдѣ вознагражу Европу за бѣдствія, которыя она должна была отъ нихъ терпѣть, и надѣюсь, что теперь очищу міръ отъ племени *варваровъ*, которые такъ долго были его бичомъ. Мечъ обнаженъ и навѣрное не вложится въ ножны до тѣхъ поръ, пока не достигну полнаго удовлетворенія и опять не пріобрѣту того, что́ было *отнято у моего рода*. Мой походъ противъ османовъ не что иное, какъ законная попытка вновь пріобрѣсти земли, которыя въ теченіи времени и вслѣдствіе несчастныхъ событій оторваны отъ моей короны". Императоръ вызывалъ и черногорцевъ, чтобъ они ему помогли „осво-

---

[1]) Это желаніе охридскаго патріарха напоминаетъ намъ слова г. Гагерна, президента нѣмецкаго парламента во Франкфуртѣ 1848 года. Гагернъ защищалъ союзъ Австріи и Германіи, между прочимъ, и потому, „dass wir der Bestimmung nachleben können, die uns nach dem Orient zu gesteckt ist; dass wir diejenigen Völker, die längs Donau *zur Selbständigkeit weder Beruf noch Anspruch haben*, wie Trabanten in unser Planetensystem einschliessen". Таковы нѣмецкія ожиданія.

бодить христіанскіе народы отъ тиранства оттоманскаго владычества" [1]).

Эта война вообще какъ-то особенно оживила надежды на присоединеніе нѣкоторыхъ сѣверно-турецкихъ земель къ владѣніямъ императора, и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ старинныя притязанія венгерской короны, на которыя указываетъ самъ императоръ. Керестури, авторъ политической брошюры „Dissertatio hungari autoris de gente Serbica" (1790 г.), считая Босну и Сербію провинціями венгерской короны, томящимися подъ турецкимъ игомъ, выражаетъ надежду, что онѣ, вслѣдствіе счастливыхъ событій, могутъ возвратиться къ венгерской коронѣ, общей матери венгровъ и сербовъ, насильственно разрозненныхъ братьевъ. Венгерскіе чины считали, наравнѣ съ императоромъ, цѣлью этой войны, между прочимъ, и „ревиндикацію" потерянныхъ когда-то земель. Такъ, напр., на сеймѣ 1790—91 годовъ, принимая генерала герцога Іосію Саксо-Кобургскаго въ венгерскіе граждане, они ставятъ ему въ заслугу, что онъ не только защищаетъ Венгрію, но что онъ также завоевалъ „принадлежащія венгерской коронѣ Валахію и Молдавію". При заключеніи же мира въ Свиштовѣ, или Систовѣ (1791 г.), венгерскіе чины дали своему уполномоченному, Францу Эстергази—назначенному подлѣ императорскаго уполномоченнаго барона Герберта, — такую инструкцію, чтобы онъ не принималъ никакихъ условій въ ущербъ интересамъ Венгріи, преимущественно же, чтобы онъ не отказывался навсегда отъ правъ короны венгерской на находящіяся подъ турецкимъ владычествомъ земли. Но турки не хотѣли и слышать о какомъ-нибудь „венгерскомъ" посланникѣ, и Эстергази долженъ былъ представить себя, какъ посланникъ императора [2]). Свиштовскій миръ, равнымъ образомъ какъ предшествовавшіе ему карловицкій, пожаревацкій и бѣлградскій, заключенъ между Турціей и императоромъ; о венгерской коронѣ нѣтъ и помину.

Съ другой стороны, и юго-славяне не прочь были признать венгерскаго короля своимъ господиномъ, если бы только онъ ихъ освободилъ отъ ненавистнаго турецкаго ига. Еще въ 1783 г. сербскій поэтъ, Досиѳей Обрадовичъ, взываетъ къ императору Іосифу II:

Свѣтла круно, Іосифе Великій,
Простри милость твою на родъ Сербскій!

---

[1]) Briefe Josef's II (Leipzig, 1846, Nros 49, 58); Hormayr: „Lebensbilder aus dem Befreiungskriege" (Iena, 1844, III. 11). Въ послѣднемъ письмѣ, адресованномъ королю прусскому, находится слѣдующее замѣчательное мѣсто: „J'espère, que V. M. ne méconnaîtra pas la légitimité de mes prétentions, et qu'elle ne sera pas moins mon ami, quand même *je germaniserai* quelques centaines de milliers d'Orientaux". Воззваніе императора къ черногорцамъ у Милутиновича: „Исторія Црне Горе", 113.

[2]) Срв. исторіи Венгріи, Хорвата, II. 702, и Майлата, I. 124.

Ты обрати лица поглед благій
На дедова твои народ драгій!
На *Сербію* бѣдну и на *Босну*,
Кое трпе работу несносну.
Будъ подобанъ неба господару,
Дико свѣта, пресвѣтлый цесару!
Излій на свѣтъ превысоке даре,
Дай *Болгаромъ* ніове боляре,
Твоимъ *Србльемъ* витизове старе,
И Греціи ньезине Пиндаре!

Во время же турецкой войны тотъ же самый Обрадовичъ восторженно воспѣваетъ „избавленіе Сербіи Іосифомъ, Сербіи милой счастнымъ спасителемъ, Сербіи милой милымъ господаремъ" (1789 г.). На приложенной къ этой пѣснѣ картинѣ императоръ Іосифъ и генералъ Лоудонъ снимаютъ съ „избавленной Сербіи" оковы. Даже на соборѣ венгерскихъ сербовъ въ 1790 г., на которомъ сербы такъ рѣзко высказывались противъ мадьяръ, извѣстный патріотъ сербскій, Савва Текели, заявилъ желаніе, чтобы завоеванная Сербія находилась въ зависимости и покровительствѣ Венгріи [1]). Войска императора, вторгнувшіяся въ Сербію, встрѣчены какъ освободители, и къ нимъ примыкали вооруженные отряды сербскіе. Но освобожденіе сербовъ при помощи императора „вѣнскаго" не состоялось, и надежды Венгріи и юго-славянъ на присоединеніе Сербіи и Босны къ венгерской коронѣ опять не сбылись.

Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (1797 — 1804 гг.) венгерскій историкъ, Іоаннъ Энгель, издалъ знаменитое и до сихъ поръ важное сочиненіе (на нѣмецкомъ языкѣ): „Geschichte des Ungrischen Reichs und seiner Nebenländer". Понятіе „Nebenländer" Энгель опредѣляетъ титуломъ венгерскаго короля: Dalmatiae, Croatiae, Slavoniae, Ramae, Serviae, Galiciae, Lodomeriae, Cumaniae et Bulgariae rex. Съ этой точки зрѣнія Энгель смотритъ на исторію этихъ юго-славянскихъ и румынскихъ земель, считая ихъ достояніемъ венгерской короны. „Пусть министры и ученые,—пишетъ Энгель въ исторіи одного такого „Nebenland", *Болгаріи*,—обращаютъ больше вниманія на эти земли; пусть ихъ освободитъ отъ турецкаго ига, подавляющаго всѣ зародыши гуманности, какой-нибудь Гуньядъ, который безстрашно проникнетъ до самаго Балкана; пусть они, наконецъ, подпадутъ подъ человѣческое, европейское, *венгерское* владычество; однимъ словомъ: пусть осуществится титулъ: король венгерскій и болгарскій!" Эти замѣчательныя слова написаны въ 1797 году.

---

[1]) Дѣла Обрадовича (изд. Бѣлград. 1833, I, стр. XI. II. 187); Sermo S. Tököly etc. (Pestini, 1791).

Война 1788—1791 гг. была послѣдняя, которую Австрія—въ союзѣ съ Россіей—вела съ Турціей. Съ конца XVIII и съ начала XIX вѣка, со временъ императора Франца, взглядъ Австріи на восточный вопросъ совершенно измѣнился. Причиной тому были успѣхи Россіи.

Русскій царь, послѣ паденія царствъ сербскаго, болгарскаго и византійскаго, единственный сильный государь православный, пріобрѣлъ себѣ славу и симпатіи между восточными христіанами особенно завоеваніемъ магометанскихъ царствъ, казанскаго, астраханскаго и сибирскаго. Съ тѣхъ поръ православные христіане Турціи обращали свои взоры на этого православнаго славянскаго царя. Общіе интересы, общая опасность со стороны Турціи и Крыма сблизили русскаго царя не только съ польскимъ королемъ, но и съ римско-нѣмецкимъ императоромъ и королемъ венгерскимъ; и всѣ эти христіанскіе государи часто уговаривались противъ „graussamen Unterdruckher vnnd Verderber gemainer Christennhait, pluetdürstigen Türggen", какъ выражается царь Іоаннъ Грозный въ посланіи императору Карлу (1557 г.). Всѣ славяне проливаютъ кровь въ этой всемірной борьбѣ европейской цивилизаціи противъ азіатскаго варварства. Войска императора, состоявшія по бóльшей части изъ славянъ, войска польскія и русскія, сербскіе ускоки и русскіе казаки—всѣ они сражаются съ заклятымъ врагомъ христіанской цивилизаціи, представляя настоящій „оплотъ христіанства — antemurale christianitatis". Всѣ они возсылаютъ къ Всевышнему горячія молитвы объ освобожденіи своихъ южныхъ братьевъ, которые, какъ выражается чехъ Коцинъ, къ большому позору всего христіанства томятся, точно скотина въ неволѣ, у лютѣйшаго тирана; всѣ они пламенно желаютъ—съ польскимъ поэтомъ Клёновичемъ—чтобъ провалилось это царство сатаны и основались христіанскія государства, и чтобъ вновь засіялъ крестъ на св. Софіи:

Niechaj się wali królestwo szatańskie,
Niech się fundują regimenty Pańskie!

Въ половинѣ XVII вѣка приходитъ въ Москву югославянинъ, католическій священникъ, хорватъ Юрій Крижаничъ, и взываетъ къ славянскому царю русскому, чтобъ онъ освободилъ славянъ отъ турецкаго ига: „Задунайски Словенцы, Болгары, Сербы, Хорваты, уже давно есуть згубили не лихо кралество, но и силу всю, и языкъ и весь разумъ, тако да уже и не разумѣютъ, что есть честь или прецѣнба, а не думаютъ объ ней; *и сами отъ себе никако ся могутъ помочь, но извонска* (внѣшняя) *сила имъ есть потребна, да бѣху могли опять на ноги повстать, и въ число народовъ ся по-*

ставить. А въ рукахъ держишь чудотворный Моисіевъ пруть, и можешь творить дивна во владанію чудеса. Державшь совершено самовладство, и по томъ имаешь совершену покорность въ подданикехъ. Отъ нѣколика вѣковъ нѣсть было на нашемъ свѣту владателя нить дивосильника, кои могелъ бы дѣлать такова дивосильническа и чудна, и Богу да людемъ мила и хвальна дѣла, яко можешь ты здѣлать, и легко здѣлать. Можешь же зъ Божіею милостію освѣтлять и прославить не токмо сіе царство, но и весь народъ словенскій!" [1])

Значеніе русскихъ царей между восточными христіанами все больше усиливалось. Уже въ 1688 г. аѳонскій архимандритъ Исаія, отъ имени патріарховъ греческаго и сербскаго, и волошскаго господаря, вызывалъ молодыхъ русскихъ царей выступить за освобожденіе православныхъ грековъ, румынъ и славянъ, которые съ радостью ожидаютъ царскія войска; онъ просилъ, чтобъ цари не дозволили занять православныя земли католическими войсками императора и венеціанъ; румыны, болгаре и сербы не любятъ нѣмцевъ и будутъ имъ помогать только въ случаѣ крайней нужды. По мѣрѣ того, какъ русскія войска приближались къ Дунаю, возрастали симпатіи православныхъ народовъ въ Турціи и въ Венгріи къ Россіи, и послѣдняя не даромъ обращалась къ нимъ съ возваніями,—

да христянски народъ избавимо,
и славенско име прославимо,
да сломимо ярма агарянска.
Ви сте съ Русма и єднога рода,
єдне вѣре, єднога єзика! [2])

Но по мѣрѣ того, какъ русскій царь подвигался къ своей завѣтной цѣли, и началъ говорить православнымъ народамъ „вы съ нами одной вѣры и одного языка", росло и недовѣріе сподвижника его въ восточномъ вопросѣ, императора римскаго и короля венгерскаго.

Недовѣріе Австріи къ Россіи усилилось особенно вслѣдствіе событій въ Польшѣ и послѣ кучукъ-кайнарджійскаго мира. Въ Вѣнѣ стали уже поговаривать объ опасныхъ планахъ Россіи на Востокѣ, нарушающихъ „равновѣсіе" Европы, стали уже побаиваться все усиливающагося обаянія Россіи посреди всѣхъ православныхъ народовъ. Марія-Терезія увѣряла Екатерину, что она желаетъ всегда быть ея пріятельницей, но никогда сосѣдкой. На „дальновидные планы побѣдоносныхъ русскихъ" на Балканскомъ полуостровѣ указывалъ Ма-

---

[1]) Русское государство въ XVII в., изд. Безсоновъ (Москва, 1859). Ср. „Древняя и Новая Россія" 1876, декабрь (Крижаничъ о восточномъ вопросѣ).

[2]) Срв. нашу книгу: „Славянская взаимность", 277.

ріи-Терезіи и дубровницкій посланникъ, католическій священникъ Ремеделли (1775 г.). Онъ указываетъ на живѣйшія симпатіи православныхъ въ Турціи и въ Венгріи къ русскимъ: эти „греческіе схизматики, подданные вашего величества, въ своихъ богослужебныхъ книгахъ даже молятся за русскую императрицу. „Опасенія со стороны Россіи—замѣчаетъ между прочимъ Ремеделли — затрогиваютъ очень чувствительно интересы наияснѣйшаго рода вашего величества и *его старинныя права на сосѣднія земли;* ибо еслибъ В. В. когда-нибудь вздумали эти земли себѣ *возвратить*, то могли-бъ этому помѣшать русскіе и ихъ православные союзники“ [1]).

Извѣстно, что Россія выставила тогда такъ-называемый „греческій проектъ“, т.-е. изгнаніе турокъ изъ Европы и возобновленіе греческой имперіи. Австрія приняла этотъ проектъ съ условіемъ, что ей достанутся Малая Валахія, сѣверная Болгарія и Сербія, Босна, Герцеговина, сѣверная Албанія и венеціанскія владѣнія. Но греческій проектъ не осуществился, отчасти вслѣдствіе безуспѣшной войны русско-австрійской съ Турціей, отчасти вслѣдствіе недовѣрія нѣкоторыхъ державъ, которыя все рѣшительнѣе стали сопротивляться расширенію Россіи на Востокѣ. „Будущая безопасность Турціи,—писалъ англійскій министръ, лордъ Гренвиль, 25 мая 1791 г.,—будетъ зависѣть больше отъ гарантій другихъ державъ, чѣмъ отъ ея границъ къ Россіи“.

Въ началѣ XIX вѣка, послѣ тильзитскаго мира (1807 г.), появился новый планъ раздѣленія Турціи между Россіей, Франціей и Австріей. Послѣдняя соглашалась съ этимъ планомъ только по неволѣ. Императоръ Францъ не раздѣлялъ взглядовъ дяди, Іосифа II, на Турцію, въ которой тогда происходило важное для христіанскаго Востока событіе: возстаніе сербовъ. Австрія смотрѣла на это возстаніе недружелюбно, и, насколько ей позволяли тогдашнія безпрерывныя французскія войны, слѣдила за нимъ съ крайнимъ недовѣріемъ. Несмотря на то, что сербы въ самомъ началѣ движенія въ маѣ 1804 г. просили Австрію о принятіи ихъ въ подданство, императоръ Францъ высказался въ пользу „цѣлости турецкаго государства“; поставилъ своимъ принципомъ, своей „неизмѣнной системой“—не вмѣшиваться

---

[1]) Любопытная промеморія Ремеделли напечатана у Макушева: „Матеріалы для исторіи дипломат. сношеній Россіи съ Рагуз. республикой“ (Москва, 1865, 129). Срв. что пишетъ король Фридрихъ II въ своихъ „Mémoires de 1763 jusqu'à 1775“: „On voyoit bien que la cour de Vienne ne vouloit absolument pas que les Russes devinssent ses voisins (т.-е. когда въ 1772 г. Россія задумала присоединеніе Молдавіи и Валахіи); d'une part elle craignoit que *nombre de Grecs répandus en Hongrie ne s'attachassent à cette puissance par motif de religion;* d'autre part elle aimoit *mieux être voisine de l'empire affoiblie des Turcs* que de l'empire formidable de la Russie“. (Oeuvres posthumes de Frédéric II, Berlin, 1788, V, 67).

во внутреннія дѣла Турціи, и способствовать ея сохраненію—sich in fremde, innere Angelegenheiten nicht zu mengen, und für die Erhaltung des türkischen Reiches alles Thunliche aufrichtig beizutragen. Императоръ Францъ признавалъ, что господство османовъ для турецкихъ христіанъ невыносимо, — а все-таки осуждалъ вооруженное ихъ „возстаніе", защищалъ необходимость этого господства, и совѣтовалъ ихъ господамъ ввести „реформы". Равнымъ образомъ, какъ сто лѣтъ тому назадъ государственные интересы австрійскаго двора требовали заточенія невиннаго сербскаго деспота Бранковича, такъ и теперь „интересы Австріи" требовали не освобожденія несчастныхъ сербовъ, а сохраненія господства ихъ палачей.

Но, къ счастью, другая великая держава, „единовѣрная и единоплеменная" Россія, посмотрѣла на сербскія дѣла совершенно иначе. Для нея цѣлость Турціи не была неотмѣннымъ государственнымъ принципомъ; напротивъ, цѣлости Турціи угрожала именно тогда большая опасность, вслѣдствіе войны русской и соглашеній императора Александра и Наполеона. Тогда митрополитъ венгерскихъ сербовъ, Стратимировичъ, предлагаетъ Россіи образовать изъ турецкихъ сербовъ особое государство; русскій дѣятель и писатель В. Каразинъ (сербскаго происхожденія) желаетъ образованія „царства словенъ", въ которое бы входили всѣ земли хорватско-сербскія, находящіяся подъ владычествомъ турецкимъ и австро-венгерскимъ; а русскій воинъ Броневскій мечтаетъ уже о соединеніи *всѣхъ* славянъ посредствомъ Россіи. Но всѣ эти и подобные тому проекты и мечты не были еще своевременны; мысль о раздѣлѣ Турціи преобладала. Австрія присоединилась къ этимъ планамъ только вынужденная обстоятельствами, т.-е. чтобъ добыча не досталась одной только Россіи и Франціи. Австрійскій министръ, графъ Стадіонъ, указывалъ императору Францу на то, что цѣлость Турціи лежитъ въ интересѣ Австріи; но если уже раздѣла предотвратить нельзя, то для Австріи необходимы Малая Валахія, западная Болгарія, Сербія, Босна, и всѣ земли по Вардару до Салоники, хотя эти земли — думаетъ австрійскій государственный человѣкъ—мало полезны. Такое же мнѣніе защищалъ и братъ императора, эрцгерцогъ Карлъ. Этотъ знаменитый полководецъ настаивалъ вообще на болѣе рѣшительной политикѣ Австріи на Востокѣ, желая, чтобъ Австрія заняла здѣсь „первенствующую роль и выдающееся положеніе"; въ виду плановъ Россіи на Молдавію и Валахію, эрцгерцогъ требовалъ присоединенія Малой Валахіи, Сербіи и Босны, чтобъ Россія не завладѣла Дунаемъ, чтобъ она не вошла въ болѣе близкія сношенія съ греческими подданными Австріи, и чтобъ она, такимъ образомъ, не окружила монархіи Габсбурговъ и съ юга.

Императоръ Францъ соглашался на раздѣлъ только въ крайнемъ

случаѣ, предпочитая „сохранить Турцію, какъ лучшую соcѣдку Австріи" [1]). Но эти планы не состоялись; Франція и Россія разошлись, и въ скоромъ времени Наполеонъ двинулся противъ Россіи. Россія, не слишкомъ довѣряя Австріи, задумала воспользоваться симпатіями славянъ, особенно южныхъ; самъ императоръ Александръ задумывалъ образованіе юго-славянскаго государства, а канцлеръ Румянцовъ совѣтовалъ государю обнародовать прокламацію ко *всѣмъ славянамъ*, въ которой было бы сказано, что война, начатая противъ Россіи, есть въ то же время война противъ всѣхъ славянъ. Въ то время, когда вся Европа напрягала свои силы въ борьбѣ съ Наполеономъ, Сербія подавлена Турціей. Сербскіе вожди, въ ихъ числѣ и Георгій Черный (Карадьордье), спасались въ Австрію. Но надежды сербовъ на Австрію не оправдались. Австрія, раздраженная непотухающими симпатіями сербовъ къ Россіи, не отнеслась къ нимъ дружелюбно; напрасно австрійскія власти предлагали Карагеоргію принять сторону Австріи, которая, въ случаѣ занятія Сербіи, Босны и Герцеговины, сдѣлаетъ его княземъ тѣхъ земель „подъ покровительствомъ Австріи". „Припомните,—писалъ тогда Георгію его секретарь, — какъ наши предки страдали отъ нѣмецкаго царства. Вы слыхали, какъ Юрій Бранковичъ, послѣдній деспотъ сербскій, умеръ у нихъ въ заточеніи. Я васъ увѣряю, что если останетесь въ этомъ царствѣ, и вы этого дождетесь. Не только мы, но ни одинъ сербъ не найдетъ въ этомъ царствѣ спасенія. Придержимся Россіи, которая насъ освободитъ". Такъ и вышло. При содѣйствіи одной только Россіи сербы, послѣ многихъ страданій, достигли, наконецъ, полунезависимаго княжества, въ которомъ могли жить по крайней мѣрѣ по-человѣчески. Понятно, что они и ихъ князь Милошъ Обреновичъ исполнены были живѣйшихъ симпатій и глубокой благодарности къ „единоплеменнымъ единовѣрцамъ" и къ великодушному ихъ императору. Отношеніе новаго сербскаго княжества и князя къ Австріи характеризуется лучше всего письмомъ Милоша къ русскому посланнику въ Царьградѣ, Строганову, 17 мая 1822. Милошъ пишетъ между прочимъ: „Напослѣдокъ я не преминулъ наложить нашему депутату

[1]) Beer, Zehn Jahre österreichischer Politik, 1801—1810 (Leipzig, 1877, p. 305, 513). О планахъ раздѣла Турціи срв. Thiers: Histoire du consulat et de l'empire, tt. VII, VIII, IX (гл. Friedland et Tilsit, Aranjuez, Erfurt; въ VIII т., стр. 449, приведена любопытная нота Румянцова о сербахъ). О сербскихъ дѣлахъ срв. Н. Попова: „Россія и Сербія" (и матеріалы, напечатанные Богишичемъ въ его разборѣ этой книги), исторіи Сербіи Ранке, Милутиновича, записки Стратимировича, Ненадовича, Теодоровича и др. Замѣтимъ здѣсь, между прочимъ, что австрійскій генералъ Зимбшенъ, за то, что онъ присылалъ сербамъ снаряды, послѣ долголѣтняго процесса съ позоромъ разжалованъ 13-го іюля 1815 г. (Springer: „Geschichte Oesterreichs", I, 257).

г. Герману, представить высочайшему покровителю и его министерству извѣстіе объ опасеніи, внушенномъ мнѣ слухами, распространившимися въ Бѣлградѣ и въ приближенной Венгріи, объ учиненномъ будто бы условіи Россіею, на *присоединеніе Сербіи къ австрійскому государству*. Ваше высокопревосходительство, когда мы посмотримъ исторію нашу со временъ паденія нашего сербскаго государства въ 1389 г., невольное поставленіе деспота нашего послѣдняго Георгія Бранковича подъ караулъ австрійскимъ правительствомъ, въ коемъ онъ и бѣдную жизнь свою окончалъ, не признавая услугъ его, австрійскому двору оказанныхъ; когда посмотримъ оказанныя народомъ сербскимъ услуги двору сему, во всякой предпріятой имъ войнѣ противъ турокъ, ибо сербы дѣлали всегда авангардъ воинства его, а потомъ, при заключеніи мирныхъ договоровъ съ Портою, своего вниманія не удостоивалъ ихъ, и оставлялъ бѣдныхъ на великодушіе Порты. Напослѣдокъ, въ 1813 г., народъ сей превосходною силою турокъ побѣжденъ, на ласковое позываніе вѣнскаго двора, полагаясь на свои частократно оказанныя ему услуги, прибѣгъ въ австрійскіе предѣлы, отдалъ себя его покровительству; пограничное правительство австрійское, судить не могу, съ вѣдома ли двора своего, оплѣнивъ народъ нашъ и старѣйшины, поставили народъ въ такомъ мѣстѣ для издержанія карантиннаго времени, гдѣ по колѣна въ водѣ стоялъ, а тамъ ужасно было смотрѣть выпущенныхъ изъ рукъ матернихъ ребенокъ утопать въ водѣ, умершихъ тѣлеса безъ уплаты за мѣсто, гдѣ тѣло погрести, не дозволяли, и такъ нищихъ тѣлеса въ воду повергали. Издержавъ симъ образомъ на такомъ мѣстѣ время карантина, народу нигдѣ мѣста пребыванія не назначалось и цѣлый предѣлъ Сремскій казался быть общимъ народамъ переселеніемъ, которое въ самое зимное время случилось, гдѣ много народъ сербской съ голоду и зимы померъ. Старѣйшины наши по разнымъ городамъ Штиріи подъ караулъ поставлены, откуду, ежели могущественною рукою высочайшаго покровителя избавлены, и въ предѣлы свои приведены не были-бъ, въ темницахъ и жизнь свою окончили-бъ. Народъ же въ самую крайность поставленъ, все смотрѣло австрійское начальство равнодушно, отдалъ себя великодушію еще разъяренныхъ турокъ; но и отъ овыхъ лучше принятъ былъ. Сіе награжденіе принялъ народъ нашъ отъ австрійскаго двора за свои оказанныя оному многія услуги. Сербы же, поселившіеся съ давнихъ временъ въ австрійскомъ владѣніи, и по границамъ нашимъ живущіе, лишены всеконечно своихъ, многою кровію, при прежнихъ императорахъ, заслуженныхъ привилегій, въ сіе время великое гоненіе и утѣсненіе въ вѣроисповѣданіи своемъ терпятъ. Сіи всѣ причины и прочія многія угнетенія, кои претерпѣлъ и терпитъ народъ отъ злоковарнаго австрійскаго

правительства, если посмотрить ваше высокопревосходительство, не согласимъ бысь въ мнѣніи моемъ, что полезнѣе народу нашему служить сему первому тирану, нежели подвергаться *австрійскому, ему оковы пріуготовившему двору*. Итакъ, полагаясь на увѣренія всемилостивѣйшаго покровителя, изложенныя мнѣ въ письмѣ вашемъ, что высочайшій покровитель нашъ, имѣющій основаніемъ непоколебимую рѣшимость не соглашаться ни на какія распоряженія дѣлъ турецкихъ иначе, какъ съ сохраненіемъ въ полности выгодъ и преимуществъ единовѣрныхъ народовъ, пользующихся правомъ на законное его величества попеченіе, — основываясь, говорю, на сіи монаршія увѣренія, объясниться дерзаю, что если, по несчастію нашему, австрійскій дворъ, подъ каковымъ-нибудь видомъ, велитъ войскамъ своимъ вступать въ предѣлы наши, поработить насъ, мы лучше согласно съ турками обратимъ оружіе противъ коварнаго сего непріятеля рода нашего" [1]).

Итакъ, *цѣлость Турціи* во что бы ни стало,—вотъ руководящая идея австрійской политики. Князь Меттернихъ—по словамъ его приближеннаго и секретаря Генца (1815—1816)—считалъ турецкое государство однимъ изъ важнѣйшихъ въ системѣ европейскаго равновѣсія; онъ былъ готовъ защищать интересы Порты какъ „непосредственные и драгоцѣннѣйшіе интересы Австріи", и не позволять, чтобъ Россія имъ вредила. Какъ бы онъ ни желалъ сохранить миръ, онъ все-таки не боялся поссориться даже съ Россіей, если она когда-нибудь задумаетъ враждебные османскому государству планы. Россія не должна сомнѣваться въ томъ, что Австрія всегда съ величайшимъ вниманіемъ будетъ наблюдать за Портой и за цѣлостью османскаго государства. Чтобъ не понять, что сохраненіе Турціи составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ интересовъ (intérêt majeur) Австріи, для того надо у австрійскихъ государственныхъ людей предполагать такую степень слѣпоты, на какую они никакъ не могутъ быть способны [2]). Въ такомъ смыслѣ и согласно взглядамъ своего императора, Меттернихъ велъ австрійскую политику. Восстаніе грековъ онъ считалъ „факеломъ, брошеннымъ между Россіей и Австріей", стремился къ „умиротворенію" Турціи, къ „посредничеству" между Россіей и Турціей, и всячески старался помѣшать войнѣ. Императоръ Францъ выразился тогда (1826 г.) передъ русскимъ дипломатомъ гр. Рибопьеромъ страннымъ образомъ. „Турки—*добрые люди*,—сказалъ австрійскій императоръ, — и ничего такъ не желаютъ, какъ жить съ вами

---

[1]) Поповъ, „Россія и Сербія", I, 179.

[2]) „Dépêches inédites de Gentz aux hospodars de Valachie", ed. Prokesch-Osten fils (Paris, 1877).

въ ладу. Признайтесь, что желаніе подавить мятежъ собственныхъ подданныхъ—довольно понятно. Вамъ надо такъ поддерживать религіозные интересы, я это знаю; но не слѣдуетъ требовать невозможнаго отъ *невѣждъ и фанатиковъ*. Точно такъ же, какъ и вы, я имъ сосѣдъ; у насъ были и ссоры, и войны; но съ тѣхъ поръ, какъ я царствую, мы живемъ съ ними въ мирѣ и согласіи, а когда случается какой безпорядокъ на границѣ, то всегда *мои люди виноваты*" [1]). Да, эти „добрые невѣжды и фанатики" ни въ чемъ невиноваты; отъ нихъ нельзя требовать „невозможнаго", т.-е. улучшенія быта христіанскихъ невольниковъ...

На войну русско-турецкую 1827—1829 гг. Австрія смотрѣла съ крайней подозрительностью и съ недоброжелательствомъ къ Россіи, о которой Меттернихъ выразился съ презрѣніемъ: „Мы наблюдаемъ русскихъ сто лѣтъ; ихъ сила только на-показъ". Русскіе дипломаты (Поццо-ди-Борго, Татищевъ) прямо говорятъ о дѣятельной и неутомимой ненависти Австріи; она избрала враждебную роль, съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить всѣ тогдашнія политическія соображенія, замедляя все, способствовавшее ихъ осуществленію, и держа себя въ готовности воспользоваться обстоятельствами для внесенія смуты въ союзъ; ея нейтралитетъ не всегда безпристрастенъ, ея сочувствія клонятся, очевидно, въ пользу Турціи; языкъ ея газетъ умаляетъ наши успѣхи и преувеличиваетъ ничтожныя неудачи [2]). А третій дипломатъ русскій (Фонтонъ), разсуждая о русской политикѣ въ восточномъ вопросѣ, заключаетъ, что она несостоятельна, и что надо ее перемѣнить. „На это есть только два способа: первый способъ—сдѣлать восточный вопросъ славянскимъ вопросомъ, т.-е. вознести знамя славянщины и восточной вѣры, и на развалинахъ Австріи и Турціи создать новое исполинское *славянское государство*. Но это — исполинское предпріятіе, котораго слохъ, тѣмъ сомнительнѣе, что славянскіе народы, хотя они сильны чиуспѣхъ мужествомъ и самоотверженіемъ, не въ состояніи довершить его въ борьбѣ съ цѣлою западною Европой. Благоразумная политика требуетъ отказаться отъ этого и о томъ не мыслить. Остается другой способъ. Это—раздробить нынѣшнюю Турцію на два государства: одно, христіанское государство, на Балканскомъ полуостровѣ, другое, мусульманское, въ Малой Азіи. Этимъ раздробленіемъ мы достигнемъ отверстія проливовъ и освобожденія единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ

---

[1]) Записки графа А. И. Рибопьера въ „Русскомъ Архивѣ", 1877, май, стр. 17.

[2]) Соловьевъ, „Восточный вопросъ въ 1827—1829 гг." („Древняя и Новая Россія", 1876, X). Срв. истор. сочиненія Гервинуса, Прокеша, Шпрингера, статью Мендельсона въ „Sybel's Histor. Zeitschrift" (1867, 3) и др.

отъ турецкаго владычества" [1]). Если такія мысли объ измѣненіи *восточнаго вопроса въ славянскій* стали пробиваться и въ средѣ русской дипломатіи, то становится понятнымъ, почему императоръ Францъ совѣтовалъ Россіи не трогать тѣхъ „добрыхъ людей", и не мѣшать тѣмъ „невѣждамъ и фанатикамъ" въ ихъ ремеслѣ палача и въ подавленіи „мятежа собственныхъ подданныхъ"...

Странно, какъ—послѣ такихъ опытовъ—Россія, наканунѣ войны 1853 г., могла еще разсчитывать на поддержку Австріи въ восточномъ вопросѣ, какъ можно было „считать интересы Россіи и Австріи относительно Турціи вполнѣ тождественными", какъ можно было думать, что „между кабинетами русскимъ, прусскимъ и австрійскимъ существуетъ совершенное тождество видовъ и прочность взаимныхъ обязательствъ во всѣхъ главныхъ вопросахъ европейской политики". Нѣтъ: интересы Россіи и Австріи въ восточномъ вопросѣ вовсе не тождественны; напротивъ, они діаметрально другъ другу противоположны.

Взглянемъ теперь вкратцѣ на важныя перемѣны, которыя состоялись въ монархіи Габсбурговъ съ начала нашего столѣтія и которыя рѣшительно повліяли и на австрійскую политику относительно восточнаго вопроса.

І. Первольфъ.

[1]) Воспоминанія Ф. П. Фонтона. Письма изъ главной квартиры дунайской арміи въ 1828 и 1829 гг. (Лейпцигъ, 1862), у Н. Попова: „Россія и Сербія", II, 226, 448.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА.

12/24 августа. 1877.

Хотя я и помѣтилъ эту корреспонденцію Парижемъ, но сознаюсь, что нахожусь въ настоящую минуту далеко отъ береговъ Сены, въ двухстахъ льё разстоянія, въ одномъ рыбацкомъ селеніи, омываемомъ классическими голубыми волнами Средиземнаго моря. И мнѣ пришло въ голову замѣнить парижскую хронику провансальской повѣстью,—былью, которую мнѣ здѣсь разсказали и которая дастъ мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ случай описать нравы и природу этого полуденнаго края, воспѣваемаго нашими поэтами. Конечно, это—исторія страшная и я не утверждаю, чтобы всѣ молодыя дѣвушки въ Провансѣ отличались кровожадной энергіей Наисы Микуленъ. Но я ручаюсь за достовѣрность картинъ природы и нравовъ, описываемыхъ въ этомъ разсказѣ. Я выбралъ драму затѣмъ лишь, чтобы сообщить больше интереса моему этюду.

Наиса Микуленъ.

I.

Въ сезонъ, когда поспѣваютъ плоды, маленькая дѣвочка, смуглая, съ черными всклокоченными волосами, каждый мѣсяцъ являлась къ одному стряпчему въ городѣ Э., г. Ростану, неся громадную корзину съ абрикосами и персиками, которая казалась непосильной для нея ношей. Она входила въ широкія сѣни, и вся семья, предупрежденная объ ея приходѣ, сходила внизъ.

— А, это ты, Наиса,—говаривалъ стряпчій.—Ты принесла намъ плоды. Спасибо, ты славная дѣвочка.... А какъ поживаетъ дядя Микуленъ?

— Хорошо, сударь,—отвѣчала дѣвочка, выставляя на показъ свои бѣлые зубы.

Послѣ этого m-me Ростанъ уводила ее въ кухню и разспрашивала про оливковыя, миндальныя деревья и виноградники. Главный вопросъ заключался въ томъ: шелъ ли дождь въ Эстакѣ, въ томъ уголку Прованса, гдѣ находилось имѣніе Ростановъ, Ла-Бланкардъ, которое воздѣлывали Микулены. Тамъ росло всего какихъ-нибудь нѣсколько десятковъ миндальныхъ и оливковыхъ деревъ, но вопросъ о дождѣ

тѣмъ не менѣе былъ капитальнымъ въ этомъ краѣ, пропадающемъ отъ засухи.

— Перепадало нѣсколько капель,—чаще всего отвѣчала Наиса;— а для винограда куда какъ нуженъ былъ бы дождь, чтобы онъ налился.

Затѣмъ, сообщивъ всѣ новости, она съѣдала кусокъ хлѣба съ объѣдками говядины и возвращалась въ Эстакъ въ тележкѣ мясника, пріѣзжавшаго въ Э. каждыя двѣ недѣли. Часто также она приносила ракушекъ, морского рака, какую-нибудь прекрасную рыбу, такъ какъ дядя Микуленъ занимался рыболовствомъ еще усерднѣе, чѣмъ земледѣліемъ. Когда она являлась во время каникулъ, то сынъ стряпчаго, Фредерикъ, скатывался кубаремъ съ лѣстницы въ кухню, чтобы возвѣстить ей, что вся семья вскорѣ переберется въ Бланкардъ и предупредить ее, чтобы она держала въ порядкѣ его сѣти и удочки. Онъ говорилъ ей „ты“, потому что они были товарищами игръ съ пятилѣтняго возраста, и только когда ему исполнилось двѣнадцать лѣтъ, она стала звать его „monsieur Фредерикъ“ изъ почтенія. Всякій разъ, какъ дядя Микуленъ услышитъ, что она говоритъ „ты“ хозяйскому сыну, такъ, бывало, и дастъ ей пощечину. Но это не мѣшало дѣтямъ быть очень дружными.

— Не забудь починить сѣтей,—повторялъ школьникъ.

— Не безпокойтесь, monsieur Фредерикъ,—отвѣчала Наиса.— Все въ порядкѣ.

Ростанъ былъ очень богатъ. Онъ купилъ за безцѣнокъ великолѣпный домъ, въ улицѣ Коллежъ. Отель Куаронъ, выстроенный въ послѣдніе годы семнадцатаго столѣтія, насчитывалъ двѣнадцать оконъ въ рядъ и могъ бы вмѣстить сто жильцовъ. Въ этомъ отелѣ, въ его громадныхъ покояхъ семья стряпчаго, состоявшая изъ пяти лицъ, включая двухъ старыхъ служанокъ, казалась совсѣмъ затерянной. Стряпчій занималъ одинъ только первый этажъ. Въ продолженіи десяти лѣтъ нижній и второй этажи предлагались въ наймы; но всѣ пугались этихъ громадныхъ, запущенныхъ залъ. Тогда онъ рѣшился запереть двери и предоставить двѣ-трети отеля паукамъ. Въ пустомъ отелѣ резонансъ былъ точно въ какомъ-нибудь соборѣ: малѣйшій шумъ въ сѣняхъ, громадныхъ сѣняхъ, съ монументальной лѣстницей, гдѣ съ успѣхомъ можно было бы выстроить современный домъ,— раздавался во всемъ отелѣ.

Въ старо-дворянскихъ городахъ, какъ Э.—эта древняя развѣнчанная столица—цѣлые кварталы пустуютъ такимъ образомъ. Дворянскія фамиліи, удержавшія свои отели, живутъ въ нихъ въ тѣни— молчаливой и уединенной жизнью. Что же касается отелей, перешедшихъ въ руки буржуазіи, то жильцы ихъ еще скромнѣе и тише; въ

иныхъ открыты конторы, другіе превращены промышленниками въ склады, остальные остаются нежилыми и разрушаются. Дѣло въ томъ, что эти обширныя постройки утратили всякій смыслъ въ настоящее время. Чтобы жить въ нихъ, нужна пышная обстановка старинныхъ баръ, съ ихъ многочисленными семьями, ихъ приживальщиками и челядью. Въ наше время самые богатые изъ выскочекъ отступаютъ передъ громадными починками и дорогой обстановкой, которыя были бы, вдобавокъ, нелѣпы въ сѣрой провинціальной средѣ. И вотъ—причина, почему такъ запущены теперь эти прекрасныя, княжескія жилища: они слишкомъ обширны и слишкомъ великолѣпны для нашего времени.

Ростанъ не отступилъ передъ святотатствомъ—раздѣлить перестройкой большой парадный салонъ своего отеля, салонъ громадный, въ двѣнадцать квадратныхъ метровъ, освѣщенный четырьмя окнами, и въ одномъ отдѣленіи онъ помѣстилъ свой кабинетъ, а въ другомъ кабинетъ своихъ клерковъ. Кромѣ этого, въ первомъ этажѣ было десять комнатъ, изъ которыхъ самая маленькая насчитывала больше пяти метровъ. M-me Ростанъ, Фредерикъ, двѣ старыхъ служанки жили въ комнатахъ, высокихъ какъ церкви, углы которыхъ терялись въ сѣрой мглѣ. Стряпчій рѣшился устроить кухню въ старинномъ будуарѣ, ради удобства. Сначала, когда кушанье готовилось въ кухнѣ нижняго этажа, блюда подавались постоянно холодными, послѣ того, какъ ихъ пронесутъ черезъ ледяныя сѣни и лѣстницу. Но хуже всего то, что эти громадные покои были меблированы самымъ жалкимъ образомъ. Въ салонѣ затерялись диванъ и восемь креселъ, обитыхъ трипомъ, въ печальномъ и угловатомъ стилѣ первой имперіи; маленькій столикъ изъ той же эпохи казался игрушкой въ этой необъятной комнатѣ, а на каминѣ стояли ужасные часы изъ современнаго мрамора и двѣ вазы—и только. Въ спальняхъ царствовала еще бо̀льшая пустота. Въ этомъ сказывалось спокойное презрѣніе южныхъ жителей, даже самыхъ богатыхъ, къ роскоши и комфорту жилищъ, въ блаженномъ полуденномъ краѣ, гдѣ жизнь проходитъ бо̀льшею частію на воздухѣ. Ростаны, конечно, не сознавали, какой скукой и какимъ смертельнымъ холодомъ вѣяло отъ этихъ обширныхъ пустыхъ залъ, и впечатлѣніе запущенности только усиливалось отъ скудной и дрянной мебели. Экономные буржуа, поселившіеся въ этомъ царственномъ жилищѣ, только увеличивали его запущеніе.

Ростанъ былъ очень ловкій человѣкъ. Отецъ оставилъ ему одну изъ лучшихъ дѣловыхъ конторъ въ городѣ Э., а сынъ съумѣлъ увеличить число своихъ кліентовъ, благодаря дѣятельности, рѣдкой въ этомъ лѣнивомъ краѣ. Маленькій, подвижный, съ хитрымъ лицомъ какъ у хорька, онъ занимался дѣлами со страстью. Забота о наживѣ поглощала его всецѣло, онъ даже не заглядывалъ въ газеты въ тѣ

часы бездѣлья, которые проводилъ въ клубѣ. М-me Ростанъ, напротивъ того, слыла одной изъ самыхъ умныхъ и образованныхъ женщинъ въ городѣ. Она была урожденная де-Вильдоннъ, и это окружало ее ореоломъ, несмотря на неровный бракъ. Но она выказывала такой ригоризмъ, она такъ строго придерживалась обрядовъ церкви, что словно высохла отъ методической жизни, какую вела.

Итакъ, Фредерикъ росъ между озабоченнымъ отцомъ и строгой матерью. Въ годы ученья онъ былъ первостепеннымъ лѣнтяемъ; онъ дрожалъ передъ матерью, но питалъ такое отвращеніе къ занятіямъ, что ему случалось по вечерамъ въ гостиной цѣлыми часами сидѣть, уткнувшись въ книгу, и не прочитать ни одной строчки, унесясь мысленно за тридевять земель, между тѣмъ какъ родители воображали, что онъ учитъ уроки. Разсерженные его лѣностью, они отдали его пансіонеромъ въ коллежъ на два года; но онъ не сталъ лучше учиться, и даже, напротивъ того, пользовался тамъ бóльшей свободой, чѣмъ дома, и былъ въ восторгѣ, что за нимъ не слѣдитъ больше страшный взоръ матери; онъ ровно ничего не дѣлалъ и мечталъ объ однихъ рекреаціяхъ. Поэтому m-me Ростанъ, встревоженная развязными замашками, которыя онъ началъ-было проявлять, взяла его изъ коллежа подъ свой личный надзоръ. Такъ прошелъ онъ второй курсъ и риторику; надъ нимъ учрежденъ былъ такой неусыпный надзоръ, что онъ вынужденъ былъ, наконецъ, учиться; мать пересматривала его тетради, заставляла его учить уроки, не отходила отъ него ни на шагъ, точно жандармъ. Благодаря этому надзору, Фредерикъ только разъ провалился на баккалаврскомъ экзаменѣ.

Въ Э. существуетъ знаменитое училище правовѣдѣнія, и сынъ Ростановъ, само собой разумѣется, поступилъ въ него. Э.—старинный парламентскій городъ, биткомъ набитъ адвокатами, стряпчими и нотаріусами, группирующимися вокругъ суда и безконечнаго персонала всякаго рода судейскихъ лицъ. Тамъ изучаютъ право во что бы то ни стало, хотя бы потомъ пришлось сажать капусту. Фредерикъ, впрочемъ, продолжалъ вести себя какъ и въ коллежѣ, старался какъ можно меньше работать, но убѣдить мать, что онъ работаетъ очень много. M-me Ростанъ, къ ея великому сожалѣнію, пришлось предоставить ему бóльшую свободу. Теперь онъ выходилъ со двора, когда хотѣлъ, и обязанъ былъ возвращаться домой только въ часы обѣда и завтрака; вечеромъ онъ долженъ былъ приходить домой къ девяти часамъ, кромѣ тѣхъ дней, когда ему разрѣшалось идти въ театръ. И вотъ для него потянулась жизнь провинціальнаго студента, жизнь монотонная и порочная, если она не посвящена труду.

Надо знать Э., спокойствіе его улицъ, на которыхъ растетъ трава, сонъ, въ который погружены его дома и ихъ обитатели, чтобы

понять, какое безцѣльное существованіе ведутъ въ немъ студенты. Тѣ, которые занимаются, находятъ рессурсъ въ книгахъ. Но тѣ, которые не хотятъ серьёзно учиться, не имѣютъ другого развлеченія, кромѣ кофеенъ, гдѣ играютъ въ карты, и другихъ заведеній, гдѣ проводятъ время и того хуже. Фредерикъ оказался страстнымъ игрокомъ; онъ проводилъ за картами бо́льшую часть своихъ вечеровъ, а заканчивалъ ихъ въ другомъ мѣстѣ. Чувственность мальчика-школьника, вырвавшагося изъ коллежа, увлекала его въ тотъ развратъ, какой городъ могъ ему предложить,—городъ, гдѣ нѣтъ свободно промышляющихъ особъ легкаго поведенія, населяющихъ въ Парижѣ Латинскій кварталъ. Но скоро ему показалось мало кутить днемъ: онъ устроился такъ, чтобы и ночи проводить въ томъ же, укравъ ключъ отъ дверей дома. Такимъ родомъ онъ весело проводилъ свои студенческіе годы.

Фредерикъ, впрочемъ, понялъ, что должно прикидываться почтительнымъ и послушнымъ сыномъ. Мало-по-малу онъ научился лицемѣрить, какъ всѣ дѣти, воспитанныя въ страхѣ божіемъ и родительскомъ. Мать была теперь имъ довольна; онъ провожалъ ее къ обѣднѣ, прилично держалъ себя, спокойно сочинялъ ей небылицы, которыя она принимала за правду—съ такимъ невозмутимымъ видомъ онъ ихъ ей докладывалъ. Онъ до того изловчился, что ни разу не далъ себя уличить во лжи, всегда находилъ какой-нибудь предлогъ, придумывалъ небывалыя исторіи, чтобы имѣть въ запасѣ всякія отговорки. Онъ платилъ картежные долги, занимая деньги у кузеновъ. Онъ велъ цѣлую и весьма сложную бухгалтерію. Однажды, послѣ неожиданнаго выигрыша, онъ осуществилъ даже мечту—провести недѣльку въ Парижѣ, выпросивъ себѣ приглашеніе у пріятеля, имѣвшаго помѣстье возлѣ Дюрансы.

По наружности, Фредерикъ былъ очень красивый молодой человѣкъ, высокаго роста, съ правильными чертами лица и прекрасной черной бородкой, которая уже начала пробиваться. Пороки дѣлали его любезнымъ въ глазахъ женщинъ. Онъ славился хорошими манерами. Люди, которымъ извѣстны были его проказы, подсмѣивались втихомолку, но такъ какъ онъ былъ настолько приличенъ, что скрывалъ двусмысленную сторону своей жизни, то ему еще были благодарны за то, что онъ не кутилъ открыто, какъ то дѣлали нѣкоторые грубые студенты, скандализировавшіе весь городъ.

Фредерику долженъ былъ исполниться двадцать-одинъ годъ. Ему предстояло держать послѣдній экзаменъ. Отецъ его, еще молодой и не желавшій немедленно уступить сыну свою контору, желалъ пустить его по судебному вѣдомству. У него были въ Парижѣ друзья, которые могли похлопотать о томъ, чтобы Фредерикъ назначенъ былъ товари-

щенъ прокурора. Фредерикъ не говорилъ прямо „нѣтъ“; онъ никогда не сопротивлялся открыто родительской волѣ. Но едва примѣтная усмѣшка на губахъ его указывала на твердое рѣшеніе продолжать счастливое баклушничество, которое ему было такъ по душѣ. Онъ зналъ, что отецъ его богатъ; онъ былъ единственнымъ сыномъ: къ чему станетъ онъ трудиться, когда онъ имѣетъ полную возможность бить баклуши? И онъ просилъ только дать ему оглядѣться; онъ слишкомъ молодъ, онъ поспѣетъ еще трудиться. Пока онъ курилъ сигары, гуляя по городскому саду, участвовалъ въ различныхъ трактирныхъ пирушкахъ, посѣщалъ ежедневно тайкомъ самые подозрительные дома, что не мѣшало ему быть на побѣгушкахъ у матери и оказывать ей тысячу услугъ. Когда кутежъ шелъ не въ мѣру и разстроивалъ ему здоровье и желудокъ, онъ возвращался въ большой отель улицы Коллежъ и съ наслажденіемъ отдыхалъ въ немъ. Пустые покои, строгая скука, которою вѣяло отъ потолковъ, производили на него освѣжающее впечатлѣніе. Онъ поправлялся здоровьемъ, увѣряя мать, что сидитъ дома для нея, и когда здоровье и аппетитъ возвращались къ нему, онъ устраивалъ новую оргію. Впрочемъ, онъ былъ отличный малый, лишь бы ему не мѣшали жить въ свое удовольствіе.

Между тѣмъ, Наиса каждый годъ являлась къ Ростанамъ съ своими фруктами и рыбой и съ каждымъ годомъ все росла, да росла. Она была почти ровесница Фредерику, и старше его всего тремя мѣсяцами. Поэтому m-me Ростанъ часто говорила ей:

— Какъ ты однако ростешь, Наиса!

И Наиса, улыбаясь, выставляла рядъ бѣлыхъ зубовъ. Бо́льшею частію Фредерика не бывало дома во время ея посѣщеній. Но однажды въ послѣдній годъ, какъ онъ кончалъ свое право, уходя изъ дому, онъ встрѣтилъ Наису въ сѣняхъ съ ея корзинкой. Онъ остановился пораженный. Онъ не узнавалъ долговязой худощавой дѣвочки, которую видѣлъ прошлымъ лѣтомъ въ Бланкардѣ. Наиса стала красавицей съ прекраснымъ, смуглымъ, полнымъ и правильнымъ лицомъ и цѣлымъ лѣсомъ густыхъ черныхъ волосъ; у ней были широкія плечи, круглая талія, великолѣпныя руки. Въ одинъ какой-нибудь годъ она выросла, точно молодое деревцо.

— Это ты? — сказалъ онъ, слегка заикаясь.

— Да, я, m-r Фредерикъ, — отвѣчала она, глядя ему въ лицо своими большими глазами, въ которыхъ горѣлъ мрачный огонь. — Я принесла морского ежа... Когда вы собираетесь въ помѣстье? нужно ли приготовить сѣти?

Онъ все глядѣлъ на нее и пробормоталъ, точно не слыхавъ того, что она ему говорила:

— Ты очень хороша собой, Наиса!.. Что это съ тобой сдѣлалось?

Этотъ комплиментъ заставилъ ее усмѣхнуться. Но когда онъ взялъ ее за руки, какъ-бы шутя, лицо ее стало серьёзно и она вдругъ заговорила съ нимъ на „ты", и шепнула, слегка охрипшимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не здѣсь... Берегись, — вотъ твоя мать.

II.

Двѣ недѣли спустя, семейство Ростанъ уѣхало въ Бланкарду. Стряпчій дожидался судебныхъ каникулъ. Къ тому же, въ сентябрѣ мѣсяцѣ бываетъ очень пріятно на берегу моря. Жара спадаетъ, ночи становятся прохладными.

Ла-Бланкардъ находилась не въ самомъ Эстакѣ, предмѣстьѣ Марсели, тѣснимомъ со всѣхъ сторонъ утесами, замыкающими съ этой стороны заливъ. Она раскинулась за селеніемъ, на крутомъ берегу моря, и ея желтый фасадъ былъ видѣнъ со всѣхъ пунктовъ залива, посреди группы высокихъ сосенъ. То было одно изъ тѣхъ четырехугольныхъ, тяжелыхъ зданій, пробитыхъ неправильными окнами, которыя называются зàмками въ Провансѣ. Передъ домомъ шла широкая терраса, выдававшаяся мысомъ въ море, и оттуда открывался самый великолѣпный видъ, какой только можно себѣ представить. Позади дома тянулось большое огороженное пространство сухой и тощей земли, на которой росли только виноградная лоза, миндальныя и оливковыя деревья. Но однимъ изъ неудобствъ и даже опасностей Бланкарды было то, что море ежегодно подрывало берегъ, и такъ какъ, должно быть, эта громадная масса глины и утесовъ подмывалась просачивающейся въ нее водой изъ сосѣднихъ источниковъ, то ежегодно какой-нибудь громадный утесъ обрывался и съ страшнымъ шумомъ падалъ въ море. Мало-по-малу помѣстье ощипывалось моремъ. Сосны и даже оливковыя деревья были уже поглощены такимъ образомъ.

Уже цѣлыхъ сорокъ лѣтъ Микулены были арендаторами въ Бланкардѣ. По обычаю провансальскому, они обработывали землю и дѣлили ея произведенія съ владѣльцемъ помѣстья. Такъ какъ земля давала обыкновенно очень мало, то Микулены давно бы умерли съ голода, если бы не занимались лѣтомъ ловлей сардинокъ. Въ промежутокъ между запашкой и посѣвомъ они закидывали въ море сѣти. Семья состояла изъ дяди Микулена,—суроваго старика съ чернымъ и морщинистымъ лицомъ, передъ которымъ дрожалъ весь домъ; изъ его жены, тётки Микуленъ,—высокой женщины, отупѣвшей отъ тяжелаго труда; изъ сына, служившаго въ настоящую минуту во флотѣ,

и изъ Наисы, которую отецъ посылалъ работать на кирпичный заводъ, несмотря на то, что и дома было пропасть дѣла. Въ жилищѣ арендатора,—лачужкѣ, примостившейся къ одному боку Бланкарды, рѣдко раздавалась пѣсня или смѣхъ. Микуленъ молчалъ, какъ старый дикарь, погруженный въ размышленія, навѣянныя житейскимъ опытомъ. Обѣ женщины питали къ нему боязливое почтеніе, съ какимъ жены и дочери относятся на югѣ къ главѣ семейства. Тишина ничѣмъ обыкновенно не нарушалась, кромѣ отчаянныхъ воплей матери, высокой Катерины, которая, подбоченясь, выкрикивала во все горло имя Наисы, какъ только ея дочь уходила изъ дома. Наиса услышитъ ее, бывало, за версту и вернется домой—блѣдная отъ сдерживаемаго гнѣва.

Красавица Наиса, какъ ее называли въ Эстакѣ, не была счастлива. Ей было уже шестнадцать лѣтъ, когда дядя Микуленъ за всякій пустякъ такъ сильно билъ ее по лицу, что у нея кровь шла носомъ; и даже въ настоящее время, когда ей исполнилось уже двадцать лѣтъ, синяки не сходили у ней съ тѣла, благодаря суровому обращенію отца. Этотъ послѣдній не былъ золъ: онъ просто пользовался безусловно своими правами, требуя послушанія; у него въ крови сидѣлъ старинный латинскій авторитетъ,—право жизни и смерти надъ домашними. Однажды Наиса, которую онъ немилосердно билъ, осмѣлилась-было поднять руку, обороняясь отъ побоевъ: отецъ чуть-было не убилъ ее. Послѣ побоевъ, молодая дѣвушка обыкновенно тряслась, какъ въ лихорадкѣ. Она забивалась въ темный уголъ и, сидя на землѣ, осиливала оскорбленія, съ сухими глазами и воспаленнымъ лицомъ. Мрачный гнѣвъ дѣлалъ ее неподвижной и молчаливой, и она замышляла въ головѣ месть, какую не могла привести въ исполненіе. Въ ней бунтовалась кровь отца, слѣпое бѣшенство, яростное желаніе имѣть силу на своей сторонѣ. Когда она видѣла, какъ ея мать, дрожащая и покорная, изгибалась въ три погибели передъ Микуленомъ, она съ презрѣніемъ пожимала плечами и часто говорила: „если бы мнѣ попался такой мужъ, я бы его убила“.

Но Наиса предпочитала тѣ дни, когда ее били, потому что эти насилія развлекали ее и приводили въ состояніе страстнаго возбужденія. Въ остальное время она вела такую замкнутую и однообразную жизнь, что умирала со скуки. Отецъ запрещалъ ей ходить въ Эстакъ и держалъ постоянно на привязи, заваливая работой, и даже когда дѣлать было нéчего, то и тогда онъ требовалъ, чтобы она была у него на глазахъ. Поэтому она съ нетерпѣніемъ ждала сентября мѣсяца: когда хозяева пріѣзжали въ Бланкарду, надзоръ Микулена ослабѣвалъ поневолѣ; Наиса исполняла порученія г-жи Ростанъ и вознаграждала себя за долговременное заточеніе.

Въ одно прекрасное утро, дядя Микуленъ вдругъ сообразилъ, что эта здоровая дѣвушка не доставляетъ семьѣ никакого дохода, и вотъ, изъ корыстолюбія, онъ далъ ей волю и сталъ посылать работать на кирпичный заводъ. Хотя эта работа и очень тяжела, но Наиса была въ восторгѣ. Она уходила изъ дому по-утру, переходила по ту сторону Эстака, и тамъ, подъ палящимъ солнцемъ, переворачивала кирпичи, чтобы они скорѣе высыхали. То былъ совсѣмъ чернорабочій трудъ, но она не чувствовала за своей спиной отца и свободно шутила съ парнями. И на этомъ-то, должно быть, тяжкомъ трудѣ она физически развилась и стала красавицей. Палящіе лучи солнца золотили ей кожу; черные волосы росли все гуще и длиннѣе; тѣло, безпрестанно сгибавшееся и разгибавшееся, становилось сильнымъ и гибкимъ. Когда она выпрямлялась надъ красной глиной, то походила на античную статую, внезапно оживленную пламеннымъ потокомъ, лившимся съ неба. И вотъ почему дядя Микуленъ зорко слѣдилъ за ней своими маленькими сѣрыми глазками, видя, какъ она хорошѣетъ. Она стала слишкомъ весела; ему казалось неестественнымъ, чтобы дѣвушка могла такъ раздобрѣть. И онъ давалъ себѣ слово душить поклонниковъ дочери, если таковые заведутся.

Поклонниковъ у Наисы былъ бы непочатой край, да она нисколько не поощряла ихъ; она была слишкомъ горда. Она смѣялась надъ всѣми парнями. Пріятелемъ ея былъ одинъ горбунъ, работавшій на томъ же кирпичномъ заводѣ, маленькій человѣчекъ, по имени Туассъ, котораго прислалъ въ Эстакъ дѣтскій пріютъ города Э. и который тутъ и застрялъ, усыновленный краемъ. У него была пріятная улыбка, у этого горбуна, съ профилемъ полишинеля, и Наиса благоволила къ нему за его кротость. Она дѣлала изъ него все, что̀ ей было угодно, часто обижала его, когда ей хотѣлось выместить на комъ-нибудь отцовскую грубость. Но всему этому не придавалось никакого значенія. Въ околоткѣ потѣшались надъ Туассомъ. Дядя Микуленъ объявилъ: „горбуна я ей разрѣшаю; я ее знаю — она слишкомъ горда!“

Въ этотъ годъ, когда г-жа Ростанъ пріѣхала въ Бланкарду, она попросила арендатора уступить ей Наису, такъ какъ одна изъ ея служанокъ заболѣла. Кстати же и кирпичный заводъ закрылся. Впрочемъ, Микуленъ, грубый съ своими домашними, былъ очень вѣжливъ съ хозяевами и не отказался бы уступить дочь, если бы даже это ему и не нравилось. Самому Ростану пришлось отправиться въ Парижъ по дѣламъ, и Фредерикъ пріѣхалъ въ деревню одинъ съ матерью. Въ первые дни по пріѣздѣ въ деревню, молодого человѣка обыкновенно какъ-бы опьянялъ морской воздухъ. Онъ отправлялся съ Микуленомъ въ баркѣ закидывать или вытаскивать сѣти, совершалъ дал-

ція прогулки по ущельямъ, ведущимъ къ Эстаку. Затѣмъ эта дѣятельность ослабѣвала; Фредерикъ по цѣлымъ днямъ лежалъ подъ соснами, на краю террассы, и не то дремалъ, не то слѣдилъ за однообразнымъ колыханіемъ моря, которое подъ конецъ ему смертельно надоѣдало. Недѣли двѣ спустя жизнь въ Бланкардѣ становилась для него нестерпимой и онъ каждое утро придумывалъ предлогъ, чтобы удрать въ Марсель.

На другой день по прибытіи хозяевъ Микуленъ позвалъ Фредерика въ четыре часа утра, какъ онъ это обыкновенно дѣлалъ. Надо было ѣхать за длинными корзинами съ узкимъ отверстіемъ, какъ у мышеловокъ, въ которыхъ ловится рыба. Но молодой человѣкъ и ухомъ не повелъ. Рыбная ловля, повидимому, не соблазняла его. Когда онъ всталъ, то растянулся подъ соснами, на спинѣ, глядя въ небо, и мать его очень изумилась, видя, что онъ не сбирается на одну изъ тѣхъ долгихъ прогулокъ, съ которыхъ онъ возвращался голодный, какъ волкъ.

— Ты не идешь со двора?—спросила она.

— Нѣтъ, мамаша,—отвѣчалъ онъ.—Такъ какъ папаши нѣтъ здѣсь, то я останусь съ тобой.

Арендаторъ, слышавшій этотъ отвѣтъ, пробормоталъ на туземномъ нарѣчіи:

— Ну, г. Фредерикъ скоро поѣдетъ въ Марсель.—Но молодой человѣкъ не двигался изъ-подъ сосенъ. Прошла недѣля, а онъ все лежалъ, перемѣняя только мѣсто, когда его безпокоило солнце. Онъ бралъ книгу для вида, но совсѣмъ не читалъ, и книга бо́льшею частью валялась между сосновыхъ иглъ, усыпавшихъ твердую землю. Фредерикъ даже не глядѣлъ на море; съ лицомъ, обращеннымъ къ дому, онъ, повидимому, интересовался тѣмъ, что́ въ немъ происходитъ, слѣдилъ за суетой служанокъ, которыя безпрестанно пробѣгали по террассѣ, И когда проходила Наиса, въ глазахъ чувственнаго молодого хозяина зажигалось пламя. Наиса, повидимому, замѣчала впечатлѣніе, какое производила; она замедляла шаги, медленно проходила мимо, никогда не удостоивая его взглядомъ. Но все въ ней—шумъ юбки, медленность движеній — говорило, что она знаетъ, что нравится, и не негодуетъ на это.

Эта комедія длилась въ продолженіи нѣсколькихъ дней. При матери Фредерикъ обращался съ молодой дѣвушкой почти грубо, какъ съ неловкой служанкой; молодая дѣвушка опускала голову, когда онъ ее бранилъ, но втайнѣ чувствовала себя счастливой и наслаждалась этой притворной суровостью. Разъ утромъ за завтракомъ Наиса разбила салатникъ и Фредерикъ вышелъ изъ себя.

— Какъ она глупа!—воскликнулъ онъ.—Гдѣ у ней голова?

И всталъ взбѣшенный, прибавляя, что панталоны его испорчены. Маленькая капелька прованскаго масла попала ему на одно колѣно. Но онъ поднялъ изъ этого цѣлую исторію.

— Ну, чего вы вылупили на меня глаза! Подайте салфетку и воды.... Помогите мнѣ.

Наиса намочила уголокъ салфетки въ водѣ и, ставъ на колѣни передъ Фредерикомъ, принялась тереть его колѣнку.

— Оставьте,—повторяла г-жа Ростанъ.—Это нисколько не поможетъ.

Но Наиса не выпускала ноги своего молодого хозяина и терла изо всей силы своихъ прекрасныхъ рукъ. Между тѣмъ Фредерикъ продолжалъ ворчать на нее.

— Видана ли такая неловкость.... Если бы она нарочно разбила этотъ саладникъ, такъ онъ бы не могъ ближе подкатиться ко мнѣ.... Ну, нечего сказать, хорошо было бы, если бы она намъ служила въ Э.— отъ нашего фарфора скоро ничего бы не осталось.

Эти упреки были такъ несоразмѣрны съ виной, что г-жа Ростанъ нашла нужнымъ сдѣлать замѣчаніе сыну, когда ушла Наиса.

— Что же ты такъ нападаешь на бѣдную Наису? сказала—она.— Можно подумать, что ты ее терпѣть не можешь... Пожалуйста, будь съ ней помягче. Она подруга твоего дѣтства и стоитъ здѣсь не на такой ногѣ, какъ простая служанка.

— Ахъ! она мнѣ надоѣдаетъ!—отвѣчалъ Фредерикъ съ притворной грубостью.

Вечеромъ того же дня Наиса и Фредерикъ встрѣтились въ потемкахъ въ концѣ террасы. Они еще ни разу не говорили другъ съ другомъ съ глазу на глазъ. Ихъ нельзя было слышать изъ дому. Въ неподвижномъ воздухѣ стоялъ смолистый запахъ сосенъ. И вотъ Наиса спросила, прибѣгая къ дѣтскому „ты".

— За что ты меня разбранилъ, Фредерикъ?... какой ты сердитый.

Онъ не отвѣчалъ. Онъ взялъ ее за руки и крѣпко прижалъ къ груди. Она не противилась, но и не отвѣчала на его ласки и ушла, а онъ сѣлъ на парапетъ террасы, не желая показываться матери въ такомъ возбужденномъ состояніи. Десять минутъ спустя Наиса служила за ужиномъ съ своимъ обычнымъ, нѣсколько горделивымъ спокойствіемъ.

Они не назначали другъ другу свиданія. Въ одну ночь они безъ уговора сошлись подъ оливковыми деревьями на верху утеса. За обѣдомъ взоры ихъ нѣсколько разъ встрѣтились съ страстной пристальностью. Должно быть, они поняли другъ друга безъ словъ. Ночь была очень жаркая, Фредерикъ до полуночи просидѣлъ у окна, какъ будто дожидаясь чего-то и вглядываясь въ темноту. Около часа онъ уви-

дѣлъ тѣнь, проскользнувшую по террасѣ и скрывшуюся подъ деревьями. Тогда онъ не медлилъ болѣе. Онъ черезъ окно перебрался на крышу сарая и затѣмъ спрыгнулъ на землю съ помощью длинныхъ жердей, стоявшихъ въ углу; такимъ образомъ онъ былъ увѣренъ, что не разбудитъ мать. Затѣмъ, спустясь на землю, онъ въ свою очередь прокрался къ деревьямъ и прямо пошелъ къ большому оливковому дереву, точно его кто толкнулъ туда, увѣренный, что его ждетъ Наиса.

— Ты здѣсь?—спросилъ онъ вполголоса.

— Да,—отвѣчала она просто.

Онъ сѣлъ подлѣ нея и взялъ ее за талію, а она оперлась головой на его плечо. Съ минуту они глядѣли другъ на друга молча. Старое оливковое дерево прикрывало ихъ своей развѣсистой вершиной. Напротивъ нихъ раскидывалось море, черное и неподвижное, подъ звѣзднымъ небомъ. Марсель, въ глубинѣ залива, окутанъ былъ мглой: слѣва только вертящійся маякъ Планье ежеминутно прорѣзывалъ темноту желтымъ лучомъ, внезапно затѣмъ потухавшимъ. Этотъ свѣтъ, постоянно появлявшійся и пропадавшій на краю горизонта, производилъ очень пріятное впечатлѣніе.

— Твоего отца, значитъ, нѣтъ дома?—спросилъ Фредерикъ.

— Я выскочила въ окно,—отвѣчала она своимъ дѣтскимъ голосомъ.

Они не говорили про свою любовь. Эта любовь шла издалека, изъ самаго дѣтства. Теперь они припоминали различныя игры, въ которыхъ уже просвѣчивало влеченіе другъ къ другу. Имъ казалось вполнѣ естественнымъ сойтись другъ съ другомъ. Они не знали бы что̀ и сказать другъ другу; они любили другъ друга не навсегда; ихъ просто неудержимо влекло другъ къ другу въ настоящую минуту. Фредерикъ находилъ Наису красивой, оригинальной съ ея загаромъ и запахомъ земли, а Наиса испытывала чувство гордости при мысли, что хотя ее и бьютъ, а она любовница молодого хозяина. Она отдалась ему. Дѣло близилось уже къ разсвѣту, когда оба проскользнули въ свои комнаты той же дорогой, какой изъ нихъ вышли.

III.

Что̀ это былъ за дивный мѣсяцъ! Ни одного ненастнаго дня! Вѣчно голубое небо раскидывалось голубымъ шелковымъ пологомъ и ни одно облачко не пятнало его чистую лазурь. Солнце вставало въ алой дымкѣ и садилось въ облакахъ золотой пыли. И совсѣмъ тѣмъ не было слишкомъ жарко; морской вѣтерокъ поднимался и

ложился вмѣстѣ съ солнцемъ; ночи были чудно прохладныя и пропитанныя ароматомъ растеній, разгоряченныхъ днемъ и курившихся ночью.

Мѣстность эта живописнѣйшая. Съ двухъ сторонъ залива высятся скалы, а на морѣ островки какъ-бы загораживаютъ горизонтъ, и море превращается въ громадное синее озеро. У подошвы горъ, въ глубинѣ, Марсель раскинулась на низкихъ холмахъ; когда погода ясная, то изъ Эстака видѣнъ сѣрый берегъ Жольетты съ высокими мачтами кораблей у пристани; позади виднѣются дома, окруженные рощами, и соборъ Богородицы бѣлѣется на горѣ, рельефно вырѣзываясь на прозрачномъ небѣ. Отъ Марсели берегъ, по направленію къ Эстаку, закругляется, описываетъ широкія впадины, увѣнчанныя фабриками, надъ которыми поднимаются временами высокіе столбы дыма. Когда лучи солнца падаютъ вертикально, море становится почти чернымъ, а замыкающія его скалы кажутся ослѣпительно бѣлыми, съ желтыми и красными полосами. Сосны выдѣляются темно-зелеными вершинами надъ землей, кирпичнаго цвѣта. Картина эффектная; взорамъ словно открывается уголокъ Востока, съ его несложными и рѣзкими тонами, выдѣляющимися при ослѣпительномъ блескѣ солнца.

Но въ Эстакѣ не одинъ только этотъ видъ на море. Селеніе, прислоненное къ горамъ, прорѣзано дорогами, теряющимися среди хаоса грандіозныхъ утесовъ. Желѣзная дорога изъ Марсели въ Ліонъ бѣжитъ среди громадныхъ скалъ, пробѣгаетъ черезъ овраги по мостамъ, врѣзывается мѣстами въ самую скалу и тянется подъ землей на нѣсколько верстъ туннелемъ Нерты, самымъ длиннымъ во Франціи. И ничего не можетъ быть живописнѣе и величественнѣе этихъ ущельевъ, прорѣзанныхъ въ горахъ, этихъ узкихъ, извилистыхъ тропинокъ, извивающихся на днѣ пропастей, безплодныхъ скатовъ горъ, усаженныхъ соснами, мѣстами же громоздящихся, точно стѣны ржаваго или кровянаго цвѣта. Порою ущелья раздвигаются, тощее поле оливковыхъ плантацій занимаетъ глубину долины, виднѣется одинокій домикъ съ закрытыми ставнями. Затѣмъ, идутъ аллеи между терновникомъ, непроходимыя чащи, обвалы камней, высохшіе потоки, всякіе сюрпризы, возникающіе на пути путешественника, ѣдущаго по пустынѣ. На верху, надъ бордюромъ сосенъ, небо раскидываетъ свой голубой шелковый пологъ.

Между скалами и моремъ тянется узкая полоса красной земли, которую кирпичные заводчики изрыли глубокими ямами, выкапывая глину для кирпичей. Эта мѣстность вся изрытая, взбудораженная и почти незасаженная деревьями. Засуха здѣсь такъ сильна, что придаетъ этому пыльному уголку характеръ какой-то пламенной страсти.

По дорогамъ можно подумать, что идешь по глубокому слою снѣга, въ которомъ увязаешь по щиколки, а при малѣйшемъ вѣтрѣ поднимаются тучи пыли и покрывають слоемъ бѣлой пудры живыя изгороди и деревья. Вдоль стѣнъ, отъ которыхъ жаръ пышетъ точно изъ печей, снятъ на солнцѣ маленькія сѣрыя ящерицы, а изъ сожженной травы вылетаютъ цѣлыя тучи стрекозъ съ такимъ трескомъ крыльевъ, какъ будто трещатъ дрова, сложенныя въ костеръ. И въ неподвижномъ и тяжеломъ воздухѣ, среди спячки юга, жизнь проявляется въ одномъ только монотонномъ пѣніи кобылокъ.

Въ этомъ-то пламенномъ краѣ Наиса и Фредерикъ любились въ продолженіи одного мѣсяца. Казалось, что весь огонь здѣшней природы сообщился ихъ крови. Въ первую недѣлю они довольствовались тѣмъ, что сходились по ночамъ, все подъ тѣмъ же оливковымъ деревомъ, на верху крутого берега. Тамъ они блаженствовали. Прохлада ночи расхолаживала нѣсколько ихъ горячку, вѣтеръ освѣжалъ ихъ горячія лица и руки. Море у ногъ ихъ, внизу утесовъ, тихо и сладострастно роптало. Одуряющій запахъ морскихъ травъ опьянялъ ихъ. Въ объятіяхъ другъ друга, полусонные, они глядѣли, какъ по ту сторону воды сверкали огни Марсели; красные фонари у входа въ портъ бросали кровавый отблескъ на волны; дрожащій пламень газовыхъ рожковъ обрисовывалъ справа и слѣва удлиненныя дуги предмѣстьевъ. Въ центрѣ, надъ городомъ, лилось цѣлое море огня, а садъ на горѣ Бонапарта ясно обозначался двумя полосами яркаго свѣта. Всѣ эти огни вдали, по ту сторону соннаго залива, какъ будто озаряли какой-то сказочный городъ, которому предстояло исчезнуть вмѣстѣ съ зарей. А небо, раскидывавшееся высоко-высоко надъ ихъ головами, отличалось какой-то тревожной прелестью, заставлявшей ихъ тѣснѣе прижиматься другъ къ другу. Сыпался цѣлый дождь звѣздъ. Созвѣздія въ ясныя ночи Прованса сверкаютъ точно бриллiанты. Минутами падучая звѣзда оставляла золотистый слѣдъ. Затѣмъ, къ небу снова возвращалась его сверкающая неподвижность, и оно какъ-бы медленно утопало въ необъятномъ пространствѣ. Тогда, пугаясь его необъятной шири, они опускали голову и поглядывали на одинокую звѣзду маяка Планье, мелькающій свѣтъ котораго ихъ успокоивалъ, и губы ихъ сливались въ поцѣлуѣ.

Но въ одну прекрасную ночь они увидѣли на горизонтѣ большую луну, желтая рожа которой прямо глядѣла на нихъ. На морѣ легла широкая полоса свѣта, точно будто какая-то громадная рыба всплыла со дна и сверкала своими золотыми чешуйками; яркій, точно дневной свѣтъ, потушилъ огни Марсели и озарялъ горы и зазубрины берега. По мѣрѣ того, какъ луна поднималась выше на небѣ, свѣтъ увеличивался, тѣни становились рѣзче. И вотъ, этотъ свидѣтель на-

чалъ стѣснять ихъ. Они побоялись, что ихъ могутъ накрыть въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Бланкардой. На слѣдующую ночь они вышли изъ ограды черезъ отверзтіе въ обвалившейся стѣнѣ и стали искать кругомъ убѣжища для своей любви. Сначала они удалились въ заброшенный кирпичный заводъ; тамъ былъ сломанный сарай надъ углубленіемъ, въ которомъ еще виднѣлись два печныхъ отверзтія. Но эта яма наводила на нихъ тоску, они предпочитали чувствовать надъ своими головами чистое небо. Они обошли всѣ каменоломни, натыкаясь на прелестные уголки, настоящія пустыни въ нѣсколько метровъ, откуда имъ слышался только лай собакъ, сторожившихъ загородные дома. Они пошли дальше, совершали длинныя прогулки вдоль скалистаго берега, по направленію къ Ніолону, или же пробирались по узкимъ тропинкамъ ущельевъ, заглядывая въ различные гроты. Недѣли двѣ прогуливались они такимъ образомъ. Луна исчезла, небо снова стало скромнымъ и темнымъ; но теперь имъ уже казалось слишкомъ тѣсно въ Бланкардѣ и они искали простора.

Одной ночью, въ то время, какъ они шли по дорогѣ, ведущей въ ущелье Нерты, подъ Эстакомъ, имъ показалось, что кто-то крадется за ними вдоль небольшой сосновой рощи, окаймлявшей дорогу. Они остановились встревоженные.

— Слышишь?—спросилъ Фредерикъ.

— Да, это какая-нибудь заблудившаяся собака, — прошептала Наиса.

И они пошли дальше. Но на первомъ же поворотѣ дороги, гдѣ кончалась роща, они ясно увидѣли темную массу, скользившую позади утесовъ. То было несомнѣнно человѣческое существо, но какого-то страннаго вида и словно какъ-бы горбатый. Наиса слегка вскрикнула.

— Постой,—сказала она торопливо.

И бросилась вслѣдъ за тѣнью. Вскорѣ Фредерикъ услышалъ шопотъ голосовъ. Затѣмъ Наиса вернулась—спокойная, нѣсколько блѣдная.

— Что такое?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Ничего,—отвѣчала она.

Затѣмъ, пройдя нѣсколько шаговъ, замѣтила:

— Если ты услышишь шаги, то не бойся. Это Туассъ,—знаешь, горбунъ. Онъ хочетъ сторожить за насъ.

И дѣйствительно, Фредерикъ слышалъ, какъ порою кто-то крался за ними во мракѣ. Кто-то въ самомъ дѣлѣ сторожилъ за нихъ. Наиса не разъ хотѣла прогнать горбуна, но бѣднякъ желалъ одного только: быть ея собакой; онъ ихъ не трогаетъ, онъ не показывается

имъ на глаза, почему же не оставить его въ покоѣ? И съ этихъ поръ если бы любовники прислушались, когда цѣловались, то услышали бы глухія рыданія. То плакалъ Туассъ, ихъ сторожевая собака, слыша, какъ они цѣлуются.

Но они мало-по-малу становились смѣлѣе и стали цѣловаться не только ночью, но и днемъ. Встрѣчаясь въ корридорѣ Бланкарды или въ какой-нибудь комнатѣ, они обмѣнивались долгимъ поцѣлуемъ. Даже за столомъ, когда Наиса прислуживала, а Фредерикъ спрашивалъ себѣ хлѣба или тарелку, онъ ухитрялся пожимать пальцы молодой дѣвушки. Строгая m-me Ростанъ ничего не замѣчала и продолжала обвинять сына въ томъ, что онъ слишкомъ суровъ съ бѣдной Наисой. Однажды она чуть не накрыла ихъ, но молодая дѣвушка, заслышавшая шелесть ея платья, поспѣшно нагнулась и принялась вытирать платьемъ запыленныя ноги Фредерика.

У нихъ были и другія радости. Зачастую послѣ обѣда, когда вечеръ былъ прохладенъ, m-me Ростанъ выражала желаніе прогуляться. Она брала подъ руку сына и отправлялась въ Эстакъ, поручивъ Наисѣ нести шаль на всякій случай. Всѣ трое отправлялись смотрѣть на возвращеніе рыбаковъ съ ловли сардинокъ. Въ морѣ прыгали фонари, бросая длинные отблески на воду. Мало-по-малу свѣтъ приближался и вскорѣ можно было различить темныя массы барокъ, подплывавшихъ къ берегу съ глухимъ шлепаньемъ веселъ. Когда ловля была удачна, поднимался веселый говоръ, прибѣгали женщины съ корзинками. Тогда мужчины, сидѣвшіе по-трое въ баркѣ, принимались растягивать сѣти, которыя до тѣхъ поръ лежали въ кучѣ подъ скамейкой. Сѣти походили на длинную темную ленту, испещренную серебряными блестками. Сардинки шевелились, отливая металлическимъ отблескомъ, и падали въ корзины, точно дождь серебряныхъ монетъ, при неясномъ свѣтѣ фонарей. Часто m-me Ростанъ останавливалась у одной изъ барокъ, заинтересованная этимъ зрѣлищемъ; она выпускала руку сына и разговаривала съ рыбаками, между тѣмъ какъ Фредерикъ, стоя рядомъ съ Наисой внѣ свѣта, бросаемаго фонарями, жалъ ей руку изъ всей мочи.

Между тѣмъ дядя Микуленъ продолжалъ помалчивать, какъ опытное и упрямое животное. Онъ ѣздилъ въ море, копалъ землю—все съ тѣмъ же хитрыми ухватками. Но съ нѣкоторыхъ поръ маленькіе глазки его какъ-то особенно бѣгали. Онъ искоса поглядывалъ на Наису, ни слова не говоря. Ему казалось, что она перемѣнилась, онъ чуялъ въ ней что-то такое, чего не могъ объяснить себѣ. Она становилась дерзка. Однажды она осмѣлилась оказать ему сопротивленіе. Дядя Микуленъ такъ ударилъ ее, что разбилъ ей губу.

Вечеромъ, когда Фредерикъ, цѣлуя ее, замѣтилъ, что губа у ней распухла, онъ съ живостью спросилъ, чтó это значитъ.

— Ничего, отецъ прибилъ меня.

Голосъ ея сталъ мраченъ и такъ какъ молодой человѣкъ сердился и объявилъ, что положитъ этому конецъ:—

— Нѣтъ, оставь,—замѣтила она,—это мое дѣло... О! когда-нибудь этому придетъ конецъ.

Она никогда не говорила ему о побояхъ, которыя ей приходилось терпѣть. Но вечеромъ въ тотъ день, когда отецъ прибьетъ ее, она страстнѣе прижималась къ груди молодого человѣка, точно въ отместку за грубость, съ какою съ ней обращались.

Въ послѣднія три недѣли она почти каждую ночь приходила на свиданіе. Сначала она принимала всевозможныя предосторожности, затѣмъ стала смѣлѣе и подъ конецъ перестала совсѣмъ бояться. Когда она поняла, что отецъ о чемъ-то догадывается, она стала снова осторожнѣй, и пропустила два свиданія. Мать передала ей, что Микуленъ не спитъ по ночамъ, встаетъ, ходитъ изъ одной горницы въ другую. Безъ сомнѣнія, онъ хватился, что она уходитъ по ночамъ. Но на третій день умоляющіе взгляды Фредерика заставили Наису забыть всякую осторожность. Она вышла изъ дому около одиннадцати часовъ вечера, обѣщая себѣ пробыть въ отсутствіи не больше часа; она надѣялась, что отецъ не услышитъ ее съ вечера, когда первый сонъ особенно крѣпокъ.

Фредерикъ дожидался ее подъ оливковымъ деревомъ. Не говоря ему про свои опасенія, она отказалась идти дальше. Она сослалась на то, что очень устала, чтò было, впрочемъ, совершенная правда. Вѣдь она не могла спать днемъ, какъ молодой человѣкъ, и три недѣли, проведенныя безъ сна, совсѣмъ сбили ее съ ногъ. Они сѣли на своемъ обычномъ мѣстѣ, надъ моремъ, напротивъ Марселя, горѣвшаго ночными огнями. Маякъ Планье свѣтилъ по обыкновенію. Наиса заснула на плечѣ у Фредерика; молодой человѣкъ не шевелился, онъ хотѣлъ дать ей вздремнуть, и мало-по-малу самъ задремалъ. Оба уснули въ объятіяхъ другъ друга подъ звѣзднымъ небомъ.

Кругомъ все было тихо; только кузнечики трещали въ травѣ. Море спало, какъ и любовники. Тогда темная тѣнь вышла изъ мрака и медленно подошла къ нимъ. Тó былъ дядя Микуленъ, который, проснувшись и обходя дозоромъ весь домъ, не нашелъ Наисы въ ея комнатѣ. Онъ вышелъ изъ дому, захвативъ съ собой на всякій случай небольшой топоръ. Когда онъ увидѣлъ влюбленныхъ подъ оливковымъ деревомъ, онъ подошелъ къ нимъ, сжимая въ рукѣ топоръ. Въ этомъ суровомъ человѣкѣ, ревниво оберегавшемъ свою родитель-

скую власть, забушевалъ бѣшеный гнѣвъ. Онъ занесъ оружіе, намѣреваясь убить ихъ обоихъ за-разъ. Но спящіе не шевелились, онъ подошелъ совсѣмъ близко, нагнулся и поглядѣлъ имъ въ лицо. Онъ чуть не вскрикнулъ и поспѣшно отвелъ топоръ. Въ человѣкѣ, лежавшемъ здѣсь, онъ узналъ молодого хозяина. Нѣтъ, онъ не можетъ убить его такимъ образомъ. Его кровь обойдется ему слишкомъ дорого. Онъ всталъ и отошелъ на нѣкоторое разстояніе. Сморщенное лицо его, подергивавшееся отъ гнѣва, вдругъ какъ-бы окаменѣло подъ вліяніемъ глубокой думы. Крестьянинъ не убиваетъ своего господина, потому что господинъ даже мертвый сильнѣе его; онъ душитъ его и мститъ, не оставляя никакихъ уликъ. Дядя Микуленъ нашелъ силы совладать съ своимъ гнѣвомъ, онъ покачалъ головой и ушелъ, крадучись, какъ волкъ, оставивъ влюбленныхъ спать.

Когда Наиса вернулась домой, не задолго до разсвѣта, очень встревоженная своимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, она нашла и окно своей комнаты и все въ самой комнатѣ такимъ, какимъ все это оставила. За завтракомъ дядя Микуленъ спокойно глядѣлъ, какъ она ѣла хлѣбъ. Она успокоилась: отецъ ничего не зналъ.

IV.

— M-r Фредерикъ, вы совсѣмъ забросили рыбную ловлю,—сказалъ однажды дядя Микуленъ.

M-me Ростанъ, сидя на террассѣ, въ тѣни сосенъ, вышивала по канвѣ, а сынъ, растянувшись у ея ногъ, бросалъ въ воду камешки.

— Да,—отвѣчалъ молодой человѣкъ. Я излѣнился.

— Напрасно, — подхватилъ арендаторъ. — Вчера корзины были полны рыбы... Ловля идетъ на славу... Васъ бы это развлекло. Поѣдемте-ка со мной завтра.

Онъ казался такимъ добродушнымъ, что Фредерикъ, вспомнившій про Наису, не захотѣлъ его огорчать и сказалъ:

— Ну, пожалуй... Только разбудите меня. Предупреждаю, что въ пять часовъ утра я сплю мертвымъ сномъ.

Тутъ m-me Ростанъ подняла голову, слегка встревоженная.

— А главное будьте осторожны,—пробормотала она. — Я всегда дрожу, когда вы отправляетесь въ море.

На другое утро сколько Микуленъ ни звалъ Фредерика, окно его не отпиралось. Тогда онъ сказалъ дочери особеннымъ голосомъ, котораго та не замѣтила:

— Ступай-ка наверхъ, разбуди его; можетъ, тебя онъ услышитъ.

И въ это утро Наиса разбудила Фредерика. Полусонный, онъ

обнялъ ее, но она поспѣшно поцѣловала его и убѣжала. Десять минутъ спустя, молодой человѣкъ сошелъ внизъ одѣтый съ головы до ногъ въ суровое полотно. Дядя Микуленъ ждалъ его съ нетерпѣніемъ, сидя на парапетѣ террасы.

— Свѣжо становится,—замѣтилъ онъ,—вы бы захватили съ собой фуляръ.

И Наиса побѣжала наверхъ за фуляромъ. Затѣмъ мужчины спустились по крутой лѣстницѣ, которая вела съ берега къ морю, а молодая дѣвушка, стоя, слѣдила за ними глазами. Внизу дядя Микуленъ поднялъ голову, поглядѣлъ еще разъ на Наису, между тѣмъ какъ двѣ глубокихъ складки обозначились у его рта.

Послѣдніе два дня дулъ страшный сѣверо-западный вѣтеръ. Наканунѣ къ вечеру онъ улегся, но съ солнечнымъ восходомъ снова задулъ, сначала слабо. Море, въ этотъ утренній часъ, слегка волновалось подъ внезапно налетавшими порывами вѣтра и принимало рѣзкій темносиній оттѣнокъ; озаренное первымъ лучомъ восходящаго солнца, оно увѣнчивалось маленькимъ бѣлымъ сіяніемъ, на каждой волнѣ. Небо было почти бѣлое и хрустально прозрачное; Марсель въ глубинѣ залива была такъ отчетливо видна, что можно было сосчитать окна на фасадахъ домовъ; а утесы, окаймлявшіе заливъ, окрашивались розовыми и желтыми цвѣтами, необыкновенной нѣжности.

— Насъ порядкомъ укачаетъ на возвратномъ пути,—замѣтилъ Фредерикъ.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ просто дядя Микуленъ.

Онъ молча гребъ, не поворачивая головы. Молодой человѣкъ поглядѣлъ на его круглую спину и вспомнилъ про Наису; старикъ сидѣлъ къ нему спиной, и онъ видѣлъ только его загорѣлый затылокъ и красныя уши, въ которыхъ качались золотыя серьги. Затѣмъ онъ наклонился къ водѣ, интересуясь морской глубиной, убѣгавшей подъ баркой. Вода была мутна и только длинныя травы плавали на ея поверхности, точно волоса утопленника. Это произвело на него непріятное впечатлѣніе.

— Послушайте-ка, дядя Микуленъ,—началъ онъ послѣ долгаго молчанія,—вѣтеръ-то все крѣпчаетъ. Будьте осторожнѣе... Вы знаете, что я плаваю, какъ оловянная лошадь.

— Да, да, знаю,—отвѣтилъ старикъ своимъ сухимъ тономъ.

И онъ продолжалъ грести машинальнымъ движеніемъ, вытягивая и подбирая руки. Барку начинало подкидывать, бѣлые гребешки на волнахъ выросли въ цѣлые валы пѣны, которая взбивалась вѣтромъ. Море еще потемнѣло. Фредерикъ не хотѣлъ показать, что онъ боится,

но въ сущности ему было не по себѣ и онъ охотно вернулся бы на берегъ. Онъ потерялъ терпѣніе и закричалъ:

— Куда вы, чортъ побери, засунули ваши корзины сегодня?... Ужъ не собираетесь ли вы плыть въ Алжиръ?

Но дядя Микуленъ спокойно отвѣчалъ, не торопясь:

— Сейчасъ, сейчасъ.

И продолжалъ грести. Потомъ вдругъ выпустилъ весла и всталъ посреди барки, отыскивая глазами свои отмѣтки; ему пришлось проплыть еще нѣсколько минутъ, прежде нежели онъ попалъ среди пробковыхъ буевъ, обозначавшихъ мѣсто, гдѣ находились корзины. Но, прежде нежели вытащить ихъ, онъ повернулся къ Бланкардѣ и нѣсколько секундъ глядѣлъ туда. Фредерикъ слѣдилъ за его взглядомъ и ясно увидѣлъ, возлѣ сосенъ, свѣтлое пятно. То была Наиса, оставшаяся на террасѣ, и это ея свѣтлое платье виднѣлось имъ. Дядя Микуленъ чуть замѣтно пожалъ плечами.

— Сколько у васъ корзинъ?—спросилъ Фредерикъ.

— Тридцать-пять... Зѣвать не приходится.

И вотъ, онъ схватилъ сосѣдній буй и вытащилъ первую корзину. Глубина была ужасающая, веревкѣ казалось не было конца. Наконецъ появилась корзина съ большимъ камнемъ, который удерживалъ ее на днѣ моря, и когда корзину вытащили, то три рыбы, попавшія въ нее, начали прыгать, точно птицы въ клѣткѣ. Можно было подумать, что слышишь шелестъ крыльевъ. Въ третьей корзинѣ попался на рѣдкость небольшой морской ракъ, который изо всей мочи хлопалъ хвостомъ по корзинѣ; Фредерикъ пришелъ въ азартъ, позабылъ про свои опасенія и, нагибаясь надъ водой, дожидался появленія корзинъ съ біеніемъ сердца. Когда онъ слышалъ трепетаніе рыбы, онъ чувствовалъ волненіе, какое овладѣваетъ охотникомъ, убившимъ дичину. Между тѣмъ корзины появились одна за другой на баркѣ; вода стекала съ нихъ, и скоро всѣ тридцать-пять были на лицо. Въ нихъ было по крайней мѣрѣ десять килограммовъ рыбы, что считается великолѣпной ловлей въ марсельскомъ заливѣ, гдѣ, по многимъ причинамъ и—главное—вслѣдствіе употребленія мелкихъ сѣтей, рыбы ловится все меньше и меньше.

— Вотъ и конецъ,—сказалъ дядя Микуленъ.—Теперв намъ можно вернуться.

Онъ старательно выстроилъ корзины на кормѣ. Но когда Фредерикъ увидѣлъ, что онъ ставитъ парусъ, то снова встревожился, говоря, что благоразумнѣе было бы плыть обратно на веслахъ при такомъ вѣтрѣ. Старикъ пожалъ плечами. Онъ знаетъ, что дѣлаетъ. И, прежде чѣмъ поднять парусъ, поглядѣлъ въ сторону Бланкарды. Наиса все еще была тамъ въ своемъ свѣтломъ платьѣ.

Тогда катастрофа наступила съ быстротой молніи. Позднѣе, когда Фредерикъ захотѣлъ объяснить себѣ этотъ случай, онъ могъ только припомнить, что сильный порывъ вѣтра съ такой силой налетѣлъ на парусъ, что барка въ одну минуту перевернулась. Онъ ничего больше не помнилъ, помнилъ только, что ему стало холодно и страшно. Онъ обязанъ былъ жизнью чуду: онъ упалъ на корзинки, связанныя между собой, которыя поддержали его, точно плотъ. Рыбаки, видѣвшіе это происшествіе, подплыли и вытащили его и дядю Микулена, который плылъ къ берегу.

M-me Ростанъ еще спала. Отъ нея скрыли опасность, которой подвергался ея сынъ. Внизу террассы Фредерикъ и дядя Микуленъ, съ которыхъ лила вода, встрѣтили Наису, слѣдившую за ходомъ драмы.

— Какая неудача!—закричалъ старикъ.—Мы вытащили корзины и собирались вернуться домой. Надо же такую неудачу.

Но блѣдная какъ смерть Наиса пробормотала, пристально глядя на отца:

— Да, да, неудача..., но только когда поворачиваютъ на другой галсъ противъ вѣтра, то знаютъ навѣрное, чтó изъ этого произойдетъ.

Тутъ Микуленъ вышелъ изъ себя.

— Лѣнтяйка, что ты здѣсь дѣлаешь?... Ты видишь, что у m-r Фредерика зубъ на зубъ не попадаетъ... Ну, живѣе, помоги ему переодѣться.

Молодой человѣкъ отдѣлался тѣмъ, что пролежалъ весь день въ постели. Матери онъ объяснилъ, что у него мигрень. На другой день онъ нашелъ Наису очень мрачной. Она отказалась приходить на новыя свиданія; но, встрѣтивъ его вечеромъ въ сѣняхъ, сама страстно обняла его. Она не сообщила ему о своихъ похожденіяхъ. Но съ этого дня стала неусыпно сторожить его. Черезъ недѣлю она сама усомнилась въ истинѣ своихъ подозрѣній: отецъ ея былъ какъ ни въ чемъ не бывало и даже сталъ какъ будто мягче, и рѣже билъ ее.

Каждое лѣто Ростаны отправлялись, въ видѣ прогулки, ѣсть уху на берегу моря, по сосѣдству съ Ніолономъ. А такъ какъ въ окрестныхъ долинахъ водились куропатки, то мужчины отправлялись при этомъ случаѣ и на охоту. Нынѣшній разъ m-me Ростанъ захотѣла непремѣнно взять съ собой Наису, которая станетъ имъ прислуживать, и не послушалась возраженій дяди Микулена, объявлявшаго, что его дочь ни на чтó не годна.

Изъ дому выбрались спозаранку. Въ баркѣ находились только m-me Ростанъ, Фредерикъ, Наиса и дядя Микуленъ. Утро было восхитительное, тихое и мягкое. Море точно зеркало; синей скатертью раскидывалось оно подъ золотыми лучами солнца; въ тѣхъ

мѣстахъ, гдѣ шли теченія, море слегка трепетало, лазурь его рябилась и отливала фіолетовымъ, а въ тихихъ мѣстахъ лазурь блѣднѣла и была молочной прозрачности; казалось, что до самаго горизонта раскинули огромный лоскутъ атласа, съ радужными переливами красокъ. По этому сонному озеру барка мягко скользила. Весла дяди Микулена съ каждымъ ударомъ какъ-бы разсѣкали расплавленное золото, а лопасти ихъ, правильно взмахиваемыя, казалось увѣнчивались жемчужными ожерельями.

Высадились на узкой полосѣ земли, при входѣ въ ущелье. Тамъ была въ глубинѣ стѣна изъ утесовъ, громоздившихся одинъ надъ другимъ, которая защищала отъ солнца. Путешественники помѣстились посреди камней, на клочкѣ дерна, сожженнаго солнцемъ, который долженствовалъ служить столомъ.

Варить уху на открытомъ воздухѣ было довольно хлопотливо. Прежде всего дядя Микуленъ вернулся на барку и отправился одинъ вытаскивать корзины, которыя опустилъ въ воду наканунѣ. Когда онъ вернулся, Наиса набрала въ долинѣ тмину и лаванды, цѣлую груду сухого кустарника, достаточную, чтобы зажечь большой костеръ. Самымъ пикантнымъ въ этой прогулкѣ было то, что дядя Микуленъ самъ варилъ уху, классическую рыбную похлёбку, рецептъ которой передается рыбаками отъ отца сыну. Уха эта бѣдовая, перцу въ нее кладется гибель, а также и чесноку. Ростановъ очень забавляла варка этой похлёбки.

— Дядя Микуленъ,—говорила m-me Ростанъ, удостоивавшая пошутить въ этомъ случаѣ,—удастся ли вамъ уха въ нынѣшнемъ году такъ, какъ въ прошломъ?

Дядя Микуленъ казался очень веселымъ. Онъ вымылъ сначала рыбу въ морской водѣ, потомъ сходилъ за котелкомъ, стоявшимъ въ баркѣ. Скоро дѣло закипѣло: рыба положена въ котелокъ съ водой; туда прибавленъ перецъ, лукъ, прованское масло, чеснокъ и томаты; котелокъ поставленъ на жаркій огонь, такой огонь, на которомъ можно было бы зажарить барана. Рыбаки говорятъ обыкновенно, что вкусъ ухи зависитъ отъ того, какъ ее сварятъ: надо, чтобы котелокъ исчезалъ въ пламени. Между тѣмъ дядя Микуленъ, очень серьёзный, нарѣзывалъ хлѣбъ въ саладникъ. Черезъ полчаса, онъ налилъ бульонъ на ломти хлѣба и подалъ рыбу особенно.

— Живѣе кушайте,—говорилъ онъ,—уха хороша только горячая.

И уху съѣли, пересыпая ѣду шутками.

— Слушайте, дядя Микуленъ, вы навалили въ нее пороху.

— Она вкусна, но требуетъ желѣзнаго нёба.

Дядя Микуленъ спокойно хлебалъ уху, заѣдая ломтемъ хлѣба

каждый глотокъ и вся его манера доказывала, какъ ему было лестно завтракать вмѣстѣ съ хозяевами.

Послѣ завтрака общество осталось здѣсь въ тѣни, дожидаясь, чтобы спала большая жара. Утесы, раскаленные солнцемъ, бросали черную тѣнь. Кущи зеленыхъ дубовъ пестрили ихъ зелеными пятнами, а на склонахъ выстраивались сосновые лѣса правильными линіями, точно шеренги солдатъ. Тяжеловѣсное безмолвіе распространялось вмѣстѣ съ горячимъ воздухомъ.

M-me Ростанъ принесла свою вѣчную канвовую работу, которую она никогда не выпускала изъ рукъ. Наиса сидѣла возлѣ нея и, повидимому, не интересовалась тѣмъ, какъ ходитъ взадъ и впередъ ея иголка. Но взглядъ ея постоянно слѣдилъ за отцомъ. Онъ дремалъ, растянувшись въ нѣсколькихъ шагахъ. Немного дальше, Фредерикъ также спалъ, прикрывъ лицо соломенной шляпой.

Около четырехъ часовъ оба проснулись. Микуленъ божился, что выслѣдилъ цѣлый выводокъ куропатокъ въ глубинѣ ущелья. За три дня передъ тѣмъ онъ еще видѣлъ ихъ. Фредерикъ не устоялъ передъ искушеніемъ, и оба взялись за ружья.

— Пожалуйста,—кричала m-me Ростанъ,—будь осторожнѣе... Нога можетъ поскользнуться и легко ранить самого себя.

— Да! бываетъ,—спокойно замѣтилъ Микуленъ.

И оба ушли и исчезли за высокой стѣной утесовъ. Но Наиса вдругъ встала и пошла за ними, пробормотавъ:

— Я пойду, погляжу.

И прибавила шагу. Мужчины уже исчезли изъ виду. Вмѣсто того, чтобы идти по тропинкѣ, она свернула налѣво въ кусты и пошла торопливо, стараясь не задѣвать камней. Наконецъ, на поворотѣ дороги она увидѣла Фредерика. Должно быть, онъ уже спугнулъ куропатокъ, потому что шелъ поспѣшно, полусгорбившись и держа ружье на-готовѣ. Но она все еще не видѣла отца. И вдругъ замѣтила его по другую сторону оврага, на томъ самомъ склонѣ, гдѣ она находилась; онъ присѣлъ на корточкахъ и какъ будто чего-то дожидался. Раза два онъ поднималъ ружье и опускалъ его. Если бы куропатки поднялись между ними, то оба охотника, стрѣляя, могли попасть другъ въ друга. Наиса, скользя отъ кустарника къ кустарнику, пробралась къ старику и стоя за его спиной, блѣдная и взволнованная, дожидалась.

Минуты протекали. Напротивъ Фредерикъ исчезъ въ углубленіи почвы. Но вотъ онъ снова появился и остановился неподвижно. Тогда Микуленъ опять приподнялъ ружье и прицѣлился въ молодого человѣка, но ударомъ ноги Наиса приподняла дуло и ружье выстрѣ-

лило на воздухъ съ страшнымъ грохотомъ, подхваченнымъ эхомъ въ ущельѣ.

Старикъ поднялся на ноги и, увидя Наису позади себя, схватилъ свое ружье, которое еще дымилось, за дуло, точно собирался убить ее прикладомъ.

Молодая дѣвушка стояла блѣдная, какъ смерть, но съ сверкающими глазами. Онъ не осмѣлился ударить ее, и только прошепталъ на мѣстномъ нарѣчіи, весь дрожа отъ ярости:

— Постой, постой, я его убью.

Выстрѣлъ арендатора поднялъ куропатокъ и Фредерикъ убилъ двухъ. Къ шести часамъ вечера Ростаны вернулись въ Бланкарду. Дядя Микуленъ гребъ съ обычнымъ видомъ спокойнаго и упрямаго звѣря.

V.

Сентябрь былъ на исходѣ. Послѣ разыгравшейся сильной грозы, воздухъ сталъ прохладенъ. Дни становились короче, и Наиса больше не приходила на ночныя свиданья, отговариваясь тѣмъ, что она устала и что они могутъ простудиться на сырой землѣ. Но такъ какъ она являлась въ домъ въ шесть часовъ утра, а m-me Ростанъ вставала не раньше девяти, то она проходила въ комнату Фредерика и оставалась съ нимъ нѣсколько минутъ, насторожившъ уши и прислушиваясь черезъ открытую дверь.

Въ этотъ періодъ ихъ любви Наиса выказывала наибольшую нѣжность къ Фредерику. Она охватывала руками его шею, приближала къ себѣ его лицо и такъ страстно вглядывалась въ него, что слезы навертывались у ней на глазахъ. Она каждую минуту опасалась лишиться его; ей все казалось, что она видитъ его въ послѣдній разъ. И вотъ, порою она осыпала его лицо поцѣлуями, какъ-бы выражая этимъ, что съумѣетъ защитить его.

— Что это съ Наисой?—говаривала зачастую m-me Ростанъ.—Она мѣняется не по днямъ, а по часамъ.

И въ самомъ дѣлѣ, Наиса худѣла и щеки ея впали. Можно было подумать, что какой-то внутренній огонь пожираетъ ее. Глаза ея стали мутнѣе прежняго. Молчитъ, бывало, по цѣлымъ днямъ и вдругъ встрепенется, словно выходя изъ забытья.

— Дитя мое, если вы больны, то надо лечиться,—повторяла старуха Ростанъ.

— О, нѣтъ, сударыня, я здорова, я счастлива.... Никогда я не была такъ счастлива.

Однажды утромъ, Наиса, помогая хозяйкѣ считать бѣлье, осмѣлилась даже пуститься въ разспросы.

— Вы, значить, нынѣшній годъ останетесь въ Бланкардѣ до поздней осени?

— До конца октября,—отвѣчала m-me Ростанъ.

И Наиса, устремивъ глаза въ пространство, погруженная въ глубокую думу, безсознательно выговорила вслухъ:

— Еще двадцать дней.

Въ ней кипѣла непрерывная борьба, и эта-то борьба пожирала ее, точно скрытая болѣзнь. Ей бы хотѣлось, чтобы Фредерикъ оставался съ ней, и вмѣстѣ съ тѣмъ, она каждую минуту готова была закричать ему:—уѣзжай!

Сама она погибла безвозвратно; никогда не повторится для нея это время любви, она знала это съ перваго же поцѣлуя, и даже разъ вечеромъ, когда тоска особенно грызла ее, она подумала: ужъ не лучше ли предоставить отцу убить Фредерика, чтобы онъ ей одной принадлежалъ въ могилѣ и не доставался бы никому; но мысль о томъ, что онъ умретъ, станетъ холоднымъ трупомъ, онъ!—такой деликатный, такой бѣленькій, болѣе женственный, нежели она сама, была ей нестерпима и она ужаснулась своей гнусной мысли. Нѣтъ, нѣтъ, она спасетъ его, онъ объ этомъ никогда не узнаетъ, онъ скоро ее разлюбитъ; но она будетъ счастлива тѣмъ, что онъ живъ и любилъ ее когда-то.

Часто она говорила ему по-утру:

— Не выходи изъ дому, не ѣзди въ море, воздухъ нездоровый.

Въ другой разъ она совѣтовала ему уѣхать.

— Тебѣ, должно быть, скучно, ты меня разлюбишь.... Съѣзди на нѣсколько деньковъ въ Э. или въ Марсель.

Онъ дивился этимъ капризамъ. Онъ находилъ, что Наиса подурнѣла съ тѣхъ поръ, какъ похудѣла, и ея оригинальная любовь начинала ему пріѣдаться. Онъ началъ съ удовольствіемъ вспоминать про одеколонъ и рисовую пудру дѣвицъ, которыхъ онъ посѣщалъ въ городѣ.

„Я его убью.... я его убью“.... Эти слова безпрерывно звучали въ ушахъ Наисы. Ночью она просыпалась, потому что ей казалось во снѣ, что она слышитъ выстрѣлы. Она становилась нервна, вскрикивала, если, бывало, камень покатится подъ ея ногами. Она тревожно разспрашивала, гдѣ „monsieur“ Фредерикъ, какъ только его не было у ней на глазахъ. Ее ужасало упрямое молчаніе дяди Микулена, въ которомъ ей слышалось: „я его убью“. Онъ больше не сдѣлалъ ни одного намека, ни одного жеста, не проронилъ ни слова; но для нея

взгляды старика, каждый его шагъ, весь его видъ говорили, что онъ убьетъ молодого человѣка при первомъ удобномъ случаѣ. Но только онъ не желалъ, чтобы его притянули къ отвѣту. Позднѣе онъ увидитъ, какъ ему поступить съ Наисой. Пока онъ подчивалъ ее пинками, какъ провинившееся животное.

— А что, отецъ твой по прежнему грубъ?—спросилъ однажды утромъ Фредерикъ, курившій папиросу въ постелѣ, между тѣмъ какъ она ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, прибирая ее.

— Да, да,—отвѣчала она,—онъ съ ума сошелъ,—и показала свои ноги сплошь покрытыя синяками. Затѣмъ повторила глухо слова, вырывавшіяся у ней по временамъ: — о! когда-нибудь этому будетъ конецъ.

Въ первыхъ числахъ октября она стала еще угрюмѣе. Она была разсѣянна, шевелила губами, точно разговаривала сама съ собой. Фредерикъ нѣсколько разъ видѣлъ ее на берегу моря, гдѣ она оглядывала деревья и какъ будто измѣряла взглядомъ глубину бездны. Нѣсколько дней спустя, онъ увидѣлъ ее въ обществѣ Туасса, горбуна; они собирали фиги съ деревьевъ. Туассъ приходилъ помогать Микулену, когда работы накоплялось слишкомъ много. Онъ стоялъ подъ деревомъ, а Наиса, сидя на толстой вѣткѣ, шутила съ нимъ; она приказывала ему открывать ротъ и бросала ему прямо въ лицо фиги. Бѣднякъ закрывалъ глаза, открывалъ ротъ и его широкое лицо выражало безграничное блаженство. Въ другіе разы Фредерику показалось, что Наиса очень добра съ горбуномъ; она позволяла ему быть съ ней, тогда какъ прежде постоянно отгоняла отъ себя; горбунъ, повидимому, не чувствовалъ ногъ подъ собой и какъ будто выросталъ и выпрямлялся отъ радости.

Конечно, Фредерикъ не ревновалъ ее, но не могъ не подшутить надъ ней.

— Туассъ бросится въ огонь за насъ,—замѣтила она коротко.— Не надо его обижать; онъ можетъ намъ пригодиться.

И Туассъ почти ежедневно приходилъ въ Бланкарду. Онъ работалъ подъ оливковыми деревьями на крутомъ берегу и рылъ узкую канаву для проведенія воды на другой конецъ помѣстья, гдѣ хотѣли развести огородъ. Иногда Наиса приходила взглянуть, какъ онъ работаетъ, и они оживленно бесѣдовали между собой. Онъ такъ долго копался за этой работой, что дядя Микуленъ началъ обзывать его лѣнтяемъ и угощать пинками, какъ и дочь.

Выдались два дождливыхъ денька. Фредерикъ, собиравшійся вернуться въ Э. на будущей недѣлѣ, рѣшилъ, что до отъѣзда съѣздить въ море на рыбную ловлю съ дядей Микуленомъ; и видя, что Наиса

поблѣднѣла при этомъ извѣстіи какъ смерть, засмѣялся, говоря, что на этотъ разъ выберетъ такой день, когда не будетъ сѣверо-западнаго вѣтра. И такъ какъ онъ долженъ былъ скоро уѣхать, она согласилась придти еще разъ на ночное свиданіе. Въ часъ ночи они сошлись на террасѣ. Дождь омылъ землю, сильный ароматъ несся отъ освѣжившейся зелени. Когда эта изсушенная земля сильно промокнетъ, она одѣвается въ необыкновенно яркіе цвѣта и издаетъ сильные ароматы: красная глина становится кроваваго цвѣта, сосны отливаютъ изумрудами, утесы бѣлѣютъ, какъ только-что вымытое бѣлье. Но ночью любовники могли только догадываться объ этой обновленной красѣ природы и чувствовали только ея ароматъ.

Привычка привела ихъ подъ оливковыя деревья. Фредерикъ направился-было къ тому, которое пріютило ихъ первыя ласки; оно росло совсѣмъ на краю обрыва, но Наиса, какъ-бы опомнившись, схватила его за руку, говоря испуганнымъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сюда!

— Что съ тобой?—спросилъ онъ.

Она что-то бормотала; наконецъ сказала, что послѣ такого дождя, какъ вчерашній, на краю обрыва не безопасно, и прибавила:

— Прошлою зимою тамъ произошелъ обвалъ.

Они отошли назадъ и усѣлись подъ другимъ оливковымъ деревомъ, и тутъ провели свою послѣднюю ночь. Наиса обнимала Фредерика со страстью и печалью. Вдругъ она заплакала, но не хотѣла объяснить причины своихъ слезъ. Затѣмъ стала разсѣянна и какъ будто холодна; Фредерикъ поддразнилъ ее, что она стала скучать съ нимъ, и она какъ безумная обняла его, бормоча:

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого.... Я тебя слишкомъ люблю... Но видишь-ли, мнѣ сегодня нездоровится. И, кромѣ того, ты уѣзжаешь.... Ахъ! Боже мой! все кончено! все кончено!...

Онъ старался утѣшить ее, говоря, что будетъ наѣзжать по временамъ и что будущею осенью они опять проведутъ два мѣсяца вмѣстѣ; она качала головой, она хорошо понимала, что все кончено. Свиданіе ихъ окончилось въ смущенномъ молчаніи; они глядѣли на море, на Марсель, сверкавшую огнями, на маякъ Планье, горѣвшій уединенно и печально, и мало-по-малу обширный горизонтъ навѣялъ на нихъ грусть. Когда Фредерикъ, около трехъ часовъ, разставался съ Наисой, онъ поцѣловалъ ее и почувствовалъ, что она вся оледенѣла и дрожитъ въ его объятіяхъ.

Молодой человѣкъ не могъ уснуть. Онъ читалъ до самаго утра, и весь, разломанный отъ безсонницы, подошелъ къ окну на разсвѣтѣ.

Какъ разъ въ эту минуту дядя Микуленъ собирался ѣхать за рыбой и проходя по террасѣ поднялъ голову и увидѣлъ хозяина.

— Ну что-жъ, monsieur Фредерикъ, не поѣдемъ-ли сегодня на ловлю?—спросилъ онъ.

— Ахъ! нѣтъ, дядя Микуленъ,—отвѣчалъ молодой человѣкъ,—я совсѣмъ не выспался сегодня... Завтра, какъ мы уже рѣшили.

Арендаторъ покачалъ головой и удалился, волоча ноги. Онъ долженъ былъ спуститься къ морю къ баркѣ, привязанной къ берегу, какъ разъ подъ оливковымъ деревомъ, укрывавшимъ любовь его дочери. Когда онъ исчезъ изъ виду, Фредерикъ, поднявъ глаза, удивился, увидя Туасса уже за работой; онъ стоялъ подъ оливковымъ деревомъ съ заступомъ въ рукѣ, поправляя канаву, которую подмылъ сильный дождь. Воздухъ былъ очень свѣжъ, у окна было хорошо. Молодой человѣкъ отошелъ отъ него, чтобы взять папиросы. Но въ то время, какъ онъ медленно подходилъ къ окну, чтобы облокотиться на него, послышался ужасающій шумъ, точно громовой раскатъ; онъ опрометью бросился къ окну.

То былъ обвалъ. Онъ увидѣлъ Туасса, бѣгущаго со всѣхъ ногъ, размахивая заступомъ въ облакахъ пыли. На краю бездны старое оливковое дерево, съ громадными, раскидистыми вѣтвями, обвалилось и трагически рухнуло въ море. Съ поверхности воды поднялся цѣлый столбъ брызгъ и пѣны. Между тѣмъ страшный крикъ пронесся въ воздухѣ, и Фредерикъ увидѣлъ Наису, которая, перегнувшись черезъ парапетъ террассы, старалась увидѣть, что̀ происходитъ внизу у моря. Она словно окаменѣла въ своей позѣ. Но, должно быть, почувствовала, что на нее смотрятъ, потому что оглянулась и, увидя Фредерика, закричала:

— Гдѣ отецъ, гдѣ отецъ!

Часъ спустя обвалъ раскопали и подъ обломками нашли страшно изуродованное тѣло Микулена. Туассъ, блѣдный и дрожащій, разсказывалъ, что и его чуть не снесло, и весь околотокъ рѣшилъ, что не слѣдовало проводить ручья наверху, потому что вода просачивается и подмываетъ берегъ. Тётка Микуленъ очень плакала. Наиса проводила отца на кладбище съ сухими и воспаленными глазами, въ которыхъ не было ни слезинки.

На другой день послѣ событія, m-me Ростанъ непремѣнно захотѣла вернуться въ Э. Фредерикъ былъ очень радъ этому отъѣзду, въ виду того, что любовь его завершилась такой страшной драмой; къ тому же, рѣшительно крестьянки не сто̀ятъ горожанокъ. Онъ повелъ прежнюю жизнь. Мать, тронутая самоотверженіемъ, съ какимъ онъ оставался съ ней въ Бланкардѣ, предоставила ему бо̀льшую сво-

боду, и онъ провелъ веселую зиму, приглашая къ себѣ красотокъ Марсели, для которыхъ нанималъ комнату въ предмѣстьѣ. Онъ проводилъ ночи внѣ дома, возвращался въ большой холодный отель въ улицѣ Коллежъ только въ тѣ часы, когда его присутствіе было тамъ неизбѣжно. Онъ разрѣшилъ задачу: угождать родителямъ и вмѣстѣ съ тѣмъ жить въ свое удовольствіе, и надѣялся, что и всю жизнь проведетъ такимъ образомъ.

На святой Ростану пришлось съѣздить въ Бланкарду. Фредерикъ нашелъ предлогъ, чтобы не сопутствовать ему. Когда стряпчій вернулся, то сказалъ за завтракомъ:

— Наиса выходитъ замужъ.

— Ба!—вскричалъ Фредерикъ, немного удивленный.

— И вы ни за что не угадаете за кого, — продолжалъ отецъ. — Она выставила мнѣ такіе хорошіе резоны...

Наиса выходила замужъ за Туасса, горбуна. Такимъ образомъ ничто въ Бланкардѣ не измѣнится. Туассъ сдѣлается арендаторомъ; со времени смерти Микулена надзоръ за помѣстьемъ былъ порученъ ему. Фредерикъ слушалъ все это, смущенно улыбаясь. Затѣмъ нашелъ самъ, что все устроилось къ лучшему.

— Наиса очень постарѣла и подурнѣла,—добавилъ Ростанъ.—Я ее просто не узналъ. Удивительно, какъ эти крестьянки скоро отцвѣтаютъ. Она вѣдь была очень хороша собой, наша Наиса.

— Да! какъ полевой цвѣтокъ!—замѣтилъ Фредерикъ, доѣдая котлетку.

Эмиль Зола.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

съ 20 іюля по 20 августа.

Мы могли только упомянуть въ предшествующемъ обозрѣніи о неудачѣ второго сраженія подъ Плевной, 18 іюля. Но такъ какъ это сраженіе имѣло большое вліяніе на дальнѣйшій ходъ дѣлъ и вызвало большую перемѣну въ настроеніи общества, смѣнивъ чрезмѣрную увѣренность, порожденную первыми успѣхами, на преувеличенное разочарованіе, то на битвѣ подъ Плевной слѣдуетъ нѣсколько остановиться, прежде чѣмъ продолжать нашъ общій обзоръ.

Послѣ неудачи первой атаки на Плевно, произведенной 8 іюля одною и то неполною дивизіею корпуса генерала Криденера (9-го корпуса, взявшаго передъ тѣмъ Никополь), состоявшею подъ начальствомъ генерала Шильдера-Шульднера, генералъ Криденеръ двинулся по направленію къ Плевнѣ къ Бресляницѣ, съ остальными частями своего корпуса и въ Никополѣ оставивъ румынскія войска съ однимъ костромскимъ полкомъ. Къ 14 іюля прибыли къ генералу Криденеру подкрѣпленія, направленныя къ нему его высочествомъ главнокомандующимъ; подкрѣпленія эти состояли изъ 30-й пѣхотной дивизіи, принадлежавшей къ составу 4-го корпуса, только-что перешедшей черезъ Дунай, изъ 1-й бригады 32-й пѣхотной дивизіи и одной бригады 11-й кавалерійской дивизіи. Эти послѣднія двѣ бригады, пѣхотная и кавалерійская, были взяты изъ состава 11-го корпуса, генерала князя Шаховскаго, который самъ привелъ ихъ къ генералу Криденеру и сохранилъ ближайшее надъ ними начальство.

Силы генерала Криденера, включая подкрѣпленія, состояли изъ 36-ти баталіоновъ, 30-ти эскадроновъ и 186 орудій. Всѣ эти силы были постепенно вводимы въ бой 18 числа, такъ что при концѣ въ резервѣ оставались всего одинъ баталіонъ и одинъ эскадронъ съ двумя орудіями. При такой ничтожности остававшагося резерва, отступленіе наше въ ночь на 14-іюля могло принять иной характеръ, чѣмъ оно имѣло; но, къ счастью, къ ночи подошелъ изъ Систова еще одинъ полкъ, который и былъ выдвинутъ на позицію для прикрытія.

Въ общемъ составѣ, генералъ Криденеръ располагалъ для атаки Плевны около 35-ти тысячъ человѣкъ, между тѣмъ, какъ у Османа паши было отъ 60 до 70-ти тысячъ человѣкъ, занимавшихъ позиціи

весьма сильныя по природѣ мѣстности и, сверхъ того, сильно укрѣпленныя. Вотъ этимъ неравенствомъ силъ совершенно достаточно объясняется какъ истощеніе резервовъ, такъ и окончательный исходъ дѣла. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ много было разныхъ сужденій по этому поводу. Но окончательнаго сужденія произнесть нельзя вотъ почему: съ одной стороны, генералъ Криденеръ, получивъ приказаніе взять Плевно, долженъ былъ сдѣлать для того всѣ усилія, такъ какъ корпусный командиръ не можетъ ни разсуждать по поводу даннаго ему приказанія, ни даже знать окончательной его цѣли, обусловленной общимъ планомъ; съ другой же стороны, спрашивается, каковы были тѣ свѣдѣнія о дѣйствительной численности непріятеля въ Плевнѣ, которыя имѣлись въ главной квартирѣ и которыя могли быть доставлены ей только самимъ же генераломъ Криденеромъ?

Генералъ Криденеръ расположилъ свои войска для атаки такимъ образомъ: на крайнемъ правомъ флангѣ кавалерійскій отрядъ генерала Лашкарева, для охраненія фланга и дѣйствія въ тылъ турокъ, въ случаѣ ихъ отступленія; на правомъ флангѣ отрядъ генерала Вельяминова для дѣйствія на Плевно къ сѣверу отъ плевно-бѣльскаго шоссе, прямо на главный редутъ; этотъ отрядъ былъ сильнѣйшимъ; при немъ находилось 80 орудій, изъ которыхъ, впрочемъ, только половина могла быть употреблена, по условіямъ мѣстности; далѣе, на лѣвомъ флангѣ, отрядъ кн. Шаховского, при 48 орудіяхъ; его назначеніемъ было: выйдя изъ Порадима, атаковать непріятельскую позицію между деревнями Гривицею и Радишевымъ, то-есть идти на городъ Плевно съ востока; наконецъ, на крайнемъ лѣвомъ флангѣ кавалерійскій отрядъ генерала Скобелева съ однимъ батальономъ пѣхоты; его назначеніемъ было: выйдя изъ деревни Боготъ, стать на сообщенія Плевны съ Ловчей, наблюдая въ особенности за Ловчей. Сверхъ того, обоимъ крайнимъ фланговымъ отрядамъ предписано было въ случаѣ отступленія турокъ, перейти рѣку Видъ и отрѣзать туркамъ путь отступленія къ Софіи. Оба крайніе фланговые отряды имѣли нѣкоторое число артиллеріи, а связь между крайнимъ правымъ отрядомъ и правымъ флангомъ, затѣмъ между правымъ и лѣвымъ флангами поддерживалась нѣсколькими эскадронами кавалеріи.

Затѣмъ, у Порадима и Пелишаты расположенъ былъ общій резервъ, изъ пѣхоты и одного дивизіона кавалеріи, при 30 орудіяхъ, подъ личнымъ начальствомъ самого барона Криденера. Но какъ уже замѣчено выше, резервъ этотъ былъ постепенно истощенъ въ атакѣ. На крайнемъ правомъ флангѣ оставалось спокойно до самаго конца боя. Результаты его мы изложимъ по порядку слѣва на право.

Отрядъ генерала Скобелева подошелъ къ Плевнѣ, черезъ деревню Кришину, на разстояніи всего 300 саженъ отъ городского предмѣстья,

и увидѣлъ, что между высотами Гривицы и Плевной стоялъ непріятельскій резервъ около 20 тысячъ человѣкъ пѣхоты и кавалерія, расположенная на дорогѣ къ Софіи. Встрѣченный энергическою атакою турокъ, генералъ Скобелевъ отошелъ къ Кришинѣ, а затѣмъ, отрядивъ часть войска для охраненія тыла со стороны Ловчи, напрягъ всѣ свои усилія на одну позицію къ югу отъ Плевны, съ которой турки могли бы взять во флангъ наши войска лѣваго фланга (князя Шаховскаго); затѣмъ принужденъ былъ отступить къ Боготу, принеся пользу поддержкой, оказанной имъ князю Шаховскому.

Войска лѣваго фланга, князя Шаховскаго, заняли деревню Радишево и начали артиллерійскій бой противъ укрѣпленія на правомъ флангѣ непріятеля, затѣмъ взяли ихъ послѣ убійственной аттаки съ открытой мѣстности на стрѣлявшія за гребнями укрѣпленій сплошныя линіи турецкой пѣхоты, которыя производили огонь, „подобный дѣйствію нѣсколькихъ десятковъ картечницъ", какъ сказано въ оффиціальномъ описаніи; передовыя войска князя Шаховскаго, подъ начальствомъ генерала Горшкова, подавались впередъ лощиной до мельницъ впереди Плевны, порою уступая передъ натискомъ свѣжихъ силъ непріятеля, затѣмъ подаваясь снова впередъ; но при наступленіи темноты, когда непріятель вывелъ новыя подкрѣпленія, отступили назадъ на высоты впереди деревни Радишева, и, переночевавъ тамъ, не будучи преслѣдуемы, возвратились 19 числа въ деревню Порадимъ.

Войска праваго фланга, генерала Вельяминова, двинулись къ главному турецкому редуту, и съ 9 до 2¾ часовъ обстрѣливали его артиллеріею. Этотъ редутъ, по словамъ оффиціальнаго описанія, „составлявшій тактическій ключъ позиціи", имѣлъ очень сильную профиль, былъ приспособленъ какъ для артиллерійской, такъ и для ружейной обороны; послѣдняя устроена была въ три яруса: съ бруствера, изъ рва и изъ траншей, лежащихъ впереди и по флангамъ редута. Густой туманъ скрывалъ сперва расположеніе турокъ и только съ 9-ти часовъ сталъ видѣнъ самый редутъ. Получивъ отъ князя Шаховскаго донесеніе, что лѣвымъ флангомъ начато наступленіе, баронъ Криденеръ предписалъ въ 2¾ часа генералу Вельяминову также начать аттаку. Пензенскій полкъ бросился въ штыки и занялъ первый рядъ ложементовъ, подъ убійственнымъ огнемъ непріятеля, затѣмъ—второй рядъ ложементовъ, обратилъ непріятеля въ оврагъ и одинъ батальонъ того же полка взобрался на противоположный берегъ оврага, и подошелъ къ самому редуту. Затѣмъ командиръ этого баталіона, маіоръ Ковалевскій, съ тремя стрѣлковыми ротами выбилъ турокъ изъ передовыхъ траншей редута и бросился на брустверъ, но на вершинѣ его былъ изрубленъ ятаганами. Страшный огонь съ фронта и съ обоихъ фланговъ поражалъ пензенскій полкъ, который

и долженъ былъ, наконецъ, отступить, потерявъ треть своихъ солдатъ и половину своихъ офицеровъ. За пензенскимъ, пошелъ на редутъ козловскій полкъ, и тоже не смогъ взять редута. Слѣдующая бригада, подъ начальствомъ начальника дивизіи генерала Шильдера, также выбила турокъ изъ ложементовъ и бросилась на редутъ, но безуспѣшно. Самъ генералъ Вельяминовъ съ тамбовскимъ полкомъ и однимъ батальономъ козловскаго повелъ атаку на редутъ съ другой стороны, но не могъ дойти до редута: „люди падали такими массами, что груды убитыхъ и раненыхъ затрудняли движеніе".

Генералъ Криденеръ постепенно посылалъ подкрѣпленія изъ общаго резерва, какъ генералу Вельяминову, такъ и генералу Шаховскому; къ послѣднему былъ посланъ одинъ полкъ, который пришелъ не на то мѣсто, гдѣ былъ самъ генералъ Шаховской, а потому и не былъ употребленъ въ дѣло, такъ какъ князь Шаховской до самаго конца боя не зналъ, что этотъ полкъ (коломенскій) къ нему прибылъ. Когда наступилъ вечеръ, генералъ Криденеръ еще разъ велѣлъ аттаковать редутъ, истощивъ для того почти совершенно резервы, но успѣха не было. Наступила темнота, и генералъ Криденеръ предписалъ общее отступленіе. Но войска, остававшіяся около редута, по словамъ оффиціальнаго описанія, „только къ утру 19-го іюля удалось вывести оттуда".

Войска окончательно расположились 19 числа на тѣхъ же позиціяхъ, на которыхъ ночевали передъ аттакой; преслѣдованія не было. Потери наши въ этомъ дѣлѣ были весьма велики. Оффиціальная цифра: болѣе 5,000 человѣкъ, была сообщена въ то время, когда потери генерала Криденера не были еще приведены въ извѣстность. По окончательнымъ же свѣдѣніямъ, не получившимъ, впрочемъ, никакого оффиціальнаго подтвержденія, вся наша потеря составила до 10 тыс. человѣкъ. Съ нѣкоторыхъ позицій, на которыхъ ночевали передовыя войска, они слышали вопли раненыхъ, умерщвляемыхъ турками, такъ какъ при совершенной темнотѣ не всѣ раненые, конечно, могли быть подобраны. Одинъ изъ транспортовъ раненыхъ, направленный чрезъ Болгарени на Систово, произвелъ своими разсказами о неудачѣ — настоящую панику въ Систовѣ. Жители и интендантскіе транспорты бросились на мостъ и пришлось загородить его, опрокинувъ нѣсколько повозокъ, пока не разъяснилось, что турки не идутъ на Систово, какъ гласила молва.

Событія на европейскомъ театрѣ войны за описываемый нами мѣсяцъ можно охарактеризовать двукратной перемѣной счастья: сперва оно измѣнило намъ подъ Плевной, потомъ измѣнило туркамъ на Шипкѣ. Наша неудача повлекла за собой измѣненіе въ нашемъ образѣ дѣйствій. Набѣгъ генерала Гурко, выдвинувшагося за Балканы,

долженъ былъ прекратиться, а главныя силы нѣсколько стянулись отъ Рущука и Тырнова ближе къ нашей главной переправѣ—Систову, причемъ однако и подъ Рущукомъ и въ Тырновѣ оставлены были войска. Наши главныя силы расположились вѣеромъ отъ Рущука до Никополя, параллельно рѣкамъ Кара-Лому, Янтрѣ и Осмѣ, имѣя главную квартиру въ Горномъ Студенѣ, между Бѣлой и Болгарени. Такимъ образомъ, наша армія дѣлала фронтъ въ обѣ стороны, то-есть какъ по направленію къ восточной турецкой арміи Мехмеда-Али-паши, расположенной на линіи Рущукъ—Разградъ—Эски-Джума и Османъ-Базаръ,—такъ и по направленію къ западной турецкой арміи Османа-паши, расположенной на линіи Плевно-Сельви, имѣя въ тылу у себя Виддинъ и Софію.

Въ такомъ расположеніи наша армія ожидала подкрѣпленій, необходимыхъ для того, чтобы дѣйствовать противъ той или другой изъ турецкихъ армій, которыя также продолжали усиливаться весьма значительными подкрѣпленіями. Но въ то же время, мы должны были оставить въ связи съ главными силами, но внѣ непосредственнаго района ихъ дѣйствій: во-первыхъ—корпусъ генерала Циммермана въ Добруджѣ, удерживающій передовыми своими частями линію Черноводы—Кюстендже; во-вторыхъ—отрядъ генерала Гурко, стянувшійся изъ долины Тунджи къ тремъ занятымъ имъ балканскимъ проходамъ и корпусъ генерала Радецкаго, протянутый отъ рѣки Янтры въ Тырновѣ на Сельви и Габрово. Отозвать отрядъ генерала Гурко и корпусъ генерала Радецкаго къ главнымъ силамъ—значило отдать проходы чрезъ средній Балканъ, столь удачно нами пріобрѣтенные и, сверхъ того,—подвергнуть все населеніе центральной Болгаріи, отъ Эски-Загры до Тырнова, тому страшному истребленію, которое уже постигло болгарское населеніе въ Плевнѣ, Ловчѣ и Эски-Загрѣ. Коль скоро мы оставляли отрядъ на Шипкѣ, мы не могли не обезпечивать сообщенія съ нимъ чрезъ Тырново и Габрово, а вмѣстѣ не держать достаточныхъ силъ въ Сельви, то-есть на пути отъ Ловчи къ Казанлыку, иначе Мехмедъ-Али и Османъ могли подать другъ другу руку въ Тырновѣ или одинъ Османъ изъ Ловчи ударилъ бы на Габрово, то-есть послалъ бы отрядъ на сообщенія нашего шипкинскаго отряда.

Вотъ тѣ соображенія, которыя дѣлали необходимымъ—разъ балканскіе проходы были заняты—держать впереди нашихъ главныхъ силъ и посреди цѣлыхъ трехъ турецкихъ армій длинную и по необходимости—тонкую стратегическую кишку, которая представлялась корпусомъ генерала Радецкаго и шипкинскимъ отрядомъ. Имѣть такую кишку было, разумѣется, очень невыгодно. Непріятель, поставивъ на южномъ склонѣ Балканъ корпусъ Сулеймана-паши, ото-

званный изъ Черногоріи и впослѣдствіи значительно усиленный, могъ обойти отрядъ генерала Гурко, чрезъ одинъ изъ незанятыхъ нами балканскихъ проходовъ, и отрѣзать сообщеніе нашей передовой дружинѣ, а одновременно съ востока Мехмедъ-Али и съ запада Османъ могли перерѣзать длинную и тонкую линію расположенія генерала Радецкаго, обороняемую однимъ его корпусомъ. Но дѣлать было нéчего: проходы чрезъ Балканы были прежде заняты, населеніе средней Болгаріи компрометтировалось передъ турками самымъ учрежденіемъ болгарской администраціи княземъ Черкасскимъ въ Тырновѣ—и затѣмъ оставалось только сообразоваться съ этими фактами.

Скажемъ теперь въ нѣсколькихъ словахъ, чтò происходило на южномъ склонѣ Балканъ послѣ перехода чрезъ нихъ генераломъ Гурко и до усиленной аттаки шипкинскаго перевала Сулейманомъ-пашей въ половинѣ августа.

Овладѣвъ тремя балканскими проходами, генералъ Гурко, съ главными своими силами, направился къ Іени-Загрѣ, и въ самый день второго сраженія подъ Плевной, 18 числа, разбилъ передовой отрядъ Сулеймана-паши, спѣшившаго на защиту пути къ Адріанополю. На слѣдующій день ген. Гурко разбилъ другой авангардъ Сулеймана при Эски-Загрѣ. Но, видя затѣмъ наступленіе всѣхъ силъ Сулеймана, тысячъ около 25, ген. Гурко долженъ былъ отступать изъ долины Тунджи обратно къ проходамъ. При этомъ отрядъ его былъ перерѣзанъ на-двое, а именно отъ него были отрѣзаны оставшіяся въ Эски-Загрѣ болгарскія дружины, съ полкомъ нашей регулярной кавалеріи, при которыхъ находились герцоги Николай и Евгеній Лейхтенбергскіе. Отрядъ герцоговъ успѣлъ, однако, пробиться къ главнымъ силамъ ген. Гурко, но потерявъ при этомъ половину болгарскихъ ратниковъ и везя своихъ раненыхъ на телѣгахъ, рысью, такъ что большой процентъ ихъ погибъ на пути. Затѣмъ населеніе Эски-Загры и другихъ окрестныхъ городовъ было вырѣзано турками.

Когда Сулейманъ, собравъ все свое войско и получивъ большія подкрѣпленія не только изъ Черногоріи, но, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, и отъ Мехмеда-Али, изъ четыреугольника, такъ что армія его составила до 50 т. чел., онъ принялъ на себя починъ въ общемъ наступленіи всѣхъ трехъ турецкихъ армій: южной (Сулеймана), западной (Османа) и восточной (Мехмеда). Каковъ былъ основной планъ этого наступленія—доселѣ не выяснилось. О немъ высказывались два мнѣнія. По одному изъ нихъ—турки имѣли въ виду, прорвавшись съ юга чрезъ горные проходы, соединить всѣ свои три арміи и общимъ концентрическимъ наступленіемъ на наши главныя силы отбросить насъ за Дунай. По другому — турки усиленною аттакою проходовъ думали побудить насъ выдвинуть большія силы на линію къ Тыр-

нову и Шипкѣ, и тогда взять эту линію во флангъ съ обѣихъ сторонъ, то-есть какъ со стороны Плевно, такъ и со стороны Османъ-Базара, имѣя общимъ объективомъ—Тырново.

Какъ бы то ни было, Сулейманъ уже 4 августа сильно аттаковалъ Ханкіойскій перевалъ, причемъ одновременно были произведены рекогносцировки со стороны Османъ-Базара и Плевно. Но аттака Сулеймана на Ханкіойскій проходъ была отбита, и Сулейманъ не повторилъ ее, имѣя въ виду, конечно, неудобства этого прохода для большой арміи. Онъ предпочелъ обратиться серьёзно на Шипкинскій перевалъ, какъ наиболѣе удобный изъ всѣхъ въ этомъ районѣ балканскаго хребта. Мы не знаемъ съ достовѣрностью, командовалъ ли еще генералъ Гурко балканскимъ отрядомъ при отраженія аттаки на Ханкіой. Едва ли, потому что послѣ того, какъ второе дѣло при Плевнѣ, выяснивъ затруднительность и даже опасность для насъ удлиненной операціонной линіи до Балканъ при необезпеченности фланговъ, отъ отряда, бывшаго прежде въ распоряженія ген. Гурко, была оттянута вся кавалерія, а вмѣстѣ и три-четверти составлявшихъ его войскъ, такъ что собственно на Шипкѣ у насъ осталось всего около трехъ тысячъ человѣкъ, а именно орловскій пѣхотный полкъ и болгарскія дружины, въ составѣ, значительно уменьшенномъ предшествовавшими дѣйствіями. Войска же 8-го корпуса (генерала Радецкаго), обезпечивавшія сообщенія съ балканскимъ отрядомъ, какъ уже сказано выше, должны были занимать Тырново, на случай флангового движенія турокъ съ востока (которые доходили до селенія Димиркіой въ 35-ти верстахъ отъ Тырнова), и защищать Сельви, на случай движенія турокъ съ запада, изъ Ловчи.

Такимъ образомъ, генералъ Радецкій, въ случаѣ наступленія большой опасности для Шипки, во-первыхъ, не могъ повесть на помощь туда болѣе одной дивизіи своего корпуса, а во-вторыхъ, не могъ подать этой помощи ближе какъ изъ Сельви и Тырнова. По свидѣтельству корреспондентовъ, между Тырновымъ, Сельви и Шипкой не было ни одного русскаго солдата. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду; оно объясняетъ весь ходъ дѣла во время семидневнаго боя на Шипкѣ.

Самому ген. Гурко было поручено ѣхать на встрѣчу 2-й гвардейской кавалерійской дивизіи, которой онъ числился начальникомъ; но такъ какъ рѣшено было держать отрядъ на Шипкѣ, а не оставить совсѣмъ проходы, то если бы этотъ передовой отрядъ былъ хоть вдвое сильнѣе и если бы хоть часть войскъ 8-го корпуса стояла ближе къ Шипкѣ, чѣмъ въ Сельви и Тырновѣ, тогда Сулейманъ, при аттакѣ Шипки съ фронта, понесъ бы еще бóльшія потери, чѣмъ тѣ, которыя онъ потерпѣлъ, а наша позиція на Шипкѣ не подвергалась бы

той серьёзной опасности, какая ей угрожала до прибытія ген. Радецкаго. По увѣренію корреспондентовъ „Daily News“ и „Голоса“, былъ такой моментъ кризиса, когда лишнія „нѣсколько минутъ“ повели бы къ утратѣ Шипки ея геройскими защитниками.

Оффиціальнаго описанія боя на Шипкѣ еще нѣтъ и потому мы ограничимъ нѣсколькими словами изложеніе его хода. Наступленіе начато было турками 9-го августа, утромъ, и въ тотъ же день было ими сдѣлано десять аттакъ. Всѣ онѣ были отбиты нашимъ малочисленнымъ отрядомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ генерала Столѣтова. На другой день аттака возобновилась и турки произвели обходное движеніе на обоихъ флангахъ нашихъ позицій, а 11-го числа аттаковали нашъ отрядъ съ фронта и съ фланговъ и отбросили насъ съ передовой нашей линіи. Въ продолженіи этихъ двухъ съ половиной дней всю тяжесть натиска выносили 3 тыс. чел. орловскаго полка и болгарской дружины. Положеніе было затруднительное—не только по громадному численному превосходству непріятеля, которое позволяло ему вести каждую аттаку свѣжими войсками противъ горсти нашихъ солдатъ, утомленныхъ двухсуточнымъ боемъ, но еще и потому, что самая позиція на Шипкѣ узка и вмѣстѣ открыта, не командуетъ ближайшею долиной и легко можетъ быть обойдена стрѣлками по покатостямъ перевала съ фланговъ. Туркамъ удалось даже поставить батарею, которая обстрѣливала съ праваго фланга нашъ тылъ. Такая позиція, очевидно, требовала для вѣрной обороны болѣе 3 тыс. чел., хотя они и имѣли 40 орудій. Когда подошла 2-я бригада 9-й пѣхотной дивизіи, подъ начальствомъ генерала Дерожинскаго, двинувшаяся изъ Сельви, она поддержала защитниковъ Шипки; но турки укрѣпились на обоихъ флангахъ и готовы были соединиться въ нашемъ тылу. Въ теченіи трехъ дней солдаты не спали и ѣли только сухой черствый хлѣбъ. 11-го числа подошли подкрѣпленія, подъ начальствомъ самого генерала Радецкаго. Первымъ явился, на казачьихъ лошадяхъ, одинъ стрѣлковый батальонъ, а потомъ и вся 4-я стрѣлковая бригада, которая прежде участвовала въ походѣ ген. Гурко. Начальникъ ея, ген. Цвѣцинскій, прямо повелъ батальонъ на занятый турками, на правомъ нашемъ флангѣ, лѣсистый холмъ и овладѣлъ имъ. Наступило лунное затмѣніе, въ полночь, и бой прекратился, но канонада продолжалась. Между тѣмъ подошелъ ген. Драгомировъ съ двумя полками 14-й дивизіи. 12-го бой возобновился, но войска, отстаивавшія Шипку первые три дня, были отведены на отдыхъ; мѣсто ихъ заняли свѣжія силы. Какъ корреспондентъ „Daily News“, такъ и корреспондентъ „Голоса“ упоминаютъ о страшномъ моментѣ, когда недостало снарядовъ: артиллерійскіе ящики были истощены и огонь нашъ слабѣлъ. Но 12-го числа

артиллерійскіе парки были снова въ готовности; въ этотъ же день былъ раненъ генералъ Драгомировъ, а 13-го числа былъ убитъ генералъ Дерожинскій.

Бой 13 числа былъ направленъ съ нашей стороны на три возведенные турками редута, съ которыхъ они обстрѣливали вдоль нашъ правый флангъ. Генералъ Радецкій сталъ самъ во главѣ одной роты, а другую далъ подъ начальство полковому командиру, и съ этими двумя ротами выбилъ непріятеля. Турки пытались отнять ихъ, но были отбиты. Сулейманъ-паша, несмотря на свои большія потери, возобновилъ аттаку 14 числа, очевидно желая овладѣть Шипкой во чтò бы то ни стало. Но когда они снова были отражены, онъ долженъ былъ убѣдиться, что при тѣхъ силахъ, какія тогда уже занимали Шипку, ею овладѣть было нельзя. Впрочемъ, по свидѣтельству корреспондента „Daily News", который былъ очевидцемъ боя, всѣ наши силы, отразившія турокъ, не превосходили 13-ти тысячъ человѣкъ. Итакъ, если бы отрядъ ген. Гурко былъ оставленъ въ первоначальномъ составѣ, только съ замѣною кавалеріи пѣхотою и расположенъ отъ Шипки до Габрова, то онъ одинъ отстоялъ бы Шипку и, быть можетъ, Сулейманъ не велъ бы семидневнаго боя, видя, что силы наши достаточны для обороны, или же потерялъ бы половину своей арміи. Такъ, какъ вышло, мы обязаны сохраненіемъ Шипки блистательному мужеству орловскаго полка и болгаръ, генерала Столѣтова, быстрому движенію и храбрости генераловъ Дерожинскаго и Радецкаго.

Въ седьмой день боя, Сулейманъ ограничивался уже одной перестрѣлкою, не возобновляя аттаки. Къ вечеру прекратилась и перестрѣлка, и, по слухамъ, самъ Сулейманъ, руководившій боемъ изъ деревни Шипки, выѣхалъ оттуда. Планъ турокъ, каковъ бы онъ ни былъ, не удался, и потери ихъ громадны: 10—15 т. чел.; они получили свою Плевну. У насъ выбыло изъ строя до 3 т. чел. На Шипку прибылъ для осмотра начальникъ штаба нашей арміи, ген. Непокойчицкій.

Восточная и западная турецкія арміи во время боя на Шипкѣ ограничивались небольшими наступательными дѣйствіями, изъ которыхъ достаточно упомянуть о занятіи Аяслара послѣ довольно упорнаго боя 11 августа, объ отраженіи ихъ 13 и 14 августа у Спахилара и Садины, въ 20 верстахъ къ юго-западу отъ Разграда. Но 18 августа, 12 т. турокъ изъ разградскаго корпуса Эюба-паши аттаковали передовыя войска нашего рущукскаго отряда у Садины, Карахасанкіоя и Хайдаркіоя (между Разградомъ и рѣкой Кара-Ломомъ), и послѣ 12-ти-часового боя отбросили небольшой нашъ отрядъ ген. Леонова, потерявшій около 400 чел. На слѣдующій день было произведено турками нападеніе на нашу позицію у Гагова и Попкіойя,—

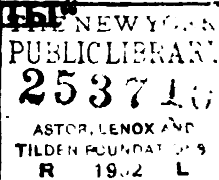
повидимому безуспѣшно. На западѣ Османъ-паша аттаковалъ также 19-го числа нашу позицію у Пелишата и Сталевицы, но въ послѣднихъ извѣстіяхъ, какія мы имѣемъ, не упоминается, чтобы это дѣло имѣло какія-либо послѣдствія.

О движеніяхъ и нѣсколькихъ дѣлахъ въ турецкой Арменіи и на кавказскомъ прибрежьѣ мы на этотъ разъ говорить не будетъ, такъ какъ они доселѣ не привели ни къ какому существенному результату. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ упомянемъ только о блестящемъ дѣлѣ парохода „Константинъ", капитана Макарова, съ турецкимъ броненосцемъ, у Сухума, въ ночь съ 11 на 12 августа. Три наши катера удачно подвели мины подъ броненосецъ; первый ударъ былъ нанесенъ лейтенантомъ Писаревскимъ; этотъ офицеръ едва не погибъ, такъ какъ съ его катеромъ сцѣпился непріятельскій катеръ, и при борьбѣ баграми, веслами и револьверами, Писаревскій былъ захваченъ багромъ, раненъ имъ въ голову и сброшенъ за бортъ, но спасенъ своими матросами; затѣмъ „Константинъ", видя приближеніе двухъ турецкихъ судовъ, забралъ свои катера и благополучно прибылъ въ Ялту.

М. Стасюлевичъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

въ С.-Петербургѣ, Васил. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, Книжный магаз. Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту.

ОБЪ ИЗДАНІИ ЖУРНАЛА „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1878-мъ году.

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“, ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы, въ 1878-мъ году издается въ томъ же объемѣ и въ тѣ же сроки: 12 книгъ въ годъ, составляющихъ шесть томовъ, — каждый около 1,000 страницъ большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ГОДЪ—12 книгъ:	въ Россіи:	за границею:
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19 р.
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	— »
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	— »
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою .	5 » — »	7 »
Примѣчаніе.—Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.		
МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . .	2 » 50 »	3 »

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

На оборотѣ:

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію «Вѣстника Европы», въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* правильная выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса годового экземпляра изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе—50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

1802 1877

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 10-я.

ОКТЯБРЬ, 1877.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Гот. А. Шарлемань. гр. Ф. Кубло.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1877.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: I—XII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1878 г. см. ниже, на обертвѣ.

ВЕЛѢНО ПРІИСКИВАТЬ

ПОВѢСТЬ.

XV *).

Новая роль «пастыря», а главное «учителя», на первыхъ порахъ очень интересовала Андрея Андреича, и онъ вздумалъ ознаменовать начало своей пастырской дѣятельности вступительною церковною бесѣдою съ прихожанами. Сказавъ о трудности этого служенія, онъ слегка коснулся своихъ слабостей и между прочимъ сказалъ: «можетъ быть, я худъ и слабъ для этого высокаго служенія, но, считая назначеніе меня къ вамъ посланіемъ свыше, постараюсь сдѣлать все, чтó зависитъ отъ моихъ силъ». Вскорѣ послѣ этой «бесѣды», предполагая, что всѣ прихожане его непремѣнно пьяницы, онъ произнесъ въ церкви поученіе «о пьянствѣ», изъ текста: «не упивайтеся виномъ».

Поприсмотрѣвшись нѣсколько къ своему новому пастырю, мужики скоро оцѣнили его по-своему, причемъ не забыли и его учительства.

— Батька—ничаво...—говорили они:—только есть маленько... Это онъ вѣрно сказалъ о себѣ въ проповѣди: «прислали», говоритъ, «меня къ вамъ худого, плохого»... Истинно, что худого. Голосокъ чуть-чуть... пищитъ себѣ тамъ... Почитай ничего не слыхать. То ли дѣло, бывало, отецъ Степанъ: какъ заржотъ по церкви-то, духъ радуется!... Опять же насчетъ проповѣди... супротивъ отца Степана далеча не выйдетъ! Тотъ, бывало, рѣдко, да мѣтко. «Кому сини очи? пьяницѣ!» А этотъ: вертъ-вертъ... туда-сюда... Ровно бы въ избѣ, аль на заваленкѣ съ тобой ка-

*) См. выше: сентябрь, 5 стр.

лякаетъ, а вовсе не въ церкви. Кто, говоритъ, пьянствуетъ, у того голова, говоритъ, трещитъ, работа стоитъ, ребятишки голодны, разуты, раздѣты... Ну, чтó это такое? Этакъ-то и я, и Максимъ, и всякій скажетъ, и всякій понять можетъ. А ты по писанію произведи... Вотъ это такъ!..

— Ну, да еще не наторѣлъ. Войдетъ въ силу, пооборкается,— тогда забористѣй почнетъ... и служить ловчѣй будутъ.

— Вѣстимо... Все-таки батька важный, обходительный... Увидитъ тебя: «здравствуй, Левонъ!» и еще впередъ тебя шапку сниметъ, ей-Богу!.. Поговоритъ съ тобой, спроситъ о чемъ ни-наесть... А самъ все смѣется, все смѣется... Чего это онъ смѣется?

— Дѣло молодое... еще въ настоящій смыслъ не вошелъ. Взять, къ примѣру, хоть себя: бывало, къ масти—не къ масти, а ты все оскаляешься.

Лёнушкѣ очень понравилось, что мужъ ея говорилъ проповѣди. Ее интересовалъ даже самый процессъ произношенія:—кáкъ Андрюша среди безмолвной тишины, предъ столпившимися у аналоя прихожанами, съ разстановкой выговаривалъ: Во имя Отца... и Сына... и Святого Духа;... какъ онъ затѣмъ, расправивши на аналоѣ перегнутую пополамъ тетрадку и откашлявшись, излагалъ свои мысли, по временамъ отрывая глаза отъ тетради и повертывая голову направо и налѣво. Иногда она встрѣчала его взглядъ, но взглядъ какой-то холодный, безучастный, равнодушный,—взглядъ, въ которомъ ничуть не было замѣтно, чтобы *онъ* выдѣлялъ *ее* изъ ряда другихъ слушателей,—предпочиталъ ее имъ. Этотъ взглядъ какъ-бы говорилъ: мнѣ все равно, чтó ты, чтó Акулина или Аксинья. Но Лёнушка истолковывала этотъ взглядъ въ самую лучшую сторону, и потому онъ нисколько не удивлялъ ее.

Андрей Андреичъ послѣ каждой проповѣди сознавалъ себя героемъ дня, чувствовалъ себя особенно самодовольно и, ходя по комнатѣ, горделиво пріосанивался. Его мало занимала мысль о томъ, попалъ ли онъ въ больное мѣсто слушателей, или нѣтъ, пролилъ онъ цѣлительный бальзамъ на ихъ душевныя раны, или нѣтъ. Онъ былъ доволенъ уже самымъ фактомъ своего ораторствованія,—тѣмъ, что онъ «*хватилъ* проповѣдь и ничего... Кажется, здорово... пускай же они»... Лёнушку проповѣди Андрюши навели на нѣкоторыя размышленія, которыми она не могла съ нимъ не подѣлиться.

— Хорошо, мой милый, научить чему-нибудь человѣка, очень хорошо,—говорила она, сидя съ нимъ въ сумеркахъ подъ окномъ и положивъ ему голову на плечо:—но знаешь чтó?

— Что?—спросилъ Андрюша, барабаня пальцами по подоконнику.

— Мнѣ кажется, лучше бы учить мужичковъ не въ церкви, а...

— А гдѣ же?—въ сараѣ?

— Нѣтъ, да ты погоди.

— Ну, ну, погожу,—философствуй.

— Не въ церкви, а гдѣ придется, гдѣ нужно,—доканчивала Лёнушка прерванную мысль.

— А въ церкви-то, стало-быть, уже не *нужно?* Я тебя не понимаю,—небрежно проговорилъ Андрей Андреичъ.

— Про себя-то я это хорошо понимаю, но какъ бы это тебѣ... Видишь ли... Въ церкви не всѣ же съ-разу бываютъ; стало быть не всѣ съ-разу могутъ слышать то, чему ты поучаешь. Кромѣ того, не все то, чтó ты говоришь въ церкви, ко всѣмъ можетъ относиться. Многіе можетъ быть и не дѣлали того, въ чемъ ты ихъ упрекаешь, и дѣлать не будутъ. А тотъ, которому особенно слѣдовало бы внушать что-нибудь, можетъ и не быть въ церкви на тотъ разъ, когда ты говоришь проповѣдь... Понимаешь?

— Ну, ну,—проговорилъ Андрей Андреичъ тономъ снисходительнаго поощренія, съ какимъ обращаются обыкновенно къ ребенку, выслушивая его наивный лепетъ.—Ну, дальше.

— Дальше? А дальше вотъ что. Въ церкви ты говоришь, а мужички слушаютъ; можетъ быть, они многаго не понимаютъ, а ужъ ни о чемъ не могутъ тебя спросить въ это время.

— Что же, имъ послѣ обѣдни экзаменъ сдѣлать? А ну-ка, молъ, ребята, повторите, чтó я сказалъ...

— Да не экзаменъ,—зачѣмъ ты такъ говоришь?

— Ну, чтó же?

— Ахъ, какой ты, право... Мнѣ кажется, ты шутишь, а на самомъ дѣлѣ давно ужъ понялъ, что я говорю.

— Ей-Богу, не понимаю.

— Эка, Господи... Ну, какъ бы это тебѣ... Ну вотъ, напримѣръ, ты говорилъ, что пьянствовать не нужно, что пьяница вредитъ себѣ и тѣмъ и другимъ... А пьяница-то въ это время можетъ быть въ кабакѣ сидитъ.

— Ну, и мнѣ, въ ризѣ, слѣдовало въ кабакъ?

— Хоть не въ ризѣ... но отчего же и не въ кабакъ...

— Ха-ха-ха!—расхохотался проповѣдникъ:—сейчасъ за столъ, полштофъ водки,—православные, молъ, слушатели!.. Ха-ха-ха!..

— Ну вотъ, вѣдь ты опять нарочно... Развѣ я тебѣ говорила о водкѣ? Ты можешь зайти въ кабакъ съ добрымъ намѣреніемъ.

Видишь, что мужикъ хочетъ пить, или пьетъ водку,—сейчасъ и обрати на него вниманіе. Разспроси, отчего онъ пьетъ, зачѣмъ пьетъ, вразуми, удержи его во-время... сведи домой...

— Уложи его, убаюкай, — продолжалъ Андрей Андреичъ, иронически улыбаясь.

— Хоть ты и смѣешься, но мнѣ право кажется, что это было бы очень полезно. Словами такъ не выучишь, какъ дѣломъ. Покойный папаша говорилъ: слова добрыя — хорошо, а дѣло доброе—еще лучше.

— Попробуй-ка у пьянаго мужика отнять изъ рукъ стаканъ водки, или сказать ему: не смѣй пить, пойдемъ домой, — онъ такъ тебя изругаетъ, что... а то и затрещину дастъ... — сказалъ Андрей Андреичъ уже серьёзно, съ выраженіемъ нѣкотораго недовольства въ тонѣ.

— Зачѣмъ же онъ будетъ ругаться, если ты ему скажешь ласково, кротко.

— Попробуй, попробуй... испытай...

— А ты думаешь не испытаю? Ей-Богу испытаю, — вотъ увидишь.

— Ладно, ладно, проповѣдуй.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды съ мужемъ Лёнушкѣ дѣйствительно выпалъ случай испытать свои проповѣдническія силы. Разъ, въ отсутствіе Андрея Андреича, является къ ней подрядчикъ— плотникъ Пахомъ, прихожанинъ отца Андрея,—и является порядочно выпивши.

— Добраго здоровья!

— Здравствуй, Пахомъ. Что̀ тебѣ?

— Батюшку можно обрящить?

— Его дома нѣтъ, въ приходъ уѣхалъ. На что̀ онъ тебѣ?

— По стр-раительскому дѣлу, — насчетъ воротъ, которыя старыя... чтобы, значитъ, новыя — и верей подмѣнить... Я бы сейчасъ же съ ребятами и за дѣло...

— Да, онъ дѣйствительно говорилъ о тебѣ. Но какъ же, вѣдь ты теперь не годишься въ работу?

— Кто? *Мы*-то? Съ чего?

— Да вѣдь ты пьянъ сильно.

— Выпить выпилъ, это вѣрно. Что выпилъ, то выпилъ, надо прямо сказать,—а ворота поставимъ...

— Зачѣмъ же это ты напился — а?

— Для расположенія... А ворота поставлю,—вотъ и все.

— Вѣдь это грѣхъ, Пахомъ...

— Чего? Ворота-то?

— Нѣтъ, напиваться-то такъ...

— Грѣхъ въ орѣхъ, а спасенье на верхъ. А мы какъ прежнему батюшкѣ до конца служили, такъ и теперь служить будемъ, — проговорилъ подрядчикъ, придерживаясь за притолку. Грѣхъ... Согрѣшили—покаемся. Басурмане, что-ль, мы какіе? Въ церковь ходимъ, каждый годъ сповѣдаемся. Ну, выходитъ, и выпьешь... А грѣха бы не было—чего мнѣ сповѣдаться. На то, выходитъ, и батька поставленъ, чтобъ грѣхи сымать. А безъ грѣха—чего онъ будетъ сповѣдать?

Лёнушка нѣсколько растерялась и нить ея мыслей нѣсколько спуталась.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Пахомъ, зачѣмъ ты такъ пьешь?—продолжала она.—Ну, чтó хорошаго? У тебя жена, дѣти; ну, развѣ имъ пріятно смотрѣть на такого?...

— У насъ будетъ пр-пріятство.

— Тебя, можетъ, не любитъ кто-нибудь, а? Скажи по правдѣ. Можетъ быть, ты съ горя,—а?

— Пахома-то? Небось, Пахомъ всѣмъ въ удовольствіе, потому Пахомъ свое дѣло знаетъ. Избу тебѣ нужно? Избу срубитъ. Безъ воротъ ты сидишь? Ворота поставимъ. Да! А то: Пахомъ пьяница, Пахома любить не слѣдуетъ!.. Мнѣ еще батюшка ничего не говорилъ, окромя что каждый разъ: здравствуй, говоритъ, Пахомъ! А ты... твое дѣло женское... Въ наши дѣла втекать тебѣ совсѣмъ не слѣдъ. Ты вотъ доложи батюшкѣ, что, молъ, Пахомъ за воротами приходилъ — мы и повѣсимъ. А скажешь: сейчасъ начинать—сейчасъ начнемъ.

Лёнушка покраснѣла, сконфузилась—и долго не сказывала мужу о своей попыткѣ обратить Пахома на путь истинный.

XVI.

Женская половина прихожанъ въ Лёнушкѣ души не чаяла. Прежняя «матка»,—какъ называли бабы тетку Лёнушки,—была «больно сердита, никакого тебѣ привѣту, а ужъ алчная такая, что страсть». Новую попадью свою бабы называли не иначе, какъ «маменькой» и «ангеломъ»—и было за чтó: Лёнушка во всѣмъ была добра, проста и ласкова. «Малость какую-нибудь ей сдѣлаешь,—спасибо тебѣ, говоритъ,—толковали бабы:—иной разъ пирожка сунетъ: нà, говоритъ, ребятишкамъ; а то и пятачокъ дастъ». Бабы наперерывъ старались чѣмъ-нибудь ей угодить: одна набивается полы мыть; другая бѣлье стирать, третья прясть

волну на чулки и т. п. Въ домъ «маменьки» всѣмъ былъ открытъ свободный доступъ. Тогда какъ «прежняя матка» допускала «простыхъ» прихожанъ только въ кухню, Лёнушка позволяла имъ входить въ переднюю, въ залу, а наиболѣе любимымъ прихожанкамъ—даже въ спальню. Съ нею охотно дѣлились горемъ и радостями, ей постоянно сообщали всѣ выдающіяся новости сельской жизни и разнообразнѣйшія впечатлѣнія и наблюденія. Лёнушка все выслушивала со вниманіемъ, разспрашивала о подробностяхъ, проникалась сочувствіемъ къ чужому горю и радостямъ, давала посильные совѣты, предлагала утѣшеніе, обѣщалась въ нужныхъ случаяхъ поговорить съ Андрюшей, чтобы онъ принялъ участіе, помогъ, на кого-нибудь подѣйствовалъ и т. п. Самъ Андрей Андреичъ хоть и не относился къ прихожанамъ съ такимъ многостороннимъ участіемъ, какъ Лёнушка, но не мѣшалъ ей «возиться съ бабами», какъ онъ выражался, тѣмъ болѣе, что эта возня доставляла нѣкоторыя выгоды, а иногда и развлеченіе ему.

Въ одинъ праздникъ, послѣ обѣда, едва Андрей Андреичъ пристроился на диванѣ, въ комнату вошла тётка Степанида, пожилая чернобровая женщина, съ умными полузакрытыми глазами. Андрей Андреичъ быстро поднялъ голову и хотѣлъ-было встать.

— Ничего, ничего,—это я,—проговорила Степанида, остановившись въ дверяхъ залы и начиная молиться на образа.

Лёнушка предложила гостьѣ сѣсть.

— Чтó я за барыня такая? и постою,—отозвалась Степанида, и отойдя нѣсколько шаговъ назадъ, заложила руки за спину и прислонилась къ переборкѣ.

— Ты бы, маменька, взяла гребенку,—посовѣтовала она:—гребенкой ловчѣй. Степанида по-своему объяснила положеніе головы Андрея Андреича на колѣняхъ у жены.

— Нѣтъ, вѣдь это я такъ... Ты думаешь, въ самомъ дѣлѣ...—возразила ей Лёнушка.

— Да оно, положимъ, не у всякаго *бываютъ*... а все-таки ему слаже—гребенкой-то покопаешь... Иной вѣдь любитъ... Хоть и ничего тамъ нѣтъ, а все чтобъ ему копали,—право-слово. Нашего теперешняго дворника отецъ, Самойла... вы его ужъ не застали... ужъ такъ былъ охочъ искаться, что я и не видывала. Какъ только мало-мальски свободное времячко, сейчасъ и повалится на лавку: жена, ищи меня! Либо невѣстку заставитъ. А лѣтомъ, такъ просто, бывало, умора—на него смотрѣть! Выйдетъ на лужайку къ амбару, жену и невѣстку съ собой выведетъ, растянется на травѣ—и ну искаться. Жена ищетъ, ищетъ,—уста-

нетъ,—невѣстка начнетъ искать; а жена сидитъ дожидается, покель опять искать. Пройдетъ мимо его баба, а онъ сейчасъ: «Аксинья, ты бы меня поискала». Бывало, спросишь бабъ: чего вы у него искали день-деньской? — Да ничего, говорятъ, нѣтъ; такъ... блажь одна.

Степанида утерла губы рукавомъ, передохнула и сильно закашлялась.

— Что это ты, простудилась?—спросила Лёнушка.

— Кто его знаетъ. Съ полгода ужъ маюсь; иной разъ такъ прихватитъ—просто страсть, особливо ночью да утромъ.

— Ты смотри... въ постель сляжешь.

— Да и сляжешь, что-жъ дѣлать-то? Наше-то бабье дѣло... и сляжешь—не велика бѣда. А вотъ ежели мужикъ въ домѣ скопытится, чистое наказанье божье! Вотъ теперь сосѣдъ нашъ, Ѳедотъ...

— Да отчего это онъ такъ сильно заболѣлъ?

— Это онъ еще съ весны, съ Егорья... отъ хмѣлю; дюже онъ тогда прошибся. Шелъ это онъ изъ кабака, и ужъ, стало быть, совсѣмъ безъ памяти. Ноги-то у него заплелись, онъ и упалъ въ промоину. Долго ли онъ тамъ лежалъ, не знаю, только вода-то съ поля текла все черезъ него... вода-то студеная. Такъ его проняло, что онъ отрезвѣлъ, да лихоманку и почувствовалъ. Свернулся—да вотъ и теперь все лежитъ; въ чемъ только душа держится.

— И по дѣломъ: не лопай безъ мѣры... И другимъ наука,— хриплымъ голосомъ пробормоталъ Андрей Андреичъ, поворачиваясь на другой бокъ.—Какъ бы каждаго такъ-то скрутило на цѣлый годъ, перестали бы тогда пьянствовать.

— Что ты это, Андрюша! — съ упрекомъ произнесла Лёнушка:—развѣ можно желать кому болѣзни, страданій?

— Развѣ одному больно-то?—больно-то всей семьѣ, а пуще всего женѣ,—снова начала Степанида.—Вотъ хоть бы Ѳедотова жена... сколько вѣдь она горя-то хватила, особливо въ рабочую пору! И въ хвостъ, и въ голову — все одна. Пришелъ покосъ, надо вмѣстѣ съ другими свою долю косить, а у ней косу отбить некому. Бросится къ людямъ, тому некогда, тому не хотца. Ѳедота-то не любятъ, такъ и на ней зло срываютъ. Разъ Ефимъ взялся ей отбить косу, да такое намѣреніе обнаружилъ... самое нехристіанское. Взялъ, да косу-то ей саломъ и намазалъ. Она, сердешная, вышла поутру косить-то: — хвать, хвать, а коса-то и не беретъ. Вотъ этакъ-то! А ужъ тамъ, на міру, отставать нельзя... А у ней саломъ намазана... А то разъ заѣхала она

по ошибкѣ на сосѣднюю, на чужую долю, да и ну копну на возъ накладать. Какъ наскочатъ мужики: «стой, вора поймали! Веди совсѣмъ съ возомъ къ старостѣ подъ ересть». Хлынули всѣ къ старостѣ. Крикъ, шумъ... Слупили съ ней полведра штрафу, а сѣно свалили старостѣ въ сарай. Такъ она своей доли и лишилась, да еще на штрафъ разорилась. А будь мужъ-то здоровъ, глядишь—и не было бы этого. А онъ вотъ лежитъ, какъ пластъ... Пріобщаться ужъ хочетъ.

— Бѣдный! Надо его провѣдать,—сказала Лёнушка.

— Провѣдываемъ, да ничего не подѣлаешь, — произнесла Степанида, махнувъ рукой.

— Нѣтъ, *я* хочу его провѣдать,—пояснила Лёнушка.

— О, Гос...—начала-было Степанида, но сильный кашель прервалъ ея рѣчь.—О, Господи,—возобновила она, отдохнувъ отъ удушливаго кашля, — словно ты ему здоровья принесешь!... Это такъ... одна доброта твоя. Вѣдь я говорю, что причащаться ужъ хочетъ; это ужъ значитъ послѣднее дѣло.

— Чтó ты, Богъ съ тобой! Развѣ причащаться послѣднее дѣло? Ахъ, ты, Степанида, Степанида! — серьёзно проговорила Лёнушка, укоризненно качая головой.

— Нѣтъ, я не про причастье, а что ужъ умретъ, значитъ, коли причастья проситъ,—поясняла Степанида.

— Ну, вотъ. Богъ знаетъ, что ты говоришь! — сказала Лёнушка тѣмъ же серьёзнымъ тономъ.—У васъ какъ-то странно относятся къ таинству причащенія. Многіе постомъ только исповѣдаются, а причащаться — не причащаются, и безъ всякихъ причинъ. Дядя, бывало, человѣкъ сто отмѣтитъ въ книгахъ: «по нерадѣнію... по нерадѣнію»... Что это значитъ?

— Милая ты моя! — умиленно начала Степанида:—ты вотъ не знаешь нашего житейскаго-то дѣла, а я тебѣ скажу... У насъ кто не пріобщается? Больше молодые; старые этого не дѣлаютъ; а передъ смертію и подавно... всякій за первый долгъ. Теперь, къ примѣру, бабочка молодая... первый годъ замужемъ... Ну, вѣстимо... нечего грѣха таить... дѣло молодое... съ мужемъ... и все такое... Ну, какъ ей пріобщаться? И не пріобщается. Обойдется со временемъ и пріобщаться начнетъ. Такъ-то, моя милая... Дѣло-то вѣдь житейское. Что дѣлать-то? А иной разъ и не молодая опуститъ... и совсѣмъ невзначаянно. Вотъ я одинъ постъ говѣла, говѣла, да и осталась безъ всего: не токма что не пріобщалась,—даже и не исповѣдалась, — право-слово. Первыя-то четыре недѣли я не говѣла, — народу, молъ, много, въ церкви тѣсно; начну ужъ съ пятой. На пятой недѣли до самой пятницы

въ церковь ходила и въ пятницу-то была въ обѣднѣ. Заблаговѣстили къ вечернѣ. Я надѣла шубу, перекрестилась, совсѣмъ было ужъ къ исповѣди... да зашла на дворъ. Глядь — овечку Богъ далъ... двоешечки... Проваландалась я съ нею, осквернилась, да и осталась дома. На шестой недѣлѣ опять то же самое. Какъ разъ въ самую пятницу, передъ вечерней, коровку Богъ далъ. Вотъ вѣдь оказія какая; чисто врагъ подшутилъ! А на страстной я занемогла и всю недѣлю провалялась. Батюшка записалъ меня въ «небытейщикахъ», а объ святой пришелъ съ образами: аль ты, говоритъ, съ ума сошла?

— Ну, Андрюша, встань... будетъ... ноги больно стало, — обратилась Лёнушка къ мужу.

Андрюша не шевелился.

— Андрюша,—повторила Лёнушка:—да ну же, встань. Или ты уснулъ?... Такъ и есть... Андрюша, слышишь, что ли?—громко воскликнула Лёнушка, трогая мужа за плечо.

— А? Слышу, слышу: упалъ въ промоину... Ну, ну...— забормоталъ проснувшійся Андрюша.

Лёнушка расхохоталась и тотчасъ привела мужа въ сознаніе.

Андрей Андреичъ всталъ, прислонился къ спинкѣ дивана и, щуря мутные глаза, обѣими руками зачесалъ въ головѣ.

— Бѣда, ежели человѣкъ разоспится,—изъясняла Степанида.— Въ такое потемнѣніе придетъ, — ровно бы ужъ и не онъ. Прошлымъ лѣтомъ бабка Арина прилегла разъ на крыльцѣ, да и задремала. А около ней мальчишка вертѣлся, внучекъ ея. Вотъ этотъ мальчишка досталъ гдѣ-то у ней пятакъ серебра, да и говоритъ: «Бабушка, это мнѣ»? А та ему съ просонья-то: «тебѣ... тебѣ».—На баранки?—«На баранки». Мальчишка-то побѣги къ дворнику, да на весь пятакъ серебра и купи баранокъ. Бабка проснулась: откуда это у тебя баранки?—Купилъ.—Гдѣ денегъ взялъ? — Ты мнѣ пятакъ серебра дала. — Когда я тебѣ давала? Ахъ ты такой-сякой! Ты у бабки деньги воровать! Ужъ она его била, она его колотила... Насилу сосѣди отняли.

— Стоитъ себѣ, балагуритъ, а нѣтъ того, чтобы батюшку поискать,—сказалъ Андрей Андреичъ, лѣниво улыбаясь.

Лёнушка бросила на мужа удивленный взглядъ, а Степанида растаяла отъ умиленія.

— И-и, батюшка-кормилецъ, — протянула она, — да развѣ бы я... Вѣдь кто васъ знаетъ...

— Поди-ка на постель, усни, какъ слѣдуетъ, — перебила Лёнушка, обращаясь къ мужу.

— Охъ, ужъ и мнѣ пора,—со вздохомъ произнесла Степа-

нида. Вѣдь я, кажись, зачѣмъ — пришла... Зачѣмъ бишь это?... Дай Богъ память... Да!... Ссуди мнѣ, ангелъ, котёльчика — завтра рубахи попарить. У меня есть, да малъ, а дряни-то я много запустила. Я бы и къ другимъ, да либо дадутъ, либо нѣтъ; а ужъ ты-то, я знаю, не откажешь.

«Батюшка-кормилецъ» ушелъ спать, а «ангелъ» повелъ гостью въ кухню для ссуды ей котелка.

XVII.

Ѳедотъ, попавшій на Егорьевъ день въ промоину и лежащій теперь «пластомъ» въ ожиданіи причастья и потомъ смерти, сильно занялъ мысль сострадательной Лёнушки. Она представляла себѣ его страданія, старалась проникнуть въ его предсмертныя чувствованія; она живо представляла себѣ и положеніе жены Ѳедота, постоянно тоскующей и всѣми обижаемой. «Надо провѣдать, непремѣнно надо», — твердила про себя Лёнушка, пока Андрей Андреичъ спалъ.

— Андрюша, пойдемъ, провѣдаемъ Ѳедота, — сказала она мужу уже передъ вечеромъ.

— Вотъ еще!.. Чего его провѣдывать?

— Да такъ... посмотримъ... Онъ вѣдь прй-смерти. Ты не слыхалъ, Степанида говорила...

— Ну, вотъ я его и увижу: причащать позовутъ, а тамъ и въ церковь принесутъ; смотри, сколько хочешь.

— Мнѣ хочется пойти,—несмѣло проговорила Лёнушка.

— Хочется—ступай.

— Одна?

— Стало-быть, одна: я не пойду.

Лёнушка взяла чаю, сахару, бѣлаго хлѣба, пятокъ яблоковъ, и отправилась къ больному.

Когда Лёнушка вошла въ избу Ѳедота, онъ лежалъ на лавкѣ за длиннымъ столомъ и тихо стоналъ. Подлѣ него сидѣла жена, жалобно подперши щеку рукою. Жена Ѳедота встала, съ болѣзненнымъ и робкимъ удивленіемъ взглянула на гостью и молча поклонилась ей въ поясъ.

— Ну, чтó больной?—спросила Лёнушка полу-шепотомъ.

— Труденъ, дюже труденъ. Всякаго почитай владанія лишился.

— Я пришла навѣстить его...

— О, касатка моя, чтó ты это! Стóимъ ли мы этого?..

— Можно къ нему подойти?

— Охъ, можно...

Лёнушка подошла къ больному. Онъ лежалъ навзничъ, прикрытый по грудь полушубкомъ. Глаза его то закрывались, то открывались. Блѣдныя щеки ввалились; слабое, отрывистое дыханье слегка колыхало грудь; руки чуть-чуть шевелились около вброта рубашки.

— Өедотъ, посмотри-ка: матушка къ тебѣ пришла... навѣстить тебя,—съ печальною ласкою проговорила жена больного.

Больной повелъ мутными, глубоко впавшими глазами въ сторону матушки и обнаружилъ слабую попытку къ тому, чтобы встать.

— Лежи, лежи,—какъ это можно?—съ участіемъ проговорила Лёнушка.—Не хочешь ли чего скушать?

Өедотъ молча затрясъ головой.

— Яблочка, можетъ, хочешь—а? — продолжала Лёнушка.

Больной слабо махнулъ кистью лежащей на груди руки.

— Гдѣ ужъ тамъ, матушка!..—заговорила жена больного:— вотъ ужъ который день ни синь-пороха въ ротъ не беретъ. Дашь водицы,—ну, пропитавится маленько; а другого чего... ну, ни единой рбсинки не сможетъ!.. Все на примостѣ лежалъ, а вчера пожелалъ подъ святые... Ну, и положила его на лавку. Чуетъ, видно, что ужъ не жилецъ... Вѣдь я сейчасъ хотѣла къ батюшкѣ... чтобы «справить» его по-христіански... а ты вотъ и сама. Скажи ему, чтобъ потрудился... съ дарами.

— Можетъ быть, Богъ дастъ, поправится,—попыталась утѣшить Лёнушка.

— Нѣтъ ужъ, не къ тому идетъ. Теперь ужъ часочки считать надо.

И несчастная женщина закрыла глаза ладонью.

— Ну, зачѣмъ это? Вѣдь это малодушіе... Ты будь тверда,— сказала Лёнушка, и въ то же мгновеніе припомнила слова умирающаго отца.

— Да вѣдь, матушка,—сума!.. Родимая—сума!—съ волненіемъ проговорила жена больного, отнявъ ладонь отъ глазъ. Ну, чтб мнѣ теперь, кромѣ сумы?

Лёнушкѣ почувствовалось весьма тяжело и неловко, и она не нашлась, чтб еще сказать въ утѣшеніе.

— Нá вотъ тебѣ,—сказала она послѣ минутнаго молчанія, подавая несчастной узелокъ:—тутъ чай, сахаръ, яблоки; можетъ быть онъ...

— Нѣтъ, ужъ нé къ чему,—отозвалась жена Өедота, отводя

благотворящую руку Ленушки:—ты видишь какой онъ; что̀ зря добро губить?

Лёнушкѣ стало еще болѣе неловко, и она съ живостью и настойчивостью повторила:

— Нѣтъ,—на́, на́... возьми,—на́ вотъ.

Она энергическимъ жестомъ насильно сунула бабѣ узелокъ. Та равнодушно взяла его и, сказавъ сквозь зубы «спасибо», положила на столъ.

Взглянувъ еще разъ на больного, Лёнушка, распростилась съ его женой.

— Потруди же ты батюшку-то,—напомнила на прощаньи несчастная.

— Непремѣнно, непремѣнно,—обѣщала Лёнушка, и съ подавляющимъ чувствомъ вышла изъ избы...

— Ну, что́, сестра милосердія, облагодѣтельствовала ближняго?—насмѣшливо спросилъ Андрей Андреичъ, встрѣчая жену.

— То-есть, какъ это облагодѣтельствовала? Чѣмъ я могу облагодѣтельствовать?—какъ-то смиренно проговорила Лёнушка, потупя взоръ и все еще находясь подъ давленіемъ тяжелаго чувства.—Но все-таки...

— Все-таки посмотрѣла,—перебилъ Андрей Андреичъ, сдѣлавъ удареніе на послѣднемъ словѣ.

Лёнушка пристально взглянула на мужа. Онъ стоялъ передъ нею, подперши бока руками; глаза его немного прищуривались, губы едва замѣтно стягивались и проектировали улыбку; ноздри слегка вздрагивали.

— Андрюша, зачѣмъ это ты такъ?—ласково начала Лёнушка:—какъ-будто тебѣ это смѣшно... какъ-будто не нравится... Ну, что́ же тутъ дурного? Развѣ ты самъ никогда этого не сдѣлаешь?

— Нѣтъ, сдѣлаю. Ни одинъ больной не умретъ безъ меня. Я необходимый гость въ такихъ случаяхъ.

— Ахъ, да!.. Поди, голубчикъ, поскорѣе къ Ѳедоту-то. Усердно просили... Причаститься ему нужно.

— Да онъ, можетъ быть, еще ничего?..

— Нѣтъ, очень плохъ.

— Это, можетъ быть, ты тамъ посовѣтовала? Мнѣ ничего не говорили...

— Да нѣтъ, не я... Жена-то собралась-было къ тебѣ, а тутъ я пришла; ну, она и попросила меня передать... Поди же, пожалуйста.

— Странно что-то,—заключилъ Андрей Андреичъ, и началъ собираться.

Оставшись одна, Лёнушка долго не могла ничѣмъ заняться. Въ теченіи двухъ мѣсяцевъ супружеской жизни она въ первый разъ чувствовала себя такъ непріятно, какъ теперь. Душа ея, доселѣ свѣтлая, ничѣмъ не омрачаемая, покрылась облачкомъ грусти и тревожнаго сомнѣнья. Отрывочныя мысли и чувствованія быстро, помимо ея воли, смѣнялись одни другими.

«Бѣдный, и говорить, должно быть, не можетъ», мелькнуло въ головѣ Ленушки: «еще день-другой, и все кончено... Вотъ и жизнь!.. А изъ-за чего?.. А она-то?.. Сума!.. Насилу взяла... Добро губить... О, Господи!»

Минуту спустя, въ умѣ ея шевелились уже другія мысли... «Сестра милосердія... Облагодѣтельствовала... Посмотрѣла... Смѣется... Не вѣритъ... Господи, зачѣмъ это онъ? Совсѣмъ бы не такъ надо, совсѣмъ... Неужели я ему... Э, да чтò это я!» произнесла Лёнушка въ испугѣ, замѣтивъ, наконецъ, что она зашла слишкомъ далеко. Она быстро прошлась по комнатѣ и — опять про-себя — докончила: «такъ себѣ — шутилъ... Мало ли чтò...»

Она оживленно начала напѣвать что-то безъ словъ и припала къ стеклу — посмотрѣть, не идетъ ли Андрюша.

XVIII.

Послѣ неудачъ на поприщѣ общественной дѣятельности Лёнушка какъ-то особенно присмирѣла, и ей стало почему-то совѣстно передъ мужемъ. Были минуты, когда она казалась самой себѣ смѣшною и готова была смѣяться надъ собой. «Въ самомъ дѣлѣ,—думалось ей иногда,—чтò это какая я чуднàя?... Недаромъ *онъ* смѣется... Вѣдь *онъ* знаетъ лучше меня... Положимъ, папаша... Но вѣдь люди неодинаковы...

И образъ Андрюши снова возсталъ передъ нею въ ореолѣ величія и во всемъ блескѣ незапятнанной истинной красоты. И она опять безраздѣльно сосредоточила всѣ свои мысли и чувствованія на миломъ Андрюшѣ, и въ сильномъ приливѣ любви къ нему готова была даже упрекать себя за то, что эти мысли и чувствованія она нѣкоторое время распространяла на другихъ, что даже рѣшалась иногда противорѣчить *ему*, не соглашаться съ нимъ, ровно бы учить его. «Можетъ быть, онъ, голубчикъ, обижается на меня за это,—думала она:—можетъ быть даже мучится, и только по деликатности не говоритъ мнѣ этого прямо,

чтобъ не оскорбить меня». Ей захотѣлось поскорѣй загладить свое мнимое преступленіе и загладить такъ, «чтобы ничего, ничего этого не было, — чтобы обоимъ было хорошо и пріятно всегда-всегда»... Впрочемъ, эти мысли и желанія она развила въ себѣ не съ-разу, а въ теченіи нѣсколькихъ дней,—не съ-разу ихъ и высказала. Ей все казалось, что Андрюша сердится на нее, и она стѣснялась передъ нимъ,—у ней не доставало духу высказаться. А Андрюша, послѣ того, какъ сходилъ причастить Ѳедота, дѣйствительно сдѣлался нѣсколько суровъ: съ женой почти не говорилъ; на ея вопросы отвѣчалъ нéхотя, отрывочно, сухо. Вотъ разъ сѣли они за чай. Оба молчатъ. Андрюша выпилъ стаканъ, другой, — все молчитъ; Лёнушка тоже. Взглянетъ на мужа украдкой и сейчасъ же опуститъ глаза, чтобъ не встрѣтить его взора. Какъ-то, наконецъ, глаза ихъ встрѣтились, и Андрей Андреичъ громко и весело расхохотался. Этого только и нужно было Лёнушкѣ. Она быстро вскочила съ мѣста и съ дѣтскою радостію бросилась ему на шею.

— Милый ты мой, ненаглядный, безцѣнный, въ свѣтѣ одинъ,— твердила она, крѣпко прижимая къ себѣ Андрюшу.

— Ну, что... чтó тебѣ надо? Ну?—тихо бормоталъ Андрюша, разнѣжась.

— Кромѣ тебя, мнѣ ничего не нужно.

— Я на лицо, можешь пользоваться.

— А что я поду-умала!—таинственно произнесла Лёнушка, глядя мужу въ глаза и тряся головой.

— Что такое?

— Я подумала... Нѣтъ, не скажу.

— Нѣтъ, нѣтъ,—перебилъ Андрей Андреичъ,—я не отстану, пока ты не скажешь. Какъ же это такъ... скрывать... и отъ кого же!—добавилъ онъ уже довольно серьёзно.

— Да вѣдь я говорю, что пустяки. Я подумала... Мнѣ показалось, что... что ты меня не любишь,—скороговоркой докончила Лёнушка:—вотъ и все...

— Только-то?—воскликнулъ Андрюша, повеселѣвъ:—ну, секретъ... великій секретъ! Ха-ха-ха!

Лёнушка тоже захохотала и потомъ сказала:

— Что, каково я тебя испугала-то?

— Сильно, сильно, нечего сказать... Еще одинъ такой испугъ — ну, и смерть. Ты ужъ, пожалуйста, на будущее время пощади.

— А ты все-таки не сказалъ мнѣ, что любишь; скажи же теперь.

— Ну, нѣтъ... Теперь ужъ моя очередь... Ни за что не скажу!

— А я по-твоему—не отстану, пока не скажешь. Я знаю, что ты меня любишь, но мнѣ хочется, чтобы ты сказалъ это вслухъ. Я—такъ тебѣ давно еще сказала... Ну, скажи же...

Андрей Андреичъ молчалъ и съ улыбкой смотрѣлъ на жену.

— Ну хоть за мной повтори,—приставала Лёнушка:—всего вѣдь три слова: я тебя люблю. Ну?

— *Ты* меня любишь,—редактировалъ Андрюша, и оба супруга захохотали.

— Да ты скажи: *я*,—настаивала Лёнушка.

— Ну, къ чему одно и то же твердить? «Я тебя люблю... Любишь ли ты меня?... Какъ ты меня любишь?» Я тебѣ мужъ, ты мнѣ жена... Ужъ само собой разумѣется... Къ чему же эти допросы? Вѣдь это кукольная комедія!...

— Ну, не буду, не буду говорить объ этомъ, — порѣшила Лёнушка, гладя мужа по головѣ.—Будемъ *про себя* любить другъ друга крѣпко-крѣпко, и такъ во вѣки вѣковъ.

— Конечно, — подтвердилъ Андрей Андреичъ, — а то вѣдь это... ровно «Господи помилуй сорокъ разъ».

Самоваръ убрали со стола и супруги нѣкоторое время не знали, о чемъ говорить и чѣмъ заняться.

— Андрюша,—начала Лёнушка:—какъ бы это намъ почитать что-нибудь—а? А то вѣдь этакъ... скучно.

— Да нечего почитать-то, — отозвался Андрюша, ходя по комнатѣ.—Есть тамъ... въ церкви... Прологъ, сочиненія Ефрема Сирина, Димитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго... Ну, что же тутъ?...

— Да!... Тихонъ-то Задонскій и у меня есть: мнѣ папаша подарилъ.

Лёнушка побѣжала въ сосѣднюю комнату и черезъ нѣсколько времени возвратилась съ книжкой.

— Вотъ... «Сокровище духовное, отъ міра собираемое»,—сказала она, садясь за столъ. Давай, почитаемъ. Я читала: очень хорошо! Папаша мнѣ велѣлъ чаще читать эту книжку, а я и забыла объ ней. Ну, давай же, почитаемъ.

— Читай, коли хочешь,—сказалъ Андрюша, продолжая ходить по комнатѣ.

Лёнушка молча пробѣжала оглавленіе книжки.

— «Кто что любитъ, тотъ того и ищетъ», — прочла она вслухъ:—страница двадцать-четвертая... Ну-ка, вотъ это...

Она пріискала страницу и начала читать: «Видимъ, что

люди, что́ любятъ, того и ищутъ съ тщаніемъ; и чѣмъ болѣе что любятъ, тѣмъ усерднѣе того и ищутъ. Кто любитъ богатство, богатства ищетъ; кто любитъ честь и славу, тотъ чести и славы ищетъ. А кто чего ищетъ, тотъ посредствіе и способъ въ снисканію желаемаго удобный употребляетъ и всякаго препятствія уклоняется»...

— Ну, что, нравится?—перебилъ Андрей Андреичъ, остановившись подлѣ стола.

— Очень,—отвѣтила Лёнушка, поднявъ глаза на мужа:—истинная правда... Ужъ если кто любитъ, такъ...

— Старо,—перебилъ Андрюша. — Слова-то какія: *посредствіе... снисканіе*...

— Да вѣдь развѣ въ словахъ дѣло? — возразила Лёнушка.

Андрюша молча отошелъ отъ стола и опять зашагалъ по комнатѣ.

«Тако купцы, хотящіе собрать богатство, — продолжала Лёнушка,—по чужимъ странамъ скитаются и ѣздятъ».

— Ну, и такъ далѣе, въ томъ же родѣ, — снова перебилъ Андрей Андреичъ.—Знаешь что? Мы будемъ брать книги у Бочкина: онъ мнѣ говорилъ какъ-то въ церкви, что у него много книгъ и новые журналы есть. Вѣдь онъ часто ѣздитъ къ обѣднѣ, вотъ и будетъ привозить; а то мы къ нему посылать будемъ.

Сказавъ это, Андрей Андреичъ вышелъ изъ комнаты. Лёнушка продолжала читать сперва вслухъ, потомъ шопотомъ и наконецъ уже стала читать про себя.

— А не пора ли намъ ужинать?—сказалъ Андрей Андреичъ, вернувшись въ комнату и потягиваясь.

— Погоди, пожалуйста, дай дочитать; немножко осталось.

— Ну, ладно.

— Будешь слушать?

— Да что́... Я вѣдь ужъ пропустилъ... Впрочемъ, читай, читай...

Кончивъ статью, Лёнушка заговорила:

— Я не знаю, отчего это тебѣ не нравится... Ну, просто— прелесть!

— Не то, что не нравится,—изъяснялъ Андрюша,—а такъ... Новаго ничего нѣтъ; все это уже извѣстно.

— А папаша мой очень любилъ эту книжку,—продолжала Лёнушка.—Сколько разъ онъ ее перечитывалъ!...

— А какъ бы это намъ твоего новаго папашу провѣдать? Ужъ пора. Поѣдемъ-ка завтра.

— Поѣдемъ, согласилась Лёнушка.

XIX.

Когда Андрюша съ женой высадился у крыльца родительскаго дома, на него съ ласками бросилась та самая черная собака, которая когда-то чуть было не отъѣла ноги у свата его, Петруши. «Узна-алъ, узна-алъ, бестія»,—отвѣчалъ Андрюша на ласки животнаго, гладя его по косматой шерсти. «И на тебя не лаетъ,—обратился онъ къ Лёнушкѣ:—понимаетъ, что свой человѣкъ». Между тѣмъ старики, увидавшіе гостей въ окно, толкаясь другъ о друга, выбрели на крыльцо.

— А, дѣтушки!

— Папаша!.. Мамаша!..

— Идите-ка, идите скорѣй въ комнату-то,—проговорили старики въ одинъ голосъ.

— Ну-ка, мать, тово... самоварчикъ поскорѣе... съ дорожки-то,—суетился отецъ Андрей.

«Мать» поспѣшила распорядиться насчетъ самоварчика, а «отецъ», улыбаясь блаженной улыбкой, долгое время топтался въ передней возлѣ невѣстки и безбожно мѣшалъ ей раздѣваться, воображая, что помогаетъ ей.

— А мы и не ждали,—началъ отецъ Андрей, усадивъ возлѣ себя сына одесную, а дочь ошую:—я только было-хотѣлъ отдохнуть, а вы и тово...

— А я такъ вполнѣ была увѣрена, что вы пріѣдете,—подхватила свекровь, вернувшись въ залу съ полотенцемъ черезъ плечо и съ стаканомъ въ рукѣ.—О прошлой недѣлѣ я видѣла сонъ, будто у меня изъ большого пальца правой руки кровь такъ и течетъ, такъ и течетъ. Проснулась, думаю: непремѣнно Андрюша пріѣдетъ... Даже отцу все хотѣла сказать... Такъ вотъ и сбылось.

— Ну, а ты тово... поскорѣй тамъ,—понукалъ отецъ Андрей:—послѣ поговоришь...

— Сейчасъ, сейчасъ,—сказала мать, и снова куда-то скрылась.

— Какъ поживаете? Все ли вы здоровы?—разспрашивалъ отецъ Андрей.

— Слава Богу,—отвѣтила Лёнушка.

— Вашими молитвами,—добавилъ Андрюша.

— Привыкаешь ли, дочка, къ своему новому положенію?—обратился свекоръ къ Лёнушкѣ.

— Совсѣмъ ужъ привыкла.

— Мать!—возгласилъ вдругъ отецъ Андрей супругѣ, гре-

мѣвшей за переборкой чашками: — ты ужъ кстати и тово... и закусить сейчасъ же приготовь. Мы-то недавно... а вѣдь они-то когда еще?...

— Знаю,—отозвалась та изъ-за переборки.

— Да, такъ привыкла? — возобновилъ отецъ Андрей: — это хорошо. Ну, а-а... время какъ проводите? Чѣмъ занимаетесь?

— О, время она отлично проводитъ,—отвѣчаетъ Андрюша.— Утромъ встанетъ, Богу помолится: «Андрюша, я тебя люблю; а ты меня любишь?»—И я тебя люблю.—«Нѣтъ, ты нарочно».— Немного погодя опять то же, на другой день опять, и такъ дальше.

— Ужъ вовсе не такъ,—возразила Лёнушка съ стыдливой улыбкой.—Не правда, папаша... Онъ нарочно.

— Нѣтъ, вѣрно, вѣрно,—подтвердилъ Андрюша.

— Хоть и вѣрно... что-жъ такое?—началъ отецъ, поглядывая то на сына, то на невѣстку.—Предосудительнаго я тутъ не вижу... даже похвальное усматриваю. Кого же и любить, какъ не мужа... во младости? Мужъ — все: онъ и глава, онъ и... тово. Вотъ и насъ тоже любить надо.

— Я, папаша, и то люблю васъ,—сказала Лёнушка и, схвативъ жилистую руку свекра, поцѣловала ее.

— Такъ-то вотъ... да!—самодовольно произнесъ свекоръ, сіяя сладостной улыбкой.—Нѣтъ, ты, Андрюша, напрасно...

— А новости-то наши вы слышали?—обратилась къ гостямъ мать, снова вернувшаяся въ залу, но уже съ чайникомъ въ рукахъ.

— Нѣтъ... Какія?—спросилъ Андрюша.

— А вотъ отецъ вамъ разскажетъ.

— Это я еще разскажу, не печалься. А ты вотъ гостей-то затомила совсѣмъ.

— И ты тоже не печалься: сію минуту все будетъ.

Подали чай и вмѣстѣ закуску, состоящую изъ двухъ толстыхъ, широкихъ сельдей, отварныхъ грибовъ, огурцовъ, моченыхъ яблоковъ, чернаго и бѣлаго хлѣба. Хозяева и гости усѣлись за столъ.

— Какія же у васъ новости-то?—спросилъ Андрюша.

— Первое: Пантелей сына женилъ,—изъяснила «мать», разливая чай:—Гаврилу-то помнишь?

— Помню, помню...

— Да, женилъ, — подтвердилъ отецъ Андрей:—и надо сказать,—*насилу* женилъ.

— Какъ это?—полюбопытствовалъ сынъ.

— Да такъ... Безсовѣстенъ очень,—пояснилъ отецъ.—Приходитъ ко мнѣ: «пріискалъ дѣвку, сына хочу женить»... Ну, тамъ... приноситъ, обыкновенно тово... водки, свинины... Ладно, молъ; а за свадьбу? Онъ и вынимаетъ пять рубликовъ. Чтó ты, я говорю, съ ума, что ли, сошелъ? Одинъ у тебя сынъ и есть, и ты такъ... «Сколько-жъ, говоритъ, вамъ?» По крайней мѣрѣ, красненькую. «Это, говоритъ, не подъ силу». Какъ тебѣ, говорю, не совѣстно? На другого прикрикнешь — изъ послѣдняго дастъ, а ты ужъ и самъ долженъ бы понять... За свадьбу не взять,—такъ когда же и взять? Грошами да гривенниками не много съ тебя въ годъ-то переберешь. Иной, молъ, то-и-дѣло женитъ, и то ничего... Онъ было-торговаться... Лучше, молъ, и не толкуй. Ну... поклялся, побожился, что у него теперь нѣтъ больше, что въ день свадьбы безпремѣнно доплатитъ. Ну, молъ, смотри же. Назначили день свадьбы. Только чтó же ты думаешь? Въ воскресенье пріѣзжаютъ съ колоколами, съ бубенями, прямо къ церкви... Человѣкъ двадцать... Пантюшка этотъ приходитъ ко мнѣ: мы, говоритъ, батюшка, въ готовности; пожалуйте, говоритъ. А чтó же, я говорю, тово... Онъ и вынимаетъ два цѣлковыхъ. «Довольно, говоритъ, семи... Ничего, говоритъ, не подѣлаешь». А водки, я говорю, небось цѣлковыхъ на десять купилъ? «Да это, говоритъ, требуется». А священнику, говорю, не требуется? Ну, молъ, и пей ступай; а я вѣнчать не буду. Онъ и такъ и сякъ, и туда и сюда.—Батюшка, такой-сякой... Не буду—и кончено! «Я говоритъ, ужъ приготовился: лапши наварено, говядины напарено—страсть... Чтó же мнѣ, говоритъ, свиньямъ это валить?» Ну, молъ, и вали; мнѣ какое дѣло?.. Постоялъ, постоялъ,—ушелъ. Немного погодя мужиковъ пять съ собой привелъ. Всѣ пьяные, шумятъ: «батюшка, ослобони его, со временемъ сочтется»... Выгналъ всѣхъ вонъ. Подняли на улицѣ шумъ, крикъ. Тутъ свои сельскіе сбѣжались — народу пропасть... Смотрю—опять Пантюшка ко мнѣ—и отдаетъ три цѣлковыхъ. Вотъ теперь, говорю, ровно десять; теперь можно и повѣнчать. «Насилу, говоритъ раздобылся: никто не даетъ, а у самого копѣйки не осталось—смерть». А непремѣнно совралъ. У него тутъ же въ карманѣ были. Не что иное, какъ отводъ сдѣлалъ... якобы занялъ. Разжалобить хотѣлъ... Нѣтъ, меня не проведешь. Да... А то совсѣмъ было врозь... Да что же это ты, дочка, ничего не кушаешь-то? — обратился разсказчикъ къ Лёнушкѣ. Какъ ни взгляну,—сидитъ себѣ, ручки поджавши.

— Я, папаша, закусывала и пила,—благодарю васъ.

— Закусывала... Клюнетъ, какъ птичка какая... Зачѣмъ же ты ѣхала?

— Да развѣ я затѣмъ...

— Извѣстное дѣло... Пріѣхала въ гости и... Ну, чего тутъ совѣститься?

Лёпушка зацѣпила на вилку маленькій грибокъ, а отецъ Андрей продолжалъ:

— Мужика что переломишь, то и выгадаешь, а не переломилъ, поддался — конецъ: совсѣмъ тебя на нѣтъ сведетъ. Тогда назначь ему хоть цѣлковый за свадьбу, онъ и то полтинникъ тебѣ принесетъ. Да что́ цѣлковый? Гривенникъ проси — онъ пятачокъ дастъ. Въ рукахъ нужно держать этотъ народъ, въ ежовыхъ рукахъ!.. Лёнушка, селёдочки-то...—подчивалъ свекоръ.

— А вотъ у меня, Лёна, неравнодушна къ мужикамъ, — донесъ Андрюша.—Какой-нибудь Архипъ съ-пьяна заболитъ, — она сейчасъ навѣщать его. Чаю, сахару, ему принесетъ.

— Ну?.. Правда, что-ль? — съ удивленіемъ спросилъ отецъ Андрей.

— Ей-богу,—побожился сынъ.

Отецъ значительно взглянулъ на дочку. Та молча улыбнулась.

— Вотъ за это ужъ не похвалю. Какъ это можно! Что это за нѣжности такія? Ихъ баловать ни подъ какимъ видомъ нельзя. Послѣ сами наплачетесь. Лиха бѣда—съ перваго разу имъ поблажку дать, ну, и пиши пропало. Съ перваго разу ихъ и придавить-то надо,... чтобы знали... чтобы къ священнику были всегда относительны... Тогда и почтеніе совсѣмъ другое будетъ.

— А ну-ка, разскажи имъ про барина-то, — предложила мать.

— Да, вотъ еще тоже... чудеса! — началъ отецъ и покрутилъ головой.—Ты знаешь, этотъ Изгородинъ... всегда съ книгами возится. Дѣлать-то нечего, вотъ онъ и выписываетъ тамъ разныя... Цѣлые шкафы набилъ. Присталъ ко мнѣ разъ: «что вы не читаете ничего?» Когда-молъ намъ читать? «Пустое, говоритъ, какъ не найти времени? Я, говоритъ, придумалъ... Какъ это онъ выразился?.. Блистательную... да, блистательную мысль. Берите, говоритъ, у меня книги цѣлымъ благочиніемъ и читайте, а за чтеніе положите съ каждаго хоть по рублю въ годъ... не мнѣ, говоритъ, а на какую-нибудь пользу для общества. И вамъ, говоритъ, будетъ полезно, и обществу. Подумайте-ка, говоритъ, между собою и скажите мнѣ. Вижу, что человѣкъ пристаетъ... человѣкъ гонорный, настойчивый... Ну, молъ, ладно, подумаемъ.

Хорошо... Думалъ, думалъ я между собой—не знаю, что́ дѣлать. И человѣка-то прогнѣвать не хочется... человѣкъ нужный... и штука-то, вижу, пустая. Наконецъ, выдумалъ-таки какъ извернуться. Пріѣзжаю къ нему. «Ну, что?» Книжки, молъ, такъ и быть, пожалуй, будемъ брать, — а ужъ отъ цѣлковаго-то, если ваша милость будетъ, — увольте. Цѣлковый, молъ, въ нашемъ быту большое дѣло. Гляжу, мой баринъ и тому радъ. «Сдѣлайте милость, говоритъ... что вы! Развѣ я требую? Не можете—и не нужно,—только, говоритъ, читайте пожалуйста». И въ ту-жъ пору далъ мнѣ двѣ книжки новенькія-преновенькія. Самъ еще не читалъ, говоритъ. Обдѣлалъ это я, а другимъ еще ни слова. Послѣ при свиданіи и говорю сосѣдямъ: Изгородинъ, молъ, вотъ какую удочку намъ закинулъ, а я, молъ, ему вотъ что... Смѣху что было! Благодарили какъ!.. Нѣкоторые форсуны, какъ я слышалъ, осуждали меня за это. Эка, говорятъ, цѣлковый!.. За то благороднѣй бы было». Но только поговорили, а цѣлковаго-то все-таки не дали... Да, ловко я этого Изгородина. Придетъ же вѣдь человѣку блажь!.. И теперь покою не даетъ. Присылаетъ разъ кучера съ запиской: книжки возвратите. А онѣ у меня все время въ столѣ пролежали безъ дѣйствія. Я и отдалъ. Пріѣзжаетъ къ обѣднѣ:—«что же это вы, батюшка? Я думалъ, вы прочли, а вы даже и не разрѣзали»... Фу, ты пропасть! Опять бѣда. Теперь какъ только присылаетъ новенькую, я сейчасъ же къ дьячку: — рѣжь!

— Вотъ тоже... рекомендую... любитъ книжки читать,—снова донесъ Андрей Андреичъ, съ улыбкой указывая на жену.—Готова день и ночь читать.

— Это еще что? Совсѣмъ ужъ не къ дѣлу, — замѣтилъ отецъ.—Вникать побольше въ хозяйство—вотъ обязанность истинной супруги. А это, по-моему, ребячество. Ты ужъ не маленькая. Книжку сколько ни читай, а все ѣсть захочешь. Вотъ и надо обдумать, что̀ поѣсть, ка́къ поѣсть, да какъ и на будущее сберечь, чтобы голодному не сидѣть. Нѣтъ, это нужно оставить, безпремѣнно оставить. А ты, какъ мужъ, удерживать ее долженъ.. возбранять.

— Да она, папаша, божественныя читаетъ, — съ лукавой улыбкой проговорилъ Андрей Андреичъ.

— Божественныя... Что же что божественныя? Всему есть мѣра... Ходи въ церковь... Помни Господа Бога... Вѣдь оно... какъ сказать?..

Старикъ спутался и не договорилъ.

Кончивъ закуску, свекровь съ невѣсткой отдѣлились въ со-

сѣднюю комнату, а отецъ съ сыномъ остались въ залѣ и стали прохаживаться.

— Ну, какъ у тебя метрическія книги?—началъ отецъ.

— Ничего, записываю по статьямъ: о родившихся, объ умершихъ,—отвѣтилъ сынъ.

— Аккуратность нужна большая... Ты смотри...

— Не безпокойтесь. Что-жъ тутъ особеннаго? Пустяки.

— Вотъ будешь ихъ въ консисторію сдавать... Тутъ тоже нужна сноровка.

— Какая?

— А вотъ какая. Первое дѣло секретарю и тамъ... прочимъ— назначить надо въ самый обрѣзъ. Баловать ихъ нечего. Второе: самъ не ѣзди сдавать, а пошли всего лучше дьячка. Напиши ему для памяти на записочкѣ, кому сколько, и дай денегъ. Самъ явишься, скажутъ—мало, давай еще, ты и дашь. И какъ по новости заправятъ тебя, такъ ты ужъ и долженъ будешь вносить. А какъ дьячка-то пошлешь, такъ ему что́ хочешь говори, — съ него взять нечего: онъ не настоятель. Понялъ?

— Гм—гм...

— Пріѣдетъ благочинный,—по обзору,—попусту не траться. Староста дастъ на угощенье—угости, а не дастъ,—и такъ проводи.

Отецъ и сынъ съ минуту помолчали. Въ залѣ слышался только стукъ сапоговъ. Изъ сосѣдней комнаты донеслись слова старой попадьи: «заболтай, да и поставь въ теплое мѣстечко».

— Чего тамъ *болтай?* — привязался старикъ, понявъ слова супруги по-своему.

— А тебѣ на что̀?—отозвалась старуха.—У васъ тамъ свой разговоръ, а у насъ свой.

— Опять же вотъ свѣчная сумма,—снова обратился отецъ къ сыну,—мудреная вещь, тонкая. Тебѣ получше въ это вникнуть надо.

— Что же тутъ такое?

— Видишь ли: приходъ твой небогатый, а поборовъ теперь съ церквей много взимается; процентъ со свѣчей идетъ большой. Вышло у тебя въ годъ... скажемъ—пять пудовъ свѣчей. А ты показывай два пуда: вотъ у тебя съ трехъ пудовъ проценты-то и дома. Установи этакъ, да и веди все время. Мы этимъ знатно поддерживаемъ экономію. А не будь этихъ ухищреній, такъ съ нынѣшними поборами до того дойдешь, что и крыша на церкви провалится, — даже веревокъ къ колоколамъ не на что будетъ купить. Ей-богу! Это ты замѣть себѣ... А чтобы какъ-нибудь не

пронюхали твою штуку, ты поступай нижеслѣдующимъ образомъ. Сколько въ отчетѣ показываешь, столько и купи на одномъ заводѣ—по счету, формально, — а остальное покупай кое-гдѣ въ лавкахъ, по частямъ, безъ счету. Тогда выйдетъ и чисто, и хозяйственно.

— ...А на вторую половину пойдетъ, тогда ты и сама почувствуешь...—слышалось изъ сосѣдней комнаты во время паузы, происшедшей въ залѣ.

«А вѣдь, собственно говоря, папаша молодецъ», — думалъ Андрей Андреичъ, ѣдучи уже домой. — «Многое понимаетъ... Практиченъ какъ! Прежде я какъ-то не замѣчалъ этого... Мужики... дѣйствительно — этакіе хамы, бестіи, какъ посмотришь поближе... О свѣчахъ тоже... куда угодно разсудилъ. Ну, да вѣдь старикъ»...

«Что это *они* какіе чудные?—думала между тѣмъ Лёнушка.— Они считаютъ меня или за дурочку, или за маленькую дѣвочку, которую нужно учить всякой бездѣлицѣ сначала. А вѣдь, кажется, оба любятъ меня...»

XX.

Визитъ къ старикамъ произвелъ нѣкоторую перемѣну въ жизни супруговъ. Андрей Андреичъ сталъ меньше говорить съ женой, меньше обращать на нее вниманія. Онъ постоянно что-то напѣвалъ про себя, ровно бы что-то соображалъ, что-то втайнѣ обдумывалъ. Лёнушка тоже сдѣлалась сосредоточеннѣе. Она сравнивала въ душѣ своей покойнаго папашу съ *новымъ* папашей. Украдкой взглядывая на мужа, старалась проникнуть въ его внутренній міръ и разгадать въ немъ то, чтó казалось ей непонятнымъ. «Зачѣмъ это онъ все разсказалъ отцу, — думала она,—да еще прибавилъ, преувеличилъ? Съ какой-то насмѣшкой... ровно бы жаловался на меня. Вѣдь это наше домашнее дѣло; зачѣмъ знать объ этомъ другимъ?.. Чего же онъ желаетъ отъ меня?.. О чемъ это онъ теперь думаетъ? Бывало, хоть о чемъ-нибудь поговоритъ или пошутитъ, а теперь»... Эти и подобныя мысли тяготили ее. Она смутно чувствовала, что что-то не ладно, и не знала, чтó дѣлать. За чтó ни возьмется, все у ней стало какъ-то неладиться. Ей стало, наконецъ, не въ мочь переносить такое состояніе и она первая нарушила тяжелое молчаніе.

— Андрюша,—начала она:—отчего это ты такой задумчи-

вый? Ничего не говоришь... Неужели мнѣ твоихъ мыслей и знать нельзя или не должно?

— Съ чего это ты взяла?—серьёзно проговорилъ Андрюша:— я вовсе ни о чемъ и не думаю.

— Чтó же ты все молчишь?

— Да такъ... Скучно что-то.

— Скучно... Отчего же мнѣ съ тобой не скучно?

— Я не знаю... Но вѣдь и ты со мной мало говоришь; отчего же я къ тебѣ не пристаю.

— Я пробовала, да ты сталъ какой-то... И разговору съ тобой не подберешь. Развѣ я виновата, что тебѣ скучно.

— Я и не говорю, что ты виновата.

— То-то и есть-то... А вѣдь мнѣ тяжело...

— Охота тебѣ обращать вниманіе.

— Какъ это ты говоришь, Андрюша! Ты хорошъ, веселъ,— и мнѣ хорошо. Я тѣмъ и живу. Твоя жизнь—моя жизнь.

— Нельзя же быть постоянно веселымъ, постоянно прыгать.

— Да не то что прыгать, а по крайней мѣрѣ быть... Какъ бы это тебѣ сказать?...

— Ты, я вижу, и сама не знаешь, чтó тебѣ нужно.

Лёнушка нѣсколько смутилась и, немного помолчавъ, продолжала:

— Скучно тебѣ, ты бы что-нибудь подѣлалъ, либо проѣхался бы куда-нибудь... вотъ хоть къ Бочкину. Тамъ бы кстати и книжекъ взялъ.

Андрей Андреичъ сдѣлалъ гримасу, какъ-будто предложеніе жены ему не понравилось, а между тѣмъ про себя подумалъ: «въ самомъ дѣлѣ — поѣхать къ Бочкину... вѣдь ужъ нѣсколько разъ звалъ»...

Бочкинъ былъ небогатый помѣщикъ, старый холостякъ, прихожанинъ Андрея Андреича. Онъ былъ человѣкъ неглупый, острякъ и неистощимый анекдотистъ. Были ли у него какія-нибудь убѣжденія, этого никто не зналъ, не исключая, кажется, и его самого. Надъ религіей онъ острилъ такъ же, какъ и надъ своей кухаркой, хотя каждый почти праздникъ ѣздилъ къ обѣднѣ и каждый годъ исповѣдывался. Онъ любилъ выпить, поиграть въ картишки и промыслить насчетъ клубнички. У него было много книгъ, но научной книги или серьёзнаго журнала у него нельзя было найти. У него была цѣлая тетрадка скандалёзныхъ стихотвореній и коллекція особаго рода фотографій, которыя онъ съ наслажденіемъ разсматривалъ. Хозяйствомъ онъ почти не занимался. Землю ему обработывали мужики даромъ, такъ какъ

онъ ссужалъ ихъ зерновымъ хлѣбомъ, земледѣльческими орудіями, а иногда и деньгами. Онъ нѣкоторое время былъ мировымъ судьею, но потомъ, осудивъ огуломъ все старое и новое въ Россіи, рѣшилъ никому не служить, кромѣ себя. Знакомство у него было небольшое. Образованные и дѣловые люди смотрѣли на него, какъ на чудака, и онъ ихъ за это терпѣть не могъ. Мелкій фабрикантъ-купецъ, управляющій неизвѣстнаго происхожденія, спившійся съ круга бывшій исправникъ, мельникъ-вдовецъ и кутила,—вотъ лица, которыя составляли общество Бочкина. Андрей Андреичъ съ перваго разу понравился ему своею развязностію и вовсе не-поповскимъ тономъ, такъ-что Бочкинъ, при первомъ же свиданіи, сказалъ ему комплиментъ: «Вы, батюшка,—сказалъ онъ,—вовсе не походите на своихъ предшественниковъ: въ васъ есть нѣчто свѣжее, выдающееся». — «Да ужъ пора намъ отстать отъ затхлой рутины»,—самодовольно отвѣтилъ Андрей Андреичъ,—и этой фразой окончательно восхитилъ Бочкина. Бочкинъ въ ту-жъ пору рѣшилъ втянуть въ свой кружокъ молодого батюшку... Вотъ къ этому-то Бочкину Андрей Андреичъ и рѣшился поѣхать для прогнанія скуки.

— Ну, вотъ, давно бы такъ-то, — встрѣтилъ Бочкинъ Андрюшу, дружественно протягивая ему руку.—Въ нашей чертовской глуши, — заговорилъ онъ, усадивъ гостя на диванъ, — увидать лишній образъ божій—несказанная находка. Образовъ-то у насъ, пожалуй, и много, да все суздальскіе. А иной какъ лѣшій въ сценахъ Горбунова: «одна ноздря у него, а спины нѣту»... Спасибо, спасибо, что провѣдали. Вотъ мы и побаклушничаемъ. Я хотѣлъ-было нынче свиснуть своимъ пріятелямъ, да вспомнилъ, что завтра мельникъ имянинникъ. Засидѣлись бы нынче, да засидѣлись бы завтра—и пришлось бы потомъ дня три оплевывать вселенную.—Селина, чаю!—крикнулъ хозяинъ, и тотчасъ пояснилъ: — это у меня Соломонида, чортъ ее возьми!... Терпѣть не могу такихъ именъ, а дѣвка славная... Да сбросьте эту хламиду,—повелительно произнесъ хозяинъ, тряся гостя за широкій рукавъ рясы, —точно друидъ какой...

Андрей Андреичъ почувствовалъ себя съ такимъ собесѣдникомъ, какъ рыба въ водѣ. Онъ небрежно стянулъ съ себя рясу и, свернувъ ее комкомъ, бросилъ на кресло.

Толстая, краснощёкая дѣвка подала самоваръ.

— Вотъ это и есть моя Селина... рекомендую,—отрапортовалъ хозяинъ.

Андрей Андреичъ слегка привсталъ и поклонился Селинѣ. Та кивнула ему на ходу и скрылась.

— Да... У васъ жена, а у меня дѣвка, — продолжалъ хозяинъ, заваривая чай: — а есть ли тутъ какая разница — этотъ вопросъ философами еще не рѣшенъ... Пододвигайтесь-ка поближе...

— Конечно, въ соціальномъ отношеніи...—отозвался сконфуженно Андрей Андреичъ, пододвигая къ столу стулъ.

— Да такъ, вѣрно,—перебилъ хозяинъ, наливая гостю стаканъ. — Хоть *ты* тамъ вяжешь и рѣшишь, а этого вопроса не разрѣшишь...

— «Азъ точію свидѣтель», сказано,—проговорилъ батюшка.

— То-то и дѣло-то: ты-то всему свидѣтель, а у тебя-то нѣтъ свидѣтелей. Шутъ тебя знаетъ, чтó ты тамъ раздѣлываешь.

— Нѣтъ, и у меня есть свидѣтель...

— Ну, какой тамъ?... Свой братъ тоже... Впрочемъ, я пошутилъ. Вѣдь у тебя жена хорошенькая... Чтò-жъ, ты ее любишь?

— Еще бы!

— Кàкъ это «еще бы»? Какъ будто жену непремѣнно ужъ любятъ. Жена у васъ бóльшею частію—заданная тэма; а на заданную тэму любить нельзя. Любовь должна быть свободна, какъ сама свобода. По-моему, гдѣ любовь, тамъ и жена, а вовсе не наоборотъ. Можно и жену не любить и не-жену любить. Такъ ли?

— Не знаю, не испыталъ.

— Ну, полно притворяться-то... Впрочемъ, и съ присяжной женой можно жить недурно: все зависитъ отъ искусства уладить отношенія. Великій Пушкинъ изрекъ на этотъ счетъ высокую и практическую истину:

Чѣмъ меньше женщину мы любимъ,
Тѣмъ легче нравимся мы ей.

Значитъ, весь секретъ въ томъ, чтобы выбрать себѣ миленькій персонажикъ и отпускать ему любви черезъ часъ по ложкѣ,— и будешь счастливъ.

Въ этомъ тонѣ разговоръ продолжался довольно долго. Затѣмъ послѣдовала выпивка и закуска. Послѣ закуски Бочкинъ угостилъ батюшку своими завѣтными фотографіями, подробно комментировалъ ихъ и по поводу каждой сообщалъ какой-нибудь случай изъ своей многоопытной жизни. Прощаясь съ Бочкинымъ

уже въ десятомъ часу вечера, онъ обѣими руками крѣпко сжалъ его руку и восторженно воскликнулъ:

— Александръ Ивановичъ! Я въ васъ нашелъ такого человѣка... такого... Благодарю васъ!

И онъ изо всей мочи стиснулъ руку хозяина.

— Ну, ладно, ладно, — пробормоталъ Бочкинъ, слегка поморщившись отъ боли.—Прошу во всякое время, безъ церемоній.

— Да!... Книжечку бы мнѣ какую-нибудь,—хватился Андрей Андреичъ уже около выходной двери.—Скука... да и жена тоже читать любитъ.

— Съ удовольствіемъ,—отозвался хозяинъ, и черезъ минуту вынесъ гостю двѣ книги.—Вотъ тебѣ пока на первоначальное обзаведеніе. Славныя книжки... Одна изъ нихъ прямо къ твоему положенію подходитъ.

Хотя Лёнушка и посовѣтовала мужу для прогнанія скуки поѣхать къ Бочкину, но въ его отсутствіи, истомившись отъ долгаго ожиданія, ужасно соскучилась, и не разъ пожалѣла, что подсказала ему Бочкина. Она сильно волновалась, безпокоилась, и то-и-дѣло смотрѣла въ окно. Въ ея воображеніи рисовались разныя непріятныя картины и сцены, и она всячески старалась себя успокоить. «Вѣдь все-таки не близко,—шептала она сама съ собой:—туда да оттуда проѣхать, и то времени не мало надо. Притомъ—нельзя же такъ: пріѣхать, взять книги съ полки, да и назадъ. Все-таки нужно посидѣть, поговорить»...

Вошла кухарка и спросила:

— Скоро ли мы нынче будемъ ужинать?

— Хозяинъ пріѣдетъ, тогда и будемъ ужинать, — спокойно отвѣтила Лёнушка.

— А далеча ли его Господь-то понесъ?

— Къ Бочкину.

Кухарка при этомъ какъ-то особенно покачала головой, но Лёнушка не захотѣла обратить на это вниманія.

Наконецъ пріѣхалъ супругъ. Лёнушка выбѣжала со свѣчей въ переднюю. Андрей Андреичъ, переступивъ порогъ, весело и ласково заговорилъ:

— Ну-ка, ну-ка, птичка... гдѣ ты тутъ? Подойди-ка ко мнѣто скорѣй.

Лёнушка съ радостью подскочила къ мужу и поздоровалась съ нимъ, причемъ ее обдало сильнымъ запахомъ водки.

Андрей Андреичъ, раздѣваясь, уронилъ книжки на полъ.

— А, книжки!—проговорила Лёнушка, и нагнулась поднять книжки.

— Погоди, погоди, душа, — бормоталъ Андрей Андреичъ, вѣшая рясу на гвоздь. — Я сейчасъ самъ тебѣ покажу и объясню.

Онъ почти вырвалъ у жены книги и поспѣшилъ въ залу.

— Давай скорѣе свѣчку,—сказалъ онъ, остановившись подлѣ стола.

Лёнушка поставила свѣчку на столъ и припала къ книжкамъ. Андрей Андреичъ, тяжело и прерывисто дыша, нетвердой рукой развернулъ книги и прочелъ заглавія: «Физіологія брака», «Петербургскія трущобы».

— Ну, нá же тебѣ, — сказалъ онъ, торжественно вручая обѣ книги женѣ.—Вотъ вѣдь я тебѣ какихъ досталъ, пострѣленочекъ ты этакой,—добавилъ онъ, ласково трепля Лёнушку по щекѣ.

— Ну, давай же почитаемъ,—съ улыбкой сказала Лёнушка, шаловливо отстраняя руку мужа.

— Э, еще успѣемъ... чего тамъ?... Такъ давно не видала мужа — и сейчасъ за книгу, — проговорилъ Андрей Андреичъ, пожимая плечами и размашисто жестикулируя.

— Да что это ты какой чудной?—сказала Лёнушка, наблюдая его угловатыя ужимки и жесты.

— Чтò, ты думаешь, я пьянъ, что ли? — воскликнулъ Андрюша, бодрясь и принимая солидную позу.—Ну-ка, бѣги, я тебя догоню.

Лёнушка взглянула на него и засмѣялась.

— Ну, бѣги, что ли! — повторилъ Андрей Андреичъ, и, согнувъ локти подъ острымъ угломъ и сжавъ кулаки, онъ нетвердыми шагами суетливо забѣгалъ по комнатѣ, приговаривая: «видишь! видишь! видишь!»...

Въ то время, какъ батюшка уже во второй разъ стремился изъ угла въ уголъ, а Лёнушка смѣялась, въ дверяхъ залы, выросла кухарка, со скатертью и тарелками въ рукахъ. Взглянувъ недоумѣнными очами на дивное ристалище, она громко проговорила:

— Кушать будете, что-ль?

— А? — спросилъ Андрюша, укротивъ бѣгъ на половинѣ стадіи.—Тебѣ чтó нужно? Кто тебя просилъ, а?—присталъ онъ, приступая къ кухаркѣ.

— Я говорю: ужинать будете? — повторила кухарка.

— Ну, не буду, ну! Тебѣ какое дѣло? Возьми да поужинай... Убирайся!

Кухарка ушла, а Андрей Андреичъ фертомъ подскочилъ къ женѣ и воскликнулъ:

— А, ну? Что?... Небось!... Ишь вѣдь, синичка этакая!...

— Да ужъ нѣчего...—начала-было Лёнушка.

— Спать, спать, спать хочу и больше ничего,—перебилъ Андрей Андреичъ, таща ее за обѣ руки.

Лёнушка, хотя и смѣялась, созерцая *ристаніе* супруга, но сердце ея щемило непонятной, безотчетной болью, и она долго не могла заснуть въ эту ночь.

XXI.

Утромъ слѣдующаго дня къ крыльцу дома Андрея Андреича подкатили бѣговыя дрожки, едва выдерживая давленіе тучнаго и грузнаго корпуса того самаго мельника, о которомъ наканунѣ упомянулъ Бочкинъ. Мельникъ пріѣхалъ попросить батюшку отслужить молебенъ «по случаю тезоименитства». Отслуживъ молебенъ, Андрей Андреичъ получилъ отъ имянинника приглашеніе «хлѣба-соли откушать и раздѣлить время».

— По настоящему, подобало бы и матушку,—изъяснялъ мельникъ, но бабы у меня своей нѣтъ, принять ее некому, тамъ кое-какія мотаются у меня, да она пожалуй побрезгаетъ. Ужъ лучше, батюшка, вы одни... Мое дѣло вдовье... А вы не взыщите.

— Съ удовольствіемъ,—отозвался батюшка: что тамъ еще толковать?... Когда же? Сейчасъ?

— Сейчасъ-сейчасъ, а вечеркомъ само собой. У меня будутъ и изъ благородныхъ...

— Непремѣнно, непремѣнно,—заключилъ батюшка, протягивая руку имяниннику.

— Лёна, я долженъ сейчасъ ѣхать,—заявилъ Андрей Андреичъ, придя изъ церкви.

— Куда?—спросила Лёнушка.

— Да къ Кирпичеву на имянины,—сейчасъ звалъ,—договорилъ супругъ какъ-то несмѣло, будто опасаясь, что его не пустятъ или изругаютъ.

— Что-жъ?... звалъ,—такъ поѣзжай,—тихо и какъ-бы противъ воли проговорила Лёнушка. Только ты пожалуйста...—добавила она—и замялась.

— Что, что «пожалуйста?» — съ живостью спросилъ Андрюша, бросивъ на жену безпокойный взглядъ.

— Да такъ... Не нужно такъ, какъ вчера...—съ мольбой въ голосѣ пояснила Лёнушка и потупила взоръ.

— Ну... ужъ ты безъ предостереженій?

У имянинника Андрей Андреичъ встрѣчилъ Бочкина, фабриканта, эксъ-исправника, старшину и нѣсколько другихъ, еще незнакомыхъ ему личностей. Бочкинъ встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями и, ставъ среди комнаты въ величественную позу, торжественно провозгласилъ:

— Господа, знаете ли вы, какую драгоцѣнность мы пріобрѣли въ лицѣ новаго батюшки, отца Андрея? Это, я вамъ скажу, во всѣхъ отношеніяхъ...

— И говорить нечего. . Слава тебѣ Господи! — перебилъ имянинникъ, схвативъ батюшку подъ руку и подводя къ столу, уставленному яствіемъ и питіемъ.

Батюшка выпилъ поздравительную *красоулю* и первое время не зналъ, какъ уравновѣситься среди новаго общества. Пріятно польщенный отзывами Бочкина и мельника, онъ самодовольно улыбался, но въ то же время думалъ, прилично ли ему улыбаться, ибо онъ «пастырь и духовный отецъ и вообще этакое лицо»... Но вотъ онъ прошелся—подъ дирекціею Бочкина—по другой, по третьей, и совершенно ассимилировался съ средой. Онъ съ удовольствіемъ выслушивалъ различныя остроты захолустныхъ вольтерьянцевъ и Балакиревыхъ и самъ силился отпустить какую-нибудь шутку, гармонирующую съ общимъ тономъ. Все пошло, какъ по маслу; во всѣхъ Андрей Андреичъ расположенъ былъ видѣть друзей и братьевъ... Послѣ имяниннаго обѣда начали «организовываться картишки».

— Батюшка, не угодно ли и вамъ?—нерѣшительно предложилъ хозяинъ, почесывая въ затылкѣ.—Извините, я по-просту,—продолжалъ онъ:—можетъ быть вы... Извините ради Бога...

— Ничего, ничего,—ободрительно проговорилъ Андрей Андреичъ:—я тоже иногда участвовалъ...

— Вотъ и прекрасно,—оживленно произнесъ мельникъ и тотчасъ возгласилъ:—Господа, прикладьте вотъ и батюшку: *они* тоже желаютъ...

— А кто же въ этомъ сомнѣвался?—отозвался Бочкинъ, стоя за разложеннымъ зеленымъ столомъ и разбивая карты. Нынче ужъ дураковъ-то мало стало... Ну-ка!...

При послѣднихъ словахъ онъ вытянулъ руку съ распущенной вѣеромъ колодой и пригласительно мигнулъ батюшкѣ.

Андрей Андреичъ отвернулъ рукавъ рясы и двумя пальцами выдернулъ одно изъ звеньевъ вѣера.

— И все въ хламидѣ, все въ хламидѣ!—съ гримасой замѣтилъ Бочкинъ.—Вѣдь ужъ сказано разъ: все это долой!

Батюшка оставилъ свою карту на столѣ и пошелъ снимать хламиду.

— Впрочемъ, вы, можетъ быть, по большой?—сказалъ онъ, снова приближаясь къ столу, уже въ одномъ подрясникѣ.

— Нѣтъ, тридцать копѣекъ ставка,—отвѣтило съ-разу нѣсколько голосовъ... А разыграемся—по шестидесяти поставимъ,—выдѣлился голосъ Бочкина.

— О, нѣтъ, я боюсь по такой,—заявилъ Андрей Андреичъ:—да со мной и денегъ очень мало... Я не предполагалъ...

— Да что вы сомнѣваетесь?—ввернулъ имянинникъ:—а хозяинъ-то на что-жъ? Выручимъ, въ случаѣ ежели... Свои люди...

Батюшка выбралъ мѣсто, заложилъ обѣими руками волосы за уши, раза три кашлянулъ отъ волненья—и полѣзъ въ карманъ за деньгами.

Андрей Андреичъ, въ первый разъ усѣвшись играть по большой—какъ ему казалось—игрѣ, игралъ робко и осторожно, между тѣмъ какъ его партнеры рисковали во всю ивановскую. Скоро ему карта повалила валомъ, и онъ едва успѣвалъ собирать деньги. Бочкинъ хотя проигрывался, но весьма сочувствовалъ батюшкѣ и послѣ каждаго порядочнаго куша, взятаго послѣднимъ, тянулъ его за руку въ уголъ, къ столу, уставленному разнаго рода «подкрѣпленіями» и «пилъ съ нимъ удачу». Ставилъ ли батюшка, ремизъ—это опять давало Бочкину поводъ пригласить его выпить—«съ горя»... Время шло часъ за часомъ, головы туманились, нервы раздражались, кушъ возвышался. Вечеромъ Андрей Андреичъ сталъ уже смѣшивать пики съ червями; но счастье все-таки не измѣняло ему, и карманъ его все болѣе и болѣе пополнялся.

Лёнушка, чтобы облегчить для себя тяжесть нежеланнаго, томительнаго одиночества, проводивъ мужа, отправилась въ кухню и тамъ старалась найти себѣ занятіе. Но за что она ни бралась, отъ всего отстраняла ее кухарка съ замѣчаніями, въ родѣ слѣдующаго: «Э, матушка... Ну кто-жъ таки-такъ дѣлаетъ?!.. Или: Э, ужъ, Господи!... Постой-ка, я сама»... Лёнушка повертѣлась, повертѣлась и сѣла на лавку.

— Марья, что-жъ тебѣ отъ мужа-то... до сихъ поръ еще нѣтъ извѣстія?—спросила она кухарку.

— Нѣту-ти, — печально отвѣтила кухарка, продолжая свою работу.

— Что же, ты часто о немъ вспоминаешь?

— По первоначалу-то, бывало, часто... а теперь почитай ужъ и перестала. Только вотъ, когда горе крѣпко возьметъ, али дюже занеможется, такъ подумаешь: вихремъ тамъ его, мошенника, носитъ, а тутъ послѣднюю силу кладешь... себѣ на пропитанье... съ дитёмъ малымъ... А тó—чего же о немъ думать? Много онъ-то обо мнѣ думаетъ... въ пять-то годовъ? Ежели бы сынишка у меня былъ маленько повозрастнѣй, такъ я и вовсе бы на него плюнула.

— Неужели бы плюнула!

— Передъ истиннымъ Богомъ—плюнула бы. Да на моемъ мѣстѣ всякая бы плюнула... Развѣ не плюнешь?... Доведись хоть до тебя... Вотъ батюшка-то твой взялъ бы да и завертѣлся отъ тебя на пять годовъ... Каково бы тебѣ тогда?... Правда, въ вашемъ званіи этого нельзя... но тáкъ, хоть къ примѣру... Небось, первая бы сказала: притка, молъ, те сломай совсѣмъ...

— Ахъ, что это ты, Марья!... Развѣ такъ можно?

— Вѣстимо нельзя, коли кто этого не кушалъ; а кто кушалъ—можно.

— И враговъ нужно любить, не то что мужа, который едино съ женой,—наставительно замѣтила Лёнушка.

— Гдѣ же *едино*, коли я вотъ гдѣ, а онъ бознать гдѣ?—возразила Марья.—Опять же: отчего же онъ-то меня не любитъ? Вѣдь я ему не врагъ... да ежели бы и врагъ-то...—какъ ты говоришь...

— Любовью всякаго человѣка можно привлечь,—задумчиво проговорила Лёнушка.

— А то развѣ не привлекаютъ? Мало ли вѣтренницъ-то? Не то что безъ мужа, и при мужѣ привлекаютъ; да я не изъ такихъ...

— Ты меня не поняла, Марья.

— Да какъ намъ понимать? Ваша одна жизнь, а наша другая. Ты и сама-то только еще начинаешь жить... Правду сказать, добра у тебя въ душѣ много... ну, и Господь тебя не оставитъ...

Запасъ краснорѣчія у Марьи, наконецъ, истощился, и она замолчала. Лёнушка посидѣла-посидѣла и ушла изъ кухни.

Придя въ залу, она взглянула на часы и приблизительно разсчла, когда долженъ пріѣхать Андрюша. Затѣмъ ей попались

на глаза вчерашнія книжки. Она взяла «Физіологію брака» и, сѣвъ на диванъ, начала перелистывать ее, но кончила тѣмъ, что поспѣшно закрыла книгу и отнесла ее на прежнее мѣсто. Взявъ «Петербургскія трущобы», она начала разсматривать ихъ стоя, предполагая, что и эту книжку придется такъ же скоро положить, какъ и первую. Однако она не съ-разу положила книгу, а нѣкоторое время пробѣгала по нѣскольку строкъ то тамъ, то здѣсь. Наконецъ Лёнушка наткнулась на классически-пикантныя сцены «Трущобъ», сморщилась и бросила книгу. «Боже мой, какъ же все это напечатали?—произнесла она вслухъ...—А *онъ* вѣдь хвалилъ... Неужели это ему нравится?!..» Лёнушка снова взглянула на часы и подумала: «сейчасъ, должно быть, пріѣдетъ; сказалъ: скоро»...

Но это *скоро* растянулось въ такое *долго*, что Лёнушка совсѣмъ измучилась ожиданіемъ. Она сперва ждала мужа къ обѣду, потомъ начала ждать къ вечернему чаю, наконецъ къ ужину—Андрюши нѣтъ-какъ-нѣтъ! Нѣсколько разъ она призывала къ себѣ для развлеченія Марью, разспрашивала ее о сынѣ и о всякой всячинѣ, посылала за просвирней; но ничто не помогало: рѣчь ея не вязалась, сердце щемило. Часа въ два ночи, когда Лёнушка, при тускломъ свѣтѣ лампады, тщетно старалась заснуть,—раздался громкій стукъ въ двери сѣней. Она быстро вскочила съ кровати и бросилась въ переднюю. Сердце у ней сильно билось, и она почти задыхалась.

— Побойся ты Бога, Андрюша,—жалобно начала Лёнушка, едва давъ мужу ввалиться въ дверь:—развѣ можно такъ мучить?... У мельника сидѣть цѣлыя сутки!.. А еще давича сказалъ...

— А ты заплачь, заплачь... А то не жалостно,—грубо отозвался Андрюша.

— Господи, да онъ едва на ногахъ держится!—воскликнула Лёнушка, присмотрѣвшись къ походкѣ мужа, когда онъ, не поздоровавшись съ нею, поплелся въ залу.

Усѣвшись возлѣ стола, Андрей Андреичъ молча началъ вынимать изъ разныхъ кармановъ смятые кредитные билетики и складывать ихъ на столъ въ кучу.

— Что это?—спросила Лёнушка.

— Деньги—не видишь?

— Гдѣ же это ты взялъ?

— Выигралъ.

— Какъ это выигралъ?

— Въ карты.

— Да неужели ты въ карты игралъ... съ мельникомъ?—съ

удивленіемъ спросила Лёнушка.—Священникъ—и съ мужиками въ карты!

— А что? Нельзя?—потому что тятенька твой не игралъ?—съ кислой улыбкой съострилъ Андрей Андреичъ.

— Да,—съ живымъ чувствомъ сказала Лёнушка:—папаша въ карты не игралъ.

— Ну, за твоимъ тятенькой не угоняешься. Онъ тебѣ ни копѣйки не оставилъ, а я тебѣ вотъ сколько принесъ. (При этомъ онъ потрясъ въ рукахъ толстый пукъ ассигнацій).

— Да что мнѣ деньги, Андрюша,—что́ мнѣ деньги?—кротко произнесла Лёнушка:—мнѣ развѣ деньги!...

Лёнушка опустилась на диванъ подлѣ мужа и, припавъ къ его плечу, истерически зарыдала.

— Ну... ну... ну, что это?.. Такъ и есть... Какъ же это...—смущенно заговорилъ Андрей Андреичъ, повернувъ голову къ Лёнушкѣ.

Лёнушка продолжала рыдать. Андрюша положилъ гитару на стулъ и бережно охватилъ жену руками.

— Ты постой-ка, постой,—началъ онъ:—погоди... Перестань... погоди... Что́ я тебѣ скажу-то... Ну, перестань...

Но Лёнушка рыдала все сильнѣе и сильнѣе.

— Что за исторія!..—проговорилъ Андрей Андреичъ, совершенно растерявшись...—Пойдемъ спать... Ну, будетъ... пойдемъ.

Онъ приподнялся,—Ленушка повалилась вдоль дивана. Черезъ нѣсколько минутъ она смолкла и, закрывъ глаза, тяжело и утомленно дышала.

Андрей Андреичъ нагнулся къ женѣ и хотѣлъ взять ее на руки. Но едва онъ прикоснулся къ ней, она схватила его руку обѣими руками и, открывъ глаза, слабо проговорила:

— Постой, голубчикъ, я сейчасъ... постой, душенька...

— То-то и есть-то, — ни къ селу, ни къ городу сказалъ Андрюша: — зачѣмъ та́къ?... Видишь, вотъ?... Да!...

Лёнушка начала опять дышать чаще и чаще, слезы градомъ полились по ея лицу — и она опять зарыдала.

На этотъ разъ Лёнушка скоро успокоилась и, оперщись на руку мужа, поднялась съ дивана.

— Поди скорѣй, успокойся,—заботливо проговорилъ супругъ.

— Андреичка мой... Я и сама не знаю, что́ это такое... Охъ, Боже мой! (она перевела духъ). Ну... поцѣлуй же меня,—заключила она, улыбаясь и остановивъ на Андрюшѣ нѣжный взглядъ, орошенный влагою недавнихъ слезъ.

Весь слѣдующій день Лёнушка пролежала въ постели, страдая мучительною головною болью. Андрей Андреичъ ходилъ мрачный, постоянно плевалъ и ворчалъ: «этакіе скоты!... Нѣтъ, нужно оставить: ну ихъ къ чорту!»

XXII.

Тайна, на которую намекала Лёнушкѣ свекровь, говоря «о второй половинѣ», — начала для нея мало-по-малу выясняться. Просвирня, провѣдавъ эту тайну, постоянно давала матушкѣ совѣты, наставленія и внушенія; но Лёнушка мало обращала на нихъ вниманія, думая, что Анна Ивановна слишкомъ уже преувеличиваетъ дѣло, представляя ее, Лёнушку, какою-то изнѣженною барынею. Быстро сбѣжать съ крыльца, перепрыгнуть черезъ порогъ—для нея ничего не значило... Разъ, въ отсутствіе Андрея Андреича, она вздумала поправить доски на своей широкой деревянной кровати. Никому не сказавши ни слова, она стащила на полъ массивную, тяжелую перину и, уладивши доски, начала снова втаскивать ее на кровать. Но вдругъ Лёнушка почувствовала, что у ней спина точно переломилась; она вскрикнула и вмѣстѣ съ периной повалилась на полъ. Вошла кухарка и, увидѣвъ лежащую на полу и стонущую матушку, всплеснула руками и воскликнула:

— О-о, Царица небесная! — догадало-жъ тебя нелегкая, прости Господи... Ай-ай-ай, батюшки!...

Оставивъ матушку, она побѣжала къ просвирнѣ. Черезъ нѣсколько минутъ явилась просвирня, испуганная, взволнованная, и, при помощи кухарки, привела въ порядокъ постель и уложила на нее матушку.

— Эка вѣдь грѣхъ какой, — Господи помилуй! — бормотала просвирня, суетясь около матушки. Ужъ добро бы я не говорила... а то вѣдь сколько разъ говорила? — сколько разъ просила: матушка, опасайтесь вы, ради Бога!... Нѣтъ, вотъ... Эка младость, Господи!... Что за младость такая!... На эту бѣду батюшки-то нѣтъ... Вѣдь нужно за докторомъ.

— Ну, еще тамъ...—слабымъ голосомъ возразила Лёнушка:— пройдетъ и такъ.

— Ахъ, милая моя, что это вы такъ легко?... воскликнула просвирня, качая головой.

Пріѣхалъ Андрей Андреичъ. Просвирня сообщила ему о случившемся и повела въ спальню.

— Гм... Коммиссія, Создатель!—пробормоталъ батюшка, стоя подлѣ жены.

— Надо за докторомъ, — проговорила просвирня.

— Да развѣ надо? — возразилъ Андрей Андреичъ.

— И я тоже говорю: зачѣмъ? — вставила Лёнушка.

— Ахъ, батюшки мои родимые! — воскликнула просвирня, ударивъ руками о кострецы: — они чисто руки на себя накладываютъ!... Вѣдь... видите, какое дѣло-то? (При этомъ она объяснила батюшкѣ, какое именно дѣло). Безпремѣнно, безпремѣнно доктора... Какъ это можно?... Эти дѣла-то я знаю да перезнаю...

Привезли доктора. Докторъ,—маленькій, рыженькій и лысенькій мужчина лѣтъ тридцати-пяти, явившись въ спальню Лёнушки съ сакъ-вояжемъ, наполненнымъ разными инструментами, пожелалъ произвести діагностику. Но Лёнушка воспротивилась.

— Вамъ извѣстно, чтó со мной,—сказала она:—вы теперь и такъ можете прописать рецептъ.

— Ахъ, мадамъ, оставьте пожалуйста предразсудки,—имѣйте довѣріе къ доктору, — съ важностью произнесъ Гиппократъ, нѣсколько наклонившись впередъ и потирая руки. Ну-те, позвольте же...

— Ахъ, Господи, что же это такое?... — болѣзненно проговорила Лёнушка.

— Какъ же быть-то, милая? Нельзя же... стало быть надо,— вставила просвирня, стоя у Лёнушки въ ногахъ и подперши щеку рукой.—Вѣдь не долго... Вѣдь *они* для вашей же пользы.

Лёнушка сморщилась, глубоко вздохнула и, закрывши глаза, изъявила, наконецъ, согласіе на требованіе доктора.

— Гм-гм...—промычалъ докторъ, наведя нужныя ему справки. Не мѣшало бы акушерку... А впрочемъ... достаточно опредѣлилось... Позвольте руку?... Языкъ?... Побольше, побольше... Гм-гм... Чувствуете слабость?

— Очень большую.

— Гм-гм... Вамъ нужно лежать, лежать и лежать,—заключилъ докторъ: — ногъ не спускать съ постели, пока совершенно окрѣпнете.

— Это очень скучно, — проговорила Ленушка.

— Что дѣлать!—сказалъ докторъ, пожавъ плечами...—Но чтó я сказалъ, это должно быть для васъ закономъ.

Онъ вышелъ въ залу, попросилъ бумаги и прописалъ рецептъ.

— Вотъ... потрудитесь поскорѣе послать,—сказалъ докторъ, вручая батюшкѣ рецептъ.

Андрей Андреичъ молча кивнулъ головой и, пробѣжавъ гла-

зами совершенно непонятныя для него каракульки, положилъ узкую полоску бумаги въ карманъ.

Докторъ придвинулся къ самому носу Андрея Андреича и, слегка тыкая ему пальцемъ въ грудь, таинственно и внушительно заговорилъ:

— Берегите супругу... какъ можно, — берегите... Анэмія... можетъ развиться и привести... при нѣкоторыхъ усложненіяхъ... къ печальному результату. (При послѣднихъ словахъ онъ отдернулъ палецъ отъ груди батюшки и значительно кивнулъ головой.) Впрочемъ, — продолжалъ онъ, — при благопріятныхъ гигіеническихъ условіяхъ... опасаться совсѣмъ нечего. Раціональное и нормальное питаніе... абсолютный покой — и все уладится, все совершенно возстановится. Но помните, что гигіеническія условія — conditio sine qua non.

Андрей Андреичъ отблагодарилъ доктора и пошелъ его провожать.

— А кушать ей готовьте, — изъяснялъ докторъ уже на крыльцѣ, — что-нибудь этакое... самое легкое, но въ то же время самое питательное. Иначе атрофія...

— Непремѣнно, непремѣнно, — обѣщалъ батюшка, и вручилъ кучеру рецептъ и деньги.

— А въ случаѣ понадоблюсь — пришлите, — сказалъ докторъ, садясь въ деревенскій экипажъ.

— Ужъ будьте такъ добры, — проговорилъ Андрей Андреичъ, стоя на послѣднемъ приступкѣ крыльца.

— Съ удовольствіемъ, — отозвался Гиппократъ, раскланиваясь. — Впрочемъ, я увѣренъ, что... — добавилъ онъ, но не докончилъ, потому что лошади уже тронулись и крупной рысью покатили по ровной площади.

Андрюша вернулся въ комнату и заговорилъ:

— Изъ-за пустяковъ таскали человѣка и лошадей гоняли. Наговорилъ всякой всячины и потомъ самъ же говоритъ, что ничего... Пища, говоритъ, чтобы была питательная... Вотъ новость сказалъ!

То, что̀ Андрей Андреичъ назвалъ пустяками, оказалось вовсе не пустяками. У Ленушки послѣдовало органическое истощеніе и крайній упадокъ силъ. Ferrum, прописанное докторомъ, мало ей помогало. Она проваляласъ декабрь, январь, февраль и мартъ и едва оправилась къ Пасхѣ. Къ доктору пришлось обращаться нѣсколько разъ. Онъ постоянно увѣрялъ, что скоро поставитъ больную на ноги, но прибавлялъ при этомъ, что окон-

чательное выздоровленіе ея возможно только весною, при содѣйствіи цѣлительной деревенской природы, а потому совѣтовалъ ей съ наступленіемъ весны какъ можно больше гулять. Болѣзнь сильно тяготила Лёнушку. Она стѣснялась тѣми ограниченіями въ жизни, какія предписалъ ей докторъ, и тревожилась мыслью, что она стѣсняетъ Андрюшу, надоѣдаетъ ему и причиняетъ много лишнихъ хлопотъ. Андрей Андреичъ во время болѣзни жены успѣлъ окончательно скрѣпить знакомство съ тѣми изъ сосѣднихъ молодыхъ батюшекъ, которые болѣе или менѣе подходили къ нему по настроенію. Горбоносый блондинъ и жирный брюнетъ, бывшіе у него на свадьбѣ, сдѣлались его друзьями. Къ нимъ онъ ѣздилъ чаще, чѣмъ къ другимъ, тѣмъ болѣе, что села ихъ отстояли отъ его села верстахъ въ трехъ въ разныя стороны. У этихъ пріятелей можно было вволю полиберальничать, смѣлѣе и рѣзче задѣть «стригольниковъ», свободнѣе и веселѣе пошутить надъ всѣми и всѣмъ, хотя эти клевреты считали себя умнѣе Андрюши и относились къ нему съ нѣкоторымъ покровительствомъ, какъ къ недорослю, еще не совсѣмъ переварившему «свѣжія идеи» и не вполнѣ усвоившему «современную житейскую мудрость». По временамъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, можно было у этихъ же батюшекъ и «картишки организовать». Ленушка, оставаясь одна, находила развлеченіе въ чтеніи своей любимой книжки — «Сокровище духовное», да и во все время болѣзни ея эта книжка почти постоянно находилась у ней въ рукахъ. Ленушка разъ даже подумала: «Вотъ, говорятъ, что гадать — грѣхъ. А по этой книжкѣ можно гадать: ко всѣмъ почти случаямъ жизни можно найти въ ней примѣненіе. Буду гадать по этой книжкѣ, — рѣшила наконецъ она. — Это ужъ вовсе не грѣхъ: это вѣдь не гадальникъ, на которомъ гадаетъ, напримѣръ, Анна Ивановна». И Лёнушка стала находить въ «Сокровищѣ духовномъ» такія статьи, которыя, какъ ей казалось, относятся именно къ ней.

XXIII.

Наступила весна, деревенская весна — прозрачная, свѣжая, живительная. Мягкою, теплою зыбью заколебался воздухъ. Яркою, сочною зеленью зазеленѣли лѣса; запестрѣли, заблагоухали луга. Все живое, стѣсненное и сдавленное холодомъ зимы, встрепенулось и зашевелилось. Рабочая ассоціація муравьевъ высыпала на суетливый, но строго регулированный трудъ. Весело зажуж-

жали пчелы и понеслись, «за данью полевой». Закружились, защебетали въ воздухѣ пернатые переселенцы и принялись ремонтировать свои недолговѣчныя гнѣзда, или вить и лѣпить новыя. Заблеяли, запрыгали овечки на привольѣ луговъ, обрадовавшись прекращенію затворнической жизни въ хлѣвахъ и возможности быть постоянно въ своемъ четвероногомъ обществѣ. За-одно съ весной пробудились и завѣтныя думы крестьянина. Онъ и зимой не сидѣлъ сложа руки, но теперь сцена дѣйствія для него раздвинулась и трудъ его нашелъ болѣе разнообразное и обширное приложеніе. Мужикъ снялъ полушубокъ и рукавицы и, перекрестившись на румяную зорю востока, пошелъ зарывать единственный «талантъ батюшки» въ землю, — расходовать свои богатые мускулы до поздней зари.

Андрей Андреичъ, какъ землевладѣлецъ, тоже пустился въ сельско-хозяйственные хлопоты и суетню. Онъ вставалъ раньше обыкновеннаго и давалъ работнику подробныя инструкціи относительно того, на какой лошади ѣхать на пашню, какую полосу пахать, какъ сѣять и т. п. «Ладно... хорошо»,—говорилъ обыкновенно работникъ — и дѣлалъ *по-своему*. Нерѣдко Андрей Андреичъ самъ выходилъ на поле ревизовать работу и контролировать дѣятельность наемника и дѣлалъ ему замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: «что ты, Антонъ, такъ мелко пашешь?» Или: «зачѣмъ ты такъ часто посѣялъ?»—Въ эвтомъ мѣстѣ такъ подходитъ,—объяснялъ Антонъ—и хозяинъ успокоивался, услаждаясь мыслію, что онъ «понимаетъ хозяйство». Онъ особенно любилъ рисоваться передъ работникомъ знаніемъ сельско-хозяйственныхъ терминовъ въ родѣ «обжа», «палица», «лѣха» и т. п. и безъ всякой надобности совалъ ему эти термины.

— Ты, Антонъ, переложи палицу-то,—говорилъ онъ, когда работникъ, доѣхавъ до конца полосы, поворачивалъ лошадь, чтобы начать другую борозду.

— А то какъ же?—отзывался Антонъ.—Иначе и пахать невозможно, ежели не переложить: она и будетъ въ разныя стороны валить!...

— Ты никакъ лѣхи-то узки дѣлаешь,—замѣчалъ батюшка, шагая сбоку работника по незапаханной части полосы.

— Обыкновенно,—какія дѣлаютъ... А то какія же еще?—отвѣчалъ работникъ и тотчасъ же выкрикивалъ: — возлѣ! ближе!

— Никакъ дождичекъ собирается... Ты смотри... Какъ обжи намокнуть, такъ и бросай,—внушалъ хозяинъ.

— Знаемъ... Гдѣ онъ, дождь-то!..—ворчалъ работникъ.

Андрей Андреичъ до того увлекся общимъ рабочимъ движе-

ніемъ деревни, что возжелалъ собственноручно возстановить повалившуюся изгородь возлѣ своего сарая. Онъ нарѣзалъ молодыхъ березовыхъ вѣтвей и прутьевъ для перевивокъ и принялся за работу. Но, не загородивши и половины звена, онъ соскучился и измучился, бросилъ работу, плюнулъ и даже выругался. Когда работникъ, возвратившись съ поля, увидѣлъ недоконченное произведеніе, то развелъ руками и проговорилъ: «ну, дѣлалъ дядя, на свою рожу глядя!»...

Лёнушку весна если не совсѣмъ возстановила, то значительно оживила. Она бо́льшую часть дня проводила внѣ дома. Выйдетъ, напримѣръ, на огородъ, поставитъ тамъ себѣ скамеечку и сидитъ — вяжетъ что-нибудь, или читаетъ. Зелененькая травка, весенніе цвѣтки приводили ее въ дѣтскій восторгъ. Она набирала букетцы и подносила ихъ Андрюшѣ. Весна возобновила въ памяти Лёнушки отцовскія экспедиціи, и она въ подражаніе папашѣ рѣшилась составить на всякій случай свою аптечку. Она разыскивала трефоль, тысячелиственникъ, мать-мачиху, подорожникъ, горлянку и другія травы, и пуками носила домой. Прихожане, въ особенности бабы, съ недоумѣніемъ посматривали на такую дѣятельность своей матушки. Извѣстная Степанида рѣшилась даже спросить у ней, что̀ это значитъ.

— Что это ты, маменька, все носишь разныя травки? — любопытствовала Степанида. — Или вымаривать кого хочешь? Бываетъ — клоповъ, аль что...

— Не вымаривать, а лечить, — объясняла Лёнушка.

— Кого же это лечить?

— Всякаго, кто заболитъ. Если и изъ васъ кто-нибудь заболитъ — полечу.

— А вѣдь и вправду, глядишь — пригодятся травки-то, — согласилась Степанида. — Не даромъ говорится: лѣтомъ ногой пихнешь, а зимою въ ротъ возьмешь. У насъ въ селѣ, — годовъ пятнадцать тому назадъ, — была старая вдовая дьячиха... Такъ она, матушка ты моя родимая, постоянно этакое промышленіе имѣла... лекарствомъ-то. Такъ ее и звали — лекаркой. Бывало, лѣтомъ, вотъ не плоше тебя, сколько пособеретъ разныхъ травъ! Придетъ зима, — бабы и поползутъ къ ней съ разными бо́лѣстями. Которая ужъ очень дюже расхворается, ну, той мало помогала, а другихъ хорошо, бывало, пользовала. Та, правда, не одними травами брала, а еще калганомъ да имбиремъ дѣйствовала. Иныя и по сію пору помнятъ ея имбирь: свѣтъ божій черезъ него увидѣли. Иная баба, бывало, совсѣмъ ослѣпнетъ, ну, просто какъ сова какая ходитъ. Придетъ къ дьячихѣ: мать родная, помоги! Та изъ

перышка и дунетъ ей въ бѣльмы-то имбирю. Баба заоретъ благимъ-матомъ; слеза у ней польетъ — страсть! А дьячиха только твердитъ: не три кафтаномъ! не три кафтаномъ! Дня черезъ два глядишь—глаза у бабы опять стали какъ стекло... И вѣдь ни наговору, ни причету никакого не прибавляла, а просто, дунетъ, бывало, въ бѣльмы—и вся недолга. Правда ли, нѣтъ ли, — говорятъ, эта дьячиха черезъ свое лекарство деньжонки нажила...

Другимъ развлеченіемъ Лёнушки послѣ собиранія травъ было посѣщеніе сельской школы. Учителемъ этой школы не задолго до Пасхи сдѣлался тотъ самый Ильичъ, который былъ шаферомъ у Андрея Андреича. Становой, при которомъ онъ состоялъ писаремъ, за какіе-то «грѣхи и темныя дѣянья» былъ уволенъ отъ должности «по прошенію» и эмигрировалъ въ другую губернію, гдѣ одинъ изъ друзей и товарищей его по школѣ былъ вице-губернаторомъ. Ильичъ чего-то струсилъ, бросилъ письмоводительство и прибѣгъ къ покровительству Андрея Андреича, по протекціи котораго и получилъ вакантную каѳедру всѣхъ наукъ въ сельской школѣ его прихода. Школа находилась не далѣе полуверсты отъ священническаго дома и помѣщалась подъ одной кровлей съ волостнымъ правленіемъ, въ которомъ была отведена уголокъ-квартира для учителя. Ильичъ со всѣмъ жаромъ своей поэтической, кипучей натуры принялся за дѣло и, навѣщая по временамъ Андрея Андреича, то-и-дѣло говорилъ о «своей» школѣ, волновался, возмущался, хвастался, что онъ все перевернетъ, перестроитъ, никому ни въ чемъ не уступитъ и т. п. Лёнушкѣ давно хотѣлось заглянуть въ этотъ разсадникъ крестьянскаго просвѣщенія, но ей все мѣшала болѣзнь и еще то обстоятельство, что школой заправлялъ какой-то нелюдимый бурсакъ. Теперь же, когда школа перешла въ руки Ильича, въ нѣкоторой степени своего человѣка, Лёнушкѣ открылась полная возможность исполнить давнишнее желаніе.

Когда Лёнушка вошла въ школу, ученье шло во всемъ разгарѣ. Одни изъ мальчишекъ складывали картонныя буквы, другіе, водя по книгѣ пальцами и повторяя каждое слово два раза, твердили вслухъ: *вилы*, *воля* и т. п.; третьи выводили палочки, то-и-дѣло поправляя себѣ волосы, спускавшіеся на глаза; четвертые крутили цифры, пятые выкладывали что-то на счетахъ. Увидѣвъ матушку, мальчишки подняли головы и уставились на нее съ разинутыми ртами.

— Ну, ну,—не зѣвать, знай каждый свое дѣло!—крикнулъ Ильичъ и, ловко извернувшись передъ гостьей, подставилъ ей единственный табуретъ.

— Я пришла экзаменовать вашихъ учениковъ,—сказала она:— позволите?

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ Ильичъ съ легкимъ наклоненіемъ головы.

— Ну-ка, Петруша, поди сюда,—произнесла Лёнушка, отыскавъ глазами сына своей кухарки, Марьи.

Бѣлоголовый, курносый мальчишка, улыбаясь, подошелъ къ матушкѣ.

— Какія ты молитвы знаешь?—спросила Лёнушка.

— *Отчу* знаю, отвѣчалъ мальчишка, заслоняя ротъ рукавомъ.

— Не *отчу*, а *отче*,—поправила Лёнушка, отводя у Петруши руку ото рта.

— Нужно сказать: молитву Господню, — вставилъ Ильичъ.

Мальчишка промолчалъ.

— Ну-ка, прочти,—сказала Лёнушка.

— Отче нашъ, иже еси на небеси... — началъ мальчишка.

— *На небесѣхъ*,—поправила Лёнушка.

— Анъ не такъ,—улыбаясь, возразилъ мальчишка, снова поднося рукавъ ко рту.

Лёнушка улыбнулась, а Ильичъ съ строгостію замѣтилъ мальчику:

— Развѣ ты смѣешь такъ говорить?

Петруша исподлобья взглянулъ на учителя, а Лёнушка сказала:

— Ну-ка, дай сюда книжку.

Петруша подалъ книжку.

Лёнушка отыскала молитву Господню и заставила мальчика прочесть ее по книжкѣ. Онъ быстро зачиталъ: отче-нашъ-иже-еси-на-*небеси*... Лёнушка остановила его и велѣла получше разсмотрѣть послѣднее слово. Петруша тыкалъ-тыкалъ пальцемъ въ *небеса*—и все-таки прочелъ: на *небеси*...

— Вотъ, подите съ ними!—воскликнулъ учитель.—Выучитъ тамъ его баба по-своему, и хоть что́ хочешь дѣлай съ нимъ— не переломишь. Просто окаянство!—сердился Ильичъ.

И Ильичъ пустился изъяснять Лёнушкѣ, какъ трудно возиться съ этими «медвѣжатами».

— Ничего не подѣлаешь: возмутительно-неисправны! День ходитъ, бестія, а недѣлю дома сидитъ. Спросишь: отчего не ходилъ?—«Лапти разбились,—дѣдушка все подковыривалъ ихъ».— Или: почему не былъ?—«Съ батей навозъ чистилъ, а опосля съ дровами поѣхали». Ну, что́ тутъ прикажете дѣлать? Строку выучитъ, а страницу забудетъ. И почти каждому особый урокъ задаешь: одному азъ, другому буки, третьему вѣди. Вотъ пока

еще ходятъ, хоть и не всѣ, а еще недѣлька-другая—и конецъ... на цѣлое лѣто. Да и народъ!.. Разъ говорю: ребята, вы спрашивайте у меня, чего не понимаете, или не знаете. И полѣзли! «Дядюшка, плевать послѣ причастья грѣхъ? Дядюшка, ласточку грѣхъ бить?» Скажешь: грѣхъ.—«А воробья? А галку? А паука?» И такъ далѣе. Вѣдь это чортъ знаетъ что!.. Ну, чего вы глаза-то вытаращили?—крикнулъ Ильичъ на мальчишекъ.

Мальчишки, на нѣкоторое время притихнувшіе, снова загудѣли.

— А вотъ какъ сходы, да суды бываютъ въ правленіи,— ну, просто, хоть брось учить, — продолжалъ Ильичъ.—Мужичье безъ всякой церемоніи налѣзутъ въ школу и чувствуютъ себя, какъ дома. Еще учить тебя начнутъ: «Ты ихъ хорошенько за виски, чтобы знали свое». А иной пристаетъ: «слышь, доведи *моего* поскорѣй, чтобы на счетахъ умѣлъ и что-ни-на-есть записать... а также, чтобъ письмо прочесть совладалъ»... Тутъ вотъ за перегородкой кутузка устроена. Засадятъ туда какого-нибудь хама,—и оретъ, скотина, на всю глотку. Ну, какія-жъ тутъ занятія?

— Если я буду ходить помогать вамъ, вы ничего? — спросила Ленушка.

— Очень благодаренъ,—отвѣтилъ Ильичъ: — но вѣдь вамъ неудобно будетъ... Притомъ же, мужики осаждаютъ и прочее...

— Ну, а когда удобно будетъ,—можно?

— Конечно...

Андрей Андреичъ и Лёнушка проводили весенніе дни какъ-то особнякомъ. Находя каждый для себя занятія и развлеченія внѣ дома, они рѣже обращались другъ къ другу, чѣмъ зимой, когда они сплошь да рядомъ принуждены были сидѣть по цѣлымъ днямъ дома съ глазу-на-глазъ. Впрочемъ, Лёнушка, не видавъ мужа въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, встрѣчала его съ радостію, какъ послѣ долгой разлуки, и словоохотливо дѣлилась съ нимъ разнообразными впечатлѣніями дня. Андрей Андреичъ придалъ себѣ дѣловой видъ, твердилъ, что ему некогда раздабаривать, и нерѣдко, оборвавъ Ленушку на полусловѣ, мгновенно исчезалъ куда-нибудь, якобы по дѣлу. Ему все болѣе и болѣе не нравилось, что жена интересуется совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ, и что она сдѣлалась какая-то *кислая*, какъ онъ выражался. Иногда его подмывало даже изругать ее, но, взглянувъ на ея исхудалое лицо, на блестящіе, дѣтски-незлобивые глаза, онъ ограничивался гримасой, глухимъ кашлемъ недовольства и энергическимъ плевкомъ. Только послѣ третьей визитаціи Ленушки въ школу, онъ рѣшился, наконецъ, «пробрать» ее. Но и это проборка въ дѣйствительности вышла гораздо слабѣе, чѣмъ какъ она была задумана въ головѣ Андрея Андреича.

— Что это ты, Лена, все болтаешься? — началъ онъ, разсматривая свои ногти. Тутъ хлопочешь, бѣгаешь, а тебѣ какъ будто и дѣла ни до чего нѣтъ.

— Какого-жъ ты, Андрюша, дѣла отъ меня хочешь?

— Да такъ... что-нибудь по хозяйству... А то странствуетъ себѣ...

— Что же по хозяйству? Я кое-что шила, вязала... Что же еще-то? Труднаго чего-нибудь я не могу дѣлать. Ты видишь, я какая... Пройдешься, прогуляешься...

Лёнушка не договорила. Андрей Андреичъ замолчалъ. Ему сильно хотѣлось придраться къ ней, но онъ не находилъ къ чему придраться, и это еще болѣе возмущало его. Онъ сѣлъ къ окну и залпомъ выкурилъ двѣ папиросы.

Вошелъ десятскій,—высокій, бородатый мужикъ, въ кафтанѣ, подпоясанномъ кушакомъ.

— Вотъ письмецо вашей милости... по земской почтѣ, — проговорилъ онъ, помолившись Богу и принявъ благословеніе у батюшки.

Андрей Андреичъ, молча, осмотрѣлъ съ обѣихъ сторонъ конвертъ и медленно разорвалъ его.

— Отъ кого это?—спросила Лёнушка, подойдя къ мужу.

— Не знаю, — отвѣтилъ тотъ.

— Должно быть, отъ дяди,—предположила Лёнушка и, взглянувъ на первыя строки письма, оживленно прибавила:—такъ и есть, это онъ пишетъ.

— Ну, ладно, братъ... Спасибо... Больше ничего... — обратился Андрей Андреичъ къ десятскому.

Десятскій снова принялъ благословеніе, поклонился, поправилъ себѣ обѣими руками волосы и ушелъ.

— Ну, читай же, — сказала Лёнушка, положивъ руку на плечо мужа.

Андрей Андреичъ надвинулъ брови, прищурился какъ старикъ, и нехотя и вяло, какимъ-то глухимъ голосомъ, прочелъ слѣдующее:

«Любезнѣйшій мой племянничекъ, Андрей Андреичъ, и племянница Елена Яковлевна. Извините меня Бога-ради, что я до сихъ поръ ничего не писалъ вамъ, несмотря на то, что отъ васъ получилъ уже письмо, за каковое душевно благодарю. Суета-суетъ связала меня по рукамъ и по ногамъ. Устроиться вновь не шутка... (Гм-гм...—промычалъ при этомъ Андрей Андреичъ)—тó надо приладить, другое приспособить, а приходъ большой: то-и-дѣло отрываешься. Но хотя приходъ мой и большой, а толку въ немъ мало, по той причинѣ, что народъ все

разбалованный. Душевнаго спокойствія совсѣмъ не знаю. Причтъ окончательно сокрушилъ меня своею чрезмѣрною дерзновенностію. У меня завелся *псаломщикъ*-студентъ и, словомъ сказать, Боже упаси! Считаетъ себя выше священника. Посылаешь куда— нейдетъ; скажешь что-нибудь—зубъ-за-зубъ. Зови его по имени и отчеству... Забыть не могу теперешняго *вашего* Прохорыча— дьячка. Онъ хоть дубоватъ и выпить любитъ, но малый безотвѣтный и на все сходный. А эти псаломщики—истинное наказаніе для священника. Дорожите Прохорычемъ: теперь такихъ ужъ не будетъ. Здоровьемъ мы похвалиться не можемъ, но всѣ живы. Дѣтишки, по обыкновенію своему, подростаютъ, а Маша и совсѣмъ почти большая стала. Просится все къ вамъ, но въ настоящее время проводить мнѣ ее не съ кѣмъ, а самому ѣхать нельзя, женѣ также... Засимъ остаюсь любящій васъ дядя, священникъ С. П.».

— Дядюшка и тамъ недоволенъ,—проговорила Лёнушка.— А вѣдь какъ онъ отсюда рвался!...

— Вотъ и нарвался,—произнесъ Андрей Андреичъ, опуская письмо въ глубокій карманъ подрясника.

— А Машѣ-то къ намъ хочется... Вотъ хорошо, какъ бы пріѣхала! Давай, пошлемъ за нею—а?

— Пошлемъ... Да развѣ теперь можно? Лошади и люди заняты. Какъ ты разсуждаешь!

— Да не теперь, Андрюша, а когда посвободнѣй будетъ... Можетъ быть, тебѣ не хочется, чтобы она пріѣхала?

— Нѣтъ... Отчего же? Она мнѣ помѣхи не сдѣлаетъ.

— Вотъ и отлично... Она вѣдь славная такая...

Когда Маша уѣзжала вмѣстѣ съ дядей на новоселье, Лёнушка нисколько не жалѣла о ней, хотя и предлагала ей остаться,— и, проводивъ ее, скоро о ней позабыла. Но теперь — странное дѣло!—младшая сестра такъ и стояла у ней въ глазахъ. Послѣ письма отъ дяди, Лёнушка постоянно думала о томъ, какъ пріѣдетъ Маша, какъ онѣ отлично заживутъ съ ней, подружески,— душа въ душу. Маша почему-то представлялась ей теперь совершенно иною, чѣмъ какою она знала ее,—дѣвушкой зрѣлой, серьёзной и въ то же время очень милой. Лёнушка готова была каждый день спрашивать мужа: «не послать ли ужъ теперь?» но удерживалась и нетерпѣливо выжидала благопріятнаго случая.

О. Забытый.

АЛЕКСАНДРЪ СЕМЕНОВИЧЪ ШИШКОВЪ

БІОГРАФІЯ

IV *).

Взгляды и направленіе Шишкова. — Новый императоръ. — Несогласія съ Чичаговымъ. — Опала.

Шишкову было уже подъ пятьдесятъ лѣтъ, бóльшая и лучшая часть жизни была прожита; дѣло приближалось къ старости. Прошедшее представляло два періода, живо отпечатлѣвшіеся въ воображеніи: одинъ рѣзко оттѣнялъ другой; чѣмъ суровѣе и мрачнѣе былъ послѣдній, тѣмъ блистательнѣе и привлекательнѣе казался первый. Не много времени прошло послѣ него; но онъ успѣлъ сложиться въ фантазіи въ идеальный и дорогой образъ. Въ немъ уже все стало казаться прекраснымъ; въ немъ представлялись всѣ задатки для счастливой жизни; стоило его только возвратить, со всѣми формами, искалѣченными новизною, и должно было водвориться общее благоденствіе. Шишковъ не восходилъ даже къ первымъ годамъ царствованія Екатерины, которые плѣняли Карамзина и которыя ему хотѣлось бы воскресить; нѣтъ, не духомъ «Наказа» плѣнялся онъ, а сила, слава, блескъ, удачи, внѣшніе государственные порядки прельщали его. Чѣмъ больше развивались его симпатіи къ этому царствованію, тѣмъ сильнѣе дѣлались и антипатіи ко всему тому, чтó волновало дворъ Ека-

*) См. выше, сентябрь, 236 стр.

терины въ послѣдніе годы. Ненависть къ французской революціи развила въ немъ ненависть и ко всѣмъ новымъ идеямъ, которыя тотчасъ же вызывали въ фантазіи страшные призраки, связанные съ мыслью о революціи. Мало этого, та же ненависть перешла и на всѣхъ французовъ, отъ французовъ на ихъ языкъ. Шишковъ былъ безспорно умный человѣкъ по природѣ; но умъ его не былъ способенъ обсуживать сложный ходъ событій и останавливаться на теоретическомъ мышленіи; можетъ быть, виною тому былъ совершенный недостатокъ философскаго образованія, безъ котораго часто фантазія является на помощь разсудку. Вся его философія вращалась въ тѣсномъ кругу довольно узкой общей морали о тщетѣ суетливой жизни, о силѣ добродѣтели и проч. Онъ былъ глубоко религіозенъ и не допускалъ никакихъ разсужденій въ своихъ религіозныхъ обязанностяхъ, свято исполняя предписанія церкви, какъ вполнѣ послушный сынъ ея. Для него вѣра могла выражаться только въ опредѣленныхъ узаконенныхъ формахъ, и отступленіе отъ нихъ уже вело къ искаженію вѣры. Онъ враждебно относился ко всѣмъ стремленіямъ ума возвыситься въ религіозной сферѣ до полной высшей духовности, и отсюда непріязнь его къ масонству и ко всякаго рода мистикамъ, хотя иногда, незамѣтно для себя, и самъ былъ склоненъ поддаваться мистическому, какъ увидимъ далѣе. Въ службѣ онъ былъ самый добросовѣстный и честный *дѣлецъ*, свято охранявшій законы, но быть государственнымъ человѣкомъ онъ не былъ способенъ, такъ какъ идеалы его оставались назади, въ прошедшемъ, а не влекли впередъ къ лучшему будущему. Въ этомъ случаѣ и патріотизмъ его былъ бы безсиленъ. Несомнѣнно, что онъ сильно любилъ свое отечество; но эта любовь, отъ боязни новизны и вреднаго иностраннаго вліянія, принимала особенное направленіе, любовь, такъ сказать, охранительная; она обратилась въ любовь къ извѣстнымъ порядкамъ, выработавшимся въ жизни, въ любовь къ неподвижности того, что́ уже давно существуетъ. Отсюда какое-то старовѣрство, не допускающее развитія.

Вотъ какіе взгляды и направленіе выработались у Шишкова въ зрѣлые годы его жизни. Нѣсколько боязливый передъ властью, осторожный въ своихъ поступкахъ, онъ въ то же время былъ неспособенъ къ уступчивости во всемъ, что́ касалось его убѣжденій и чувствъ, которыя онъ считалъ для себя священными. Понятно, какъ онъ долженъ былъ обрадоваться, прочитавъ въ манифестѣ новаго императора обѣщаніе идти *по стопамъ Екатерины*. Но это послѣднее выраженіе онъ принялъ въ смыслѣ возвращенія ко всѣмъ порядкамъ екатерининскаго царствованія.

Любя иногда свое торжественное настроеніе передавать стихами, онъ даже написалъ нѣчто въ родѣ оды:

На тронѣ Александръ! Великъ россійскій Богъ!
Ликуетъ весь народъ, и церковь и чертогъ,
Твердятъ Россіяне и сердцемъ и устами:
На тронѣ Александръ! Рука Господня съ нами!
Вельможа, и пастухъ, и воинъ, и купецъ
Во храмѣ вопіютъ во глубинѣ сердецъ:
О Боже праведный! Твоей святой рукою
На тронѣ Александръ! Ты съ нимъ и онъ съ тобою,
Съ надеждою въ груди, съ веселіемъ въ очахъ,
Въ спокойныхъ, въ радостныхъ взываютъ всѣ сердцахъ:
Съ нимъ правосудіе возсядетъ на престолѣ!
Любя отечество, храня его покой,
Съ Екатерининой великою душой
Онъ будетъ новый Петръ и на судѣ, и въ полѣ!

Но новый императоръ не былъ расположенъ ко всему государственному строю, который вышелъ изъ рукъ Екатерины. Онъ хотѣлъ идти далѣе ея, имѣя въ виду лишь тотъ либеральный духъ, съ какимъ она явилась на русскомъ престолѣ. Онъ полагалъ, что законы и государственныя учрежденія должны цивилизовать и облагороживать народъ, должны дать ему свободу широко развивать человѣческое достоинство въ жизни и съ нимъ нравственный идеалъ человѣка. Увлеченный этимъ идеаломъ, онъ не могъ безъ сердечной боли выносить ничего рабскаго, гнетущаго духъ, унижающаго достоинство. Лица, которыя на первый разъ онъ могъ выбрать себѣ помощниками, составлявшія кругъ интеллигентный русскаго общества, съ стремленіями болѣе высшими, не совсѣмъ эгоистическими, распадались на нѣсколько группъ. Одни изъ нихъ, какъ и Шишковъ, принадлежавшія старому поколѣнію, были дѣльцы, цѣнившіе старыя формы, знавшіе законы изъ собственной практики, заслуженные, правдивые, неподкупные, считавшіе себя опытными и потому способными направлять молодого государя; сюда относились Трощинскій, Державинъ, Мордвиновъ, и нѣкоторые другіе. Другая группа можетъ быть названа теоретиками. Это люди сравнительно молодые, знакомые съ новѣйшими западными политическими теоріями, увлекавшіеся ими, мечтавшіе, что ихъ легко провести въ государственное управленіе; одни изъ нихъ воспитались за-границею, преимущественно въ Англіи, и ее взяли себѣ за идеалъ, пользовались дружескимъ расположеніемъ государя, когда онъ былъ еще великимъ княземъ, какъ: Новосильцевъ, Строгоновъ, Кочубей, Чарторыжскій; другіе еще прежде пострадали за свои не-

осторожныя либеральныя выходки, какъ Радищевъ; третьи, наконецъ, только начинали свою службу, но уже успѣли выказать свои таланты и рвеніе къ службѣ, какъ Сперанскій. Всѣ были либералы въ полномъ значеніи, всѣ съ хорошими стремленіями, но незнакомые съ дѣйствительною жизнію русскаго государства и народа. Еще была группа людей, на время притихшихъ, подавленныхъ въ послѣдніе годы Екатерины — масоны, мистики, которые не дорожили ни формами, ни теоріями, а стремились переработывать чувственнаго и плотскаго человѣка въ духовнаго, ожидая какого-то возрожденія государства, черезъ что́ будто бы падетъ лжеименный разумъ и на землѣ водворится первобытная церковь Христова. Одни изъ нихъ увлекались болѣе, другіе менѣе этими идеями, какъ, напримѣръ, Новиковъ, въ то время, впрочемъ, уже разслабленный, Лабзинъ, Голицынъ, Лопухинъ и др. Прочіе всѣ составляли массу эгоистовъ, думавшихъ только о себѣ, о своихъ выгодахъ, о наживѣ, о карьерѣ—это люди, выслужившіеся при Павлѣ, какъ: Кутайсовъ, Аракчеевъ, Растопчинъ, или стремившіеся выслужиться всякими путями, какъ Магницкій, Руничъ.

Въ первые дни Александръ въ текущемъ управленіи дѣлами довѣрился Трощинскому, который въ качествѣ перваго статсъ-секретаря докладывалъ ему о всемъ, что́ требовало его разрѣшенія. Но сердцемъ онъ былъ съ молодыми теоретиками, которымъ онъ сочувствовалъ, подготовленный къ тому воспитаніемъ и направленіемъ своего ума. У нихъ въ теоріи уже было рѣшено, въ какомъ духѣ слѣдуетъ управлять государствомъ. Нужно было обсудить, какъ провести эту теорію въ практику, для чего подъ предсѣдательствомъ государя и составился тайный комитетъ изъ лицъ, которыхъ онъ называлъ своими друзьями. Это были графъ Строгоновъ, родственникъ его Новосильцевъ, Кочубей и Чарторыжскій. Они представляли тогдашнюю администрацію имперіи, какъ безобразное зданіе, смотрѣли на нее какъ на больного, котораго нужно лечить методически [1]). Въ другихъ группахъ было извѣстно, что въ комитетѣ готовятся коренныя преобразованія. Но дѣльцы на нихъ смотрѣли съ сомнѣніемъ. Молодость и неопытность членовъ комитета возбуждали недовѣріе; боязнь вліянія новыхъ идей вызывала опасенія. Разнообразные толки о личностяхъ друзей государя были не въ ихъ пользу. О Строгоновѣ говорили, что онъ воспитывался въ Па-

[1]) Протоколы засѣданій комитета, веденные Строгоновымъ. „Вѣстникъ Европы", 1866. Т. I.

рижѣ въ разгаръ революціи, что у него гувернеромъ былъ якобинецъ Роммъ, который посѣщалъ съ своимъ питомцемъ клубъ *жакобиновъ*, а потомъ ничѣмъ не уступалъ Робеспьеру. Новосильцева считали англоманомъ, съ ненавистью смотрящимъ на все русское и мечтающимъ объ англійской конституціи. Чарторыжскій представлялся опаснымъ полякомъ, который не можетъ пожелать добра Россіи. О самомъ императорѣ говорили, что онъ воспитанъ либераломъ Лагарпомъ, который самъ теперь сдѣлался революціонеромъ: онъ посѣялъ въ сердцѣ своего питомца тѣ же сѣмена, которыя произвели всѣ ужасы французской революціи. Если эти толки доходили до императора, то они не могли смутить его. Онъ успѣлъ узнать своихъ сотрудниковъ еще тогда, когда не предполагалъ, что ему скоро придется царствовать. Въ слѣдующихъ словахъ высказывается прекрасная душа его: «мнѣ нужно уважать тѣхъ, съ коими я работаю; лишь при этомъ условіи я могу имѣть къ нимъ довѣріе; о ропотѣ я мало забочусь; онъ обыкновенно есть лишь выраженіе духа партіи» [1]).

Шишковъ раздѣлялъ взглядъ *дѣльцовъ* на ближайшихъ сотрудниковъ императора, но, не зная объ ихъ прежней дружбѣ, онъ полагалъ, что они овладѣли государемъ, въ первые дни его воцаренія, по оплошности стариковъ, которые въ его глазахъ были настоящими государственными людьми. Ихъ-то собственно онъ и винитъ въ томъ, что надежды солидныхъ людей не исполнились; а эти надежды были такія свѣтлыя, утѣшительныя. «Самый поворотъ отъ хладной зимы къ яснымъ и теплымъ днямъ весны,— писалъ онъ потомъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—казалось предвѣщалъ, съ уничтоженіемъ худо-введенныхъ новизнъ, оборотъ на старый, благотворный образъ правленія. Можетъ быть, не взирая на трехлѣтнюю, при неопытной молодости, привычку къ симъ новизнамъ, и сбылось бы сіе ожиданіе, еслибъ окружающіе юнаго царя пожилые люди и старики составили единодушную окрестъ его стражу, не отлучаясь отъ него, а особливо при самомъ началѣ ни на одну минуту; еслибъ, сравнивая два послѣднія царствованія, твердили ему, какъ первое изъ нихъ долговременно процвѣтало и величіемъ, и славою, и благоденствіемъ, и какъ, напротивъ, второе, оставившее съ ненавистью пути великой Екатерины...—продолжалось столь кратковременно; еслибъ, говорю, истребляя мало по малу всѣ нововведенныя худости, прежде нежели онѣ выростутъ и усилятся, и приведя все гражданское и нравственное въ прежній порядокъ и устройство, пріучили они

[1]) Письмо его къ Чарторыжскому. „Русскій Архивъ“, 1871 г.

государя, еще неискуснаго и младого, обращать вниманіе свое на важныя государственныя дѣла и занятія, а не на тѣ, которыхъ существенная часть состоитъ въ одной только наружности и увеселеніи зрѣнія: тогда бы вѣрно принесли они великую пользу ему и царству. Но, вмѣсто сего, обуянные радостью перемѣны и безопасностью своею, пустились они въ многолюдныя пиршества, на которыхъ за пышными столами, съ шумомъ и крикомъ, распивали шампанскія и венгерскія вина, били рюмки и стаканы, читали стихи, прославляли при всѣхъ служителяхъ гласно и громко низверженіе тиранства и возстановленіе спокойствія».

Изъ этихъ словъ видно, что Шишковъ не зналъ и не понималъ молодого государя. Ему казалось, что старики могли бы дать ему какое угодно направленіе, лишь бы только употребить нѣкоторые педагогическіе пріемы. Но кто изъ нихъ былъ тотъ искусный педагогъ, который, не пользуясь прежде нравственнымъ на него вліяніемъ, могъ бы съ-разу овладѣть волею молодого человѣка, которому, впрочемъ, уже давно было за двадцать лѣтъ, уже женатаго и усвоившаго себѣ извѣстные взгляды? Кто изъ этихъ уподобившихся школьникамъ, почувствовавшимъ себя на свободѣ, могъ взять на себя такую задачу, какая представилась фантазіи Шишкова? Онъ, какъ моралистъ, думалъ, что достаточно извѣстной морали и нравоучительныхъ примѣровъ, чтобы овладѣть такой натурой, какова была натура императора Александра, но это было бы трудно даже и въ годы болѣе юные, чѣмъ онъ былъ, вступая на престолъ.

«Шумныя празднества сіи,—продолжаетъ Шишковъ,—устрашили дворъ и дали время оставленному царю *сблизиться* съ подобными себѣ молодыми людьми, заступившими мѣсто веселящихся и празднующихъ. Окруженный ими, вскорѣ почувствовалъ онъ власть свою, и чрезъ нѣсколько дней пирующіе и притомъ же неимѣвшіе должнаго между собою единодушія, увидѣли въ немъ повелителя, не требовавшаго болѣе руководства ихъ. Они должны были умолкнуть и уступить *новому образу мыслей, новымъ понятіямъ, возникшимъ изъ хаоса чудовищной французской революціи*. Молодые наперсники Александровы, напыщенные самолюбіемъ, не имѣя ни опытности, ни познаній, стали всѣ прежнія въ Россіи постановленія, законы и обряды порицать, называть устарѣлыми, невѣжественными. Имена вольности и равенства, пріемлемыя въ превратномъ и уродливомъ смыслѣ, начали твердиться предъ младымъ царемъ, имѣвшимъ, по несчастью, наставникомъ своимъ француза (швейцарца) Лагарпа, внушавшаго ему

таковыя же понятія. Избранные по сходству мыслей любимцы сіи, поставляя главнѣйшее достоинство свое въ *презрѣніи къ чинамъ и знакамъ отличій, вздумали безъ нихъ и безъ всякихъ заслугъ*, по одной къ нимъ привязанности монаршей, сдѣлаться и *законодателями*, и *вельможами*, и *полководцами*, равняясь со всѣми, хотѣли быть выше всѣхъ. Такимъ образомъ, торжественное обѣщаніе царское—*идти по стопамъ бабки своей*—не исполнилось».

Изъ этихъ словъ видно, что́ особенно оскорбляло заслуженныхъ дѣльцовъ и чего они́ не могли простить членамъ тайнаго комитета—молодымъ, безчиновнымъ и безъ видимыхъ знаковъ отличій. Въ ихъ глазахъ это были отрицательныя качества и не могли входить въ идеалъ государственнаго человѣка.

Шишковъ даже написалъ, въ посланіи къ своему другу А. С. Хвостову, сатирическое стихотвореніе на тогдашнихъ политическихъ дѣятелей. Вотъ его начало:

Рѣши, Хвостовъ, задачу:
Я шелъ гулять на дачу,
Туда же и Глупонъ;
Весь въ блесткахъ, златѣ онъ,
Съ лорнетомъ при зеницѣ,
Съ massue d'Hercule [1]) въ десницѣ...
Жеманится, кривится,
Зоветъ меня съ собой.
Не лучше ль воротиться
Отселѣ мнѣ домой?

Въ этомъ описаніи видѣли князя Чарторыжскаго; другіе, по свидѣтельству современниковъ, также описаны рѣзкими красками. Хвостовъ отвѣчалъ Шишкову добавочными рѣзкостями, заключивъ свои стихи замѣчаніемъ, что умный человѣкъ

Считаетъ дурака за тучу
И радуется, какъ пройдетъ [2]).

Замыслы комитета были дѣйствительно очень широки; у нихъ заходила рѣчь даже о правахъ Habeas corpus, но порывы фантазіи быстро охлаждались, когда приходилось спускаться къ дѣйствительности. Слѣдуетъ хорошенько подумать,—записано въ одномъ изъ протоколовъ,—не будетъ ли правительство вынуждено

---

[1]) Тогда была мода ходить съ толстыми сучковатыми палками.

[2]) Записки Греча—„Русскій Архивъ", 1873 г.—Воспоминанія Аксакова, „Семейная хроника".

иногда нарушать Habeas corpus, а въ такомъ случаѣ лучше ужъ и не принимать его. Но, увлекаясь крайними преобразовательными идеями, они не покидали мысли, что новыя учрежденія слѣдуетъ привязывать къ нашимъ древнимъ учрежденіямъ и что новое уложеніе должно вытекать изъ *истиннаго народнаго духа*. Но эта справедливая мысль должна была остаться только въ теоріи. Кто же изъ нихъ, да и изъ всѣхъ чиновныхъ дѣльцовъ зналъ народный духъ? Въ тайныхъ комитетахъ ничего не можетъ дѣлаться на основаніи народнаго духа. Для этого прежде всего нужна самая широкая гласность, о которой не было и рѣчи. Обманывались близкіе совѣтники государевы въ своихъ силахъ; не менѣе обманывались и тѣ, которые порицали ихъ: со своими отжившими идеалами, они бы тоже ничего не сдѣлали; но такъ какъ у нихъ не было воли помѣшать увлекающимся теоретикамъ, то скоро они стали считать себя правыми, когда преобразованія оказались не совсѣмъ удачными; за ними осталась роль обвинителей и судей.

Заболѣлъ предсѣдатель адмиралтейской коллегіи, адмиралъ Мордвиновъ, заступившій мѣсто вышедшаго въ отставку графа Кушелева. Съ докладами сталъ ходить къ государю Шишковъ. Въ одинъ день,—говоритъ онъ,—пріѣхалъ я въ Гатчину. Трощинскій, по выходѣ отъ государя, прочиталъ мнѣ, съ пасмурнымъ лицомъ, новое въ Россіи учреждеіе министерствъ, вмѣсто коллегій (8 сент. 1802 г.). Признаюсь, что сія перемѣна, разрушившая постановленіе Петра Великаго и Екатерины II-ой, крѣпко меня опечалила: казалось мнѣ, что многое послѣ сего не устоитъ на своемъ мѣстѣ и что новый порядокъ и новое преобразованіе вещей едва ли поведутъ насъ по лучшему пути, нежели тотъ, который проложенъ былъ толь мудрыми монархами». Хотя въ числѣ министровъ были назначены и пріятели Шишкова—Мордвиновъ (морскимъ), Державинъ (юстиціи); но и это не успокоило его. Александръ не хотѣлъ отдаться одной партіи, онъ искалъ людей для осуществленія своихъ плановъ и хотѣлъ испытать силы лицъ, которыя пріобрѣли себѣ опытность въ предшествовавшее царствованіе и были у него на виду, какъ люди честные и усердные. Онъ думалъ отъ нихъ слышать указаніе на ошибки нá-скоро составленнаго устава о министерствахъ и на средства исправить ихъ. Но, сводя къ одной дѣятельности старыхъ и молодыхъ, практиковъ и теоретиковъ, онъ не предвидѣлъ, что между ними выйдутъ интриги, съ одной стороны порицанія, съ другой—неудовольствія, и въ недолгомъ времени придется кѣмъ-нибудь пожертвовать. Трощинскій прежде всѣхъ

имѣлъ возможность высказать передъ императоромъ свои убѣжденія, которыя не подходили къ замышляемымъ преобразованіямъ, и онъ первый лишился довѣрія государя. Съ учрежденіемъ министерствъ всѣ личные доклады перешли отъ него къ Новосильцеву, которому поручено и управленіе дѣлами комитета министровъ. Трощинскій видѣлъ все зло въ новой философіи, что̀ онъ повторялъ спустя даже много лѣтъ. Онъ находилъ, что старое коллегіальное управленіе либеральнѣе новаго министерскаго, такъ какъ первое болѣе ограждаетъ личность отъ чиновничьяго произвола, министерское же есть не что иное, какъ канцелярское, т.-е. форма такого управленія, въ которомъ каждое обстоятельство зависитъ отъ произвольнаго сужденія одного чиновника. Такимъ образомъ, новый уставъ не достигалъ той цѣли, какую имѣлъ императоръ—обезпечить благоденствіе народа. «Министры,—говорилъ Трощинскій,—которымъ все подчинено, находятся сами въ величайшей зависимости отъ подчиненныхъ. Если нѣтъ возможности воспрепятствовать дѣйствію воли министровъ, то и нѣтъ ничего легче, какъ употребить во зло ихъ довѣренность. Въ тѣхъ дѣлахъ, кои особенно интересуютъ министровъ и на которыя они обращаютъ особенное вниманіе, министры—настоящіе суперъ-арбитры; во всѣхъ же прочихъ они только слѣпыя орудія своихъ чиновниковъ всякаго званія, которые всѣ пользуются равною привилегіею обманывать ихъ, не подвергаясь никакому законному взысканію» [1]).

Мнѣніе Трощинскаго раздѣлялъ Шишковъ и многіе изъ ихъ сверстниковъ. Но они не хотѣли видѣть, что тутъ виноваты не новыя идеи, а слишкомъ поспѣшныя работы, при которыхъ онѣ не могли выработаться въ надлежащихъ формахъ. Ихъ работамъ недоставало того, что̀ императоръ Александръ приписывалъ Наполеону, какъ государственному человѣку. По свидѣтельству князя Чарторыжскаго, Александръ говорилъ: одна изъ любимыхъ поговорокъ Наполеона та, что во всякомъ дѣлѣ прежде всего нужно отыскать методъ, что нѣтъ такой трудной вещи, съ которою не можно бы было справиться, если только придумать надлежащій способъ дѣйствій; что если только этотъ послѣдній отысканъ, остальное ничто; но что, съ другой стороны, какъ бы ни было просто дѣло, не слѣдуетъ за него приниматься, не отыскавши къ тому надлежащаго метода: иначе все испортишь и не достигнешь никакого результата [2]).

---

[1]) Сборникъ Рус. Историч. Общ., ч. III.
[2]) „Рус. Арх.", 1871 г. Письма Чарторыжскаго.

Нельзя не согласиться съ этими словами, если только еще прибавить, что при отыскиваніи метода слѣдуетъ держаться опредѣленныхъ нравственныхъ принциповъ, чего часто недоставало Наполеону. У императора Александра они были, но о методахъ не думалъ позаботиться никто изъ его сотрудниковъ. Державинъ въ первыя же засѣданія настаивалъ, что необходимо составить основательныя инструкціи для каждаго министра по его должности, что безъ нихъ не будетъ отъ министерскаго комитета въ государственныхъ дѣлахъ никакой пользы, ни успѣха, а напротивъ, будутъ впадать въ обязанности одинъ другого, перессорятся и все пойдетъ въ безпорядокъ; «но господа сочлены,—прибавляетъ Державинъ,—всѣ возстали». «И пошла путаница день ото дня болѣе,—замѣчаетъ онъ,—и стали сами по себѣ приходить законы въ неуваженіе день ото дня болѣе; все пошло по прихотливой волѣ каждаго министра, въ распоряженіе коего никто не долженъ былъ вмѣшиваться, и спала съ господъ министровъ всякая обузданность, а потому и забота; стали дѣлать что̀ кому захотѣлось» [1]). Державину пришлось даже защищать монархизмъ въ качествѣ генералъ-прокурора противъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, поддерживавшихъ слишкомъ либеральныя мнѣнія графа Потоцкаго, которому, впрочемъ, сочувствовалъ государь. Горячій къ тому, что̀ ему казалось правдой, Державинъ не щадилъ ни чьихъ самолюбій. Противъ него стали наговаривать государю, жалуясь, будто онъ старается тормозить всѣ дѣла, и государь сталъ охладѣвать къ нему, иногда при его замѣчаніяхъ высказывать досаду и, наконецъ, отставилъ его, замѣтивъ, что онъ *очень ревностно служитъ* [2]). Державинъ съ злорадствомъ, въ своихъ запискахъ, прибавляетъ, что «послѣ онъ утѣшился тѣмъ, когда, послѣ его отставки, доведено стало государство до близкой въ 1812 году погибели».

Въ такомъ настроеніи находились многіе изъ прежнихъ дѣльцовъ. Недовольные стали разсуждать, что Россія падаетъ; нѣкоторые доказывали это даже «Наказомъ» Екатерины, статьею о примѣтахъ паденія государствъ: всѣ эти примѣты находили въ тогдашнемъ положеніи. Другіе съ злорадствомъ поддакивали на такія доказательства [3]). Шишковъ также замѣтилъ, что государь становился къ нему холоднѣе. Конечно, Александръ не могъ не замѣтить, чью сторону держитъ адмиралъ. Шишковъ объяснялъ

---

[1]) Записки Державина, стр. 456—8.

[2]) Тамъ же, стр. 494.

[3]) „Рус. Архивъ“, 1873 г. Записки Греча.

себѣ причину охлажденія интригами возвысившагося Чичагова, сына извѣстнаго екатерининскаго адмирала. Онъ также можетъ быть отнесенъ къ теоретикамъ, воспитывался въ Англіи, и говорили, что научился тамъ презирать своѣю родину. Вотъ какъ характеризуетъ его сторонній наблюдатель графъ Ж. де-Местръ: «Рѣчи его отличаются смѣлостью, которую можно бы назвать инымъ именемъ. Такъ какъ онъ очень уменъ и самобытенъ, то его тонкія и мѣткія остроты уязвляютъ глубоко. Онъ считается рѣшительнымъ сторонникомъ Франціи; но это не такъ вѣрно, какъ думаютъ, ибо несомнѣнно, что онъ вынесъ изъ Англіи весьма замѣтное уваженіе къ этой странѣ. Полагаютъ, что у него въ головѣ не мало французскихъ идей; но трудно въ этомъ убѣдиться, такъ какъ онъ всему противорѣчитъ единственно для забавы» [1]).

Понятно, чѣмъ Чичаговъ могъ возвыситься во мнѣніи государя и стать въ числѣ его приближенныхъ. Государь произвелъ его въ вице-адмиралы и сдѣлалъ товарищемъ морского министра Мордвинова, съ правомъ, не министру, а ему, ходить съ докладами къ государю. Этимъ нанесена была обида и Мордвинову, который, послѣ нѣсколькихъ другихъ интригъ, вышелъ въ отставку, а его мѣсто заступилъ Чичаговъ и, такимъ образомъ, сталъ выше Шишкова. Скоро между ними произошло явное столкновеніе. «Чичаговъ,—разсказываетъ Шишковъ,—желая отличить себя новою выдумкою, испросилъ чудный указъ, по которому должно было обходить всякаго, кому положенъ будетъ хоть одинъ черный или сомнительный шаръ (при баллотировкѣ для производства въ слѣдующій чинъ). Я, какъ членъ коллегіи, находился при началѣ сей баллотировки и когда, во время продолженія оной, прочитали сіе новое постановленіе, тогда я всталъ и сказалъ, что я не кладу моего шара закрытымъ образомъ, а прошу всякій разъ, какъ вынутъ шары изъ ящика, прилагать къ нимъ шаръ мой всегда бѣлый.—«Зачѣмъ это?» спросили у меня.—Затѣмъ,—отвѣчалъ я,—что когда на прежнемъ основаніи баллотировали, тогда однимъ моимъ чернымъ шаромъ не наносилъ я никому вреда, покуда большая половина членовъ такими же черными шарами не подтвердятъ моего мнѣнія; но когда одинъ мой голосъ, не взирая на всѣ другіе, противные моему, останавливаетъ производство офицера, то я самому себѣ, какъ человѣкъ, могущій ошибиться, меньше вѣрю, чѣмъ всѣмъ

[1]) Письма де-Местра въ Италію въ 1808 г. „Рус. Арх.", 1871.

другимъ, и потому не хочу, чтобы кто-нибудь подозрѣвалъ меня въ положеніи ему чернаго шара».

Конечно, этотъ смѣлый и прекрасный поступокъ нашелъ себѣ сочувствіе во многихъ присутствующихъ; но за то и Чичаговъ воспользовался имъ, чтобы представить Шишкова въ дурномъ свѣтѣ передъ государемъ. Шишковъ на другой же день получилъ приказъ не присутствовать при баллотировкѣ. Вслѣдъ за этимъ къ нему перестали присылать билеты на эрмитажные спектакли. Шишковъ, принявъ это за обиду, обратился, черезъ генералъ-адъютанта, съ жалобою къ государю, но долженъ былъ выслушать отвѣтъ: «государь приказалъ объявить вамъ, что это сдѣлано было по его на то волѣ». Теперь ужъ не было сомнѣнія, что и Шишковъ попалъ въ опалу.

V.

Членъ россійской академіи. — Разсужденіе о слогѣ. — Литературныя собранія.

Какимъ Шишковъ высказался въ политикѣ, такимъ явился и въ литературѣ. Но тамъ онъ долженъ былъ молча отступить, — здѣсь имѣлъ возможность смѣло выступить на борьбу и упорно вести ее, найдя себѣ сочувствіе въ членахъ Россійской академіи, которая оффиціально считалась законодательницею въ отечественной литературѣ и языкѣ. Какъ осуждалъ онъ все новое въ административной сферѣ, такъ не хотѣлъ допустить и въ литературной ничего, чтó приносило и выроботывало новое поколѣніе. Здѣсь онъ держался странной мысли: все хорошее въ языкѣ имѣло время высказаться уже у прежнихъ писателей, слѣдовательно, все новое у молодыхъ писателей уже будетъ худое. Такія неожиданныя заключенія мы очень часто встрѣчаемъ у Шишкова: въ критикѣ у него преобладаетъ фантазія, вмѣсто строго-логическаго мышленія, какъ увидимъ и далѣе. Еще въ 1796 году онъ былъ выбранъ въ члены Россійской академіи. Надо сказать, что въ это время академія уже отжила свою лучшую пору, совершивъ свой капитальный трудъ «Словарь русскаго языка» [1]). Надъ нимъ трудились почти всѣ русскіе писатели и ученые екатерининскаго времени. Многіе изъ нихъ уже сошли въ могилы. Вмѣсто нихъ приходилось выбирать новыхъ членовъ. И выбирали, но въ похвалу имъ, для оправданія своего выбора, могли говорить только

[1]) Послѣднія его части изданы въ 1794 г.

общія фразы; а на самомъ дѣлѣ выбранные далеко не отличались ни литературными трудами, ни глубокимъ знаніемъ языка. Такимъ образомъ, въ члены академіи попалъ даже извѣстный стихотворецъ графъ Хвостовъ, посмѣшище молодого поколѣнія литераторовъ, или посредственный переводчикъ «Телемака» — Захаровъ. Изъ молодыхъ писателей члены академіи не хотѣли выбирать себѣ въ товарищи: имъ не нравились ихъ идеи, направленіе и даже самый стиль. А между тѣмъ нужно было замѣщать открывавшіяся вакансіи, и приходилось выбирать такихъ, въ сравненіи съ которыми Шишковъ могъ назваться даровитѣйшимъ. Онъ любилъ заниматься стихотворствомъ, тщательно обработывалъ свой языкъ, былъ одаренъ фантазіей, которая высказывалась въ его остроуміи, напечаталъ нѣсколько сочиненій по своей спеціальности, составилъ морской словарь и былъ знакомъ съ нѣсколькими иностранными языками. Выборъ въ члены академіи какъ-бы обязывалъ его, какъ человѣка дѣятельнаго и добросовѣстнаго, заняться изученіемъ языка. Религіозность часто привлекала его къ чтенію церковныхъ книгъ, а внимательное ихъ чтеніе останавливало его на поэтическихъ красотахъ, которыя воспламеняли его фантазію; съ этимъ вмѣстѣ ему приходилось вдумываться и въ нѣкоторыя неясныя выраженія. Чтобы выяснить себѣ значеніе того или другого слова, онъ обращался къ переводамъ библіи французскому и нѣмецкому, и, сравнивая ихъ съ славянскимъ, дѣлалъ себѣ нужныя объясненія. Конечно, было бы вѣрнѣе обращаться къ латинской и греческой библіи, съ которыхъ сдѣланы новѣйшіе переводы; но Шишковъ не былъ знакомъ съ древними языками. Во всякомъ случаѣ, трудъ его былъ почтенный, если бы впослѣдствіи не повелъ его къ крайностямъ.

Углубившись въ славянскій языкъ и пристрастившись къ нему, Шишковъ скоро сталъ въ этой спеціальности ученѣе многихъ изъ своихъ сочленовъ и сталъ считать себя дѣйствительно ученымъ и авторитетомъ. Онъ, можетъ-быть, и былъ такимъ въ объясненіи значенія славянскихъ словъ и выраженій, но онъ хотѣлъ взять въ свое вѣдѣніе филологію, а для этой учености ему не доставало многаго: непривычка къ философскому мышленію, къ анализу фактовъ, непониманіе историческаго развитія, — все это онъ думалъ замѣнить своими личными разсужденіями, въ которыхъ фантазія подсказывала ему посылки и дѣлала разныя сближенія для выводовъ; они были для него весьма убѣдительны, но легко разрушались при строгой логической повѣркѣ. Тутъ онъ поставилъ себя въ ложное положеніе передъ наукой и литературой,

и, поддавшись своимъ личнымъ чувствамъ ко всему новому, зашелъ слишкомъ далеко.

Въ средѣ русскихъ молодыхъ писателей, думавшихъ подражать чувствительной и легкой рѣчи Карамзина, оказалось нѣсколько такихъ, которые мыслили по-французски и уродовали свою литературную рѣчь нелѣпыми галлицизмами. Шишковъ, уже гнѣвно-настроенный своими служебными неудачами, воспользовался этимъ случаемъ, чтобы высказаться противъ всѣхъ, кто ему не нравился своими нововведеніями. Онъ злобился противъ молодыхъ администраторовъ, которые получили не-русское воспитаніе; злобился противъ Карамзина, который не совсѣмъ благосклонно отнесся къ слогу прежнихъ русскихъ писателей, назвавъ его славяно-русскимъ, и который только за слогомъ новѣйшимъ призналъ нѣкоторую пріятность; злобился на него и за новыя идеи, которыя имъ вносились въ литературу, и за то, что нѣкоторыя новыя распоряженія администраціи оправдывались имъ въ новомъ его журналѣ «Вѣстникѣ Европы». Подъ впечатлѣніемъ всего этого, въ 1803 году написана странная книга: «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка», вызвавшая волненіе въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ и задѣвшая не однихъ молодыхъ литераторовъ. Она странна и по формѣ, и по выводамъ. Она была сшита на живую нитку изъ частей, которыя сначала и не предназначались для нея. Это чувствовалъ и самъ Шишковъ, предувѣдомляя читателей, что представляетъ свое сочиненіе «въ неустроенномъ видѣ и составѣ», что время и обстоятельства не позволили ему привесть въ порядокъ всѣ примѣчанія, которыя онъ дѣлалъ въ разное время при чтеніи разныхъ старинныхъ и новыхъ книгъ. Въ самомъ дѣлѣ, сюда вошелъ объяснительный словарь славянскихъ словъ, въ который вставлены нѣкоторыя нападки на новый слогъ и воспитаніе, для того, чтобы ими какънибудь связать его съ *разсужденіемъ о старомъ и новомъ* слогѣ. Сюда же вошло и длинное сравненіе извѣстной оды Ломоносова «Іовъ» съ книгою «Іовъ», а для того, чтобы связать его съ *разсужденіемъ*, дѣлается грубая натяжка: если такой превосходный писатель, какъ Ломоносовъ, едва ли достигъ до красоты писаннаго прозою славянскаго перевода, то какъ же младые умы, желающіе утвердиться въ силѣ краснорѣчія, не найдутъ въ сокровищахъ священнаго писанія полезной для себя пищи. Авторъ, употребивъ фигуральное выраженіе, смѣшалъ поэзію съ языкомъ, и ничего не доказалъ своимъ сравненіемъ. Сюда вошло изъ «Четіи-минеи» — «Житіе трехъ святыхъ дѣвъ: Минодоры, Митродоры и Нимфодоры», съ краткими реторическими примѣчаніями

и восторженными восклицаніями, для того, чтобы показать, что у насъ есть хорошія поэтическія повѣствованія, которыя ничѣмъ не уступятъ краснорѣчивѣйшимъ иностраннымъ сочиненіямъ. Отсюда авторъ дѣлаетъ странный переходъ къ новѣйшему слогу, какъ-будто поэтическое повѣствованіе и слогъ—одно и то же. У него умозаключеніе выходитъ такое: въ нашей древней литературѣ есть много искусныхъ повѣстей, сценъ, описаній; но новѣйшіе русскіе писатели, вмѣсто нихъ, читаютъ иностранныя сочиненія, слѣдовательно, ихъ слогъ не можетъ быть хорошъ. Въ своихъ крайнихъ натяжкахъ, авторъ даже забываетъ, что ему самому приходилось пользоваться французскими и нѣмецкими переводами, для того, чтобы объяснить себѣ многія неясныя славянскія выраженія, а между тѣмъ требуетъ, чтобы всѣ читали и восхищались ими.

Новаго, кромѣ сказаннаго словаря, книга Шишкова также почти ничего не представляла. Нападки на галлицизмы въ русской рѣчи дѣлались въ большомъ обиліи и прежде, особенно въ нашихъ сатирическихъ журналахъ, точно также какъ и на нерусское воспитаніе русскихъ дѣтей. Мысль о необходимости противопоставить церковно-славянскій языкъ наплыву чужихъ словъ въ русскій литературный языкъ принадлежитъ Ломоносову и развита имъ въ сочиненіи «О пользѣ книгъ церковныхъ». И несмотря на все это, книга Шишкова надѣлала много шума. Чтó же было въ ней особеннаго? Если бы авторъ не смѣшалъ Карамзина съ плохими писателями изъ молодого поколѣнія, то, вѣроятно, большинство и не замѣтило бы его книги. А Карамзина онъ не могъ не коснуться, хотя и сознавалъ, что нѣтъ ничего общаго между нимъ и другими, на языкъ которыхъ онъ справедливо нападалъ. На Карамзина онъ смотрѣлъ, какъ на представителя новаго, болѣе широкаго образованія, съ которымъ въ его напуганномъ воображеніи соединялась мысль о революціи и развращеніи нравовъ. Открыто нападая на Карамзина за нѣкоторыя новыя русскія слова, которыя ему не нравились, онъ въ то же время косвенно задѣвалъ интересы русскаго образованія, котораго, по самому историческому развитію, русское общество должно было искать въ иностранной, въ особенности французской литературѣ. Онъ иронически говоритъ о чтеніи «Бонетовъ, Вольтеровъ, Юнговъ, Томсоновъ и другихъ иностранныхъ сочинителей, о которыхъ писатели наши на каждой страницѣ твердятъ и, *учась у нихъ русскому, на бредъ похожему, языку, съ гордостью увѣряютъ*, что нынѣ образуется токмо пріятность нашего слога». Если бы Шишковъ хлопоталъ только въ интересахъ языка,

то можно бы было сказать, что онъ во многомъ былъ правъ, но онъ хотѣлъ идти далѣе Ломоносова; онъ думалъ не только противопоставить славянскій языкъ вторгавшимся къ намъ галлицизмамъ, но и всю славянскую литературу, включая сюда и тотъ періодъ, который Карамзинъ назвалъ славяно-русскимъ, противопоставить новѣйшей европейской литературѣ, будто бы развращающей человѣчество. Изъ этого стремленія у него являются и странные совѣты — «почерпать мысли изъ собственнаго языка своего, а не изъ чужого», какъ-будто мысли почерпаются изъ языка. Понятно, что то общество, которое жило идеалами будущаго, не могло не отнестись раздражительно къ такому опекуну, какимъ явился Шишковъ. Оно не могло не вступиться за прогрессъ, которому хотѣли преградить дорогу, прерывая связь съ европейскимъ образованіемъ. Оно не могло не почувствовать отголосокъ того старовѣрства, которое становилось поперекъ дороги и Петру-Великому.

Съ вопросомъ о литературномъ языкѣ Шишковъ не совсѣмъ логически связываетъ свой гнѣвъ на нерусское воспитаніе, имѣя въ виду задѣть тѣхъ, которыхъ онъ считалъ разрушителями недавнихъ административныхъ порядковъ. «Какое знаніе,—спрашиваетъ онъ,—можемъ мы имѣть въ природномъ языкѣ своемъ, когда дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ нашихъ отъ самыхъ юныхъ ногтей своихъ находятся на рукахъ у французовъ, прилѣпляются къ ихъ нравамъ, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получаютъ весь образъ мыслей ихъ и понятій, говорятъ языкомъ ихъ свободнѣе, нежели своимъ и даже до того заражаются къ нимъ пристрастіемъ, что не токмо не стыдятся не знать онаго, но еще многіе изъ нихъ симъ постыднѣйшимъ изъ всѣхъ невѣжествомъ, какъ бы нѣкоторымъ украшающимъ ихъ достоинствомъ, хвастаютъ и величаются». Изъ этого разсужденія можно бы было заключить, что въ средѣ нашихъ новыхъ писателей явились дѣти знатнѣйшихъ бояръ и дворянъ; но такое заключеніе было бы ошибочнымъ: эти дѣти и не думали писать по-русски. Въ такомъ случаѣ нелогичность сужденія Шишкова уже слишкомъ бросается въ глаза. Логика его представляется въ такомъ видѣ: *дѣти нашихъ знатнѣйшихъ бояръ* воспитываются французами, слѣдовательно *мы* не можемъ имѣть знанія въ своемъ природномъ языкѣ. Ясно, что подъ словомъ *мы* никто не будетъ разумѣть *дѣтей знатнѣйшихъ бояръ;* въ такомъ случаѣ какая же логическая связь между обоими терминами, чтобы изъ одного сужденія выводить другое, какъ его слѣдствіе. Въ другомъ мѣстѣ авторъ говоритъ: «Все то, что собственное наше, стало становиться въ глазахъ нашихъ худо и

презрѣнно. Французы учатъ насъ всему: какъ одѣваться, какъ ходить, какъ стоять, какъ пѣть, какъ говорить, какъ кланяться и даже какъ сморкать и кашлять. Мы безъ знанія языка ихъ почитаемъ себя невѣждами и дураками. Пишемъ другъ къ другу по-французски. Благородныя дѣвицы наши стыдятся спѣть русскую пѣсню. Мы кликнули кличъ, кто изъ французовъ, какова бы роду, званія и состоянія онъ ни былъ, хочетъ за дорогую плату, сопряженную съ великимъ уваженіемъ и довѣренностію, принять на себя попеченіе о воспитаніи нашихъ дѣтей. Явились ихъ престрашныя толпы; стали насъ брить, стричь, чесать. Научили насъ удивляться всему тому, что они дѣлаютъ, презирать благочестивые нравы предковъ нашихъ и насмѣхаться надъ всѣми ихъ мнѣніями и дѣлами. Однимъ словомъ, они запрягли насъ въ колесницу, сѣли на оную торжественно и управляютъ нами, а мы ихъ возимъ съ гордостью, и тѣ у насъ въ посмѣяніи, которые не спѣшатъ отличать себя честію возить ихъ. Не могли они истребить въ насъ свойственнаго намъ духа храбрости; но и тотъ не защищаетъ насъ отъ нихъ: мы учителей своихъ побѣждаемъ оружіемъ; а они побѣдителей своихъ побѣждаютъ комедіями, романами, пудрою, гребенками. Отъ сего-то между прочими вещами родилось въ насъ и презрѣніе къ славянскому языку».

Хотя въ этомъ описаніи все правда, но оно относится болѣе къ высшему, придворному обществу, а никакъ не ко всѣмъ, съ которыми Шишковъ связываетъ слово *мы*. Чтобы послѣднее его заключеніе имѣло силу, нужно было еще доказать, что молодые писатели, противъ которыхъ онъ вооружался, выходили именно изъ этого общества, чего онъ не могъ сдѣлать, и недоказанныя посылки связались со слѣдствіемъ фантазіей, а не строгой логикой. Притомъ же онъ забылъ, что эта рабская подражательность въ жизни началась съ дѣдовъ того поколѣнія, на которое нападалъ онъ; слѣдовательно, отвѣчать за все должно было то время, за которое такъ горячо стоялъ критикъ. Высшее русское общество въ самомъ дѣлѣ поражало своимъ безобразіемъ иностранцевъ даже болѣе, чѣмъ русскій привычный глазъ. Вотъ какимъ оно представлялось англичанкѣ Вильмотъ, бывшей въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ 1805 г. «Высшія сословія стараются, къ сожалѣнію, во всемъ подражать французамъ, и хотя французскія манеры сами по себѣ весьма приличны и порядочны, но я терпѣть не могу обезьянства... Среди этого поклоненія французскимъ манерамъ и обычаямъ есть что-то дѣтски-забавное въ ихъ нападкахъ на Бонапарта и французовъ, когда они не мо-

гутъ съѣсть своего обѣда, чтобы онъ не былъ приготовленъ французскимъ поваромъ; когда они не могутъ воспитать своихъ дѣтей безъ разныхъ искателей приключеній изъ Парижа въ видѣ наставниковъ и гувернантокъ; словомъ, когда малѣйшее требованіе моды, роскоши и нарядовъ заимствуется ими у Франціи... Русскіе переносятъ васъ во Францію, не сознавая нимало, сколько это унизительно для ихъ страны и для ихъ самихъ; національная музыка, національные танцы и поклоны, національные костюмы и отечественный языкъ—все это упало и въ употребленіи только между крѣпостными»[1]).

Представляя образцы хорошаго слога, Шишковъ въ своей книгѣ, между прочимъ, приводитъ и рѣчь митрополита Платона въ день коронаціи Александра Павловича. Въ ней нѣкоторыя слова были особенно цѣнны для Шишкова въ его желчномъ настроеніи:

«Благочестію твоему предстанетъ и церковь,—говорилъ Платонъ:—простретъ она свои руки и, ими обнявъ твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ, да сохранивши залогъ вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохранивши не для себя токмо, но паче да явиши собою примѣръ благочестія, и тѣмъ заградиши нечестивыя уста вольнодумства и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія. Но съ ангелами Божіими не усумнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ; и дерзнутъ подумать, что акибы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать твоею прозорливостью. Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. Появится безстыдство и роскошь со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови, въ праздности и суетѣ».

Такимъ образомъ книга Шишкова, прикрываясь ученостью и вопросомъ литературнымъ, задѣвала многихъ; за это и ему пришлось вытерпѣть нападенія съ разныхъ сторонъ. Мы не будемъ здѣсь слѣдить за литературной полемикой, продолжавшейся много лѣтъ. О ней можно прочитать въ каждой исторіи русской литературы [2]). Укажемъ только на капитальную ошибку въ разсужденіи Шишкова объ языкѣ. Если бы въ то время кто-либо изъ его противниковъ могъ замѣтить ее, то и дальнѣйшіе споры

---

[1]) „Русск. Арх.", 1878 г. Письма изъ Россіи въ Ирландію.

[2]) Наиболѣе подробно она изложена въ исторіи Галахова, ч. II, и въ Филологич. Розысканіяхъ Грота, т. I.

оказались бы излишними. Шишковъ принималъ за аксіому, что русскій языкъ происходитъ отъ того славянскаго, на который переведены наши богослужебныя книги, и изъ этого выводилъ, что русскій языкъ и церковно-славянскій одинъ и тотъ же языкъ, что различіе ихъ только въ моментахъ развитія и, слѣдовательно, раздѣлять ихъ на два отдѣльные языка невозможно. Его противники, повидимому, соглашаясь съ его основнымъ положеніемъ, не хотѣли признать выводимыхъ имъ слѣдствій, и доказывали, что русскій языкъ такъ отдалился отъ церковнаго, что долженъ считаться особымъ языкомъ. Карамзинъ, какъ видно, лучше всѣхъ понималъ дѣло, замѣтивъ мимоходомъ въ одномъ письмѣ къ И. И. Дмитріеву: «кажется, наши петербургскіе авторы, и старые и молодые, спорятъ о языкахъ *славянскомъ* и *русскомъ*, безъ яснаго понятія объ ихъ различіи [1])». Но Шишковъ, не опровергнутый въ своемъ основномъ положеніи, постоянно могъ защищаться даже съ успѣхомъ и впадать еще въ бо́льшую крайность. Отнять у него всю силу его доводовъ можно было только доказательствомъ, что русскій языкъ на самомъ дѣлѣ не происходитъ отъ церковно-славянскаго, а оба они вмѣстѣ, на ряду съ польскимъ, чешскимъ, сербскимъ и другими славянскими нарѣчіями, происходятъ отъ старѣйшаго, до-историческаго, который развѣтвился на нарѣчія, что при переводѣ богослужебныхъ книгъ уже существовалъ и русскій языкъ самъ по себѣ, слѣдовательно оба они находятся между собою въ отношеніяхъ братскихъ. Отсюда не могло бы быть и рѣчи, что каждое церковно-славянское слово есть и русское слово, какъ утверждалъ Шишковъ, или что въ русскомъ языкѣ почти ничего не останется, если отъ него отнять всѣ славянскія слова. Но въ то время славянская филологія была такъ слаба, что не могла разрушать фантазіи упорнаго славяниста, который считалъ себя въ правѣ высказывать подобныя удивленія: какъ могутъ обветшать прекрасныя и многозначущія слова, таковыя, напримѣръ, какъ: *дебелый*, *доблесть*, *присно* и отъ нихъ происходящія: *одебелѣть*, *доблій*, *приснопамятный*, *приснотекущій* и тому подобныя; должны ли слуху нашему быть дики прямыя и коренныя наши названія, таковыя какъ: *любомудріе*, *умодѣліе*, *зодчество*, *багряница*, *вожделѣніе*, *велелѣпіе* и пр.

Изъ всего, что̀ мы сказали, не слѣдуетъ выводить, что Шишковъ, изъ одной злобы къ нѣкоторымъ лицамъ, съ намѣреніемъ дѣлалъ разныя натяжки. Нѣтъ, онъ самъ не замѣчалъ своихъ натяжекъ. Онъ только очень легко поддавался своей фантазіи,

---

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву, 1866 г., стр. 159.

напуганной французской революціей, а потомъ военными успѣхами французовъ въ Европѣ; фантазія производила такія сближенія, изъ которыхъ создавались пугающіе призраки: ему представлялась гибель Россіи, если не удержать общество отъ стремленія къ французской жизни. Крайность его взглядовъ объясняется и тою крайностью, съ какою нѣкоторые баричи сочувствовали всему французскому, не разбирая чтó хорошо, чтó худо. Отражая нападки своихъ противниковъ, Шишковъ крѣпко держался своихъ основныхъ положеній и даже увлекался еще болѣе, смѣшивая въ одинъ нѣсколько вопросовъ: о языкѣ, о воспитаніи, о нравственности, о религіозности: «слѣды *языка и духа* чудовищной французской революціи мало-по-малу начали появляться и въ нашихъ книгахъ; *презрѣніе къ вѣрѣ* стало оказываться въ презрѣніи къ *языку славянскому;* здравое понятіе о словесности и краснорѣчіи превратилось въ легкомысленное и ложное: сила души, высота мыслей, *приличіе словъ, чистота нравственности,* основательность и зрѣлость разсудка, все сіе приносилось въ жертву *какой-то легкости слога,* не требующей ни ума, ни знаній» [1]).

Вездѣ работала его фантазія и мѣшала логическому безпристрастному изслѣдованію жизни. Какъ-бы въ свое оправданіе передъ тѣми, которые приняли его укоры на свой счетъ, впослѣдствіи писалъ онъ: «укоризны мои тѣмъ русскимъ, которые уничижаютъ себя передъ иностранцами, не есть гласъ презрѣнія, но вопль соболѣзнующаго о нихъ сердца. Часто размышляю я, не обманываетъ ли меня мой умъ? не изъ лишне ли увеличиваю я вещи? не мечтается ли мнѣ тамъ зло, гдѣ его нѣтъ? не паче ли къ изливанію чувствъ моихъ побуждаетъ меня брюзгливость моего нрава, нежели существующія въ самомъ дѣлѣ причины? Такъ часто самого себя изслѣдываю; но, по несчастію, тысячи опытовъ разсѣяваютъ мое сомнѣніе». И далѣе онъ рѣзко рисуетъ картину офранцуженнаго высшаго общества, забывая, что Россія не въ немъ одномъ. «Скажутъ,—продолжаетъ онъ,—что французскій языкъ потому необходимо нуженъ, что сдѣлался общимъ и во всей Европѣ употребительнымъ. Я сожалѣю объ Европѣ; но еще болѣе сожалѣю о Россіи. Для того-то, можетъ быть, Европа и пьетъ горькую чашу, что, прежде нежели оружіемъ французскимъ побѣждена, побѣждена уже была языкомъ ихъ». Эти слова сказаны были тогда, когда и мы уже потерпѣли отъ французскаго оружія, слѣд. Шишковъ тутъ мѣтитъ не въ

[1]) Домашнія записки, во 2-ой части „Записокъ" Шишкова.

одну Европу. «Я могу сдѣлать ошибки,—замѣчаетъ онъ,—или смотрѣть на вещи не съ той стороны, съ которой бы ихъ разсматривать надлежало; но я надѣюсь, что и въ самыхъ ошибкахъ моихъ найдутъ одно чистосердечное усердіе къ моему отечеству, а не желаніе уничтожить иностранцевъ» [1]).

Свою книгу Шишковъ поднесъ черезъ министра народнаго просвѣщенія императору и, по его словамъ, осчастливленъ былъ за нее знакомъ монаршаго благоволенія. Всѣ товарищи его по академіи были на его сторонѣ и присудили ему за трудъ академическую золотую медаль. «Многія духовныя и свѣтскія особы, говорилъ онъ, службою, лѣтами и правами почтенныя, похвалили мое усердіе; иностранцы, разсматривавшіе книгу мою, отозвались о ней съ уваженіемъ; итакъ, я много и премного награжденъ за слабые мои труды» [2]).

Это сочувствіе тѣхъ, кого Шишковъ считалъ патріотами, сдѣлало его самымъ дѣятельнымъ членомъ въ Россійской академіи. Съ 1805 г. она стала издавать въ неопредѣленные сроки небольшія книжечки надъ названіемъ: «Сочиненія и переводы, издаваемые Россійскою Академіею». Тамъ Шишковъ и печаталъ свои оригинальныя и переводныя статьи, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательныя—разборъ примѣчаній къ Слову о полку Игоревѣ, недавно найденному и напечатанному графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и переводъ того же Слова.

Говоря о враждѣ молодыхъ писателей къ Шишкову, мы не можемъ сказать, что вся русская образованная молодежь была противъ него. Нѣтъ, въ иныхъ молодыхъ людяхъ его «Разсужденіе» нашло особенное сочувствіе. Къ числу ихъ относится извѣстный впослѣдствіи писатель С. Т. Аксаковъ. Когда вышла книга Шишкова, онъ былъ еще очень юнымъ студентомъ казанскаго университета, гдѣ, кромѣ него, всѣ восхищались Карамзинымъ. Онъ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Можно себѣ представить, какъ я обрадовался книгѣ Шишкова, человѣка уже не молодого, достопочтеннаго адмирала... Разумѣется, я призналъ его неопроверженнымъ авторитетомъ, мудрѣйшимъ и ученѣйшимъ изъ людей. Я увѣровалъ въ каждое слово его книги, какъ въ святыню! Русское мое направленіе и враждебность ко всему ино-

---

[1]) Отвѣтъ на письмо Говорова, напечатанное въ «Вѣстникѣ Европы» 1807, № 8. Сочин. и перев. Шишкова, ч. XII.

[2]) Въ предисловіи къ переводу двухъ статей Лагарпа „Сравненіе француз. языка съ древними“ и „О краснорѣчіи“—тамъ же.

странному укрѣпились сознательно и темное чувство національности выросло до исключительности...» [1]).

Въ скоромъ времени въ Петербургѣ Аксакову удалось подружиться съ племянникомъ Шишкова, и черезъ него сойтись съ самимъ дядею. «Какую ночь провелъ я,—говорилъ онъ,—въ ожиданіи утра, въ ожиданіи знакомства съ Ал. С. Шишковымъ. Я представлялъ его себѣ какимъ-то высшимъ существомъ, къ которому всѣ приближаются съ благоговѣніемъ... Кабинетъ Шишкова представлялся мнѣ страшнѣе всякой аристократической гостиной: опасность сконфузиться, показаться дуракомъ бросала меня въ ознобъ и жаръ. Въ переулкѣ съ Литейной, называемомъ Фурштатскимъ, противъ лютеранской кирки, стоялъ небольшой каменный двухъ-этажный домикъ, оконъ въ восемь, какого-то зеленоватаго цвѣта, весьма скромной наружности: это былъ собственный домъ А. С. Шишкова. Мы въѣхали подъ него въ ворота и поднялись во второй этажъ, по темной, узкой и нечистой лѣстницѣ... Черезъ минуту мы вошли. Кабинетъ былъ маленькій, голубой, съ двумя окошками въ переулокъ; между ними помѣщался большой письменный столъ, загроможденный книгами и бумагами; на окошкахъ стояли банки съ сухимъ кіевскимъ вареньемъ и конфектами, а на столѣ большая стеклянная банка, почти наполненная доверху восковыми шарами и шариками (Шишковъ имѣлъ привычку, занимаясь чтеніемъ и размышленіемъ, скатывать восковые шарики, обирая и общипывая воскъ со свѣчей. Онъ очень любилъ разныя лакомства, особливо плоды и ягоды). Вокругъ, на горкахъ и на полу, лежало много книгъ и тетрадей. Все было въ пыли и въ безпорядкѣ. Александръ Семеновичъ былъ въ шелковомъ полосатомъ шлафрокѣ съ поясомъ, съ голой шеей и грудью; на ногахъ у него были кожаные, истасканные ичеги (спальные сапоги); онъ имѣлъ средній ростъ, сухощавое сложеніе, волосы сѣдые съ желтизной; лицо у него было поразительно блѣдно; темнокаріе, небольшіе глаза, очень живые, проницательные, воспламеняющіеся мгновенно, выглядывали изъ-подъ нависшихъ бровей; общее выраженіе физіономіи казалось сухо, холодно и серьёзно, когда не было одушевлено улыбкой—самой пріятной и добродушной».

Шишковъ принялъ молодого человѣка очень ласково и сталъ тотчасъ же читать ему новую поэму князя Шихматова, молодого стихотворца, которому онъ очень покровительствовалъ за его религіозность и въ особенности за любовь къ славянскому языку.

[1]) «Семейная хроника» Аксакова—воспомин. объ А. С. Шишковѣ.

«Чтеніе его,—замѣчаетъ Аксаковъ,—было тихо, однообразно, но естественно, произношеніе чисто и явственно, но въ то же время съ какимъ-то стариковскимъ бормотаньемъ и процѣживаньемъ словъ сквозь зубы; онъ читалъ съ большимъ одушевленіемъ и небольшими жестами правой руки... Читая, Шишковъ нерѣдко останавливался и восклицалъ: какое великолѣпіе! какая красота! какое знаніе языка славянскаго, т.-е. русскаго! Вотъ что̀ значитъ, когда стихотворецъ начитается книгъ священнаго писанія!» Шишковъ восхищался словами, взятыми изъ церковно-славянскаго языка, которыхъ до того не употреблялъ ни одинъ русскій писатель. «Чтеніе въ такомъ родѣ, замѣчанія и разсужденія продолжались часа два. Я слушалъ и молчалъ, изъявляя только по временамъ полное согласіе съ мнѣніями и выводами хозяина, хотя нѣкоторыя похвалы и казались мнѣ преувеличенными... По совѣсти долженъ я сказать,—прибавляетъ Аксаковъ,—что Александръ Семеновичъ употреблялъ хитрость: читая Шихматова онъ выбиралъ или лучшія мѣста, или такія выраженія, которыя, будучи имъ объяснены, переставали, какъ онъ думалъ, казаться читателю странными».

Несмотря на всѣ восторги Шишкова, его любимецъ, котораго по слогу онъ сравнивалъ и съ Ломоносовымъ и съ Державинымъ, не былъ признанъ поэтомъ ни современниками, ни потомствомъ. При другомъ направленіи, можетъ быть, изъ него выработался бы стихотворецъ удобочитаемый, но въ средѣ славянофиловъ онъ остался не отъ міра сего.

Въ это же время познакомился съ Шишковымъ другой начинающій молодой писатель, Жихаревъ, который и записалъ въ своемъ дневникѣ подъ 9 янв. 1807 года слѣдующее: «Гавріилъ Романовичъ (Державинъ) представилъ меня А. С. Шишкову, задушевному другу президента россійской академіи Нартова. Съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ я почтенную фигуру этого человѣка, котораго дѣтскіе стихи получили такую народность, что, кажется, нѣтъ ни въ одномъ русскомъ грамотномъ семействѣ ребенка, котораго не учили бы лепетать: «хоть весною и тепленько» [1]... Не могу повѣрить, чтобъ этотъ человѣкъ былъ такимъ недоброжелателемъ нашего Карамзина, за какого хотятъ его выдать. Мнѣ кажется, что находящіяся въ «Разсужденіи о старомъ и новомъ слогѣ», колкія замѣчанія на нѣкоторыя фразы Карамзина доказываютъ не личное нерасположеніе къ нему Ал. Сем.,

---

[1]) Аксаковъ также говорилъ, что онъ въ ребячествѣ вытвердилъ наизусть дѣтскую библіотеку Шишкова.

а только одно несходство въ мнѣніяхъ и образѣ воззрѣнія на свойство русскаго языка. Изъ всего, что ни говорилъ Шишковъ—а онъ говорилъ много,—я не имѣлъ случая замѣтить въ немъ ни малѣйшаго недоброжелательства изъ зависти къ кому нибудь изъ нашихъ писателей; напротивъ, во всѣхъ его сужденіяхъ, подкрѣпляемыхъ всегда примѣрами, заключалось много добродушія и благонамѣренности» [1]).

Шишковъ охотно приближалъ къ себѣ молодыхъ людей, особенно тѣхъ, которые выказывали наклонность къ литературнымъ занятіямъ, и старался удержать ихъ отъ *вреднаго* стремленія къ легкому *модному* слогу. Недовольный вялою дѣятельностью Россійской академіи, которая не принимала никакихъ мѣръ противъ новыхъ писателей, и убѣдясь, что книга его, «Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ», была, какъ онъ выражается не что иное, какъ малая капля воды къ потушенію пожара, онъ рѣшился составить какъ-бы другую академію въ маломъ видѣ для образованія молодыхъ писателей. Жихаревъ присутствовалъ при первомъ зарожденіи этой мысли и записалъ слѣдующее: «Шишковъ очень долго толковалъ о пользѣ, какую бы принесли русской словесности собранія, въ которыя бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтенія своихъ произведеній, и предлагалъ Гаврилу Романовичу (Державину) назначить вмѣстѣ съ нимъ попеременно, хотя по одному разу въ недѣлю, литературные вечера, обѣщая склонить къ тому же А. С. Хвостова и сенатора И. С. Захарова (членовъ академіи), которыхъ домы и образъ жизни представляли наиболѣе къ тому удобствъ. Богъ вѣсть, какъ обрадовался этой идеѣ добрый Гаврила Романовичъ и просилъ Шишкова устроить какъ можно скорѣе это дѣло».

Самъ Шишковъ въ своихъ запискахъ замѣчаетъ, что съ того времени, какъ онъ отсталъ отъ двора, онъ вмѣстѣ съ Державинымъ, Муравьевымъ (товарищемъ министра просвѣщенія) и Хвостовымъ (другомъ Державина и родственникомъ извѣстнаго стихотворца) устроили для чтенія вечера и въ назначенные дни съѣзжались поочереди другъ къ другу. «Нѣкоторые другіе любители русскаго языка присоединились къ нашему обществу и мы провождали время съ пользою и пріятностью».

Но молодые писатели мало находили пользы, а пріятности развѣ въ ужинахъ, которыми заканчивались эти собранія (если судить по дневнику Жихарева, подробно описавшему нѣкоторые изъ нихъ). Первый вечеръ былъ 3 февраля 1807 года. Въ это

[1]) Дневникъ чиновника—«Отеч. Записки» 1855, май.

время всѣхъ занимали наши политическія обстоятельства: война съ Наполеономъ на русской границѣ, образованіе милиціи, назначеніе военныхъ начальниковъ. Это были не только главныя темы для разговоровъ, но и для торжественныхъ и патріотическихъ стихотвореній; они читались въ собраніяхъ, но не производили особеннаго впечатлѣнія, хотя слушатели изъ приличія и восхваляли ихъ. Такъ, по поводу чтенія стиховъ Державина «На выступленіе въ походъ гвардіи», Жихаревъ записалъ: «на этотъ разъ я охотно бы отказался отъ чтенія ихъ передъ публикою — такъ мнѣ они не пó сердцу». Князь Шихматовъ представилъ на судъ свою патріотическую поэму: «Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ». Самъ Шишковъ взялся читать ее и читалъ, по словамъ того же Жихарева, твореніе своего любимца внятно, правильно и съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. «Я отъ души любовался сѣдовласымъ старцемъ,—говорилъ онъ,—который такъ живо сочувствовалъ красотѣ стиховъ и передавалъ ихъ съ такою увлекательностью; судя по блѣдному лицу и серьёзной физіономіи его, нельзя было предполагать въ немъ такого теплаго сочувствія къ поэзіи». Скучали слушатели за длинными переводами французскихъ моралистовъ, хотя Шишковъ называлъ ихъ «*нарумяненными,* которыхъ все достоинство заключается въ одномъ щегольствѣ выраженій». Иногда только оживлялись вечера прекраснымъ чтеніемъ Крылова или Гнѣдича. На иныя чтенія являлась даже петербургская знать: сенаторы, оберъ-прокуроры, камергеры и самъ главнокомандующій Вязмитиновъ, которые, впрочемъ, не высиживали до конца. Литературные судьи, которые признавали за собою право учить и направлять молодыхъ писателей, оказались ниже своей задачи. Они могли критиковать только слова и выраженія, но не болѣе того, тогда какъ отъ нихъ ожидали критики содержанія, оцѣнки цѣлаго произведенія. Эта мелочная и придирчивая критика слога вызывала въ молодыхъ писателяхъ только иронію. Жихаревъ, приводя замѣчанія, сдѣланныя на его стихи, прибавляетъ: «но никто не замѣтилъ мнѣ того, что я замѣтилъ самъ себѣ, т.-е. что стихи мои не заключаютъ въ себѣ ничего, кромѣ одного набора словъ и что въ нихъ нѣтъ ни одной мысли, на которой бы остановиться можно: они похожи на какую-то жижу, смѣсь воды съ каплею меда — пить не противно, но и вкуса никакого нѣтъ... Въ заключеніе добродушный хозяинъ (Захаровъ) сказалъ мнѣ съ видомъ прозорливца, что онъ тотчасъ же угадалъ, что я принадлежу къ новой московской школѣ (Карамзина). У васъ есть способности,— примолвилъ онъ,—но вамъ надобно еще поучиться, поживите съ

нами, мы васъ *выпомируемъ.—Покорнѣйше благодарю!* А между тѣмъ я подслушалъ, какъ Гаврило Романычъ, который видно небольшой охотникъ до грамматики и просто *поэтъ*, кому-то прошепталъ: такъ себѣ, переливаютъ изъ пустаго въ порожнее».

Но и самъ Гаврило Романовичъ возбуждалъ, какъ видно, небольшую вѣру въ свою критику; по крайней мѣрѣ, Жихаревъ въ одномъ мѣстѣ замѣтилъ: «я начинаю сомнѣваться въ призваніи своемъ къ литературѣ, и похвалы Гаврила Романовича моему дарованію, которыя сгоряча я принялъ за чистыя деньги, теперь, по зрѣломъ размышленіи, кажутся мнѣ не совсѣмъ основательными: онъ въ восторгѣ отъ Боброва, а кто-жъ не знаетъ что̀ такое Бобровъ?» Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ также говоритъ, что ничего замѣчательнаго на этихъ вечерахъ не происходило и не удовлетворяло даже тогдашнимъ его понятіямъ. «Что̀ бы кто ни прочелъ, всѣ остальные говорили одни пошлые комплименты; критическія замѣчанія были еще пошлѣе». Изъ всего этого видно, что у нашихъ старыхъ патріотовъ было много добрыхъ желаній, но, думая быть руководителями молодого поколѣнія, они ставили себя въ ложное положеніе: имъ недоставало научнаго образованія, а приходилось имѣть дѣло съ молодыми людьми, кончившими университетскій курсъ и ожидавшими отъ нихъ чего-то бо́льшаго, чѣмъ курсъ грамматики и школьной реторики. Послѣ близкаго знакомства молодые писатели разубѣждались въ тѣхъ, которые навязывались имъ въ авторитеты. Еще меньше они могли подчиниться Россійской академіи, слыша, какъ надъ составомъ ея подсмѣивались даже въ обществѣ Шишкова: въ ней считалось пятьдесятъ-восемь членовъ, изъ нихъ одни были въ отсутствіи, другіе, и очень большая часть, были избраны для почета; были и такіе, которые, по удачному выраженію Хвостова, не любятъ грамоты,—вообще бездарность и невѣжество преобладали. Было человѣкъ пять-шесть даровитыхъ, но не дѣятельныхъ писателей. Что же могъ сдѣлать тутъ одинъ дѣятельный Шишковъ? Молодое поколѣніе спрашивало: отчего въ академіи красуются имена людей вовсе неизвѣстныхъ, и нѣтъ именъ Карамзина, Крылова, Озерова, Шаховскаго, Мерзлякова и др., и не получало отвѣта. Понятно, что и изданія академіи съ цѣлью поучать юношество не привлекали къ себѣ, да и мало могли дать чего поучительнаго. А между тѣмъ Шишковъ разсчитывалъ на такія изданія, согласившись вмѣстѣ съ Державинымъ и А. Хвостовымъ настоять въ академіи издавать сочиненія, особенно посвященныя языку и словесности. Академія согласилась и составила изъ нѣсколькихъ своихъ членовъ особое отдѣленіе, кото-

рое бы со всею строгостью опредѣляло сочиненія, достойныя печати. Стали выходить уже упомянутыя нами «Сочиненія и переводы»; но скоро они сдѣлались причиною споровъ и раздоровъ въ средѣ самихъ академиковъ. Такъ какъ Шишковъ чаще всѣхъ представлялъ свои статьи, то ему безпрестанно приходилось выслушивать разныя замѣчанія отъ другихъ членовъ и, конечно, самыя мелочныя. Самолюбіе автора страдало, онъ съ своей обычной горячностью отстаивалъ себя и еще съ бóльшей горячностью нападалъ на своихъ противниковъ, считая себя ученѣе ихъ. Время проходило въ спорахъ и въ неудовольствіяхъ, чтó замедляло печатаніе и выпускъ книгъ. Изданіе шло чрезвычайно вяло. Ему вредилъ и самъ предсѣдатель Нартовъ, который вздумалъ распоряжаться по-начальнически, т.-е. приказывалъ печатать такія-то сочиненія мимо редакціоннáго отдѣленія. Все это ссорило Шишкова съ его сочленами; въ особенности же его задѣло заживое, когда академія остановила печатаніе «Опыта славянскаго словаря» его вслѣдствіе замѣчаній новгородскаго митрополита Амвросія, калужскаго епископа Ѳеофилакта и тверскаго Меѳодія; они допустили даже такое выраженіе: *невѣжды и кощуны никогда не должны имѣть голоса въ сужденіи объ языкѣ*, имѣя въ виду Фонъ-Визина, на котораго сослался Шишковъ при объясненіи одного слова. Но Шишковъ принялъ это выраженіе и на себя, и, сильно огорченный, далъ рѣзкій отвѣтъ на всѣ замѣчанія, которыя оказались по бóльшей части мелочными и придирчивыми, не доказывающими большой учености критиковъ.

VI.

Общественная и домашняя жизнь. Адмиралъ Мордвиновъ. Шишковъ-помѣщикъ.

Ссорясь со всѣми, Шишковъ, наконецъ, примирился съ Чичаговымъ, который хотѣлъ съ нимъ сблизиться и оказалъ ему услугу, испросивъ у государя прощеніе одному разжалованному морскому офицеру, чтó дало Шишкову возможность утѣшить семью несчастнаго. За этимъ Чичаговъ предложилъ ему принять на себя званіе предсѣдателя ученаго департамента при адмиралтейской коллегіи. Шишковъ тѣмъ охотнѣе согласился, что этотъ департаментъ былъ преобразованъ изъ комитета, основаннаго имъ самимъ при Павлѣ. Ему была теперь возвращена отнятая у него пенсія и даже стали присылать ему билеты на эрмитажные спектакли. Онъ началъ снова являться при дворѣ, но государь не

обращалъ на него никакого вниманія, чтó очень оскорбляло Шишкова. «Однажды, — говоритъ онъ, — нѣкто изъ приближенныхъ къ нему изъявилъ мнѣ, въ присутствіи другихъ, сожалѣніе свое о сихъ его со мною поступкахъ; сожалѣніе сіе такъ оскорбило мое самолюбіе, что я отвѣчалъ ему съ гордостью: цари больше имѣютъ надобности въ добрыхъ людяхъ, нежели добрые люди въ нихъ». Вообще, Шишковъ былъ очень скоръ и неостороженъ въ рѣзкихъ сужденіяхъ, которыя, какъ и самъ онъ думалъ, передавались государю и были причиною немилости къ нему. Неудачныя наши дѣла съ французами, высокомѣріе французскаго посланника Колинкура давали недовольнымъ старикамъ много случаевъ высказывать рѣзкія сужденія о молодыхъ совѣтникахъ государя, или подсмѣиваться надъ новыми учрежденіями и безпорядками, надъ неудачною политикою. Шишковъ, конечно, не отставалъ отъ другихъ и даже жёлчно высказывался въ остроумныхъ стихахъ, которые ходили по рукамъ. Нѣкоторые изъ нихъ доходили, конечно, и до государя. Такъ, онъ самъ разсказываетъ, что обильная раздача георгіевскихъ крестовъ послѣ неудачнаго похода подала поводъ къ разнымъ насмѣшкамъ. Составлялись даже на этотъ предметъ острыя эпиграммы и читались въ разныхъ обществахъ. Въ дѣло объ одной изъ нихъ, на которую государь съ неудовольствіемъ обратилъ вниманіе, былъ замѣшанъ и Шишковъ, какъ способствовавшій ея распространенію. Въ это же время ходили стихи Шишкова, написанные въ защиту генерала Львова, который совершилъ воздушный полетъ съ воздухоплавателемъ Гарнереномъ, за чтó его осуждалъ весь дворъ, считая такой поступокъ достойнымъ посмѣянія и неприличнымъ для генерала. Самъ государь раздѣлялъ этотъ взглядъ. На Львова посыпались эпиграммы въ родѣ слѣдующей:

Генералъ Львовъ
Леталъ просить боговъ
О заплатѣ за него долговъ.

Шишковъ, желая его утѣшить, написалъ ему сочувственное письмо, богатое фантазіей, въ которомъ поздравляетъ его «съ благополучнымъ окончаніемъ сколько достойнаго любопытства, столько же и страшнаго путешествія». Письмо закончено стихотворнымъ обращеніемъ къ тѣмъ, «которые ко всему любятъ привязывать толки и хулы»:

Трубить легко въ кулакъ!
А я скажу вотъ такъ:

Тому, въ комъ духу мало,
Конечно, не пристало.
И ты, кто намъ кричишь,
Что чуда въ томъ не зришь,
Коль хочешь непремѣнно
Твоимъ чтобъ несомнѣнно
Мы вѣрили словамъ,
Попробуй съѣздить самъ.

Были и другіе случаи, когда Шишковъ, или желая заступиться за тѣхъ, къ кому, казалось, были несправедливы, или изъ досады,—рѣзко выражался, а иногда даже угрожалъ распространять въ спискахъ описаніе несправедливостей. Все это вооружало противъ него многихъ. Французскій посланникъ Коленкуръ даже жаловался государю на его рѣзкія выходки противъ французовъ въ его сочиненіяхъ, на что́, конечно, постарались указать Коленкуру недоброжелатели Шишкова. Государь былъ сильно раздраженъ противъ него и скоро высказался по слѣдующему случаю: когда составился новый государственный совѣтъ, однимъ изъ первенствующихъ членовъ былъ назначенъ адмиралъ Мордвиновъ. Не найдя въ спискѣ членовъ совѣта имени Шишкова, онъ отправился къ государю и настойчиво просилъ его за своего пріятеля, но долженъ былъ отказаться отъ просьбы, когда услышалъ слова: я лучше соглашусь не царствовать, нежели сдѣлать его членомъ. «Сіе приключеніе,—говоритъ Шишковъ,—открывшее мнѣ гнѣвъ на меня государевъ, крѣпко меня потревожило; но, наконецъ, чувствуя себя невиннымъ, я успокоился и пересталъ о томъ думать. Все вниманіе мое обратилось, по прежнему, къ любимымъ занятіямъ моимъ по́ словесности».

Въ высшемъ свѣтѣ имя Шишкова долгое время было какъ-бы моднымъ: надъ нимъ потѣшались, острили, дѣлали героемъ разныхъ смѣшныхъ разсказовъ, что̀ веселило общество. Шишковъ въ самомъ дѣлѣ былъ кладъ для насмѣшниковъ: его крайняя разсѣянность, забывчивость, сосредоточенность на одной любимой мысли служили неизсякаемымъ источникомъ для разныхъ анекдотовъ, истинныхъ и выдуманныхъ. Разсказывали, будто онъ на серьёзный вопросъ одного сановника отвѣчалъ текстомъ изъ священнаго писанія и цитатами изъ какой-то старинной рукописи, которая тогда исключительно его занимала; будто онъ не узнавалъ своей жены и говорилъ съ нею иногда, какъ съ посторонней женщиной, а чужихъ женъ принималъ за свою Дарью Алексѣевну, и пр. [1]).

---

[1]) Воспоминанія Аксакова, „Семейная хроника“.

Видя Шишкова рѣзкимъ и неуживчивымъ въ общественной жизни, мы могли бы подумать, что такимъ же онъ былъ и въ жизни домашней; но близкіе его знакомые говорятъ о немъ совсѣмъ противоположное. Въ житейскомъ быту онъ былъ совершенное дитя, жилъ самымъ невзыскательнымъ гостемъ въ собственномъ домѣ, предоставя все управленію жены и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ него происходило. Онъ былъ женатъ на вдовѣ, голландкѣ и лютеранкѣ, внукѣ адмирала Шельтинга, приглашеннаго въ русскую службу. Она не мѣшала ему въ его занятіяхъ, но въ то же время умѣла и управлять имъ. За неимѣніемъ своихъ дѣтей, онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе двухъ родныхъ племянниковъ, которыми и завладѣла Дарья Алексѣевна. Нисколько не обращая вниманія на предубѣжденія своего супруга-патріота противъ французскаго воспитанія, она взяла къ племянникамъ француза-гувернера, и въ домѣ Шишкова сталъ раздаваться французскій языкъ. Иногда ему доставалось отъ нея и за патріотическія выходки, которыя бывали грубоваты и даже дерзки. Такъ, однажды онъ измаралъ великолѣпный альбомъ одной своей хорошей знакомой, вычеркнувъ въ немъ всѣ русскія имена, подписанныя по-французски, и вмѣсто нихъ подписалъ тѣ же имена крупнымъ полууставомъ и ко всему прибавилъ свои стихи:

Безъ бѣлилъ, ты, дѣвка, бѣла,
Безъ румянъ ты, дѣвка, ала,
Ты честь-хвала отцу-матери,
Сухота сердцу молодецкому.

Но гнѣвъ своей супруги онъ выносилъ хладнокровно и забывалъ его въ своемъ кабинетѣ, гдѣ коптѣлъ надъ разными словарями, надъ старинными рукописями и церковными книгами, занимаясь корнесловіемъ. Вставалъ онъ поутру часовъ въ семь зимою и въ шесть лѣтомъ. Все утро до обѣда проводилъ онъ за работою въ кабинетѣ, кромѣ двухъ присутственныхъ дней въ недѣлю въ адмиралтейскомъ совѣтѣ. Отъ ежедневной работы у него копились громадныя кипы бумаги. По словамъ Аксакова, его записная книжка, куда онъ вписывалъ слова малоизвѣстныя и вышедшія изъ употребленія, попадавшіяся ему въ книгахъ священнаго писанія, въ лѣтописяхъ и разныхъ рукописяхъ, была ужасающей величины и толщины. Вечеромъ Шишковъ любилъ выѣзжать въ клубъ или въ гости, гдѣ обыкновенно велъ крупную картежную игру. Страсть къ картамъ была у него всю жизнь; говорятъ, что въ болѣе молодые годы ими онъ пріобрѣ-

талъ себѣ и поддерживалъ связи съ нѣкоторыми важными лицами, а въ молодости былъ сильный банковый игрокъ. Въ коммерческія игры онъ всегда много выигрывалъ. Другая страсть была у него къ птицамъ: гдѣ бы онъ ни жилъ, стаи голубей всегда собирались къ его окнамъ; всякое утро онъ кормилъ ихъ, для чего у него была сдѣлана форточка въ нижнемъ стеклѣ. Всегда серьёзный въ обращеніи съ людьми, онъ съ своимъ попугаемъ обращался въ другого человѣка: для него у старика находились ласковыя и нѣжныя слова, дѣтская болтливость; онъ дразнилъ, цѣловалъ любимую птицу, игралъ съ нею, случалось даже забывалъ дѣло и опаздывалъ, такъ что жена въ важныхъ случаяхъ провожала его до передней изъ кабинета черезъ столовую, гдѣ стояла клѣтка попугая. Женѣ же приходилось напоминать ему о засѣданіяхъ въ морскомъ департаментѣ, когда ему попадутся въ руки любимые стихи, съ которыми ему захочется познакомить своего собесѣдника. Любимыми его кабинетными разговорами были: о тождествѣ языка русскаго и славянскаго, о красотахъ священнаго писанія, о русскихъ народныхъ пѣсняхъ, о порчѣ языка по милости карамзинской школы. Онъ охотно выслушивалъ противъ себя возраженія, но не любилъ съ ними соглашаться; если не могъ съ-разу опровергнуть ихъ, то записывалъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ внимательно подумать и опровергнуть,—такъ онъ былъ увѣренъ въ своихъ собственныхъ сужденіяхъ. Изъ бесѣдъ съ молодымъ Аксаковымъ у него составилась статья: «Разговоры о словесности между двумя лицами, Азъ и Буки».

Изъ всѣхъ своихъ близкихъ знакомыхъ, Шишковъ особенно уважалъ адмирала Мордвинова, который извѣстенъ былъ въ публикѣ смѣло высказываемыми мнѣніями въ государственномъ совѣтѣ, часто противъ единогласныхъ рѣшеній всѣхъ членовъ. Ихъ Шишковъ записывалъ въ особую книгу, съ золотымъ обрѣзомъ, богато переплетенную, съ надписью: «*Золотые голоса Мордвинова*». Она постоянно лежала на его письменномъ столѣ. Жена Мордвинова, родомъ англичанка, воспитанная въ Италіи, не знала по-русски. Такъ какъ старшій племянникъ Шишкова хорошо говорилъ по-итальянски, то Шишковъ, желая сдѣлать пріятное семейству Мордвинова, однажды устроилъ у себя итальянскій спектакль, на которомъ было разыграно нѣсколько сценъ изъ какой-то драмы любимаго поэта Шишкова, Метастазіо. Самъ Шишковъ хорошо зналъ по-итальянски и руководилъ актеровъ. Для неожиданности, всѣ приготовленія дѣлались втайнѣ. Домашніе актеры, молодые люди, посѣщавшіе домъ Шишкова, присоединили къ этимъ сценамъ русскую пьесу «Семейство Старору-

сина», въ которой самъ Старорусинъ отражалъ русское направленіе Александра Семеновича. Она была уже прежде разыграна на той же сценѣ сюрпризомъ для самого Шишкова и очень ему понравилась. Ему было очень пріятно слышать свои мысли съ театральныхъ подмостокъ. На этотъ разъ молодые актеры придумали для старика новый сюрпризъ: вставили въ роль Старорусина много славянофильскихъ задушевныхъ мыслей изъ собственныхъ его сочиненій. Пьесы были разыграны удачно въ присутствіи многихъ званыхъ гостей. Шишковъ былъ вознагражденъ, читая удовольствіе на лицахъ семейства своего друга. Но подъ впечатлѣніемъ дружеской благодарности Мордвинова, самъ онъ не замѣтилъ вставокъ, которыми думали угодить ему: здѣсь сюрпризъ не удался.

У Шишкова не было почти никакого состоянія. Онъ жилъ только своимъ жалованьемъ; а съ крестьянъ, подаренныхъ ему императоромъ Павломъ, не бралъ ни копѣйки оброка, хотя многіе, и даже Мордвиновъ, находили такое безсребренничество излишнимъ и неумѣстнымъ. Но онъ такъ понималъ помѣщичье право и, конечно, стоялъ за него, какъ за весь государственный строй, который, по его убѣжденіямъ, не долженъ измѣняться, и которому, напротивъ, все должно подчиняться для общаго блага. Для бóльшей характеристики Шишкова приведемъ интересный разсказъ Аксакова, которому, кажется, можно повѣрить.

Многіе изъ крестьянъ Шишкова жили въ Петербургѣ на заработкахъ; они знали, что баринъ жилъ слишкомъ небогато. Годъ случился неурожайный и въ Петербургѣ сдѣлалась большая дороговизна. Въ одинъ день поутру докладываютъ Александру Семеновичу, что къ нему пришли его крестьяне и желаютъ съ нимъ переговорить... Это были выборные изъ его села: поклонясь въ ноги, несмотря на запрещеніе барина, одинъ изъ нихъ сказалъ, что на мірской сходкѣ положили и приказали имъ ѣхать къ барину въ Питеръ и сказать: чтò не берешь-де ты съ насъ вотъ уже десять лѣтъ никакого оброку, а живешь однимъ царскимъ жалованьемъ, что теперь въ Питерѣ дороговизна и жить тебѣ съ семействомъ трудно; а потому не угодно ли тебѣ положить на насъ за прежніе льготные годы, хоть по тысячѣ рублей, а впредь будемъ мы платить оброкъ, какой ты самъ положишь... Отъ такихъ рѣчей Шишковъ пришелъ въ неописанное умиленіе, особенно оттого, что рѣчи ихъ были очень похожи на языкъ старинныхъ грамотъ, нѣсколько разъ заставлялъ ихъ повторять при другихъ, приказалъ ихъ угостить и отпустилъ, отказавшись

отъ оброка и замѣтивъ, что надобности въ деньгахъ не имѣетъ по милости царской.

Шишковъ не упускалъ случая выказывать себя русскимъ человѣкомъ: повидимому, онъ любилъ простой русскій народъ и желалъ ему добра, но въ чемъ должно быть это добро, едва ли было имъ выяснено. Онъ даже не могъ хорошо знать русскій народъ, живя всегда въ Петербургѣ и пробывъ въ Москвѣ нѣсколько недѣль при дворѣ на коронаціи императора Александра. Онъ имѣлъ больше возможности видѣть жизнь крестьянъ за границею, чѣмъ въ Россіи. Въ сужденіи его о крестьянахъ участвовала также болѣе фантазія, чѣмъ логическіе выводы, основанные на близкомъ знакомствѣ съ предметомъ. Ему казалось, что крестьянина можно сдѣлать счастливымъ единственно человѣколюбивымъ отношеніемъ къ нему помѣщика и администраціи; а возможно ли было поставить въ такія отношенія оба сословія? Фантазія, конечно, могла рисовать разныя идиллическія картины, но въ дѣйствительности онѣ были неисполнимы. Уничтоженіе крѣпостного права, грамотность въ народѣ онъ считалъ государственнымъ зломъ, которое поведетъ къ общему развращенію и, пожалуй, къ революціи.

У него, какъ и у многихъ, считавшихъ себя *русскими*, была своего рода теорія неподвижности, съ которою они по чувству самосохраненія соединяли государственное существованіе. И надо сказать, къ чести Шишкова, что въ общественныхъ дѣлахъ онъ крѣпко держался своихъ убѣжденій безъ всякихъ корыстныхъ разсчетовъ, хотя эти убѣжденія опирались болѣе на фантазію, чѣмъ на логическій анализъ. Позволяя своей практической супругѣ распоряжаться въ домашнихъ дѣлахъ иногда не согласно съ его убѣжденіями, онъ не поддавался никому въ дѣлѣ общественномъ и равнодушно выносилъ всѣ нападки своихъ противниковъ. Изъ этой стойкости, конечно, вытекала и польза, потому что въ основаніи его отчасти донкихотскихъ стремленій была своя доля правды; а въ ней всегда есть живая сила, которая окажетъ свое благотворное дѣйствіе. Самъ Карамзинъ говорилъ, что у Александра Семеновича много гнѣва, много желчи, много личной къ нему враждебности, а потому много и несправедливаго, но есть много и правды [1]). Этою-то правдою не отказывался пользоваться Карамзинъ и совершенствовался. Крыловъ говорилъ о Шишковѣ какъ о литераторѣ: слѣдовать примѣрамъ его не должно, а пользоваться иными критиками его можетъ быть полезно; онъ въ этомъ отношеніи похожъ на человѣка, который

[1]) Воспоминанія Аксакова, „Семейная хроника“.

доказывалъ бы, какъ опасно употреблять недостаточно луженую кухонную посуду, и сталъ бы совѣтовать чаще лудить ее сурикомъ [1]).

VII.

Бесѣда любителей русскаго слова. Шишковъ-ораторъ.

Въ 1810 г. частные литературные вечера Шишкова превратились въ публичные. Шишковъ разсказываетъ, что ихъ надоумилъ сдѣлать это какой-то князь Голицынъ, пріѣхавшій изъ Москвы, разумѣвшій больше по-французски, нежели по-русски, но любившій и свой языкъ. Старички стали разсуждать объ этомъ и рѣшились составить *Бесѣду любителей русскаго слова*, литературное общество изъ достойныхъ писателей, раздѣлить ихъ на четыре разряда, въ каждомъ долженъ быть одинъ предсѣдатель и нѣсколько членовъ или сотрудниковъ, каждому предсѣдателю читать по-очереди собственную статью, послѣ которой всякій членъ или даже посторонній, съ одобренія всего общества, можетъ читать свое произведеніе стихами или прозою; засѣданія не должны продолжаться болѣе двухъ съ половиною часовъ, на чтенія приглашать особъ обоего пола; въ члены «Бесѣды» допускать и дамъ. На первый разъ были выбраны двѣ, Волкова и Бунина, которымъ Шишковъ особенно покровительствовалъ. Мы не можемъ сказать, на основаніи чего было сдѣлано дѣленіе всего общества на разряды. Вигель говоритъ, что въ предметахъ занятій между разрядами не было никакого различія. Предсѣдателями были Шишковъ, Державинъ, Захаровъ и А. С. Хвостовъ. Кромѣ предсѣдателей, для каждаго разряда выбирался еще особый попечитель—важное лицо въ государственной администраціи; первыми попечителями были министры гр. Завадовскій, Мордвиновъ, гр. Разумовскій, И. И. Дмитріевъ, другъ Карамзина, недавно переселившійся изъ Москвы въ качествѣ министра юстиціи. Трудно сказать, зачѣмъ нужны были эти попечители: для доказательства ли благовидныхъ цѣлей «Бесѣды», или для почета. Вообще, ученыя и литературныя собранія тогда любили украшать чиновными лицами: ихъ было много и въ Россійской академіи. Въ распоряженіе «Бесѣды» Державинъ предоставилъ большую залу въ собственномъ домѣ. Воспользуюсь воспоминаніями Вигеля для характеристики собраній «Бесѣды».

[1]) „Рус. Арх." 1874. Изъ старой записной книжки.

«Обстоятельства благопріятствовали ея учрежденію,—говоритъ онъ.—По вкоренившейся привычкѣ, не переставали почитать западъ наставникомъ, образцомъ и кумиромъ своимъ, но на немъ тихо и явственно собиралась страшная буря, грозящая намъ истребленіемъ или порабощеніемъ. Люди, умѣющіе размышлять и предвидѣть, невольно тѣснились вокругъ знамени, на которомъ уже читали они слово «отечество». Пристрастіе къ Европѣ примѣтно стало слабѣть и готово было превратиться въ нѣчто враждебное. Воспрянувшее въ разныхъ состояніяхъ чувство патріотизма подѣйствовало, наконецъ, и на высшее общество: знатныя барыни на французскомъ языкѣ начали восхвалять русскій, изъявлять желаніе выучиться ему или притворно показывать, будто его знаютъ. Имъ и придворнымъ людямъ натолковали, что онъ искаженъ, зараженъ, начиненъ словами, оборотами, заимствованными у иностранныхъ языковъ, и что «Бесѣда» составилась единственно съ цѣлью возвратить и сохранить ему чистоту и непорочность, и онѣ всѣ взялись быть главными ея поборницами... Члены вокругъ столовъ занимали середину; тамъ же разставлены были кресла для почетнѣйшихъ гостей, а вдоль стѣнъ, въ три уступа, хорошо устроены были сѣдалища для прочихъ посѣтителей, по билетамъ впускаемыхъ. Часть декораціонная была совершенство... Прекрасный полъ, для бóльшаго блеска, былъ въ бальныхъ нарядахъ, вельможи въ лентахъ и звѣздахъ, всѣ въ мундирахъ. Чтеніе, какъ содержаніемъ, такъ и слогомъ, не отвѣчало наружному убранству. Дамы и свѣтскіе люди, которые вовсе ничего не понимали, не показывали, а можетъ быть и не чувствовали скуки; они исполнены были мысли, что совершаютъ великій патріотическій подвигъ и дѣлали сіе съ примѣрнымъ самоотверженіемъ. Горе было тѣмъ, которые понимали и принуждены были безпрестанно удерживать зѣвоту. Модный свѣтъ полагалъ, что торжество отечественной словесности должно предшествовать торжеству вѣры и отечества.

«Бесѣда»,—прибавляетъ Вигель,—имѣла болѣе видъ казеннаго мѣста, чѣмъ ученаго сословія, и даже въ распредѣленіи мѣстъ держались болѣе табели о рангахъ, чѣмъ о талантахъ» [1]).

Самъ Шишковъ разсказываетъ о первомъ засѣданіи «Бесѣды»: онъ читалъ *рѣчь при ея открытіи*. «Въ ней, разсуждая о словесности, приводилъ я выписки изъ многихъ нашихъ стихотворцевъ и писателей, выказывая красоты ихъ и возбуждая любовь къ языку нашему и чтенію на немъ собственныхъ нашихъ про-

---

[1]) Воспоминанія Вигеля, т. II, ч. 3, 149—151.

изведеній. Собраніе было многочисленно и состояло изъ отличнѣйшихъ обоего пола особъ. Рѣчь мою слушали съ великимъ вниманіемъ; во время чтенія царствовала совершенная тишина и безмолвіе. Послѣ меня Крыловъ читалъ свои басни, остротою и солью всѣмъ понравившіяся... Бесѣда сія имѣла добрый успѣхъ: многія присутствовавшія въ ней госпожи почувствовали, что не похвально языкъ свой презирать и многихъ прекрасныхъ на немъ сочиненій не читать и не знать».

Члены «Бесѣды» не довольствовались публичными чтеніями: желая имѣть болѣе широкое вліяніе на русскую публику, они стали издавать «Чтенія въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова» — и успѣшнѣе академическихъ «Сочиненій и переводовъ». Карамзина и здѣсь не оставляли въ покоѣ разными намеками. Зная его по сантиментальнымъ повѣстямъ, воображали, что и русская его исторія будетъ отличаться тѣми же качествами. Вотъ отрывокъ изъ стихотворенія, напечатаннаго въ III книжкѣ «Чтеній»:

И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться?
На свѣтѣ можетъ всякъ чѣмъ хочетъ заниматься.
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь,
И вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, *свойства плаксъ* давъ Игорю и Кію,
И *добренькихъ* славянъ, и *милую* Россію.

По этому случаю Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «О Бесѣдѣ Шишковской слышалъ. Желаю ей успѣха, но только въ добрѣ. *Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ?* Впрочемъ, мое правило не злиться» [1]).

Въ это же время литературныя нападки на Шишкова были особенно сильны. Ему приходилось отбиваться отъ такихъ противниковъ, какъ Дашковъ и профессоръ Каченовскій, противъ которыхъ нужно было вооружиться наукою, а здѣсь почва его была очень не твердая. Его «Разсужденія о красотахъ св. Писанія», «Разговоры о словесности», «Прибавленія къ разговорамъ» оказались слабыми, а раздражительность, которую онъ не могъ скрыть, доказываетъ, что онъ и самъ чувствовалъ свою слабость. Но нельзя не замѣтить, что въ одномъ онъ пошелъ дальше своихъ противниковъ: указывая на источники, по которымъ мы должны учиться русскому языку, онъ включаетъ въ число ихъ *русскія пѣсни*, на которыя въ то время почти не обращали вниманія. «Народный языкъ, очищенный нѣсколько отъ своей грубости, возобновленный и приноровленный къ нынѣшней нашей словес-

[1]) Письма Карамзина къ Дмитріеву. 19 февр. 1811 г.

ности, сблизилъ бы насъ съ тою пріятною невинностію, съ тѣми естественными чувствованіями, отъ которыхъ мы, удаляясь, дѣлаемся болѣе жеманными говорунами, нежели истинно краснорѣчивыми писателями» [1]).

Здѣсь, можно сказать, Шишковъ додумался до настоящей истины, и самъ почувствовалъ, что въ его мысли есть и новость и сила. Такъ, въ письмѣ къ Бардовскому (19 февр. 1811 г.) онъ говоритъ: «посылаю къ вамъ свои *бредни*, подъ названіемъ «Разговоры о словесности»; сперва бранили меня за то, что защищаю славянскій языкъ, а теперь станутъ бранить, что прославляю народный. Пускай бранятъ: *кто нибудь скажетъ спасибо, а спасибо одного добраго человѣка утѣшаетъ меня больше, нежели досаждаетъ брань ста худыхъ*».

Но за это Шишкова никто не бранилъ; Каченовскій отнесся къ нему съ благодарностью.

«Посмотрите, сколько опять появилось противъ меня браней», пишетъ онъ въ другомъ письмѣ къ тому же лицу: «иной подъ видомъ похвалы и безпристрастія, хочетъ, не имѣя зубовъ, укусить; другой пишетъ посланіе на стихахъ; третій бранитъ славянскій языкъ, думая меня тѣмъ побранить»...

«Греческій языкъ насъ губитъ», говоритъ Шишковъ еще въ одномъ письмѣ: «мы думаемъ, что если знаемъ его, то уже все знаемъ; хорошо знать его, но и съ нимъ можно крайне заблуждаться. Если мнѣ вздумается на возраженіе Каченовскаго сдѣлать мое возраженіе, то я напередъ могу увѣрить, что даже и онъ самъ не вездѣ найдетъ себя правымъ. Я почитаю дарованія его въ словесности, равно какъ и нѣкоторыхъ другихъ московскихъ вашихъ писателей [2]); но между тѣмъ вижу, что перо ихъ часто движимо бываетъ или вихремъ времени и пристрастія или предубѣжденіемъ или порывами самолюбія. Для того весьма охотно читаю «Русскій Вѣстникъ» [3]), который не твердитъ о словахъ *эстетика, образованіе, просвѣщеніе* и тому подобныхъ; но говоритъ всегда объ истинной и чистой нравственности, отъ которой въ нынѣшнія времена родъ человѣческій къ злополучію своему далѣе и далѣе отпадаетъ. Онъ («Русскій Вѣстникъ») не смотритъ

---

[1]) Разговоры о словесности. Собраніе соч. Шишкова, часть III.

[2]) Надо замѣтить, что большинство противниковъ Шишкова принадлежало къ московскимъ писателямъ. Карамзинъ въ это время жилъ также въ Москвѣ.

[3]) Журналъ, издаваемый въ Москвѣ съ 1808 г. С. Н. Глинкою, извѣстнымъ патріотомъ, возстававшимъ противъ подражательной жизни русскаго дворянства, и старавшимся оправдать русскую старину. См. Монографіи и критическія статьи Патковскаго, т. 2—Очерки изъ исторіи русской журналистики.

на то, что таковыя его писанія многимъ, у которыхъ голова вскружена *новыми понятіями*, не нравятся... Не подумайте, чтобъ я не терпѣлъ никакихъ себѣ возраженій или бы почиталъ себя никогда не погрѣшающимъ; отнюдь нѣтъ: я весьма далекъ отъ того и отъ другого. Но признаюсь, что какъ самъ люблю основательно разсуждать, такъ и тѣ только возраженія уважаю, которыя основательны» [1]).

И за этимъ Шишковъ приводитъ самую неосновательную защиту производства словъ *широко*, *высоко*, *глубоко* изъ *ширь-око*, *высь-око*, *глубь-око*,—производство, надъ которымъ посмѣялся Каченовскій.

Въ концѣ 1811 года Шишковъ написалъ для чтенія въ «Бесѣдѣ» *Разсужденіе о любви къ отечеству*. Въ немъ высказалось горячее чувство патріота, хотя и повторились всѣ прежнія мысли объ языкѣ, о вѣрѣ, нравственности, воспитаніи. Еще Ломоносовъ приводитъ языкъ въ связь съ патріотизмомъ, совѣтуя изучать языкъ церковныхъ книгъ для того, чтобы совершенствовать свой собственный литературный слогъ и достойнымъ образомъ прославлять дѣянія великихъ русскихъ людей [2]). Карамзинъ въ своей статьѣ «О любви къ отечеству» (1802 г.) не признаетъ въ современномъ ему образованномъ русскомъ обществѣ достаточно патріотизма, и совѣтуетъ ему побольше обращать вниманіе на отечественный языкъ и литературу. Шишковъ же не хочетъ признавать никакого патріотизма въ тѣхъ, кто чуждается славянизмовъ въ русской рѣчи; такіе непатріоты являются въ его глазахъ безбожниками, развратниками, блуждающими во мракѣ лжеумствованія. Здѣсь онъ закидываетъ краснорѣчивыми громкими фразами съ намеками на тѣхъ, языкъ которыхъ ему не нравится, фразами, которыя затуманиваютъ умъ, но собственно ничего не доказываютъ. «Никогда безбожникъ не можетъ говорить языкомъ Давида»,— восклицаетъ онъ, «никогда развратный не можетъ говорить языкомъ Соломона!» Совершенная правда, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ не можетъ говорить хорошимъ русскимъ языкомъ, хотя и безъ славянизмовъ. «Гдѣ нѣтъ въ сердцахъ вѣры, тамъ нѣтъ въ языкѣ благочестія», но можетъ быть правильность, а благочестіе можетъ выражаться и въ самой простой рѣчи. «Гдѣ ученіе основано на мракѣ лжеумствованія, тамъ въ языкѣ не возсіяетъ истина», другими словами: ложно-умствующій не говоритъ истину, тѣмъ не менѣе онъ можетъ владѣть изящнымъ языкомъ. Можно

---

1) Записки, мнѣнія и переписка адм. Шишкова, ч. II, стр. 310—319.

2) О пользѣ книгъ церковныхъ.

сказать, что фантазія, подъ вліяніемъ извѣстнаго чувства, и здѣсь мѣшаетъ Шишкову привести свои мысли въ стройное логическое цѣлое. Она поражаетъ разными сближеніями понятій и образовъ, не даетъ вамъ опомниться и быстро произноситъ свой приговоръ: патріотъ вы или нѣтъ. На людей, не привыкшихъ послѣдовательно мыслить, такія статьи всегда производятъ сильное впечатлѣніе, и Шишковъ разсчитывалъ на него. Но въ то же время чувство самосохраненія внушило ему боязнь. «Времена казались мнѣ такія, говоритъ онъ, что я, наслышась о преобладаніи надъ нами французскаго двора и чванствѣ посланника его Колинкура, а притомъ и зная неблаговоленіе ко мнѣ государя, опасался, чтобъ не поставили мнѣ это въ какое-нибудь смѣлое покушеніе, безъ воли правительства возбуждать гордость народную, или бы иными какими толками не умножали на меня еще болѣе гнѣвъ царскій».

Вопросъ читать ли «Разсужденіе» въ «Бесѣдѣ» Шишковъ предложилъ на разрѣшеніе всѣхъ членовъ ея; всѣ требовали чтенія и даже согласились скрѣпить свое требованіе собственноручными подписями, такъ что въ случаѣ непріятности пришлось бы отвѣчать всѣмъ. Въ назначенный вечеръ собралась на чтеніе многолюдная публика. Болѣе четырехъ-сотъ посѣтителей, духовенство, высшіе чины и дамы едва вмѣстились въ залу. Съ нѣкоторою робостью, говоритъ авторъ, приступилъ онъ къ чтенію: «казалось мнѣ, что не всѣ раздѣлятъ со мною мои чувствованія, и можетъ быть, многимъ нѣкоторыя истины покажутся слишкомъ смѣлыми. Я старался читать вразумительно, ясно. Хотя за множество отвѣчать нельзя, можетъ быть, иные были тутъ и не совсѣмъ довольны собою, однакожъ, казалось, возвышаемая мною добродѣтель надъ всѣми вообще сильно подѣйствовала. Успѣхъ превзошелъ мое чаяніе, и тутъ увидѣлъ я, что какъ бы *нравы ни были повреждены*, однакожъ правда не престаетъ жить въ сердцахъ человѣческихъ. Кто даже и нейдетъ путемъ ея, тотъ самый при гласѣ ея просыпается и отворяетъ ему душу свою, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время» [1]).

Изъ этого видно, какъ Шишковъ смотрѣлъ на свое произведеніе. Оно, дѣйствительно, не осталось безъ послѣдствій для автора, но повело его не къ тому, чего онъ опасался.

---

[1]) Записки Шишкова, т. 1,—также письмо Бардовскому, т. 2, стр. 322.

VIII.

Шишковъ — государственный секретарь.

Изъ всѣхъ трудныхъ положеній, въ какихъ можетъ быть государь, положеніе императора Александра было въ это время одно изъ самыхъ тяжелыхъ [1]). Онъ не отрекся отъ прекрасныхъ идеаловъ, съ какими вступилъ на престолъ, не отрекся отъ надежды внести лучшія начала въ русскую государственную жизнь, воспитывать народъ законами и государственными учрежденіями; но видѣлъ, что тѣ формы, въ которыхъ онъ поспѣшилъ выразить свои стремленія, оказались несостоятельными; невыработанныя съ полной опредѣленностью, онѣ вносили еще бо́льшій безпорядокъ вмѣсто ожидаемаго порядка. Неудачи во внѣшней политикѣ, неудачи въ войнахъ, замѣшательства во внутреннемъ управленіи должны были навести его на мысль, что ближайшіе его помощники и совѣтники недостаточно искусны и опытны въ политическихъ дѣлахъ, недостаточно, можетъ быть, проникнуты его убѣжденіями. А къ нимъ онъ питалъ въ своемъ сердцѣ дружеское чувство и, несмотря на то, ему пришлось высказывать имъ неудовольствіе, недовѣріе къ ихъ силамъ и даже отдалять ихъ отъ тѣхъ дѣлъ, которыя вначалѣ были поручены имъ. Конечно, не безъ внутренней борьбы дѣлалось это; но у него выше личныхъ чувствъ стоялъ интересъ государственный; онъ продолжалъ сохранять къ нимъ сердечную привязанность даже и тогда, когда, оправдывая себя, они смѣло винили его одного во всѣхъ неудачахъ. Смѣлость, съ какою Карамзинъ высказался передъ нимъ въ 1812 году въ своей извѣстной запискѣ «О старой и новой Россіи», касаясь его министерствъ, для него не была совершенной новостью. Гораздо рѣзче, хотя и съ другими взглядами, многое высказалъ ему, обвиняя его, князь Чарторыжскій еще въ 1806 году. «Ваше величество полагаете, — писалъ онъ къ императору, — что система, въ которую вы были вовлечены вашимъ министерствомъ, была источникомъ всѣхъ бѣдствій, испытанныхъ нами. Я же не могъ скрыть отъ васъ, что я убѣжденъ, напротивъ того, что они произошли отъ недостаточно искренняго и рѣшительнаго приложенія этой системы, оттого, что вы уклонились отъ условленнаго плана и лишили своего довѣрія, во время исполненія,

---

[1]) О характерѣ императора Александра см. статью Пыпина въ „Вѣстн. Евр.“ 1870, № 2: „Очерки общественнаго движенія“.

его составителей, такъ что во всемъ сдѣланномъ послѣ того не оказалось ни единства, ни послѣдовательности... Это единственныя начала, которымъ русскому кабинету прилично слѣдовать, и лишь величайшая энергія и дѣятельность могутъ извлечь Россію изъ ея прискорбнаго положенія. Ваше императорское величество, повидимому, держитесь мнѣнія совершенно противоположнаго. Вы считаете начала, руководствовавшія нами, опасными и вредными и, какъ кажется, отрекаетесь отъ всякой мѣры, которая бы была дальнѣйшимъ ихъ приложеніемъ» [1]).

Чарторыжскій даже упрекаетъ императора за то, что, при началѣ министерствъ, не были составлены инструкціи для министровъ, тогда какъ, по свидѣтельству Державина, они же, творцы министерской системы, напали на мысль его — о необходимости имѣть такія инструкціи. Александръ терпѣливо читалъ упреки и, не считая ихъ справедливыми, продолжалъ любезно и милостиво относиться къ своимъ друзьямъ: такъ сильно въ немъ было личное чувство и такъ умѣлъ онъ отдѣлять его отъ гражданскаго чувства. Приблизивъ къ себѣ молодого Сперанскаго, который способенъ былъ понимать его стремленія, и даже полюбивъ его за обширный умъ, быстрыя работы, онъ поручилъ ему, въ качествѣ государственнаго секретаря, разработку теоріи въ канцелярскомъ приложеніи и, чтобы смягчить недовольство и ропотъ, онъ долженъ былъ обратиться къ тѣмъ людямъ, которые уже выказали себя въ прежнія царствованія, но, конечно, не къ тѣмъ порядкамъ, которые защищали они. И вотъ эти люди стали занимать важные посты. Между ними, къ общему недоумѣнію, явился и Аракчеевъ. Всѣ недоумѣвали, что̀ заставило императора приблизить его къ себѣ. Въ 1808 году о немъ писалъ Ж. де-Местръ, отражавшій въ своихъ письмахъ тогдашніе толки: «Среди военной олигархіи любимцевъ вдругъ выросъ изъ земли, безъ всякихъ предварительныхъ знаменій, генералъ Аракчеевъ, здѣшній (петербургскій) губернаторъ при Павлѣ, до пресловутаго Палена, и съ нѣкотораго времени — начальникъ артиллеріи. Этотъ человѣкъ на прежнемъ своемъ постѣ заставлялъ дрожать Россію. Онъ жестокъ, строгъ, непоколебимъ. При Павлѣ онъ подвергался обычному чередованію гнѣва и милости... Въ настоящую минуту порядокъ можетъ быть возстановленъ лишь человѣкомъ подобнаго закала. Какъ рѣшился его величество завести себѣ визиря: ничто не можетъ быть противнѣе его характеру и его системамъ. Основное его правило состоитъ въ томъ, чтобы

---

1) „Русскій Архивъ", 1875 г. — „Письма Чарторижскаго къ импер. Александру".

каждому изъ своихъ помощниковъ удѣлять лишь ограниченную долю довѣрія. Полагаю, что онъ (Александръ) хотѣлъ поставить рядомъ съ собою пугало пострашнѣе, по причинѣ внутренняго броженія, здѣсь господствующаго. Аракчеевъ имѣетъ противъ себя все то, что̀ здѣсь имѣетъ вѣсъ. Онъ все давитъ, передъ нимъ исчезли, какъ туманъ, самыя замѣтныя вліянія»[1]).

Конечно, въ это время на Аракчеева такъ смотрѣло уже большинство; но такъ какъ всякій ропотъ императоръ Александръ принималъ за голосъ той или другой партіи, то и на него онъ не обращалъ вниманія.

Въ 1810 году, при учрежденіи министерства полиціи, министромъ былъ назначенъ Балашовъ; онъ же былъ и петербургскій военный губернаторъ, бывшій при Павлѣ оберъ-полиціймейстеромъ въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ. Онъ, впрочемъ, слылъ у современниковъ за человѣка очень умнаго, правдиваго и безкорыстнаго, уважавшаго науку и ученыхъ[2]). Я называю эти имена потому, что, въ союзѣ съ ними, Шишкову скоро пришлось дѣйствовать.

Въ 1812 г. палъ государственный секретарь Сперанскій, и наконецъ дошла очередь и до старика Шишкова. 9 апрѣля того же года высочайшимъ указомъ повелѣно было государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго быть вице-адмиралу Шишкову. Какъ удивило всѣхъ быстрое и нежданное паденіе государева любимца, который былъ предметомъ зависти, злобы и ненависти почти всего чиновнаго міра, такъ удивило и новое назначеніе лица, нелюбимаго государемъ и ни въ чемъ не схожаго со Сперанскимъ. Самъ Шишковъ изумился, узнавъ о такомъ почетномъ назначеніи. Оказалось, что онъ очень кстати написалъ «Разсужденіе о любви къ отечеству». Александръ прочиталъ его и увидѣлъ, что въ настоящій моментъ такой именно человѣкъ ему и нуженъ, т.-е. пламенный патріотъ съ искусствомъ выражать свои чувства и мысли яснымъ и торжественнымъ литературнымъ языкомъ. Тогда уже можно было предвидѣть, что новая война съ Наполеономъ неизбѣжна и, по всей вѣроятности, война въ предѣлахъ Россіи. Надо было изготовиться къ ней всѣми народными силами; для этого необходимо располагать довѣріемъ народа, а чтобы внушить это довѣріе, нужно прежде всего умѣть говорить съ народомъ; итакъ, вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы запастись правдивымъ, простымъ, искреннимъ, вмѣ-

---

[1]) „Русскій Архивъ" 1871 г.—Письма Ж. де-Местра въ Италію.

[2]) „Сперанскій", барона Корфа.

стѣ съ тѣмъ сильнымъ и воодушевляющимъ къ подвигу словомъ. Такое слово,—показалось Александру,—звучитъ въ «Разсужденіи о любви къ отечеству»[1]). Говорятъ, что на этотъ подвигъ государь сначала имѣлъ въ виду Карамзина, съ которымъ незадолго до этого онъ лично познакомился. Прослушавъ нѣкоторыя главы изъ его исторіи и прочитавъ его «Записку о старой и новой Россіи», онъ оцѣнилъ его искренній патріотизмъ и краснорѣчіе. Несмотря на то, что Карамзинъ и Шишковъ были литературные враги, между ними можно найти и черты сходныя: и тотъ, и другой непріязненно относились къ новымъ государственнымъ порядкамъ, предпочитая порядки екатерининскаго царствованія, оба считали преждевременнымъ затрогивать вопросъ о крѣпостномъ правѣ, оба были пламенные патріоты, оба искусно владѣли литературнымъ языкомъ; но, конечно, Карамзинъ стоялъ выше Шишкова въ политическомъ пониманіи дѣлъ, въ историческомъ взглядѣ на народную жизнь (хотя и онъ нерѣдко поддавался фантастическимъ системамъ), въ научномъ образованіи, въ знакомствѣ съ европейскими литературами; но и онъ, разумѣется, не могъ бы замѣнить Сперанскаго, если бы шелъ вопросъ объ его замѣнѣ. Впрочемъ, государь и не имѣлъ въ виду передать государственному секретарю всѣхъ дѣлъ, которыя были на рукахъ у Сперанскаго; ему прежде всего нужно было имѣть постоянно при своей особѣ искуснаго писателя-патріота, который могъ бы горячимъ словомъ дѣйствовать на народную массу. Онъ даже не предполагалъ возможности государственному секретарю заниматься дѣлами государственнаго совѣта и присутствовать въ его засѣданіяхъ, и назначилъ эту обязанность исправлять старшему изъ статсъ-секретарей, Оленину. Неизвѣстно, чтó заставило государя предпочесть Шишкова; говорятъ, что Балашовъ склонилъ его на этотъ выборъ; во всякомъ случаѣ причина была важная, если имѣть въ виду личное нерасположеніе Александра къ Шишкову и особенное расположеніе къ Карамзину. Мы знаемъ, что императоръ Александръ умѣлъ устранять свои личныя чувства въ вопросахъ о государственныхъ интересахъ.

Неожиданно Шишковъ былъ позванъ къ государю черезъ фельдъегеря. Не предвидя изъ этого ничего хорошаго, имѣя въ виду недавнюю ссылку Сперанскаго и съ нимъ вмѣстѣ Магницкаго, отставку Мордвинова, онъ пришелъ въ сильное безпокойство и былъ увѣренъ, что кто-нибудь оклеветалъ его передъ государемъ. Во дворцѣ смутился онъ еще больше, когда одинъ

[1]) Записки Шишкова, ч. 1, стр. 123—4. *Примѣч.*

изъ статсъ-секретарей, узнавъ отъ него самого, что за нимъ присылалъ государь, поспѣшилъ отъ него удалиться,—вѣрный признакъ, что онъ въ немилости. «Чтò бы такое ни было, — замѣчаетъ Шишковъ,—я приготовился отвѣчать съ твердостью». Но опасенія его разсѣялись при первыхъ словахъ государя. «Я читалъ разсужденіе ваше о любви къ отечеству, — сказалъ онъ:— имѣя таковыя чувства, вы можете ему быть полезны. Кажется, у насъ не обойдется безъ войны съ французами, нужно сдѣлать рекрутскій наборъ; я бы желалъ, чтобы вы написали о томъ манифестъ». Этимъ порученіемъ государь хотѣлъ сдѣлать пробу пера Шишкова. Проба удалась какъ нельзя лучше. На другой же день утромъ манифестъ былъ уже въ рукахъ государя. Мы приводимъ первую часть его, которая показала, въ какомъ духѣ царь имѣетъ возможность обращаться къ своему народу.

«Настоящее состояніе дѣлъ въ Европѣ требуетъ рѣшительныхъ и твердыхъ мѣръ, неусыпнаго бодрствованія и сильнаго ополченія, которое могло бы вѣрнымъ и надежнымъ образомъ оградить великую имперію нашу отъ всѣхъ могущихъ противъ нея быть непріязненныхъ покушеній. Издавна сильный и храбрый народъ россійскій любилъ со всѣми окрестными народами пребывать въ мирѣ и тишинѣ, соблюдая свой и другихъ покой; но когда бурное дыханіе возстающей на него вражды понуждало его поднять мечъ свой на защиту вѣры и отечества, тогда не было временъ, въ которыя бы рвеніе и усердіе вѣрныхъ сыновъ Россіи, во всѣхъ чинахъ и званіяхъ, не сказалось во всей своей силѣ и славѣ. Нынѣ настоитъ необходимая надобность увеличить число войскъ нашихъ новыми запасными войсками. Крѣпкія о Господѣ воинскія силы наши уже ополчены и устроены къ оборонѣ царства. Мужество и храбрость ихъ всему свѣту извѣстны. Надежда престола и державы твердо на нихъ лежитъ. Но жаркій духъ ихъ и любовь къ намъ и къ отечеству да не встрѣтятъ превосходнаго противъ себя числа силъ непріятельскихъ!»

Манифестъ понравился государю и скоро былъ обнародованъ. Шишковъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ, что черезъ нѣсколько дней онъ читалъ письма изъ разныхъ городовъ, и изъ нихъ узналъ, какъ отовсюду отзывались о манифестѣ: онъ не только не произвелъ того прискорбія, какое обыкновенно бывало при объявленіи о рекрутскомъ наборѣ, но, напротивъ, всѣми вообще съ радостью былъ читанъ. «Признаюсь, это меня до слезъ тронуло»,—прибавляетъ авторъ.

Лишь только Шишковъ приблизился къ государю, какъ чувство самосохраненія снова стало безпокоить его. Разговаривая

съ Балашовымъ, онъ узналъ, что государь намѣренъ пойти въ походъ вмѣстѣ съ войсками и думаетъ взять его съ собою. На это Шишковъ замѣтилъ: «куда мнѣ, въ мои лѣта и съ моимъ худымъ здоровьемъ, таскаться по походамъ». И скоро затѣмъ до него доходятъ разговоры толпы, будто государь уже предлагалъ ему ѣхать съ нимъ, но онъ отказался. Достаточно было этого, чтобы воображеніе Шишкова стало рисовать ему гнѣвъ государя, до котораго, конечно, дойдетъ эта молва, и затѣмъ смятеніе духа, опасенія, безпокойное ожиданіе чего-нибудь непріятнаго. Но ему недолго пришлось ждать. Въ самый день своего отъѣзда государь снова призвалъ его и объявилъ свое желаніе взять его съ собою. «Можетъ быть, для васъ это тяжело, но для отечества нужно»,—прибавилъ онъ. Эти слова затронули патріотическое сердце Шишкова и онъ съ жаромъ отвѣтилъ на нихъ: «Государь, силы и способности мои не отъ меня зависятъ, но въ ревности и въ усердіи служить вашему величеству я никому не уступлю. Употребите меня, какъ и куда угодно: я готовъ остальные дни мои посвятить вамъ и отечеству». Но за этимъ Шишкову тотчасъ же представилось жалкое его положеніе верхомъ на лошади въ свитѣ государя, и припомнилась ему комическая роль кавалериста, которую онъ долженъ былъ разыгрывать при императорѣ Павлѣ въ качествѣ генералъ-адъютанта. Не могъ онъ не передать своего опасенія государю, который, можетъ быть, также припомнилъ Шишкова верхомъ на конѣ пятнадцать лѣтъ назадъ. Онъ съ усмѣшкою успокоилъ вице-адмирала, обѣщая употреблять его на такія дѣла, гдѣ въ верховой ѣздѣ не будетъ надобности. Съ этимъ вмѣстѣ онъ подписалъ указъ о назначеніи его въ званіе государственнаго секретаря съ жалованьемъ по двѣнадцати тысячъ рублей въ годъ. Для приготовленія къ походу Шишкову дано было сроку три дня, послѣ которыхъ онъ долженъ былъ спѣшить за императоромъ въ Вильно. Съ дороги императоръ прислалъ приказаніе дать Шишкову придворный экипажъ и съ лошадьми.

Пріятель его, А. С. Хвостовъ, въ день отъѣзда, далъ ему прощальный обѣдъ. Въ концѣ обѣда подали хозяину запечатанный пакетъ на его имя. Въ немъ были стихи А. С. Шишкову, которые тутъ же и были прочитаны:

Шишковъ! оставя днесь «Бесѣды» свѣтлый домъ,
Ты ѣдешь въ дальній путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое беречь, покоить тѣло:
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь:
Неколебимый духъ умѣешь самъ сберечь.

Подписано: *Иванъ Крыловъ*. Гости аплодировали, а хозяинъ сказалъ экспромптъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
Но диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Среди гостей былъ однофамилецъ хозяина, графъ Д. И. Хвостовъ, извѣстный страстный стихотворецъ, потѣха молодого поколѣнья. Онъ самодовольно улыбался на похвалы Крылову, такъ какъ никто не подозрѣвалъ, что авторъ стиховъ былъ онъ самъ. Мистификація обнаружилась впослѣдствіи, и графъ Хвостовъ указывалъ на опытъ магическаго дѣйствія имени: будь вмѣсто имени Крылова подписано его имя, никто бы не сталъ хвалить стиховъ и называть ихъ умными [1]).

В. Стоюнинъ.

[1]) „Сѣверная Пчела" 1857, № 119.

ИЗЪ АЛЬФРЕДА МЮССЕ

I.

КЪ NINON.

Чтó, еслибъ невзначай, въ томленьи передъ вами,
Брюнетка милая, съ лазурными глазами,
Сорвалось у меня признаніе въ любви?
Богъ вѣдаетъ одинъ, чтó мнѣ сказали-бъ вы!
Но, можетъ, вы-бъ меня за то не наказали...
— Чтó, еслибъ я сказалъ, что полонъ я печали,
Что шесть ужъ мѣсяцевъ таю́ для васъ въ тиши
Потокъ безумныхъ словъ на днѣ моей души? —
Вы такъ насмѣшливы и рѣзвы такъ, что, право,
Вдругъ феею прикинувшись лукавой,
Вы можете сказать: «я знаю ужъ давно»...
— Иль еслибъ я сказалъ, что сердце сожжено
Во мнѣ мученьями, что просто я мѣшаюсь,
Когда вездѣ, какъ тѣнь, за вами я слоняюсь, —
Придумать не могу, чтó-бъ вы сказали тутъ, —
Сомнѣнье и печаль такъ мило къ вамъ идутъ,
Что, можетъ, молвили-бъ вы съ грустью: «я не вѣрю!»
— Иль еслибъ я сказалъ, что я не лицемѣрю,
Когда такъ часто къ вамъ, счастливый, прихожу,
Что ваши всѣ слова на сердцѣ уношу, —
Сударыня, вѣдь гнѣвъ и пылъ негодованья
Лазури вашихъ глазъ даютъ огня блистанье, —
Вы-бъ запретили мнѣ, пожалуй, васъ видать!
— Иль если я скажу, что не могу я спать,

Всѣ ночи напролетъ о васъ одной мечтая,
А днемъ я вамъ молюсь, колѣни преклоняя,—
Въ улыбкѣ ротикъ вашъ такъ милъ, что мотылёкъ
Принять бы могъ его за розовый цвѣтокъ,—
И надо мною вы, быть можетъ, посмѣетесь!

Но нѣтъ! Вы отъ меня признаній не дождетесь!
Къ вамъ ежедневно я, безмолвный, прихожу,
У лампы, подлѣ васъ присѣвъ, на васъ гляжу,
Люблю я слушать васъ и вами любоваться
И вамъ вольно—слѣдить, негодовать, смѣяться,—
Вы не найдете средствъ, чтобъ меньше я любилъ!
Мечтами тайными я часто счастливъ былъ:
То глядя, чрезъ плечо, какъ пальчики порхали
У васъ по клавишамъ пѣвучаго рояля,
То обнимая васъ въ круженіи шальномъ,
Когда въ рукахъ моихъ вы гнулись тростникомъ,
Подъ звуки опьяняющаго вальса.
Я повторялъ себѣ: будь счастливъ, не печалься!
И съ вами распростясь, придя къ себѣ домой,
Всѣ двери на запоръ замкнувши, какъ скупой,
Ревниво я своимъ мечтаньямъ отдавался
И Богу одному открыть лишь я рѣшался,
Какъ сердце у меня полно любовью къ вамъ!
Нѣтъ! Тайны дорогой не ввѣрю я словамъ.
Да, я могу, любя, казаться хладнокровнымъ,
Я голосомъ всегда привѣтствую васъ ровнымъ,
Ничто и никогда не выдастъ вамъ меня:
Такъ милъ мнѣ мой секретъ, мила мнѣ грусть моя.
Я клятву далъ себѣ любить васъ тихо, нѣжно,
Любить васъ всей душой, но вѣчно-безнадежно
И радость знать одну... одну: на васъ глядѣть!
Но жить у вашихъ ногъ, въ объятьяхъ—умереть,
Къ такому счастію не призванъ я судьбою.
И тайный духъ во мнѣ все шепчетъ мнѣ съ тоскою,
Что вамъ понравиться—увы! не мой удѣлъ:
И потому такъ робокъ я, и сдержанъ, и несмѣлъ.

Но, еслибъ невзначай, въ томленьи передъ вами,
Брюнетка милая, съ лазурными глазами,
Сорвалось у меня признаніе въ любви,—
Богъ вѣдаетъ одинъ, что̀ бы сказали вы...

II.

ПѢСНЯ.

Сердцу слабому разъ я сказалъ своему:
Не довольно-ль любить одну милую?
И не видишь-ли ты, что мѣнять, да мѣнять,—
Значитъ глупо терять время счастія?

А оно мнѣ въ отвѣтъ: не довольно—о, нѣтъ!
Не довольно любить одну милую,
И не видишь-ли ты, что мѣнять, да мѣнять,—
Значитъ крѣпче любить счастье прошлое!

Сердцу слабому я отвѣчалъ своему:
Не довольно-ль и такъ въ жизни горестей?
И не видишь-ли ты, что мѣнять, да мѣнять,—
Значитъ вѣчно искать горя новаго?

А оно мнѣ въ отвѣтъ: не довольно—о, нѣтъ!
Не довольно—о, нѣтъ, въ жизни горестей.
И не видишь-ли ты, что мѣнять, да мѣнять,—
Значитъ крѣпче любить горе прошлое!

А. С.

НОВОСТИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

—*F. T. Perrens*, Histoire de Florence. Paris. 1877. III vol.
—*И. В. Лучицкій*, Католическая Лига и Кальвинисты во Франціи. Т. I. Кіевъ, 1877.

I.

Сочиненія, названныя въ заглавіи нашей статьи, сходны между собою въ томъ отношеніи, что характеръ ихъ — преимущественно повѣствовательный; они отводятъ главное мѣсто изложенію событій, отличаются весьма большою подробностью. Вышедшіе въ свѣтъ три тома «Исторіи Флоренціи» Перрана останавливаются на 1313 г. и составляютъ лишь первую часть обширнаго цѣлаго, которое Перранъ предполагаетъ довести до паденія флорентинской республики, т.-е. до XVI-го вѣка. Между тѣмъ, источники для исторіи Флоренціи становятся обильными и дѣятельность этого города выступаетъ на первый планъ не раньше, какъ около половины XIII-го вѣка, соотвѣтственно чему обзоръ судебъ Флоренціи до 1250 г. занимаетъ у Перрана лишь первую половину перваго тома. Два съ половиною тома, такимъ образомъ, посвящены Перраномъ эпохѣ съ небольшимъ въ полъ-вѣка. Объясняется это тѣмъ, что въ подробности изложенія Перранъ видитъ, съ одной стороны, средство доказать неосновательность упрековъ, дѣлаемыхъ французскимъ историкамъ недоброжелателями Франціи [1], — упрековъ въ легкомысліи, въ поверхностности, въ предпочтеніи искусства наукѣ, — съ другой стороны необходимое, по крайней мѣрѣ для обыкновеннаго таланта, условіе вѣрнаго изображенія

[1]) Т.-е. нѣмцами, безъ прямой или косвенной полемики съ которыми не можетъ, кажется, обойтись теперь ни одинъ французскій писатель.

отдѣльныхъ лицъ и цѣлой эпохи. «Для тѣхъ, кто уже знакóмъ съ фактами,—говоритъ Перранъ,—исторія безъ подробностей— только memento, только памятная книжка; для тѣхъ, кто незнакóмъ съ ними, она только первый шагъ, требующій дальнѣйшаго движенія. Живое воображеніе Мишле, могучій геній Боссюэ могутъ начертать на нѣсколькихъ страницахъ картину новѣйшихъ временъ или всего прошедшаго; но правильная оцѣнка этихъ блестящихъ или великихъ произведеній возможна ли безъ знанія того, о чемъ они такъ сжато упоминаютъ? Въ одной и той же странѣ, тѣмъ болѣе въ одномъ и томъ же городѣ общія черты свойственны большинству; различіе, а слѣдовательно и характеристику, нужно искать въ чертахъ отдѣльныхъ, частныхъ». У г. Лучицкаго подробность изложенія доходитъ до бóльшей еще степени, чѣмъ у Перрана. Первая часть труда, предпринятаго имъ подъ общимъ именемъ «Исторіи феодальной реакціи во Франціи въ XVI и XVII в.»—«Феодальная аристократія и Кальвинисты во Франціи» (Кіевъ, 1871)—обнимаетъ собою періодъ времени съ 1572 по 1576 г., вторая часть, вышедшая въ свѣтъ въ нынѣшнемъ году—періодъ времени съ 1576 по 1580 г. «Изслѣдованіе, начало котораго представляется на судъ публики», говоритъ г. Лучицкій въ предисловіи ко второй части (еще неоконченной), «принадлежитъ къ числу работъ чисто *описательнаго* характера, единственно возможнаго въ настоящее время въ томъ отдѣлѣ знаній, которому авторъ посвятилъ свои силы. Онъ имѣлъ въ виду подготовить матеріалъ для будущихъ обобщеній въ другой наукѣ, еще зарождающейся, и вслѣдствіе этого старался удовлетворить, насколько то было въ его власти, тѣмъ главнымъ требованіямъ, которыя предъявляютъ современнымъ изслѣдователямъ въ области описательныхъ наукъ. Изслѣдовать *структуру* общества въ данный періодъ времени, описать *измѣненія*, происшедшія въ ней въ теченіи этого времени, указать на *соотношеніе*, существующее между структурой и событіями, другими словами: описать строй общества и его функціи въ статическомъ и въ динамическомъ отношеніи—такова, по его мнѣнію, та задача, которую долженъ въ той или иной мѣрѣ выполнить изслѣдователь, будетъ ли предметомъ его изученія одинъ какой-либо моментъ въ жизни народа или человѣчества, или рядъ послѣдовательныхъ моментовъ».

Выписанные нами отрывки изъ предисловій Перрана и г. Лучицкаго даютъ уже нѣкоторое понятіе о различіи между направленіями обоихъ авторовъ. Г. Лучицкій, очевидно, знакóмъ съ новыми философскими взглядами на исторію, на мѣсто и роль ея

среди другихъ наукъ; онъ заботится о томъ, чтобы приспособить свой трудъ къ требованіямъ соціологіи и включить его въ составъ фактической подкладки, въ которой нуждается послѣдняя. Перранъ смотритъ на свою задачу съ точки зрѣнія историка тридцатыхъ или сороковыхъ годовъ, видитъ въ исторіи цѣль, а не средство, относится къ ней скорѣе съ наивностью лѣтописца, чѣмъ съ сознательною мыслью ученаго; идеалъ историка для него—Тьеръ, изъ уваженія къ которому онъ готовъ былъ отказаться отъ давно лелѣяннаго намѣренія написать исторію Флоренціи [1]). Въ основаніи взгляда Перрана на способъ изложенія исторіи лежитъ явное недоразумѣніе. Подробному разсказу о фактахъ онъ противопоставляетъ отвлеченныя разсужденія о нихъ, и изъ недостаточности послѣднихъ, въ отдѣльности взятыхъ, выводитъ неизбѣжность перваго. Такимъ путемъ можно доказать только то, чтó не нуждается въ доказательствахъ—необходимость знанія фактовъ, для пониманія и оцѣнки построенныхъ на нихъ разсужденій; но признать эту необходимость, не значитъ еще разрѣшить утвердительно вопросъ о подробности, поставленный Перраномъ. Изъ числа фактовъ, сохраненныхъ для насъ лѣтописями, актами, памятниками всякаго рода, далеко не всѣ должны входить въ составъ исторіи; многіе изъ нихъ имѣли значеніе лишь для современниковъ, многіе повторялись по нѣскольку разъ безъ всякихъ существенныхъ измѣненій, многіе совершенно безразличны для знакомства съ изучаемой мѣстностью или эпохой. Историкъ долженъ обладать умѣньемъ отличать важное отъ неважнаго, характеристическое отъ безцвѣтнаго; иначе его сочиненіе обратится въ наборъ фактовъ, ничѣмъ не связанныхъ и годныхъ только какъ матеріалъ для будущаго изслѣдователя. Само собою разумѣется, что абсолютнаго масштаба для степени подробности, которую можетъ допускать историкъ, установить нельзя, что весьма многое зависитъ здѣсь отъ цѣли историка, отъ предмета, имъ избраннаго, отъ свойства его таланта. Историкъ, пишущій исторію своей

[1]) Намѣреніе это возникло у Перрана, по собственнымъ словамъ его, болѣе двадцати лѣтъ тому назадъ, подъ вліяніемъ успѣха его первой исторической работы—монографіи о Савонаролѣ, предметъ которой былъ почерпнутъ изъ исторіи Флоренціи. Въ это время въ литературныхъ кружкахъ Парижа распространено было мнѣніе, что исторію Флоренціи предполагаетъ написать *самъ* Тьеръ, который, въ разговорѣ съ Перраномъ, не подтвердилъ, но и не опровергъ приписываемаго ему плана. Не рѣшаясь на соперничество съ знаменитымъ историкомъ, Перранъ занялся французской исторіей XIV—XVII в., обнародовалъ цѣлый рядъ монографій по этой части и возвратился къ прежнему своему проекту лишь въ 1871 г., когда Тьеръ, поставленный во главѣ управленія Франціей, очевидно не могъ имѣть досуга для обширнаго ученаго труда.

страны для своихъ соотечественниковъ, можетъ останавливаться и на менѣе крупныхъ фактахъ—тѣмъ болѣе историкъ провинціи, историкъ города; событія особой важности могутъ быть изображаемы съ бóльшимъ, чѣмъ обыкновенно, количествомъ деталей; писатель, обладающій живымъ воображеніемъ, способностью переноситься въ описываемое время, можетъ не пренебрегать мелкими фактами, потому что изъ совокупности ихъ онъ съумѣетъ составить яркую, рельефную картину. Перранъ, скромно—и совершенно основательно—причисляя себя къ писателямъ заурядным, именно поэтому считаетъ для себя обязательною бóльшую подробность изложенія. Намъ кажется, что ему слѣдовало бы придти къ совершенно противоположному выводу. Образецъ детальнаго историческаго разсказа—«Исторія Англіи» Маколея—показываетъ ясно, при какихъ условіяхъ можетъ удасться подобная работа. Не говоря уже о счастливомъ выборѣ эпохи, въ высшей степени важной для Англіи и весьма замѣтной въ обще-европейской исторіи,—Маколей соединялъ въ себѣ рѣдкій литературный талантъ съ мастерствомъ въ группировкѣ фактовъ и въ рисовкѣ портретовъ, съ опытностью политическаго дѣятеля, съ искусствомъ различать и опредѣлять по крайней мѣрѣ ближайшія причины событій. Подъ его рукою подробность—всегда, впрочемъ, сдержанная въ извѣстныхъ предѣлахъ,—возвышаетъ, а не ослабляетъ интересъ разсказа. Перранъ совершенно лишенъ именно тѣхъ качествъ, которыя составляютъ силу Маколея. Онъ пишетъ вяло, блѣдно—хотя по временамъ и не безъ претензій на архаичность языка и сжатость фразы,—теряется въ мелочахъ, не умѣетъ избѣгать повтореній. Сколько разъ онъ говоритъ о ничтожныхъ экспедиціяхъ флорентинцевъ противъ сосѣднихъ городовъ, ничѣмъ не отличающихся одна отъ другой и ни къ чему не приводившихъ, о мелкихъ внутреннихъ смутахъ, исчезавшихъ безслѣдно и характеристичныхъ только въ совокупности, а не каждая отдѣльно; сколько мѣста онъ отводитъ походамъ Фридриха II-го, Манфреда, Карла Анжуйскаго, Генриха VII-го, для Флоренціи имѣвшихъ нѣкоторое значеніе только по конечнымъ своимъ результатамъ! Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ не выступаетъ передъ нами живымъ образомъ; мы узнаёмъ многое о занятіяхъ, нравахъ, привычкахъ флорентинцевъ XIII-го вѣка, но общей картины ихъ быта, въ которой всѣ разрозненныя черты являлись бы слитыми въ одно осмысленное цѣлое, Перранъ представить не въ состояніи. Задача, имъ самимъ поставленная, остается такимъ образомъ не выполненною; характеристики отдѣльныхъ лицъ или общественныхъ группъ онъ не даетъ, хотя достиженіе ея, какъ мы уже видѣли, и составляетъ

цѣль его усилій. Другую задачу—характеристику народа—онъ даже не ставитъ, или, лучше сказать, прямо устраняетъ, доказывая въ своемъ предисловіи необходимость изслѣдованія частностей именно тѣмъ, что общія черты свойственны *большинству*, и слѣдовательно не могутъ служить матеріаломъ для искомыхъ Перраномъ характеристикъ. Такое отношеніе къ изученію большинства, т.-е. народа, по меньшей мѣрѣ странно со стороны современнаго историка, въ особенности со стороны Перрана, посвятившаго два сочиненія [1]) — правда, не очень замѣчательныя — исторіи демократическаго движенія въ средневѣковой Франціи. Погоня за характеристиками, недоступными для его таланта, заставила Перрана уклониться съ дороги, на которой онъ могъ бы принести гораздо больше пользы. Ограничивъ свой выборъ двумя крайними, противоположными историческими жанрами—философіей исторіи, предполагающей факты какъ нѣчто данное, извѣстное, и подробнымъ описаніемъ фактовъ, важныхъ и неважныхъ,—Перранъ упустилъ изъ виду, что между ними есть промежуточный родъ, наиболѣе подходящій для скромнаго дарованія. Систематическое, ясное изложеніе главныхъ событій и явленій народной жизни, одинаково далекое отъ краткости учебника и отъ неразборчивой обстоятельности лѣтописи, вполнѣ по силамъ второстепенному историку, обладающему общимъ образованіемъ и добросовѣстно изучившему свою спеціальную задачу. При удачномъ выборѣ тэмы, еще не со всѣхъ сторонъ разработанной, такое изложеніе можетъ быть цѣннымъ вкладомъ въ науку и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять интересъ для большинства читателей, всегда отталкиваемыхъ медленно движущимся разсказомъ, остановками на каждомъ шагу, если все это не окрашено ни мастерствомъ формы, ни глубиною или смѣлостью мысли. Образцомъ историческаго жанра, нами указаннаго, могутъ служить нѣкоторыя сочиненія Ранке, напр. его «Französische Geschichte» и «Englische Geschichte». Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что «исторія Флоренціи» Перрана, уменьшенная на половину своего объема, очищенная отъ мелочей и повтореній (даже безъ всякаго сокращенія примѣчаній, которыми особенно дорожитъ Перранъ, какъ наглядными доказательствами его учености и трудолюбія), заняло бы совсѣмъ другое, болѣе почетное мѣсто между второстепенными произведеніями исторической литературы.

Многое изъ сказаннаго нами о сочиненіи Перрана примѣнимо и къ сочиненію г. Лучицкаго, но только до извѣстной сте-

---

[1]) „Etienne Marcel" и „La démocratie en France au moyen-âge".

пени. Подробность изложенія его мѣстами оправдывается важностью предмета (напр. въ бо́льшей части второй главы, предметъ которой — засѣданія генеральныхъ штатовъ въ Блуа, въ 1576—77 г.), но мѣстами обращается въ положительный недостатокъ (въ особенности въ четвертой главѣ: «буржуазія и дворянская коалиція послѣ мира въ Шатенуа»). Большого литературнаго таланта г. Лучицкій пока не обнаружилъ, хотя новое сочиненіе его должно быть поставлено въ этомъ отношеніи гораздо выше прежняго [1]); растянутость его разсказа не исключаетъ сухости и часто утомительна для читателя; изображенія дѣйствующихъ лицъ, характеристики общественныхъ группъ, картины общественной жизни не отличаются рельефностью и яркостью. Мы убѣждены, поэтому, что сочиненіе г. Лучицкаго много выиграло бы отъ другого, болѣе сжатаго изложенія. Правда, подробность его отчасти объясняется тѣмъ, что оно составлено, какъ сказано въ самомъ заглавіи его, по неизданнымъ источникамъ. Авторъ собиралъ для него матеріалы въ архивахъ и библіотекахъ Парижа и нѣсколькихъ южно-французскихъ городовъ—Гренобля, Ліона, Монпелье, Нима, Тулузы, Монтобана,— и нашелъ при этомъ много данныхъ, «которыя оставались мало извѣстными изслѣдователямъ, не были ими затрогиваемы». Мы понимаемъ желаніе автора включить возможно бо́льшее число этихъ данныхъ въ текстъ своего сочиненія, но думаемъ, что онъ не соблюлъ при этомъ надлежащей мѣры. Найденные имъ документы напечатаны отчасти въ приложеніи къ его книгѣ, отчасти—и безъ сомнѣнія въ гораздо бо́льшемъ объемѣ—въ особомъ изданіи, вѣроятно вышедшемъ въ свѣтъ во Франціи [2]). Въ виду этого едва ли представлялась необходимость переносить

---

[1]) Въ новомъ сочиненіи г. Лучицкаго не встрѣчается болѣе такихъ предложеній, какъ то, которымъ начинается предисловіе къ первому его сочиненію: „Предлагаемое сочиненіе составляетъ начало болѣе обширнаго труда, *который я* намѣренъ съ теченіемъ времени выпустить въ свѣтъ и цѣль *котораго* заключается *въ томъ*, чтобы съ возможною полнотою представить фазы развитія *той* борьбы, роковыя послѣдствія *которой* чувствуются во Франціи еще и теперь, и *которую* старые, средневѣковые элементы: феодальная аристократія, городскія общины и даже цѣлыя провинціи, являющіяся какъ выраженіе стремленія къ мѣстной независимости, къ самоуправленію, вели съ *тою* новою силою, *которая* обнаружила признаки жизни еще въ XII вѣкѣ и *которая* въ теченіи четырехъ или пяти вѣковъ успѣла развиться до *того*, что въ состояніи была въ значительной степени затянуть *тотъ* узелъ, *который* долженъ былъ задушить новую оппозицію“.

[2]) Мы заключаемъ о существованіи такого изданія изъ ссылокъ, дѣлаемыхъ на него въ примѣчаніяхъ къ сочиненію г. Лучицкаго, напр. на стр. 496 и 497. Въ предисловіи г. Лучицкій говоритъ только, что имъ издана пока лишь часть собраннаго имъ матеріала.

изъ нихъ въ текстъ книги подробности, не имѣющія существеннаго значенія. Намъ кажется, вообще, что не только собраніемъ и изданіемъ архивныхъ документовъ эпохи французскихъ религіозныхъ войнъ, но и самымъ сочиненіемъ своимъ, основаннымъ на этихъ документахъ, г. Лучицкій оказалъ бо́льшую услугу французской, чѣмъ русской исторической литературѣ — предполагая конечно, что сочиненіе это будетъ переведено на французскій языкъ и сдѣлается извѣстнымъ во Франціи [1]). Мы далеки отъ мысли, чтобы труды историковъ должны были сосредоточиваться исключительно на предметахъ, взятыхъ изъ прошедшаго ихъ отечества или имѣющихъ къ нему прямое отношеніе; мы вполнѣ сочувствуемъ тѣмъ изъ нашихъ писателей, которые посвящаютъ свой трудъ изслѣдованію исторической жизни другихъ народовъ; но, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, не всѣ стороны и не всѣ факты этой жизни представляютъ интересъ настолько общій, чтобы изученіе ихъ было одинаково цѣнно для каждаго образованнаго человѣка, къ какой бы національности онъ ни принадлежалъ. Религіозныя смуты во Франціи XVI вѣка, какъ и все связанное съ реформаціей, имѣютъ несомнѣнно всемірное значеніе, но только въ главныхъ, выдающихся чертахъ своихъ. Французовъ могутъ занимать и частности этой эпохи, жителей Монтобана или Монпелье, современныхъ французскихъ протестантовъ—и самые мелкіе ея факты, лишь бы они входили въ составъ исторіи ихъ родного города или ихъ родной церкви; но для громаднаго большинства не-французскихъ читателей нѣтъ основанія и повода вникать во всѣ подробности борьбы между гугенотами и католиками, если только онѣ не изображены увлекательнымъ перомъ Мишле или Маколея. Намъ могутъ возразить указаніемъ на нѣмецкую историческую литературу, въ которой много сочиненій, подробно—и часто весьма безцвѣтно—излагающихъ исторію не-германскихъ государствъ или народовъ. Но между нѣмецкой исторической литературой и нашей, едва возникающей, слишкомъ мало общаго, чтобы примѣръ первой могъ имѣть рѣшающее значеніе для послѣдней. Въ Германіи лица, профессіонально занимающіяся исторіей, считаются цѣлыми десятками; съ непроизводительнымъ или мало производительнымъ трудомъ нѣкоторыхъ изъ нихъ легко помириться, въ виду длиннаго ряда капитальныхъ работъ, накопленіе которыхъ началось

---

1) Предположеніе это весьма правдоподобно, такъ какъ статьи г. Лучицкаго помѣщаются во французскихъ историческихъ журналахъ, и имя его, слѣдовательно, знакомо французской публикѣ.

еще въ прошедшемъ вѣкѣ. У насъ число историковъ (въ особенности если не считать лицъ, занимающихся только русской исторіей), такъ ограниченно, что удачный выборъ каждымъ изъ нихъ и тэмы, и способа изложенія, наиболѣе соотвѣтствующаго его дарованію — вопросъ большой важности для нашей бѣдной исторической литературы [1]). Съ другой стороны, нѣмецкій историкъ всегда найдетъ читателей, какъ бы спеціальна ни была его задача, какъ бы сухо ни было его изложеніе; о русскомъ историкѣ этого сказать никакъ нельзя, потому что спеціалистовъ между читателями у насъ (относительно) еще гораздо меньше, чѣмъ между писателями. Нашъ историкъ не только долженъ имѣть въ виду публику, отличную отъ нѣмецкой, но долженъ еще помнить, что слишкомъ далеко вдаваясь въ частности, онъ рискуетъ не найти критиковъ, способныхъ и расположенныхъ къ серьёзному разбору его произведенія; а отсутствіе критики — плохое условіе для развитія какъ самого писателя, такъ и цѣлаго отдѣла литературы. Распространенію у насъ обще-историческихъ знаній, крайне желательному именно въ настоящее время, могутъ способствовать не монографіи, не архивныя изысканія, не многотомные труды, исчерпывающіе до дна періодъ времени въ какія-нибудь пять, десять лѣтъ [2]), а сочиненія, знакомящія съ цѣлой эпохой, съ общимъ характеромъ ея, при посредствѣ такого лишь запаса подробностей, который необходимъ для превращенія точнаго абриса въ живую, расцвѣченную картину. Само собою разумѣется, что каждый писатель выбираетъ для себя тэмы и разработываетъ ихъ согласно съ своими личными стремленіями и вкусами, не подлежащими никакому стѣсненію; но позволительно желать, чтобы эти стремленія и вкусы почаще совпадали съ потребностями времени, и чтобы силы, общій запасъ которыхъ безъ того не великъ, были направляемы туда, гдѣ онѣ могутъ принести всего больше пользы.

Возвращаемся къ сочиненію г. Лучицкаго. Помимо указанныхъ нами недостатковъ, способъ изложенія его не облегчаетъ,

---

[1]) Въ видѣ примѣровъ, разъясняющихъ нашу мысль, назовемъ сочиненіе Вызинскаго: „Папство и священная римская имперія“, соединяющее въ себѣ указанныя нами условія; сочиненіе Кудрявцева „Судьбы Италіи до Карла Великаго“, тэма котораго представляетъ слишкомъ мало общаго интереса; сочиненіе г. Осокина: „Исторія Альбигойцевъ“, страдающее тѣмъ же недостаткомъ, какъ и сочиненіе г. Лучицкаго.

[2]) Оговариваемся еще разъ, что все здѣсь сказанное относится только къ всеобщей, а не къ русской исторіи, въ области которой всѣ подобныя работы не только полезны, но и необходимы.

а скорѣе затрудняетъ исполненіе задачи, которую поставилъ себѣ г. Лучицкій — приготовленіе матеріаловъ для будущихъ соціологическихъ обобщеній. Изслѣдованіе общества въ статическомъ отношеніи, входящее въ кругъ этой задачи, составитъ предметъ особаго тома, матеріалы для котораго еще не вполнѣ собраны и который будетъ служить введеніемъ ко всему сочиненію г. Лучицкаго; настоящій трудъ его весь посвященъ другой сторонѣ задачи — изслѣдованію общества въ динамическомъ отношеніи, т.-е. изслѣдованію измѣненій въ составныхъ элементахъ общества, соотношенія между общественнымъ строемъ и событіями. Нельзя не пожалѣть, что продолженіе издано и даже написано авторомъ прежде начала, что введеніе заключитъ собою трудъ, для котораго должно было бы служить основаніемъ. Чтобы вполнѣ понять перемѣны, необходимо знать *въ чемъ* онѣ происходили; настоящее мѣсто статики общества впереди, а не позади его динамики [1]). Этотъ недостатокъ, впрочемъ, исчезнетъ самъ собою, съ окончаніемъ сочиненія г. Лучицкаго (предполагая, конечно, что вновь собранные для введенія матеріалы не убѣдятъ г. Лучицкаго въ неправильности нѣкоторыхъ его взглядовъ на ходъ событій). Важнѣе, въ нашихъ глазахъ, то, что среди обилія подробностей, приводимыхъ г. Лучицкимъ, измѣненія въ составныхъ элементахъ общества не выступаютъ на видъ съ достаточною рельефностью. Измѣненія эти происходятъ не такъ быстро, чтобы для раскрытія ихъ необходимо или полезно было слѣдить за событіями шагъ за шагомъ, не пропуская даже мелкихъ фактовъ. Кто ищетъ въ исторіи преимущественно внѣшняго интереса, кто разсматриваетъ ее только какъ разсказъ о томъ, что было, тотъ можетъ идти этимъ длиннымъ, извилистымъ путемъ, не рискуя впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою; но для того, кто видитъ въ исторіи, вмѣстѣ съ г. Лучицкимъ, преддверіе соціологіи, единственнымъ цѣлесообразнымъ представляется другой, болѣе скорый способъ движенія. Намъ скажутъ, что въ концѣ сочиненія или каждаго его отдѣла, изъ массы фактовъ могутъ быть выдѣлены тѣ, которые должны служить основаніемъ для соціологическихъ заключеній; но какое же значеніе сохранитъ тогда все предшествующее изложеніе, будетъ ли его внутренняя цѣнность соотвѣтствовать потраченному на него труду и времени? Конечно, самъ изслѣдователь долженъ изучить факты во всей ихъ полнотѣ, для того,

[1]) Нельзя не замѣтить, однако, что первое сочиненіе г. Лучицкаго представляетъ много данныхъ, относящихся къ статикѣ, рисующихъ положеніе французскаго общества въ началѣ семидесятыхъ годовъ XVI-го вѣка, и, слѣдовательно, облегчающихъ пониманіе позднѣйшихъ событій.

чтобы безошибочно отличить и отдѣлить важное отъ неважнаго; но читающей публикѣ нѣтъ никакой надобности знакомиться съ этой предварительной кабинетной работой.

Въ предисловіи къ сочиненію г. Лучицкаго высказана мысль, что въ области исторіи возможны въ настоящее время *единственно* работы чисто-описательнаго характера. Съ этою мыслью едва-ли можно согласиться. Весь матеріалъ, необходимый для соціологическихъ обобщеній, безъ сомнѣнія еще не собранъ, но построеніе гипотезъ, несмотря на то, возможно и даже неизбѣжно, какъ убѣждаетъ насъ въ этомъ исторія другихъ наукъ. Собраніе матеріала и научная его обработка часто идутъ параллельно, рука объ руку; необходимость работъ описательнаго характера нисколько не исключаетъ возможность трудовъ совершенно иного рода. Даже и не вдаваясь въ широкія соціологическія обобщенія, историкъ можетъ произвести нѣчто гораздо бóльшее, чѣмъ работу чисто-описательнаго характера. Онъ можетъ изслѣдовать ближайшія причины событій, установить внутреннюю связь между ними, показать зависимость ихъ отъ условій, при которыхъ они совершались. Такъ поступаетъ и самъ г. Лучицкій: онъ не только разсказываетъ, но и дѣлаетъ выводы, выходя такимъ образомъ далеко за предѣлы простого описанія. Оба сочиненія его написаны, какъ мы увидимъ, съ цѣлью доказать извѣстные тезисы, выставляемые авторомъ въ опроверженіе заключеній, къ которымъ приходили прежніе изслѣдователи того же предмета. Ошибочное предположеніе г. Лучицкаго, что историческія работы въ настоящее время по необходимости должны имѣть чисто-описательный характеръ, повліяло на его сочиненіе только тѣмъ, что увеличило его подробность, такъ какъ именно она составляетъ принадлежность описанія.

Отъ общихъ замѣчаній о сочиненіяхъ Перрана и г. Лучицкаго перейдемъ къ указанію и отчасти разбору того, чтó въ нихъ наиболѣе замѣчательно.

Исторія Флоренціи до сихъ поръ не разработана еще съ тою всесторонностью и полнотою, какой можно было бы ожидать, судя по важности предмета. Въ подготовительныхъ къ ней работахъ (критика источниковъ и т. п.), въ монографіяхъ, посвященныхъ тому или другому ея эпизоду, нѣтъ недостатка, особенно въ литературахъ итальянской и нѣмецкой; но сочиненія, обнимающія ее—и только ее—въ цѣломъ ея составѣ или устарѣли, или не идутъ дальше поверхностнаго дилеттантизма. Исклю-

ченіе, по мнѣнію Перрана, составляетъ только трудъ маркиза Джино Каппони, цѣнность котораго уменьшается однако тѣмъ, что авторъ, лишившись зрѣнія, не могъ самъ собирать необходимые для него матеріалы. При такихъ условіяхъ сочиненіе Перрана, несмотря на указанные нами недостатки, не можетъ не быть признано полезнымъ пріобрѣтеніемъ для исторической литературы. Самъ Перранъ ставитъ себѣ въ особенную заслугу подробную обработку той эпохи исторіи Флоренціи, которая до сихъ поръ была всего меньше изслѣдована. «Исторія первыхъ вѣковъ Флоренціи,—говоритъ онъ въ предисловіи,—въ надлежащемъ объемѣ излагается въ первый разъ мною. Чтобы хорошо ознакомиться съ этимъ небольшимъ народомъ, неизвѣстнымъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій и затѣмъ внезапно занимающимъ одно изъ первыхъ мѣстъ на сценѣ міра, я восхожу до древнихъ, темныхъ этрусковъ, черезъ посредство которыхъ геній Флоренціи связанъ съ Греціей и Востокомъ. Я ищу, далѣе, среди варварскихъ временъ, среди эпической борьбы между папствомъ и имперіей, проявленія муниципальной жизни Флоренціи, сначала крайне рѣдкія, потомъ все болѣе и болѣе многочисленныя; я слѣжу за медленнымъ образованіемъ и быстрыми успѣхами тѣхъ скромныхъ ремесленныхъ корпорацій, учрежденія которыхъ, расширяясь, становятся учрежденіями могущественнаго города; я стараюсь сдѣлать понятнымъ измѣнчивый, сложный механизмъ этихъ учрежденій, постоянно остававшійся загадкой для историковъ, вслѣдствіе запутанности и недосказанности лѣтописей; я объясняю политическую жизнь Флоренціи ея коммерческою жизнью; я наблюдаю флорентинцевъ въ ихъ лавкахъ и жилищахъ, на улицахъ и поляхъ сраженій; я отвожу литературѣ и искусствамъ ихъ мѣсто среди дѣловой жизни, которую они облагораживаютъ и возвышаютъ». Не всѣ части этой обширной задачи одинаково удались Перрану. Отыскивая сходство между этрусками и тосканцами—сходство, которое, по его мнѣнію, ничуть не меньше сходства между галлами и французами—онъ смѣшиваетъ факты съ догадками и изъ самыхъ фактовъ выводитъ заключенія по меньшей мѣрѣ рискованныя. Происхожденіе этрусковъ отъ двухъ племенъ арійской расы, изъ которыхъ одно достигло Италіи сухимъ путемъ, другое — моремъ, выставляется имъ какъ нѣчто несомнѣнное, хотя это только гипотеза, и не можетъ быть ничѣмъ инымъ; онъ опредѣляетъ даже мѣсто, откуда вышло второе, по времени, изъ двухъ вышеупомянутыхъ племенъ, и утверждаетъ, что существованіе этрусковъ, какъ народа, продолжалось,—согласно съ предсказаніемъ ихъ религіоз-

ныхъ книгъ, — десять вѣковъ, ни болѣе, ни менѣе [1]). Этруски были покорены римлянами въ IV вѣкѣ до Р. Х.; начало ихъ исторической жизни Перранъ относитъ, слѣдовательно, къ XIV вѣку. Но развѣ мы имѣемъ какія-нибудь достовѣрныя свѣдѣнія объ Италіи или вообще о Европѣ XIV вѣка до Р. Х.? Время появленія этрусковъ въ Италіи не можетъ быть опредѣлено даже съ приблизительною точностью. Что касается до сходства съ этрусками, то для насъ прежде всего непонятно, почему Перранъ не распространилъ своихъ изысканій по этому предмету и на другія итальянскія племена, живущія къ сѣверу и къ югу отъ Тосканы. Вѣдь этруски, какъ упоминаетъ о томъ и самъ Перранъ, населяли не одну Тоскану, а также Кампанію и равнину По. Если жители этихъ послѣднихъ мѣстъ не сохранили, въ противоположность тосканцамъ, сходства съ своими первыми родоначальниками, то нужно было объяснить причину этого явленія. Но въ чемъ же собственно Перранъ видитъ сходство между тосканцами и этрусками? Въ наружности, въ произношеніи, въ костюмѣ, въ архитектурѣ, въ характерѣ. «Небольшой ростъ, короткій и толстый носъ, короткія руки, кругловатое лицо»—вотъ отличительныя черты этрусковъ, приводимыя Геллькальдомъ [2]) со словъ спеціальныхъ изслѣдователей этого предмета; неужели этими же чертами можно характеризовать современныхъ тосканцевъ? Если и допустить, что тосканское произношеніе богато рѣзкими придыханіями, то преобладаніе такихъ придыханій въ языкѣ этрусковъ достаточно ли доказывается ссылкою Перрана на *одну* (притомъ латинскую) надпись, въ которой буква *h* замѣняетъ букву *c* (въ словѣ *cara*)? Сходство архитектуры не объясняется ли вполнѣ подражаніемъ остаткамъ древнихъ зданій, съ котораго началось возрожденіе этого искусства? О характерѣ этрусковъ мы не имѣемъ такихъ опредѣленныхъ свѣдѣній, какія сообщаетъ Ю. Цезарь о характерѣ современныхъ ему галловъ; но судя по всему, что̀ извѣстно объ исторической жизни этрусковъ, она настолько же была запечатлѣна тяжеловѣсностью, стойкостью политическихъ формъ и учрежденій, насколько жизнь Тосканы вообще и Флоренціи въ особенности — измѣнчивостью, подвижностью ихъ. Да и возможно ли было этрусскому элементу сохранить свое господство послѣ всѣхъ смѣшеній, которымъ подвергалось населеніе Тосканы, начиная съ водворенія римскихъ колоній до итальянизированія нѣмецкихъ пришельцевъ, оставлен-

---

1) „Histoire de Florence", т. I, стр. 14, 19, 22.

2) „Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung", изд. 1-ое, стр. 307.

ныхъ за Апеннинами отступающею волною оттоновскихъ или гогенштауфенскихъ походовъ? Наконецъ, вопросъ о происхожденіи тосканцевъ отъ этрусковъ потому уже не имѣетъ большого значенія для исторіи Флоренціи, что послѣдняя стоитъ совершенно особнякомъ посреди всѣхъ другихъ тосканскихъ городовъ, и что не въ этрусской крови, слѣдовательно, можно найти разгадку судьбы флорентинцевъ.

Проявленія муниципальной жизни Флоренціи, подмѣченныя Перраномъ «среди варварскихъ временъ, среди эпической борьбы между папствомъ и имперіей», такъ скудны по числу и незначительны по содержанію, что сочиненіе Перрана ничего бы не потеряло, если бы онъ началъ его прямо съ средины XI-го или даже съ XII-го вѣка. Борьбы между графомъ и епископомъ, между епископомъ и горожанами—борьбы, играющей такую важную роль въ исторіи многихъ другихъ итальянскихъ городовъ—исторія Флоренціи почти не представляетъ; неповиновеніе епископу Меццабарбѣ (1063—68), скорѣе пассивное, чѣмъ активное, было вызвано монахами, обвинявшими епископа въ симоніи, и не имѣло политической подкладки. Самостоятельность флорентинцевъ растетъ постепенно, незамѣтно, безъ толчковъ и потрясеній; въ началѣ XII-го вѣка они зависятъ уже, если не по имени, то на дѣлѣ, только отъ самихъ себя, и вступаютъ въ сферу движенія, въ то время почти повсемѣстнаго въ Италіи. Движеніе это слагалось изъ двухъ элементовъ: борьбы городовъ между собою и борьбы городовъ противъ сосѣднихъ феодальныхъ владѣльцевъ [1]). И то, и другое мы видимъ и въ дѣятельности флорентинцевъ, какъ только она становится свободной отъ внѣшнихъ стѣсненій; они подчиняютъ себѣ Фіезоле, борются съ Сіеной, разрушаютъ зáмки дворянъ и заставляютъ ихъ переселяться во Флоренцію. Къ этому же времени относится первоначальная организація флорентинской республики; нѣсколько позже начинаются внутреннія смуты, наполняющія въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ исторію Флоренціи и тѣсно связанныя съ ея устройствомъ.

[1]) Картина этой двойственной борьбы начертана съ большимъ мастерствомъ, хотя и не безъ натяжекъ, въ „Histoire des révolutions d'Italie", Феррари (Парижъ, 1858, т. II, ч. 4 и 5). Нельзя не пожалѣть, что Перранъ не послѣдовалъ примѣру Феррари и не обратилъ достаточнаго вниманія на черты общія Флоренціи со всей Италіей. Перранъ считаетъ ошибкой со стороны Флоренціи, что она приняла побѣжденныхъ дворянъ въ число своихъ гражданъ (I, 181); но если бы онъ вспомнилъ, что точно такъ же поступали всѣ другіе побѣдоносные итальянскіе города, то убѣдился бы, вѣроятно, что мнимая ошибка была неизбѣжной мѣрой, пагубныя послѣдствія которой не могли быть ни предусмотрѣны, не предупреждены.

Не слѣдуя за Перраномъ во всѣ изгибы лабиринта, представляемаго флорентинскими учрежденіями—лабиринта, въ которомъ все еще остается немало темныхъ угловъ, — мы постараемся только указать главные фазисы развитія этихъ учрежденій, съ конца XII-го до начала XIV-го вѣка.

Существенно-важная особенность флорентинскаго государственнаго строя заключается въ томъ, что онъ выросъ на почвѣ ремесленныхъ корпорацій, образованіе которыхъ предшествовало политической эманципаціи города. Общность занятій издавна служила соединительнымъ звеномъ для отдѣльныхъ группъ, избиравшихъ изъ среды себя уполномоченныхъ или *консуловъ*, съ обязанностью заботиться о процвѣтаніи ремесла и разбирать возникающіе при отправленіи его споры. Консулы тѣхъ корпорацій, которыя обладали наибольшимъ богатствомъ (напр. торговцы иностранными сукнами, мѣнялы или банкиры) или пользовались наибольшимъ почетомъ (напр. нотаріусы и доктора), принадлежали къ числу важнѣйшихъ лицъ въ городѣ и сдѣлались естественными преемниками епископа и императорскаго намѣстника, когда власть послѣднихъ стала клониться къ упадку. Они получили, мало-по-малу, участіе въ завѣдываніи общими дѣлами города, столь тѣсно связанными съ интересами корпорацій. Съ другой стороны, члены семи главныхъ или старшихъ корпорацій (arti maggiori) стали считаться полноправными гражданами, *народомъ* по преимуществу [1]) (primo popolo или popolo vecchio, въ противоположность popolo minuto). Положеніе дѣлъ значительно усложнилось переселеніемъ въ городъ дворянъ, отчасти добровольнымъ, отчасти, какъ мы уже видѣли, вынужденнымъ. Безпрекословно повиноваться власти, не изъ ихъ среды исходящей, они не могли и не хотѣли, тѣмъ болѣе, что они перенесли съ собою въ городъ свои родовыя соперничества, свою привычку къ насилію и малымъ войнамъ. Они были допускаемы къ должностямъ, часто были избираемы въ консулы [2]), наравнѣ съ торгую-

---

[1]) По приблизительному вычисленію одного изъ новѣйшихъ итальянскихъ историковъ, полноправныхъ гражданъ во Флоренціи въ началѣ XIII-го вѣка было не болѣе 1,500.

[2]) Говоря о смутахъ 1177 г., вызванныхъ отказомъ Уберти—одного изъ могущественнѣйшихъ дворянскихъ родовъ Флоренціи—повиноваться вновь избраннымъ консуламъ, Перранъ, повидимому, предполагаетъ, что только въ это время и по этому поводу дворянамъ было предоставлено участіе въ управленіи городомъ (I, 249); но предположеніе это противорѣчитъ тому, что̀ самъ Перранъ утверждаетъ въ другомъ мѣстѣ (I, 214), и опровергается какъ тѣмъ, что нѣкоторые дворяне — въ томъ числѣ именно Уберти — добровольно поселились во Флоренціи, такъ и тѣмъ, что вообще ограниченіе политическихъ правъ дворянства — явленіе позднѣйшей эпохи.

щими гражданами, но сами неохотно подчинялись консульскому суду. Отсюда учрежденіе должности *подесты*, относящееся къ началу XIII-го вѣка. Феррари первый показалъ съ полною ясностью, что главнымъ назначеніемъ подесты, почти одновременно появляющагося въ большинствѣ итальянскихъ городовъ, было соглашеніе гражданъ съ *согражданами* (подъ этимъ именемъ Феррари разумѣетъ дворянъ, поселившихся въ городахъ), установленіе высшаго, возможно-безпристрастнаго суда, которому одинаково могли бы довѣрять и тѣ, и другіе. Достигалось все это тѣмъ, что подеста выбирался изъ жителей другого города—преимущественно изъ дворянъ, юридически образованныхъ,—на короткій срокъ, по окончаніи котораго онъ удалялся обратно туда, откуда былъ призванъ. Съ судейскою властью онъ соединялъ и политическую, и военную — о раздѣленіи властей въ то время еще никто не думалъ; онъ самъ исполнялъ свои приговоры и вообще пользовался весьма широкими правами, но прежде удаленія своего долженъ былъ дать отчетъ городу и отвѣчать на всѣ обвиненія и жалобы, противъ него предъявленныя. Рядомъ съ подестой продолжали существовать и консулы, безъ точнаго разграниченія между ихъ кругомъ дѣйствій и властью подесты. Надзоръ за консулами — а можетъ быть и право избранія ихъ — принадлежалъ совѣту изъ ста членовъ (buoni uomini, иногда называвшіеся и сенаторами). При подестѣ состояло два совѣта, одинъ болѣе, другой менѣе многочисленный. Таково было устройство Флоренціи въ началѣ XIII-го вѣка. Первое существенное измѣненіе въ немъ совпадаетъ съ первымъ періодомъ борьбы между гвельфами и гибеллинами. Какъ только перевѣсъ склонился на сторону гвельфовъ (1250), они приступили къ прочной организаціи военныхъ силъ города и поставили во главѣ ея *капитана* (capitano del popolo), возложивъ на него также часть судебныхъ и административныхъ обязанностей подесты [1]). Избраніе капитана подчинялось тѣмъ же условіямъ, какъ и избраніе подесты. Прежніе консулы или старѣйшины (anziani), какъ они съ нѣкоторыхъ поръ назывались [2]), обратились въ совѣтниковъ капитана и, вмѣстѣ

---

[1]) Отношеніе капитана къ подестѣ нельзя назвать вполнѣ разъясненнымъ. По мнѣнію Реймонта (Lorenzo de Medici, Лейпцигъ, 1874, т. I, стр. 11) гражданскія дѣла были подсудны капитану, уголовныя—подестѣ; по мнѣнію Перрана (I, 329) изъ юрисдикціи подесты были выдѣлены и предоставлены капитану нѣкоторыя уголовныя дѣла, преимущественно политическаго свойства.

[2]) По мнѣнію Перрана (I, 282) перемѣна названія была вызвана надеждой, что менѣе аристократическому имени будетъ соотвѣтствовать и менѣе аристократическій образъ дѣйствій (!).

съ тѣмъ, какъ-бы въ наблюдателей надъ нимъ. Сверхъ того, при капитанѣ были учреждены два совѣта, отличавшіеся отъ совѣтовъ подесты тѣмъ, что состояли исключительно изъ представителей торговаго и ремесленнаго сословія. Нѣсколько времени спустя власть капитана была ограничена исключительно военными дѣлами, а управленіе городомъ сосредоточено въ рукахъ *пріоровъ* или *синьйоровъ*, число которыхъ колебалось между тремя и четырнадцатью [1]). Порядокъ избранія пріоровъ не былъ установленъ разъ навсегда, а опредѣлялся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ представителями главныхъ корпорацій, вмѣстѣ съ другими вліятельными лицами, приглашенными капитаномъ по соглашенію съ пріорами. Способъ образованія совѣтовъ остается неразъясненнымъ; но въ виду многочисленности ихъ членовъ (общее число членовъ всѣхъ пяти совѣтовъ, по исчисленію Перрана, было болѣе 900) и малочисленности полноправныхъ гражданъ, можно предположить съ большою вѣроятностью, что доступъ въ совѣты открывалъ жребій, а не избраніе. Иногда всѣ совѣты соединялись въ одно общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ капитана; иногда — сначала рѣдко, потомъ чаще—созывалось собраніе всѣхъ полноправныхъ гражданъ, носившее названіе парламента. Въ концѣ XIII-го вѣка, въ самый разгаръ борьбы противъ дворянства, о которой мы упомянемъ ниже, политическія права, принадлежавшія до тѣхъ поръ семи главнымъ корпораціямъ, были распространены еще на пять [2]). Къ пріорамъ былъ прибавленъ гонфалоньеръ (съ особымъ при немъ совѣтомъ), начальникъ вооруженнаго отряда, съ помощью котораго онъ долженъ былъ исполнять судебные приговоры, и вообще охранять спокойствіе и порядокъ. Четырнадцать лѣтъ спустя исполненіе приговоровъ перешло отъ гонфалоньера къ особому должностному лицу, избиравшемуся, наравнѣ съ капитаномъ и подестой, не изъ среды флорентинцевъ.

---

[1]) Реймонтъ (I, 14, 17) не упоминаетъ о совѣтахъ подесты, но ставитъ рядомъ съ совѣтами капитана совѣтъ представителей главныхъ ремесленныхъ корпорацій (Consiglio delle Capitudini delle arti maggiori), который, по мнѣнію Перрана (II, 93), не имѣлъ политическаго значенія. Вообще вопросъ о числѣ, составѣ и роли совѣтовъ представляется весьма спорнымъ. Перранъ говоритъ (II, 94), что разрѣшеніе этого вопроса, имъ предлагаемое, основано на подлинныхъ протоколахъ совѣтовъ; но нѣкоторые изъ нихъ, напечатанные въ приложеніи ко II-му тому сочиненія Перрана, позволяютъ предполагать, что совѣтъ корпорацій участвовалъ въ обсужденіи и политическихъ вопросовъ (II, 485, 486, 505).

[2]) Всѣхъ корпорацій считалось болѣе двадцати. Іерархическій порядокъ, установленный между ними, основанъ былъ, вѣроятно, на сравнительномъ ихъ богатствѣ; иначе трудно объяснить, почему, напримѣръ, кожевенники стояли выше оружейниковъ, содержатели питейныхъ домовъ — выше булочниковъ.

Гонфалоньеръ, освобожденный отъ этой второстепенной обязанности, возвысился, мало-по-малу, на степень перваго сановника республики.

Итакъ, *дробленіе власти*, какъ исполнительной и судебной, такъ и законодательной,—вотъ главная отличительная черта флорентинскаго государственнаго строя, въ той формѣ, въ какую онъ вылился къ началу XIV-го вѣка. Флорентинцы рѣдко уничтожали старыя учрежденія; они предпочитали прибавлять къ нимъ новыя, не слишкомъ заботясь о правильности и простотѣ происходившихъ такимъ образомъ сочетаній. Консульская власть, подъ разными именами, уживается съ подестой, подлѣ котораго становится капитанъ народа; къ подестѣ и капитану присоединяется, не замѣняя ихъ, гонфалоньеръ, къ послѣднему—исполнитель судебныхъ приговоровъ. При каждомъ старомъ должностномъ лицѣ сохраняется, при каждомъ новомъ—учреждается совѣтъ (или совѣты). Въ основаніи этой странной смѣси новаторства съ консерватизмомъ лежитъ, какъ намъ кажется, недовѣріе, нерасположеніе къ власти, вообще свойственное флорентинцамъ [1]). Срокъ правительственныхъ полномочій былъ весьма короткій—двухъ-мѣсячный для пріоровъ и гонфалоньера, шестимѣсячный для подесты, капитана и исполнителя судебныхъ приговоровъ; никто не могъ быть избранъ вторично на ту же должность до истеченія опредѣленнаго срока (отъ двухъ до десяти лѣтъ); самыя простыя распоряженія пріоровъ, самые незначительные расходы, требовали утвержденія всѣхъ или по крайней мѣрѣ нѣсколькихъ совѣтовъ. Разрѣшеніе совѣтовъ было, напримѣръ, необходимо для помѣщенія больныхъ въ больницы, для найма трубачей и писцовъ, для починки шкафа, принадлежащаго городу, и т. п. Вопросъ о назначеніи сорока-пяти флориновъ на покупку лѣса для общественныхъ построекъ восходилъ послѣдовательно на разсмотрѣніе всѣхъ совѣтовъ, съ присоединеніемъ еще къ нимъ представителей главныхъ корпорацій. Не довольствуясь ограниченіемъ исполнительной власти посредствомъ учрежденія совѣтовъ, флорентинцы ограничили, такимъ образомъ, и самую власть совѣтовъ, умножая ихъ число и не назначая каждому изъ нихъ особыхъ функцій, а предоставляя имъ всѣмъ одинаковое, въ большинствѣ случаевъ, участіе въ законодательствѣ и даже въ дѣлахъ административныхъ. Понятно, что при такомъ недовѣріи къ многочисленнымъ корпора-

---

[1]) „Граждане Флоренціи,—говоритъ одинъ изъ нихъ, извѣстный историкъ Гвиччардини,—отъ природы склонны къ равенству и неохотно соглашаются признавать кого-нибудь своимъ властелиномъ".

ціямъ, лишеннымъ инипіативы [1]) и активной роли въ управленіи городомъ, флорентинцы должны были относиться съ удвоенною осторожностью къ небольшимъ коллегіямъ и отдѣльнымъ лицамъ, которымъ непосредственно принадлежало отправленіе исполнительной и судебной власти. Мы видѣли уже, что *единоличную* власть флорентинцы допускали только подъ условіемъ предоставленія ея гражданамъ другого города (иногда даже другой провинціи, т.-е. не-тосканцамъ). Въ объясненіе этой особенности,—до извѣстной степени свойственной и другимъ итальянскимъ городамъ,—указываютъ обыкновенно на то, что уроженецъ города не могъ относиться съ достаточнымъ безпристрастіемъ ни къ личностямъ, ему болѣе или менѣе знакомымъ, дружественнымъ или враждебнымъ, ни къ партіямъ, на которыя раздѣлялись граждане и внѣ которыхъ почти никто не стоялъ; что возвращаясь, послѣ короткаго отправленія власти, въ ряды обыкновенныхъ гражданъ, онъ могъ опасаться мщенія тѣхъ, противъ которыхъ ему приходилось дѣйствовать по должности; что для самихъ гражданъ легче было повиноваться пришельцу, чѣмъ одному изъ ихъ среды, вчера еще ничѣмъ не отличавшемуся отъ нихъ и завтра опять имѣющему спуститься на одинъ съ ними уровень. Признавая вполнѣ всю силу этихъ основаній, мы думаемъ однако, что къ нимъ присоединялось—по крайней мѣрѣ во Флоренціи—еще одно: опасеніе, что единоличная власть въ рукахъ природнаго флорентинца сдѣлается когда-нибудь ступенью къ возвышенію его надъ остальными гражданами. Мы выводимъ это заключеніе изъ того, что правило, установленное для избранія подесты, при обстоятельствахъ совершенно исключительныхъ, было примѣнено черезъ полъ-вѣка къ избранію народнаго капитана, еще полъ-вѣка спустя—къ избранію исполнителя судебныхъ приговоровъ, и что гражданамъ Флоренціи былъ открытъ доступъ *исключительно* къ тѣмъ должностямъ (политическаго характера), которыя отправлялись коллегіально [2]). И эти послѣднія должности, впрочемъ, возбуждали подозрительность флорентинцевъ. Цѣлый рядъ предосторожностей, сначала установленныхъ для

---

[1]) Обсужденію совѣтовъ подлежали только вопросы, предложенные имъ пріорами, подестою или капитаномъ. Въ собраніи парламента представители главныхъ корпорацій имѣли право дѣлать предложенія, но для облеченія въ форму закона или обязательной къ исполненію мѣры предложенія эти должны были пройти черезъ всѣ обычныя инстанціи.

[2]) Званіе гонфалоньера не составляетъ исключенія изъ этого правила, такъ какъ гонфалоньеръ, въ особенности послѣ учрежденія должности исполнителя судебныхъ приговоровъ, дѣйствовалъ во всемъ совокупно съ пріорами, будучи только первымъ между равными.

подесты, былъ распространенъ, въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, и на пріоровъ. Если подеста долженъ былъ находиться безотлучно въ своемъ дворцѣ, не могъ принимать приглашеній, не имѣлъ права привозить съ собою свое семейство, то и пріоры, на время отправленія своей должности, какъ-бы отдѣлялись отъ остальнаго міра. Они жили всѣ вмѣстѣ въ одномъ помѣщеніи, откуда не могли отлучаться ни днемъ, ни ночью, развѣ въ экстренныхъ случаяхъ, и то съ разрѣшенія президента, избиравшагося изъ ихъ среды, поочереди, *на два дня*; частные разговоры съ кѣмъ бы то ни было безусловно имъ воспрещались; они не могли даже присутствовать при крещеніи своихъ дѣтей, при погребеніи своихъ друзей или родственниковъ. Чтобы одна часть правительственной коллегіи не могла легко пріобрѣсти преобладаніе надъ другою, для рѣшенія дѣлъ требовалось большинство двухъ-третей голосовъ (пять изъ семи, когда коллегія состояла изъ гонфалоньера и шести пріоровъ), между тѣмъ какъ въ совѣтахъ дѣла рѣшались простымъ большинствомъ, за исключеніемъ лишь случаевъ измѣненія въ законахъ, которое могло быть допущено только по большинству четырехъ-пятыхъ голосовъ.

При разногласіи между совѣтами, спорный вопросъ разрѣшался собраніемъ парламента; случалось также, что совѣты соглашались предоставить разрѣшеніе его подестѣ, капитану, пріорамъ или нѣсколькимъ довѣреннымъ лицамъ. Засѣданія нѣкоторыхъ совѣтовъ происходили при закрытыхъ дверяхъ, засѣданія другихъ—публично. Несмотря на многочисленность инстанцій, движеніе дѣлъ отличалось быстротою; они проходили черезъ всѣ совѣты часто въ два дня, самое бóльшее—въ десять дней. Порядокъ въ засѣданіяхъ охранялся строгими правилами. По каждому вопросу могло быть дано слово только четыремъ ораторамъ. «Оспаривать внесенное предложеніе» — говоритъ Перранъ — «можно было не иначе, какъ въ короткихъ словахъ, какъ бы важно и неожиданно оно ни было. Кто заранѣе рѣшился противодѣйствовать предлагаемой мѣрѣ, тотъ высказывалъ эту рѣшимость, но не возбуждалъ ея въ другихъ краснорѣчивою рѣчью. Собранія флорентинскихъ гражданъ, какъ часто они ни происходили, не могли, поэтому, привести къ развитію между ними политическаго ораторскаго искусства. Духъ, господствовавшій въ флорентинскихъ учрежденіяхъ, не допускалъ потрясенія власти неосторожными или страстными рѣчами. Власть эта была безъ того уже слишкомъ стѣснена, чтобы можно было желать дальнѣйшаго ея ослабленія. Притомъ, какъ счастливо ни была одарена эта порода купцовъ, скоро занявшая выдающееся мѣсто въ области искусствъ и литературы,—ея

положительный умъ слишкомъ хорошо зналъ цѣну времени, чтобы тратить его на слова, въ ущербъ дѣйствію. Всѣ учрежденія, созданныя ею, клонились къ тому, чтобы парализовать охоту и способность къ краснорѣчію. Въ совѣтахъ, засѣдавшихъ при закрытыхъ дверяхъ, оно конечно не могло возникнуть; совѣты, засѣдавшіе публично, не были расположены къ подробному обсужденію мѣръ, уже разсмотрѣнныхъ и еще подлежащихъ разсмотрѣнію въ другихъ инстанціяхъ. Прежде чѣмъ выступить на свѣтъ, каждое предложеніе пріоровъ было изучаемо въ тайнѣ двумя совѣтами, къ которымъ часто присоединялись представители главныхъ корпорацій и другія избранныя, компетентныя въ данномъ случаѣ лица; послѣ такого изученія, могла ли предлагаемая мѣра встрѣтить многочисленныхъ противниковъ? Вотъ какимъ образомъ практическій умъ Флоренціи—столь отличной отъ Аѳинъ, несмотря на многія черты сходства—получилъ господство надъ ораторскимъ геніемъ и надъ духомъ свободы». Въ подтвержденіе того, что свободное пользованіе словомъ подвергалось во Флоренціи внѣшнимъ стѣсненіямъ, Перранъ приводитъ только одинъ фактъ, заключающійся въ слѣдующемъ: когда гвельфы, въ 1260 году, задумали походъ противъ Сіены и гибеллинскихъ изгнанниковъ, одинъ изъ гражданъ, Чеке Герардини, сталъ возставать въ совѣтѣ противъ этого предпріятія. Старѣйшины, проникнутые воинственнымъ духомъ, велѣли ему замолчать, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа. Герардини изъявилъ готовность уплатить не только этотъ штрафъ, но гораздо больше, лишь бы за нимъ оставлено было слово. Тогда ему стали грозить смертью,— и онъ умолкъ. Намъ кажется, что именно угроза смертью, очевидно превышавшая власть старѣйшинъ и не основанная на законѣ, свидѣтельствуетъ объ исключительности случая, приводимаго Перраномъ, и лишаетъ его доказательной силы. Чтó совершается въ критическую минуту народной жизни, подъ вліяніемъ сильно-возбужденныхъ страстей, тó не можетъ дать понятія о нормальномъ порядкѣ, ежедневномъ теченіи событій. Перранъ ссылается на законъ, будто бы дававшій старѣйшинамъ возможность налагать узду на ораторовъ (I, 500); но законъ этотъ—не говоря уже о томъ, что онъ состоялся послѣ 1260 года,—содержитъ въ себѣ только запрещеніе ораторамъ поднимать вопросы, не предложенные совѣту подестой или кѣмъ-либо заступающимъ его мѣсто. Изъ того, чтó ораторы говорили съ трибуны, можно скорѣе заключить, что длинныя рѣчи не были чѣмъ-то неслыханнымъ въ флорентинскихъ совѣтахъ. Не въ духѣ флорентинцевъ было ревнивое огражденіе власти отъ всякой критики, отъ вся-

каго рѣзкаго слова; если бы они опасались преній и считали ихъ несовмѣстными съ авторитетомъ правительства, то не стали бы умножать число совѣтовъ и обусловливать ихъ согласіемъ каждый шагъ старѣйшинъ или пріоровъ. Съ другой стороны, какъ бы всесторонне ни было предварительное обсужденіе вносимыхъ въ совѣтъ предложеній, оно не могло ни устранить, ни даже уменьшить оппозицію, по крайней мѣрѣ противъ тѣхъ мѣръ, которыми затрогивался важный вопросъ общественной жизни. Проекты законовъ, вносимые въ современныя западно-европейскія законодательныя собранія, выработываются въ министерствахъ, въ государственномъ совѣтѣ, въ парламентскихъ коммиссіяхъ и субъ-коммиссіяхъ конечно не съ меньшею тщательностью, чѣмъ та, которою отличались труды флорентинскихъ пріоровъ, представителей корпорацій и т. п.; это не мѣшаетъ, однако, меньшинству, а часто и большинству палатъ горячо возставать противъ выработанныхъ такимъ образомъ проектовъ. Многочисленность инстанцій, черезъ которыя должна была проходить во Флоренціи каждая предлагаемая правительствомъ мѣра, могла охладить рвеніе совѣтовъ къ ея обсужденію, но только до извѣстной степени; не теряетъ же вѣдь палата депутатовъ интересъ къ своему призванію, когда за ней стоитъ еще сенатъ или палата пэровъ. Сколько бы ни было совѣтовъ, ни одинъ изъ нихъ не могъ относиться къ своему дѣлу совершенно пассивно, потому что согласіе каждаго изъ нихъ было одинаково необходимо для утвержденія предлагаемой мѣры. Но если объясненія Перрана нельзя признать вполнѣ удачными, то самый фактъ, къ которому они относятся, едва ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію. Политическое краснорѣчіе во Флоренціи дѣйствительно не процвѣтало, несмотря на сильное и широкое развитіе въ ней политической жизни. Зависѣло это, по всей вѣроятности, отчасти отъ указанныхъ Перраномъ свойствъ флорентинскаго характера, отчасти отъ того, что въ моментъ достиженія Флоренціею политической самостоятельности, итальянскій языкъ находился еще въ періодѣ образованія, а оффиціальнымъ языкомъ былъ латинскій, на которомъ, конечно, нельзя было говорить въ многочисленномъ народномъ собраніи,— отчасти отъ недовѣрія, съ которымъ флорентинцы относились къ согражданамъ своимъ, ищущимъ популярности и власти [1]). Ораторскому искусству, этому могущественному сред-

[1]) Политическое краснорѣчіе часто развивается параллельно съ судебнымъ; послѣднее служитъ какъ-бы приготовительной школой для перваго. Между тѣмъ во Флоренціи отправленіе суда принадлежало не народу, а должностнымъ лицамъ—въ

ству къ пріобрѣтенію вліянія, трудно было успѣшно развиваться тамъ, гдѣ все было направлено къ поддержанію—въ средѣ управляющихъ классовъ населенія—одного общаго политическаго уровня. Наконецъ, въ исторіи Флоренціи—въ особенности въ раннемъ ея періодѣ, теперь насъ занимающемъ—не было крупныхъ событій, которыя могли бы сравниться съ персидскими войнами, съ борьбою Аѳинъ противъ Македоніи, даже съ соперничествомъ между Аѳинами и Спартой,—событій, которыя создаютъ ораторовъ, поднимая духъ народа. Когда однажды, во время борьбы между гвельфами и гибеллинами, враги Флоренціи возбудили вопросъ объ ея разрушеніи,—негодованіе и патріотическая скорбь внушили Фаринатѣ дель-Уберти могучую рѣчь, о которой сохранилось воспоминаніе въ потомствѣ и за которую его прославилъ Данте въ «Божественной комедіи» [1]). А между тѣмъ Фарината не былъ народнымъ ораторомъ; при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, отличительными его чертами были сдержанность и хитрость. Торжественная минута возвысила его надъ самимъ собою; но такихъ минутъ въ исторіи Флоренціи было мало, а мелкія войны съ сосѣдями, мелкія внутреннія смуты не принадлежатъ къ числу условій, при которыхъ созрѣваетъ политическое краснорѣчіе.

Сложность флорентинскаго государственнаго устройства—въ особенности многочисленность совѣтовъ—считается обыкновенно недостаткомъ, ослаблявшимъ республику и вносившимъ въ ея жизнь элементы замѣшательства и безпокойства [2]). Перранъ старается доказать неосновательность общепринятаго взгляда. «Многочисленность совѣтовъ,—говоритъ онъ (II, 251—2),—когда они независимы и ничего не стоютъ государству, способствуетъ улучшенію законовъ и дѣлаетъ ихъ болѣе устойчивыми... При принятой во Флоренціи системѣ, всякое мнѣніе, всякая группа могли заявлять о своемъ существованіи; для защиты спеціальныхъ интересовъ представлялось столько же удобствъ, какъ и для защиты интересовъ обще-государственныхъ. Общественное настроеніе, сбившееся съ пути, легко могло возвратиться на настоящую дорогу. Неоднократно возобновлявшіяся пренія позволяли ему, безъ ложнаго стыда, исправить свою ошибку и предохраняли государство

большей части случаевъ даже не флорентинцамъ, — мало доступнымъ вліянію слова; при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, судебное краснорѣчіе не могло сформироваться.

[1]) „Адъ", пѣснь X-я. Если Данте помѣстилъ Фаринату въ аду, то не за образъ дѣйствій его въ политической жизни, а за его безвѣріе.

[2]) Таково, напримѣръ, мнѣніе Реймонта (I, 19, 22).

отъ необдуманныхъ мѣръ, вызванныхъ внезапнымъ гнѣвомъ или минутнымъ увлеченіемъ». Къ этимъ соображеніямъ Перранъ присоединяетъ извѣстныя уже намъ указанія на тщательность предварительнаго обсужденія предложеній, вносимыхъ въ публичныя засѣданія совѣтовъ, на вѣроятность соглашенія между совѣтами и на быстроту въ постановленіи ими рѣшеній. Съ мнѣніемъ Перрана едва ли можно согласиться. Говоря объ устойчивости флорентинскихъ законовъ, онъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, потому что самъ называетъ въ другомъ мѣстѣ (II, 258) неустойчивость капитальнымъ недостаткомъ флорентинскаго государственнаго устройства. Быстрота, съ которою дѣла переходили изъ одного совѣта въ другой и разрѣшались ими, исключаетъ обдуманность, восхваляемую Перраномъ; два дня, даже десять дней—очевидно не такой промежутокъ времени, въ продолженіи котораго легко было бы сознать и исправить сдѣланную ошибку, загладить слѣды увлеченія или гнѣва. Возможность свободнаго выраженія всѣхъ мнѣній, всѣхъ взглядовъ обусловливается не многочисленностью совѣтовъ, а способомъ избранія ихъ, ихъ составомъ и способомъ веденія преній. Всѣ партіи, всѣ общественныя группы могутъ имѣть своихъ представителей въ *одномъ* собраніи—и, наоборотъ, нѣкоторыя изъ нихъ могутъ остаться непредставленными во всѣхъ совѣтахъ, сколько бы ихъ ни было. Что предварительное обсужденіе предложеній, хотя бы и нѣсколькими инстанціями, не можетъ предупредить оппозиціи противъ нихъ—объ этомъ мы уже говорили; да и не къ предупрежденію оппозиціи должно вѣдь быть направлено нормальное государственное устройство. Весьма сильный аргументъ противъ многочисленности совѣтовъ приводитъ, впрочемъ, самъ Перранъ, замѣчая, какъ мы уже видѣли, что она охлаждала рвеніе каждаго отдѣльнаго совѣта къ обсужденію предлагаемыхъ ему мѣръ или законопроектовъ. Если политическая жизнь Флоренціи долго не клонилась къ упадку, то, конечно, она была обязана этимъ не многочисленности совѣтовъ; скорѣе можно сказать, что Флоренція процвѣтала *несмотря* на недостатки своей организаціи, къ которымъ слѣдуетъ отнести еще смѣшеніе властей и неточное разграниченіе функцій различныхъ правительственныхъ учрежденій. Всѣ эти недостатки уравновѣшивались или парализовались свѣжестью молодого народа, его практическимъ умомъ, его энергіей, а также отсутствіемъ вокругъ Флоренціи крѣпко-организованныхъ государствъ, которыя могли бы угрожать ея самостоятельности. Самою слабою стороною флорентинской конституціи безъ сомнѣнія было то, что Флоренція продолжала управляться какъ городъ,

сдѣлавшись государствомъ; но эта сторона выяснилась вполнѣ только въ позднѣйшую эпоху флорентинской исторіи, и потому мы не будемъ останавливаться на ней, какъ не касается ея почти вовсе и разбираемое нами сочиненіе.

Отъ устройства Флоренціи перейдемъ къ исторіи ея партій. Мы видѣли уже, что переселеніе въ городъ и подчиненіе ему феодальныхъ владѣльцевъ, прежде самостоятельно жившихъ въ его окрестностяхъ, сдѣлалось источникомъ смутъ и волненій, ближайшимъ послѣдствіемъ которыхъ было учрежденіе должности подесты. Мѣра эта оказалась недостаточною: послѣ короткаго промежутка, сравнительно спокойнаго, безпорядки возобновились съ новою силой. Непосредственнымъ поводомъ къ тому послужила распря передъ двумя дворянскими родами, такъ глубоко врѣзавшаяся въ народную память, что многіе писатели (напр. Маккіавелли) начинали съ нея исторію флорентинскихъ междоусобій. По справедливому замѣчанію Перрана, корень этихъ междоусобій слѣдуетъ искать глубже, въ эпохѣ болѣе отдаленной; но ошибка прежнихъ историковъ становится вполнѣ понятной, если принять въ соображеніе, что послѣ убійства молодого Буондельмонти (1215) борьба партій во Флоренціи почти не прекращалась. Дѣло въ томъ, что она переплелась съ другой борьбою, именно въ это время разгоравшеюся во всей Италіи—борьбой между папой и императоромъ, между гвельфами и гибеллинами. Совершилось это, по мнѣнію Перрана, слѣдующимъ образомъ. Каждая изъ враждующихъ группъ дворянства искала поддержки въ горожанахъ, которые въ свою очередь не могли оставаться равнодушными зрителями борьбы, происходившей въ стѣнахъ ихъ города и безпрестанно затрогивавшей ихъ интересы. Между тѣмъ флорентинскій народъ издавна, еще со временъ графини Матильды, былъ вѣрнымъ союзникомъ папы; прочно привязать его къ себѣ могли только тѣ, которые держали въ этомъ отношеніи одну съ нимъ сторону. Естественныя симпатіи дворянъ принадлежали, наоборотъ, императору, отъ котораго они получали званія, титулы, съ которымъ многіе изъ нихъ были связаны общностью происхожденія. Тѣ дворянскіе роды, которымъ удалось отрѣшиться отъ этихъ симпатій, привлекли на свою сторону значительную часть народа и образовали вмѣстѣ съ нею партію гвельфовъ; противоположный лагерь обратился въ партію гибеллиновъ. Обособленію этихъ партій способствовала ожесточенная борьба между императоромъ Фридрихомъ II-мъ и папами Григоріемъ IX-мъ и Иннокентіемъ IV-мъ, наполняющая собою вторую четверть XIII-го вѣка. Имена гвельфовъ и гибеллиновъ появ-

ляются во Флоренціи около 1240 г.; но подъ ними, по словамъ Перрана, «скрывается безконечный поединокъ между аристократіей, защищающей свою позицію, и демократіей, стремящейся къ ея занятію. Гибеллины, поддерживающіе имперію — это дворяне, испуганные успѣхами народа и предпочитающіе его господству отдаленную, періодическую тираннію неопаснаго для нихъ императора. Гвельфы, поддерживающіе церковь—это люди народа (popolani), раздраженные надменностью аристократовъ, жаждущіе свободы и разсчитывающіе найти въ папѣ не повелителя, а вождя, послушнаго ихъ волѣ». Какимъ образомъ аристократическая фракція, примкнувшая къ горожанамъ и къ папѣ для того только, чтобы легче одолѣть своихъ соперниковъ, сдѣлалась защитницей демократіи и свободы — этого Перранъ не объясняетъ. Отождествленіе гвельфовъ съ демократами, гибеллиновъ съ аристократами—мысль не новая; ее высказалъ еще Феррари, видящій въ борьбѣ между гвельфами и гибеллинами не что иное, какъ продолженіе борьбы между гражданами и согражданами, и объясняющій даже чисто-дворянскую распрю 1215 г. тѣмъ, что Буондельмонти стояли во главѣ гражданъ, Амидеи и Уберти — во главѣ согражданъ. Посмотримъ, подтверждается ли этотъ взглядъ дальнѣйшимъ ходомъ событій. Гвельфы торжествуютъ въ первый разъ надъ гибеллинами въ 1250 г.; какъ они пользуются своей побѣдой? Они даютъ городу новую, болѣе прочную военную организацію и ставятъ во главѣ ея капитана del popolo, избираемаго, какъ и подеста, изъ среды иногородныхъ дворянъ. Въ совѣты капитана дворяне не допускаются, но въ совѣтахъ подесты остаются. Во второй разъ, и уже окончательно, гвельфы получаютъ власть въ 1267 г.; въ политическомъ устройствѣ Флоренціи и въ правахъ дворянства не происходитъ, однако, никакой перемѣны. Вожди гибеллиновъ изгоняются изъ города, имѣнія ихъ конфискуются и продаются, изъ вырученныхъ суммъ образуется особый капиталъ (massa guelfa), завѣдываніе которымъ, какъ и вообще дѣлами партіи, поручается особымъ должностнымъ лицамъ (capitani della parte guelfa), съ двумя состоящими при нихъ совѣтами. И чтó же? Именно вслѣдъ за этимъ торжествомъ гвельфовъ, за этимъ уничтоженіемъ гибеллинской партіи, могущество дворянства достигаетъ своихъ крайнихъ предѣловъ [1]); его насилія, остающіяся безнаказанными,

---

[1]) Хотя Перранъ и утверждаетъ въ одномъ мѣстѣ (II, 99), что событія 1267 г. были побѣдой демократіи, что именно съ этихъ поръ слова *гвельфы* и *popolani* становятся синонимами, но въ другомъ мѣстѣ (II, 339 и слѣд.) онъ самъ указываетъ

становятся предметомъ всеобщихъ жалобъ и вызываютъ, наконецъ, начиная съ 1282 г., цѣлый рядъ мѣръ противъ дворянства, самая постепенность которыхъ показываетъ, впрочемъ, съ какими затрудненіями было сопряжено ихъ принятіе и осуществленіе. Пользованіе политическими правами оставляется только за тѣми дворянами, которые припишутся къ одной изъ главныхъ корпорацій; позже отъ нихъ требуютъ уже не одной только приписки къ корпораціи, а дѣйствительнаго занятія ея ремесломъ или профессіей. Противъ насилій всякаго рода издаются строгіе законы, но исполненіе ихъ не отличается такою же строгостью; подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ дворяне часто ускользаютъ отъ отвѣтственности, не признаютъ даже надъ собою власти общихъ судебныхъ установленій. Болѣе энергичнымъ образъ дѣйствій правительства становится только въ 1293 г., послѣ первой дѣйствительно демократической реформы въ флорентинскомъ государственномъ строѣ (вовсе не связанной съ борьбою между гвельфами и гибеллинами) — послѣ увеличенія числа полноправныхъ гражданъ, присоединеніемъ къ семи старшимъ корпораціямъ слѣдующихъ пяти. Изданныя вслѣдъ затѣмъ узаконенія — ordinamenta justitiae — не только назначаютъ строгія наказанія за преступленія дворянъ противъ не-дворянъ, но и дѣлаютъ цѣлое дворянское семейство солидарно отвѣтственнымъ за вину одного изъ его членовъ, упрощая притомъ до крайности уголовную для такихъ случаевъ процедуру и уполномочивая судей основывать обвинительные по нимъ приговоры на самыхъ недостаточныхъ доказательствахъ (напр. на общественной молвѣ о виновности подсудимаго, если существованіе такой молвы подтверждено показаніемъ двухъ свидѣтелей!). Какими мѣрами обезпечивается, въ то же время, исполненіе приговоровъ, это мы уже знаемъ. Дворяне лишаются, далѣе, права занимать государственныя должности. Внесеніе въ списокъ дворянъ дѣлается карательной мѣрой для обыкновенныхъ горожанъ, потому что оно равносильно ограниченію ихъ политической правоспособности. И эта реакція противъ дворянства, почти безпримѣрная по своей крайности, не могла, однако, сломить его силу. Главный ея виновникъ, Джано-делла-Белла, уже два года спустя дѣлается жертвой мщенія дворянъ и изгоняется изъ Флоренціи, обвиняемый въ пристрастіи къ гибеллинамъ! Исполненіе новыхъ законовъ встрѣ-

на то, что въ совѣтахъ della parte guelfa преобладаніе принадлежало дворянамъ, что на ихъ сторонѣ были и богатѣйшіе изъ горожанъ, и низшій, безправный классъ населенія, что могущество аристократіи, однимъ словомъ, оставалось неизмѣннымъ.

чаетъ препятствія всякаго рода; попытки достигнуть ихъ измѣненія или отмѣны не удаются, но дворяне продолжаютъ играть роль, не соотвѣтствующую ихъ юридически-приниженному положенію. Въ средѣ гвельфовъ образуются новыя партіи, принимающія имена бѣлыхъ и черныхъ [1]). Глава первыхъ, Віери-де-Черки, имѣетъ противъ себя съ одной стороны дворянство, съ другой — низшіе классы народа; между тѣмъ, на его сторону склоняются остатки гибеллиновъ, и изъ среды его приверженцевъ, послѣ ихъ изгнанія, выходитъ великій теоретикъ гибеллинства — Данте. Въ борьбѣ между бѣлыми и черными нельзя разобрать никакой идеи, никакого принципа [2]). Торжество черныхъ (1301) не влечетъ за собою ни измѣненія конституціи, ни новыхъ мѣръ противъ дворянства. Предположеніе Феррари (III, 69), что въ случаѣ успѣха бѣлыхъ Флоренція по необходимости подчинилась бы вліянію аристократовъ и гибеллиновъ, представляется лишеннымъ всякаго фактическаго основанія. Не болѣе двухъ лѣтъ спустя послѣ изгнанія бѣлыхъ, побѣдители ихъ раздѣляются, въ свою очередь, на враждующія партіи, причемъ Корсо Донати, бывшій глава черныхъ, оказывается союзникомъ аристократіи. Спокойствіе водворяется во Флоренціи (конечно ненадолго) только послѣ смерти этого честолюбиваго эгоиста (1308), подъ конецъ своей жизни вступившаго даже въ сношенія съ гибеллинами, лишь бы только сохранить за собою ускользавшую отъ него власть.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ, можно ли утверждать, что внутренняя исторія Флоренціи до начала XIV вѣка сводится исключительно къ борьбѣ между аристократіей и среднимъ сословіемъ, между пришлымъ феодальнымъ дворянствомъ и кореннымъ населеніемъ города, ремесленнымъ или торговымъ? Такое объясненіе слишкомъ просто, чтобы быть вполнѣ справедливымъ. На самомъ дѣлѣ политическая жизнь Флоренціи отличалась гораздо бо́льшею сложностью; она слагалась изъ нѣсколь-

---

[1]) Въ первый разъ эти имена появляются въ сосѣдней съ Флоренціею Пистойѣ, но отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы пистойскія распри были непосредственной причиной флорентинскихъ.

[2]) Сисмонди (Histoire des républiques italiennes au moyen-âge, 2-ое изд., т. IV, стр. 105), указываетъ на то, что Черки и ихъ союзники, достигнувъ власти долго спустя послѣ торжества гвельфовъ, не были одушевлены прежнею враждою къ гибеллинамъ; но то же самое можно вѣдь сказать и о черныхъ. Феррари (III, 58) называетъ черныхъ нео-гвельфами, бѣлыхъ—нео-гибеллинами, видитъ въ побѣдѣ черныхъ побѣду демократіи и объясняетъ появленіе этихъ партій тѣмъ, что Флоренція запоздала въ своемъ движеніи сравнительно съ другими итальянскими городами — запоздала перейти къ эпохѣ тиранніи, которая, по искуственной схемѣ Феррари, должна была вездѣ слѣдовать за эпохой борьбы между гвельфами и гибеллинами.

кихъ параллельныхъ движеній, постоянно соприкасавшихся одно съ другимъ, но не сливавшихся въ одно цѣлое. «Не одна только распря раздѣляла жителей города, — говоритъ Маккіавелли въ своей «Исторіи Флоренціи» [1]), описывая смуты конца XIII и начала XIV вѣка:—онъ былъ раздираемъ въ одно и то же время враждою народа и вельможъ, гвельфовъ и гибеллиновъ, бѣлыхъ и черныхъ». Въ этихъ коротхихъ словахъ Маккіавелли гораздо больше приближается къ истинѣ, чѣмъ Перранъ и Феррари. Если гвельфы и демократы — одно и то же, то какъ объяснить принадлежность къ гвельфской партіи стольких аристократовъ, ни мало не отрѣшившихся отъ предразсудковъ и страстей своего сословія (напр. Корсо Донати)? Какъ объяснить преобладаніе аристократовъ въ вліятельныхъ совѣтахъ гвельфской партіи? Какъ объяснить, что реформы, наиболѣе демократическія, не совпадаютъ съ торжествомъ гвельфовъ надъ гибеллинами? Если гибеллины и аристократы—одно и то же, то отчего же окончательное паденіе первыхъ не повлекло за собою паденія послѣднихъ? Отчего партія бѣлыхъ возбуждаетъ къ себѣ въ одно и то же время сочувствіе гибеллиновъ и антипатію аристократовъ? Какимъ образомъ демократъ Джано-делла-Белла могъ навлечь на себя обвиненіе въ гибеллинствѣ? Нѣтъ, имена гвельфовъ и гибеллиновъ не были ни маской, ни плеоназмомъ, а соотвѣтствовали чему-то реальному, самостоятельному. Борьба между имперіей и папствомъ играла такую важную роль въ исторіи Италіи, что не могла не отразиться на жизни отдѣльныхъ городовъ ея. Вліяніе ея на нихъ было двоякаго рода: съ одной стороны, цѣлые города становились въ ряды той или другой партіи и враждовали съ городами противоположной окраски; съ другой стороны, разногласіе проникало въ нѣдра города и образовало въ его средѣ два непріязненныхъ теченія. Флоренція пережила и то, и другое; сначала она раздѣлилась на два лагеря, потомъ, когда одинъ изъ нихъ окончательно восторжествовалъ надъ другимъ, вся присоединилась къ лагерю гвельфовъ. Обѣ эволюціи ея обрисовываются съ особенною яркостью именно въ тѣ моменты, когда борьба между папствомъ и имперіей—или созданіями имперіи—находится въ полномъ разгарѣ. Гвельфы и гибеллины появляются во Флоренціи при Фридрихѣ II; торжество гибеллиновъ совпадаетъ съ торжествомъ Манфреда, торжество гвельфовъ — съ паденіемъ Манфреда и Конрадина; Флоренція становится во главѣ тосканскихъ гвельфовъ, когда черезъ Альпы, послѣ полувѣкового слиш-

[1]) Французскій переводъ 1845 г., изд. Шарпантье, стр. 79.

комъ промежутка, вновь переходитъ императоръ (Генрихъ VII). Но если вражда гвельфовъ и гибеллиновъ первоначально была враждою приверженцевъ папы и приверженцевъ имперіи, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы дальнѣйшая борьба между ними осталась свободной отъ всякой посторонней примѣси. Распри всякаго рода были насущнымъ хлѣбомъ средневѣковыхъ итальянскихъ городовъ; они были насквозь проникнуты разлагающими элементами, которыми необходимо должно было осложниться всякое новое, извнѣ занесенное движеніе. Во Флоренціи, какъ и въ большинствѣ другихъ городовъ, бывшіе феодальные владѣльцы соперничали между собою и спорили съ коренными горожанами, въ средѣ которыхъ, въ свою очередь, происходила борьба за политическую полноправность, требуемую одними, удерживаемую другими въ свое исключительное пользованіе. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что раньше всего борьба между гвельфами и гибеллинами привилась на почвѣ спеціально-дворянскихъ междоусобій. Если изъ двухъ враждующихъ между собою дворянскихъ родовъ одинъ примыкалъ къ гвельфамъ, то для другого это было уже сильнымъ побужденіемъ примкнуть къ гибеллинамъ. Само собою разумѣется, что этимъ путемъ создавались новые матеріалы для вражды и самая вражда становилась болѣе упорною, болѣе ожесточенною. Ссора между Буондельмонти и Уберти, вызванная семейными дѣлами, могла быть прекращена — исторія Флоренціи представляетъ не мало тому примѣровъ — брачнымъ союзомъ, посредничествомъ горожанъ и т. п.; возвысившись на степень политической вражды, она переживаетъ поколѣнія и дѣлается неизлечимой. Вслѣдъ за аристократіей, въ водоворотъ вовлекаются и горожане, издавна волей или неволей принимавшіе участіе въ дворянскихъ распряхъ. Борьба горожанъ съ дворянствомъ, начавшаяся еще въ XII вѣкѣ, въ это время какъ-бы утихаетъ, можетъ быть потому, что общественное вниманіе отвлечено великимъ гвельфо-гибеллинскимъ споромъ. Возобновляется она, по справедливому замѣчанію Маккіавелли (стр. 67), именно тогда, когда окончательное пораженіе гибеллиновъ позволяетъ умамъ сосредоточиться на вопросахъ внутренняго государственнаго устройства. Ея участниками съ обѣихъ сторонъ являются гвельфы, потому что кромѣ гвельфовъ въ это время и нѣтъ никого во Флоренціи. Къ нападеніямъ на аристократію скоро присоединяется борьба въ средѣ самихъ горожанъ, такъ что ordinamenta justitiae знаменуютъ собою въ одно и то же время побѣду горожанъ надъ вельможами и побѣду средняго класса горожанъ надъ высшимъ, надъ «жирной буржузіей» (popolani grassi). Лишь только

эта двойная цѣль достигнута, на сцену выступаютъ бѣлые и черные, какъ будто для того чтобы показать, что не всѣ флорентинскія смуты происходили изъ-за принципа. Ничѣмъ, въ сущности, не различаясь другъ отъ друга [1]), не стремясь ни къ чему, кромѣ власти, ничего, послѣ достиженія ея, не предпринимая, бѣлые и черные ведутъ борьбу съ такою яростью, до которой не доходили даже гвельфы и гибеллины, въ главныхъ столкновеніяхъ своихъ. Объясняется это тѣмъ, что въ небольшомъ, замкнутомъ пространствѣ, въ тепличной атмосферѣ средневѣковыхъ итальянскихъ республикъ личные счеты, семейные раздоры пріобрѣтаютъ по временамъ всю силу политическихъ страстей, въ особенности тогда, когда для послѣднихъ наступаетъ затишье послѣ бури. Итакъ, борьбою демократическаго начала съ аристократическимъ исторія Флоренціи исчерпывается не вполнѣ; въ сложныхъ комбинаціяхъ, представляемыхъ ею, общія начала, оспаривающія другъ у друга господство надъ средневѣковой Европой, мелкіе, частные интересы господствующаго класса играютъ роль на ряду съ сословной рознью, вліяя на нее и въ свою очередь подчиняясь ея вліянію. Отождествлять гвельфовъ и черныхъ съ демократами, гибеллиновъ и бѣлыхъ—съ аристократами, можно только игнорируя одни факты, произвольно объясняя другіе.

Размѣры журнальной статьи не позволяютъ намъ остановиться на другихъ сторонахъ сочиненія Перрана; замѣтимъ только, что главы, посвященныя общественной и частной жизни флорентинцевъ, заключаютъ въ себѣ много интересныхъ подробностей. Менѣе удачнымъ показался намъ обзоръ развитія во Флоренціи изящныхъ искусствъ и литературы.

К. Арсеньевъ.

---

[1]) Данте сдѣлался гибеллиномъ только послѣ изгнанія, въ моментъ котораго онъ былъ еще гвельфомъ. Притомъ, гибеллинство Данте было, если можно такъ выразиться, обще-итальянское или даже обще-европейское, а не спеціально-флорентинское; оно выражалось въ его взглядахъ на значеніе императора и имперіи, а не на лучшее устройство флорентинской республики.

ПУТЕШЕСТВІЯ
Г-ЖЪ МЭККЕНЗИ и ИРБИ
ВЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЛЯХЪ ТУРЦІИ.

II. *)

Замокъ Марка-Кралевича. — Прилипъ. — «Задруга». — Велеса.—Рыльскій монастырь въ 1862.

Путешественницамъ пріятно было оставить турецкій городъ, чтобы перейти въ «ту атмосферу поэзіи и романа, которая окружаетъ средневѣковыя мѣста сербскаго могущества». Однимъ изъ такихъ мѣстъ былъ за́мокъ («градъ») Марка-Кралевича, знаменитаго героя и сербской, и болгарской народной поэзіи, надъ городомъ Прилипомъ; этотъ за́мокъ есть одинъ изъ немногихъ значительныхъ феодальныхъ остатковъ въ этомъ краю Турціи.

Городъ Прилипъ (Прилепъ, тур. Перлепе) есть общая почва для болгаръ и сербовъ, какъ Скадаръ (Скутари) — общая почва для сербовъ и албанцевъ. Населеніе города и округа прилипскаго — болгарское, но присутствіе за́мка Марка-Кралевича связываетъ эту мѣстность съ старо-сербскими воспоминаніями и миѳами. За́мокъ стоитъ на скалѣ, у подножія которой находится небольшой монастырь, въ нѣсколькихъ стахъ ярдовъ отъ Прилипа.

«Быть можетъ, монахи съ удовольствіемъ показали бы намъ развалины и разсказали бы всякія легенды; по крайней мѣрѣ,

---

*) См. выше: сентябрь, 280 стр.

такъ дѣлали они обыкновенно въ другихъ мѣстахъ, когда мы обращались къ нимъ черезъ славянское посредство; но мы оставили переводчика дома, и одна изъ насъ самымъ любезнымъ образомъ обратилась къ монахамъ *по-турецки*. Тогда все пропало; болгары приняли тупой, деревянный видъ, и предоставили намъ отправиться на развалины съ однимъ чичероне—нашимъ провожатымъ. Мы сдѣлали-было попытку смягчить ихъ, но безуспѣшно, такъ-какъ были не сильны въ болгарскомъ языкѣ: «мы хотѣли бы видѣть Марко...», сказали мы и остановились, припоминая слѣдующее слово. Монахъ съ улыбкой пожалъ плечами, какъ-будто хотѣлъ сказать: «все ваше желаніе не можетъ сдѣлать *этого*», и отвѣчалъ: «Богъ забылъ насъ! Марко умеръ 400 лѣтъ тому назадъ». И однако-жъ, если всѣ разсказы справедливы, то это вовсе не былъ резонъ, чтобы мы не могли видѣть Марко: надо было бы только дождаться его годового праздника или «славы» и спрятаться въ одной небольшой часовнѣ [1]), гдѣ погребены нѣкоторыя лица изъ его рода. Въ полночь двери растворяются и въѣзжаетъ Марко, во всемъ вооруженіи, и на своемъ любимомъ конѣ—Шарцѣ».

Надобно замѣтить, что многія мѣстности балканскаго края связываются съ преданіями о Маркѣ-Кралевичѣ—бо́льшей частью, вѣроятно, безъ всякаго историческаго основанія, а только вслѣдствіе обширной популярности героя. За́мокъ близъ Прилипа, напротивъ, находится именно въ мѣстности, которая исторически соединяется съ его именемъ. За́мокъ Марка стоитъ на крутой горѣ подлѣ монастыря: это развалины, гдѣ сохранились стѣны, но ни одной комнаты съ уцѣлѣвшей крышей. На самой вершинѣ горы остатки небольшой постройки, которую мѣстные жители называютъ «Марковъ кіоскъ», гдѣ, по болгарской легендѣ, онъ сидѣлъ и могъ видѣть издали всѣхъ, приближавшихся къ его за́мку, друзей или враговъ. На стѣнахъ кіоска еще видны слѣды грубыхъ фресковъ, изображающихъ лошадей и собакъ (быть можетъ, сцены охоты): сами путешественницы не въ силахъ были подняться на крутизну вершины, но о фрескахъ они слышали ранѣе, и провожавшій ихъ заптій, который влѣзъ наверхъ, восклицалъ, что нашелъ тамъ удивительныя картины. Тотчасъ ниже кіоска находятся стѣны другой комнаты, ходъ къ которой идетъ по краю крутой и гладкой скалы, такъ что очевидна была необходимость вырубить въ скалѣ ступеньки; нѣкоторыя изъ нихъ похожи видомъ на лошадиную подкову, и, конечно,—замѣчаетъ

[1]) Или церковномъ придѣлѣ (chapel)?

г-жа Мэккензи,—было бы гипер-критически сомнѣваться въ томъ, что эти слѣды оставилъ конь Марка, Шарацъ. — Какъ ни разрушенъ «градъ» Марка-Кралевича, онъ, очевидно, былъ болѣе обширнымъ сооруженіемъ, чѣмъ простая сторожевая башня или албанская кула. Онъ напоминаетъ не гнѣздо разбойничьяго атамана, а резиденцію феодальнаго властителя—и, въ такомъ случаѣ, относится къ эпохѣ, когда въ Турціи возможны еще были полу-независимые славянскіе владѣльцы, какимъ былъ и Марко-Кралевичъ.

Г-жа Мэккензи посвящаетъ цѣлую главу характеристикѣ этого героя, въ личности котораго народная поэзія сербовъ и болгаръ олицетворила постепенный упадокъ національной свободы. Пропускаемъ этотъ историко-литературный эпизодъ, который отвлекъ бы насъ отъ разсказовъ о настоящемъ; скажемъ только, что англійская писательница показала въ этомъ очеркѣ много историческаго пониманія и поэтическаго чутья.

Упомянемъ здѣсь кстати, что одна изъ мѣстностей съ именемъ Марка-Кралевича лежитъ въ знаменитомъ отнынѣ Шипкинскомъ перевалѣ. Именно, немного сѣвернѣе самаго перевала, по спуску габровской дороги, стоитъ, еще съ уцѣлѣвшими развалинами, «Марко-кральски градъ»: по болгарскому преданію, Марко-Кралевичъ стерегъ здѣсь балканскій проходъ! [1]).

Отъ Монастира до Прилипа считается шесть часовъ пути,— по дикой и пыльной равнинѣ; на половинѣ дороги надо пересѣчь Черную рѣку, за которой греко-цинцарскій элементъ становится все слабѣе, а болгарскій беретъ верхъ и въ церкви, и въ школѣ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ Прилипа становятся видны отроги Бабунскаго хребта съ развалинами упомянутаго зáмка на вершинѣ. Въ Прилипѣ считается около 6,000—7,000 жителей; разъ въ году бываетъ здѣсь большая ярмарка, и потому Прилипъ — одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ южной Болгаріи. На ярмарку стекается большая масса окрестнаго населенія, которую, говорятъ, очень любопытно видѣть. Въ одномъ округѣ женщины замѣчательно рослы, сильны, бережливы и трудолюбивы. Имъ, кажется, не позволяютъ выходить замужъ раньше тридцати лѣтъ, по слѣдующимъ причинамъ: во-первыхъ, чтóбы родители, вскормившіе ихъ, могли быть за это вознаграждены ихъ трудомъ; во-вторыхъ, чтобы сами онѣ не были рано отягощены большой семьей. Подобный этому обычай господствуетъ и въ нѣкоторыхъ округахъ Сербіи: молодые мужчины женятся на

[1]) Kanitz, Donau-Bulgarien, II, стр. 102—103.

женщинахъ во всей force de l'âge. Этотъ обычай казался страннымъ англійской путешественницѣ и, вѣроятно, не совсѣмъ пріятнымъ для женщины, такъ какъ основанъ былъ на желаніи получить съ нея сколько можно больше работы; но мужчины оправдывали обычай его результатами и говорили, что домашній комфортъ, общественная нравственность и прекрасное физическое развитіе преобладаютъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ держатся этого обычая. Въ городахъ, у сербовъ и болгаръ, женщины слѣдуютъ восточному обычаю—рано выходить замужъ и рано увядать.

По рекомендаціи монастирскаго консула, путешественницы помѣстились въ Прилипѣ очень удобно въ домѣ богатаго болгарскаго купца; имъ дали двѣ комнаты, хорошо убранныя коврами, диванами и подушками; опрятность была такова, что г-жа Мэккензи сочла нужнымъ упомянуть, что онѣ могли расположиться спать на диванахъ, не прибѣгая къ своей складной желѣзной кровати. Купецъ велъ торговлю табакомъ, который въ изобиліи растетъ на прилипской равнинѣ, и одинъ изъ братьевъ имѣетъ дѣла съ Вѣной. Къ сожалѣнію, его не было тогда дома; его вѣнскія наклонности обнаруживались часами съ музыкой, которые били каждую четверть часа; этотъ артикль находился какъ разъ въ спальнѣ путешественницъ и хозяева, замѣтивши вѣроятно, что это произведеніе вѣнскаго искусства не давало спать пріѣзжимъ ихъ посѣтителямъ, къ ночи остановили ихъ.

Семья состояла изъ пяти братьевъ, которые жили вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и ѣли за однимъ столомъ; двери дома открывались во дворъ, окруженный высокой стѣной. «Эти семейныя общины или «задруги», — замѣчаетъ г-жа Мэккензи, — распространены во всей Болгаріи, и безъ сомнѣнія служили къ тому, чтобы защищать христіанъ отъ беззаконнаго правленія турокъ. Кромѣ того, что задруга обезпечивала каждому хозяйству присутствіе большого числа мужчинъ, для защиты женщинъ, она обезпечиваетъ также вдовамъ и сиротамъ содержаніе среди ихъ собственныхъ родныхъ. Гдѣ обработывается земля, тамъ семья, живущая въ задругѣ, можетъ обойтись безъ найма чужихъ работниковъ, а молодые люди получаютъ возможность обучиться работамъ, не уходя на заработки къ чужимъ людямъ. Кромѣ того, семья избавляется отъ всякихъ шпіоновъ; старыя связи, воспоминанія и обычаи могутъ держаться крѣпко, и чужія нововведенія не находятъ почвы. А главное, естественныя привязанности находятъ свое должное удовлетвореніе; молодыя женщины предохраняются отъ соблазна, и молодые люди имѣютъ удобный и порядочный домашній пріютъ. Если болгары сохранили вмѣстѣ и

свою національность и чистоту нравовъ, живя подъ игомъ иноземцевъ и часто рядомъ съ людьми самыми испорченными, то этимъ они обязаны своей общинно-семейной жизни».

Но г-жа Мэккензи ясно видитъ, что если эти семейныя общины должны были главнымъ образомъ защищать и сохранять, онѣ становятся не нужны, когда опасность прошла; онѣ не могутъ сохраниться при болѣе подвижныхъ отношеніяхъ и личной предпріимчивости новѣйшаго общества.

Въ Прилипѣ есть христіанскія школы, одна — цинцарскихъ купцовъ, которые предпочитаютъ учить своихъ дѣтей по-гречески, двѣ—болгарскія, считающія вмѣстѣ до 400 учениковъ и управляемыя самими болгарами. Болгарскія книги приходятъ изъ разныхъ мѣстъ—изъ Филиппополя, Пешта, Вѣны, Бѣлграда; нѣкоторыя переведены съ сербскихъ учебниковъ, другія съ американскихъ. Главный учитель былъ сербъ; ученики прекрасно писали, умѣли, кажется, пользоваться картой; учитель говорилъ нашимъ путешественницамъ, что ученики читаютъ по-сербски такъ же хорошо, какъ по-болгарски. (Это послѣднее замѣчаніе могло имѣть ту подкладку, что у сербовъ есть желаніе увѣрить болгаръ, что имъ легко и слѣдуетъ принять сербскій языкъ какъ литературный). Путешественницы не увидѣли въ школѣ обычной картины (или иконы?) съ изображеніемъ Кирилла и Меѳодія, но оказалось, что ученики хорошо знали исторію національныхъ апостоловъ, и хорошо понимали ея смыслъ, потому что съ памятью переводчиковъ славянской библіи соединяли имя прилипскаго патріота, которому всего больше ихъ школа обязана своимъ существованіемъ.

«Прилипъ былъ однимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ греческое духовенство производило сожиганіе славянскихъ книгъ; мы думали поэтому, что подарокъ книгами можетъ быть принятъ, и дали нѣсколько книгъ нашимъ хозяевамъ, школьному учителю и лучшимъ ученикамъ. Очень желали имѣть исторію Сербіи, и едва мы вернулись домой, какъ пришелъ къ намъ болгарскій священникъ и попросилъ насъ дать и ему книгу. Мы просили его принять Новый Завѣтъ, и онъ, увидѣвъ, что книга была на обыкновенномъ народномъ языкѣ, тотчасъ принялся его громко читать. Другой любитель менѣе возвышеннаго рода литературы нашелся въ маленькомъ племянникѣ нашего хозяина, который открылъ одну изъ нашихъ азбукъ и началъ читать въ ней назидательное описаніе «Домашней Кошки». Маленькія дѣвочки собрались и усердно его слушали; тогда мы взяли книгу и дали одной изъ нихъ, сказавши мальчику, что онъ будетъ получать книгу, когда предложитъ сестрамъ читать

имъ изъ нея. Мать, услышавъ это, позвала другихъ женщинъ, и всѣ онѣ сердечно благодарили насъ за то, что мы говорили мужчинамъ, что и женщины должны учиться изъ книгъ. Хозяева дома, получивши этотъ вызовъ, объявили, что они желали устроить женскую школу, что у нихъ есть для нея мѣсто и деньги, но что они не знаютъ, какъ добыть учительницу».

Разговоръ о книгахъ повелъ къ нѣкоторому сближенію; но хозяева все-таки оставались нѣсколько сдержанны, что г-жа Мэкензи объясняла тѣмъ, что рекомендація въ этотъ домъ шла не отъ кого-нибудь изъ болгарскихъ соотечественниковъ. Путешественницы особенно жалѣли, что и здѣсь онѣ не услышали легендъ о Маркѣ-Кралевичѣ, которыхъ такъ доискивались.

Отъ Прилипа до слѣдующаго болгарскаго города, Вѐлесы, считается отъ одиннадцати до двѣнадцати часовъ пути; этого нельзя было сдѣлать въ одинъ день, и путницы рѣшили, выѣхавъ послѣ обѣда, переночевать въ Визиръ-ханѣ, у подножія Бабунскаго прохода. Этотъ проходъ начинается часахъ въ двухъ отъ Прилипа, и ихъ предупреждали, что, вступивъ въ горы, нельзя будетъ ѣхать въ экипажѣ: поэтому онѣ уже изъ города отправились верхомъ. Но на равнинѣ жаръ былъ невыносимъ, а въ оврагѣ, куда онѣ должны были спуститься, началась такая свѣжесть, что онѣ стали бояться, какъ бы не возвратилась лихорадка. «Право не знаешь, въ какое время года путешествовать по Болгаріи (въ этой ея части). Зимой, на равнинахъ страшный холодъ, лѣтомъ—страшный жаръ; весной,—дороги непроходимы, а въ горныхъ странахъ разливаются потоки; наконецъ, осень — нездоровое время года, когда множество мѣстъ дѣлается почти необитаемымъ отъ лихорадокъ».

Въ Бабунскихъ горахъ, мимо которыхъ идетъ въ началѣ дорога отъ Прилипа, путешественницы видѣли небольшія развалины: имъ сказали, что это остатки «кулъ», въ которыхъ еще недавно держались гайдуки; теперь онѣ разрушены. «Вмѣсто гайдуковъ, ихъ ближайшіе родственники, заптіи, держатъ кулу на высшемъ пунктѣ Бабунскаго прохода; здѣсь останавливаются отдохнуть, взобравшись по скверной турецкой дорогѣ съ одной стороны ущелья, чтобы спуститься по скверной турецкой дорогѣ съ другой стороны». Дорога была очень опасная, но мѣстность очень живописна. На другой день путешественницы оказались «жертвой болгарскихъ понятій о гостепріимствѣ». Оказалось, что болгаринъ, къ которому онѣ были рекомендованы въ Вѐлесѣ, выѣхалъ къ нимъ на встрѣчу за нѣсколько часовъ впередъ; ѣхать въ экипажѣ было почти невозможно, и хотя онѣ просили ввести

ихъ въ домъ съ той стороны, гдѣ къ нему удобно было подъѣхать, хозяинъ безъ милосердія подвезъ ихъ по крутой улицѣ къ парадному фасаду своего дома.

Вѐлеса стоитъ на высокихъ и крутыхъ берегахъ Вардара, который здѣсь представляетъ уже значительную рѣку, и торговцы деревомъ спускаютъ отсюда плоты къ Эгейскому морю. Городъ, довольно богатый, населенъ главнымъ образомъ болгарами; изъ 4000 домовъ только одна тысяча дѣлится между турками и цинцарами. При этомъ положеніи, болгары Вѐлесы долго послѣ турецкаго завоеванія въ состояніи были сберечь извѣстную долю національной образованности. Въ одномъ изъ здѣшнихъ монастырей, какъ говорятъ, былъ сбереженъ запасъ цѣнныхъ рукописей; нѣсколько времени здѣсь, кажется, существовала болгарская типографія. «Все это,—замѣчаетъ г-жа Мэккензи, — даетъ новыя доказательства факта, который постоянно открывается путешественнику при ближайшемъ знакомствѣ съ христіанами европейской Турціи, именно, что болѣе старыя времена турецкаго угнетенія не были во всѣхъ отношеніяхъ худшія, и что для болгаръ самыя жестокія испытанія происходили въ послѣднія девяносто лѣтъ. До конца прошлаго столѣтія славянскіе патріархаты (болгарскій и сербскій) еще не были уничтожены, и пока они сохранялись, условія, на которыхъ славянскіе христіане разстались съ своей національной свободой, кажется, не были совсѣмъ пренебрежены».

«Книги, сохраненныя въ Вѐлесѣ, — продолжаетъ г-жа Мэккензи,—избѣжали истребленія въ теченіи болѣе 400 лѣтъ оттоманскаго господства; но именно *христіанскій* посредникъ турокъ, греческій епископъ, велѣлъ устроить тотъ потѣшный огонь, который истребилъ эти книги на торговой площади; и говорятъ, это было только тридцать лѣтъ тому назадъ. Поэтому, до тѣхъ поръ, пока Порта будетъ продолжать отказывать болгарскимъ общинамъ въ народномъ духовенствѣ и навязывать имъ чужое, ея славянскіе подданные не могутъ не думать, что она намѣрена еще больше попрать ихъ права, чѣмъ было въ первую эпоху турецкаго правленія».

Это сказано было десять лѣтъ тому назадъ, въ англійской книгѣ. Странно сказать, что въ русской литературѣ находились союзники грековъ во взглядѣ на вопросъ національной болгарской церкви.

Городъ Вѐлеса—одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ было въ особенности сильно болгарское церковное движеніе. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ оно дошло до такой степени, что могло грозить

серьёзными волненіями: по разсказу жителей, «власти видѣли, что болгаръ никогда нельзя передѣлать въ грековъ и что они никогда не сойдутся съ греками; поэтому мы просили нѣкоторыхъ изъ консуловъ вступиться за наше дѣло, чтобы сохранить спокойствіе въ странѣ. Съ тѣхъ поръ намъ предоставили совершать церковную службу на нашемъ языкѣ и устроить свои собственныя школы». Велесскіе болгары были упорны и смѣлы; когда довѣренный греческаго епископа (deputy; викарій?), ѣздившій собирать доходы, прибылъ въ Вѐлесу, онъ началъ въ церкви службу и сталъ читать по-гречески. Народъ тотчасъ остановилъ его и велѣлъ ему читать по-славянски. Тотъ возразилъ, что не знаетъ этого языка. «Такъ у насъ есть, кто знаетъ», и затѣмъ служба была совершена по-славянски. Притомъ жители Вѐлесы очень заботятся объ образованіи, и изъ ихъ среды вышелъ Хаджи Трайко, составившій себѣ почетную извѣстность своими трудами въ этомъ дѣлѣ.

Жители Вѐлесы, ведущіе торговлю на югѣ, знають по-гречески, также какъ на Дунаѣ болгары выучиваются по-нѣмецки; тотъ болгаринъ, у котораго остановились наши путешественницы, бѣгло говорилъ по-гречески, но въ его семействѣ не понимали по-гречески ни слова. «Европейскіе путешественники, не знающіе по-славянски или даже знающіе отчасти, — замѣчаетъ г-жа Мэккензи, — часто обманываются относительно распространенія турецкаго или греческаго языка внутри европейской Турціи, — такъ какъ въ славянскихъ городахъ они часто останавливаются именно у тѣхъ немногихъ горожанъ, которые знакомы съ однимъ изъ этихъ языковъ».

«Домъ, въ которомъ мы жили въ Вѐлесѣ, — разсказываетъ дальше г-жа Мэккензи, — былъ домъ богатаго купца. Онъ былъ меблированъ въ европейскомъ стилѣ, и хозяинъ носилъ родъ франкскаго платья, очень обыкновеннаго въ турецкихъ городахъ, т.-е. широкіе бѣлые штаны, черный сюртукъ и небольшую красную феску. Онъ довольно обращался въ свѣтѣ и успѣлъ снять кору съ того основательнаго и тонкаго ума, который отличаетъ болгарскій характеръ и который ждетъ только осуществленія честныхъ стремленій, чтобы развиться въ такой же крѣпкій и практическій народный характеръ, какой только есть на югѣ отъ скалъ Дувра. Но до тѣхъ поръ, пока болгары живутъ подъ восточнымъ деспотизмомъ, они едва ли освободятся отъ своихъ нынѣшнихъ недостатковъ — недружелюбной робости и недостатка открытости».

Наши путешественницы имѣли письма къ мѣстнымъ выдаю-

щимся лицамъ Вѣлесы, и въ разговорахъ съ ними нашли подтвержденіе своимъ прежнимъ свѣдѣніямъ о положеніи края. Магометане и здѣсь часто убиваютъ христіанъ, чтобы избавиться отъ уплаты долговъ или устранить мѣшающихъ имъ людей; разбой на дорогахъ — обыкновенное дѣло. Угнетеніе христіанъ не можетъ кончиться, пока турецкіе губернаторы не будутъ строго наказывать мусульманъ; но этого не можетъ быть, такъ какъ самый интересъ турецкаго правленія требуетъ поддержанія этого безправія. И здѣсь слышались тѣ же жалобы на собираніе податей: оно было крайне тяжело, когда поселяне платили натурой, но стало еще невыносимѣе, когда налогъ собираютъ деньгами, а поселянинъ не имѣетъ возможности вывезти свои произведенія на рынокъ. Правительству нужны деньги, и подать, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, собирается и съ мусульманъ; и такъ какъ послѣдніе лѣнивы, то многіе изъ нихъ совсѣмъ разорены и землевладѣльцы стараются продать свои «чифлики» (помѣстья), — но стараются напрасно, отчасти потому, что богатыхъ людей мало, отчасти потому, что христіане, купивши и улучшивъ имѣнья, рискуютъ, что имѣнья будутъ опять у нихъ отобраны. Это — то же положеніе вещей, какое путешественницы видѣли въ Босніи.

Путешественницы не могли посѣтить болгарскихъ школъ въ Вѣлесѣ: середи дня стояли страшные жары, отъ котораго онѣ «таяли»; вечеромъ классовъ не было. Но о состояніи умственныхъ интересовъ онѣ могли судить по другому обстоятельству. Ихъ переводчикъ получилъ отъ салоникскаго миссіонера запасъ болгарскихъ книгъ и объявилъ, что открываетъ ихъ продажу. Тотчасъ къ нему явились толпами покупщики, и въ особенности бросились на Ветхій Завѣтъ — нѣсколько книгъ его, уже переведенныхъ на новый болгарскій языкъ, были сплетены вмѣстѣ въ томы, стоившіе полъ-крону ($2^1/_2$ шиллинга). Весь запасъ (взятый вѣроятно на всю дорогу по Болгаріи) былъ проданъ въ Вѣлесѣ, и священникъ просто разсердился на путешественницъ, что онѣ не привезли больше. Нѣкоторые изъ стариковъ медленно пересчитывали число пророческихъ книгъ и нѣсколько подозрительно спрашивали, почему здѣсь нѣтъ *полнаго* Ветхаго Завѣта. Нужно было объяснять имъ, въ чемъ дѣло, и что здѣсь вовсе не было намѣренія пропустить которыя-нибудь книги.

Въ Прилипѣ, гдѣ преданія о Маркѣ-Кралевичѣ связываютъ городъ съ исторіей Сербіи, школьный учитель былъ изъ Сербіи и большой интересъ возбуждали сербскія исторіи. Въ Вѣлесѣ историческая почва чисто болгарская, и здѣсь не спрашивали сербскихъ исторій и народныхъ пѣсенъ, а только религіозныхъ

книгъ. По этому поводу г-жа Мэккензи дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе о болгарскомъ литературномъ языкѣ. «Болгарскій способъ обработки своего языка необходимо (?) отличается отъ сербскаго. Книжный языкъ, употребительный теперь въ Сербіи, взятъ изъ устъ горцевъ и пастуховъ; основной его словарь есть словарь народныхъ пѣсенъ, и его произношеніе взято у воинственныхъ пѣвцовъ Герцеговины и Черногоріи. У болгаръ, напротивъ, языкъ простого народа выродился въ испорченное, ужасное нарѣчіе (a corrupt and frightful patois), полное иностранныхъ словъ, греческихъ, турецкихъ и смѣшанныхъ съ ними, съ торопливымъ произношеніемъ и особеннымъ акцентомъ. Словомъ, если что̀ можетъ извинить грековъ, что они не могутъ понять нежеланія болгаръ разстаться съ своимъ роднымъ языкомъ, это извиненіе доставляется ухомъ, когда слышишь болгарскій языкъ послѣ греческаго. Съ другой стороны, болгары считаютъ славянскій языкъ Кирилла и Меѳодія за свой собственный древній языкъ, и наклонны воспользоваться имъ (какъ аѳинскіе греки пользуются древнимъ греческимъ), какъ образцомъ, по которому могли бы сформировать свой новый языкъ. Если бы они когда-нибудь успѣли воскресить этотъ знаменитый древній языкъ, съ его могущественными звуками и богатой глубиной выраженія, они оказали бы чрезвычайную услугу всему славянскому міру, и ихъ національная жизнь нашла бы свое выраженіе въ одномъ изъ благороднѣйшихъ о̀ргановъ человѣческой рѣчи».

Отзывъ очень любопытенъ въ устахъ европейской писательницы. Издатель одного болгарскаго журнала старался сдѣлать его равно возможнымъ для чтенія сербамъ, хорватамъ и болгарамъ; практически онъ успѣлъ въ этомъ и говорилъ нашимъ путешественницамъ, что старо-славянскій языкъ доставилъ ему слова и формы, понятныя всѣмъ южнымъ славянамъ. По мнѣнію г-жи Мэккензи, послѣ болгарскаго нарѣчія, сербскій языкъ, какимъ говоритъ смѣшанное населеніе Бѣлграда, можетъ считаться наименѣе музыкальнымъ и облагороженнымъ изъ всѣхъ южно-славянскихъ діалектовъ; но чистый сербскій, какимъ говорятъ въ Черногоріи, есть самый пріятный для уха по своей ясности и гармоніи.

Въ числѣ книгъ, проданныхъ въ Вѐлесѣ, ново-болгарскій переводъ Ветхаго Завѣта сдѣланъ былъ трудами американца, д-ра Риггса (Riggs); переводъ Новаго Завѣта предпринятъ былъ для протестантскаго общества Іоанномъ Неофитомъ, настоятелемъ Рыльскаго монастыря, находящагося въ четырехъ дняхъ пути отъ Вѐлесы на сѣверо-востокъ, въ Родопскихъ горахъ.

Путешественницы не осмотрѣли въ Вѣлесѣ и небольшого болгарскаго монастыря; взамѣнъ этого, онѣ разсказываютъ о посѣщеніи ими знаменитаго Рыльскаго монастыря, самаго большого и замѣчательнаго изъ всѣхъ болгарскихъ монастырей и гдѣ національный элементъ всего успѣшнѣе удержалъ свою почву. Онѣ посѣтили монастырь во время своего перваго путешествія, за годъ передъ тѣмъ (въ августѣ 1862) и съ другой стороны — по пути изъ Константинополя въ Бѣлградъ.

До открытія желѣзной дороги изъ Константинополя къ Филиппополю и Софіи, путешественникъ долженъ былъ много скучныхъ дней ѣхать по знойной и заражающей лихорадкою ѳракійской долинѣ, и, только приближаясь къ Филиппополю, онъ могъ замѣтить на западѣ границу Родопа, а на сѣверѣ—далекій хребетъ Балканъ. День спустя онъ достигалъ холмовъ, и если держался почтовой дороги, то переѣзжалъ Балканы самымъ западнымъ и самымъ знаменитымъ проходомъ, Капу-Дербентъ, или Воротами Траяна. Г-жи Мэккензи и Ирби, ѣхавшія этой дорогой изъ Константинополя, не хотѣли пропустить Рыльскій монастырь, лежащій въ ущельѣ, при подножіи Рыльской горы, высшаго пункта Родопскихъ горъ, — поэтому онѣ направились влѣво, въ холмы, прошли черезъ проходъ Кисъ-Дербентъ, между Родопомъ и Балканами, и сдѣлали первую станцію на минеральныхъ водахъ Баньи, вторую въ небольшомъ городѣ Самаковѣ. Это былъ первый городъ на западъ отъ Константинополя, гдѣ путешественницы увидѣли, что греческаго языка даже не понимаютъ, не только не говорятъ на немъ, «и однако это не дѣлало жителей варварами», замѣчаетъ г-жа Мэккензи, имѣя въ виду претензію турецкихъ грековъ, что только съ принятія ихъ языка (и нравовъ?) болгарами начинается для послѣднихъ цивилизація. Напротивъ, здѣсь были двѣ хорошенькихъ школы—для мальчиковъ и дѣвочекъ. Надпись надъ дверьми гласила, что школы были построены старшинами общины безъ малѣйшаго пособія отъ кого бы то ни было — разумѣлось: безъ пособія бывшаго греческаго епископа и турецкаго правительства. Другимъ интереснымъ предметомъ въ Самаковѣ былъ женскій монастырь. Едва путешественницы расположились въ своей квартирѣ у одного изъ богатыхъ болгаръ, какъ вошла въ комнату молодая миловидная женщина, одѣтая въ черное. Къ удивленію ихъ, она заговорила по-нѣмецки и объяснила, что она—австрійская славянка, и пріѣхала сюда изъ Вѣны съ матерью, которая служила у нѣмца-доктора; по смерти матери, старикъ докторъ посовѣтовалъ ей искать себѣ пріюта, поступивши въ монахини. Самаков-

ская община признавала своей духовной властью игумена (или архимандрита? abbot) Рыльскаго монастыря. Женскій монастырь въ Самаковѣ состоялъ изъ нѣкотораго числа пожилыхъ женщинъ; онѣ живутъ тѣмъ, что прядутъ и ткутъ; изъ своихъ заработковъ онѣ построили себѣ маленькую церковь; онѣ не ищутъ посторонней помощи и гордятся тѣмъ, что ни отъ кого ея не получаютъ. Святость жизни получается, по ихъ мнѣнію, пятью дѣлами: трудолюбіемъ, послушаніемъ, воздержаніемъ отъ мясной пищи, ношеніемъ черной одежды и странствіемъ въ Іерусалимъ. Это странствіе въ Іерусалимъ есть событіе въ каждой тихой жизни и доставляетъ ей искупающую приправу ожиданія, воспоминаній, приключеній, поэзіи. У нихъ нѣтъ общаго имущества; однѣ богаче, другія бѣднѣе; нѣкоторымъ помогаютъ родные въ средствахъ на путешествіе, другія дѣлаютъ его на свои сбереженія. Когда средства соберутся, двѣ пускаются въ путь, и примыкаютъ гдѣ-нибудь къ партіи паломниковъ, какія постоянно идутъ изъ Болгаріи въ Іерусалимъ. Онѣ переплываютъ моремъ въ Яффу, идутъ потомъ въ святой городъ и получаютъ мѣсто въ монастырѣ, гдѣ могутъ оставаться цѣлый годъ, чтобы видѣть всѣ церковные праздники. Возвращаясь домой, онѣ приносятъ съ собой священную картину, «удивительное соединеніе краснаго съ золотомъ», гдѣ изображены всѣ святыя мѣста, всѣ святыя лица,— «и чортъ, съ рогами и хвостомъ — чтó не лишнее, чтобъ его можно было узнать между такимъ количествомъ ужасныхъ фигуръ».

«...Мы вошли въ ворота монастыря, — разсказываетъ г-жа Мэккензи,—и очутились на чистомъ и сухомъ дворѣ передъ красивой маленькой церковью. За ней находятся садики монахинь съ их небольшими жилищами, состоящими изъ двухъ комнатъ, крошечной кухни и пріемной съ диванами по стѣнамъ. Здѣсь мы сдѣлали рядъ вопросовъ, сначала къ игуменьѣ общины, затѣмъ къ очень старой и святой матери, владѣющей великолѣпною картиной Іерусалима и любимой молодыми монахинями за безконечныя исторіи объ ея приключеніяхъ на пути; наконецъ, къ спеціальной матери нашей руководительницы, которая велѣла своей дорогой дочери показать намъ разныя маленькія сокровища и вынести свою лучшую воскресную мантію. Затѣмъ пришла вечерня, на которой мы присутствовали, и въ полу-мракѣ церкви молодая монахиня шептала намъ, съ сверкающими глазами, что сестры молились за успѣхъ храбрыхъ черногорцевъ и чтобъ Богъ далъ всѣмъ христіанамъ мужество и единодушіе. «Правда ли,— спрашивала она,—что великія христіанскія государства оставили

эту небольшую толпу сражаться одну? О здѣшнемъ народѣ я ничего не говорю; они заслуживаютъ того, что̀ выносятъ, потому что у нихъ нѣтъ мужского сердца. Но черногорцы — воины креста. Ни одинъ народъ въ христіанствѣ не бился съ невѣрными, какъ они».

Изъ Самакова путешественницы двинулись въ путь съ цѣлымъ вооруженнымъ конвоемъ — ихъ провожало восемь могаметданскихъ заптіевъ, драгоманъ и одинъ іоніецъ, данный имъ англійскимъ консуломъ, чтобы на крайній случай онъ могъ доставить имъ защиту христіанскаго оружія, если бы въ горахъ напали на нихъ братцы ихъ мусульманскихъ стражей. Дамы добыли себѣ превосходныхъ турецкихъ лошадей и не могутъ нахвалиться ихъ достоинствами. Время стояло прекрасное, и пока путь лежалъ по равнинѣ, это была пріятная прогулка; но пріятности кончились, какъ скоро онѣ вступили въ ущелье, гдѣ надо было ѣхать по краю горнаго потока безъ всякой дороги. На вершинѣ ущелья былъ сдѣланъ отдыхъ; провожатые показали имъ могилы убитыхъ здѣсь разбойниковъ: до недавняго времени это было самое опасное мѣсто; но теперь, увѣряли ихъ, когда разбойники истреблены, лѣто пройдетъ спокойнѣе. Спускъ на другую сторону ущелья былъ еще непроходимѣе; но камни рѣзали ноги, и дамы остались на лошадяхъ «гораздо долѣе, чѣмъ было безопасно». Дикая мѣстность съ сѣрыми камнями и величественными елями была такъ красива, что, по словамъ г-жи Мэккензи, художнику стоило бы нарочно пріѣхать сюда изъ Англіи, лишь бы увезти въ своемъ портфелѣ этотъ горный пейзажъ. При новомъ подъемѣ прежде всего открылся видъ на буковые лѣса, выходившіе на зеленую долину, въ концѣ которой шла черта сѣрой стѣны. «Здѣсь, — сказали провожатые, — граница земли, уступленной старыми султанами великому Рыльскому монастырю». Едва поѣздъ переступилъ границу, путешественниковъ встрѣтила монастырская стража, одѣтая въ бѣлыя полотняныя туники съ краснымъ кушакомъ, подъ начальствомъ человѣка въ албанскомъ костюмѣ, который, впрочемъ, назвалъ себя сербомъ, разумѣя вѣроятно, что онъ православный. Эта группа вооруженныхъ людей, конныхъ и пѣшихъ, въ яркихъ костюмахъ и съ блестящимъ оружіемъ, придала колоритъ темному долгому лѣсу. Ниже, проходъ черезъ узкую долину съ каждымъ шагомъ дѣлался прекраснѣе, и тѣмъ замѣчательнѣе, что обыкновенно, между сѣверомъ Албаніи и Дунаемъ, горный ландшафтъ бываетъ скорѣе дикъ, нежели живописенъ. Амфитеатры холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, зелень котораго отъ смѣшенія бука и дуба съ

елью получаеть синеватый оттѣнокъ; нѣсколько рѣзкихъ возвышеній, нѣсколько скалистыхъ пропастей—таковъ характеръ этой «планины», какъ называютъ сербы и болгары лѣсистыя горы. Отдѣльные пейзажи чрезвычайно милы, и въ числѣ ихъ—Рыльское ущелье. Обрывы холмовъ имѣютъ самыя фантастическія формы, лѣсная масса разбивается на группы и кусты, съ лужайками, окаймляя потокъ, пробѣгающій по долинѣ. Съ одной стороны его, направо, находится обширное зданіе, которое путешественницы приняли-было за самый монастырь, но это оказался домъ для богомольцевъ, которые въ извѣстные дни собираются здѣсь въ большомъ числѣ. До монастыря нужно проѣхать всю длину долины. Горы сходятся все ближе и ближе, и наконецъ въ углу между ними поднимаются суровыя башни и куполы. За воротами, величественнымъ рядомъ стоятъ монахи въ длинныхъ мантіяхъ, съ длинными покрывалами, съ длинными бородами, и важно привѣтствуютъ и приглашаютъ войти. Когда путешественницы вошли подъ ворота, зазвонили колокола—христіанскіе колокола, запрещенные вездѣ въ другихъ мѣстахъ Турціи.

«Мы были до того утомлены нашимъ карабканьемъ по горамъ въ теченіи цѣлаго долгаго дня,—разсказываетъ г-жа Мэккензи,—что, проходя черезъ дворъ и по галлереямъ монастыря, получили только общее впечатлѣніе мира и красоты. Насъ привели въ комнату, выкрашенную въ яркія цвѣта и снабженную хорошими низкими диванами и коврами. Здѣсь мы остались и получили свой ужинъ—столько цыплятъ, плодовъ и сластей, сколько могъ бы пожелать самый голодный человѣкъ, кромѣ рису, сливокъ и огромнаго стекляннаго кувшина превосходнаго вина. Мы нашли также небольшой шкапчикъ въ стѣнѣ, гдѣ поставлена была бутылка вина и сласти въ запасъ, кромѣ того. Но эту ночь мы хотѣли только спать.

«На слѣдующее утро мы были приглашены на свиданіе съ игуменомъ въ его пріемной залѣ, и нашли его съ двумя или тремя почтенными монахами, одного изъ которыхъ, съ длинной бѣлой бородой, мы наканунѣ приняли-было за игумена. Настоящій игуменъ былъ немного старѣе среднихъ лѣтъ, небольшого роста, худощавый, съ тонкимъ, умнымъ выраженіемъ лица, необычнымъ между болгарами, которые вообще—рослые и тяжеловѣсные люди, съ выраженіемъ скорѣе благоразумія, нежели тонкаго ума. Но Іоаннъ Неофитъ человѣкъ не обыкновенный. Имя его стоитъ на заглавномъ мѣстѣ ново-болгарскаго Новаго Завѣта, и его знаніе своего языка, древняго и нынѣшняго, вмѣстѣ съ ревностью

образовать свой народъ и приносить ему пользу, побудили его согласиться на предложеніе одного протестантскаго общества взять на себя этотъ переводъ. Въ монастырѣ у него есть запасъ священныхъ книгъ, и увидѣвъ, что мы имѣли съ собой нѣсколько книгъ, онъ убѣждалъ насъ употребить свое путешествіе для распространенія ихъ въ народѣ. Онъ говорилъ намъ, что американскіе миссіонеры въ Константинополѣ, которые переводятъ священное писаніе, ведутъ съ нимъ переписку и что двое изъ нихъ въ нынѣшнемъ году посѣтили его. Затѣмъ намъ показали любопытные древніе документы, относящіеся къ старой исторіи монастыря. Надпись на башнѣ во дворѣ указываетъ, что онъ существовалъ при могущественномъ царѣ Стефанѣ Душанѣ, который соединилъ Сербію и Болгарію въ одно царство. Но древнѣйшій хрисовулъ (грамота) относится къ концу четырнадцатаго столѣтія, и данъ лицомъ, которое называетъ себя «Іоаннъ Шишманъ, благочестивый царь и самодержецъ всѣхъ болгаръ и грековъ», т.-е. грековъ въ Болгаріи.

«Слѣдующіе документы—турецкіе фирманы, какіе могли купить у первыхъ султановъ болѣе богатые монастыри. Рыльскій монастырь, въ силу своихъ привилегій, не подчиненъ никакому епископу (какъ наше Вестминстерское аббатство), и могъ поэтому удержать свой исключительно болгарскій характеръ. Въ немъ считается 150 монаховъ, и каждый имѣетъ своего послушника, который дѣлается его наслѣдникомъ. Всего монастырскій персоналъ заключаетъ до 400 человѣкъ. Женщины не принимаются въ монастырѣ, и говорятъ даже, что ни одна женщина не можетъ жить на монастырской землѣ. Это, впрочемъ, не простирается на посѣтительницъ и на родственницъ богомольцевъ. Доходы монастыря основаны отчасти на горныхъ пастбищахъ, отчасти на приношеніяхъ богомольцевъ. Съ прошлаго столѣтія онъ пользовался щедростью сѣверныхъ единовѣрцевъ, и монахамъ разрѣшено было собирать деньги на свою новую церковь, странствуя за пособіями по Россіи, Сербіи, Австріи и пр.

«Знакомство игумена съ исторіей своего отечества и настоящими нуждами своихъ земляковъ, его заслуги въ дѣлѣ перевода св. писанія—все это поразило насъ какъ странное противорѣчіе тому, что мы слышали въ Константинополѣ: что греческій патріархъ не назначаетъ туземныхъ епископовъ въ болгарскія епархіи будто бы потому, что между ними нѣтъ достаточно обученныхъ людей. Мы слышали потомъ, что игуменъ Неофитъ былъ указанъ своими соотечественниками, требовавшими его назначенія въ епископы, но что со стороны ревнивыхъ фанаріотовъ единствен-

нымъ результатомъ этого признанія его талантовъ было—удалить его въ эту уединенную обитель Балканъ[1]). Теперь въ монастырѣ у него есть литографическій аппаратъ, и онъ говоритъ объ устройствѣ типографіи. Хотя, на глазахъ у недовѣрчивыхъ духовныхъ властей, свѣтъ должно старательно скрывать, но не можетъ быть сомнѣнія, что подъ вліяніемъ такого игумена молодые воспитанники Рыльскаго монастыря выйдутъ на свои странствія для собиранія пособій способными и сѣять и пожинать.

«Одно замѣчаніе игумена въ особенности поразило насъ. Мы сказали ему, что первый славянскій монастырь, видѣнный нами, былъ монастырь въ Цетиньѣ, въ Черногоріи. Его лицо нахмурилось, и черезъ минуту колебанія онъ сказалъ: «Говорятъ, что теперь этотъ монастырь сданъ мусульманамъ и сожженъ»[2]). Мы спросили его, гдѣ онъ читалъ объ этомъ? «Въ одной выпискѣ изъ «Journal de Constantinople». Только-то? воскликнули мы:— тогда не печальтесь; этотъ журналъ уже два или три раза сжегъ Цетинье и истребилъ все населеніе Черногоріи».

«Но,—спросилъ игуменъ,—думаете ли вы, что великія европейскія державы будутъ сидѣть спокойно и позволятъ сжечь этотъ монастырь?»—«Мы не думаемъ этого. Франція сдѣлаетъ все, что̀ можетъ, чтобъ спасти его».—«Франція, можетъ быть,—отвѣчалъ онъ:—но Англія?» Чувствуя себя истинно пристыженными, мы отвѣчали, что недостатокъ интереса, какой обнаруживаетъ Англія къ славянскимъ христіанамъ, происходилъ въ значительной мѣрѣ отъ ея незнанія относительно ихъ—что тамъ дѣйствительно никогда не слыхали объ ихъ имени.

«Я такъ и понималъ это», отвѣчалъ игуменъ. «Такъ говорили мнѣ американцы. Жалко, однако, что такая великая страна, дѣти которой такъ спокойно путешествуютъ куда угодно, и издаютъ что̀ угодно, остаются въ такомъ глубокомъ невѣжествѣ относительно *христіанъ* въ землѣ, гдѣ она находится въ такой тѣсной дружбѣ съ *турками*. Впрочемъ», прибавилъ онъ, перемѣняя тонъ, «что мнѣ за дѣло до этихъ вещей? Я живу здѣсь какъ мышь въ норѣ, и нашъ болгарскій народъ спокоенъ. Не хотите ли вы пройти по монастырю?»

По монастырю пройти сто̀итъ, но остановимся на минуту въ его открытой галлереѣ и полюбуемся на богатую массу лѣса, который поднимается тотчасъ за башнями во дворѣ. Гора служитъ монастырю и стѣной, и защитой отъ вѣтра.

---

[1]) Имя Балканъ въ Турціи употребляется не только для означенія собственныхъ Балканъ, но и вообще—горныхъ мѣстностей, какъ въ настоящемъ случаѣ.

[2]) Рѣчь идетъ въ 1862 году.

«Церковь во дворѣ—новая, а прежняя сгорѣла до основанія. Она была возстановлена въ 1839 на средства, большая доля которыхъ была доставлена приношеніями. Зданіе имѣетъ форму греческаго креста, съ куполами, и переходы его расписаны внутри и снаружи. Внутренность поддерживается колоннами и имѣетъ прекрасный иконостасъ изъ позолоченнаго дерева, сдѣланный цинцарскими рѣзчиками, которые исполняютъ всѣ такія работы въ Турціи. Намъ показали голову Христа, написанную уроженцемъ Самакова, который учился въ Москвѣ. Живопись показывала смягченный византійскій тонъ новѣйшей русской (иконописной) школы.

«Странные поклонники были въ храмѣ—пастухи съ Балканъ, говорящіе варварскимъ діалектомъ латинскаго языка и называющіе себя «римлянами» (румунами), тогда какъ живутъ дикарями. Эти люди пасутъ стада, и когда мужчины находятся въ отсутствіи, женщины защищаютъ хижины и подобно албанкамъ извѣстны своей мѣткой стрѣльбой. Ихъ дикій образъ жизни характеризовался ихъ замѣчаніями о насъ самихъ; потому что, увидѣвъ, что мы иностранки и насъ сопровождаетъ турецкая стража, они рѣшили, что мы пришли сюда не по своей доброй волѣ и, указывая на насъ, спрашивали: «изъ какой страны ихъ *украли?*».

«Не будь такихъ монастырей, какъ Рыльскій, эти пастухи были бы лишены всякой религіозной помощи, но здѣсь они собираются въ извѣстное время для исповѣди и совершенія таинствъ. Насколько эти люди получаютъ назиданія отъ службы на непонятномъ имъ языкѣ, быть можетъ, остается открытымъ вопросомъ, но мы были свидѣтелями того, какое поученіе могутъ въ подобныхъ случаяхъ доставлять священныя изображенія. На стѣнѣ церкви находится фреска, гдѣ изображается Рождество Спасителя. Старѣйшія изъ такихъ изображеній столь ужасны, что можно сказать по крайней мѣрѣ, что люди, поклоняющіеся имъ, *не* поклоняются «подобію чего бы то ни было на небесахъ или на землѣ»; но новѣйшія иконы болѣе похожи на жизнь, и упомянутая икона была настоящей восточной сценой. Одинъ изъ этихъ пастуховъ-богомольцевъ увидѣлъ ее и въ восторгѣ воскликнулъ: «смотри, вотъ Рождество Христа». Женщины окружили его, и онъ указалъ имъ Младенца, мать, звѣзду, пастуховъ, быка, осла, объясняя все это.

«Мы были потомъ на вечернемъ служеніи, въ одномъ мѣстѣ котораго монахи сняли свои клобуки и оставались нѣсколько времени съ непокрытой головой, и ихъ длинные волосы падали по плечамъ. Пѣніе было хорошо по голосамъ, но монотонно и въ

носъ. Намъ казалось, что оно нѣсколько отличается отъ того, какое мы слышали въ греческихъ церквахъ; но оно не улучшилось настолько какъ сербское, гдѣ западное вліяніе противодѣйствовало идеѣ, повидимому господствующей на Востокѣ, какъ въ Шотландіи, что пѣніе въ носъ нужно для священности музыки.

«Любопытнѣйшая часть Рыльскаго монастыря есть старая башня, заключающая въ себѣ первоначальную церковь. Времена, въ которыя была построена церковь, указываются ея положеніемъ — высоко въ стѣнѣ, безъ оконъ и другихъ отверстій, кромѣ окна надъ входной дверью, черезъ которое можно было бросать камни и лить кипящее масло на нападающихъ. Это не есть церковь св. Іоанна Рыльскаго, который жилъ и умеръ пустынникомъ, молясь въ пещерахъ и дуплахъ деревьевъ; это даже не мѣсто его погребенія, которое находится въ нѣкоторомъ разстояніи на горѣ. Какъ говорятъ, церковь была выстроена въ очень древнія времена для защиты монастыря отъ разбойниковъ, и впослѣдствіи была безъ сомнѣнія полезна въ худшіе дни мусульманскаго фанатизма, когда для монашеской жизни требовалось быть храбрымъ человѣкомъ. Внизу башни есть келья, въ которую сажаютъ сумасшедшихъ, и отсюда ихъ приводятъ въ церковь во время службы для изгнанія бѣсовъ. Монахъ спросилъ насъ, есть ли такіе люди въ нашей странѣ? Мы отвѣчали:—«да; но вмѣсто келій у насъ помѣщаютъ ихъ въ просторныхъ жилищахъ съ свѣжимъ воздухомъ, и вмѣсто священника ихъ возятъ къ доктору». «Чтó же, они выздоравливаютъ?»—«Иногда, но, къ сожалѣнію, не всегда».—«Странно», отвѣчалъ онъ: «у насъ совершенно также».

«Послѣднее мѣсто, которое надо было посѣтить въ монастырѣ, есть погребальная часовня, гдѣ мы увидѣли на алтарѣ множество череповъ. Намъ сказали, что положить здѣсь черепъ есть комплиментъ покойнику, за чтó его родственники охотно платятъ. Такимъ образомъ, здѣсь, какъ въ греческихъ областяхъ Турціи, мертвыхъ (обыкновенно черезъ годъ) вырываютъ изъ могилъ, чтобы по состоянію ихъ тѣлъ судить, находятся ли ихъ души на небѣ или въ аду [1]).

«Въ вознагражденіе за наше щедрое содержаніе въ монастырѣ намъ, на другой день, не было позволено оставить ничего, кромѣ пожертвованія, какъ говорилось, на церковь. Съ другой стороны, мы увозили съ собой нѣсколько оригинально вырѣзанныхъ деревянныхъ ложекъ, портретъ стараго царя Шишмана,

---

[1]) Первое въ томъ случаѣ, если тѣло разложилось и истлѣло; противное есть дурной признакъ.

взятый изъ современнаго документа, и самое новое жизнеописаніе св. Іоанна Рыльскаго, разсказывающее объ его странностяхъ, чудесахъ и погребеніи».

Читатель обратилъ конечно вниманіе на сходство болгарскаго монастыря съ нашими относительно пріема богомольцевъ посѣтителей.

III.

Скопія.—Качаникскій проходъ.—Албанскій городъ Качаникъ.—Косово Поле.—Грачаницкій монастырь — Приштина. — Старая Сербія.

Дорога въ Скопію или Скопле (Ускюбъ, по-турецки) шла по палящей равнинѣ, и путешественницы сочли нужнымъ взять экипажъ,—но ѣхать въ телѣгѣ на буйволахъ, по мѣстному обычаю, было слишкомъ медленно, и онѣ рѣшили взять предложенный имъ экипажъ, служившій для переѣздовъ гарема: это была деревянная коробка на жердяхъ, которая прилаживалась къ лошадямъ какъ носилки. Это называлось «тактараванъ», или въ такомъ родѣ. Путешествіе было крайне неудобно еще потому, что носилки были очень тѣсны.

Изъ окна своей клѣтки онѣ увидѣли мелькомъ деревню Таоръ, которая, по мнѣнію извѣстнаго путешественника Гана, есть древній Таурезіумъ, родина императора Юстиніана; затѣмъ онѣ прибыли въ Скопію, гдѣ комфортабельно помѣстились въ домѣ цинцарскаго купца. Устроившись на мѣстѣ, путешественницы достали свои книги, чтобы вычитать историческія воспоминанія объ Юстиніанѣ. Знаменитый императоръ, который, какъ теперь извѣстно, былъ родомъ славянинъ, помнилъ свою родину и построилъ вокругъ деревни четырехъ-угольную стѣну съ башнями, такъ называемый теграпиргонъ; построилъ или возобновилъ города этого округа и въ особенности Скопію, которая подъ именемъ «первой Юстиніаны» сдѣлалась столицей архіепископа иллирійскаго. Впослѣдствіи, царь болгарскій Самуилъ, основавши свою резиденцію въ Охридѣ, перенесъ туда и архіепископскій престолъ. Византійскій писатель Прокопій, видѣвшій первыя времена Скопіи, говоритъ, что трудно было бы описать церкви, великолѣпные дома, колоннады, площади и фонтаны этого города; онъ имѣлъ свой водопроводъ; благосостояніе города было такъ упрочено, что онъ долго былъ однимъ изъ красивѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ въ этой части имперіи. Отъ болгарскаго владычества онъ перешелъ потомъ подъ власть сербовъ,—здѣсь вообще встрѣчались

двѣ эти народности, какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, и болгарскія историческія воспоминанія чередуются съ сербскими. Въ 1347, въ Скопіи собрался «соборъ», на которомъ знаменитый Стефанъ Душанъ получилъ царскій титулъ и обнародовалъ свой «Законникъ», замѣчательнѣйшій памятникъ древняго сербскаго законодательства. Здѣсь же сербскій митрополитъ получилъ санъ независимаго сербскаго патріарха.

Когда сербское царство пало послѣ Косовскаго боя, Скопія была однимъ изъ первыхъ трофеевъ завоевателя; нѣкоторыя преданія говорятъ, что она мирнымъ образомъ подчинилась туркамъ, какъ часть наслѣдія Марка-Кралевича. Извѣстно, что въ самый годъ Косовской битвы султанъ Баязетъ послалъ въ Скопію первыхъ турецкихъ колонистовъ, такъ что фактически она раньше всѣхъ другихъ частей сербскаго царства подпала прямому турецкому господству. Подавляющее вліяніе послѣдняго должно было сказаться, но сказалось не вдругъ; путешественникъ 1686 года еще описываетъ Скопію, какъ цвѣтущій городъ, и еще въ прошломъ столѣтіи посѣщали ее купцы изъ Рагузы и Венеціи. Теперь Скопія—бѣдный, плохой городъ, съ жителями, страдающими отъ вредныхъ испареній окружающихъ его, неосушенныхъ болотъ. Въ такомъ же упадкѣ находится городъ Ново-Бердо, въ двухъ дняхъ пути къ сѣверу отъ Скопіи; въ сербскія времена онъ славился своими серебряными рудниками и назывался «матерью городовъ»; въ 1858 г. въ немъ было только шестнадцать домовъ, изъ которыхъ одинъ—христіанскій; мусульмане говорятъ, что нѣкогда было въ немъ 6,000 домовъ, а христіане утверждаютъ, что ихъ было вдвое больше. Гдѣ же причина этого упадка? Одну такую причину г-жа Мэккензи указываетъ: въ сосѣдствѣ города лежатъ развалины зáмка, составлявшаго еще не такъ давно жилище наслѣдственнаго правителя этого края; эти правители были дикіе албанскіе вожди, которые во время безпорядковъ турецкаго правленія оставляли свои горы для грабежа цвѣтущихъ сербскихъ городовъ и наконецъ сами погибли въ возстаніяхъ противъ турецкаго правительства.

Равнина Скопіи на сѣверо-востокѣ ограничивается низкой цѣпью горъ, которыя турки зовутъ Кара-дагъ, а славяне болгарской Черной-Горой. Эти горы заселены отчасти албанцами, отчасти болгарами. Къ сѣверу лежитъ хребетъ Шаръ-планина, древній Скардусъ: здѣсь находятся источники рѣки Вардара, протекающей по равнинѣ Скопіи. Часть равнины занята рисовыми полями; другая покрыта болотнымъ озеромъ, которое могло бы

быть осушено, но въ своемъ настоящемъ видѣ заражаетъ лихорадками Скопію.

Единственное нѣсколько красивое зданіе, которое путешественницы замѣтили въ Скопіи, была мечеть и ея минаретъ. Имъ сказали, что этой мечети «четыреста лѣтъ»,—разумѣя, что она такъ стара, какъ вообще можетъ быть мечеть въ этой странѣ. «Четыреста лѣтъ» считаются круглымъ числомъ какъ время занятія славянскихъ земель турками. Сказать, что какому-нибудь зданію «четыреста лѣтъ», значить, что оно было выстроено первыми завоевателями; сказать, что ему «*больше* четырехъ-сотъ лѣтъ» значитъ отнести его къ христіанскимъ временамъ. «Теперь, по словамъ заптія, не строятъ больше хорошихъ мечетей, а строятъ только плохія».

Г-жа Мэккензи отмѣчаетъ здѣсь послѣдній пунктъ греко-цинцарскаго вліянія. Въ Скопіи совсѣмъ нѣтъ цинцарской школы, есть только славянская. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ городъ есть пунктъ встрѣчи болгарскаго элемента съ сербскимъ, а въ сербскихъ округахъ ни греки, ни румыны не получаютъ преобладанія надъ славянами. «Повидимому, историческая гордость и ожиданіе будущаго господства, которыя даютъ греку такую положительную самоувѣренность относительно болгарина, сламываются объ историческую гордость и опредѣленное честолюбіе серба. Цинцарскіе купцы—самые богатые граждане Скопіи, но христіанскій школьный учитель—сербъ, и у него дома мы нашли изображенія старыхъ сербскихъ царей и героевъ, процвѣтавшихъ въ тѣ времена, когда Скопія была мѣстопребываніемъ сербскаго собора».

Христіане построили въ Скопіи большую церковь, которая повидимому была въ неповрежденномъ состояніи, и г-жа Мэккензи объясняетъ ея сохранность тѣмъ, что Скопія одно время была консульскимъ пунктомъ. Между Скопіей и Нишемъ есть мѣста, гдѣ христіане, получивъ султанскій разрѣшительный фирманъ, строили церкви, но онѣ уже два раза были разрушаемы мѣстными мусульманами, и существовали лишь потому, что жители успѣли собрать денегъ, чтобы выстроить ихъ въ третій разъ.

Въ Скопіи путешественницы встрѣтили одного христіанскаго купца, который слышалъ о нихъ съ годъ передъ тѣмъ въ Босніи, откуда онъ былъ родомъ, и очень желалъ ихъ видѣть. Онѣ разспрашивали его о положеніи здѣшнихъ христіанъ и по словамъ купца, хорошо знавшаго эти мѣста, самые свирѣпые, хищные и дикіе мусульмане въ Турціи—это сосѣдніе албанцы въ Ипекѣ (Печи), Дьяковѣ, Призренѣ, Приштинѣ, и мусульмане близъ Прилипа; боснійскіе мусульмане очень угнетаютъ христіанъ, но

они дѣлаютъ это «только потому, что мусульмане; они говорятъ тѣмъ же языкомъ, какъ мы»! между тѣмъ какъ албанцы и османлисы, «не говорящіе тѣмъ же языкомъ», будутъ все равно врагами, мусульмане они или нѣтъ. На вопросъ, держатъ ли албанцы данное обѣщаніе, боснякъ отвѣчалъ утвердительно: самый свирѣпый албанецъ держитъ слово, когда далъ его бѣднѣйшему райѣ; у боснійскихъ мусульманъ нѣтъ этого качества.

Въ Скопіи турецкія власти добыли путешественницамъ рѣдкость—экипажъ, родъ телѣги, съ вѐрхомъ, на четырехъ подпоркахъ и съ занавѣсками по бокамъ: онъ такъ страшно скрипѣлъ и вообще былъ такъ мало заманчивъ, что путешественницы отправились верхомъ далеко впередъ,—предполагая воспользоваться «экипажемъ» только въ случаѣ дождя. Невдалекѣ отъ города цѣлы еще развалины водопровода Юстиніана, доставлявшаго воду въ Скопію изъ Карадага, на два или два съ половиной часа разстоянія; около города почва понижается и водопроводъ идетъ на двойномъ рядѣ аровъ, которыхъ г-жа Мэккензи насчитала 120. Съ одной арки падалъ потокъ воды; въ тѣни другого путешественницы увидѣли маленькій огородъ съ дынями и тыквами, а въ немъ сидѣлъ и курилъ турокъ въ бѣлой чалмѣ. «Странно было,—замѣчаетъ г-жа Мэккензи,—найти здѣсь рядомъ свидѣтельства двухъ завоевательныхъ племенъ: римскаго, которое строило, и оттоманскаго, которое разрушало».

Путешественницы достигли холмовъ, ограничивающихъ заражающую лихорадками равнину Скопіи; направляясь отсюда къ зеленой плоской возвышенности Косова-поля, надо пройти Качаникскій проходъ, длинное узкое ущелье, которымъ протекаетъ рѣка Лепенацъ. Въ ущельѣ устроена дорога, нужная для провоза пушекъ; но недобросовѣстность инженерныхъ чиновниковъ дѣлала то, что черезъ пять-шесть лѣтъ послѣ постройки, когда проѣзжали здѣсь наши путешественницы, мосты были уже не безопасны. Г-жа Мэккензи дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія по тому поводу, что австрійскіе путешественники Цахъ и Ганъ очень восхваляли эту дорогу:

«Качаникскій проходъ населенъ албанцами. А албанцы—большіе любимцы Австріи, потому что въ томъ случаѣ, если она когда-нибудь овладѣетъ этими краями, ей надо будетъ, подобно Турціи, воспользоваться этими головорѣзами для подавленія сербовъ и болгаръ. Вслѣдствіе этого, наблюдательный и дальновидный австрійскій консулъ Ганъ [1]), повидимому, съ удовольствіемъ

[1]) Этотъ Ганъ имѣетъ большое имя въ ученомъ изслѣдованіи Албаніи. Ему при-

приходилъ къ заключенію (если только ему не говорили этого дѣйствительно), что если качаникская дорога построена жителями сосѣднихъ деревень,—то, значитъ, она была построена арнаутами. Если такъ, это былъ бы замѣчательный фактъ. Называйте албанцевъ чѣмъ хотите: разбойниками, грабителями,—но вотъ, дескать, какъ они могутъ быть полезны, при небольшой дисциплинѣ. Но товарищъ консула по путешествію былъ того мнѣнія, что дѣло можетъ быть объясняемо иначе.

«— Хотя арнауты и занимаютъ Качаникъ,—говорилъ онъ намъ,—невѣроятно, чтобъ турецкій губернаторъ, имѣя надобность строить дорогу, сталъ искать работниковъ въ ихъ племенахъ; сосѣдняя равнина Скопіи и другіе ближніе округа населены трудолюбивыми христіанскими болгарами; и потому, самое вѣроятное и согласное со всѣми прецедентами, что рабочихъ искали и нашли именно здѣсь».—«Конечно,—прибавляетъ г-жа Мэккензи,—мы не беремъ на себя рѣшать, которое изъ двухъ мнѣній справедливо; можетъ быть, что правда находится между ними; но, въ поддержку послѣдняго, мы можемъ сослаться на свидѣтельство самихъ албанцевъ, изъ которыхъ двое, въ качествѣ заптіевъ, сопровождали насъ черезъ Качаникъ. Ихъ, кажется, очень позабавила идея, будто султанъ заставлялъ работать мусульманъ, когда тутъ же подъ бокомъ была райя».

Достопримѣчательности Качаника были разбойничьи. Одно мѣсто памятно настоящимъ сраженіемъ, которое не такъ давно каймакамъ Скопіи далъ шайкѣ въ сорокъ человѣкъ разбойниковъ. На другомъ мѣстѣ, только за два дня передъ тѣмъ, поймано было шесть разбойниковъ. На вершинѣ одного мѣстнаго холма стоялъ уединенный домикъ, передъ которымъ расчищено было поле для маиса и лугъ для сѣна; домикъ стоялъ такъ, что жители могли во всѣ стороны видѣть приближеніе чужого человѣка. Здѣсь нѣтъ деревень, и рѣдко больше трехъ албанскихъ домовъ стоятъ вмѣстѣ. Албанскія «кулы», видѣнныя путешественницами впослѣдствіи, служили обыкновенно для нѣсколькихъ братьевъ съ ихъ семействами, и могли быть защищаемы выстрѣлами черезъ отверстія въ стѣнахъ. Заптіи указали путешественницамъ проходившихъ двухъ женщинъ, и замѣтили, что онѣ очень умѣютъ обращаться съ ружьемъ. «Онѣ магометанки?»—«Конечно».—«Отчего же они не носятъ яшмакъ?»—«Правда, они его не но-

---

надлежитъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій о топографіи, исторіи, этнографіи и народной поэзіи албанскаго племени. По этимъ предметамъ, Ганъ—самый крупный авторитетъ.

сять, и никогда не носили; да и зачѣмъ онъ имъ? Онѣ храбрѣе самихъ мужчинъ и къ нимъ еще труднѣе подступиться».— «Послѣ этихъ разсказовъ о жителяхъ Качаникскаго прохода,— замѣчаетъ г-жа Мэккензи,—мы уже не удивлялись, что онъ указывается въ сербскихъ пѣсняхъ, какъ сцена знаменитой встрѣчи Марка-Кралевича съ Мусой, арнаутскимъ бандитомъ».

У сербовъ есть мнѣніе, что султанъ Амуратъ пришелъ на Косово-поле съ юга, изъ Скопіи, черезъ Качаникскій проходъ, такъ что будто бы сербы сдѣлали величайшую ошибку, не напавши на него здѣсь; иные говорили даже, что Марко-Кралевичъ предательски пропустилъ Амурата по этой дорогѣ. Г-жа Мэккензи считаетъ болѣе вѣроятнымъ показаніе турецкихъ источниковъ, что Амуратъ шелъ восточнѣе, изъ Кюстендила,—такъ что этой ошибки сербовъ и измѣны Марка-Кралевича вовсе не было. Но въ Качаникѣ была другая военная встрѣча, позднѣе, триста лѣтъ спустя послѣ Косовской битвы. Здѣсь турки разбили австрійскій авангардъ: это было началомъ отступленія имперской арміи, оставившей на жертву турецкому мщенію жителей, которыхъ австрійскія обѣщанія завлекли присоединиться къ австрійцамъ.

Видъ Качаникскаго ущелья—есть видъ рѣчного дефиле, покрытаго лѣсомъ; не представляя ничего особеннаго, онъ дикъ и живописенъ, въ особенности его конецъ, гдѣ, при впаденіи рѣки Нередимки въ Лепенацъ, стоитъ городъ Качаникъ.

Но, при живописной обстановкѣ, «городъ» Качаникъ поразилъ путешественницъ ужаснымъ видомъ упадка и разрушенія; домá смотрѣли тàкъ, какъ-будто они не могутъ выстоять дольше одного дня; улицы были пустынны; городъ былъ не только въ дурномъ состояніи, но въ такомъ, которое должно было съ каждымъ днемъ еще ухудшаться. Нужно было какое-нибудь объясненіе, и оно скоро явилось. На первый вопросъ путешественницъ о населеніи города, имъ отвѣтили, что въ Качаникѣ семьдесятъ магометанскихъ домовъ, и «между ними *ни одного райи*». Этимъ все было объяснено.

Хозяинъ дома, гдѣ онѣ остановились, принялъ ихъ со всѣмъ вниманіемъ, и просилъ переводчика сказать имъ, что у него всегда останавливаются всѣ паши, беги и консулы, что самъ онъ также бегъ, и что подъ его кровомъ имъ «нѣчего бояться». Въ Скопіи говорили о томъ, приметъ ли ихъ кто-нибудь въ домъ въ Качаникѣ, и потому путешественницы оцѣнили гостепріимство албанца и поблагодарили его утонченной вѣжливой фразой, которой онъ остался, повидимому, доволенъ, и продолжалъ по-

вторять: «не бойтесь»,— такъ что путешественницы, наконецъ, спросили его, почему онъ думаетъ, что онѣ «боятся»? — «Дальнѣйшее знакомство съ Арнаутлукомъ (арнаутской землей),—замѣчаетъ г-жа Мэккензи,—пріучило насъ слышать фразу: «не бойтесь», и, кромѣ того, научило насъ не считать вѣрнымъ, чтобы мы въ самомъ дѣлѣ были въ безопасности».

Комната, предназначенная для нихъ, была лучше, чѣмъ можно было бы ждать по наружности дома,—съ диванами, окнами, которыя были отчасти со стеклами, отчасти заклеенныя бумагой, съ рѣзнымъ потолкомъ, печью, шкапами для посуды и т. д.; но она была крайне грязна и, кромѣ того, рѣзьба, диваны, шкапы заключали множество неназываемыхъ насѣкомыхъ. Г-жа Мэккензи оставляетъ открытымъ вопросъ, насколько вообще турки опрятны, но, по собственному наблюденію, замѣчаетъ, что оттоманскіе офицеры и солдаты, греки, мужчины, женщины и дѣти, и албанцы всѣхъ племенъ и вѣръ—до отвращенія грязны.

О разной степени опрятности у балканскихъ народовъ, г-жа Мэккензи говоритъ:

«Изъ своего славянскаго сосѣдства наименѣе опрятны черногорцы, которые, впрочемъ, стыдятся этого, извиняя себя тѣмъ фактомъ, что большую часть года ихъ села имѣютъ мало воды. Съ другой стороны, болгары опрятнѣе, чѣмъ какой-нибудь народъ между ними и голландцами, и притомъ трудолюбивы и любятъ порядокъ. Дунайскіе сербы менѣе грязны, чѣмъ нѣмцы; они любятъ свѣжій воздухъ, и обильно допускаютъ его въ свои домá; хотя они еще несовсѣмъ опрятны, но очень стараются сдѣлаться такими, такъ какъ «отсутствіе рубашки» считаютъ однимъ изъ аттрибутовъ турка. Ихъ братья по-племени, мусульманскіе джентльмены Босніи имѣютъ бѣлоснѣжное бѣлье и прекрасную чистоту въ домахъ,—также и боснійскіе христіане, насколько имъ позволяетъ ихъ бѣдность. Дѣйствительно, оцѣнка опрятности есть одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ славянскіе христіане отличаются характеромъ отъ своихъ южныхъ единовѣрцевъ грековъ, съ которыми ихъ такъ часто смѣшиваютъ» [1]).

Прибывшія иностранки—великая рѣдкость въ этомъ глухомъ и дикомъ краѣ — заинтересовали женское населеніе дома; послѣднее пожелало сдѣлать имъ визитъ. Путешественницы, конечно, согласились, сами любопытствуя видѣть албанскихъ женщинъ,

[1]) Это смѣшеніе грековъ съ южными славянами принадлежитъ, конечно, иностранной литературѣ, писатели которой въ прежнее время, и еще недавно, мало зная славянъ, смѣшивали ихъ съ греками,—по тождеству религіи.

которыя, вѣроятно, покажутся въ своихъ извѣстныхъ живописныхъ костюмахъ. Но они были крайне и непріятно изумлены, когда албанки явились къ нимъ въ самомъ незатѣйливомъ и грязномъ дезабилье. Разспросивъ одну служанку, умѣвшую немного говорить по-славянски, путешественницы узнали, что албанскія женщины боялись показать имъ свои платья, чтобъ не возбудить ихъ «жадности»!—При отъѣздѣ оказалось, что арнаутъ-хозяинъ былъ просто содержатель «хана», почему онъ и принялъ ихъ въ свой домъ.

Холмы, составляющіе западную стѣну Качаникскаго прохода, встрѣчаются дальше съ восточной отраслью Шаръ-планины, и пунктъ ихъ соединенія — есть пирамидальная гора Любатернъ, достигающая 6,400 футовъ высоты. По словамъ провожатыхъ, недалеко отъ вершины горы лежитъ озеро, съ снѣжными берегами, которое и даетъ начало рѣкѣ. Путешественницамъ не удалось провѣрить этого свѣдѣнія болѣе компетентными показаніями.

Когда раздвинулись горныя цѣпи, путешественницамъ открылась обширная возвышенная равнина Косова-поля, простирающаяся до Митровицы на сѣверѣ, на разстояніи четырнадцати часовъ верховой ѣзды. Она лежитъ среднимъ числомъ на 1,700 футовъ надъ уровнемъ моря и составляетъ водораздѣлъ Эгейскаго моря и Дуная. Полагаютъ, что вся ея площадь была нѣкогда озеромъ, и часть ея доселѣ остается болотомъ; текущія съ нея рѣки идутъ однѣ въ Вардаръ и Эгейское море (Лепенацъ и Нередимка); другія—Лабъ и Ситница—черезъ Ибаръ и Мораву въ Дунай.

Вступивъ на Косово-поле, путешественницы вступили на иную почву: желтыя равнины Востока смѣнились зелеными горами и орошенными водой долинами Европы.

«Къ несчастію,—продолжаетъ г-жа Мэккензи,—зелень и прохлада и составляютъ все, чтó свидѣтельствуетъ на Косовомъ-полѣ объ Европѣ. Старыя хроники разсказываютъ, что въ тѣ времена, когда здѣсь впервые появилось турецкое войско, страна была хорошо обработана и покрыта селеніями; дороги и мосты были особенной заботой правителя; сербскій парламентъ имѣлъ обыкновенно свои собранія въ здѣшнемъ сосѣдствѣ, и прилежащіе города—Скопія, Ново-Бердо и Призренъ — имѣли ежегодныя ярмарки, на которыя собирались иноземные купцы. Да, въ тѣ времена Косово принадлежало Европѣ,—принадлежало, хотя и грубому, обществу труда и прогресса; но оно было завоевано, что-

бы стать пастбищемъ для турецкихъ лошадей, лѣтъ пятьсотъ тому назадъ»...

Косово-поле, расположенное въ гористой странѣ, лежитъ какъ-бы у дверей дунайской Сербіи, Босніи и Албаніи, издавна отмѣчено было какъ мѣсто великихъ битвъ, и еще указывается теперь какъ мѣсто, гдѣ битва должна нѣкогда рѣшить судьбу окрестныхъ земель. Г-жа Мэккензи припоминаетъ происходившія здѣсь столкновенія сербскаго царя съ византійцами, венгерскаго полководца Гуньяда съ турками—но знаменитѣйшей и несчастнѣйшей была та битва 1389 года, которой кончилась сербская свобода. «Память ея до настоящаго дня остается такъ свѣжа, что путешественнику едва ли возможно поговорить съ настоящимъ сербомъ больше пяти минутъ, чтобы не услышать имени Косова-поля. Послѣ пяти вѣковъ, все еще примѣняются уроки, данные пораженіемъ; потеря страны остается болѣющей раной. Мы сами были свидѣтелями, какъ ссорившіеся сербы успокоились отъ замѣчанія: «неужели вы будете спорить, какъ ваши отцы передъ косовской битвой»... Всякій, кто живалъ въ Сербіи и изучалъ національныя преданія и пѣсни, будетъ, наконецъ, почти чувствовать, какъ будто онъ самъ былъ, на Косовомъ-полѣ,—съ такой точностью перечисляются всѣ факты, такъ живо изображаются побужденія и дѣйствія, такъ глубоки линіи, такъ ярки цвѣта, которыми рисуются главные характеры».

Г-жа Мэккензи передаетъ извѣстный поэтическій разсказъ о Косовской битвѣ, наполняющій въ сербскихъ народныхъ пѣсняхъ цѣлый и знаменитѣйшій циклъ...

Ближайшей цѣлью путешественницъ на Косовомъ-полѣ былъ городъ Приштина и историческій монастырь Грачаница. До сихъ поръ онѣ ѣхали верхомъ; на Косовской равнинѣ можно было, наконецъ, воспользоваться экипажемъ, и даже ѣхать рысью,—хотя и не потому, чтобъ дорога была хороша: мосты были въ такомъ положеніи, что ихъ надо было переходить пѣшкомъ. Мѣстность не представляла никакого особеннаго интереса. Лѣсъ съ каждымъ шагомъ становится рѣже, луга перемежаются съ песками; дорога не оживляется и человѣческими жилищами. Рѣдкія албанскія жилища бѣдны и жалки; «ханъ», т.-е. постоялый дворъ, называвшійся «Новымъ ханомъ» (Ienихань), оказался полу-разрушеннымъ, какъ самый старый, и, вѣроятно, удерживалъ потому свое названіе, что не было ничего новѣе.

Далѣе, влѣво отъ дороги лежитъ деревня, домовъ въ тридцать, съ христіанскимъ населеніемъ и съ церковью. Гильфердингъ (сочиненія котораго извѣстны были англійскимъ путешественни-

цамъ) замѣчаетъ, что имя этой деревни, Липлянъ, упоминается у византійскихъ писателей еще въ XI-мъ столѣтіи, а въ старыя времена она была столь важнымъ мѣстомъ, что имѣла митрополичью каѳедру. Направо отъ дороги лежитъ болгарская деревня Бабушъ: до недавняго времени она была замѣчательна тѣмъ, что вся принадлежала одному роду, члены котораго были освобождены отъ платежа податей, такъ какъ предки его оказали услугу султану Амурату въ качествѣ лазутчиковъ. Привилегія эта, какъ говорятъ, прекратилась съ изданіемъ танзимата.

Вступивъ утромъ на Косовскую равнину, путешественницы къ вечеру приблизились къ послѣднимъ слѣдамъ холмовъ, ограничивающихъ равнину съ востока и въ низкомъ, прикрытомъ мѣстѣ увидѣли деревню и монастырь Грачаницу.

Съ южнаго края Косова-поля начинается Старая - Сербія, сѣверный предѣлъ которой есть граница княжества и Босніи. На русскомъ языкѣ читатель можетъ найти описаніе Старой-Сербіи въ извѣстной книгѣ Гильфердинга [1]); его разсказъ обильнѣе географическими и особенно археологическими данными,—англійскія путешественницы, конечно, не были для послѣдняго достаточно вооружены, но разсказъ ихъ очень любопытенъ бытовыми чертами, и во многихъ случаяхъ онѣ едва ли не рельефнѣе русскаго путешественника рисуютъ междуплеменныя отношенія и положеніе славянской райи. Оба разсказа, впрочемъ, хорошо дополняютъ другъ друга.

Приближаясь къ Грачаницѣ съ юга, путешественницы встрѣтили сначала выстроенную недавно часовню: она очень мала и совершенно лишена всякихъ украшеній,—потому, конечно, что христіане боялись ими раздразнить могамеданъ какъ роскошью. Въ противоположность скромной новѣйшей часовнѣ возвышается старая церковь монастыря, величественная «задушбина» одного изъ сербскихъ царей [2]). Издали церковь кажется цѣлой группой куполовъ, надъ которыми высится одинъ большой: приближаясь къ церкви, различаешь четыре меньшихъ купола съ оригинально переплетенными арками, изъ которыхъ верхнія остроконечны, а нижнія круглы. Главное достоинство постройки—ея общій эффектъ; она необычно граціозна для византійской архитектуры и

---

[1]) „Боснія, Герцеговина и Старая-Сербія", Спб. 1859,—начиная съ IX-й главы.

[2]) „Задушбиной" называется постройка храма или другого религіознаго и человѣколюбиваго учрежденія—„за душу", или для спасенія души.

напоминаетъ нѣкоторые изъ старыхъ храмовъ сѣверной Италіи. Г-жа Мэккензи предполагала, что объ итальянскомъ вліяніи могли свидѣтельствовать и фрески во внутренности церкви; но имъ очень повредили многочисленныя дѣленія церкви, необходимыя для того, чтобы приладить внутреннюю форму къ внѣшней. И алтарь, и средина храма и паперть темны и по высотѣ узки. Этотъ недостатокъ Грачаницы какъ будто послужилъ предостереженіемъ для строителя патріаршей церкви въ Ипекѣ, гдѣ внѣшняя красота, очевидно, пожертвована желанію дать общинѣ обширный, хорошо освѣщенный храмъ.

Въ числѣ фресокъ Грачаницы есть изображенія основателя церкви краля Милутина и его жены, дочери византійскаго императора, Андроника II. Сынъ Милутина былъ строителемъ другого, еще болѣе знаменитаго, Дечанскаго храма; внукомъ Милутина былъ славнѣйшій и самый могущественный изъ сербскихъ царей, Стефанъ Душанъ. Изображенія святыхъ на фрескахъ потерпѣли отъ турокъ, которые стрѣляли въ нихъ изъ пистолетовъ и позаботились выковырять имъ глаза. Эта злостная и намѣренная обида больше оскорбляетъ сербовъ, чѣмъ полное разрушеніе, которое можно приписать азарту и суматохѣ нападенія. Изображенія остаются на стѣнахъ, и оскорбленіе не можетъ быть забыто; изуродованныя лица святыхъ, встрѣчаясь съ глазами богомольцевъ, какъ будто вопіютъ о мщеніи. Въ княжествѣ Сербіи, когда перестроивались нѣкоторыя разрушенныя церкви, эти ослѣпленныя изображенія остались невозстановленными. Одинъ старый епископъ говорилъ путешественницамъ: «намъ еще нужно ихъ—это архивы вѣковъ угнетенія; и нашъ народъ долженъ ихъ видѣть, пока угнетатель еще стоитъ на сербской землѣ!» Г-жа Мэккензи замѣчаетъ, что эта порча была, съ другой стороны, выгодна для самыхъ фресокъ, потому что спасла ихъ отъ закраски. Г-жа Мэккензи выражаетъ желаніе, чтобы сохраняема была и внѣшность древнихъ памятниковъ,—которымъ вообще новые реставраторы могутъ грозить еще бóльшимъ истребленіемъ, нежели опустошеніе враговъ.

Только одна изъ фресокъ Грачаницы осталась нетронутою, сохраненная высотою купола, или, какъ говорятъ монахи, таинственнымъ ужасомъ, который объялъ разрушителей и тѣмъ спасъ самую церковь. Это изображеніе есть голова Христа, которая въ восточныхъ церквахъ дѣлается обыкновенно колоссальной величины и смотрящей внизъ въ актѣ благословенія. «Концепція лица, здѣсь нарисованнаго, столько же выше жесткости византійской школы, сколько выше вялости новѣйшихъ школъ,—замѣ-

чаетъ г-жа Мэккензи. Художникъ, изобразившій это лицо, могъ быть современникомъ Чимабуэ и Лучіо Сіенскаго, и какъ у нихъ, его геній былъ довольно силенъ для того, чтобы влить силу и величіе даже въ принятыя тогда условныя формы. Въ самомъ дѣлѣ, Христосъ Грачаницы — такого суроваго типа, что можно почти подумать, что художникъ имѣлъ предсказаніе о мрачныхъ временахъ, предстоявшихъ церкви въ будущемъ. Эти строгіе глаза смотрятъ изъ-подъ бровей, нахмуренность которыхъ могла поразить ужасомъ осквернителей, совершавшихъ поруганіе святыни».

Путешественницы ожидали найти въ монастырѣ удобства и отдыхъ, но нельзя было встрѣтить болѣе сильнаго контраста между Грачаницей и монастырями, какіе были ими видѣны въ Сербіи. Грачаница произвела на нихъ самое безотрадное впечатлѣніе. Игуменъ — молодой человѣкъ, получившій свое мѣсто куплей—въ то время замѣшанъ былъ въ одну темную исторію и сидѣлъ въ турецкой тюрьмѣ; оставшіеся монахи были перепуганы появленіемъ наглыхъ заптіевъ; монастырская школа была въ нищенскомъ и жалкомъ состояніи. Путешественницъ тяжело поразилъ еще способъ привѣтствія, сдѣланнаго имъ учениками при входѣ въ школу. Ученики буквально упали имъ въ ноги...

«Мы спросили,—почему они могли предположить, чтобы мы могли желать подобнаго пріема? Учитель отвѣчалъ: — такъ научили насъ турки: ихъ важные чиновники требуютъ, чтобы мы, христіане, кланялись имъ въ ноги. — Но вѣдь мы не турки, а для христіанъ требовать или даже допускать такое самоуниженіе не только стыдно, но и грѣхъ. Развѣ кто-нибудь изъ васъ не былъ въ свободной Сербіи и не видѣлъ, какъ тамъ держатъ себя ученики?—Нѣтъ, никто не былъ.

«Но при этихъ словахъ они переглянулись и стали улыбаться. Насъ пригласили войти въ церковь, и затѣмъ привели туда человѣка изъ деревни, который *былъ* въ свободной Сербіи... Этотъ человѣкъ былъ откровеннѣе монаховъ. Мы просили его сказать, кланяются ли въ ноги ученики въ сербскихъ школахъ, какъ здѣсь?—Конечно, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, да вѣдь въ Сербіи *все* иначе. У нихъ хорошія дороги, хорошіе судьи, миръ и благоденствіе; а здѣсь нѣтъ ничего, только безпорядокъ и зулумъ».

Турецкое слово «зулумъ» вошло въ сербскій языкъ; оно значитъ насиліе, притѣсненіе; «зулумджія»—обыкновенное слово (между прочимъ въ пѣсняхъ) для обозначенія злого турка, притѣснителя и обидчика.

«Эти земные поклоны какъ въ Грачаницѣ,—продолжаетъ г-жа Мэккензи,—нерѣдко встрѣчали мы во время путешествія.

Мы не думаемъ, чтобъ и другіе путешественники видѣли ихъ съ меньшимъ прискорбіемъ, чѣмъ видѣли мы. Но то чувство, съ какимъ мы смотримъ на это униженіе намъ подобныхъ людей и христіанъ, даетъ только слабое понятіе о томъ, что̀ чувствуютъ сербы княжества, къ которымъ эта райя стоитъ въ отношеніи братьевъ по племени, а часто и братьевъ по родству. Монахи, торговцы и эмигранты всякаго рода постоянно переходятъ изъ турецкихъ округовъ въ свободную Сербію, и не нужно даже ихъ разсказовъ о своемъ положеніи, чтобы пробудить такое негодованіе,—довольно того невольнаго свидѣтельства, какое дается ихъ униженной манерой держать себя, пока они не усвоятъ обычаевъ новой страны».

Изъ Грачаницы путешественницы должны были отправиться въ Приштину. Турецкія власти этого города были уже извѣщены объ ихъ пріѣздѣ; и заптій, присланный на встрѣчу имъ изъ Приштины, предлагалъ, что если онѣ желаютъ ѣхать дальше въ томъ же экипажѣ (нанятомъ въ Скопіи), то онъ можетъ заставить возчиковъ ѣхать безъ всякой прибавочной платы: путешественницы, конечно, отказались отъ турецкой любезности—дѣлавшейся на счетъ возчика.

Приштина лежитъ въ полутора часахъ ѣзды отъ Грачаницы, въ волнистой мѣстности; городъ не великъ, и по турецкому обыкновенію грязенъ, но издали красивъ, благодаря минаретамъ одиннадцати мечетей, построенныхъ, какъ говорятъ, турецкими женщинами, мужья которыхъ были убиты при Косовѣ. Турецкій начальникъ города, старый албанецъ изъ хорошаго рода, въ крымскую войну служившій подъ англійскимъ начальствомъ, выбралъ квартирой для путешественницъ домъ епископа. Самъ епископъ былъ по обыкновенію въ Константинополѣ, и община, — говоритъ г-жа Мэккензи,—не жалѣла объ его отсутствіи; вмѣсто него управлялъ «ходжа-баши» изъ мѣстныхъ христіанъ. Ходжабаши пригласилъ путешественницъ осмотрѣть школу,—которая послѣ Грачаницы пріятно поразила ихъ и своимъ наружнымъ порядкомъ, и бойкостью учениковъ; учителемъ былъ сербъ изъ Митровицы, на австрійской границѣ, по Савѣ. Книги были изъ Бѣлграда; по разспросамъ оказалось, что у учителя есть и сербская исторія, но онъ боится учить по ней открыто,—потому что въ школу заходятъ иногда турецкіе офицеры, и одинъ, увидѣвъ такую книгу, грозилъ учителю, что донесетъ на него начальству. Этотъ офицеръ былъ—полякъ. «Я затрепеталъ съ ногъ до головы, —разсказывалъ учитель,—и не зналъ что̀ сказать или что̀ сдѣлать; но, къ счастью, при этомъ былъ еще казакъ, бѣжавшій

изъ русской службы, который всегда относился къ намъ дружески; онъ вывелъ поляка изъ комнаты и сказалъ ему съ неудовольствіемъ, что они посланы въ Приштину не затѣмъ, чтобы мѣшаться въ сербскія школы. Съ тѣхъ поръ чтеніе исторіи нашего отечества дѣлается частнымъ образомъ».

«Нѣтъ надобности объяснять, — говоритъ г-жа Мэккензи, — что польскій офицеръ оказывалъ плохую услугу султану, раздражая христіанъ запрещеніемъ открытаго школьнаго чтенія сербской исторіи въ томъ мѣстѣ, гдѣ самыя возбуждающія подробности этой исторіи извѣстны всякому мужчинѣ, женщинѣ и ребенку черезъ народныя пѣсни. Къ сожалѣнію, этотъ примѣръ не единственный, и мы слышали потомъ, какъ въ одномъ изъ наибольшихъ славянскихъ городовъ Турціи школьныя исторіи Сербіи были отобраны. Само собою разумѣется, что самъ паша ихъ не читалъ, но кто-то сказалъ ему объ ихъ существованіи, и что въ нихъ были мѣста, стремящіяся возбуждать презрѣніе къ турецкому правительству; фанатическіе мусульмане подняли крикъ, и греческій епископъ оказался усерднымъ агентомъ при арестаціи книгъ. Достойно замѣчанія, что одинъ изъ болѣе разсудительныхъ мѣстныхъ мусульманъ, самъ славянинъ и имѣвшій у себя заподозрѣнныя исторіи, возражалъ противъ этой мѣры на томъ основаніи, что этимъ дѣйствіемъ гораздо скорѣе можно возбудить презрѣніе къ турецкому правительству, нежели чѣмъ-нибудь, заключающимся въ сербскихъ школьныхъ книгахъ. Прочитавши, какъ этотъ мусульманинъ, книгу, о которой идетъ рѣчь, мы можемъ, не колеблясь, присоединиться къ его мнѣнію».

Школьный учитель говорилъ, что поляки въ оттоманской арміи больше чужды своимъ угнетеннымъ братьямъ по христіанству, чѣмъ сами магометане. Г-жа Мэккензи признаетъ, что онѣ слышали очень часто объ этомъ, и притомъ съ самыми горькими жалобами; и думаетъ, что безъ сомнѣнія поляки были очень способны ненавидѣть христіанскихъ подданныхъ Турціи, считая ихъ кліентами Россіи. Но потомъ, говоритъ она, поляки показали больше пониманія, и при бомбардировкѣ Бѣлграда поляки и венгерцы предложили свои услуги сербскому правительству.

Приштина лежитъ въ самомъ сердцѣ «Старой-Сербіи». Еще во времена древняго царства, собственная Сербія отличаема была отъ другихъ сербскихъ земель, какъ Боснія, Зета и др., и заключала въ себѣ нынѣшнее княжество съ тѣмъ краемъ, который лежитъ на югъ отъ него до Македоніи. На старыхъ кар-

тахъ Европейской Турціи, рисованныхъ въ то время, когда вся Сербія была подъ турецкимъ владычествомъ, вся эта страна является подъ ея собственнымъ именемъ; но теперь, когда сербскія земли на Дунаѣ освободились, а остальныя все еще принадлежать Турціи, составители картъ ограничили имя Сербіи свободнымъ княжествомъ. Другія области, оставшіяся подъ властью турокъ, называются у ихъ христіанскаго населенія Старой-Сербіей,— имя извѣстное и вообще въ славянскомъ мірѣ, но неизвѣстное турецкимъ властямъ и европейскимъ консуламъ въ Турціи. Послѣдніе, за исключеніемъ австрійскаго консула въ Призренѣ, находятся слишкомъ далеко отъ этихъ мѣстъ, и знаютъ только, что турки называютъ этотъ край Арнаутлукомъ, и что онъ отчасти населенъ албанцами-могамеданами. Въ самомъ краѣ можно слышать оба имени. Если вы замѣчаете какой-нибудь фактъ разоренія или беззаконія, турки и сербы одинаково отвѣчаютъ: «чего же вы хотите въ Арнаутлукѣ?» Если вы выражаете удивленіе при видѣ какой-нибудь древней церкви и замѣтите: «кто бы ожидалъ встрѣтить здѣсь такое зданіе!» то священникъ, который служитъ вашимъ чичероне, пододвигается и шепчетъ: «*мы* зовемъ этотъ край Старой-Сербіей».

Такимъ образомъ, границы Старой-Сербіи не имѣютъ никакого политическаго опредѣленія, и вообще никакого, кромѣ того, какое даютъ ей христіанскіе жители ея: это послѣднее опять зависитъ отъ соображеній историческихъ. Г-жа Мэккензи очерчиваетъ эти границы Старой-Сербіи, какъ онѣ опредѣляются мѣстнымъ преданіемъ. На сѣверѣ, гдѣ Старая-Сербія прилегаетъ къ южнымъ предѣламъ княжества, находится городъ Новый-Базаръ (въ древности Раса, старое гнѣздо Сербіи), откуда къ западу идетъ цѣпь холмовъ, кончающаяся тѣмъ горнымъ узломъ, верхъ котораго составляютъ черногорскія Берды (въ этомъ пунктѣ лежатъ самыя высокія горы европейской Турціи, и главныя вершины, Комъ и Дормиторъ, достигаютъ 8000—9000 футовъ). Въ юговосточной оконечности Старой-Сербіи лежитъ Призренъ, старый сербскій «Царьградъ», и затѣмъ горы Скарда, или Шаръпланины. Какъ на западѣ линія съ сѣвера къ югу означается горами Герцеговины, сѣверной Албаніи и Черногоріи, такъ на востокѣ, линію съ юга къ сѣверу можно провести отъ «града» Марка-Кралевича въ Прилипѣ къ Скопіи, и отсюда, по хребту болгарской Черной-Горы, къ Нишу. Нишъ стоитъ нѣсколько въ сторону отъ границы свободныхъ округовъ, но въ немъ есть памятникъ, построенный турками изъ череповъ сербовъ, павшихъ

на защитѣ свободы,—и этотъ памятникъ, по замѣчанію, сдѣланному Ламартиномъ, обозначаетъ настоящую границу Сербіи.

Въ Старой-Сербіи сосредоточены главные города древняго царства и славнѣйшія воспоминанія сербской старины. На Косовѣ или близъ него лежатъ города Приштина, Ново-Бердо, Вучи-Тернъ, монастырь Грачаница, знаменитая старая церковь въ Самодрежѣ; зàмокъ Звечанъ, нѣкогда резиденція сербскихъ кралей, занимаетъ возвышенность у сѣвернаго входа въ равнину. На равнинѣ «Метохія», которая лежитъ рядомъ съ Косовомъ, отдѣленная отъ него невысокой цѣпью холмовъ, цари изъ рода Неманичей основали свою столицу; «сербскій Царьградъ», Призренъ, лежитъ въ нѣсколькихъ часахъ отъ Ипека, или Печи, столицы сербской патріархіи, и между ними стоялъ знаменитый храмъ въ Дечанахъ, которымъ строитель его такъ гордился, что перешелъ къ потомству съ именемъ Стефана Дечанскаго. Въ народной поэзіи сербовъ Косово знаменито какъ боевое поле, Метохія какъ садъ Сербіи. Повидимому, здѣсь, въ этихъ краяхъ древней Сербіи, собралось тогда не только политическое могущество страны, ея церковное представительство, но и богатство и образованность. Старые памятники, въ видѣ развалинъ или болѣе или менѣе сохранившихся храмовъ, свидѣтельствуютъ, что цивилизація и искусства давно проникли въ эти страны, которыя теперь представляютъ только пустыню.

Поворотнымъ пунктомъ сербской исторіи была косовская битва; но превращеніе плодоносной страны въ пустыню, и извѣстной цивилизаціи въ одичаніе было медленнымъ процессомъ, который состоялъ въ слѣдующемъ. По первымъ условіямъ между султаномъ и покорившимися ему сербами, христіанская церковь и мечеть могли стоять рядомъ, и жители могли молиться въ той или другой, какъ кто хотѣлъ. Но эти условія соблюдались и въ Сербіи такъ же мало, какъ въ Болгаріи. Умѣренность и терпимость держались у турокъ лишь до тѣхъ поръ, пока они не захватили страну крѣпко въ руки; а потомъ они присвоили себѣ все, чего не разрушили. Изъ дѣтей, которые не были убиты, мальчиковъ они брали и готовили въ янычары, дѣвушекъ въ гаремы, а отцы спасались, только «выкупая свои головы» — харачемъ. Церкви или были разрушены, или обращены въ мечети; остальныя уцѣлѣли или потому, что были малы, или потому, что ихъ положеніе не было удобно для могамеданскаго поклоненія, или, наконецъ, потому, что за сохраненіе ихъ христіане готовы были платить большія суммы денегъ. Такимъ образомъ Грачаница и Дечаны продолжаютъ быть источникомъ дохода для мусульманъ.

Послѣ косовской битвы, турки выслали сюда свои колоніи, но могамеданство не имѣло большого успѣха, пока оставалось здѣсь сербское населеніе. Дѣло пошло иначе съ конца XVII-го столѣтія. Завоевавъ Балканскій полуостровъ, Турція вела все дальше свои захваты, и наконецъ, грозила нѣмецкой имперіи; турки овладѣли Венгріей и осаждали Вѣну. Австрія увидѣла, что дѣло серьёзно; она начала войну съ Турціей, и для большаго успѣха искала союзниковъ въ сербскомъ населеніи; но австрійскіе генералы дѣйствовали плохо, и должны были отступить. Покинутые сербы увидѣли, что борьба безнадежна, предпочли покинуть свою родину, чѣмъ покориться, и приняли предложеніе императора выселиться въ предѣлы Австріи. Тогда, въ 1690, произошло извѣстное переселеніе 37,000 семействъ изъ центральной Сербіи въ австрійскія владѣнія, гдѣ они должны были сохранить свое внутреннее управленіе, нравы и церковь. Императоръ требовалъ лишь—на время,—чтобы они защищали предѣлы имперіи отъ турокъ, и обѣщалъ, что онъ завоюетъ для нихъ впослѣдствіи ихъ старую родину.

Старая родина, какъ извѣстно, не была завоевана, и въ ней стали хозяйничать албанцы-мусульмане. Нѣкогда многолюдная, обработанная страна запустѣла; съ мусульманами, какъ и въ другихъ славянскихъ краяхъ, шло разрушеніе и упадокъ. Сербское населеніе, пришедшее въ Австрію и составившее значительную долю Военной Границы, должно было увидѣть, что австрійское правительство не думало исполнять обѣщаній, какія давало относительно ихъ внутренней автономіи... Не мудрено, что эти австрійскіе сербы не забываютъ и теперь, почти черезъ двѣсти лѣтъ, стараго отечества и стремятся къ нему, какъ и ихъ единоплеменники за Дунаемъ. По замѣчанію г-жи Мэккензи, австрійскіе сербы — не менѣе энтузіастическіе сербскіе патріоты, чѣмъ сербы княжества: ихъ молодые люди охотнѣе ищутъ службы въ княжествѣ, чѣмъ въ имперіи. Со времени войны за освобожденіе сотни семействъ переселились въ свободную Сербію, и если турки очистятъ когда-нибудь болѣе южные округи, то масса сѣверныхъ дунайскихъ колонистовъ объявляетъ, что они возвратятся туда, откуда пришли.

Эта неизмѣнная привязанность къ старой землѣ очень знаменательно выразилась тѣмъ, что австрійскіе сербы отдѣлили часть своей территоріи и посвятили ее воспоминаніямъ. Выбранная для этого мѣстность есть Фрушка-Гора, холмистый полуостровъ между Дунаемъ и Савой: здѣсь новоприбывшіе эмигранты построили церкви и назвали ихъ по именамъ оставленныхъ на

родинѣ; сюда они перенесли свои немногія сокровища и останки своего послѣдняго царя.

«Мы посѣтили монастырь, гдѣ лежитъ Лазарь, — разсказываетъ г-жа Мэккензи.—Тѣло его съ Косова-поля было перенесено сначала въ Грачаницу, потомъ въ Раваницу — церковь, находящуюся теперь въ предѣлахъ княжества; наконецъ, въ Новую-Раваницу, построенную на Фрушкой-Горѣ. День Косовской битвы («Видов дан», т.-е. день св. Вита, 15 іюня) празднуется какъ годовщина царя; въ этотъ день тысячи народа приходятъ на богомолье къ его ракѣ, толпясь около открытаго гроба, въ которомъ онъ лежитъ, облеченный въ одежды, въ которыхъ сражался и палъ на Косовѣ. Въ томъ же монастырѣ хранится большая картина битвы: она служитъ текстомъ для поэмъ о турецкомъ завоеваніи»...

Таково было историческое прошедшее Старой-Сербіи. Г-жа Мэккензи вполнѣ вѣрно указываетъ національное значеніе этой страны для сербскаго народа: со Старой-Сербіей соединены для него всѣ главнѣйшія историческія воспоминанія, — а съ этими воспоминаніями неразрывно связано національное сознаніе и чувство народнаго достоинства. Такимъ образомъ стремленіе княжества присоединить Старую-Сербію получаетъ смыслъ не только матеріальнаго пріобрѣтенія, но и глубокаго нравственнаго требованія. Право свободной Сербіи на Старую-Сербію еще усиливается современнымъ положеніемъ послѣдней: возвращеніе ея сербскому народу есть единственное средство возвратить эту страну цивилизаціи. Турецкое и албанское господство отозвались здѣсь только грабежомъ и разореніемъ: это фактъ, продолжающійся нѣсколько вѣковъ, и, слѣдовательно, съ излишкомъ доказанный.

Мы обратимся дальше къ разсказу г-жи Мэккензи о современномъ положеніи Старой-Сербіи, когда въ ней господствуютъ турки и албанцы.

А. Пыпинъ.

НѢМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО

послѣ

ФРАНКО-ПРУССКОЙ ВОЙНЫ

Die neuen Serapionsbrüder. Roman in drei Bänden, von Karl Gutzkow. Breslau, 1877.

Окончаніе.

X *).

Оттомаръ дожидался судебныхъ каникулъ; Марта уѣхала впередъ одна. Она должна была поступить въ постоянныя компаньонки графини Констанціи Трейенфельсъ, вмѣсто Елены, которая храбро выносила затруднительность своего положенія и за которою, наконецъ, пріѣхалъ братъ. Не молодая графиня Ада, но самъ графъ такъ часто повторялъ въ своихъ письмахъ просьбу, чтобы онъ пріѣхалъ, что Оттомаръ оскорбилъ бы графа, если бы, наконецъ, не исполнилъ его желанія. За монументъ графу Вильгельму заплачено было гораздо дороже условленной суммы.

Достойная матрона, владѣтельница величественнаго замка Гохлинденъ, была главой этого маленькаго общества, относившагося другъ къ другу съ необычайной предупредительностью и вниманіемъ. У матроны были свои маленькія слабости и прихоти, которыя общество бережно щадило. То ей казалось, что мѣстная школа нуждается въ ея покровительствѣ, то церковь. Она сама

*) См. выше: авг. 571; сент. 147 стр.

навѣщала бѣдныхъ рожениць, а богатымъ посылала, съ ливрейнымъ лакеемъ, поздравительное письмо съ подаркомъ. За всѣ свои хлопоты и труды она ничего не требовала, кромѣ участія къ ея маленькимъ страданіямъ. Она страдала tic douloureux, болѣзнью знатныхъ дамъ или такихъ, которыя желаютъ быть признаны за знатныхъ.

Генеральша, единственный враждебный элементъ въ зàмкѣ, уѣхала. Это было истиннымъ благодѣяніемъ для всего общества. Ада, не стѣсняясь, по третьему слову повторяла, бывало: «Ахъ! мамаша, когда же ты, наконецъ, уѣдешь! ты, просто, нестерпима!» И это была правда. Манеры и обращеніе этой женщины могли каждаго вывести изъ себя. И при этомъ она нисколько не стѣснялась присутствіемъ постороннихъ: будутъ ли то пасторъ Маркусъ, управляющій или кто изъ сосѣднихъ дворянъ. Бывшій владѣлецъ зàмка на-смерть ранилъ ея мужа, ея «опору въ жизни», источникъ ея величія, барона Лудвига Лотаря Вильдериха Форбека фонъ-Форбекъ (мѣста, существовавшаго на лунѣ) — и поэтому все здѣсь должно было передъ ней преклоняться. Правда, она заявляла при этомъ, что желаетъ только, чтобы принимали во вниманіе ея годы, ея опытность, ея здравое сужденіе! Но Ада оспоривала ея права на всѣ эти преимущества, за исключеніемъ лѣтъ.— «Ты всегда дѣлала только то, чтó тебѣ нравится, мамà», говорила эта, единственная въ своемъ родѣ, правдолюбивая дочь, и когда заходила рѣчь о преобразованіяхъ въ зàмкѣ, то она замѣчала: «ты никогда ничего не смыслила ни въ кухнѣ, ни въ хозяйствѣ и напраснó похваляешься своей опытностью!» И такимъ образомъ, въ комнатахъ, въ корридорахъ, въ кухнѣ и въ салонѣ—вездѣ слышались вѣчные споры и перебранки. Но нетерпѣливый темпераментъ генеральши не позволялъ ей долго оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ. Экипажъ долженъ былъ вѣчно стоять у подъѣзда; лошади вѣчно должны были быть запряжены. Она ѣздила осматривать окрестности; ей нужны были постоянно новыя впечатлѣнія. Она пришла въ окончательную тревогу, когда прослышала про крупныя денежныя потери сына, и объявила, что ея присутствіе и совѣты необходимы ему теперь. «Мама! ты ему перепутаешь всѣ счеты, и только. Ты никогда не была сильна въ счетоводствѣ», замѣчала почтительная дочь, съ свойственной ей сухостью въ тонѣ, въ которомъ однако отсутствовало всякое намѣреніе оскорбить. Денегъ генеральша не могла привезти сыну. Пенсія, которую она получала отъ одного третьестепеннаго нѣмецкаго государства, была очень ограниченна. Ни для кого не было тайной, что она, спекулируя на договоръ, со-

стоявшійся между ея покойнымъ мужемъ и человѣкомъ, убившимъ его, надѣлала цѣлую кучу долговъ. Это открытіе произвело въ свое время очень непріятное впечатлѣніе на графа Удо. Онъ заплатилъ долги, но объявилъ, что далѣе не потерпитъ такихъ мошенническихъ продѣлокъ.

Елена и позднѣе Марта старались разсѣять постоянно унылое расположеніе духа молодой графини. Аристократической спѣси не было въ Адѣ и слѣда. Она была привѣтлива съ ними, но вообще казалась безучастной ко всему на свѣтѣ. Ничто не радовало ее. Ада часто отчаянно хваталась за голову. Мужъ ея, очевидно, любилъ сестру человѣка, въ котораго она сама была безъ памяти влюблена! Ада, когда ей глядѣла въ лицо голова этой Медузы, сама становилась опасна, какъ боченокъ, начиненный порохомъ. Ахъ, эта дуэль! Это взаимное обѣщаніе обоихъ стариковъ, сковавшее волю молодыхъ! Въ ней зажигалось то пламя, которое, вѣроятно, горѣло въ сердцѣ Спартака, когда онъ рѣшилъ разбить свои цѣпи.

Къ великому удивленію Марты, Елена научилась здѣсь ѣздить верхомъ и была такъ мила и изящна въ амазонкѣ и въ маленькой мужской шляпѣ, что братъ порадовался, глядя на нее и на то, какъ она поправилась. Исторія про американскаго капитана, которую разсказала Марта, всѣхъ заинтересовала. Да и Марта повѣствовала ее краснорѣчиво! Вѣдь въ ней замѣшано было имя Вольни. Оттомаръ пополнилъ разсказъ, насколько могъ. Необыкновенныя приключенія капитана производили на всѣхъ какое-то безпокойное, волнующее впечатлѣніе, точно волшебная сказка. Оттомаръ сообщилъ также, что осенью вступитъ въ должность прокурора. Онъ прочиталъ письмо Вольни, въ которомъ тотъ поручалъ ему поклониться Мартѣ...

Стоялъ чудный осенній день; но давно уже обнаружилось, что общество охотно разбивалось на отдѣльныя партіи; то тотъ, то другой, по той или по другой причинѣ, отказывался отъ общей прогулки, или визита къ сосѣдямъ, или въ городокъ Вейльгеймъ, къ тамошнимъ нотаблямъ. Оттомаръ, само собой разумѣется, былъ тѣнью Ады. Они вдвоемъ совершали длинныя прогулки пѣшкомъ. Зачастую бродили они по лѣсу, гдѣ ничего не было видно, кромѣ буковъ и сосенъ. Ада ненавидѣла ихъ неизмѣнную правильность. Ей хотѣлось бы, чтобы тутъ росла причудливая ольха, служащая убѣжищемъ для лѣсныхъ духовъ и вокругъ которой стелется мягкій мохъ; ей бы хотѣлось дубовъ, съ ихъ развѣсистыми вѣтвями. Она охотно карабкалась по горамъ и искала опаснаго уединенія. Но и по близости замка су-

ществовали тѣнистыя убѣжища, боскеты, развалины старой часовни, схороненныя подъ кустами бузины и орѣшника; существовали цѣлые лѣски папоротниковъ у родниковъ или ручейковъ, вытекавшихъ изъ горъ. Въ одномъ изъ такихъ укромныхъ уголковъ Ада и Оттомаръ подолгу просиживали вмѣстѣ и на ея вѣчный комическій вопросъ: «неужели вы не находите, что я перемѣнилась къ лучшему?» онъ постоянно отдѣлывался отвѣтами, въ родѣ: «но развѣ я порицалъ васъ прежде?» или: «съ гостями человѣкъ всегда бываетъ ангеломъ!» Конечно, это ее не удовлетворяло, но она замѣчала: «значитъ, вы все-таки находите, что я ангелъ!» — «По меньшей мѣрѣ, ангелъ! — смѣялся Оттомаръ, подчеркивая слово: по меньшей мѣрѣ. — Спросите у пастора, какіе существуютъ еще высшіе чины небеснаго совершенства?»

Пасторъ, повидимому, уже обратилъ вниманіе на ихъ романическія прогулки. Будто случайно попадался онъ имъ зачастую на дорогѣ. У него были приходы, лежавшіе въ нѣкоторомъ разстояніи, но онъ не имѣлъ прежде привычки шляться по лѣсу. О, если бы этотъ человѣкъ слышалъ, какъ критиковала Марта его послѣднюю проповѣдь, на которой графиня не присутствовала! Съ дѣланнымъ добродушіемъ передавалъ онъ библейскіе разсказы. Пасторъ, разсказывала Марта, въ лицахъ изображалъ сцену, когда двѣ женщины посѣтили по смерти Христа мѣстечко Эммаусъ, ночью, и возставшій изъ мертвыхъ повстрѣчался имъ: «Добраго вечера!» раздалось въ ночной тиши, повѣствовалъ пасторъ. — «Ну, что́, вы удивлены, мои милыя?» отвѣчалъ Распятый». — «Мужикамъ это нравится!» замѣтила строго графиня: «да и образованные люди находятъ въ этомъ отношеніи ту евангельскую вѣру, которая, къ сожалѣнію, все ослабѣваетъ въ людяхъ».

Въ этотъ прекрасный день Ада и Оттомаръ забрели въ маленькую часовню, которая была разрушена еще въ шведскую войну, и стояла на концѣ парка, переходившаго въ лѣсъ. Она была построена въ красивомъ готическомъ стилѣ. Нѣкоторые своды у оконъ еще уцѣлѣли, но вся развалина поросла мхомъ, папоротникомъ и орѣшникомъ. Въ ней стояла скамейка. Бѣлая бузина тоже росла здѣсь въ изобиліи. Она всегда водится тамъ, гдѣ есть развалины, посѣщаемыя ночными призраками.

Ада, настаивавшая на томъ, что трауръ также отлично выражается бѣлымъ цвѣтомъ, какъ и чернымъ, была въ легкомъ бѣломъ платьѣ, съ розой за поясомъ. Волосы, вслѣдствіе жары, были свернуты жгутомъ и открывали прекрасный затылокъ. Она, точно нарочно, затащила Оттомара въ это романическое убѣжище. Полу-смѣясь, полу-плача замѣтила она ему: «нѣтъ, по-

жалуйста, не обращайте все въ шутку! Говорите со мной отнынѣ и навсегда серьёзно! Я теперь возмужала и ненавижу себя такой, какъ я была прежде!»

— Вы, какъ и всегда, очень милы,—отвѣчалъ Оттомаръ,—но я даю торжественное обѣщаніе!

Онъ протянулъ руку, въ которой держалъ книгу, какъ-бы для произнесенія клятвы.

Солнце ярко свѣтило. Въ лѣсу все было свѣжо и весело. Ничто не напоминало объ осени. Только птицы больше не пѣли.

— Но только какъ можно быть такой тщеславной,—началъ Оттомаръ съ намѣренной рѣзкостью,—и вѣчно думать о самой себѣ.

— Вамъ хорошо говорить!—отвѣчала Ада, надувшись.— Прежде я всѣмъ казалась нестерпимой и нисколько объ этомъ не горевала. Но съ тѣхъ поръ, какъ вы сюда пріѣхали, я порѣшила исправиться навсегда. Я, напримѣръ, не хочу больше никогда быть правой.

— Хороша перспектива для юриста, которому вы собираетесь покровительствовать,—замѣтилъ Оттомаръ.—Какая будетъ возможность существовать намъ, юристамъ, если всѣ откажутся отъ своей правоты. Нѣтъ, тотъ профессоръ въ Лейпцигѣ, или гдѣ тамъ, который написалъ сочиненіе «Борьба за право», зналъ лучше, чтó полезно для его собратовъ.

За этимъ послѣдовало долгое молчаніе. Ада положила шляпу возлѣ себя. Гибкая вѣтвь плюща, просунувшаяся въ то, чтó прежде было окномъ, почти касалась ея низконаклоненной головы. Вдругъ она проговорила:—«видите ли, вы просто дразните меня, Альтингъ, а вѣдь вы»...—тутъ голосъ ея прервался. По правдѣ сказать, слезы помѣшали ей продолжать, но она быстро овладѣла собой и докончила: «мой лучшій другъ»! Оттомаръ протестовалъ, но былъ тронутъ довѣріемъ этой мало-образованной, худо-воспитанной, выросшей на предразсудкахъ, среди дурныхъ людей и дурныхъ вліяній, дѣвушки. Рука Ады очутилась въ его рукѣ. Она спокойно положила свою маленькую ручку въ его мужественную, загорѣлую руку.

Онъ отвернулъ голову, потому что не осмѣливался пожать эту руку. Передъ нимъ носился образъ пріятеля, графа!...

Долго оба молчали. Все было тихо вокругъ. Бабочки перелетали отъ одного цвѣтка къ другому. Прилежный паукъ ткалъ свою искусную сѣтку въ зубчатыхъ остаткахъ окна.

Вдругъ Ада сказала съ серьёзностью, отъ которой у Оттомара мурашки забѣгали по спинѣ:

— Альтингъ! я разведусь съ мужемъ, и тогда женитесь на мнѣ!

— Ради Бога, не говорите этого!—вскричалъ Оттомаръ и бросился вонъ изъ развалинъ.

Минуту спустя онъ вернулся. Ада стояла, словно приросшая къ землѣ, въ той позѣ, въ какой изображаютъ Минерву. Въ ея глазахъ горѣлъ огонь, котораго не съумѣлъ бы передать никакой скульпторъ, никакой живописецъ. Вся жизнь ея, казалось, ушла въ глаза.

— Ну, что же тутъ такого страшнаго?—произнесла она спокойно, хватаясь за вѣтку, какъ-бы ища въ ней опоры.—Мой мужъ любитъ вашу сестру! Мы перемѣнимся мѣстами, какъ въ игрѣ въ сосѣди или въ кадрилѣ!

Оттомару этотъ юморъ былъ не по душѣ. Онъ хотѣлъ уйти, но было уже поздно. Онъ увидѣлъ, какъ изъ-за кустовъ вынырнула фигура пастора. Оттомаръ подошелъ къ Адѣ, которая продолжала стоять неподвижно и сказалъ ей мягко и задушевно:

— Графиня, вы грезите!

— Ваша сестра была бы, конечно, счастлива!—отвѣчала Ада, не обращая вниманія на его слова, и, взглянувъ на него съ обольстительной улыбкой, прибавила:—вонъ идетъ пасторъ, и я съ блаженствомъ вспоминаю, что мы протестанты!

— Вы приписываете Еленѣ чувства, какихъ у ней нѣтъ,—возразилъ Оттомаръ. — Она довольна простой долей, какую ей отвела судьба и не претендуетъ на иную! Если графъ Удо былъ настолько неосторожень, что высказалъ ей свое живое участіе и это произвело на нее такое сильное впечатлѣніе, то въ этомъ виновата замкнутая жизнь, какую ведутъ мои родители. Вы видите, что она настолько сладила съ своими чувствами, что нашла мужество пріѣхать сюда!

Ада усмѣхнулась.

— А вамъ это не стоило никакого мужества!—проговорила она, взглянувъ на небо и со слезами въ глазахъ. Въ прекрасныхъ очахъ отразилась лазурь неба. Грудь ея высоко поднималась. Она хотѣла-было прилечь на скамью. Голова у ней отяжелѣла. И такъ какъ Оттомаръ продолжалъ молчать, она залилась горькими слезами и бросилась на шею Оттомару. Онъ не могъ ее оттолкнуть. Лицо ея поблѣднѣло какъ мраморъ.—Вы совсѣмъ меня не любите,—проговорила она съ отчаяніемъ, и заплакала.

Неблагородно бѣжать отъ женщины, которая изъ-за насъ теряетъ голову. Какую-нибудь помощь слѣдуетъ оказать существу, доведенному до послѣдней грани отчаянія. Оттомаръ не желалъ уподобиться Дитерици, отвозящему домой совѣтницу юстиціи, и

которому запираютъ дверь подъ самымъ носомъ съ презрительнымъ:—вы меня никогда не понимали! Воспоминаніе объ этомъ эпизодѣ, въ основаніи котораго лежало, быть можетъ, недоразумѣніе, заставило его овладѣть собой. Онъ проговорилъ убѣдительно, но не холодно:

— Графиня! успокойтесь!..

— Не называйте меня такъ! меня продали! Я должна была выдти замужъ за графа! Моя семья была по уши въ долгахъ! Я вытащила ее съ большимъ трудомъ... я готова убить брата за то, что онъ снова топитъ мать и меня... мѣшаетъ мнѣ послѣдовать влеченію моего сердца!..

— Ада!—просительнымъ и довѣрчивымъ тономъ проговорилъ Оттомаръ.

— О! благодарю васъ!—сказала она, улыбаясь, и привлекла къ себѣ любимаго человѣка, охватила его шею руками и поцѣловала въ лобъ; онъ прижалъ губы къ ея розовой, атласистой щечкѣ. Такъ они простояли нѣкоторое время. Затѣмъ Адѣ послышался шорохъ, и они отодвинулись другъ отъ друга. Молча пошли они рядомъ. Ада оправила свое платье. Она была точно во снѣ, у ней передъ глазами носились все розы, однѣ только розы. Оттомара мучило раскаяніе. Измѣна другу возмущала его противъ самого себя, а между тѣмъ... развѣ самъ графъ былъ на прямой дорогѣ? Природа—регуляторъ всѣхъ вещей на землѣ! звучало въ немъ точно гимномъ вселенной. Всѣ наши искусственныя перегородки, всѣ предвзятыя идеи и предразсудки должны пасть передъ ея могуществомъ.

И дѣйствительно, поведеніе Ады должно было придать ему силы Титана. Въ замкѣ она вполнѣ овладѣла собой и восхитила всѣхъ своимъ веселымъ расположеніемъ духа и живостью, рѣзвыми выходками и безобидными шутками. Она могла быть, когда того хотѣла, очаровательна!

Старуха графиня прослышала про ярмарку, готовившуюся въ Вейльгеймѣ. То-то будетъ праздникъ! То-то будетъ веселое partie-de-plaisir!

Ада придумала даже отправиться на ярмарку въ фантастическихъ костюмахъ и бросать въ толпу конфектами, золотыми монетами, и тому подобныя сумасбродства.

Графиня Констанція не захотѣла и слышать про такія нелѣпости. Она составила свой собственный планъ: она желала осчастливить людей, и продавцовъ, и тѣхъ, кому предназначались

покупки. Почтенная матрона туго набила свой кошелекъ въ день ярмарки. Общество отправилось въ двухъ открытыхъ экипажахъ, которые однако могли и закрываться, въ случаѣ необходимости: похоже было на дождь. Въ одномъ экипажѣ помѣстилась старуха графиня и съ ней Марта и Оттомаръ, а въ другомъ—графъ, Елена и Ада.

Всѣ были возбуждены. Болтовня не умолкала; даже Оттомаръ разговорился. По дорогѣ безпрестанно попадались прохожіе, жители сосѣднихъ мѣстечекъ, торопившіеся на ярмарку. Въ городкѣ оба экипажа окружила толпа народа, глазѣвшая на серебряную упряжь, на ливрею слугъ. Графиня-вдова любила щеголять своей княжеской пышностью. Но горизонтъ омрачался. Порывистый вѣтеръ грозилъ снести всѣ на-скоро выстроенныя лавки. Поднялась бѣготня и суматоха. Можно было ожидать ливня. Удовольствію бѣгать по лавкамъ наступилъ конецъ, прежде нежели успѣли закупить все, что́ имѣлось въ виду. Полилъ дождь какъ изъ ведра, и Ада слезливо вскричала:—бѣдные пряники. Этому товару дѣйствительно грозила наибольшая опасность отъ перемѣны погоды. Въ экипажахъ нужно было распустить зонтики. Молнія прорѣзалась сквозь сѣрыя тучи. Пришлось искать убѣжища въ мѣстной гостинницѣ, а экипажи распрячь и поставить въ конюшню.

Старой графинѣ не разъ уже случалось переживать все это. Но молодежь была въ восторгѣ отъ неизвѣданныхъ еще ею радостей vie champêtre, и съ настоящимъ восторгомъ отправилась въ «лучшую» комнату гостинницы съ стеклянными шкапами съ различной посудой, позолоченными чашками, фарфоровыми куколками, и даже часами съ кукушкой! Дождь шелъ такъ долго, что наступили уже сумерки. Графиня-вдова не прикасалась къ яйцамъ и ветчинѣ, которую велѣли себѣ подать мужчины, и страстно захотѣла чаю. Обратное путешествіе должно было занять около часу. Въ за́мокъ предстояло пріѣхать уже ночью. Прислуга старательно уложила всѣ покупки въ каретные ящики. Въ городкѣ уже появились слабыя попытки освѣщать улицы керосиномъ—прогрессъ, на который консервативная старая графиня смотрѣла скорѣе со страхомъ, нежели съ удовольствіемъ. Общество поспѣшно разсѣлось по экипажамъ. Надо было торопиться. Не́когда было соображать кому куда сѣсть. И вотъ оказалось, что въ экипажъ старухи-графини, кромѣ Оттомара и Марты попала еще и ея невѣстка, Ада. Экипажъ покатился, когда все еще торговались о томъ, кому пересѣсть въ другой. Суета, толкотня людей, подъ раскрытыми зонтиками, не давала возможности разсуждать отсталымъ: Еленѣ, замѣшкавшейся потому, что розыскивала свою

шаль, и графу Удо, расплачивавшемуся съ хозяиномъ, и они, не размышляя долго, прыгнули въ карету, а Ларозъ помѣстился на козлахъ.

Подобныхъ случаевъ, какъ теперешній, Елена старалась постоянно избѣгать со времени своего пребыванія въ замкѣ, а графъ Удо старался ихъ устроивать. Его потребность высказаться усилилась до такой степени, что онъ уже осмѣлился сказать Еленѣ, что вернулся изъ Италіи съ бóльшимъ уныніемъ и разочарованіемъ.

Елена испугалась, когда очутилась наединѣ съ графомъ въ темной, еще не освѣщенной фонарями каретѣ. Дорога была довольно пустынна. Дѣвушка забилась въ уголокъ, плотно завернувшись въ турецкую шаль, подарокъ старухи графини. Нѣжная ткань окутала ее съ головы до ногъ. Виднѣлась только одна прелестная головка, съ выразительными темными глазами и изящно причесанными, золотисто-бѣлокурыми волосами, на которыхъ сидѣла микроскопическая шляпка. Подобные современные головные уборы нельзя даже сравнить съ гнѣздомъ ласточки, прилѣпившимся къ стѣнѣ. Густые волосы были свиты жгутомъ на затылкѣ.

Графъ курилъ сигару, когда садился въ карету.

— Не бросайте сигары!—сказала Елена.—Это вознаградитъ васъ за перемѣну общества!

— Вознаградитъ? чтó вы говорите?—спросилъ графъ.

«Какая глупость!»—подсказала совѣсть Елены.—«Къ чему я заговорила съ нимъ объ этомъ!»

Между тѣмъ графъ не отставалъ.

— Какъ могла случиться эта перемѣна? вы всегда какъ будто боитесь меня! Помните, я часто васъ въ этомъ упрекалъ.

Елена усмѣхнулась. Она не знала, какъ шелъ къ ней этотъ смѣхъ, хотя онъ былъ искусственный, вызванный смущеніемъ.

— Уже въ городѣ,—продолжалъ графъ,—когда въ мастерской не было вашего батюшки и кого-либо изъ домочадцевъ, вы постоянно ощущали страхъ въ моемъ присутствіи! Кроликъ, sans comparaison, чувствуетъ себя такъ въ сосѣдствѣ съ гремучей змѣей!—продолжалъ онъ, показывая своей смѣлой метафорой, насколько его задѣвало и оскорбляло то, что Елена избѣгаетъ его общества.

Мать напутствовала Елену мудрымъ правиломъ:—избѣгай всякихъ анализовъ душевныхъ состояній. Говори съ жаромъ только о простыхъ вещахъ! Большинство молодыхъ дѣвушекъ попадаются въ просакъ оттого, что пускаются съ молодыми людьми ана-

лизировать чувства, философствовать! Заключительнымъ параграфомъ такого анализа является обыкновенно объясненіе въ любви, котораго лучше было бы избѣжать.

Елена заговорила про ярмарку и радость, ожидающую тѣхъ лицъ, которымъ предназначены подарки. Пасторша съ восторгомъ накроетъ скатертью, которая ей предназначалась, столъ при первомъ же удобномъ случаѣ, когда пригласитъ своихъ пріятельницъ на кофе.

— Богъ съ ней, съ пасторшей!—повторилъ графъ раздражительно.

— Да и пасторъ тоже будетъ доволенъ,—продолжала настаивать Елена.—Мужчины умѣютъ цѣнить всякое приращеніе въ хозяйствѣ!

Елена дѣлала видъ, что не замѣчаетъ удивленія и досады графа на то, что разговоръ принимаетъ такое направленіе.

— Рано или поздно,—продолжала она развивать свою мысль,—хозяйка вѣдь все-равно потребовала бы этой вещи у мужа.

— Фрейлейнъ Альтингъ, какъ жаль, что Гёте не знавалъ васъ!—замѣтилъ графъ.

— Какъ такъ? Я выражаюсь, по-вашему, какъ книга? Или какъ старая экономка? Я бы не внушила ему лучшаго понятія о женщинахъ. Гёте, повидимому, былъ совсѣмъ нехорошаго о насъ мнѣнія!

Еленѣ пришлось поневолѣ выдвинуться нѣсколько изъ своего уголка, потому что шляпкѣ ея грозила опасность быть раздавленной. Шаль мало-по-малу спустилась съ плечъ, потому что ей стало жарко, и прекрасныя очертанія ея фигуры яснѣе обозначились въ сумракѣ. Дорога въ этомъ мѣстѣ не была засажена деревьями. Кругомъ было темно и тихо. Слышался только скрипъ колесъ по новому щебню шоссé.

— Я хочу сказать,—отвѣчалъ графъ—Елена не могла видѣть его улыбки,—что вы подтвердили бы нѣкоторые изъ его типовъ! Par exemple: благонамѣренную Терезу въ «Вильгельмѣ Мейстерѣ!»

— Такъ и есть!—проговорила Елена полу-обиженная, полу-улыбающаяся.—Безусловная проза! Но вѣдь безъ нея не обойдешься, графъ! Вы бы послушали, какъ разсуждаетъ папà обо всѣхъ гётевскихъ героиняхъ! У папá свои собственные взгляды на литературу и искусство! Когда я, возвращаясь изъ школы, выкладывала ему свою мудрость, онъ всегда поднималъ меня на смѣхъ. Всѣхъ женщинъ Гёте онъ называетъ жеманными, старыми, веймарскими статсъ-дамами и тайными совѣтницами! Представьте:

даже Доротею, даже Леонору и Ифигенію онъ не исключаетъ! Всѣ,—говоритъ онъ,—только и знаютъ, что резонируютъ, да изрекаютъ тирады о женскомъ достоинствѣ! Но онѣ совсѣмъ не женщины! У нихъ нѣтъ крови въ жилахъ! И даже Доротея, по его мнѣнію, не что иное какъ барельефъ, а не живая человѣческая фигура во весь ростъ! Такою ее хотѣлъ изобразить поэтъ, но онъ никогда ее не видывалъ, точно такъ, какъ и Германа! Доротея постоянно разыгрываетъ Навзикаю изъ «Одиссеи» и выступаетъ въ сознательныхъ античныхъ позахъ. Гёте понималъ только такихъ женщинъ, какъ..... —тутъ бѣсенокъ, сидящій во всѣхъ женщинахъ, а также и въ Еленѣ проснулся, она была такая же дочь Евы, какъ и всѣ другія—съ сдержаннымъ недовѣріемъ вылетѣло слово:—какъ фрейлейнъ Эдвина Марлофъ!

Графъ молчалъ. Онъ удивился и размышлялъ. «Ревность—вѣдь любовь», соображалъ онъ. Съ сознаніемъ своей невинности и чистоты, стоящей внѣ всякихъ подозрѣній, которыя, быть-можетъ, руководили Еленой, онъ замѣтилъ:

— Да, я желалъ бы познакомиться съ этой замѣчательной особой! И не только съ ней—говорятъ, она красавица и очень умна—но и съ той особой, которая ведетъ ея хозяйство. Мнѣ описывали ее, какъ безконечно-комическое явленіе, но, быть-можетъ, комичность ея будетъ мнѣ симпатична. J'aime le sublime! Она, говорятъ, читаетъ трагическія вещи, какъ Тальма! Пыль, наполняющая мастерскую вашего батюшки, залѣпляетъ ему порою глаза и онъ судитъ... какъ слѣпой.

— Вы становитесь злы, графъ!—возразила Елена, задѣтая за́-живо, и поглядѣла на дорогу, причемъ должна была измѣнить свою позу.—Не забывайте однако,—прибавила она добродушно,—что вы зачинщикъ этой маленькой распри и что вѣдь я не Гетёвская Тереза!

— Нѣтъ, нѣтъ!—вскричалъ графъ восторженнымъ тономъ, и хотѣлъ распространиться о своихъ впечатлѣніяхъ, но Елена опустила стекло у кареты. Графъ сдержалъ себя и умолкъ. Но дождь лилъ, какъ изъ ведра. Стекло кареты пришлось снова поднять. Дождевые зонтики, раскрытые прислугой, отнимали у ней всякую возможность заглянуть въ карету, гдѣ, къ тому же, царствовалъ совершенный мракъ, сквозь который едва можно было разглядѣть очертанія сидѣвшихъ въ ней господъ.

— Вашъ батюшка все разбиваетъ!—началъ графъ.—Даже собственныя произведенія! Подождите, онъ еще разобьетъ монументъ моего дяди!

— И будетъ правъ,—отвѣчала Елена, ободряясь.—Тутъ по-

вторится исторія его «Амура и Психеи», разбившихся, когда еще были изъ глины. Прекрасное сокрушается при столкновеніи съ пошлостью! Но папà гораздо легче теперь относится ко всему этому! Онъ думаетъ вмѣстѣ съ Шиллеромъ, что вселенною управляетъ глупость!

— Но вы этого не думаете!—вскричалъ графъ.—Или вы думаете, что поэтъ, сокрушавшійся о пошлости, оковывающей насъ, понималъ подъ этимъ что-нибудь иное, а не будничную жизнь и не силу привычки? Это удивительно! Даже самыя знаменитыя актрисы всегда тàкъ подчеркиваютъ слово «пошлость», какъ-будто бы дѣло шло о какой-нибудь мальчишеской интригѣ или пустой газетной статейкѣ! Это просто смѣшно! Подъ пошлостью здѣсь подразумѣваются нравы и обычаи, приличія, сковывающія насъ! Я стою за «пошлость», но не позволю ей оковать себя!

Графъ, говоря это, все ближе и ближе пододвигался къ молодой дѣвушкѣ. Взбунтовавшіяся стихіи какъ-будто были противъ нея въ заговорѣ. Вѣтеръ хлесталъ деревья. Графъ, повидимому, потерялъ всякое самообладаніе. Воспоминаніе о томъ, что съ Гохлинденомъ, съ этимъ маленькимъ городкомъ, гдѣ инженеръ Марлофъ проводилъ желѣзную дорогу, связана тайна, тяготѣющая надъ нимъ; мысль о томъ, что графъ Вильгельмъ смотрѣлъ на жизнь истиннымъ философомъ, печаль о необходимости подавлять всѣ свои естественныя впечатлѣнія, печаль объ игѣ, налагаемомъ предразсудками, — все это привело его въ состояніе такого нервнаго возбужденія, что онъ вскричалъ:

— Кругомъ одни противорѣчія! Люди, совершенно неподходящіе другъ къ другу, связаны внѣшнимъ образомъ...

— Кучеръ ѣдетъ такъ скоро,—перебила Елена, совсѣмъ перепуганная. Графъ становился все чуднѣе и чуднѣе.

— Не напоминаетъ ли вамъ этотъ дождь свѣтское злословіе! какъ и послѣднее—онъ льется неудержимо! Настоящій потопъ! И все новыя облака надвигаются! И туманы бушуютъ, въ особенности тѣ, что не могутъ вырваться изъ долинъ! О, если что-нибудь есть скрытое, какая-нибудь тайна, любовь,—она должна обнаружиться! Кàкъ вы думаете,—заключилъ онъ отважно:—не наступитъ ли когда-нибудь моментъ, когда свѣтъ узнаетъ, что вы моя законная жена?

Елена не понимала больше этого юмора. Онъ ей казался дьявольскимъ. Кровь бросилась въ голову отчаянно-влюбленному человѣку. Онъ говорилъ, какъ помѣшанный:

— Успокойтесь, успокойтесь!—не дрожите такъ! Я не желаю злоупотреблять случаемъ! Я благородный человѣкъ! Но... вы ку-

миръ моей души!.. это вѣрно!.. и слово «разводъ» я выговариваю совершенно сознательно! Это лучшее, что есть въ протестантизмѣ, который я вообще ненавижу, какъ и всѣ религіи!

Руки графа дрожали. Онъ хотѣлъ схватить руку Елены. Потрясенная дѣвушка съ самаго начала позабыла со страха надѣть перчатки. Въ ужасѣ она отнимала свои руки, но графъ такъ крѣпко держалъ ихъ и такъ долго сжималъ похолодѣвшіе пальцы, какъ-будто бы хотѣлъ согрѣть своей нѣжностью; онъ прижалъ ихъ къ губамъ, но долженъ былъ, наконецъ, ихъ выпустить. Елена, молчавшая все время и старавшаяся высвободить свои руки, спрятала лицо въ шали, а графъ замѣтилъ: «о, боги, не смѣйтесь на своемъ Олимпѣ, потому что вѣдь все это, право, комично! Здѣсь, въ темной каретѣ, хитрый волшебникъ Мерлинъ устроилъ рай! Розовые сады Кашмира за-ново расцвѣтаютъ и притомъ мокрые каретные ремни хлещутъ насъ по лицу! Если бы я могъ, я бы расхохотался отъ души, божественная, обожаемая Елена! Скажите только одно слово: «я прощаю васъ»...—или если хотите: «я прощаю всѣ ваши глупости, потому что они исходятъ изъ преданнаго сердца!»

Послѣднія слова графъ прибавилъ, потому что услышалъ, что Елена плачетъ—и это испугало графа. Онъ растерялся. Онъ не понималъ, какимъ образомъ можно расплакаться оттого, что Крезъ-графъ объясняется въ любви. Онъ испугался,—не оскорбилъ ли онъ какъ-нибудь женское достоинство Елены, вспомнилъ про Оттомара и умолкъ. Сердце его сильно билось.

Онъ забился въ другой уголъ, но черезъ нѣсколько секундъ тихо заговорилъ, словно про-себя, но такъ, чтобы Елена могла его слышать:

— Я долженъ спасти свою будущность! Ада желаетъ развода! Намъ остается только изобрѣсти исторію о невѣрности! Эту исторію обработаютъ для насъ компетентные люди! Мы посовѣтуемся съ Александромъ Дюма, если нужно! Мы его изучимъ, какъ слѣдуетъ! Таковы порядки въ нашемъ цивилизованномъ свѣтѣ! Да, да!—заговорилъ онъ съ страннымъ юморомъ, обратившись къ окну:—вы, деревья, выслушайте хоть вы мою тайную надежду! Сохраните ее въ тайнѣ! Я желаю быть любимымъ, ради самого себя, а не за мое богатство! При этой мысли у меня голова кружится отъ блаженства, грудь готова разорваться!

Съ этими словами онъ опустилъ стекло. Карета сейчасъ должна была остановиться, и какъ нельзя болѣе кстати: Елена собиралась выскочить изъ нея. Они еще не подъѣхали къ замку, но уже фонари засверкали въ потемкахъ. Кучеръ пропустилъ впе-

редъ карету старой графини. Затѣмъ графъ и Елена медленно подъѣхали къ подъѣзду. Ни слова больше не было сказано. Елена постаралась овладѣть собою настолько, чтобы не выдать своего смущенія другимъ. Никому не могло показаться удивительнымъ, что она объявила, что не хочетъ ужинать и ушла въ свою комнату, гдѣ и заперлась. Тутъ она залилась слезами со стыда и отчаянія. У ней не было другого утѣшенія, какъ разумная бесѣда Марты. Съ Оттомаромъ она могла быть откровенной, потому что въ немъ самомъ шла такая же борьба, какъ и въ ней. Она думала: «послѣднія слова графа... какъ они были глубоко прочувствованы, благородны, сильно выражены!»..

Наблюдательная Марта давно уже увидѣла, въ какомъ положеніи находится дѣло. Уже за чаемъ ее поразила необыкновенная разсѣянность графа. Отсутствіе Елены ей все объяснило.

Комната Марты находилась въ боковомъ флигелѣ. Свѣжій вѣтеръ несся съ луговъ и изъ парка. Липы давно отцвѣтали, но сѣно, скошенное уже вторично и сложенное въ копны, распространяло чудный ароматъ. Садъ стоялъ еще въ полной красѣ. Розы, правда, уже отцвѣли, но за то другихъ цвѣтовъ было въ изобиліи. Объ астрахъ и георгинахъ Ада говорила, что терпѣть ихъ не можетъ. Они напоминаютъ ей о наступленіи осени, и съ каждымъ годомъ, говорила она, ей кажется, что они появляются все раньше и раньше. Она сердилась за это на садовниковъ. «Развѣ вы не можете сдѣлать такъ, чтобы астры позднѣе расцвѣтали?» Садовники смѣялись. А между тѣмъ георгина въ волосахъ Ады очень шла къ ней.

За̀мокъ стоялъ погруженный въ ночной мракъ. Луна освѣщала сторону дома, противоположную той, въ которой жила Марта. Она раскрыла окно въ своей комнатѣ. Ей отведенъ былъ высокій, красивый покой. Потолокъ и стѣны были расписаны. Въ такихъ покояхъ легко и пріятно дышется. Марта думала о Вольни. Удивительно однако, что онъ ей не пишетъ. Онъ прислалъ ей только поклонъ черезъ Густава Голля, правда, такой дружественный, искренній. Но сколько американскій капитанъ, съ которымъ она встрѣчалась у стариковъ Альтинговъ, ни разсказывалъ про Вольни, ничто въ этихъ разсказахъ не показывало, чтобы онъ интересовался Мартой. И, со всѣмъ тѣмъ, Марта вѣрила въ него и глядѣла на луну, которая теперь выплыла въ полной своей красѣ изъ-за черпаго сосноваго лѣса. Она глядѣла на этого регулятора всѣхъ таинственныхъ житейскихъ отношеній. Это удивительное свѣтило проливаетъ надежду въ сердца и производитъ приливъ и отливъ, біеніе сердца земной жизни!.. Марта

задумалась объ окружающихъ ее людяхъ. Она знала уже, что ея пріятельницѣ предстоитъ нѣкотораго рода искусъ въ томъ, что она должна жить въ Гохлинденѣ. Она знала также, что Оттомаръ занимаетъ исключительно графиню Аду. Это предпочтеніе было ей понятно. Братъ ея пріятельницы и ей казался привлекательнѣе графа; потому что хотя этотъ послѣдній былъ тоже — и уменъ, и благороденъ, и изященъ, но въ немъ замѣчалась какая-то нерѣшительность, какая-то слабохарактерность. Современная дипломатія представила въ одномъ знаменитомъ процессѣ примѣръ того, какъ одно свѣтское образованіе не выдерживаетъ столкновенія съ серьёзными сторонами жизни. Графъ Удо принадлежалъ къ той же любезной и болтливой школѣ дипломатовъ, Оттомаръ же дѣйствовалъ всегда рѣшительно и твердо. Сужденія его опирались на философію, выработанную имъ о людяхъ и вещахъ вообще, — философію, нѣсколько пессимистическую и заставлявшую его во многому относиться холодно и безпощадно. Графъ Удо хватался за мелочи, по цѣлымъ недѣлямъ носился съ какимъ-нибудь изреченіемъ Байрона или Ларошфуко, которымъ онъ, какъ Ада говорила, солилъ супъ и жаркое. Эта школа дипломатовъ отличается, прежде всего, уклончивостью, гоняется во всемъ за сильными ощущеніями и, когда дѣло становится слишкомъ серьёзно, отступаетъ назадъ, хлопоча лишь объ одномъ, чтобы дѣло не попало въ руки неизвѣстныхъ ей людей, — военныхъ высшаго ранга. Елена часто находила весьма милымъ, когда графъ говаривалъ: «сознаюсь, что я, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ дипломатіи и крайне развитой осторожности и занятія мелочами, — скоро не буду въ состояніи отличить чашки чаю отъ тарелки супа». Ада же находила такія признанія не только крайне-безтактными, такъ какъ, — говорила она, — о себѣ можно говорить худое только тогда, когда имѣешь серьёзное намѣреніе исправиться, но и по самой сущности своей недостойными мужчины и того общества, которому онъ принадлежалъ. Кромѣ того, въ этихъ самообвиненіяхъ, — говорила тонкая наблюдательница, — лежитъ въ основаніи только самодовольство; потому что люди, обвиняющіе себя такимъ образомъ, всегда оставляютъ для себя лазейку, которая должна побудить насъ къ такому приговору: «то, что ты порицаешь въ самомъ себѣ, — все же очень интересно и поэтично!»

Марта размечталась у открытаго окна, слѣдя за темными тѣнями, скользившими по лугамъ: — что такое жизнь, и какъ она слагается изъ безчисленныхъ сокровенныхъ стремленій! Какъ все въ жизни переплетается и перепутывается! Вотъ здѣсь на-

ходятся четыре человѣка, которые кажутся иными, чѣмъ они суть въ дѣйствительности! Невидимые духи оковывають ихъ волшебными узами! Ахъ! Вейльгеймскій пасторъ сказалъ бы: — все это одинъ грѣхъ! а между тѣмъ каждый пользуется только своимъ человѣческимъ правомъ! Или тѣ философы правы, которые утверждаютъ, что изъ принужденія, изъ нравственной силы переносить историческую неправду возникаетъ истинная цивилизація? Ужасное, жестокое слово! Право, можно тогда съ отчаянія убѣжать къ индѣйцамъ. — Нѣтъ, нѣтъ! къ мормонамъ! — замѣтила однажды Ада, когда зашелъ споръ объ этомъ вопросѣ.

Марта глядѣла на звѣзды, какъ будто стараясь въ нихъ прочитать, помнитъ ли ее Вольни? Звѣзды говорили ей: — жди и надѣйся!

Передъ ней вдругъ всталъ образъ брата. Ей надо было имъ заняться. Она получила отъ него длинное, предлинное письмо. Когда она рѣшилась прочесть его, то мысленно простилась со всѣми пріятными впечатлѣніями, подъ вліяніемъ которыхъ находилась. Все, что смутно волновало ее до сихъ поръ, не могло омрачить ея духа. Но теперь и самый мѣсяцъ спрятался за тучи. Сосновый лѣсъ одинъ царилъ надъ окрестностью. Теперь могъ начать свою бѣшеную скачку волшебный стрѣлокъ. Воздухъ не былъ удушливъ, какъ передъ грозой. Все было тихо и спокойно вокругъ. Но Марта должна была разстегнуть платье, потому что уже когда она стала распечатывать письмо съ двойной почтовой маркой, сердце у ней сильно забилось, а дыханіе въ груди стѣснилось. Она была въ настоящую минуту точно ясновидящая. Она видѣла сквозь конвертъ то, что стояло въ письмѣ! Охъ, этотъ побѣдоносный, диктаторскій слогъ, слогъ австрійскихъ газетныхъ передовыхъ статей! какъ называлъ его Оттомаръ, которому она разъ прочитала отрывокъ изъ письма. Все бьетъ только на эффектъ!

Братъ писалъ, что онъ счастливъ до послѣдней степени, превозносилъ Эдвину до небесъ и распространялся о своей любви къ ней. Далѣе онъ писалъ, что дѣла на фабрикѣ идутъ плохо. Акціонеры не получаютъ никакого дивиденда. Акціи падаютъ страшно. Писалъ о томъ, что Эдвина ссудила ему 8,000 талеровъ на поправленіе дѣлъ, и что ему удалось, благодаря этому обстоятельству, вызвать временное повышеніе курса на акціи. Марта перевернулась въ постелѣ съ одного бока на другой. Ей было жаль бѣдную дѣвушку, которую обирали такъ безцеремонно. Но постскриптумъ былъ еще ужаснѣе и привелъ ее въ совершенное отчаяніе. Братъ писалъ, что семейство графа Трейенфельса

такъ дешево не отдѣлается отъ Эдвины, и что оно обязано обезпечить Эдвину, и что у послѣдней есть средства добиться этого. Братъ поручалъ даже Мартѣ разузнать, какого мнѣнія на этотъ счетъ старуха графиня и молодой графъ.—Какъ все это низко!—вскричала бѣдная Марта. Съ отчаяннымъ сердцемъ искала она забытья во снѣ.

XI.

Пасторъ Меркусъ изъ Вейльгейма, который отправлялъ также службу и въ Гофлинденской церкви, зачастую являлся ко второму завтраку. Самъ онъ обѣдалъ по деревенскому, въ полдень, но ему было нипочемъ вслѣдъ затѣмъ набивать себѣ желудокъ за графскимъ столомъ. Пасторъ былъ еще не старый человѣкъ. Онъ не разсчитывалъ окончить свой вѣкъ въ Вейльгеймѣ, но желалъ пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ. Во всемъ, что̀ касалось школы, церкви и даже самого государства, онъ придерживался консервативнаго духа. Онъ умѣлъ заводить такіе разговоры, которые интересовали старую графиню. Сегодня, напримѣръ, онъ завелъ рѣчь объ опустошеніяхъ, причиненныхъ вчерашнимъ дождемъ. Послѣ того подарки были распредѣлены совсѣмъ не такъ, какъ предполагалось вчера. Старая графиня во всемъ слушалась пастора.

Молодые обыватели за̀мка, графъ Удо и Ада, предоставляли въ первое время маленькому тирану полную свободу дѣйствія. Лишь съ пріѣздомъ Елены у него явились причины ревновать старую графиню. Положеніе дѣлъ ухудшилось, когда пріѣхала Марта. Пасторъ услышалъ, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы Мартѣ совсѣмъ остаться при старой графинѣ, и онъ задумался. Съ этихъ поръ онъ началъ постоянно шнырять вокругъ за̀мка.

Сегодня была чудная погода и солнце скоро обсушило дороги. Общество разбилось на партіи. Елена ушла гулять съ Адой, Оттомаръ съ Удо. Графъ предложилъ пріятелю идти съ нимъ въ лѣсъ на гору, гдѣ предстояло вырубить участокъ лѣса. Лѣсничій дожидался его тамъ ровно въ часъ пополудни.

По дорогѣ, шедшей въ гору, подъ соснами и буками, пропускавшими волшебное солнечное освѣщеніе, оба пріятеля откровенно и честно сознались другъ другу въ томъ, что̀ себѣ позволилъ одинъ и что̀ стряслось надъ другимъ.

Оттомаръ не проронилъ бы ни словечка о признаніи Ады, если бы самъ графъ не сказалъ:

— Что Ада любитъ тебя—это для меня не тайна! Это развязываетъ мнѣ руки! Недостаетъ только одного слова, которое бы меня осчастливило, и тогда.... ужасно это, однако! какой скандалъ! Взаимной антипатіи, спокойныхъ и разумныхъ доводовъ не допускаютъ для развода наши богословскія свѣтила, становящіяся все притязательнѣе и притязательнѣе!...

Оттомаръ былъ крайне возбужденъ.

— Я замѣшанъ въ эту путаницу противъ воли и, быть можетъ, пропаду совсѣмъ,—раздражительно замѣтилъ онъ.

— Какъ такъ?—спросилъ графъ.

— Я не знаю чувствъ сестры! — продолжалъ Оттомаръ.— Ты, конечно, произвелъ на нее нѣкоторое впечатлѣніе. Сохранилось ли оно, усилилось или ослабѣло — объ этомъ я, прости меня, никогда ее не разспрашивалъ.

— Все дѣло въ финансовыхъ соображеніяхъ, которыя легко уладить! Я на все готовъ! — замѣтилъ графъ довольно самонадѣянно.

— Я буду жить на доходы Ады? Ты меня оскорбляешь!— закричалъ Оттомаръ и, приподнявъ лѣтнюю шляпу со лба, сердито провелъ рукой по волосамъ...—Господи! у меня вся кровь прилила къ головѣ отъ одной мысли объ этомъ!—закричалъ онъ яростно.

— Другъ, другъ,—успокоивалъ графъ, — не усложняй безполезно и безъ того запутанныхъ обстоятельствъ!

— Нѣтъ,—продолжалъ Оттомаръ,—твое легкомысленное отношеніе къ этому дѣлу характеризуетъ тотъ міръ, въ которомъ ты вращаешься! Чтобы свободно болтать по-французски, вы ничего не читаете, кромѣ французскихъ романовъ, и дѣйствуете на основаніи идей Дюма́!

— Неправда, неправда, — перебилъ Удо, — для меня французскими романами долгіе годы служила болтовня съ Ларозомъ!... Но, — поправился онъ,—развѣ я виноватъ, что Монтань писалъ по-французски?

— Ваши воззрѣнія слишкомъ развязны! Творецъ небесный!— вздыхалъ Оттомаръ.—Отецъ былъ уже внѣ себя отъ гнѣва, когда Елена носъ повѣсила, узнавъ про твою обязательную женитьбу...

— Неужели это правда? Неужели это было?—перебилъ графъ въ восхищеніи.—Она любитъ меня! Я предчувствовалъ это! Нужно только устранить всѣ препятствія съ пути! Милый другъ! не противься! Да! природа вѣдь не есть продуктъ божественнаго разума, нѣтъ, я выскажу болѣе религіозное воззрѣніе: она продуктъ божественнаго чувства! Сознавать свою жизнь снова слив-

шеюся съ міромъ атомовъ, о! что это за счастіе! что за блаженство! Все, что мы закрѣпили законами, традиціями—все это чистѣйшая глупость!

— Ученіе объ атомахъ для меня нуль!—возразилъ Оттомаръ, смѣясь. — Была ли вселенная съ самаго начала такою, какова она теперь, или же она сначала развилась изъ одного зародыша, или этотъ зародышъ уже носилъ въ себѣ цѣлое — кто можетъ знать это! Атомы не что иное, какъ костыль мышленія!

— Хорошо,—подхватилъ графъ, — я не стою ни за какую метафизическую систему. Я говорю только, что люди, производящіе на насъ пріятное впечатлѣніе, эѳиръ, окружающій насъ — вотъ единственное, въ чемъ мы можемъ быть увѣрены! Я смету всѣ препятствія, которыя мѣшаютъ мнѣ послѣдовать влеченію моего сердца! Ада меня не любитъ! Я, быть можетъ, примирился бы съ своей судьбой и согласился бы... вѣчно оплакивать Елену! Но Ада выказываетъ ко мнѣ явное нерасположеніе. Пусть! Это меня не особенно огорчаетъ. Моя мужская гордость нисколько не возмущена тѣмъ, что она ничего не находитъ во мнѣ привлекательнаго. Она...

— Не глупа!—перебилъ Оттомаръ выразительно.

— Voilà l'amoureux!—вскричалъ графъ, смѣясь.—Моя любовь къ охотѣ, ѣзда верхомъ, мой свѣтскій разговоръ — все это въ ея глазахъ традиціонныя дворянскія манеры. Она на все это насмотрѣлась у другихъ, даже у своего негодяя братца, какъ она сама объявила мнѣ однажды въ Ниццѣ, когда я старался развлечь ее! Тогда я ей замѣтилъ: — не даромъ твоя чванная матушка заставляла тебя парадировать и скакать верхомъ, какъ какого-нибудь гусарскаго поручика! Благо и усы у тебя есть! Съ этихъ поръ она никогда больше не удостоивала меня поцѣлуя!

— Супругамъ не слѣдуетъ острить другъ надъ другомъ, — отвѣчалъ Оттомаръ, смѣясь.

Ему былъ знакомъ легкій пушокъ на верхней губѣ Ады, который можно было замѣтить лишь случайно, при извѣстномъ поворотѣ головы противъ свѣта.

Мужъ, значитъ, «клеветалъ»...

— Croisons les mains!—вскричалъ минуту спустя графъ. — Я нисколько не въ претензіи на тебя; дай мнѣ только взамѣнъ то, что сдѣлаетъ меня счастливымъ!

Чопорность Оттомара выразилась въ рѣзкой формѣ:

— Елена завтра же уѣдетъ отсюда!

— Это невозможно,—возразилъ графъ.—Лошади всѣ заняты подъ уборку жатвы...

— Я найму извощика въ Вейльгеймѣ!

— Это насъ скомпрометтируетъ! Нѣтъ, подождите хоть до понедѣльника!...

Сегодня была суббота.

— Только съ тѣмъ условіемъ, что ты дашь мнѣ честное слово, что больше ни слова не скажешь сестрѣ! Чтó было вчера, того я не хочу знать.

На горѣ ихъ встрѣтила Ада съ пучкомъ лѣсной земляники въ рукахъ, которую она набрала въ лѣсу. Въ практическомъ темносинемъ полотняномъ платьѣ, приспособленномъ къ лазанью по горамъ, съ маленькой матросской шляпой въ рукахъ, предоставивъ свои волосы на произволъ вѣтра, она стояла торжествующая, точно побѣдительница. По другой, болѣе короткой, хотя и болѣе крутой тропинкѣ, она давно обогнала ихъ.

Оттомаръ глядѣлъ пасмурно. Отъ лѣсной земляники онъ не отказался и даже съѣлъ ее, хотя она была не лучшей въ своемъ родѣ, но нисколько не скрывалъ своего неудовольствія на это предумышленное свиданіе: графъ долженъ былъ идти къ дровосѣкамъ и оставить ихъ однихъ.

— Эге!—начала Ада, какъ только графъ скрылся изъ виду.— Какой вы сердитый! точно настоящій мужъ! Вы даже, кажется, сердиты на зеленый лѣсъ! посмотрите, какой чудный видъ вдаль! Какое голубое небо! Знаете, я желала бы навсегда поселиться здѣсь на горѣ!

Оттомаръ односложно подтвердилъ, что видъ красивъ.

— У васъ по дорогѣ, конечно, были признанія? — пытливо начала Ада.—Мужъ мой ѣхалъ вчера одинъ съ вашей сестрой! Его сердечная склонность къ ней хорошо мнѣ извѣстна. Подарки, уложенные въ каретномъ ящикѣ, мнѣ все разсказали, чтó было.

— Ничего ровно не было, — отвѣчалъ Оттомаръ. — Берегитесь, милый другъ, чтобы про насъ лѣсъ не пересказалъ бы тоже кое-чего!

— «Милый другъ!» Ахъ! какъ это осторожно! — повторила она.—Почему не: дорогая Ада? Развѣ вы забыли мою послѣднюю просьбу милый, строгій критикъ.

Ада говорила съ чарующей лаской.

— Мы разыгрываемъ здѣсь Шекспира,—продолжала она.— Вотъ лѣсъ! а вы меланхолическій Жакъ!

— Именно!—подтвердилъ Оттомаръ.—Отнынѣ я постараюсь быть такимъ невыносимымъ, какъ только можно! И для начала я пѣшкомъ отправлюсь изъ зáмка съ сестрой. Шекспира вы

привели не даромъ. Багажъ можно прислать намъ послѣ! Да! вонъ по той тропинкѣ! Видите вы тамъ вдали облачко? Это желѣзно-дорожная станція...

Ада, надувшись, повернулась къ нему спиной.

— Чтобы еще разъ поговорить съ вами наединѣ, я вскарабкаюсь на эту высокую гору!—проговорила она.—Будьте же вы хоть сколько-нибудь добры ко мнѣ! Быть можетъ, мы въ самомъ дѣлѣ въ послѣдній разъ говоримъ наединѣ. Мое рѣшеніе непоколебимо, хотя бы вы вели себя въ тысячу разъ хуже. Чего я захочу, того я добьюсь или сломаю себѣ шею!

— Ада! Ада! Насъ могутъ видѣть!—умолялъ Оттомаръ.

— Боже мой! Боже мой!..—вскричала она, устремляя взоръ въ небо и беря его за руку.

Оттомаръ долженъ былъ отвернуться. Изъ лѣсной чащи долетали до нихъ громкіе голоса графа и его спутника, но видѣть ихъ нельзя было.

Воцарилось молчаніе.

Оттомаръ сбивалъ головки у травинокъ и смахнулъ слезу. Онъ слышалъ, что Ада плакала. Теперь ему пришлось поневолѣ обнять ее, хотя бы и съ опасностью поцѣловать.

— О чемъ вы теперь думаете?—сказала, наконецъ, Ада.— Ужъ, конечно, не о той великой заботѣ, о которой я вѣчно думаю! Какіе, однако, мужчины трусы! Рѣдко встрѣтишь между ними такого, который бы самъ властвовалъ надъ жизнью, а не жизнь помыкала имъ! Устроить самому свою судьбу, побороть препятствія, совладать съ необыкновенными событіями, пренебречь сужденіемъ свѣта, наплевать на бабьи сплетни, побѣдить предразсудки послѣдовательностью въ дѣйствіяхъ... какъ рѣдко встрѣтишь это въ нашемъ благонравномъ обществѣ! Вездѣ царитъ лицемѣріе... темный илъ, прикрывающій болота!..

Оттомаръ подумалъ про себя:

«То же самое говоритъ Эдвина Марлофъ!»—Но когда грудь Эдвины вздымалась отъ волненія, а щеки ея горѣли, то слушатель оставался холоденъ. Когда же говорила Ада, онъ не могъ оставаться равнодушнымъ.

— Большинство людей,—сказалъ онъ, вставая,—дѣйствуютъ подъ впечатлѣніемъ какого-нибудь побужденія, хотя бы это было только побужденіе отдѣлаться отъ своей обыденной жизни. Но необходимъ, конечно, сильный мотивъ, чтобы заставить пренебречь денежнымъ вопросомъ.

— Такіе мотивы слѣдуетъ имѣть ежечасно и на всѣ случаи жизни!—перебила Ада.—Иначе жизнь становится пустой и

безсмысленной! Я представляю себѣ чистымъ блаженствомъ быть женой человѣка, получающаго 600 талеровъ жалованья.

— Ада!—прошепталъ Оттомаръ.

У Ады вертѣлись на умѣ польскій мировой судья и волки.

— Мы говоримъ не про голодъ и лишенія, но про невозможность посѣщать Страсбургъ и Италію!—громко подчеркнулъ затѣмъ Оттомаръ.

— Ахъ! что мнѣ Италія!—возражала Ада.—Италія не произвела на меня никакого впечатлѣнія. Я ссорилась съ трактирщиками, сердилась на их грабительство, съ ненавистью глядѣла на лѣнивыхъ патеровъ, съ презрѣніемъ на пустыхъ, тщеславныхъ, помѣшанныхъ на нарядахъ женщинъ, которыя по цѣлымъ днямъ валяются по улицамъ и болтаютъ, болтаютъ, какъ сороки, и увѣковѣчиваютъ ханжество своими земными поклонами и бѣготней по капелламъ...

— Но сокровища искусства? —произнесъ громко Оттомаръ. Онъ хотѣлъ, чтобы его слышали въ лѣсу.

Ада сдѣлала отчаянную мину. Она хотѣла шептаться, совѣтоваться, убѣждать и быть убѣждаемой, а Оттомаръ отклонялся отъ всего этого!

— Мнѣ уже все было раньше извѣстно!—отвѣтила она, наконецъ, громко.—Поглядѣть на оригиналы, конечно, пріятно. Но знаете ли, мы, женщины, должны имѣть при этомъ какую-нибудь руководящую идею. Искусство само по себѣ насъ не интересуетъ. Даже англичанки, которыя на все таращатъ глаза и на все набрасываются, съ путеводителемъ въ рукахъ, удовлетворяютъ при этомъ національной страсти! Онѣ всѣ помѣшанныя, и восхищаются искусствомъ изъ любви къ своимъ помѣшаннымъ соотечественникамъ. Вся ихъ нація выдрессирована на то, чтобы дивиться, изумляться, таращить глаза и восхищаться. Но у холоднаго нѣмца не существуетъ ничего подстрекающаго, кромѣ учебниковъ. Конечно, если бы вы были со мной въ Италіи, — прибавила она тихо, — то я, быть можетъ, нашла чѣмъ восхищаться!

Оттомаръ, глубоко заинтересованный такимъ разоблаченіемъ женской природы, поглядывалъ на лѣсъ.

— Пусть онъ все услышитъ!—замѣтила Ада. — Вѣдь онъ вашъ другъ и любитъ вашу сестру! Видите ли, мой милый, когда мы, женщины, любимъ несчастливо, то мы обыкновенно повѣсимъ носъ и приходимъ въ уныніе; но мужчинъ, повидимому, несчастная любовь только подзадориваетъ, по крайней мѣрѣ, мой профессоръ литературы приводилъ мнѣ гораздо больше такихъ

поэтовъ, которые любили безнадежно, нежели счастливо! Когда я вернусь въ городъ, то непремѣнно приглашу обѣдать и Дитерици, и моего стараго профессора. Профессоръ Мацъ ни о чемъ не говорилъ, кромѣ Гёте, просодіи и нравственности. Онъ былъ очень скученъ.

Оттомаръ усмѣхнулся.

Въ это время графъ Удо показался изъ лѣсу въ сопровожденіи собаки. Собака, кличкой Діана, принялась ласкаться къ Адѣ.

— Удивительна эта дружба между двумя особами женскаго пола,—замѣтилъ графъ.

— Да, обыкновенно мы смертельно ненавидимъ другъ друга!—подтвердила Ада. — Когда я слышу про женскую дружбу, мнѣ всегда дѣлается грустно. Мнѣ припоминаются милыя, болтливыя письма, которыя я получала, когда была подросткомъ, и тѣ первыя, безграмотныя письма, которыя я сама писала въ тиши пансіона. Но малѣйшая перемѣна въ жизни, или хотя бы даже пустой упрекъ или ревность къ другой подругѣ и—все чудное зданіе въ обломкахъ!

— Развѣ не то же бываетъ и со взрослыми женщинами? Развѣ онѣ не готовы съѣсть другъ друга за какое-нибудь замѣчаніе о туалетѣ?—прибавилъ графъ, но тутъ же вспомнилъ, что пора домой. Еще надо успѣть одѣться къ обѣду. Старуха графиня очень на этомъ настаивала. Ѣда казалась ей вкуснѣе, когда кругомъ нея все было нарядно.

На возвратномъ пути Ада, спускаясь съ горы, опиралась на руку Оттомара, но не позволяла себѣ больше никакихъ выходокъ.

— Поѣзжайте съ Богомъ,—прошептала она ему, торжествуя, что удивительныя замѣчанія, сдѣланныя ею, навели его на раздумье.—Я скоро послѣдую за вами! Но если вы хотите сдѣлать меня навѣки несчастной,—прошептала она ему еще въ лѣсу,—то повинуйтесь голосу холоднаго разсудка!

— Онъ не судья надо мной!—возразилъ Оттомаръ. — Дѣйствія мои разбираются еще въ другой инстанціи, гдѣ руководятся внутреннимъ закономъ, именуемымъ въ общежитіи совѣстью и самообладаніемъ! Нѣтъ ли у васъ какого стиха въ запасѣ и на этотъ случай?

— Ахъ! — подхватила Ада, — этими древними цитатами мы портимъ себѣ всю жизнь!—Жить-то вѣдь приходится только разъ! Кто въ наше время вѣритъ въ будущую жизнь, кромѣ патеровъ или мечтателей?

Оттомаръ остановился. Онъ словно приросъ къ мѣсту, поглядѣлъ на Аду, широко раскрывъ глаза, и сказалъ тихо:

— Ада, когда любишь, то долженъ вѣрить въ будущую жизнь! Союзъ сердецъ долженъ быть вѣчнымъ.

— Боже, Боже!—вскричала Ада съ отчаяніемъ.—Я видѣла, какъ умиралъ мой отецъ! Умиралъ отъ раны, нанесенной ему графомъ Вильгельмомъ! Я ясно видѣла, что мы, люди, настоящія машины, механизмы природы, которые останавливаются, подобно незаведеннымъ часамъ. Воображать, что изъ мозга, который теряетъ всякое сознаніе въ послѣднюю минуту, выдѣляется серафимъ, и переноситъ въ другой міръ все то, чѣмъ мы были въ наше лучшее время—да это стало просто ребячествомъ! Патеровъ я просто щадила, когда не говорила имъ этого прямо. Бѣдные, они обречены на то, чтобы увѣковѣчивать фантазіи, которыя живутъ еще у дикихъ народовъ.

— Такъ вотъ куда привела васъ оппозиція вашей матушкѣ?—отвѣчалъ Оттомаръ въ глубокомъ изумленіи.—Матушка ваша во всякомъ случаѣ вѣритъ въ чорта, когда ей это приказываетъ патеръ, да къ тому же и дворъ! Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—непріятный Меркусъ не заслуживаетъ такого нѣжнаго вниманія, какое вы сейчасъ обнаружили!

Внизу въ замкѣ они нашли, къ великому удивленію и горести графа, что приготовленія къ отъѣзду были въ полномъ ходу. Марта помогала Еленѣ укладываться. Старуха графиня поддержала первую и объявила, что и сама скоро переѣдетъ въ городъ. Она чувствовала, что въ большихъ покояхъ ей становится холодно, когда Меркусъ начинаетъ дѣлать нѣкоторые намеки на молодыхъ супруговъ.

Въ этотъ вечеръ—послѣдній, который наше маленькое общество проводило въ Гохлинденѣ вмѣстѣ,—графиня старуха нѣсколько развеселилась. Князь Циска написалъ ей письмо. Онъ прислалъ ей свое послѣднее музыкальное произведеніе и обѣщалъ въ скоромъ времени побывать въ Гохлинденѣ. Елена разобрала на фортепьяно присланныя ноты, и всѣ должны были восхищаться, чтобы не испортить радости старой графини.

— Видите ли,—шепнула Ада Оттомару,—какъ ложь управляетъ міромъ! Музыка ужасная, а всѣ хвалятъ ее.

Ада была весела, прыгала и распѣвала. Въ ней жило не отчаяніе, но надежда на счастіе и успѣхъ.

— Ты какъ будто рада тому, что наши гости уѣзжаютъ,—замѣтила ей старая графиня.

— Мамаша!—отвѣчала Ада, продолжая напѣвать, — земля кругла и должна вертѣться!

XII.

Наступила осень. Вѣтеръ гналъ пыль и увядшіе листья по улицамъ. Большой паркъ у городскихъ воротъ одѣлся во всѣ коричневые цвѣта, обозначавшіе гибель его зеленаго убора.

Серапіоновы братья снова собрались довольно многолюдной компаніей. На многихъ людей осень производитъ хорошее дѣйствіе. Духовное общеніе становится оживленнѣе. Люди сближаются, и теплѣе относятся другъ къ другу.

— По крайней мѣрѣ, такъ бывало въ старину, — замѣтилъ старикъ-скульпторъ, когда это замѣчаніе, сдѣланное въ клубѣ, вызвало споръ присутствующихъ.

Сегодня одинъ изъ членовъ привелъ съ собой гостя, деревенскаго пастора. Имя его многіе не разслышали, но то былъ Меркусъ. Онъ придерживался совсѣмъ другого направленія, нежели пріятель, который ввелъ его въ клубъ, Вейгель. Оба были школьными товарищами. Глазная болѣзнь заставила Вейгеля выдти въ отставку, но зачастую въ жизни школьные товарищи такъ расходятся во взглядахъ, какъ никто!

Духовнаго лица еще никогда не видывали за этимъ зеленымъ столомъ. Да и какъ же иначе! Дисциплинарный законъ виситъ, словно Дамокловъ мечъ, надъ школой и церковью. Религіозные вопросы рѣдко дебатировались въ клубѣ. Ашеръ Ашерсонъ вывелъ даже изъ моды еврейскій вопросъ. Онъ говорилъ: такъ будетъ лучше, потому что евреямъ слишкомъ много льстятъ и безъ того! Все христіанство есть не что иное, какъ сплошная лесть для евреевъ! Когда однажды замѣтили, что вслѣдствіе проникновенія евреевъ во всѣ слои общества, въ науку и искусство, разнообразнѣйшія проявленія сознанія нѣмецкаго народа должны измѣниться,—санитарный совѣтникъ Эльтестеръ сказалъ: — намъ придется внести добавочную статью въ конституцію: христіане образуютъ въ Европѣ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки терпимую религіозную общину. Христіане, разсматриваемые какъ община, которая только терпится, подали поводъ къ комическимъ и серьёзнымъ картинамъ.

Меркусъ сидѣлъ тихо и слушалъ. Хитрые глазки небольшого человѣчка любопытно бѣгали взадъ и впередъ. Вольни написалъ Оттомару объ одномъ наблюденіи, сдѣланномъ имъ, которое по-

служило темой для сегодняшняго разговора. Онъ нашелъ, что во всемъ мірѣ существуетъ стремленіе обойти германскую жизнь. Побѣды нѣмцевъ возбудили сильное удивленіе, но никто не завидуетъ нѣмцамъ, никто не сталъ съ тѣхъ поръ болѣе высокаго понятія о характерѣ нѣмецкаго народа, его умственныхъ способностяхъ, народныхъ основахъ милитаризма! Романскій міръ продолжаетъ царить! Даже Англія и Америка, единоплеменныя по происхожденію Германіи, не составляютъ исключенія. То, чтб нѣмецъ открываетъ, изображаетъ, должно быть сначала переведено на романскій языкъ, чтобъ сдѣлаться всемірнымъ достояніемъ.

— Отъ чего это происходитъ?—спрашивали со всѣхъ сторонъ, и съ напряженнымъ любопытствомъ прислушивались къ мнѣнію оратора, который поднялъ этотъ вопросъ, старика-скульптора.

Хотя въ кружкѣ присутствовали лица, представлявшія какъ разъ тѣ самые элементы, на которые приходилось указывать, какъ на причины всеобщей антипатіи къ Германіи, однако дебаты тѣмъ не менѣе возбудились.

— Говоря по правдѣ, этому причиной нашъ вдохновенный монархизмъ,—началъ Тризель,—то духовное сродство, которое соединяетъ нашъ народъ съ государемъ! Этого революціонная Европа не можетъ вынести! Бриттамъ, которые сами,—по крайней мѣрѣ въ былое время,—поклонялись своей королевѣ, какъ настоящему кумиру, слѣдовало бы молчать! О сѣвероамериканцахъ, которые, какъ безумные, гоняются по пятамъ каждой знаменитости, созданной газетами, каждаго отраженія событія дня, и толковать нечего. А французы-то, которые никакъ не могутъ отдѣлаться отъ громадной партіи, частью образованной, частью необразованной,—и проникнутой самымъ изувѣрческимъ роялизмомъ! Наши короли не что иное, какъ наши герцоги, военачальники, представители нашего политическаго возрожденія! Маленькихъ государей давно уже слѣдуетъ разсматривать, какъ частныхъ людей, и ихъ правительственныя заботы, можно сравнить съ коронной регаліей управленія театрами.

— Такъ, любезный другъ,—отвѣчалъ архитекторъ Оммà,—но назовите мнѣ другую націю, кромѣ русской, которой бы приходилось выносить столько послѣдствій монархизма! Вѣдь это просто ужасно! Присоединеніе мелкихъ государствъ! Я не стану толковать про достойныя смѣха претензіи маленькихъ придворныхъ кружковъ, но частную исторію дома Гогенцоллерновъ обращаютъ въ исторію Германіи. Знаете ли вы, что тѣ ужасающія жертвы, которыя вотъ уже скоро полтора вѣка цѣлая нація приноситъ

властолюбію одной династіи, долго, долго не вознаградятся послѣднею?

— Она подчинилась духу новѣйшаго времени,—замѣтили съ разныхъ сторонъ,—но никто не рѣшился яснѣе высказать несогласія, возбужденнаго во многихъ даже и этимъ заявленіемъ. Только Альтингъ проговорилъ:

— Какъ тамъ себѣ хотите, а наша страсть къ орденамъ и титуламъ увеличилась, а не уменьшилась. Въ этомъ направленіи все говоритъ противъ нѣмцевъ! Ни одинъ человѣкъ не хочетъ у насъ быть просто господиномъ Мюллеромъ!

— Вы должны исключить Китай и нашъ клубъ,—раздался голосъ.

— Конечно, г. майоръ... тьфу!... чортъ побери!...—перебилъ самого себя Альтингъ.—Проклятая привычка!

Всѣ засмѣялись. Меркусъ продолжалъ прислушиваться. Онъ стремился попасть въ оберъ-консисторскій совѣтъ. Для начала нужно было перемѣщеніе въ городъ, остальное придетъ само собой. Для него всѣ эти сужденія казались диковинными.

— Иностранцы, продолжалъ, Омма на своемъ пѣвучемъ діалектѣ, привыкли каждаго величать просто-на-просто господиномъ или госпожей, тогда какъ мы должны языкъ сломать, прежде чѣмъ выговоримъ безконечные титулы иныхъ господъ! Да! охота, съ какой у насъ величаютъ «превосходительствами», даже женщинъ, доходитъ до чудовищнаго! Пишутъ о женскомъ достоинствѣ и о женскихъ добродѣтеляхъ, а всѣ эти желанія «свѣтлости и сіятельства»... имъ, должно быть, совѣстно своихъ пустыхъ, и часто глупыхъ головъ, когда ихъ такъ величаютъ!

Меркусу предстояло еще посѣтить шесть или восемь женскихъ превосходительныхъ особъ. Онъ все больше и больше вытягивалъ шею въ туго накрахмаленномъ батистовомъ галстукѣ:

— Ничего! обтерпишься!—закричалъ ему его пріятель Вейгель, которому показалось, что онъ уже собирается уходить.—Но всего печальнѣе,—продолжалъ онъ,—вторженіе страсти къ титуламъ въ науку! Многіе университеты совсѣмъ потеряли свой смыслъ, благодаря статскому совѣтничеству! Для научной жизни пригодны однѣ только демократическія формы!

Этихъ положеній тоже никто не оспаривалъ и не отрицалъ, что въ нихъ коренится причина, почему уваженіе къ нѣмцамъ за-границей все падаетъ. Судебный совѣтникъ Эллеръ прибавилъ еще:

— Мы должны идти дальше и признать, что у Германіи нѣтъ больше великихъ людей! Какъ же можемъ мы импонировать

иностранцамъ! Лютеръ... Господи, это было такъ давно! Шиллеръ и Гёте... ну, да! ихъ называютъ, но мало понимаютъ! Но затѣмъ кто остается? Кому какое дѣло до разныхъ Шарнгорстовъ, Штейновъ, Шиллей.

Но эти слова, конечно, вызвали настоящую бурю. Тризель былъ внѣ себя. Даже Меркусъ все раннее утро употребилъ на визиты къ превосходительнымъ особамъ, которыя всѣ претендовали на историческое величіе.

Судебный совѣтникъ не смутился и продолжалъ:

— Кто бы ни выдѣлился у насъ изъ толпы, онъ всегда все-таки связанъ какимъ-нибудь образомъ съ администраціей, съ государствомъ, съ законодательствомъ! Личности, какъ Нибуръ, Бунзенъ, Либихъ, импонируютъ иностранцамъ, но почему? потому что они пренебрегли титулами, которые имъ привѣсили, какъ гремушку, и стремились быть частными людьми? Въ этомъ вся штука! У насъ все гонится за тайнымъ совѣтникомъ, за орденомъ. Каждый хочетъ, изъ честолюбія или ради куска хлѣба, сознавать себя колесомъ въ государственной машинѣ! Великими людьми у насъ признаются короли и императоры, и въ этомъ вся штука!

— Что-жъ, вы станете требовать,—язвительно возразилъ Тризель, чтобы Францъ Боппъ, знаменитый санскритологъ, ратовалъ противъ Мантёйфельскаго кабинета?

— Семеро гёттингенскихъ профессоровъ ратовали же противъ него!—вскричалъ Омма̀.

— Вы противорѣчите самому себѣ,—вмѣшался санитарный совѣтникъ Эльтестеръ который только-что вошелъ и вскорѣ узналъ о чемъ идетъ рѣчь,—семеро названныхъ вами господъ были спеціально спрошены объ ихъ мнѣніи! Въ самомъ дѣлѣ, господа, великіе люди появляются только въ періоды развитія! Большинство великихъ людей мученики! Нашъ народъ не имѣетъ никакой склонности поклоняться мученикамъ. Это доказывается тѣмъ, какъ худо идутъ дѣла у нѣмецкихъ католиковъ и у старо-католиковъ. Если бы не заступничество государя, Лютера выдали бы папѣ. Духъ вѣдь нашелъ себѣ исходъ! Какъ Господь Богъ въ седьмой день одобрилъ свое твореніе, такъ и мы теперь наслаждаемся царствомъ абсолютнаго совершенства! Къ чему этотъ споръ! Мы—народъ фанатически склонный къ одобренію! У насъ все сплошь одни только великіе люди! Даже въ рейхстагѣ!

Послѣ этого общій разговоръ больше не возобновлялся.

Одинъ за другимъ уходили гости. Ушелъ и Вейгель съ своимъ пріятелемъ Меркусомъ, который разспрашивалъ про всѣхъ присутствующихъ и только качалъ головой. О христіанской вѣрѣ

здѣсь даже и не упоминали. На замѣчаніи Вейгеля:—любезный другъ, религія все болѣе и болѣе становится частнымъ дѣломъ!— старые однокашники разстались.

У Меркуса была своя особенная задача, которая могла бы смутить другую, менѣе спокойную и самодовольную совѣсть. Онъ же спокойно преслѣдовалъ свою цѣль, которая заключалась ни болѣе, ни менѣе какъ въ томъ, чтобы изъ евангельской любви просвѣтить старую графиню на счетъ семейной катастрофы, которую готовила ей молодая чета, а также и не оставлять ее въ невѣдѣніи,—во славу Божію! — на счетъ слуховъ о существованіи незаконной дочери ея мужа, давно уже дошедшіе до него! Господь посѣщаетъ бѣдами тѣхъ, кого любитъ! было его любимымъ изреченіемъ. Когда бѣда на дворѣ, тогда человѣкъ прибѣгаетъ къ Богу! говоритъ пророкъ. Съ улыбающимся лицомъ вливалъ онъ ядъ въ уши старой графини, которая отбояривалась пугливымъ:—о! нѣтъ!... о! нѣтъ! Бываютъ души, которыя могутъ переносить только то, къ чему привыкли! Но вотъ Меркусъ начиналъ разсказывать про все, чтó онъ видѣлъ и наблюдалъ; обвиненія его становились все смѣлѣе и смѣлѣе. Да! къ ужасу графини, онъ даже разъ прямо сказалъ: —охъ! эта процедура развода! подумать только, что она допущена апостолами! Непостижимо! это просто поруганіе брака! Мы обязаны этимъ апостолу Павлу! Петръ былъ строже! Онъ, когда бы его о томъ спросили, не допустилъ бы этого! Но слѣдуетъ по возможности затруднить разводъ! Разводъ долженъ допускаться лишь тогда, когда нарушители супружеской вѣрности пойманы на мѣстѣ преступленія. Вообще, тутъ лозунгомъ можетъ быть только, или: жизнь въ духѣ Божіемъ, или жизнь, основанная на природѣ и грѣхѣ!— Ваши восхваленія природѣ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ Мартѣ,—приводятъ къ тому, что и... я увѣренъ, что графъ Удо того мнѣнія, что можно жениться на дочери скульптора, а графиня Ада считаетъ, что дворянство дается офицерскимъ чиномъ— г. Альтингъ вѣдь въ нѣкоторомъ родѣ офицеръ.

Это былъ первый, открытый, на видъ юмористическій, но убійственный ударъ. Графиня Констанція только засмѣялась, но встала изъ-за стола въ тревогѣ. Она всѣмъ сердцемъ любила мягкаго, сообщительнаго, веселаго графа Удо! Онъ обращался съ ней такъ нѣжно и такъ внимательно! Она позвала Марту и пожелала прогуляться. Увы! природа была осенняя! листья пожелтѣли! Тамъ, гдѣ нѣкогда цвѣли розы, теперь стояли голые прутья. Сборъ винограда не удался; климатъ былъ слишкомъ суровъ, только лѣсъ и луга стояли еще во всей своей красѣ, и голубое

небо раскидывалось надъ ними, точно предохранительный покровъ! Прогулка не разсѣяла графиню. Она вернулась въ замокъ. Второй ударъ не замедлилъ воспослѣдовать. Возвратясь изъ города, Меркусъ разсказалъ графинѣ про безбожныя рѣчи, какія онъ слышалъ въ клубѣ Серапіоновыхъ братьевъ. Графиня въ это лѣто научилась уклоняться отъ разсужденій этого приверженца библіи, какъ только они касались царства сатаны. Она спросила только, поблагодаривъ его за все, что онъ сообщилъ ей о Серапіоновыхъ братьяхъ: видѣлъ ли онъ памятникъ ея мужа въ мастерской скульптора Альтинга. Онъ долженъ быть скоро уже готовъ.

Меркусъ смѣшался. У него въ головѣ были всякія идеи, кромѣ кладбищенскихъ.

— Монументъ могъ бы, кажется, заинтересовать васъ, какъ художественное произведеніе!—замѣтила графиня, немного обидясь.—Альтингъ превосходно выполнилъ свою задачу! Я просила его изобразить вѣрность, любовь и постоянство, въ видѣ трехъ фигуръ, которыхъ разлучаетъ смерть. Художникъ, конечно, не можетъ изображать скелеты.

— Онъ идеализируетъ!—проговорилъ Меркусъ и повторилъ иронически: гмъ! вѣрность, любовь... и... какъ вы сказали, ваша свѣтлость?

— Постоянство,—дополнила графиня.

— Вѣрность, конечно, съ помощью якоря?—смѣясь произнесъ Меркусъ.

— Вы смѣетесь?—спросила графиня, испуганная такой грубой неприличностью.

— Развѣ я смѣялся? Предметъ, конечно, святъ, но... символъ немножко устарѣлъ!

— Полно вамъ критиковать!—замѣтила графиня.—Когда ее сердили, то она могла быть очень рѣзка и гнѣвна.

На этотъ разъ Меркусъ увильнулъ отъ прямого доноса, ловко свернувъ разговоръ на другое. Онъ сталъ жаловаться, что графъ Вильгельмъ не былъ послѣдователемъ евангелія, не черпалъ исключительно изъ него своей духовной пищи, и что онъ теперь, конечно, узналъ, кто сидитъ по правую руку Господа, и отдѣлитъ овецъ отъ козлищъ.

Графиню очень огорчило непосѣщеніе монумента и смѣхъ надъ ея излюбленной идеей. Она не могла простить этого Меркусу и нѣсколько дней дулась на него и едва раскланивалась при встрѣчахъ. Она даже подумала: «Отчего я ему не сказала: если бы Марта васъ слышала, то непремѣнно возразила бы вамъ,

что все, что вы говорите, не что иное, какъ устарѣвшія метафоры старой еврейской поэзіи!» Но при этомъ ее преслѣдовалъ смѣхъ надъ якоремъ. Она смутно слыхала какіе-то толки о завѣщанныхъ кому-то графомъ Вильгельмомъ 30,000 талерахъ. Она стала избѣгать пастора, перестала приглашать его къ обѣду.

—Онъ всегда ненавидѣлъ моего Вильгельма! Это я знаю, говорила она самой себѣ. И припоминала споръ за столомъ, когда ея возлюбленный покойникъ замѣтилъ Меркусу: — какой смыслъ имѣютъ въ настоящее время страшныя угрозы и увѣщанія апостола Павла разнымъ христіанскимъ общинамъ! какое примѣненіе можно сдѣлать изъ нихъ теперь. Вспомните, что тѣ общины развились при совершенно иномъ міросозерцаніи, при ужасномъ культѣ Діаны Эфесской, при отвратительныхъ жертвоприношеніяхъ, при всѣхъ мерзостяхъ мистерій и вообще античнаго міровоззрѣнія, котораго я здѣсь не могу передать! Мы давнымъ давно ушли отъ всего этого, а вы все съ этимъ носитесь.

Меркусъ избралъ путь христіанскаго милосердія, чтобы достичь своей цѣли. Въ одно прекрасное утро онъ безъ зову явился къ графинѣ, которая милостиво приняла его.

— Я имѣю виды на вашъ кошелекъ, ваша свѣтлость!—пошутилъ онъ, низко кланяясь.

Дѣло шло о разныхъ бѣднякахъ, которымъ графиня оказывала періодическую помощь. Пасторъ перечислялъ имена неимущихъ.

— Въ Вейльгеймѣ все еще жива та старуха, — замѣтилъ вдругъ жестокій человѣкъ, — которая въ тѣ поры, какъ умерла г-жа Марлофъ, кормила грудью ребенка! Хотя она и получаетъ пожизненную пенсію изъ Вейльгеймскаго лѣсного управленія—мужъ ея вѣдь былъ лѣсничимъ!... но теперь, когда дитя выросло, стало сильно и здорово и получило 30,000 талеровъ приданаго, живетъ въ роскоши и удовольствіи...

Графиня слушала. Имя Марлофъ остановило ея вниманіе. Она перенеслась мысленно за двадцать лѣтъ тому назадъ.

— Кто живетъ въ роскоши и удовольствіи?—спросила она, словно задѣтая электрическимъ ударомъ, съ побѣлѣвшими губами.

Какъ-бы устыженный и явно смущенный, Меркусъ опустилъ глаза въ землю и возразилъ:

— Ну, да, я говорю только о Тинѣ Дубберъ, она можетъ быть довольна своей судьбой! для вдовы лѣсничаго она получаетъ достаточно! Ея вдовство было, конечно, однимъ только предлогомъ,—продолжалъ терзать свою жертву пасторъ, — хотя графъ

Вильгельмъ,—поправился онъ,—всегда заботился о своихъ служащихъ.

— Тина Дубберъ получаетъ достаточно!—перебила графиня.— Но вы говорили про ребенка! Какой ребенокъ! Чей ребенокъ теперь выросъ и здоровъ?

— И благодаря благородной заботливости отца, — отвѣчалъ пасторъ,—получилъ 30,000 талеровъ приданаго... и даже нѣкоторое образованіе, хотя, конечно, не въ христіанскомъ духѣ! Въ этомъ отношеніи, говорятъ, дочь графа Вильгельма совсѣмъ какъ дикая: она, говорятъ, выходитъ замужъ за брата г-жи Марты Элердтъ.

Затѣмъ Меркусъ разсказалъ о своеобразныхъ отношеніяхъ между отцомъ и дочерью, о вечерахъ, которые проводилъ послѣдній у нея. Графиня не слушала болѣе Меркуса.

— Мнѣ дурно!—замѣтила она ему и сѣдой головой сдѣлала знакъ, чтобы онъ удалился. Служитель алтаря откланялся.

Когда графиня осталась одна, то ей хотѣлось съ горя вырвать остатки своихъ сѣдыхъ волосъ и даже сорвать обои со стѣнъ. Оскорбленное женское чувство, обманутое довѣріе, долгіе годы обмана со стороны человѣка, которому она принесла въ жертву свою фамилію,—все это перевернуло въ ней всю душу. Она бродила изъ одной комнаты въ другую, бросалась то на одинъ диванъ, то на другой. Ее что-то какъ-бы душило; она то звала горничную, то отсылала ее прочь и, наконецъ, ушла въ свою спальню, гдѣ потокъ слезъ облегчилъ стѣсненную грудь.

Библія и Ѳома Кемпійскій всегда лежали на ея ночномъ столикѣ. Но чувство гнѣва и негодованія не укладывалось. Она видѣла передъ собой красивую, молодую женщину, землемѣршу Марлофъ, ежедневную посѣтительницу зáмка и парка; она такъ оплакивала въ то время скоропостижную смерть родительницы, усыпала цвѣтами ея гробъ, такъ заботилась о ребенкѣ, пока землемѣръ не уѣхалъ въ другую мѣстность, а сами они не переѣхали въ городъ. И этотъ ребенокъ... это былъ его ребенокъ... и онъ живъ! Она получила большую сумму денегъ и находится на краю погибели! О, Боже! Боже! говорила она. Удо и Ада знаютъ обо всемъ! Вотъ та вина, которая ихъ навѣрное разлучаетъ! Ихъ честь оскорблена! Да! конечно, конечно, такъ же, какъ и моя!

Въ полночь она раскрыла библію. Глаза ея остановились случайно на посланіи къ Коринѳянамъ. Она знала мѣсто, какого искала: «Любовь не требуетъ отвѣта!» Да!—сказала она, вздыхая:—кто можетъ возвыситься до этого! И продолжала читать:

«она не ожесточается!» «Она не помнитъ зла!» «Она все переноситъ, она всему вѣритъ, она на все надѣется, она все терпитъ!»

Краснорѣчивыя указанія заключались въ этихъ словахъ! Только любовь, не разумъ, вѣритъ всему, терпитъ все... только любовь! И вотъ, передъ ея мысленными очами предсталъ ея Вильгельмъ въ его кабинетѣ, довѣрчиво и дружески бесѣдующій съ ней. «Любовь не помнитъ зла!»...

Въ этомъ настроеніи духа, когда гнѣвъ уже былъ сломанъ, призвала она къ себѣ пастора Меркуса черезъ нѣсколько дней и сказала ему:

— Любезный Меркусъ, васъ одного дѣлаю я своимъ повѣреннымъ въ этомъ печальномъ дѣлѣ. Совѣтникъ юстиціи Луціусъ утверждаетъ, что въ дѣвушкѣ этой есть добрые зачатки. Совѣсть моя неспокойна. Съѣздите въ столицу! Постарайтесь освободиться здѣсь на нѣсколько дней отъ вашихъ занятій! Я уплачу вамъ издержки путешествія! Разузнайте хорошенько, что̀ такое собственно эта дѣвушка! Я ни за что не хочу входить съ ней въ непосредственныя сношенія! Но этотъ бракъ съ братомъ Марты меня просто пугаетъ! Я теперь не могу оставить при себѣ Марту, какъ хотѣла сначала. Но, ради самого неба, не выдавайте никому, что я интересуюсь этимъ дѣломъ!

Для духовнаго лица задача познакомиться съ Эдвиной была нѣсколько щекотлива. Въ высшихъ сферахъ могли перетолковать его знакомство. Приходъ, который онъ имѣлъ въ виду получить въ городѣ, ставился имъ теперь на карту. Если бы кто выслѣдилъ его визитъ къ Эдвинѣ, то непремѣнно донесъ бы о немъ начальству. Онъ разузналъ адресъ Эдвины, но не рѣшился отправиться къ ней днемъ, боясь, какъ-бы не повстрѣчаться съ кѣмъ изъ знакомыхъ. Робкій вопросъ, съ которымъ онъ обратился къ полицейскому: — что̀ эта дама, которая живетъ вонъ тамъ, въ первомъ этажѣ, пользуется хорошей репутаціей? — вызвалъ грубый отвѣтъ: — а намъ съ вами какое до этого дѣло? Служитель св. Германдады былъ приставленъ къ этому перекрестку только затѣмъ, чтобы наблюдать за уличнымъ порядкомъ.

Меркусъ отложилъ свое посѣщеніе до вечера. Въ семь часовъ уже смеркается, а въ восемь совсѣмъ темно. Онъ рѣшилъ ѣхать въ восемь часовъ, и притаился въ наемной каретѣ. Но уже самый выходъ изъ кареты въ такомъ многолюдномъ городѣ представлялъ опасность. Во избѣжаніе задержки онъ впередъ заплатилъ кучеру. Если онъ даже не застанетъ дома этой дамы, то завтра ему удобнѣе будетъ снова явиться.

Какъ же удивился онъ, подъѣзжая къ дому, увидя, что по

улицѣ проѣзду не было отъ каретъ. Элегантнѣйшіе экипажи стояли передъ домомъ. Мужчины и женщины въ бальныхъ костюмахъ одинъ за другимъ выскакивали изъ каретъ! «Боже милостивый! да здѣсь балъ», подумалъ онъ: «вѣрно я не туда попалъ?» Но, выйдя поспѣшно изъ кареты и освѣдомившись, убѣдился, что не ошибся адресомъ. Барышня наверху празднуетъ сегодня свою помолвку.

Меркусъ! Меркусъ! какъ-бы сатана не захватилъ тебя въ свои когти! Правда, онъ властенъ только надъ слабыми, но все же вѣдь и ты человѣкъ, и подверженъ грѣху! Уже на лѣстницѣ онъ былъ окруженъ толпой нарядныхъ женщинъ, актрисъ, англичанокъ; общество было самое пестрое, самое разнокалиберное! Угарти умѣла скликать «кавалеровъ» и нарядныхъ дамъ, а Раймундъ созвалъ весь биржевой и промышленный синклитъ, акціонеровъ, банкировъ и маклеровъ. Чѣмъ выше по лѣстницѣ, тѣмъ больше блеску! До Меркуса уже долетали звуки галопа. Оффенбахъ! Пасторъ, пасторъ, кого тебѣ здѣсь нужно?—вдругъ закричалъ дерзкій дамскій голосокъ. То отличилась Саша Луціусъ, которая съ матерью и сестрою пріѣхала-таки на балъ, хотя отецъ лежалъ больной въ постелѣ. Въ четыре часа сѣли обѣдать, а теперь уже съ часъ какъ танцовали, и какъ бѣшеные. Галопъ былъ въ полномъ разгарѣ, и по нѣмецкой омерзительной манерѣ: плечо о плечо, грудь объ грудь. Скрипки, контрабасы, кларнеты вмѣстѣ съ говоромъ гостей производили такой оглушительный шумъ, что Меркусъ чуть не одурѣлъ. Онъ оказался гораздо слабонервнѣе, нежели думалъ.

Саша видѣла, какъ онъ былъ у ея отца и садился въ дрожки, и узнала его. Не даромъ же обѣ дѣвушки весь вѣкъ торчали у окна и слѣдили за всѣмъ, что́ происходитъ на улицѣ. Меркусъ былъ во фракѣ и пріѣхалъ въ каретѣ; его приняли за гостя и хотѣли снять съ него пальто и отобрать у него шляпу и трость. Человѣкъ, отправлявшій эти обязанности, подставляя пригоршню лѣвой руки, что́ означало:—заплатите, дескать, теперь, во избѣжаніе толкотни при разъѣздѣ, едва держался на ногахъ, такъ былъ пьянъ. То былъ не кто другой, какъ Мало́. Жозефа Зипоровіусъ хотѣла-было сначала предоставить эту выгодную должность своему первому обожателю, Плюмике, но Плюмике въ послѣднее время сильно прихварывалъ. Бѣднякъ, казалось, сдѣлался жертвой частью своей подавленной ревности, частью растительной пищи. Жозефа, правда, не была спокойна на счетъ кармановъ посѣтителей, когда Мало́ снималъ съ нихъ пальто, и Мало́ успѣлъ уже кое-чѣмъ попользоваться, несмотря на то,

что баронесса Угарти слѣдила за нимъ въ оба глаза. У этой женщины одно было неподдѣльное: ногти, которыми она умѣла очень больно царапаться, въ чемъ Малð имѣлъ уже случай убѣдиться во время своихъ прежнихъ визитовъ къ Жозефѣ.

— Которая невѣста?—спросилъ Меркусъ у Малð.—Тотъ ему молча указалъ на пару, которая неслась въ бѣшеномъ галопѣ. «Такъ вотъ онъ, братъ этой Марты! Вотъ онъ обнялъ особу, которую Меркусъ разыскиваетъ и несется съ ней какъ безумный! А она хороша собой! немного только какъ-бы уже поблекла, особенно у висковъ! Она очень похожа на графа Вильгельма! Красные кораллы покрываютъ ослѣпительную шею, точно капли крови. Она похожа и на ту женщину, на землемѣршу, и на графа Вильгельма! Я тогда только-что занялъ мой приходъ. Если старуха графиня увидитъ ее, то способна увлечься ею. Какъ она чудно улыбается! такъ сладко, обворожительно! Нѣтъ, нѣтъ! этому не бывать! Поскорѣе вонъ отсюда!»

— Судьба ея неотвратима!—объявилъ онъ графинѣ Констанціи, по возвращеніи своемъ въ зáмокъ, гдѣ засталъ графиню за чтеніемъ библіи. Онъ разсказалъ ей въ самыхъ ужасающихъ краскахъ обо всемъ, чтó видѣлъ. Намекая на прославленный умъ Раймунда Элердта, онъ замѣтилъ: «они хотятъ быть вожаками слѣпыхъ, говоритъ апостолъ, а сами слѣпы!»

— Такъ, такъ! — отвѣчала старуха-графиня. — Не будемъ больше говорить объ этомъ.

И заплатила торжествующему пастору путевыя издержки.

XIII.

Елена вернулась изъ Гохлиндена поздоровѣвшая и успокоившаяся духомъ. Мать увидѣла это по глазамъ дочери и тихо порадовалась про себя. За то отецъ находилъ, что Оттомаръ сталъ слишкомъ молчаливъ, слишкомъ непохожъ на самого себя. Неожиданное появленіе Марты внесло оживленіе въ ихъ тихій кружокъ.—«Вольни вернулся! онъ написалъ мнѣ», объявила она, сіяющая.

Новый и постоянный гость дома, Густавъ Голль, съ которымъ теперь познакомилась и Елена, заранѣе предсказывалъ это. Да! Вольни вернулся загорѣлый, бодрый по прежнему, хотя волоса его посѣдѣли. Первый визитъ его былъ къ Альтингамъ. Онъ позвонилъ. Марта отворила дверь. Одинъ взглядъ—и оба

лежали въ объятіяхъ другъ друга. Никакія объясненія не были нужны. Они давно знали, что любятъ другъ друга.

Въ одинъ прекрасный вечеръ графъ Удо явился незванымъ гостемъ въ домъ Альтинговъ. Старикъ-скульпторъ испугался смѣлости гордаго аристократа, который однако обезоруживалъ всякія попытки отнестись къ нему холодно своей добродушной любезностью. Мать и дочь встрѣтили его спокойно. Голль и Вольни, присутствовавшіе при этомъ свиданіи, были ему представлены. Оттомаръ казался самымъ непринужденнымъ изъ всѣхъ присутствующихъ. Совѣсть его была чиста. Онъ не сдѣлалъ шагу, чтобы выразить или дать новую пищу своей жгучей страсти къ женѣ своего друга, не писалъ ей писемъ, не являлся съ визитомъ, хотя поцѣлуй боготворимой женщины все еще горѣлъ на его губахъ. Онъ извинился передъ пріятелемъ въ томъ, что до сихъ поръ не побывалъ у него и сослался на то, что заваленъ дѣломъ.

— Я первый долженъ былъ навѣстить тебя, — отвѣчалъ графъ,—но и у меня хлопотъ полонъ ротъ.

Нѣсколько дней спустя, мать Елены получила отъ графа Удо письмо, въ которомъ онъ объявлялъ, что намѣренъ развестись съ женой и проситъ руки Елены.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ письмомъ на весь домъ, было потрясающее. Первое лицо, которое прочитало его, мать Елены, дрожала отъ волненія, какъ въ лихорадкѣ. Елена закрыла лицо руками и заплакала, даже зарыдала. Даже самъ профессоръ отеръ глаза. Одна Марта оставалась невозмутима и спокойно глядѣла на Елену, которая могла теперь, если хотѣла, стать графиней, аристократкой.

Однако, къ великому удивленію отца и матери, Елена объявила весьма рѣшительно, что не пойдетъ за графа. Марта не удивилась этому. Она прежде всѣхъ замѣтила, что Густавъ Голль давно уже началъ «интересовать» ея подругу, еще тогда, когда ей Марта разсказала его исторію.

— Если такъ, то и дѣлу конецъ!—проговорилъ отецъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Напиши ему толковый и вѣжливый отказъ.

Женщины согласились между собой, что отвѣтъ слѣдуетъ написать матери Елены. Елена печально подперла рукой голову и созналась, что графъ ей очень нравился сначала, производилъ на нее какое-то волшебное впечатлѣніе, что сердце ея сильно билось, когда онъ приходилъ къ нимъ въ гости, но что, проживъ въ Гохлинденѣ, она сама не знаетъ, какъ и почему охладѣла къ нему.

— Не то, чтобы я боялась мнѣнія свѣта, не то, чтобы... нѣтъ, не умѣю этого выразить...

Мать радостно обняла ее. Передъ ней также вдругъ выросъ въ воображеніи Густавъ Голль, который сталъ богатъ, какъ Крезъ, потому что его усыновилъ Шиндлеръ.

Мартѣ поручили написать письмо, и всѣ три женщины внимательно перечитали его, взвѣшивая и обсуждая каждое слово. Много было говорено при этомъ о странномъ внезапномъ охлажденіи старой графини къ Мартѣ и объ аристократіи вообще. Но затѣмъ разговоръ перешелъ на Оттомара, Вольни и Густава Голля.

XIV.

Яркій огонь горѣлъ въ каминѣ и разливалъ пріятную теплоту въ покоѣ, гдѣ Ада собиралась взбунтоваться «противъ Бога и людей», подпавъ обаянію «демократа», какъ выражалась генеральша.

Она придвинула кресло къ окну и съ удивленіемъ увидѣла, что идетъ снѣгъ. Вотъ какъ зажилась старуха-графиня въ Гохлинденѣ! Она вернулась оттуда постарѣвшая, молчаливая! Она просила одного только: покоя, и даже выразила желаніе пить чай наединѣ, у себя въ комнатѣ. Ада, впрочемъ, была этому очень рада.

Сверкающіе глаза Ады, нетерпѣливое движенье по креслу, выдавали оживленную работу, которая шла въ ея маленькой головкѣ. Всѣ двери въ комнатѣ были заперты. Она могла чувствовать себя, какъ птичка въ своемъ гнѣздышкѣ. Какъ изящно убрала она, съ помощью матери, эту небольшую комнату, выходившую окнами на прекрасный дворъ съ колоннами, освѣщенный фонарями, которыхъ держали каріатиды! Портьеры и ковры были въ турецкомъ вкусѣ. Темный тонъ оливковаго цвѣта мебели очень гармонировалъ съ духомъ Багдада и Дамаска, который какъ будто царилъ здѣсь. И сама она, молодая и стройная, въ черномъ бархатномъ платьѣ, отлично подходила къ обстановкѣ, отъ которой собиралась отказаться ради любви. Но, быть можетъ, эта обстановка послѣдуетъ за ней, если графъ будетъ великодушенъ. Она знала, что послѣ того, что̀ она собиралась сегодня сдѣлать, Рубиконъ будетъ перейденъ.

«Охъ! ужъ этотъ Оттомаръ! съ своей щепетильностью, съ своими несносными приличіями! Я должна принуждать его дѣлать

все то, чего мнѣ хочется и чего онъ въ глубинѣ души желаетъ, потому что, вѣдь, онъ любитъ меня».

Молодая графиня была твердо увѣрена въ одномъ, что любовь—высшій законъ для людей. При этомъ она нисколько не ненавидѣла графа Удо. Нѣтъ, онъ просто ей не нравился. Она желала ему счастія въ бракѣ съ сестрой Оттомара. Ей представлялось, какъ они будутъ «небесно, божественно» счастливы всѣ четверо. Она страстно мечтала объ этой «кадрили», какъ она ее называла. Но сегодня она замѣтила, что графъ былъ весь день очень печаленъ, почти какъ убитый, и ей пришло на мысль: «бѣдный, ему должно быть не везетъ съ Еленой!»

Термометромъ ея мужа былъ Ларозъ. Если послѣдній ходилъ повѣся носъ, то, значитъ, что-нибудь было неладно съ графомъ. Если же французъ улыбался, то это значило, что все обстоитъ благополучно.

Въ четыре часа французъ постучался въ ея двери и доложилъ ей по-французски: «билеты въ театръ принесены».

Графъ абонировался на ложу въ оперѣ. Сегодня былъ его день.

Ларозъ, который пряталъ въ Лиссабонѣ жену и дѣтей—«Господь Богъ врядъ ли возымѣетъ намѣреніе повторить великое землетрясеніе!» говаривалъ онъ по временамъ, когда его безпокоила разлука съ ними—доложилъ также, что генеральша обѣдала у старухи-графини, но къ чаю оставаться не пожелала.

— Elle est en colère?—спросила Ада.

Продолжительная дипломатическая пауза.

— У моего мужа есть, кажется, какое-то горе, съ тѣхъ поръ, какъ онъ побывалъ въ послѣдній разъ у Альтинговъ? Что съ нимъ случилось? Онъ долженъ ѣхать въ оперу! вмѣстѣ съ мама́!.. Оба развлекутся!

Умный камердинеръ понималъ въ чемъ дѣло. Онъ также, въ качествѣ умѣреннаго француза, охотнѣе дѣйствовалъ наступательно, нежели оборонительно. Въ мужествѣ у него не было недостатка. Онъ способенъ былъ ловкимъ и смѣлымъ маневромъ содѣйствовать всему дѣлу. Въ сущности, весь вопросъ сводился для него къ слѣдующему: какимъ образомъ увезти графа изъ этого нестерпимаго города на берега божественнаго Тахо, въ городъ, гдѣ дивные дворцы утопаютъ въ зеленыхъ садахъ, гдѣ живутъ прекрасныя женщины, а вдали синѣетъ море, съ котораго доносится освѣжительный вѣтерокъ?

Драматургъ, сидящій въ каждомъ французѣ, шепталъ ему: если ты скажешь ей: «графъ получилъ непріятное письмо изъ

Парка!» она сейчасъ захочетъ его утѣшить! онъ будетъ плакать у ней на груди! Послѣ того воспослѣдуетъ примиреніе! Драмѣ конецъ! Занавѣсъ падаетъ! Прощай Тахо и Лиссабонъ!

Поэтому соотечественникъ изобрѣтательнаго Скриба промолчалъ. Онъ преслѣдовалъ свой собственный планъ, конечной цѣлью котораго была—Португалія!

— Передайте графу, что я убѣдительно его прошу доставить мамà удовольствіе и повезти ее въ оперу!

Ларозъ поклонился и ушелъ.

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ затѣмъ послышался стукъ отъѣзжающей кареты. Адѣ доложили, что графъ Удо послѣ долгаго колебанія уѣхалъ съ генеральшей въ оперу, переживать въ послѣднемъ актѣ «Африканки», вмѣстѣ съ героиней, медленную смерть подъ цвѣтущимъ деревомъ съ ядовитыми испареніями.

Спустя нѣкоторое время, Ада поглядѣлась въ зеркало, заперла то, чтò она не хотѣла оставлять открытымъ, и пошла по небольшому корридору, устланному ковромъ, на половину графа. Она сперва прислушалась, все ли кругомъ тихо. Только у графини-тётки раздавались громкіе голоса собравшихся пасторовъ. Меркусъ любилъ, какъ и всѣ богословы, религіозные диспуты, несмотря на всю ихъ опасность. Шампанское дѣлало всѣхъ пасторовъ единодушными въ засвидѣтельствованіи «ошибокъ Штрауса».

Молодая графиня вернулась въ свою комнату. У ней дыханіе спиралось въ груди, сердце билось. Она открыла несессеръ и вынула изъ него нѣсколько визитныхъ карточекъ, положила ихъ въ карманъ и еще разъ оглядѣла себя; ощупала свое платье и глубоко вздохнула. Послѣ нѣкоторого раздумья, она раздѣлась, накинула на себя большой бѣлый плащъ, который окуталъ ее съ головы до ногъ, и тихонько прошла на половину мужа, отворила его гардеробную, гдѣ еще все лежало въ безпорядкѣ, послѣ того, какъ графъ доставалъ изъ него костюмъ для театра, заперла кругомъ всѣ двери и принялась искать въ большихъ, готической формы, шкапахъ, пару панталонъ, сюртукъ и жилетъ, изъ такихъ, чтò онъ рѣдко надѣваетъ, и не можетъ, слѣдовательно, ихъ хватиться и которые пришлись бы на ея ростъ.

Ей удалось найти чтò ей нужно, хотя пришлось стянуть подтяжки почти у самаго горла. Ремнемъ, который она тоже разъискала, она зашнуровала себѣ талію. Панталоны она подоткнула и заколола булавками, чтобы они не были слишкомъ широки и длинны. Затѣмъ, надѣла жилетъ и легкій сюртучекъ. Платья было такъ много, что она надѣялась, что мужъ, возвратясь, не хватится того, чтò она взяла. Изъ небольшого запаса шляпъ

она выбрала цилиндръ, который болѣе пришелся къ ея головѣ: волосы уже заранѣе были подобраны и подколоты по-мужски.

Теперь ей не доставало только одного: мужского голоса и смѣлыхъ мужскихъ движеній.

Она должна была сѣсть и перевести духъ. Затѣмъ отворила дверь: все было тихо. У старой графини еще ужинали ея гости. Ада накинула на себя дамскую тальму, подбитую мѣхомъ, и незамѣтно проскользнула въ свою комнату, гдѣ она забыла свое портмоне съ деньгами. Послѣ того она смѣлыми шагами дамой вышла изъ дворца (цилиндръ она спрятала подъ тальмой).

Вы, счастливые бѣдняки, не умѣющіе цѣнить какъ слѣдуетъ своей свободы! Вы можете безпрепятственно и безъ всякаго контроля исполнять всѣ свои фантазіи и нарушать приличія! Великіе міра сего рабы сравнительно съ вами! Чѣмъ выше вверхъ, тѣмъ болѣе стѣсненія въ движеніяхъ! Фридрихъ-Великій бѣжалъ, чтобы только получить человѣческую свободу двигаться!

На ближайшемъ перекресткѣ стояли фіакры, Ада наняла одинъ изъ нихъ, проговоривъ адрессъ дѣланнымъ басомъ. Въ каретѣ Ада окончательно совершила свое духовное превращеніе въ мужчину. Почему мнѣ не безумствовать,—спрашивала она себя? я влюблена! Да и онъ также, только у него не хватаетъ мужества! Дружба съ Удо, боязнь отца и бульдога, именуемаго общественнымъ мнѣніемъ и приличіями, угнетаютъ его! Я освобожу его изъ-подъ этого ига! Чтò съ нимъ станется, если я поступлю какъ горничная, бросающаяся отъ несчастной любви подъ локомотивъ! Мужчины этого не понимаютъ и смѣются надъ этимъ! Но чтò же мнѣ дѣлать, если онъ самъ не является? Онъ для меня все! Безъ него я погибла! Какое мнѣ дѣло до приличій, до нравственности? Пусть пасторы поѣдаютъ паштеты у старой графини! Все это глупости по моей философіи. Ужъ я переберусь на другой берегъ! Не хочу сидѣть въ болотѣ и задыхаться въ камышахъ, выберусь на вольный просторъ! Иновраціавъ! Иновраціавъ!—смѣясь напѣвала она.

Человѣкъ, стоявшій на томъ берегу болота, былъ, къ счастію, дома. Вы, боги, или кто бы вы тамъ ни были, кто управляетъ міромъ, никогда-то смертные не помянутъ васъ добрымъ словомъ при удачѣ! Въ его комнатѣ горитъ одинокая лампа на письменномъ столѣ. Документы навалены кругомъ, частью на стульяхъ, частью на старомъ, истертомъ диванѣ. Оттомаръ сидитъ погруженный въ работу, и заглядываетъ то въ одинъ томъ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и уголовнаго и гражданскаго судопро-

изводства, то въ другой. Кругомъ тишина. Только издали долетаетъ стукъ экипажей.

Вдругъ кто-то постучался у двери. Оттомаръ даже не поднялъ головы. Онъ не узналъ голоса Ады, прозвучавшаго нѣсколько хрипло отъ волненія. Она вошла, поспѣшно заперла за собой дверь и прежде нежели Оттомаръ успѣлъ встать съ мѣста вслѣдъ за своимъ «войдите», яркій свѣтъ лампы озарилъ миловидныя черты графини Трейенфельсъ.

— Боже милостивый!—могъ только проговорить Оттомаръ.

Голосъ измѣнилъ ему.

Онъ не могъ больше ничего сказать. Цѣлый міръ, искусственно построенный имъ, лежалъ въ обломкахъ.

Конечно, почтенная вещь то, чтó люди зовутъ добродѣтелью. Но не тебѣ разглагольствовать на эту тэму, старый, скучный школьный педантъ въ мѣховомъ шлафрокѣ! и не тебѣ также, клубный завсегдатель, ничѣмъ, кромѣ послѣдняго нумера газеты, не интересующійся! да и не тебѣ тщеславный писака, величаемый въ рекламахъ «гордостью націи», и только и помышляющій, что о своей славѣ, да о томъ какъ бы потуже набить свой карманъ! Почему вы такъ высокодобродѣтельны? Потому, что вы черствы, сухи, апатичны и насквозь пропитаны филистерствомъ!...

Прелестный, смѣющійся юноша былъ страшенъ:

— Чтó, эта безумная выходка останется единственной въ своемъ родѣ, или ей предстоитъ повториться?

— Ты опять за свои соображенія и разсчеты! ты точно часовой, который только и знаетъ, что озирается кругомъ! Постарайся хоть теперь ни о чемъ не думать.

— Эта исторія, которая, само собой, разумѣется, огласится, совершенно испортитъ мою карьеру!—вздыхалъ Оттомаръ.

Ада пропѣла:—Иновраціавъ! на голосъ мелодіи:—«Въ Севилью»!

Наконецъ Оттомаръ одѣлся, надѣлъ пальто и отвезъ сорвиголову домой въ фіакрѣ, изъ котораго Ада вышла за нѣсколько домовъ до графскаго отеля. Закутанная въ длинную тальму, прошла она смѣло и рѣшительно мимо портье.

Наверху ее ждалъ со свѣчой Ларозъ. Графъ былъ еще въ театрѣ. Пасторы ушли. Графиня Констанція легла спать. Въ слабо освѣщенной комнатѣ, на столѣ, покрытомъ бѣлоснѣжной скатертью, былъ сервированъ маленькій ужинъ. Висячая лампа чуть-чуть освѣщала уголокъ стола, на которомъ накрытъ былъ ужинъ на два прибора, хотя обыкновенно одинъ оставался незанятымъ.

Ларозъ особенно долго свѣтилъ сегодня.

— Какъ бы графъ не хватился по возвращеніи домой, что въ его гардеробѣ недостаетъ одного сюртука!

Ада вздрогнула, но быстро овладѣла собой, однако промолчала.

— Вотъ какъ!—проговорила она наконецъ.

— И также пары панталонъ! Могу я ему сказать, кто ими воспользовался?—продолжалъ по-французки Ларозъ.

Небо и земля стояли на картѣ. Быть или не быть. Если Ларозъ скажетъ правду, то графъ немедленно потребуетъ развода. Но вѣдь она этого хотѣла, и Оттомаръ приготовился къ этому. И все-таки прекрасная, стройная женщина простояла съ минуту блѣдная и неподвижная, какъ статуя. Затѣмъ рѣшительно проговорила:

— Oui, mon cher! Affirmez tout!

Ларозъ былъ такъ потрясенъ этимъ отвѣтомъ, что вынулъ носовой платокъ и вытеръ глаза.

— Вы теряете добраго мужа!—произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Но... продолжалъ онъ—мы вернемся въ Португалію! Тамошній воздухъ для него здоровѣе! Здѣсь его ничто больше не привязываетъ, и все, все кончено для него...

Ада слушала. Она поняла, что послѣднее замѣчаніе относилось къ Еленѣ Альтингъ.

Само собой разумѣется, что на слѣдующее же утро она отправилась искать себѣ квартиры, прежде нежели ея мать о чемъ-нибудь прослышала, не переговоривъ ни съ старой графиней, ни съ Удо. Нанявъ квартиру, она вернулась назадъ съ носильщиками, которые должны были унести часть ея мебели. Тутъ она переговорила съ графомъ, который еще лежалъ въ постелѣ, черезъ дверь. Графъ хотѣлъ вскочить, поскорѣе одѣться, но она попросила его не безпокоиться, объяснилась въ нѣсколькихъ словахъ, и ушла.

Квартира, которую Ада наняла, была мала и элегантна лишь въ воображеніи квартирной хозяйки, въ сущности же плохо убрана. Но Ада вскорѣ съумѣла со вкусомъ устроиться. Все, къ чему она привыкла и что̀ ей принадлежало, было по возвращеніи ея во дворецъ уложено и перевезено на новую квартиру. Она дрожащими руками раскладывала теперь все это. Вечеромъ она гладко причесала серебрянымъ гребнемъ кудрявые волосы своего завоеваннаго друга: она захватила съ собой всѣ свои туалетныя принадлежности во вкусѣ Помпадуръ.

— Съ Удо мы разстались добрыми друзьями,—повѣствовала

она, но съ старой графиней я еще не прощалась. Удо безутѣшенъ оттого, что твоя сестра его не любитъ! Онъ сказалъ мнѣ это черезъ дверь! Я всегда думала, что она его любитъ и сожалѣю, что ошиблась. Она была бы съ нимъ счастлива!

Оттомаръ показалъ полученное имъ отъ графа письмо.

«Любезный другъ,—писалъ ему этотъ послѣдній,—останемся вѣрны законамъ природы! Ада уже многое испытала въ жизни, и ей предстоитъ еще такъ много испытаній, благодаря ея брату, что она заслуживаетъ, чтобы хоть въ чемъ-нибудь ей улыбнулось счастіе! Къ сожалѣнію, я ничего не могъ доставить ей, кромѣ комфортабельнаго существованія. Но экзальтированныя души, какъ она, не придаютъ ему никакой цѣны. Я не могу осуждать тебя, потому что самъ столько же виноватъ, какъ и ты! Виноватъ въ глазахъ свѣта! Будемъ отстаивать то, что̀ въ нашихъ отношеніяхъ ново и странно, и постараемся, чтобы и свѣтъ призналъ, что все это въ порядкѣ вещей! Это, конечно, удастся. Если мы сами не оплошаемъ, то заставимъ людей уважать себя! Я, конечно, опять вернусь на дипломатическое поприще. Кланяйся Адѣ!»

При всемъ томъ Оттомаръ глядѣлъ мрачно.

— Ну, не вѣшай носа по пустякамъ!—подзадоривала его Ада, смѣясь.—Еслибъ я вздумала подчиняться свѣтскимъ условіямъ, то была бы весь свой вѣкъ несчастной. Мама̀ и братъ повидимому ничего еще не знаютъ. Удо ведетъ себя прилично, заключила она, и пришлетъ намъ денегъ...

— Ни за что на свѣтѣ не хочу этого!—закричалъ Оттомаръ, вскакивая съ мѣста.—Ада, Ада, ты вѣчно готова побираться! Какъ можно такъ легкомысленно относиться къ самому щекотливому вопросу въ нашихъ отношеніяхъ!

— Я этого не понимаю! если только Удо...—начала-было она.

— Ни слова болѣе! умоляю тебя! ты выдаешь, въ какомъ духѣ ты воспитана!.. въ нищенскомъ духѣ!

— Ты жёстко выражаешься!—перебила его Ада.—Но я, такъ и быть, проглочу это выраженіе...

— Это не послѣднее жёсткое слово, которое ты отъ меня услышишь! Приготовься къ этому!

Это была первая проба. Въ другихъ случаяхъ Ада готова была царапаться своими бѣлыми, выхоленными ручками за такія рѣзкости. Наступило минутное молчаніе. Но буря скоро улеглась въ душѣ влюбленной женщины; она желала не только быть счастливой съ человѣкомъ, котораго любила, но и исправиться отъ своихъ недостатковъ.—Полезные уроки!—запѣла она.—Буду

мотать себѣ на усъ! Да, милостивый государь! Да, милостивый государь! напѣвала она изъ Донъ-Жуана. Послѣ минутнаго молчанія она замѣтила:

— Знаешь ли, отъ тебя я все приму, даже деньги!

Оттомаръ съ восторгомъ обнялъ ее. Онъ видѣлъ, что въ ней не оставалось даже слѣда неудовольствія за рѣзкое слово «нищенскій».

— Наша высшая гордость,—сказалъ онъ,—должна состоять въ томъ, чтобы жить своимъ трудомъ! Заработывать хлѣбъ собственными руками и ничего, кромѣ заработка, не имѣть! Если окажутся лишнія деньги, то раздавать ихъ тѣмъ, кто въ нихъ нуждается! Я не раздѣляю воззрѣній соціалистовъ на счетъ немедленнаго дѣлежа имуществъ, но слѣдуетъ оказывать помощь, тамъ, гдѣ она необходима. Тысячу вещей въ мірѣ взываютъ о помощи, и прежде всего умственныя предпріятія!... О, какими налогами обложилъ бы я милліонеровъ!

— И старыхъ холостяковъ!—прибавила Ада, играя портмоне Оттомара, и хотѣла положить въ него нѣсколько золотыхъ монетъ.

Натурально, Оттомаръ не дозволилъ ей этого. Но она имѣла случай замѣтить:

— Въ теченіи цѣлаго года мнѣ не нужна будетъ помощь ни твоя, ни Удо! Конечно, мама́ и братъ должны сами о себѣ заботиться!

Такъ бесѣдовали они о дѣлахъ утромъ—вплоть до обѣда, а вечеромъ—вплоть до глубокой ночи. Изъ парка отъ стариковъ не долетало еще никакихъ громовъ, хотя дѣло о разводѣ уже было начато,—не Луціусомъ, который все прихварывалъ въ послѣднее время, но другимъ молодымъ адвокатомъ, котораго рекомендовалъ самъ Оттомаръ. Графъ писалъ ему: «Жребій брошенъ, любезный другъ! Рубиконъ перейденъ! Я уже совѣщался съ адвокатомъ и читалъ прошеніе, которое долженъ подать въ судъ. Какъ мнѣ было стыдно, когда я его читалъ, потому что я самъ заслуживаю всѣ тѣ обвиненія, которыя я въ немъ дѣлаю! Я употребляю всѣ усилія, чтобы пережить постигшую меня неудачу! Но у меня есть и другое горе. То, что́ мы такъ тщательно скрывали, тайна дяди Вильгельма—тётка вѣдь узнала про нея. Представь себѣ мое огорченіе. Христіанская любовь нашла необходимымъ пролить свѣтъ на увлеченіе, которое было совершенно въ порядкѣ вещей и осуждается только нашими предразсудками. Пасторъ Меркусъ разсказалъ ограниченной женщинѣ о существованіи Эдвины Марлофъ, объ ея происхожденіи, объ ори-

гинальныхъ вечерахъ, которые проводилъ съ нею дядя. И въ какомъ духѣ совершилъ онъ этотъ подвигъ, кȧкъ ты думаешь? Старался подѣйствовать на ея разумъ, примирить ее съ тѣмъ, чтȯ было, повліять на ея доброту? Какъ бы да не такъ! Нѣтъ! онъ съумѣлъ устроить такъ, что она теперь ненавидитъ человѣка, котораго обожала! Онъ подзадорилъ даже въ ней ея княжеское тщеславіе. Прислугѣ сшиты новыя великолѣпныя ливреи! Экипажи отдѣланы зȧ-ново, нѣкоторые проданы и замѣнены новыми. Она заявила желаніе быть представленной ко двору, гдѣ про нее совсѣмъ уже позабыли. Князя Раудена, злосчастнаго композитора, она поминаетъ на третьемъ словѣ, и все толкуетъ о пріѣздѣ сюда стараго генералъ-фельдцейхмейстера. Другъ, какъ жаль, что я не могу съ тобой обо всемъ этомъ поболтать и посмѣяться надъ глупостью людей! Ада съ удовольствіемъ насъ послушала бы, и угостила бы при этомъ душистымъ мокко! Упоминать ли мнѣ о моемъ собственномъ несчастіи? Правда ли, другъ, что несравненная Елена любитъ хромого американца? Если бы Ада, упрекавшая меня въ томъ, что я дипломатъ до мозга костей, видѣла, какъ я съ ума схожу отъ ревности, то повѣрила бы, что я могу сильно чувствовать. Она утверждала въ Неаполѣ, что я не могу ни къ чему отнестись — ни серьёзно, ни шутя. Для меня опалъ весь цвѣтъ жизни! О, вы! незабвенные дни, проведенные въ Гохлинденѣ! Скажи Адѣ, что я нахожу безумнымъ ея желаніе отдать матери все, чтȯ по суду я долженъ уплатить ей, Адѣ, но исполню его. Гости прерываютъ меня... соболѣзнованія ихъ вгонятъ меня въ могилу».

Вольни предложилъ помочь пріятелю въ его затруднительномъ положеніи.

Но случай устроилъ, что затруднительный вопросъ: кȧкъ уломать строгаго старика въ паркѣ — и другой: чтȯ предприметъ Оттомаръ, чтобы уберечься отъ сплетенъ, и какимъ образомъ устроить такъ, чтобы перемѣна, воспослѣдовавшая въ его жизни, не испортила его будущности?—рѣшились сами-собой. Первый— весьма счастливо, второй—довольно печальнымъ образомъ.

Добродушный, веселый Шиндлеръ, всегда старавшійся все устраивать къ лучшему, практическій художникъ въ своемъ родѣ, никогда не приносившій людей въ жертву даже разницѣ во мнѣніяхъ, какъ это теперь часто дѣлается, вздумалъ отпраздновать холостымъ обѣдомъ,—какіе часто задавалъ этотъ гостепріимный холостякъ,—усыновленіе имъ американскаго капитана, Густава Голля. Такъ какъ Шиндлеръ надоумилъ Вольни воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы познакомить старика Альтинга съ новыми

отношеніями, въ какія стало семейство скульптора къ графинѣ Трейенфельсъ, и выдержать первый взрывъ его гнѣва, то къ обѣду приглашены были только самые близкіе друзья и пріятели. То были — два Альтинга, Густавъ Голль, Луціусъ, — послѣдній передъ самымъ обѣдомъ прислалъ извѣщеніе, что не будетъ, вслѣдствіе нездоровья, къ великому огорченію хозяина, — и Вольни.

За обѣдомъ, само-собой разумѣется, зашла рѣчь о предстоящихъ свадьбахъ: Вольни съ Мартой и Елены съ Густавомъ. Шиндлеръ ухватился за этотъ случай — и, послѣ длинной рѣчи, въ которой говорилось объ индиго, краппѣ, анилинѣ и ализаринѣ, Шиллерѣ, Жанъ-Поль Рихтерѣ и даже о троянской войнѣ, — объявилъ: «мы отпразднуемъ въ одинъ день всѣ три свадьбы!»

— Какихъ три? — перебилъ старикъ скульпторъ: — вы намъ не сообщали о томъ, что и вы также женитесь.

— Да развѣ вы глухи, что ли? — закричалъ Шиндлеръ съ притворнымъ сердцемъ. — Чортъ побери! къ чему же я велъ свою длинную рѣчь? Вольни, Оттомаръ Альтингъ и капитанъ Голль...

— Оттомаръ? — переспросилъ старикъ съ удивленіемъ.

— Ну, да, разумѣется! съ графиней Трейенфельсъ! — продолжалъ Шиндлеръ съ тѣмъ же сердцемъ на глухоту и недогадливость пріятеля. — Дѣло вѣдь уже улажено!

Воцарилось тягостное молчаніе за обѣденнымъ столомъ. Прислуга уже давно удалилась. Море взволновалось, и каждую минуту можно было ожидать, что вынырнетъ сѣдой Нептунъ изъ его глубокихъ нѣдръ. Въ рукахъ его уже виднѣлся трезубецъ. То была однако пока только вилка.

Но старикъ только тихо и иронически проговорилъ:

— Оттомаръ вѣрно разсчитываетъ на мѣсто Плюмике, которое очистилось въ моей мастерской.

И затѣмъ, пробормотавъ что-то непонятное, хотѣлъ встать и уйти.

Но Шиндлеръ крѣпко уцѣпился за него.

— Жизнь есть большая, круглая коврига хлѣба, — вскричалъ веселый посредникъ, — только-что вытащенная изъ печи! Не все ли равно — съ какой стороны ни почать ее?

Въ концѣ-концовъ все уладилось, и вечеръ прошелъ бы самымъ мирнымъ образомъ, если бы къ девяти часамъ не пришла страшная вѣсть, которую сообщилъ, весь въ слезахъ, старикъ Рашке, — довѣренный слуга Луціуса. Юстицъ-совѣтникъ повѣсился.

— Отъ горя по безумной женѣ и бездушныхъ дочеряхъ! — вскричалъ Шиндлеръ съ глубокимъ убѣжденіемъ. — Съ горя по

неудавшейся жизни, жизни труженической и ничѣмъ не вознаграждаемой! Вся его жизнь была отдана другимъ! О, каково это: вѣчно работать, вѣчно добывать деньги и никогда не получать за это — ни слова благодарности или теплой привязанности, а только слышать: «ты *долженъ* работать! долженъ доставать деньги! Давай денегъ! давай денегъ!» Бѣдняга, бѣдняга!

Всѣ принялись утѣшать горько плакавшаго Шиндлера. Но вѣрный другъ уже натягивалъ сюртукъ. Остальные всѣ разошлись.

Карета стояла у подъѣзда. Онъ пригласилъ Оттомара ѣхать съ нимъ.

— Вотъ вы получите теперь занятія, которыя освободятъ васъ отъ государственной службы,—сказалъ онъ ему дорóгой.— Семью я, конечно, возьму на свое попеченіе! Луціусъ нé оставилъ состоянія! Дѣла его, должно-быть, страшно запутаны! На то, чтобы распутать ихъ, потребуется не мало времени! Я душеприказчикъ! У насъ это было обоюдное условіе! Я передамъ вамъ веденіе дѣлъ, и желаю, чтобы вы, при ликвидаціи, очищали бы себѣ не менѣе двухъ-тысячъ талеровъ ежегодно. Это, вѣроятно, протянется года три, а къ тому времени адвокатура обезпечитъ васъ.

Оттомаръ, глубоко-потрясенный, вышелъ вслѣдъ за Шиндлеромъ въ страшное мѣсто, въ рабочую комнату, гдѣ Рашке нашелъ своего господина повѣсившимся на высокомъ и крѣпкомъ гвоздѣ. Всѣ попытки оживить, лежавшее на софѣ, мертвое тѣло — были тщетны. Что несчастный самъ убилъ себя—явствовало изъ записки, лежащей на столѣ, въ которой онъ... съ горькимъ юморомъ, составилъ протоколъ о собственной смерти и завѣщалъ всѣ хлопоты Шиндлеру.

Голль выказалъ теплое, неподдѣльное участіе. Ему не приходило даже отдаленнѣйшаго подозрѣнія въ голову, что это печальное событіе можетъ стоять въ связи съ его собственной судьбой.

Семья самоубійцы, находившаяся въ какомъ-то театрѣ,—никто не зналъ въ какомъ именно,—ничего еще не знала. Только старая тёща юстицъ-совѣтника была здѣсь, но казалась внѣ себя отъ ярости и бранилась, зачѣмъ ее разбудили и не подождали до завтра, чтобы сообщить ей печальную вѣсть.

Шиндлеръ, съ помощью Оттомара, раздѣлъ покойника, призвалъ доктора, полицію и проговорилъ про-себя: «неужели возможно, что мы имѣемъ передъ собой жертву тротуарной болѣзни?

Съ тѣхъ поръ, какъ Голль вернулся изъ Америки, бѣднягѣ Луціусу все казалось, что весь свѣтъ указываетъ на него пальцемъ»!..

XIV.

Печально прошелъ для Серапіоновыхъ братьевъ понедѣльникъ, наступившій вслѣдъ за этимъ грустнымъ событіемъ! Наканунѣ всѣ постоянные посѣтители этого клуба проводили на кладбище тѣло общаго пріятеля, ставшаго, какъ говорили, жертвой меланхоліи и душевнаго разстройства.

Проповѣдь въ домѣ и надъ могилой говорилъ, по странному стеченію обстоятельствъ, пасторъ Меркусъ, переведенный въ настоящее время въ городъ. Проповѣдь была такова, какими всѣ онѣ бываютъ въ этихъ случаяхъ. Она была такъ же пріятна и умѣстна, какъ ударъ кулака въ лицо. И со всѣмъ тѣмъ Меркусъ выказалъ при этомъ необыкновенное свободомысліе. Несмотря на свою ортодоксальность, онъ находилъ полезнымъ выступить въ нѣкоторомъ родѣ франъ-масономъ на новомъ поприщѣ, потому что искалъ популярности.

О женѣ и дочеряхъ покойнаго сообщали изумительныя вещи: что онѣ въ первый же вечеръ, какъ совершилась ужасная катастрофа, занялись съ увлеченіемъ траурными платьями, а на другой день разразились гнѣвомъ противъ покойнаго за то, что онъ не оставилъ никакого наслѣдства.—Мой капиталъ во мнѣ самомъ,—говаривалъ онъ обыкновенно своимъ близкимъ, въ видѣ предостереженія. За исключеніемъ небольшой суммы, въ которую покойникъ застраховалъ свою жизнь, у его семьи не было никакихъ рессурсовъ, кромѣ поддержки Шиндлера. Судъ утвердилъ его душеприказчикомъ.

Въ это утро пищи для разговоровъ было достаточно. Исторія графини Трейенфельсъ облетѣла весь городъ и вызывала въ обществѣ самые недоброжелательные толки. Всѣ уже знали также, что Шиндлеръ заставилъ семью Луціуса передать всѣ дѣла, оставшіеся послѣ покойнаго адвоката, Оттомару.—А Дитерици, а Фоглеръ!—протестовали обѣ дѣвушки, но Шиндлеръ настоялъ на своемъ. Оттомаръ взялъ увольненіе отъ суда и сталъ теперь самъ себѣ господинъ. Ада съ удивленіемъ выслушивала всѣ новости, какія онъ ей сообщалъ. Она жила какъ улитка въ своей раковинѣ. Сближеніе съ Еленой, съ родителями Оттомара еще не воспослѣдовало. Мать говорила, что она должна сначала нѣсколько освоиться съ этой мыслью. Пока Аду навѣстила только

счастливая невѣста Вольни, Марта Элердтъ, и принесла ей письмо отъ Елены. «Ужасныя» сцены съ генеральшей, которыя, само-собой разумѣется, не преминули воспослѣдовать, она храбро выдержала. Порицаніе такъ-называемаго «свѣта» ни мало не трогало ее.

Когда Вольни, по возвращеніи изъ клуба, всходилъ по лѣстницѣ своей гостинницы, его окликнулъ человѣкъ, котораго онъ сначала не узналъ.

— Г. Вольни!—вы меня не узнаете.

То былъ Раймундъ Элердтъ, его будущій своякъ.

— Я нѣсколько измѣнился? Мы давненько съ вами не видались!

Въ самомъ дѣлѣ, куда дѣвалась юношески-прекрасная фигура молодого Аполлона! Въ глазахъ горѣло еще мрачное пламя, показывавшее, что въ головѣ идетъ оживленная работа, но прекрасныя кудри порѣдѣли и тщательно зачесаны на начинающуюся образовываться лысину. Черты лица, всѣ мускулы,—все ослабѣло, износилось, похудѣло. Цвѣтъ лица сталъ изсѣра-желтый.

Но онъ казался очень сильно возбужденнымъ.

— Я васъ дожидался, — началъ онъ. — И мнѣ только-что припомнилось, что сегодня понедѣльникъ! Я былъ бы въ состояніи идти васъ разыскивать въ клубѣ. Тѣмъ лучше, что вы вернулись домой! Мнѣ нужно переговорить съ вами наединѣ! Безъ помѣхи! По дѣлу, не терпящему отлагательствъ!

Вольни вспомнилъ про взломъ конторки и его передернуло.

Элердтъ понялъ его съ быстротой молніи и замѣтилъ:

— Я очень укротился! все пропало! Вы и акціонеры губите насъ! Меня, къ счастію, они не могутъ засадить въ тюрьму! Но я скоро останусь черезъ васъ безъ куска хлѣба, а до портфеля министра общественныхъ работъ, на который я всегда разсчитывалъ, мнѣ еще очень далеко.

Оба поднялись по лѣстницѣ отеля. Въ угловой комнатѣ, въ которой жилъ Вольни, можно было разглагольствовать сколько душѣ угодно, не обезпокоивъ сосѣдей.

— Г. Вольни,—началъ Раймундъ восторженнымъ тономъ,—что вы женитесь на моей доброй Мартѣ,—это дѣлаетъ вамъ честь! Ко мнѣ, конечно, вы иначе относитесь, чѣмъ другіе. Но вы соединились съ акціонерами, которые завели противъ насъ процессъ! Онъ разоритъ всѣхъ насъ! Вы можете намъ помочь, безъ всякаго ущерба для самого себя!

Вольни замѣтилъ на это только:

— Садитесь!

Элердтъ ходилъ взадъ и впередъ, какъ маятникъ.

— Я слишкомъ возбужденъ,—возразилъ Раймундъ.—Я обращаюсь къ вамъ отъ имени несчастнаго правленія. Не доводите до отчаянія этихъ людей, барона Форбека, вашего пасынка, Робе, барона Кона! Имъ всѣмъ угрожаетъ тюрьма. Подтвердите показаніе правленія, что вы получили 200,000 талеровъ, а не 100,000. Вы хотите, какъ я слышалъ, снова заняться фабрикой. Это показаніе, подтвержденное вами, усилитъ цѣнность всего дѣла, увеличитъ вашъ кредитъ!

Вольни разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Акціонеры подали жалобу, прокуроръ поднялъ дѣло. Я терпѣливъ какъ овца и выступаю лишь въ качествѣ свидѣтеля, а не истца. Я, какъ вамъ еще извѣстно съ того памятнаго вечера, не стою за безусловную «борьбу за право». Но когда меня призовутъ въ судъ и спросятъ какъ было дѣло, то не могу же я лгать! Вѣдь не станете же вы требовать, чтобы я далъ лживую присягу.

Раймундъ ударилъ себя по лбу и сталъ искать кресла, на которое и бросился безъ дальнѣйшаго приглашенія.

— Общество дастъ вамъ росписку,—тихо проговорилъ онъ, помѣченную заднимъ числомъ. Конъ все это отлично придумалъ и выработалъ! Въ этой роспискѣ будетъ значится, что платежъ вторыхъ 100,000 талеровъ долженъ воспослѣдовать на пятый годъ существованія общества. Проценты, само собой разумѣется, вы будете получать! Да и капиталъ мы вамъ выплатимъ! Почему вы не хотите присягнуть? Кого вы этимъ обманете?

— Вы, сколько я понимаю, хотите прибавить новый обманъ къ старымъ! Ловко придумано! Но, какъ я уже вамъ сказалъ, я не люблю «борьбы за право», доведенной до послѣдней степени. Перенести неправду бываетъ иногда весьма благороднымъ дѣломъ... Но въ настоящемъ случаѣ я не пойду ни на какія сдѣлки.

— Пожалѣйте вашего пасынка, его настигла страшная Немезида! онъ разбитъ параличомъ. Онъ наказанъ за матереубійство, если только онъ его совершилъ. Онъ все повторяетъ женѣ: «видишь ли, Женни, когда я хочу встать, то вижу старуху! Она не пускаетъ меня». Онъ говоритъ про мать, призракъ которой мерещится ему.

— Да, да,—проговорилъ Вольни серьёзно,—намъ нѣтъ надобности вѣрить въ Бога, мы это упразднили. Но вѣрьте только въ законъ причинности. Онъ все же управляетъ міромъ!

Раймундъ Элердтъ умолкъ. Онъ казался тронутъ. Вдругъ

онъ поднялъ голову и хриплымъ голосомъ, отъ пересохшаго горла, какъ нѣкогда его старый пріятель и тѣлохранитель Малó, беззвучно проговорилъ:

— Нельзя ли мнѣ спросить себѣ сюда позавтракать? Мнѣ холодно.

Комната была натоплена.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣчалъ Вольни, идя къ звонку.— Простите, что я раньше объ этомъ не подумалъ!

Какъ пріятенъ былъ Раймунду этотъ привѣтливый тонъ. Ахъ! онъ былъ помолвленъ съ прекрасной, но увязшей по уши въ долгахъ дѣвушкой... и онъ давно уже не слыхалъ ласковаго слова ни отъ нея, ни отъ кого изъ окружающихъ, тѣмъ менѣе отъ правленія, доведеннаго до послѣдней степени отчаянія. Эдвина держала va banque противъ всего человѣчества. Къ чему думать о чемъ бы то ни было? Все—трынъ-трава! живи со дня на день!

— Меня интересуетъ, что̀ вы думаете предпринять,—началъ Вольни.—Вы врядъ ли сохраните свое мѣсто, если даже акціонеры и рѣшатся нѣкоторое время продолжать дѣло. Весьма возможно, что я куплю фабрику, когда акціонерамъ надоѣстъ возиться съ ней!

— Я пустился въ открытое море!—вздыхалъ Раймундъ.— Съ интернаціоналомъ я порвалъ совсѣмъ. Катедеръ-соціалисты отняли у насъ всю чистую работу. А черная работа, хожденіе по кнейпамъ, дранье горла мнѣ теперь противно. Я очутился межъ двухъ стульевъ. Что же касается политической карьеры— вы знаете, что я дѣлаю неправильныя ударенія по-латыни...

Послѣ долгой паузы онъ спросилъ: «Какъ поживаетъ Марта?» Мысль его перескакивала съ одного предмета на другой.— «Можно?» спросилъ онъ, беря портсигаръ Вольни.

Когда принесли завтракъ, то разговоръ принялъ болѣе спокойное направленіе, и Вольни былъ тронутъ смиреннымъ тономъ человѣка, когда-то относившагося ко всему свысока. Онъ подалъ ему дорогія гаванскія сигары. При этомъ Раймундъ все ходилъ взадъ и впередъ, повторяя, какъ-бы въ бреду: «очень хорошо! очень хорошо!»

Наконецъ, Вольни замѣтилъ, что портвейнъ какъ будто сковываетъ языкъ Раймунда.

— Видите ли,—началъ Раймундъ, съ трудомъ ворочая языкомъ,—я лично не замѣшанъ въ мошенническихъ продѣлкахъ фабрики Робе...

— Знаю, знаю,—перебилъ Вольни,—но довольно объ этомъ.

— Счастливый инстинктъ,—упорствовалъ Раймундъ,—побу-

дилъ меня удовольствоваться съ самаго начала хорошей квартирой и хорошимъ жалованьемъ управляющаго. Я сдѣлалъ все, что̀ могъ. Въ сущности, и правленіе, и акціонеры—одинаковые убійцы! Они другъ друга сто̀ятъ. Они лгутъ,—Раймундъ растянулся, наконецъ, въ креслахъ и пускалъ густыя облака сигарнаго дыма,—говоря, что мы не занесли въ отчетъ плохія, назадъ возвращенныя, неудачныя работы! Я и въ этомъ неповиненъ! Поставщики желѣза перестали давать намъ матеріалъ! Какъ же мы могли работать! Только когда наши акціи опять поднялись на биржѣ... это было моимъ дѣломъ!—перебилъ самого себя разсказчикъ, отложилъ сигару въ сторону и хотѣлъ встать, что̀ ему, однако, не удалось!—мое дѣло! мое дѣло!—повторялъ онъ громовымъ голосомъ и продолжалъ:—тутъ нашъ кредитъ опять оживился! я работалъ, какъ волъ! Если вся исторія лопнетъ... ну, и чортъ съ ней! Предложеніе Кона: принять росписку въ 100,000 талеровъ, помѣченную заднимъ числомъ, я рекомендую вамъ ради Робе, Форбека и Кона. Бѣднягу Робе мнѣ жаль. Онъ уже на дорогѣ къ праотцамъ, хотя и не сознается въ этомъ, точь-въ-точь какъ его мать. Другой, Форбекъ—говорю вамъ это въ видѣ предостереженія—какъ-нибудь, въ одинъ прекрасный вечеръ, подстережетъ васъ и отправитъ къ праотцамъ!.. Онъ самъ, или другой кто, вмѣсто его! Таковы у насъ теперь нравы! У насъ новые взгляды на жизнь! Какъ и въ Италіи! Смертная казнь отмѣнена. Пребываніе въ тюрьмѣ обставлено очень комфортабельно! Пища достаточная, зимой теплая комната, а въ день рожденія короля подается жаркое за обѣдомъ.

Раймундъ опять попытался встать, придерживаясь за столъ; глаза его горѣли.

— Вотъ какъ! Теперь я понимаю ваше порученіе,—вскричалъ Вольни. — Иниціатива идетъ отъ барона Форбека! А что, Мало̀ тоже въ числѣ вашихъ близкихъ пріятелей?

Раймундъ покачалъ головой.

— Что, Марта теперь переѣдетъ въ городъ?—свернулъ Раймундъ разговоръ на другой предметъ:—или же вы наймете загородную виллу? Но это дорого сто̀итъ!—прибавилъ онъ съ добрымъ намѣреніемъ.

— На Святой мы переѣдемъ въ городъ,—звучалъ короткій отвѣтъ.

— Почему Марта не осталась у старухи графини Трейенфельсъ? — продолжалъ разспрашивать Раймундъ. — Сначала все шло какъ по маслу!... Теперь все разладилось. Правда,—прибавилъ онъ съ циническимъ смѣхомъ,—что въ этомъ виноватъ от-

части я самъ! За полицейскимъ внушеніемъ не безпокоить болѣе семью графовъ Трейенфельсъ, послѣдовала ужасающая драка съ однимъ безумцемъ въ предмѣстьѣ, который грозилъ, что изрубитъ меня въ куски, если я стану подбивать его дочь къ дальнѣйшимъ, нахальнымъ, какъ онъ выражался, поступкамъ. Но когда я сдѣлаюсь мужемъ прекраснѣйшей женщины въ мірѣ, фрейлейнъ Эдвины Марлофъ... вы вѣроятно о ней слышали... она незаконная дочь покойнаго графа Вильгельма Трейенфельса... тогда мы посмотримъ! Трейенфельсы уже дали ей приданое, но они богаты, какъ Крезъ, и должны будутъ еще раскошелиться.

— Какъ это отвратительно,—перебилъ его Вольни,—вѣчно поднимать эту исторію и безпокоить приличныхъ людей! Зачѣмъ ваша невѣста не слушается своего пріемнаго отца, о которомъ всѣ говорятъ, что онъ честный человѣкъ, и который объявилъ, что готовъ заботиться о ней? Да и теперь, какъ я слышу, помогаетъ ей! Зачѣмъ она посѣщаетъ... онъ не договорилъ своего обвиненія, которое основывалось на слухахъ, будто Эдвина посѣщаетъ съ Угарти публичныя мѣста, спекулируя на свою красоту.

— Кого посѣщаетъ она?—повторилъ Раймундъ, испугавшись.

И Вольни сдѣлался свидѣтелемъ потрясающаго зрѣлища. Раймундъ, который ѣлъ мало, но пилъ много, вдругъ заплакалъ навзрыдъ и бросился на грудь Вольни.

— Вольни,—лепеталъ онъ цѣпенѣющимъ языкомъ среди рыданій.—Братъ мой! Марта насъ обоихъ соединяетъ! Не проклинайте меня вы, чистыя души! Не дайте мнѣ погибнуть! Неужели я долженъ стать жертвой этой старой мышеловки изъ Венгріи? Ой!—перебилъ онъ вдругъ самого себя.—Вонъ она, мышь... а вонъ еще другая... а вонъ и еще... и еще... Зовите скорѣй... трубочиста,—вскричалъ онъ отчаянно.—О, Боже мой! Боже мой!...

Чтó это такое? Простое опьянѣніе? Нѣтъ! Вольни зналъ это изъ прежняго опыта на фабрикѣ! Старикъ кассиръ призывалъ его иногда, когда какому-нибудь рабочему, слишкомъ усердно бесѣдовавшему съ бутылкой, начинали мерещиться мыши, несмѣтными полчищами преслѣдовавшія его, какъ епископа Гатто Майнцскаго въ «Мышиной Башнѣ». Вольни уже слышалъ про баронесу Угарти—одни называли ее графиней, другіе баронессой,—въ которой Раймундъ при первомъ же ея появленіи призналъ опасную соперницу въ расположеніи Эдвины и которая мало-помалу, когда средства Эдвины истощились, пріобрѣла бóльшее довѣріе Эдвины, нежели Элердтъ, которому она пожертвовала крупной суммой денегъ.

— Видишь, видишь, какъ скачутъ мыши!—продолжалъ бредить Раймундъ.

Ужасъ охватилъ Вольни. Тутъ нельзя было терять времени. Онъ зналъ, что эта болѣзнь требуетъ самыхъ энергическихъ и рѣшительныхъ мѣръ. Онъ поспѣшно заперъ дверь на ключъ, стащилъ съ безсознательнаго Раймунда сюртукъ, жилетъ, развязалъ ему галстухъ, насильно позвалъ его къ умывальному столу и наклонилъ голову рыдающаго и бредящаго Раймунда надъ тазомъ. Затѣмъ рѣшительно вылилъ ему на затылокъ и на лобъ цѣлый кувшинъ воды, сталъ тереть ему виски и уложилъ потерявшаго сознаніе и обезсилѣвшаго Элердта на свою собственную постель.

Прошло два долгихъ часа. Вольни съ тоской думалъ: какъ онъ увѣдомитъ Марту, если болѣзнь затянется. Около трехъ часовъ пополудни Раймундъ проснулся. Онъ заговорилъ слабымъ, хриплымъ голосомъ, но разумно. Онъ послушно перемѣнилъ смокшее бѣлье и надѣлъ предложенное ему Вольни.

— Съ вами вдругъ сдѣлалось дурно,—мягко замѣтилъ ему Вольни.

— Знаю,—прозвучалъ тихій отвѣтъ.

— Развѣ это съ вами уже бывало? — спросилъ Вольни съ участіемъ.

Раймундъ кивнулъ головой. Вольни послалъ за каретой, чтобы отвезти больного на его квартиру. Спускаясь съ лѣстницы, Раймундъ конфузливо старался не выказывать своего нездоровья. Садясь въ карету, онъ крѣпко пожалъ руку Вольни. Ему казалось, что конецъ его близокъ. Мысли его витали въ другой сферѣ. Намекъ Вольни на поведеніе Эдвины отравленной стрѣлой вонзился въ его сердце. Боже! Боже! все это была правда! Ему было стыдно, что онъ хвалился передъ Вольни своими отношеніями съ Эдвиной, тогда какъ все, все было кончено! По его совѣту, она стала-было жить скромнѣе, но вскорѣ закладчики забрали всю мебель, все имущество Эдвины. Скоро и онъ замѣтилъ, что мѣшаетъ, какъ лишняя, никому ненужная мебель. Къ Эдвинѣ начали являться иностранцы изъ Вѣны, изъ Пешта; онъ безпрестанно встрѣчалъ у ней красивыхъ мужчинъ, въ которыхъ узнавалъ переодѣтыхъ въ штатское платье офицеровъ. Сердце его нѣсколько разъ готово было разорваться, когда онъ пріѣзжалъ къ Эдвинѣ и не заставалъ ее дома. Угарти съ ума сводила его своей южной вкрадчивостью! Всѣ эти посѣтители были ея соотечественники, не говорившіе ни слова по-нѣмецки, объявляла она! Вѣчно у Эдвины торчалъ какой-нибудь Зичи или

Эстергази! красивые, смѣлые, необузданные и колоссально богатые! Сегодня появится, а завтра его и слѣдъ простылъ! Послѣднее доброе слово, которое услышалъ Раймундъ отъ Эдвины, было тогда, когда она оплакивала самоубійство совѣтника Луціуса.

— Благородный человѣкъ! онъ былъ моимъ лучшимъ другомъ!—проговорила она.—Онъ часто предостерегалъ меня! Онъ всякій разъ давалъ деньги, какъ я просила, но неохотно! Акціи Робе довершили разореніе. И ради чего? Раймундъ, твоя любовь, казалось, говорила мнѣ, что вотъ, наконецъ, я встрѣтила настоящаго человѣка! Но вскорѣ я убѣдилась, что ошиблась. Ахъ! не толкуй мнѣ про свою любовь! Вонъ лежитъ «Buch der Lieder» Гейне! Я знаю всѣ эти фразы наизусть! «Когда гляжу тебѣ въ глаза, стихаетъ на сердцѣ гроза?» пародировала она. Ахъ! уволь меня отъ этой дребедени! Довольно съ меня выжившихъ изъ ума Тангейзёровъ и тошныхъ Лорелей! Будь у меня голосъ, я бы не такія жалобы пропѣла на весь міръ, какъ пѣвицы въ «Лоэнгринѣ»! Она разъ застала Раймунда на томъ, какъ онъ обнималъ и цѣловалъ Жозефу. «Я не сержусь,—пропѣла она, и прибавила:—я сержусь только на твою сестру и на всѣхъ добродѣтельныхъ героинь, которыя оттолкнули меня и не захотѣли протянуть мнѣ руку помощи. На нихъ я сержусь»!

Когда Раймундъ, выходя изъ кареты, увидѣлъ Жозефу, то опять закричалъ:

— Крыса! брысь, брысь!

— Что съ вами, г. Элердтъ! На что вы похожи,—спросила эта послѣдняя, стоя у дверцы.

— Крыса, крыса! лови ее! хватай ее! Ухъ! какъ скачутъ крысы! Скорѣй, скорѣй!

Съ Элердтомъ сдѣлался вторичный припадокъ. Жозефа въ ужасѣ стала звать на помощь.

Сбѣжались рабочіе съ фабрики и внесли обезумѣвшаго Раймунда въ домъ и положили на постель.

Пришлось послать за докторомъ и за Мартой... Докторъ совѣтовалъ перевезти немедленно больного въ больницу.

Гарри Робе сидѣлъ въ креслахъ, разбитый параличомъ, и проклиналъ Бога и людей. Онъ съ полнѣйшей апатіей и даже съ насмѣшливой проніей относился къ увлеченію своей супруги барономъ Форбекомъ и барономъ Кономъ, въ которыхъ она видѣла своихъ поклонниковъ и изъ которыхъ послѣдній готовился на-дняхъ бѣжать въ Америку. Предварительно онъ скрывался

въ маленькой комнаткѣ, сосѣдней съ спальней ассессора, и спалъ въ платяномъ шкафѣ. Самъ Робе не особенно тужилъ о своемъ разореніи, потому что его жена съумѣла припрятать кругленькій капиталецъ.

— Конъ, Конъ!—закричалъ онъ въ настоящую минуту, и постучалъ три раза палкой въ полъ.—Слышали ли вы про скандалъ съ Элердтомъ?

Фрау Женни отправилась въ комнату, гдѣ Конъ проживалъ какъ-бы въ Америкѣ, и сообщила ему о несчастномъ случаѣ съ Элердтомъ.

Изъ боязни мышей, воровъ, полицейскихъ, баронъ Конъ фонъ-Конгеймъ отказался занять удобное чердачное помѣщеніе, предложенное ему барономъ Форбекомъ, взамѣнъ Америки. Тогда Форбекъ рѣшилъ, что мямлить нечего, и что Конъ, который уже сбрилъ бороду, долженъ, не теряя времени, ѣхать въ Гамбургъ, и тамъ сѣсть на корабль. Теперь оставалось только пріискать безопасную станцію желѣзной дороги, куда можно было бы пріѣхать ночью въ каретѣ. Но бывшій биржевой царёкъ никакъ не могъ рѣшиться двинуться въ путь. Онъ мучилъ и безъ того крайне раздраженнаго и озлобленнаго ассессора, который по цѣлымъ днямъ рылся во всѣхъ учебникахъ торгового права, въ собраніи различныхъ судебныхъ рѣшеній, а затѣмъ перелистовалъ сочиненіе Ромберга о нервныхъ болѣзняхъ. Баронъ Конъ, привыкшій къ блеску и роскоши, задававшій тонъ на биржѣ, въ газетахъ,—вынужденъ былъ скрываться, чтобы не попасть въ тюрьму! Ему хотѣлось такъ завопить отъ негодованія, чтобы его услышали на биржѣ! Вообще, онъ совсѣмъ не умѣлъ молчать, если только не былъ вынужденъ выслушивать чужія рѣчи. Ему рекомендовали читать въ своемъ уединеніи англійскія книги, чтобы подготовиться къ бѣгству къ англо-саксамъ. Но изъ желанія импонировать ассессоршѣ Робе, онъ потребовалъ Шиллера и Гёте, которыхъ зналъ лишь по наслышкѣ.

— Чтó такое съ Элердтомъ?—спросилъ онъ изъ своего темнаго уголка.—Чтó такое ему мерещится? Какія мыши? зачѣмъ тутъ мыши? Чтó сказалъ этотъ проклятый Вольни? Онъ не хочетъ принять росписку заднимъ числомъ? Не хочетъ ничего подписывать? Не хочетъ присягать? Хочетъ сдѣлать насъ мошенниками! Когда мы только слѣдовали обычаямъ, принятымъ въ дѣловомъ мірѣ? Царь небесный! Ужъ эти мнѣ прокуроры! Что-жъ, намъ жить какъ въ какой-нибудь Аркадіи!

Эти шутливыя слова были сказаны элегическимъ тономъ.

— Ради Бога! спрячьтесь! закричала вдругъ Женни, вбѣгая

въ комнату.—Сейчасъ явится Форбекъ. Я видѣла, какъ онъ подъѣхалъ... Что онъ скажетъ, что вы до сихъ поръ еще не въ Америкѣ.

— Ему надо разсказать про Элердта!—успокоивалъ Робе.— Спрячьтесь, Конъ!

Конъ съ такой поспѣшностью шмыгнулъ въ свою нору, точно ему возвѣстили о прибытіи палача. Согласіе между тремя директорами давно уже было нарушено. Форбекъ былъ въ совершенномъ отчаяніи и никого не щадилъ. Перспектива попасть въ тюрьму, лишиться, быть можетъ, дворянскаго достоинства, выводила его изъ себя. Оттомаръ прогналъ его отъ себя съ заряженнымъ револьверомъ въ рукахъ, когда онъ явился-было объясняться на счетъ Ады, а графъ Трейенфельсъ строго настрого запретилъ принимать Форбека и его мать.

Въ самомъ дѣлѣ—вошелъ Форбекъ. Тщательнаго туалета не было больше и въ поминѣ. Во время оно это было его главнѣйшей заботой. Теперь же борода его посѣдѣла, волосы были всклокочены, рубашка заношена. Глубокія морщины, шедшія отъ носа къ угламъ рта, дѣлали его лѣтъ на десять старше, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности.

Форбекъ хотѣлъ узнать, чѣмъ окончилось объясненіе Элердта съ Вольни, но уже внизу ему сообщили страшную вѣсть: Элердта отвезли въ больницу. Жозефа, сообщившая объ этомъ, плакала. Форбекъ въ оцѣпенѣніи поднялся по лѣстницѣ, молча поглядѣлъ на Робе съ такимъ выраженіемъ, какъ будто бы тотъ демонъ, который осилилъ Раймунда, готовился переселиться въ нихъ обоихъ.

Это смущеніе, выразившееся только тихимъ—гмъ! и подавленными вздохами, придало смѣлость Кону показаться изъ своего убѣжища и объявить — причемъ Форбекъ во всѣ глаза поглядѣлъ на него,—что ему смерть какъ хочется чашку кофе.

— А вы еще торчите здѣсь? — съ отчаяніемъ проговорилъ Форбекъ.—Вы все еще не уплыли? сидите здѣсь точно въ кофейнѣ.

— Поспѣемъ еще,—отвѣчалъ Конъ.

— Вы должны уѣхать!—закричалъ Форбекъ.— Ваши показанія скомпрометтируютъ насъ хуже всего остальнаго! Вы самый безтолковый человѣкъ въ мірѣ. Вы дѣлаете признанія тогда, когда другіе молчатъ. Ваше присутствіе испортитъ все дѣло!

И затѣмъ Форбекъ сообщилъ о своемъ планѣ. Конъ долженъ непремѣнно уѣхать, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Всю вину свалять на него. Онъ долженъ бѣжать за-границу, и не теряя времени: можно каждый день ожидать ареста.

Вечеромъ въ сумерки пріѣдетъ Мало съ каретой и отвезетъ Кона на станцію желѣзной дороги, причемъ кучеру скажутъ, что баринъ ѣдетъ къ одному помѣщику въ гости. Робе взялся переговорить съ Мало, а Форбекъ сѣлъ въ кабріолетъ, запряженный одиночкой, и уѣхалъ. Лошадь его споткнулась нѣсколько разъ. Это напомнило ему, что поставщикъ кабріолета и лошади представилъ ему довольно крупный счетъ, который онъ долженъ былъ уплатить, если не хочетъ съ завтрашняго дня ходить пѣшкомъ.

Форбекъ мысленно говорилъ свою защитительную рѣчь. Шарлатанство стало общимъ лозунгомъ нашего времени. Наше время изобрѣло фиктивные разсчеты, эту разницу между нулемъ и плюсомъ, и минусомъ и нулемъ — наличныя деньги стали излишни! Только въ обыденной жизни они бываютъ еще нужны! Золотые не что иное, какъ размѣнная монета! Дребезжащій звукъ биржевого колокола, ежедневный бюллетень синдиката должны рѣшать дѣла. Допустите лигатуру правды и неправды! Оставьте жизнь идти своимъ ходомъ! Пусть добро и зло будутъ перемѣшаны! Мы пролагаемъ путь истинному соціальному вопросу! Онъ покончитъ съ нашимъ идеализмомъ! Весь существующій порядокъ долженъ измѣниться! Образуется новое общество, новое государство! Быть можетъ, этому будетъ предшествовать поголовная рѣзня: кто останется цѣлъ, устроится по новому!

Но не только земное ничтожество, но и переходъ въ вѣчность занимали мечтателя. Заряженный пистолетъ давно былъ уже припасенъ имъ. Онъ перебиралъ въ умѣ, какія нити еще привязывали его къ жизни. Женщины? эта приманка уже исчерпана имъ до дна. Но Ада!

Слеза скатилась по его щекѣ.

— Ада! Ада! какъ ты бывала иногда зла на словахъ и какъ добра на дѣлѣ...

Онъ овладѣлъ собой. «Ахъ!—подумалъ онъ,—только бы еще пережить одинъ часокъ пріятный, освѣжающій, радостный!» Онъ подумалъ объ Эдвинѣ Марлофъ.

Но, вспомнивъ про венгерскую баронессу, ощупалъ свой портмоне, и нашелъ его слишкомъ легковѣснымъ.

Приближалось время отъѣзда графа Удо, возвращавшагося на свой старый постъ въ Лиссабонъ. Со всѣхъ сторонъ доходили до него вѣсти о чужомъ счастіи. Ему тяжело было слушать ихъ, не отъ зависти, но отъ горя. Даже князь Рауденъ нашелъ, наконецъ, сюжетъ для своей оперы, и онъ самъ же надоумилъ его—

драматизировать начало Иліады: споръ боговъ. Мысленно князь Нарциссъ уже видѣлъ афишки, прибитыя на всѣхъ перекресткахъ и возвѣщающія гигантскими литерами о представленіи его оперы.

— Только два человѣка глубоко несчастны,—сказалъ себѣ графъ Удо.—Онъ думалъ про себя и про Эдвину, и послалъ Лароза узнать ея адресъ.

Ларозъ сообщилъ названіе d'un quartier très vilain.

XV.

— Милочка! милочка! почему ты сегодня такая печальная?

Такія слова раздавались въ комнатѣ, обитой дорогими обоями. Портьеры не прикрывали дверей. Ни диваны, ни кресла не указывали на комфортъ.

— Будь веселѣе, милочка! все опять уладится, если ты только будешь работать! Вѣдь г. Дитерици доставилъ тебѣ прекрасное мѣсто рисовальщицы въ модномъ журналѣ! Ты такъ прекрасно умѣешь рисовать! Развеселись же, милочка. «Старая Мюллерша», бабушка Эдвины, само собой разумѣется, превратила имя Дитерици въ Кикерици, а модный журналъ былъ названъ ею портняжной газетой и вся вышеприведенная рѣчь произнесена на простонародномъ діалектѣ.

Но Эдвина понимала эти добродушныя рѣчи и молчала. Она лежала на диванѣ, подперевъ голову рукой, и только молча покачала ею. Полиція уже совершила вторженіе въ ея жизнь... Это было ужасно. Сначала вслѣдствіе ея писемъ къ старой графинѣ, теперь на нее наложены были обязательства, про которыя она утверждала, что отъ ихъ исполненія она съ ума сойдетъ. Руки и ноги дрожали у ней, когда она про это вспоминала. Она часто проводила рукой по лбу. На немъ уже легли складки, которыя больше не разглаживались.

— Ради самого неба, не ходи на улицу! Не позорь ты себя и насъ со старикомъ! Старикъ потерялъ всякое терпѣніе. Вотъ— говорившая вынула руку изъ-подъ передника—онъ опять присылаетъ тебѣ сто талеровъ!...

— Снеси ихъ хозяину!—коротко отвѣтила Эдвина.

— Ну, вотъ! а у самихъ опять ни гроша,—проворчала бабушка, однако повиновалась.

Старуха поселилась теперь на одной квартирѣ съ внучкой и прислуживала ей. Баронесса Угарти была ей особенно ненавистна: она всегда уходила въ кухню, когда та появлялась.

А она теперь какъ разъ появилась въ дверяхъ въ туалетѣ, хотя и потасканномъ, но все—въ шелку и въ бархатѣ, и съ такимъ же увѣщаніемъ: — Маруцца, Маруцца! не будь же такая печальная. Посмотри-ка, что я привезла! Утолителя всѣхъ печалей.

И старая кокетка, напѣвая французскую пѣсенку, вынула изъ зеленой бумаги, цвѣта пророка, бутылку шампанскаго.

— Маруцца! Зачѣмъ унывать! отчего ты повѣсила носъ! Нѣтъ денегъ—передъ деньгами! Проклятый Зичи! И она разсказала о результатѣ своихъ выѣздовъ, откупоривая бутылку шампанскаго.— Онъ уѣхалъ! какъ ни въ чемъ не бывало. Также и благородный Гика! Вотъ и надѣйся на нихъ! Не спросила въ гостинницѣ, заплатили ли они счеты. Быть можетъ, то проходимцы! Совсѣмъ не настоящіе графы и князья. Теперь такихъ развелось... гибель.

Эдвина сказала съ непередаваемой горечью:

— Ты еще вѣришь въ мужчинъ? — и налила два большихъ стакана шампанскимъ, но осталась лежать на диванѣ, подперевъ по прежнему голову. Ея прекрасные бѣлокурые волосы были причесаны, но нѣсколько прядей висѣло, какъ-бы выбившись изъ-подъ гребня. Настоящая Магдалина Корреджіо, но только черепъ, раскаяніе, а также и безусловная безнадежность отсутствовали.

— Ну же, развеселись, — продолжала баронесса, и хотѣла взять Эдвину за руку.

— Ахъ! оставь меня въ покоѣ и не трогай!—перебила послѣдняя, уклоняясь отъ ласкъ своей старой «благодѣтельницы» и «спасительницы», которой она была обязана и злыми уроками, и дурными примѣрами, и дурными совѣтами. Попытки Эдвины разорвать съ прежней жизнью намъ извѣстны. Они были приняты слишкомъ холодно, не встрѣтили поощренія. Изъ самой себя она не могла ничего создать. Она была слишкомъ тщеславна, слишкомъ пресыщена. Она хотѣла-было вся отдаться правдѣ, добродѣтели, самоотверженію, когда познакомилась съ Раймундомъ Элердтомъ, и въ непонятномъ ослѣпленіи дѣйствительно полюбила его. Какое страшное заблужденіе! Она думала, что нашла въ немъ вѣнецъ всего прекраснаго, такую же нравственную красоту, какъ и въ сестрѣ его, которая внушила ей такое уваженіе и симпатію. Если она теперь плакала, то не по немъ, а по своей собственной «жестокой ошибкѣ!» Охъ! какъ сильна въ мірѣ ложь! какъ она царитъ въ немъ и приводитъ людей на край гибели! Вмѣстѣ съ тѣмъ она устала, устала до смерти, а потому и не въ силахъ была предпринять что-либо новое. Она апатично опустила руки и терпѣла общество Угарти,

и шутила съ прекрасными кавалерами, которыхъ та привозила къ ней по вечерамъ.

Она выпила стаканъ шампанскаго.—«Какое мнѣ дѣло,—думала она, становясь передъ зеркаломъ,—до приказанія старика принять предложеніе Дитерици! Изобрѣтать костюмы, которыхъ я не стану носить! Ублажать тщеславіе людей, болѣе счастливыхъ, чѣмъ я! Они ѣздятъ въ театры, веселятся. Старикъ хочетъ взять меня съ собой въ Польшу, если я хорошо буду вести себя! Очень веселая перспектива! Пріемный отецъ назвалъ ее худымъ именемъ, но у него еще не было доказательствъ въ томъ, что она его заслуживаетъ. Веселое общество, собиравшееся у ней по ночамъ, еще ничего не доказывало, и кто же могъ прослѣдить, сколько дукатовъ совалось въ руки Угарти при прощаніи.

Эдвина была совершеннолѣтняя. По временамъ на нее находили минуты раздумья. Тогда она писала стихи. Она даже подумывала о томъ, чтобы напечатать ихъ. Но чтб могли принести нѣсколько стихотвореній къ лунѣ, къ одинокой ивѣ, къ ручью, гдѣ самое глубокое мѣсто? Погибла! вотъ былъ ея вѣчный припѣвъ. Дуэнья ея величала все «неудавшейся спекуляціей» и звала ее въ Вѣну! въ Вѣну! Тамъ для нихъ начнется «новая жизнь!» Глубокаго отчаянія, жившаго въ душѣ Эдвины, эта женщина не понимала. Для нея вся поэзія жизни заключалось въ ея прекрасномъ отечествѣ и въ пріемѣ ціанъ-кали, который она постоянно носила на своей поддѣльной груди. Эдвина часто хотѣла отнять у худой какъ привидѣніе, но сильной женщины убійственную сткляночку. — Дай мнѣ ее! дай! Что мнѣ въ твоей Вѣнѣ? Посмотри, какъ я старѣюсь! Посмотри на эти сѣдые волосы! на эти провалившіяся щеки! Посмотри на этотъ тусклый взглядъ! Я хочу умереть! Румяна не жизнь! Меня ничто болѣе не привлекаетъ!...

Венгерка смѣялась. Она по вечерамъ такъ раскрашивала свою Маруццу, что та казалась такой же красавицей, какъ и прежде.

— Угарти!—сказала вдругъ Эдвина сквозь слезы,—чтб мы будемъ завтра ѣсть. У меня нѣтъ ни гроша денегъ.

Старуха бабушка понимала, какой смыслъ имѣло приглашеніе венгерки прогуляться.

— Эдвина!—закричала она, бросаясь къ проходимкѣ, одѣвавшей Эдвину, и хотѣла отнять у ней дочь своей дочери.—Эдвина! останься! не ходи съ ней!—повторила она.

Старая Мюллерша не могла справиться съ когтями Угарти. Хозяинъ забралъ сто талеровъ. А старикъ Марлофъ не скопилъ богатствъ, хотя и велъ простую, скромную жизнь.

И вотъ они вышли... на улицу. Старуха бабушка осталась дома, ломая руки.

Тѣмъ временемъ графъ Удо уже садился въ карету, ощупывая карманъ, гдѣ лежалъ его портфель. Онъ взялъ Лароза съ собой. Тотъ долженъ былъ подождать въ каретѣ, пока онъ объяснится съ Эдвиной. — Я хочу только помочь ей!—нѣсколько разъ повторилъ графъ французу, которому извѣстна была вся исторія и который отвѣчалъ своей любимой поговоркой: — я не пишу мемуаровъ!

Онъ зналъ человѣческую природу и ея слабости.

Когда они усѣлись въ карету, Ларозъ шутливо замѣтилъ графу, который продолжалъ толковать про «исправленіе» и «наведеніе на путь истинный»: — не задавайтесь задачей исправлять ближняго! Люди обыкновенно свихиваются съ прямого пути, когда стремятся другихъ направить на этотъ путь. Чтó не растетъ само собой, того не насадишь!

Карета остановилась. Графъ вышелъ изъ нея, Ларозъ остался дожидаться. Онъ сказалъ графу: въ третьемъ этажѣ, направо!

Графъ взошелъ по лѣстницѣ. Старуха Мюллерша отворила ему дверь. Она была въ слезахъ. Инженеръ только-что приходилъ, спрашивалъ Эдвину, хотѣлъ, чтобы она выбирала любое изъ двухъ: или ѣхать съ нимъ въ Польшу, или же приняла мѣсто рисовальщицы, рекомендованное Дитерици, и побѣжалъ за ней слѣдомъ. Этого всего однако старуха не сообщила графу. Она попросила его только подождать!... Какъ однако теперешняя обстановка Эдвины не похожа на описаніе Оттомара!... Вездѣ поблекшее великолѣпіе! Графъ почувствовалъ угрызеніе совѣсти. — Мнѣ бы слѣдовало раньше придти сюда!... Охъ! ужъ этотъ свѣтъ съ своими строгими приговорами!... Гнѣвная тѣнь дяди встала въ его воображеніи!... Вонъ стоитъ шахматная доска!... Она сохранила ее!... Слезы навернулись у него на глазахъ. Онъ съ умиленіемъ поглядѣлъ также на красивую пепельницу. Она была ему хорошо знакома. Она много лѣтъ стояла на дядиномъ письменномъ столѣ.

Онъ прождалъ нѣкоторое время, размышляя о собственномъ горѣ, о томъ: не разсѣетъ ли его жизнь въ чужихъ краяхъ, какъ вдругъ на улицѣ раздался шумъ, крикъ полицейскаго: сюда! сюда! вопли женскихъ голосовъ и, наконецъ, отчаянный крикъ старухи, отворившей ему дверь.

— Онъ сдѣлалъ, какъ говорилъ!—яростно кричала старуха. Нѣсколько женщинъ изъ простонародья, вмѣстѣ съ ней вбѣжавшихъ въ комнату, должны были держать ее. Она была внѣ себя.

Графъ Удо понялъ, что̀ случилось. Въ комнату внесли безчувственную Эдвину или, вѣрнѣе, трупъ ея. Прелестная женщина... вся избитая... въ крови. Да! она мертва! Врачъ, пришедшій съ улицы, пытался оживить ее. Онъ ни за что не соглашался пустить кровь. — Боже упаси, говорилъ онъ. И наклонился надъ умирающей, стараясь вдохнуть дыханіе въ легкія. Онъ приказалъ тереть обнаженное тѣло. Мертвую раздѣли. — Ахъ! — горевалъ народъ. — Какая красавица! какая красавица! Всѣ благородныя формы обнажились. Старикъ Альтингъ былъ бы тронутъ. Какая рука! какая нога! Молодой медикъ думалъ то же самое, и радовался, что такой прекрасный трупъ поступитъ въ анатомическій театръ его поликлиники.

До прихода слугъ изъ этого заведенія, съ корзиной, куда должны были сложить трупъ, такъ какъ милый хозяинъ объявилъ, что не желаетъ въ своемъ домѣ покойника, всѣ столпились вокругъ прекрасной, мертвой дѣвушки. Старуха Мюллерша разсказала то, о чемъ догадывалась. При первомъ же подозрительномъ появленіи на улицѣ, подъ предательскими газовыми фонарями, къ Эдвинѣ, гулявшей съ другой женщиной, подбѣжалъ человѣкъ; спутница Эдвины обратилась въ бѣгство, а онъ, назвавъ Эдвину словомъ, которое нельзя передать въ печати, схватилъ ее одной рукой за затылокъ, а другою, худощавою, но тѣмъ не менѣе сильною рукой за горло и повалилъ на землю. Испугъ докончилъ остальное. Разрывъ сердца убилъ ее. Преступникъ, Марлофъ, самъ отдался въ руки полиціи, назвалъ имя своей жертвы и указалъ ея квартиру.

Графъ Удо, потрясенный до глубины души, глядѣлъ на прекрасное, все болѣе и болѣе охладѣвавшее тѣло, которое тщетно терли; на искаженныя черты лица, на горло, на которомъ виднѣлись слѣды убійственной руки. Члены коченѣли. Мало-по-малу она вся застыла. Ужасъ охватилъ его. Наложить свое veto на все, что̀ затѣмъ воспослѣдовало, на то, какъ укладывали и уносили покойницу, онъ не имѣлъ права. Незаконное дитя, не усыновленное отцомъ, не существуетъ передъ закономъ.

Онъ отдалъ старухѣ-бабушкѣ деньги, которыя захватилъ съ собой въ портфѣль, и тихо ушелъ къ Ларозу, который посадилъ его въ карету. Онъ уже узналъ о случившемся отъ нѣкоторыхъ зрителей, кое-какъ объяснявшихся по-французски, и только пожалъ плечами.

Услышавъ эту ужасную вѣсть, Оттомаръ, забывая про всѣ обстоятельства, раздѣлявшія ихъ, бросился на слѣдующее утро къ графу.

Оба такъ странно соединенные и разлученные друга обнялись со слезами на глазахъ.

— Не будемъ говорить обо всемъ, что́ было! — вскричалъ графъ.—Одинъ только совѣтъ дай мнѣ увезти съ собой на чужбину. Видишь ли ты вдали голубое море? Туда направлю я свой путь! Не придумалъ ли ты для меня чего-нибудь? Быть можетъ, ты открылъ что-либо новое въ глазахъ Ады? Нѣтъ, — перебилъ онъ самого себя, — оставимъ личности. Скажи мнѣ только: вѣришь ли ты въ міровой законъ, обязывающій насъ жить по правиламъ нравственности?

— Нѣтъ,—возразилъ Оттомаръ твердо и рѣшительно.—Меркусъ пусть въ него вѣритъ! Нравственный міровой законъ одна пустая фраза, служащая лишь для прикрытія лжи и ханжества! Какимъ образомъ въ мірѣ, управляемомъ нравственнымъ міровымъ закономъ, является попранное правосудіе? Какимъ образомъ въ немъ видишь повсемѣстно нарушаемую гармонію? Гармонія созидается только нашимъ разрушеніемъ, нашимъ невѣдѣніемъ! Развѣ не погибли тысячи прекраснѣйшихъ существъ? Великолѣпнѣйшія статуи, чудныя трагедіи! Гдѣ Алкей? Гдѣ Фринисъ? Гдѣ спасители скрытыхъ, вѣчно - вѣчно остающихся неузнанными заслугъ? Нѣтъ, другъ, противъ хаотическаго, злого случая, управляющаго здѣшнимъ міромъ, противъ жестокаго закона правильности и безпощадности, единственнымъ оружіемъ у насъ остается образованіе и правильно устроенное сердце! Наше время додумалось до этого, и въ этомъ отношеніи злѣйшій пессимизмъ по отношенію къ жестокой міровой загадкѣ оправданъ!

Графъ былъ еще полонъ печальныхъ мыслей, возбужденныхъ въ немъ грустнымъ концомъ Эдвины. Онъ вспомнилъ про Елену и сказалъ, вздыхая:

— Но розы все же цвѣтутъ по прежнему!

Оба разстались, какъ опадаетъ листъ съ дерева.

Придетъ снова хорошій годъ и все обновится! Они надѣялись встрѣтиться въ будущемъ, счастливые!

Небо чистое и голубое, деревья расцвѣтаютъ, осень и зима прошли.

Событія, корни которыхъ скрыты отъ всѣхъ глазъ, уже дали свой плодъ.

Наступило нѣкоторое равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ.

Вѣчное черпаніе изъ одного и того же колодца воды однимъ и тѣмъ же рѣшетомъ породило нѣкоторую скуку, которая не хочетъ только сознаться:

— Мы слишкомъ много разрушали! Слишкомъ поспѣшно

управляли! Наша ставка не особенно удачна! Попробуемъ другого, а пока остановимся на томъ, что́ уже сдѣлано. Во всѣхъ отсутствуетъ осмотрительность и знакомство съ прошлымъ! Ораторы не слышатъ предостереженія:—сперва поучиться, а затѣмъ уже говорить!

Когда прошла масляница и духовная нищета перестала прикрываться безсмысленными увеселеніями, а увлеченіе одной формой, отсутствіе всякаго стремленія къ высшимъ цѣлямъ жизни перестали выражаться въ балахъ и пирахъ, Серапіоновы братья стали чаще собираться вокругъ зеленаго стола и оплакивали, что нѣкоторые изъ членовъ, задававшихъ въ былое время тонъ кружку, приходятъ такъ рѣдко. Эльтестеръ, Омма́ и другіе были на лицо, но цѣлый кружокъ людей: Шиндлеръ, Вольни, недавно введенный въ клубъ Голль, почти всегда отсутствовали.

Должно быть, ихъ поглощало семейное счастіе!

Больше всего сожалѣли объ отсутствіи старика скульптора Альтинга. Но его снова постигло великое несчастіе.

Весь свѣтъ любовался великолѣпнымъ памятникомъ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора, который онъ соорудилъ на могилѣ графа Вильгельма фонъ-Трейенфельсъ. Любовь, постоянство, вѣрность и надежда были изображены на немъ характерными фигурами. Голова цоколя состояла изъ бюста съ благородными чертами самого графа. И вотъ, вся эта группа была злостно разбита въ одну мрачную, темную ночь! Да! доносились слухи, что могильщики видѣли поздно вечеромъ даму подъ вуалью, въ сопровожденіи господина небольшого роста, которые попросили разрѣшенія пройти на кладбище, незадолго до того, какъ оно запирается. Сторожъ принялъ даму за вдову покойнаго, часто навѣщавшую памятникъ. Карета отъѣхала, и по наведеннымъ впослѣдствіи справкамъ, стояла до глубокой почи по ту сторону кладбища, гдѣ оно обнесено не высокой стѣной, но живой изгородью. Какимъ орудіемъ, по всей вѣроятности молоткомъ, кто-то, владѣющій болѣе сильною рукой, нежели старая матрона, совершилъ убійственное дѣло. Головы, руки, ноги—все было отбито и лежало во прахѣ!

Въ Италіи заговорили бы о зависти художника товарища; здѣсь толковали, что старуха графиня Трейенфельсъ, подпавшая вліянію духовенства, давно уже помутившаяся въ умѣ, совершила это дѣяніе въ припадкѣ изступленія. По смерти мужа она узнала объ его невѣрности, связанной съ уличнымъ убійствомъ, совершённымъ не такъ давно.

Первою мыслью всѣхъ была мысль объ Альтингѣ. Какъ-то онъ переживетъ повтореніе исторіи съ «Амуромъ и Психеей?»

Придворный живописецъ Тризель былъ всѣхъ рѣчистѣе на эту тэму. Чужое несчастіе дѣлаетъ всѣхъ эгоистовъ краснорѣчивыми. Тризель предложилъ отправиться всей компаніей къ Альтингу на квартиру и выразить ему свое соболѣзнованіе. Но прежде чѣмъ это предложеніе успѣли привести въ исполненіе, дверь въ помѣщеніе клуба отворилась, и въ него быстрыми шагами вошелъ старикъ Альтингъ, веселый и раскраснѣвшійся отъ мороза, и громко закричалъ:

— Здравствуйте!

Всѣ вскочили съ мѣста, удивленные, и окружили «бѣднаго художника», а Тризель скорчилъ похоронную мину и собирался произнести настоящее надгробное слово памятнику, и провести параллель между его судьбой и судьбой «Амура и Психеи». Но какъ же всѣ удивились, когда скульпторъ веселымъ голосомъ объявилъ, смѣясь:

— Оставьте меня въ покоѣ, глупые люди! Вотъ, стану я горевать и плакаться о работѣ, за которую мнѣ хорошо заплатили! Вѣдь модель у меня цѣла и я каждый день могу сдѣлать новую группу! Нѣтъ, братецъ, обратился онъ къ Тризелю, на этотъ разъ я не троттуарный больной! Я не такой дуракъ, какъ Бенвенуто Челлини! Изъ-за своего жалкаго Персея, онъ собирался поставить міръ вверхъ дномъ. Одну минуту, сознаюсь, и меня поразило случившееся. Представить себѣ только, что въ зимнюю ночь, на занесенное снѣгомъ кладбище, гдѣ мѣсяцъ освѣщаетъ могилы, старыя высокія ели, кустарники, окутанныя соломой, пробирается закутанная, полупомѣшанная фигура, увлекаемая демономъ, и молоткомъ разбиваетъ въ дребезги мою вѣрность, мое постоянство, мою любовь... Это, знаете ли, хорошій сюжетъ для васъ, Тризель: напишите-ка на это картину для будущей выставки. Дама стара и вѣроятно проживетъ не долго. Я запрещаю всякія изъявленія соболѣзнованія, потому что хочу быть веселъ. И знаете ли почему? Вольни только-что написалъ мнѣ съ своей фабрики, которая снова процвѣтаетъ, что онъ совершенно увѣренъ теперь, что скоро ему придется справлять крестины. Въ то же время г-жа Голль, моя милая дочка, шепнула мнѣ ту же новость на ухо. И какъ разъ тутъ же подоспѣло письмо отъ Оттомара, который, какъ всему свѣту извѣстно, женился на графинѣ Трейенфельсъ, съ тою же радостною вѣстью. Какъ мнѣ было отпраздновать свою радость?... Вдругъ я вспомнилъ про нашъ понедѣльникъ! А теперь, Францъ, мою кружку!

Со всѣхъ сторонъ принялись поздравлять старика.

Когда все успокоилось, санитарный совѣтникъ Эльтестеръ всталъ и объявилъ:

— Мнѣ надо кое-что сообщить братьямъ Сераписа, въ которыхъ я часто превращаю нашихъ Серапіоновыхъ братьевъ. Я хочу сообщить объ одной тайнѣ природы. Здѣсь говорили про дѣтей. Бабушкамъ всегда любопытно знать: родится ли мальчикъ или дѣвочка! Ну, такъ слушайте: въ тѣхъ случаяхъ, когда мужчина сильнѣе влюбленъ въ женщину, чѣмъ она въ него, родится дѣвочка! Тамъ же, гдѣ, наоборотъ, женщина страстнѣе любитъ своего мужа, чѣмъ онъ ее, родится мальчикъ! Природа любитъ контрасты!

— Чортъ побери!—закричалъ Альтингъ.—Вотъ для меня тэма для соображеній и отличная новость для моей старухи! У Вольни... стой!... онъ подумалъ съ минуту—родится мальчикъ. Въ Мартѣ Элердтъ таится сдержанный огонь Іоанны д'Аркъ. Она царитъ теперь точно королева, на завоеванныхъ ею лаврахъ. У моей Елены... гмъ!—онъ вспомнилъ про милаго, добродушнаго графа Удо—родится дѣвочка. Но, прибавилъ онъ весело, у Оттомара тоже будетъ мальчикъ. Благодарю васъ, г. Эльтестеръ!—заключилъ онъ, отбрасывая титулъ.—Поддерживайте эту религію природы! Пусть она будетъ регуляторомъ всѣхъ нашихъ дѣйствій! То, что идетъ въ разрѣзъ съ природой, съ свободной волей, съ разумомъ, не можетъ служить закономъ, не можетъ руководить жизнью! Природа—всесильный и безусловный побѣдитель!

Всѣ снова чокнулись съ взволнованнымъ художникомъ.

Графъ нашелъ на чужбинѣ примиреніе, которое рано или поздно исцѣляетъ всѣ печали.

Надъ старой графиней пришлось учредить надзоръ. Родственникъ ея, князь Рауденъ, работаетъ надъ драматизированіемъ начальной пѣсни Иліады и разсчитываетъ на Аншпахъ для соперничества съ Байрётомъ.

Фрау Бренна ищетъ себѣ новаго мѣста, а пока даетъ уроки драматическаго чтенія и устраиваетъ вечера, по пяти зильбергрошей за входъ, на которыхъ она и ея ученицы декламируютъ стихи. На всякаго писателя, который пишетъ прозой, она смотритъ съ пренебреженіемъ.

Раймундъ Элердтъ погибъ. Его вылечили отъ бѣлой горячки, но онъ остался слабоумнымъ. Фабрикой Робе, но только безъ «продуктивной ренты», управляетъ Вольни и переѣхалъ съ Мартой въ за-ново отдѣланный и покинутый Гарри Робе домъ. Тамъ, по двору, въ мастерскихъ и въ самомъ домѣ бродитъ полоумный

Раймундъ. Соціальное движеніе обратилось отъ стачекъ къ избирательнымъ урнамъ. Раймундъ не могъ больше въ немъ участвовать. Форбекъ приговоренъ къ двухгодичному тюремному заключенію, Конъ къ трехгодичному! Маль, отвозя его на станцію желѣзной дороги, самымъ добродушнымъ образомъ предалъ его полиціи, и затѣмъ самъ поступилъ на службу тайной полиціи. Робе высидѣлъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ. Въ это время многія семьи вдругъ обрѣли преступниковъ въ лицѣ своихъ братьевъ и отцовъ.

Шиндлеръ заставилъ юстицъ-совѣтницу Луціусъ жить на скромную ногу. Шиндлеръ былъ душеприказчикомъ, опекуномъ, и дѣйствовалъ энергично. Юморъ не покидалъ его при этомъ. Онъ охотился за женихами для обѣихъ дѣвушекъ. И представьте! Дитерици, который нашелъ себѣ административное мѣсто и послѣ того, какъ написалъ брошюру: «Основная задача общества. Къ рѣшенію соціальнаго вопроса»,—сдѣлался гофратомъ у одного мелкопомѣстнаго государя (разрѣшеніе заключалось, несмотря на всю его философію и поэзію, все въ тѣхъ же Крупповскихъ пушкахъ), пришелъ съ нимъ въ одно прекрасное утро переговорить о двухъ вакантныхъ директорскихъ мѣстахъ въ заведеніяхъ, которыми завѣдывалъ Шиндлеръ. И такъ какъ одновременно съ этимъ Жанъ Фоглеръ переведенъ былъ окружнымъ судьей, хотя и не въ Иновраплавъ, но неподалеку оттуда, въ округъ Кротошинъ, а Шиндлеръ нашелъ въ числѣ оставшихся послѣ Луціуса бумагъ вексель въ 875 талеровъ, 22 гроша, 7 пфенниговъ, которые Луціусъ далъ взаймы нашему bon-vivant, то онъ поставилъ слѣдующее условіе—Фоглеръ былъ внѣ себя отъ угрожающаго ему протеста векселя—обоимъ пріятелямъ: одинъ получитъ немедленно оба мѣста, а вексель другого будетъ разорванъ, если они женятся на дочеряхъ его друга, Луціуса,—на Сашѣ или на Церлинѣ, на какой пожелаютъ! Пусть обдѣлаютъ это между собою! Сцена, во время которой оба пріятеля рѣшали посредствомъ жребія, на которой изъ двухъ дѣвушекъ имъ жениться, принадлежитъ перу водевилиста. Свадебные билеты: «гофратъ Дитерици и Церлина Луціусъ», «окружной судья Жанъ Фоглеръ и Саша Луціусъ», удивили весь свѣтъ.

Совѣтницѣ Луціусъ выпало на долю счастіе видѣть, что оба принудительные брака ея дочерей удались вполнѣ. Обѣ молодыхъ женщины увлеклись интересами своихъ мужей. Фрау Дитерици выходила изъ себя, если осмѣливались сомнѣваться въ правильности рѣшенія соціальной задачи ея мужемъ, гофратомъ. Хотя послѣдній и рѣшилъ эту задачу посредствомъ Крупповскихъ пушекъ, однако участвовалъ на всѣхъ экономическихъ конгрессахъ,

и носилъ въ петличкѣ фрака поэтическій цвѣтокъ,—до тѣхъ поръ, пока на этомъ мѣстѣ не зацвѣлъ у него орденъ.

Старуха Мюллерша вскорѣ умерла. Присяжные вынесли оправдательный приговоръ Марлофу. Онъ уѣхалъ въ Польшу, гдѣ, говорятъ, въ одну лютую зимнюю ночь былъ растерзанъ волками. Такъ по крайней мѣрѣ разсказывали.

Угарти выслали изъ Германіи.

Голль сдержалъ все, чего только Елена ожидала отъ союза двухъ сердецъ.

Оттомаръ съ Адой, конечно, не разгуливаютъ по коврамъ изъ мху, въ березовыхъ рощахъ польской стороны, съ игольчатыми ружьями на плечахъ, въ обществѣ охотниковъ на волковъ. Оттомаръ былъ назначенъ судьей въ менѣе отдаленную провинцію и посвятилъ свою жизнь любви и созиданію германскаго законодательства и новой имперской жизни.

Когда ему случилось какъ-то сказать:—Въ такое время, какъ наше, когда факты управляютъ массами, слѣдуетъ научиться искусству, выполняя свои ближайшія обязанности и заботясь о своемъ общемъ развитіи и образованіи,—оставаться героемъ ничтожества!—прекрасная, молодая, мужественная, счастливая жена обняла его, говоря:—Но ты не таковъ! ты то, чѣмъ ты хотѣлъ быть, ты—человѣкъ! А въ сущности ничего иного отъ людей и не требуется!

А. Э.

РОССІЯ И ЕВРОПА

ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ

ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

IV *).

Вторая неудачная коалиція.

Неизвѣстно, что намѣревались дѣлать въ австрійскомъ лагерѣ въ случаѣ удачи сраженія; но очевидно, что, въ случаѣ неудачи, было рѣшено покончить войну на какихъ бы то ни было условіяхъ. На другой день послѣ аустерлицкой битвы, императоръ Францъ послалъ уже съ мирными предложеніями къ Наполеону; императора Александра онъ просилъ позволить ему заключить миръ. «Дѣлайте, какъ хотите,—отвѣчалъ Александръ:—только не вмѣшивайте меня ни подъ какимъ видомъ». На слѣдующій день, 22 ноября, произошло личное свиданіе между Францомъ и Наполеономъ, которому прежде всего нужно было не только разорвать коалицію въ настоящемъ, но и предупредить возможность ея въ будущемъ: онъ потребовалъ, чтобъ русское войско вышло немедленно изъ австрійскихъ владѣній, причемъ внушалъ Францу, что странно было бы для Австріи соединяться съ Россіею, которая одна можетъ вести войну по прихотямъ своей фантазіи; послѣ пораженія русское войско спокойно возвратится въ свои степи, а союзникъ поплатится областями. Русское войско ушло,

*) См. выше, сентябрь, 106 стр.

Австрія поплатилась. Отъ нея потребовали, чтобъ она отдала Франціи Венецію и венеціанскія области на твердой землѣ, признала Наполеона королемъ Италіи; Тироль, который справедливо сравниваютъ съ громадною естественною крѣпостью, имѣющею великое значеніе для того, кто ею владѣетъ, Тироль съ Форарльбергомъ Австрія должна была уступить Баваріи, другія владѣнія свои въ областяхъ верхняго Дуная и Рейна должна была уступить Виртембергу и Бадену, должна была, такимъ образомъ, заплатить всѣмъ этимъ германскимъ владѣніямъ за союзъ ихъ съ Наполеономъ противъ нея, лишилась всего 1,114 квадратныхъ миль и 2.785,000 жителей. У Австріи, впрочемъ, былъ доброжелатель подлѣ Наполеона, составитель широкихъ политическихъ плановъ, знаменитый французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, Талейранъ. Послѣ Аустерлица онъ написалъ Наполеону: «Въ волѣ вашего величества теперь или разбить австрійскую монархію, или возстановить ее. Существованіе этой монархіи въ ея массѣ (dans sa masse) необходимо для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ; умоляю ваше величество перечитать проектъ, который я имѣлъ честь отправить вамъ изъ Страсбурга». По этому проекту Австрія должна была лишиться и Венеціи, и Тироля, и швабскихъ земель; но должна была получить вознагражденіе. Впервые, по плану Талейрана, Австрія возводилась въ дунайское государство, чинъ, которымъ ее жалуютъ и теперь, желая, чтобы она поскорѣе убралась изъ Германіи и въ то же время считая ее необходимою для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ. Талейранъ отдавалъ Австріи Сербію, Молдавію, Бессарабію и сѣверную часть Болгаріи. А почему Талейранъ считалъ Австрію, какъ дунайское государство, необходимою для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ, это вытекало изъ того, что самая опасная соперница Франціи, а слѣдовательно самый опасный врагъ цивилизаціи, была Россія, которая рано или поздно должна была завоевать Турцію; поэтому надобно вдвинуть между Россіею и Турціею Австрію, которая, такимъ образомъ, станетъ соперницею Россіи, союзницею Франціи и обезпечитъ Портѣ безопасность и долгое будущее. Англія не найдетъ болѣе союзниковъ на континентѣ, а если и найдетъ, то безполезныхъ; русскіе, запертые въ своихъ степяхъ, бросятся на южную Азію, тамъ столкнутся съ англичанами и, вмѣсто настоящаго союза, произойдетъ между ними вражда.

Талейранъ прежде всего желалъ обезпеченія для Франціи существующаго порядка, столь и для него самого выгоднаго; поэтому, естественно онъ желалъ, чтобы новая Франція пріобрѣтала для себя

въ Европѣ друзей, а не враговъ только, и самою возможною союзницею, по соображеніямъ настоящаго и прошедшаго, казалась ему Австрія, особенно, когда отнималось яблоко раздора — Италія. Талейранъ хотѣлъ сказать: довольно, будетъ съ насъ, пора перестать пріобрѣтать, надобно заняться упроченіемъ пріобрѣтеннаго; но говорить это Наполеону—значило бы говорить глухому. Наполеонъ былъ человѣкъ борьбы и безъ борьбы существовать не могъ; богатырь только-что расходился, ему нужны были враги для борьбы, а не друзья, не союзники постоянные. Онъ старался заключать союзы то съ тѣмъ, то съ другимъ государствомъ, но для того, чтобъ въ извѣстное время, передъ борьбою, ослабить, разорвавъ союзъ, противъ него направленный, все это было на время только, для удобства борьбы; мысль о чемъ-нибудь постоянномъ, прочномъ, объ окончаніи, успокоеніи была ему противна; въ талейрановскихъ планахъ и внушеніяхъ слышалось ему *memento mori*. Здѣсь начало разлада между нимъ и Талейраномъ, который своими широкими планами становился въ его глазахъ причастнымъ грѣху непростительному: грѣхъ этотъ Наполеонъ называлъ *идеологіею;* другое дѣло обѣщать, показать красивую приманку въ будущемъ, чтобъ заставить согласиться на требованія въ настоящемъ, и Наполеонъ позволяетъ Талейрану, при переговорахъ съ австрійскими уполномоченными, обѣщать имъ земли по нижнему Дунаю, даже земли отъ Пруссіи, которая должна получить Ганноверъ, если только они заключатъ какъ можно скорѣе миръ на требуемыхъ условіяхъ. Но удочка была закинута понапрасну: у австрійскаго правительства уже составилось убѣжденіе, что «турецкая имперія во всей своей цѣлости необходима для будущаго благоденствія цивилизованныхъ народовъ»; что надобно всѣми силами защищать драгоцѣнное владычество османовъ на балканскомъ полуостровѣ отъ посягновеній Россіи; а теперь заставляютъ саму Австрію посягнуть на цѣлость владѣній Порты и навлечь на себя вражду Россіи. Напуганные австрійцы отвѣчали, что никакъ не могутъ на это согласиться, ибо слѣдствіемъ будетъ разрывъ Австріи съ Россіею. Тщетно Талейранъ увѣрялъ, что опасности никакой нѣтъ, что Франція гарантируетъ будущія нижнедунайскія владѣнія Австріи; тщетно заявлялъ, какъ онъ, Талейранъ, стоитъ за союзъ Франціи съ Австріею, какъ онъ говорилъ Наполеону: мы будемъ воевать съ Австріею, а кончимъ союзомъ съ нею. «Спѣшите заключеніемъ мира, — говорилъ Талейранъ, — у Наполеона приходитъ аппетитъ въ то время, какъ онъ ѣстъ». Австрійскіе уполномоченные не соглашались; они тянули время въ надеждѣ на Прус-

сію, которая своимъ грознымъ положеніемъ могла бы сдержать требовательность Наполеона; но когда эта надежда исчезла, австрійцы принуждены были согласиться на всѣ требованія съ французской стороны и заключить миръ въ Пресбургѣ 14 (26) декабря 1805 года.

Посылка Гаугвица съ мирными условіями и съ объявленіемъ войны въ случаѣ ихъ непринятія императоромъ французовъ уже показывала, что въ дѣйствіяхъ Пруссіи не будетъ ничего рѣшительнаго; Гаугвицъ, вѣрный представитель короля, поѣхалъ не за тѣмъ, чтобъ вовлечь немедленно Пруссію въ войну съ побѣдителемъ, какимъ былъ Наполеонъ и до Аустерлица: Гаугвицу прежде всего хотѣлось выждать, какъ пойдетъ дѣло, и по этому ходу располагать свои дѣйствія. Фридрихъ-Вильгельмъ боялся войны и въ случаѣ побѣды Наполеона, и въ случаѣ побѣды союзниковъ, которые, приписывая однимъ себѣ весь успѣхъ дѣла, возьмутъ себѣ львиную часть; Гаугвицъ боялся войны въ томъ и другомъ случаѣ, да еще боялся Фридриха-Вильгельма. Отъ этого страха образъ его дѣйствій совершенно совпадалъ съ образомъ дѣйствій Наполеона, которому нужно было протянуть время, не доходить съ прусскимъ уполномоченнымъ до рѣшительныхъ объясненій, не допустить такимъ образомъ коалиціи до полноты, и, пользуясь этою неполнотою, разбить союзниковъ, принудить Австрію къ миру и тогда уже легко раздѣлаться съ одною Пруссіею такъ или иначе. Гаугвицъ не очень торопился сборомъ въ дорогу; не очень торопился и въ дорогѣ. Въ Прагѣ получилъ онъ извѣстіе о дюрренштейнской рѣзнѣ и поспѣшилъ въ письмѣ къ королю ослабить впечатлѣніе, какое это дѣло могло произвести: «хотя русское войско и отличилось, но все же оно принуждено отступать»; Гаугвицъ поддерживалъ въ королѣ страхъ передъ Наполеономъ или, лучше сказать, подлаживался подъ этотъ страхъ; онъ писалъ: «напрасно обвиняютъ великаго полководца, зачѣмъ онъ отъ Рейна прорвался къ границѣ Венгріи, гдѣ предстоитъ ему опасность быть отрѣзаннымъ и уничтоженнымъ; онъ не пойдетъ въ Венгрію, ибо знаетъ трудности похода въ этой странѣ; онъ идетъ за врагами въ Моравію, и если непріятельское войско отступитъ, то онъ вторгнется въ Силезію и по теченію Одера откроетъ себѣ дорогу черезъ прусскія владѣнія, гдѣ не встрѣтитъ сопротивленія, ибо прусское войско разсѣяно на обширномъ пространствѣ отъ Майна до Лузаціи». Этимъ внушеніемъ Гаугвицъ заранѣе оправдывалъ свое намѣреніе не торопиться рѣшительнымъ объясненіемъ съ Наполеономъ, чтобъ не подвергнуть Пруссію опасности въ слу-

чаѣ побѣды французовъ или отступленія русскихъ въ Венгрію. Король, разумѣется, заранѣе былъ согласенъ со своимъ любимымъ министромъ. Тщетно императоръ Александръ писалъ ему съ жалобами на медленность Гаугвица, тщетно льстилъ по поводу стойкости русскаго войска: «Мы не недостойны имѣть союзникомъ государя, у котораго такое знаменитое войско, какъ ваше»—все напрасно; король отвѣчалъ, что занимается собираніемъ войска въ ожиданіи исхода переговоровъ графа Гаугвица, который прибылъ, наконецъ, въ Брюннъ къ Наполеону, употребивши 14 дней на проѣздъ изъ Берлина въ этотъ городъ. Разумѣется, онъ предложилъ посредничество Пруссіи, но не заявилъ ничего рѣшительнаго; Наполеонъ отправилъ его въ Вѣну къ Талейрану; тотъ разсыпался передъ нимъ въ учтивостяхъ, и Гаугвицъ очень пріятно провелъ время въ ожиданіи, чѣмъ кончится дѣло въ Моравіи. Дѣло кончилось Аустерлицомъ, и когда Наполеонъ возвратился оттуда въ Вѣну, Гаугвицъ явился поздравить его съ побѣдою. Наполеонъ принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которыхъ успѣхъ не смягчаетъ. У него сильно кипѣло на сердцѣ, страшно хотѣлось распечь Гаугвица, т.-е. правительство прусское: какъ оно осмѣлилось оскорбиться нарушеніемъ нейтралитета съ его стороны, какъ оно осмѣлилось стать въ отношеніи къ нему въ грозное положеніе, предлагать ему мирныя условія, какъ осмѣлилось дать увлечь себя такъ-называемымъ патріотамъ и, подъ вліяніемъ царя, подписать потсдамскій договоръ. Но, съ другой стороны, миръ съ Австріею еще не былъ заключенъ, разрывъ съ Пруссіею могъ повести къ возстановленію тройной коалиціи, тогда какъ теперь представлялся удобный случай уничтожить возможность подобной коалиціи на будущее время: Пруссія, испуганная Аустерлицомъ, не полагаясь болѣе ни на Россію, ни на Австрію, одинокая, согласится на союзъ съ Франціею, закабалитъ себя за Ганноверъ и останется навсегда въ рабствѣ, ибо за Ганноверъ перессорится со всѣми; если же и теперь окажетъ колебаніе, станетъ опять толковать о нейтралитетѣ, то надобно раздавить ее какъ можно скорѣе, ибо никто за нее не заступится; Австрія, заключивши миръ, не начнетъ вдругъ новой войны, у Россіи въ свѣжей памяти Аустерлицъ.

Въ Шёнбруннскомъ дворцѣ, гдѣ жилъ Наполеонъ, въ кабинетѣ знаменитой императрицы-королевы Маріи-Терезіи, Наполеонъ принялъ Гаугвица, принялъ ласково: Гаугвицъ человѣкъ хорошій, мягкій, уступчивый, все говоритъ, что онъ преданъ Франціи, онъ еще недавно пострадалъ за это, получивъ оскорбительно-холодный пріемъ отъ императора Александра: какое

теперь торжество для него получить совершенно другой пріемъ отъ аустерлицкаго побѣдителя! Но видно было, что Наполеонъ, лаская Гаугвица, насилу сдерживался, и вдругъ переходъ къ королю: «Почетнѣе было бы для вашего государя прямо объявить мнѣ войну; онъ бы этимъ услужилъ своимъ новымъ союзникамъ; я бы дважды подумалъ прежде, чѣмъ дать сраженіе. Но вы хотите быть союзниками цѣлаго свѣта: такъ нельзя; надобно выбирать между ними и мною. Будьте со мною искренни, или я съ вами разстанусь. Я предпочитаю открытыхъ враговъ ложнымъ друзьямъ. Я бы могъ отмстить вамъ, занять Силезію, поднять Польшу и нанести Пруссіи такіе удары, отъ которыхъ она никогда бы не оправилась. Но я хочу забыть прошлое и явиться великодушнымъ; я прощаю за минутное увлеченіе, но съ однимъ условіемъ, чтобъ Пруссія соединилась съ Франціею самымъ тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ и взяла Ганноверъ». Гаугвицъ былъ смущенъ этимъ предложеніемъ, зная, что оно не понравится королю; сталъ отговариваться неимѣніемъ инструкцій; но Наполеонъ стоялъ на своемъ: или союзъ и Ганноверъ, или война, и тутъ же новыя ласки относительно Гаугвица. Ласки не помогли бы, если бы, съ другой стороны, не велѣно было внушать Гаугвицу, какъ будто подъ величайшимъ секретомъ, что уже все готово для прусской кампаніи, что французскія войска двинутся на Силезію. Но мы видѣли, что Гаугвицъ именно этого и боялся. Онъ рѣшился подписать союзный договоръ (15 декабря н. ст.): Франція передавала всѣ свои права на Ганноверъ Пруссіи, которая за то уступала Аншпахъ въ пользу Баваріи, а княжество невшательское прямо Франціи. Король могъ не утвердить договора, а между тѣмъ время было выиграно, Пруссія была избавлена отъ внезапнаго нашествія. Но дѣло въ томъ, что заключеніемъ этого союза между Пруссіею и Франціею отнята была всякая надежда у Австріи на возможность продолжать войну или получить лучшія условія мира, и если аустерлицкое сраженіе имѣло такія рѣшительныя слѣдствія, заставило Австрію заключить такой тяжелый для нея миръ и поставило очень скоро Пруссію въ еще болѣе тяжелое положеніе, такъ виною всему этому, разумѣется, была прусская политика, представителемъ которой былъ Гаугвицъ, вѣрный носитель королевскихъ мыслей и взглядовъ, политика, благодаря которой коалиція оказалась неполною, чтб именно и нужно было для успѣховъ Наполеона. Съ прусской стороны явились упреки русскому и австрійскому императорамъ, зачѣмъ они рѣшились на битву, не дождавшись срока, назначеннаго королемъ Фридрихомъ-Вильгель-

момъ (именно 15 декабря н. ст.) для движенія прусской арміи противъ французовъ, *если бы* Наполеонъ не принялъ мирныхъ условій, отправленныхъ къ нему съ Гаугвицомъ. Но могли ли императоры Александръ и Францъ разсчитывать на какіе-нибудь сроки, видя со стороны Гаугвица медленность и бездѣйствіе? И о событіяхъ послѣ сраженія не слѣдовало съ прусской стороны высказывать такихъ заключеній: «Положеніе дѣлъ вовсе не было отчаяннымъ. Перемиріе могло быть нужнымъ, можно было начать переговоры, причемъ графъ Гаугвицъ явился бы посредникомъ; императоръ Александръ долженъ былъ внушить мужество императору Францу, удержать короля Фридриха-Вильгельма при трактатѣ 3 ноября, ускорить военныя движенія Пруссіи». Но Австрія именно и длила переговоры за тѣмъ, чтобы Гаугвицъ, наконецъ, явился посредникомъ, но онъ не явился, а заключилъ союзъ съ Франціею, чтò и заставило Австрію отказаться отъ мысли о войнѣ. Надобно было вести мирные переговоры: но если первымъ условіемъ для этого было постановлено удаленіе русскихъ войскъ изъ австрійскихъ владѣній, то любопытно было бы знать, какъ императоръ Александръ могъ внушать мужество императору Францу? Что касается короля Фридриха-Вильгельма, то императоръ Александръ послѣ Аустерлица передалъ въ его распоряженіе русскія войска, находившіяся въ Силезіи и сѣверной Германіи, и далъ обѣщаніе помогать ему всѣми своими средствами, если король въ нихъ нуждается. Отъ императора Франца явился въ Берлинъ генералъ Штуттергеймъ и прямо объявилъ, что присланъ посмотрѣть, чтò сдѣлаетъ Пруссія, что его государь протянетъ мирные переговоры для узнанія королевскихъ рѣшеній: если король пожелаетъ помочь ему, то онъ не подчинится слишкомъ тяжелымъ условіямъ, но если будутъ медлить помощію, то это поставитъ въ необходимость заключить миръ. Помощь была замедлена, Гаугвицъ заключилъ союзъ съ Франціею; Австрія должна была заключить миръ, коалиція рушилась.

На письмо императора Александра, предлагавшаго всѣ свои средства въ помощь Пруссіи, король отвѣчалъ, что принимаетъ предложеніе съ благодарностью, потому что имѣетъ великую нужду въ помощи при такихъ трудныхъ и критическихъ обстоятельствахъ. Гарденбергъ на конференціи съ Алопеусомъ объявилъ, что король очень разсчитываетъ на помощь русскаго войска, но войска этого, находящагося въ Силезіи и сѣверной Германіи, мало, такъ что оно не можетъ уравновѣсить прусскія силы съ французскими; полагаться же на австрійцевъ было бы непростительною мечтою послѣ неоднократныхъ опытовъ; союзникъ слабый всегда служитъ не по-

мощью, а бременемъ,—Австрія же представила доказательства своей слабости, чтобъ не сказать хуже, сообщивши Бонапарту потсдамскій договоръ, и генералъ Штуттергеймъ говорилъ о союзѣ между Австріею и Франціею, какъ о дѣлѣ возможномъ. Когда Алопеусъ спросилъ: «въ случаѣ возобновленія войны,—признаетъ ли прусскій король случай союза (casus foederis), вытекающій изъ потсдамскаго договора?»—то Гарденбергъ отвѣчалъ, что король не откажется отъ своихъ обязательствъ, основанныхъ на союзѣ и совершенномъ согласіи съ петербургскимъ дворомъ; но, вслѣдствіе всего случившагося, обязательства потсдамскаго договора нуждаются въ большихъ измѣненіяхъ, о которыхъ съ прусской стороны всегда готовы войти въ соглашенія съ величайшимъ довѣріемъ.

Еще только новыя соглашенія! Но прежде, чѣмъ эти новыя соглашенія могли начаться, пріѣхалъ графъ Гаугвицъ съ подписаннымъ имъ договоромъ оборонительнаго и наступательнаго союза между Пруссіею и Франціею. Нѣсколько дней совѣщались о судьбѣ этого удивительнымъ образомъ рожденнаго ребенка; наконецъ, рѣшили усыновить его; король ратификовалъ договоръ, только съ нѣкоторыми объясненіями и ограниченіями: король соглашался на одинъ оборонительный союзъ, а не наступательный; потомъ въ объяснительной запискѣ говорилось, что обязательства Пруссіи по этому договору начнутся только съ той минуты, когда миръ съ Австріею утвердитъ уступки этого двора, а миръ съ Англіею утвердитъ пріобрѣтеніе Ганновера Пруссіею; но, въ ожиданіи этихъ мировъ и утвержденій, прусскій король вступаетъ во владѣніе Ганноверомъ и отвѣчаетъ Франціи за спокойствіе сѣверной Германіи, и только когда Ганноверъ сдѣлается собственностью короля, вслѣдствіе мира между Франціею и Англіею, Пруссія немедленно сдѣлаетъ съ своей стороны уступки, обозначенныя въ договорѣ. Неизмѣненнымъ осталось условіе договора, по которому Франція и Пруссія гарантировали независимость и цѣлость Оттоманской имперіи,—условіе, служившее Наполеону вѣрнымъ средствомъ поссорить Пруссію съ Россіею, у которой уже начинались враждебныя отношенія къ Турціи. Гарденбергъ упрекалъ своего соперника Гаугвица, зачѣмъ онъ заключилъ такой невыгодный для Пруссіи союзный договоръ съ Франціею: уже если хотѣли вступить въ союзъ съ Франціею, то, по его мнѣнію, надобно было сдѣлать это посильнѣе и совершенно предаться этой системѣ. Но Гаугвицъ, котораго посылали опять къ Наполеону съ утвержденнымъ договоромъ и объяснительною запискою, Гаугвицъ обѣщалъ королю, что онъ доставитъ ему еще важныя выгоды, кромѣ

Ганновера: слѣдствіемъ пресбургскаго мира должно быть переустройство германской имперіи; — южная Германія, съ ослабленіемъ Австріи, отойдетъ подъ завѣдываніе Франціи; можно на это согласиться съ тѣмъ, чтобъ сѣверная Германія отошла къ Пруссіи, чтобъ прусскій король былъ провозглашенъ императоромъ сѣверной Германіи.

Итакъ, съ Франціею у Пруссіи союзъ; какія же будутъ у послѣдней отношенія къ Россіи, которая продолжаетъ быть въ войнѣ съ Франціей?

Говорили, что императоръ Александръ возвратился послѣ Аустерлица болѣе побѣжденный, чѣмъ его армія; онъ считалъ себя безполезнымъ для своего народа, потому что не имѣлъ способностей начальствовать войсками, и это его чрезвычайно печалило. Это извѣстіе, котораго мы не имѣемъ права отвергать, по неимѣнію другихъ, болѣе вѣрныхъ, которыя бы ему противорѣчили, это извѣстіе показываетъ намъ значеніе Аустерлица: важно было для императора Александра освободиться отъ мнѣнія о своихъ военныхъ способностяхъ, важно было для него и для всѣхъ русскихъ освободиться отъ мнѣнія о возможности легко управиться съ Наполеономъ, мнѣнія, основаннаго на томъ, что онъ не имѣлъ дѣла съ русскими, которые съ Суворовымъ били французовъ; для государя и народа важно было освободиться отъ неправильнаго мнѣнія о своихъ средствахъ и средствахъ противника, ибо это освобожденіе дастъ возможность заняться исканіемъ другихъ средствъ къ борьбѣ. Долго горевать о прошломъ было нельзя, ибо надобно было поскорѣе думать о будущемъ, и, къ счастью, оказалось, что Александръ не былъ способенъ долго горевать. Аустерлицъ имѣлъ еще то значеніе, что теперь трудно уже было толковать, что Россія, по своему положенію, можетъ быть безопасна отъ наполеоновскаго властолюбія. Австрія, показавъ свое безсиліе, принуждена заключить миръ на всей волѣ побѣдителя и, разумѣется, не выйдетъ изъ этой воли, по крайней мѣрѣ, долго; Пруссія ведетъ тайкомъ какіе-то подозрительные переговоры съ Франціею. Французское войско стояло недалеко отъ Польши, и Наполеонъ уже проговорилъ роковое слово объ ея поднятіи. Съ другой стороны, Наполеонъ стремится овладѣть восточными берегами Адріатическаго моря, стать сосѣдомъ Турціи. Теперь дѣло идетъ уже не о поддержаніи политическаго равновѣсія Европы только, идетъ дѣло о непосредственныхъ интересахъ Россіи, встаютъ вопросы польскій и восточный. Въ совѣтѣ, собранномъ съ цѣлію опредѣлить положеніе и будущую дѣятельность Россіи, прямо высказываютъ убѣжденіе, что

Наполеонъ занимается возстановленіемъ Польши, что ему легко уговорить Пруссію уступить свою долю польскихъ областей за Ганноверъ и шведскую Померанію, и ничего не стóитъ возмутить Галицію, недовольную австрійскимъ правительствомъ; кромѣ того, съ уничтоженіемъ могущества Австріи, Бонапартъ долженъ получить сильное вліяніе на Порту. Въ Петербургѣ угадывали планъ Талейрана или знали о немъ. По мнѣнію князя А. Б. Куракина, «представлялось предположеніе, что можетъ Бонапартъ для удовлетворенія Австріи за области, которыя, вѣроятно, ему пожертвованы будутъ, захотѣть принудить Порту уступить ей нѣкоторую часть ея европейскихъ владѣній; и какъ сіе не инако бы совершилося, какъ съ положительнымъ обѣщаніемъ Австріи ему подвластною пребыть, то сіе событіе столь же бы мало сообразовалося съ пользами Россіи, какъ вѣроятная уступка Австріи владѣемой ею части бывшей венеціанской республики къ новому королевству италійскому; ибо Бонапартъ, бывъ обладателемъ онаго, получитъ чрезъ то способъ надъ Адріатическимъ моремъ господствовать и Порту въ непресѣкающемся опасеніи и страхѣ содержать». По мнѣнію Куракина, неисчислимы были способы, которыми Франція могла вредить Россіи и весь внутренній составъ ея изнурять, и потому онъ совѣтовалъ предложить Наполеону союзъ, съ тѣмъ, чтóбъ онъ не позволялъ себѣ дальнѣйшаго расширенія своихъ владѣній, т.-е. совѣтовалъ повторить то, чтó уже оказалось совершенно безполезнымъ. Другіе члены совѣта также указывали на опасности отъ Франціи со стороны Польши, третьи обращали особенное вниманіе на Турцію; одни совѣтовали войти въ сношеніе съ Наполеономъ, другіе считали это недостойнымъ или ненужнымъ. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательны слова графа Н. П. Румянцева: «Будучи твердъ въ правилахъ, я обязываюсь и при нынѣшнемъ случаѣ сказать, что если утверждалъ, что не было пользы скоропостижно выставлять военныя ополченія, то и нынѣ въ скоропостижныхъ исканіяхъ мира пользы я не предвижу. Если мы и при Петрѣ Великомъ, и при Екатеринѣ II-й умѣли сносить раны минутныхъ неудачъ военныхъ, уничиженія никогда и нигдѣ сносить мы не умѣли». Чарторыйскій изъ всѣхъ этихъ мнѣній составилъ такое заключеніе или программу дѣйствій: 1) Россія не должна опасаться возмущенія Польши, особенно по уходѣ французовъ изъ австрійскихъ владѣній; 2) Франція, чрезъ пріобрѣтеніе Далмаціи, получила средства измѣнить отношенія между Россіею и Турціею и привести въ исполненіе свои виды на Порту; 3) для противодѣйствія этому надобно держаться союза съ Англіей, сохранять довѣренность

Турціи и завязать сношенія съ турецкими славянами и греками; 4) воспрепятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей и, въ случаѣ надобности, предложить помощь Пруссіи; 5) принять мѣры къ разузнанію намѣреній Наполеона относительно Россіи; 6) держать на-готовѣ сухопутныя и морскія силы, чтобъ можно было употребить ихъ немедленно, особенно въ Молдавіи и Валахіи, въ случаѣ движенія туда Австріи или въ случаѣ войны Франціи съ Портою.

Система установилась. 12-го февраля 1806 года, въ рескриптѣ Разумовскому въ Вѣну императоръ Александръ говорилъ: «Моя система будетъ состоять преимущественно въ защитѣ моихъ владѣній и государствъ, которыя потребуютъ моей помощи или которыхъ существованіе будетъ необходимо для моей безопасности». Баварскій курфюрстъ, который согласился на бракъ своей дочери съ пасынкомъ Наполеона, Евгеніемъ Богарне, прислалъ, конечно, не безъ вѣдома Наполеона, просить руки сестры русскаго императора, Екатерины Павловны, для своего сына. Чарторыйскій объявилъ секретарю баварскаго посольства, что, независимо отъ другихъ побужденій, по которымъ императоръ не можетъ согласиться на этотъ бракъ, его величество не хочетъ стѣснять наслѣдника баварскаго престола: быть можетъ, Бонапартъ назначаетъ ему въ супруги одну изъ своихъ родственницъ, какъ онъ соединилъ принцессу баварскую съ Евгеніемъ Богарне» (6 марта).

Положено было препятствовать Пруссіи вступить въ тѣсную связь съ Франціей. Въ то время, какъ отправляли Гаугвица въ Парижъ съ ратификаціею союзнаго договора при дополнительной запискѣ, люди, стоящіе наверху въ Пруссіи, говорили въ одинъ голосъ, что дѣломъ первой важности было сохраненіе дружественныхъ отношеній къ Россіи. Герцогъ брауншвейгскій, въ разговорѣ съ Гарденбергомъ, высказался, что онъ не прочь самъ отправиться въ Петербургъ. Гарденбергъ обрадовался и предложилъ объ этомъ королю, который охотно согласился. Положеніе герцога, какъ владѣтельнаго лица, и уваженіе, которымъ пользовался старикъ, дѣлали его способнѣе всякаго другого успѣть въ дѣлѣ; притомъ современникъ, безпристрастный къ герцогу, баронъ Гарденбергъ, признавалъ въ немъ разсудительность, ловкость, краснорѣчіе, умѣнье скрасить дѣло не очень красивое. Но еще до отъѣзда герцогъ присутствовалъ въ конференціи, гдѣ было рѣшено поставить войско на мирное положеніе и пригласить командующихъ русскими войсками, отданными въ распоряженіе короля, возвратиться въ отечество: это было сдѣлано на основаніи заявленія французскаго посланника Лафореста въ Бер-

линѣ, что, судя по выраженіямъ полученной имъ депеши отъ Талейрана, надобно предположить, что прусскія дополнительныя условія приняты Наполеономъ. Относительно посольства герцога брауншвейгскаго Лафорестъ писалъ Талейрану: «герцогъ имѣетъ двойную задачу—объяснить императору Александру основанія системы, принимаемой Пруссіею, и склонить его сдѣлать первый шагъ въ сближенію съ Франціей. Я нахожу его отлично расположеннымъ въ этомъ смыслѣ и отлично инструированнымъ. Если онъ будетъ говорить въ Петербургѣ такъ, какъ говорилъ мнѣ здѣсь, то онъ можетъ освободить императора Александра и самыхъ здравомыслящихъ людей его двора отъ безумныхъ мечтъ и честолюбивыхъ плановъ». Лафорестъ боялся одного, что герцогъ, по чрезвычайной учтивости своей, не станетъ противорѣчить мнѣніямъ другихъ. О немъ говорили, что онъ кажется всегда раздѣляющимъ мнѣніе того, кто съ нимъ говоритъ. Но Лафорестъ надѣялся, что герцогъ услышитъ немного возраженій, вслѣдствіе того, что финансы Россіи находятся въ печальномъ положеніи. Императоръ Александръ взялъ на свою долю очень мало изъ англійскихъ субсидій, данныхъ на коалицію, что̀ страшно обременило русское государственное казначейство. Неаполитанскій король присталъ къ коалиціи; для его защиты отправлено было русское войско, которое стоило чрезвычайно дорого, а возвратилось, ничего не сдѣлавши, вслѣдствіе Аустерлица.

Герцогъ брауншвейгскій отправился въ Петербургъ въ полной надеждѣ, что Пруссія, союзница Франціи, можетъ остаться и въ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, которую помиритъ съ Франціею, и всѣ будутъ довольны и счастливы, кромѣ Австріи, разумѣется, что̀ было необходимо для довольства и счастія Пруссіи. 29-го января (н. с.) 1806 года отправился герцогъ въ Петербургъ, а отъ 8 февраля пришла изъ Парижа громовая депеша Гаугвица: «Наполеонъ, раздраженный дополнительною запискою къ союзному договору, не хочетъ его знать». Гаугвицъ упалъ съ седьмого неба. Мы видѣли, съ какими розовыми мечтами поѣхалъ онъ въ Парижъ; убаюканный ласками Наполеона въ Вѣнѣ, онъ надѣялся встрѣтить тѣ же ласки и въ Парижѣ и привезти оттуда своему королю титулъ императора сѣверной Германіи,—и вдругъ слышитъ угрозу, что если не подпишетъ союзнаго договора, какой угодно Наполеону, то Франція заключитъ союзъ съ Австріею. Но этого мало: Гаугвицъ видѣлъ, что во Франціи все готово къ войнѣ съ Пруссіею, тогда какъ въ послѣдней войска были уже на мирномъ положеніи, союзныя арміи отпущены; Гаугвицъ видѣлъ, что съ Пруссіею церемониться

не будутъ, но ея одиночеству; Россія не боится, а въ Англіи умеръ Питтъ, и преемникъ его, Фоксъ, за миръ съ Франціею. Въ виду этихъ обстоятельствъ, Гаугвицъ поступилъ точно такъ же, какъ послѣ Аустерлица: чтобъ не навлечь на Пруссію немедленной, внезапной войны, дать ей время приготовиться, онъ заключилъ новый союзный договоръ, по которому Пруссія обязалась въ одно и то же время уступить извѣстныя свои владѣнія Наполеону и взять безусловно въ свою полную собственность Ганноверъ, именно въ пятый день послѣ обмѣна ратификацій договора. Король созвалъ конференцію: всѣ, кромѣ Гарденберга, были согласны, что при настоящихъ обстоятельствахъ, при неготовности къ войнѣ, необходимо ратификовать договоръ; король ратификовалъ и написалъ императору Александру (28 февраля н. с.): «Герцогъ брауншвейгскій разскажетъ вамъ, какъ меня обманули, и какія были слѣдствія обмана. Все было бы поставлено на карту, еслибъ я не прибѣгъ къ крайней мѣрѣ. Пусть зложелательство или заблужденіе клевещутъ на меня,—я признаю только двоихъ судей: совѣсть и васъ. Первый судья мнѣ говоритъ, что я долженъ разсчитывать на второго, и этого убѣжденія для меня достаточно».

Горькіе плоды союза оказались немедленно: по настоянію Наполеона, Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ удалить министра Гарденберга, котораго императоръ французовъ считалъ враждебнымъ себѣ. Завладѣніе Ганноверомъ повело къ войнѣ Пруссіи съ Англіею: около ста прусскихъ кораблей было захвачено въ англійскихъ гаваняхъ; прусскія гавани объявлены были въ блокадѣ. Фоксъ сказалъ прусскому посланнику въ Лондонѣ ужасныя слова: «Пруссія становится соучастницею бонапартовскихъ притѣсненій. Нельзя смотрѣть на такіе обмѣны иначе, какъ на воровство. Другое дѣло завоевать, и другое дѣло овладѣть безъ сопротивленія».

Съ нетерпѣніемъ ждали, чтó скажетъ одинъ изъ судей. Герцогъ брауншвейгскій пріѣхалъ въ Петербургъ $^{7}/_{19}$ февраля и былъ принятъ императоромъ чрезвычайно ласково. Еще не было извѣстно, какъ былъ принятъ Гаугвицъ въ Парижѣ, еще герцогъ брауншвейгскій передавалъ убѣжденіе прусскаго правительства, что Наполеонъ ратификуетъ договоръ съ прусскими ограниченіями, а императоръ Александръ уже указывалъ герцогу, что на эту ратификацію нельзя полагаться; указывалъ, что французскія войска еще не очистили Германіи и не видно, чтобъ скоро это сдѣлали. «Россія,—говорилъ Александръ,—не нужно искать мира; если мириться, такъ надобно, чтобъ миръ былъ

честный и приличный, а я ни изъ чего не вижу, чтобъ онъ могъ быть такимъ; у меня нѣтъ даже и данныхъ, по которымъ я могъ бы заключить, что Франція хочетъ со мною сблизиться». При разборѣ статей франко-прусскаго договора, Александръ одобрилъ статью о гарантіи цѣлости турецкихъ владѣній; но сказалъ: «Я самъ ее гарантирую; система Екатерины II-й относительно Востока совершенно оставлена; я другъ Порты и хочу ее поддерживать; но я предвижу, что этою статьею Франція хочетъ поссорить меня съ Пруссіей». Относительно овладѣнія Ганноверомъ, императоръ спросилъ герцога: «Если Пруссія и Франція увеличиваютъ свои владѣнія, то не находите ли вы, что и Россіи слѣдуетъ также увеличиться?» Когда пришло извѣстіе о новомъ франко-прусскомъ союзномъ договорѣ, когда пришло письмо короля съ обращеніемъ къ двоимъ судьямъ, одинъ изъ этихъ судей не оказался строгимъ; герцогъ брауншвейгскій привезъ королю письмо отъ императора: «Самый тѣсный союзъ между Россіею и Пруссіею,—писалъ Александръ,—кажется мнѣ болѣе чѣмъ когда-либо необходимымъ, и это въ то же время—самое дорогое желаніе моего сердца. Въ минуты опасности ваше величество должны помнить, что имѣете во мнѣ друга, готоваго летѣть къ вамъ на помощь». Но въ Берлинѣ хотѣли помощи особаго рода: прежде всего хотѣли, чтобъ Россія вела себя какъ можно тише, какъ можно безкорыстнѣе, не дѣлала бы ничего такого, что бы снова воспламенило войну. Такъ, русское войско, во время послѣдней войны, заняло, съ согласія австрійцевъ, важное мѣсто на Адріатическомъ морѣ, Бокка-ди-Каттаро; Наполеонъ требовалъ, чтобъ Австрія заставила Россію очистить эту гавань, какъ принадлежавшую къ Далмаціи, уступленной ему по пресбургскому миру, грозя въ противномъ случаѣ войною, и Пруссія подкрѣпляетъ требованія Австріи въ Петербургѣ объ очищеніи Бокка-ди-Каттаро. Потомъ Пруссія требовала, чтобы Россія помирила ее съ Англіею; изъ Петербурга отвѣчаютъ, что это дѣло возможно, если Пруссія объявитъ, что взяла Ганноверъ на время; но Пруссія никакъ не хочетъ этого объявить, представляя, что Ганноверъ для нея необходимъ, что она не хочетъ уступить его англійскому королю. Какъ легко было Россіи предлагать англійскому правительству уступку Ганновера Пруссіи на вѣки, можно было видѣть изъ донесенія Воронцова императору Александру о своемъ разговорѣ съ королемъ Георгомъ III-мъ, который приписывалъ неудачу австро-русской коалиціи лживому, двоедушному и неполитичному поведенію Пруссіи, и произнесъ пророческія слова о послѣдствіяхъ такой политики: «Это двоедушіе Пруссіи

будетъ наказано, ибо, потерявши всякое уваженіе, она потеряла и независимость свою, и кончитъ тѣмъ, что будетъ опозорена этимъ самымъ Бонапартомъ: онъ будетъ обходиться съ нею, какъ съ Баваріею, Вюртембергомъ, Баденомъ и Голландіею».

Во время этихъ сношеній съ Пруссіей въ Россіи произошла важная перемѣна: Чарторыйскій просилъ уволить его отъ завѣдыванія иностранными дѣлами и получилъ увольненіе. Въ письмахъ къ императору онъ жаловался, что Александръ хочетъ все дѣлать самъ, жаловался, что императоръ перемѣнилъ политику, которая должна быть энергическая, рѣшительная. При внимательномъ изученіи русской политики описываемаго времени, мы не можемъ понять этого обвиненія, если не предположимъ, что Чарторыйскій не переставалъ имѣть въ виду рѣшительности дѣйствій Россіи для возстановленія Польши, и дѣйствительно онъ не переставалъ утверждать, что вся неудача австро-русской коалиціи произошла отъ того, что Россія не разгромила Пруссіи точно такъ же, какъ Бонапартъ разгромилъ Австрію. Но мы видѣли свидѣтельство Штуттергейма, какъ самъ Чарторыйскій помогъ ему убѣдить императора не дѣлать этого. Скажутъ: зачѣмъ же вѣрить Штуттергейму, а не вѣрить Чарторыйскому? Но трудно предпочесть свидѣтельство Чарторыйскаго, который послѣ своего увольненія писалъ Гарденбергу: «Со дня моего вступленія въ министерство, я былъ постоянно одушевленъ желаніемъ соединенія Пруссіи съ Россіею; въ этомъ союзѣ, по моему мнѣнію, самое вѣрное средство спасенія Европы». Чарторыйскій былъ замѣненъ барономъ Будбергомъ, о которомъ говорили, что онъ *катеринствуетъ*, и этотъ отзывъ показывалъ, что императоръ, избирая такого человѣка, намѣренъ вести внѣшнія дѣла, какъ требовало достоинство Россіи, какъ велись они при знаменитой бабкѣ. Прусскій посланникъ въ Петербургѣ Гольцъ боялся поэтому, что русскій дворъ станетъ принимать теперь слишкомъ быстрыя и смѣлыя рѣшенія; но онъ скоро успокоился и писалъ, что та же осторожность и умѣренность, которыя характеризовали министерство князя Чарторыйскаго, отличаютъ и поведеніе барона Будберга, взгляды котораго, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, еще болѣе выгодны для Пруссіи, чѣмъ взгляды его предшественника.

Наконецъ между Россіею и Пруссіею заключенъ былъ договоръ при посредничествѣ Алопеуса и Гарденберга. Послѣдній *тайкомъ* велъ сношенія съ Россіею, потому что здѣсь не хотѣли имѣть дѣло съ Гаугвицемъ. Прусскій король обязался: 1) что союзъ Пруссіи съ Франціею не будетъ вредить союзному прусско-русскому трактату 1800 года; 2) Пруссія не соединится съ

Франціею противъ Россіи, ни въ томъ случаѣ, когда между ними начнется война вслѣдствіе столкновенія въ Турціи (если Франція нападетъ на Турцію, или если Россія вооружится противъ Турціи за несоблюденіе договоровъ), ни въ томъ случаѣ, когда Россія вступится за Австрію вслѣдствіе нарушенія Франціею пресбургскаго мира; 3) Пруссія гарантируетъ вмѣстѣ съ Россіею независимость и цѣлость Оттоманской Порты, владѣнія австрійскаго дома, какъ они опредѣлены пресбургскимъ договоромъ, сѣверной Германіи и Даніи; 4) гарантируетъ и владѣнія короля шведскаго, если русскій императоръ склонитъ его къ умѣренности; 5) Пруссія употребитъ всѣ старанія, чтобъ французскія войска вышли изъ Германіи какъ можно скорѣе; 6) употребитъ все вліяніе для поддержанія коммерческихъ сношеній на сѣверѣ Германіи, какъ они были до занятія Ганновера; 7) когда споры съ Швеціею кончатся къ удовольствію Пруссіи, то послѣдняя займется необходимыми средствами, чтобъ выставить свою армію въ страшномъ видѣ.—Эти обязательства или, по крайней мѣрѣ, форма ихъ не понравилась Будбергу; онъ сдѣлалъ замѣчаніе Алопеусу, зачѣмъ онъ допустилъ такія неопредѣленныя выраженія, ибо на Пруссію полагаться нельзя. Русскія обязательства заключались въ слѣдующемъ: 1) употреблять постоянно бо́льшую часть своихъ силъ на защиту Европы, и всѣ свои силы на поддержаніе независимости и цѣлости государства прусскаго; 2) продолжать систему безкорыстія относительно всѣхъ государствъ Европы; 3) сохранять въ глубокой тайнѣ обязательства, принятыя прусскимъ королемъ. Императоръ Александръ подписалъ свои обязательства 12-го іюля, и Гольцъ писалъ Гарденбергу: «Поздравляю короля съ принятіемъ рѣшенія, которое, среди всѣхъ противорѣчій и опасностей настоящаго положенія дѣлъ, скрѣпляя его отношенія съ лучшимъ изъ союзниковъ и друзей, доставляетъ ему напередъ роль, способную поддержать достоинство, славу и безопасность его короны. Шаткость, въ какой графъ Гаугвицъ держитъ прусскіе интересы, не можетъ долго продержаться; мы уже потеряли довѣріе нашихъ союзниковъ, пора его возстановить; мы не можемъ разсчитывать на Францію, она не можетъ быть другомъ никому; но Россія не требуетъ, чтобъ мы разрывали съ нею, и въ случаѣ неизбѣжной войны мы будемъ имѣть по крайней мѣрѣ друга, который намъ поможетъ отъ всего сердца и души».

Война, которой такъ не хотѣли, которой такъ боялись въ Пруссіи, произошла изъ мирныхъ переговоровъ, которыхъ такъ желали тамъ. Мы упоминали о смерти Питта; преемникъ его Фоксъ уже изъ одной послѣдовательности своей системѣ долженъ

былъ начать мирные переговоры съ Франціею, будучи изначала поборникомъ мира. Наполеонъ, какъ на войнѣ, такъ и въ мирныхъ переговорахъ, слѣдовалъ одному правилу—дѣлить противниковъ, бить ихъ по-одиночкѣ на войнѣ и заключать съ ними отдѣльные миры. Понятно, что благоразуміе должно было внушить противникамъ завоевателя правило не разлучаться ни на войнѣ, ни въ мирныхъ переговорахъ, и Фоксъ объявилъ, что не станетъ вести переговоровъ отдѣльно отъ Россіи. Но прежде чѣмъ начались серьёзные переговоры, Наполеонъ спѣшилъ распорядиться въ Германіи, Италіи, Голландіи, чтобъ закрѣпить эти распоряженія въ мирномъ договорѣ. Баварія и Вюртембергъ сдѣланы королевствами; Баденъ великимъ герцогствомъ; баварскій король Максъ Іосифъ былъ пожалованъ Тиролемъ, Аншпахомъ и Аугсбургомъ и, какъ уже было упомянуто, выдалъ дочь свою за пасынка Наполеонова, Евгенія Богарне. Изъ взятаго у Пруссіи Клеве и у Баваріи Берга сдѣлано великое герцогство для Мюрата, мужа сестры Наполеоновой, Каролины. Батавская республика была приневолена просить себѣ государя изъ фамиліи императора французовъ, и этимъ государемъ сдѣланъ братъ Наполеона, Людовикъ, съ титуломъ короля голландскаго. Мы видѣли, что Неаполь присталъ къ коалиціи: вслѣдствіе этого, на другой день по заключеніи пресбургскаго мира, изданъ былъ императоромъ французовъ декретъ: «Династія Бурбоновъ въ Неаполѣ перестала царствовать». Отставленная такимъ образомъ династія переселилась въ Сицилію, и королемъ неаполитанскимъ былъ назначенъ братъ Наполеона, Іосифъ. Южная Германія была уже давно въ дѣйствительной зависимости отъ Франціи; но послѣ пресбургскаго мира и прусскаго союза Наполеонъ увидѣлъ возможность устроить и формальную зависимость ея. Баварія, Вюртембергъ, Баденъ, Дармштадтъ, Клеве-бергъ, Нассау образовали рейнскій союзъ, протекторомъ котораго былъ провозглашенъ императоръ французовъ; по требованію протектора союзъ былъ обязанъ выставлять 63,000 войска. Священная римско-германская имперія рушилась; по требованію Наполеона, императоръ Францъ сложилъ съ себя титулъ императора германскаго, и изъ Франца II-го сталъ Францомъ I-мъ, императоромъ австрійскимъ. Что права протектора не ограничивались правомъ брать 63,000 войска, что протекторство тяжело чувствовалось внутри рейнскаго союза, видно изъ слѣдующаго происшествія: появилась книжка подъ заглавіемъ: «Германія въ своемъ глубочайшемъ униженіи», книжка, направленная противъ французскаго ига. Нюренбергскій книгопрода-

вецъ Пальмъ былъ обвиненъ въ распространеніи этой книжки и приговоренъ къ смертной казни.

Австрія молчала, ей было не до того. Мы упоминали, что Наполеонъ, основываясь на пресбургскомъ договорѣ, требовалъ Бокка-ди-Каттаро себѣ и настаивалъ, чтобъ Австрія, какимъ бы то ни было средствомъ, взяла его у Россіи и передала Франціи. Грозила война или съ Франціею, или съ Россіею. «Конечно, было бы несчастіемъ для государства,—писалъ эрцгерцогъ Карлъ,— еслибъ пришлось воевать съ тѣмъ или другимъ изъ обоихъ колоссовъ. Многочисленныя войска обоихъ стоятъ на нашихъ границахъ, первыя непріятельскія дѣйствія внесутъ войну въ сердце австрійскихъ владѣній, вслѣдствіе чего часть наслѣдственныхъ земель будетъ опустошена и завоевана прежде, чѣмъ мы будемъ въ состояніи собрать въ Венгріи армію, да и та будетъ во всемъ нуждаться. Впрочемъ, если уже выбирать изъ двухъ золъ, то война съ Франціею представляетъ безконечно опаснѣйшіе результаты, чѣмъ война съ Россіею. Новая война съ Франціею будетъ смертнымъ приговоромъ для австрійской монархіи, тогда какъ въ случаѣ войны съ Россіею Галиція была бы немедленно опустошена и помощь Наполеона была бы куплена обремененіемъ уже истощенныхъ провинцій, да и миръ былъ бы заключенъ не иначе, какъ подъ диктатурою Франціи. Но русскихъ можно побить и австрійская имперія не погибнетъ безвозвратно: потому Россія менѣе опасна, чѣмъ Франція». Въ министерствѣ произошла перемѣна: мѣсто Кобенцля заступилъ Стадіонъ. Новый министръ внушалъ болѣе уваженія, довѣрія своею серьёзностію, но относительно политическихъ взглядовъ не разнился отъ своего предмѣстника: то же убѣжденіе въ необходимости русскаго союза, то же убѣжденіе, что союзъ съ Франціею будетъ союзомъ только по имени, а на самомъ дѣлѣ будетъ подданствомъ. Вѣсть о мирныхъ переговорахъ между Россіею и Англіею съ Франціей произвела въ Вѣнѣ большую радость, ибо посредствомъ нихъ могло уладиться грозившее такою опасностію дѣло о Каттаро; миръ, хотя былъ бы и перемиріемъ, могъ дать передышку, возможность собраться съ силами для будущаго; наконецъ, Россія, при сближеніи съ Франціею, могла выговорить нѣкоторыя выгодныя условія для Австріи. Для мирныхъ переговоровъ со стороны Россіи назначенъ былъ статскій совѣтникъ Убри, знавшій людей и отношенія ихъ во Франціи. Болѣе значительнаго человѣка назначить не могли, ибо это унизило бы достоинство Россіи: переговоры должны были вестись въ Парижѣ безъ всякаго предварительнаго предложенія со стороны Франціи; да и Убри ѣхалъ въ Парижъ

вовсе не какъ уполномоченный для веденія мирныхъ переговоровъ: онъ долженъ былъ сначала отправиться въ Вѣну съ порученіемъ къ русскому послу тамъ, графу Разумовскому, и уже изъ Вѣны ѣхать въ Парижъ подъ предлогомъ переговоровъ съ французскимъ правительствомъ о русскихъ плѣнныхъ и доставленія имъ денежной помощи. Изъ инструкціи, данной Убри, мы видимъ, что въ Петербургѣ въ описываемое время главное вниманіе было обращено на отношенія Франціи къ Турціи, вслѣдствіе приближенія французскихъ владѣній къ владѣніямъ Порты по пресбургскому миру и послѣ занятія неаполитанскихъ владѣній французами. Для Россіи важно было, съ одной стороны, какъ-нибудь воспрепятствовать этому приближенію, или чрезъ возстановленіе неаполитанскаго короля, или чрезъ очищеніе французами Далмаціи или чрезъ образованіе независимыхъ владѣній между Италіею и Турціею; съ другой стороны, важно было удержать за собою какой-нибудь пунктъ между Италіею и Турціею. Поэтому Убри не долженъ былъ принимать никакихъ условій, которыя препятствовали бы Россіи содержать гарнизонъ въ Корфу, либо давали Франціи право ослаблять обязательства, принятыя Портою въ отношеніи къ Россіи. Убри могъ согласиться на признаніе императорскаго титула для Наполеона, если бы Франція купила это признаніе уступкою Сициліи королю неаполитанскому, очищеніемъ всей или части Далмаціи и согласіемъ на образованіе отдѣльныхъ владѣній между Турціей и Италіей. Всѣ прочія распоряженія Бонапарта Убри могъ признать только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ согласился на возстановленіе короля неаполитанскаго и образованіе самостоятельнаго владѣнія для короля сардинскаго. Мы видѣли, что Россія не соглашалась хлопотать въ Англіи за Пруссію, чтобъ послѣдней былъ уступленъ Ганноверъ, и въ обязательствахъ между Россіею и Пруссіею объ этомъ не было упомянуто. Тѣмъ болѣе теперь, чтобъ не поссориться съ Англіею при веденіи мирныхъ переговоровъ, Убри запрещено было подписывать условія, утверждавшія какой-нибудь земельный обмѣнъ между Франціей и Пруссіей во вредъ курфюрсту ганноверскому и стѣсненія торговли сѣверной Германіи, особенно же Даніи и Швеціи. Убри долженъ былъ вести переговоры вмѣстѣ съ англійскимъ уполномоченнымъ; отдѣльный миръ онъ могъ заключить только въ случаѣ, еслибъ договоръ заключалъ въ себѣ чрезвычайно крупныя выгоды для Россіи и вмѣстѣ могъ служить къ непосредственному соглашенію между Россіею, Англіею и Франціею. Убри отправлялся еще при Чарторыйскомъ; мы не знаемъ, какія внушенія были ему сдѣланы министромъ,—по крайней мѣрѣ

Убри увѣрялъ въ Вѣнѣ, что ему велѣно обращать постоянное вниманіе на интересы Австріи.

Сильный протестъ противъ мира послышался со стороны человѣка, который давно уже укрѣпилъ въ себѣ основное убѣжденіе, что не можетъ быть мира съ корсиканцемъ. «Великій Боже!— писалъ графъ Семенъ Воронцовъ Новосильцеву,—возможно ли, чтобъ примѣръ монархій французской, испанской, австрійской и прусской не производилъ никакого впечатлѣнія на императора (Александра)! Первая разрушена, а другія явно разрушаются; достовѣрность ихъ паденія уже предсказана потерею ихъ независимости, и все это случилось вслѣдствіе слабости ихъ государей, ихъ нерѣшительности, робости, дѣтскаго страха предъ опасностями предполагаемыми, которыя успѣли имъ внушить интриги дураковъ и измѣнниковъ, взявшихъ верхъ надъ министрами прозорливыми, честными и твердыми. Разумѣется, съ арміею разстроенною, какъ теперь наша, съ этою арміею, уничтоженною Павломъ, потерявшею духъ и опозоренною при Аустерлицѣ, не должно вести войны; но можно, оставаясь у себя, не позорить себя гнуснымъ миромъ, который обезславитъ имя русское и погубитъ имперію. Фоксъ хочетъ мира во что бы то ни стало, безъ всякаго нравственнаго принципа. Поклонникъ счастія корсиканца и Талейрана, онъ обрадовался желанію мира, выраженному императоромъ Александромъ, какъ предлогу заключить миръ и съ своей стороны, пожертвовавши королемъ неаполитанскимъ; онъ не считаетъ своею обязанностію сдержать обѣщаніе Питта. Но что можетъ сдѣлать какая-нибудь дрянь, не боящаяся позора, прожившая 57 лѣтъ въ презрѣніи у честныхъ людей, тому не долженъ подражать императоръ русскій! Русскій императоръ вошелъ въ обязательство съ королемъ неаполитанскимъ не заключать мира безъ того, чтобъ Неаполь не былъ ему возвращенъ. Вслѣдствіе этого обязательства король нарушилъ свой нейтралитетъ, слѣдовательно онъ падетъ жертвою своей вѣры въ силу и добросовѣстность императора. Такъ пусть императоръ вспомнитъ возвышенное письмо Петра Великаго Шафирову о Кантемирѣ; пусть вспомнитъ, что этотъ великій государь скорѣе соглашался уступить южную Россію до Курска, чѣмъ измѣнить данному слову; Петръ былъ убѣжденъ, что у государей нѣтъ другой собственности, кромѣ чести, что отказаться отъ этой собственности значитъ перестать быть монархомъ. Надобно объявить корсиканцу, что, безъ возвращенія неаполитанскаго королевства его законному государю, не будетъ никогда не только мира, но и никакого сношенія между Россіею и Франціею; надобно выгнать всѣхъ

французовъ изъ Россіи и запретить всѣ французскіе товары. Надобно только быть твердыми и хорошо вооруженными у себя дома, не вѣрить Пруссіи, быть въ хорошихъ отношеніяхъ къ Швеціи и взять твердый и внушительный тонъ относительно турокъ, послѣ чего можно спокойно выжидать благопріятнаго времени». Можно думать, что мнѣніе Воронцова не могло не произвести впечатлѣнія въ Петербургѣ, ибо слова, написанныя Новосильцеву, не могли быть тайною для императора, который былъ очень чувствителенъ къ указаніямъ на единственную собственность государей.

Впрочемъ, Воронцовъ напрасно безпокоился и на счетъ англійскаго министра: миръ былъ невозможенъ, ибо у Наполеона и у Англіи трудно было посредствомъ переговоровъ вырвать изъ рукъ что-нибудь разъ захваченное. Талейранъ предложилъ англійскому уполномоченному, лорду Ярмуту, три уступки: Ганноверъ, Мальту и Мысъ Доброй Надежды. Какъ французъ, Тайлеранъ не могъ обойтись безъ риторики, и выражалъ свои предложенія такъ, что Ганноверъ уступается для чести англійской короны, Мальта для чести морской державы, а Мысъ для чести торговой. Но англичанинъ остался холоденъ къ такой красивой фразѣ; изъ всѣхъ завоеванныхъ колоній удержать только одинъ Мысъ Доброй Надежды было невыгодно. Въ Европѣ отдавали Мальту; но эта самая готовность со стороны Франціи уступить Мальту, тогда какъ прежде никакъ не хотѣли этого сдѣлать, показывала, что островъ потерялъ свою цѣну: Франція такъ устроилась теперь на берегахъ Адріатическаго моря, такъ приблизилась къ владѣніямъ Порты для выгоднаго себѣ рѣшенія восточнаго вопроса, что могла позволить Англіи владѣть мальтійскою скалою. Теперь для Англіи предметомъ первой важности было не перепустить Сицилію въ руки французовъ, и Фоксъ поставилъ необходимымъ условіемъ мира удержаніе этого острова за королемъ Фердинандомъ. Франція, съ своей стороны, требовала Сицилію себѣ какъ вознагражденіе за уступку Ганновера, а для короля Фердинанда предлагала Ганзейскіе города. Въ Англіи на это никакъ не соглашались; тогда Талейранъ сдѣлалъ новое предложеніе, которое должно было всего болѣе встревожить Англію, не спускавшую глазъ съ драгоцѣннаго Востока: Талейранъ предложилъ въ вознагражденіе короля Фердинанда за Сицилію Далмацію, Албанію и Рагузу, тогда какъ Албанія принадлежала Турціи; съ англійской стороны предлагали вмѣсто *чужой* Албаніи вознаградить короля Фердинанда французскими владѣніями на берегахъ Адріатическаго моря, прі-

обрѣтенными по пресбургскому миру; не понятно, что это была только дипломатическая игра.

Лордъ Ярмутъ получалъ изъ Англіи сильнѣйшія внушенія, чтобъ дѣйствовалъ за-одно съ русскимъ уполномоченнымъ; но Убри трудно было сыскать. Если въ Англіи понимали, что надобно было и дипломатически дѣйствовать сообща и настояли на совмѣстномъ веденіи переговоровъ, то во Франціи, и уступивши этому требованію, хотѣли все же поставить на своемъ, разбить союзниковъ, заключить съ однимъ изъ нихъ отдѣльный миръ и этимъ принудить и другого быть уступчивѣе. Планъ кампаніи удался: напали на слабѣйшаго, на Убри, объявили ему, что не хотятъ видѣть въ немъ простого русскаго агента, хотятъ видѣть уполномоченнаго, озадачивали, утомляли его спорами, продолжавшимися по 14-ти часовъ съ-ряду, и бороться долженъ былъ Убри противъ дипломатическаго Наполеона, противъ Талейрана, котораго смѣнялъ генералъ Кларке; вдвоемъ утомляли, *застращивали* одного; но чѣмъ же могли застращивать? Когда лордъ Ярмутъ сталъ упрекать Убри за его удаленіе отъ общихъ переговоровъ, укрывательство, тотъ отвѣчалъ: «я считаю своею обязанностію такъ поступать, даже заключить отдѣльный миръ, если этимъ я могу спасти Австрію отъ грозящей ей опасности». Зная, какія обѣщанія надавалъ Убри въ Вѣнѣ, мы должны придавать этому отвѣту особенное значеніе, равно какъ и другимъ оправдательнымъ словамъ его изъ письма въ Петербургъ: «еслибъ я разорвалъ переговоры, то возобновилась бы война, которую Франція повела бы съ бо́льшею энергіею противъ государствъ вовсе неприготовленныхъ; наоборотъ, подписывая мирный договоръ, я давалъ этимъ государствамъ время приготовиться къ войнѣ». Убри 8 (20) іюля подписалъ отдѣльный договоръ, статьи котораго также прямо указываютъ, что русскій уполномоченный имѣлъ въ виду исполнять обѣщанія, данныя въ Вѣнѣ: Россія уступила Франціи Бокка-ди-Каттаро, слѣдовательно, Австрія успокоивалась; въ три мѣсяца французскія войска должны очистить Германію—успокоеніе окончательное; что же касается успокоенія Россіи, то обѣ державы взаимно ручались за независимость и цѣлость Оттоманской Порты; французскія войска очищали Рагузу; должны были очистить и Черногорію, если ее заняли; русское войско на Іоническихъ островахъ не могло превышать 4000 человѣкъ. Относительно неаполитанскаго короля странное условіе: если онъ лишится Сициліи, то Россія и Франція обязывались выпросить для его сына Балеарскіе острова у короля испанскаго: вмѣсто отца, получалъ вознагражденіе сынъ изъ чужого

владѣнія, которое нужно было еще выпросить. О королѣ сардинскомъ и Ганноверѣ не упоминалось. Кромѣ внушеній, какія могъ получить Убри передъ отъѣздомъ изъ Петербурга, въ Парижѣ онъ находился подъ сильнымъ вліяніемъ другихъ внушеній: воспитатель императора Александра, Лагарпъ одобрялъ условія, и для успокоенія Убри далъ ему оправдательное письмо къ императору: основная мысль письма состояла въ томъ, что заключаемый миръ есть перемиріе, которымъ надобно воспользоваться для приготовленія къ новой борьбѣ, потому что Наполеонъ остановиться не можетъ; но Лагарпъ забывалъ, что перемиріе носило названіе мира, и мирный договоръ утверждалъ право на то, что̀ было захвачено вопреки прежнимъ договорамъ; каждый миръ освящалъ новые захваты, новыя порабощенія, чему нисколько не мѣшало то, что кому-нибудь угодно было называть миръ перемиріемъ.

Что договоръ Убри былъ не въ пользу Россіи, доказывалось тѣмъ, что Наполеонъ и его приближенные ставили его выше побѣды, одержанной на войнѣ; но побѣда для одной стороны необходимо условливаетъ пораженіе другой. Наполеонъ, по обычаю, спѣшилъ пользоваться побѣдою, ратификовалъ договоръ черезъ шесть часовъ послѣ его заключенія и немедленно далъ знать о немъ всюду, куда слѣдовало: пусть русскій государь не ратификуетъ договора, объ этомъ узнаютъ не скоро, а первое впечатлѣніе уже произведено, и прежде всего оно произведено на лорда Ярмута. Генералъ Кларке, ведшій съ нимъ переговоры, провозглашая отдѣльный миръ съ Россіею какъ великую побѣду, объявилъ Ярмуту, что послѣ такой побѣды Наполеонъ имѣлъ бы право увеличить свои требованія,—но онъ остается при старыхъ. Фоксъ, на помощь Ярмуту, котораго находилъ слишкомъ уступчивымъ, отправилъ еще другого уполномоченнаго. Шли удивительные, небывалые переговоры: Наполеонъ торговалъ областями, вовсе ему непринадлежавшими, уступалъ, мѣнялъ, давалъ въ вознагражденіе чужія владѣнія—Ганноверъ, Албанію, Рагузу, Ганзейскіе города, Балеарскіе острова; главный споръ шелъ о Сициліи, которою владѣлъ бывшій неаполитанскій король Фердинандъ, которую Наполеонъ не завоевалъ и никогда послѣ не могъ завоевать, но теперь требовалъ непремѣнно, чтобъ укомплектовать владѣніе брата своего Іосифа, т.-е. чтобы самому владѣть всею Италіею. Одинъ французскій писатель, очень нерасположенный къ Наполеону, говоритъ, что въ такой странной торговлѣ, по крайней мѣрѣ, было начало умопомѣшательства. Мы несогласны съ почтеннымъ авторомъ уже и потому, что совре-

женники начала умоповмѣшательства тутъ не видали; явленіе было обыкновенное: сила, не встрѣчая препятствія, развивалась все болѣе и болѣе. Исторія благословляетъ тѣхъ дѣятелей, которые ставятъ преграду силѣ, не допуская ее до насилія.

Странные переговоры, торговля чужимъ добромъ не повели ни къ чему. Когда Убри привезъ свой договоръ въ Петербургъ, то императоръ отдалъ его на разсмотрѣніе совѣта, который единогласно призналъ невозможность ратификовать его, и Александръ согласился съ мнѣніемъ совѣта; а въ самомъ началѣ сентября умеръ Фоксъ, что прекращало попытку къ заключенію мира Англіи съ Франціею. Послѣ Аустерлица непосредственная борьба между Россіею и Франціею продолжалась на берегахъ Адріатическаго моря, въ Далмаціи; вице-адмиралъ Сенявинъ, начальствуя флотомъ и сухопутнымъ отрядомъ, дѣйствовалъ противъ французовъ съ помощію славянскихъ жителей страны, особенно черногорцевъ; Бокка-ди-Каттаро не былъ сданъ ни французамъ, ни австрійцамъ; но скоро Сенявинъ получилъ приказаніе отправиться въ Архипелагъ.

Мы знаемъ, что съ самаго начала вступленія Россіи въ общую жизнь Европы, при необходимыхъ столкновеніяхъ въ интересахъ двухъ сильнѣйшихъ континентальныхъ державъ, Россіи и Франціи, и при затруднительности непосредственной борьбы между ними по географическому положенію, Франція дѣйствовала противъ Россіи, противъ ея интересовъ дипломатическими средствами въ трехъ ближайшихъ пунктахъ, била въ три самыя чувствительныя мѣста для Россіи: въ Швеціи, Польшѣ и Турціи. Во время борьбы съ Наполеономъ Швеція, по убѣжденіямъ ея короля, могла быть только въ союзѣ съ Россіею противъ Франціи; возобновленіе польскаго вопроса могло еще только ожидаться; оставалась Турція, въ которой можно было дѣйствовать противъ Россіи, и Наполеонъ, разумѣется, не упустилъ этого изъ виду. Онъ отправилъ посланникомъ въ Константинополь уже извѣстнаго намъ Себастіани, хорошо знакомаго съ Востокомъ, и слѣдствія внушеній его скоро оказались. Сановники, стоявшіе за дружескія отношенія между Россіею и Портою, были удалены, и мѣста ихъ заняли люди, доступные внушеніямъ французскаго посланника. Внушенія состояли въ томъ, что Порта не должна терпѣть, чтобъ ея христіанскіе подданные получали какія-нибудь выгоды отъ Россіи, привыкали къ ея покровительству, почему запрещено было грекамъ, которые плавали подъ русскимъ флагомъ, пользоваться привилегіями русскихъ подданныхъ; уничтоженъ былъ такимъ образомъ обычай, ведшійся издавна. Догово-

рами было утверждено, что господари молдавскій и валахскій не могутъ быть смѣнены диваномъ ранѣе семи лѣтъ, если только не совершатъ преступленія, доказаннаго по слѣдствію, произведенному сообща Россіею и Портою: вслѣдствіе внушеній Себастіани султанъ смѣнилъ обоихъ господарей до срока, безъ всякой причины, безъ предварительнаго изслѣдованія. По договору 1805 года, русскимъ военнымъ кораблямъ дозволенъ былъ свободный проходъ и перевозъ войска черезъ Босфоръ и Дарданеллы: теперь Порта объявила, что не намѣрена больше исполнять этого условія. Такое нарушеніе договора объяснялось тѣмъ, что Себастіани подалъ дивану ноту, въ которой требовалъ, чтобъ Босфоръ былъ запертъ для русскихъ военныхъ судовъ и транспортовъ; отказъ въ этомъ требованіи Франція сочтетъ для себя враждебнымъ дѣйствіемъ со стороны Турціи и получитъ право двигать свои войска черезъ турецкія владѣнія для борьбы съ русскимъ войскомъ на берегахъ Днѣстра. Въ нотѣ Себастіани говорилось: «возобновленіе или продолженіе союза Турціи съ врагами Франціи, именно съ англичанами и русскими, будетъ не только явнымъ нарушеніемъ нейтралитета, но участіемъ въ войнѣ, которую эти народы ведутъ съ Франціею». Оказывалось, что турки вовсе не такіе спокойные сосѣди Россіи, какъ думали недавно нѣкоторые дипломаты. Нарушеніемъ договоровъ они прямо объявляли войну; оставлять долѣе Порту подъ диктатурою французскаго посланника и дожидаться новыхъ враждебныхъ поступковъ и дерзостей было бы странно, и русскія войска получили приказаніе занять дунайскія княжества. Но русское войско встрѣтилось съ французскимъ не на берегахъ Днѣстра, а на берегахъ Нѣмана.

Наполеонъ, во время переговоровъ съ Англіею, торгуя чужими владѣніями, прежде всего безцеремонно распорядился Ганноверомъ, который, по послѣднему союзному договору съ Пруссіею, принадлежалъ этой державѣ, былъ занятъ ея войскомъ. Наполеонъ возвращалъ Ганноверъ прежнему его курфюрсту, королю англійскому. Пруссія объ этомъ ничего не знала. Наполеонъ, не любившій церемониться ни съ кѣмъ, всего менѣе считалъ нужнымъ церемониться съ Пруссіею, которая своимъ поведеніемъ потеряла у человѣка силы всякое уваженіе: можно что-нибудь ей дать за Ганноверъ или обѣщать, а если будетъ имѣть неблагоразуміе обижаться, спорить, то заставить замолчать оружіемъ; это не будетъ стоить большого труда, когда будетъ заключенъ миръ съ Россіею и Англіею; если же миръ заключенъ не будетъ, то Ганноверъ останется за Пруссіею; во время же

переговоровъ можно и обманывать. И дѣйствительно, предлагая Ганноверъ англійскому королю, Наполеонъ приказывалъ увѣрить прусскаго короля, что онъ никогда не отступитъ отъ обязательствъ, заключенныхъ съ Пруссіею относительно Ганновера. Относительно Ганновера можно было пока обманывать; но относительно образованія рейнскаго союза, уничтоженія прежняго германскаго строя, въ который входила Пруссія, обманывать было нельзя; употребили приманку: Пруссія можетъ подѣлить Германію съ Франціею, устроить такой же союзъ изъ остальныхъ сѣверо-германскихъ государствъ подъ своимъ протекторатомъ. Но переговоры съ Англіею о Ганноверѣ могли огласиться, и тогда приманка протекторатомъ надъ сѣверною Германіею могла бы не подѣйствовать, особенно если бы миръ съ Россіею и Англіею не былъ заключенъ: въ такомъ случаѣ надобно приготовиться къ войнѣ или, по крайней мѣрѣ, напугать Пруссію этими приготовленіями, заставить ее проглотить свою обиду, свое негодованіе: и вотъ во французской арміи громкіе разговоры о предстоящей войнѣ съ Пруссіею, иначе для чего бы увеличивать число войска и направлять его къ прусскимъ границамъ.

Прусскій посланникъ въ Парижѣ Луккезини узналъ и донесъ своему двору, что Наполеонъ уступаетъ Ганноверъ англійскому королю; что, можетъ быть, потребуютъ отъ Пруссіи и другихъ земельныхъ уступокъ, что Наполеонъ предлагалъ Россіи прусскую Польшу, что между Наполеономъ и Александромъ существуетъ соглашеніе возстановить Польшу въ пользу вел. кн. Константина Павловича. На счетъ русскихъ переговоровъ могли ходить всевозможные слухи вслѣдствіе таинственности, съ какою они были ведены; да и съ французской стороны были побужденія распускать подобные слухи, чтобъ возбудить въ Пруссіи неудовольствіе противъ Россіи.

Фридрихъ - Вильгельмъ рѣшился на борьбу съ Франціею и, конечно, историкъ не станетъ удивляться этому рѣшенію. Желаніе мира, страхъ передъ борьбою были сильны въ душѣ короля; но, по своему характеру и положенію, онъ могъ предаваться этому желанію и страху только тогда, когда при этомъ для него существовали извѣстныя опоры, когда, съ одной стороны, въ нейтралитетѣ, въ посредствующемъ положеніи онъ думалъ сохранить почетное положеніе для Пруссіи, а съ другой—пріобрѣсти выгоды, когда пріобрѣтеніемъ Ганновера безъ войны онъ заставлялъ молчать приверженцевъ воинственной или патріотической партіи, возобновляя тѣ счастливыя времена, когда при его предшественникахъ ловкою политикою Пруссія даромъ пріобрѣ-

тала области, какія трудно было пріобрѣсти и посредствомъ кровопролитныхъ войнъ. Но теперь человѣкъ силы смѣется надъ Пруссіею, обходится съ нею какъ съ ничтожнымъ по своей слабости и робости государствомъ, и смѣется насмѣшкою самою злою, отнимая то, за что пожертвовано многимъ, если не всѣмъ. Аншпахскимъ событіемъ рушилась одна опора—нейтралитетъ, дававшій почетное, посредствующее положеніе; но эту опору замѣнилъ Ганноверъ; теперь рушилась и эта, самая крѣпкая опора, и въ то же время мнѣніе партіи становилось общественнымъ мнѣніемъ; король безоружнымъ являлся передъ обществомъ, требовавшимъ перемѣны политики, ибо старое направленіе осуждено было своимъ неуспѣхомъ; какъ обыкновенно бываетъ, общество клеймило позоромъ близкихъ къ королю людей, приписывая имъ вину прежняго направленія и требуя ихъ смѣны; королю была подана просьба объ удаленіи Гаугвица и членовъ кабинета, о замѣнѣ послѣдняго отвѣтственнымъ и благонамѣреннымъ государственнымъ совѣтомъ; просьба была подписана принцами королевскаго дома, извѣстнымъ своею твердостію и смѣлостію министромъ Штейномъ, двумя генералами, Рюхелемъ и Фулемъ. Король взглянулъ на эту просьбу, какъ на посягательство противъ своихъ правъ, сдѣлалъ непосредственно и посредственно строгія внушенія подписавшимъ. Просьба не была исполнена; въ ней высказывалось оскорбительное для короля мнѣніе, что дурные совѣтники ввели его въ заблужденіе, и ошибка можетъ быть поправлена только съ помощію другихъ совѣтниковъ; но въ характерѣ Фридриха-Вильгельма не было упорства, и онъ счелъ необходимымъ для поддержанія своего значенія на дѣлѣ, а не по праву только, стать въ челѣ воинственнаго движенія и этимъ охранить и Гаугвица съ товарищами отъ нареканія: онъ, король, сначала слѣдовалъ извѣстному направленію, и люди приближенные исполняли его волю; теперь, убѣдившись, что прежнее направленіе болѣе не годится, онъ перемѣняетъ его при помощи тѣхъ же старыхъ совѣтниковъ. Дѣйствительно, человѣкъ, завѣдывавшій иностранными сношеніями, Гаугвицъ, давно уже, въ Парижѣ, гдѣ Наполеонъ заставилъ его подписать второй союзный договоръ, убѣдился въ необходимости перемѣнить направленіе, убѣдился, что на императора французовъ полагаться нельзя, что отъ сближенія съ Франціею, кромѣ опасности и униженія, нечего ожидать болѣе; мы видѣли, что Гаугвицъ не былъ преданъ или проданъ Франціи, а держался одинаковаго взгляда съ королемъ, и теперь для него, какъ для короля и, какъ видно, прежде чѣмъ для короля, рушились опоры его прежняго убѣж-

денія; и для него, какъ для короля, но еще сильнѣе, чѣмъ для короля, явилась необходимость не только уступить восторжествовавшему воинственному направленію, но и стать горячимъ его приверженцемъ, и Гаугвицъ является сильнымъ противникомъ Франціи, проповѣдникомъ необходимости вооруженія.

Но вооружаться противъ Наполеона значило сближаться съ Россіею. Отъ 21-го августа (н. с.) Гольцъ прислалъ успокоительное извѣстіе, что договоръ, заключенный Убри въ Парижѣ, не ратификованъ въ Петербургѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ со стороны русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, барона Будберга, начали являться внушенія, что Россія въ непродолжительномъ времени должна будетъ потребовать отъ Пруссіи рѣшительнаго отвѣта, на чьей же она сторонѣ—на сторонѣ Франціи или Россіи. Мы видѣли, что борьба съ Франціею принимала для Россіи новый оборотъ, затрогивая ея непосредственные интересы и отношенія. Франція дѣйствовала противъ Россіи въ Константинополѣ, естественно было ожидать, что она станетъ дѣйствовать противъ нея въ Польшѣ, и дѣйствовать непосредственно, проведя свои войска черезъ владѣнія Австріи, которая, волею или неволею, должна будетъ согласиться на это. Петербургскій кабинетъ указывалъ здѣсь берлинскому предлогъ къ вооруженію, ибо военныя дѣйствія должны происходить въ сосѣдствѣ съ Пруссіею. Въ Петербургѣ все еще сохраняли прежнее мнѣніе, что Гаугвицъ преданъ Франціи, и потому внушали Гольцу, что его необходимо удалить, если король хочетъ рѣшительно сблизиться съ Россіею. Графъ Штакельбергъ, замѣнившій Алопеуса въ Берлинѣ, писалъ Будбергу отъ 25-го августа (с. с.): «освободить короля отъ его презрѣннаго и коварнаго окруженія, конечно, есть цѣль самая желательная, но вмѣстѣ и самая трудная для достиженія. Власть этихъ приближенныхъ есть слѣдствіе привычки и ловкости. Первая очень важна относительно государя робкаго, мало привычнаго къ труду, и котораго большой, выпуклый талантъ вѣроятно затмилъ бы. Надобно было бы имѣть подъ руками двоихъ незначительныхъ людей, знающихъ, съ одной стороны, ходъ дѣлъ, а съ другой—имѣющихъ легкость въ работѣ, чтобъ сейчасъ же замѣнить ими Бейме и Ломбарда. Графъ Гаугвицъ есть не иное что, какъ креатура ихъ обоихъ. Первый человѣкъ дѣйствительно вліятельный и глава всей этой шайки; но его искусно руководитъ Ломбардъ, въ жену котораго Бейме влюбленъ. Послѣдняго не считаютъ такимъ продажнымъ, какъ Ломбарда, который весь состоитъ изъ безнравственности и пороковъ». Такой отзывъ понятенъ: русскіе министры въ Берлинѣ смотрѣли глазами членовъ

воинственной партіи, которая вмѣстѣ была и русскою партіею, особенно глазами Гарденберга, завѣдывавшаго тайно сношеніями съ Россіею и теперь уже отъявленнаго врага Гаугвица.

Задача Гаугвица теперь была чрезвычайно трудная—скрыть отъ Наполеона военныя приготовленія Пруссіи, до послѣдней минуты усыпляя его дружественными увѣреніями. Въ этомъ смыслѣ былъ данъ наказъ Люккезини, съ тою же цѣлію былъ отправленъ къ Наполеону генералъ Кнобельсдорфъ. Во Франціи, разумѣется, тотчасъ же узнали о военныхъ приготовленіяхъ въ Пруссіи. Наполеонъ не показалъ никакого раздраженія, не сдѣлалъ Пруссіи грознаго запроса, зачѣмъ она вооружается; онъ принялъ Кнобельсдорфа очень ласково, объявилъ только, что отказъ русскаго императора ратификовать договоръ Убри заставляетъ Францію усилить свои войска въ Германіи; впрочемъ, эта мѣра вовсе не направлена противъ сѣверной Германіи; все вниманіе обращено къ сторонѣ Италіи и Далмаціи. Вслѣдъ затѣмъ между Талейраномъ и Кнобельсдорфомъ началась переписка. Талейранъ указывалъ на вооруженія Пруссіи, на необходимость и для Франціи также вооружаться; писалъ, что императоръ Наполеонъ ни прямо, ни косвенно не подалъ никакого повода къ этой странной ссорѣ, что война между Франціею и Пруссіею есть политическое уродство. А между тѣмъ Фридрихъ-Вильгельмъ читалъ записку графа Гаугвица, гдѣ тотъ заклиналъ короля не вѣрить лживымъ словамъ Наполеона, вступить въ борьбу не ради Пруссіи только, но ради всей Европы, и начать военныя дѣйствія, не дожидаясь помощи другихъ державъ. 21-го сентября (н. с.) Фридрихъ-Вильгельмъ выѣхалъ въ Наумбургъ, чтобъ оттуда отправиться къ войску; 24-го Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа въ Майнцъ. 26-го изъ Наумбурга король отправилъ къ Наполеону длинное письмо, въ которомъ пересчитывалъ всѣ его захваты, указывалъ на все свое долготерпѣніе, которымъ послѣднія дѣйствія Наполеона положили конецъ. Письмо оканчивалось пожеланіемъ, чтобъ можно было еще уладить дѣло на основаніяхъ, которыя «сохраняли для Наполеона нетронутою всю его славу, а для другихъ народовъ сохраняли честь и поканчивали для Европы лихорадочное состояніе, производимое страхомъ и ожиданіемъ, среди которыхъ никто не можетъ разсчитывать на будущее и сообразить свои обязанности». Эти основанія, отправленныя королемъ какъ ультиматумъ, были: 1) немедленный выходъ французскихъ войскъ изъ Германіи; 2) Франція не должна дѣлать ни малѣйшаго препятствія образованію сѣверо-германскаго союза, который долженъ составиться изъ всѣхъ владѣній, не обозначенныхъ въ фундамен-

тальномъ актѣ рейнскаго союза; 3) немедленное открытіе переговоровъ съ Пруссіею для улаженія всѣхъ споровъ между нею и Франціею; 4) согласіе на переговоры съ другими государствами. Король назначилъ 8-е октября срокомъ для полученія отвѣта на свои требованія: 8-го октября французскія войска начали наступательное движеніе на прусскія. Прусскою арміею начальствовалъ герцогъ брауншвейгскій, старикъ 71 года. 10-го октября, при Саальфельдѣ прусаки потеряли сраженіе, въ которомъ былъ убитъ принцъ Людвигъ-Фердинандъ; 14-го октября они потерпѣли страшное двойное пораженіе при Іенѣ и Ауерштедтѣ, послѣ чего монархія Фридриха II развалилась какъ карточный домикъ. Войско распалось на отряды, которые поодиночкѣ доставались французамъ; сильныя крѣпости сдавались безъ выстрѣла, и 27-го октября Наполеонъ былъ уже въ Берлинѣ.

Мы видѣли побужденія, которыя заставили Фридриха-Вильгельма перемѣнить свою политику; но все же можетъ показаться страннымъ, какъ онъ могъ такъ скоро рѣшиться на борьбу съ такимъ страшнымъ врагомъ, первымъ полководцемъ вѣка, какъ могъ такъ понадѣяться на свое войско, на своихъ полководцевъ. Но подобные рѣзкіе переходы именно и возможны у людей съ природою Фридриха-Вильгельма. Изъ нежеланія войны онъ былъ способенъ натянуть свое положеніе до крайности; но все чрезъ мѣру натянутое разрывается, а этотъ разрывъ, эта потеря всѣхъ средствъ держаться долѣе въ прежнемъ положеніи производитъ стремленіе выдти какъ можно скорѣе изъ этого положенія, выдти во что бы ни стало. При такомъ состояніи духа обыкновенно обращаются за поддержкою къ такимъ средствамъ, противъ которыхъ прежде выставлялись сильныя возраженія: прежде въ пользу мира и нейтралитета выставлялась слабость Пруссіи, недостаточность ея военныхъ средствъ для борьбы съ Наполеономъ; но когда средства мира исчезли въ сознаніи короля и Гаугвица съ товарищами, схватились за послѣднее средство, которое до сихъ поръ выставляли поборники войны, стали въ немъ искать нравственной поддержки для себя и для другихъ. И въ самомъ дѣлѣ — чего же бояться? Австрійцы разбиты Наполеономъ, русскіе разбиты; но прусская армія, армія, созданная Фридрихомъ-Великимъ, остается непобѣжденная и служитъ предметомъ удивленія для иностранцевъ: въ какихъ лестныхъ выраженіяхъ отзывается о ней русскій государь! Чтó прежде выслушивалось съ подозрительною улыбкою, принималось за хвастовство, то теперь выслушивается съ удовольствіемъ, и вѣрятъ тому, чему желаютъ вѣрить. Съ удовольствіемъ выслушивались пѣсни новыхъ нѣмецкихъ бардовъ, вос-

клицанія: «Теперь предстоитъ борьба за нѣмецкую національность, нравы и свободу; нога чужеземца никогда еще не топтала почву древнихъ каттовъ, херусковъ и саксовъ!» Съ удовольствіемъ выслушивались слова: «Если бы при Ульмѣ и Аустерлицѣ были пруссаки, то дѣла пошли бы иначе. У насъ полководцы, которые войну разумѣютъ, которые съ молоду служили, а эти французскіе генералы, портные и сапожники, поднялись въ революцію; они побѣгутъ передъ нашими генералами!» Генералъ Рюхель на парадѣ въ Потсдамѣ сказалъ королю: «Такихъ генераловъ, какъ г. Бонапартъ, въ арміи вашего величества много». Можно было часть этихъ отзывовъ отнести къ патріотическимъ преувеличеніямъ; но оставалось то, что армія, т.-е. ея представители одушевлены, имѣютъ о себѣ высокое мнѣніе, подтверждаемое и свидѣтельствомъ чужихъ, а опытъ не говорилъ ничего противъ, возражать было нельзя, да теперь и пріятно стало, что возражать было нечего; нужда заставила приняться за средство непочатое, и успокоительно было слышать, что это средство надежное. Но чѣмъ выше было мнѣніе прусскаго войска, прусскихъ генераловъ о самихъ себѣ, тѣмъ слабѣе было въ нихъ желаніе получить немедленно помощь, вступить въ войну вмѣстѣ съ союзниками. Дожидаться прихода союзниковъ значило выказать свою слабость; раздѣливъ побѣду съ сильнымъ союзникомъ, надобно было дѣлить съ нимъ и плоды побѣды; но мы уже видѣли, что въ Пруссіи боялись русскаго вліянія, не сочувствовали русской политикѣ, которая никакъ не могла помириться съ захватомъ Ганновера: чего же ожидать отъ Россіи, если она получитъ большое вліяніе при будущихъ территоріальныхъ распредѣленіяхъ? Притомъ король сохранялъ до послѣдней минуты надежду, что Наполеонъ будетъ остановленъ рѣшительностію Пруссіи, вступитъ въ переговоры, сдѣлаетъ уступки; съ Наполеономъ было легко уговариваться на счетъ разныхъ пріобрѣтеній, онъ это дѣло понималъ; онъ говорилъ: «государство, которое не увеличивается, уменьшается»; а въ Россіи этого не понимали, тамъ все какіе-то принципы, политическое равновѣсіе. Наконецъ аустерлицкій опытъ показалъ, что дѣйствовать вмѣстѣ съ союзниками и опасно. Было у всѣхъ въ свѣжей памяти, какъ послѣ Аустерлица пріѣхали въ Берлинъ князь Петръ Долгорукій и австріецъ Штуттергеймъ и спорили, складывая другъ на друга вину пораженія; какъ Штуттергеймъ дошелъ до того, что упрекалъ императора Александра, зачѣмъ онъ оказалъ такое довѣріе къ начальнику штаба Вейротеру, какъ будто Вейротеръ не былъ данъ съ австрійской стороны? Но еще и прежде Аустерлица вожди прусской патріотической

партіи съ неудовольствіемъ слышали о русскомъ союзѣ,—конечно въ надеждѣ, что однихъ херусковъ, каттовъ и саксовъ достаточно для сокрушенія Наполеона: въ сентябрѣ 1804 года, пріѣзжалъ въ Вѣну прусскій принцъ Людвигъ, и когда Кобенцль сталъ ему говорить о необходимости союза между Австріею, Пруссіею и Россіею для борьбы съ Наполеономъ, то принцъ сказалъ: «какая нужда въ сѣверномъ государствѣ?—Союза Австріи и Пруссіи вполнѣ достаточно». И когда Кобенцль настаивалъ на необходимости участія Россіи, принцъ возразилъ: «этимъ только затянется дѣло». Послѣ же Аустерлица могли слышаться сильныя возраженія противъ отсрочки войны для соединенія съ русскимъ войскомъ; а въ случаѣ неудачи или продолжительности войны русская помощь была обезпечена обязательствомъ императора Александра. Относительно австрійскаго союза король совершенно справедливо думалъ, что Австрія непремѣнно вступитъ въ союзъ съ Пруссіею—при успѣхѣ послѣдней, но не прежде. Съ Англіею сближаться не хотѣлось по причинѣ Ганновера.

Такимъ образомъ понятно, почему Пруссія поспѣшила вступить въ войну съ Наполеономъ, не дожидаясь союзниковъ. Война кончилась небывалымъ разгромомъ государства, имѣвшаго такое важное значеніе въ политической системѣ Европы, государства, имѣвшаго недавніе блестящіе военные успѣхи, обязаннаго своимъ важнымъ значеніемъ побѣдамъ, военному искусству своего знаменитаго короля-полководца. Но военные таланты Фридриха II-го не были унаслѣдованы его преемниками; государство, получившее важное значеніе вслѣдствіе побѣдъ и завоеваній, стало отличаться миролюбивою политикою, стремленіемъ сохранять и пріобрѣтать не силою оружія, но ловкостію политическою, умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, стало жить на счетъ прошедшаго, жить славою, памятью прежнихъ побѣдъ; Пруссія сохранила видъ военнаго государства, войско стояло на первомъ планѣ, но стояло какъ памятникъ, какъ драгоцѣнная археологическая рѣдкость, тщательно сохраняемая, недопускавшая ничего новаго, никакихъ измѣненій. Поддержка почтеннаго памятника старины стоила дорого, имъ хвалились, имъ грозили; но все же это былъ только памятникъ, въ сущности что-то мертвое, безъ движенія, что-то оторванное отъ общей жизни, не входившее живымъ образомъ въ организмъ народный. Но естественно бываетъ поползновеніе пренебрегать существеннымъ, когда что-либо дѣлается на показъ, когда преобладаетъ форма и духъ ослабѣваетъ. Въ образцовомъ войскѣ вооруженіе было плохое; было множество ненужныхъ вещей, годныхъ только для парада,

и между тѣмъ у цѣлаго полка ружья никуда не годились. Генералы, офицеры были бо́льшею частію старики; изъ семи полныхъ генераловъ младшіе имѣли 58 и 59 лѣтъ, четверо было семидесятилѣтнихъ и одинъ восьмидесяти-лѣтній; изъ генералъ-лейтенантовъ младшій имѣлъ 52 года, девять по семидесяти и 11-ть по шестидесяти лѣтъ. Но вредъ происходилъ не отъ преклонныхъ лѣтъ, а отъ того, что старики, вмѣсто живой, непрерывной опытности, отличались дряхлостію, отвычкою отъ дѣятельности, давно умерли для настоящаго, для движенія, и жили одною стариною. Военныя экзерциціи состояли изъ старыхъ штукъ, и, умѣя въ совершенствѣ продѣлывать эти штуки, считали себя неподражаемыми мастерами тактики. Армія состояла только частію изъ природныхъ пруссаковъ, другую же часть составляли, по вербовкѣ, иностранцы, искатели приключеній, бродяги, склонные къ бѣгамъ. И такая армія стоила дорого не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, не потому только, что на нее тратилось много денегъ: офицеры, особенно въ гарнизонныхъ мѣстахъ, господствовали неограниченно; генералъ былъ деспотъ, не обращавшій вниманія ни на какое состояніе, ни на какую образованность, ни на какой возрастъ, ни на какое личное значеніе вообще, никто не былъ изъятъ отъ оскорбленія съ его стороны.

Трупъ, отлично сохранившійся въ безвоздушномъ пространствѣ, разсыпался при выносѣ на свѣжій воздухъ. Но, разумѣется, этого не предвидѣли, думая, что имѣютъ дѣло вовсе не съ трупомъ, а съ чѣмъ-то живымъ и крѣпкимъ. Тѣмъ сильнѣе было впечатлѣніе, произведенное неожиданнымъ разрушеніемъ, тѣмъ бо́льшій упадокъ духа послѣдовалъ, когда вмѣсто ожидаемаго торжества увидали небывалое позорное пораженіе. Губернаторъ Берлина, графъ Шуленбургъ, издалъ прокламацію, въ которой говорилось, что главная обязанность гражданина есть сохраненіе спокойствія, и когда обнаружилось патріотическое движеніе, когда стали являться охотники вступить въ войско, губернаторъ съ неудовольствіемъ отказывалъ. Министры, чиновники присягнули побѣдителю. Ударъ оглушилъ, но на время только; страшное бѣдствіе возбуждало нравственныя силы и вело къ благотворному, живоносному движенію, къ излеченію больного организма. Но побѣдитель пользовался своимъ временемъ. Успѣхъ и несчастіе — два мѣрила нравственныхъ силъ души человѣческой, и теперь это измѣреніе чрезвычайнымъ успѣхомъ оказалось къ невыгодѣ Наполеона; онъ разнуздался и сталъ, какъ дикарь, ругаться надъ побѣжденными съ забвеніемъ всякаго приличія. Прусской королевѣ приписывалось сильное участіе въ патріотическомъ, воинственномъ движе-

ніи, и Наполеонъ, побѣдивъ мужчинъ, объявилъ теперь войну женщинамъ. Въ бюллетеняхъ королева Луиза выставлялась красотою, погубившею Пруссію, какъ Елена погубила Трою. Въ Вюртембергѣ цензоръ вычеркнулъ изъ газеты, приводившей бюллетень, выходки противъ королевы Луизы: вюртембергское правительство отставило цензора отъ должности. Наполеонъ не ограничивался бюллетенями; принимая прусскихъ сановниковъ, онъ говорилъ имъ: «Ваши жены хотѣли войны: ну, вотъ, теперь вы видите плоды этого». Повторялъ, что королева Луиза погубила Пруссію, какъ Марія-Антуанета—Францію. Обратившись къ турецкому посланнику, сказалъ: «Вы, османы, правы, что запираете женщинъ».

Но въ то время, какъ Наполеонъ велъ войну противъ женщинъ, что̀ дѣлали мужчины? Они вели мирные переговоры съ побѣдителемъ. 30 октября (н. с.) съ французской стороны были предложены слѣдующія основанія мира. Пруссія соглашается на приступленіе Саксоніи и всѣхъ государствъ на лѣвомъ берегу Эльбы къ рейнскому союзу и на всѣ распоряженія, которыя императоръ Наполеонъ сдѣлаетъ относительно этихъ государствъ; Пруссія уступитъ Франціи все, чѣмъ владѣетъ на лѣвомъ берегу Эльбы, исключая провинціи магдебургскую и старую Мархію; платитъ сто милліоновъ франковъ военной контрибуціи. Фридрихъ-Вильгельмъ, который переѣзжалъ изъ одного города въ другой, ища безопасности, соглашался на эти основанія; но когда французы заняли Познань и проникли до Вислы, когда имъ сдались Магдебургъ и Кюстринъ, то Наполеонъ возвысилъ свои требованія, предложилъ перемиріе на тяжелыхъ условіяхъ. По мнѣнію Штейна и Гарденберга, этихъ условій принять было нельзя: «Теперь,—писалъ Штейнъ Гарденбергу,—мы должны смотрѣть на себя какъ на союзниковъ Россіи, на свою страну какъ на ея страну».—«Мы должны,—отвѣчалъ Гарденбергъ, смотрѣть на себя, какъ на находящихся подъ покровительствомъ Россіи, какъ на простыхъ ея союзниковъ, двигаться исключительно по ея указаніямъ и отвоевать съ нею нашу честь и наше существованіе, или погибнуть подлѣ нея». Въ Остероде, гдѣ находился тогда король, созванъ былъ совѣтъ по вопросу—принимать или отвергнуть новыя наполеоновскія условія перемирія. Гаугвицъ съ большинствомъ былъ за принятіе условій; Штейнъ, другой министръ Фоссъ, генералъ Кёкерицъ и тайный кабинетъ-совѣтникъ Бейме противъ принятія. Замѣчаютъ, что оба послѣдніе подали свой голосъ противъ, зная, что король заранѣе рѣшилъ не принимать условій. Когда это королевское рѣшеніе было объявлено,

Гаугвицъ сталъ просить отставки, потому что отказъ на требованія Наполеона предполагалъ войну въ тѣсномъ союзѣ съ Россіею, но при явномъ нерасположеніи русскаго двора къ нему, Гаугвицу, онъ не могъ оставаться министромъ иностранныхъ дѣлъ. Король, хотя съ горестію, долженъ былъ согласиться на удаленіе Гаугвица, считая это необходимымъ при отношеніяхъ своихъ къ русскому императору.

Когда въ Петербургъ достигли слухи о пораженіяхъ прусскаго войска, императоръ Александръ написалъ Фридриху-Вильгельму, возобновляя самое торжественное увѣреніе, что онъ никогда не измѣнитъ извѣстныхъ королю расположеній своихъ. «Будучи вдвойнѣ связанъ съ в. в-ствомъ, и узами политическаго союза, и узами самой нѣжной дружбы, я не пощажу,—писалъ Александръ,—никакихъ пожертвованій и стараній, чтобъ показать всю силу моего подчиненія драгоцѣннымъ обязанностямъ, налагаемымъ на меня союзомъ и дружбою. По характеру чувствъ моихъ, они могутъ только удвоиться, если это возможно, вслѣдствіе положенія, въ какомъ в. в-ство находитесь. Корпусъ генерала Беннигсена уже въ походѣ; корпусъ Буксгѣвдена, въ числѣ 60,000 человѣкъ, будетъ немедленно готовъ его поддерживать. Соединимся еще тѣснѣе, чѣмъ прежде; останемся вѣрны принципамъ чести и славы, и предоставимъ остальное Провидѣнію, которое не преминетъ положить конецъ успѣхамъ тиранства, доставивъ торжество самому справедливому и прекрасному дѣлу». Въ разговорахъ съ прусскимъ посланникомъ Гольцомъ Александръ подробнѣе изложилъ свои взгляды на событія. «Я трепещу,—говорилъ онъ,—чтобъ Наполеонъ не сдѣлалъ вашему государю предложеній, которыя заставятъ его вступить въ непосредственные переговоры. Я боюсь, что Наполеонъ сначала будетъ уступчивъ и мягокъ, чтобъ тѣмъ удобнѣе впослѣдствіи заставить короля почувствовать всю тяжесть своей опасной дружбы. Онъ, конечно, не ограничится тѣмъ, что возьметъ у короля нѣсколько провинцій; онъ постарается впутать его въ свои интересы, заставить его гарантировать независимость Порты и такимъ образомъ приготовить всѣ предлоги къ будущей ссорѣ съ Россіею, и король, желающій единственно спокойствія, будетъ, по примѣру Баваріи, вовлеченъ въ войны, которыя заставятъ сердце его обливаться кровью и въ конецъ истощать средства его государства. Нѣтъ, я не вижу возможности мира честнаго и удовлетворительнаго, и если такъ, то должно продолжать войну, которая, при дѣятельной помощи Россіи, представляетъ возможность благопріятнаго исхода. Мои интересы тождественны съ интере-

сами Пруссіи; моя дружба съ королемъ, равно какъ моя политика и безопасность моей имперіи настойчиво требуютъ, чтобъ я удержалъ Пруссію отъ паденія. Устойчивость короля и моя помощь заставятъ Австрію высказаться въ пользу Пруссіи; наканунѣ открытія войны между мною и Портою, Австріи остается только это, если она не хочетъ быть порабощена Франціей, а примѣръ Австріи увлечетъ всѣ государства, которыя еще отказываются принять прямое участіе въ войнѣ. На мѣстѣ короля я бы вотъ что сдѣлалъ: я бы сталъ избѣгать битвы, сосредоточилъ бы свое войско за Одеромъ, удерживалъ бы эту позицію до послѣдней крайности, и въ случаѣ новыхъ неудачъ отступилъ бы дальше для соединенія съ русскими. Бонапартъ началъ бы бояться за себя и не рѣшился бы идти дальше, онъ уступилъ бы устойчивости то, чего не уступилъ бы силѣ оружія. Но я долженъ вамъ признаться, что если король заключитъ миръ, то я буду считать все потеряннымъ, и интересы моего собственнаго государства заставятъ меня перемѣнить систему и взгляды. Если король заключитъ миръ, то ничто не разубѣдитъ меня въ томъ, что внутри его государства есть враги общаго дѣла, благопріятели Франціи, которые, быть можетъ, охотно довели дѣло до разрыва съ нею, будучи заранѣе увѣрены, что борьба не будетъ выдержана, и Пруссія посредствомъ мира будетъ поставлена въ полную зависимость отъ Франціи». Послѣднія слова прямо относились къ Гаугвицу, котораго теперь упрекали въ томъ, что онъ былъ виновникомъ поспѣшнаго разрыва съ Франціею. Король въ слѣдующихъ выраженіяхъ увѣдомилъ императора объ отставкѣ Гаугвица: «Министръ, занимающій первое мѣсто въ моемъ кабинетѣ, не внушаетъ в. и. в-ству довѣрія въ той степени, въ какой я питаю его къ нему вслѣдствіе его талантовъ, долгой службы и просвѣщеннаго патріотизма. В. в-ство знаете, какъ мнѣ было это тяжело, ибо я былъ увѣренъ, что если бы вы знали его покороче, то сочли бы его достойнымъ своей высокой благосклонности, которой онъ такъ всегда сильно желалъ. Однако опасеніе, что его завѣдываніе иностранными дѣлами можетъ хотя сколько-нибудь нарушить довѣріе, которое теперь болѣе чѣмъ когда-либо должно служить основаніемъ нашихъ отношеній, заставило меня принять его просьбу объ отставкѣ. Признаюсь, я сдѣлалъ это съ сожалѣніемъ, но въ убѣжденіи, что долженъ былъ принести жертву этимъ самымъ отношеніямъ, жертву, которая бы снова упрочила всю правду и силу моихъ несокрушимыхъ чувствъ». Касательно борьбы, на которую рѣшился король, онъ писалъ Александру: «Примите, Государь, торжественное обѣщаніе, что я положу ору-

жіе противъ отъявленнаго врага европейской независимости только тогда, когда ваши интересы, съ этихъ поръ неразрывно связанные съ моими, заставятъ васъ самихъ этого желать. Таково мое твердое рѣшеніе».

Въ другой разъ императоръ Александръ долженъ былъ исполнять свои союзническія обязанности при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, долженъ былъ не соединять свои силы съ свѣжими, бодрыми силами союзника, но спѣшить на помощь къ союзнику пораженному, потерявшему матеріальныя и нравственныя средства, брать такимъ образомъ на одно свое войско удары побѣдоноснаго врага. Какъ нарочно Пруссія въ 1806 году сдѣлала то же самое, что̀ Австрія въ 1805: вдругъ, не дождавшись русской помощи, выдвинула свое войско подъ удары Наполеона, дала ему разбить себя въ одиночку, и теперь должна была бороться съ нимъ Россія, также въ одиночку, что̀ именно и было ему нужно; такъ что оба раза коалиціи въ сущности не было, и это объясняетъ неудачу обѣихъ войнъ. Въ приведенномъ разговорѣ съ Гольцомъ Александръ прямо объяснилъ побужденія, заставлявшія его спѣшить на помощь Пруссіи и уговаривать ея короля не мириться съ Наполеономъ: Пруссію необходимо было поднять и привязать къ себѣ, иначе она непремѣнно становилась въ рукахъ Наполеона орудіемъ противъ Россіи относительно самыхъ важныхъ русскихъ интересовъ, относительно восточнаго и польскаго вопросовъ. Остаться равнодушнымъ къ судьбѣ Пруссіи значило то же самое, что во время войны дать непріятелю овладѣть выгодною мѣстностію или крѣпостію и обратить ея выгоды противъ насъ, все равно, что позволить нашъ собственный авангардъ обратить противъ нашего же войска. Наполеонъ не думалъ, чтобъ Александръ, послѣ Аустерлица, рѣшился поддерживать Пруссію въ обстоятельствахъ еще менѣе выгодныхъ, чѣмъ въ прошломъ году передъ Аустерлицемъ, и потому сдѣлалъ ошибку, предложивши Пруссіи слишкомъ тяжелыя условія, поднявши этимъ патріотическую партію, которая представляла, что отчаяваться нечего, что въ народѣ сильное одушевленіе, что, при помощи Россіи, можно надѣяться на успѣхъ, и король оперся на этихъ представленіяхъ. Наполеонъ увидѣлъ свою ошибку. Въ порывѣ раздраженія онъ высказалъ угрозу: «Если русскіе будутъ побиты, то не будетъ больше короля прусскаго». *Если!* А если нѣтъ, или съ ними будетъ не война, а *рѣзня*, какъ уже былъ опытъ? Кампанія была кончена необыкновенно блестящимъ образомъ; войско ждало славнаго мира, отдыха, а тутъ новая война съ непріятелемъ, отличающимся упорствомъ, война въ неблагопріятной мѣст-

ности, въ самое неблагопріятное время года; притомъ Наполеону не нравилось долгое отсутствіе изъ Франціи, могшее дать большую свободу внутреннимъ врагамъ. Наполеонъ сталъ толковать о своей склонности къ миру; но миръ долженъ быть общій, твердый; въ одно время съ Россіею и Англіею. Отъ этого зависитъ судьба Пруссіи. Фридрихъ-Вильгельмъ поколебался отъ страха и надежды и отправилъ въ Петербургъ предложеніе начать мирные переговоры: есть новая важная выгода, Наполеонъ хочетъ договариваться въ одно время съ Россіею, Англіею и Пруссіею, и мирные переговоры не остановятъ военныхъ дѣйствій. Императоръ Александръ не отвергъ предложенія, требуя только подробностей на счетъ основаній мира, а между тѣмъ военныя дѣйствія уже начались. Мы видѣли, что двинуты были въ Пруссію два корпуса подъ начальствомъ Беннигсена и Буксгёвдена; но для единства дѣйствія нуженъ былъ главнокомандующій, подъ начальство котораго поступилъ бы и остатокъ прусскаго войска. Александръ далъ знать королю, что назначаетъ главнокомандующимъ фельдмаршала графа Каменскаго: «Во всѣхъ отношеніяхъ—писалъ императоръ,—онъ способенъ къ должности, которую я на него возложилъ: съ обширными военными познаніями онъ соединяетъ большую опытность, пользуется довѣріемъ войска, народа и моимъ». Каменскій былъ старый генералъ, пріобрѣтшій извѣстность въ екатерининское время; при Павлѣ онъ былъ сдѣланъ графомъ и фельдмаршаломъ не за военные подвиги, а за то, что былъ въ опалѣ при Екатеринѣ за невыносимый характеръ и жестокое обращеніе съ подчиненными; но и при Павлѣ онъ скоро былъ уволенъ отъ службы, послѣ чего десять лѣтъ жилъ въ деревнѣ. Слава Каменскаго выросла отъ удаленія, отъ опалы, отъ отсутствія людей выдающихся военными способностями, отъ затруднительнаго положенія, въ какомъ находилась Россія, и Каменскій пріобрѣлъ довѣріе, о которомъ говорилъ императоръ; русская фамилія также способствовала этому довѣрію у войска и народа. Александръ послѣ говорилъ, что назначилъ Каменскаго противъ своего убѣжденія, уступая общественному мнѣнію. 69-лѣтній больной старикъ, давно отвыкшій отъ дѣла, принялъ на себя страшную обязанность бороться съ Наполеономъ. Но мы знаемъ, что всѣ лучшіе генералы считали лучшимъ средствомъ въ борьбѣ съ Наполеономъ избѣганіе рѣшительныхъ битвъ, отступленіе, затягиваніе непріятеля; поэтому неудивительно, что, прибывши къ войску въ Пултускъ, найдя его въ неудовлетворительномъ положеніи и слыша о наступленіи Наполеона, Каменскій отдалъ приказаніе отступать къ границамъ, и, зная, что

отъ него вовсе не этого ожидали въ Россіи, послалъ къ государю просьбу объ увольненіи. Беннигсенъ не исполнилъ приказанія Каменскаго, встрѣтилъ и отбилъ французовъ у Пултуска (14 декабря) съ большимъ для нихъ урономъ. Сраженіе подъ Пултускомъ доставило Беннигсену главное начальство надъ войскомъ.

Начало 1807 года ознаменовалось страшною рѣзнею: болѣе 50,000 мертвыхъ и раненыхъ покрыли снѣжныя поля подъ Прейссишъ-Эйлау 26 и 27 января; битва была нерѣшительная. Наполеонъ, по собственнымъ его словамъ, потому только призналъ себя побѣдителемъ, что русскіе, послѣ битвы, первые тронулись отъ Эйлау къ Кёнигсбергу. Но впечатлѣніе битвы, гдѣ Наполеонъ не разбилъ непріятеля и гдѣ потерялъ почти половину войска и болѣе десятка орловъ, было страшное. Непобѣда значила пораженіе: такъ Наполеонъ пріучилъ Францію и Европу смотрѣть на свои войны. Французское войско упало духомъ, къ чему оно такъ склонно при неудачѣ; въ Парижѣ ужасъ, бумаги на биржѣ упали; Наполеонъ послалъ приказаніе своимъ сановникамъ давать балы, чтобъ разсѣять грустное настроеніе общества. Дѣйствительно, положеніе Наполеона было крайне непріятное; новая кампанія противъ новаго врага только-что начиналась и начиналась неуспѣшно; одно враждебное государство было побѣждено, почти все занято, а на границѣ новый непріятель, который дерется отчаянно; битва при Эйлау вовсе не похожа на аустерлицкую. Но нельзя ли слѣдствія ея сдѣлать похожими на слѣдствія Аустерлица? Русскіе не уйдутъ, не прекратятъ войны; но если Пруссія, которая теперь въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ была Австрія послѣ Аустерлица, согласится на миръ? Фридрихъ-Вильгельмъ жилъ тогда въ Мемелѣ, чтобъ быть, на всякій случай, какъ можно ближе къ Россіи; въ Мемель явился къ нему французскій генералъ Бертранъ съ мирными предложеніями отъ Наполеона: «Жалко стало императору французовъ видѣть, какъ Россія затрудняетъ заключеніе мира и Пруссія продолжаетъ страдать отъ войны; императору хотѣлось узнать поближе Польшу, и теперь онъ убѣдился, что эта страна не должна имѣть независимаго существованія; императоръ поставилъ себѣ въ славу возвратить королю его владѣнія и его права, ему желательно одному пріобрѣсть за это благодарность, безъ чьего бы то ни было вмѣшательства; съ этой точки зрѣнія легко было бы согласиться на условія, которыя дали бы королю возможность снова пріобрѣсть силы, необходимыя для полученія прежняго мѣста среди государей европейскихъ; вслѣдствіе всего

этого, императоръ ожидаетъ, что король пришлетъ къ нему довѣренное лицо для заключенія мира, посредствомъ котораго онъ можетъ очень скоро возвратиться въ свои замки; императоръ Наполеонъ не требуетъ отъ короля никакого пожертвованія относительно союзниковъ и друзей, онъ даетъ ему право улаживаться съ ними, какъ онъ сочтетъ для себя выгоднымъ, а императоръ самъ по себѣ будетъ имѣть дѣло съ Россіею и Англіею, и какъ скоро между Франціею и Пруссію миръ будетъ заключенъ, французскія войска немедленно очистятъ прусскія владѣнія». Смыслъ былъ ясенъ: миръ Франціи съ Пруссіею прекратитъ войну, французскія войска оставятъ Пруссію, Россія по неволѣ, не имѣя съ кѣмъ сражаться, уведетъ свои войска; Наполеонъ съ торжествомъ возвратится во Францію, какъ послѣ Аустерлица: онъ однимъ ударомъ сокрушилъ монархію Фридриха II, гордую своимъ войскомъ, передъ нимъ русскіе отступили послѣ рѣзни при Эйлау; Пруссія, счастливая тѣмъ, что могла получить миръ не столь тяжкій, не скоро опомнится отъ пораженія, не скоро задумаетъ мѣшать планамъ іенскаго побѣдителя; Австрія также, а это изолируетъ Россію, уничтожитъ возможность континентальныхъ коалицій. Но первая часть рѣчей, переданныхъ Бертраномъ, была уже слишкомъ наивна, била совершенно мимо, указывая прямо, что предлагающій находится въ непріятномъ положеніи, и потому принимать эти предложенія не слѣдуетъ. Въ совѣщаніи у короля министръ иностранныхъ дѣлъ, замѣнившій Гаугвица, генералъ Застровъ, признавалъ необходимость принять предложенія Наполеона; Гарденбергъ говорилъ противъ, и король согласился съ нимъ. 5 марта (н. ст.) Фридрихъ-Вильгельмъ отправилъ къ императору Александру только-что полученное письмо Наполеона, причемъ писалъ: «Языкъ его носитъ печать умѣренности, но я вамъ предоставляю судить, должны ли мы этому вѣрить. Онъ предлагаетъ также перемиріе». — «Послѣ всего того, что произошло въ послѣднее время, — отвѣчалъ Александръ, — было бы верхомъ ослѣпленія надѣяться получить прочный и честный миръ одиночнымъ соглашеніемъ съ Франціею. Отдѣльный миръ между вашимъ величествомъ и Франціею будетъ только средствомъ временнымъ и мнимымъ, Пруссія увидитъ себя осужденною остаться подъ игомъ Франціи. Наши средства еще довольно значительны и даютъ намъ возможность продолжать борьбу съ энергіею. Въ то же время умоляю ваше величество подумать, что я долженъ сдѣлать по обязанностямъ моимъ въ собственной странѣ, если я долженъ остаться одинъ. Гоню отъ себя эту мысль, и сердце мое говоритъ мнѣ, что съ такимъ союзникомъ, какъ вы, подоб-

ное опасеніе невозможно. Если бы Бонапартъ хотѣлъ искренняго соглашенія съ вашимъ величествомъ, то онъ сообщилъ бы вамъ основанія этого соглашенія. Онъ бы обратилъ вниманіе на прочность узъ, связывающихъ Пруссію съ Россіею; онъ бы сообразилъ, что ваше величество, извѣдавъ по печальному отвѣту его двоедушіе, никогда не согласитесь отдѣлить свои интересы отъ интересовъ союзническихъ; но ему ни до чего дѣла нѣтъ, и самая крайность его безстыдства является для меня новою причиною причислить и эти коварныя предложенія къ такимъ хитростямъ, которыя онъ такъ любитъ употреблять и которыя такъ часто служили ему съ успѣхомъ для того, чтобъ ослаблять усилія, противъ него направленныя, и сѣять несогласіе между противниками. Бонапартъ изъявлялъ также желаніе мириться съ Россіею и Англіею, но и здѣсь та же неопредѣленность, недопускающая никакого довѣрія. Россія достаточно доказала, что она хочетъ мира не мнимаго, котораго выгоды исключительно были бы на сторонѣ Франціи; она хочетъ мира справедливаго и прочнаго; то же должно предполагать и со стороны Англіи. Такъ пусть Бонапартъ объяснится точно и прямо объ условіяхъ, на которыхъ онъ хочетъ мириться съ Пруссіею, Россіею и Англіею, и онъ увидитъ готовность этихъ государствъ уступить все, что̀ совмѣстно съ ихъ интересами и достоинствомъ».

2 апрѣля (н. ст.) пріѣхалъ въ Мемель императоръ Александръ. Къ нему приступили со всѣхъ сторонъ съ политическими и военными планами. Гарденбергъ, котораго императоръ хотѣлъ непремѣнно сдѣлать министромъ иностранныхъ дѣлъ вмѣсто Застрова, и достигъ, наконецъ, своей цѣли,—Гарденбергъ предлагалъ употребить всѣ усилія, чтобъ поднять Австрію противъ Наполеона и побудить Англію помогать рѣшительнѣе; императоръ Александръ, разумѣется, былъ съ этимъ совершенно согласенъ, но ни Австрія, ни Англія не двигались. Гарденбергъ предполагалъ, что Пруссія не въ состояніи сопротивляться малѣйшему удару со стороны Франціи, если не сдѣлать ее сильнѣе увеличеніемъ территоріи, лучшимъ округленіемъ и лучшими границами: Наполеонъ, чтобъ отвлечь Саксонію отъ Пруссіи, сдѣлалъ саксонскаго курфюрста королемъ; по мнѣнію Гарденберга, хорошо было бы этого новаго короля перевести въ Польшу, а Пруссію, за потерю польскихъ областей, вознаградить Саксоніею. И это было принято во вниманіе, но нельзя было дѣлить шкуру, не убивши медвѣдя. Чтобъ убить медвѣдя, предлагались разные планы, но ни одного изъ нихъ нельзя было принять. Находясь въ крайнемъ затрудненіи, не находя ни между своими, ни между чу-

жими людей, которыхъ можно было бы выставить противъ Наполеона, императоръ Александръ пришелъ къ мысли заняться самому изученіемъ военнаго искусства—сначала теоретически, для чего принялъ въ свою службу изъ прусской генерала Фуля, имѣвшаго извѣстность отличнаго теоретика, хотя и сомнѣвались въ его способности прилагать къ дѣлу свои познанія. Любопытный проектъ военно-политическаго свойства былъ представленъ княземъ Радзивилломъ: никто не сомнѣвался въ намѣреніи Наполеона употребить Польшу орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей въ восточной Европѣ, т.-е. для подчиненія и ея своему вліянію, какъ подчинялась ему западная Европа; отсюда у людей, боровшихся съ Наполеономъ, естественно должна была явиться мысль идти тѣмъ же ходомъ, употреблять Польшу орудіемъ противъ Наполеона; но Польшу можно было поднять противъ кого бы то ни было только обѣщаніемъ ея возстановленія. О чемъ до сихъ поръ только тайкомъ толковалось въ петербургскихъ дворцахъ между императоромъ Александромъ и другомъ его юности, княземъ Чарторыйскимъ, о томъ теперь явно разсуждалось въ совѣщаніяхъ между государями и ихъ министрами. Мы видѣли, что Гарденбергъ предлагалъ возстановленіе Польши съ чисто-прусской точки зрѣнія: отдать Польшу саксонскому королю, а Саксонію присоединить къ Пруссіи; но это могло случиться, разумѣется, только при сведеніи счетовъ послѣ пораженія Наполеона. Радзивиллъ предлагалъ другое: поляки поднимаются по внушенію Наполеона, который манитъ ихъ независимостію; надобно возбудить между ними востаніе противоположное, противъ Наполеона, обѣщая имъ независимость со стороны Пруссіи и Россіи. Король прусскій долженъ былъ принять титулъ короля Великой Польши, императоръ русскій титулъ короля литовскаго, великаго герцога подольскаго и волынскаго; оба государя должны устроить польскіе легіоны и тѣмъ отвлечь поляковъ отъ Франціи; князь Радзивиллъ хотѣлъ самъ стать въ челѣ прусско-польскихъ легіоновъ. Король былъ согласенъ на проектъ Радзивилла, который сбирался въ маѣ мѣсяцѣ ѣхать въ Вѣну черезъ Галицію, чтобъ по дорогѣ переговорить съ разными поляками.

Но что́ же главнокомандующій Беннигсенъ, какіе были его планы? Онъ о нихъ молчалъ, и напрасно императоръ Александръ предлагалъ ему произнести свое сужденіе о чужихъ планахъ, или начертать свой. Беннигсенъ упорно молчалъ; молчалъ и человѣкъ, пользовавшійся полною его довѣренностію, генералъ-квартирмейстеръ Штейнгейль, и вотъ образуется мнѣніе: генералъ Беннигсенъ человѣкъ лично храбрый и хладнокровный на полѣ

сраженія; но у него нѣтъ способностей главнокомандующаго; ему чужды великіе стратегическіе замыслы, притомъ же онъ человѣкъ болѣзненный. Рѣшеніе на счетъ справедливости этого приговора мы предоставляемъ спеціалистамъ, военнымъ историкамъ. Мы сообщимъ только результатъ своихъ наблюденій. Мы видимъ, что лучшіе генералы въ борьбѣ съ Наполеономъ имѣютъ одинъ планъ; они совѣтуютъ прежде всего не начинать съ нимъ войны; когда же война начата, стараются уклониться отъ рѣшительныхъ битвъ, отступаютъ; принужденные принять сраженіе, даже когда имъ удавалось сдѣлать исходъ его нерѣшительнымъ, они опять отступали, поставляя главнымъ средствомъ успѣха завлечь геніальнаго полководца въ положеніе для него новое, крайне затруднительное, воспользоваться особенными условіями мѣста и времени года, наконецъ задавить многочисленностію. Планъ—тяжкій для личнаго и народнаго самолюбія, но тѣмъ болѣе мы должны поставить его въ заслугу людямъ, которые имъ руководствовались. Мы видѣли поведеніе эрцгерцога Карла, поведеніе нашего Кутузова, его нежеланіе принять аустерлицкое сраженіе. На него пало обвиненіе, зачѣмъ онъ не настойчиво высказалъ это нежеланіе, зачѣмъ не отступилъ въ Венгрію и т. д. Генералъ, которому суждено было имѣть главное начальство надъ русскими войсками во второй борьбѣ съ Наполеономъ, хорошо воспользовался опытомъ прошлаго: онъ избѣгаетъ наступательныхъ движеній; принявши по неволѣ сраженіе, выдержавши рѣзню, онъ отступаетъ, онъ протягиваетъ время, затягиваетъ непріятеля; Наполеону теперь еще желательнѣе, чѣмъ въ 1805 году въ Моравіи, сразиться съ непріятелемъ, побѣдить его, кончить войну и съ торжествомъ возвратиться во Францію, которую нельзя оставлять на такое долгое время; Беннигсенъ твердо стоитъ на томъ, чтобъ не исполнять желаніе врага, не давать ему битвы. Планъ его ясенъ; зачѣмъ же Беннигсенъ молчитъ? Высказаться трудно; онъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ Кутузовъ въ Моравіи.

Нѣтъ ничего затруднительнѣе, какъ вести войну въ землѣ союзника, для поддержанія, спасенія котораго война и ведется. Народъ потерпѣлъ страшное пораженіе, земля его занята непріятелемъ самымъ безцеремоннымъ образомъ въ отношеніи къ побѣжденнымъ; но остается надежда избавленія: идетъ союзное войско! Чѣмъ сильнѣе страданія, тѣмъ сильнѣе желаніе избавиться отъ этихъ страданій какъ можно скорѣе; всѣ сгораютъ отъ нетерпѣнія, чтобъ союзное войско поспѣшнѣе сразилось съ непріятелемъ, побило его, выгнало изъ страны; въ этой болѣзненной

нетерпѣливости избавиться отъ бѣдствій, никто не разсуждаетъ, что борьба идетъ съ первымъ полководцемъ вѣка, что первая обязанность его противника быть Фабіемъ въ отношеніи къ новому Аннибалу. Медленность въ движеніяхъ, избѣганіе рѣшительныхъ битвъ, продолжая бѣдствія войны, страданія народа, вызываютъ вопли негодованія, проклятія противъ медленнаго полководца. Больной въ страшныхъ спазмахъ кричитъ, чтобъ лекарь какъ можно скорѣе далъ ему чего-нибудь, чтò бы сейчасъ же облегчило его страданія, а лекарь говоритъ, что такихъ средствъ нѣтъ, что надобно потерпѣть, припадокъ пройдетъ самъ собою, надобно дѣйствовать медленно и радикально противъ причины болѣзни; естественно противъ лекаря раздаются проклятія со стороны больного и людей къ нему близкихъ: чтò это за лекарь? нѣтъ у него средствъ прекратить немедленно страданія! Такіе же вопли раздавались противъ Беннигсена отъ болѣзненно нетерпѣливыхъ пруссаковъ. А тутъ еще новыя причины къ неудовольствіямъ. Продовольственная часть въ русскомъ войскѣ далеко не отличалась правильностію и безкорыстіемъ людей, ею завѣдывавшихъ; раздѣленія занятій не было; все зависѣло отъ главнокомандующаго, который былъ обремененъ несвойственными ему занятіями. Если голодные солдаты воспользуются случаемъ утолить свой голодъ на счетъ мѣстныхъ жителей, то отсюда новые вопли: «Союзники, вмѣсто помощи, разоряютъ землю! Москвитяне думаютъ объ одномъ, какъ-бы ѳпустошить страну и защитить себя этою пустынею. Если Австрія и Англія намъ не помогутъ, надобно хлопотать о мирѣ. Русскіе не избавятъ насъ отъ ига; предположимъ, что вмѣсто Беннигсена будетъ другой полководецъ, который будетъ послѣ своихъ побѣдъ ходить впередъ, а не назадъ, то мы все же получимъ отъ него не страну, а пустыню». Относительно безпорядковъ по части продовольственной обвиняли самого главнокомандующаго, по крайней мѣрѣ его жену, будто бы бравшую богатые подарки; мы не имѣемъ теперь средствъ ни принять, ни отвергнуть этого обвиненія; но легко понять, какъ подобное мнѣніе вредило Беннигсену, тѣмъ болѣе, что личныя средства защиты были у него слабы: онъ не могъ быть популяренъ въ войскѣ, ибо не только носилъ иностранную фамилію, чтò нисколько не мѣшало бы ему быть истымъ русскимъ и популярнымъ между русскими, но онъ не владѣлъ русскимъ языкомъ, не могъ говорить съ солдатомъ. Говорятъ, что сознаніе этого безсилія своего, невозможности пріобрѣтенія популярности заставляло Беннигсена быть слабымъ относительно нарушенія дисциплины, чтò имѣло чрезвычайно вред-

ныя слѣдствія и не могло ни въ комъ поднять уваженія къ главнокомандующему, тѣмъ менѣе въ недавнихъ товарищахъ его, генералахъ, которые простили бы внезапное возвышеніе побѣдителю-полководцу, блистательно ведшему кампанію, но не хотѣли оказывать должнаго уваженія человѣку, отступавшему или державшему войско въ бездѣйствіи, скрытному и къ довершенію всего не-русскому. Вражда генераловъ къ Беннигсену достигла такой степени, что государь принужденъ былъ отправить къ войску Новосильцева для потушенія этихъ распрей; но этотъ самый пріѣздъ Новосильцева для того, чего Беннигсенъ самъ не могъ сдѣлать, не могло поднять значенія послѣдняго. Наконецъ, на Беннигсенѣ лежало пятно участія въ мрачномъ событіи, предшествовавшемъ воцаренію императора Александра. Жозефъ-де-Мэстръ писалъ по этому случаю: «внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что спаситель Европы не долженъ называться Беннигсеномъ».

Благодаря всему этому, императоръ Александръ, по пріѣздѣ своемъ въ Пруссію, находился въ самомъ затруднительномъ, печальномъ положеніи. Онъ велъ войну для избавленія союзнаго государства; но союзники не отходили отъ него съ жалобами, что обѣщаннаго избавленія нѣтъ, что война не ведется, что послѣ битвы при Эйлау, произведшей такое сильное впечатлѣніе, русская армія почти четыре мѣсяца стоитъ въ бездѣйствіи: какъ смѣлъ Беннигсенъ вызвать императора къ арміи, чтобъ сдѣлать его свидѣтелемъ такого позора? Государь обращается къ главнокомандующему: какой его планъ, когда же, наконецъ, и куда онъ двинется? Главнокомандующій молчитъ, не рѣшается сказать государю, требующему движенія впередъ, что его планъ состоитъ въ совершенно противномъ, что онъ не считаетъ возможнымъ дѣйствовать наступательно противъ Наполеона, а хочетъ выжидать, отступать, затягивать. Отсюда отношенія, которыя не могли повести ни къ чему хорошему. Императоръ Александръ былъ подозрителенъ, не любилъ людей хитрыхъ, скрытныхъ, и сейчасъ же заподозрилъ Беннигсена въ этихъ качествахъ, слѣдовательно, оттолкнулся отъ него; за подозрѣніемъ въ хитрости, естественно слѣдовало подозрѣніе въ неспособности, которую хотѣлось скрыть отнѣкиваніями и отмалчиваніями, и, конечно, не было недостатка въ людяхъ, которые утверждали государя въ этомъ мнѣніи; досада была тѣмъ сильнѣе, что надобно было признаться въ своей ошибкѣ: императоръ прежде имѣлъ высокое мнѣніе о способностяхъ Беннигсена. Но этого было мало. Беннигсенъ отговаривался отъ движенія, указывая на недостаточность продовольствія;

но вокругъ государя говорили, что Беннигсенъ самъ виноватъ въ этомъ. Государь взялъ у него продовольственную часть и поручилъ старику Попову, извѣстному своею дѣятельностію при Потемкинѣ. Это, разумѣется, оскорбило Беннигсена; оскорбляло его и то, что государь и по чисто-военнымъ дѣламъ больше обращался къ другимъ, чѣмъ къ нему. Беннигсенъ жаловался, что къ нему нѣтъ довѣрія, что ему связываютъ руки и прямо объявлялъ, что будетъ просить увольненія по причинѣ болѣзни,— болѣзни, дѣйствительно тяжкой.

Наконецъ, къ довершенію затрудненій, между русскими, и людьми, близкими къ государю, пріѣхавшими вмѣстѣ съ нимъ въ Пруссію, образовалась сильная партія, требовавшая мира, съ двумя оттѣнками: одни говорили, что нельзя изъ-за чужого, прусскаго интереса приносить такія жертвы людьми и деньгами; другіе признавали, что война начата въ общихъ европейскихъ, а слѣдовательно, и русскихъ интересахъ, но теперь нѣтъ средствъ продолжать ее. Главами этой партіи были такъ-называемые «неразлучные» (inséparables): Чарторыйскій, Новосильцевъ и Строгановъ. За войну сильнѣе всѣхъ стоялъ министръ иностранныхъ дѣлъ Будбергъ. Партія мира усилилась съ пріѣздомъ въ главную квартиру, по дорогѣ въ Вѣну, князя Александра Бор. Куракина, пользовавшагося особенною довѣренностію императрицы Маріи Ѳеодоровны. И желавшіе продолженія войны, и желавшіе мира, и Будбергъ и Чарторыйскій съ Новосильцевымъ, обратились къ Куракину съ просьбою убѣдить государя возвратиться въ Петербургъ или, по крайней мѣрѣ, утвердить свое пребываніе въ какомъ-нибудь близкомъ къ границамъ русскомъ городѣ. Но убѣжденія были напрасны: кромѣ живой природы, не допускавшей императора быть зрителемъ издалека важнѣйшихъ для него событій, кромѣ неудовлетворительнаго хода этихъ событій, чему государь считалъ своею обязанностію помогать непосредственно, у императора Александра была еще цѣль, которую онъ высказалъ Куракину: наблюдать за пруссаками. Потомъ Чарторыйскій и Новосильцевъ открыли Куракину свои взгляды на счетъ войны и мира: по ихъ мнѣнію, благопріятная минута для начатія переговоровъ съ Наполеономъ была пропущена: это послѣ битвы при Эйлау, когда онъ не получилъ еще подкрѣпленій, нуждался въ продовольствіи и былъ ошеломленъ стойкостію русскаго войска; они, Чарторыйскій и Новосильцевъ, представляли тогда объ этомъ императору на словахъ и на бумагѣ, но ихъ представленія не имѣли успѣха; они сильно желаютъ мира и не ждутъ ничего хорошаго отъ продолженія войны; они жалѣютъ, что у Россіи

такая тѣсная связь съ Пруссіею, и боятся, что отвѣтъ, ожидаемый изъ Вѣны, будетъ уклончивый, ибо тамъ увидятъ, что мы находимся подъ прусскимъ вліяніемъ, и наши требованія менѣе служатъ къ удовлетворенію нашихъ интересовъ, чѣмъ прусскихъ; если бы мы цѣною всѣхъ нашихъ пожертвованій достигли возстановленія Пруссіи во всей цѣлости, то никогда мы не можемъ положиться на продолжительную преданность Пруссіи: какъ только миръ будетъ заключенъ, она опять, по слабости и привычкѣ, подпадетъ подъ власть Франціи. Чарторыйскій и Новосильцевъ обратились даже къ Гарденбергу съ представленіями о необходимости мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Положеніе Гарденберга было крайне непріятное, потому что императоръ Александръ прямо запретилъ ему говорить о политикѣ съ Новосильцевымъ, а только съ однимъ Будбергомъ. Между послѣднимъ и Чарторыйскимъ была вражда: кромѣ разности во взглядахъ, Чарторыйскій питалъ естественное нерасположеніе къ человѣку, его замѣстившему въ завѣдываніи иностранными дѣлами, и Будбергу было непріятно, что эксъ-министръ все еще пользуется большимъ значеніемъ. Чарторыйскій и Будбергъ взаимно унижали другъ друга передъ Гарденбергомъ; Будбергъ твердилъ, что императоръ ни слова не говоритъ о политикѣ ни съ Новосильцевымъ, ни съ Чарторыйскимъ, и прибавлялъ, что у послѣдняго одно въ головѣ—возстановленіе Польши.

Во второй половинѣ мая начались значительныя военныя дѣйствія, въ которыхъ русскіе имѣли явный успѣхъ; но въ отзывахъ императора Александра выражалось раздраженіе противъ главнокомандующаго, мнѣніе, что трудно ожидать отъ него чего-нибудь важнаго. Императоръ объявилъ, что посмотритъ, какъ будетъ дѣйствовать Беннигсенъ, и если опять остановится, то будетъ смѣненъ генераломъ Эссеномъ 1-мъ, а между тѣмъ Куракинъ писалъ императрицѣ Маріи: «Не перестаю повторять, что, не теряя времени, надобно подумать о мѣрахъ, по обстоятельствамъ необходимыхъ для нашихъ истинныхъ интересовъ. Здѣсь одно желаніе у всѣхъ, желаніе мира. Новосильцевъ и Чарторыйскій продолжаютъ утверждать, что чѣмъ долѣе будутъ отлагать, тѣмъ менѣе миръ будетъ выгоденъ, и я думаю согласно съ ними. Пруссія продолжаетъ войну, потому что мы этого хотимъ и потому что она насъ боится. Пруссаки, министры и генералы, дипломаты и военные, единодушно желаютъ мира и кричатъ, что война опустошаетъ ихъ страну безъ всякой цѣли». Сказавши о послѣднихъ блестящихъ дѣйствіяхъ русскихъ войскъ, Куракинъ продолжаетъ: «по умѣренному счету мы уже потеряли до 30,000

людей, не пріобрѣтя никакихъ важныхъ выгодъ, и если бы даже мы одержали болѣе рѣшительную побѣду, то недостатокъ въ продовольствіи и трудность его пріобрѣсти помѣшаетъ намъ преслѣдовать непріятеля и двигаться далеко впередъ. Чтó я говорю, повторяется всѣми, повторяется военными, самыми опытными въ своемъ дѣлѣ. Какъ же не желать окончанія такой упорной и кровопролитной войны, которая можетъ увеличить затрудненія и жертвы всякаго рода и вести только къ потерямъ и бѣдствіямъ»? Неожиданный пріѣздъ великаго князя Константина Павловича еще болѣе усилилъ это мирное настроеніе. Между великимъ княземъ и Чарторыйскимъ съ одной стороны, и Будбергомъ съ другой былъ сильный споръ: Будбергъ горячо доказывалъ необходимость и возможность продолженія войны; говорилъ, что наша армія еще не разбита, что у насъ есть еще большая армія въ резервѣ, что мы можемъ положиться на вѣрность нашихъ польскихъ провинцій, и вообще императоръ можетъ разсчитывать на свой народъ. Чарторыйскій возражалъ, что Будбергъ сильно ошибается на счетъ нашихъ польскихъ подданныхъ, что они поднимутся противъ Россіи, какъ только Бонапартъ перейдетъ наши границы; а великій князь прибавилъ, что нѣтъ никакой большой арміи въ резервѣ, а только 35,000 человѣкъ; что у насъ нѣтъ ни оружія, ни припасовъ, ни денегъ, а что касается народа, то онъ знаменитъ храбростію и преданностію государямъ, но что онъ долженъ быть защищаемъ правильными военными силами, а самъ не можетъ сопротивляться побѣдоносной арміи, когда та нападетъ на него».

Между тѣмъ Чарторыйскій и Новосильцевъ опять обратились къ Гарденбергу, чтобъ онъ склонилъ императора и короля къ открытію мирныхъ переговоровъ съ Наполеономъ. Гарденбергъ отвѣчалъ, что каждый день ожидаются извѣстія отъ лондонскаго и вѣнскаго дворовъ, и когда эти извѣстія отнимутъ всякую надежду на поддержку, тогда только можно будетъ приступить къ мирнымъ переговорамъ. Гарденбергъ все ждалъ, что Австрія объявитъ себя противъ Франціи. По его словамъ, у него всегда былъ въ головѣ планъ нѣмецкаго союза, главами котораго съ равнымъ вполнѣ интересомъ были бы Австрія и Пруссія, одинаково сильныя, чтобъ поддерживать свою независимость и свои права противъ Россіи и Франціи; теперь, для оправданія своего плана, онъ ссылался и на то, что въ русскихъ отношеніяхъ большой безпорядокъ. Въ началѣ осени 1806 года, когда Пруссіи грозилъ разрывъ съ Франціею, берлинскій дворъ высказалъ вѣнскому желаніе, чтобъ австрійскія войска были сосредоточены въ

Богеміи и въ нужномъ случаѣ безъ потери времени соединились съ прусскимъ и саксонскимъ войсками, ибо Австрія и Пруссія фактически находятся въ тѣсномъ соединеніи, и паденіе одной влечетъ за собою неминуемо и паденіе другой. Въ Вѣнѣ, разумѣется, естественно рождался вопросъ, почему берлинскій дворъ не находилъ такой тѣсной связи между обоими государствами, когда недавно Пруссіи, для поддержанія Австріи, слѣдовало сдѣлать именно то, чего она теперь желаетъ отъ Австріи. По мнѣнію Стадіона, только страхъ заставлялъ Пруссію сближаться съ Австріею; чтобъ не нести одной всей тяжести войны и раздѣлить опасность или совершенно отклонить ее отъ себя, она желаетъ загородиться Саксоніею и Австріею. Рѣшили: признать принципъ взаимнаго охраненія, но этимъ и ограничиться, наблюдать осторожность въ выраженіяхъ, чтобъ въ нихъ не заключалось ничего болѣе, кромѣ надежды, чтобъ не было ничего похожаго на обѣщаніе; а императоръ Францъ наказывалъ Стадіону, чтобъ содержаніе депешъ, отсылаемыхъ въ Берлинъ, сдѣлать въ еще болѣе общихъ выраженіяхъ и менѣе обязательнымъ. Но въ Вѣнѣ хотѣли воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ начать вооруженія, не возбуждая противъ себя гнѣвъ Наполеона: когда онъ спроситъ, зачѣмъ идутъ вооруженія, отвѣчать, что хотятъ составить наблюдательный корпусъ противъ Пруссіи.

Наполеонъ, по обычаю, не хотѣлъ драться съ двумя врагами вдругъ, и по обычаю, закидалъ пестрыми рѣчами графа Меттерниха, австрійскаго посланника въ Парижѣ. «Я не хочу,—говорилъ онъ,—быть германскимъ императоромъ, я хочу только нѣкоторыя земли тѣснѣе соединить съ Франціею, что дѣлали и прежде французскіе короли и безъ чего Австрія и Пруссія прикарманили бы себѣ Германію. Я не хочу отъ васъ ничего болѣе, мы теперь будемъ жить мирно. Я знаю вашу армію: она такъ же хороша, какъ и моя, только деморализована. Мой солдатъ идетъ на битву съ увѣренностію въ побѣдѣ, а у васъ наоборотъ; вы можете бить пруссаковъ, русскихъ и турокъ, но никогда французовъ. Повѣрьте мнѣ, все требуетъ времени и вы нуждаетесь въ покоѣ. Новая коалиція подвергла бы Австрію большимъ опасностямъ; двѣ первыя имѣли религіозную цѣль: то была борьба религіи противъ невѣрія, монархіи противъ республики. Генуа не была причиною войны; зачѣмъ вы ничего не требовали? Хотите знать основанія прусскихъ вооруженій? Люквезини распространилъ слухъ, что я при переговорахъ съ Россіею поставилъ условіемъ возстановленіе Польши подъ властію Константина, а герцогъ Клевскій (Мюратъ) долженъ пріобрѣсть Вестфалію. И

вотъ прусскій король бросаетъ милліоны за окно, а я надъ этимъ смѣюсь. Константина посадить на польскій престолъ! Мысль объ европеизмѣ и здравая политика должны это отвергнуть. Къ чему тутъ русскіе? У меня 200,000 солдатъ въ Германіи; Пруссіи надобно четыре мѣсяца для окончанія своихъ вооруженій: я буду скорѣе въ Берлинѣ. Что прусская армія хочетъ драться — понятно, потому что она со мною еще не мѣрилась. Я хочу мира. Когда хотятъ создать флотъ, то нельзя драться на сушѣ; тратить 250 милліоновъ ежегодно на корабли, да еще держать 500,000 войска—дѣло неподходящее. А, если бы Англіи не было! Господь Богъ нашелъ Францію уже очень красивою и потому посадилъ ей шишку: эта шишка—Англія!» Талейранъ предлагалъ Меттерниху союзъ между Австріею и Франціею, предлагалъ забыть недавнее прошедшее и помнить, что лучшее время для Франціи и Австріи было то, когда онѣ были соединены тѣснѣйшимъ союзомъ. Но въ Вѣнѣ не хотѣли союза, т.-е. полнаго порабощенія; Стадіонъ твердилъ, что надобно пользоваться обстоятельствами и какъ можно скорѣе вооружаться: «каждый часъ дорогъ,—писалъ онъ,— и малѣйшее промедленіе въ такое важное время можетъ потомъ повести къ гибели монархіи». Относительно Россіи въ Вѣнѣ было рѣшено поступить точно такъ же, какъ и относительно Пруссіи; Стадіонъ предписывалъ австрійскому посланнику въ Петербургѣ говорить такъ, чтобъ не отнимать у Россіи надежду имѣть Австрію впослѣдствіи своею союзницею, но быть при этомъ крайне осторожнымъ, чтобъ не высказать чего-нибудь такого, чтó могло бы быть сочтено за обѣщаніе или обязательство.

Хотя въ Вѣнѣ не ожидали и не желали блестящихъ успѣховъ Пруссіи въ войнѣ, но вѣсть о совершенномъ погромѣ Пруссіи послѣ Іены и Ауерштедта страшно перепугала. «Такой же разгромъ грозитъ теперь всей Европѣ», писалъ Стадіонъ. Не знали, чтó дѣлать; императоръ Францъ спрашивалъ у всѣхъ мнѣнія. Разумѣется, нашлись люди, которые совѣтовали сдѣлать то, чтó въ старину дѣлали жители деревень при первомъ крикѣ нападающихъ разбойниковъ — лечь ничкомъ и не шевелиться, пока разбойники будутъ всѣмъ распоряжаться; нашлись люди, которые совѣтовали принять совершенно пассивную политику и прекратить вооруженія. Послѣдняго не исполнили, въ Богемію ввели войско, несмотря на запросы съ французской стороны, задаваемые вмѣстѣ съ требованіями союза. Такъ какъ война затягивалась вслѣдствіе участія въ ней Россіи, то Наполеону нужно было не только удержать Австрію въ нейтралитетѣ, но и вступить съ нею въ союзъ, чтобъ отнять у коалиціи всякую надежду

имѣть ее когда-либо на своей сторонѣ. Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, Ларошфуко, не требовалъ отъ Стадіона, чтобы Австрія соединила свои войска съ французскими, а только, чтобы былъ заключенъ договоръ, гдѣ бы стояло слово: «союзъ»—за это Австрія получитъ что-нибудь, а въ случаѣ отказа придется ей нехорошо: союзъ будетъ заключенъ между Франціею и Россіею. Угроза эта для Австріи соединялась съ двумя вопросами—польскимъ и восточнымъ. Въ Парижѣ толковали о возстановленіи Польши и называли будущимъ королемъ ея Іеронима, брата Наполеонова. Меттернихъ писалъ, что сообщаются статистическія свѣдѣнія по вопросу, будетъ ли Австрія достаточно вознаграждена Силезіею за уступку Галиціи. Императоръ Францъ боялся возстанія поляковъ въ Галиціи; боялся, что Наполеонъ убѣдитъ императора Александра сдѣлать противоположное тому, на что̀ Фридрихъ II-й уговорилъ Екатерину—отказаться отъ Польши и получить за это богатое вознагражденіе на счетъ Турціи; Францъ не вѣрилъ также и выходкѣ Наполеона на счетъ занятія польскаго престола русскимъ великимъ княземъ; боялся, что Наполеонъ согласится на это, чтобы только Россія не помогала Пруссіи. «Вообще, я боюсь,—писалъ Францъ,—что Франція и Россія, наконецъ, согласятся подѣлить между собою Европу, что̀ всего опаснѣе для насъ». Разрывъ между Россіею и Турціею, по интригамъ Франціи, страшно безпокоилъ вѣнскихъ государственныхъ людей; боялись успѣховъ Россіи въ Турціи, боялись, что Наполеонъ на помощь султану пошлетъ свои войска чрезъ австрійскія владѣнія. «Пламя войны, зажженное на Востокѣ, произведетъ пожаръ въ цѣлой Европѣ», писалъ Стадіонъ. И съ русской стороны не скрывали, что готовы на всякія соглашенія для изгнанія турокъ изъ Европы; что если Россія пріобрѣтетъ Молдавію и Валахію, то Австрія можетъ пріобрѣсти Сербію, Боснію и турецкую Кроацію.

Въ Вѣнѣ чувствовали себя очень неловко, и господствующее мнѣніе было, что Россія покинетъ Пруссію и воспользуется случаемъ, чтобы удовлетворительно для себя рѣшить восточный вопросъ,—какъ вдругъ получается извѣстіе, что изъ Петербурга отправлено особое лицо для переговоровъ съ австрійскимъ правительствомъ, лицо, хорошо извѣстное въ Вѣнѣ: то̀ былъ Поццо-ди-Борго, корсиканецъ, одинъ изъ главъ національной партіи на островѣ, ведшей ожесточенную борьбу съ французами и ихъ приверженцами, къ которымъ принадлежали Бонапарты; при торжествѣ національной партіи, Бонапарты были изгнаны; но когда французы овладѣли островомъ, то пришла

очередь Поццо покинуть отечество; онъ пріютился сначала въ Англіи, потомъ, въ 1804 году, вступилъ въ русскую службу, удержавъ изъ своего прошлаго заклятую ненависть къ Бонапартамъ. Легко было догадаться, съ какими предложеніями могъ явиться полковникъ русской службы Поццо-ди-Борго въ концѣ 1806 года. Онъ передалъ императору Францу письмо отъ императора Александра: «Какъ бы ни была велика увѣренность русскаго государя въ своихъ собственныхъ средствахъ для поддержанія своихъ правъ, не можетъ онъ однако, при настоящихъ обстоятельствахъ, надѣяться одинъ спасти Европу отъ удручающихъ ее золъ. У государя австрійскаго въ распоряженіи значительныя силы и выгодное положеніе: судьба міра будетъ зависѣть бо́льшею частію отъ его рѣшенія. Война, которую французы ведутъ въ Польшѣ, направлена одинаково и противъ безопасности австрійскихъ владѣній. Какой государь болѣе императора австрійскаго испыталъ лживость французскихъ обѣщаній? Если онъ теперь рѣшится вступить въ войну, то императоръ всероссійскій не положитъ оружія до тѣхъ поръ, пока не достигнетъ всего того, что̀ необходимо для будущей безопасности обоихъ государствъ». Хорошо знали, что главнымъ противникомъ войны противъ Наполеона будетъ эрцгерцогъ Карлъ, и онъ получилъ лестное письмо отъ русскаго императора: «однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ побѣдѣ императоръ считаетъ содѣйствіе и великіе таланты эрцгерцога, который въ предстоящей борьбѣ, конечно, увидитъ случай пріобрѣсти славу, подобную которой не знаетъ исторія». Начались переговоры съ Поццо; англійскій посланникъ, при нихъ присутствовавшій, спѣшилъ отстранить главное препятствіе соглашенію между Россіею и Австріею, поручившись, что Россія, пока находится въ союзѣ съ Англіею, не пріобрѣтетъ ничего изъ турецкихъ областей. Несмотря на то, переговоры не повели ни къ чему; и письмо къ эрцгерцогу Карлу не помогло: по прежнему высказался онъ сильно за мирную политику, и рѣшили соблюдать нейтралитетъ, но ни у Франціи, ни у Россіи не отнимать надежды на будущее: «Австрія,— объявилъ Стадіонъ Поццо,—основываетъ свою систему не на общихъ положеніяхъ относительно критическаго состоянія Европы, но на точномъ и хладнокровномъ разсчетѣ своихъ собственныхъ отношеній. Россія сама затруднила рѣшеніе Австріи въ пользу коалиціи своимъ поведеніемъ относительно Каттаро и военнымъ движеніемъ противъ Порты; Австрія не можетъ принять предложенія императора Александра, не ставя на карту существованія монархіи». Отдѣлались и отъ французскаго союза. Наполеонъ

предоставилъ Австріи на выборъ—удержать за собою Галицію или промѣнять ее на Силезію. Такимъ образомъ, Силезія была употреблена такою же приманкою для Австріи, какъ Ганноверъ для Пруссіи. Но въ Австріи не пошли на удочку; Стадіонъ отвѣчалъ, что императору не угодно мѣняться владѣніями, и что Силезія, какъ страна, еще незавоеванная французами и неуступленная имъ никакимъ трактатомъ, не можетъ быть предметомъ переговоровъ.

Но отдѣлавшись отъ союза съ обѣими сторонами, не хотѣли оставаться въ страдательномъ положеніи, хотѣли пріобрѣсть даромъ важное значеніе посредниковъ, примирителей; принять это значеніе побуждала и боязнь: а что если воюющія стороны помирятся, и Австрія останется предметомъ непріязни для обѣихъ? Въ главную французскую квартиру отправился изъ Вѣны генералъ Винцентъ, который, въ самомъ концѣ 1806 года, нашелъ Наполеона въ Варшавѣ, и былъ закиданъ, по обычаю, пестрыми рѣчами: «зачѣмъ Австрія вооружается? На счетъ Польши могутъ быть покойны въ Вѣнѣ: желанія польскихъ вѣтрогоновъ исполнены не будутъ съ французской стороны. Съ Россіею надобно покончить и обезпечить независимость Порты, чему Австрія можетъ содѣйствовать, не впутываясь въ войну. Что касается Пруссіи, то судьба хотѣла, чтобъ императоръ французовъ уничтожилъ, противъ своего желанія, истинную союзницу турокъ и свою собственную союзницу противъ Россіи и Австріи. Съ Австріею онъ не прочь отъ союза, и рано или поздно союзъ будетъ». Когда Винцентъ упомянулъ о посредничествѣ, то Наполеонъ отвѣчалъ: «я этого не требую, но и не отвергаю; съ Пруссіею я уже началъ сношенія; съ Россіею я веду войну только изъ-за Порты; если въ Россіи захотятъ отстать отъ восточныхъ плановъ, то я ничего больше не потребую; затѣмъ будетъ слѣдовать миръ съ Англіею, которая также не можетъ смотрѣть равнодушно на занятіе Молдавіи русскими». Тутъ Винцентъ, не понявши, что Наполеонъ никакъ не хочетъ допустить, чтобы кто-нибудь взялъ что-нибудь у турокъ, проговорился очень некстати, что Австріи желательно имѣть свою долю въ добычѣ: «Австрійскій интересъ требуетъ,—сказалъ онъ,—не позволять Россіи овладѣть Бѣлградомъ и Оршовою, и если бы Австрія была обезпечена съ французской стороны, то заняла бы эти мѣста». Наполеонъ притворился, что не понялъ смысла словъ Винцента,—повернулъ этотъ смыслъ такъ, что Австрія хочетъ занять названные города только временно, для турокъ, и отвѣчалъ: «я ничего противъ этого не имѣю, если Австрія согласится напередъ

съ Портою; но во всякомъ случаѣ австрійцы должны явиться въ предѣлы Порты переодѣтые турками или сербами. Придетъ время, когда я, котораго представляютъ злѣйшимъ врагомъ Австріи, явлюсь передъ Вѣною съ 100,000 войска, чтобъ защищать Австрію противъ русскихъ».

Увидавши, какое чувствительное мѣсто составляетъ для Австріи восточный вопросъ, съ французской стороны тотчасъ воспользовались имъ, какъ ловушкою. Талейранъ предложилъ Винценту уладиться на счетъ восточныхъ дѣлъ, и изъ этого соглашенія разовьется союзъ, основанный на взаимныхъ интересахъ; только Франція и Австрія могутъ имѣть рѣшительный голосъ относительно судьбы Порты; Австрія, союзомъ своимъ съ Франціею, можетъ принудить Россію къ миру. Но въ Вѣнѣ упорно отвергали союзъ, настаивая по прежнему на посредничествѣ, тѣмъ болѣе, что изъ Петербурга приходили успокоительныя извѣстія на счетъ Турціи: Россія соглашалась заключить миръ съ Портою безъ всякихъ пріобрѣтеній; въ Петербургѣ принимали и мысль Стадіона о всеобщемъ конгрессѣ. Россія предлагала не трогать турецкихъ владѣній; но Наполеонъ изъ словъ Винцента догадался о желаніяхъ Австріи и предложилъ заключить договоръ, тайный или явный—все равно, въ которомъ бы постановлено было дѣлить Турцію или оставить ее въ цѣлости. Но и эта приманка не помогла. Стадіонъ говорилъ императору Францу, что вступить въ союзъ съ Франціею при настоящихъ обстоятельствахъ, отдѣлиться отъ остальной Европы, вступить въ дружбу съ Наполеономъ и способствовать, къ собственному вреду, укрѣпленію перемѣнъ, произведенныхъ съ пресбургскаго мира въ Италіи и Германіи, принять участіе въ войнѣ и биться противъ собственныхъ интересовъ, было бы, въ его глазахъ, величайшимъ несчастіемъ. Въ Вѣнѣ постоянно ставился вопросъ: кто опаснѣе для Австріи: Наполеонъ или Россія? На этотъ вопросъ Стадіонъ отвѣчалъ: «настоящія отношенія Франціи къ Австріи сокрушаютъ наши государственныя силы, отнимаютъ независимость у нашей политики, высасываютъ всѣ средства администраціи; уже и теперь это—настоящее порабощеніе; что же будетъ, когда военнымъ счастіемъ такія отношенія утвердятся навсегда? Ничего подобнаго нѣтъ въ отношеніяхъ къ Россіи, импонирующей извнѣ своею массою, передъ которою мы никогда не будемъ въ равенствѣ. При военномъ счастіи, по географическому положенію Россіи, ея вліяніе на западную Европу никогда не можетъ превратиться въ господство, какимъ пользуется теперь Франція, и Россія всегда будетъ принуждена дѣлить вліяніе съ нами. Наша

настоящая слабость передъ Россіею происходитъ большею частію отъ гнета, уничтожающаго всѣ наши государственныя силы, и какъ скоро мы избавимся отъ политическаго ига Франціи, то это дастъ намъ въ будущемъ силы выставлять надлежащее сопротивленіе и русскому преобладанію. Нельзя отрицать, что внѣшнія обстоятельства съ послѣдняго ноября чрезвычайно выгодны для Австріи. Все, чего мы желали, случилось. Двѣ великія силы Европы борются другъ съ другомъ и взаимно себя ослабляютъ. Война удалилась отъ нашихъ предѣловъ, у насъ пятью мѣсяцами болѣе времени для возстановленія своихъ силъ. Если мы теперь этимъ не воспользуемся, то мы пропадемъ, и по своей винѣ пропадемъ». Какъ въ недавнія времена, при Кобенцлѣ, воинственному министру иностранныхъ дѣлъ возражалъ миролюбивый полководецъ, тотъ же эрцгерцогъ Карлъ: «Войска собраны,—писалъ онъ,—но находятся далеко не въ удовлетворительномъ состояніи, многаго недостаетъ, все еще молодо, въ зародышѣ. Новая выставка военныхъ австрійскихъ силъ безъ соглашенія съ Наполеономъ есть объявленіе войны. Наполеона обмануть нельзя». Голосъ полководца пересилилъ голосъ министра. Стадіону оставалось одно посредничество, и 1-го апрѣля (н. с.) Австрія предложила его обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Наполеонъ принялъ предложеніе, съ условіемъ шестимѣсячнаго перемирія, и чтобы прежде всего было упомянуто о цѣлости Порты. Для каждаго было ясно, что Наполеону нужно было побывать во Франціи и приготовить громадныя средства для борьбы, чтобы рѣшить ее поскорѣе въ свою пользу, и для этого онъ требовалъ шестимѣсячнаго перемирія. Будбергъ отвѣчалъ, что Россія согласна на австрійское предложеніе, если вѣнскій дворъ представитъ съ французской стороны основанія для мира, могущія успокоить на счетъ успѣшнаго окончанія переговоровъ. Въ томъ же смыслѣ былъ и прусскій отвѣтъ. Надежда на блестящую роль примирительницы исчезла для Австріи, а между тѣмъ приходили страшныя вѣсти, что воюющія стороны хотятъ заключить миръ и безъ нея. Въ Вѣнѣ засуетились, начались толки, переговоры о приступленіи къ коалиціи; рѣшили отправить Штуттергейма въ русскую главную квартиру, чтобъ поддержать сторонниковъ войны, отклонить отдѣльный миръ; а между тѣмъ громко раздавался голосъ австрійской Кассандры, эрцгерцога Карла: «Какъ только вы вступите въ войну съ Франціею, армія непремѣнно потерпитъ пораженіе и государство будетъ разрушено!» Въ Вѣнѣ продолжали суетиться, Штуттергеймъ не уѣзжалъ...

Австрія была неисправима въ своемъ отставаніи,—ея нельзя

было дожидаться; Англія, въ которой прежде такъ смѣялись надъ отставаніемъ Австріи, послѣдовала ея примѣру. Знаменитыхъ соперниковъ, Питта и Фокса—болѣе не было, и шла борьба между ихъ партіями, которая мѣшала заняться какъ должно европейскими дѣлами. Коалиція не существовала; императоръ Александръ одинъ на развалинахъ Пруссіи долженъ былъ вести борьбу съ Наполеономъ, осаждаемый людьми, самыми близкими, которымъ онъ привыкъ довѣрять, и эти люди твердили о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; главнокомандующій былъ того же мнѣнія,—если двигался, то двигался по-неволѣ; военныя дѣйствія возобновились, и съ успѣхомъ; но, послѣ успѣховъ, Беннигсенъ по-прежнему отступаетъ, что̀ раздражаетъ и приводитъ въ отчаяніе пруссаковъ, которые приступаютъ съ жалобами къ императору. То же самое роковое положеніе, какое было и передъ Аустерлицемъ! Когда пришла вѣсть, что Беннигсенъ отступилъ послѣ удачнаго для него сраженія подъ Гейльсбергомъ, Гарденбергъ приступаетъ къ императору съ представленіями, что въ арміи у него интриги въ пользу мира, что братъ его, цесаревичъ, во главѣ мирной партіи. Александръ съ жаромъ отвѣчаетъ, что относительно великаго князя—все неправда, и что всѣ старанія помѣшать достиженію цѣли—поведутъ только къ противоположному. Въ армію отправленъ былъ Поповъ съ полномочіемъ отнять у Беннигсена главное начальство и передать его генералу Эссену, если Беннигсенъ не двинется впередъ. Наконецъ, 2-го іюня Александръ былъ выведенъ изъ невыносимаго положенія, хотя лекарство было такъ же тяжко, какъ и болѣзнь: 2-го іюня больной Беннигсенъ потерпѣлъ пораженіе подъ Фридландомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что императоръ Александръ имѣлъ въ виду миръ въ случаѣ неблагопріятнаго исхода рѣшительной битвы, и потому немедленно согласился на представленіе Беннигсена о необходимости перемирія, вслѣдствіе печальнаго состоянія арміи, немедленно согласился и на предложеніе Наполеона—начать тотчасъ же переговоры о мирѣ. Война должна была продолжаться только въ томъ случаѣ, если бы Наполеонъ потребовалъ тяжелыхъ условій для Россіи и слишкомъ тяжелыхъ для Пруссіи. Война, разумѣется, могла продолжаться не иначе, какъ она велась послѣ въ 1812 году: русскія войска должны были перейти свои границы, отступать внутрь страны, не давая битвъ и завлекая непріятеля все далѣе и далѣе. Конечно, естественно придти къ мысли, что дѣло должно было увѣнчаться успѣхомъ, какъ увѣнчалось имъ послѣ, и, слѣдовательно, Европа выиграла бы шесть лѣтъ. Но историкъ не можетъ разсуждать такимъ образомъ. Каж-

дое дѣло постепенно развивается, зрѣетъ и достигаетъ полнаго развитія, зрѣлости тогда только, когда соединяются всѣ благопріятныя для того условія. Въ 1807 году война велась, во-первыхъ, изъ-за Пруссіи, чтобъ не дать этому государству исчезнуть съ карты Европы и не сблизить русскія границы съ границами Наполеоновой имперіи; во-вторыхъ, вслѣдствіе поднятія самыхъ важныхъ для Россіи вопросовъ—польскаго и восточнаго: нельзя было позволить Наполеону распорядиться Польшею и хозяйничать въ Константинополѣ. Перенесеніе войны въ русскіе предѣлы не имѣло смысла относительно Пруссіи, ибо тогда она подпадала окончательно владычеству Наполеона, и Фридрихъ-Вильгельмъ долженъ былъ бы переѣхать въ Россію; точно также должно было бы оставить на произволъ Наполеона и Польшу; что же касается Турціи, то возможно ли было вести войну на Дунаѣ, имѣя непріятеля во внутреннихъ русскихъ областяхъ? Наконецъ, вспомнимъ, что около Александра была сильна партія мира, которая твердила, что нельзя вести такую кровопролитную и разорительную войну изъ-за чужихъ государствъ: что̀ же было бы, еслибъ оставалась та же видимая причина войны, а война эта переносилась въ русскіе предѣлы? Такимъ образомъ, перенесеніе войны внутрь Россіи въ 1807 году было немыслимо, исключая одинъ случай:—если бы Наполеонъ предложилъ тяжелыя мирныя условія. Но понятно, что Наполеонъ никогда не могъ позволить себѣ предложить подобныя условія Александру и затянуть войну въ безконечность переводомъ ея на русскую почву. Наполеонъ съ восторгомъ схватился за русское предложеніе перемирія и потребовалъ немедленныхъ мирныхъ переговоровъ. Ему представился теперь желанный случай не только заключить миръ, но и союзъ съ Россіею. До сихъ поръ, при всякомъ своемъ захватѣ, насиліи, онъ встрѣчалъ протестъ со стороны Россіи, которая служила опорою для всякаго, кто былъ обиженъ и хотѣлъ защищаться отъ Наполеона; Россія подразумѣвалась во главѣ всякой коалиціи противъ Наполеона, всякаго сопротивленія ему; привлечь Россію на свою сторону, значило для Наполеона—развязать себѣ руки относительно исполненія всѣхъ замысловъ, всѣхъ распоряженій въ Европѣ,—сломить всякое сопротивленіе, ибо кто могъ возстать противъ него безъ Россіи.

Вотъ почему Наполеонъ принялъ съ необыкновенною ласкою и радушіемъ генерала князя Лобанова-Ростовскаго, отправленнаго къ нему императоромъ Александромъ для предварительныхъ переговоровъ. Онъ продержалъ его болѣе пяти часовъ, говоря безъ умолку съ необыкновенною живостью и веселостью; пригла-

силъ обѣдать, пилъ здоровье императора Александра, превозносилъ его похвалами, клялся, что всегда его уважалъ, всегда желалъ его дружбы, а теперь желаетъ это доказать заключеніемъ съ нимъ союза, полезнаго для обѣихъ имперій и необходимаго для спокойствія Европы. Когда Наполеонъ такимъ образомъ выражалъ свое удовольствіе въ неумолкаемыхъ рѣчахъ передъ княземъ Лобановымъ, Александра удручала мысль, что онъ первый принужденъ былъ обратиться къ врагу съ мирными предложеніями; онъ старался передъ самимъ собою и передъ другими оправдать этотъ шагъ, и придумывалъ, какія могли быть честныя условія, на которыхъ слѣдовало помириться. Границы Россіи должны остаться нетронутыми, иначе миръ невозможенъ; но на рукахъ Пруссія; Наполеонъ въ полномъ правѣ, какъ завоеватель, требовать всевозможныхъ уступокъ съ этой стороны, и, чтобъ умѣрить эти требованія, надобно ему чѣмъ-нибудь заплатить съ русской стороны: союзомъ съ нимъ, разрывомъ съ его врагами; надобно уступить относительно восточнаго и польскаго вопросовъ. «Мы потеряли страшное количество офицеровъ и солдатъ,—говорилъ Александръ Куракину,—почти всѣ наши генералы, и именно лучшіе,—ранены или больны; въ арміи осталось пять-шесть генералъ-лейтенантовъ, не имѣющихъ ни опытности, ни военныхъ талантовъ. Мнѣ нельзя продолжать войну одному, безъ союзниковъ; Англія дурно вела себя съ самаго начала, и теперь даетъ ничего незначущія обѣщанія выставить 10—12,000 человѣкъ, не означая срока; субсидій обѣщаетъ не болѣе 2.200,000 фунтовъ въ годъ, и эта сумма должна быть раздѣлена между Россіею, Пруссіею и Австріею: этого слишкомъ мало. Думаю, что Франція не захочетъ ничего потребовать изъ русскихъ областей, а для возвращенія Пруссіи ея владѣній я предложу занятыя нашими войсками: Молдавію, Валахію и семь іоническихъ острововъ. Наконецъ, бываютъ обстоятельства, когда надобно думать преимущественно о самихъ себѣ, имѣть въ виду единственно благо государственное».

Александръ думалъ о мирѣ и его условіяхъ; Наполеонъ думалъ о союзѣ, для котораго готовъ былъ на уступки, еще болѣе готовъ былъ на всевозможныя обѣщанія: это ему ничего не стоило, ибо ему ничего не стоило ихъ неисполненіе. Но прельстить обѣщаніями, закидать пестрыми рѣчами, обмануть притворною искренностью, фальшивымъ добродушіемъ—всего легче было при личныхъ сношеніяхъ; прельщать такимъ образомъ пословъ уполномоченныхъ—не достигало цѣли: впечатлѣніе ослабѣвало, исчезало при передачѣ; притомъ эти люди имѣли инструкціи,

были подъ властью, могущею отвергнуть все, ими постановленное; другое дѣло, если бы можно было войти въ сношенія съ самимъ самодержцемъ, съ нимъ обо всемъ условиться одинъ-на-одинъ, — его прельстить! Всѣ самыя сильныя побужденія желать свиданія съ императоромъ Александромъ были на сторонѣ Наполеона; со стороны русскаго государя были также сильныя побужденія вести дѣло непосредственно съ Наполеономъ. При живости своей природы, Александръ былъ страстный охотникъ лично вести переговоры, имѣть непосредственныя сношенія съ государями, вліятельными министрами, направлять совѣщанія, уговаривать, улаживать; страсть усиливалась тѣмъ, что тутъ Александръ могъ твердо положиться на свои способности, могъ надѣяться выдти съ побѣдою; сюда присоединялась недовѣрчивость къ людямъ: въ одномъ подозрѣвалъ онъ недостатокъ надлежащихъ способностей; въ другомъ — нравственныхъ качествъ; въ третьемъ, при отсутствіи этихъ недостатковъ, — подозрѣвалъ какое-нибудь убѣжденіе, несогласовавшееся съ его собственнымъ и могшее повредить въ данномъ случаѣ. Послѣ Фридланда, имѣя при себѣ Будберга, Чарторыйскаго, Новосильцева, Александръ поручилъ важное дѣло веденія переговоровъ князю Лобанову, — къ общему удивленію, ибо въ наружности, пріемахъ и способностяхъ именно къ этому дѣлу у Лобанова никто не видалъ достаточныхъ условій для такого выбора. Но Будбергъ былъ горячій сторонникъ войны, отъявленный врагъ Наполеона, и потому уже не годился для примиренія съ Наполеономъ; что же касается Чарторыйскаго и Новосильцева, то мы видѣли, какое поведеніе позволяли они себѣ во время войны: они явно шли наперекоръ желанію императора, толками о необходимости мира, о невозможности продолжать войну; какъ люди приближенные къ государю, видные по своимъ способностямъ, они своими рѣчами производили сильное впечатлѣніе, смущали, отнимали духъ у военныхъ, — смущали, раздражали пруссаковъ. Конечно, Александръ не разсердился бы на нихъ, еслибъ они ему одному открыли свои мнѣнія, убѣждая къ миру: онъ привыкъ съ ними разсуждать и спорить обо всемъ; но они сдѣлали себя главами партіи и дали своимъ дѣйствіямъ характеръ интриги. И страсть ихъ къ миру была новостью, ибо прежде они были за борьбу съ Наполеономъ; другое дѣло — князь Куракинъ, который постоянно съ самаго начала былъ за миръ. Здѣсь, въ этомъ поведеніи Чарторыйскаго, Новосильцева и Строганова, заключается причина неудовольствія на нихъ Александра, вслѣдствіе чего потомъ «неразлучные» уже перестали имѣть при немъ прежнее значеніе; по неудовольствію на ихъ поведеніе до

Фридланда, Александръ не сдѣлалъ ихъ участниками переговоровъ съ Наполеономъ послѣ Фридланда, что, разумѣется, произвело въ нихъ неудовольствіе, а непринятіе Александромъ Наполеонова предложенія относительно возстановленія Польши окончательно отталкивало Чарторыйскаго и «неразлучныхъ» съ нимъ. Но неудовольствіе на Чарторыйскаго и Новосильцева, неимѣніе людей, которымъ можно было бы поручить веденіе переговоровъ при такихъ важныхъ, рѣшительныхъ обстоятельствахъ заставляли императора Александра сильно желать свиданія съ Наполеономъ, лично условиться съ нимъ о мирѣ, союзѣ; важно было принять къ свѣдѣнію и то, что промелькнетъ, какъ-будто невзначай, въ потокѣ пестрыхъ рѣчей. Такимъ образомъ, побужденія къ личному свиданію были чрезвычайно сильны у обоихъ императоровъ, и если одинъ предложилъ его, то другой долженъ былъ сейчасъ же съ радостью согласиться; кто предложилъ—рѣшить пока нельзя по разногласію свидѣтельствъ; но, скорѣе всего, предложилъ Наполеонъ, по характеру и положенію своему; первое движеніе принадлежитъ нападающему, а напасть хотѣлъ Наполеонъ—Александръ долженъ былъ защищаться. Какъ бы то ни было, желанное свиданіе произошло у Тильзита на плоту, построенномъ среди Нѣмана, раздѣлявшаго русскую армію отъ французской; потомъ это свиданіе повторилось, и переговоры о мирѣ и союзѣ кончились между двумя государями; князья: Куракинъ и Лобановъ—съ русской, и Талейранъ—съ французской стороны, только формально были уполномочены для веденія переговоровъ и заключенія договора. Этотъ знаменитый тильзитскій договоръ былъ ратификованъ 27-го іюня.

Цѣлью Наполеона было заключеніе не мира только, а союза съ Россіею; цѣлью Александра было, во-первыхъ, спасти сколько можно больше остатковъ прусскаго корабля, потерпѣвшаго страшное крушеніе, а во-вторыхъ, охранить русскіе интересы по вопросамъ польскому и восточному. Достиженіе первой цѣли было чрезвычайно трудно. Наполеонъ не могъ не понимать значенія Пруссіи въ Германіи. Чтобъ она не служила болѣе помѣхою для Франціи, необходимо было, если оставить ей существованіе, то самое ничтожное; дать же ей сколько-нибудь значительныя средства—значило создать въ ней для Франціи непримиримаго врага, который никогда не забудетъ прежняго значенія и употребитъ данныя ему средства для возвращенія этого значенія въ ущербъ Франціи; особенно было непріятно возстановлять Пруссію въ угоду русскому императору, ибо этимъ, естественно, поддерживалась и затягивалась тѣсная связь между Россіею и Пруссіею. Въ инте-

ресахъ Франціи было, чтобъ въ Германіи не существовало крупныхъ независимыхъ владѣній; ей нужно было прусскими землями увеличить германскія владѣнія, вполнѣ зависѣвшія отъ Франціи; на востокѣ, вблизи Россіи и Австріи, Наполеонъ хотѣлъ создать значительное государство, вполнѣ ему преданное: такимъ была Саксонія. Чтобъ имѣть въ своемъ распоряженіи прусскія земли, чтобъ императоръ Александръ отказался отъ заступничества за Пруссію, Наполеонъ предложилъ ему приманку: взять себѣ восточную Пруссію до Вислы; потомъ еще бо́льшую приманку: взять польскія области, принадлежавшія Пруссіи, и принять титулъ короля польскаго, иначе польскія области Пруссіи должны быть, вмѣсто нѣмецкихъ, отданы саксонскому королю, если нѣмецкія останутся за Пруссіею. Александръ не принялъ предложенія. Для улучшенія условій для Пруссіи, Александръ отказался отъ наслѣдства Екатерины II, княжества Іеверскаго, между Фрисландіею и Ольденбургомъ, въ пользу голландскаго короля; отказался, въ пользу Франціи, отъ Іоническихъ островóвъ и отъ Бокка-ди-Каттаро. Пруссія, сохранивъ свой составъ отъ Эльбы до Нѣмана, сохранила драгоцѣнное наслѣдство отъ Фридриха II, Силезію, которую Наполеонъ хотѣлъ-было присоединить, вмѣстѣ съ польскими областями, къ Саксоніи, и на престолъ этого значительнаго государства возвести своего брата Іеронима, а саксонскій король долженъ быть вознагражденъ Гессеномъ и прусскими владѣніями на лѣвомъ берегу Эльбы. Такое сосѣдство Іеронимовыхъ владѣній съ Россіею найдено препятствіемъ для сохраненія союза между двумя имперіями, и Наполеонъ призналъ за лучшее, чтобъ между ними была независимая Пруссія съ владѣніями отъ Эльбы до Нѣмана. Польскія области Пруссіи, подъ именемъ герцогства варшавскаго, отходили къ саксонскому королю, а для Іеронима Бонапарта изъ прусскихъ владѣній за Эльбою образовано было новое королевство подъ именемъ вестфальскаго. Такъ покончилъ императоръ Александръ прусскій вопросъ, и въ первой статьѣ тильзитскаго договора говорилось: «Императоръ Наполеонъ, изъ уваженія къ императору Всероссійскому и во изъявленіе своего искренняго желанія соединить обѣ націи узами довѣренности и непоколебимой дружбы, соглашается возвратить королю прусскому, союзнику Е. В. императора Всероссійскаго, всѣ завоеванныя страны, города и земли, ниже сего означенные». Король прусскій оставался союзникомъ русскаго императора,—такъ онъ названъ въ договорѣ. Для подкопанія этого союза, Наполеонъ настаивалъ, чтобъ Александръ присоединилъ къ Россіи кусокъ прусской земли, дѣйствительно

очень выгодный,—отъ устья Нѣмана къ границамъ Курляндіи съ гаванью Мемелемъ. Александръ не взялъ, но согласился взять изъ польскихъ земель, уже изъ доли короля саксонскаго, Бѣлостокскую область; при поднятіи польскаго вопроса, это пріобрѣтеніе могло имѣть значеніе; кромѣ того, императоръ могъ желать заставить молчать тѣхъ, которые говорили, что кровопролитная война велась даромъ, только изъ-за Пруссіи.

Въ связи съ прусскимъ вопросомъ—рѣшился польскій, также удовлетворительнѣе, чѣмъ сколько можно было надѣяться по обстоятельствамъ. Возстановленіе Польши въ интересахъ Наполеона было задержано, оставлено на первой ступени: часть польскихъ земель получила самостоятельное устройство, но подъ именемъ— не Польши, а герцогства Варшавскаго и должно было находиться подъ властью—не брата Наполеонова, но короля саксонскаго, и нѣкоторая часть польскихъ земель отошла къ Россіи. Относительно восточнаго вопроса было сдѣлано такое соглашеніе: если Турція не приметъ французскаго посредничества для примиренія съ Россіею или, принявъ его, не заключитъ мира въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то Франція соединится противъ нея съ Россіею, и обѣ договаривающіяся стороны согласятся на-счетъ средствъ—избавить отъ турецкаго ига и притѣсненій всѣ области оттоманской имперіи въ Европѣ, исключая города Константинополя и провинціи Румеліи.

С. Соловьевъ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ

ВЪ

ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ.

V *).

Новѣйшій періодъ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Въ тѣ отдаленныя отъ насъ годы, когда въ Россіи отсрочивались всякія реформы, а въ западныхъ государствахъ развитіе стало подвигаться впередъ, на нашихъ финансахъ оправдалось правило, что тамъ, гдѣ нѣтъ постепеннаго движенія впередъ, оказывается движеніе назадъ, что застой въ порядкахъ общественной жизни означаетъ разстройство ея отправленій. Въ предшествующей статьѣ мы изложили, въ связи съ постепенно увеличивавшейся отсталостью Россіи отъ прочихъ государствъ, и то критическое финансовое положеніе, въ которомъ оказалось государство послѣ крымской войны. Затѣмъ, нами представлены были финансовые результаты предпринятыхъ реформъ до кризиса 1866 г. и сдѣланы указанія на трудности, которыя встрѣчало государство въ пріисканіи капиталовъ для сооруженія желѣзныхъ дорогъ.

Если мы перейдемъ теперь отъ представленной нами неутѣшительной картины второй половины шестидесятыхъ годовъ къ первой половинѣ семидесятыхъ, какъ тому времени, которое предшествовало новому кризису, разразившемуся въ послѣднее время, то легко замѣтимъ, что экономическое состояніе государства въ этотъ, ме-

---

*) См. выше: сент. 804 стр.

нѣе чѣмъ десятилѣтній, періодъ времени значительно измѣнилось къ лучшему.

Россія, съ постепенно уменьшавшимися потерями при реализаціи капитала, успѣла въ періодъ 1866—1875 гг. найти средства для увеличенія сѣти своихъ желѣзныхъ дорогъ на 14,092 версты, израсходовавъ 789 мил. руб., для полученія которыхъ потребовался выпускъ акцій и облигацій на 971,4 мил. руб. Въ противоположность предшествовавшему періоду, выпускавшіяся съ правительственной гарантіей желѣзно-дорожныя бумаги находили безъ затрудненія покупателей по весьма высокимъ курсамъ. Тогда какъ еще въ началѣ 1868 г. наши 5% желѣзнодорожныя облигаціи котировались на берлинской биржѣ по 74 за сто, онѣ продавались въ 1872 году по 95, въ 1873 г. по 96, а въ 1874 г. по 99. На лондонской биржѣ наши консолидированныя облигаціи, стоявшія въ началѣ 1870 г. $83^{1}/_{2}$%, постепенно возвышались [1]), и затѣмъ до августа мѣсяца курсъ ихъ поднимаясь постоянно дошелъ до 105%.

Достиженіе столь высокихъ курсовъ доказываетъ довѣріе, которое желѣзныя дороги, основанныя при посредствѣ государственнаго кредита, успѣли пріобрѣсти въ этотъ періодъ времени на денежныхъ европейскихъ рынкахъ. Довѣріе къ государству вполнѣ оправдывалось тѣмъ, что съ 1866 г. Россія не являлась на иностранныхъ денежныхъ рынкахъ съ государственными займами для покрытія своихъ дефицитовъ, и что занимаемые на постройку желѣзныхъ дорогъ капиталы употреблялись раціональнѣе и производительнѣе, чѣмъ въ прошедшее время, такъ какъ построенныя съ 1865 года 14,092 версты дорогъ обошлись на 38% дешевле дорогъ, построенныхъ въ предшествовавшій періодъ.

Размѣнный фондъ, составлявшій въ 1866 г. 85,7 мил. р., къ 1875 г. увеличивается до 231,2 мил. руб.

Сообразно съ этими обстоятельствами, несмотря на то, что выпускъ кредитныхъ билетовъ съ 634,1 мил. руб., въ 1866 г., увеличился до 797,3 мил. руб. въ 1875 г., вексельный курсъ, этотъ непогрѣшимый барометръ состоянія нашего государственнаго кредита и международнаго торговаго баланса, постоянно улучшался до 1874 г., и средняя стоимость кредитнаго рубля въ

---

[1]) Курсъ облигацій котировался:

въ началѣ	1871 г.		по	85%
„	„ 1872 „		„	$91^{1}/_{2}$%
„	„ 1873 „		„	91%
„	„ 1874 „		„	97%

металлическихъ копѣйкахъ, разсчитанная по курсу на Лондонъ, составлявшая за 1867 г.—0,846, за 1868 г.—0,849, за 1869 г.—0,791, за 1870 г.—0,768, за 1871 г.—0,828, за 1872 г.—0,847, за 1873 г.—0,840, за 1874 г. достигла—0,881.

Курсъ государственныхъ фондовъ на внутреннихъ и иностранныхъ биржахъ достигаетъ при этомъ небывалыхъ со времени изгнанія банковыхъ вкладовъ размѣровъ. Шестипроцентная рента, въ началѣ 1867 г. котировавшаяся на с.-петербургской биржѣ около 92%, а къ концу года упавшая до $82^1/_2$%, постепенно возвышается и притомъ такъ значительно, что въ мартѣ 1876 года курсъ ея достигаетъ $122^1/_2$%. Пятипроцентные банковые билеты со средняго курса 1867 г. $77^1/_2$% повышаются и постоянно держатся въ первой половинѣ 1876 г. на 100%.

Производительность страны значительно усиливается, какъ можно убѣдиться въ этомъ изъ громаднаго, несоразмѣрнаго съ прошедшимъ, увеличенія вывоза и вообще оборотовъ нашей внѣшней торговли [1]).

Но, что всего важнѣе, преимущественно непроизводительный характеръ ввоза въ прошломъ времени постепенно сталъ измѣняться къ лучшему, и наша вывозная торговля, какъ это оправдаемъ ниже, также представила немаловажное улучшеніе.

Несмотря на усиленную потребность въ оборотныхъ капиталахъ, при столь громадномъ увеличеніи внѣшней торговли, за которымъ неизбѣжно должно было слѣдовать и возрастаніе внутренней и вообще всѣхъ сдѣлокъ, въ капиталахъ этихъ не ощущалось недостатка, такъ какъ почти повсемѣстно образовался кредитъ поземельный и коммерческій, для всѣхъ болѣе доступный, чѣмъ въ прошедшее время.

Размѣръ учета, во всѣхъ его видахъ, понижается значительно, и дороговизна денегъ и отсутствіе кредита не парализируютъ предпріятій, какъ было въ прошлое время, и учетъ векселей въ государственномъ банкѣ въ началѣ 1875 года достигаетъ неслыханной въ Россіи дешевизны $4^3/_4$%.

[1]) Средній вывозъ и привозъ товаровъ по европейской торговлѣ составляли:

			миллионовъ рублей вывозъ:	привозъ:
въ періодъ	1830—1833	г.	62,8	44,3
„	1840—1843	„	74,5	66,8
„	1850—1853	„	89,0	82,0
„	1860—1863	„	161,0	134,0
„	1869—1871	„	314,0	324,0
„	1871—1874	„	356,0	420,0
„	1875	„	411,0	498,0

Государственные доходы поступаютъ исправно и съ менѣе значительнымъ, чѣмъ въ прежнее время, обремененiемъ народа, какъ это доказываетъ постоянное пониженiе процента недоимокъ. Недоимки по казначейству, составлявшiя въ 1869 году 10% обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ, въ 1870 году возрастаютъ до 14,6%, затѣмъ понижаются въ 1871 году до 9,3%, въ 1872 году до 8,8%, въ 1873 году до 7,6%, въ 1874 году до 7,1% и, наконецъ, въ 1875 году до 5,5%.

Исправное поступленiе доходовъ тѣмъ замѣчательнѣе, что расходы съ 413 милл. руб. въ 1866 году возрастаютъ до 543 милл. руб. въ 1875 году. Несмотря на столь значительное увеличенiе расходовъ, и то преимущественно на реорганизацiю и перевооруженiе армiи и флота, на общественныя работы и поддержанiе промышленности, которыя, въ прежнее время, покрывались особыми позаимствованiями изъ кредитныхъ установленiй, оставался отъ обыкновенныхъ доходовъ еще излишекъ, составлявшiй въ 1874 году 14 мил., а въ 1875 году 33 мил. руб. (т.-е. почти 6% обыкновенныхъ доходовъ).

Если обратить вниманiе и на другiе признаки, которыми измѣряется благосостоянiе государства, какъ это укажемъ впослѣдствiи, при сравненiи процента смертности населенiя, числа браковъ и рожденiй и количества потребленiя извѣстныхъ предметовъ, то можно заключить, что Россiя на пути культурнаго прогресса замѣтно подвигалась впередъ.

Но вскорѣ разразился новый финансовый и экономическiй кризисъ, послѣдствiя котораго, усложненныя политическими тревогами и настоящей войной, мы переносимъ теперь. Не только государственный кредитъ, внѣшнiй и внутреннiй, значительно уменьшился, но и состоятельность государства уже въ настоящее время многими подвергается сомнѣнiю. Вексельный курсъ, несмотря на употребленiе размѣннаго фонда для поддержанiя его въ значительномъ размѣрѣ, опять понизился, и государственные фонды, и до начала военныхъ дѣйствiй, также упали въ цѣнѣ до размѣровъ, давно небывалыхъ. Въ деньгахъ недавно еще ощущался повсемѣстный недостатокъ, послѣдствiемъ чего было стѣсненiе всѣхъ денежныхъ оборотовъ и значительное, дѣйствующее самымъ вреднымъ образомъ на народное хозяйство, возвышенiе государственнымъ банкомъ учета до 10%. Со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на упадокъ кредита, уменьшенiе сбыта и заработковъ, вслѣдствiе чего потребленiе еще болѣе уменьшается, торговые обороты все болѣе и болѣе затрудняются и производительность подвергается застою.

Представивъ въ общихъ чертахъ картину упомянутыхъ нами періодовъ, приступимъ къ изслѣдованію причинъ, вызвавшихъ столь рѣзкіе переходы.

Разсматривая переходъ отъ стѣсненнаго финансоваго положенія второй половины шестидесятыхъ годовъ къ возбужденной дѣятельности семидесятыхъ и затѣмъ къ настоящему критическому положенію, необходимо,—на первыхъ порахъ ограничиться лишь главнѣйшими причинами, отъ которыхъ могли произойти эти явленія и устранить менѣе важные моменты. Равнымъ образомъ, необходимо покамѣсть оставить въ сторонѣ освобожденіе крестьянъ, такъ какъ оно хотя и служитъ фундаментомъ новаго строя народной жизни и формъ его производительности, но, тѣмъ не менѣе, не могло содѣйствовать появленію послѣдняго кризиса. Если обратить вниманіе также на то обстоятельство, что предвѣстники настоящаго кризиса начали проявляться до возникновенія политическихъ замѣшательствъ по восточному вопросу, то окажется, что переходъ къ болѣе выгодному, сравнительно съ предшествовавшимъ временемъ, положенію нашихъ финансовъ, нашей промышленности и торговли, государство совершало въ то именно время, когда шла усиленная постройка желѣзныхъ дорогъ; и что многія явленія настоящаго кризиса не только проявляются вслѣдствіе возникновенія политическихъ неблагопріятныхъ для нашего кредита компликацій, но совпадаютъ съ открытіемъ многихъ новыхъ линій, при одновременномъ пріостановленіи дальнѣйшей усиленной постройки желѣзныхъ дорогъ и выпуска бумагъ на таковыя.

Собранныя нами въ спеціальномъ трудѣ, предназначенномъ къ изданію въ скоромъ времени, исчисленія и таблицы представляютъ матеріалъ, который, надѣемся, доставитъ нашимъ ученымъ спеціалистамъ возможность сдѣлать основанныя на точныхъ данныхъ заключенія о вліяніи желѣзныхъ дорогъ на нашъ кредитъ, нашу производительность, потребленіе и торговлю. Здѣсь же, не входя въ подробное и всестороннее обсужденіе тѣхъ матеріаловъ, постараемся сдѣлать изъ нихъ нѣкоторые общіе выводы. Но, прежде чѣмъ приступимъ къ описанію вліянія, которое желѣзныя дороги имѣли на экономическое состояніе Россіи, мы должны представить нѣсколько цифръ, чтобы изобразить постепенность открытія у насъ желѣзныхъ дорогъ и образованія капиталовъ, употребленныхъ для ихъ сооруженія.

Къ 1 января 1857 г. въ Россіи, вмѣстѣ съ царствомъ польскимъ, находилось построенныхъ желѣзныхъ дорогъ всего 979 верстъ. Средняя стоимость постройки открытыхъ дорогъ составляла

на версту 122 тысячи руб. Затѣмъ, къ 1 января 1865 г. сѣть возросла до 3,566 верстъ, причемъ средняя стоимость постройки понизилась до 96 тысячъ руб. Въ послѣдующемъ же періодѣ 1866—1875 гг. сѣть увеличилась до 17,658 верстъ, т.-е. въ теченіи 10 лѣтъ построено 14,092 версты желѣзныхъ дорогъ.

Что постройка столь обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ не могла остаться безъ значительнаго вліянія на экономическое состояніе государства, это понятно въ общемъ смыслѣ и безъ статистическаго изслѣдованія. Но оцѣнить съ точностью, въ чемъ именно вліяніе это выразилось, представляется возможнымъ лишь послѣ весьма тщательнаго изслѣдованія, и прежде чѣмъ обратиться къ тому мы вынуждены указать на главнѣйшіе моменты, которые при этомъ необходимо имѣть въ виду.

Прежде всего, не подлежитъ сомнѣнію фактъ, что вообще желѣзныя дороги, уменьшая цѣнность перевозки, увеличиваютъ чистый доходъ производителей, а тѣмъ самымъ способствуютъ къ увеличенію производительности и поднятію цѣнъ на землю и трудъ, помогая такимъ образомъ распространенію благосостоянія.

Желѣзныя дороги, оказывая благотворное вліяніе на отдѣльныя мѣстности, непосредственно ими пользующіяся, могутъ однако, при разсмотрѣніи ихъ съ точки зрѣнія интересовъ цѣлаго государства, оказаться убыточными въ матеріальномъ отношеніи, именно тогда, когда оказываемыя ими услуги не возвращаютъ сдѣланныхъ государствомъ на ихъ построеніе затратъ, или если, вслѣдствіе мало развитаго движенія или дурной администраціи, расходы эксплуатаціи столь значительны, что стоимость перевозки по желѣзнымъ дорогамъ обходится сравнительно дороже, чѣмъ по другимъ путямъ сообщенія.

Особенно въ первое время послѣ открытія желѣзныхъ дорогъ, когда онѣ не успѣли еще создать себѣ достаточнаго движенія, чтобы за покрытіемъ расходовъ эксплуатаціи доставить чистый доходъ, достаточный для покрытія гарантированныхъ процентовъ отъ затраченнаго на постройку капитала, убытокъ, терпимый государствомъ, можетъ быть весьма чувствительнымъ. При томъ величина этого убытка не измѣряется исключительно суммою дефицита; если государство находится въ такомъ положеніи, что для него необходима затрата капиталовъ для поднятія и другихъ отраслей народной жизни, то къ убытку отъ неоплачивающихъ себя желѣзныхъ дорогъ необходимо причислить еще уменьшеніе кредито-способности государства вслѣдствіе затраты капиталовъ на оказавшуюся убыточною сѣть. Сверхъ сего, при оцѣнкѣ разсматриваемаго вліянія, чтобы не придти къ ошибоч-

нымъ выводамъ, необходимо обратить вниманіе не только на настоящіе результаты эксплуатаціи, но и на будущность. Будущность же всякой дороги зависитъ отъ многихъ условій, между которыми имѣютъ наибольшую важность: географическое положеніе дороги, связь ея съ другими дорогами по отношенію къ транзитному движенію; условія, въ которыхъ находятся мѣстности, прорѣзываемыя желѣзными дорогами относительно водяныхъ и другихъ грунтовыхъ сообщеній: плодородности почвы, степени заселенности, предпріимчивости населенія и п.

Но общія разсужденія о столь сложныхъ условіяхъ, особенно когда рѣчь идетъ, какъ у насъ, о построенной въ весьма короткій срокъ столь громадной сѣти желѣзныхъ дорогъ, затруднительны и вообще безъ приведенія многихъ подробныхъ разсчетовъ, для журнальныхъ статей недоступныхъ, мало убѣдительны. Конечныя цифры выводовъ нашихъ однако могутъ служить доказательствомъ громадности выгодъ, принесенныхъ странѣ желѣзными дорогами. Въ теченіи 10-ти-лѣтняго періода съ 1866 по 1875 годъ перевезено пассажировъ на одну версту разстоянія $18\frac{1}{2}$ милліардовъ, а грузовъ 1,644 милліардовъ пудовъ. Считая каждаго пассажира за 15 пудовъ окажется, что перевезено 1,923 милліардовъ пудоверстъ.

При перевозкѣ на лошадяхъ за эти 1,923 милліардовъ пудоверстъ слѣдовало бы заплатить, считая по 0,159 за пудоверсту (т.-е. менѣе $\frac{1}{6}$ копѣйки за одинъ пудъ, перевезенный на одну версту) 3,058 милл. руб., уплачено же желѣзнымъ дорогамъ всего 875 милл. руб. Слѣдовательно сбереженіе достигнутое на провозѣ составляетъ 2,183 милл. руб., т.-е. $2\frac{1}{4}$ раза болѣе израсходованнаго капитала на постройку желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ совершено исчисленное нами движеніе. Чтобы дать однако еще болѣе положительное представленіе о значеніи и дѣятельности нашихъ желѣзныхъ дорогъ, самымъ удобнымъ будетъ обратиться къ опытамъ, сдѣланнымъ въ другихъ государствахъ, сравнивая русскія желѣзныя дороги съ дорогами Германіи, Австро-Венгріи, Великобританіи, Франціи, Бельгіи и Сѣверо-Американскихъ Штатовъ [1]).

[1]) При сравненіи нами принята для Россіи цифра 15,506 верстъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для движенія въ 1874 г. и отчеты которыхъ имѣлись въ то время. Поти-тифлисская и финляндская дороги хотя и были открыты, но не могли быть приняты нами въ разсчетъ за неопубликованіемъ отчетовъ. Для выводовъ намъ служили оффиціальныя цифры, опубликованныя для Россіи, Австро-Венгріи, Германіи, Великобританіи, Сѣвероамериканскихъ Штатовъ за 1874 годъ, для Бельгіи за 1871 годъ, а для Франціи, къ сожалѣнію, только за 1869 годъ.

Сравнивая государства по длинѣ дорогъ, открытыхъ для движенія, мы находимъ, что:

	имѣли на 1000 кв. верстъ пространства					на которые затрачено капиталъ въ милл. р.
Россія	4.426	15.506	вер.	ж.	дор.	1.243
Австро-Венгрія	548	15.190	»	»	»	1.600
Германія.	475	23.290	»	»	»	2.216
Франція.	464	15.890	»	»	»	2.114
Великобританія.	277	24.670	»	»	»	4.269
Бельгія	26	2.815	»	»	»	299
Сѣверо-Американ. Штаты .	5.681	106.682	»	»	»	5.516

Такимъ образомъ, Россія обладаетъ сѣтью эксплуатируемыхъ желѣзныхъ дорогъ длиннѣе только Австро-Венгріи (за исключеніемъ, конечно, Бельгіи, которую, какъ государство слишкомъ малое по пространству и народонаселенію, не будемъ принимать въ сравненіе). Всѣ же прочія государства имѣютъ сѣть дорогъ длиннѣе Россіи; такъ, напр., протяженіе эксплуатируемой сѣти русскихъ дорогъ въ 1874 году составляло только 63% протяженія великобританскихъ дорогъ и всего $14^{1}/_{2}$% протяженія сѣвероамериканской сѣти. Между тѣмъ по пространству Россія въ 9 разъ почти болѣе приведенныхъ для сравненія европейскихъ государствъ, и только на $^{1}/_{4}$ имѣетъ менѣе пространства, чѣмъ Сѣверо-Американскіе Штаты. Капиталъ, затраченный на постройку эксплуатируемой сѣти въ Россіи, былъ меньше, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ, и составлялъ 78% капитала, употребленнаго на постройку дорогъ въ Австро-Венгріи, 29% Великобританіи и только 22% капитала, затраченнаго въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Обращаясь къ дѣятельности нашихъ дорогъ, сравнительно съ иностранными, и избѣгая обременять вниманіе читателя таблицами, которыя займутъ свое мѣсто въ нашемъ спеціальномъ трудѣ, мы приводимъ здѣсь только главнѣйшіе въ круглыхъ цифрахъ выводы:

		валового дохода		расхода эксплуат.	чистаго дохода	въ % затрач. на постройку капитала.
Россія . . .	имѣла	140	милл.	87	52	4,22%
Австро-Венгрія	»	132	»	70	62	3,88%
Германія . .	»	289	»	184	104	4,72%
Франція. . .	»	212	»	96	115	5,47%
Великобритан.	»	398	»	221	177	4,15%
Бельгія . . .	»	32	»	16	15	5,28%
Сѣв.-Ам.-Шт.	»	770	»	499	270	4,91%

Мы видимъ изъ этихъ цифръ далѣе, что валовой доходъ

эксплуатаціи русскихъ дорогъ былъ больше только дохода австро-венгерской сѣти и меньше, чѣмъ на дорогахъ всѣхъ другихъ государствахъ; сравнительно, наприм., съ Великобританіей онъ составлялъ только 33%.

Чистый доходъ отъ эксплуатаціи былъ меньше дохода во всѣхъ прочихъ государствахъ, и сравнительно съ Великобританіей составлялъ только 30%. Но если этотъ чистый доходъ выразить въ процентномъ отношеніи къ основному капиталу, то окажется, что Россія занимаетъ среднее мѣсто между Сѣверо-Американскими Штатами и Великобританіею, такъ что въ этомъ отношеніи русскія дороги стоятъ выше австро-венгерскихъ и великобританскихъ дорогъ.

Что касается движенія по желѣзнымъ дорогамъ, то мы находимъ, что перевезено:

	пассаж.	пудовъ товара	пудо-верстъ пассаж. и товарн. милліард.
въ Россіи. . . .	26 милл.	1,432 милл.	373
» Австро-Венгріи	42 »	2,406 »	289
» Германіи . . .	192 »	7,344 »	766
» Франціи . . .	113 »	2,684 »	500
» Великобританіи	477 »	11,498 »	874
» Бельгіи. . . .	28 »	1,370 »	73

Цифры эти показываютъ, что число пассажировъ, перевезенныхъ по всѣмъ русскимъ желѣзнымъ дорогамъ, было менѣе того же числа, перевезеннаго по бельгійской сѣти, а сравнительно съ Великобританіею оно составляло только 5% числа перевезенныхъ тамъ пассажировъ. Число же пудовъ отправленнаго по русскимъ дорогамъ товара лишь на незначительное количество превысило такое же число товара на бельгійскихъ дорогахъ, а сравнительно съ Великобританіей оно составляло всего 12%.

Относительно числа пассажиро-верстъ и пудо-верстъ (то-есть сложныхъ чиселъ, выражающихъ движеніе пассажирское и грузовое по вѣсу и числу верстъ) разницы между русскими дорогами и заграничными не такъ велики. Въ Россіи на одну версту длины дорогъ перевезено 24 милліона пудо-верстъ, между тѣмъ какъ въ Великобританіи перевезено 34 милл., въ Германіи — 33 милл., во Франціи — 31 милл., въ Бельгіи—26 милл. и въ Австро-Венгріи — 19 милл. Цифры эти показываютъ, что число пассажиро-верстъ и пудо-верстъ было больше въ Россіи, чѣмъ въ Австро-Венгріи, а сравнительно съ Великобританіею было меньше и составляло около 35%.

Приведенныя общія абсолютныя сравнительныя цифры не даютъ еще, однакожъ, полной картины о положеніи дорогъ въ

разныхъ странахъ. Чтобы представить болѣе нагляднымъ образомъ относительное значеніе какъ русскихъ, такъ и заграничныхъ дорогъ, необходимо вывесть цифровыя данныя, дающія возможность сдѣлать сравненіе, сколько на каждую версту эксплуатируемой въ каждомъ государствѣ сѣти приходится въ немъ квадратныхъ верстъ пространства, сколько жителей, сколько затраченнаго на постройку желѣзныхъ дорогъ капитала, сколько приходится дохода и какая оказывается дѣятельность въ пассажиро-верстахъ и пудо-верстахъ. Дѣлая такое сравненіе отношеній на одну версту эксплуатируемыхъ дорогъ, получаемъ слѣдующіе результаты:

	пространства кв. верстъ.	жителей тысячъ.	строительн. капитала въ въ 1000 руб.	валового сбора.	чистаго дохода въ тысячахъ руб.
въ Россіи.	285	4,7	80	9	3,4
» Австро-Венгріи .	36	2,4	105	8,7	4,1
» Германіи	20	1,8	95	12,4	4,5
» Франціи	29	2,3	133	13,3	7,3
» Великобританіи. .	11	1,3	173	16,1	7,2
» Бельгіи.	9	1,7	106	11,5	5,6
» Сѣв.-Ам. Штатахъ	53	0,4	51	7,2	2,5

Изъ такого сопоставленія оказывается, что если бы русскія желѣзныя дороги находились въ такомъ же отношеніи къ пространству государства, какъ дороги въ Бельгіи, то ихъ должно бы быть въ 32 разъ болѣе, чѣмъ было въ 1872 году, т.-е. сѣть должна бы простираться до 500,000 верстъ. Но даже сравнительно съ Австріею въ Россіи должно бы находиться въ 8 разъ больше дорогъ, чѣмъ въ настоящее время, сравнительно же съ Сѣверо-Американскими Штатами слишкомъ въ 5 разъ больше, и только прибрежные къ Тихому Океану штаты Сѣверной Америки находятся въ относительно менѣе благопріятномъ положеніи.

Если же взять отношеніе числа верстъ желѣзныхъ дорогъ къ числу народонаселенія и нормой при этомъ принять отношеніе, существующее въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, то окажется, что дорогъ въ Россіи должно быть въ 12 разъ болѣе, чѣмъ было ихъ въ 1874 г., т.-е. должно бы ихъ находиться свыше 186,000 верстъ, сравнительно же съ Австро-Венгріей и Франціею, находящихся въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, у насъ тѣмъ не менѣе должно бы быть около 30,000 верстъ или на половину больше имѣемаго нынѣ протяженія.

Эти цифры показываютъ, что весьма усиленное движеніе въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, проявившееся въ Россіи въ послѣднія 10 лѣтъ, не было преувеличено, а, напротивъ, вполнѣ соотвѣтствовало потребности государства въ желѣзныхъ дорогахъ,

потребности, которая, если судить абстрактно, т.-е. не принимая во вниманіе другихъ для Россіи не менѣе настоятельныхъ нуждъ и принять за норму самыя неблагопріятныя отношенія, существующія въ иностранныхъ государствахъ, не вполнѣ удовлетворена еще и въ настоящее время. Въ отношеніи затраты строительнаго капитала, русскія дороги дешевле дорогъ всѣхъ другихъ, показанныхъ въ таблицѣ, европейскихъ государствъ и стоимость ихъ постройки, сравнительно, напр., съ великобританскими дорогами, составляетъ всего 46%, съ французскими 60%, австро-венгерскими 76%, германскими 84%; между тѣмъ наши дороги относительно ихъ дѣятельности, выраженной въ милліонахъ пудо-верстъ и пассажиро-верстъ, перевезенныхъ на версту дороги, стоятъ выше австро-венгерскихъ и весьма близко подходятъ къ бельгійскимъ; даже сравнительно съ дорогами Великобританіи, дѣятельность русскихъ дорогъ достигаетъ 71%. Любопытно замѣтить, что отношеніе числа верстъ, пройденныхъ пассажирами, къ числу верстъ, пройденныхъ грузами во всѣхъ государствахъ, составляетъ около $^1/_{100}$, а именно:

Въ Англіи	0,0116
» Франціи	0,0104
» Россіи	0,0093
» Германіи	0,0088
» Австріи	0,0080
» Бельгіи	0,0076

Теперь, если сдѣлаемъ сравненіе отношенія основного капитала и длины дорогъ и числа перевезенныхъ пассажировъ и грузовъ въ разныхъ государствахъ на одного жителя, то должны будемъ придти къ заключенію, что относительно строительнаго капитала желѣзныхъ дорогъ, приходящагося на одного жителя, Россія занимаетъ послѣднее мѣсто, такъ какъ въ Россіи израсходовано 17 рублей, между тѣмъ какъ въ Австро-Венгріи 45 руб., въ Германіи 54 руб., во Франціи 58 руб., въ Бельгіи 61 руб., въ Великобританіи 133 руб., въ Сѣверо-Америк. Штатахъ 134 руб., изъ чего слѣдуетъ, что если бы на постройку дорогъ въ Россіи употреблена была сумма въ такомъ же пропорціональномъ отношеніи къ числу населенія, какъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, то эта сумма была бы въ 7,9 разъ болѣе той, какая употреблена на постройку дорогъ до 1874 года, т.-е. основной капиталъ желѣзныхъ дорогъ могъ бы составить 9819 милліоновъ рублей; а такъ какъ въ 1876 году средняя стоимость версты составляетъ (включая строющіяся дороги) 73,800 руб., то оказывается, что сумма эта была бы достаточна для постройки

133,000 верстъ. Что касается отношенія длины сѣти желѣзныхъ дорогъ къ числу населенія, то въ Россіи на одного жителя приходится длины желѣзно-дорожной сѣти менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ государствахъ; такъ, напримѣръ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ на жителя приходится въ 12 разъ больше сѣти, чѣмъ въ Россіи, въ Великобританіи нѣсколько менѣе 4 разъ, въ Германіи больше $2^1/_2$ раза, а во Франціи и Австріи 2 разъ.

Относительно движенія на русскихъ дорогахъ замѣчается, что оно сравнительно весьма слабое. Движеніе пассажировъ находится въ слѣдующемъ отношеніи: въ Англіи на одного жителя приходится почти 15 пассажировъ, въ Бельгіи 5,8, въ Германіи 4,7, во Франціи 3,2, въ Австро-Венгріи 1,2, въ Россіи же 0,3, т.-е. только 1 пассажиръ на 3 жителя. Относительно же товарнаго движенія оказывается, что между тѣмъ какъ въ Великобританіи на одного жителя приходится 360 пудовъ, въ Бельгіи 279, въ Германіи 178, во Франціи 74, въ Австро-Венгріи 67, въ Россіи приходится только 18 пудовъ. Такая громадная разница между числомъ пудовъ и вышеприведенными цифрами пудо-верстъ легко объяснится, если сравнить средній пробѣгъ пассажира и пуда груза въ разныхъ государствахъ.

Средній пробѣгъ пассажира и пуда товаровъ въ разныхъ государствахъ выражается слѣдующими цифрами верстъ:

Средній пробѣгъ:	Россія.	Австро-Венгрія.	Германія.	Франція.	Великобританія.	Бельгія.
Пассажира	114	44	28	35	15	19
Пуда товара.	209	97	82	142	55	44

Изъ этихъ цифръ видно, что средній пробѣгъ пассажира въ Россіи въ $7^1/_2$ разъ больше, чѣмъ въ Англіи, гдѣ большинство пассажировъ проѣзжаетъ лишь одну или двѣ станціи, между различными центрами. Пробѣгъ же пуда товара въ Россіи почти въ 4 раза значительнѣе англійскаго, въ полтора раза французскаго, въ два раза австрійскаго. Естественно, что большое вліяніе въ этомъ отношеніи оказываетъ и длина отдѣльныхъ дорогъ. Поэтому во Франціи, гдѣ, какъ извѣстно, почти вся сѣть дорогъ раздѣлена между 6-ю большими обществами, пробѣгъ пуда товара ближе всего подходитъ къ пробѣгу на русскихъ дорогахъ. Въ Германіи же, имѣющей много маленькихъ дорогъ, средній пробѣгъ товаровъ значительно меньше, чѣмъ во Франціи. Малый пробѣгъ въ Англіи объясняется тѣмъ, что главные предметы перевозки, металлы и каменный уголь, дѣйствительно пробѣгаютъ лишь небольшія пространства отъ рудниковъ къ портамъ.

Если пойдемъ далѣе и сдѣлаемъ сравненіе, сколько на одну квадратную версту поверхности государства приходится капитала, употребленнаго на постройку желѣзныхъ дорогъ, сколько пассажировъ и грузовъ по нимъ перевезенныхъ, то получимъ слѣдующіе результаты:

	Основнаго капитала рублей.	Пассажировъ.	Пудовъ, въ тысячахъ.
Россія	281	6	0,3
Австро-Венгрія	2919	77	4,4
Германія	4665	406	15,4
Франція	4556	245	5,8
Великобританія	15,411	1724	43,1
Бельгія	11,153	1088	52,7

Изъ этихъ цифръ видно, что отправленныхъ пассажировъ на версту приходилось въ Англіи въ 287 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи; число же пудовъ отправленнаго товара въ Бельгіи было болѣе въ 176 разъ, чѣмъ въ Россіи. Если, однакожъ, сравнить не числа пассажировъ и пудовъ, а числа пройденныхъ ими верстъ, то разницы окажутся далеко не такъ значительны, именно на 1 кв. версту придется пассажиро-верстъ въ Англіи въ 43 раза болѣе, чѣмъ въ Россіи, въ Бельгіи 28, въ Германіи 19, во Франціи 14, въ Австро-Венгріи 6. Пудо-верстъ же товара въ Бельгіи и въ Великобританіи въ 36 разъ, въ Германіи 19, во Франціи 13, Австро-Венгріи почти 7 разъ болѣе, чѣмъ въ Россіи. Вообще же сравненіе Россіи въ этомъ отношеніи съ другими государствами представляется для нея весьма неблагопріятнымъ, вслѣдствіе того, что она значительно обширнѣе каждаго изъ сравниваемыхъ государствъ и имѣетъ несравненно болѣе непроизводительнаго пространства.

Затѣмъ, сравненіе отношенія строительнаго капитала дорогъ, ихъ дохода и расхода къ 1.000 пудо-верстъ товаровъ и пассажировъ показываетъ слѣдующее:

	Строительный капиталъ.	Валовой сборъ.	Расходы эксплуатаціи.
		въ копѣйкахъ.	
Россія	333	37,4	23,5
Австро-Венгрія	552	45,3	24,2
Германія	289	37,7	24,1
Франція.	422	42,3	19,2
Великобританія	504	47	26,1
Бельгія	406	44,1	22,6

Изъ этихъ цифръ видно, что капиталъ, затраченный на постройку для совершенія 1.000 пудо-верстъ, въ одной только Гер-

маніи ниже, чѣмъ въ Россіи; во всѣхъ же прочихъ государствахъ онъ выше, именно: въ Австріи онъ составляетъ 166% русскаго расхода, который составляетъ 115% подобнаго же расхода въ Германіи. Обстоятельство это показываетъ, что въ общемъ выводѣ затрата капиталовъ сдѣлана довольно производительно.

Сборъ съ 1.000 пудо-верстъ, который, какъ извѣстно, прямо пропорціоналенъ тарифамъ, въ Россіи *ниже*, чѣмъ во всѣхъ прочихъ государствахъ, и сравнительно съ Великобританіей онъ составляетъ 80%. Расходъ же на передвиженіе 1.000 пудовъ на версту, т.-е. собственно стоимость провоза по желѣзнымъ дорогамъ, только въ одной Франціи ниже, во всѣхъ прочихъ государствахъ выше, чѣмъ въ Россіи. Вообще же разница въ этомъ отношеніи, за исключеніемъ Франціи, малозначительна, такъ какъ она выражается цифрами 23,5 коп. въ Россіи, какъ низшій размѣръ и 26,1 к. въ Великобританіи, какъ высшій размѣръ.

Вышеприведенныя цифры показываютъ, что, сравнительно съ заграничными, русскія желѣзныя дороги отличаются:

1) низкою стоимостью постройки; 2) низкими тарифами; 3) низкими расходами эксплуатаціи въ отношеніи къ движенію; 4) малымъ протяженіемъ и слабо развитымъ движеніемъ относительно пространства и народонаселенія.

Послѣднимъ обстоятельствомъ и низкими тарифами на нашихъ дорогахъ, которые вызываются родомъ товара, составляющаго главные предметы перевозки и состоящаго преимущественно и почти исключительно изъ сырыхъ продуктовъ и незначительнаго пассажирскаго движенія—легко объяснить, что, несмотря на низкую стоимость постройки и низкіе расходы эксплуатаціи относительно движенія, тѣмъ не менѣе чистый доходъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ не въ состояніи покрыть сумму, необходимую на уплату процентовъ по $5^1/_{10}\%$ на основной капиталъ.

Но во всякомъ случаѣ сравненіе убѣждаетъ, что предстоящая нашимъ дорогамъ будущность, если принять во вниманіе недавность открытія значительнѣйшей ихъ части, не хуже, чѣмъ въ заграничныхъ государствахъ, и что затрата капитала, въ общей сложности, сдѣлана по крайней мѣрѣ столь же производительно, какъ и въ другихъ странахъ.

VI.

Въ сдѣланномъ сравненіи мы представили въ общихъ чертахъ отношеніе всей сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ къ иностраннымъ; но при громадныхъ пространствахъ, остающихся у насъ еще безъ желѣзныхъ дорогъ, вопросы, насколько правильно распредѣлены онѣ по государству и какія результаты даетъ каждая изъ нихъ, имѣютъ для насъ особый интересъ. Въ Россіи болѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, замѣчаются громадныя разницы между дорогами, проходящими по разнымъ мѣстностямъ, и даже между различными участками одной и той же дороги, относительно ихъ дѣятельности по причинѣ разнообразія въ плодородности почвы, плотности населенія и различій физическихъ и нравственныхъ качествъ жителей.

Оцѣнка величины затраченныхъ на постройку каждой изъ дорогъ капиталовъ также представляетъ немаловажныя затрудненія, такъ какъ не только отъ размѣра движенія на дорогѣ, но и отъ отношенія дѣятельности къ основному капиталу зависитъ окончательный выгодный или убыточный результатъ каждой дороги для народнаго хозяйства. При этомъ конечно необходимо имѣть въ виду, что почти на всѣхъ дорогахъ движеніе развивается постепенно и иногда для полнаго развитія требуетъ многихъ лѣтъ. Фактъ, опытомъ подтвержденный, что чѣмъ дороги старше, тѣмъ имѣютъ болѣе значительное движеніе. Обстоятельство это представляетъ у насъ важное уравновѣшивающее окончательные результаты вліяніе.

Обыкновенно въ каждомъ государствѣ, а особенно въ столь обширномъ, какъ Россія, прежде всего (не говоря о дорогахъ стратегическихъ, преслѣдующихъ другія цѣли) начинались строить желѣзныя дороги между самыми значительными центрами производства или потребленія, или въ мѣстностяхъ наиболѣе богатыхъ и производительныхъ, и засимъ только мало-по-малу сѣть распространяется и на мѣстности менѣе выгодныя, относительно ожидаемыхъ результатовъ эксплуатаціи.

По этимъ причинамъ можно утверждать почти съ достовѣрностію, что въ каждомъ государствѣ чѣмъ дорога старѣе, тѣмъ больше развито движеніе на ней, а за симъ значительнѣе и чистый доходъ, остающійся за покрытіемъ расходовъ эксплуатація. И дѣйствительно, бѣглый взглядъ на постепенность построенія сѣти нашихъ дорогъ и валового сбора показываетъ, насколько новыя дороги выручаютъ менѣе. Но за то для нашихъ, въ послѣднее

время открытыхъ для движенія, дорогъ представляется одно обстоятельство, весьма благопріятно для нихъ измѣняющее окончательные финансовые результаты.

Желѣзныя дороги, построенныя по 1869 годъ, по выгодному ихъ географическому положенію и развившемуся движенію, имѣютъ болѣе значительную выручку, чѣмъ послѣдующія; но за то цѣна ихъ постройки чрезмѣрно высока. Между тѣмъ новѣйшія дороги представляютъ, съ одной стороны, слабое движеніе, но за то съ другой—строительный ихъ капиталъ сравнительно ничтожный, такъ что отношеніе между основнымъ капиталомъ и количествомъ перевозокъ иногда уравновѣшивается.

За невозможностію помѣщенія цифръ и безъ того уже слишкомъ обильныхъ, обративъ вниманіе на условія, въ которыхъ находятся наши дороги относительно стоимости постройки и доходности, приступимъ теперь къ изслѣдованію ихъ вліянія на отдѣльныя мѣстности государства. Для этой цѣли составлены нами таблицы, показывающія затраченные капиталы на построеніе и дѣятельность каждой изъ дорогъ, раздѣленной на участки по губерніямъ, а за симъ отношенія всѣхъ дорогъ проходящихъ чрезъ каждую губернію къ пространству, народонаселенію, основнымъ капиталамъ и расходамъ провоза.

Таблицы эти по громадности размѣра не могутъ быть здѣсь приведены, и лишь самыя необходимѣйшія указанія мы въ состояніи здѣсь сдѣлать. Прежде всего разсмотримъ, въ какой мѣрѣ каждая изъ губерній, какъ единица административнаго дѣленія, пользовалась построенными желѣзными дорогами.

Въ разсматриваемомъ нами относительно эксплуатаціи 1874 г., изъ числа 60 губерній, составляющихъ европейскую Россію (съ царствомъ польскимъ, но безъ кавказскаго и закавказскаго края), слѣдующія 16 губерній лишены были вовсе желѣзныхъ дорогъ: архангельская, астраханская, вятская, казанская, калишская, калужская, люблинская, олонецкая, оренбургская, пензенская, пермская, плоцкая, радомская, самарская, симбирская и уфимская. Но вслѣдствіе построенныхъ и отчасти открытыхъ уже дорогъ: ряжско-вяземской, фастовской, уральской, оренбургской, моршанско-сызранской, ростово-владикавказской и привислянской—черезъ 8 изъ показанныхъ 16 губерній или уже проходятъ, или въ скоромъ времени будутъ проходить желѣзныя дороги. Такимъ образомъ, въ 1877 г. желѣзныхъ дорогъ не будетъ находиться лишь въ слѣдующихъ восьми губерніяхъ: архангельской, астраханской, вятской, казанской, калишской, олонецкой, радомской и уфимской.

По длинѣ эксплуатируемой сѣти, изъ числа 44 губерній, нынѣ имѣющихъ желѣзныя дороги, низшее мѣсто занимають кѣлецкая — съ 19-ю верстами, костромская съ 68 верст., нижегородская съ 72 верст. и сувалкская съ 80 верст., высшее же — земля войска донскаго, съ 882 верстами, херсонская съ 841 верст., тамбовская съ 652 верст., московская съ 591 верст. Но если область земли войска донскаго, которая наиболѣе богата рельсовыми путями, мы сравнимъ съ Бельгіею, то увидимъ, что на 26 т. кв. верстъ пространства Бельгія имѣетъ 2,815 верстъ желѣзныхъ дорогъ, а область войска донскаго на пространство въ 5¼ разъ бо́льшее (140 т. кв. верстъ) желѣзныхъ дорогъ имѣетъ въ 3¼ раза менѣе, именно всего 882 версты.

По основному капиталу, валовому доходу и расходу высшія суммы приходятся на московскую губернію. Ей же принадлежитъ первое мѣсто въ отношеніи чистаго дохода, необходимаго на уплату 5$^1/_{10}$ процента на основной капиталъ. По покрытіи расходовъ на эксплуатацію и уплатѣ 5$^1/_{10}$ процента на основной капиталъ, излишекъ дохода (чистая прибыль) оказывается только въ 11-ти губерніяхъ: въ московской 5490 тыс., рязанской 1990 тыс., новгородской 1240 тыс., владимірской 840 тыс., петроковской 600 тыс., тверской 500 тыс., нижегородской 410 тыс., кіевской 400 тыс., с.-петербургской 340 тыс., ярославской 210 тыс., и кѣлецкой всего 3 тысячи; а въ 33-хъ оказывается дефицитъ. Въ землѣ войска донского 2130 тыс. (или около $^1/_5$ части всѣхъ дефицитовъ), въ херсонской губерніи 1820 тыс., въ екатеринославской 1790 тыс., въ гродненской 1270 тыс., въ саратовской 1220 тыс., таврической 1160 тыс., тамбовской 1100 тыс. Въ прочихъ губерніяхъ съ дефицитомъ по уплатѣ процентовъ дефицитъ составлялъ менѣе 1 милліона рублей.

Дефицитъ, разсчитанный для всей нашей сѣти, составлялъ 10,9 милліоновъ рублей; онъ, разсчитанный по тому же способу для иностранныхъ государствъ, оказывается выше, чѣмъ въ Германіи (8,4 милл. р.) и Соединенныхъ Штатахъ (10,4 милл. р.), но ниже, чѣмъ въ Австро-Венгріи (19,5 милл. р.) и гораздо ниже, чѣмъ въ Великобританіи (38,5 милл. р.). Излишекъ же оказывается только въ Бельгіи (0,5 м. р.) и во Франціи (7,8 м. р.).

По числу перевезенныхъ пассажировъ (общее число въ 1874 г.—26 милл. чел.) наибольшее число приходится на петербургскую губернію (4 м.); за симъ на московскую (3,8 м.), варшавскую (1,5 м.), лифляндскую (1 м.), а по числу перевезенныхъ пудовъ (1432 милл. въ томъ же году) наибо́льшая доля, какъ по отправкѣ, такъ и по прибытію, приходится на московскую гу-

бернію (ею отправлено 152 милл. и принято 261 м. пуд.). Самое значительное количество перевезенныхъ пудовъ было затѣмъ еще въ слѣдующихъ губерніяхъ.

	отправленныхъ	прибывшихъ
	миллiонахъ	пудовъ.
Тамбовской	132	109
Рязанской.	95	73
Витебской.	82	94
Орловской.	72	59
Петроковской	70	57
Петербургской	58	94
Херсонской	44	68
Варшавской	41	63
Области войска донского	36	58

Можетъ быть, интересно сопоставить здѣсь цифры московской губерніи, какъ наиболѣе дѣятельной въ Россіи, съ цифрами для Бельгіи:

	Москов. губ.	Бельгія.
Пространство въ 1,000 вер. квадр.	29	26
Народонаселеніе въ милл.	1,8	4,9
Длина желѣзныхъ дорогъ, верстъ.	591	2815
Стоимость милл. руб..	67,1	299
Чистый доходъ отъ экспл. руб.	8,9	15,8
Число пассажировъ милл.	3,8	28,8
» пассажиро-верстъ милл.	468	448
» груза { отпр. милл.	152	1370
» груза { приб. »	261	—
» пудо-верстъ груза 100 милл.	30,5	60,3
» тарифн. пуд.	44,6	73,7

Итакъ, московская губернія отправила 3,8 милл. пассажировъ, которые проѣхали 468 милл. верстъ; а въ Бельгіи почти равное число верстъ проѣхали 28,3 милл. пассажировъ; эти цифры показываютъ, что движеніе пассажировъ въ сравниваемыхъ двухъ мѣстностяхъ имѣетъ совершенно различный характеръ.

Покажемъ теперь, какія данныя представляются тѣми же статистическими факторами, если разсматривать каждый изъ нихъ въ отношеніи къ одной средней верстѣ желѣзно-дорожной сѣти каждой губерніи. Основного капитала на версту приходится для всей имперіи 80,134 руб. кред.; но отдѣльно по губерніямъ отношеніе это такъ сильно измѣняется, что въ новгородской губерніи приходится 173,247 р. на версту, въ тверской 127 тыс., тульской 117 тыс., московской 113 тыс., псковской 104 тыс., с.-петербургской 100 тыс., а въ курляндской—всего 48,869 р. на версту. Доходъ на версту, средній по имперіи—9,037 р., но

въ московской губерніи онъ составлялъ 28,746 р., а въ вологодской—1.308 р. Колебанія поверстнаго расхода по губерніямъ также велики. Средній его размѣръ для всей сѣти въ 1874 г. былъ 5,658 руб., но въ московской губерніи онъ составлялъ 13.671 р., а въ вологодской 928 р. Чистый же доходъ, за покрытіемъ расходовъ эксплуатаціи (но не $5^1/_{10}$ процента на капиталъ), составилъ на версту въ среднемъ размѣрѣ 3,379 р. и заключался въ слѣдующихъ границахъ: отъ 15,775 р. (въ московской губерніи) до 248 р. (въ ковенской). Кромѣ того, въ 3-хъ губерніяхъ, а именно екатеринославской, таврической и курляндской оказался дефицитъ: отъ 112 до 543 р. на версту. Дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, то-есть число тарифныхъ пудо-верстъ, приходящееся на версту длину дороги, было высшее въ московской губерніи 77,3 милліон., низшее въ вологодской—896; средній размѣръ—24,1 милліон. пудо-верстъ.

Итакъ, наиболѣе значительныя цифры вообще представляетъ московская губернія. Но сравнимъ ихъ съ тѣми, какія оказываются для Великобританіи. Въ московской губерніи на версту длины дорогъ приходится 49 квадр. верстъ пространства, 31 тысячъ жителей, 113,6 тысячъ р. основного капитала, 28,7 т. р. поверстнаго дохода, 13,7 т. р. расхода, 15,0 чистаго дохода, 77,3, милліон. тарифныхъ пудовъ; въ Великобританіи соотвѣтствующія цифры въ томъ же порядкѣ: 11; 1,3; 173,0; 16,1; 8,9; 7,2; 34,0.

Теперь, укажемъ на нѣкоторыя цифры, за единицу сравненія принявши одну квадратную версту пространства губерній. Во всѣхъ 60 губерніяхъ на 1 кв. версту, среднимъ числомъ, приходится населенія 16,6 чел.; въ губерніяхъ же, имѣющихъ желѣзныя дороги,—24,6 чел., наибольшее количество приходится на варшавскую—74,1 жит., наименьшее на вологодскую—2,9 жит.

Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ въ среднемъ общемъ выводѣ приходится жителей 7 человѣкъ на 1 кв. версту и распредѣляются такимъ образомъ: 1 чел. въ Pacific States, 23 чел. въ New-England States, 32 чел. въ Middle-States.

Откуда слѣдуетъ, что въ общемъ выводѣ Россія имѣетъ населенія вдвое болѣе Сѣверной Америки и что средняя населенность 44 губерній, имѣющихъ желѣзныя дороги, подходитъ къ населенію New-England States, а между тѣмъ, какая разница въ длинѣ и доходности эксплуатируемыхъ въ нихъ желѣзныхъ дорогъ!

Длина эксплуатируемыхъ дорогъ на 1,000 квадр. верстъ пространства губерніи составляетъ въ среднемъ выводѣ 6,8 верстъ и

заключается въ границахъ отъ 0,3 версты для вологодской до 27,0 вер. для варшавской губерніи.

Основной капиталъ на 1 квадр. версту пространства 44 губерній, имѣющихъ дороги, составляетъ 548 руб., наименьшій 8 руб. (для вологодской) и наибольшій 2,294 руб. (для московской губерніи).

Число пассажировъ, отправленныхъ станціями внутри губерній, приходящееся на 1 кв. версту пространства 44 губерній, заключается въ границахъ 2 пасс. (для вологодской губерніи) и 1,317 пас. для московской губерніи. Число пудовъ, отправленныхъ станціями, было на 1 кв. версту высшее (въ петроковской губерніи) 6,512 пуд., низшее (въ вологодской губерніи) 0,96.

Число же пудовъ, прибывшихъ на станцію было: высшее (въ московской губерніи) 8,919 пуд., низшее (въ вологодской губерніи) 3,9.

Вообще, въ среднемъ выводѣ, число пудовъ, перевезенныхъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 1875 г., было 632 на 1 кв. версту пространства 44 губерній.

Чистый доходъ, по покрытіи $5^1/_{10}$% на основной капиталъ, оказался только въ 11-ти губерніяхъ; разсчитанный на 1 кв. версту, заключался въ границахъ: отъ $3,_{72}$ руб. (въ кѣлецкой губерніи) до $187,_{46}$ руб. (въ московской губерніи).

Въ 33-хъ же губерніяхъ оказывается дефицитъ: наибольшій $38,_{72}$ руб. (въ эстляндской губерніи) и наименьшій $0,_{28}$ руб. (въ вологодской губерніи). Вообще же дефицитъ для всей сѣти, разсчитанный на 1 кв. версту пространства 44-хъ губерній, составляетъ $4,_{85}$ рублей.

Не безъинтересно будетъ еще сопоставить цифры московской губерніи съ цифрами для Бельгіи, такъ какъ пространства ихъ приблизительно равны:

	Москов. губернія.	Бельгія.
Число 1,000 верстъ пространства	29	26
Число жителей на 1 кв. версту	62	188
Основной капиталъ на 1 кв. версту . . .	2,294	11,158
Пассажировъ » 1 » » . . .	132	1,088
Пудовъ тысячъ: по отправленіи	5,2	52,7
» прибытіи	8,9	

Цифры эти показываютъ, насколько еще наиболѣе дѣятельная и наиболѣе выгодно расположенная губернія Россіи отстаетъ отъ Бельгіи.

Далѣе, за единицу сравненія по губерніямъ мы приняли одну душу населенія каждой губерніи. Тогда окажется, что на

10,000 жителей, среднимъ числомъ, въ губерніяхъ, имѣвшихъ эксплуатируемыя дороги, приходится ихъ 2,8 верстъ; наиболѣе въ землѣ донскаго войска, именно 7,7 верстъ, и наименѣе въ кѣлецкой губ. 0,3 версты. Пассажировъ на 1.000 жителей 44-хъ губерній приходилось 442,—наиболѣе 2,195 въ с.-петербургской и наименѣе 37 въ костромской губерніи. По числу отправленныхъ пудовъ, приходящихся на 1 жителя, высшее мѣсто занимаетъ петроковская губернія, съ 99 пуд. на 1 жителя, низшее—вологодская, съ 1/3 пуда. По прибытію высшее мѣсто занимаетъ московская губернія, съ 145 пуд. на 1 жителя, низшее же—таврическая, съ 8/10 пуда.

Вообще число пудовъ, перевезенныхъ по желѣзнымъ дорогамъ, составляло въ 1874 г. 25,7 пуда на 1 жителя въ 44-хъ губерніяхъ, имѣвшихъ эксплуатируемыя дороги.

Основной капиталъ, затраченный на постройку дорогъ, составляетъ въ среднемъ выводѣ для 44 губерній 22 рубля на жителя. Въ эстляндской губерніи 57 р., въ донской области и новгородской губ. 56 р., витебской 44 р., с.-петербургской 42 р., московской 37 р. Самое значительное число поѣздовъ, отправленныхъ станціями каждаго жителя, было въ петроковской губ. (99), прибывшихъ же поѣздовъ въ московской губ. (144). Въ среднемъ выводѣ въ 44 губерніяхъ отправлено и прибыло 25,7 поѣздовъ на одного жителя. Сравнивая губерніи по числу совершённыхъ пудо-верстъ и затраченнымъ капиталамъ оказывается, что средній основной капиталъ, затраченный для возможности передвиженія 100,000 пудо-верстъ на русскихъ дорогахъ составляетъ 332 р. (въ таврической губ. 6881 р., въ псковской 1140 р., въ костромской 1071 р., въ рязанской же только 165 р., а въ московской 150 р.). Валовой доходъ эксплуатаціи на 1000 пудоверстъ, въ среднемъ выводѣ составлявшій 37,5 коп., былъ самый высшій въ костромской губ. (55 к.), а низшій въ смоленской губ. (28,7 к.). Валовой же расходъ, въ среднемъ выводѣ составлявшій 23,5 к., въ сувалкской губ. доходилъ до 13,5 к., а въ нижегородской составлялъ всего только 15,5 к. Въ 1874 году (принимая пассажира равнымъ 30 пудо-верстномъ, какъ это обыкновенно дѣлается) оказывается, что полученъ былъ доходъ за каждаго проѣхавшаго версту пассажира 1,13 к., а за каждый провезенный пудъ товара также на одну версту 1/26 к. Между тѣмъ расходъ составлялъ на пассажиро-версту 0,70, а на товаро-версту 1/43 к. Сравнивая цифры товарнаго движенія съ цифрами выведенными нами въ сочиненіи: «Русскія желѣзныя дороги» за 1871, 1872 и 1873 годы, легко замѣтить какъ громадно улучшается поло-

женіе нашихъ дорогъ, ибо съ 1871 по 1874 годъ средній доходъ съ пуда и версты уменьшился лишь съ $^1/_{25}$ на $^1/_{26}$ коп., между тѣмъ какъ расходъ упалъ съ $^1/_{32}$ на $^1/_{43}$ к. и можно надѣятся, что на этомъ пути прогресса желѣзныя дороги не остановятся.

VII.

Въ настоящее время, когда сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ въ Россіи едва окончилось, немаловажное значеніе имѣетъ также изслѣдованіе вліянія, которое собственно процессъ постройки произвелъ и еще производитъ на денежное обращеніе, вексельный курсъ и вообще на экономическій бытъ страны.

На основаніи подробныхъ таблицъ, которыя въ журнальной статьѣ, конечно, также не могутъ найти мѣсто, мы пришли къ нѣсколькимъ выводамъ и соображеніямъ, изложеніемъ которыхъ и ограничимся здѣсь.

При усиленной постройкѣ у насъ желѣзныхъ дорогъ, первымъ слѣдствіемъ израсходованія значительныхъ капиталовъ было быстрое увеличеніе денежнаго обращенія. Расходуемыя суммы поступили въ обращеніе въ видѣ платы за занятіе и трудъ множества служащихъ и рабочихъ при постройкѣ и эксплуатаціи дорогъ, а также въ видѣ вознагражденія за разные требовавшіеся матеріалы, которые до постройки дорогъ не имѣли вовсе цѣнности и расходовались непроизводительно, или имѣли очень ничтожную цѣнность.

Для постройки эксплуатируемой къ концу 1875 г. сѣти въ 17,658 верстъ желѣзныхъ дорогъ потребовался выпускъ желѣзнодорожныхъ акцій и облигацій на сумму 1,366 милл. кред. руб.

Если же для удобства выводовъ все время постройки дорогъ раздѣлить на два періода, первый до 1865 г. включительно, и второй съ 1866 по 1875 г., и выпуски бумагъ, сдѣланные хотя и послѣ 1865 года, но для возврата суммъ, израсходованныхъ на постройку дорогъ до 1865 года, причислить къ первому періоду, то окажется, что съ начала постройки желѣзныхъ дорогъ по конецъ 1865 г. на 3566 верстъ выпущено акцій и облигацій на 395,8 милл. руб., а съ 1866—1875 на 14092 версты 971,4 милл. руб., что составляетъ на версту въ первомъ періодѣ 110,8 тысячъ руб., во второмъ 68,9 т. руб., или: дороги второго періода потребовали на 33% основныхъ капиталовъ менѣе чѣмъ перваго.

Для народнаго хозяйства имѣетъ, особенно при господствую-

щемъ у насъ денежно-бумажномъ хозяйствѣ, значеніе не только итогъ, но и постепенность выпуска въ обращеніе столь значительныхъ капиталовъ. Нижеслѣдующія цифры за второй, преимущественно представляемый въ настоящихъ статьяхъ періодъ показываютъ длину открытыхъ въ теченіи года дорогъ, поверстную стоимость (по основному капиталу) и отношеніе этой стоимости къ стоимости всей сѣти къ концу 1875 г., составляющей 77,4 тыс. руб. на версту.

Длина дорогъ. Годъ.	Версты.	Основ. кап. на версту въ тысячахъ р.	Отношеніе поверстной стоимости отчетнаго года къ средней стоимости всей сѣти къ концу 1875 г.
1866	676	79.8	103.1%
1867	447	86.4	111.8%
1868	1775	88.6	114.5%
1869	1190	76.5	98.8%
1870	2441	72.8	94.1%
1871	2626	64.3	83.1%
1872	510	58.7	75.8%
1873	1974	61.0	78.8%
1874	1741	56.2	72.6%
1875	712	50.3	65.0%

Изъ этого видно, что всего болѣе построено дорогъ въ 1870 и 1871 г., затѣмъ въ 1873 г., а съ того времени длины построенныхъ ежегодно дорогъ постепенно уменьшаются. Но всего важнѣе то обстоятельство, что стоимость построенной версты дороги по основному капиталу и дѣйствительно израсходованнымъ суммамъ съ 1868 съ году на годъ такъ значительно уменьшается, что когда для построенія одной версты въ 1868 году требовалось выпустить бумагъ на 88 тысячъ, въ 1875 году для той же цѣли нужно было всего 50 тысячъ. Если среднюю стоимость версты дороги въ періодъ трехлѣтній 1866 по 1868, составляющую 86,2 тыс. руб., принять за сто, то послѣдующіе годы представятъ въ процентахъ слѣдующія цифры:

1869 г.	88.7%
1870 »	84.4%
1871 »	74.6%
1872 »	68.1%
1873 »	70.8%
1874 »	65.2%
1875 »	58.4%

Такимъ образомъ въ 1875 году разница на верстѣ дорогъ составляетъ 42%.

Если же возьмемъ стоимость версты построенныхъ дорогъ по

1865 годъ, составляющую 110.8 тыс. руб. по основному и 96.7 по строительному капиталу за сто, затѣмъ цѣлое десятилѣтіе 1866 по 1875 годъ раздѣлимъ на два періода, то окажется, что дороги, построенныя съ 1866 по 1870 г. включительно, требовали выпуска бумагъ по основному капиталу на 28.4% менѣе, чѣмъ дороги, построенныя до 1865 г.; дороги же построенныя съ 1871 по 1875 г. потребовали противъ дорогъ, построенныхъ до 1865 г., выпуска бумагъ менѣе на 46,1%. По строительному капиталу дороги обошлись дешевле въ періодъ 1866 по 1870 г. на 33,4% и съ 1871 по 1875 г. на 49,8%.

Высшій размѣръ стоимости версты представляли:

Николаевская желѣзная дорога	152	тыс. руб.	кред.	
С.-Петербурго-Варшавская . .	104,2	»	»	»

Низшій же (исключая дорогъ узкоколейныхъ).

Ландварово-Роменская. . . .	32,3	»	»	»
и Либавская	34,7	»	»	»

Такимъ образомъ, послѣднія двѣ дороги потребовали только 1/3 капитала сравнительно съ линіею с.-петербурго-варшавскою, и 1/4 строительнаго капитала николаевской желѣзной дороги.

Столь значительное пониженіе расходовъ постройки въ экономическомъ отношеніи чрезвычайно важно.

Во-первыхъ, государство за тотъ же номинальный капиталъ выпущенныхъ бумагъ въ пятилѣтнемъ періодѣ съ 1866 по 1871 годъ получило на 39,5% болѣе дорогъ, чѣмъ прежде, а въ пятилѣтіи 1871 по 1875 г. 32,9% болѣе, чѣмъ въ предшествовавшемъ пятилѣтіи, и 85,6% болѣе, чѣмъ въ періодѣ до 1865 г. Во-вторыхъ, непроизводительныя траты на реализацію капиталовъ въ послѣднее время дошли до незначительныхъ размѣровъ, какъ видно изъ слѣдующихъ цифръ.

Стоимость всей сѣти желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для движенія къ концу 1875 г., по оффиціальнымъ цифрамъ составляла:

По основному капиталу	1.366,7	милл.	руб.
» строительному капиталу . . .	1.133,9	»	»

Въ десятилѣтній періодъ, 1866—1875 г., основной капиталъ открытыхъ желѣзныхъ дорогъ увеличился на сумму 971,5 мил. руб. кред., стоимость же построенныхъ дорогъ на 789,0 милліоновъ.

Разницу 182,8 милл. руб. слѣдовало бы, если вѣрить этимъ оффиціальнымъ цифрамъ, считать дѣйствительной потерею при реали-

заціи капитала. Но, кажется, что цифры таблицы III «Сборника департамента желѣзныхъ дорогъ», 1872 г., на основаніи которыхъ мы вывели вышепоказанныя суммы, для этой цѣли нельзя считать вполнѣ достовѣрными, и потому мы опредѣлили потерю при реализаціи капитала на основаніи данныхъ кредитной канцеляріи министерства финансовъ, сообщенныхъ гр. Соллогубомъ въ изданномъ имъ «Сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ» [1]).

Согласно этимъ даннымъ, потеря въ періодъ съ 1836 г. по 1872 г. составляетъ 271,7 мил. руб. кред., и распредѣляется погодно, если таковую для удобства выразимъ въ процентахъ слѣдующимъ образомъ:

	Потеря на реализаціи выпущенныхъ въ теченіи года желѣзнодорожныхъ бумагъ.	
	металл.	кред.
1836	—	40%
1857	2,5%	38,2%
1858	22,5%	10,4%
1859	23,0%	25,0%
1863	20,0%	30,0%
1864	12,4%	»
1865	17,2%	»
1866	17,2%	»
1867	26,6%	»
1868	23,6%	23,3%
1869	24,2%	11,3%
1870	24,4%	10,9%
1871	22,6%	15,2%
1872	17,0%	»
За весь періодъ	20,1%	18,4%

Распредѣляя потерю при реализаціи капитала отдѣльно на акціи и облигаціи, а также металлическіе выпуски отдѣляя отъ кредитныхъ, видимъ, что потеря составила:

на 293,0 милл.	акцій металл.	47,5 милл.	или 16,1 проц.
» 148,1 »	акцій кредит.	26,0 »	или 17,5 »
» 789,7 »	облигацій мет.	161,2 »	или 21,8 »
» 13,8 »	облигацій кред.	3,8 »	или 27,7 »

или, группируя эти цифры другимъ образомъ, оказывается, что—

на 1.032,7 милл. метал. р. потеря составляла 208,7 р. или 20,1 проц.
» 161,9 » кред. » » » 29,8 » или 18,4 »

[1]) При вычисленіи облигацій, пріобрѣтенныя правительствомъ для выпуска въ видѣ консолидированныхъ облигацій и непомѣщенныя, приняты нами по курсу, опредѣленному уставами. Потеря на облигаціяхъ николаевской желѣзной дороги вычислена на основаніи отчетовъ государственнаго контроля.

Изъ этого видно, что разница въ потерѣ при реализаціи акцій металлическихъ отъ кредитныхъ незначительна, всего 1,4%, между тѣмъ какъ при облигаціяхъ таковая составляетъ 6%.

Собственно въ періодъ усиленной постройки, 1866—1875 гг., болѣе всего насъ занимающій (не считая облигацій николаевской желѣзной дороги), выпущено бумагъ:

180,1	милл.	акцій мет., на которыхъ потеря на курсѣ составляла	40,7 милл. или 22,6%
104,9	»	акцій кред., » » » »	14,1 милл. или 13,4%
517,3	»	облиг. мет., » » » »	120,7 милл. или 23,3%
6,3	»	облиг. кред., » » » »	1,6 милл. или 25,4%

Такимъ образомъ, на выпускѣ бумагъ—

мет.	698,4 мил.	потеря на реализаціи составляла	161,4 мил.	или 23,2%
кред.	111,2 »	» » »	15,7 »	или 14,1%

Считая выпуски металлическіе по курсу 116 за сто, оказывается, что на выпускѣ 920,8 мил. руб. потеря составляла 202,9 мил. руб. или 22,0%.

Но значительная часть суммъ, вырученныхъ отъ продажи желѣзно-дорожныхъ бумагъ, вовсе не поступала въ народное обращеніе, а употреблена была на уплату процентовъ по нимъ, во время постройки.

На основаніи подробныхъ исчисленій, оказывается, что по этой статьѣ израсходовано приблизительно:

въ періодѣ 1-мъ по 1865 годъ	34,0 милл.
» » 2-мъ съ 1866 по 1875 годъ .	83,5 »
Всего . .	117,5 милл.

Такимъ образомъ, только остальная часть капиталовъ, въ размѣрѣ 71,4%, составляющая въ періодѣ 1866—1875 г. 688,7 милл. руб., дѣйствительно израсходована собственно на постройку.

Дѣйствіе израсходованныхъ суммъ на народную экономію, съ постепеннымъ вышеуказаннымъ значительнымъ пониженіемъ поверстной стоимости дорогъ, должно было быть нѣсколько разное.

При высокихъ строительныхъ цѣнахъ прошлаго времени, основной капиталъ расходовался менѣе осмотрительно, и руководящіе дѣломъ не были вынуждены къ столь строгой экономіи, какъ въ послѣдующее время, низкихъ цѣнъ, при которыхъ многіе изъ предпринимателей иногда терпѣли даже чувствительныя потери.

Въ прежнее время всѣ, отъ простого рабочаго до оптоваго поставщика, реализировали болѣе значительные барыши, служившіе для усиленія потребленія или созданія сбереженій. Между тѣмъ, при слѣдующихъ пониженныхъ конкурренціею цѣнахъ, при значительномъ предложеніи труда и матеріаловъ, расходуемый капиталъ являлся въ значительной степени лишь возвратомъ расходовъ производства, не доставляя выгодъ и заработковъ свыше нормальнаго размѣра.

Кромѣ того, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что дѣйствія израсходованія, въ періодѣ съ 1866 по 1875 г., для цѣлей постройки, 688 мил. руб., на государство было весьма различно, смотря по тому, сколько сдѣлано было изъ строительнаго капитала расходовъ за границею для пріобрѣтенія необходимыхъ при сооруженіи матеріаловъ подвижного состава и пр., и сколько распространилось внутри страны. Дѣйствіе израсходованнаго внутри страны капитала было также различно, смотря по тому, какая часть израсходована за матеріалы, и какая за трудъ низшій и высшій. Относительно матеріаловъ нужно еще различать матеріалы, имѣвшіе и до постройки желѣзныхъ дорогъ международную цѣнность, т.-е. такіе, которые могли быть, посредствомъ вывоза, обращены въ денежный капиталъ (напримѣръ лѣсъ, расположенный вблизи рѣкъ и т. под.), и такіе матеріалы, которые до того времени, или по натурѣ своей, или по причинѣ слишкомъ дорогаго транспорта, не имѣли никакой цѣнности (напримѣръ песокъ, глина, известь, пустопорожнія мѣста, бездоходные лѣса и т. п.). Относительно же труда нужно различать вознагражденіе физическаго труда простого рабочаго и умственнаго труда инженеровъ, строителей, подрядчиковъ, техниковъ, надсмотрщиковъ и т. п. Вопросы эти имѣютъ важное значеніе, во-первыхъ, для того, чтобы узнать, сколько капиталы постройки желѣзныхъ дорогъ способствовали созданію новыхъ цѣнностей въ государствѣ, посредствомъ утилизаціи матеріаловъ, до того времени не имѣвшихъ цѣны, и, во-вторыхъ, для того, чтобы найти ихъ вліяніе на народное хозяйство, такъ какъ израсходованныя суммы на рабочихъ, ремесленниковъ и вообще низшіе классы нашего общества имѣли совершенно другое вліяніе на потребленіе, чѣмъ доставшіеся высшимъ классамъ общества.

Опредѣлить, хотя и приблизительно, но все-таки съ достаточной степенью вѣроятія относительное значеніе каждой изъ вышеупомянутыхъ категорій расходовъ не было бы столь затруднительно, если бы имѣлись подробныя свѣдѣнія о дѣйствительной стоимости и способахъ сооруженія дорогъ, или по крайней мѣрѣ расцѣ-

ночныя вѣдомости, составленныя по установленнымъ въ послѣднее время министерствомъ путей сообщенія, формамъ, т.-е. указывающія подробно количество работъ и опредѣляющія часть поставокъ и подвижного состава, которыя могутъ быть пріобрѣтены за границей.

Но счетъ дѣйствительно израсходованнаго на постройку капитала имѣется только для нѣкоторыхъ линій; расцѣночныя же вѣдомости по вышеуказанной формѣ существуютъ лишь для новѣйшихъ дорогъ. Для построенныхъ до этого времени имѣются только общія свѣдѣнія о количествѣ работъ, уложенныхъ путей, количествѣ подвижного состава и т. п., а для дорогъ, построенныхъ не по оптовымъ контрактамъ, въ отчетахъ обществъ имѣются болѣе или менѣе подробныя данныя объ употребленіи строительныхъ капиталовъ.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, точное распредѣленіе затраченныхъ капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ представляется дѣломъ недостижимымъ.

Но такъ какъ для цѣли настоящаго изслѣдованія экономическаго вліянія капиталовъ постройки можно довольствоваться и приблизительнымъ распредѣленіемъ расходованія капиталовъ по главнѣйшимъ категоріямъ, то въ нашемъ спеціальномъ трудѣ такое распредѣленіе и сдѣлано для желѣзныхъ дорогъ, для которыхъ имѣются точные счеты, или расцѣночныя вѣдомости, — на основаніи этихъ данныхъ. Для остальныхъ же служили намъ матеріаломъ: 1) сообщенные при отчетахъ балансы; 2) оцѣнки работъ и поставокъ, а также и техническія описанія, имѣющіяся въ министерствѣ путей сообщенія, и сообщенныя въ значительной части въ «Сборникахъ свѣдѣній о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ», и 3) свѣдѣнія о количествѣ и происхожденіи путей и принадлежностей къ нимъ, а также подвижного состава, сообщенныя въ «Сборникѣ свѣдѣній по вопросамъ о снабженіи русскихъ желѣзныхъ дорогъ рельсами, подвижнымъ составомъ и прочими принадлежностями», изданномъ подъ редакціею А. Бушена.

Подраздѣленіе же дѣйствительной стоимости работъ на ихъ элементы, а именно: на отношеніе матеріаловъ, труда низшаго и высшаго, техническаго и административнаго, барышей, общихъ расходовъ и т. п., сдѣлано на основаніи подробныхъ разсчетовъ, смѣтъ и вообще опыта, вынесеннаго нами изъ постройки нѣсколькихъ дорогъ, въ которыхъ мы принимали участіе, и средніе выводы, найденные для этихъ дорогъ, примѣнены ко всѣмъ дорогамъ.

Результатомъ исчисленій является особая таблица, изъ которой мы приведемъ здѣсь главныя данныя. Къ 30 августа 1876 года эксплуатировалось въ Россіи 17,658 верстъ желѣзныхъ дорогъ, коихъ основной капиталъ составлялъ 1,366 милл. р.; вмѣстѣ же съ находящимися въ постройкѣ желѣзными дорогами, сѣть достигаетъ въ настоящее время 20,000 верстъ, и основной капиталъ составитъ приблизительно 77,2 т. руб. на версту, или 1,544 милл. руб. кр., изъ которыхъ израсходовано:

На потерю при реализаціи	16,10% или	248,7 милл.	р.	кр.		
Управленіе и общіе расходы, а также проценты во время постройки	16,69%	»	257,6	»	»	»
Устройство пути и принадлежностей. . . .	44,38%	»	685,4	»	»	»
Станціи и постройки на дорогѣ	10,87%	»	167,8	»	»	»
Подвижной составъ.	11,96%	»	184,5	»	»	»
Итого	100,00%	»	1,544,0	»	»	»

Если сравнимъ процентное отношеніе стоимости нашихъ дорогъ по категоріямъ съ такими же цифрами германскихъ, прусскихъ и французскихъ дорогъ, то окажется слѣдующее:

	Франція.	Пруссія.	Союзъ Герм. ж. д.	Россія.
Потеря при реализаціи . .	—	12,2%	—	16,10%
Управленіе и общіе расходы	3,7	2,4	4,9%	16,69%
Устройство пути	72,7	57,3%	78,8	44,38%
Станціи и принадлежности .	10,4	10,4	7,3	10,87%
Подвижной составъ	13,2	17,7	9,8	11,96%
Итого	100,0%	100,0%	100,0%	100,0%

Цифры эти замѣчательны и показываютъ, что изъ сравниваемыхъ государствъ Россія болѣе всѣхъ потеряла на реализаціи капитала и тратитъ на управленіе, сравнительно съ общими расходами. Затѣмъ, устройство пути обошлось въ Россіи дешевле чѣмъ въ прочихъ государствахъ; на подвижной же составъ истрачено болѣе Германскаго Союза, но менѣе Франціи и Пруссіи.

Изъ распредѣленія капиталовъ, употребленныхъ въ Россіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, на потерѣ при реализаціи труда и матеріаловъ видно, что изъ суммы 1544 милл. руб. приходится:

На потерю при реализаціи и проценты во время постройки	441,0	милл.	28,5%
На высшій трудъ, техническій, административный и барыши подрядчиковъ.	217,0	»	14,1%
На низшій трудъ.	481,0	»	31,1%
На матеріалы вообще, безъ различія происхожденія . . .	405,0	»	26,3%
Итого	1.544,0	милл.	100%

Такимъ образомъ, потеря на реализаціи и проценты составляютъ болѣе одной четверти всѣхъ основныхъ капиталовъ (28%) и только нѣсколько выше расхода на матеріалы (26%). На трудъ израсходовано 44%, на высшій 14%, на низшій 31%, изъ чего слѣдуетъ, что изъ 100 рублей на трудъ израсходовано: на высшій 32%, на низшій 68%. Но не всѣ эти суммы израсходованы внутри страны: исключивъ уплату процентовъ и потерю при реализаціи изъ оставшейся суммы 1.103,0 милл. р., получимъ:

израсходовано внутри страны только . . .	765,8 милл. руб.
вышло за границу	337,2 » »

Такимъ образомъ, только около 69% израсходовано въ Россіи, а 31% вышло заграницу.

Но, кромѣ вліянія, произведеннаго капиталами, израсходованными на постройку, расходы, дѣлаемые на эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ единовременно, также дѣйствовали на измѣненіе быта значительной части народа.

Расходы эксплуатаціи, съ 1866 по 1875 г., въ теченіи 10 лѣтъ составляютъ сумму 535,7 милл. рублей; съ самаго же начала постройки у насъ дорогъ расходы эксплуатаціи составляли 674,3 милл. руб.

Изъ сдѣланнаго нами на основаніи подробныхъ эксплуатаціонныхъ смѣтъ подраздѣленія расходовъ эксплуатаціи видно, что изъ 100 рублей падаетъ:

на рабочую силу низшую	28,9%
» высшій трудъ и администрацію . .	28,9%
» матеріалы внутренняго производства.	30,2%
» » заграничные	12,0%
Итого	100,0%

Такимъ образомъ, можно принять, что изъ суммы, израсходованной на эксплуатацію жел. дорогъ, съ начала ихъ постройки по конецъ 1875 г., употреблено:

на низшій трудъ	194,9 мил. р.
» высшій трудъ и администрацію . .	194,9 » »
» матеріалы мѣстнаго производства .	203,6 » »
» » заграничные » .	80,9 » »
Итого. . . .	674,3 мил. р.

Если же распредѣлить сумму, израсходованную на эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ въ періодъ 1866 — 1875 гг., именно 535,7 мил. р., то окажется, что израсходовано:

на низшій трудъ	154,8	мил. р.
» высшій трудъ и администрацію . .	154,8	» »
» матеріалы мѣстные.	161,8	» »
» » заграничные	64,3	» »
Итого . .	535,7	мил. р.

Изъ всѣхъ добытыхъ нами цифръ видно, что заработки, которые доставила постройка и эксплуатація желѣзныхъ дорогъ лицамъ, непосредственно или косвенно участвовавшимъ въ постройкѣ и эксплуатаціи сѣти нашихъ желѣзныхъ дорогъ составляли 574,4 милл. руб. отъ постройки, и 389,9 мил. руб. отъ эксплуатаціи, а всего 964,3 мил. руб. Заработки эти отчасти истрачены были на удовлетвореніе текущихъ нормальныхъ потребностей жизни, соотвѣтственно обстановкѣ, существовавшей и до открытія этихъ новыхъ источниковъ дохода; другая же часть несомнѣнно израсходована была на усиленіе потребленія и отчасти могла послужить къ составленію сбереженій для новыхъ производствъ.

Вопросъ только въ томъ, какая именно часть этихъ чрезвычайныхъ рессурсовъ была употреблена на усиленіе непроизводительнаго потребленія, т.-е. неоставляющаго полезныхъ послѣдствій, а какая обращена на производительные расходы, т.-е. для усиленія народнаго матеріальнаго или умственнаго богатства.

Изслѣдованіе этихъ вопросовъ могло бы до извѣстной степени доставить цѣнныя указанія, въ какой мѣрѣ низшій классъ народонаселенія при новой обстановкѣ, вызванной крестьянскою реформою, успѣлъ уже, пользуясь правомъ собственности въ болѣе широкомъ размѣрѣ, чѣмъ въ прошломъ, сознать необходимость бережливости, или же стремленіе его было направлено лишь къ тому, чтобы расширить свои жизненныя потребности въ ненормальныхъ размѣрахъ. Тогда при сравненіи прошедшаго съ настоящимъ потребленіемъ предметовъ, употребляемыхъ преимущественно лицами достаточными, съ утонченными потребностями, можно бы заключить, насколько высшіе классы общества, наученные горькимъ опытомъ прошлаго, отказались отъ чрезмѣрнаго потребленія выше средствъ, и стали сберегать полученные капиталы для созданія новыхъ промышленныхъ и земледѣльческихъ капиталовъ, Другими словами: изслѣдованіе должно стремиться разъяснить. насколько усиленіе потребленія, увеличеніе ввозной торговли и расширеніе отечественной промышленности представляетъ лишь временное, ненормальное явленіе, т.-е. послѣдствіе распространенія по странѣ указанныхъ выше капиталовъ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, и съ другой стороны, насколько тѣ же явленія составляютъ признакъ дѣйствительнаго поднятія

уровня народнаго благосостоянія вслѣдствіе вліянія реформъ послѣдняго времени совмѣстно съ постройкою желѣзныхъ дорогъ. Но при этомъ представляется трудность отдѣленія вліянія желѣзныхъ дорогъ отъ вліянія реформъ, введенныхъ въ послѣднее двадцатилѣтіе. Но, какъ мы уже замѣтили выше, есть полное основаніе предполагать, что дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ безъ этихъ реформъ далеко не достигло бы тѣхъ размѣровъ, какіе мы видимъ въ настоящее время; а съ другой стороны также не безъ основанія можно утверждать, что совершённыя реформы, безъ помощи капиталовъ отъ постройки желѣзныхъ дорогъ и безъ ихъ эксплуатаціи, возбудившей производительность и облегчившей сбытъ нашихъ земледѣльческихъ продуктовъ, были бы немыслимы. Точное же опредѣленіе взаимнаго дѣйствія этихъ двухъ факторовъ въ настоящее время для насъ, по громадности и трудности задачи, представляется почти невозможнымъ.

Для этой цѣли собранъ нами пока значительный статистическій матеріалъ, изъ котораго мы привели здѣсь нѣкоторое число данныхъ. Въ связи съ финансовымъ положеніемъ государства до реформъ и до постройки желѣзныхъ дорогъ мы привели финансовыя данныя сооруженія нашей сѣти. Въ связи же съ бѣглымъ историческимъ обзоромъ самой системы сооруженія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мы привели наиболѣе характеристическіе числовые факты, которыми опредѣляются, такъ-сказать, оригинальныя черты дѣятельности желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Но для болѣе подробнаго изслѣдованія ихъ экономическаго вліянія, конечно, слѣдовало бы сдѣлать еще экономическое сравненіе губерній, по которымъ уже пролегаютъ рельсовые пути, съ тѣми, которыя ихъ доселѣ не имѣютъ или имѣютъ мало, а также прослѣдить вліяніе постройки желѣзныхъ дорогъ на торговлю и потребленіе. Размѣры настоящей статьи не дозволили намъ включить въ нее подобное сравненіе. Отлагаемъ все это до другого раза.

Ив. Блюхъ.

МАДЬЯРЫ

И

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОСЪ.

Окончаніе.

II *).

Въ 1806 г. скончалась „священная римская имперія нѣмецкой націи". Императоръ римскій превратился въ императора австрійскаго, и подвластныя ему земли, именно, королевства венгерское и чешское, Галиція, земли австрійскія и итальянскія, сдѣлались имперіей австрійской. Тогда, въ началѣ XIX-го вѣка, въ Вѣнѣ задумывали рѣшительное преобразованіе монархіи Габсбурговъ, центръ которой хотѣли перенести изъ Вѣны въ Пештъ. По мнѣнію извѣстнаго австрійскаго публициста, Фридриха Генца, австрійская монархія не должна съ этихъ поръ считаться державой Германіи. Оставшіяся императору земли не должны имѣть ничего общаго съ Германіей, никакой федеративной связи, а должны стоять вполнѣ отдѣльными. Если послѣ этого страшнаго переворота Австрія хочетъ еще существовать какъ держава, то Вѣна должна перестать быть столицей, и нѣмецкія земли должны считаться землями второстепенными, пограничными; столица должна быть перенесена въ Венгрію; надо устроить совершенно новыя отношенія между этой землей, Чехіей, Галиціей и остатками нѣмецкихъ земель: однимъ словомъ, надо создать *новую монархію*, которая можетъ сдѣлаться могущественной и сильной, но которая ни въ чемъ не подходила бы къ прежней [1]).

---

*) См. выше: сентябрь, 398 стр.

[1]) Срв. промеморію Генца въ его Denkschriften (Wien, 1868, p. 97), и его письмо I. Мюллеру (G.'s Schriften, herausg. von Schlesier, IV, 244)

Но этотъ планъ прозорливаго Генца не удался. Было слишкомъ смѣло ожидать отъ старинной династіи Габсбурговъ, чтобъ они отказались отъ своихъ главныхъ традицій, чтобъ они забыли, что римская корона Карла-Великаго сіяла на ихъ головахъ съ конца XIII вѣка. Послѣ паденія виновника кончины римско-нѣмецкой имперіи, Наполеона, послѣдняя уже не возобновлена; но австрійскій императоръ считалъ себя какъ-бы преемникомъ римско-нѣмецкаго и блюстителемъ старинныхъ традицій, и занялъ въ новой политической формаціи Германіи, въ нѣмецкомъ союзѣ (Bund), первенствующую роль. Германія и Италія—вотъ земли, въ которыхъ Австрія старалась упрочить свое вліяніе. Центромъ тяготѣнія Австріи осталась Германія, и Габсбурги старались всѣми силами воскресить здѣсь старинныя свои традиціи, хотя бы въ иной формѣ. Но, несмотря на всѣ усилія, и этотъ планъ не удался. Дуализмъ Германіи, усилившійся особенно въ XVIII вѣкѣ вслѣдствіе возвышенія бранденбургскихъ курфюрстовъ и королей прусскихъ, антагонизмъ между обѣими династіями старинной, католической—Габсбурговъ и новой протестантской—Гогенцоллерновъ, все это породило катастрофу 1866 года. Габсбурги, вытѣсненные изъ Германіи и Италіи, не могли—особенно послѣ войны французско-нѣмецкой, 1870 г.—уже и подумать объ осуществленіи своей завѣтной мысли. Соединенная Германія вмѣстѣ съ соединенной Италіей навсегда загородили Австріи путь къ западу, и обратили ее на востокъ.

Казалось, настало время для осуществленія плана Генца, чтобъ Австрія сдѣлалась новой монархіей, настоящей *Австріей*, т.-е. восточной державой (Austria, Ostreich). Казалось, что самые жизненные интересы династіи Габсбурговъ повелѣваютъ совершенно преобразовать монархію въ федерацію такъ-называемыхъ „историческихъ индивидуальностей“ т.-е., другими словами, въ федерацію государствъ. Съ одной стороны „чешская корона“, т.-е. Чехія, Моравія и Силезія, съ преобладающимъ въ нихъ славянскимъ населеніемъ,—могла сдѣлаться крѣпкимъ оплотомъ противъ новой имперіи германской, а съ другой „венгерская корона“, вмѣстѣ съ Тріединымъ королевствомъ (Хорватско-Славонско-Далматскимъ), представляла выгодную почву для самыхъ обширныхъ плановъ на Балканскомъ полуостровѣ. Таковы были мечты особенно многихъ австрійско-славянскихъ патріотовъ, ожидавшихъ, послѣ 1866 и 1870 годовъ, радикальныхъ измѣненій въ политикѣ имперіи Габсбурговъ.

Но вышло опять иначе. Габсбурги не подумали не только о преобразованіи своей монархіи въ федерацію политическихъ единицъ, пользующихся извѣстной автономіей, но они даже отказались отъ сильной центральной власти, и совершили роковую ошибку: они позволили разрубить монархію на двѣ почти совершенно самостоятельныя

половины, связанныя только особой государя, общей арміей и общей дипломатіей. Габсбурги, напрасно напуганные сильно преувеличиваемымъ могуществомъ мадьяръ, допустили водвореніе дуализма. Вмѣсто „Австріи"—появилась „Австро-Венгрія"; подлѣ „Австріи" воздвиглось почти самостоятельное венгерское государство съ своимъ правительствомъ. Въ этомъ государствѣ достигли мадьяры, наконецъ, давно желаемаго господства надъ славянами и румынами; однимъ только хорватамъ предоставлена извѣстная автономія.

Національное движеніе у мадьяръ началось съ половины XVIII вѣка, усиливалось централизаціонными и германизаціонными стремленіями Іосифа II, и охватило въ теченіи первой половины нашего вѣка всѣ слои народа. Въ сороковыхъ годахъ мадьярскій языкъ сдѣлался оффиціальнымъ въ Венгріи и Семиградіи, замѣнивъ господствовавшій до тѣхъ поръ нейтральный языкъ—латинскій. Но этого мадьярскимъ патріотамъ было мало: они стремились къ тому, чтобъ во всѣхъ земляхъ короны св. Стефана былъ одинъ только народъ, мадьярскій, и употребляли для достиженія этой цѣли всевозможныя средства: школы, законодательство и пр.

Этимъ мадьярскимъ притязаніямъ и планамъ не-мадьярскіе народы въ Венгріи стали, конечно, сопротивляться, насколько у нихъ хватало силъ. Меньше всего сопротивлялись румыны и карпатскіе русскіе и словаки, такъ какъ эти племена не пользовались никакой особенной автономіей, и главный политическій факторъ Венгріи, шляхта, у нихъ примкнулъ къ господствующему племени; разные Грашалковичи, Меднянскіе, Подманицкіе сдѣлались такими же „мадьярами" какъ, напр., русскіе Четвертинскіе, Сапѣги, Воронецкіе—„ляхами". Больше сопротивлялись южные славяне, сербы и хорваты: первые—пользуясь извѣстными привилегіями, другіе—своимъ исключительнымъ положеніемъ въ „венгерской коронѣ" съ обширнымъ самоуправленіемъ, сеймомъ. Мадьяры стремились съ XVIII вѣка къ болѣе тѣсному присоединенію Хорватіи къ Венгріи; они всячески затрудняли утвержденіе сербскихъ привилегій, притѣсняли православное вѣроисповѣданіе сербовъ и даже задумали отнять у нихъ кириллицу и навязать имъ латиницу, и вообще противодѣйствовали вѣнскому двору, который въ не-мадьярскихъ элементахъ искалъ и находилъ противовѣсъ противъ требованій мадьяръ. Уже въ 1790 г. раздались въ Хорватіи слѣдующія слова: „мы—свободныя королевства; кому стыдно быть хорватомъ, тотъ пусть служитъ дикимъ гуннамъ"; и въ томъ же самомъ году сербы, собравшіеся на своемъ соборѣ, рѣзко высказались противъ азіатскихъ выходцевъ—мадьяръ. Тогда вѣнскій кабинетъ попробовалъ даже освободить сербовъ отъ венгерскаго правительства, поручивъ ихъ дѣла особой „иллирской" придворной кан-

целяріи, которая однако скоро прекратила свое существованіе. Но это національное движеніе сербовъ все-таки не осталось безъ послѣдствій: въ 1791—92 гг. православные сдѣлались равноправными гражданами Венгріи, и православные епископы вошли въ верхнюю палату венгерскую.

Племенныя распри въ Венгріи все больше и больше усиливались. Ихъ поприщемъ сдѣлались сеймы венгерскій и хорватскій и литература. Славянскіе народы стали больше сближаться другъ съ другомъ, стали собираться подъ знаменемъ всеславянскимъ; это знамя высоко держали словаки Коларъ и Шафарикъ, первый—въ своемъ знаменитомъ эпосѣ „Дочь Славы", второй—въ своихъ ученыхъ трудахъ; хорватъ Гай предлагалъ соединеніе всѣхъ „иллировъ", т.-е. югославянъ, сначала хоть въ литературномъ отношеніи. Мадьяры стали пугаться „панславизма". Уже на сеймѣ 1791 г. депутатъ Езерницкій рѣзко высказывается противъ покровительства, оказываемаго вѣнскимъ кабинетомъ православнымъ сербамъ, и противъ учрежденной тогда „иллирской" придворной канцеляріи. „Если православные сербы составятъ государство въ государствѣ, и будутъ управляться не общими законами, а своими привилегіями, то надо опасаться, что и другіе православные народы изъ Европы и Азіи переселятся къ намъ въ огромномъ количествѣ, наводнятъ всю страну, лишатъ гражданъ ихъ правъ и жилищъ, принудятъ короля къ изданію разныхъ привилегій, и вообще будутъ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. По мнѣнію мадьяръ, „панславизмъ" замѣтенъ былъ во всѣхъ проявленіяхъ народной жизни венгро-славянскихъ народовъ; и—разумѣется—всѣмъ этимъ руководила коварная политика русская. „Дочь Славы", „Иллиризмъ", „Сербская Матица"—все это явленія этого страшнаго панславизма.

Такая племенная борьба разразилась, наконецъ, кровавой драмой 1848—49 гг.; не-мадьярскіе народы въ Венгріи выступили противъ мадьяръ съ оружіемъ въ рукахъ, и помогали австрійскому правительству въ подавленіи мадьярскаго мятежа. Опасенія Езерницкаго не были неосновательны; къ австрійскимъ генераламъ и къ вождямъ венгерскихъ славянъ, Елачичу, Раячичу, Стратимировичу, скоро прибыло многочисленное русское войско, подъ начальствомъ Паскевича. Венгерское королевство сдѣлалось простой провинціей Австріи.

Но послѣ несчастныхъ для Австріи войнъ 1859 и 1866 гг. мадьярская революція 1848—49 гг. узаконена, венгерская „корона" возстановлена и признана особымъ государствомъ, главной частью монархіи Габсбурговъ. Мадьярскій языкъ и элементъ сдѣлался въ Венгріи господствующимъ, мадьярскіе государственные люди пріобрѣли въ со-

вѣтѣ императора-короля рѣшающее вліяніе; центръ тяготѣнія монархіи Габсбурговъ перенесенъ въ Венгрію, въ Пештъ.

Вслѣдствіе всего этого, вытѣсненія изъ Германіи и Италіи, перенесенія центра на востокъ, въ Пештъ,—монархія Габсбурговъ очутилась лицомъ къ лицу съ третьимъ вопросомъ, котораго она, конечно, тоже не упускала изъ виду, но на который она обращала до тѣхъ поръ меньше вниманія, чѣмъ на вопросы нѣмецкій и итальянскій. Этотъ третій, теперь самый важный для Австро-Венгріи вопросъ—*вопросъ восточный*. Очень естественно, если государственные люди монархіи Габсбурговъ подумали, что они найдутъ въ этомъ вопросѣ матеріальную и моральную замѣну и вознагражденіе за претерпѣнныя въ Германіи и Италіи неудачи и потери, и что важность „вѣнскихъ" императоровъ и венгерскихъ королей, поблекшая въ Германіи и въ Италіи, можетъ быть возобновлена на Балканскомъ полуостровѣ.

Восточный вопросъ, т.-е. ожидаемый конецъ турецкаго владычества въ Европѣ, вновь появился черезъ двадцать лѣтъ послѣ крымской войны на политическомъ горизонтѣ Европы. Тотъ государственный человѣкъ, который такъ успѣшно способствовалъ роковому разрубленію монархіи Габсбурговъ, Бейстъ, справедливо замѣтилъ (1868 г.), что „въ отношеніяхъ Балканскаго полуострова покоятся достаточные зародыши кризиса". И дѣйствительно—черезъ нѣсколько лѣтъ изъ этихъ зародышей родился грозный кризисъ.

Если политики были согласны въ томъ, что конецъ Турціи въ Европѣ составляетъ только вопросъ времени, то они всегда расходились въ разрѣшеніи важнаго вопроса: чтó въ такомъ случаѣ сдѣлать съ землями Балканскаго полуострова? И вотъ главное, существенное затрудненіе восточнаго вопроса. Здравый человѣческій умъ не былъ бы долго въ затрудненіи, и порѣшилъ бы очень просто: пусть мѣсто разныхъ турецкихъ вилайэтовъ съ вѣчно неопредѣленными границами займутъ христіанско-національныя государства, границы которыхъ представляетъ этнографическая карта Турціи [1]): т.-е. государства румынское, болгарское, сербское (или, пожалуй, на первое время два сербскихъ, Черная-Гора съ Герцеговиной, Сербія съ Босніей и Старой Сербіей), греческое и албанское (если албанцы предпочли бы полную самостоятельность союзу съ Греціей или Болгаріей); Константинополь съ половиной Ѳракіи могъ бы составить особое государство, поставленное подъ покровительство всей Европы и Америки. Это самое простое и *справедливое* разрѣшеніе такъ-называемаго восточнаго вопроса

---

[1]) Само собой разумѣется, что мелкихъ и разбросанныхъ племенъ румынъ или влаховъ (задунайскихъ), татаръ, турокъ и др. нельзя считать политическими факторами.

въ Европѣ. Такимъ разрѣшеніемъ прекратился бы турецкій деспотизмъ надъ огромнымъ большинствомъ христіанскихъ народовъ Балканскаго полуострова; всѣ эти вали, мутесарифы, каймакамы, паши и другіе палачи и піявки несчастной райи переселились бы, вмѣстѣ съ своимъ свѣтскимъ духовнымъ начальникомъ, султаномъ-халифомъ, во внутреннюю Анатолію къ туркоманамъ.

Вотъ самое простое, самое раціональное и самое справедливое разрѣшеніе „восточнаго вопроса". Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что весь цивилизованный міръ одобрилъ бы такое разрѣшеніе этого вопроса въ Европѣ.

Но, къ сожалѣнію, правила, которыми руководится европейская дипломатія и политика XIX вѣка, мало согласуются съ такими естественными взглядами на извѣстные вопросы; самыя простыя, самыя гуманныя мысли о перемѣнѣ извѣстныхъ неестественныхъ, невыносимыхъ отношеній должны уступать разнымъ меркантильнымъ и политическимъ разсчетамъ и интересамъ различныхъ сословій или племенъ. Жадность къ наживѣ, жадность власти у послѣднихъ—нерѣдко требуютъ, чтобъ цѣлые народы находились въ рабствѣ, нищетѣ и невѣжествѣ, и вполнѣ зависѣли отъ прихотей своихъ непосредственныхъ или посредственныхъ повелителей; всякія попытки освобожденія этихъ несчастныхъ массъ, угрожающія нарушеніемъ существующихъ невыносимыхъ порядковъ, утопляются, въ случаѣ надобности, въ потокахъ крови.

Такое положеніе дѣлъ замѣтно въ восточномъ вопросѣ. Не станемъ здѣсь говорить объ извѣстной политикѣ *Англіи*, которая, считаетъ всякую попытку Россіи улучшить участь восточныхъ христіанъ угрозой для своихъ „интересовъ". Обратимся только къ политикѣ Австріи относительно восточнаго вопроса. Мы видѣли, что послѣдній Габсбургъ, считавшій союзъ и параллельное дѣйствіе Россіи и Австріи въ восточномъ вопросѣ возможнымъ, былъ Іосифъ II, мечтавшій еще о прогнаніи „варваровъ востока" изъ Европы. Но уже его племянникъ и преемникъ, Францъ, сказалъ тѣ роковыя слова о необходимости сохраненія „цѣлости Турціи", которыя сдѣлались—до извѣстной степени—путеводной звѣздой австрійской политики. Мы видѣли, что съ начала нашего вѣка Австрія мѣшала, насколько могла, Россіи въ ея стремленіяхъ къ улучшенію участи восточныхъ христіанъ. Такъ было и во время крымской войны.

Но провозглашаемая Австріей необходимость цѣлости Турціи оказывается не ненарушимымъ принципомъ австрійской политики: иногда въ ней проглядываетъ совсѣмъ другой взглядъ. Императоры римско-германскіе, впослѣдствіи австрійскіе, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ венгерскими королями, не могли забыть о вѣковыхъ войнахъ съ турками,

не могли забыть о притязаніяхъ „венгерской короны" на задунайскія страны до Балкановъ; это имъ не переставали напоминать титулъ венгерскаго короля и государственное право венгерское. Кромѣ того, венгры и хорваты сами не забывали о тѣхъ притязаніяхъ своей короны на турецкія земли до Балкановъ, и вспоминали о томъ въ публичной жизни и въ литературѣ. Мы видѣли, что еще императоръ Іосифъ II называетъ войну съ Турціей (1788 г.) „законной попыткой, чтобъ вновь пріобрѣсти земли, которыя въ теченіи времени и вслѣдствіе несчастныхъ событій оторваны отъ моей короны". При такомъ положеніи дѣлъ, при глубокомъ долголѣтнемъ мирѣ и такомъ консервативномъ направленіи австрійской политики относительно Турціи, въ Венгріи не могли высказываться на счетъ возможныхъ территоріальныхъ измѣненій на югѣ. Притязанія венгерской короны на предбалканскія земли Турціи высказывались—въ первой половинѣ XIX-го вѣка—лишь только въ историко-политическихъ сочиненіяхъ по государственному праву венгерскому и въ извѣстныхъ обрядахъ коронаціи эрцгерцога Фердинанда въ венгерскіе короли.

Настал̆ъ бурный 1848-й годъ. Венгрія подняла знамя революціи и отложилась отъ Австріи, предпочитая полную политическую самостоятельность обширной автономіи въ рамкѣ монархіи Габсбурговъ. Но большинство народонаселенія Венгріи, славяне и румыны, не хотѣли и слышать объ этомъ новомъ планѣ своихъ гонителей, мадьяръ, и примкнули къ Габсбургамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійскіе славяне, собравшіеся на „славянскомъ съѣздѣ" въ Прагѣ, рѣшительно высказались противъ „безчувственной политики", которая мѣшаетъ освобожденію ихъ братьевъ въ Турціи, высказались также въ пользу ихъ присоединенія къ „славянскому союзному государству"—Австріи. Генераловъ императора, дѣйствовавшихъ противъ мадьярскихъ инсургентовъ, поддерживали словаки, румыны, преимущественно же хорваты подъ своимъ баномъ Елачичемъ, и сербы, руководимые своимъ патріархомъ Раячичемъ. Старая монархія Габсбурговъ стала опасно расшатываться, и, еслибъ не было помощи славянъ, австрійскихъ и не-австрійскихъ, расшаталась бы вполнѣ. И вотъ, тогда-то, въ тѣ опасныя для Австріи минуты, извѣстныя притязанія Венгріи на югославянскія земли стали принимать болѣе практическую важность. Не мудрено, что мадьяры, стремясь къ образованію независимой Венгріи, пожелали подвинуть ея границы болѣе на югъ. Эти планы не остались тайной и для южныхъ славянъ. Вотъ что писали въ сентябрѣ 1848 г., въ самый разгаръ борьбы мадьярско-сербской, оба сановника княжества сербскаго, Петроніевичъ и Стефановичъ, Стратимировичу [1]). Они увѣщеваютъ этого вождя венгерскихъ сербовъ,

[1]) Срв. любопытную переписку Раячича въ журналѣ *Србски Летопис* за 1866 г.

чтобъ онъ слушался патріарха Раячича. Если Венгрія достигнетъ полной самостоятельности, то Сербія очутится въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ мадьярами. Въ такомъ случаѣ мадьяры привели бы въ дѣйствіе свою супремацію надъ всѣми не-мадьярскими народами Венгріи, въ томъ числѣ и сербами, „и заявили бы какія-то устарѣлыя и неосновательныя притязанія на сосѣднія земли оттоманской имперіи, именно на нашу Сербію. Это высокомѣрное стремленіе мадьяръ заставило бы Сербію заботиться о своихъ интересахъ и о своей будущности". На такія притязанія мадьяръ указываетъ и патріархъ Раячичъ, вызывая сербовъ изъ княжества на вооруженную помощь ихъ венгерскимъ братьямъ вновь устроенной сербской войводинѣ, противъ мадьяръ, этихъ гонителей всѣхъ не-мадьярскихъ народовъ въ Венгріи. „Но этого мало: мадьяры говорятъ и пишутъ, что *Сербія, Босна и Болгарія* ихъ собственныя земли; они ожидаютъ случая, поработивъ насъ, послать и къ вамъ мадьярскія письма, протоколы и приказы по земскому управленію, въ школы и въ самую церковь, вмѣстѣ съ полевыми судами, висѣлицами, убійствами, какъ это дѣлаютъ у насъ". При тогдашнемъ ненадежномъ положеніи дѣлъ въ Австріи вообще и въ Венгріи въ особенности, и при угрожающихъ успѣхахъ мадьярской революціи, всѣ сербы, венгерскіе и турецкіе, стали помышлять о болѣе тѣсномъ союзѣ. Уже въ маѣ мѣсяцѣ патріархъ Раячичъ высказался въ пользу соединенія всѣхъ югославянъ. „Или теперь, или никогда,—писалъ онъ тогда сербскому правительству,—всѣ родственные югославянскіе народы должны соединиться, и особенно долженъ сербскій народъ освободиться отъ мадьярскаго ига". Эта мысль все больше усиливалась при неудачахъ австрійскаго правительства, которое не было въ состояніи подать помощь борющимся сербамъ. Патріархъ даже подумалъ о подданствѣ сербской войводины Турціи подъ русскимъ покровительствомъ; ибо „лучше намъ есть, на подобіе княжества Сербіи, подъ именнымъ покровительствомъ Россіи, и турецкое, нежели мадьярское, иго носити". Правительство сербскаго княжества было не прочь, въ случаѣ надобности, принять такую политическую комбинацію [1])

Но вскорѣ всѣ эти надежды и опасенія сербовъ кончились. Съ помощью Россіи мадьярское возстаніе подавлено, и цѣлость имперіи Габсбурговъ возстановлена.

---

[1]) Осенью 1848 г. Стратимировичъ, предполагая еще возможность примиренія сербовъ и мадьяръ, задумалъ смѣлый планъ: съ 10.000 ч. вторгнуться въ Босну и Герцеговину, завоевать эти земли и присоединить ихъ къ Сербіи, и это сербское королевство отдать Михаилу Обреновичу. Но этотъ планъ по многимъ причинамъ— остался только планомъ. (Срв. автобіографію Стратимировича въ чешскомъ журналѣ „Свѣтозоръ" 1869 г., 24 дек.).

Вожди мадьярскаго возстанія, проживая на чужбинѣ, могли спокойнѣе помышлять о минувшемъ, именно о своихъ политическихъ ошибкахъ и промахахъ относительно не-мадьярскихъ народовъ въ Венгріи. И вотъ, на чужбинѣ, главный вождь, который еще въ 1848—49 гг. въ Венгріи признавалъ одинъ только народъ, венгерскій, т.-е. мадьярскій, и не могъ на картѣ отыскать „Хорватію“, придумываетъ новый способъ спокойнаго совмѣстнаго жительства всѣхъ народовъ дунайскихъ земель. Людовикъ Кошутъ сочиняетъ свой планъ „Дунайской федераціи“, которая должна возникнуть на развалинахъ Австріи и Турціи, предлагаетъ, стало быть, до извѣстной степени осуществленіе „историческаго права“ Венгріи на предбалканскія земли Турціи. По этому плану дунайская федерація (уже не Венгрія) должна состоять изъ нѣсколькихъ государствъ, Венгріи (разумѣется и съ словаками, русскими, румынами), Семиградіи, Хорватіи, Босны, Сербіи, Болгаріи и Румыніи; эти государства были бы вполнѣ независимы, имѣя только не многія дѣла общія, именно дѣла военныя; о нихъ совѣщались бы поочереди на сеймахъ: въ Пештѣ, Колошварѣ, Загребѣ, Бѣлградѣ (и Сараевѣ), Терновѣ, Букарештѣ; дипломатическимъ языкомъ федераціи долженъ быть французскій — какъ языкъ нейтральный. Въ этой дунайской федераціи было бы около 28 мил. жителей, именно 5 м. мадьяръ, 8 м. румынъ, 2 м. нѣмцевъ и 13 м. славянъ (3 м. словаковъ и русскихъ, 6 м. хорватовъ и сербовъ, 4 м. болгаръ). Мадьярскій элементъ, который, разумѣется, присвоилъ бы себѣ въ этой федераціи руководящую роль, составлялъ бы менѣе $1/_5$ всего населенія. Впрочемъ, мы увѣрены, что виновникъ этой политической диковинки самъ не вѣрилъ въ возможность осуществленія такого государственнаго хаоса.

Восточная война 1853—56 гг., поднятая въ пользу цѣлости Турціи, не могла, разумѣется, благопріятствовать разнымъ планамъ расширенія Австріи въ ущербъ Турціи. Напрасно польская эмиграція затѣвала тогда свой „славянскій союзъ“, выдуманный ею еще въ 1848 г., т.-е. союзъ славянъ (исключая, конечно, великорусовъ), а мадьярская эмиграція вѣрила въ возможность освобожденія Венгріи даже при помощи этого „славянскаго“ союза. Австрія зорко слѣдила за положеніемъ дѣлъ въ дунайскихъ земляхъ, заняла Валахію и Молдавію, и угрожала Сербіи. Послѣдняя умоляла Турцію защищать ее отъ Австріи. „Вступленіе австрійцевъ въ Сербію было бы крайне несчастной мѣрой, которая могла бы дать поводъ ко множеству замѣшательствъ. Всякія другія вспомогательныя войска слѣдуетъ предпочесть въ семъ случаѣ австрійскимъ. Сербскій народъ питаетъ такую невыразимую ненависть, такое отвращеніе къ Австріи, что каждый въ ту же минуту сочтетъ вступленіе австрійцевъ въ Сербію такою

угрожающей опасностью, такимъ великимъ несчастьемъ, что вся дѣятельность сербовъ обратится противъ австрійскихъ войскъ, что всѣ дѣйствующія силы народа направлены будутъ на пораженіе этихъ враговъ, въ которыхъ во всякомъ случаѣ увидятъ олицетвореніе тѣхъ желаній, которыя побуждаютъ Австрію, все равно подъ какимъ бы то ни было законнымъ наименованіемъ, провести въ Сербіи ея эгоистическіе разсчеты". Такія слова написалъ Портѣ самъ, преданный Австріи, князь Александръ Карагеоріевичъ [1]).

На этотъ разъ Австрія не заняла Сербіи, а изъ занятыхъ румынскихъ княжествъ скоро вышла. Не знаемъ, насколько вѣрны были слухи, появившіеся въ 1863 г. во французскихъ газетахъ, будто Франція тогда обѣщала Австріи Босну, Герцеговину, Сербію и Румынію, взамѣнъ Венеціи и Галиціи. Въ вопросѣ выдачи турецкихъ крѣпостей Сербіи Австрія поддерживала послѣднюю, чтобъ, какъ выразился министръ Бейстъ (1866 г.), „сербы убѣдились, что не только русскій кабинетъ, а и другой можетъ воодушевиться для славянской независимости".

Побѣды Пруссіи, 1866 г., создали, наконецъ, венгерское государство. При коронаціи императора Франца-Іосифа въ короли венгерскіе, (1867 г.), развѣвались знамена *Босны*, *Сербіи*, *Болгаріи* и *Румыніи* подъ Будиномъ-Пештомъ наравнѣ съ знаменами Венгріи, Хорватіи (съ Славоніей и Далмаціей) и Семиградіи, и апостольскій король венгерскій произносилъ извѣстную присягу, но уже не на латинскомъ языкѣ, а по-мадьярски. Мадьяры осуществили безъ вооруженной революціи неудавшійся планъ 1848—49 годовъ.

Въ числѣ внѣшнихъ вопросовъ, волнующихъ венгерскій парламентъ, „восточный вопросъ" играетъ одну изъ важнѣйшихъ ролей; онъ сдѣлался предметомъ разныхъ интерпелляцій со стороны депутатовъ сейма венгерскаго и общаго австро-венгерскаго (делегацій), и отвѣтовъ со стороны министровъ. Интерпелляціи по поводу восточнаго вопроса поднимали сначала преимущественно сербскіе депутаты, желая выяснить отношеніе къ нему Австро-Венгріи въ случаѣ вооруженныхъ возстаній турецкихъ христіанъ противъ Порты. Уже въ началѣ 1868 г., въ засѣданіяхъ венгерской делегаціи заявилъ министерскій совѣтникъ, Фальке, что австро-венгерское правительство въ случаѣ такого вооруженнаго возстанія не останется пассивнымъ зрителемъ. „Провозглашеніе полной пассивности во что бы ни стало, въ этомъ вопросѣ, который затрогиваетъ самые жизненные интересы монархіи, особенно же Венгріи, было бы игнорированіемъ нашихъ ближайшихъ интересовъ, которое повело бы за собой тяжелыя по-

1) Поповъ: Россія и Сербія, II, 384.

слѣдствія и которое бы жестоко отмстилось". Австро-Венгрія вошла въ дружескія сношенія съ временнымъ правительствомъ, управлявшимъ Сербіей послѣ убіенія князя Михаила, и говорятъ, сдѣлала извѣстныя обѣщанія относительно будущаго всѣхъ турецкихъ сербовъ. Какъ бы то ни было, въ концѣ 1868 г. и въ началѣ 1869 г. появились слухи, будто у Австро-Венгріи есть извѣстныя намѣренія относительно *Босны*. Извѣстный мадьярскій генералъ Тюрръ, который прежде въ изгнаніи тоже мечталъ о дунайской федераціи, но, возвратившись въ возобновленную Венгрію, конечно, отказался отъ этихъ мечтаній, — Тюрръ, путешествуя тогда между венгерскими сербами, проболтался о предстоящей будто аннексіи Босны, и даже обѣщалъ одному сербу мѣсто великаго жупана въ Боснѣ.

Эти слухи побудили сербскихъ депутатовъ венгерскаго сейма, Стратимировича и Милетича, поговорить о восточномъ вопросѣ вообще. По поводу преній о всеподданнѣйшемъ адрессѣ королю, Стратимировичъ въ рѣчи (4 іюня 1869 г.) предлагалъ внести въ адрессъ статью о восточномъ вопросѣ, которая бы рекомендовала правительству принципъ невмѣшательства во что бы ни стало. Стратимировичъ указывалъ на восточный вопросъ, какъ на самый жизненный вопросъ для Венгріи въ экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. Турція какъ государство, въ которомъ невозможны реформы, раньше или позже погибнетъ; а наслѣдство надо оставить ея молодымъ христіанскимъ народамъ. Такую политику должна защищать и Венгрія, та Венгрія, которая нѣкогда была оплотомъ Европы противъ завоевательныхъ варваровъ, и которая теперь должна пламенно желать освобожденія оставшихся еще подъ турецкимъ игомъ христіанскихъ народовъ. Австро-Венгрія не должна ни за что вмѣшиваться въ предстоящую на Балканѣ катастрофу, а менѣе всего въ пользу разлагающагося трупа: „она должна прямо заявить, что турецкое государство въ Европѣ отжило, что интересы цивилизаціи и человѣческаго прогресса требуютъ, чтобъ его оставили умереть спокойно, а не мѣшать ни прямо, ни косвенно христіанскимъ народамъ въ дѣлѣ ихъ освобожденія".

Но эта предполагаемая Стратимировичемъ статья отклонена венгерскимъ сеймомъ и не вошла въ адрессъ.

Въ подобномъ смыслѣ, какъ Стратимировичъ, высказался немного раньше (20 мая) и Милетичъ. Онъ требовалъ, чтобъ австро-венгерское правительство ни въ какомъ случаѣ *не придерживалось* политики вмѣшательства относительно Востока и политики аннексіи относительно Босны. Графъ Андраши, тогда венгерскій министръ-президентъ, отрицалъ всякія завоевательныя стремленія Австріи относительно Турціи; что касается принципа невмѣшательства, то Австрія

будетъ соблюдать этотъ принципъ до тѣхъ поръ, пока имъ будутъ руководиться и другія государства. Въ томъ же самомъ году, 17 декабря, Милетичъ вновь поднялъ восточный вопросъ въ венгерскомъ сеймѣ. Указывая на послѣдній отвѣтъ министра, онъ выводилъ изъ него желаніе Австріи поддерживать Турцію и мѣшать освобожденію турецкихъ христіанъ. Случившееся тогда путешествіе императора-короля Франца-Іосифа въ Константинополь онъ считалъ знакомъ дружбы къ Турціи, и „это путешествіе въ высшей степени оскорбляетъ чувства восточныхъ христіанъ и родственныхъ имъ народовъ въ Австро-Венгріи“. Австрія, стало быть, отождествляетъ свои собственные интересы съ интересами Порты, и свою судьбу съ судьбой Турціи. Зная, что реформы въ Турціи невозможны, все-таки желаетъ поддерживать турецкое варварство и произволъ въ ущербъ христіанскимъ народамъ, не безъ тайнаго желанія, въ концѣ-концовъ, замѣнить турецкое владычество своимъ. Восточные христіане имѣютъ священное право и обязанность,—сбросить позорное иго турецкое при первомъ удобномъ случаѣ; такое вооруженное восстаніе возбудитъ у всѣхъ австро-венгерскихъ славянъ сильнѣйшій отголосокъ, они будутъ считать каждаго друга Турціи своимъ врагомъ; у венгерскихъ же сербовъ нельзя отнимать права помогать своимъ братьямъ противъ турокъ. Вмѣшательство Австро-Венгріи въ возстаніе восточныхъ христіанъ поведетъ за собой вмѣшательство другихъ державъ, и наконецъ европейскій пожаръ, въ которомъ монархія Габсбурговъ, преимущественно же Венгрія, сдѣлается театромъ страшной войны и вмѣстѣ съ мадьярами погибнетъ. Спасеніе Венгріи возможно только посредствомъ согласія и дружбы съ восточно-христіанскими государствами, которыя съ своей стороны должны выяснить себѣ отношеніе Венгріи къ нимъ. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Милетичъ предлагалъ слѣдующую резолюцію: „Сеймъ земель венгерской короны торжественно заявляетъ: Венгрія во всѣхъ обстоятельствахъ, даже въ случаѣ столкновенія между Портой и восточными христіанскими государствами и народами, будетъ твердо держаться *политики невмѣшательства*, съ условіемъ, что ни одно другое государство не вмѣшается такимъ именно образомъ, который былъ бы опаснымъ для свободы и самостоятельности восточныхъ христіанскихъ народовъ и государствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ и Венгріи. Христіанскія государства и народы Востока могутъ—на пути и въ стремленіи къ свободѣ, цивилизаціи и самостоятельности—разсчитывать на симпатіи Венгріи и народовъ венгерской короны“.

Сеймъ отклонилъ этотъ проектъ резолюціи депутата Милетича.

Неописанную радость возбудилъ у австрійскихъ славянъ рѣшительный подвигъ Россіи, когда она, воспользовавшись нѣмецко-французской

войной 1870 г., разорвала позорную статью парижскаго трактата относительно Чернаго моря. Австрійскіе славяне видѣли въ этомъ начало дѣятельнаго вмѣшательства великой славянской державы въ пользу славянскихъ народовъ Турціи, и рѣзко осуждали линнюю суетливость австро-венгерской дипломатіи въ пользу Турціи. Такіе взгляды австрійскихъ славянъ (кромѣ поляковъ) лучше всего выражены въ „манифестаціи чешскихъ депутатовъ", 8 декабря 1870 г. Довѣренныя лица чешскаго народа, числомъ 86, привѣтствовали этотъ поступокъ Россіи съ восторгомъ, высказали свои живѣйшія симпатіи къ восточнымъ христіанскимъ народамъ, и пожелали освобожденія отъ турецкаго ига. Вмѣстѣ съ тѣмъ они считали всякое враждебное дѣйствіе Австріи противъ Россіи и восточно-христіанскихъ народовъ—опасной для Австріи политикой.

Въ то время, когда неутомимый австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Бейстъ, не переставалъ сочинять разныя ноты, восточный вопросъ очутился вновь въ венгерскомъ парламентѣ. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1871 г. Стратимировичъ высказалъ опасеніе, что Австро-Венгрія вмѣшается во внутреннія дѣла дунайскихъ княжествъ, и опять заговорилъ о политикѣ Австро-Венгріи въ восточномъ вопросѣ. Эта политика, стремящаяся къ сохраненію цѣлости Турціи, отталкиваетъ всѣ восточно-христіанскіе народы отъ монархіи Габсбурговъ, наполняетъ ихъ недовѣріемъ и ведетъ ихъ въ объятія Россіи. А между тѣмъ было бы въ интересахъ Австріи, еслибъ она всѣ народы дунайской области соединила въ могущественный восточный союзъ, съ полнымъ уваженіемъ къ ихъ самостоятельности и ихъ историческому праву. Поэтому—кончилъ ораторъ—необходимо, чтобъ Австрія не препятствовала освобожденію турецкихъ христіанъ и образованію свободныхъ христіанскихъ государствъ на мѣстѣ Турціи. Графъ Андраши—въ согласіи съ государственнымъ канцлеромъ—повторилъ свой послѣдній отвѣтъ, данный Милетичу, и при громкомъ одобреніи палаты заявилъ, что руководящій принципъ Австро-Венгріи въ восточномъ вопросѣ—*принципъ невмѣшательства,* но съ условіемъ, чтобъ этого принципа держались и другія государства.

Итакъ, по словамъ самыхъ компетентныхъ лицъ, принципъ, которымъ Австрія должна руководиться въ восточномъ вопросѣ, принципъ невмѣшательства, но вмѣстѣ съ тѣмъ—и принципъ вмѣшательства другимъ въ дѣлѣ освобожденія турецкихъ христіанъ. Согласимся, принципъ—по крайней мѣрѣ для такого государства, какъ Австрія—очень опасный.

Приближалось однако время, когда Австро-Венгрія вынуждена была обозначить свое отношеніе къ восточному вопросу на практикѣ.

Въ княжествѣ сербскомъ праздновался 22 день августа мѣсяца

1872 г. съ особымъ торжествомъ. Въ тотъ день молодой князь сербскій Миланъ Обреновичъ провозглашенъ совершеннолѣтнимъ. Сербскій народъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и венгерскіе сербы—видѣли въ воцареніи юнаго потомка Милоша начало лучшаго будущаго не только для Сербіи, но также для всѣхъ турецкихъ христіанъ. Всѣ эти желанія, всѣ эти надежды разнымъ образомъ высказаны тогда въ Сербіи, въ печатныхъ изданіяхъ, въ пѣсняхъ, въ картинкахъ и пр. „Твои границы пусть расширятся: вотъ чего тебѣ желаютъ всѣ сербы!"—гласила надпись на одной тріумфальной аркѣ. „Босна, Герцеговина и Старая Сербія должны быть моими!" вотъ слова на изображеніи князя Милана. „Сегодня князь, завтра король, а черезъ годъ царь сербскій. Теперь празднуемъ торжество сербскаго княжества, а черезъ годъ—съ помощью Божіей—торжество сербскаго царства!" Такія и имъ подобныя слова можно было тогда слышать и читать всюду въ Бѣлградѣ, во всей Сербіи и вообще между всѣми сербами передъ и за Савой. Кажется, что тутъ нечему удивляться, если несчастный, разрозненный сербскій народъ утѣшался лучшей будущностью, желалъ соединенія, по крайней мѣрѣ, всѣхъ сербскихъ земель въ Турціи подъ скипетромъ сербскаго князя. Все это такъ естественно, такъ прекрасно, что всякій благородный человѣкъ съ этимъ долженъ согласиться.

Но совсѣмъ иначе посмотрѣли на бѣлградскій праздникъ мадьяры, тѣ самые, которые—посредствомъ своего министра-президента—не переставали заявлять принципъ невмѣшательства во внутреннія дѣла Турціи. Мадьярская журналистика съ ожесточеніемъ набросилась не только на венгерскихъ сербовъ—по поводу внезапнаго закрытія только что открытаго ихъ собора,—но и на сербовъ княжества. Заявленія сочувствія венгерскихъ сербовъ къ сербамъ княжества мадьяры не стѣснялись называть сумасшествіемъ, преступленіемъ; за то, что венгерскіе сербы приняты въ Бѣлградѣ какъ братья, мадьяры называли сербскихъ правителей „авантюристами", а весь сербскій народъ, пламенно желающій лучшей будущности, это—тоже „авантюристы и фанатическая чернь". Роль „Великой Сербіи" (т.-е. просто стремленіе соединить сербскія земли) не годится для маленькаго сербскаго княжества. Если между Венгріей и Сербіей должна состояться аттракція, какъ этого желаютъ „велико-сербы", то это можетъ случиться только въ ущербъ Сербіи, которая невольно упадетъ на лоно Австро-Венгріи. Пусть это помнятъ въ Бѣлградѣ, прежде чѣмъ будутъ продолжать свою авантюристскую политику! А въ какомъ смыслѣ высказывались тогда всѣ мадьярскія газеты? Да, въ самомъ дѣлѣ, подобныя заявленія—странная иллюстрація принципа „невмѣшательства". Видно, что подъ послѣдней фразой скрывается

что-то, о чемъ однако не ловко публично говорить.... Только австрійскія газеты иногда поговаривали, какъ было бы хорошо пріобрѣсти для Далмаціи „заднюю землю“ (Hinterland), Босну, или, пожалуй, учредить въ ней австрійскую секундогенитуру. Не станемъ здѣсь приводить разныя мнѣнія такого рода, а остановимся только на брошюрѣ барона Гельферта: Russland und Österreich (Wien, 1870).

Гельфертъ, извѣстный публицистъ, историкъ и государственный дѣятель старо-австрійскаго централистическаго закала, написалъ эту брошюру, какъ отвѣтъ на извѣстное „Мнѣніе о восточномъ вопросѣ“, генерала Фадѣева. Гельфертъ прямо говоритъ, что „панславистическое призваніе московитской великой державы еще нигдѣ не формулировано такъ рѣзко и смѣло, какъ въ этой брошюрѣ Фадѣева“, которую Гельфертъ вообще ставитъ очень высоко. Австрійскій публицистъ горько упрекаетъ австрійскую дипломатію, что она со временъ Іосифа II перестала вѣрно понимать восточный вопросъ и ввела Австрію въ фальшивое положеніе относительно восточныхъ христіанскихъ народовъ [1]). Гельфертъ рѣзко осуждаетъ преслѣдованіе австрійскихъ славянъ нѣмцами и мадьярами, которые такимъ образомъ прямо работаютъ въ пользу Россіи. Будущность Австріи—на востокѣ, въ Турціи, конечно только Австріи „децентрализованной“ (т.-е. федеративной), которая можетъ имѣть притягательную силу на будущія дунайскія христіанскія государства; они могутъ быть вполнѣ самостоятельны или соединены съ Австріей; въ томъ и другомъ случаѣ они найдутъ естественную опору въ федеративной Австріи, которую ея румыны и славяне считали бы настоящимъ своимъ отечествомъ, и которая сдѣлалась бы центромъ тяготѣнія для остальныхъ ихъ соплеменниковъ. Посредствомъ же своихъ югославянъ Австрія можетъ имѣть рѣшительное вліяніе на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, не ища здѣсь—кромѣ Босны и Герцеговины—никакихъ завоеваній. Связанные съ Австріей моральными узами, народы полуострова будутъ ея союзниками и въ случаѣ войны съ Россіей. Баронъ Гельфертъ кончаетъ свои любопытныя разсужденія: „Фадѣевъ говоритъ: ключъ для рѣшенія вопросовъ польскаго, славянскаго и черноморскаго держитъ въ рукахъ Австрія. *Вырвемъ* этотъ ключъ у Австріи, и европейскій востокъ принадлежитъ Россіи. Мы съ своей стороны говоримъ: ключъ восточнаго вопроса держитъ въ рукахъ Австрія. *Удержимъ* этотъ ключъ за собой и воспользуемся имъ какъ слѣдуетъ, и европейскій востокъ принадлежитъ

[1]) Гельфертъ приводитъ очень замѣчательныя слова одного австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ о Герцеговинѣ: „Die Herzegowina? Ich habe nicht die Ehre diese Dame zu kennen“. Жаль, что авторъ не назвалъ этого государственнаго свѣтила по имени. По его намекамъ, можно догадываться, что эти слова приписывались гр. Буолю или Рехбергу.

Австрія!" Въ последнее время стали въ Вѣнѣ даже утверждать, что, молъ, для Австріи было бы выгоднѣе, еслибъ она, подобно Россіи, перестала защищать status quo въ Турціи, а способствовала постепенной „эманципаціи" христіанскихъ народовъ на востокѣ, и пр. Последній взглядъ высказала именно „Presse" лѣтомъ 1873 г., вскорѣ послѣ посѣщенія Вѣны императоромъ Александромъ. Тогда говорили даже, что Россія и Австрія начинаютъ сближаться другъ съ другомъ.....

Лѣтомъ 1875 г., вскорѣ послѣ посѣщенія Далмаціи императоромъ Францомъ-Іосифомъ, вспыхнуло возстаніе въ Герцеговинѣ. Съ крикомъ: „живіо Франьо Іосипъ, *краль хрватски!*" — началась эта, какъ казалось, вспышка, между тѣмъ какъ въ ней покоился зародышъ событій всемірной важности. Возстаніе распространилось и въ Боснѣ, а черезъ годъ повело за собой войну Сербіи и Черной-Горы съ Турціей. Сербы княжества и Черной-Горы взялись за оружіе для освобожденія своихъ несчастныхъ братьевъ, а не король хорватскій. И когда оба маленькія сербскія княжества не въ силахъ были справиться съ турками, то попыталась спасти Сербію отъ полнаго раздавленія—опять не венгерская корона, а Россія. Наконецъ, въ защиту и для освобожденія восточныхъ христіанъ отъ жестокаго ига, возстала опять не Австрія, а Россія. А Австро-Венгрія? Она, правда, „не вмѣшалась" въ восточный вопросъ ни въ пользу Турціи, ни въ пользу христіанъ, ибо тѣ разныя ноты и проекты извѣстнаго status quo amélioré никто не будетъ считать серьёзнымъ заступничествомъ за турецкихъ христіанъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не могла помѣшать Россіи вмѣшаться въ этотъ вопросъ въ пользу турецкихъ христіанъ. Такимъ образомъ, принципъ невмѣшательства, такъ часто провозглашаемый государственными людьми Австро-Венгріи, соблюденъ только по меньшей части: прибавляемое къ нему важное условіе *не* исполнено, Австрія не могла задержать Россію.

Возстаніе герцеговинцевъ и босняковъ и послѣдующая за нимъ война Сербіи и Черной-Горы съ Турціей, преимущественно же война Россіи съ Турціей, все это сильно отразилось въ разноплеменной Австріи. Выше упомянутое предсказаніе Милетича о группировкѣ національныхъ партій Австріи по поводу награнувшаго внезапно восточнаго вопроса — сбылось буквально. Славяне (кромѣ поляковъ) и румыны заявили живѣйшія симпатіи къ своимъ борющимся братьямъ, словомъ и дѣломъ; нѣмцы отнеслись къ этой борьбѣ христіанъ, особенно же южныхъ славянъ, если не враждебно, то довольно равнодушно, а мадьяры—съ неистовой враждой. Изъ австрійскихъ славянъ самыя теплыя симпатіи заявляютъ сербы, словенцы, чехи и словаки, русскіе; симпатіи хорватовъ не менѣе теплы, но они какъ-

то обусловливаются извѣстными политическими разсчетами относительно Босны и Герцеговины. Хорваты и словенцы желаютъ присоединить Босну и Герцеговину къ Тріединому королевству, на основаніи „историческаго права“ венгерско-хорватской короны, и заявляютъ объ этомъ безпрестанно въ печати, въ публичныхъ собраніяхъ, между прочимъ, и на послѣднемъ анти-турецкомъ загребскомъ митингѣ (5 августа н. ст.). Притязанія хорватовъ сталкиваются здѣсь съ „естественнымъ правомъ“ сербовъ, желающихъ присоединенія Босны и Герцеговины къ Сербіи, пожалуй, къ Черной-Горѣ. Этотъ политическій антагонизмъ между хорватами и сербами находитъ пищу и въ религіозномъ различіи обоихъ отраслей одного народа, которымъ и воспользовались нѣкоторые безсовѣстные люди, наущенные самимъ дьяволомъ—какъ выразился самъ благородный патріотъ хорватскій, епископъ Штроссмайеръ [1]). Одни только австрійскіе поляки отнеслись къ борющимся за свободу южнымъ соплеменникамъ по-своему, т.-е. они увидѣли въ этой борьбѣ—„козни Москвы“, и поэтому относятся къ югославянскому движенію съ глубокимъ молчаніемъ, или совѣтуютъ южнымъ славянамъ отказаться отъ „Москвы“, обѣщая имъ взамѣнъ протекцію „свою“ и „Европы“. Австрійскіе славяне желали бы, чтобъ Австрія, вмѣстѣ съ Россіей, разрѣшила восточный вопросъ въ пользу турецкихъ югославянъ. Но такъ какъ Австрія отказывается отъ такой политической комбинаціи, то славяне требуютъ отъ нея, по крайней мѣрѣ, невмѣшательства, и очень довольны, что этотъ вопросъ рѣшаетъ Россія.

Наравнѣ съ славянами, совмѣстнаго дѣйствія Австріи и Россіи въ пользу турецкихъ христіанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ и присоединенія Босни и Герцеговины къ Австріи—желаютъ и нѣкоторые высшіе старо-австрійскіе бюрократическіе и военные кружки, которые не могутъ еще забыть бывшаго единства монархіи Габсбурговъ. Эти господа даже думаютъ, что Австрія должна „вытѣснить“ Россію изъ Балканскаго полуострова и сама стать во главѣ югославянскаго движенія. Много говорили и говорятъ о „славянской военной партіи“ въ Австріи, которая желаетъ идти руку объ руку съ Россіей и ищетъ завоеванія на Балканскомъ полуостровѣ, именно Босни и Герцеговины. Къ этой партіи будто бы принадлежатъ „славянскіе“ генералы Марончичъ (главнокомандующій въ Вѣнѣ), Филиповичи въ (Пра-

---

[1]) И вотъ что написалъ объ этомъ религіозномъ различіи у славянъ другой просвѣщенный хорватъ XVII вѣка, католическій священникъ Крижаничъ: «Глупо дѣлаетъ онъ, кій ся мѣшаетъ въ чужіе споры, изъ коихъ не можетъ ему пожитокъ допасть... Аще ся патріархъ и папа препираютъ, и скубутъ, и за брады водятъ для предкованія: мы для предкованія нѣсмо должны чинить раздора, нить заступать онихъ, кои чинятъ раздоръ».

гѣ и въ Бернѣ), Моллинари (въ Загребѣ), Родичъ (намѣстникъ далматскій), и др. Замѣтимъ, что всѣ эти почтенные австрійскіе воины не составляютъ никакой партіи, а какъ вѣрные слуги императора-короля австрійско-венгерскаго только исполняютъ его приказанія; а „славянами" или, скорѣе, „югославянами" они суть настолько, насколько это позволяетъ санъ австрійскаго генерала. На направленіе австрійской политики они не имѣютъ вліянія: теперь не 1848 годъ, не время Виндишгрецовъ и Елачичей.

Если грядущія событія на Балканскомъ полуостровѣ возбуждаютъ между австрійскими славянами радостное движеніе, то мадьяры смотрятъ на нихъ съ неописаннымъ ужасомъ и озлобленіемъ. По мѣрѣ того, какъ герцеговинская вспышка принимала все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры и, наконецъ, разразилась русско-турецкой войной,—мадьяры все больше и больше волновались. Они увидали, что восточный вопросъ не рѣшается по ихъ желаніямъ, по ихъ почину; они увидали, что кровавая драма на берегахъ Неретвы, Босны и Моравы, ужасная трагедія на берегахъ Марицы взволновали весь славянскій міръ, отъ Шумавы до Тихаго океана. Увидѣли они, что славянскій „соборъ многъ зѣло" поднимается, и что его авангардъ доходитъ до самаго Пешта и Дебрецина, Темешвара, Сегедина и Печуха.

Съ 1875 г. восточный вопросъ не выходитъ изъ стѣнъ венгерскаго парламента, изъ дворцовъ магнатовъ и изъ хижинъ бочкорошей и чикошей; всѣ мадьяры безъ различія толкуютъ о восточномъ вопросѣ. Успѣхи турецкаго оружія противъ Сербіи вызывали у мадьяръ всеобщій восторгъ и пламенное желаніе, чтобъ ненавистная Сербія была окончательно раздавлена турками. Провозглашеніе князя Милана королемъ сербскимъ доводило мадьяръ, равнымъ образомъ какъ и правительственные австрійскіе кружки, до изступленія. Мадьярскіе политическіе вожди и знаменитости заявляютъ самыя теплыя симпатіи туркамъ. Кошутъ настойчиво требуетъ, чтобъ Австро-Венгрія не побоялась войны, только бы помѣшать Россіи осуществить ея планы на Востокѣ; гибель турокъ поведетъ за собой и гибель мадьяръ; другая мадьярская знаменитость, графъ Зичи (бывшій министръ торговли) назвалъ всѣ слои мадьярскаго народа туркофильскими, и заявилъ, что союзъ между мадьярами и турками — единственное спасеніе обоихъ; третья мадьярская знаменитость, генералъ Клапка, высказалъ мнѣніе, что судьба турокъ и мадьяръ, двухъ братскихъ племенъ, тѣсно связана, и что паденіе Турціи поведетъ за собой и паденіе Венгріи. Послѣднюю мысль о братствѣ и тѣснѣйшихъ связяхъ турокъ и мадьяръ заявила съ особенной торжественностью мадьярская молодежь. Мадьярская депутація въ Кон-

стантинополѣ и турецкая въ Пештѣ не переставали говорить на эту тэму. Оба „братскіе народа“ торжественно заявили, что они питаютъ другъ къ другу живѣйшія симпатіи, и что отнынѣ ихъ судьба связана тѣснѣйшимъ образомъ. Противъ „моровнаго дуновенія сѣвернаго колосса“, противъ „варварскихъ московитовъ угрожающихъ цивилизаціи“, противъ „коварной Россіи, этого бича природы“—кричали въ одинъ голосъ мадьярскіе депутаты, студенты и другіе граждане, и турецкіе улемы и софты. Этотъ союзъ двухъ братскихъ народовъ спасетъ европейскую „цивилизацію“, и турецкія и мадьярскія сабли задержатъ сѣвернаго колосса—думалъ одинъ турецкій софта или улема въ Пештѣ (въ апрѣлѣ 1877 г.). А на послѣднемъ митингѣ или собраніи народа въ Пештѣ (26 іюля н. ст. 1877 г.) мадьярскіе вожди неистовствовали противъ „варваровъ“, русскихъ. Клапка опасается, что Россія, раздавивъ Турцію, обратится противъ Австріи и „цивилизаціи“, и во всей Венгріи мадьяры принимаютъ резолюцію, что завоевательная политика Россіи „угрожаетъ интересамъ“ Австро-Венгріи, и побрякиваютъ вилагошскими саблями. Мы бы зашли слишкомъ далеко, если бы слѣдили за всѣми подробностями, въ какихъ обнаруживается эта трогательная дружба мадьяръ къ туркамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ эта страшная ненависть къ Россіи.

Между тѣмъ въ обоихъ парламентахъ Австріи восточный вопросъ поднялъ много шуму. Въ австрійскомъ парламентѣ и въ другихъ политическихъ кружкахъ господствовалъ по этому поводу полный разладъ; нѣмецкіе депутаты очень пеняли на Россію, что она собирается нанести ударъ цѣлости Турціи; одинъ изъ этихъ депутатовъ сказалъ, что безъ позволенія Австріи не смѣютъ образоваться на ея границахъ славянскія государства (slavische Neubildungen); другой (бывшій министръ Др. Искра) предпочитаетъ цѣлость Турціи, но если послѣдняя уже распадется, то Босны и Герцеговины мало: границы Австріи должны подвинуться до Архипелага и до самой Греціи (!) [1]. Почтенный патеръ Грейтеръ, изъ Тироля, много говорилъ о „правахъ“ венгерскаго короля на сѣверо-турецкія земли и о коронаціонной его присягѣ. Славянскіе депутаты говорили въ пользу дѣятельнаго вмѣшательства Австріи въ пользу югославянъ; только польскіе депутаты сохраняли глубокое молчаніе. Бурнѣе были засѣданія венгерскаго парламента, особенно послѣ начала войны русско-турецкой. Въ этомъ парламентѣ, который вообще не отличается осо-

[1]) Подобную мысль высказалъ недавно и Fr. Hellwald: Die Türkei im Kampfe mit Russland (Augsburg, 1877); онъ совѣтуетъ Австріи подумать о присоединеніи Сербіи, Босны, Герцеговины, сѣверной Албаніи и Македоніи, и водрузить свое знамя на стѣнахъ Солуня. Почему же не на св. Софіи въ Константинополѣ?

бенной умѣренностью въ рѣчахъ, раздаются безконечныя рѣчи, интерпелляціи, петиціи по поводу разрѣшающагося безъ вѣдома и безъ участія и даже противъ воли мадьяръ—„восточнаго вопроса". Особенно много говорилось въ засѣданіяхъ послѣдняго сейма (лѣтомъ 1877 г.). Хорваты дѣлають въ Загребѣ овацію эрцгерцогу Альбрехту, высказываясь въ пользу освобожденія югославянъ, присоединенія Босны и Герцеговины къ Хорватіи, и громко заявляя свои русскія симпатіи, между прочимъ и русскимъ національнымъ гимномъ. И вотъ, сейчасъ по этому поводу интерпелляція въ венгерскомъ сеймѣ. Министръ-президентъ Тисса отвѣчаетъ, что въ этихъ демонстраціяхъ не было ничего особеннаго; а что касается русскаго гимна, то это вовсе не былъ русскій гимнъ, а „хорватская народная пѣснь", похожая, впрочемъ, на этотъ гимнъ. Баронъ Каашъ думаетъ, что война Россіи съ Турціей, возникшая вслѣдствіе дѣятельности славянскихъ комитетовъ (!), есть война панславизма, и что она можетъ кончиться соединеніемъ славянъ, а панславизмъ—наибольшая опасность для Австро-Венгріи. Свободная Румынія и Сербія, новое болгарское государство—все это постоянная опасность для Австро-Венгріи. Поэтому ораторъ требуетъ отъ правительства, чтобъ оно препятствовало образованію новыхъ славянскихъ государствъ, увеличенію существующихъ, союзу ихъ, или подпаденію ихъ подъ русскій протекторатъ. Почтенные представители Шомодьскаго комитата (губерніи) представляютъ сейму петицію въ пользу цѣлости Турціи—поступокъ въ парламентарной жизни довольно странный. Начинаются дебаты по этому поводу: графъ Аппоньи считаетъ цѣлость Турціи необходимостью для Австро-Венгріи; но Каллай, съ рѣдкимъ у мадьяръ безпристрастіемъ, прямо говоритъ, что ничто на свѣтѣ не спасетъ Турціи, и никакъ не желаетъ связать будущность Венгріи съ этимъ разлагающимся трупомъ. Сербскій депутатъ Политъ считаетъ всѣ эти туркофильскія демонстраціи мадьяръ совершенно безполезными, такъ какъ Россія не обращаетъ на нихъ ни малѣйшаго вниманія, и преслѣдуетъ неуклонно свою цѣль; единственнымъ возможнымъ разрѣшеніемъ восточнаго вопроса представляетъ образованіе малыхъ христіанскихъ государствъ.

Что касается правительства Австро-Венгріи, то оно до сихъ поръ не высказало рѣшительно своихъ взглядовъ на восточный вопросъ, говоря какъ настоящая дельфійская Пиѳія. Впрочемъ, если взять во вниманіе весь хаосъ, происходящій по поводу восточнаго вопроса посреди народонаселенія Австро-Венгріи, нельзя удивляться такой нерѣшительности. Австро-венгерское правительство заявило въ обоихъ парламентахъ, что Австро-Венгрія на чеку, что она не вмѣшается въ восточный вопросъ, пока не будутъ затронуты ея инте-

ресы". Въ чемъ именно состоятъ эти интересы, до сихъ поръ оффиціально не разъяснено. Только разъ, еще осенью 1876 г., Тисса, отвѣчая на одну интерпелляцію, сказалъ, между прочимъ, что „Венгрія не промѣняетъ права своего первородства за чечевицу". Эта библейская фраза венгерскаго министра-президента объяснялась такъ, будто для Австро-Венгріи присоединенія Босны и Герцеговины мало, и что въ случаѣ необходимости надо уже присоединить всѣ сѣверо-турецкія земли. Общее министерство иностранныхъ дѣлъ соблюдаетъ глубокое молчаніе. Такимъ образомъ, политика Австро-Венгріи относительно восточнаго вопроса до сихъ поръ неизвѣстна. Мы знаемъ и понимаемъ, что Австро-Венгрія предпочитала бы цѣлость Турціи съ введеніемъ извѣстныхъ „реформъ", тотъ пресловутый status quo amélioré. Въ случаѣ невозможности сохранить цѣлость Турціи, можно только догадываться, что Австро-Венгрія не желаетъ, чтобъ „Болгарія" сдѣлалась сербской, румынской или русской, что Босна и Герцеговина, переставши быть турецкими, должны сдѣлаться австро-венгерскими; что касается Сербіи и Черной-Горы, то онѣ могутъ получить только незначительныя исправленія границъ.

Итакъ, видимъ, что политика Австро-Венгріи все бьетъ только въ негативную сторону восточнаго вопроса: господство турокъ должно быть сохранено, такъ какъ для Австро-Венгріи цѣлость Турціи—необходима, а образованіе малыхъ христіанскихъ государствъ—опасно. О позитивной сторонѣ восточнаго вопроса, т.-е. о радикальномъ его разрѣшеніи прекращеніемъ господства турокъ въ Европѣ, австро-венгерская политика до сихъ поръ не высказалась, по крайней мѣрѣ явно. Но мы думаемъ, что австро-венгерское правительство, равнымъ образомъ какъ и сами мадьяры, несмотря на всѣ отрицанія, не прочь воспользоваться „историческимъ правомъ" венгерской короны и „осуществить" титулы венгерскаго короля: король босанскій, сербскій, болгарскій, румынскій. Мы, разумѣется, не думаемъ, что Австро-Венгрія придаетъ этимъ давно устарѣвшимъ притязаніямъ какое-нибудь практическое значеніе, и что она на ихъ основаніи вздумаетъ „ревиндиковать" эти „partes adnexas" венгерской короны, какъ, напр., въ 1772 г. „ревиндиковала" Галицію на основаніи титула rex Galiciae et Lodomeriae. Времена практическаго примѣненія „историческаго права", т.-е. возобновленія извѣстныхъ давнихъ отношеній между народами или государствами, давно миновали. Если въ давнія времена баны и короли босанскіе, короли и деспоты сербскіе, воеводы румынскіе, или даже царь болгарскій признали на короткое или продолжительное время верховную власть королей венгерскихъ, то послѣдующія затѣмъ событія, завоеванія турокъ, освобожденіе части сербскаго народа и проч., уничтожили эту власть. Все это только

давніе историческіе факты, и больше ничего. Если нѣкогда босанскіе Твердки, сербскіе Вуканы и Стефаны желали присоединиться къ венгерской коронѣ, то этого теперь вовсе не желаютъ ни Обреновичи, ни Петровичи, то этого вовсе не желаютъ ни сербы, ни болгары, ни румыны. Политическимъ идеаломъ всѣхъ этихъ народовъ вовсе не присоединеніе къ Венгріи, а соединеніе ихъ разрозненныхъ частей,—стало быть, эти идеалы стремятся не къ расширенію границъ Венгріи, а къ ихъ сокращенію. Кромѣ того, румыны, болгары и сербы не нуждаются въ покровительствѣ короля венгерскаго, имѣя болѣе сильнаго и естественнаго покровителя въ Россіи. Поэтому объ „историческомъ правѣ" Венгріи на сѣверо-турецкія земли нельзя серьёзно толковать. А то, на основаніи „историческаго права", пришлось бы, пожалуй, плохо самой Венгріи. Извѣстно, что въ X вѣкѣ словаки составляли часть чешскаго государства Болеславовъ, что въ IX вѣкѣ вся восточная Венгрія, съ старинной славянской „Пештью" (пещь—печь—нынѣшній Пештъ), была „задунайской Болгаріей". Да, „историческое право" венгерскаго короля, называющаго себя „rex Galiciae et Lodomeriae", можетъ столкнуться съ „естественнымъ и историческимъ правомъ" императора *Всероссійскаго* на Червонную и Угорскую Русь. Наконецъ, мы могли бы вспомнить, что мадьяры, или угры вышли изъ уральскихъ странъ, изъ *Югріи*, титулъ которой находится тоже въ числѣ титуловъ императора всероссійскаго, по крайней мѣрѣ Петръ Великій говорилъ Ракоцы, что мадьяры—его подданные, убѣжавшіе изъ Югріи: „Sunt, qui audiverunt, Petrum Ràkótzio jocabundum adfirmasse: Hungaros suae ditionis homines esse eosque ex Jugria profugos"—такъ писалъ въ 1726 г. ученый словакъ М. Белъ петербургскому академику Байеру [1]).

Но если это „историческое право" венгерской короны не можетъ нынѣ служить даже предлогомъ къ расширенію границъ Венгріи на юговостокѣ Европы до Чернаго моря и до Балканъ, то все-таки *суть* этого историческаго права составляютъ до сихъ поръ именно „интересы" Австро-Венгріи. А это и есть, да и должно быть завѣтное желаніе Австріи и Венгріи, и мадьяръ, какъ бы это ни скрывали или даже отрицали. Напрасно провозглашаетъ австро-венгерское правительство, что Австрія не желаетъ никакихъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ, пожалуй, далматскаго „Hinterland"—Босны и Герцеговины: это—нежеланіе, напоминающее басню о лисицѣ и винограде. Болѣе откровенные люди изъ политическихъ кружковъ австро-венгерскихъ вовсе не отказываются, въ данномъ случаѣ, отъ такихъ пріобрѣтеній. На нихъ намекалъ самъ министръ Тисса, говоря о

---

[1]) Adparatus ad historiam Hungariae (1735), p. 418.

„первородствѣ“ и о „чечевицѣ“; о нихъ публично говорятъ въ политическихъ кружкахъ, о нихъ пишутъ постоянно въ газетахъ. Еще въ началѣ 1877 г. оффиціозный органъ венгерскій „Pester Lloyd“ обнародовалъ статью прокурора Томашка: „Венгрія и восточный вопросъ“. По мнѣнію автора, Турція не можетъ дольше существовать; Австрія, вытѣсненная изъ Италіи и изъ Германіи, должна обратить свое вниманіе на наслѣдство османовъ; Босна необходима для Далмаціи; остальныя христіанскія государства должны заключить съ Австріей такой союзъ, какъ, наприм. южно-нѣмецкія государства съ Пруссіей. Изъ славянъ раздѣляютъ эти планы хорваты (по крайней мѣрѣ относительно Босны и Герцеговины), и можетъ быть и поляки. Остальные славяне отъ нихъ уже отказались.

Но бѣда въ томъ, что турецкіе югославяне и румыны не желаютъ этого присоединенія къ Австро-Венгріи, не питая къ ней ни малѣйшихъ симпатій; его желаютъ лишь малочисленные католики въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Православные сербы въ Сербіи, въ Боснѣ и Герцеговинѣ и въ Старой Сербіи видятъ свой центръ въ княжествахъ сербскомъ и черногорскомъ, и предпочитаютъ, наравнѣ съ болгарами и румынами, полную самостоятельность какой бы то ни было зависимости отъ Пешта или Вѣны. Кромѣ того, не желаетъ присоединенія этихъ земель къ Австро-Венгріи и Россія, желая ихъ самостоятельнаго развитія. Разумѣется, этому нежеланію главныхъ факторовъ должно уступить желаніе извѣстныхъ австро-венгерскихъ кружковъ. И, право, если нѣмецко-мадьярская монархія Габсбурговъ не можетъ или не хочетъ способствовать освобожденію этихъ народовъ, то для нея будетъ гораздо лучше, если она, отказавшись отъ всякихъ матеріальныхъ пріобрѣтеній на Балканскомъ полуостровѣ, кромѣ, пожалуй, турецкой Хорватіи, не будетъ вмѣшиваться въ дѣла православныхъ югославянъ и румынъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ мѣшать и Россіи въ установленіи новыхъ, справедливыхъ порядковъ на нижнемъ Дунаѣ. Въ противномъ случаѣ могли бы возникнуть опасныя затрудненія и столкновенія.

Мысли австрійскихъ патріотовъ стараго закала, въ родѣ барона Гельферта, о моральныхъ и матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ Австріи на Балканскомъ полуостровѣ основаны на иллюзіяхъ. Гельфертъ, настаивая на распространеніи моральнаго или матеріальнаго владычества Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, считаетъ необходимымъ для этого условіемъ предварительное возобновленіе старой цѣльной австрійской монархіи, какъ „decentralisirter Einheitsstaat“, т.-е. просто какъ федеративное государство (федерація народовъ? федерація „историческихъ“ индивидуальностей?) Дѣйствительно, допущеніе дуализма и господства мадьярскаго элемента въ восточной половинѣ мо-

нархіи оказывается роковой политической ошибкой, тѣмъ болѣе, что эта ошибка *не была* необходимой. Господство нѣмецкаго элемента, превосходящаго всѣ остальные народы Австріи количественно [1]) да и качественно, для не-нѣмецкихъ народовъ тяжело; но съ нимъ, какъ съ господствомъ всемірнаго культурнаго элемента, можно примириться, равнымъ образомъ какъ можно примириться и съ централистической Австріей, съ преобладаніемъ въ ней нѣмецкаго элемента. Между тѣмъ господство мадьярскаго элемента, ни въ чемъ не превосходящаго другія народности, развѣ только безцеремонностью и смотрящаго на всѣ политическіе вопросы съ своей, крайне узкой, племенной точки зрѣнія, просто невыносимо и раздражаетъ въ высшей степени. Но уничтоженіе дуализма со всѣми его послѣдствіями и возобновленіе цѣльной австрійской монархіи, особенно въ формѣ „децентрализованнаго цѣльнаго государства", по нашему мнѣнію, pium desiderium, осуществленіе котораго теперь невозможно. Весь этотъ предполагаемый радикальный переворотъ господствующихъ нынѣ политическихъ порядковъ въ монархіи Габсбурговъ сопряженъ съ такими непреодолимыми затрудненіями, что австрійскій императоръ едва ли когда-нибудь рѣшится на такой опасный экспериментъ. А то, пожалуй, могли бы повториться событія 1848—1849 гг., съ той однако важной разницей, что Россія Австріи уже помогать не будетъ. Здѣсь можно сказать: Austria sit ut est, aut non sit!

Было время, когда многіе славянскіе патріоты мечтали о „славянской", разумѣется, федеративной Австріи; теперь эти мечты встрѣчаются уже довольно рѣдко. Какъ же говорить о „славянской" Австріи, когда „славяне" *не одинъ народъ* съ однимъ языкомъ, съ одной культурой, съ одними стремленіями. Австрійскіе славяне-*народы*—строго опредѣленныя національныя единицы, каждая съ своей собственной исторической жизнью, съ своими политическими идеалами, и нерѣдко относящіяся другъ къ другу враждебно. Указываемъ на историческую вражду поляковъ и русскихъ въ Галиціи, политическіе идеалы которыхъ діаметрально противоположны, уничтожая, такъ сказать, другъ друга; вспомнимъ политическій антагонизмъ хорватовъ и сербовъ, и, наконецъ, различную точку зрѣнія австрійскихъ славянъ относительно восточнаго вопроса. Австрійскіе славяне представляютъ только этнографическое, но никакъ не національно-политическое цѣлое. Чеховъ и поляковъ, словаковъ и русскихъ, словенцевъ, хорватовъ и сербовъ нельзя считать однимъ народомъ, однимъ сплошнымъ политическимъ

---

[1]) Въ Австріи считается 9 м. нѣмцевъ, 7 м. чеховъ и словаковъ, 5 м. мадьяръ, 3 м. хорватовъ и сербовъ, 3 м. русскихъ, $2^1/_2$ м. румынъ, 2 м. поляковъ, $1^1/_2$ м. словенцевъ, кромѣ другихъ мелкихъ народностей; изъ нихъ многочисленные евреи считаютъ себя тоже нѣмцами.

факторомъ: политическая и парламентарная жизнь Австріи 1848—1877 гг. представляетъ тому достаточно доказательствъ. Поэтому славяне не въ состоянія дать Австріи „славянскій“ отпечатокъ, не говоря уже о томъ, что почти равносильные имъ нѣмцы и мадьяры добровольно никогда не приняли бы такого отпечатка. Впрочемъ, такой австро-славянскій союзъ, къ которому должны примкнуть и румыны и турецкіе славяне, представлялъ бы такой же государственный хаосъ, какъ пресловутая дунайская федерація Кошута.

Основываясь на всѣхъ этихъ соображеніяхъ, и считая мысли староавстрійскихъ патріотовъ объ идеальной „Австріи“ несбыточными, мы повторяемъ, что для нѣмецко-мадьярской монархіи Габсбурговъ гораздо лучше не вмѣшиваться въ дѣла Балканскаго полуострова, и ни теперь, ни впредь не мѣшать Россіи въ осуществленіи завѣтной ея мысли—въ освобожденіи православныхъ народовъ Турціи. Баронъ Гельфертъ справедливо замѣчаетъ, что „ключъ“ къ восточному вопросу держитъ въ рукахъ Австрія, и что она должна его и впредь удержать, даже воспользоваться имъ *противъ* Россіи. Но почтенный австрійскій публицистъ забылъ одно важное обстоятельство: именно, что съ этимъ деликатнымъ инструментомъ надо уже теперь умѣть обращаться; онъ забылъ, что для старой Австріи уже слишкомъ поздно учиться владѣть этимъ „ключомъ“, особенно когда ей постоянно мѣшаютъ въ этомъ венгры и нѣмцы. А между тѣмъ этимъ ключомъ можетъ научиться владѣть и Россія.

Въ заключеніе повторимъ два историческихъ воспоминанія. Около 1660 г. просвѣщенный католическій священникъ, хорватъ Юрій Крижаничъ, взываетъ къ русскому царю Алексѣю Михайловичу, чтобъ онъ освободилъ несчастныхъ задунайскихъ славянъ изъ турецкой неволи. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1688 г.) православный архимандритъ Исаія, отъ имени патріарховъ греческаго и сербскаго и господаря волошскаго, вызываетъ молодыхъ сыновей царя Алексѣя выступить за освобожденіе православныхъ грековъ, румынъ и славянъ, которые съ радостью ожидаютъ царскія войска; онъ проситъ, чтобъ цари не дозволили занять православныя земли католическими войсками римскаго императора: *румыны, болгаре и сербы не любятъ нѣмцевъ и будутъ имъ помогать только въ случаѣ крайней нужды*. А тогда, въ XVII вѣкѣ, русскій царь былъ еще далеко отъ Дуная, а сильный императоръ римскій и король венгерскій такъ близко!

I. Первольфъ.

Іюль, 1877.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е октября, 1877.

Пятидесятилѣтіе Наваринской битвы.—Обзоръ отношенія запада Европы къ Россіи.—Обзоръ нашего «переходнаго времени».—Реформы и финансы.—Военное устройство.—Флотъ и вооруженіе.—Интендантская и санитарная части.—Финансовыя средства на дальнѣйшую войну.

Черезъ недѣлю будетъ юбилей Наваринской битвы, въ которой эскадры Россіи, Франціи и Англіи, дѣйствуя вмѣстѣ, уничтожили турецко-египетскій флотъ и тѣмъ обезпечили освобожденіе Греціи отъ турецкаго ига. Юбилей, впрочемъ, будетъ только ознаменованъ учрежденіемъ нѣсколькихъ стипендій; но не будетъ предметомъ какого-либо торжественнаго празднованія.

Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ произошелъ этотъ единственный случай согласной, дѣйствительной помощи, оказанной Россіею и Западомъ населенію, страдавшему подъ страшными мѣрами истребленія, какими турецкое правительство хотѣло задушить возстаніе. Звѣрства, совершенныя Ибрагимомъ-пашой въ Пелопоннезѣ, ничѣмъ не уступали тѣмъ ужасамъ, которыхъ жертвою были въ прошломъ и нынѣшнемъ году болгары. Но Западъ теперь глухъ къ тѣмъ стонамъ, которые производили на него сильное впечатлѣніе въ двадцатыхъ годахъ. Правда, Наваринская битва была отчасти дѣломъ недоразумѣнія, въ томъ смыслѣ, что она не состоялось бы, еслибъ англійскій адмиралъ, имѣвшій главное начальство надъ союзною эскадрой, не отвѣчалъ огнемъ на огонь, открытый турецкимъ флотомъ. Извѣстно, что адмиралу Кодрингтону пришлось впослѣдствіи оправдываться въ своемъ отечествѣ передъ военнымъ судомъ, и что, оправдывая себя, онъ представлялъ битву при Наваринѣ дѣломъ необходимой самообороны, а не наступательнымъ дѣйствіемъ, предпринятымъ въ пользу грековъ. Но въ большинствѣ самого англійскаго общества Наваринская битва была встрѣчена съ сочувствіемъ—такъ

дѣло освобожденія Греціи было популярно. Правительство было недовольно тѣмъ, что британскій адмиралъ зашелъ далѣе его видовъ, но впослѣдствіи и англійское правительство участвовало въ тѣхъ международныхъ соглашеніяхъ, которыя утвердили независимость Греціи. Что касается Франціи, то ея тогдашнее правительство дѣйствовало открыто въ защиту возставшихъ грековъ, сдѣлавъ высадку французскихъ войскъ въ Пелопоннезѣ. О Россіи и говорить нечего; ея участіе въ судьбѣ турецкихъ христіанъ въ то время было такъ же живо, какъ и теперь, хотя наше правительство, сперва, какъ извѣстно, колебалось стать на сторону возстанія. Во всякомъ случаѣ, то время, когда англійская эскадра, вмѣстѣ съ русскою и французскою, составляла *союзный* флотъ, подъ общимъ начальствомъ англійскаго адмирала, вовсе не было похоже на нынѣшнее международное положеніе вопроса объ освобожденіи турецкихъ христіанъ.

Но въ войну 1829 года западныя державы коснулись восточнаго вопроса уже только для того, чтобъ остановить успѣхи Россіи; въ войну 1853—1856 гг. Россія имѣла уже войска западныхъ державъ противъ себя, и если они не стоятъ противъ насъ въ нынѣшней войнѣ, то причина тому никакъ не бо́льшее довѣріе, внушенное нами Западу, а только совершенная перемѣна обстоятельствъ на самомъ Западѣ. Такое наше уединеніе въ теченіи пятидесяти лѣтъ въ главной задачѣ внѣшней политики Россіи объясняется разными причинами, но въ числѣ ихъ могла находиться и та внутренняя наша отчужденность отъ Европы, которая со временъ Наваринской битвы придавала Россіи въ глазахъ Запада значеніе военнаго лагеря какихъ-то новыхъ восточныхъ завоевателей.

Нынѣшняя Россія, обновленная реформами, казалось, должна была бы внушать за границею менѣе недовѣрія; но на дѣлѣ вышло не такъ, и читая иностранныя газеты, убѣждаешься, что въ огромномъ большинствѣ онѣ выражаютъ собою крайнее недружелюбіе къ намъ; конечно, это печальное явленіе можно объяснять себѣ естественнымъ соперничествомъ, которое побуждаетъ обыкновенно всѣ державы не желать большихъ успѣховъ которой-либо одной изъ нихъ; но можно сдѣлать также предположеніе, что самыя наши реформы не вполнѣ сблизили насъ съ Западомъ, и потому его старая подозрительность не исчезла. Изъ безчисленныхъ заявленій западно-европейской печати при началѣ настоящей войны, слѣдовательно, совершенно независимо отъ военныхъ удачъ или неудачъ, мы могли убѣдиться, что въ Европѣ продолжаютъ по прежнему игнорировать русское общество, а въ печатныхъ нашихъ органахъ видятъ только орудіе правительственныхъ же лицъ или административныхъ „партій“. Такихъ партій не существуетъ и не можетъ существовать у насъ,

но какимъ образомъ разувѣрить въ томъ Европу. Она не видитъ у насъ партій общественныхъ и не можетъ признать положенія русской печати самостоятельнымъ. Поэтому на Западѣ или не придаютъ заявленіямъ русской печати никакого значенія,—никто не допускаетъ, чтобы за ними стояла какая-либо общественная сила,—или же, если придаютъ значеніе такому или иному настроенію русской печати, то только тогда, когда начинаютъ предполагать, ошибочно, какую-либо дѣйствительную силу за печатью, а такою, по укоренившемуся за границею представленію, въ Россіи и можетъ быть только одна сила изъ сферы административной.

Въ подтвержденіе этого взгляда на отношеніе иностранной прессы къ русской печати достаточно привести тотъ фактъ, что, по мнѣнію огромнаго большинства иностранныхъ органовъ, значеніе имѣла и имѣетъ доселѣ у насъ только та часть печати, которая усиленно напрашивалась на войну, и въ настоящее время склонна возможно болѣе скрашивать дѣйствительное положеніе дѣлъ. Эту часть печати за границею принято называть „славянофильскою“, а значеніе ей придавалось тамъ единственно потому, что подъ словомъ „славянофильство“ тамъ разумѣлся нашъ бывшій посолъ въ Константинополѣ. Представленіе это, какъ оно ни нелѣпо само по себѣ, весьма характеристично и показываетъ, что на Западѣ и доселѣ самому русскому обществу никакого самостоятельнаго значенія не придается, и Россія продолжаетъ быть, на взглядъ иностранцевъ, какъ-бы исключительно арміей, которая существуетъ для завоеваній, не можетъ стремиться къ чему-либо кромѣ завоеваній, и если пріостанавливаетъ ихъ на время, то только для того, чтобы непремѣнно возобновить ихъ при удобномъ случаѣ.

Воспоминаніе о Наваринской битвѣ естественно навело насъ на эту нить разсужденія, такъ какъ на двухъ оконечностяхъ этого пятидесятилѣтія мы видимъ явленія, столь поразительно противоположныя: въ 1827 году флоты западныхъ державъ совмѣстно съ русскими флотами уничтожаютъ турецкую силу, обезпечиваютъ первый шагъ къ освобожденію турецкихъ христіанъ; въ 1877 году державы не заступаются за Турцію противъ Россіи только вслѣдствіе личной дружбы, связующей маститаго германскаго монарха съ нашимъ Государемъ; но мнѣніе всей Европы противъ насъ; иностранная печать, за весьма немногими исключеніями, положительно враждебна намъ. Такого единодушія всей европейской печати никогда не бываетъ: оно высказывается именно только по отношенію къ Россіи. Положимъ, австрійскіе и англійскіе органы непріязненны Россіи подъ вліяніемъ особыхъ мѣстныхъ интересовъ въ восточномъ вопросѣ. Но огромное большинство органовъ Германіи, которой правительство намъ дружелюбно, даже

нѣкоторые органы, служащіе во внутреннихъ дѣлахъ политикѣ князя Бисмарка, относятся къ намъ съ непріязнью и недоброжелательствомъ, иногда съ ѣдкимъ сарказмомъ; французскія газеты, не только клерикальныя, но либеральныя, поддерживавшія Тьера, рѣшительно не на нашей сторонѣ, между тѣмъ какъ, казалось бы, Франціи слѣдуетъ искать добраго расположенія Россіи; самъ Тьеръ, лично расположенный къ Россіи при всякихъ иныхъ обстоятельствахъ, Тьеръ, который былъ на нашей сторонѣ во время послѣдняго польскаго возстанія, нынѣ не одобрялъ войны и считалъ ее завоевательною. Итальянская, даже испанская, печать, сколько извѣстно изъ выписокъ—не сочувствуютъ намъ, хотя не имѣютъ уже нужды оберегать какіе-либо спеціальные интересы въ восточномъ вопросѣ. Наконецъ, возьмите такой международный, безстрастный органъ, какъ бельгійская „Indépendance“; у Бельгіи уже рѣшительно нѣтъ особыхъ интересовъ на Востокѣ. „Indépendance“ борется съ клерикалами, которые и наши враги; она сочувствуетъ церковной политикѣ Бисмарка, который продолжаетъ поддерживать союзъ трехъ имперій; она вездѣ становится на сторону либерализма. И однакоже этотъ органъ, лишенный всякой страсти, старающійся всегда сказать слово, соотвѣтствующее среднему либеральному разсудку—juste milieu,—онъ вѣритъ даже инымъ мнимымъ побѣдамъ турокъ, а для такого геройскаго дѣла, какъ семидневная оборона Шипки, не находитъ ни одного сочувственнаго слова!

Какъ хотите, подобное замѣчательное единодушіе печати въ странахъ, живущихъ не въ ладу между собой, партій, между собой враждующихъ, единодушіе въ смыслѣ недоброжелательства къ Россіи—фактъ не могущій не остановить на себѣ нашего вниманія. Фактъ, столь замѣчательный, долженъ имѣть свое значеніе и свои причины.

У насъ ихне объясняютъ его весьма просто, но слишкомъ гадательно: нелюбовью всего западно-европейскаго человѣчества ко всему славянскому вообще. Говорятъ, что міру романо-германскому міръ славянскій чуждъ; что первый какъ-бы не признаетъ законности, а по меньшей мѣрѣ—нравственной равноправности второго. Едва ли это такъ. Едва ли европейскіе народы побуждаются единственно расовыми симпатіями и антипатіями, иначе самый Западъ подѣлился бы на два политическихъ лагеря: германскій и романскій, чего вовсе нѣтъ. Въ политическомъ смыслѣ Италія держится ближе къ чуждой по расѣ Германіи, чѣмъ къ единоплеменной себѣ Франціи, а скандинавскія общества положительно сочувствуютъ Франціи, а не Германіи. Объясненіе политическихъ настроеній расовыми особенностями относится къ области особой исторической мистики или же вульгарной болтовни,

не ищущей доказательствъ, а не къ сферѣ серьёзнаго политическаго, то-есть доказательнаго и строго-практическаго разсужденія.

Но пусть такъ; пусть вся Европа не сочувствуетъ намъ потому, что мы, какъ славяне, ей чужды. Во всякомъ случаѣ объясненіе это могло бы быть приводимо только тогда, если бы славянская держава, Россія, вела войну съ какимъ-либо германскимъ или романскимъ государствомъ. Но вѣдь она ведетъ войну съ Турціей. Неужели же турки менѣе чужды міру германо-романскому, чѣмъ славяне? Неужели этотъ міръ охотнѣе признаетъ законность и хотя бы нравственную равноправность съ собою міра турецко-арабскаго? Неужели и Бельгія можетъ въ ненависти къ намъ руководиться тѣми же причинами, какъ и Австро-Венгрія или Англія.

Намъ скажутъ: отъ Турціи Европа не можетъ предвидѣть для себя опасности, а отъ Россіи—можетъ. Съ этимъ мы готовы согласиться; но вѣдь если будемъ разсуждать такъ, то тѣмъ самымъ допустимъ, что Западъ враждебенъ Россіи потому собственно, что—ошибочно или нѣтъ, это другой вопросъ—видитъ для себя со стороны Россіи опасность. А если допустимъ это, въ такомъ случаѣ потеряетъ значеніе тотъ фактъ, что мы—славяне, а не нѣмцы или не романы. Достаточно допустить, что Европа видитъ для себя опасность со стороны одного государства, какого бы племени оно ни было, чтобы не искать другихъ объясненій факту всеобщаго недоброжелательства къ такому государству.

Вотъ почему и для внѣшняго нашего положенія, для самаго исполненія нашей главной внѣшней задачи—содѣйствовать освобожденію турецкихъ христіанъ, далеко не безразлично то, какъ смотритъ западная Европа на наши внутреннія отношенія. Если Европа упорно продолжаетъ видѣть въ насъ почти исключительно одинъ вооруженный лагерь, предназначенный къ завоеваніямъ, отказывается вѣрить самымъ положительнымъ нашимъ заявленіямъ, что мы завоеваній не хотимъ, продолжаетъ не признавать никакой самостоятельной силы за русскимъ обществомъ, никакого независимаго значенія за русской печатью, то это и можетъ означать только одно, а именно: что Европа иначе оцѣниваетъ наши реформы и не видитъ того, что̀ представляется намъ. Конечно, каждый дальнѣйшій шагъ на пути реформъ, всякій дальнѣйшій просторъ, открываемый вновь самодѣятельности русскаго общества, всякое облегченіе печати, свободѣ совѣсти со-временемъ должны вести къ разсѣянію въ Европѣ печальныхъ и невыгодныхъ для насъ предубѣжденій и опасеній, къ отмѣнѣ той тяжелой нравственной коалиціи всей Европы противъ насъ, какая проявлялась доселѣ и какая отражается и въ нынѣш-

немъ единодушномъ недоброжелательствѣ къ намъ западно-европейской печати.

Реформы начались у насъ послѣ крымской войны, въ которой мы имѣли противъ себя Западъ съ оружіемъ въ рукѣ. Онѣ были предприняты для блага самого населенія Россіи и для обновленія ея политическаго могущества. Передъ тѣмъ были произнесены характеристическія слова: „La Russie se recueille". Съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, въ теченіи которыхъ въ дѣйствительности и были произведены такія преобразованія, которыя ни въ какой странѣ не совершались въ столь краткое время. Но нынѣшняя война застала насъ еще до окончанія этого періода. Нѣкоторыя даже изъ осуществленныхъ уже реформъ, какъ-то судебная и земская, не успѣли еще распространиться на всю территорію государства.

Что касается матеріальныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи государства, то и онѣ были застигнуты войной, такъ-сказать — на половинѣ своего преобразованія. Со времени окончанія крымской войны прошло десять лѣтъ, пока серьёзно предпринято было сокращеніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ. Затѣмъ рядъ нѣсколькихъ годовъ замѣчательно-быстраго возрастанія доходовъ послужилъ намъ только къ уравновѣшенію бюджета, но не далъ еще средствъ для прочнаго улучшенія всей финансовой системы. Мы не успѣли не только образовать особаго военнаго фонда, какой существуетъ въ Пруссіи еще со временъ Фридриха II, но и ввесть какое-либо серьёзное преобразованіе системы нашихъ налоговъ, а тѣмъ болѣе возстановить размѣнъ кредитнаго рубля. Все, чтó было сдѣлано сколько-нибудь существеннаго для преобразованія налоговъ, представлялось замѣною винно-откупной системы системою акцизныхъ сборовъ. Собственно подати еще не дождались своей очереди преобразованія и на двадцатый годъ по окончаніи крымской войны. Подушные сборы, то-есть та же десятина, какая тяготѣетъ надъ болгарами, осталась еще въ дѣйствіи, хотя, какъ извѣстно, давно предположено было — разсмотрѣть этотъ вопросъ. Но къ прежнимъ подушнымъ сборамъ, которыхъ, такимъ образомъ, не успѣли разложить болѣе уравнительно на всѣ сословія, прибавилось, между тѣмъ, по необходимости, новое, подушное же бремя, обусловленное самыми тѣми реформами, которыя произвесть было необходимо, и которыя были произведены. Выкупные платежи за крестьянскую землю много прибавили къ неуравнительности прежнихъ подушныхъ сборовъ; они создали неравномѣрность не только въ обложеніи одного крестьянства сравнительно съ прочими сословіями, но уже и въ самомъ крестьянствѣ значительной части земледѣльческаго сословія стала въ тягость

самая земля; вмѣсто обезпеченія для этой части, земля представила просто фискальное прикрѣпленіе, средство взиманія налога съ отхожихъ промысловъ, при веденіи собственнаго деревенскаго хозяйства въ убытокъ. Сверхъ того, земскія и общественно-крестьянскія учрежденія создали потребность новаго усиленія подушнаго обложенія. Такъ, на 34 губерніи, въ которыхъ, какъ извѣстно, доселѣ введены земскія учрежденія, итогъ земскихъ сборовъ со всѣхъ предметовъ обложенія составилъ (цифра 1874 г.) $22^1/_2$ милл. руб., и изъ этой суммы $9^1/_2$ милл. руб. прямо ложились на крестьянскія земли. А къ этому слѣдуетъ прибавить раскладку на содержаніе общественныхъ крестьянскихъ учрежденій, которая представляетъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, до 30 милл. руб.

Между тѣмъ, въ теченіи 20 лѣтъ, истекшихъ съ окончанія крымской войны до начала нынѣшней, мы не могли сократить суммы кредитныхъ билетовъ. При началѣ нынѣшней войны она составляла болѣе 770 милл. руб., т.-е. не была меньше той, какая образовалась послѣ усиленныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ во время крымской войны и послѣ разсчетовъ за нее. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи нельзя было и помышлять о возстановленіи размѣна. Если бы открыть размѣнъ, вся звонкая монета тотчасъ утекла бы заграницу, какъ тó было доказано опытомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Все, чтó мы сдѣлали въ видѣ приготовительной мѣры къ возстановленію размѣна, было накопленіе металлическаго фонда. Но, во-первыхъ, при отсутствіи прочихъ условій, необходимыхъ для безопаснаго возстановленія его, этотъ металлическій фондъ представлялъ собою скорѣе именно тотъ готовый фондъ на первыя потребности новой войны, тотъ Kriegsschatz, который въ Пруссіи представляется въ видѣ *сбереженій*, имѣющихъ спеціальную цѣль. Во-вторыхъ, самое накопленіе металлическаго фонда было достигнуто путемъ умноженія бумажно-денежнаго обращенія, такъ-какъ золото пріобрѣталось государственнымъ банкомъ на вновь выпускаемыя бумажки, а стало-быть нисколько не вело къ цѣли возстановленія размѣна. Наконецъ, въ-третьихъ, самый этотъ металлическій фондъ, если уже его разсматривать именно какъ спеціальную казну на случай войны, мы значительно сократили, обративъ часть его на искусственную поддержку вексельныхъ курсовъ за десять мѣсяцевъ до войны, то-есть передъ самой войной предприняли такую мѣру, которая предполагала, что намъ войны въ ближайшемъ будущемъ не предстоитъ.

Обратимся теперь къ другой, важнѣйшей изъ матеріальныхъ силъ, находящихся въ распоряженіи государства, внушающихъ ува-

женіе къ нему во время мира, обезпечивающихъ успѣхъ въ случаѣ войны. Мы говоримъ объ арміи, ея вооруженіи, продовольствіи и санитарномъ устройствѣ. Въ этой области не менѣе, чѣмъ въ какой-либо иной, мы находились еще далеко до конца преобразованій и законченнаго устройства. Самая система воинской повинности введена въ дѣйствіе всего три года тому назадъ. Вмѣсто 10-ти возрастовъ, прошедшихъ чрезъ дѣйствительную службу, у насъ состояло на лицо немного болѣе отпускныхъ, чѣмъ было до введенія военнаго преобразованія. Правда, въ запасъ зачислено много людей, не обращенныхъ на службу; матеріалъ для ополченія создался все-таки весьма значительный, но чтó значило ополченіе безъ складовъ, которые обезпечиваютъ его исправное вооруженіе, его обозъ, всю его матеріальную часть? Вѣдь обозы, полковые и лазаретные, не совсѣмъ были еще готовы и для самой дѣйствующей арміи. И вотъ, именно потому, что военное преобразованіе еще только недавно начато, мы видимъ, что хотя по исчисленіямъ, какія могли бы оправдаться только со временемъ, у насъ армія можетъ быть доведена до 1 м. 800 т. чел., но если мы постепенно передвинемъ въ Турцію 500 т. человѣкъ, то и это будетъ уже особымъ напряженіемъ нашихъ силъ.

Что касается вооруженій, то собственно артиллерійская часть оказалась у насъ отвѣчающей своему назначенію. Но ни флота на Черномъ морѣ мы еще не успѣли создать, ни окончить вполнѣ снабженіе сухопутной арміи усовершенствованнымъ ручнымъ оружіемъ. Относительно флота, и особенно флота броненоснаго, конечно, умѣстнѣе всего сказать, что онъ создается не вдругъ, а трактатъ 1856 года не дозволялъ намъ создать его на Черномъ морѣ. Но вѣдь съ тѣхъ поръ, какъ мы объявили отмѣну соотвѣтственныхъ статей парижскаго трактата, прошло все-таки шесть лѣтъ. Шесть годовыхъ смѣтъ морского министерства представляютъ капиталъ въ 150 милліоновъ рублей. Напомнимъ, что Соединенные Штаты, при началѣ сепаратистской войны, не имѣли военнаго флота, а впослѣдствіи адмиралъ Фаррагутъ велъ противъ Мобэля цѣлую эскадру броненосцевъ, между тѣмъ, и вся-то эта война продолжалась только четыре года. Правда, у насъ есть поповки; но отъ сужденія о нихъ слѣдуетъ воздержаться, такъ какъ онѣ доселѣ не были въ дѣйствіи, хотя непріятель и совершалъ высадки на нашу территорію. Наконецъ, у насъ еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ было основано и въ продолженіи 20-ти лѣтъ пользуется совершенно исключительными привилегіями, субсидіею отъ казны, пользованіемъ казенными землями и проч., особое «Русское общество пароходства на Черномъ морѣ»; всѣ эти привилегіи были даны ему и вновь продолжены именно въ томъ разсчетѣ, что, въ случаѣ войны, оно дастъ

военно-морской власти массу годныхъ судовъ, которыя представятъ военные крейсеры, хотя и не блиндированные, но нелишенные однако, по самой своей подвижности, значенія во время войны. Чѣмъ же представляются доселѣ услуги, дѣйствительно оказанныя этимъ учрежденіямъ нашимъ военнымъ дѣйствіямъ—мы не знаемъ. Если же онѣ ограничиваются передѣлкой въ военныя суда парохода «Весты» и еще двухъ-трехъ, то это едва-ли окупаетъ всѣ тѣ пожертвованія, какія принесены тому частному обществу казной. Если бы сбережена была одна только сумма по-мильной платы въ теченіе почти 20-ти лѣтъ, уплаченной русскому обществу пароходства, то и на эту сумму можно было бы пріобрѣсть десятокъ броненосцевъ.

О снабженіи сухопутной арміи усовершенствованнымъ ручнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ мы выше замѣтили, что оно также еще не успѣло совершиться вполнѣ. Это дѣло имѣло такъ сказать два періода, одинъ—дѣятельности весьма быстрой, другой—дѣятельности гораздо болѣе медленной. Вскорѣ послѣ того, какъ мы, убѣжденные опытомъ восточной войны, стали вводить у себя ружья нарѣзныя, въ иностранныхъ арміяхъ было уже приступлено къ замѣнѣ ударныхъ ружей—скорострѣльными. Въ датской войнѣ 1864 года, прусская пѣхота уже испробовала игольчатыя ружья первой системы, Дрейзе, а въ 1867 году, при отраженіи попытки гарибальдійцевъ на Римъ французскими войсками уже дѣйствовали (и „производили чудеса", по извѣстному донесенію) скорострѣльныя ружья Шасспо, съ металлическими патронами. Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ иностранныхъ арміяхъ скоро оцѣнивали успѣхъ усовершенствованнаго оружія и тотчасъ вводили его, не ожидая убѣжденія собственнымъ опытомъ и на свой счетъ, какъ то было у насъ въ восточную войну. Намъ однакоже первые чужіе опыты съ скорострѣльными ружьями, повидимому, не казались убѣдительными. По крайней мѣрѣ послѣ 1864 года прошло шесть лѣтъ, а у насъ не было еще и приступлено къ выбору одной изъ скорострѣльныхъ системъ. Если бы не произошла въ 1870 году война германо-французская, очень могло бы быть, что мы ждали бы еще неопредѣленное время. А если бы война въ 1870 г. или одинъ изъ послѣдующихъ годовъ произошла не между двумя западными державами, но между одною изъ нихъ и Россіею, то наши солдаты вышли бы противъ иностранныхъ съ ружьями, которые стрѣляли бы въ 8 и даже въ 10 разъ тише, чѣмъ ружья непріятеля. Но грандіозный опытъ 1870 года былъ слишкомъ поразителенъ; его игнорировать было уже невозможно. Онъ доказывалъ до очевидности, что скорострѣльное ручное оружіе измѣнило самыя условія тактики.

Тогда у насъ вдругъ наступилъ, весною 1871 года, моментъ какой-то панической поспѣшности. Мысль, что у насъ не было скоро-

стрѣльнаго оружія и что въ случаѣ внезапной войны мы окажемся въ невозможности вести ея съ какой-либо надеждой на успѣхъ, какъ-то вдругъ пришла всѣмъ и надѣлала въ то время не мало шуму въ Петербургѣ. Образованы были двѣ коммиссіи по перевооруженію, и дѣло было поведено съ такой поспѣшностью, что было невозможно перейти отъ ударныхъ ружей прямо къ одной изъ лучшихъ скорострѣльныхъ системъ. Чтобы сдѣлать это въ теченіи года, пришлось бы бросить прежнія ружья и прямо накупить новыхъ за-границей, то-есть издержать вдругъ милліоновъ двадцать рублей. Поэтому, и именно въ силу поспѣшности, рѣшено было передѣлать часть прежнихъ ударныхъ ружей въ игольчатыя, съ бумажными патронами, основать у насъ мастерскія для приготовленія металлическихъ патроновъ, затѣмъ передѣлывать остальныя ударныя ружья въ скорострѣльныя по системѣ Крынка и замѣнять ими игольчатыя, сдавая тѣ въ кавказскую армію и вообще въ войска, дѣйствующія въ Азіи; наконецъ—пріобрѣсть за-границею нѣкоторое количество скорострѣльныхъ ружей той системы, которая была признана у насъ наиболѣе усовершенствованною—малокалиберныхъ ружей Бердана, перестроить и примѣнить къ выработкѣ частей этихъ ружей тульскій оружейный заводъ, и затѣмъ снабжать постепенно берданками войска гвардіи и петербургскаго военнаго округа, стрѣлковыя части арміи, кавалерію и наконецъ—всю армейскую пѣхоту.

Первая часть этого плана, какъ уже сказано, была исполнена съ поспѣшностью. Прежнія ударныя ружья были передѣланы въ игольчатыя, далеко, впрочемъ, неудовлетворительныя, и въ скорострѣльныя ружья Крынка съ металлическими патронами, устроены были патронные заводы, и въ какіе-нибудь два-три года вся армія въ европейской Россіи была дѣйствительно уже вооружена ружьями Крынка, и игольчатыя уже были сданы въ кавказскій, оренбургскій, туркестанскій и сибирскій округа. Но само ружье Крынка, принятое именно для ускоренія дѣла, въ видѣ переходной системы, не принадлежитъ къ наиболѣе усовершенствованнымъ системамъ скорострѣльнаго оружія. Въ сравненіи съ ружьями Пибоди, Снейдера, Ремингтона, оно уступаетъ въ скорости стрѣльбы. Между тѣмъ, когда было исполнено это, когда вся армія дѣйствительно получила ружья все-таки скорострѣльныя, съ металлическими патронами, общество совершенно успокоилось, а вторая часть плана перевооруженія исполнялась уже съ гораздо меньшей быстротой. Переустройство тульскаго завода потребовало огромныхъ суммъ и нѣсколькихъ лѣтъ, и къ настоящему году, когда намъ представилась война, она все-таки застала дѣло перевооруженія у насъ еще въ переходномъ положеніи,

также какъ и наши финансы, и самое примѣненіе нашихъ гражданскихъ и общественныхъ реформъ.

Мы не знаемъ сравнительнаго достоинства винтовокъ Бердана съ усовершенствованными ружьями только-что названныхъ иностранныхъ системъ, то-есть того оружія, какими, при помощи Англіи, снабдила свои войска Турція. Но что ружье Крынка не выдерживаетъ сравненія съ этими ружьями—свидѣтельствуется всѣми отзывами съ театра войны. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ никакого новаго открытія: у насъ это и впередъ было извѣстно, такъ какъ система Крынка и была принята у насъ только какъ переходная, именно потому, что не признавалась равною съ лучшими иностранными системами. Окончательнымъ нашимъ оружіемъ должны быть берданки. Но когда началась война, берданками были вооружены войска гвардіи, которыя не первые пошли въ дѣло, стрѣлковыя части и кавалерія, но далеко не вся армейская пѣхота. Въ такомъ положеніи находилось дѣло черезъ шесть лѣтъ послѣ того, какъ былъ первоначально поставленъ и рѣшенъ вопросъ о выборѣ системъ. Въ этомъ и заключалась та относительная медленность, которая была неизбѣжна при избранномъ у насъ сложномъ порядкѣ двойного перевооруженія. Если сложить, во чтб обошлись двоякая передѣлка прежнихъ ружей, переустройство тульскаго завода, поставка и выдѣлка берданокъ, то составится такая огромная сумма, на которую безъ всякаго сомнѣнія можно было бы снабдить всю армію прямо ружьями наилучшей изъ существующихъ системъ, посредствомъ заказовъ за-границею. Конечно, переустройство одного изъ нашихъ оружейныхъ заводовъ, для выдѣлки ружейныхъ частей этой системы на будущее время, все-таки потребовалось бы впослѣдствіи; мы не думаемъ отрицать пользу созданія въ самомъ государствѣ средствъ для удовлетворенія его военныхъ потребностей; но это переустройство требовало много времени и его можно было отложить, начавъ его, съ постепенностью, по мѣрѣ денежныхъ средствъ—уже тогда, когда вся армія была бы снабжена оружіемъ самой лучшей системы. А едва ли кто станетъ отрицать, что это могло быть сдѣлано уже года два тому назадъ, если еще не ранѣе. Въ настоящее же время перевооруженіе было окончено у насъ вполнѣ, какъ уже замѣчено выше, только въ артиллеріи, но не во всѣхъ прочихъ войскахъ, хотя перевооруженіе ручное производилось, надо замѣтить это, главнымъ попеченіемъ того же артиллерійскаго управленія.

Объ обозахъ мы уже говорили и должны остановиться теперь на частяхъ интендантской и санитарной. Мы найдемъ, что и въ этихъ частяхъ, по громадности всего дѣла преобразованія, война застала

насъ не то что неприготовленными, но неуспѣвшими еще сдѣлать такихъ обширныхъ приготовленій, чтобы ни въ чемъ не оказывалось недостатка.

Какъ только начались дѣйствія за Дунаемъ, обыкновенное отправленіе интендантской части оказалось уже недостаточнымъ. Въ корпусахъ 12-мъ и 13-мъ, стоявшихъ близъ самаго Дуная, подъ Рущукомъ, оказывался, судя по всѣмъ корреспонденціямъ, недостатокъ въ продовольствіи. О такихъ, удалившихся въ глубь непріятельской территоріи частяхъ, какъ отряды генераловъ Гурко и Тергукасова, нечего, конечно, и говорить; они должны были прибѣгать къ реквизиціямъ, такъ какъ иначе и однихъ сухарей у нихъ бы по временамъ вовсе не было. Пришлось обратиться къ помощи экстраординарной, къ содѣйствію частной компаніи. Впрочемъ, къ содѣйствію компаній обращались и прусское военное начальство въ 1870—71 годахъ. Но почему у насъ не были приняты предложенія, сдѣланныя тѣми же нѣмецкими компаніями, которыя содѣйствовали продовольствію германской арміи, причемъ на нихъ вовсе не слышно было жалобъ, почему отдано было предпочтеніе компаніи новой, неизвѣстной, впервые взявшейся за такое дѣло, а именно гг. Горвицъ, Варшавскому и т. д.—неизвѣстно. На лицо имѣется только тотъ фактъ, что на дѣятельность этой компаніи слышатся жалобы, которыя можно найти въ любой корреспонденціи. Для примѣра, приведемъ слѣдующія строки, выбранныя изъ корреспонденціи г. К. Скальковскаго, изъ Систова, отъ 3 сентября: „теперь фуража почти дароваго имѣется по сторонамъ дороги сколько угодно, но что̀ произойдетъ, когда на фуражъ истребятся даже соломенныя крыши съ домовъ? Между тѣмъ и теперь уже компанія, взявшая продовольствовать армію въ свои руки, аккуратно исполняетъ свои обязанности лишь тамъ, гдѣ о туркахъ слыхомъ не слыхать. Въ мѣстахъ болѣе опасныхъ полковые командиры сами вынуждены продовольствовать свои части, въ крайнемъ случаѣ прибѣгать къ реквизиціямъ. Кавалерія почти исключительно продовольствуется, такимъ образомъ, подножнымъ кормомъ (хорошо продовольствіе одной травой при переходахъ въ 70 верстъ въ сутки,—замѣтимъ мы)... Опасаются, что безкормица осенью очень будетъ губительна для гвардейскихъ лошадей" и т. д. О безкормицѣ людей эта корреспонденція не упоминаетъ, хотя все-таки сообщаетъ, что „въ мѣстахъ болѣе опасныхъ" полковые командиры должны сами продовольствовать свои части.

Многое, конечно, можно сказать себѣ въ объясненіе и утѣшеніе: самыя свойства страны затрудняютъ правильность снабженій; при быстрыхъ переходахъ въ такіе пункты, которые наиболѣе отдалены отъ главныхъ центровъ расположенія войскъ, всегда и во всѣхъ ар-

міяхъ нельзя было разсчитывать на правильное снабженіе; наконецъ, солдатъ нашъ выносливъ, и когда намъ улыбнется первая побѣда въ какомъ-нибудь рѣшительномъ дѣлѣ, напримѣръ, когда мы уничтожимъ Османа-пашу, всѣ лишенія забудутся и всѣ нареканія смолкнутъ. Но тѣмъ не менѣе, при трезвомъ, критическомъ взглядѣ на условія нашей дѣятельности, мы не должны совершенно закрывать глаза въ ожиданіи того упоенія, внушаемаго побѣдой, которое заставляетъ на время забывать всѣ недостатки. Солдатъ имѣетъ свою обязанность—выносить терпѣливо лишенія, а общество, слѣдящее за тѣмъ солдатомъ, имѣетъ свою, столь же серьёзную обязанность—внимательно, безъ всякаго самообольщенія, вникать въ положеніе арміи; только тогда оно будетъ въ состояніи и оцѣнить дѣйствительную заслугу своихъ братьевъ-солдатъ, и извлечь указанія для будущаго, какъ ближайшаго, такъ и болѣе отдаленнаго. Итакъ, невозможно отрицать, что въ устройствѣ снабженій мы все-таки еще не успѣли дойти до такого состоянія, которое, въ общемъ, не оставляло бы уже ничего желать.

Въ устройствѣ дѣла санитарнаго и въ особенности перевозки и снабженія раненыхъ и больныхъ во время войны всегда оказывается наиболѣе недостатковъ. Большое сраженіе вдругъ отдаетъ на руки врачамъ такое число раненыхъ, что самая подача первой медицинской помощи затрудняется, несмотря на все усердіе врачей, и для такъ называемой „эвакуаціи“, то-есть вывоза раненыхъ въ центральные пункты, откуда они уже направляются внутрь страны, недостаетъ госпитальнаго обоза. Итакъ, недостаточность здѣсь неизбѣжна, и весь вопросъ въ томъ, въ какихъ размѣрахъ недостаточность проявляется. Мы видимъ, что общество пришло на помощь военно-медицинской части; для нея были собраны милліоны рублей частныхъ пожертвованій, устроенъ былъ десятокъ санитарныхъ поѣздовъ, высланы были сестры милосердія и добровольные санитары, наконецъ собрано не мало пожертвованій и припасами, бѣльемъ, корпіею и т. д. При всемъ томъ, мы встрѣчаемся съ такими фактами, что въ госпиталь, устроенный на 160 раненыхъ, приходилось иногда положить ихъ 2,000. По свидѣтельству генерала Косинскаго, инспектора госпиталей дѣйствующей арміи, во время семидневнаго боя подъ Шипкой, дѣятельность нашихъ врачей и санитаровъ была исполнена самоотверженія: „санитары,—писалъ онъ,—бросались въ жестокій огонь и съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ выносили раненыхъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ;... фельдшера гибли, подавая первоначальную помощь;... врачи обращали на себя вниманіе самыми самоотверженными трудами“,—и дѣйствительно, труды ихъ были необыкновенны, такъ какъ уважаемый генералъ сообщаетъ, что „на глав-

номъ перевязочномъ пунктѣ было перевязано болѣе двухъ тысячъ раненыхъ, сдѣлано 15 большихъ операцій и наложено 70 гипсовыхъ повязокъ", а между тѣмъ врачей на главномъ перевязочномъ пунктѣ было сперва только 8, а потомъ 10. Если счесть всѣхъ врачей, работавшихъ въ главномъ и передовыхъ пунктахъ и въ ближайшемъ лазаретѣ, въ Габровѣ, то 20-го числа, т.-е. чрезъ нѣсколько дней по окончаніи боя, ихъ было не болѣе 48 человѣкъ, между тѣмъ какъ все число раненыхъ подъ Шипкой было до 7,000 чел. И здѣсь, гдѣ устройство транспортировки было еще сравнительно благопріятно, она характеризуется слѣдующими строками того же, вполнѣ компетентнаго лица: „Самая слабая сторона нашего санитарнаго дѣла,— пишетъ генералъ Коссинскій, — это—перевозочныя средства. Незначительное число лазаретныхъ линеекъ далеко не въ состояніи удовлетворить *самой скромной* потребности". Далѣе мы узнаемъ, что „главными, весьма незатѣйливыми и не всегда удобными средствами для перевозки раненыхъ" являлись и здѣсь простыя русскія телѣги, нѣмецкіе фургоны интендантскаго транспорта (тѣ же телѣги, замѣтимъ, только болѣе длинныя), болгарскія арбы, „частью съ приспособленіями, а при поспѣшности и значительномъ требованіи— и просто съ подстилками изъ соломы".

Таковы были средства на Шипкѣ, гдѣ въ дѣлѣ былъ только одинъ корпусъ и то неполный. Само собою разумѣется, что подъ Плевною, гдѣ сосредоточено нѣсколько корпусовъ, врачей можетъ быть относительно больше. Но хорошихъ перевозочныхъ средствъ и тамъ нѣтъ, а такъ какъ битвы подъ Плевной были еще гораздо болѣе кровопролитны, чѣмъ битва на Шипкѣ, то накоплялась вдругъ такая масса раненыхъ, что первой, важнѣйшей потребностью было именно вывозить ихъ на чемъ бы то ни было. „Новыя битвы подъ Плевною,—писалъ г. Скальковскій изъ Систова, отъ 3 сентября,—заставляютъ обратить вниманіе на устройство санитарной части въ арміи. Тѣ новыя тысячи раненыхъ, которыхъ мы вскорѣ увидѣли въ безконечной цѣпи скрыпучихъ, немазаныхъ воловыхъ каруцъ, лежащихъ подъ солнцемъ и дождемъ, часто даже безъ покрышки рогожей, какой найдутъ они здѣсь пріютъ? Вновь прибывшіе врачи летучаго гвардейскаго медицинскаго отдѣла остались недовольны порядками, найденными въ систовскомъ госпиталѣ № 50. Госпиталь этотъ устроенъ на 600 кроватей. Врачи нашли въ немъ, между прочимъ, 14 раненыхъ съ раздробленными суставами, которымъ не было еще сдѣлано операціи. У многихъ раненыхъ, отъ долговременнаго скопленія гнойной матеріи, размягчались и спадали гипсовыя повязки. Затѣмъ, въ госпиталѣ такой безпорядокъ, что заурядъ приказаніе врача приводится въ исполненіе не ранѣе 24-хъ часовъ. Вообще,

по словамъ новопріѣзжихъ врачей, въ Систовѣ госпитальная часть хуже, чѣмъ она была въ Сербіи, хотя тамъ на 15,000 раненыхъ имѣлось всего сто врачей". Но нѣтъ никакого основанія винить врачей въ безпорядкѣ и недостаточности помощи, совершенно неизбѣжныхъ при такомъ фактѣ, что госпиталь въ Систовѣ, куда прежде всего направляются раненые послѣ такихъ битвъ, въ которыхъ выбываетъ изъ строя разомъ 10, 15 тысячъ человѣкъ, и гдѣ они должны задерживаться уже по одной невозможности скорой переправы чрезъ два понтонныхъ моста громадныхъ транспортовъ, устроенъ всего на 600 кроватей, чему соотвѣтствуетъ и число врачей. Если въ Сербіи на 15 т. раненыхъ было сто врачей, то въ Систовѣ, въ нѣкоторые дни, это отношеніе было, разумѣется, еще гораздо менѣе благопріятно.

Между тѣмъ, пожертвованія русскаго общества—и во главѣ его особъ Императорской фамиліи—въ помощь санитарному дѣлу въ арміи были таковы, что мы не были въ правѣ и ожидать ихъ въ такомъ размѣрѣ. Спрашивается: что же было бы, если бы общественная помощь не проявилась столь широко, если бы все это дѣло велось исключительно на тѣ средства, какія были выработаны и приготовлены въ теченіи 20-ти лѣтъ военно-медицинской частью? Очевидно, и здѣсь война застала насъ еще въ переходномъ положеніи, до окончательнаго осуществленія всего начатаго и предпринятаго. Спеціальная газета „Врачебныя Вѣдомости" говоритъ: „по всѣмъ даннымъ и соображеніямъ уже близко время, когда существующіе госпитали и лазареты принуждены будутъ отказывать въ дальнѣйшемъ пріемѣ по недостатку помѣщенія, когда, несмотря на значительное число больничныхъ кроватей, устроенныхъ военнымъ вѣдомствомъ и частной помощью, все-таки не будетъ доставать мѣста для раненыхъ и больныхъ воиновъ". Но зачѣмъ ссылаться на корреспондентовъ и спеціальныя газеты, когда мы имѣли краснорѣчивое заявленіе одного изъ важнѣйшихъ дѣятелей при самой главной квартирѣ, а именно начальника гражданскаго управленія при ней, князя Черкасскаго. Онъ сообщаетъ, что „съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ живо ощущается настоятельнѣйшая потребность въ тепломъ платьѣ всякаго рода. Необходима возможно скорая присылка полушубковъ, шерстяныхъ чулокъ, валенокъ, суконныхъ и бумазейныхъ панталонъ, фуфаекъ, шерстяныхъ куртокъ, одѣялъ, а также бѣлья полными смѣнами. *Помощь нужна неотложная и въ огромныхъ размѣрахъ*. Средства общества „Краснаго Креста" за Дунаемъ не въ состояніи удовлетворить подобнымъ требованіямъ. Необходимо, чтобы все русское общество сознало, какъ велика нужда, и пришло на помощь. Усердно прошу патріотическаго содѣйствія со стороны

всего русскаго общества". Итакъ, если одно изъ высшихъ лицъ при главной квартирѣ проситъ для арміи у общества помощи и при томъ помощи поспѣшной, такъ что самое заявленіе передано было по телеграфу, то нѣтъ уже никакой возможности сомнѣваться, что наши раненые терпятъ недостатокъ въ защитѣ отъ холода. Средства „Краснаго Креста" истощились. Но возможно ли было и разсчитывать съ самаго начала, что на все это достанетъ средствъ у одного частнаго общества, что дѣло достаточно обезпечено частными пожертвованіями? И на то, повторяемъ, что̀ уже сдѣлано обществомъ, разсчитывать было нельзя, потому что такой разсчетъ былъ бы гадательный. Русское общество, мы въ томъ увѣрены, напряжетъ всѣ свои силы для усиленія помощи. Неужели же дрожать отъ холода тѣмъ, кто ослабленъ потерею крови, пролитой за Россію? Но общество, какъ бы оно ни напрягало свои силы, не можетъ такъ скоро создать тѣ средства, въ которыхъ оказывается столь значительный недостатокъ. Своевременное обезпеченіе всего санитарнаго дѣла могло бы быть только тогда, если бы война застала насъ по окончаніи переходнаго времени, если бы было осуществлено уже все, что́ было предпринято, созданы были предположенные склады, обозы, и т. д. Вѣдь еще ни одна война не велась съ отнесеніемъ санитарной части главнымъ образомъ на попеченіе общества.

При этомъ слѣдуетъ еще замѣтить, что самыя усилія общества „Краснаго Креста" были не во всѣхъ отношеніяхъ направлены на наиболѣе нужное. Такъ, у насъ есть десятокъ санитарныхъ желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ, которые развозятъ раненыхъ съ румынскихъ желѣзныхъ дорогъ по Россіи, для распредѣленія по госпиталямъ. Не представимъ себѣ, что такихъ поѣздовъ не было бы, что раненыхъ везли бы по желѣзнымъ дорогамъ въ обыкновенныхъ вагонахъ, съ простою настилкою изъ соломы, въ сопровожденіи врачей, отправленныхъ съ транспортами. Все-таки раненому и при этомъ условіи пришлось бы ѣхать отъ перваго желѣзно-дорожнаго пункта до госпиталя всего дня три совершенно спокойно, по гладкому пути, подъ защитой отъ дождя или знойнаго солнца, и отъ миріадъ мухъ. Но главное дѣло для раненыхъ, это, добраться—до перваго желѣзно-дорожнаго пункта. До него, хоть изъ-подъ Плевны, приходилось ѣхать сотню верстъ на простыхъ телѣгахъ, по неровному пути, по рытвинамъ и камнямъ, изъ которыхъ каждый болѣзненно отзывается на ранахъ, ѣхать подъ южнымъ солнцемъ или дождемъ, иногда безъ прикрытія и рогожей, какъ мы видѣли выше, въ сопровожденіи массы мухъ, вызванныхъ тысячами едва зарытыхъ труповъ,—ѣхать медленно, на волахъ, то-есть недѣлю и болѣе, въ страшномъ томленіи этого пути.

И вездѣ ли есть пища, часто ли можно достать воды? Объ этомъ и подумать страшно. Гдѣ удобные санитарные поѣзды? Они еще далеко, кто еще успѣетъ доѣхать до нихъ; не наиболѣе страждущіе, конечно! Красивые санитарные фургоны на рессорахъ и съ краснымъ крестомъ,— гдѣ они? О нихъ ни одинъ корреспондентъ и не упоминаетъ. Вѣроятно, ихъ число совершенно ничтожно въ сравненіи съ массами раненыхъ.

Вотъ гдѣ могла быть оказана наиболѣе существенная помощь, хотя бы самимъ обществомъ, если бы ее съ самаго начала направили туда. Вмѣсто одного санитарнаго желѣзно-дорожнаго поѣзда, въ которомъ раненый получаетъ только болѣе удобствъ, чѣмъ хотя бы въ товарномъ вагонѣ, могли бы быть поставлены между Порадимомъ и румынскими рельсами десятки рессорныхъ, крытыхъ кожею госпитальныхъ фургоновъ; вмѣсто десяти санитарныхъ поѣздовъ — нѣсколько сотъ, можетъ быть тысяча такихъ фургоновъ.

Насъ, пожалуй, упрекнетъ кто-либо въ томъ, что мы еще разъ указываемъ на нѣкоторые изъ тѣхъ недостатковъ, которые открывались всѣми газетными корреспондентами. Вѣдь упрекнула же газета „Голосъ" самого кн. Черкасскаго за его обращеніе къ общественной благотворительности, которое будто бы „преждевременно возбуждаетъ тревогу въ обществѣ", „только безпокоитъ русское общество и даетъ нашимъ заграничнымъ „друзьямъ" ложное понятіе о положеніи дѣла". Но на это мы возразимъ, что не теперь, когда помощь такъ нужна, когда долгъ каждаго принять въ ней посильное участіе, не теперь, говоримъ мы, время закрывать глаза, благодушничать и заботиться о дипломатическихъ прикрытіяхъ правды. Только правда и можетъ помочь дѣлу; не въ такіе моменты, какъ нынѣшній, должна подлежать добровольной ценаурѣ правда. Въ ней именно вся сила, и многихъ недостатковъ, какіе теперь оказываются, не было бы, если бы во всей нашей общественной дѣятельности за истекшіе годы господствовали именно правда, сознаніе вещей, какъ онѣ есть, именованіе каждой изъ нихъ вѣрнымъ словомъ. Вспомнимъ о примѣрѣ англійскаго общества при началѣ войны въ Крыму, когда въ англійскомъ лагерѣ оказался недостатокъ санитарныхъ и даже продовольственныхъ средствъ. Съ какой энергіею, съ какой мужественной рѣшимостью раскрыть всѣ недостатки, съ какимъ отсутствіемъ всякихъ опасеній „произвесть тревогу", отнеслась къ этому дѣлу, въ то время, англійская печать, и вскорѣ дѣйствительно сдѣланы были чудеса, чтобы поправить дѣло. Одна правда спасительна и плодотворна; не ея слѣдуетъ бояться.

Итакъ, война застала насъ, какъ мы видимъ, еще въ томъ самомъ переходномъ положеніи, которое началось двадцать лѣтъ тому назадъ.

Многое изъ предпринятаго не кончено, въ иномъ уже начатомъ произошли остановки, а очень часто „остановиться"—значитъ „идти назадъ". Намъ припоминается по этому поводу то, чтó говорилось и творилось у насъ въ печати, годъ тому назадъ, когда въ сентябрѣ, въ эпоху всеобщаго увлеченія сербскимъ вопросомъ мы сказали, между прочимъ: „Мы должны помнить, что, слѣдуя влеченію, мы не въ правѣ еще претендовать на выдачу намъ *аттестата зрѣлости;* свидѣтельство о ней мы можемъ получить только за работу *внутреннюю*, въ частностяхъ своихъ мелкую, но въ общемъ болѣе трудную, чѣмъ простое денежное пожертвованіе, и даже, чѣмъ доблестная, но минутная жертва жизнью, за славное дѣло свободы. Помогайте славянамъ, но не забывайте и своихъ дѣлъ"... Многіе, можетъ быть, помнятъ, какую бурю произвели въ нѣкоторыхъ органахъ нашей печати эти наши слова о предпочтеніи внутреннихъ вопросовъ; одна возражавшая намъ газета и строившая въ то время свои планы на подталкиваніи къ войнѣ, объявила насъ „захваченными врасплохъ", и сидящими на вопросѣ объ учебной системѣ, между тѣмъ какъ война, по ея мнѣнію, будетъ плодотворнѣе (!) обсужденія всякихъ внутреннихъ вопросовъ"; обвиняла насъ просто въ измѣнѣ и съ паѳосомъ восклицала: „ужъ поистинѣ „Вѣстникъ *Европы*"!—пародируя при этомъ безсознательно извѣстное восклицаніебонапартистовъ Тьеру, прерывавшихъ его рѣчь противъ войны съ Пруссіей: „такъ разсуждаютъ въ *Берлинѣ!*"

Обращаясь еще разъ къ финансовымъ средствамъ государства на веденіе войны, безъ разстройства обыкновеннаго хозяйства, мы должны замѣтить прежде всего, что финансовое наше управленіе наиболѣе ясно сознавало именно тотъ основной фактъ, что мы еще находимся въ переходномъ положеніи, и что веденіе войны, при этомъ положеніи, будетъ особенно затруднительно. Но разъ война была объявлена, финансовому управленію, какъ и всему русскому обществу, остается только всѣми силами содѣйствовать успѣшному ея веденію до конца—пріисканіемъ средствъ.

Итакъ, слѣдуетъ приготовиться къ несенію чрезвычайныхъ расходовъ еще въ продолженіи цѣлаго года. Расходы эти представляются, во-первыхъ, собственно потребностями войны, во-вторыхъ, упадкомъ цѣнности податного рубля, могущимъ повесть къ тому, что по бюджету будущаго года казна, получая ту же нарицательную, огульную сумму податей и пошлинъ (за исключеніемъ таможенныхъ) получитъ въ дѣйствительности средствъ на цѣлую треть менѣе, чѣмъ по исполненію росписей до войны. Откуда же могутъ быть взяты средства, необходимыя для покрытія тѣхъ расходовъ и того недочета? Въ газетахъ по этому поводу высказывались предположе-

нія весьма различныя, но не особенно практичныя, а отчасти даже странныя.

Такъ, одна газета совѣтуетъ обратиться къ установленію „прямыхъ безсословныхъ податей, которыя взимались бы преимущественно съ имуществъ такъ-называемыхъ неподатныхъ сословій“ и, сверхъ того, къ объявленію внутренняго металлическаго займа, т.-е. такого, въ которомъ самые взносы производились бы металломъ, въ монетѣ и въ издѣліяхъ, а оплата процентовъ и погашеніе производилось бы, конечно, также металломъ. Но обѣ эти мѣры едва ли могутъ разсчитывать на успѣхъ. Первая изъ нихъ была бы въ сущности новымъ налогомъ на частное землевладѣніе. Между тѣмъ, въ другой газетѣ мы недавно читали, что херсонскій земскій банкъ предоставляетъ право покупать *безплатно* заложенныя въ немъ имѣнія, поступающія въ продажу за невзносъ срочныхъ платежей, съ тѣмъ только, чтобы покупатель переводилъ на себя сумму долга, съ обязательствомъ уплачивать срочный по ней процентъ, который и съ долею погашенія составляетъ 7% въ годъ, а между тѣмъ и на этихъ условіяхъ покупателей является весьма немного. Теперь спрашивается: если доходность имѣній въ плодородной полосѣ Россіи исчисляется мало превышающею 7%, то во что же превратится доходность частнаго землевладѣнія во всей Россіи, если на нее былъ бы отнесенъ налогъ, достаточный для покрытія чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ? Очевидно, частныя имущества не въ состояніи дать такой суммы. Другая газета указываетъ въ видѣ источника предоставленіе въ общее пользованіе всѣхъ государственныхъ имуществъ. Но вѣдь мы имѣемъ примѣръ раздачи земель въ частную собственность на Кавказѣ, подъ условіемъ разработки. Мѣра эта доселѣ не принесла никакой пользы. Во всякомъ случаѣ ни раздача земель, ни установленіе новыхъ налоговъ не представляютъ такихъ мѣръ, которыя могли бы своевременно дать казнѣ средства, нужныя на войну; новые налоги и аренда государственныхъ имуществъ могутъ впослѣдствіи служить предметами для погашенія займовъ, сдѣланныхъ для военныхъ цѣлей, но сами дать непосредственно и въ скорое время нужныхъ средствъ не могутъ.

Остается, стало быть, одно средство — займы. Но открытіе внутренняго металлическаго займа было бы разсчитано на такой фактъ, который весьма и весьма подлежитъ сомнѣнію, а именно на „лежаніе подъ спудомъ“ въ сундукахъ и въ карманахъ, въ предѣлахъ Россіи, большихъ запасовъ серебра и золота. На чемъ основано предположеніе о такомъ фактѣ? На томъ ли, что лѣтъ 27 тому назадъ у насъ была въ обращеніи звонкая монета безъ лажа? Но вѣдь съ тѣхъ поръ, въ теченіи ряда годовъ, только изрѣдка прерывавшагося, мы ежегодно

выплачивали за границу металломъ разницу въ торговомъ балансѣ. Намъ представляется весьма сомнительнымъ, чтобы въ Россіи лежалъ „подъ спудомъ" запасъ звонкой монеты въ 100 или 200 милліоновъ (необходимыхъ для займа), то-есть, чтобы такія громадныя суммы лежали у насъ въ видѣ мертваго капитала, неприносящаго процентовъ. Внутреннихъ займовъ и цѣнныхъ бумагъ всякаго рода, съ приманкою выигрышей или высокихъ процентовъ, было уже выпущено слишкомъ достаточно, чтобы можно было съ основательностью разсчитывать на залежи сбереженій въ монетѣ, устоявшихъ противъ искушеній выгоднаго помѣщенія.

Одна газета пошла еще дальше на томъ же пути, предложивъ внутренній заемъ не только металлическій, но еще и съ выигрышами. Основаніе для такого займа, какъ уже замѣчено, совершенно гадательно, а та приманка, которая представлялась бы выигрышами, во-первыхъ, уронила бы цѣну прежнихъ двухъ выигрышныхъ займовъ, и въ особенности двухъ послѣднихъ внутреннихъ займовъ невыигрышныхъ, то-есть произвела бы на нихъ такую потерю для всей страны, которая немногимъ была бы меньше самой суммы, какую третій выигрышный заемъ могъ бы доставить казнѣ. Во-вторыхъ, займы съ выигрышами вообще относятся къ бумагамъ спекулятивнымъ и не соотвѣтствуютъ здравымъ экономическимъ принципамъ. Упомянемъ еще предложеніе нѣкоторой газеты сократить обыкновенные расходы, пріостановивъ всѣ не необходимые для „правильной государственной жизни". Чтó же это значитъ? Прекратить пенсіи или закрыть школы? Или не чинить тюремъ?

Наконецъ, еще одна газета дошла до того, что предложила, для снабженія казны металломъ, особый видъ частныхъ пожертвованій— „металлическими вещами, годными для передѣлки въ монету", въ томъ разсчетѣ, что „въ любомъ достаточномъ семействѣ найдутся сломанныя серебряныя ложки, погнутая посуда и тому подобныя лишнія, не находящіяся въ употребленіи вещи". На это мы можемъ возразить, что въ большомъ числѣ „достаточныхъ семействъ" и тѣ серебряныя вещи, которыя не сломаны и не погнуты, не находятся въ употребленіи собственно потому, что находятся въ ломбардѣ. Странно и указывать на подобные, очевидно ничтожные рессурсы.

Настоящее положеніе дѣлъ такое: для веденія войны были заключены два внутреннихъ займа и одинъ внѣшній. Первый изъ этихъ внутреннихъ займовъ былъ помѣщенъ не безъ нѣкоторой трудности, но, однакоже, помѣщенъ, такъ какъ вслѣдъ за нимъ признано было возможнымъ выпустить второй—„восточный" заемъ. Изъ этого займа въ 200 милліоновъ рублей, какъ намъ извѣстно, доселѣ окончательно помѣщено облигацій на 160 милліоновъ рублей—результатъ, относи-

тельно говоря, болѣе успѣшный, чѣмъ можно было ожидать. Затѣмъ, реализировано ли изъ внѣшняго займа что-либо, сверхъ того аванса, который былъ полученъ первоначально подъ его обезпеченіе,—намъ доселѣ неизвѣстно. Далѣе, взиманіе таможенныхъ пошлинъ золотомъ, при сокращеніи ввоза, едва ли дастъ звонкой монеты болѣе 30-ти милліоновъ рублей въ годъ, а потребность въ ней, для обыкновенныхъ (по системѣ кредита) и чрезвычайныхъ (военныхъ) заграничныхъ платежей далеко превышаетъ эту сумму. Вслѣдствіе того, звонкая монета и слитки добываются нынѣ министерствомъ финансовъ чрезъ коммиссіонеровъ, съ уплатою имъ большого процента. А между тѣмъ, частью для возмѣщенія потерь на внутреннихъ переплатахъ (отъ вздорожанія), частью на самое пріобрѣтеніе металла чрезъ коммиссіонеровъ, выпущено со времени объявленія войны кредитныхъ билетовъ вновь на сумму до 140 милліоновъ рублей. А именно: при прежней цифрѣ 734 мил. руб., „кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ въ обращеніе", нынѣ (счеты государственнаго банка къ 12-му сентября), по рубрикѣ кредитныхъ билетовъ, временно выпущенныхъ на подкрѣпленіе кассъ, значится 184 мил. руб., вмѣсто 45 мил. руб., числившихся въ началѣ апрѣля. Продолженіе этихъ выпусковъ за цѣлый годъ въ одинаковомъ размѣрѣ, т.-е. примѣрно по 140 мил. руб. за пять мѣсяцевъ, произвело бы за годъ отъ 330 до 340 мил. руб. новыхъ кредитныхъ билетовъ. А это, въ сравненіи съ прежнимъ ихъ итогомъ (779 м. р.), представило бы такой размѣръ увеличенія, при которомъ цѣнность кредитнаго рубля въ металлѣ должна была бы упасть болѣе, чѣмъ на треть, такъ что по слѣдующему бюджетному исполненію, казна, при той же номинальной цифрѣ доходовъ, получила бы ихъ въ дѣйствительности менѣе не только на цѣлую треть, но еще гораздо меньше, чѣмъ за вычетомъ цѣлой трети.

Намъ кажется, пути для добытія новыхъ средствъ указываются самымъ свойствомъ потребностей: нужна своевременность, нужно обезпеченіе бюджета отъ паденія кредитнаго рубля и нужна звонкая монета. Вотъ одно главное условіе и двѣ главныхъ потребности. Для того, чтобы удовлетворить ихъ, мы видимъ только три мѣры: прекратить дальнѣйшіе выпуски бумажныхъ денегъ; въ росписи 1878 года поднять всѣ подати и пошлины на 1/3 ихъ нынѣшняго размѣра, и осуществить внѣшній заемъ милліоновъ въ 200 рублей безъ всякаго колебанія передъ невыгодностью его условій. Нѣтъ спору, это—мѣры тяжкія. Но зато онѣ прямо вели бы къ цѣли. Вѣдь пожертвованія все равно будутъ тяжки, въ какой бы формѣ они ни выразились теперь. А лучшая форма та, которая проста и устраняетъ поѣданіе одного источника другимъ, какъ то̀ дѣлается выпусками бумажныхъ денегъ, обезцѣнивающими бюджетъ. Увеличеніе всѣхъ податей и

пошлинъ, кромѣ таможенныхъ, на $^1/_3$ соотвѣтствовало бы паденію кредитнаго рубля, значитъ, въ значительной мѣрѣ не представило бы для населенія новой тягости, а между тѣмъ устранило бы возможность другой бѣдственной мѣры, къ которой иначе когда-нибудь пришлось бы обратиться: къ переведенію податей и пошлинъ на металлическую валюту, при сохраненіи неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, что представляло бы жертву болѣе тяжкую и окончательную, между тѣмъ какъ мѣра, нами предлагаемая, могла бы быть только временная. Но пожертвованія во всякомъ случаѣ будутъ не малы, и вліяніе ихъ на положеніе нашихъ финансовъ не можетъ не быть значительнымъ. И въ этомъ неизбѣжно отразится тотъ фактъ, что война застала насъ въ переходномъ періодѣ, до полнаго осуществленія даже того, что было дѣйствительно предпринято, и далеко до осуществленія всего того, что можно было предпринять.

Для продолженія серьёзныхъ военныхъ дѣйствій за Дунаемъ остается еще мѣсяцъ. Будемъ надѣяться, что, при несомнѣнномъ мужествѣ нашихъ солдатъ и генераловъ, Плевна будетъ взята до тѣхъ поръ. Но взятіе Плевны, конечно, еще не рѣшитъ войну. Плевна представилась намъ какъ неожиданное препятствіе. Устранивъ это неожиданное препятствіе, мы все-таки будемъ имѣть на правомъ флангѣ—Виддинъ, на лѣвомъ—Рущукъ, Силистрію, Варну и Шумлу, не говоря объ укрѣпленныхъ позиціяхъ, вновь созданныхъ Мехметомъ-Али въ теченіи трехъ мѣсяцевъ его выжидательнаго образа дѣйствій. Прежде чѣмъ рѣшительно двинуться впередъ, за Балканы, намъ придется все-таки обезпечить наши фланги, то-есть взять хоть нѣкоторыя изъ приведенныхъ крѣпостей уже послѣ того, какъ будетъ разбитъ Османъ-паша, и оттѣсненъ назадъ, за Черный Ломъ, Мехметъ-Али. Для всего этого, очевидно, одного мѣсяца мало, и всѣ приготовленія показываютъ, что предполагается зимовка въ Турціи и возобновленіе весною военныхъ дѣйствій — съ перспективою возможности новыхъ комбинацій въ западной политикѣ, внимательно изучавшей наши боевыя силы и хозяйственные порядки на театрѣ войны нынѣшняго года.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12/24 сентября, 1877.

Германія и восточный вопросъ.

При существующихъ обстоятельствахъ, весьма интересно разсмотрѣть съ безпристрастной точки зрѣнія вопросъ объ отношеніяхъ между Германіей и Россіей, одинаково важный какъ для русской, такъ и для нѣмецкой прессы. Каждому понятно, что для двухъ націй, столь многочисленныхъ и столь могущественныхъ и имѣющихъ такое всемірное историческое значеніе, какъ русская и нѣмецкая, въ высшей степени важно столковаться на счетъ того, что ихъ связываетъ, и того, что можетъ ихъ разъединить. Нѣтъ надобности тревожить по этому поводу исторію протекшихъ столѣтій, хотя, быть можетъ, и неучительно порою заглядывать въ нее, но достаточно будетъ, если мы изучимъ событія послѣдняго времени, въ ихъ непосредственной связи. Когда два года тому назадъ вспыхнуло возстаніе въ турецкихъ областяхъ, которое въ своей послѣдовательной цѣпи мало-по-малу привело къ войнѣ между Россіей и Турціей, въ Германіи, правду сказать, немногіе понимали, что здѣсь происходитъ движеніе, чреватое важными послѣдствіями. Равнодушіе длилось довольно долго. Дипломатическіе переговоры мало понятны, а потому и мало интересны для массы публики. Конференціи и протоколы заносятся въ газеты, но немногіе читатели находятъ нужнымъ ихъ читать. Во все время когда восточный вопросъ ограничивался дипломатической борьбой, въ самой Германіи участіе къ нему было самое незначительное. Только борьба возставшихъ народовъ возбуждала болѣе оживленный интересъ. Но, собственно говоря, ни та, ни другая сторона не находили рѣшительныхъ приверженцевъ. Жестокости турокъ въ Болгаріи вызвали вообще негодованіе въ Европѣ, но въ наше забывчивое время онѣ скоро отступили на задній планъ, и по мѣрѣ того, какъ столкновеніе между Россіей и Турціей усложнялось, на сцену выступили совсѣмъ иные элементы. Образовались двѣ партіи, особенно рѣзко заявлявшія о своемъ существованіи въ Германіи, Австріи и Англіи. Франція была слишкомъ поглощена внутренними дѣлами, чтобы стать рѣшительно на чью-либо сторону, и, кромѣ того, тамъ національное сознаніе, пониманіе высшихъ интересовъ государства такъ сильны, что даже сама оппозиція никогда не опускаетъ изъ виду извѣстныхъ соображеній. Въ Германіи дѣло стоитъ

иначе. Громадное большинство желаетъ проводить свои принципы, не обращая никакого вниманія на нужды государства, и различныя партіи дѣйствуютъ при этомъ очертя голову. Быть можетъ, только въ Польшѣ существовалъ подобный индивидуализмъ, и единственное, что̀ спасаетъ Германію отъ судьбы Польши, это сильно развитый монархическій духъ въ народѣ, привязанность къ монархіи, которая всегда изо всѣхъ силъ ратовала за интересы государства.

Съ началомъ войны или, собственно говоря, за долгое время до нея, сильно развилась эта отвлеченность отъ всякихъ историко-политическихъ принциповъ. Уже въ октябрѣ прошлаго года радикалы, самые отъявленные враги Россіи, хотѣли, чтобы князь Бисмаркъ составилъ коалицію противъ Россіи съ цѣлью помѣшать ей воевать съ Турціей. Эта идея, само собою разумѣется, претерпѣла полное фіаско, потому что ни одинъ политически развитый и отвѣтственный человѣкъ не станетъ ее проводить. Въ рейхстагѣ никто ее не поддерживалъ, но въ общественномъ мнѣніи она пріобрѣла право гражданства и какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Россія объявила войну Турціи. Хотя прокламація русскаго правительства о томъ, что оно не преслѣдуетъ никакой другой цѣли, кромѣ улучшенія быта христіанскихъ подданныхъ Турціи, была очень ясна, однако демократическіе органы не придали ей никакого значенія, но изображали въ ужасающихъ краскахъ послѣдствія русской побѣды, которая, по ихъ мнѣнію, должна была подчинить русскому вліянію всю Европу. Необходимо указать разницу между различными органами печати.

„Кёльнская газета", занимающая первое мѣсто въ ряду туркофильскихъ нѣмецкихъ газетъ, въ политическомъ отношеніи совсѣмъ не радикальный органъ, но, какъ я уже разъ говорилъ вамъ, она насквозь пропитана традиціями старой политики. Она желала, чтобы уже въ крымскую войну Пруссія присоединилась къ французамъ, англичанамъ и туркамъ, и желаетъ теперь совмѣстнаго дѣйствія Франціи, Англіи, Австріи и Германіи противъ Россіи—то-есть задается такой невозможной фантазіей, что о ней нельзя серьёзно разсуждать. Въ виду большихъ заслугъ рейнской газеты и вообще приличной манеры держать себя, можно съ нѣкоторой снисходительностью отнестись къ ея политикѣ. Она главнымъ образомъ опирается на предразсудкѣ прирейнскаго населенія, которое всѣ свои симпатіи даритъ Западу и даже на сѣверныя провинціи Пруссіи смотритъ съ нѣкотораго рода недовѣріемъ и антипатіей, а въ Россіи видитъ страну, погруженную въ полуночный мракъ, и боится, какъ бы Россія не распространила свою власть настолько, чтобы снова поколебать могущественное положеніе, занятое теперь Германіей.

Впрочемъ, „Кёльнская газета"—достаточно одаренная политиче-

скимъ чутьемъ—не принимаетъ въ разсчетъ этихъ соображеній и въ послѣднее время какъ разъ стала нѣсколько объективнѣе. Цвѣтъ туркофиловъ состоитъ въ настоящее время изъ молодыхъ людей, и самыми рѣшительными пропагандистами ихъ является большинство либеральныхъ газетъ. Во главѣ ихъ стоитъ уважаемый за свое прошлое и за богатство, которое всегда и вездѣ возбуждаетъ уваженіе, старѣйшій органъ столицы: „Фоссова газета"; до послѣдняго времени она просто съ пѣной у рта бранила Россію, но на-дняхъ наступила пауза въ ругательствахъ и съ ней связываютъ различныя соображенія о мирѣ. Чье вліяніе вызвало эту политическую перемѣну—неизвѣстно, но кажется, что это вліяніе имѣло матеріальный характеръ.

Но, кромѣ того, существуетъ еще много газетъ, которыя ревностно защищаютъ турокъ; но еще сильнѣе, нежели въ печати, распространена враждебность противъ Россіи въ публикѣ, у которой она приняла громадные размѣры. Это явленіе заслуживаетъ болѣе внимательнаго изученія и описанія. Оно отнюдь не мѣстное. Вѣдь замѣтилъ же недавно Гладстонъ, что населеніе Лондона, по разнымъ причинамъ, а главное потому, что самоуправленіе въ Лондонѣ слабѣе, нежели въ провинціальныхъ городахъ, менѣе политически развито, чѣмъ въ провинціи, а потому въ восточномъ вопросѣ стоитъ за турокъ. Въ Вѣнѣ дѣло обставлено иначе. Главные органы печати находятся непосредственно подъ вліяніемъ турокъ, и, кромѣ этого, при томъ разладѣ во взглядахъ, какой вообще существуетъ въ Австріи, понятно, что тамъ находятся дружественные туркамъ органы печати. До послѣдняго времени обѣ партіи были почти равной силы, но теперь это нѣсколько измѣнилось по причинамъ, о которыхъ скажу ниже, а теперь вернусь къ здѣшней прессѣ. Большинство здѣшнихъ газетъ въ восточномъ вопросѣ высказывалось сначала рѣшительно за русскихъ, но населеніе въ настоящую минуту такъ враждебно настроено противъ русскихъ, что въ виду этого различныя газеты, отличавшіяся до сихъ поръ объективностью и независимостью, отказались отъ своего прежняго взгляда и усвоили противоположный.

На нѣкоторыхъ пунктахъ сходятся туркофильскія партіи какъ въ Лондонѣ и въ Вѣнѣ, такъ и въ Кёльнѣ и въ Аугсбургѣ. Во-первыхъ, всѣ утверждаютъ, что у Россіи не было никакого повода начинать войну, что она сдѣлала это только за тѣмъ, чтобы помѣшать развитію Турціи, только-что начинавшемуся, что совершенно противно международному праву поддерживать *вассаловъ* Турціи, возставшихъ противъ своего сюзерена. Вѣнская „Neue-Freie-Presse" обзывала черногорцевъ скотокрадами, а сербовъ—свинопасами, и эти грубыя выходки одобрялись публикой. Когда Сербія была разбита турками и въ нѣкоторомъ родѣ лежала въ предсмертной агоніи, съ этой стороны

раздавались просто каннибальскіе вопли радости. Въ настоящее время извѣстно, что даже друзья Сербіи несправедливо отнеслись къ ней, и что турки вовсе не такой ничтожный врагъ въ военномъ отношеніи, какъ о нихъ принято было думать. Геройство же черногорцевъ возбудило удивленіе всѣхъ безпристрастныхъ людей, и сами враги должны были умолкнуть, такъ какъ хвалить ихъ имъ не приходилось. Болгары изображались трусливой, подлой расой, которой очень хорошо жилось подъ гуманнымъ скипетромъ Турціи, и которая чисто изъ самомнѣнія восстала противъ нея. Относительно бѣдныхъ румынъ принята была цѣлая система клеветъ и оскорбленій, и непосредственно передъ участіемъ румынъ въ войнѣ всѣ туркофильскія газеты безъ устали толковали про трусость румынъ, утверждая, что они при первыхъ же выстрѣлахъ обратятся въ самое постыдное бѣгство.

Опытъ показалъ теперь, что румыны совсѣмъ не такіе плохіе солдаты, что и болгары также одарены военными качествами и умѣютъ сражаться и умирать за свое отечество. Всѣ недостатки и слабости этихъ народностей слѣдуетъ приписать тому обстоятельству, что они въ теченіи долгихъ столѣтій держались въ рабствѣ и не получали военнаго образованія. Вообще на счетъ мужества различныхъ націй толкуется много вздору. Природа всѣхъ людей одарила способностью жертвовать жизнью для достиженія извѣстныхъ цѣлей. Только способность эта проявляется различнымъ образомъ. Китаецъ хладнокровно выноситъ самыя жестокія пытки и не выказываетъ ни малѣйшей боязни смерти. Но тѣ же самые китайцы не выдерживаютъ столкновенія съ европейскимъ дисциплинированнымъ войскомъ. Многіе народы не считаются лично храбрыми. Но императоръ Наполеонъ I во время своихъ походовъ умѣлъ пользоваться каждой національностью и образовать изъ нихъ способныя и страшныя для врага арміи. Въ самой Пруссіи жители старинныхъ коренныхъ земель, бранденбургцы, считаются самымъ пригоднымъ матеріаломъ для солдатъ. Они издавна получали военное образованіе и пріучены къ суровому климату и трудолюбивой и полной лишеній жизни. Они отличаются грубымъ и стойкимъ характеромъ. Но въ послѣднія войны оказалось, что между военной пригодностью различныхъ племенъ очень мало разницы, и что сыны прекраснаго Рейна, выростающіе совсѣмъ при иныхъ условіяхъ, чѣмъ обитатели сѣверныхъ и восточныхъ провинцій, соперничали съ послѣдними во всѣхъ воинскихъ добродѣтеляхъ.

Недавно еще Германія умѣла понимать и сочувствовать чужеземнымъ націямъ. Какіе прекрасные цвѣты выростали на почвѣ нѣмецкой поэзіи, когда Греція вела отчаянную, и долгое время казавшуюся безнадежной, борьбу съ Турціей, чтобы добиться независи-

мости. Въ тѣ времена старъ и младъ сочувствовали мужественнымъ воинамъ, храбрымъ морякамъ, и слово „свобода" имѣло притягательную силу, какую оно и должно имѣть для благородныхъ душъ. И не въ одной только Германіи, но и въ Англіи, на ряду съ Вильгельмомъ Мюллеромъ и Платеномъ, превосходя обоихъ своимъ геніемъ, стоялъ Байронъ и возбуждалъ свой апатичный народъ. Нѣмецъ Гердеръ первый познакомилъ публику съ прекрасными славянскими, и именно сербскими народными пѣснями. Въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія еще не забыли исторіи Турціи. И еще раньше того я долженъ указать на Теодора Кернера, нѣмецкаго Тиртея, вдохновеннаго пѣвца войнъ за освобожденіе, самое зрѣлое произведеніе котораго, драма „Ирингъ", изображаетъ геройскую борьбу Венгріи съ Турціей, и которое хотя и безпощадно отдѣлано критикой, но и по сіе время читается молодежью, которая учится на немъ прекрасному и возвышенному. Съ того времени не было недостатка въ ревностныхъ историкахъ, которые самымъ тщательнымъ образомъ изучали исторію Турціи и написали о ней цѣлые томы. Но наука совсѣмъ обособилась отъ жизни, и теперь невозможно взывать къ исторіи. Это обусловливается, на мой взглядъ, одной чертой настоящаго времени, проявляющейся, по всей вѣроятности, у всѣхъ современныхъ народовъ, но которую я имѣлъ случай непосредственно наблюдать только въ Германіи; а именно: убѣжденіемъ, что текущее столѣтіе, благодаря его безспорному матеріальному прогрессу, настолько выше всѣхъ предыдущихъ вѣковъ, что ему нечему учиться у нихъ. Въ прежнее время говорили обыкновенно, что жизнь народовъ измѣряется столѣтіями, подобно тому, какъ жизнь индивидуумовъ измѣряется годами. Современные люди не хотятъ этому вѣрить. Если вы напомните, что всего лишь въ 1683 г. турки осаждали Вѣну и чуть-было не взяли ея, что Австріи гораздо позже приходилось вести войны съ Турціей, которыя отнюдь не были легки и не всегда оканчивались удачно; если вы напомните, что въ 1686 г. бранденбургскія вспомогательныя войска сражались съ Турціей въ Венгріи; что 2 сентября того года они помогали брать штурмомъ Офенъ; что они десять лѣтъ пребывали вдали отъ своего отечества и еще въ 1699 г. помогли принцу Евгенію Савойскому одержать первую побѣду (при Чентѣ) надъ турками, то вамъ разсмѣются въ глаза, потому что считается, — такія вещи не имѣютъ никакого отношенія къ настоящему времени. Также точно смотрятъ и на позднѣйшія событія. Въ дѣйствительности же могущество Турціи только въ настоящемъ столѣтіи настолько подорвано, что оно не можетъ почти угрожать опасностью Европѣ. Вся Европа содѣйствовала въ этомъ Россіи, хотя въ настоящее время объ этомъ позабыли,

и Англія не меньше другихъ, какъ это и доказываютъ англійскіе руссофобы. Хотя обстоятельства и оттѣсняютъ этотъ фактъ на самый заднiй планъ, но у Англіи и Россіи есть много общихъ интересовъ на Востокѣ, какъ это открыто признавали въ послѣднее время государственные люди обѣихъ странъ. Но самымъ важнымъ пунктомъ при этомъ, хотя оффиціально о немъ не упоминаютъ, является естественное желаніе, чтобы магометанство не взяло верхъ, что̀ особенно опасно для самой Англіи, въ виду ея остъ-индскихъ владѣній.

Въ числѣ безчисленныхъ ошибокъ туркофиловъ, самая существенная заключается въ томъ, что они изображаютъ Турцію крайне миролюбивымъ государствомъ, и увѣряютъ, что турецкое правительство, какъ только отдѣлается отъ Россіи, такъ тотчасъ же поспѣшитъ исполнить желанія Европы относительно улучшенія быта христіанскихъ райевъ и введетъ образцовое конституціонное правленіе. Само собой разумѣется, что турки въ настоящее время ничего не говорятъ о своихъ намѣреніяхъ по заключеніи мира, если бы они могли остаться побѣдителями. Но уже теперь нѣтъ недостатка въ фактическихъ указаніяхъ для тѣхъ, кто только не слѣпъ, чего можно ожидать отъ турокъ въ такомъ случаѣ. Въ тотъ моментъ, когда туркамъ приходилось особенно плохо, англичане пожелали имѣть станцію въ Галлиполи, т.-е. высказали это желаніе, которое они давно уже питаютъ. Но турки вѣжливо поблагодарили и объявили, что примутъ англичанъ только какъ открытыхъ союзниковъ— въ противномъ случаѣ пусть не суются! Намекъ попалъ не въ бровь, а прямо въ глазъ, и такъ какъ англичане не пожелали вступить въ союзъ съ турками, то и не заняли Галлиполи. Это даетъ имъ предвкушеніе того, что́ они могутъ ожидать отъ турокъ, въ случаѣ, если бы эти послѣдніе побѣдоносно окончили настоящую войну. Константинопольскія корреспонденціи въ туркофильскія вѣнскія газеты безъ всякой церемоніи возвѣщаютъ, что турецкое правительство вовсе не помышляетъ отказываться отъ международныхъ правъ, предоставляемыхъ побѣдителю, что оно намѣрено потребовать военной контрибуціи и гарантій, которыя бы предохраняли ее отъ новаго нападенія. Другія извѣстія гласятъ, что турецкія власти оказываютъ разныя придирки въ отношеніи паспортовъ иностранцамъ, проживающимъ въ Турціи, о которыхъ прежде не было и въ поминѣ, а это указываетъ на то, что турки отнынѣ намѣрены только терпѣть у себя иностранцевъ, тогда какъ прежде послѣдніе занимали въ нѣкоторомъ родѣ привилегированное положеніе въ Турціи.

Что болгаръ, попадающихъ въ руки турокъ, вѣшаютъ толпами— въ этомъ тоже, разумѣется, надо видѣть иронической отвѣтъ на гу-

манныя мечтанія туркофиловъ. Само собой разумѣется, что Турція, въ случаѣ побѣды, воспользуется ею для собственныхъ выгодъ. Если бы даже правительство не захотѣло этого, то народъ его къ тому принудитъ. Всѣ корреспонденціи сходятся въ томъ, что религіозный фанатизмъ сильно возбужденъ во всемъ мусульманскомъ населеніи настоящей войной. Въ виду стихійнаго характера этого возбужденія, даже очень сильному правительству трудно было бы справиться съ возбужденными народными массами и возстановить порядокъ и спокойствіе. Цѣлое полстолѣтіе твердили туркамъ, что они собственно пришельцы въ Европѣ, и они сами, наконецъ, повѣрили, что рано или поздно имъ придется вернуться въ свое отечество. Что же можетъ быть естественнѣе, что теперь—опять-таки въ случаѣ побѣды—они обратятъ орудіе противъ Европы и изберутъ своимъ паролемъ: „Турція для Турціи!“ Европа выказала во всѣхъ этихъ усложненіяхъ такъ мало пониманія и энергіи, что если Россія откажется отъ вмѣшательства въ турецкія дѣла, то Турція можетъ творить все, что ей угодно. Разумѣется, все это предположенія, которыя, по всей вѣроятности, не осуществятся. Я оставляю даже при этомъ въ сторонѣ совершенно невѣроятное предположеніе, что Россія одна не справится съ Турціей, но имѣю въ виду дипломатическое положеніе дѣлъ, которое въ непродолжительномъ времени должно значительно выясниться, и уже теперь даетъ поводъ ожидать вмѣшательства Германіи, а затѣмъ и Австріи, а, быть можетъ, также и Англіи. Но предварительно мнѣ надо заняться эпидемическимъ туркофильствомъ, которое является однимъ изъ характернѣйшихъ знаменій настоящаго времени, и поэтому заслуживаетъ внимательнаго изученія со стороны людей, вынужденныхъ переживать это повальное безуміе.

Упоминая выше о народахъ, навлекшихъ на себя ненависть и презрѣніе нѣмецкихъ туркофиловъ, я лишь вскользь упомянулъ про румыновъ. Но отношеніе туркофиловъ къ этимъ послѣднимъ особенно поучительно во всемъ движеніи. То, что въ настоящее время называется Румыніей, есть очень юное государство, и его прежняя исторія состоитъ изъ цѣлаго ряда несчастій и угнетеній. Нація, населяющая его, является своеобразнымъ осколкомъ среди пестрой толпы народовъ европейскаго юго-востока. Но то, что она, несмотря на свою незначительность и всѣ неблагопріятныя обстоятельства, не только удержала свою физіономію, но и пріобрѣла въ послѣднее время прочное положеніе, говоритъ за то, что ея существованіе необходимо. Теперешній князь ея, изъ Гогенцоллернскаго дома, благонамѣренный человѣкъ и повидимому серьёзно намѣренъ привить начала политической самобытности странѣ, избравшей его своимъ главой. Положеніе его очень затруднительное, какъ это

всегда бываетъ, когда на престолъ какой-нибудь страны вступаетъ иноземный родъ. Если онъ и отличается какой-нибудь добродѣтелью, такъ это той, что никогда не дѣлаетъ рекламъ въ свою пользу. На счетъ его отношенія къ великимъ державамъ: Россіи, Австріи и Германіи ничего положительно не было извѣстно. Восшествіе его на престолъ происходило при такихъ обстоятельствахъ, что даетъ право предполагать, что на симпатіи Австріи ему нечего разсчитывать. Но и Пруссія также, а теперь и Германія всегда относились къ нему крайне холодно. Бисмаркъ заявлялъ неоднократно, что князь Карлъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ и на собственный страхъ, когда принялъ предложенную ему корону, и до свѣдѣнія публики по крайней мѣрѣ не доходило ничего такого, что бы могло заставить предположить, что Германія принимаетъ особый интересъ въ этомъ отпрыскѣ Гогенцоллернской фамиліи. Для многихъ, конечно, достаточно уже одного этого имени, чтобы враждебно относиться къ нему, и въ самой Германіи ультрамонтаны и радикалы рады случаю безнаказанно осыпать насмѣшками человѣка, носящаго это имя.

Манифестъ, изданный княземъ при началѣ войны, сталъ предметомъ горькой и ожесточенной критики. Но кто безпристрастно взглянетъ на дѣло, тотъ скажетъ, что мотивы, которыми князь объясняетъ свой образъ дѣйствій, вполнѣ понятны. Только полная независимость отъ Турціи можетъ дать Румыніи возможность развиваться безпрепятственно, и, кромѣ того, удачно оконченная война хотя и будетъ стоить странѣ большихъ жертвъ, но укрѣпитъ положеніе князя относительно различныхъ партій и облегчитъ проведеніе общихъ государственныхъ интересовъ.

Возвращаюсь теперь къ моей настоящей тэмѣ, нѣмецкому туркофильству. Я уже въ прежнихъ письмахъ упоминалъ о причинахъ его. Тогда я остановился на эпохѣ греческаго возстанія, когда одинъ ученый, совсѣмъ не занимающійся политикой, сдѣлалъ открытіе, что греки, собственно говоря, славяне, а совсѣмъ не потомки древнихъ эллиновъ, и этимъ убилъ симпатію къ нимъ. Сегодня я заберусь еще дальше въ прошлое. А именно: я долженъ упомянуть о Лессингѣ, который проповѣдывалъ терпимость въ своемъ „Натанѣ Мудромъ“ и вывелъ въ немъ мусульманина превосходнаго человѣка. Великій нѣмецкій писатель соорудилъ алтарь гуманности въ эпоху, когда нетерпимость свирѣпствовала въ Германіи. Но эпигоны принимаютъ его слова буквально и заходятъ еще дальше: они ставятъ магометанскую религію выше христіанской. На послѣднихъ дняхъ въ одну нѣмецкую газету прислано было письмо изъ Константинополя, въ которомъ сообщалось, что почитатели какого-то

турецкаго генерала—не помню именно котораго—порѣшили послать послѣднему въ подарокъ доску, съ вырѣзанными на ней названіями выигранныхъ сраженій и различныхъ изреченій изъ Корана. Корреспондентъ сопровождаетъ это сообщеніе замѣчаніемъ, что такого рода подарокъ имѣетъ гораздо больше смысла, нежели посылка образа русскому полководцу. Сколько я замѣчалъ, это глумленіе надъ христіанской религіей не вызвало ни одного замѣчанія. Точно также и рѣчь, которую говорилъ нѣсколько времени тому назадъ въ Парижѣ Мидхатъ-паша одной депутаціи изъ своихъ почитателей и въ которой турецкій министръ in partibus имѣлъ безстыдство доказывать, что исламъ въ сравненіи съ христіанской религіей играетъ цивилизующую роль, вызвала громкое одобреніе въ Германіи и даже одинъ радикалъ такъ проникся ею, что вдругъ увѣровалъ, что въ Турціи господствуютъ истинная демократія и свобода, которыя совсѣмъ исчезли въ остальной Европѣ.

Такихъ заявленій, конечно, серьёзно принимать не слѣдуетъ, но они все же знаменательны. Они проистекаютъ изъ ненависти къ христіанству, и хотя творцы ихъ не имѣютъ никакого намѣренія броситься въ объятія какой бы то ни было религіи, но все же имъ пріятно, что они могутъ унизить христіанскую вѣру.

Еще поразительнѣе то, какимъ образомъ туркофилы пользуются настоящей войной, чтобы извлечь изъ нея аргументы противъ постоянной арміи. Въ каждомъ учебникѣ географіи стоитъ, что у турокъ есть постоянное войско въ 470,000 человѣкъ, т.-е. на 60,000 болѣе, чѣмъ у германской имперіи. Каждый учебникъ исторіи учитъ, что турки первые завели въ Европѣ постоянное войско, и отъ этого-то и были такъ страшны Европѣ въ прежнія времена. Но такими пустяками туркофилы не смущаются. Они дѣлаютъ видъ, будто Турція, вслѣдствіе русскаго нападенія, вдругъ преобразилась изъ крайне миролюбиваго государства въ воинскій лагерь, и выводятъ изъ этого заключеніе, что вообще совсѣмъ не нужно постояннаго войска, чтобы справиться съ государствомъ, у котораго оно есть.

Въ настоящее время кажется, что туркофильство достигло своего зенита. Неистовый восторгъ въ Пештѣ отрезвилъ нѣсколько нѣмецкихъ туркофиловъ. И въ нѣкоторыхъ газетахъ, глумившихся надъ Россіей и превозносившихъ турокъ, тонъ значительно измѣнился, и даже высказывается мысль, что владычество Турціи въ Европѣ составляетъ аномалію. Но какъ бы то ни было, и туркофильское шарлатанство продолжаетъ свирѣпствовать въ западной и средней Европѣ и не только позорно, но и очень вредно.

Въ Германіи никто не могъ сомнѣваться на счетъ тѣхъ чувствъ, какія питаютъ къ Россіи императоръ Вильгельмъ и князь Бисмаркъ.

Стоило только вспомнить знаменательныя слова, съ какими императоръ Вильгельмъ обратился къ императору Александру, послѣ подписанія предварительныхъ условій мира въ Версали: „Пруссія никогда не забудетъ, что она вамъ обязана за то, что война не приняла чрезвычайныхъ размѣровъ. Да благословитъ васъ Богъ за это". Точно такъ и князь Бисмаркъ высказался самымъ недвусмысленнымъ образомъ касательно отношенія Германіи къ Россіи по поводу извѣстнаго запроса Рихтера въ рейхстагѣ: „если оппозиція намѣревается нарушить дружественныя отношенія между Россіей и Германіей, то ей это не удастся". Къ этому канцлеръ прибавилъ, что этотъ взглядъ раздѣляютъ и императоръ Вильгельмъ и союзныя правительства. Но въ Германіи мысль, что дѣйствуешь въ оппозиціи съ правительствомъ, особенно подстрекаетъ партіи. И на германскую политику нападали и продолжаютъ нападать со всевозможныхъ точекъ зрѣнія.

Князь Бисмаркъ, объявляя о нейтралитетѣ Германіи, въ то же самое время самымъ положительнымъ образомъ заявилъ и о нейтралитетѣ Австріи, высказавъ при этомъ, что Германія считаетъ своей обязанностью, при существующихъ обстоятельствахъ, стоять за неприкосновенность Австріи, но, конечно, до тѣхъ только поръ, пока во главѣ ея управленія не станутъ противники Германіи. Это послѣднее ограниченіе пробѣгаетъ красной жилкой черезъ всю политику Бисмарка относительно Австріи, и въ поясненіе слѣдуетъ прибавить, что дружеское настроеніе Австріи относительно Германіи кажется для Бисмарка гарантированнымъ въ лицѣ графа Андраши, и что перемѣна въ правительственномъ персоналѣ, которая бы означала и перемѣну въ системѣ, немедленно измѣнила бы политическое отношеніе Германіи. Такой перемѣны, конечно, нечего опасаться въ настоящее время, такъ какъ императоръ Францъ-Іосифъ еще тѣснѣе сблизился съ своими обоими союзниками; такъ же и тостъ, который провозгласилъ недавно австрійскій императоръ въ Кашау за своего друга и союзника, императора Александра, является весьма успокоительнымъ симптомомъ въ томъ же направленіи, и если выраженіе „союзникъ" и было принесено въ жертву мадьярской ярости, то мадьяры извлекутъ изъ этого весьма мало для себя проку. Такъ какъ по всѣмъ вѣроятіямъ союзъ трехъ императоровъ не есть писанный и скрѣпленный печатями договоръ, но заключается лишь въ обмѣнѣ намѣреній, которыя должны быть приведены въ исполненіе, и означаетъ, что державы, участвующія въ договорѣ, должны идти рука объ руку во всѣхъ важныхъ вопросахъ, то слово „другъ" заключаетъ въ себѣ также и слово „союзникъ", и въ настоящее время кажется, что даже сама Венгрія и туркофильская вѣнская печать примирились съ этой мыслью.

Осеннее равноденствіе—та эпоха, когда политическая жизнь въ Берлинѣ снова оживаетъ послѣ перерыва нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Эта эпоха характеризуется на этотъ разъ главнымъ образомъ тѣмъ, что князь Бисмаркъ вернулся изъ поѣздки на воды, и хотя снова уѣдетъ въ Варцинъ, но все-таки пробудетъ здѣсь нѣкоторое время, чтобы покончить съ нѣкоторыми настоятельными дѣлами. Въ его отсутствіе о немъ было мало слышно. Всѣ маленькія перебранки между нимъ и министрами прекратились или по крайней мѣрѣ замолкли. Что канцлеръ не сопровождаетъ императора въ его путешествіяхъ—дѣло обыкновенное, и доказываетъ, что канцлеръ не боится, что долгое отсутствіе повредитъ ему. Можно было бы, конечно, заключить изъ этого и то, что для канцлера безразлично: останется ли онъ на своемъ постѣ или нѣтъ, но многіе факты неотразимо свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ принимаетъ самое живое участіе въ ходѣ великихъ политическихъ событій, и что довѣріе къ нему императора такъ велико, что они могутъ не видаться очень долгое время, нисколько не отчуждаясь другъ отъ друга. Самъ императоръ, въ сравненіи съ которымъ князь Бисмаркъ почти юноша, совсѣмъ незнакомъ съ болѣзненными припадками, отъ которыхъ страдаетъ Бисмаркъ. Напротивъ того, онъ юношески свѣжъ и силенъ и доказалъ это нынѣшнимъ лѣтомъ. Онъ провелъ не менѣе двухъ недѣль на Рейнѣ, дѣля свое время между обычными военными занятіями и безконечными празднествами, которыя устраивала для него провинція. Вѣнцомъ этихъ празднествъ было то, которое устроили ему дюссельдорфскіе художники (въ Дюссельдорфѣ, какъ извѣстно, поселилась большая колонія художниковъ), необыкновенно богатое и изящное празднество, о которомъ самъ императоръ говоритъ, что онъ ничего подобнаго не видывалъ. Точно такъ и восторгъ населенія всего сильнѣе проявился въ Дюссельдорфѣ, тогда какъ въ Кёльнѣ, куда затѣмъ направился императоръ, слѣды культурной борьбы обнаружились довольно явственно. Изъ Кёльна императоръ отправился въ Карлсруэ, на смотръ баденскаго армейскаго корпуса; послѣ чего думаетъ провести нѣсколько осеннихъ недѣль въ Баденъ-Баденѣ, какъ онъ это дѣлаетъ ежегодно, и вернется въ свою столицу лишь тогда, когда политическая жизнь забьетъ живымъ ключомъ. Извѣстія, полученныя здѣсь отъ ближайшихъ окружающихъ императора, гласятъ, что онъ очень хорошо себя чувствуетъ и очень радовался заявленіямъ любви и преданности, которыми его встрѣтили въ Рейнскихъ провинціяхъ, и что эта радость была омрачена только неожиданными неудачами русскихъ на Дунаѣ. Вы, конечно, еще не забыли, что императоръ уѣхалъ отсюда подъ непріятнымъ впечатлѣніемъ раздоровъ, обнаружившихся въ средѣ евангелической церкви. Онъ неоднократно имѣлъ случай бесѣдовать съ ду-

ховными лицами и высказывалъ имъ свое отношеніе къ церковному вопросу, причемъ всегда выражалъ убѣжденіе, что символъ вѣры въ евангелической церкви останется ненарушимымъ. Ортодоксальные люди связывали съ этимъ заявленіемъ надежду на скорое паденіе теперешней системы, надежду, оказавшуюся такой же призрачной, какъ и всѣ прежнія. Императоръ безъ сомнѣнія остался при тѣхъ же воззрѣніяхъ, съ какими онъ двадцать лѣтъ тому назадъ вступилъ въ управленіе, и ошибка либераловъ заключается въ томъ, что они воображаютъ, будто имъ удастся увлечь его дальше, чѣмъ онъ самъ того хочетъ. Ультрамонтаны цѣпляются за надежды, возбуждаемыя въ нихъ раздоромъ въ средѣ евангелической церкви и разсчитываютъ, что императоръ, который уже разъ высказался противъ невѣрія, будетъ вскорѣ вынужденъ отдать католикамъ справедливость, какъ выражаются ультрамонтаны, такъ какъ среди нихъ такое невѣріе немыслимо. Касательно того: воспользовались ли ультрамонтаны путешествіемъ императора для возобновленія своихъ происковъ—ничего неизвѣстно. Все дѣло ограничивается сплетнями самаго вздорнаго характера, поводомъ къ которымъ послужило то обстоятельство, что императрица не присутствовала на какомъ-то празднествѣ, на которое былъ приглашенъ старо-католическій епископъ Рейнкенсъ. Вообще старо-католическое движеніе такъ ослабѣло, что о немъ скоро такъ же мало будетъ слышно, какъ и о нѣмецко-католическомъ движеніи, которое въ 1847 г. задумало свергнуть иго римско-католической церкви, но вскорѣ претерпѣло крушеніе. Эта церковь остается до сихъ поръ сильною и могущественною.

Важнѣйшее дипломатическое событіе нынѣшняго лѣта подошло какъ разъ къ его концу; а именно: свиданіе въ Зальцбургѣ между княземъ Бисмаркомъ и графомъ Андраши, на обратномъ пути перваго изъ Гаштейна. Уже вскорѣ по прибытіи германскаго имперскаго канцлера въ Гаштейнъ пронесся слухъ, что это свиданіе должно состояться, но оно долго откладывалось по разнымъ внѣшнимъ причинамъ, быть можетъ потому, главнымъ образомъ, что Гаштейнъ лежитъ слишкомъ особнякомъ, не соединенъ прямо съ желѣзной дорогой, и поэтому поѣздка графа Андраши туда отняла бы у него слишкомъ много времени, тогда какъ это неудобство устранялось пріѣздомъ обоихъ государственныхъ людей въ Зальцбургъ, одинъ изъ красивѣйшихъ пунктовъ этой вообще богато одаренной природой страны.

Вы знаете, что въ Германіи давно уже установился обычай проводить лѣтомъ недѣльки двѣ на морѣ или въ Альпахъ, и я также при первой возможности слѣдовалъ этому обычаю. Самыя отдаленныя воспоминанія мои относятся къ тому времени, когда желѣзныя до-

роги почтительно останавливались у подошвы горъ и когда можно было кататься по цѣлымъ недѣлямъ, не слыша свистка локомотива. Всего лишь десять лѣтъ тому назадъ открыта Бреннерская желѣзная дорога, одна изъ прекраснѣйшихъ дорогъ въ свѣтѣ по своей простотѣ и смѣлости и которую не затмитъ даже Сенъ-Готардская дорога, потому что хотя большой туннель на этой послѣдней и весьма интересная постройка, но за то ѣзда по туннелю отнюдь не веселая вещь. Какъ только австрійскіе инженеры узнали секретъ, какъ одолѣвать горы, такъ тотчасъ же закипѣла жизнь въ долинахъ большихъ рѣкъ. Прежде всего обзавелась желѣзной дорогой Тирольская Пустерская долина, которая начинается у живописнаго форта Франценсвеста и соединяетъ бреннерскую желѣзную дорогу съ Штиріей и Каринтіей. Вообще эта линія, за исключеніемъ начала у бреннерской дороги, весьма однообразна и бѣдна красотами природы. Гораздо живописнѣе та линія, которая построена гораздо позже и проходитъ по Нижней Пинцгауэрской долинѣ и у мѣстечка Цель поворачиваетъ къ морю, чтобы по близости отъ Куфштейна соединиться съ большой желѣзно-дорожной линіей изъ Инспрука въ Баварію. Эта линія оффиціально называется зальцбургъ-тирольской линіей или также и рудольфской желѣзной дорогой, а мѣстами зеблерской дорогой, такъ какъ австрійскіе желѣзнодорожники отличались страстью называть сѣти новѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ по имени членовъ ихъ владѣтельной фамиліи. Такъ точно и изъ Зальцбурга идетъ желѣзная дорога, соединяющаяся съ той, которая ведетъ черезъ Пинцгау. Короче сказать, со всѣхъ сторонъ существуютъ пути сообщенія и весьма удобные пути, напр., съ юга на сѣверъ, гдѣ можно доѣхать изъ Вероны въ Берлинъ въ одномъ и томъ же вагонѣ, или съ запада на востокъ, по дорогѣ, ведущей на Виллахъ и Лайбахъ въ Вѣну. Точно такъ и рудольфская желѣзная дорога ведетъ въ Вѣну. Всѣмъ этимъ дорогамъ или по крайней мѣрѣ большинству ихъ приходится преодолѣвать большія финансовыя затрудненія, потому что постройка стоила дорого, а обращеніе обмануло ожиданія. Но какое оживленіе внесли эти желѣзныя дороги въ страну! Тироль и Зальцбургъ стали какъ-бы увеселительными окрестностями Вѣны, и сообщеніе между столицей и столь отдаленными прежде горными мѣстностями теперь самое удобное. Чужеземецъ не мало удивляется, когда въ какой-нибудь уединенной горной деревушкѣ получаетъ вчерашнія вечернія вѣнскія газеты, причемъ еще можетъ наслаждаться разнообразіемъ. Между тѣмъ какъ въ Пруссіи въ каждой провинціи есть свой руководящій большой органъ, съ которымъ не могутъ соперничать столичныя газеты, въ нѣмецкой Австріи вѣнская пресса царствуетъ безусловно; а такъ какъ самыя распространенныя изъ нихъ: „Neue-Freie-

Presse" и такъ называемая старая „Presse" непримиримые враги, потому что первая стоитъ за турокъ, а вторая—за русскихъ, то легко можетъ случиться, что онъ одинъ день проведетъ въ атмосферѣ, дружественной туркамъ, а другой—въ атмосферѣ, дружественной русскимъ. Само собой разумѣется, что развитіе сѣти желѣзныхъ дорогъ чрезвычайно какъ увеличило число путешественниковъ и въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ былыя времена посѣщались только отважными пѣшеходами, теперь попадаются цѣлыя колоніи пріѣзжихъ. По желѣзной дорогѣ путешественникъ проѣзжаетъ съ Бедекеромъ въ рукахъ и спокойно поглядываетъ на горныхъ исполиновъ, взирающихъ съ обѣихъ сторонъ на дѣло рукъ человѣческихъ. Но еще прекраснѣе этихъ видовъ сами долины съ ихъ шумящими потоками, въ особенности же долины Энса и Зальца. Тамъ, гдѣ паденіе воды очень велико, тамъ случается, что рѣка сама производитъ такой шумъ, что онъ заглушаетъ шумъ желѣзно-дорожнаго поѣзда; но всего живописнѣе тѣ мѣста, гдѣ долина едва настолько широка, чтобы вмѣстить полотно желѣзной дороги, и поѣздъ мчится у самаго ревущаго потока или же переѣзжаетъ по мостамъ съ одного берега на другой, чтобы только выиграть мѣсто. Когда я сказалъ, что путешественникъ изучаетъ въ вагонѣ Бедекера, то выразился не совсѣмъ точно, такъ какъ дирекція желѣзныхъ дорогъ издала планы своихъ дорогъ съ превосходными картами и съ описаніемъ самыхъ интересныхъ для туриста пунктовъ по невѣроятно дешевымъ цѣнамъ.

Путешественникъ не знаетъ, чему онъ долженъ болѣе удивляться: прогрессу ли маленькихъ деревень, гдѣ въ былое время только трактирщикъ и проводникъ имѣли большіе заработки, или развитію большихъ городовъ, какъ Инспрукъ и Зальцбургъ, которые годъ отъ году украшаются новыми великолѣпными постройками и мало-по-малу получаютъ характеръ большихъ городовъ, между тѣмъ какъ ихъ окрестности и красоты природы нисколько не страдаютъ отъ искусственной человѣческой дѣятельности.

Статистика можетъ доказать цифрами это развитіе, я же могу только передать поверхностное впечатлѣніе туриста и именно такого, котораго не избаловала въ этомъ отношеніи сѣверная Германія, не блистающая живописными красотами и естественными богатствами. Если изберешь самую обыкновенную теперь дорогу въ Австрію, то можно ѣхать изъ Берлина на Дрезденъ, Прагу и Линцъ и оттуда или на западъ, черезъ австрійскія Альпы, или на востокъ, въ Вѣну и окрестности нижняго Дуная, или на югъ, къ Адріатическому морю. Но куда бы вы ни поѣхали, всюду вы натыкаетесь на необыкновенныя красоты природы и богатства почвы. Я полагаю, что даже сама Франція, которая слыветъ одной изъ наиболѣе одаренныхъ природою

странъ въ Европѣ, не затмитъ въ этомъ отношеніи Австрію, и кто объѣдетъ эту страну, тотъ пойметъ, какимъ образомъ она могла вынести столько неудачъ и самое неумѣлое зачастую управленіе, не придя въ окончательный упадокъ. Продолжительный періодъ мира и тщательная заботливость о матеріальныхъ и умственныхъ интересахъ могутъ возвести Австрію на такую степень могущества, на какой она еще никогда не стояла. Я былъ также очень сильно удивленъ настроеніемъ населенія, которое очень измѣнилось со времени шестидесятыхъ годовъ. Въ ту эпоху соперничество между либеральными и реакціонными элементами было доведено до высшей степени, и послѣднія неудачи правительства были слишкомъ велики, чтобы можно было разсчитывать на восторженное отношеніе къ нему. Со всѣхъ сторонъ раздавалась самая рѣзкая критика. Теперь все измѣнилось. Племенная и религіозная борьба въ населеніи ведется самымъ оживленнымъ образомъ, но она не ожесточаетъ болѣе умы, и хотя крупный экономическій „крахъ“ и даетъ себя чувствовать повсемѣстно, но всѣ хорошо знаютъ, что правительство къ нему непричастно, и ему благодарны за то, что оно сторонилось отъ всякихъ опасныхъ предпріятій и дало странѣ спокойствіе и миръ. Я могъ бы снискать себѣ славу очень тонкаго наблюдателя, если бы раньше напечаталъ эти замѣчанія, потому что онѣ подтверждаются событіемъ, о которомъ я собирался говорить и отъ котораго меня отвлекли мои путевыя воспоминанія, а именно: о зальцбургскомъ свиданіи между Висмаркомъ и Андраши. Вы легко можете себѣ представить, что всѣ тѣ, которые призваны знакомить публику со всѣми тайнами дипломатіи, со страстью набросились на это событіе. Они отлично знаютъ, о чемъ говоритъ канцлеръ, и имъ такъ многое извѣстно объ этомъ, что канцлеру нужно было бы провести по крайней-мѣрѣ нѣсколько недѣль въ Зальцбургѣ, чтобы успѣть перетолковать обо всѣхъ этихъ предметахъ. Но что касается результата этого свиданія, то что̀ они о немъ разсказываютъ—до того общеизвѣстно, что вовсе не надо было подслушивать у дверей или пользоваться особымъ довѣріемъ обоихъ государственныхъ людей, чтобы узнать это: соглашеніе по крупнымъ политическимъ вопросамъ, разумѣется съ заранѣе принятымъ условіемъ, время отъ времени снова совѣщаться, и наконецъ, само собой разумѣется, поддержаніе нейтралитета и локализація войны. Не только возможно, что оба канцлера толковали объ этомъ, если только была какая-нибудь нужда толковать объ этомъ; но если ихъ свиданіе не было совершенно безполезнымъ, то они навѣрное толковали еще и о многихъ другихъ вещахъ, о которыхъ рѣшительно никому ничего неизвѣстно и узнать которыя было бы между тѣмъ крайне интересно для тѣхъ, кто интересуется политикой. Но рядомъ съ этими гада-

ніями разнеслось оффиціозное извѣстіе, заслуживающее упоминовенія. Нѣмецкія газеты, находящіяся въ близкихъ сношеніяхъ съ нѣмецкимъ правительствомъ, замѣчають, что то обстоятельство, что Австрія до сихъ поръ не проливала крови и не тратила денегъ и спокойно могла выжидать событій, обусловливается главнымъ образомъ дружескимъ согласіемъ между Германіей и Австро-Венгріей, равно какъ и дружбою между государственными людьми, стоящими во главѣ управленія той и другой страны. На это одинъ оффиціозный австрійскій органъ отвѣчалъ, что такое воззрѣніе безъ сомнѣнія найдетъ сочувствіе во всѣхъ разсудительныхъ, патріотически-настроенныхъ кружкахъ Австро-Венгріи. Итакъ, это заявленіе совпадаетъ съ тѣмъ, что я самъ наблюдалъ въ Австріи. И если можно возразить, что оффиціозное заявленіе, говоря о разсудительныхъ патріотическихъ кружкахъ, упускаетъ изъ виду славянъ и мадьяръ, страстно желающихъ побудить правительство къ болѣе активному дѣйствію, хотя и въ діаметрально противоположномъ направленіи, то на это можно замѣтить, что самая противоположность этихъ стремленій дѣлаетъ возможнымъ удержать мирную политику.

Но восточный вопросъ не одинъ занимаетъ германскаго канцлера: его вниманіе по прежнему устремлено на западъ и возвращеніе его совпадаетъ съ переворотомъ во внутренней политикѣ Франціи, вызваннымъ событіями 16 мая, а главнымъ образомъ смертью Тьера. До сихъ поръ симпатія Бисмарка къ покойному государственному человѣку была безспорна, и онъ, хотя и не безъ труда, добился и благосклонности къ нему императора, хотя понятно, что этотъ послѣдній не питаетъ никакой симпатіи къ республикѣ. Процессъ Арнима, опаснѣйшаго изъ союзниковъ Бисмарка, обнаружилъ, что бывшій нѣмецкій посланникъ въ Парижѣ въ своихъ нападкахъ на канцлера пользовался какъ разъ этимъ обстоятельствомъ, обвиняя его въ томъ, что онъ, поощряя республиканскую форму правленія во Франціи, подрываетъ монархическій принципъ во всей Европѣ, а слѣдовательно и въ Германіи. Пока былъ живъ Тьеръ, нельзя было ожидать перемѣны въ отношеніяхъ обѣихъ странъ. Если Тьеръ и былъ представителемъ республики, то представителемъ консервативной республики и консервативнаго дѣла, тогда какъ, по нѣмецкимъ воззрѣніямъ, теперешній президентъ, насколько онъ можетъ быть пріятенъ здѣсь какъ консерваторъ, настолько подрываетъ это свое достоинство союзомъ со всѣми враждебными Германіи партіями, и именно съ ультрамонтанами.

Это простое и ясное отношеніе совершенно измѣнилось вслѣдствіе смерти Тьера. Во Франціи, какъ и въ Германіи, очень хорошо извѣстно, что не существуетъ другого человѣка, который могъ бы

удержать консервативный элементъ въ республиканской партіи. Гораздо вѣроятнѣе, что радикалы снова возьмутъ верхъ, между тѣмъ какъ многочисленные элементы, которые обыкновенно обозначаются подъ именемъ партіи лѣваго центра, т. е. всѣ умѣренные республиканцы, примкнутъ къ маршалу, шансы побѣды котораго въ настоящую минуту сильно возросли. Не слѣдуетъ обманываться словами печати и даже такого умѣреннаго органа, какъ „Journal des Débats“, сильно нападающихъ на дѣйствія президента. Тѣ классы, представителемъ которыхъ является „Journal des Débats“, всегда были противниками императора Наполеона, но всегда составляли незначительное меньшинство, и можно почти съ увѣренностью разсчитывать, что побѣдитъ то политическое дѣло, противъ котораго они борятся, и снова подтвердится то, что Ренанъ высказалъ уже разъ объ отношеніи французской націи къ Наполеону III:

...„Правительство Наполеона III, при всѣхъ его громадныхъ недостаткахъ, безспорно сдержало половину своей программы. Большинство во Франціи было вполнѣ довольно, оно получило то, чего желало: порядокъ и спокойствіе. Конечно, свободы не было, но это было ощутительно едва-лишь *для шестой части націи*, и въ этомъ меньшинствѣ еще нужно отличать небольшую кучку образованныхъ людей отъ крамольной толпы, единственная задача которой заключается въ томъ, чтобы всегда быть въ оппозиціи“.

Отношенія не измѣнились и по настоящее время, и политика республиканцевъ показываетъ, какими слабыми они себя чувствуютъ. Съ ними повторяется то, что было съ нѣмецкими либералами 1848 и 1862 г. Какъ скоро они требуютъ отъ народа только мирной поддержки либеральнаго направленія, большинство стоитъ за нихъ; но въ тотъ моментъ, какъ происходитъ столкновеніе между либералами и правительствомъ, и либералы пожелаютъ закрѣпить дѣйствіями свое направленіе, большинство измѣняетъ имъ. Отношенія въ Пруссіи, конечно, въ томъ отношеніи иныя, что въ Германіи монархическое чувство все еще очень сильно, а въ ту эпоху требовалось настоящее возстаніе противъ короны, формальная революція, но результатъ будетъ одинъ и тотъ же, и 14 октября докажетъ это. Громадная масса французскаго народа хочетъ спокойствія во что бы ни стало, а это ей обѣщаетъ теперешній президентъ; по крайней мѣрѣ она не можетъ опасаться перемѣны правленія, а уже одно это соображеніе можетъ быть рѣшительно.

Такъ какъ нѣмецкое правительство постоянно утверждало, что отнюдь не желаетъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Франціи и ничего отъ послѣдней не требуетъ, кромѣ поддержанія мира, которое теперешній президентъ тоже выставилъ въ заголовкѣ своей про-

граммы, то можно было бы, принимая во вниманіе несомнѣнное желаніе мира во французскомъ народѣ, спокойно смотрѣть въ глаза будущему, если бы не воспоминаніе о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ вспыхнула война въ 1870 г. Тогда императоръ и громадное большинство французскаго народа тоже не желали войны, но были вовлечены въ нее незначительнымъ меньшинствомъ. Одинъ изъ самыхъ тонкихъ наблюдателей, изучавшій французовъ во время войны, подполковникъ фонъ-Меерхеймбъ, говоритъ въ этомъ отношеніи: „вѣчная перемѣна политическихъ формъ во Франціи вовсе не есть слѣдствіе подвижности и дикихъ страстей народа, но результатъ его апатіи, его нравственной трусости. Громадное большинство народа несомнѣнно миролюбиво, рѣшительно консервативно, не изъ любви къ какой-нибудь формѣ правленія, но отъ равнодушія ко всѣмъ формамъ; но такъ какъ оно слишкомъ лѣниво, слишкомъ неохотно беретъ починъ въ какомъ-нибудь дѣлѣ, то сила его остается скрытой, потому что дѣйствуютъ только дѣятельныя силы. Этотъ недостатокъ нравственнаго мужества, абсолютная неспособность къ самоуправленію и почину дѣлаютъ то, что вотъ уже скоро цѣлое столѣтіе нація играетъ роль мячика въ рукахъ небольшого меньшинства, смѣняющаго одно другое“.

Тотъ же наблюдатель говорилъ въ 1872 г.:

„Франція преклонится передъ каждымъ „fait accompli“, какъ она это дѣлала въ продолженіи 80 лѣтъ. Разочарованная во всѣхъ политическихъ идеалахъ, не питая личной, живой симпатіи, она требуетъ отъ правительства, только спокойствія и безопасности, а это ему пообѣщаетъ всякое правительство“.

Натурально, нельзя ожидать до выборовъ, чтобы нѣмецкое правительство высказало громко свои теперешнія воззрѣнія. Такое заявленіе оказало бы нежелательное вліяніе на ходъ французской избирательной борьбы. Если даже президентъ и побѣдитъ, то нельзя ожидать перемѣны во французской иностранной политикѣ въ ближайшемъ будущемъ. Но несомнѣнно слѣдуетъ ожидать, что партіи, помогшія президенту одержать побѣду, скоро нетерпѣливо потребуютъ награды за свое содѣйствіе президенту. Но тутъ мы вступаемъ въ область гаданій. Нѣмецкое правительство съ замѣчательной предусмотрительностью приняло послѣднія военныя, оборонительныя мѣры для большей безопасности Эльзаса и Лотарингіи и въ особенности крѣпости Метца. Замѣчательное совпаденіе обстоятельствъ заключается въ томъ, что какъ разъ въ это самое время полковникъ Стоффель, бывшій военный уполномоченный императора Наполеона въ Берлинѣ, который своими, слишкомъ поздно обнародованными, сообщеніями указывалъ на громадную ошибку, въ которую впало французское прави-

тельство въ оцѣнкѣ силъ нѣмецкой арміи, въ послѣднее время въ цѣломъ рядѣ статей, которыя—не знаю, какъ во Франціи,—но въ Германіи возбудили довольно большое вниманіе, уговариваетъ своихъ соотечественниковъ не тревожиться понапрасну на счетъ войны съ Германіей, и говоритъ имъ, что Германія, для того, чтобы добиться дѣйствительно прочнаго мира съ Франціей, сама въ непродолжительномъ времени возвратитъ ей Лотарингію съ Метцомъ, причемъ ссылается на то, что князь Бисмаркъ при заключеніи мира не желалъ этихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, но былъ вынужденъ къ нимъ военной партіей. Въ свое время, конечно, толковали объ этомъ, но разсказъ этотъ никакъ нельзя считать достовѣрнымъ, и я думаю, что теперь нечего и думать о такой сдѣлкѣ. Печать, въ особенности въ западной части Германіи, сильно протестовала противъ этого, и то обстоятельство, что императоръ, въ послѣдній свой пріѣздъ въ Карлсруэ, назначилъ великаго герцога Баденскаго главнымъ инспекторомъ 14 (баденскаго) и 15 (эльзасъ-лотарингскаго) армейскихъ корпусовъ, мотивируя это назначеніе желаніемъ вызвать болѣе тѣсное сближеніе между имперскими землями и Германіей, говоритъ противъ осуществленія французскихъ желаній. Сочиненіе полковника Стоффеля, читающаго нравоученія своимъ соотечественникамъ и ставящаго имъ въ примѣръ нѣмецкую націю и преимущественно Пруссію, натурально очень польстило нѣмецкой публикѣ, которой очень пріятно, что иностранецъ и вдобавокъ французъ отдаетъ справедливость добрымъ качествамъ нѣмцевъ. Но я считаю это удовольствіе неосновательнымъ. У нѣмцевъ столько же національныхъ недостатковъ, какъ и у французовъ; имъ посчастливилось только въ послѣднее время въ томъ отношеніи, что ихъ недостатки не такъ ярко обнаруживались, какъ ихъ достоинства. Но эти достоинства, собственно говоря, весьма отрицательнаго свойства. Они всѣ исчерпываются монархическимъ настроеніемъ, все еще одушевляющимъ громадное большинство народа и содѣйствующимъ строгому воспитанію и дисциплинѣ, въ которой держитъ прусскій царствующій домъ народъ. Но нужно быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, что это самое настроеніе весьма поколебалось за послѣднее время и болѣе нежели сомнительно, чтобы оно удержалось при менѣе счастливыхъ обстоятельствахъ и при менѣе блестящемъ и энергическомъ правителѣ. Тогда можетъ обнаружиться недостатокъ, котораго французы никогда не почувствуютъ, а именно: недостатокъ сильнаго національнаго воодушевленія, которое, конечно, въ своемъ крайнемъ развитіи можетъ повлечь за собой худыя послѣдствія, но все же составляетъ одно изъ драгоцѣннѣйшихъ благъ націи.

Нѣмцы во всѣ времена отличались космополитизмомъ, и не утратили его и до сегодня. Ультрамонтаны и соціаль-демократы, причемъ

вліяніе послѣднихъ ростетъ въ ужасающихъ размѣрахъ (въ послѣднее время, напримѣръ, удалось одному соціаль-демократу быть выбраннымъ въ саксонскій сеймъ, несмотря на избирательную систему, благопріятную для имущественныхъ классовъ—до сихъ поръ соціаль-демократы одерживали избирательныя побѣды только путемъ всеобщей подачи голосовъ, дѣйствующей при выборахъ въ рейхстагъ), открытые противники всякаго національнаго настроенія и постоянно нападаютъ на него самымъ ожесточеннымъ образомъ и въ своихъ сочиненіяхъ и въ своихъ рѣчахъ, что, конечно, не можетъ проходить безслѣдно.

Прежде чѣмъ заключить свое письмо, я долженъ сдѣлать еще небольшую экскурсію въ политическую область. При существующихъ запутанныхъ дипломатическихъ отношеніяхъ, роль, которую играетъ итальянское королевство, отнюдь не ясна. Лѣтомъ прошелъ слухъ, что одинъ нѣмецкій офицеръ, стоящій весьма близко къ графу Мольтке, отправился въ Римъ съ какимъ-то порученіемъ. Это могло быть вполнѣ неосновательнымъ предположеніемъ или нѣтъ. Послѣ этого Беннигсенъ, президентъ прусской палаты депутатовъ, отправился въ Римъ, видѣлся тамъ со многими политическими дѣятелями, и преимущественно съ членами итальянской палаты депутатовъ и у всѣхъ, даже у самаго короля, встрѣчалъ самый лестный пріемъ. Онъ пригласилъ къ себѣ въ гости президента итальянской палаты депутатовъ, Криспи, и этотъ послѣдній принялъ его приглашеніе. Но, должно быть, обоимъ господамъ показалось скучновато въ небольшомъ ганноверскомъ имѣніи фонъ-Беннигсена и они пріѣхали сюда, быть можетъ, случайно—какъ разъ въ то самое время, какъ вернулся князь Бисмаркъ, и хотя въ настоящую минуту здѣсь очень мало депутатовъ, однако Беннигсену удалось устроить небольшую овацію пріятелю, заключавшуюся въ парадномъ обѣдѣ, на которомъ собралось довольно много депутатовъ національ-либеральной и прогрессивной партіи, равно какъ и выдающихся представителей искусства и науки. На немъ присутствовалъ также и итальянскій посланникъ при здѣшнемъ дворѣ, де-Лонэ. Само собой разумѣется, празднество носило совершенно неполитическій характеръ и присутствующіе старательно избѣгали затрогивать вопросы, стоящіе въ связи съ текущими политическими дѣлами. Въ честь императора Вильгельма и короля Виктора-Эммануила, гостя и князя Бисмарка провозглашены были тосты, и мотивомъ чествованія обоихъ монарховъ было выставлено то обстоятельство, что они оба доставили своему народу единство и конституціонную свободу. Собраніе было очень интересно, потому что изъ присутствовавшихъ образованныхъ нѣмцевъ почти каждый побывалъ въ Италіи

и проникся къ ней большой симпатіей. Весьма возможно, что эти взаимныя посѣщенія носятъ совершенно платоническій характеръ, но, въ виду политическаго положенія Бенингсена и его итальянскаго собрата, многіе не могутъ отдѣлаться отъ мысли, что кромѣ простого выраженія дружбы, существующей между обѣими націями, съ этимъ посѣщеніемъ связана еще особая политическая цѣль.

Въ началѣ текущаго мѣсяца открылась здѣсь выставка картинъ, которая прежде происходила черезъ каждые два года, а теперь, повидимому, должна повторяться ежегодно. Разумно ли это—покажетъ опытъ, потому что если даже и черезъ два года нельзя ожидать никакой существенной перемѣны въ состояніи искусства, то еще менѣе возможно этого ждать по истеченіи года или, вѣрнѣе сказать, десяти мѣсяцевъ послѣ закрытія выставки и открытія новой. Первое впечатлѣніе, производимое настоящей выставкой,—это то, что на ней нѣтъ ничего новаго: извѣстные художники, извѣстные сюжеты представлены на ней въ тысячѣ картинъ, рисунковъ и статуй. Въ былыя времена эти выставки были сборнымъ мѣстомъ всѣхъ тѣхъ, кто заявлялъ претензіи на художественное образованіе; художественная критика, которая, какъ извѣстно, весьма процвѣтаетъ въ Германіи, праздновала торжество, въ которомъ принимала живое участіе публика, считающая себя образованной. До нѣкоторой степени это продолжается и теперь, но та же исторія, что съ театромъ, повторилась и съ искусствомъ: оно уже болѣе не привлекаетъ общаго интереса. По крайней мѣрѣ, не стоитъ больше на первомъ планѣ, какъ прежде. Политическія, экономическія, религіозныя заботы поглощаютъ современное поколѣніе, и у него нѣтъ того досуга, какой необходимъ для того, чтобы искусство привлекало общее вниманіе. Какъ и прежде, и еще съ бо́льшимъ правомъ, не буду я касаться подробностей выставки. Самое капитальное произведеніе, выставленное на ней—„Провозглашеніе императора въ Версали", Августа фонъ-Вернера, давно извѣстно. Критика высказалась о немъ не особенно благосклонно, и крупный талантъ фонъ-Вернера былъ парализованъ условностью формъ, которой онъ долженъ былъ подчиниться и которая не оставила ему никакой свободы, а именно: точностью въ передачѣ подробностей этого событія, необходимостью писать портреты всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, она не затмила прекрасной картины Адольфа Менцеля: „Коронація въ Кёнигсбергѣ" (въ 1862 г.). Извѣстные мастера ландшафтной живописи выставили и на этотъ разъ кое-что. Двѣ, три батальныхъ картины, содержаніе которыхъ заимствовано изъ послѣдней войны, являются остатками изъ той великой арміи, которая шла вслѣдъ за войной, и портретъ снова пред-

ставленъ самымъ многочисленнымъ и наилучшимъ образомъ. Но въ цѣломъ незамѣтно ничего новаго, никакого особеннаго прогресса. Здѣсь замѣчается то же явленіе, что̀ и въ литературѣ. Не знаю, право, повторять ли свои сѣтованія на этотъ счетъ. Вы сами хорошо знаете, что въ этой области мало чего новаго. Новые таланты такъ рѣдки, что старѣйшіе писатели переживаютъ настоящее бабье лѣто и, благодаря новому промышленному роду литературы, читаются болѣе, чѣмъ въ свое лучшее время. Никто не отрицаетъ, напримѣръ, что Бертольдъ Ауэрбахъ окончательно исписался, и долженъ былъ бы наслаждаться заслуженнымъ покоемъ. Но запросъ на романы такъ великъ, вознагражденіе такое значительное, что старые авторы дѣлаютъ все новыя усилія. Бертольдъ Ауэрбахъ выступаетъ теперь съ новымъ романомъ, который долженъ одновременно печататься въ десяти нѣмецкихъ и иностранныхъ журналахъ. Такъ какъ писатели дѣлаютъ при этомъ такую же выгодную аферу, какъ и журналы, которымъ извѣстное имя всегда привлекаетъ массу подписчиковъ, то противъ этого ничего нельзя сказать. Можно даже замѣтить, что, такимъ образомъ, литература проникаетъ въ такія сферы, для которыхъ она прежде была недоступна. Такъ, для новаго романа Ауэрбаха заранѣе обезпечено нѣсколько сотъ тысячъ читателей, хотя никто не можетъ сказать, сто̀итъ онъ того или нѣтъ: во всякомъ случаѣ, число его теперешнихъ читателей значительно превышаетъ число тѣхъ, которые читали его лучшія юношескія произведенія (Ауэрбахъ—современникъ Гуцкова и почти уже 40 лѣтъ подвизается на литературномъ поприщѣ—первые его „Деревенскіе разсказы" появились въ 1843 г.). Худой стороной этой системы является то, что при ней невозможна критика. Читатель долженъ довольствоваться тѣмъ, что̀ ему приноситъ каждый день, подобно тому, какъ живущій въ гостинницѣ долженъ довольствоваться тѣмъ „menu", которое предлагаетъ ему табль-д'отъ. Критика можетъ сказать свое слово только тогда, когда передъ ней предстанетъ все произведеніе, а тогда для большинства публики оно является явленіемъ запоздалымъ. Я знаю, что это явленіе не всеобщее, но нашелъ нужнымъ заняться имъ потому, что это распространеніе литературы замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ соціаль-демократическими тенденціями, которыя теперь проявляются всюду, а не въ однихъ только соціаль-демократическихъ кружкахъ. Много смѣялись надъ тѣмъ, что соціаль-демократы, не получивъ никакого спеціальнаго образованія, суются толковать о наукѣ. Бывшій переплетчикъ Мостъ читалъ нѣсколько лекцій, передъ чрезвычайно многочисленной публикой, о римской исторіи Моммзена и опровергалъ знаменитаго историка, доказывая—причемъ публика приняла его доказательства за неопровержимыя—что онъ исказилъ римскую

исторію въ интересахъ имущественныхъ классовъ и тиранніи. Надъ этимъ, какъ я уже говорилъ, посмѣялись, а дѣло между тѣмъ имѣетъ весьма серьёзныя стороны. Люди, никогда до сихъ поръ не слыхавшіе про римскую исторію, слышатъ про нее теперь и начинаютъ ею интересоваться. Отъ этого возникаетъ полу-образованіе и даже меньше того, но и этотъ призракъ образованія все же лучше круглаго невѣжества, и спеціалисты ученые, равно какъ и всѣ образованные люди вообще, должны задать себѣ серьёзно вопросъ: не виновата ли ихъ исключительность и непрактичность ихъ сочиненій въ томъ, что руководство массъ все болѣе и болѣе ускользаетъ отъ нихъ. Не нужно, конечно, забывать, что и образованные люди старались по мѣрѣ силъ распространять знаніе между необразованными классами; напомню, напримѣръ, про берлинское ремесленное общество, насчитывающее нѣсколько тысячъ членовъ и въ которомъ самые замѣчательные ученые изъ году въ годъ читаютъ лекціи,—и если соціальдемократическія массы охотнѣе принимаютъ науку въ той формѣ, въ которой имъ предлагаютъ ее ихъ единомышленники, то потому, что эта форма соотвѣтствуетъ ихъ тенденціямъ и желаніямъ.

Во всякомъ случаѣ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ глубокими явленіями, заслуживающими самаго внимательнаго изученія и далеко еще не разъясненными. Современное общество, безспорно, переживаетъ кризисъ, развитіе котораго можетъ продолжаться очень долгое время, и который не можетъ быть подавленъ простой внѣшней силой. Съ этой мыслью и съ ожиданіемъ, что оно не такъ-то скоро достигнетъ покоя, современное поколѣніе должно мало-по-малу примириться.

К.

ПАРИЖСКІЯ ПИСЬМА

$^{12}/_{24}$ сентября, 1877.

XXIX.

Тьеръ, основатель третьей республики.

Національнымъ,—я могъ бы даже сказать европейскимъ,—событіемъ текущаго мѣсяца является скоропостижная и неожиданная смерть Тьера. Цѣлыхъ двѣ недѣли Парижъ и вся Франція ни о чемъ другомъ не говорили, какъ о знаменитомъ утраченномъ нами гражданинѣ. Посвящая настоящее письмо Тьеру, я присоединяю свою скромную лепту уваженія къ этому имени въ сокровищницу цѣлаго народа. Я постараюсь прежде всего вкратцѣ изложить долгую жизнь Тьера, а затѣмъ разскажу объ его смерти и погребеніи, наконецъ, постараюсь охарактеризовать эту личность, занимавшую собою міръ въ продолженіи болѣе полустолѣтія.

I.

Луи-Адольфъ Тьеръ родился въ Марсели, 16 апрѣля 1797 года. При Луи-Филиппѣ, когда Тьеръ былъ въ силѣ, мелкая пресса распускала на его счетъ различныя басни: будто онъ родился въ бѣдной семьѣ рабочихъ, будто его мать торговала углемъ, а сестры тоже были мелкія торговки. Истина въ томъ, что семья его принадлежала къ мелкой марсельской буржуазіи. Дѣдъ его долгое время служилъ архиваріусомъ въ городѣ. Отецъ Тьера, повидимому, много путешествовалъ и былъ весьма дѣятельнымъ человѣкомъ. Несомнѣнно, что Тьеръ родился въ домѣ, принадлежавшемъ его бабкѣ съ материнской стороны, нѣкоей г-жѣ Амикъ, что во всякомъ случаѣ доказываетъ, что семья пользовалась нѣкоторымъ довольствомъ.

Я посѣтилъ на-дняхъ этотъ домъ. Онъ стоитъ въ старой улицѣ des Petits-Pères, которую назвали теперь именемъ Тьера. Домъ помѣченъ № 40. По справкамъ, наведеннымъ мною, домъ не очень измѣнился; въ немъ надстроили только третій этажъ. Въ настоящее время ювелирный магазинъ занимаетъ нижній этажъ, гдѣ находятся большой салонъ и столовая; позади, на узкомъ дворѣ, есть колодезь. Тьеръ родился въ комнатѣ второго этажа, окна которой выходятъ

на улицу. Конечно, домъ не дворецъ; онъ похожъ на всѣ буржуазные дома той эпохи, какихъ очень много въ Марсели.

Тьеръ учился въ Марсельскомъ лицеѣ и былъ блестящимъ ученикомъ. Я долженъ прибавить, что когда я учился въ коллежѣ города Э, то въ этомъ заведеніи сохранилось преданіе, гласившее, что Тьеръ провелъ нѣсколько лѣтъ въ этомъ заведеніи. По крайней мѣрѣ на стѣнѣ показывали громадное Т—вырѣзанное будто бы имъ. Какъ бы то ни было, по выходѣ изъ лицея, онъ переѣхалъ въ Э, слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ и вступилъ въ адвокаты въ 1820 г., двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду.

Надо ясно представить себѣ ту среду, въ какой Тьеръ тогда вращался, чтобы понять его точку отправленія. Городъ Э въ 1820 г. былъ городомъ по преимуществу роялистскимъ. Революція пронеслась надъ нимъ, не затронувъ его общества, гдѣ владычествовали дворянство и высшая буржуазія. Поэтому весьма удивительно, что будущій основатель третьей французской республики вышелъ изъ этого забытаго уголка, остававшагося однимъ изъ послѣднихъ приверженцевъ стараго порядка. Но надо принять во вниманіе бурливую молодежь, наполнявшую школу правовѣдѣнія. Имперія только-что закатилась съ побѣднымъ шумомъ, а реставрація громоздила ошибку на ошибкѣ. Въ силу этого юношество было охвачено либерализмомъ. Я представляю себѣ молодого Тьера того времени, въ обществѣ нѣсколькихъ друзей, лихорадочно прогуливающихся по мирнымъ и прекраснымъ улицамъ Э. Онъ навѣрное сожалѣлъ объ утраченной свободѣ и славѣ. Онъ былъ, по разсказамъ его тогдашнихъ товарищей, энергичнымъ, веселымъ юношей, жизнь въ немъ кипѣла ключомъ, а дѣятельность онъ проявлялъ изумительную. Тьеръ при своемъ маленькомъ ростѣ таилъ въ себѣ безпокойное честолюбіе побѣдителей. Кто жилъ, какъ онъ, въ одномъ изъ южныхъ городовъ, дремлющихъ на солнцѣ,—тому хорошо знакомо ощущеніе тоски, испытываемое въ нихъ. Долгіе дни проходятъ въ мечтахъ о дальнихъ путешествіяхъ, о шумной жизни, исполненной всякихъ приключеній, о колоссальномъ трудѣ, совершаемомъ въ какомъ-нибудь большомъ центрѣ. Такія же чувства навѣрное волновали молодого Тьера въ Э. Онъ задыхался въ своей средѣ. Поэтому, какъ только онъ окончилъ право, такъ тотчасъ же уѣхалъ въ Парижъ вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей, въ томъ числѣ Минье, которымъ повѣрялъ свои честолюбивыя мечты въ маленькомъ, мертвомъ городкѣ.

Итакъ, вотъ онъ въ Парижѣ. Безъ сомнѣнія, онъ пріѣхалъ безъ опредѣленной цѣли, готовый попытать свои силы на какомъ угодно поприщѣ, съ рѣшимостью выдти побѣдителемъ. Онъ уже отказался отъ мысли быть адвокатомъ. Литература, повидимому, привлекала его.

Сохранились отрывки, написанные имъ по случаю путешествія въ Пиренеи, въ которыхъ онъ, очевидно, упражняется въ описательномъ слогѣ. Но для такого дѣятельнаго темперамента литература была слишкомъ умозрительнымъ дѣломъ. Будущій государственный человѣкъ уже проявлялся въ немъ, и его привлекали къ себѣ исторія и философія. Но особенно соблазнительнымъ была для него журналистика. Она могла удовлетворить его потребность полемики. Въ 1821 г. онъ началъ работать въ „Constitutionnel", гдѣ написалъ рядъ политическихъ статей, и онѣ были замѣчены. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвелъ у себя уголокъ искусству, которое любилъ всю жизнь, и написалъ отчетъ о тогдашней выставкѣ картинъ; онъ первый угадалъ Делакруа,—фактъ изумительный и къ которому я сейчасъ вернусь. На поприщѣ журналиста онъ быстро пріобрѣлъ вліятельныхъ друзей. Ему протежировали Талейранъ и Лафиттъ. Онъ подружился съ Ремюза и Жуффруà, и вскорѣ сталъ играть видную роль среди либеральной молодежи. На него стали смотрѣть, какъ на самаго энергичнаго борца за свободу.

Впрочемъ, счастіе особенно благопріятствовало этому любимцу фортуны. Мало встрѣтишь другихъ примѣровъ такой быстрой карьеры, которую онъ точно взялъ приступомъ. Не успѣлъ Тьеръ пріѣхать въ Парижъ, какъ передъ нимъ распахнулись всѣ двери, и всѣ желанія его осуществились. Но не слѣдуетъ объяснять все одной удачей. Онъ былъ обязанъ своей быстрой карьерой той подвижности, о которой я говорилъ выше, болтливой и предпріимчивой дѣятельности южанина. Онъ всюду ѣздилъ, всѣмъ занимался, вездѣ находилъ доступъ. Поглядите, какими колоссальными шагами подвигается онъ впередъ: въ 1823 году онъ уже напечаталъ два первыхъ тома „Histoire de la Révolution française"; въ 1829 г. онъ основалъ „National" вмѣстѣ съ Арманомъ Каррелемъ и Минье; въ 1830 г., онъ былъ произведенъ въ государственные совѣтники и назначенъ главнымъ секретаремъ барона Луи, въ министерствѣ финансовъ; въ 1832 г., онъ сдѣланъ членомъ кабинета 11 октября, вмѣсто Казиміра Перье; наконецъ, въ 1834 г., онъ избранъ въ члены французской академіи. Ему было тогда всего тридцать-семь лѣтъ, и прошло не болѣе пятнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ въ Парижъ, а онъ уже достигъ высшихъ сферъ, о какихъ только можетъ мечтать честолюбивый человѣкъ.

Безъ сомнѣнія, событія помогали ему. Успѣхъ его созданъ революціей 1830 года; „National" былъ первымъ его оружіемъ. Онъ напечаталъ 9 февраля статью, въ которой заявилъ о кандидатурѣ герцога Орлеанскаго. Подвергнувшись преслѣдованію за эту статью, онъ естественно сдѣлался однимъ изъ дѣятелей іюльской монархіи. Извѣстно, что

онъ составилъ и первый подписалъ знаменитый протестъ журналистовъ противъ ордонансовъ. Совсѣмъ тѣмъ онъ стоялъ тогда за законную оппозицію и порицалъ насильственную революцію, обагрившую парижскія улицы. На другой день послѣ побѣды онъ содѣйствовалъ водаренію Луи-Филиппа. Онъ понималъ, что вступитъ въ управленіе дѣлами вмѣстѣ съ новымъ королемъ.

Начиная съ этой минуты, Тьеръ сталъ однимъ изъ дѣйствующихъ колесъ въ парламентской системѣ и однимъ изъ ея могущественнѣйшихъ рычаговъ. Въ продолженіи восемнадцатилѣтняго царствованія онъ былъ или у дѣлъ, или въ оппозиціи. На него постоянно натыкаешься, какъ на одну изъ необходимѣйшихъ частей правительственной машины. Въ 1832 г., тридцати-пяти лѣтъ отъ роду, онъ наслѣдовалъ Казиміру Перьé. И вотъ въ это время онъ умиротворилъ междоусобную войну, возбужденную въ Вандеѣ герцогиней Беррійской, и послалъ въ Бельгію войско, обезпечившее независимость края, взятіемъ Антверпенской цитадели. Въ 1832 г., онъ перешелъ въ министерство торговли и земледѣлія и отмѣтилъ свое управленіе тѣмъ, что докончилъ постройку церкви Мадлéны и тріумфальной арки de l'Etoile. Въ эту же самую эпоху народные бунты заставили его прибѣгнуть къ весьма энергическимъ мѣрамъ, и онъ предложилъ знаменитые сентябрскіе законы о печати, вслѣдствіе покушенія Фіэски. Долгое время республиканцы упрекали его за эту эпоху въ его жизни. Въ 1836 г., онъ принялъ министерство иностранныхъ дѣлъ вмѣстѣ съ предсѣдательствомъ совѣта министровъ; въ это время онъ сблизился съ либералами и сталъ открытымъ главой лѣваго центра. Но это министерство просуществовало недолго. Испанскія дѣла повлекли за собой его паденіе, и Тьеръ снова очутился во главѣ оппозиціи, на скамьяхъ палаты. Въ 1840 г., Луи-Филиппъ поручилъ ему образовать министерство 1-го марта, наслѣдовавшее министерству Молé. Въ эту эпоху онъ заставилъ предпринять укрѣпленія Парижа и, одинъ изъ всѣхъ своихъ сочленовъ, поддерживалъ Мегмета-Али, высказавшись за вооруженное вмѣшательство въ восточныя дѣла. Разногласіе его съ королемъ на счетъ этого пункта вызвало его паденіе. Его соперникъ, Гизо, наслѣдовалъ ему, и съ этого момента мы присутствуемъ при продолжительной борьбѣ, возникшей между этими двумя государственными людьми. Тьеръ, вернувшись въ оппозицію, боролся съ Гизо на трибунѣ и колебалъ его власть знаменитыми и достопамятными рѣчами: рѣчью объ усиленіи власти іезуитовъ; рѣчью о правахъ сословія учащихъ, въ особенности же рѣчью, произнесенною въ февралѣ 1848 г., объ общей политикѣ, внутренней и внѣшней, которая сдѣлала его популярнымъ и нанесла послѣдній ударъ Гизо. Извѣстно, что, въ ночь на 23 февраля, король Луи-Филиппъ поручилъ Тьеру образовать министерство

вмѣстѣ съ Одилономъ Барро; но было уже поздно, и республика была провозглашена.

Со всѣмъ тѣмъ Тьеръ не былъ окончательно поглощенъ политикой. Историкъ не засыпалъ, и былъ очень дѣятеленъ. Онъ окончилъ „Исторію французской революціи" и трудился надъ своей колоссальной „Исторіей консульства и имперіи". Удаляясь отъ власти, онъ возвращался къ историческимъ трудамъ. Съ 1836 по 1848 г., т.-е. въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ, онъ былъ министромъ лишь въ 1840 г. въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Понятно поэтому, что онъ успѣлъ собрать обширные матеріалы, которые и помѣстилъ въ своемъ трудѣ. Онъ даже путешествовалъ съ 1841 по 1845 г. во всѣхъ странахъ, гдѣ дѣйствовала первая имперія, чтобы видѣть мѣста, осмотрѣть поля битвъ и добыть всевозможныя данныя. Два первыхъ тома „Исторіи консульства и имперіи" появились въ 1845 г.

И вотъ, Тьеръ очутился лицомъ къ лицу съ республикой 1848 г. Онъ безсознательно содѣйствовалъ учрежденію этой республики, своими непрерывными нападками на Гизо. Въ сущности, онъ желалъ смести только одно министерство, а въ дѣйствительности смелъ всю монархію. Такимъ образомъ, въ силу своего разбѣга, онъ вынужденъ былъ до конца провести свою оппозицію и пристать къ республикѣ. Но любовь къ парламентской формѣ правленія не покидала его, и неудивительно, что первыя требованія республиканцевъ испугали Тьера и заставили обратиться къ принцу Луи-Наполеону, чью кандидатуру онъ поддерживалъ. Онъ вѣрилъ въ честность принца, который принялъ на себя формальныя обязательства. Государственный переворотъ былъ для него неожиданностью и очень огорчилъ его. Онъ отдѣлился отъ политики Елисейскаго дворца; будущій императоръ боялся его, и оказалъ ему громадную услугу, арестовавъ 2 декабря и выславъ за-границу. Съ этой эпохи въ жизни Тьера открывается новый періодъ, самый величественный и прекрасный въ его жизни.

Вернувшись во Францію въ 1852 г., хотя онъ и не просилъ этой милости, Тьеръ снова отдался литературѣ. Съ 1852 по 1863 г., въ продолженіи одиннадцати лѣтъ, онъ держался въ сторонѣ отъ политической арены и посвящалъ все свое время „Исторіи консульства и имперіи". Эта исторія была окончена въ 1862 г. На слѣдующій годъ, Тьеръ вернулся къ политикѣ. 9-ый парижскій округъ, тотъ самый, гдѣ такъ долго стоялъ домъ, въ которомъ онъ жилъ, выбралъ его депутатомъ на общихъ выборахъ, несмотря на отчаянныя усилія Персиньи, тогдашняго министра внутреннихъ дѣлъ. Имперія сознавала въ немъ противника тѣмъ болѣе опаснаго, что онъ былъ умѣренныхъ взглядовъ и одаренъ большимъ политическимъ тактомъ. Рѣчи, произнесенныя имъ тогда, надѣлали большого шума; я упомяну

о рѣчи, въ которой онъ требовалъ того, что онъ называлъ „les libertés nécessaires“, и о тѣхъ, въ которыхъ онъ пророчески предостерегалъ относительно Германіи. Вновь выбранный въ 1869 г., онъ пытался съ большимъ мужествомъ удержать насъ отъ пагубной войны 1870 г. Болѣе часа боролся онъ съ разъяреннымъ большинствомъ законодательнаго корпуса, предсказывая всѣ бѣдствія, обрушившіяся съ тѣхъ поръ на Францію. Съ этой рѣчи начинается истинная слава Тьера: до тѣхъ поръ онъ былъ только умный и ловкій политическій дѣятель; теперь онъ возвысился до роли великаго патріота и великаго государственнаго человѣка.

Всѣмъ памятно путешествіе, предпринятое имъ въ войну 1870 г. ко всѣмъ европейскимъ дворамъ въ поискахъ союза, долженствовавшаго спасти Францію. Онъ претерпѣлъ неудачу, но выросъ во всѣхъ глазахъ, благодаря этой попыткѣ, свидѣтельствовавшей объ его горячей любви къ роднѣ. Когда Франція была побѣждена, онъ былъ выбранъ въ бордоское національное собраніе двадцатью-шестью департаментами. Облеченный затѣмъ исполнительной властью, онъ своей настойчивостью добился наилучшихъ условій, какія только были возможны. За нимъ осталась слава, что онъ сохранилъ Франціи Бельфоръ. Послѣ подписанія договора, Тьеръ, среди ожесточенной борьбы партій, помышлялъ только объ одномъ: объ уплатѣ контрибуціи въ пять милліардовъ и о быстрѣйшемъ освобожденіи территоріи. Вѣчной славой останется за нимъ, что онъ освободилъ отечество отъ чужеземныхъ войскъ гораздо ранѣе положеннаго срока!

Кромѣ того, онъ немедленно занялся реорганизаціей арміи и реорганизаціей нашихъ финансовъ. Этотъ семидесятилѣтній старикъ развивалъ за все это время невѣроятную дѣятельность. Что касается его политической роли, то она была въ ту эпоху крайне важной. Умудренный жестокимъ испытаніемъ, пережитымъ въ лицѣ второй имперіи, убѣдясь, что ни одна изъ трехъ династій: ни Орлеаны, ни Бурбоны, ни Наполеониды не могутъ дать миръ и свободу Франціи, онъ искренно примкнулъ къ республиканской идеѣ. Онъ говорилъ, что только республика возможна во Франціи, что она одна обновитъ потрясенное отечество. Но онъ зналъ, что республиканская идея пугаетъ французскую буржуазію, поэтому онъ желалъ дать каждому время отдать себѣ отчетъ въ положеніи дѣлъ и успокоиться. Отсюда происходило то благоразуміе, та политика равновѣсія и выжиданія, казавшаяся, быть можетъ, въ то время робкой, но неоцѣненныя выгоды которой понятны намъ въ настоящее время. Дѣло въ томъ, что Тьеръ основалъ республику во Франціи, благодаря своей умѣренности и политическому такту; онъ мало-по-малу увлекъ за собою всѣ либеральные умы, всю орлеанистскую буржуазію. Выдающіяся личности

послѣдовали за нимъ, и такимъ образомъ республика перестала быть пугаломъ для робкихъ умовъ, и въ настоящее время считается единственнымъ правленіемъ, могущимъ окончательно обезпечить благосостояніе края.

Тьеръ, подавивъ страшное возстаніе коммуны, могъ заговорить еще громче отъ имени республики. Собраніе 30 августа 1871 г. избрало его президентомъ республики; по предложенію Риве, полномочія его должны были окончиться только съ существованіемъ собранія. Но тѣмъ не менѣе борьба шла ожесточенная между нимъ и большинствомъ, состоявшимъ изъ монархистовъ. Борьба долго длилась. Наконецъ, 24 мая 1873 г., это большинство, позабывъ объ услугахъ, оказанныхъ Тьеромъ своей странѣ, побудило его подать въ отставку, вотировавъ недовѣріе къ правительству. Тьеръ, строгій послѣдователь парламентской системы, удалился, хотя бы могъ остаться, потому что его полномочія равнялись полномочію собранія. Маршалъ Макъ-Магонъ наслѣдовалъ ему какъ президентъ республики.

Мы приближаемся къ послѣднимъ годамъ жизни Тьера. Онъ опять предался литературѣ и окончилъ философское сочиненіе, надъ которымъ давно трудился. Но со всѣхъ концовъ Франціи, со всѣхъ концовъ Европы его осыпали знаками симпатіи. Онъ оставался вопреки всему нравственнымъ вождемъ страны, онъ содѣйствовалъ нашему благу, совѣщаясь съ посланниками, употребляя свое вліяніе и свои обширныя связи на то, чтобы устранять отъ насъ всѣ опасности. Въ глазахъ Европы онъ по прежнему стоялъ во главѣ національнаго движенія и помимо его ничего не совершалось. Паденіе его вызвало громкій вопль протеста. Когда республика была окончательно провозглашена, тогда еще менѣе понятнымъ показалось, что у него грубо вырвали изъ рукъ его дѣло, чтобы поручить это другому. Поэтому въ немъ видѣли, вопреки всему, основателя республики во Франціи. Если бы онъ оставался въ живыхъ, то, конечно, воспользовался бы плодами своей побѣды и былъ бы снова избранъ президентомъ республики, или по окончаніи политическаго кризиса, который мы переживаемъ въ настоящую минуту, или по истеченіи полномочій маршала Макъ-Магона въ 1880 г.

II.

Тьеръ умеръ въ Сенъ-Жерменѣ, въ понедѣльникъ, 3 сентября (22 августа), въ шесть часовъ десять минутъ вечера, въ извѣстномъ отелѣ „Pavillon Henri IV", гдѣ по преданію родился Людовикъ XIV, 5 сентября 1638 года.

Съ нѣкоторыхъ поръ реакціонныя газеты, ежедневно нападавшія на него съ отвратительной рѣзкостью, каждую недѣлю распускали слухи, что онъ очень боленъ. Смерти его желали и поэтому естественно, что врагамъ его мерещилось, что онъ находится при послѣднемъ издыханіи.

Но между тѣмъ здоровье его не внушало никакихъ опасеній, ни его семейству, ни его друзьямъ. Апоплексическій ударъ, сразившій его, былъ совершенно внезапенъ, и ему не предшествовалъ ни одинъ изъ тѣхъ, болѣе или менѣе важныхъ, припадковъ, обыкновенно служащихъ предвозвѣстникомъ апоплексіи. Въ послѣдніе полтора года онъ ощущалъ только постоянно потребность въ просторѣ и свѣжемъ воздухѣ, и все жаловался, что задыхается въ своемъ домѣ на площади Сенъ-Жоржъ, не потому, чтобы ему не хватало воздуха, но потому, что видъ изъ него ограничивается сосѣдними домами. Въ этомъ слѣдуетъ искать причину безчисленныхъ передвиженій, отмѣтившихъ послѣднее время его жизни. Въ прошломъ мѣсяцѣ онъ вдругъ уѣхалъ въ Діеппъ; ему захотѣлось посмотрѣть на океанъ, увидѣть передъ собой его необозримый просторъ. Затѣмъ онъ вдругъ почувствовалъ себя тамъ не совсѣмъ здоровымъ и внезапно вернулся въ Парижъ и также внезапно уѣхалъ въ Сенъ-Жерменъ. Тамъ у него не было передъ глазами моря, но онъ видѣлъ у ногъ своихъ разстилавшуюся долину Сены, ту единственную въ мірѣ панораму, показывающую на горизонтѣ Парижъ и его окрестности, раскинутыя по двумъ берегамъ рѣки. Эта потребность въ шири, въ открытомъ горизонтѣ очень характеристична, и зачастую является передъ развязкой долгаго и трудолюбиваго существованія.

Тьеръ прожилъ двѣ недѣли въ Сенъ-Жерменѣ. По своему обыкновенію, онъ много трудился. Вставая въ пять часовъ утра, онъ писалъ вмѣстѣ съ своими секретарями до десяти; затѣмъ прогуливался на знаменитой террасѣ С.-Жермена до завтрака, происходившаго въ полдень. Послѣ завтрака онъ снова гулялъ, затѣмъ отдыхалъ и снова садился работать до обѣда.

Такую жизнь онъ велъ, впрочемъ, въ Парижѣ и вездѣ. Пріѣхавъ въ Pavillon Henri IV, онъ, по своему обыкновенію, велѣлъ перетащить всю мебель изъ той комнаты, гдѣ собирался спать и работать. Съ давнихъ уже поръ онъ всегда возилъ съ собой свою кровать, узкую желѣзную кровать, которую ставили въ углу его комнаты; кровать, большой столъ посрединѣ и нѣсколько стульевъ—вотъ все, чего онъ желалъ въ дорогѣ. Мебель въ гостинницѣ была ему противна.

Ему очень понравилось въ Сенъ-Жерменѣ, и онъ разсчитывалъ пробыть въ немъ до конца мѣсяца. Манифестъ, который Тьеръ долженъ

былъ издать до выборовъ, очень занималъ его. Весь день онъ принималъ политическихъ дѣятелей, и въ сущности онъ руководилъ изъ своего кабинета избирательной борьбой противъ министерства 16 мая. Онъ сдѣлалъ свое личное дѣло изъ избранія трехсотъ-шестидесяти-трехъ республиканскихъ депутатовъ, подписавшихъ протестъ противъ государственнаго переворота, совершённаго маршаломъ Макъ-Магономъ. Борьба завязалась съ крайнимъ ожесточеніемъ съ той и съ другой стороны. Это объясняетъ, какимъ громовымъ ударомъ была внезапная смерть Тьера.

Въ воскресенье онъ много писалъ и вечеромъ казался очень веселъ и очень здоровъ. Проведя прекрасную ночь, онъ всталъ въ понедѣльникъ въ пять часовъ и работалъ нѣсколько часовъ съ-ряду, не чувствуя ни малѣйшаго нездоровья. Затѣмъ вышелъ, совершилъ длинную прогулку. За завтракомъ онъ ѣлъ съ аппетитомъ почки и холоднаго цыпленка; но въ ту минуту, какъ онъ принимался за бобы, ему вдругъ расхотѣлось ѣсть, и онъ отказался тоже и отъ персика. Однако продолжалъ разговаривать, — и вдругъ залепеталъ; ротъ его передернуло, глаза потускнѣли. M-me Тьеръ подумала сначала, что это легкое нездоровье. Больной легъ на диванъ и, казалось, уснулъ. Когда онъ вновь зашевелился, то симптомы приняли болѣе серьёзный характеръ, и его пришлось перенести на маленькую желѣзную кровать, о которой я говорилъ. Побѣжали второпяхъ за мѣстнымъ докторомъ Lepiez, который употребилъ сильныя отвлекающія средства, и дали знать въ Парижъ постоянному врачу больного, Барту; но когда тотъ пріѣхалъ въ четыре часа, положеніе Тьера уже было безнадежно. Его разбилъ параличъ. Самыя энергическія средства не производили никакого дѣйствія. Больной не приходилъ въ себя. Два раза открывалъ онъ глаза, но, кажется, не видѣлъ никого изъ окружающихъ. Онъ былъ совершенно въ безчувственномъ состояніи, и такимъ образомъ перешелъ отъ жизни къ смерти безъ всякаго страданія. Можно сказать, что онъ заснулъ, какъ дитя.

Слухъ объ его смерти распространился въ Парижѣ въ тотъ же вечеръ, но никто не хотѣлъ ему вѣрить. Нельзя представить себѣ, какъ поражена была вся Франція, когда печальная вѣсть дошла до всеобщаго свѣдѣнія. Самые противники остолбенѣли передъ этой кончиной, которой они желали. Въ первую минуту сожалѣніе о такой потерѣ взяло верхъ надъ всѣми остальными чувствами. Я не буду доискиваться: не пересилили ли у нѣкоторыхъ людей политическія страсти настолько, что они втайнѣ порадовались. Несомнѣнно то, что въ публикѣ и даже въ большинствѣ газетъ раздался взрывъ печали и похвалъ.

Было бы слишкомъ долго упоминать о всѣхъ мелкихъ фак-

такъ, сопровождавшихъ смерть Тьера. Всѣ друзья покойнаго, многіе политическіе дѣятели, просто любопытные, кинулись въ Сенъ-Жерменъ. Въ то же самое время телеграммы и записки, выражающія соболѣзнованія, посыпались на m-me Тьеръ. Она получала ихъ отовсюду, изъ всѣхъ городовъ Франціи, изъ генеральныхъ совѣтовъ, изъ муниципальныхъ совѣтовъ, отъ политическихъ дѣятелей, отъ частныхъ лицъ, отъ иностранныхъ дипломатическихъ корпусовъ, отъ государей всей Европы; въ теченіи нѣсколькихъ дней приходила такая масса писемъ и телеграммъ, что пришлось отрядить особаго почтальона для ихъ разноски. Никогда еще, даже по смерти какого-нибудь могущественнаго короля, общественное мнѣніе не заявляло себя такъ громко. Была минута, когда смерть Тьера заняла весь міръ, наполнила столбцы газетъ обоихъ полушарій и разстроила равновѣсіе имперій и королевствъ. Всѣ поняли, какое огромное мѣсто занималъ этотъ человѣкъ въ европейской политикѣ въ тотъ день, когда, сойдя внезапно съ лица земли, онъ оставилъ за собой громадную пустоту, которую еще не знаютъ какъ наполнить.

Тѣло Тьера было привезено во вторникъ въ его домъ на площади Сенъ-Жоржъ. Мнѣ остается теперь поговорить о похоронахъ, которыя также волновали всю Францію. Маршалъ Макъ-Магонъ, узнавъ о смерти своего предшественника, немедленно телеграфировалъ де-Фурту, министру внутреннихъ дѣлъ, выражая желаніе, чтобъ погребеніе Тьера совершено было на счетъ государства. Министры рѣшили этотъ вопросъ утвердительно, и въ „Journal Officiel“ появился декретъ объ этомъ, когда m-me Тьеръ, представителями которой явились четыре друга покойнаго: Жюль Симонъ, Минье, Бартелеми Сентъ-Илеръ и Жюль-Фавръ, нашла нужнымъ поставить нѣкоторыя условія. Все это было весьма щекотливо для объясненія. Вдовѣ знаменитаго государственнаго человѣка показалось, что „правительство 16 мая“ собирается воспользоваться тѣломъ ея мужа, чтобы сразиться съ республиканской политикой, которую тотъ такъ мужественно отстаивалъ въ послѣдніе годы своей жизни. Ей казалось неприличнымъ, чтобы отъявленные враги Тьера, разные Брольи, де-Фурту, терзавшіе въ своихъ газетахъ имя Тьера при его жизни, захватили въ свои руки его трупъ, и подъ предлогомъ оффиціальныхъ похоронъ оттѣснили отъ гроба всѣхъ друзей и политическихъ сподвижниковъ перваго президента республики. Со всѣмъ тѣмъ она поставила министрамъ только два условія: она желала принять на себя издержки похоронъ и требовала, чтобы въ процессіи отведено было мѣсто для членовъ распущеннаго собранія. На счетъ перваго пункта столковались и было рѣшено, что г-жа Тьеръ уплатитъ издержки и раздастъ бѣднымъ ту сумму, которую государство отпускало на по-

хороны. Но переговоры были порваны, когда коснулись второго пункта: правительство не пожелало отвести въ кортежѣ отдѣльнаго мѣста для членовъ бывшаго республиканскаго большинства—для трехсотъ-шестидесяти-трехъ депутатовъ, которые должны были собраться въ Парижѣ, чтобы послѣдовать за тѣломъ своего вождя. И правительство взяло назадъ декретъ, отказалось отъ всякаго участія въ погребеніи Тьера.

Никогда Парижъ не забудетъ 8 сентября. Похороны Тьера были по-истинѣ національнымъ дѣломъ. Если оффиціальный міръ, учрежденныя корпораціи и власти всякаго рода и не шли за гробомъ, за то вся нація шествовала за нимъ въ лицѣ цѣлаго милліона людей. Ни одного человѣка еще не чтили такимъ образомъ. Парижъ провожалъ Тьера!

Дождь шелъ со вчерашняго дня. Въ большомъ салонѣ нижняго этажа, въ домѣ улицы Сенъ-Жоржъ поставленъ былъ катафалкъ. Въ пятницу собралось много народу, который храбро дожидался подъ дождемъ своей очереди идти за гробомъ. Листъ, выставленный на подъѣздѣ, покрывался подписями. Но въ субботу съ утра заперли рѣшетку. Дождь продолжалъ идти. Комиссары, съ повязаннымъ крепомъ, пропускали только приглашенныхъ, у которыхъ были пригласительные билеты. Къ одиннадцати часамъ комнаты были до такой степени набиты народомъ, что вновь прибывающіе должны были оставаться въ саду, подъ дождемъ. Тутъ находились близкіе друзья, сенаторы и депутаты, и члены различныхъ депутацій, присланныхъ изъ всѣхъ департаментовъ. Всѣ магазины въ кварталѣ были заперты. Нельзя представить себѣ, какая торжественная печаль царствовала въ этихъ молчаливыхъ улицахъ, наполненныхъ толпой, медленно спускавшейся вдоль бульваровъ.

Отпѣваніе должно было происходить въ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, очень маленькой церкви, гдѣ мѣста отведены были только для приглашенныхъ. Войско и полиція выставлены были въ сосѣднихъ улицахъ, гдѣ проѣздъ экипажей былъ воспрещенъ. Наконецъ, въ полдень шествіе тронулось. Дроги, украшенныя по четыремъ угламъ серебрянными статуями, были тѣ же самыя, что̀ служили нѣкогда при похоронахъ герцога де-Морни. Но ихъ буквально не было видно подъ массой цвѣтовъ. Верхъ убранъ зелеными вѣтками. Сотни вѣнковъ висѣли по угламъ и покровъ скрывался подъ букетами. Крестъ, увѣнчивавшій колесницу для Морни, былъ снятъ и замѣненъ большимъ кустомъ бѣлыхъ розъ. Можно сказать, что Тьеръ былъ схороненъ подъ цвѣтами. Никогда еще такая весна не сопровождала восьмидесятилѣтняго старика въ его послѣднее жилище. И одной колесницы оказалось недостаточно, пришлось нести на палкахъ нанизан-

ные вѣнки, прибывавшіе со всѣхъ сторонъ. Я назову нѣкоторые города, приславшіе вѣнки: Марсель, Метцъ, Кольмаръ, Люневиль, Баръ-ле-Дюкъ, Нанси, Бельфоръ, Шербуръ, Сентъ-Этьеннъ, Авиньонъ, Блуа, Тулуза, Э, и пр. Замѣчены также были вѣнки, присланные венгерскимъ законодательнымъ корпусомъ, посольствомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Аргентинской республикой, княгиней Трубецкой, версальскимъ муниципальнымъ совѣтомъ и пр. и пр. Но всѣхъ прекраснѣе былъ вѣнокъ отъ парижской молодежи, привлекавшій всѣ взоры, вѣнокъ въ одинъ метръ въ діаметрѣ, изъ лиловыхъ анютиныхъ-глазокъ съ бордюромъ изъ бѣлыхъ маргаритокъ.

Между тѣмъ шествіе тронулось, и дождь прекратился съ этой минуты. Всѣми было замѣчено то обстоятельство, что русскій посланникъ, князь Орловъ, короткій пріятель Тьера, шелъ за гробомъ, со шляпой въ рукѣ въ то время, какъ его несли ставить на дроги. Послѣ того онъ вернулся къ m-me Тьеръ и предложилъ ей руку, чтобы довести ее до кареты. Забили барабаны, затрубили въ рога, и шествіе прошло небольшую часть улицы Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, чтобы дойти до церкви. М-me Тьеръ присутствовала при отпѣваніи, скрытая отъ глазъ, въ боковомъ придѣлѣ.

Отпѣваніе длилось не болѣе полутора часа. Я сказалъ, что церковь очень мала. Поэтому вся средняя часть ея была отведена для приглашенныхъ. Въ первомъ ряду стульевъ, направо отъ катафалка, находились сенаторы; налѣво члены академіи. Бывшіе депутаты, которыхъ иначе не называютъ теперь какъ „триста-шестьдесятъ три", окружали катафалкъ. У входа на хоры заняли мѣста иностранный дипломатическій корпусъ, присутствовавшій въ полномъ своемъ составѣ. Наконецъ, члены многочисленныхъ депутацій стояли нѣсколько дальше назади. Церковь, обтянутая черной драпировкой, совершенно скрывавшей ея стѣны, казалась еще меньше. Громадный катафалкъ, занимавшій ея середину, какъ будто наполнялъ ее. Балдахинъ этого катафалка касался потолка, откуда висѣлъ, точно громадная черная бабочка. По четыремъ угламъ стояли символическія статуи: Религія, Вѣра, Надежда, Милосердіе. Сотни восковыхъ свѣчей горѣли блѣдными звѣздами на темномъ фонѣ драпировокъ. Церковные пѣвчіе, къ которымъ присоединилось нѣсколько корифеевъ изъ оперы, пѣли „De profundis". Наконецъ, трубный звукъ возвѣстилъ окончаніе церемоніи, и кортежъ тронулся дальше.

Вотъ въ какомъ порядкѣ двигалось шествіе. Отрядъ республиканскихъ гвардейцевъ и музыка 119-го линейнаго полка открывали шествіе. Затѣмъ вслѣдъ за двумя траурными каретами, въ которыхъ находилось духовенство, двигались дроги, запряженныя шестерикомъ и предшествуемыя церемоніймейстеромъ. Ордена несли Сильвестръ

де-Саси, представлявшій французскую академію, Вьетри, представлявшій академію нравственныхъ наукъ, Мартель, Жюль-Симонъ, Жюль-Фавръ, адмиралъ Потюб,—всѣ четверо бывшіе министрами при Тьерѣ; наконецъ Жюль Греви, бывшій когда-то президентомъ собранія. Баронъ Роже и нѣсколько другихъ родственниковъ руководили траурной процессіей. Вслѣдъ за дрогами шли сенаторы, бывшіе депутаты, члены академія и всѣ депутаціи. Взоры всѣхъ устремлены были на Виктора Гюгô, который шелъ съ опущенной головой, погруженный въ глубокую задумчивость, и на Гамбетту, опиравшагося на руку своего друга Шпюллера. На всѣхъ сенаторахъ былъ значёкъ, присвоенный ихъ званію, трехцвѣтная розетка изъ эмали. Что касается трехсотъ-шестидесяти-трехъ депутатовъ, то надо сознаться, что ихъ было не болѣе ста пятидесяти на лицо, остальные были задержаны въ своихъ денартаментахъ. Я не стану перечислять всѣхъ депутацій: онѣ были присланы со всѣхъ концовъ Франціи! Но вотъ имена нѣсколькихъ городовъ, пожелавшихъ имѣть на похоронахъ своихъ представителей: почти всѣ общины изъ окрестностей Парижа, Лилль, Руанъ, Блуа, Версаль, Реймсъ, Бельфоръ, Э-въ-Провансѣ, Бордо, Шербуръ, Анжеръ, Нанси, Туръ, Неверъ, Безансонъ, Монпелье, Марсель, Гавръ, Валансъ, Лиможъ и т. д. Кромѣ того, были здѣсь делегаты изъ École de Médecine, École de Droit, École de Pharmacie и École des Beaux-Arts. Можно сказать, что вся Франція присутствовала здѣсь. Вслѣдъ за этой процессіей ѣхали три кареты семейства Тьера. Большое ландо въ особенности произвело глубокое впечатлѣніе. Оно было драпировано крепомъ, фонари были зажжены и ихъ блѣдное мерцаніе производило невыразимо унылое впечатлѣніе. Двѣнадцать траурныхъ каретъ слѣдовали затѣмъ, а за ними ѣхало около пятидесяти собственныхъ каретъ. Наконецъ шли толпы народа.

Между тѣмъ шествію предстояло пройти по улицѣ Ле-Пельтье, вдоль линіи большихъ бульваровъ, вдоль бульвара Вольтера и улицы Ла-Рокеттъ. Громадная толпа народа собралась на этомъ пути. Можно безъ преувеличенія оцѣнить эту толпу въ милліонъ людей. Никогда еще не бывало, чтобы весь Парижъ высыпалъ такимъ образомъ на улицу. Даже въ 1850 г., во время тріумфальнаго вступленія итальянской арміи, стеченіе народа не было такъ велико. Широкіе троттуары, по правую и по лѣвую сторонамъ, были до того запружены народомъ, что обращеніе стало почти невозможнымъ. Людской океанъ заливалъ обѣ стороны улицы. На макадамѣ полиція дѣятельно расчищала дорогу. Но публика не довольствовалась одними троттуарами. У всѣхъ оконъ толпился народъ. Люди влѣзали на деревья и на крыши, антрепренеры приставили лѣстницы къ стѣнамъ и отдавали въ наемъ мѣста.

Среди этой толпы, кортежъ медленно двигался. Въ послѣдніе дни

реакціонерныя газеты прикидывались, что боятся слишкомъ большого стеченія народа. Нѣкоторыя утверждали даже, что слѣдуетъ ожидать безпорядковъ и даже кровопролитія. Республиканскія газеты, опасаясь дѣйствія этихъ подстрекательствъ, умоляли населеніе сохранять величайшее спокойствіе и воздерживаться отъ всякихъ демонстрацій. И порядокъ былъ образцовый. Достаточно было этого воззванія къ здравому смыслу населенія, чтобы парижскіе жители доказали всему міру свое благоразуміе. Кто видѣлъ это зрѣлище, тотъ его никогда не забудетъ! Какъ только дроги показались на бульварѣ Монмартръ, послышалось нѣсколько восклицаній: *vive la république!* Но лица, шедшія впереди процессіи, дали знакъ рукой, что надо молчать, и толпа тотчасъ же поняла, пароль о молчаніи облетѣлъ ряды, и ничьи уста больше не разверзались. Вы не можете себѣ представить, какъ торжественно было зрѣлище этого народа, сбѣжавшагося для выраженія чувствъ и довольствовавшагося молчаливымъ привѣтствіемъ знаменитаго покойника. Толпа была исполнена торжественной важности и казалась тѣмъ внушительнѣе, что была молчалива и сдержанна. Республика отнынѣ основана во Франціи, ибо мы видѣли, что Парижъ выказалъ большой политическій здравый смыслъ.

Я долженъ однако прибавить, что на всемъ пути толпа содрогалась какъ отъ электрическаго удара при видѣ чернаго бархатнаго знамени, на которомъ стояло только одно слово: *Бельфоръ*, начертанное серебряными буквами, и которое несли впереди депутація изъ Бельфора. Это—знамя!—то была частица территоріи, вырванная у завоевателей, то было отчаянное усиліе патріотизма Тьера. Но рукоплесканія тотчасъ же умолкали, и толпа снова впадала въ молчаливое раздумье. Я видѣлъ слезы на глазахъ даже скептиковъ. Отъ этой людской толпы вѣяло такимъ благородствомъ, что ни одинъ противникъ Тьера и республики не смѣлъ смѣяться.

Публика была не вездѣ однородная. Буржуа толпились главнымъ образомъ на бульварахъ, тогда какъ работники все чаще и чаще попадались на пути, по мѣрѣ приближенія къ улицѣ Ла-Рокеттъ. У многихъ воткнуты были въ петлички букеты иммортелей. Въ особенности замѣчалось много этихъ букетовъ на груди у женщинъ изъ простонародья. По обѣимъ сторонамъ бульваровъ магазины были заперты; чтобы вполнѣ выяснить свое намѣреніе, негоціанты приклеили къ своимъ ставнямъ клочокъ бумаги со словами: *заперто по случаю національнаго траура*, и эти запертыя лавки еще удвоивали похоронную торжественность города. Казалось, что общественная жизнь пріостановилась, что городъ остановилъ весь свой механизмъ, чтобы придти почтить великаго гражданина, утраченнаго имъ.

Всѣ замѣтили, что благоговѣніе сказывалось еще нагляднѣе въ

рабочемъ кварталѣ. Женщины, дѣти, цѣлыя семьи высыпали на тротуаръ. Въ улицѣ Ла-Рокеттъ въ особенности сообщеніе было затруднено, по тому случаю, что улица здѣсь очень узка. Но дѣло обошлось безъ вмѣшательства полиціи. Прохожіе сами сторонились. На всемъ этомъ длинномъ пути не произошло ни малѣйшаго безпорядка, и говорятъ даже, что не было ни одного несчастнаго случая.

Наконецъ, дроги прибыли на кладбище Père Lachaise. Съ самаго утра всѣ ворота были заперты во избѣжаніе безпорядковъ, которые могли произвести толпа, наводнивъ кладбище.

Никому нельзя было войти, не показавъ пригласительнаго билета. Такимъ образомъ, кладбище оставалось пусто. Когда похоронная процессія дошла до него, то пропустили только участвовавшихъ въ ней, толпа оставалась на концѣ улицы Ла-Рокеттъ, сдерживаемая цѣпью полицейскихъ. Такимъ образомъ, на кладбищѣ все происходило въ величайшемъ порядкѣ. Гробница Тьера—очень простой монументъ въ видѣ небольшой часовни во вкусѣ возрожденія. На фронтонѣ, въ формѣ дельты, вырѣзана надпись: *Семейство Тьеръ и Донъ.* Камень, заваливающій входъ въ склепъ, былъ вынутъ, и гробъ опустили въ него, послѣ обычныхъ молитвъ. Послѣ того присутствующіе сгруппировались вокругъ гробницы, и было произнесено нѣсколько рѣчей, первая Жюлемъ Греви, остальныя гг. Потюб, де-Саси, Вюитри и Жюлемъ-Симономъ. Только рѣчь Греви имѣла важное политическое значеніе. Греви—дѣйствительно республиканскій вождь, въ которомъ видятъ политическаго преемника Тьера, если бы обстоятельства вызвали отставку маршала Макъ-Магона. Я приведу изъ его рѣчи только двѣ послѣднихъ фразы, которымъ очень аплодировали: „Постараемся показать вмѣстѣ съ нимъ, что республика, правленіе порядка, мира и свободы, и единственное консервативное правленіе, возможное въ нашей странѣ и въ наше время, потому что оно одно отвѣчаетъ нашимъ интересамъ, нашимъ нуждамъ, нашему общественному положенію. Такимъ образомъ — мы почтимъ память Тьера и послужимъ Франціи“.

III.

Прежде нежели произнести общее сужденіе о Тьерѣ, нужно его изучить въ каждомъ изъ проявленій его обширнаго ума. Честолюбіе его главнымъ образомъ заключалось въ томъ, чтобы быть энциклопедистомъ. Нѣтъ такой отрасли знанія, которою онъ бы не занимался. Онъ хотѣлъ все видѣть и все знать. Такъ какъ способность усвоенія въ немъ была необыкновенная, то онъ дѣйствительно все

видѣлъ и все узналъ. Не было такого предмета, даже техническаго, о которомъ онъ не могъ бы говорить совершенно свободно.

Дѣло въ томъ, что обстоятельства помогли ему заниматься всѣми науками. Начавъ изучать исторію, онъ вскорѣ увидѣлъ, что ему надо сдѣлаться сначала администраторомъ, финансистомъ и военнымъ, если онъ хочетъ быть государственнымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого онъ и началъ такъ усердно заниматься.

Долгіе годы онъ изучалъ теорію правительственныхъ и военныхъ дѣлъ. Онъ обязанъ былъ своей опытностью не только тѣмъ короткимъ мѣсяцамъ, которые онъ проводилъ въ министерствахъ, но и длиннымъ періодамъ историческаго изученія въ тиши своего кабинета. Такимъ образомъ, онъ сталъ тактикомъ, знанія котораго поражали самыхъ искусныхъ генераловъ, администраторомъ и финансистомъ, удивлявшимъ спеціалистовъ. Онъ слишкомъ долго изучалъ людей и вещи, чтобы не освоиться съ ними вполнѣ. Многочисленныя путешествія, изслѣдованія полей битвъ первой имперіи дополнили его обширное образованіе. Онъ сталъ неистощимымъ собесѣдникомъ, который могъ сообщить всякія подробности и множество анекдотовъ обо всемъ на свѣтѣ. Стоило только назвать имя, число, страну, и онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ могъ разговаривать о нихъ.

Само собой разумѣется, что дѣло не обходилось безъ болтовни. Какъ всѣ южане, онъ любилъ говорить. Но разговоръ его отличался необыкновенной живостью и веселостью. Величайшимъ удовольствіемъ для него было развивать свои идеи у себя дома, передъ каминомъ, въ обществѣ лицъ, приходившихъ навѣстить его. Онъ никогда не лѣзъ за словомъ въ карманъ; обо всѣхъ событіяхъ онъ могъ высказать самое обстоятельное мнѣніе, подкрѣпленное различными доводами. Онъ судилъ о лицахъ и фактахъ тоненькимъ, отрывистымъ голосомъ, и требовались совсѣмъ неожиданныя катастрофы, чтобы заставить его перемѣнить мнѣніе, разъ составленное имъ.

Я уже говорилъ:—онъ любилъ заявлять о своихъ обширныхъ познаніяхъ. Онъ не былъ скромнымъ и молчаливымъ ученымъ. Если онъ зналъ что-нибудь, то его знанія невольно вырывались наружу. Отсюда репутація ворчуна, которую онъ пріобрѣлъ при іюльской монархіи. Находили, что онъ слишкомъ много говоритъ и занимается тѣмъ, что до него не касается. Часто разсказывали, что онъ желалъ учить генераловъ, что онъ считалъ себя болѣе великимъ полководцемъ, нежели всѣ завоеватели. Мнѣ говорили также, что когда онъ былъ министромъ общественныхъ работъ, то въ тотъ моментъ, когда достраивали тріумфальную арку, онъ вмѣшивался въ работу скульпторовъ и принималъ или отвергалъ ихъ трудъ по своему усмотрѣнію. Но слѣдуетъ прибавить, что онъ не вносилъ въ это ни малѣйшаго

тщеславія. Если онъ всѣмъ занимался, то потому, что дѣятельная натура его требовала пищи. Онъ не могъ сидѣть на мѣстѣ. Дѣятельность восхищала, опьяняла его. Ему не терпѣлось, чтобъ не вмѣшаться во всякое дѣло, въ особенности, если оно казалось ему новымъ. Онъ бы охотно сталъ управлять всѣми министерствами за-разъ. Эта претензія на всезнаніе была въ сущности весьма почтенна, потому что опиралась на упорный трудъ. Чудо заключалось въ томъ, что онъ никого не надувалъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ все зналъ. Во всю свою жизнь онъ трудился болѣе десяти часовъ въ сутки, и это постоянно,—ему не были знакомы припадки лѣни, онъ зналъ только одно наслажденіе: учиться и дѣйствовать. Просидѣвъ взаперти въ своемъ кабинетѣ нѣсколько лѣтъ съ-ряду, онъ вдругъ проникался желаніемъ дѣйствовать и снова появлялся на политической аренѣ оживленнѣе и энергичнѣе, чѣмъ когда-либо. Можно было улыбаться надъ его подвижностью, но онъ тѣмъ не менѣе передѣлывалъ такую кучу дѣла, что невольно внушалъ уваженіе.

Я полагаю, что трудно составить себѣ ясное понятіе о Тьерѣ, если не знать темперамента марсельцевъ. Надо пожить на югѣ Франціи, чтобы перестать удивляться этой живости бабочки, соединенной съ упрямствомъ осла. Южане расходуютъ бо̀льшую часть своей энергіи на движеніе, на слова и жесты; когда при этомъ они одарены практическимъ смысломъ, то становятся, какъ Тьеръ, умственными и общественными феноменами. Кромѣ того, подъ этимъ прекраснымъ провансальскимъ небомъ умъ очень живъ, и если бываетъ иногда поверхностенъ, за то мастерски усваиваетъ себѣ все. Способность усвоенія — капитальное качество южанъ. Прибавьте, что Провансъ одна изъ послѣднихъ провинцій, завоеванныхъ Франціей, и что въ народѣ все еще живетъ глухая ненависть къ сѣвернымъ французамъ, и это сообщаетъ населенію изумительную независимость и гордость, высокомѣріе, не мирящееся съ самымъ легкимъ игомъ. Таковъ былъ въ сущности Тьеръ. Личность была въ немъ сильно развита, и онъ такъ цѣнилъ свою независимость, что его зачастую обвиняли въ эгоизмѣ. Онъ шелъ своей дорогой, съ упрямствомъ человѣка убѣжденнаго, который не слушаетъ никакихъ совѣтовъ и вѣритъ только въ собственный разумъ. Очень живой, разговорчивый до болтливости, упрямый и самобытный, умѣющій пользоваться всѣми обстоятельствами, ловкій, мелочной и задорный, съ умомъ, живо схватывавшимъ все, что̀ ему попадалось на пути, Тьеръ олицетворялъ собою марсельскій темпераментъ.

Я не могу судить о немъ, какъ объ администраторѣ, финансистѣ или военномъ дѣятелѣ. Я въ этомъ не компетентенъ и долженъ вѣрить другимъ. Многіе изъ политическихъ противниковъ Тьера, тѣ,

которые очень строго осуждають въ немъ правительственнаго дѣятеля, преклоняются передъ его компетентностью и искусствомъ въ дѣлѣ финансовъ и администраціи.

Послѣ нашихъ бѣдствій 1870 г., всѣ восхищались, какъ быстро реорганизовалъ онъ нашу администрацію и въ особенности съ какимъ успѣхомъ онъ подготовилъ и выпустилъ знаменитый заемъ, позволившій Франціи почти немедленно уплатить пять милліардовъ контрибуціи.

Конечно, надо принять во вниманіе готовность, съ какой страна откликнулась на его призывъ, но онъ тѣмъ не менѣе руководилъ спасеніемъ отчизны съ такой бдительностью и такимъ усердіемъ, что они останутся вѣчнымъ памятникомъ его славы.

Перехожу къ историку, оратору и художественному критику, и здѣсь чувствую себя на родной почвѣ и могу высказать свое собственное мнѣніе.

Историкъ въ Тьерѣ вполнѣ оригиналенъ. Онъ создалъ особый родъ исторіи, исторіи, признающей только факты и предлагающей читателю сборникъ достовѣрныхъ документовъ. Можно сказать, что онъ историкъ-натуралистъ; я хочу этимъ сказать: историкъ, подчиняющій все фактамъ и никогда не пускающійся въ теоріи и системы. Извѣстно, какъ онъ понялъ „Исторію консульства и имперіи". Онъ питалъ къ Наполеону родственное, такъ-сказать, чувство уваженія одного честолюбца къ другому; геній этого побѣдителя, его апоѳеозъ во главѣ народовъ должны были волновать его! Вѣдь и онъ также отправился изъ Э завоевывать міръ. Поэтому Наполеонъ рисовался ему во всемъ блескѣ его тріумфа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ слишкомъ практиченъ, слишкомъ прозаиченъ, чтобы восхищеніе его доходило до диѳирамба. Онъ не терялъ способности разсуждать и восхищался въ Наполеонѣ главнымъ образомъ великимъ полководцемъ и энергическимъ организаторомъ, котораго ему показывали документы той эпохи, хорошо изученные имъ. Онъ, дитя 1789 г., забывалъ иногда объ утраченной свободѣ въ виду того, какъ изумительно воспользовался Наполеонъ императорской диктатурой. Онъ, безъ сомнѣнія, наслаждался какъ спеціалистъ, и если самъ захотѣлъ быть великимъ администраторомъ и великимъ генераломъ, то потому, что убѣдился на какую высоту можетъ вознести человѣка военное искусство и наука управленія. Поэтому въ его историческихъ произведеніяхъ не слѣдуетъ искать какого-нибудь тезиса, строгаго плана, основаннаго на извѣстныхъ принципахъ. Онъ просто шествуетъ среди совершившихся фактовъ,—разумѣется, обсуждая ихъ со всей своей честностью и либерализмомъ, но готовый извинить всѣ злоупотреб-

ленія власти, если изъ этого злоупотребленія вышло, по его мнѣнію, что-нибудь великое и славное для страны.

Исторія, понимаемая такимъ образомъ, утрачиваетъ рѣзкость силлогизма, сообщаемую ей, напримѣръ, Луи-Бланомъ въ его „Histoire de dix ans“. Луи-Бланъ—человѣкъ убѣжденный, ставящій принципомъ самодержавіе народа и выводящій всѣ свои сужденія изъ этого принципа. Исторія, такъ, какъ ее понималъ Тьеръ, не есть также исторія Мишлé, этого поэта, этого ясновидящаго, пламенное воображеніе котораго вызывало и воскрешало прошедшіе вѣка. Тьеръ-историкъ, въ сущности, не что иное, какъ компиляторъ, и его единственная забота заключается въ томъ, чтобы добиться правды фактовъ, опираясь на возможно бóльшемъ числѣ документовъ. Онъ какъ будто желалъ свести роль историка къ роли протоколиста, составляющаго протоколъ заднимъ числомъ, когда, отступивъ на нѣсколько лѣтъ разстоянія, можно обнять взоромъ обширное зрѣлище цѣлой эпохи. Мы видимъ его въ кабинетѣ, роющимся во всѣхъ источникахъ, старательно подбирающаго всѣ мельчайшія подробности, переживающимъ тѣ факты, о которыхъ хочетъ говорить, и дающимъ сраженія, о которыхъ собирается повѣствовать; затѣмъ кажется, что вотъ онъ прислонился къ камину и бесѣдуетъ со своей книгой, фамильярно, ясно, короткими, оживленными фразами. Онъ говоритъ безъ умолку. Онъ неустанно твердитъ про своего героя. Онъ такъ хорошо его знаетъ, что безпрестанно натыкается на него, чтобы лучше показать его. Это живая исторія, но не то вдохновленное произведеніе, въ которое геній вдохнулъ душу живую, а исторія, живущая правдивостью подробностей, невѣроятнымъ перечнемъ мелкихъ, истинныхъ фактовъ, неутомимымъ краснорѣчіемъ разсказчика, умолкающаго только тогда, когда онъ истощилъ весь матеріалъ. Это обусловило великій успѣхъ „Исторіи консульства и имперіи“—всѣхъ привлекла та громадная масса новыхъ свѣдѣній, которыя она давала, и буржуазная ясность, сообщаемая ею событіямъ, отъ которыхъ потрясенная Европа все еще содрогалась. Всѣмъ стала понятна императорская эпопея, разсказанная методическимъ и яснымъ умомъ. Всѣ заинтересовались ею и рукоплескали ей. Никогда еще легендарный герой не находилъ себѣ такого разсудительнаго историка. Подумаешь, что это почтенный отецъ семейства, пересказывающій вечеромъ своимъ маленькимъ дѣтямъ правду про Синюю-Бороду.

Чтобы быть вполнѣ откровеннымъ, признаюсь, что эта „Исторія консульства и имперіи“ кажется мнѣ страшно длинной и до того напичканной фактами, что отъ нихъ одурѣваешь. Я стою за факты, но полагаю, что безполезно нагромождать ихъ въ такой мѣрѣ. Всякое произведеніе нуждается въ строгомъ планѣ, для того, чтобы быть

прочнымъ. Когда нѣтъ ясно очерченныхъ и правильныхъ линій, то произведеніе роковымъ образомъ рушится и по истеченіи нѣкотораго времени превращается въ безформенную массу. И вотъ,—я боюсь, что это случится съ „Исторіей консульства и имперіи". Наши внуки увидятъ въ ней только драгоцѣнное хранилище документовъ, сборникъ матеріаловъ, который избавитъ будущихъ историковъ отъ необходимости наводить справки въ другомъ мѣстѣ. То, что восхищаю насъ, добродушіе разсказа, живость разсказчика, простота, съ какой онъ обращается съ усложненіями императорской эпохи, устарѣютъ и улетучатся, и обнаружится недостатокъ высшихъ взглядовъ, бѣдность концепцій въ произведеніи. Компиляція останется, произведеніе исчезнетъ. Придетъ историкъ, который лучше переработаетъ матеріалы и создастъ на основаніи ихъ болѣе солидную и болѣе живую фигуру Наполеона. Говорятъ часто про сдержанность Тацита, точно вырѣзающаго исторію на мѣди. Тьеръ представляется мнѣ любезнымъ и образованнымъ разсказчикомъ, который писалъ исторію на пескѣ...

Переходя къ оратору я нахожу тотъ же прозаическій темпераментъ, обожающій ясность, выражающійся коротенькими, отчетливыми фразами. Но только здѣсь онъ мнѣ больше нравится. Ораторъ больше дѣйствуетъ мимикой, вліяніемъ, которое онъ оказываетъ на слушателя, нежели основательностью своихъ періодовъ. А надо сказать, что никогда еще человѣкъ не повелѣвалъ такъ на трибунѣ своими слушателями, какъ Тьеръ. Онъ бывалъ изумителенъ. Я слышалъ его только въ послѣдніе годы его жизни, когда у него не хватало голоса, но дѣйствіе, производимое этимъ дребезжащимъ голосомъ, все еще было очень сильно. Взойдя на трибуну, онъ сначала дожидался, чтобы установилось совершенное безмолвіе, и дожидался терпѣливо, иногда очень долго. Потомъ начиналъ говорить, сначала очень тихо, чуть слышно. Но мало-по-малу голосъ его становился тверже и рѣзче. И послѣ этого, въ продолженіи двухъ, трехъ часовъ раздавался этотъ отрывистый, пронзительный, неутомимый голосъ. Это была какъ-бы бесѣда, вносившая яркій свѣтъ въ самые скучные вопросы. Ораторъ умѣлъ заинтересовать людей даже цифрами, столько было жизни и отчетливости въ его изложеніи. Никогда онъ не воспламенялся, стоялъ почти неподвижно, сопровождая ударомъ кулака свои коротенькія фразы,—единственный жестъ, который онъ себѣ позволялъ. Онъ не былъ актеромъ въ громкомъ значеніи этого слова и позволялъ себѣ волненіе лишь какъ ораторскій пріемъ. Голосъ его иногда прерывался, слезы какъ будто выступали на глазахъ. Затѣмъ послѣ аплодисментовъ, неизмѣнно вызываемыхъ имъ, онъ продолжалъ свою рѣчь съ обычнымъ добродушнымъ и спокойнымъ видомъ. Если какой-нибудь преданный другъ соберетъ когда-нибудь рѣчи Тьера и

издасть ихъ, то я не знаю, какое впечатлѣніе произведутъ онѣ въ чтеніи. Когда онъ говорилъ ихъ, можно было сначала подумать, что онъ не держится никакого плана; онъ какъ-будто довольствовался тѣмъ, что обсуждалъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, переходя отъ одного пункта къ другому, безъ всякой системы. Но, просматривая эти рѣчи въ связи одной съ другой, убѣждаешься, что, несмотря на кажущуюся безпорядочность, онѣ старательно выработаны. Ихъ безпорядочность происходила отъ значительнаго развитія, которое ораторъ придавалъ каждой части, изъ любви къ ясности. Порывшись въ этомъ потокѣ словъ, находимъ всегда планъ очень простой, но вполнѣ логичный. Очевидно Тьеръ, всходя на трибуну, имѣлъ въ своей головѣ планъ своей рѣчи; онъ начиналъ ее, не спѣша, не боясь остановокъ, не боясь повторять десять разъ одно и то же, считая, что первое качество оратора—заставить себя выслушать и убѣдить слушателей. Отсюда громадное впечатлѣніе, производимое имъ. Онъ не поражалъ залу громовыми ударами, à la Мирабо. Онъ постепенно завладѣвалъ ею, подчинялъ ее своею простотой и здравымъ смысломъ, отлично умѣлъ выпутываться, когда замѣтитъ, что не туда заѣхалъ, и разставался съ своей аудиторіей, окончательно заговоривъ, покоривъ ее. Ему случалось совершать чудеса въ другомъ родѣ, являться во враждебную палату и мало-по-малу приводить ее къ совершенно противному мнѣнію, не измѣняя своему буржуазному краснорѣчію. Я уже говорилъ, что онъ возвышался до истиннаго краснорѣчія, несмотря на свой слабый голосъ,—такъ велико было его желаніе убѣдить. Видно было, что этотъ небольшой человѣчекъ, такой фамильярный и настойчивый—сила.

Но совсѣмъ тѣмъ не историкъ, не ораторъ поражаетъ меня въ Тьерѣ; а—критикъ. Извѣстно, что первая статья, написанная имъ въ Парижѣ, была статья объ искусствахъ. Но всеобщее вниманіе привлечено было въ особенности его отчетомъ о выставкѣ картинъ 1822 г., напечатаннымъ имъ въ „Constitutionnel". Въ этомъ отчетѣ, одинъ противъ всѣхъ, онъ осмѣлился защищать Эжена Делакруа, выставившаго своего „Данта и Виргилія въ аду". Чтобы понять громадную дерзость такого поступка, надо знать, что картина Делакруа возбуждала всеобщіе свистки, и живописца третировали какъ пьяницу, рисующаго половой щеткой, обмокнутой въ грязь. Я приведу нѣсколько строкъ изъ статьи Тьера, которыя поражаютъ меня:— „никакая картина не возвѣщаетъ, по моему мнѣнію, такъ ясно о будущности великаго живописца, какъ картина Делакруа, представляющая „Данта и Виргилія въ аду". Въ ней особенно замѣтны признаки таланта, порывъ зарождающагося генія... Кисть могучая и твердая, краски мощныя, хотя нѣсколько рѣзкія. Художникъ сво-

бедно распоряжается своими фигурами, группируетъ ихъ, размѣщаетъ со смѣлостью Микель-Анжело и плодовитостью Рубенса. При видѣ его картины меня охватываетъ воспоминаніе объ этихъ великихъ мастерахъ: я нахожу въ ней дикую, пламенную, но естественную мощь, которая поддерживаетъ увлеченіе".

Нельзя высказаться яснѣе. Тьеръ открылъ Делакруа. Неправда ли, что это одинъ изъ самыхъ изумительныхъ эпизодовъ въ богатомъ существованіи знаменитаго гражданина? Что онъ былъ пять или шесть разъ министромъ, что онъ освободилъ территорію и основалъ третью республику—это было логическимъ результатомъ его генія, и не удивляетъ меня. Но чтобы онъ, умѣренный, чопорный человѣкъ, отворачивавшійся отъ всего непредвидѣннаго, олицетворявшій собою нашу баранью буржуазію, съумѣлъ открыть Делакруа, растрепаннаго живописца, романтика, котораго какъ разъ буржуазія въ продолженіи двадцати лѣтъ таскала по грязи—вотъ что̀ меня поражаетъ, вотъ чего я никакъ не могъ себѣ объяснить.

И вѣдь нельзя ошибиться на счетъ эстетическихъ взглядовъ Тьера. Онъ самъ вразумилъ насъ на этотъ счетъ. Онъ стоялъ за абсолютную красоту, красоту неизмѣнную, стоящую внѣ темперамента художника. Вотъ что̀ мы читаемъ въ его статьѣ о картинной выставкѣ 1822 г.: „народамъ, какъ и живописцамъ и личностямъ, случается увлекаться исключительно однимъ родомъ или однимъ стилемъ. Это опредѣляетъ направленіе извѣстной эпохи. Но разнообразіе вкусовъ у народовъ не можетъ служить аргументомъ противъ неизмѣнности красоты, какъ не можетъ служить аргументомъ противъ нея различіе мнѣній, высказываемое передъ одной и той же картиной. Поэтому у насъ осталось отъ грековъ только всеобщее, т.-е. истинно прекрасное; народы проходятъ мимо школы, какъ отдѣльныя лица передъ картиной, а истина переживаетъ ихъ всѣхъ".

Это объясненіе нѣсколько темно. Тьеръ вѣроятно хочетъ сказать, что прекрасное, какъ оно понималось греками, составляетъ единственную абсолютную истину въ искусствѣ, и что остальныя школы только уклоненія отъ него. Словомъ, онъ ставитъ принципомъ пластическій идеалъ Фидіаса. Между тѣмъ геній Делакруа совершенно идетъ въ разрѣзъ съ этимъ идеаломъ. Этотъ живописецъ былъ отрицаніемъ греческаго искусства. Онъ перенесъ красоту въ человѣческое чувство и въ силу жизни и колорита. Но какъ же въ такомъ случаѣ Тьеръ могъ первый угадать его и предсказать высокое мѣсто, которое онъ займетъ въ современномъ искусствѣ?

Я очень хорошо знаю, что „Дантъ и Виргилій въ аду"—разсудительное и спокойное произведеніе въ сравненіи съ тѣми дивными картинами, которыя художникъ долженъ былъ создать впослѣдствіи,

Онъ еще находился подъ вліяніемъ Жерико и еще не порвалъ съ традиціей. Но этого недостаточно для того, чтобы объяснить увлеченіе Тьера. Я часто думалъ объ этой загадкѣ и не могъ разрѣшить ее. Это единственный фактъ въ жизни Тьера, который сбиваетъ меня съ толку. Наконецъ, я пришелъ къ слѣдующему заключенію. Несмотря на глубокую разницу въ ихъ темпераментахъ, Тьеръ угадалъ талантливаго человѣка въ Делакруа, подобно тому, какъ честолюбецъ чуетъ другого честолюбца. Внутренній голосъ подсказалъ ему это. Оба должны были пойти далеко.

Впрочемъ, Тьеръ до самой смерти питалъ любовь къ искусству. Я не знаю, покупалъ ли онъ картины Делакруа, и не думаю этого; но онъ страстно занимался составленіемъ артистическихъ коллекцій. Однимъ изъ его развлеченій было посѣщать продавцовъ рѣдкостей въ Парижѣ. Онъ, мало-по-малу, собралъ изумительную коллекцію, хорошо извѣстную всѣмъ аматёрамъ. Въ особенности хвалятъ его собраніе вещей изъ слоновой кости и итальянскихъ мраморныхъ произведеній, которыя очень дорого цѣнятся. Эта любовь къ изящному, къ отдѣлкѣ въ подробностяхъ и чистотѣ формы тоже такой признакъ, который дѣлаетъ невѣроятнымъ и поразительнымъ его восхищеніе Делакруа. Онъ какъ-бы щеголялъ тѣмъ, что, среди своихъ историческихъ занятій и политическихъ работъ, остается образованнымъ и щепетильнымъ аматёромъ; ему пріятно было заявить себя художникомъ, удостоившимъ стать дѣльцомъ. Извѣстно, что онъ писалъ исторію флорентинской школы, когда его застигли событія 1870 г. Эта исторія останется недописанной. Говорили, что онъ завѣщалъ свои коллекціи Луврскому музею; но это извѣстіе еще не подтвердилось.

IV.

Теперь я выскажу свое сужденіе о личности Тьера и замѣчу, что только послѣднія десять лѣтъ его жизни сдѣлали изъ него великаго гражданина, котораго въ настоящее время оплакиваетъ Франція.

Представьте себѣ, что Тьеръ умеръ бы послѣ 1848 года. Какую память оставилъ бы онъ по себѣ? Какую роль игралъ бы онъ въ исторіи и въ своей странѣ? Для него не будетъ униженіемъ, если мы скажемъ теперь, что о немъ сохранилось бы тогда воспоминаніе, какъ о весьма умномъ, но весьма дюжинномъ государственномъ человѣкѣ, какіе обыкновенно нами управляютъ. Можно даже прибавить, что онъ казался бы задорнымъ и сварливымъ человѣкомъ, поставившимъ на карту свое честолюбіе и проигравшимъ свою ставку. Къ тому же, если бы онъ умеръ на другой день послѣ того, какъ руши-

лись всѣ его надежды, на другой день послѣ того, какъ пала монархія, которую онъ убилъ съ прекраснымъ намѣреніемъ ее спасти, то онъ ничего бы по себѣ не оставилъ, кромѣ воспоминанія объ его ошибкахъ. Съ именемъ его связывалось бы понятіе о парламентскомъ забіякѣ, сломавшемъ себѣ шею на томъ, что злоупотреблялъ парламентскимъ равновѣсіемъ. И, разумѣется, рядомъ съ нимъ фигура Гизо, сухая и непреклонная, застывшая въ доктринерскомъ упрямствѣ, казалась бы болѣе высокой.

Представьте еще себѣ, что Тьеръ умеръ бы въ концѣ имперіи, въ 1868 г., напримѣръ. Безъ сомнѣнія, общественное мнѣніе мягче отнеслось бы къ нему. Ему засчитали бы тѣ пятнадцать лѣтъ, которыя онъ провелъ въ уединеніи и занятіяхъ. Историкъ взялъ бы перевѣсъ надъ политическимъ дѣятелемъ. Но въ концѣ-концовъ государственный человѣкъ оставался бы несчастливымъ министромъ, соображенія котораго привели только къ катастрофѣ. Сказали бы, что, потрудившись, какъ слѣпой, надъ тѣмъ, чтобы вызвать февральскую революцію, онъ не оказался проницательнѣе и относительно имперіи. Несмотря на свой живой умъ, здравый смыслъ, знаніе людей и вещей, онъ все же бы оставался побѣжденнымъ, дважды разбитымъ: въ первый разъ событіями 1848 г., во второй—государственнымъ переворотомъ 1851 года. Надъ нимъ посмѣялись бы даже, говоря, что выгнанный изъ правительства, онъ долженъ былъ искать убѣжища въ маленькой войнѣ академическихъ выборовъ, тѣша самого себя мыслью, что все еще находится у дѣлъ, потому что располагаетъ сорока креслами, подобно тому, какъ министръ располагаетъ префектурами.

Но вдругъ наступилъ 1870 г. Ему было 73 года, и вотъ когда совершился его тріумфъ. Судьба готовила ему еще семь лѣтъ жизни, долженствовавшихъ необыкновенно возвеличить его и сдѣлать изъ него одного изъ тѣхъ знаменитыхъ гражданъ, которыхъ народы насчитываютъ такъ мало. Наши бѣдствія послужили къ его славѣ. Онъ уже стоялъ одной ногой въ могилѣ, но такъ съумѣлъ воспользоваться краткой отсрочкой, дарованной ему смертью, что обогналъ самыхъ молодыхъ и энергичныхъ. Я уже говорилъ: эта послѣдняя карьера началась въ тотъ день, какъ онъ произнесъ въ законодательномъ корпусѣ рѣчь противъ войны, возбудившую въ то время всеобщее негодованіе. Послѣ Седана оказалось, что онъ былъ пророкомъ. Допустите на минуту, что императоръ вернулся бы побѣдоноснымъ, и подумайте, какую непопулярность унесъ бы съ собою Тьеръ въ могилу; кромѣ славы разбитаго министра, онъ пріобрѣлъ бы еще славу дурного патріота. Но, повторяю, онъ оказался пророкомъ, а въ политикѣ

передъ пророками охотно преклоняютъ колѣни. Такимъ образомъ, послѣ Седана Францiя завопила: „Тьеръ все это предсказалъ; онъ одинъ одаренъ здравымъ смысломъ и ему слѣдуетъ вручить свою судьбу". Его возвеличенiе, его возведенiе на самый высокiй постъ не имѣло другой причины. Среди всеобщей неурядицы, всѣ поспѣшили отдать себя въ руки единственнаго человѣка, осмѣлившагося публично осудить войну съ Германiей. И вотъ когда онъ совершилъ тѣ великiя дѣла, которыя всѣмъ извѣстны: освободилъ территорiю и основалъ республику. Когда онъ былъ низвергнутъ 24-го мая, онъ больше сдѣлалъ въ эти два года для своей славы, нежели въ продолженiи восемнадцати лѣтъ царствованiя Луи-Филиппа, когда онъ разыгрывалъ роль парламентскаго борца, упражняющаго свои мускулы вокругъ трона.

Какъ же объяснить эту послѣднюю удачу? Какимъ образомъ фигура Тьера могла такъ неожиданно и такъ сильно вырости и принять такое важное значенiе въ нашей исторiи? На мой взглядъ отвѣтъ простъ.

Тьеръ былъ типичнымъ представителемъ буржуазiи. Это часто повторялось — и совершенно справедливо. Онъ олицетворялъ собою осторожную и фрондёрскую буржуазiю, мечтающую попасть въ правительство, стремящуюся занять первое мѣсто въ государствѣ, но рѣшившуюся воспользоваться своимъ самодержавiемъ съ тѣмъ, чтобы устроить всѣ дѣла такъ, чтобы обезпечить свое личное благосостоянiе. Онъ былъ очень образованъ, преданъ искусству, исполненъ добродушiя и веселости; но требовалъ благоразумнаго равновѣсiя, желалъ удержать прiобрѣтенiя 1789 г., не испытывая никакого желанiя ихъ развить или расширить. И такимъ образомъ онъ отличался всѣми характерными свойствами буржуазнаго темперамента: положительнымъ умомъ, ограниченностью взглядовъ, непреодолимымъ страхомъ и отвращенiемъ ко всякимъ новшествамъ, неистощимымъ здравымъ смысломъ, которымъ онъ злоупотреблялъ для удержанiя стараго порядка вещей; онъ видѣлъ въ прогрессѣ какъ-бы нѣкоего бѣшенаго звѣря, котораго слѣдуетъ не уничтожать, но вести шагъ за шагомъ, чтобы онъ не пожралъ вселенную. Послѣ 1789 г., буржуазiя, въ пользу которой совершена была революцiя, вдругъ спохватилась, что завоеванныхъ вольностей съ нея достаточно и что для нея было бы опасно идти далѣе по этому пути. Отсюда ея упорное нежеланiе двигаться дальше. Она увлеклась побѣдами первой имперiи, позабывъ объ утраченной свободѣ. Но когда вернулись Бурбоны, продолжавшiе конфисковать свободу, не давая взамѣнъ славы, она возмутилась и бросилась въ оппозицiю, окончившуюся iюльской монархiей. Послѣ этого буржуазiя,

имѣя гарантію парламентаризма, вообразила, что Франція вступила въ золотой вѣкъ политики. Она стояла во главѣ управленія, она наслаждалась и не считала возможнымъ дальнѣйшее усовершенствованіе искусства управленія. И съ этой-то идеей Тьеръ дѣйствовалъ въ періодахъ съ 1830 по 1848 г.

Итакъ, вотъ онъ, дитя 1789 г., вообразилъ, что получилъ все почетное и полезное наслѣдство, оставленное великой революціей. Въ сущности онъ былъ и всегда оставался либераломъ. Онъ выросъ какъ новый человѣкъ на французской почвѣ, съ которой страшная буря навѣки смела старинное общество. Молодость его прошла въ томъ, что онъ осмѣивалъ въ пѣсняхъ Людовика XVIII и Карла X; первая его юношеская страсть пошла на низверженіе гнилого трона божественнаго права. И если онъ остановился, то потому, что его политическія идеи не осмѣливались заходить дальше конституціоннаго порядка, который, казалось ему, заключаетъ всю возможную сумму благосостоянія и свободы для общества. Это этапъ въ великомъ революціонномъ движеніи вѣка, этапъ, на которомъ онъ мечталъ навсегда остановить Францію, потому что видѣлъ въ немъ гарантіи спокойствія и благоразумія, требуемыхъ его темпераментомъ. Позади себя онъ желаетъ запереть дверь, чтобы не быть залитымъ наплывомъ демократіи. Съ той минуты, какъ буржуазія объявляетъ, что она довольна, нѣчего прислушиваться къ желаніямъ народа. И даже онъ питаетъ къ народу чувство страха, заставляющее его держать народъ какъ можно дальше отъ управленія. И вотъ когда проявляется его отвращеніе къ республиканскому порядку. Онъ соглашается, что республика пугало, и повторяетъ фразу, служившую аргументомъ противъ нея въ продолженіи пятидесяти лѣтъ: „республика невозможна во Франціи". Такъ какъ въ сущности онъ тактикъ, то главнымъ образомъ укоряетъ республику за то, что она впадаетъ въ крайности, дѣлающія всякую хорошую политику невозможной. Онъ не любитъ насилія, крайнихъ мѣръ; онъ по природѣ не симпатизируетъ радикальнымъ мнѣніямъ, и поэтому республика въ томъ видѣ, въ какомъ ее знавала до сихъ поръ Франція, съ ея бунтами, ея отчаянными выходками, глубокимъ потрясеніемъ, заставляющимъ всплывать на поверхность всѣ затрудненія соціальныхъ вопросовъ, представляется въ его глазахъ истиннымъ бѣдствіемъ, во время котораго благоразумнымъ людямъ, привыкшимъ къ парламентскимъ качелямъ, остается только спрятаться и молчать. Такимъ былъ Тьеръ при Луи-Филиппѣ. Въ 1848 г., если онъ и принялъ сначала республику, то только въ видѣ опыта, отъ котораго не могъ отказаться; но вскорѣ онъ высказался противъ нея и прозрѣлъ только тогда, когда, по его

выраженію, имперія уже была сдѣлана. Имперія должна была дать ему этотъ послѣдній урокъ.

Имперія пала; Тьеръ основываетъ республику, противъ которой всегда высказывался, и вотъ когда начинаются сюрпризы. Но на самомъ дѣлѣ ничего не можетъ быть естественнѣе и логичнѣе. Я считаю, что для этихъ буржуа, либеральныхъ сыновъ 1789 г., республика была роковымъ послѣдствіемъ парламентаризма. Философія продолжительнаго революціоннаго движенія во Франціи выясняется теперь вполнѣ. Послѣ террора, буржуазія испугалась, приняла на минуту имперію, затѣмъ боролась противъ реставраціи и сочла себя у пристани, отдохнувъ на іюльской монархіи. Все это весьма понятно. Но только движеніе будетъ идти дальше вопреки всему и не остановится на какомъ-нибудь компромиссѣ, потому что оно слишкомъ сильно у насъ и вопреки всему приведетъ къ республикѣ. Въ одинъ прекрасный день конституціонная монархія рухнула, и всего характеристичнѣе то, что ее убили самые горячіе ея приверженцы. Это разрушеніе было для буржуазіи неожиданностью и предметомъ глубокихъ размышленій. Во все время существованія имперіи, она могла размышлять объ этомъ. Въ то же самое время она проходила суровую школу. И вотъ, республиканское теченіе, неумолчно рокотавшее въ глубинѣ вѣковъ, растетъ съ часу на часъ, и толкаетъ впередъ противъ ихъ воли сыновъ 1789 г. И вотъ, на другой день послѣ нашихъ бѣдствій, либеральная буржуазія просыпается республиканской. Это можно было бы предсказать; такой развязки слѣдовало ожидать.

Итакъ, — Тьеръ превосходно воплотилъ въ себѣ это движеніе. Онъ резюмировалъ собой всю буржуазію, и его дѣйствія могутъ быть признаны выраженіемъ того класса, который шелъ вслѣдъ за нимъ. Будьте увѣрены, что онъ шелъ къ этой развязкѣ, самъ того не сознавая, переходилъ къ республикѣ черезъ промежуточные этапы, удовлетворявшіе требованіямъ его темперамента. Развѣ буржуазія не начала своего поприща съ республики? Она роковымъ образомъ должна была вернуться къ этой матери всѣхъ вольностей и всѣхъ правъ, когда обстоятельства перестали показывать въ ней людоѣдку, готовую пожрать самыхъ благоразумныхъ изъ своихъ дѣтей. Тьеру просто посчастливилось прожить достаточно для того, чтобы быть однимъ изъ юныхъ либераловъ, порожденныхъ 1789 г., придумавшихъ компромиссъ іюльской монархіи, и однимъ изъ буржуа послѣднихъ временъ, которые поняли необходимость республиканскаго порядка. Такимъ образомъ, онъ могъ резюмировать въ самомъ себѣ всѣ превращенія французской буржуазіи: онъ старался стереть революцію,

а кончилъ признаніемъ этой самой революціи съ ея республиканской этикеткой, въ тотъ роковой часъ, когда явилась необходимость спасать отечество.

Впрочемъ, если это движеніе къ абсолютному покажется нѣсколько натянутымъ, если слѣдствія, выведенныя мною изъ революціи, представятся сомнительными, я прибавлю, что все содѣйствовало тому, чтобы увлечь буржуазію въ республиканское движеніе. Замѣтьте, что когда Тьеръ въ Бордо рѣшился пристать къ республикѣ, онъ слѣдовалъ внушеніямъ своего темперамента и не измѣнялъ правиламъ всей своей жизни. Еще разъ онъ высказался за равновѣсіе и разсудительность. Если онъ сказалъ: „республиканское правительство наименѣе разъединяетъ насъ",—то понимайте это такъ, что онъ съ своимъ здравымъ смысломъ отрекался въ особенности отъ монархіи, потому что она представлялась ему невозможной. Политическій дѣятель, семидесяти-трехъ лѣтъ отъ роду, состарившійся, какъ онъ, при конституціонномъ порядкѣ, не легко разстается съ своимъ старымъ идеаломъ. Онъ навѣрное предпочелъ бы монархію, но факты осилили его; онъ роковымъ образомъ пришелъ къ республиканскому правленію, убѣдившись въ безсиліи всѣхъ претендентовъ. Орлеанскіе принцы стали невозможны съ тѣхъ поръ, какъ заявили о своей покорности графу Шамбору; этотъ послѣдній своимъ упрямымъ поведеніемъ отрекался отъ трона Франціи, отказываясь отъ трехцвѣтнаго знамени; что касается Наполеона IV, его схоронили наши бѣдствія, и онъ представлялъ собою только диктатуру. Между тремя претендентами, равно опасными, приходилось удерживать Францію въ равновѣсіи—и Тьеръ вполнѣ годился для этой роли. Это входило въ его привычки все примирять; республика представлялась ему единственной почвой, на которой онъ могъ безопасно примѣнять свой либерализмъ. Надо даже прибавить, что ему не приходилось мѣнять своихъ идей. По военнымъ, по финансовымъ вопросамъ онъ упорнѣе, чѣмъ когда-либо проводилъ свои старинныя убѣжденія. Только одинъ новый фактъ вошелъ въ его голову: фактъ конституціонной республики, въ которой король былъ замѣненъ чистѣйшей фикціей.

Толковали про честолюбіе. Безъ сомнѣнія, необходимо человѣку быть честолюбивымъ, чтобы совершить что-нибудь великое. Говорили, что Тьеръ призналъ республику съ единственной цѣлью возобновить свои опыты 1830 г., но только съ большей свободой, не имѣя надъ собою короля, воля котораго становилась бы ему поперекъ дороги. Въ республикѣ такимъ образомъ онъ видѣлъ будто бы только отместку за Луи-Филиппа. Всѣ эти объясненія разсчитаны на людскую низость. Честные люди предпочтутъ видѣть въ Тьерѣ патріота, ото-

двигая честолюбца на задній планъ. Впрочемъ, что значатъ побужденія, когда факты на лицо. Я утверждаю, что, такъ или иначе, Тьеръ—имѣлъ ли онъ въ виду власть или Францію—совершилъ полное превращеніе либеральной буржуазіи въ теченіи первыхъ восьмидесяти лѣтъ настоящаго столѣтія. Отсюда несообразная величина, которую внезапно приняла его фигура.

Я не хочу обсуждать политическій кризисъ, который мы переживаемъ въ настоящую минуту. Творцы 16-го мая дѣлаютъ видъ, что считаютъ смерть Тьера окончательнымъ пораженіемъ, нанесеннымъ республикѣ. Съ его смертью, думаютъ они, буржуазія, слѣдовавшая за нимъ, примкнетъ къ реакціи. По-моему, это капитальное заблужденіе. Буржуазія слѣдовала за Тьеромъ, это правда, но только потому, что онъ шелъ туда, куда она смутно стремилась. Виданное ли дѣло, чтобы одинъ человѣкъ вызывалъ подобное движеніе! Никто бы не послѣдовалъ за Тьеромъ, если бы онъ пошелъ направо, когда инстинкты толпы увлекали бы ее налѣво. Съ другой стороны, въ настоящую минуту буржуазія слишкомъ далеко зашла; она слишкомъ ясно видитъ, въ чемъ заключаются ея истинные интересы, чтобы измѣнить направленію, сообщенному ей Тьеромъ. Итакъ, я полагаю, что смерть Тьера ничего не измѣнитъ въ результатѣ общихъ выборовъ. Она даже сдѣлаетъ эти выборы болѣе энергическими. Позднѣе, правда, если событія усложнятся, можетъ быть, придется живо почувствовать утрату Тьера, потому что онъ былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ не легко замѣнить.

Въ настоящую минуту Тьеръ очень высоко стоитъ во мнѣніи толпы. Онъ еще выростетъ, если республика, основанная имъ, останется для насъ окончательной формой правленія; на него будутъ тогда смотрѣть, какъ на перваго президента, какъ на знаменитаго человѣка, который навсегда спасъ Францію отъ монархическихъ претендентовъ. Если республика снова должна будетъ уступить мѣсто монархіи, чтобы воскреснуть послѣ новаго переворота, то слава Тьера можетъ нѣсколько померкнуть; его станутъ упрекать въ томъ, что онъ ошибался до тѣхъ поръ, пока не отдадутъ ему окончательную справедливость въ тотъ день, когда республика учредится окончательно и безповоротно въ нашей странѣ—а такой результатъ неизбѣженъ.

Въ настоящую минуту Тьеръ и по смерти остается добрымъ геніемъ нашей республики. Извѣстно, какъ онъ дорожилъ титуломъ „monsieur“, который былъ для него какъ-бы патентомъ на благородство. Онъ вполнѣ понялъ новое время—воцареніе буржуазнаго сословія на правительственной почвѣ, дотолѣ занимаемой дворянствомъ

и духовенствомъ. Онъ былъ „monsieur" и желалъ оставаться „monsieur", ни больше, ни меньше. Замѣтьте, что въ этой скромности сказывалось очень большое высокомѣріе. Быть можетъ, отправляясь изъ Марселя, съ пустыми карманами, съ ретивостью студента, онъ уже тогда видѣлъ себя уважаемымъ главой Франціи, на вершинѣ могущества, чуть не королемъ. Послѣ этого, понятно его желаніе носить добродушно-высокомѣрный титулъ „monsieur", который какъ будто бы говоритъ: „Я—буржуазія, и менѣе чѣмъ сто лѣтъ спустя послѣ 1789 года, Франція—моя".

Эмиль Зола.

НАША ПЕЧАТЬ И БОЛГАРСКІЯ ДѢЛА.

Мы присутствуемъ при знаменательныхъ событіяхъ. Старый *восточный* вопросъ является въ формѣ *южно-славянскаго*, и въ первый разъ является прямо и оффиціально какъ вопросъ освобожденія балканскаго славянства. Борьба Россіи съ Турціей ведется издавна; она была прямымъ продолженіемъ борьбы съ татарами; черезъ Крымъ, татары вошли въ непосредственную связь съ турецкой имперіей, которая и смѣнила татаръ въ ихъ послѣднемъ изъ ряда враждебныхъ Россіи царствъ. Войны съ татарами были дѣломъ самосохраненія отъ хищнаго сосѣда; съ присоединеніемъ Малороссіи,—которое было естественной національной необходимостью, между прочимъ и по этимъ отношеніямъ къ татарско-турецкому югу,—Россія стала въ непосредственное сосѣдство съ Турціей, которая тѣмъ временемъ присоединила Крымъ. Войны конца XVII-го и всего XVIII-го вѣка были дѣломъ защиты и политическаго развитія русской государственной силы, чисто-русскимъ вопросомъ. Петръ-Великій,—какъ ни осуждаютъ его за отверженіе національнаго принципа,—первый вспомнилъ о южномъ славянствѣ, какъ естественномъ союзникѣ русскаго народа въ борьбѣ съ турками, и завязалъ сношенія съ Черногоріей. Эта мысль не была совершенно забыта его преемниками, но, кажется, никогда не ставилась ясно людьми, руководившими русской политикой. Вѣкъ Екатарины отмѣченъ блестящими войнами противъ турокъ; успѣхъ распалилъ воображеніе; уже думали о полномъ низло-

женіи Турціи,—но этотъ вѣкъ, такъ любившій шумныя торжества, эффектныя затѣи, представлялъ себѣ это низложеніе въ формѣ „греческаго проекта", т.-е. возстановленія не славянства, а старой Византіи. Славянство было такъ подавлено, его воспоминанія такъ давно затеряны и такъ мало въ Россіи извѣстны, что ихъ и не брали въ соображеніе: византійская имперія была извѣстнѣе и казалась гораздо эффектнѣе. Но, какъ ни мечтали политики и рѣшители судебъ войны, естественныя историческія силы дѣлали свое: мало-по-малу Турція начала терять свои захваты: венгро-славянскія земли, захваченныя Турціей, освободились отъ турецкаго владычества; Черногорія, геройскими усиліями своего маленькаго населенія, добилась полной независимости; Крымъ отошелъ къ Россіи; Сербія изъ турецкаго пашалыка сдѣлалась полу-свободнымъ государствомъ съ національнымъ правленіемъ; возстаніе Греціи кончилось основаніемъ свободнаго государства; дунайскія княжества стали почти независимыми. Рядъ фактовъ указывалъ, что освобожденіе балканскаго славянства, еще остающагося подъ игомъ, стоитъ на очереди.

Это распаденіе турецкой власти у насъ обыкновенно ставятъ въ связь съ развитіемъ „славянской идеи". Но изъ приведенныхъ сейчасъ фактовъ надо вывести и нѣчто другое—именно, что турецкое господство, которое было чисто дѣломъ силы, въ концѣ-концовъ должно будетъ пасть потому, что подавляетъ ростъ покоренныхъ племенъ, сохранившихъ изъ прошедшаго стремленіе къ цивилизаціи и задатки ея развитія. При покореніи Балканскаго полуострова, сила „меча" оказалась на сторонѣ полудикаго, первобытно-крѣпкаго племени; оно успѣло захватить громадныя земли и подчинить себѣ различные народы, превышавшіе его въ культурномъ отношеніи; но „мечъ" не приносилъ съ собой ничего другого, что могло бы сплочивать покоренные народы въ „націю"—націи здѣсь не образовалось въ цѣлыя пять столѣтій, даже такой „націи", какъ напримѣръ австрійская. Различіе племенное и религіозное ставило между побѣдителями и побѣжденными неодолимую преграду: побѣдители составляли азіатское, деспотическо-теократическое государство, съ племенами, первобытно дикими, совершенно чуждыми всякихъ элементовъ европейской цивилизаціи и утерявшими даже преданія цивилизаціи мусульманской, какъ она развивалась у арабовъ; движущей силой оставался религіозный фанатизмъ и крайнее презрѣніе къ побѣжденнымъ, которые были и „невѣрными".

Разваливавшаяся Византія, несозрѣвшія и однако уже попорченныя византійствомъ государства южныхъ славянъ не могли дать отпора завоевательному потоку турецкихъ силъ, и подпали владыче-

ству, которое чѣмъ дольше, тѣмъ становилось несноснѣе. Покоренные не могли слиться съ побѣдителями, какъ бывало въ средневѣковыхъ государствахъ; вслѣдствіе коренного различія ихъ въ самомъ началѣ, примиренія и средняго термина не могло быть,—могло быть только то, что отдѣльныя лица, и въ сущности едва ли не весь высшій классъ славянства принялъ исламъ и тѣмъ вошелъ въ ряды привилегированнаго мусульманства. Но внутреннее управленіе и государственное хозяйство были чисто хищническія. Господство надъ побѣжденной богатой страной, съ трудолюбивымъ земледѣльческимъ и промышленнымъ населеніемъ, при этой несоединимости племенной и религіозной, стало эксплуатаціей и грабежомъ: вооруженный турокъ сталъ помѣщикомъ и господиномъ безправной и обезоруженной райи. Богатства собирались въ рукахъ, гдѣ были совершенно непроизводительны. Страна, въ общемъ счетѣ, бѣднѣла и приходила въ упадокъ. То относительное благосостояніе, которое нынѣшніе наблюдатели видятъ въ Болгаріи, показываетъ, какъ богаты средства страны, если такая степень благосостоянія возможна при такомъ способѣ управленія. Въ первое время, когда господство было не вполнѣ прочно, за покоренными оставались извѣстныя права и вольности, напр., сначала собственное управленіе областей, отдѣльность и извѣстная независимость церкви болгарской и сербской, которыя еще до конца прошлаго вѣка оставались хотя слабымъ воплощеніемъ національнаго преданія. Наконецъ, и этотъ остатокъ національной личности славянства исчезъ, и вообще, какъ говорятъ, съ конца XVIII столѣтія угнетеніе становилось все болѣе свирѣпымъ и невыносимымъ. Съ того же времени стало замѣтнѣе сказываться сопротивленіе, прежде всего у сербовъ,—въ характерѣ которыхъ сохранилось больше воинственности и чувства собственнаго достоинства, и въ сосѣдствѣ которыхъ была, во-первыхъ, издавна непокорная туркамъ Черногорія; во-вторыхъ, сосѣдство славянской Далмаціи и Австріи, гдѣ православный сербскій элементъ имѣлъ своихъ представителей, жившихъ хотя и не свободно, но въ человѣческихъ условіяхъ. Болгары были ближе къ турецкому центру, они были всегда на дорогѣ и подъ рукой; понятно, что они были и больше угнетены, и національный характеръ больше потерпѣлъ. Они позднѣе приходятъ въ себя, и, къ сожалѣнію, до сихъ поръ ихъ національное сознаніе остается слишкомъ подавленнымъ.

Когда славянскіе народы Турціи заявили свое сопротивленіе, ихъ борьба руководилась вовсе не общеславянскимъ сознаніемъ,—которое хотятъ иногда указывать въ немъ, а чисто мѣстнымъ, ближайшимъ интересомъ. Въ то время не было слышно о „славянской идеѣ“,

борьба шла за возстановленіе старой свободы, за уничтоженіе настоящаго тяжелаго и постыднаго ига. Единственнымъ славянскимъ народомъ, съ которымъ они могли чувствовать себя близкими, были русскіе, какъ единовѣрцы и какъ сильное государство, которое само усердно воевало съ Турціей и могло имъ помочь; но русскіе были далеко, и обширное переселеніе сербовъ направилось въ придунайскія земли Австріи, съ которой соединяли ихъ и давнія политическія связи. Россія, съ своей стороны, въ войнахъ и договорахъ съ Турціей не забывала о балканскихъ славянахъ, но только какъ единовѣрцахъ. Покровительство имъ было естественнымъ покровительствомъ своей господствующей религіи; объ этихъ единовѣрцахъ помнили еще со временъ московскаго царства, куда турецкіе христіане, славяне и греки ходили за подаяніями и съ жалобами на притѣсненіе невѣрныхъ; но мысль о національной солидарности или не существовала здѣсь вовсе, или мелькала очень неяснымъ образомъ. Сочувствія южно-славянскихъ племенъ къ единовѣрной и сильной Россіи брались иногда въ разсчетъ, но только какъ внѣшняя посторонняя случайность, которая могла быть подспорьемъ въ нашихъ столкновеніяхъ и спорахъ съ Турціей. Не разъ бывало, что русскіе случайно, только при самой встрѣчѣ съ балканскимъ славянствомъ, узнавали о сочувствіи, какимъ пользуются съ ихъ стороны. Такъ было въ дѣлахъ оффиціальныхъ, и то же было во мнѣніяхъ общества, или даже было еще меньше,—потому что дипломатическія свѣдѣнія и соображенія считались если не государственной, то канцелярской тайной, и свѣдѣнія общества ограничивались отрывочными, случайными извѣстіями и слухами.

Вопросъ рѣшался по религіознымъ соображеніямъ (Россія пріобрѣтала право покровительства христіанскимъ подданнымъ Турціи), по соображеніямъ политическимъ,—но вовсе не національно-племеннымъ: въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можно было стремиться только къ прямому уничтоженію Турціи и замѣнѣ ея туземно-національными государствами; между тѣмъ и Россія, если думала уничтожать Турцію,—какъ въ фантазіяхъ „греческаго проекта",—то не для болгарской реставраціи; въ нынѣшнемъ столѣтіи Россія даже сама заботилась о „цѣлости" и „независимости" Турціи: въ первой четверти столѣтія она не дала ни малѣйшей поддержки греческому возстанію и даже осудила его на принципѣ „законности", проповѣдуемой священнымъ союзомъ подъ руководствомъ Меттерниха; во-второй четверти — поддержала Турцію противъ возмутившагося Египта на подобномъ же основаніи.

Мы указываемъ этотъ характеръ фактовъ потому, что онъ выяс-

няетъ, что мысль обще-славянской солидарности для самихъ славянъ была вообще мысль новая. Активная борьба у однихъ противъ турокъ, — у другихъ противъ нѣмцевъ и венгровъ,—была дѣломъ бытовой, реальной потребности, велась въ одномъ извѣстномъ кругѣ, съ извѣстными противниками. Теоретическое опредѣленіе національной связи и солидарности дано было уже новѣйшимъ вліяніемъ европейскихъ политическихъ теорій и событій, и новѣйшимъ изученіемъ славянами другъ друга. Такимъ образомъ, въ славянскомъ возрожденіи, во-первыхъ, шелъ естественный національно-политическій процессъ, и, во-вторыхъ, въ немъ не было ничего, спеціально и исконно противо-европейскаго: споръ идетъ только о пріобрѣтеніи или расширеніи политической свободы и права, а не о введеніи и проповѣди новой цивилизаціи. — Эта послѣдняя проповѣдь есть дѣло новѣйшей теоретической утонченности; она являлась тамъ, гдѣ былъ досугъ для этихъ утонченностей, и гдѣ отсутствовала свобода практической дѣятельности, взамѣнъ которой и развивалась страсть къ теоріямъ.

Въ настоящее время несомнѣнно ходитъ въ умахъ представленіе о національной связи и солидарности славянскихъ племенъ; оно играло свою роль въ подготовленіяхъ настоящей войны и въ глазахъ Европы даетъ ей панславистическій и чуть не революціонный характеръ. Но, какъ мы не разъ уже о томъ говорили, дѣло понимается у насъ въ большинствѣ случаевъ крайне ошибочно, и съ большой примѣсью фантазіи.

Общество какъ-то вдругъ открыло эту связь, которою прежде такъ мало интересовалось; и вдругъ нашло, что здѣсь-то и заключается главный нервъ всего нашего національнаго бытія. Мы рѣшили, что великая идея отнынѣ въ нашихъ рукахъ, и уже готовились собирать ея плоды. Но, къ сожалѣнію, великія идеи не даются такъ легко. Онѣ требуютъ труда—прежде всего надъ самими собой... Это начало мы сочли ненужнымъ, и прежде всего рѣшили, что съ признаніемъ нашихъ славянскихъ связей непремѣнно нужно сдѣлать вызовъ европейской цивилизаціи. За отсутствіемъ прямого дѣла, значительная часть общества принялась фантазировать на эту тэму, — что́ не требовало никакого труда и было очень пріятно. Но очевидно, что дѣлать упомянутый вызовъ было ребячество, потому что будущая славянская цивилизація, если она и будетъ какая-нибудь особенная, будетъ очень неразсудительна, если станетъ пренебрегать тѣмъ, что́ сдѣлано европейскою. Теорія славянскаго единства, такимъ образомъ понимаемая, пріобрѣтала черты самаго непривлекательнаго обскурантизма, съ которымъ соединяется, какъ обыкновенно, великое самомнѣніе и отсутствіе терпимости. Но наши теоретики этого сорта

очень ошибаются, если думають, что этими качествами могутъ привлечь западное и южное славянство.

Славянская солидарность и единство въ образованіи могутъ имѣть будущность только на почвѣ широкаго общественно-политическаго развитія и успѣховъ свободной литературы, какихъ мы, къ сожалѣнію, еще далеко не имѣемъ. Мы можемъ служить славянству своей матеріальной помощью; наша сила можетъ производить на нихъ могущественное впечатлѣніе; но это еще не есть культурное могущество, и въ настоящій моментъ мы едва ли готовы взять на себя роль руководителей славянства, какими хотятъ быть наши теоретики; или если возьмемъ ее, она можетъ оказаться намъ еще не по силамъ. Для этой роли нужно нѣчто бо́льшее, чѣмъ то, что́ можетъ въ настоящую минуту представить наше внутреннее общественное содержаніе. Матеріальная сила не можетъ одна покрыть все, чего еще не достаетъ намъ въ общественно-политическомъ отношенія, а тѣ общественныя свойства, которыхъ намъ еще не достаетъ дома, именно составляютъ предметъ первостепенной важности и въ нашихъ отношеніахъ къ славянскимъ единоплеменникамъ. Недавнія встрѣчи наши съ южнымъ славянствомъ показали, что во взаимномъ пониманіи оказались большіе недочеты, и наше „славяно-цивилизаторское“ значеніе явилось не въ очень благопріятномъ свѣтѣ.

Мы, какъ общество, не задумались взять на себя роль старшихъ братьевъ относительно сербовъ,—и въ результатѣ получилось крупное недоразумѣніе, непріязненное чувство съ обѣихъ сторонъ. Оказалось, что общество—конечно подъ вліяніемъ условій своей дѣятельности—могло выслать на помощь имъ далеко не лучшіе свои элементы. И, кромѣ того, оказалось, что мы не съумѣли понять народнаго характера, и вынесли даже непріязненное чувство къ „братьямъ“.

Знаемъ ли мы теперь достаточно другихъ братьевъ—болгаръ? Не возможны ли и здѣсь, и уже не происходятъ ли такія же недоразумѣнія?

Этотъ вопросъ поставить необходимо, потому что и теперь, среди страшныхъ событій, трагическихъ для несчастнаго болгарскаго народа, все еще слышатся недоумѣнія, и общество не знаетъ—кому отдается наша помощь, уже стоившая столь громадныхъ жертвъ, и русскихъ и болгарскихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣйствительные факты,—народные характеры и стремленія, историческія условія и требованія,—скажутся въ свое время,—хотимъ мы или нѣтъ признавать ихъ; но здравый смыслъ совѣтуетъ, что чѣмъ раньше постараться понять ихъ, тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе мы будемъ содѣйствовать истиннымъ потребностямъ историческаго развитія, или тѣмъ скорѣе избавимъ

себя отъ тяжелыхъ разочарованій, если до сихъ поръ не хотѣли видѣть истины. Для этого и необходимо знать, съ кѣмъ и съ какой исторіей мы имѣемъ дѣло.

Къ сожалѣнію, съ самаго начала, какъ только событія коснулись почвы балканскаго славянства, появились признаки незнанія или просто грубаго невниманія къ чужой народной личности, которому ничего не стóитъ тотчасъ выступить съ обвиненіемъ и враждой. Истолкователями событій явились корреспонденты, бóльшей частью тѣ же самые, которые столь неудачно разъясняли намъ событія прошлогоднія. Къ сожалѣнію, большинство ихъ и на этотъ разъ не показало больше пониманія; трудно было замѣтить, чтобы это большинство приготовилось къ своему дѣлу,—хоть бы прочитавши что-нибудь о странѣ, о народѣ и его исторіи. Бóльшей частью, это были питомцы той мелочной литературы, которая разрослась у насъ въ послѣдніе годы какъ бурьянъ и, забывши лучшія преданія, стала податлива на воинственную похвальбу, самодовольство и, при ничтожествѣ собственныхъ политическихъ понятій, смѣло судила и рядила о чужихъ народахъ... Мы помнимъ, что на первыхъ же порахъ одинъ корреспондентъ заявилъ, какъ извѣстную вещь,—что болгарамъ „вообще“ не слѣдуетъ „очень довѣрять“, что такъ будто и поступаютъ русскіе военные начальники. Не можемъ придумать, какъ послѣ такого „вообще“ корреспондентъ понималъ всю войну, начатую именно за этихъ болгаръ. Корреспондентъ не подумалъ, что военные начальники „вообще“ могутъ очень многимъ не довѣрять; когда требуется военная тайна, то не довѣряютъ даже ближайшимъ и, обыкновенно, довѣреннѣйшимъ людямъ. Тайна плана дунайской переправы была такъ скрываема, что, кажется, даже командиры корпусовъ не знали ни мѣста ея, ни времени. Военные начальники были въ полномъ правѣ не довѣрять и болгарамъ, потому что естественно было думать, что иные изъ нихъ, по своимъ старымъ личнымъ интересамъ, дружили туркамъ, иные боялись стать противъ нихъ изъ давнишняго страха. Военные начальники не имѣли досуга разбирать — въ *эту* минуту — кто изъ нихъ врагъ, кто другъ. Но корреспондентъ не имѣлъ ни малѣйшаго нравственнаго права, въ первый разъ увидѣвъ болгаръ, благовѣстить, что будто бы имъ „вообще“ нельзя довѣрять. Самъ корреспондентъ не имѣлъ, конечно, никакого понятія о томъ, что̀ за люди эти болгары... Нечего объяснять, какъ „вообще“ ненавистны подобныя огульныя обвиненія,—они еще болѣе ненавистны въ отношеніи къ несчастнѣйшему народу, который и тогда и теперь былъ буквально на волосъ отъ полной гибели. Вслѣдъ затѣмъ корреспонденты, „вообще“, за немногими исключеніями, узнававшіе болгаръ те-

перь въ первый разъ (какъ весь средній уровень нашей интеллигенціи) заявили, что болгары страшно трусливы—то самое обвиненіе, которое въ прошломъ году эти корреспонденты взводили на сербовъ и которое опровергали другіе, не-славянскіе корреспонденты, напр. англійскіе. Съ тѣхъ поръ, оказывалось, корреспонденты наши ничему не научились.

Только позднѣе нѣкоторыхъ нашихъ критиковъ стала отчасти осѣнять мысль, что до обвиненія слѣдуетъ взглянуть на тѣ обстоятельства, среди которыхъ живетъ обвиняемый народъ. Дѣйствительно, довольно припомнить почти пятисотлѣтнее иго, совершенно безправное существованіе подъ крайнимъ произволомъ, выполняемымъ съ каннибальской жестокостью, и всякій недеревянный человѣкъ долженъ почувствовать прежде всего величайшее состраданіе къ племени, всѣми забытому и покинутому. Нынѣшняя война страшно напоминаетъ о томъ, каковы были господа, повелѣвавшіе этимъ народомъ въ теченіи половины тысячелѣтія. Прежде чѣмъ обвинить этихъ людей въ недостаткѣ, надо отдать справедливость той силѣ хотя пассивнаго сопротивленія, которая не дала племени погибнуть совсѣмъ или отуречиться. Народъ не только уцѣлѣлъ, но умѣлъ поддержать извѣстную культуру, пріобрѣсти усиленнымъ трудомъ извѣстную степень благосостоянія, наконецъ—среди условій, почти невозможныхъ—начать работу своего духовнаго возрожденія, основать школу, сдѣлать опытъ научнаго образованія и литературы.

Къ счастію, уже вскорѣ явились опроверженія противъ этого обвиненія, брошеннаго на весь народъ. Оффиціальныя свѣдѣнія говорили, что болгарскій легіонъ показалъ мужество, какого только можно было желать; болгарскій легіонъ вынесъ на себѣ отступленіе изъ Эски-Загры; объявленіе генерала Столѣтова о битвахъ на Шипкѣ, гдѣ остатки болгарскаго легіона вмѣстѣ съ русскими выдержали первые дни, самымъ категорическимъ образомъ опровергло обвиненія, указавъ, какіе безстрашные энергическіе воины были эти люди, только-что вступившіе въ военную школу.

Не однихъ нашихъ, но и другихъ корреспондентовъ, попавшихъ въ первый разъ въ Болгарію, удивило замѣчательное благосостояніе сельскаго населенія. Простодушные корреспонденты, очевидно никогда не читавшіе ни одной книги о Болгаріи, ожидали встрѣтить болгаръ забитыми нищими, и изумились, увидѣвъ, что „угнетенный" болгаринъ жилъ такъ, что ему очень могъ бы позавидовать не только бѣдный русскій крестьянинъ, но и западный. Въ селахъ видѣли вообще значительное довольство, опрятные домá, прекрасныя поля, огороды, виноградники, фруктовые сады, стада и т. д. Мель-

кала мысль, нуждаются ли болгары въ освобожденіи? Безъ сомнѣнія, было прискорбно воспоминаніе о народныхъ массахъ самого освобождающаго государства,—но усумниться въ необходимости освобожденія еще разъ было примѣромъ нашего незнанія... Благосостояніе болгаръ было въ сущности лишній резонъ за освобожденіе. Оно свидѣтельствуетъ только о трудолюбіи народа, которое умѣло достичь благосостоянія, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, и о благодатной природѣ страны, богато вознаграждающей трудъ. Но остается фактъ, что если болгаринъ владѣетъ своимъ достояніемъ, то это небольше какъ счастливый случай, такъ какъ его ничто не обезпечиваетъ отъ грабежа и всякаго насилія. Дунайская Болгарія вообще, кажется, поставлена была нѣсколько лучше въ этомъ отношеніи,—или по близости европейскаго сосѣдства, вліявшаго на турецкіе порядки, или отъ меньшей густоты мусульманскаго населенія. Здѣсь жизнь и собственность райи были, повидимому, больше обезпечены, чѣмъ въ Румеліи и Македоніи, Босніи и Герцеговинѣ; хотя и здѣсь разселеніе между болгарами черкесовъ было истиннымъ бѣдствіемъ.—Безпристрастные наблюдатели, какъ англійскія путешественницы г-жи Мэккензи и Ирби, видѣвшіе Болгарію пятнадцать лѣтъ назадъ, ожидали для болгаръ самой блестящей культурной будущности, если они получатъ нѣкоторую свободу для своего развитія,—и, надо прибавлять теперь, если не будутъ истреблены. И дѣйствительно, болгары несомнѣнно доказали, что достойны владѣть почвой своей страны, — какъ турки доказали противное. — Тѣхъ же англійскихъ путешественницъ, и нашего русскаго, Гильфердинга, поражала та всеобщая и ужасная печать разрушенія, которую оставляли турки вездѣ, гдѣ являлись между славянскимъ населеніемъ.

Когда русскія войска вступили въ Болгарію, они приняты были несчастными болгарами съ восторгами радости. Имъ показалось тогда, что освобожденіе уже рѣшено, и предполагаемые освободители, на которыхъ давно возлагалась народная надежда, какъ на единственное спасеніе, встрѣчены были съ изъявленіями сочувствія, благодарности, которыя были вѣроятно по-истинѣ трогательны. Такъ разсказывалось о вступленіи русскихъ въ Систово, въ Терново, между прочимъ и тѣми самыми корреспондентами, которые недавно, изъ Бухареста, поучали насъ, что болгарамъ „вообще“ довѣрять нельзя. Восторгъ болгаръ былъ естественъ; еще не думалось о томъ, что дѣло только начато, что еще предстояла трудная борьба, съ возможными перемѣнами счастія— и неизвѣстнымъ концомъ. Ни приходившіе, ни встрѣчавшіе не думали о завтрашнемъ днѣ. Но потомъ, мы опять слышали отзывы, что болгары относятся къ русскимъ не всегда съ этимъ дружелюбіемъ,

что, напротивъ, они становятся недовѣрчивы, не только не дѣлають встрѣчъ, но отдаляются отъ русскихъ и держать себя „двусмысленно". Тупоумные корреспонденты (за немногими исключеніями) не понимали, отчего болгары не подносятъ имъ цвѣтовъ и не угощаютъ ихъ. Страшные факты начали разъяснять истину: когда послѣ Плевны русскія войска очищали ту или другую мѣстность, когда ожидали, что будетъ очищено и Терново, древняя столица болгарскаго царства, готовившаяся сдѣлаться столицей новой освобожденной Болгаріи—тогда и для нашихъ наблюдателей стало дѣлаться понятнымъ, что для болгаръ идетъ рѣчь о жизни и смерти. Въ каждомъ мѣстѣ, которое было занято и потомъ оставлено русскими, произошли страшныя, нечеловѣчески гнусныя репрессаліи, которыми турки мстили за фактическія или предполагаемыя сочувствія къ русскимъ. Со времени отступленія русскихъ изъ-за Балканъ совершается—непрерывное истребленіе болгарскаго народа. Ужасы Эски-Загры и всей долины Тунджи, событія въ Ловчѣ и во множествѣ болгарскихъ мѣстечекъ и городовъ, возвращающихся въ турецкія руки, страшно напоминають о томъ, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло. На дняхъ (10 сентября н. ст.) мы читаемъ разсказъ англійскаго корреспондента, который проѣхалъ долину Тунджи и на пространствѣ 40 миль не встрѣтилъ ни одной болгарской души. Европейская исторія—развѣ со временъ ужасовъ тридцатилѣтней войны, не помнитъ такихъ страшныхъ положеній, какъ нынѣшнее положеніе болгаръ. Теперь всѣмъ понятно, что они могли основательно страшиться сближенія съ русскими; пишутъ, что они горько жаловались, что русскіе ихъ бросаютъ...

Мудрено загадывать о будущемъ, и мы хотимъ здѣсь только отмѣтить нѣкоторыя черты настоящаго и недавно прошедшаго; къ сожалѣнію, мы научаемся чему-нибудь, только оглядываясь на прошедшее.

Съ первыхъ шаговъ русскаго войска, въ занятыхъ мѣстностяхъ вводилось русское управленіе, съ участіемъ мѣстныхъ представителей. Это была понятная необходимость, потому что нельзя было оставить страну въ состояніи анархіи; а главное—по русскимъ планамъ это было начало болгарской автономіи.

Предположивъ удачный ходъ и успѣшное окончаніе нашего предпріятія, „русскому управленію" предстояла задача трудная, но высокая—начать дѣло гражданскаго развитія въ народѣ, который, послѣ многихъ вѣковъ политическаго небытія, долженъ былъ воскреснуть къ новой цивилизованной жизни, къ національной самобытности. До сихъ поръ мы очень мало знали о томъ, какъ исполнялось это дѣло,

и не знаемъ, будетъ ли оно довершено. Относительно сдѣланнаго доселѣ, писали только, что предприняты были, подъ руководствомъ князя Черкасскаго, въ коммиссіи, составленной изъ русскихъ и болгаръ, работы для изученія положенія Болгаріи подъ турецкимъ управленіемъ, результатомъ которыхъ было начатое изданіе „Матеріаловъ для изученія Болгаріи“. Изъ газетъ извѣстно было о назначеніи губернаторовъ изъ болгаръ въ занятыхъ городахъ, Систовѣ, Терновѣ, а также и въ незанятыхъ, какъ Филиппополь и Рущукъ; о назначеніи городскихъ совѣтовъ изъ мѣстныхъ жителей и т. д., подъ надзоромъ русскихъ военныхъ чиновниковъ. Но—c'est le ton qui fait la musique, а объ этомъ тонѣ доходили только отрывочные слухи. Говорили, что болгары были чрезвычайно обрадованы новымъ порядкомъ вещей (пока предполагали его будущую прочность). Но повидимому и на первое время дѣло не обошлось безъ недоразумѣній, какія въ послѣднихъ событіяхъ такъ часто происходили въ нашихъ отношеніяхъ къ славянскимъ братьямъ. Мы вообще склонны смотрѣть на нихъ свысока, и тѣмъ безъ сомнѣнія отталкиваемъ ихъ отъ себя; какъ ни подавлено политическое положеніе болгаръ, они въ правѣ отъ насъ, какъ народа братскаго, ждать уваженія къ себѣ, своимъ мѣстнымъ интересамъ, а ихъ ужасное политическое состояніе требуетъ еще уваженія къ несчастію. Въ частныхъ отношеніяхъ съ ними нашихъ соотечественниковъ недоставало, повидимому, такта—стать съ ними въ прямую, открытую близость: мы читали по крайней мѣрѣ (еще за первое время), что болгары дичились и боялись высказывать даже свои дружескія расположенія къ русскимъ, которые, съ своей стороны, не умѣли устранить этой неловкости и боязни—другими словами, не умѣли стать съ ними въ настоящее отношеніе „славянскаго братства“. Другіе—стали совсѣмъ странно, и явились съ тѣми самыми свойствами, къ какимъ привыкли дома. Газеты разсказывали объ одномъ военномъ чиновникѣ при мѣстномъ управленіи, который, по учрежденіи городского совѣта, увидѣлъ, что онъ мало посѣщается мѣстными представителями, пришелъ въ негодованіе и объявилъ болгарамъ, что будетъ „наказывать“ ихъ за неявку. Газеты называли мѣсто дѣйствія и имя дѣятеля. Это могъ быть единичный примѣръ, исключеніе. Но жаль, что въ управленіи могли быть люди, способные къ такимъ ошибкамъ. Въ дѣятелѣ нельзя не узнать нашего усерднаго исполнителя начальственныхъ приказаній; онъ не думаетъ ни мало о сущности дѣла, которое ему поручено, и желаетъ только командовать: „гражданское управленіе“ вовсе, конечно, не желало дѣлать своихъ чиновниковъ подобіемъ капитанъ-исправниковъ. Дѣятель не подумалъ, что у освобождаемаго народа, страшно запуганнаго, не-

льяя вводить „самоуправленіе" съ помощью начальственныхъ окриковъ и наказаній... Къ несчастію, уже вскорѣ последовавшія событія показали, что мѣстные жители могли имѣть очень основательныя опасенія — заявлять слишкомъ большую ревность въ „самоуправленіи": въ мѣстностяхъ, гдѣ были русскіе и куда потомъ приходили турки, происходило поголовное вырѣзываніе всѣхъ, кто вступалъ въ сношенія съ русскими. А нашъ дѣятель собирался „наказывать" несчастныхъ, которые по горькимъ опытамъ боялись присутствія русскихъ, если его нельзя было считать прочнымъ освобожденіемъ страны. Вскорѣ случилось, что само гражданское управленіе перешло изъ Тернова въ Систово, т.-е. удалилось изъ центра страны (газеты впослѣдствіи приносили слухъ о выходѣ въ отставку князя Черкасскаго и даже объ упраздненіи гражданскаго управленія). Мы привели упомянутый случай потому, что въ немъ отражается отношеніе къ славянству у людей того нашего средняго уровня, который, не слыхавши прежде ни о какихъ славянахъ, въ послѣднее время воспитывался большинствомъ газетъ въ величайшемъ самомнѣніи относительно славянства и въ полнѣйшемъ непониманіи положенія—и чужого, и своего. Нельзя глубоко не пожалѣть объ этомъ, когда рядомъ, для этого славянскаго дѣла русскіе воины бьются „какъ боги", по выраженію англійскаго корреспондента, и приносятся громадныя жертвы русской крови.

Въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ нашихъ газетъ недавно заговорилъ объ „избавителяхъ и избавляемыхъ" корреспондентъ, который былъ самъ „очевидцемъ": онъ указываетъ то вообще неудовлетворяющее и непріятное впечатлѣніе, которое послѣдніе очень часто производили и производятъ на первыхъ, приводитъ извѣстныя осужденія противъ болгаръ. По словамъ разсказчика, русскіе справедливо жаловались на недостатокъ сочувствія со стороны болгаръ: самыя торжественныя встрѣчи были натянутыя и дѣланныя,—искренно увлекались только женщины и новѣйшее поколѣніе, дѣти; сами болгары держались осторожно, какъ будто недовѣрчиво, не задумывались брать съ русскихъ въ-три-дорога, какъ дѣлалось и въ Румыніи; бѣгали, когда бы могли оказать сопротивленіе шайкамъ баши-бузуковъ и т. п. Но, съ своей стороны, авторъ беретъ однако болгаръ подъ свою защиту, ссылаясь на примѣры ихъ храбрости (ее хвалили хорошіе цѣнители, русскіе солдаты, рядомъ съ которыми они сражались) и объясняя ихъ запуганность и другіе недостатки тяжкимъ игомъ. Все это очень справедливо, и надо желать, чтобы безпристрастіе чаще осѣняло нашу пишущую братію на Дунаѣ. Только этимъ путемъ, добросовѣстно вникая въ чужое положеніе и свои собственныя

дѣла, мы научимся понимать вещи по-человѣчески, и отучимся отъ поэтическихъ и мистическихъ блужданій и самохвальства, въ которомъ столько исконнаго самодурства. Мы видимъ теперь, что война не есть парадъ и „ученье“, требуетъ не однихъ „лихихъ“ подвиговъ и молодечества, но самаго серьёзнаго напряженія народныхъ силъ, самой строгой обдуманности, сопровождается самыми тяжкими потерями и бѣдствіями. Такъ и „освобожденіе“ родственнаго народа состоитъ не въ однихъ церемоніальныхъ встрѣчахъ и торжествахъ, въ осыпаніяхъ цвѣтами и угощеніяхъ; нѣтъ, надо увидѣть и темныя, прискорбныя стороны людей и вещей, увидѣть явные признаки народнаго упадка,—и не охладѣть къ дѣлу. Вѣдь этотъ упадокъ и есть то самое угнетеніе, отъ котораго мы хотимъ освобождать: найдемъ же въ себѣ достаточно терпимости и убѣжденія, чтобы подать помощь народу не только матеріальнымъ оружіемъ. Вспомнимъ исторію: времена татарскаго ига отразились и въ нашей собственной исторіи извѣстнымъ упадкомъ народнаго характера, и, быть можетъ, мы еще не вполнѣ исцѣлились отъ него и до сихъ поръ; поѣздки князей въ орду, униженіе передъ ханами, дани и „выходы“—все это не возвышало характеровъ; но татарскіе ханы были все-таки далеко, а здѣсь турокъ былъ на каждомъ шагу, и чувство рабства подновлялось каждую минуту. Справедливо ли требовать теперь, чтобы народъ моментально измѣнился, сбросилъ съ себя и робость передъ старымъ угнетателемъ, или ту испорченность, которая легла на извѣстный слой болгарскаго общества. И возможны ли такія моментальныя перерожденія—особенно, когда свободы все еще нѣтъ, когда изъ-за нея идетъ тяжелая, гнетущая сомнѣніями борьба, когда неизвѣстно, что̀ будетъ дальше?

Наши положенія и роли—громаднаго государства и политически ничтожнаго, безправнаго племени въ чужомъ азіатскомъ государствѣ—такъ неровны, что для нашего національнаго и общественнаго достоинства требуется особенно деликатное отношеніе къ этому племени,—особенно въ его страшномъ настоящемъ положеніи. Неужели намъ нужно настаивать на своемъ превосходствѣ, диктаторски указывать на свою силу и т. д.,—это должно быть и безъ того понятно, и доказываться должно инымъ образомъ—нашими военными успѣхами. Наше достоинство, напротивъ, требуетъ мягкаго отношенія къ племени, терпимости и дружелюбнаго снисхожденія къ тому, что̀ въ умственномъ состояніи народа могло бы казаться намъ незрѣлымъ, ложнымъ, ребяческимъ. Есть ли это отношеніе?

Въ первой встрѣчѣ, повидимому, опять оказались примѣры взаимнаго непониманія, какъ въ прошломъ году съ сербами. До

тѣхъ поръ между ними было слишкомъ мало связей, которыя бы дали общую почву внѣ часто-политическаго вопроса. За немногими исключеніями, намъ были совсѣмъ неизвѣстны движенія въ болгарской „интеллигенціи"; знали только, что есть какіе-то старо-болгары и младо-болгары, что существуетъ въ Бухарестѣ какой-то болгарскій комитетъ, гдѣ есть и старые, и молодые; комитетъ—въ своей молодой части вѣроятно показался нашимъ наблюдателямъ чѣмъ-то ребяческимъ и ничтожнымъ; а другіе, быть можетъ, нашли въ немъ и опасный революціонный характеръ. По слухамъ, къ младшей части этихъ комитетовъ или болгарской „интеллигенціи" отнеслись наши соотечественники очень строго, даже презрительно. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ точныхъ фактовъ; мы не знаемъ также и лицъ. Очень возможно, что въ болгарской молодой интеллигенціи было и есть нѣчто ребяческое, былъ неприложимый ни къ какому настоящему дѣлу радикализмъ, соціалистическія мысли, заимствованныя изъ западнаго движенія и непонятныя и ненужныя народу. Нѣкоторые очевидцы разсказывали, что „молодая Болгарія" производила впечатлѣніе мечтателей, легковѣрно преувеличивавшихъ факты, питавшихъ маловозможныя ожиданія, и между прочимъ преувеличивавшихъ свою собственную важность.

Мы слышали даже рѣзкіе отзывы объ этой „молодой Болгаріи", которые, пожалуй, могли объяснять и оправдывать упомянутую суровость и пренебреженіе къ ней русскихъ авторитетовъ. Мы готовы согласиться, и отчасти знаемъ это по нѣкоторымъ болгарскимъ изданіямъ, что въ болгарскомъ молодомъ поколѣніи есть эти признаки рутиннаго радикализма; но при всемъ томъ не понимаемъ презрительнаго отношенія къ нему съ *нашей* стороны. На подобныя явленія могутъ быть двѣ точки зрѣнія—точка зрѣнія сыскной полиціи, которая можетъ сдѣлать преступленіе изъ всякаго мелочного слова, и точка зрѣнія серьёзнаго политическаго человѣка, который сочтетъ ниже себя точку зрѣнія, упомянутую сейчасъ, и посмотритъ на дѣло шире, какъ на явленіе, имѣющее свою причину въ обстоятельствахъ времени и мѣста.

При этомъ опять вспоминается все несчастное положеніе. Въ недавнемъ прошломъ (о настоящемъ не говоримъ,—это одно страшное бѣдствіе, гдѣ замолкло все обычное теченіе жизни), въ Болгаріи обнаруживалось сильное стремленіе къ образованію; оно засвидѣтельствовано было большимъ числомъ школъ, основанныхъ самими болгарами подъ всѣми неблагопріятными условіями; засвидѣтельствовано расширеніемъ литературной дѣятельности, которая начала уже доставлять и хорошій общеобразовательный матеріалъ и серьёзные уче-

ные труды; но болгары не имѣли, и не могли имѣть никакой школы для высшаго образованія.

Молодыя поколѣнія, искавшія этого образованія, предоставлены были случаю; конечно, только немногіе изъ тѣхъ, кто бы желалъ, попадали въ высшія школы—иностранныя, кто въ Парижъ, Вѣну, Берлинъ, кто въ Москву или Кіевъ. Эта школа, пройденная внѣ связи съ своей землей, не могла иногда не производить того результата, какой такъ легко производится удаленіемъ отъ своего общества, отъ народныхъ связей, особенно въ впечатлительные годы молодости; въ чужой школѣ пріобрѣтались понятія, которымъ еще не было мѣста въ народной жизни дома, новыя европейскія понятія развивали еще сильнѣе жажду свободы для своего народа, но нечего говорить, могли ли они дать какое-нибудь удовлетвореніе—отсюда мечтательность, возбужденіе фантазіи, преувеличеніе. Изъ иностранной литературы молодыя поколѣнія вычитывали и тотъ отвлеченный радикализмъ, изъ котораго дѣлаютъ противъ нихъ тяжкое обвиненіе, и который вѣроятно вовсе не столь опасенъ... Что въ самомъ дѣлѣ можетъ означать этотъ радикализмъ молодыхъ поколѣній, какъ не молодое броженіе, осужденное оставаться безплоднымъ мечтаніемъ за невозможностью реальной работы дома въ смыслѣ своихъ идеаловъ? Мысль объ освобожденіи не могла не волновать этихъ поколѣній: первое элементарное сознаніе тотчасъ приводило къ этой мысли, но самая умѣренная степень освободительныхъ стремленій грозила имъ дома преслѣдованіемъ или просто убійствомъ. Болгарская эмиграція оставалась въ безотрадномъ нравственномъ состояніи,—и мудрено ли, что фантазія восполняла бѣдственное настоящее?

Неужели это нравственное состояніе должно вызвать не участіе, а высокомѣрное пренебреженіе? И особенно съ русской стороны, и теперь?

Эти молодыя поколѣнія занимались не однимъ теоретизированіемъ. Имъ казалось, что самоотверженіе можетъ спасти ихъ отечество: нѣсколько лѣтъ назадъ, группа юношей, въ нѣсколько десятковъ человѣкъ, думала, что можетъ поднять свою родину и освободить ее отъ ига: они переправились черезъ Дунай, направляясь къ Балканамъ и — погибли. Нынѣшняя война открыла новую перспективу, и, конечно, многія сотни юношей этого закала вступили въ „болгарскій легіонъ" и успѣли доказать свою глубокую любовь къ родинѣ за Балканами [1]) и на Шипкѣ. Было бы безсердечно карать ихъ

[1]) Изъ болгарскаго легіона въ 1,600 человѣкъ вернулось на Шипку только 500; быть можетъ, теперь ихъ только 5.

теоретическія ошибки, когда въ главномъ они вполнѣ правы — въ ненависти къ рабству и въ желаніи освободить свою родину; если они ошибаются, ихъ можно убѣждать, а не отталкивать. Да и обстоятельства не таковы, чтобы это было умѣстно.

Болгарскія дѣла еще разъ даютъ возможность наблюдать, насколько созрѣло наше „славянское сознаніе". Въ прошломъ году мы не умѣли спѣться съ сербами (или они съ нами, все равно); теперь оказывается, что мы не совсѣмъ понимали болгаръ; изъ газетныхъ отзывовъ о движеніи австрійскаго славянства видно, что мы не очень одобряемъ корватовъ,—не совсѣмъ нравятся и чехи; о полякахъ нечего и говорить. Одни только черногорцы пользовались полнымъ сочувствіемъ; но черногорцы — народъ, эпически первобытный — заняты были отчаянной борьбой съ турками и не заявляли никакихъ далекихъ програмкъ.

Взаимные раздоры славянства отмѣчены съ перваго появленія ихъ въ исторіи. Они дѣйствительно происходили не только между цѣлыми большими племенами, но и между частями одного племени. Наконецъ, исторія окончательно раздѣлила большія племена, и только новѣйшее время снова сблизило ихъ другъ съ другомъ, не только тѣмъ, что выставило новую политическую и образовательную силу въ національной идеѣ, но и тѣмъ еще, что вообще сдѣлало политическую жизнь народовъ болѣе открытой и общеизвѣстной, облегчило сношенія и передвиженіе желѣзными дорогами и телеграфами. Но національная идея есть обоюдуострое оружіе, или имѣетъ двѣ стороны, которыхъ у насъ никакъ не могутъ хорошенько понять. Если она даетъ сознаніе единства цѣлой расѣ, какъ напр., славянству; то, съ другой стороны, даетъ также и каждому отдѣлу расы стремленіе развить свои этнографическія особенности, слѣд., извѣстнымъ образомъ выдѣлить свою индивидуальность, и при этомъ отдѣльное племя нерѣдко стремится навязать и другимъ свою частную индивидуальность. Такъ, у насъ существуетъ манія обрусенія всякаго славянскаго элемента, подчиненнаго имперіи, а относительно другихъ славянъ предполагается, что объединяющее славянское начало есть именно русское, или, вѣрнѣе, великорусское племя.

Недавно было замѣчено весьма справедливо, что славянскіе раздоры, и новѣйшіе въ томъ числѣ, свидѣтельствуютъ только о недостаткѣ политическаго развитія. Такіе раздоры свойственны не одному славянству; племена романскія и германскія представляютъ такіе же примѣры; но тамъ уже пришли къ здравой мысли, что національные

оттѣнки имѣютъ все право существованія,—что они, въ сущности, составляютъ физіологическую, природную необходимость,—что „единообразіе" племени, языка, обычаевъ физически невозможно при большомъ разселеніи расы и связанномъ съ нимъ разнообразіемъ климата, почвы и сосѣдства. Напр., нѣмцы спокойно признаютъ, что швабъ не похожъ на берлинца, что обитатель береговъ Рейна не похожъ на вѣнца и т. д.; имъ даже нравится это разнообразіе, которое имъ кажется богатствомъ нѣмецкой природы; они съ интересомъ изучаютъ эти оттѣнки, какъ они выражаются въ нравахъ, обычаяхъ, народной поэзіи и т. д. Но это разнообразіе не мѣшало сознанію единства, которое было очень сильно, когда и не было закрѣплено политически.

У насъ, какъ мы сказали, „единство" понимается не иначе, какъ въ передѣлкѣ всѣхъ на московскій образецъ. Всѣмъ памятно, какъ послѣ усмиренія польскаго возстанія ревнители обрусенія принялись „поправлять" русскую народность западнаго края. Всѣмъ извѣстно, какъ поставлено дѣло русской народности въ южномъ краѣ...

Но притязанія нашихъ объединителей идутъ и гораздо дальше предѣловъ русской народности: ихъ теоретики вообще понимаютъ единство не иначе какъ въ московской окраскѣ.

Незнаніе о славянствѣ, эгоистическое невниманіе къ интересамъ и стремленіямъ частныхъ народностей въ средѣ нашего собственнаго племени поощряли насъ къ этому исключительно гегемоническому представленію. Надобно ожидать, что совершающіяся событія помогутъ разъясниться дѣлу. Дунайская война встрѣчена была съ величайшимъ сочувствіемъ во всемъ славянскомъ мірѣ, и примирила даже значительную долю польскаго общества, которая впервые отлагала ради великаго вопроса старую вражду. Но среди этихъ сочувствій и интереса все-славянскаго, стали ясно высказываться и болѣе тѣсные, частные интересы отдѣльныхъ племенъ. Это было очень естественно: каждый народъ думалъ о „своей рубашкѣ", и можно было понять, что они вовсе не думаютъ уступать своей индивидуальности никакимъ притязаніямъ родственнаго первенства. Будущая судьба Босніи, которую уже впередъ отняли у Турціи, стала предметомъ спора между хорватами и сербами (конечно спора, теперь еще очень теоретическаго). Хорваты сливали свой интересъ съ интересомъ Австріи, и показали исключительность, которой вѣроятно не уступаетъ и исключительность „велико-сербской" теоріи. Русскимъ наблюдателямъ казалось, что хорваты—такіе же поляки... Плевненская катастрофа опечалила нашихъ искреннихъ друзей между западными славянами; но другіе вынесли изъ нея только заключеніе, что

мы вовсе однако не такъ сильны... Люди, видѣвшіе вблизи западно-славянскія отношенія къ Россіи, говорили прямо, что, собственно говоря, тамъ очень къ намъ хладнокровны, и что Россія для западныхъ славянъ только „дойная корова".

Выраженіе—грубо, но фактъ подобнаго свойства несомнѣнно существуетъ: славяне стоятъ крѣпко за свои ближайшіе интересы и особенности.

Мы не склонны однако относиться съ пессимизмомъ къ западному славянству. Если нашимъ славянскимъ теоретикамъ „славянская идея" нашихъ западныхъ братьевъ кажется узкой и грубо-эгоистичной, то и имъ московская „славянская идея" должна казаться также притязательно-эгоистичной и не по праву самолюбивой. На дѣлѣ остается ясно, что ни мы еще не достаточно знаемъ своихъ братьевъ, ни они не понимаютъ, чтó такое Россія и русская внутренняя жизнь. Намъ предстоитъ еще изучать ихъ, и научиться понимать ихъ безъ всякаго участія мистическихъ теорій; имъ нужно ближе узнать насъ, и напр., научиться различать разные токи общественнаго мнѣнія, славянофильскія теоріи отъ понятій большинства и т. д. Относительно славянской идеи положеніе наше и западнаго и южнаго славянства весьма различно. Для нашихъ теоретиковъ славянская идея есть почти всегда лишь дѣло досужаго мечтательства; для тѣхъ—вопросъ существуетъ въ видѣ постоянной угрозы, каждодневной борьбы; мы больше питаемся идеалами; они—самыми реальными спорами съ обнимающимъ ихъ кругомъ чужихъ народностей и притязаній—на наши отвлеченности они не очень податливы.

Мы, конечно, упрямо держимся за свой идеалъ,—онъ такъ красивъ, даетъ такія заманчивыя перспективы. Но идеалъ рѣдко отвѣчаетъ дѣйствительности и возможности,—и нужно умѣрить идеалистическія удовольствія, чтобы завязать и укрѣпить настоящія, реальныя отношенія. Мы слишкомъ забывали эти простыя отношенія, и безъ сомнѣнія не потеряемъ, а выиграемъ, если дадимъ имъ больше вниманія, чѣмъ давали до сихъ поръ, отложивъ свои притязанія, постараемся войти въ дѣйствительное положеніе „братьевъ" и понять ихъ интересы. Присмотрѣвшись къ дѣйствительности южнаго и западнаго славянства, мы будемъ вѣроятно меньше требовать, но будемъ меньше разочаровываться.—Мы уже успѣли быть недовольными другъ другомъ. Одно, чтó можетъ насъ помирить и еще больше сблизить, это—бóльшее изученіе другъ друга, болѣе критическое отношеніе къ „славянской идеѣ", построенной нами по своему вкусу, не спросясь другихъ, и бóльшее вниманіе къ требованіямъ времени.

Возьмемъ примѣръ. Однимъ изъ главныхъ, или даже главнымъ

пунктомъ *нашей* славянской идеи является православіе, которое представляется единой славянской религіей. Кромѣ русскихъ, православію принадлежитъ южное славянство, но западные славяне почти безъ исключенія католики. Если послѣдовательно держаться *нашей*, т.-е. собственно московской теоріи, соглашеніе съ западнымъ славянствомъ невозможно, пока послѣднее остается католическимъ,—потому что, „какое общеніе Христу съ Веліаромъ?“ какъ говорилось у насъ въ старину. Итакъ, что же нужнѣе всего для водворенія единства? Очевидно — пропаганда православія. Славянофилы и вели ее въ своей теоріи и „отставной ротмистръ“ Хомяковъ былъ смѣло названъ ими „учителемъ церкви“. Но, очевидно, отвлеченно-книжная пропаганда слишкомъ недостаточна, а церковное православіе, какъ извѣстно, ни мало не мыслитъ о пропагандѣ. Но предположимъ, что пропаганда дѣйствительно начнется: съ противной стороны очевидно явится сильнѣйшее сопротивленіе, и религіознымъ споромъ мы раздѣлимъ народности еще больше, вмѣсто того, чтобы соединить ихъ.

Съ этой мыслью о православіи, какъ древнѣйшей и спеціально славянской религіи, въ празднествахъ славянскихъ комитетовъ въ послѣдніе годы вспоминалось имя Гуса—вслѣдствіе ученой теоріи, объяснявшей, что Гусъ, знаменитый предшественникъ реформаціи, былъ собственно возродителемъ православнаго преданія, такъ какъ нѣкогда чехи приняли христіанство отъ восточной церкви. Не одинъ разъ Гуса величали даже наши церковные ораторы, раздѣлявшіе идеи славянскаго комитета. Гусъ дѣйствительно былъ святой человѣкъ, но едвали въ смыслѣ, какой ему хотѣли дать, и славянскіе комитеты дѣлали странную натяжку, а можетъ быть и нѣкоторое лицемѣріе. Въ требованіяхъ Гуса были черты, совпадавшія съ формами православными; но сущность его ученія не исчерпывалась ими, и другими своими сторонами она съ православіемъ не сходилась; однимъ словомъ, у себя мы не одобрили бы Гуса, а въ то же время желаемъ чествовать его память. Послѣдовательнымъ развитіемъ ученія Гуса было стремленіе къ первобытному христіанству и потомъ реформа. Тѣмъ, кто чествовалъ Гуса, справедливо было замѣчено, что имъ слѣдовало бы вспомнить о русскомъ расколѣ... И очень сомнительно, чтобы наша церковь признала всего Гуса своимъ.

Далѣе, славянофильская теорія давала понять, что не совсѣмъ довольна существующей нашей церковной жизнью, и не отожествляетъ себя съ ней. Но въ такомъ случаѣ, отчего эта теорія, во-первыхъ, не направитъ своей ревности прежде всего на исправленіе этой церковной жизни, когда религіозный элементъ играетъ такую важную роль во всемъ вопросѣ народности и славянства, и какимъ образомъ, во-

вторыхъ, она будетъ требовать отъ другихъ славянъ принятія тѣхъ формъ (потому что другихъ фактически не существуетъ), съ которыми сама несогласна?

Словомъ, мы попадаемъ въ кругъ неясностей, противорѣчій, которыя должны бы быть рѣшены въ нашей жизни раньше, чѣмъ мы имѣли бы право налагать свои требованія на другихъ. Чтобы послѣднее стало возможно, нужна еще обширная внутренняя работа надъ собственной церковной жизнью, а эта работа не сдѣлана. Такимъ образомъ, соглашеніе съ славянствомъ отлагается въ очень долгій ящикъ,—да и потомъ могло ли бы произойти безъ упорной религіозной борьбы? Но эта борьба, новый домашній раздоръ, опять не увеличитъ ли раздѣленіе славянства, и не ослабитъ ли его въ борьбѣ съ чуженароднымъ напоромъ, противъ котораго именно мы хотимъ ему помогать и который—не ждетъ.

Но эта борьба и не нужна,—не только потому, что католицизмъ, вызванный на прямой споръ, оказалъ бы такую же фанатическую силу, какъ всякая религія, рѣзко задѣваемая; но главное потому, что наше время научаетъ другому рѣшенію религіозныхъ вопросовъ,—путемъ вѣротерпимости, которое, конечно, болѣе отвѣчаетъ истинной христіанской любви, чѣмъ схоластическое или бюрократическое зилотство. Въ самомъ католицизмѣ совершается процессъ, которому безъ сомнѣнія суждено преобразовать его исключительность. Въ западномъ славянствѣ католичество далеко не вездѣ ультрамонтанское (напр. особенно у чеховъ) и не только мирится съ національнымъ движеніемъ, но часто очень много ему служитъ (чехи съ своимъ католицизмомъ ухитрились совмѣстить сожиганіе папскаго изображенія, торжества въ память Гуса, Жижки и т. д.). Пусть просвѣщеніе все больше научаетъ вѣротерпимости и, оставивъ обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ свободу ихъ религіознаго чувства, научитъ ихъ соединять свои силы въ развитіи науки, общественнаго и политическаго благосостоянія.

Московской теоріи не нравится западная цивилизація. Но, какова она ни есть, западное славянство, знакомое съ нею, никакъ не пойметъ, какъ ее бросить. Оно хлопочетъ лишь о томъ, чтобы развить свои собственныя силы въ кругу этой цивилизаціи,—напр. хлопочетъ не о томъ, чтобъ у него была какая-нибудь особо изобрѣтенная наука, а чтобы была та же европейская наука на своемъ языкѣ для пользы своего народа. Объ изобрѣтеніи новой цивилизаціи тамъ думаютъ меньше, чѣмъ у насъ.

Не будемъ приводить другихъ примѣровъ, — и на этихъ можно видѣть, что на такомъ пути мы будемъ только больше удаляться отъ предположенной цѣли общаго сознанія славянскаго единства.

Мы не достигнемъ его, упрямо настаивая на своихъ исключительныхъ формулахъ; напротивъ, единство можетъ быть основано только на суммѣ народныхъ индивидуальностей, изъ которой обозначится само собою то, что можетъ быть между нами связующей нитью. Такимъ образомъ, прежде всего должны быть признаны эти индивидуальности, которыя создаются исторической почвой, и нарушеніе которыхъ будетъ само прямымъ отрицаніемъ солидарности и единства.

Многія изъ этихъ народныхъ индивидуальностей славянскаго міра находятся въ такомъ неразвитомъ состояніи (какъ босняки, герцеговинцы, словинцы, словаки), или въ такомъ приниженіи (какъ болгары), что ихъ повидимому трудно зачесть въ упомянутую сумму. При господствѣ московской теоріи нетрудно ожидать, что найдутся люди, которые пожелаютъ „поправлять" болгарскую народность, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ поправляли русскую народность западнаго края—поправлять, конечно, на московскій ладъ. Это будетъ напрасная, даже вредная работа: лишь бы они имѣли свободу, все сдѣлается само собою, естественнымъ вліяніемъ болѣе благопріятныхъ условій и образованія. А „поправки" всегда рискуютъ получить ненавистный характеръ,—какъ вмѣшательство въ чужую душу. Естественное влеченіе сдѣлаетъ больше и лучше, чѣмъ притязательная опека.

А. Н.

НЕКРОЛОГЪ

О. М. Бодянскій.

Въ первыхъ числахъ сентября умеръ въ Москвѣ Осипъ Максимовичъ Бодянскій, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ славистовъ — не только у насъ, но и во всей славянской литературѣ. Его имя извѣстно было въ ученомъ славянскомъ мірѣ, на ряду съ корифеями славистики.

Бодянскій родился въ 1808 г., 3-го ноября, въ Полтавской губерніи, въ мѣстечкѣ Варвѣ, лохвицкаго уѣзда. Онъ происходилъ изъ

духовнаго званія и учился въ полтавской семинаріи, находившейся тогда въ г. Переяславлѣ, и затѣмъ, уволившись изъ духовнаго званія, поступилъ въ 1831 г. въ московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1834 г. Въ половинѣ 1837 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацію: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ". Еще раньше, въ 1833 г., онъ, подъ псевдонимомъ Иська Материнки, издалъ книжку малороссійскихъ сказокъ („Наськи украинськи казки").

Въ то время возникла мысль объ основаніи въ нашихъ университетахъ славянскихъ каѳедръ, и Бодянскій, если не ошибаемся, первый отправленъ былъ за-границу, въ августѣ 1837 г., „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныя чѣмъ-либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также и въ Варшаву". Онъ посылался на два года, но потомъ срокъ его пребыванія въ славянскихъ земляхъ былъ продолженъ, такъ что Бодянскій возвратился въ Москву лишь въ половинѣ 1842 года. Въ концѣ октября этого года онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славянскихъ нарѣчій.

Съ этихъ поръ начинается его неустанная, плодотворная дѣятельность въ области русской исторіи и славянскихъ изученій. Въ 1843 г. онъ перевелъ знаменитую книгу Шафарика: „Славянское Народописаніе", которая вмѣстѣ съ его же „Древностями", впослѣдствіи также переведенными Бодянскимъ, имѣли великое значеніе въ изученіяхъ славянства, какъ первые цѣльные труды, обнимавшіе весь славянскій міръ и исполненные съ величайшимъ знаніемъ дѣла. Такое значеніе имѣли эти книги и въ нашей литературѣ.

Въ 1845 году Бодянскій перевелъ съ польскаго книгу Дениса Зубрицкаго: „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси" (М. 1845).

Еще съ 1837 года Бодянскій выбранъ былъ членомъ въ „Общество исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ". Въ февралѣ 1845 г. онъ былъ выбранъ въ секретари этого общества, и съ тѣхъ поръ оно впервые пріобрѣло важное значеніе въ нашей исторіографіи и изученіи славянства, и заслуга этого значенія принадлежала всего больше, почти исключительно, Бодянскому. Съ слѣдующаго же года онъ началъ издавать „Чтенія" этого общества, которыя съ перваго раза стали богатымъ запасомъ изслѣдованій и матеріаловъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по русской и славянской исторіи. Съ 1846 г. до октября 1848 г. Бодянскій успѣлъ издать 23 книги этого замѣчательнаго историко-филологическаго сборника. Но тутъ и съ изданіемъ и съ издателемъ произошла ката-

строфа. Изданіе остановилось; Бодянскій потерялъ и мѣсто секретаря въ „Обществѣ“, и профессуру въ московскомъ университетѣ.

Въ оффиціальной біографіи, помѣщенной въ юбилейномъ „Словарѣ московскихъ профессоровъ“ 1855 г., этотъ эпизодъ переданъ слѣдующимъ стилемъ формулярнаго списка: „по распоряженію г-на бывшаго министра народнаго просвѣщенія (гр. Уварова), Бодянскій перемѣщенъ въ казанскій университетъ тѣмъ же званіемъ, съ содержаніемъ, положеннымъ по штату того университета, и съ сохраненіемъ обязанности по службѣ по назначенію начальства не менѣе 12 лѣтъ, 1844 г., октября 28-го; съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія уволенъ отъ службы при казанскомъ университетѣ, съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, 1849 г., января 2-го; въ отставкѣ былъ, *безъ награжденія чиномъ*, съ 1849 г. января 9-го дня по 22 декабря того же года; Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству опредѣленъ по прежнему исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго университета, 1849 г., декабря 22-го дня“.

Въ переводѣ съ формуляра на обыкновенный языкъ, это означало слѣдующее. Въ послѣдней приготовленной тогда Бодянскимъ книгѣ „Чтеній“, онъ помѣстилъ переводъ знаменитой книги англичанина Флетчера, заключающей описаніе его путешествія въ Россію XVI вѣка. Въ то время, т.-е. не въ шестнадцатомъ, а въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, у насъ происходило особенное цензурное движеніе; разсказываютъ, что, кромѣ того, между начальствомъ московскаго учебнаго округа (въ вѣдѣніи котораго было и Общество исторіи и древностей) и министерствомъ просвѣщенія происходили пререканія, и что въ жару этихъ пререканій противъ московскаго округа было употреблено дѣйствительное оружіе—обвиненіе въ цензурномъ упущеніи (цензура изданій Общества принадлежала тогда самому начальству округа). Corpus delicti найденъ былъ въ путешествіи XVI-го вѣка, которое—замѣтимъ кстати—есть одна изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ во всей литературѣ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Книга „Чтеній“ была задержана; самое изданіе остановлено; Бодянскій вдругъ потерялъ оба свои мѣста, и профессуру, которая давала ему средства существованія, и секретарство въ Обществѣ, гдѣ онъ былъ самымъ ученымъ и самымъ ревностнымъ дѣятелемъ... Впрочемъ, онъ не совсѣмъ былъ лишенъ профессуры, а переведенъ изъ Москвы въ Казань. Одно сравненіе двухъ городовъ и двухъ университетовъ показываетъ, что этотъ переводъ былъ такъ-сказать дисциплинарнымъ наказаніемъ профессора; мѣстное самолюбіе, свойственное москвичу,

ченія, общество оказалось лишеннымъ свѣдѣній: вмѣсто реальнаго пониманія отношеній, его единственнымъ умственнымъ оружіемъ явились неясные племенные инстинкты и національное самодовольство, не знавшее хорошенько ни своихъ друзей, ни враговъ.

Бодянскій и Григоровичъ, уже принадлежащіе исторіи, являются намъ какъ ученые спеціалисты, которыхъ дѣятельность вращается въ научной отвлеченности, недоступной для массы общества. Но въ сущности, они не были такими схоластическими учеными, какъ можно подумать: и тотъ, и другой далеко не ограничивали своихъ интересовъ отжитой стариной,—напротивъ, и тотъ и другой слѣдили за современными движеніями славянства и могли бы сказать обществу много поучительнаго, еслибъ могли, и если бы потомъ, не потеряли желанія. Ихъ біографія должна отмѣтить еще одну знаменательную черту: и тотъ, и другой — лучшіе знатоки славянства въ нашей литературѣ—не были славянофилами. Они слишкомъ хорошо знали дѣйствительное положеніе славянскихъ народовъ и ихъ стремленій, чтобы принимать исключительную и притязательную славянофильскую теорію. Точно также, понимая, какія побужденія служатъ источникомъ возникновенія мѣстныхъ народныхъ литературъ, они никогда не относились къ нимъ съ тѣмъ высокомѣріемъ, какъ нѣкоторые новѣйшіе отпрыски славянофильства, ставшіе лазутчиками и алгвазилами этихъ мѣстныхъ литературъ. И, конечно, названные ученые были гораздо ближе славянофиловъ къ истинному пониманію славянскаго вопроса.

А. В—нъ.

Москва.

ОБОЗРѢНІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ.

Съ 20 августа по 20 сентября.

Намъ предстоитъ обозрѣть тотъ періодъ военныхъ дѣйствій, который наступилъ послѣ неудачи второго штурма на Плевну (18 іюля) и удачной обороны Шипкинскаго прохода (съ 9-го по 16-е августа). Въ этомъ періодѣ мы встрѣчаемъ тѣ же основныя черты, чтó и въ прежнемъ. Положеніе дѣла съ 20 августа по 20 сентября хотя и измѣнилось, но общій смыслъ его остается тотъ же: новый малоуспѣшный штурмъ на Плевну, отраженіе дальнѣйшихъ покушеній на Шипку, наступленіе восточной турецкой арміи на нашъ рущукскій отрядъ и передвиженіе послѣдняго съ линіи Чернаго-Лома на линію Янтры. По прежнему, войска наши занимаютъ центральное положеніе между тремя турецкими отрядами: Османа-паши на правомъ флангѣ въ Плевнѣ, Мехмета-Али-паши на лѣвомъ флангѣ, на Ломѣ, и Сулеймана-паши противъ фронта нашей передовой линіи, выдвинутой отъ Тырнова къ Балканамъ. Независимо отъ этого расположенія, дѣйствуютъ въ отдаленномъ районѣ нашъ корпусъ въ Добруджѣ и направленныя противъ него турецко-египетскія войска.

Главное различіе этого послѣдняго періода представляется, во-первыхъ, тѣмъ, что Плевна окружена со всѣхъ сторонъ нашими войсками; во-вторыхъ, тѣмъ, что румынскій корпусъ принимаетъ активное участіе въ нашихъ дѣйствіяхъ; наконецъ тѣмъ, что наша плевнинская (западная) армія получила значительныя подкрѣпленія, особенно къ концу этого періода, когда къ Плевнѣ направлялся уже гвардейскій корпусъ. Но обложеніе Плевны доселѣ не имѣло все-таки характера полной блокады, а сверхъ того, и турки нашли возможнымъ организовать въ Софіи новый корпусъ, двинули его въ Орханіе, для поддержки обороны или отступленія Османа, и успѣли одну дивизію этого корпуса ввесть въ самую Плевну, на помощь Осману, прорвавъ линію нашей кавалеріи, расположенной въ тылу Плевны на пути къ Сиріи.

Мы уже упоминали въ предшествующемъ обозрѣніи о тѣхъ попыткахъ, какія были произведены на обоихъ нашихъ флангахъ 18-го и 19-го августа Мехметомъ-Али и Османомъ въ соотвѣтствіи съ нападеніемъ Сулеймана на Шипку. Но успѣхъ Мехмета-Али при Карахосанскіоѣ не былъ значителенъ, а нападенія Османа на наши позиціи

между Сгалевицей и Пелишатомъ были отражены. Такимъ образомъ весь планъ турокъ, основанный на атакѣ Сулейманомъ Шипки, каковъ бы этотъ планъ ни былъ (его объясняли различно), не удался. Но вслѣдъ за неудачнымъ наступательнымъ движеніемъ Османа противъ нашего западнаго (плевнинскаго) отряда, русскимъ войскамъ въ томъ районѣ удалось пріобрѣсть весьма значительный успѣхъ; а именно: 22 августа часть западнаго отряда, подъ начальствомъ генераловъ князя Имеретинскаго и Скобелева 2-го, отразивъ вылазку турокъ изъ Ловчи, преслѣдуя бѣгущаго непріятеля ворвалась въ Ловчу, взявъ штурмомъ эту укрѣпленную позицію, съ потерею до 1000 чел. убитыми и ранеными, и съ большимъ урономъ для непріятеля. Взятіе Ловчи, стоящей при р. Осмѣ, лишало Османа всякой надежды на соединеніе съ нимъ Сулеймана, по крайней мѣрѣ чрезъ Шипку и вмѣстѣ съ тѣмъ угрожало его сообщеніямъ съ юго-западомъ. Вотъ почему, на другой же день послѣ взятія нами Ловчи, подошелъ къ ней отрядъ съ юго-запада, со стороны Софіи, отъ Микре, но, убѣдясь въ превосходствѣ нашихъ силъ, ограничился канонадой и отступилъ.

Сулейманъ-паша продолжалъ свои дѣйствія съ 16 по 20 августа противъ Шипки уже только обстрѣливаніемъ; армія его понесла слишкомъ большія потери (до 15,000 чел.) въ предшествовавшемъ семидневномъ боѣ; онъ долженъ былъ приводить ее въ порядокъ и ожидать подкрѣпленій. Впрочемъ, 20-го числа была имъ еще сдѣлана слабая попытка обойти нашу Шипкинскую позицію съ праваго фланга, а 23-го числа сдѣлано было движеніе противъ другого, изъ занимаемыхъ нами балканскихъ проходовъ, еленинскаго (къ востоку отъ Шипки), но оба эти движенія остались безъ результата.

Между тѣмъ, на лѣвомъ флангѣ общаго расположенія нашихъ задунайскихъ силъ, Мехметъ-Али продолжалъ свое наступленіе отъ Разграда и Рущука противъ войскъ Государя Наслѣдника, на линіи Чернаго-Лома; при этомъ 19, 23 и 24 августа произошли дѣла между отдѣльными отрядами, изъ которыхъ значеніе имѣло только дѣло 24-го числа, при Коцлеви и Облановѣ. Нашъ отрядъ, стоявшій у Коцлеви, принужденъ былъ перейти на лѣвый берегъ Лома, а отрядъ, стоявшій у Обланова, удержалъ свои позиціи. Но вслѣдъ затѣмъ, въ виду общаго наступленія турокъ, весь нашъ рущукскій отрядъ былъ переведенъ на новыя позиціи впереди рѣки Янтры, а турки перешли на лѣвый берегъ Лома.

Послѣ неудачнаго второго дѣла подъ Плевной, въ которомъ участвовали только 9-й корпусъ и часть 11-го, вся армія состоящая подъ непосредственнымъ начальствомъ великаго князя главнокомандующаго, постепенно стягивалась къ Плевнѣ, оставляя позади себя

только части, необходимыя для обороны нашей переправы въ Систовѣ и Никополѣ, нашей главной квартиры въ Горнемъ Студнѣ, представляющей связь съ рущукскимъ отрядомъ, и Тырнова, служащаго сообщеніемъ съ корпусомъ генерала Радецкаго, который обезпечиваетъ балканскіе проходы. Въ западный отрядъ, принявшій размѣры цѣлой арміи, былъ включенъ и румынскій корпусъ. Когда, такимъ образомъ, около Плевны было собрано тысячъ до 70-ти, приступлено было вновь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ турецкихъ позицій. Позиціи эти расположены на цѣломъ рядѣ высотъ, окружающихъ городъ Плевну. Крѣпкіе по самой природѣ мѣстности, онѣ были еще сильно укрѣплены Османомъ въ теченіи іюля и августа, то-есть около семи недѣль. Турецкій генералъ возвелъ редуты (по однимъ свѣдѣніямъ ихъ—четырнадцать, по другимъ—болѣе), которые взаимно поддерживаются огнемъ, сосредоточеннымъ на главныхъ пунктахъ аттаки съ фронта и фланговъ. Такимъ образомъ, плевнинскія позиціи представляютъ собой обширный укрѣпленный лагерь. Для дѣйствительной полной блокады такого лагеря потребно со стороны нападающаго огромное превосходство въ силахъ, котораго въ данномъ случаѣ еще не было, такъ какъ самъ Османъ располагалъ не менѣе чѣмъ 60-ю тысячами войскъ. Для устройства же правильной осады, съ постепеннымъ возведеніемъ фортификаціонныхъ работъ, требовалось много времени и, притомъ, по обширности и холмистости расположенія Османа, наступающему нелегко сосредоточить свой огонь и въ короткое время возвесть такія прикрытыя батареи, съ которыхъ можно было бы наносить непоправимый вредъ земляным укрѣпленіямъ осажденнаго.

Дѣйствія противъ Плевны возобновились съ утра 26-го августа, послѣ того какъ ночью удалось, незамѣтно для турокъ, поставить нѣсколько батарей. Но обстрѣливаніе и устройство другихъ батарей для болѣе дѣйствительнаго огня предприняты были только съ цѣлью подготовить штурмъ, а не въ видѣ правильной осады. По крайней мѣрѣ на слѣдующій же день послѣ начала бомбардировки уже пущена была въ дѣло пѣхота: на лѣвомъ флангѣ были взяты нѣкоторыя высоты къ югу отъ города, и въ центрѣ была занята деревня Гривица. Затѣмъ, 28-го числа турки сдѣлали сильную вылазку противъ лѣваго нашего фланга, но были отбиты, а 29-го лѣвый флангъ, подъ начальствомъ генерала Скобелева занялъ еще одну высоту, съ которой можно было дѣйствовать по городу и по укрѣпленному лагерю непріятеля. Городъ былъ зажженъ и одинъ турецкій редутъ принужденъ былъ замолкнуть; но въ общемъ результатѣ, по отзывамъ иностранныхъ корреспондентовъ, наша четырехдневная канонада не принесла туркамъ существеннаго вреда, и потери ихъ, соб-

ственно въ людяхъ, не были значительны, чтó объясняется самими свойствами мѣстности.

Штурмъ былъ назначенъ на 30-е число, въ три часа пополудни. Усиленное артиллерійское обстрѣливаніе Плевны началось съ самаго разсвѣта. Для введенія непріятеля въ заблужденіе, предписано было прекратить огонь всѣхъ нашихъ батарей дважды, а именно отъ 9 до 11 и отъ 1 до $2^1/_2$ часовъ, съ тѣмъ, чтобы она возобновилась потомъ и продолжалась вплоть до дѣйствительнаго момента штурма. Но этотъ маневръ не принесъ пользы, потому что генералъ Скобелевъ на лѣвомъ флангѣ, выдвинувшись на передовыя позиціи, не счелъ возможнымъ выжидать до 3 часовъ подъ сильнымъ огнемъ непріятеля. Такъ по крайней мѣрѣ объяснялъ корреспондентъ газеты „Moniteur Universel". Другой, русскій корреспондентъ („Сѣвернаго Вѣстника") выражался такъ: „между тѣмъ, неожиданно для всѣхъ, въ 11 часовъ, вопреки приказу, послышалась страшная ружейная трескотня со стороны нашего лѣваго фланга. Это обстоятельство поставило многихъ въ недоумѣніе... Турки узнали о намѣреніи русскихъ атаковать ихъ позиціи прежде, чѣмъ мы могли начать общее наступленіе, и такимъ образомъ успѣли приготовиться къ соотвѣтствующей оборонѣ. Несмотря на это обстоятельство, войска наши все-таки начали аттаку въ 3 часа". Подробнаго оффиціальнаго донесенія о битвѣ 30-го августа еще не напечатано. Теперь еще только печатается реляція о боѣ подъ Шипкой. Въ тѣхъ краткихъ оффиціальныхъ описаніяхъ третьей битвы при Плевнѣ, которыя помѣщены въ „обзорѣ" „Русскаго Инвалида и въ „Летучемъ Военномъ Листкѣ"— о приведенномъ обстоятельствѣ, конечно, не упоминается. Между тѣмъ излишне и настаивать на большой его важности, если только оно дѣйствительно было. Съ 11 до 3 часовъ, турки знали, что мы начинаемъ штурмъ и приготовлялись къ его отраженію, а между тѣмъ мы въ продолженіи четырехъ часовъ его не дѣлали.

Какимъ образомъ это могло произойти? По словамъ корреспондента Moniteur'а, генералъ Скобелевъ съ утра вьѣхалъ на рекогносцировку, съ нѣсколькими казаками, причемъ подъѣхалъ къ непріятелю такъ близко, что по немъ былъ сперва сдѣланъ залпъ, и потомъ высланъ былъ противъ него турецкій рекогносцировочный отрядъ, который ген. Скобелевъ и отразилъ. Тогда, „слѣдуя правилу, что на войнѣ лучше начинать сраженіе слишкомъ рано, чѣмъ слишкомъ поздно (но не лучше, чѣмъ въ назначенный часъ, можно замѣтить), генералъ Скобелевъ на свой страхъ и рискъ отдалъ своимъ войскамъ приказаніе начать аттаку". Около полудня, по словамъ того же корреспондента, бывшаго на самомъ мѣстѣ, т.-е. поспѣшившаго въ отрядъ ген. Скобелева, здѣсь сраженіе было уже въ пол-

номъ разгарѣ. Между тѣмъ, какъ сказано въ описаніи „Летучаго Военнаго Листка", „ровно въ три часа наши войска пошли на штурмъ", а корреспондентъ „Сѣвернаго Вѣстника" говоритъ: „несмотря на это обстоятельство (т.-е. бой на лѣвомъ флангѣ съ 11-ти часовъ утра) войска наши (т.-е. въ центрѣ и на правомъ флангѣ), начали аттаку въ 3 часа".

Остановившись на этомъ обстоятельствѣ, мы обратимся затѣмъ къ общему ходу дѣла. Главными цѣлями аттаки были: большой гривицкій редутъ на сѣверовосточномъ фронтѣ; аттака его была поручена румынскимъ войскамъ (4 полка) и 1-й бригадѣ 5-й пѣхотной дивизіи; итакъ, здѣсь имѣлось 6 полковъ; большой редутъ на южномъ фронтѣ, къ сѣверо-востоку отъ деревни Радищева, былъ аттакованъ войсками 4-го корпуса, но изъ хода сраженія мы видимъ, что въ дѣйствіе были введены только шесть полковъ, оттого ли, что послѣ неуспѣха отказались повторять аттаку другими частями 4-го корпуса, или оттого, что изъ него и были на лицо всего шесть полковъ; наконецъ—линія укрѣпленій на ловчинскомъ шоссе, укрѣпленій, расположенныхъ на криминскомъ гребнѣ высотъ, прикрывающихъ укрѣпленный турецкій лагерь съ юго-западной стороны Плевны: здѣсь аттаку велъ генералъ Скобелевъ, составъ войскъ котораго намъ еще неизвѣстенъ съ точностью, но, по показанію иностранныхъ корреспондентовъ, доходилъ до 15 т. чел. Итакъ, въ общей сложности, сила всѣхъ войскъ, двинутыхъ въ аттаку 30-го августа, составляла около 50 тысячъ человѣкъ, не считая резервовъ, конечно.

Аттака на гривицкій редутъ была произведена румынами и двумя русскими полками. Румыны при этомъ раздѣлились на двѣ колонны, изъ которыхъ одна наткнулась на новый такъ-называемый „малый" гривицкій редутъ, который соединенъ съ большимъ крытою траншеею, и была отбита. Другая колонна, вмѣстѣ съ двумя нашими полками, ходила въ аттаку на большой гривицкій редутъ три раза. Два первыхъ приступа были отбиты. Но на третій разъ наша 1-я бригада 5-й дивизіи и одинъ румынскій батальонъ ворвались въ большой гривицкій редутъ, перебили всѣхъ остававшихся въ немъ турокъ, взяли два знамени и пять орудій. Успѣхъ этотъ былъ сопряженъ съ большими потерями. Здѣсь былъ убитъ флигель-адъютантъ, полковникъ Шлиттеръ, вбѣжавшій на редутъ во главѣ архангелогородскаго полка, которымъ онъ командовалъ. Раненъ былъ самъ начальникъ 1-й бригады 5-й дивизіи, генералъ Родіоновъ, управлявшій аттакой въ этомъ пунктѣ.

Приступъ, направленный на большой радищевскій редутъ, не удался. Генералъ Шнитниковъ, командовавшій здѣсь, два раза ходилъ на приступъ и дважды былъ отбитъ. Аттака происходила при

самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ: наканунѣ шелъ проливной дождь и земля совершенно размокла, такъ что солдаты вязли въ ней, подымаясь на штурмъ, и многіе падали въ изнеможеніи еще на полдорогѣ; сверхъ того, непріятельскій ружейный огонь былъ такъ силенъ, что, по словамъ одного корреспондента, „вмѣсто цѣлой колонны возвращались только десятки человѣкъ". По оффиціальному свѣдѣнію, изъ 6-ти полковъ здѣсь выбыло до $5^1/_2$ тысячъ человѣкъ, то-есть цѣлая треть состава. „Столь большая убыль", сказано въ „Летучемъ Военномъ Листкѣ",—„заставила отказаться отъ повторенія аттакъ на этотъ пунктъ".

На крайнемъ лѣвомъ флангѣ, т.-е. съ южной стороны Плевны, генералъ Скобелевъ взялъ штурмомъ три редута, причемъ былъ убитъ начальникъ 3-й стрѣлковой бригады генералъ Добровольскій. Но на слѣдующій же день, 31-го августа, Османъ-паша, сознавая опасность быть отрѣзаннымъ съ юга, то-есть отъ своихъ сообщеній, направилъ сильныя аттаки на нашъ лѣвый флангъ и попытался вмѣстѣ выбить наши войска изъ большого гривицкаго редута. Послѣднее ему неудалось, и турки съ огромнымъ урономъ отступили назадъ; но южные редуты, взятые генераломъ Скобелевымъ наканунѣ, были вновь отняты у насъ турками, послѣ пяти неудачныхъ аттакъ—въ шестую. Поддержать генерала Скобелева подкрѣпленіями оказалось невозможно, такъ какъ для защиты большого гривицкаго редута были пущены въ дѣло даже резервы. Послѣ дѣла 31-го августа, войска наши ночью окопались на занятыхъ ими позиціяхъ.

Итакъ, результатомъ третьяго штурма на Плевну было занятіе большого гривицкаго редута. Пріобрѣтеніе это существенное, такъ какъ оно дозволяетъ значительно приблизить нашъ огонь къ непріятелю хоть въ одномъ важномъ пунктѣ. Но все-таки пріобрѣтеніе это далеко не имѣетъ того значенія, какое ему приписывалось сперва, когда полагали, что большой гривицкій редутъ командуетъ надъ всѣми фланговыми позиціями непріятеля и представляетъ собой ключъ всего плевнинскаго укрѣпленнаго лагеря. Оказалось, что за этимъ большимъ редутомъ—есть еще „малый" гривицкій редутъ, который однако очень силенъ. Потеря наша, вмѣстѣ съ румынами, въ этомъ третьемъ дѣлѣ при Плевнѣ, по оффиціальнымъ даннымъ, составляла болѣе 15-ти тысячъ убитыхъ и раненыхъ, а частныя извѣстія показываютъ ее до 17-ти тысячъ чел.

Такой неполный успѣхъ третьяго штурма, сопровождавшагося громадными жертвами (въ общей сложности, три битвы подъ Плевной стоили намъ болѣе 30-ти тыс. человѣкъ), показали трудность предпринимать дальнѣйшіе приступы и побудили приступить къ блокированію турецкихъ позицій, причемъ особенно имѣлось въ виду

не допустить въ Плевну подкрѣпленій изъ того вспомогательнаго корпуса, который турки успѣли выдвинуть по софійской дорогѣ къ Орханіе, корпуса Шефкета-паши. Обстрѣливаніе Плевны нашею артиллеріей продолжалось, и городъ Плевна давно выгорѣлъ. Но, какъ уже объяснено выше, позиціи Османа, по самой обширности его укрѣпленнаго лагеря, стоящаго на мѣстности, перерѣзанной холмами, оврагами и пещерами, трудно и обложить и обстрѣливать съ достаточной сосредоточенностью. Такъ, на плевно-софійской дорогѣ былъ расположенъ, по лѣвому берегу рѣки Вида, нашъ кавалерійскій корпусъ. Разъѣзды отъ этого корпуса открыли 8-го и 9-го сентября значительныя турецкія силы изъ всѣхъ родовъ оружія, наступавшія на Плевну. То и были части корпуса Шефкета. Между тѣмъ, Османъ-паша въ дѣлахъ 30-го и особенно 31-го августа понесъ большія потери и ослабилъ свой артиллерійскій паркъ, такъ что на нашу канонаду въ первыхъ числахъ сентября отвѣчалъ только слабо. Кавалерія наша старалась преградить путь тѣмъ подкрѣпленіямъ, которыя направлялись къ нему, и 9-го сентября кавалерійскій отрядъ полковника Тутолмина остановилъ движеніе одного наступавшаго непріятельскаго отряда, открывъ по немъ огонь своей конной артиллеріи. Но на другой же день, 10-го сентября, турки въ числѣ 10-ти тысячъ вступили въ Плевну. Полагаютъ, что это была дивизія Шефкета-паши. Итакъ, одновременно съ тѣмъ, какъ наша плевнинская армія, послѣ дѣла 30-го и 31-го числа, была усилена (еще до прибытія гвардіи) 12-ю тысячами человѣкъ, армія Османа-паши получила подкрѣпленіе въ 10-ть тысячъ человѣкъ. Но главное—эти свѣжія войска, по всей вѣроятности, доставили ему и продовольственные и боевые припасы, въ которыхъ онъ нуждался. Впрочемъ, здѣсь удивляться можно только распорядительности турокъ, которые опять такъ неожиданно выставили цѣлый корпусъ изъ Софіи въ то самое время, когда они же безпрерывно направляютъ подкрѣпленія къ своимъ войскамъ, расположеннымъ на границахъ Сербіи, на случай опасности съ той стороны. Удивляться же тому, что армія въ 60 тыс. чел. не могла съ дѣйствительностью блокировать непріятельскій лагерь, разбросанный на десяткахъ верстъ и силою въ 50 тыс. чел.—было бы совершенно излишне.

Это положеніе дѣлъ подъ Плевной можетъ измѣниться только по прибытіи туда войскъ гвардіи, хотя еще, спрашивается, будетъ ли и 90—100-тысячной арміи достаточно для *полной* блокады Османа-паши, вблизи лагеря котораго оперируетъ вспомогательный корпусъ Шефкета. Для правильной осады едва ли остается достаточно времени, но и удачный новый штурмъ не приведетъ къ цѣли, если предварительно позиціи Османа не будутъ обложены со всѣхъ сто-

ронъ, такъ чтобы онъ уже не могъ прорваться сквозь наши линіи. Иначе, онъ отступитъ къ Софіи — и, при наступленіи нашемъ на Мехмета-Али или на Балканы, снова появится на нашемъ правомъ флангѣ.

Между тѣмъ, дѣйствія Мехмета-Али противъ нашего рущукскаго отряда были слабѣе, чѣмъ можно было предполагать по первому его наступательному движенію.

Какъ уже выше сказано, отрядъ Государя Наслѣдника сосредоточился между Ломомъ и Янтрою. Мехметъ-Али провелъ недѣли двѣ въ бездѣйствіи, и только 9 сентября направилъ двѣ дивизіи корпуса египетскаго принца Хассана противъ нашей позиціи у Церковны, занятой 12-ю батальонами, подъ начальствомъ генерала Татищева. Аттаковавъ сперва нашъ правый флангъ, непріятель ударилъ потомъ въ лѣвый флангъ и центръ, произведя цѣлый рядъ аттакъ. Но онъ былъ отбитъ по всей линіи, потерявъ до 2,000 чел., между тѣмъ какъ наша потеря составила всего 426 чел.

Вообще, нынѣшняя война за Дунаемъ уже успѣла дать важное указаніе въ смыслѣ тактическомъ. Введеніе въ дѣйствіе скорострѣльнаго ручного оружія, болѣе дѣйствительнаго, чѣмъ ружья Шасспо и Дрейзе, употреблявшіяся французами и пруссаками въ войну 1870 года, придало укрѣпленнымъ позиціямъ еще бóльшее значеніе, чѣмъ онѣ имѣли до настоящаго времени. Аттакующій позиціи нынѣ находится въ положеніи еще болѣе неблагопріятномъ, чѣмъ бывалъ прежде, и, за исключеніемъ дѣлъ при Систовѣ (слишкомъ незначительномъ по числу оборонявшихся войскъ), Никополѣ (который турки защищали слабо, быть можетъ не имѣя серьёзно въ виду удерживать его), и наконецъ — Ловчѣ, куда наши штурмовыя колонны ворвались вслѣдъ за бѣгущимъ непріятелемъ,—можно сказать, ни одна укрѣпленная позиція не была взята тою или другой стороной съ перваго раза, такъ-сказать „съ разбѣга". Вездѣ требовался цѣлый рядъ аттакъ. Достаточно указать на троекратный штурмъ при Плевнѣ и на семидневный бой при Шипкѣ.

Послѣ неудачи при Церковнѣ, Мехметъ-Али сталъ отступать, и притомъ поспѣшно, къ Попкіойю и переводить свою армію обратно за Ломъ. Между тѣмъ, Сулейманъ-паша, еще 5-го сентября произвелъ новую, серьёзную попытку прорваться чрезъ Шипку. Онъ повелъ аттаку на укрѣпленіе Св. Николая, а потомъ борьба началась по всей линіи. Но генералъ Радецкій, съ 14-ю дивизіею, отбилъ это нападеніе, нанеся Сулейману огромный уронъ и потерявъ самъ около 500 чел. Затѣмъ, 12-го сентября Сулейманъ сдѣлалъ новую попытку на Еленинскій проходъ, но и она была отбита. На Шипкѣ же, съ

9 по 15 сентября, онъ довольствовался канонадой, которая причинила намъ только незначительную потерю.

На малоазіатскомъ театрѣ войны не происходило до половины сентября ничего важнаго, и столкновенія имѣли частный характеръ. Они происходили преимущественно между войсками генерала Тергукасова и Измаилъ-паши, къ западу отъ Игдыря. Но 15-го сентября Измаилъ-паша произвелъ наступленіе по всей линіи расположенія генерала Тергукасова, аттаковавъ наши войска 12-ю батальонами. Непріятель былъ отброшенъ и преслѣдуемъ на протяженіи семи верстъ; наша потеря была около 160 чел., въ числѣ ихъ былъ раненъ генералъ Девель. Отдѣльный нашъ отрядъ (ріонскій), дѣйствовавшій противъ Батума, сохраняетъ до сихъ поръ свою мухаэстатскую позицію: 9 сентября непріятель открылъ противъ него канонаду, не принесшую намъ вреда. Такъ какъ одновременно турецкіе броненосцы обстрѣливали берегъ отъ Поти до поста Св. Николая, то предполагалось, что непріятель имѣетъ намѣреніе сдѣлать высадку въ тылу нашего ріонскаго отряда, чтобы побудить его оставить занимаемую имъ позицію.

Кавказское прибрежье турки очистили, Сухумъ занятъ вновь нашими войсками, и населеніе Абхазіи частью изъявило покорность, частью вывезено турками на ихъ судахъ. Волненіе, обнаружившееся въ среднемъ и южномъ Дагестанѣ въ послѣднихъ числахъ августа и въ началѣ сентября, оставалось намъ неизвѣстнымъ до телеграммы 20 сентября, которое извѣщаетъ, что оно уже „прекращено почти повсюду". Между тѣмъ, въ одномъ изъ пунктовъ, гдѣ произошло возстаніе, наши войска имѣли дѣло съ 6.000 мятежниковъ. Потери наши при усмиреніи этихъ попытокъ возстанія составляли около 130 чел., въ числѣ которыхъ убитъ полковникъ Чемберъ. Вообще, дѣйствія на Кавказѣ еще не приняли рѣшительнаго оборота.

ИЗВѢСТІЯ

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Отчетъ казначея.

Іюнь, 1877 года.—Къ 1-му іюня на лицо состояло 74,457 рублей, 59 коп.—Въ теченіи іюня вновь поступило 531 руб., въ томъ числѣ: 1) годовой и пожизненный взносы отъ двухъ лицъ 110 р.; 2) пожалованные его императорскимъ высочествомъ великимъ княземъ Владиміромъ Александровичемъ 200 р.; 3) въ уплату части ссуды 50 р.; 4) возвратъ пособій 171 р.—Въ теченіи іюня израсходовано 850 р., въ томъ числѣ: 1) единовременныхъ пособій двумъ лицамъ 275 р.; 2) продолжительныхъ пособій тремъ лицамъ 100 р.; 3) на воспитаніе одному лицу 50 р.; 4) пенсія одному лицу 25 р.; 5) ссуда одному лицу 50 р.; 6) безсрочная ссуда двумъ лицамъ 350 р.—Затѣмъ, къ 1-му іюля на лицо состояло 74,138 руб. 59 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 73,025 р., на текущемъ счету 680 р. 11 к., наличными 433 р. 48 к. Въ означенной суммѣ состоитъ: расходнаго капитала Общества 39,853 р. 51 к., неприкосновеннаго капитала 21,981 р. 99 к., капитала Е. П. Ковалевскаго 10,147 р. 89 к. и капитала В. Ѳ. Корша 2155 р. 20 к.

Іюль, 1877 года.—Къ 1-му іюля въ кассѣ Общества состояло 74,138 руб. 59 коп.—Въ теченіи іюля поступило 1,112 руб., въ томъ числѣ: 1) годовыхъ членскихъ взносовъ 45 руб.; 2) проценты на капиталъ Общества 807 руб.; 3) проценты на капиталъ Е. П. Ковалевскаго 150 руб.; 4) проценты на капиталъ В. Ѳ. Корша 60 руб.; 5) возвратъ части ссуды 50 руб.—Въ теченіи іюля израсходовано 1,000 руб. 60 коп., въ томъ числѣ: 1) единовременное пособіе 215 руб.; 2) продолжительное пособіе 85 руб.; 3) на воспитаніе 190 руб.; 4) пенсія 505 руб. и 5) почтовые расходы 5 руб. 60 коп.—Затѣмъ, къ 1-му августа на лицо состояло 74,249 руб. 99 коп., въ томъ числѣ: процентными бумагами 73,025 руб. и наличными (съ текущимъ счетомъ) 1,224 руб. 99 коп. Въ означенной суммѣ состоитъ: расходнаго капитала Общества 39,754 руб. 91 коп., неприкосновеннаго (въ томъ числѣ: В. П. Гаевскаго, И. Т. Лисенкова, Б. И. Утина и С. Я. Чернышева по 1,000 руб. и Н. М. Василевскаго 300 руб.) 21,981 р. 99 коп.; капитала Е. П. Ковалевскаго 10,297 руб. 89 коп., и капитала В. Ѳ. Корша 2,215 руб. 20 коп.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТАГО ТОМА

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, 1877.

Книга девятая.—Сентябрь.

Книга десятая.—Октябрь.

эпохи покоренія Сербіи Турками въ XIV вѣкѣ. Соч. П. Хохолушка. Переводъ съ чешскаго Николая Задерацкаго. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Малоруссія народныя преданія и разсказы. Сводъ Михаила Драгоманова. Кіевъ. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Натанъ Мудрый. Драматическое стихотвореніе Готгольда Лессинга, переводъ съ нѣмецкаго В. Крылова, съ историческимъ очеркомъ и примѣчаніями къ тексту перевода. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; въ роскошномъ переплетѣ съ портретомъ Лессинга. 3 р., съ пер. 3 р. 30 к.

Новые разсказы Жюля Верна. 1) Вокругъ свѣта въ восемьдесять дней. 2) Фантазія доктора Окса. Ц. 2 р. 50 к., пер. за 3 ф.

Общественная и домашняя жизнь животныхъ. Сатирическіе очерки съ 158 рисунками. Гранвиля. Текстъ: П. Сталя, Бальзака де-Бедольера, Жоржъ-Занда, Бенжамена, Франклина, Густава Дроза, Жюля Жанена, Е. Лемуана, Поля Мюссе, Шарля Нодье, Луи Віарди. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., въ пер. 3 р., перес. за 3 ф.

Около денегъ. Романъ изъ сельской фабричной жизни. Алексѣя Потѣхина. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к.

Послѣднія пѣсни. Стихотворенія Н. Некрасова. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Про українськихъ козаків, татар та турків. Зложив М. Драгоманов. Ц. 10 к., съ пер. 20 к.

Сербські народні думи и пісні. Пер. М. Старицький. **Чиста выручка на користь братів-славьян.** Київ. 1876 г. Ц. 1 р. 50 к. съ перес. 1 р. 75 к.

Сборникъ пѣсенъ Буковинскаго народа. Сост. А. Лоначевскій. Ц. 75 к., вѣс. 2 ф.

Славянская борьба 1875—1876. Историческій очеркъ возстанія балканскихъ славянъ, черногорско-сербско-турецкой войны и дипломатическихъ сношеній. По оффиціальнымъ и другимъ достовѣрнымъ источникамъ составилъ А. Фелькнеръ. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Славянскій сборникъ. Томъ III, изданный подъ наблюденіемъ члена славянскаго комитета П. А. Гильтебрандта. Спб. 1876. Ц. 3 р.

Славянскій ежегодникъ. 1877. Сборникъ статей по славяновѣдѣнію. Сост. Н. Задерацкій. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Славянскій Міръ. Иллюстрированный сборникъ литературныхъ, историческихъ и географическихъ статей о славянахъ. В. П. Турбы. Ц. выпуску 25 к., съ перес. 40 к.

Собраніе сочиненій М. А. Максимовича. Т. I. Отдѣлъ историческій. Ц. 4 р., съ пер. 4 р. 50 к.

Собраніе сочиненій И. П. Котляревскаго на малороссійскомъ языкѣ. Изданіе II-ое, Кіевъ. 1875. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Аполлона Григорьева Т. I (съ портретомъ автора). Критическія статьи. Спб. 1876. Ц. 3 р., перес. 3 ф.

Сочиненія Давида Рикардо. Переводъ подъ редакціею Н. Зиберта. В. I. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Сочиненія Г. П. Данилевскаго. 4 тома. Спб. 1877 г. Цѣна 6 р. съ пересылкою.

Сочиненія Н. Д. Иванишева. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Полное собраніе стихотвореній Гр. А. К. Толстого, въ одномъ томѣ. 1855—1875 г. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.; на веленевой бумагѣ, съ портретомъ и въ роскошномъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ, ц. 4 р. 25 к., съ перес. 4 р. 50 к.—Портретъ особо: 50 к.

Тайны новаго Парижа. Романъ Фортюнэ Боагобей. Переводъ съ французскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 коп.

Францъ фонъ-Зикингенъ Историческая трагедія въ 5-ти дѣйствіяхъ. Сочиненіе Ф. Лассаля. Перев. А. и С. Криль. Стр. 259. Ц. 1. р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Фромонъ молодой и Рислеръ старшій. Романъ Альфонса Додэ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Царица поэтовъ Сафо и ея школа. Литературный очеркъ. Составилъ А. Чернышовъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Царскій судъ. Историческая повѣсть изъ временъ Іоанна Грознаго. П. Петрова. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

ИСТОРІЯ — БІОГРАФІЯ—ЭТНОГРАФІЯ.

☛ **Ванька Каинъ.** Историческій очеркъ Д. Л. Мордовцева. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Восточная война 1853 — 1856 годовъ. Сочиненіе ген.-лей. М. И. Богдановича. Изданіе второе, исправленное и дополненное. 4 тома. Спб. 1877 г. Ц. 8 р., съ пер. 9 р.

Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмѣны крѣпостнаго права. А. Романовича-Славатинскаго, профессора государственнаго права. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

☛ **Десятилѣтіе русскаго земства.** 1864—1875. Д. Л. Мордовцева. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Іезуиты и ихъ отношеніе къ Россіи. Сочиненіе Ю. Ө. Самарина. Ц. 75 коп., перес. за 2 ф.

Іезуиты въ Литвѣ. Соч. И. Сливовъ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Исторія Шотландскаго натуралиста Томаса Эдварда. Соч. С. Смайльса. Переводъ С. И. Смирновой. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи, 1814—1852 г. А. Л. Рохау, 2 т. Ц. 3 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Исторія отношеній между католицизмомъ и наукой. Джона Уильяма Дрэпера. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей А. Н. Пыпина. Спб. 1876 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

Краткій очеркъ исторіи чешскаго народа. Переводъ Н. П. Задерацкаго. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе. 1777—1877. Составлено по порученію Е. И. В. Г. В. К. Константина Николаевича. Въ переплетѣ. Ц. 5 р., съ перес. 6 р.

Паріи въ человѣчествѣ. Луи Жакольо, переводъ съ французскаго. Спб. 1877. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Приложеніе къ родословной книгѣ рода Хитрово. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 25 к.

Приморскіе вендскіе города и ихъ вліяніе на образованіе ганзейскаго союза до 1370 года. Ѳ. Фортинскаго. Кіевъ. 1877. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII вѣка Яна Дуклана Охотскаго, изданныя І. Крашевскимъ. 2 т. Ц. 4 р., съ пересылкою.

Резья и Резьяне. Соч. И. Бодуэна-де-Куртенэ. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Римъ до и во время Юлія Цезаря. Народъ, — войско, — общество и главные дѣятели. Военно-историческій очеркъ.—Составилъ Л. Л. Штюрмеръ. Спб. 1876. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Руководство къ древней исторіи востока до персидскихъ войнъ. Франсуа Ленормана. Переводъ подъ редакцій М. П. Драгоманова. Выпускъ I. Кіевъ 1876. Ц. 75 к., перес. за 1 ф.

Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Н. Костомарова. Выпускъ I—VI, съ X по XVIII стол. включительно. Ц. 8 руб. 10 к., перес. за 4 ф.

Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества. Томъ XIX. Дипломатическая переписка англійскихъ пословъ и посланниковъ при русскомъ дворѣ. 1770—1776 гг. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Союзъ князей и нѣмецкая политика Екатерины II, Фридриха II, Іосифа II. 1780—1790 гг. Историческое изслѣдованіе Александра Трачевскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою Средней Азіи. Сост. Л. Костенко. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Турки и ихъ женщины. Султанъ и его гаремъ. Соч. маіора Османъ-Бея. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

ГЕОГРАФІЯ — ТОПОГРАФІЯ — ПУТЕШЕСТВІЯ.

Земля и ея народы. Соч. Гельвальда. Переводъ С. П. Глазенапа. 170 лист., 50 бол. рисунковъ и 300 иллюстрацій въ текстѣ. Ц. по подпискѣ 17 р. 50 к., съ перес. 20 р. Вышелъ в. I—X. Цѣна каждому выпуску отдѣльно 40 к., съ перес. 60 к.

Краткій Отчетъ о геологическомъ путешествіи по Туркестану въ 1875 г. И. Мушкетова. Съ картою рудныхъ мѣсторожденій Кульджинскаго раіона и геологическими разрѣзами. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Послѣднее путешествіе Ливингстона по Африкѣ. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Цебриковой. Съ портретомъ, факсимиле, 9-ю рисунками и картою Африки. Спб. 1876. Ц. 2 р., перес. за 2 ф. въ переплетѣ 2 р. 50 к. съ пер. 3 р.

Путешествіе въ Туркестанъ. А. П. Федченко. Выпуск. 14-й. Зоогеографическія изслѣдованія. Formicidae, обработалъ Г. Майръ. Odonata, обработалъ Фр. Брауеръ. Chrysidiformis, Mutillidae, Sphegidae, обработалъ О. И. Радошковскій (съ 8 таблицами). Спб. 1877 г. Ц. веленев. экз. 3 р. 75 к., съ пер. 4 р. 50 к., прост. экз. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Русскій рабочій у сѣверо-американскаго плантатора. А. С. Курбскаго. Спб. 1875. Стр. 445. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

Черноморцы. Сочиненіе Короленко. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 1 ф.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ—СТАТИСТИКА.

Задѣльная плата и кооперативныя ассоціаціи. Соч. Жюль-Муро. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Исторія Банковъ. Выпускъ I. Исторія старинныхъ кредитныхъ учрежденій Пьетро Рота. Съ введеніемъ, примѣчаніями и дополненіями И. И. Кауфмана. Выпускъ II. Исторія Банковаго дѣла въ Великобританіи и Ирландіи И. И. Кауфмана. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

Капиталъ. Критика политической экономіи. Соч. Карла Маркса, т. I, кн. I, Процессъ производства капитала. Ц. 2 р. 50 к. вѣс. 3 ф.

Начальный учебникъ политической эконо-

торыми изъ ихъ приложеній къ общественной философіи. Джонъ Стюартъ Милль. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 3 ф.

О свободѣ въ политической экономіи или теорія соціальной реформы. Д-ра Генриха Мауруса. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 2 ф.

Отчеты комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ состоящаго при И. М. О. Сельскаго Хозяйства. 2-й отчетъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. 3-й отчетъ. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества. Выпускъ 1-й. Образцовый уставъ съ необходимыми къ нему объясненіями. Составилъ А. В. Яковлевъ. Ц. 10 к., съ перес. 20 к. Выпускъ 2-й. Правила счетоводства и отчетности съ образцами. Составилъ Пр. Пр. Матвѣевъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи. Составилъ В. де-Ливронъ, дѣйст. членъ И. Р. Географическаго Общества. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи, изданный Спб. отдѣленіемъ комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ II-й. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. Выпускъ III-й. Потребительныя общества. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, въ связи съ позднѣйшими дополненіями и разъясненіями. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Н. Зиберъ. Ц. 1 р. 50 к., перес. за 2 ф.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. Заблоцкаго-Десятовскаго. 2 т. Ц. 5 р., вѣс. 5 ф.

Финансовый кредитъ. Э. Вредена. Основныя начала финансоваго кредита, или теорія общественныхъ займовъ. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. 1 ф.

ПЕДАГОГІЯ—УЧЕБНИКИ—ДѢТСКІЯ И НАРОДНЫЯ КНИГИ.

Бабушкины сказки Жоржъ-Санда. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое Сочиненіе Герберта Спенсера. Спб. 1877 г. Ц 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Государство и народное образованіе начальное и профессіональное, т.-е. ученое, реальное и художественное, въ Германіи, Англіи и Франціи. Очеркъ изслѣдованій Лоренца Штейна, составленный профессоромъ Н. Х. Бунге. Кіевъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Душевная жизнь животныхъ. А. Грубе. Чтеніе для всѣхъ возрастовъ. 1877 г. Пенза. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Жизнь дѣтей. Собраніе разсказовъ и повѣстей изъ англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ дѣтскихъ книгъ. Выпускъ первый. Спб. 1877 г. Ц. 20 к., съ пер. 30 к.

Заколдованный или говорящій дубъ. Сказка Жоржъ-Зандъ. Ц. 70 к., съ пер. 90 коп.

Зимніе вечера. Разсказы для дѣтей. Сочиненіе А. Анненской. Спб. 1877. Ц. 2 р. въ переп. 2 р. 25 к., съ пер. 3 р.

☛ **Историческая хрестоматія по русской исторіи.** Пособіе для преподавателей и учениковъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній. Сост. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Ч. I. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 60 к., съ пер. 2 р.

☛ **Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи.** Состав. Я. Г. Гуревичемъ. Т. I. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

☛ **Исторія Греціи и Рима.** Соч. Я. Г. Гуревича. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Историческое обозрѣніе замѣчательнѣйшихъ произведеній русской словесности. Сост. И. Лозановъ. Примѣнительно къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ I. 1) Народная словесность. 2) Отъ начала письменности до Ломоносова. Казань. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Иллюстрированные разсказы изъ природы и жизни. Для дѣтей старшаго возраста, 22 рисунка въ текстѣ и 6 отдѣльныхъ картинъ, исполн. худ. И. Денисовскимъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., въ папкѣ 1 р. 75 к., въ переп. 2 р., за перес. 25 к. на экземпляръ.

Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 годъ (1710 г. 1876 г). Составилъ Л. Весинъ. Спб. 1877 г. Ц. р. 50 к., съ перес. 5 р.

Маленькій оборвышъ. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской. Для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ. Спб. 1876 г. Ц. 1 р. 25 коп., вѣс. 2 фунта.

Начертаніе этимологіи церковно-славянскаго языка, составлен. Александромъ Канковымъ. Ц. 30 к., съ перес. 40 к.

Наши мохнатые и пернатые друзья. Сочин. Миссъ Гуинфринъ. Переводъ съ англійскаго М. Малышевой. Спб. 1876 г. Ц. 80 к., съ перес. 1 р.

☛ **Необходимое дополненіе къ русскимъ хрестоматіямъ.** Логическій разборъ. Блистовъ.—Ушинскій.—Полевой. Часть прозаическая. Руководство для учащихъ и учащихся. Сост. преподаватель С. Весинъ. Спб. 1877. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

Оборона Севастополя. Разсказъ очевидца. П. Я. Бугайскаго. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Объяснительный курсъ ариѳметики. Для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. В. Латышева. Часть I. Спб. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 50 к.

Опытъ краткой грамматики греческаго языка, для учениковъ русскихъ гимназій. Составилъ А. Иностранцевъ. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

Опытъ Задачника по математической и физической географіи. Курсъ училищъ 3 разряда и прогимназій. Ц. 25 к., съ пер. 40.

Очерки и разсказы. Книга для юношества. Е. Сысоевой, съ гравюрами. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Первая классная книга для чтенія. Пособіе при начальномъ обученіи родному языку. Сост. П. Г. Васильевъ, преподаватель приг. клас. 6-й Спб. гимназіи Спб. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

Полный практическій курсъ французскаго языка для самоучекъ и для преподаванія. Состав. М. Ханомъ. Второе изданіе, вновь передѣланное и приспособленное къ употребленію въ учебныхъ заведеніяхъ. 3 части. Одобренъ и рекомендованъ учебнымъ комитетомъ при IV Отдѣленіи собственной Е. И. В. канцеляріи для употребленія въ институтахъ и гимназіяхъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Почему и потому. Вопросы и отвѣты изъ важнѣйшихъ отдѣловъ физики. Для учителей и учащихся въ школѣ и дома методически составлены Отто Улэ. Съ политипажами въ текстѣ. Спб. 1877. Ц. 1 р.

Природа и жизнь. Научно-литературный сборникъ для дѣтей старшаго возраста, съ 38 политипажами. Изд. М. Малышевой и А. Пѣловой. Ц. 2 р., съ перес. 2 руб. 25 коп.

Разборъ произведеній иностранной литературы, указанныхъ въ программѣ реальныхъ училищъ, и Христоматія съ задачами для устнаго и письменнаго изложенія прочитаннаго. Составилъ преподаватель реальнаго училища С. Весинъ. Спб. 1877 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Разсказы Альфонса Додэ. Съ портретомъ автора. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.; въ переплетѣ 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Робинзонъ Крузо. А. Анненской. Новая переработка темы де-Фоэ. Съ 10-ю карт. и 85-ю политипажами. Изд. В. Лесевича. Ц. 2 руб.; перепл. 2 руб. 50 коп., вѣс. 2 ф.

Русскія народныя сказки, пословицы и загадки. Чтеніе для начальныхъ училищъ. Сост. П. В. (Петръ Вейнбергъ). Ц. 20 к.

Самоучитель итальянскаго языка. Составленъ Бенедиктомъ Лоровичемъ, учителемъ итальянскаго языка. — I. Объ итальянскомъ произношеніи.—II. Краткая грамматика. — III. Слова. — IV. Разговоры.— Одесса. 1877 г. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Сборникъ темъ и плановъ для сочиненій. Составилъ, по программѣ среднихъ учебныхъ заведеній, С. Весинъ. Второе, исправленное и дополненное изданіе. Спб. 1876. Ц. 75 к.

Сборникъ стереометрическихъ задачъ, для употребленія въ высшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній. — Составилъ С. Сикорскій, преподаватель математики въ Екатеринославской гимназіи. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к.

Систематическій сборникъ вопросовъ и задачъ, рѣшаемыхъ помощью земного и небеснаго глобусовъ. Составилъ А. Мануйловъ. Кишиневъ. 1877 г. Ц. 80 к., съ перес. 50 к.

Умственное развитіе дѣтей, отъ перваго проявленія сознанія до восьмилѣтняго возраста. Книга для воспитателей. Е. Водовозовой. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

Учебникъ древней исторіи въ очеркахъ быта народовъ и жизнеописаніяхъ замѣчательныхъ людей. Составилъ Э. Вреденъ. Изданіе 2-ое. Ц. 1 р., вѣс. 1 ф.

Учебникъ зоологіи. — Для среднеучебныхъ заведеній и самообразованія. Выпускъ I: Простѣйшія, кишечнополостныя, черви и иглокожія.—Съ 180 рисунками въ текстѣ. Составилъ А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Учебникъ плоской Тригонометріи. Д-ра Франца Мочника. Ц. 45 к., съ пер. 55 к.

Элементарная теорія тригонометрическихъ линій и прямолинейная тригонометрія. Сочиненіе профессора И. Соколова. Ц. 60 к., съ перес. 75 к.

ЯЗЫКОЗНАНІЕ—АРХЕОЛОГІЯ.

Глоттологическія (лингвистическія) замѣтки И. Бодуэна-де-Куртенэ. Воронежъ. 1877 г. Ц. 40 к., съ пер. 60 к.

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 50 к.

О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія. Сочиненіе И. Бодуэна-де-Куртенэ Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя. Сочиненіе И. С. Некрасова. Ц. 1 р. 50 к., вѣс. за 2 ф.

Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. П. Житецкаго. Кіевъ. 1876. Ц. 2 р. 25 к., вѣс. 2 ф.

Санктпетербургскія ученыя вѣдомости на 1777 годъ. Н. И. Новикова. Изданіе вто-

рое А. Н. Неустроева. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Сербская грамматика по восточному говору. Часть I: этимологія. Составилъ по Вукчу, Даничичу и Миклошичу Т. Бѣленькій. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

☞ **Слово о пълку Игоревѣ.** Поетичный памятник руськой письменности XII віку. Текст с перекладом и с поясненьями видав Омелян Огоновський. У Львові, 1876 г. Ц. 2 р. съ пересылкою.

Словарь къ Геродоту. Скиѳія. IV. 1—144, и сраженіе при Ѳермопилахъ. VII. 201—238. Сост. Г. А. Янчевецкій. Кіевъ. 1877 г. Ц. 30 к., съ пер. 50 к.

МАТЕМАТИКА — АСТРОНОМІЯ — ФИЗИКА— ХИМІЯ.

Курсъ теоретической ариѳметики. Жозефа Бертрана. Ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Органическая химія. Профессора П. Алексѣева. К. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к, съ перес. 2 р.

Теорія опредѣлителей и теорія формъ. Профессора М. Е. Ващенко-Захарченко. К. 1877 г. Ц. 3 р., съ пересылкой 3 р. 50 к.

Физическая химія Н. Н. Любавина. Выпускъ I. Спб. 1877 г. Ц. 2 р.

Химическія дѣйствія свѣта и фотографія въ ихъ приложеніи къ искусству, наукѣ и промышленности. Д-ръ Германъ Фогель. Переводъ съ нѣмецкаго, подъ редакціей Я. Гутковскаго. Ц. 3 р.; вѣс. 2 ф.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ — СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО — ТЕХНОЛОГІЯ — МЕДИЦИНА.

Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина Т. II. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.. Томъ III въ 2-хъ выпускахъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ IV. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Томъ V, выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Ботаническій словарь Н. Анненкова. Новое, исправленное, пополненное и расширенное изданіе. Цѣна полному изданію 8 р. Окончится печатаніемъ въ 1877 г. Вышло 5 выпусковъ.

Вліяніе холодной воды на здоровый и больной организмъ. Сост. д-ръ Н. Воисовичъ. Ц. 20 к., вѣс. 1 ф.

Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Популярныя лекціи Джона Тиндаля. Ц. 1 р. 25 к., вѣс. 1 ф.

Выгонная или пастбищная система по отношенію къ сельскому хозяйству въ Россіи. Назначается сельскимъ хозяевамъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Двѣнадцать яблокъ моего сада. В. В. Кащенко. Роскошное изданіе съ иллюстрированными рисунками этихъ яблокъ. Спб 1875 г. Ц. 5 р., въ переплетѣ 6 р. съ перес.

☞ **Исторія кусочка хлѣба.** Описаніе жизни человѣка и животныхъ въ письмахъ. Соч. Масе. Изданіе второе съ рисунками. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Изслѣдованіе воды въ санитарномъ отношеніи. Краткое руководство для экспертовъ. Составилъ магистръ фармаціи Ѳ. Розенблатъ. Ц. 30 к., съ пер. 40 к.

Канализація и вывозъ нечистотъ. Популярныя лекціи Петтенкофера. Переводъ съ нѣмецкаго инженеровъ С. Уманскаго и А. Попова. М. 1877 г. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Клиническая фармакопея. Dr. F. W. Müller. 400 рецептныхъ формулъ для внутреннихъ и наружныхъ болѣзней. Ц. 60 к., съ пер. 75 к.

Комнатное цвѣтоводство. Подробное наставленіе для разведенія и воспитанія комнатныхъ, какъ луковичныхъ, такъ и древесныхъ и травянистыхъ растеній. Изданіе второе. Спб. 1877 г. Ц. 60 к. съ пер. 80 к.

Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней проф. С. П. Боткина. Выпускъ I. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Выпускъ III. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Молочное хозяйство. Молоко, сливки, масло, сыръ. Описаніе производства, сбыта и торговли этими продуктами. Составилъ А. М. Наумовъ. Ц. 1 р. 50 к. съ перес.

Основы патологіи обмѣна веществъ. Ф. В. Бенеке. Перевелъ съ нѣмецкаго лекарь Татариновъ. Съ 1 хромолитографированною таблицею. М. 1876. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 3 р. 75 к.

О травосѣяніи, съ присовокупленіемъ собранія народныхъ примѣтъ о посѣвѣ и уборкѣ сѣна, о паханіи и удобреніи земли. Изданіе 3-е. Спб. 1877 г. Ц. 50 к., съ перес. 60 к.

☞ **О значеніи психическихъ вліяній,** лекціи В. А. Манассеина, проф. медико-хирург. академіи. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Плугъ, его выборъ, устройство и употребленіе. Краткое руководство для практическихъ сельскихъ хозяевъ. М. В. Неручева. Съ 80 политипажами въ текстѣ. М. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Профессіональная гигіена или гигіена умственнаго и физическаго труда, съ 9 рисунками въ текстѣ. Докт. Ф. Эрисмана. Спб. 1877 г. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Практическія работы по ботаникѣ и зоологіи. Гексли и Мартина. Элементарный практическій курсъ біологіи. Перевелъ съ англійскаго А. Я. Гердъ. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Пчелы. О томъ, какъ онѣ живутъ, какъ ихъ размножать и какъ отъ нихъ получать пользу. Народное руководство. Сост. А. И. Покровскимъ-Жоравко. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

Руководство къ патологической анатоміи. Д-ра Бирхъ-Гиршфельда. Часть I. Общая патологическая анатомія. Харьковъ. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к. Часть II Частная патологическая Анатомія. Выпускъ I. Харьковъ 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

Руководство къ микроскопическому изслѣдованію животныхъ тканей. Д-ра С. Экснера, съ 3-мя политипажами. Перевелъ и дополнилъ О. Гриммъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное проф. Ziemssen'омъ. 9-ть выпусковъ. Ц. 12 руб. съ пересылкою.

Руководство къ частной патологіи и терапіи, изданное профес. V. Ziemssen'омъ. Томъ VII. Часть I. Болѣзни губъ, полости рта, мягкаго нёба, носоглоточной полости и глотки. Харьковъ. 1877. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ частной патологіи и терапіи. H. V. Ziemssen'a. T. XI. Часть I. (Первая половина) Болѣзни нервной системы. Переводъ подъ редакціей Пр.-Доцента по нервн. болѣзнямъ Д-ра К. Г. Тритшеля. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 25 к.

Русское землевладѣніе и земледѣліе. М. В. Неручева. М. 1877 г. Ц. 50 к., съ пер. 75 к.

☞ **Систематическое руководство гигіены.** Д-ра Л. Гирта. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 63-мя рисунками. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

☞ **Совмѣстное изданіе общества естествоиспытателей при русскихъ университетахъ.** Ботаника, т. I,—ц. 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.; т. II,—ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.—Зоологія, т. I,—ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; т. II,—ц. 6 р., съ пер. 7 р.—Минералогія и Геологія, т. I,—ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.; т. II,—ц. 50 к., съ пер. 75 к.

☞ **Труды Арало-Каспійской экспедиціи,** издаваемые подъ редакціей О. А. Гримма. Выпускъ I,—ц. 30 к.; выпускъ II, тетрадь 1-я,—ц. 2 р.; тетрадь 2-я,—ц. 1 р. 50 к.; выпускъ III,—ц. 50 к.; выпускъ IV,—ц. 3 р. 50 к.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ III. Ц. 2 р. Т. IV, в. I. Ц. 1 р. 75 к. В. II. Ц. 75 к. Т V, в. I. Ц. 2 р. В. II. Ц. 1 р. Т. VI. Ц. 2 р. Т. VII. Ц. 2 р. За пересылку прилагается по 10 к. на рубль.

Учебникъ физіологіи. Эрнста Брюкке, 2 т. Ц. 6 р., перес. за 4 ф.

Учебникъ дѣтскихъ болѣзней. Д-ра Карла Гергардта. Ц. 4 р. съ пересылкою.

Ученіе о сифилисѣ. Д-ра Э. Лансеро. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей профессора В. М. Тарновскаго, съ тремя хромолитографическими таблицами и многими рисунками въ текстѣ. Спб. 1877 г. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Физіологія органовъ чувствъ. И. Сѣченова. Зрѣніе. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 25 к.

Физіологія органовъ чувствъ. I. Бернштейна, профессора физіологіи въ Галлѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ 91 рисункомъ. Спб. 1876. Ц. 2 р., вѣс. 2 ф.

☞ **Физіологія растительныхъ процессовъ.** И. М. Сѣченова. Ц. 80 к., съ пер. 1 р.

☞ **Зоопатологія или ученіе о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ.** Съ 22-мя литографированными рисунками. Доктора Л. Д. Фишкина. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ЗАКОНОВѢДѢНІЕ—ПОЛИТИКА.

Германская конституція. Часть I: Историческій очеркъ германскихъ союзныхъ учрежденій въ XIX вѣкѣ. Часть II: Обзоръ дѣйствующей конституціи. А. Градовскаго, профессора с.-петерб. университета. Спб. 1876. Ц. 1-й ч. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф. Ч. 2-я 1 р., вѣс. 1 ф.

Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ. Князя А. Васильчикова. Т. I и II. Ц. 3 р. 50 к., съ пер. 4 р.

☞ **Изслѣдованія по русскому праву семейному** и наслѣдственному И. Г. Оршанскаго. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к., съ пер. 3 р.

Крестьянское дѣло въ царствованіе импер. Александра II. Четыре большіе тома (въ пяти книгахъ), 5,382 стр. А. И. Скребицкаго. Удостоено Академіей Наукъ преміи графа Уварова. Ц. 20 р., съ перес. 22 р. (за 14 фунт.) на всѣ разстоянія.

Курсъ русскаго уголовнаго права, Н. С. Таганцева. Часть общая. Книга 1-я. Ученіе о преступленіи. Вып. 1-й. Спб. 1874. Ц. 1 р. 75 к., вѣс. 2 ф.

Курсъ военно-уголовныхъ законовъ и военнаго судопроизводства, принятый для руководства во всѣхъ юнкерскихъ училищахъ. — Удостоенъ конкурсной преміи Гл. управл. Военно-Учебныхъ заведеній. Составилъ П. Калининъ. — Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго. Т. I. О государственномъ устройствѣ. Спб. 1875. Стр. 450. Ц. 2 р. 50 к., вѣс. 3 ф.

Начала русскаго государственнаго пра-

за. А. Градовскаго, профессора И. Спб. университета. Томъ II. Органы управленія. Спб. 1876 г. Ц. 2 р. 50 к., съ перес. 2 р. 75 к.

Общинное владѣніе. К. Кавелина. Спб. 1876 г. Ц. 50 к., съ перес. 75 к.

Основанія соціологіи. Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Т. I. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

Систематическій Сборникъ рѣшеній гражд. кассац. департ. правительствующаго сената, за 1873 г. Сост. А. Киприкъ и А. Боровиковскій. Вып. I. Матеріальное право. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.—Вып. II. Судопроизводство. Ц. 1 р. 75 к., съ перес. 2 р.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената за 1874 г. Составили А. Киприкъ и Е. Ковалевскій. Т. I, Матеріальное право. Т. II, Судопроизводство. Спб. 1876 г. Ц. 5 руб., съ перес. 5 р. 50 к.

Систематическій сборникъ рѣшеній Гражданскаго кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за 1875 годъ. Томъ I. Матеріальное право. Составилъ А. Гожевъ, старшій помощ. об.-секр. гражд. к. д. пр. Сената. Спб. 1877 г. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 г. съ дополненіями по 1-е января 1876 г. Составлено профес. Спб. Ун. Н. С. Таганцевымъ. Изданіе второе, переработанное и дополненное. Спб. 1876 г. Ц. 3 р., перес. за 3 ф.

ИСКУССТВА—МУЗЫКА—ТЕАТРЪ.

Боянъ. 150 одноголосныхъ и двуголосныхъ пѣсенъ для дѣтей младшаго и средняго возрастовъ. Составилъ Г. В. Дольдъ и А. С. Фаминцынъ. Ц. за 2 ч. 1 р. 40 к., съ перес. 1 р. 70 к.

Драматическія Сочиненія. Викторъ Крыловъ (Александровъ). Т. I. Къ мировому. По духовному завѣщанію. На хлѣбахъ изъ милости. Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к. Т. II. Въ осадномъ положеніи. Земцы. (Змѣй Горынычъ). Спб. 1877 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

Исторія искусствъ. Архитектура, скульптура, живопись. Вилльяма Реймона, профессора эстетики при женевскомъ университетѣ. М. 1876. Ц. 1 р. 25 к.

Практическое общепонятное руководство къ элементарному изученію начертательныхъ искусствъ, примѣнительно къ курсамъ реальныхъ училищъ, техническихъ, заводскихъ, желѣзно-дорожныхъ и другихъ школъ, съ приложеніемъ отдѣльнаго атласа чертежей. Составлено А. Заруцкимъ и К. Тадеромъ. Ц. 3 р. 50 к., съ перес. 4 рубля.

Руководство къ правильному построенію модуляціи. Ф. Дрэзеке. Переводъ съ нѣмецкаго А. С. Фаминцына. Спб. 1877 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.

Русскій дѣтскій пѣсенникъ. Собраніе пѣсенъ съ народными напѣвами Составилъ А. Фаминцынъ. Ч. I: 60 пѣсенъ для одного голоса Ч. II 50: пѣсенъ для двухъ и трехъ голосовъ. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Южно-русскій орнаментъ. Собралъ Ф. К. Волковъ. Кіевъ. 1877 г. Ц. 2 р. 60 к., съ перес. 3 р.

СПРАВОЧНЫЯ КНИГИ.

Карманная справочная книжка для ружейныхъ охотниковъ и любителей собакъ, съ чертежами. Сост. Л. Хлыстовъ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Пожарная Книга. Постановленія закона о предосторожностяхъ отъ огня и руководство къ тушенію всякаго рода пожаровъ. Съ политипажными рисунками. Составилъ А. Н—ъ. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Правила для охраненія полей и луговъ отъ потравъ и другихъ поврежденій, съ разъясненіемъ ихъ рѣшеніями гражданскаго кассаціоннаго д-та прав. сената. Составилъ С. М. Левенсонъ. К. 1877 г. Ц. 40 к., съ перес. 50 к.

Скоромный и постный столъ. Руководство для приготовленія 2,800 блюдъ, начиная съ самыхъ изысканныхъ, разныхъ печеній, хлѣбовъ, вареній, наливокъ и т. п., съ 20 раскрашенными рисунками всѣхъ частей быка и теленка, снятыми съ натуры и сопровождаемыми подробнымъ описаніемъ употребленія каждаго куска мяса. Сост. О. Павловской. Ц. 4 р., съ перес. 4 р. 50 к.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Славянскій міръ. Иллюстрированный сборникъ литературныхъ, историческихъ и географическихъ статей о славянахъ, В. П. Турбы. Спб. 1877. Два выпуска. Ц. выпуска 25 к.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась сербская война, а за ней послѣдовала нынѣшняя, и эти войны привлекли вниманіе общества къ славянству, въ извѣстной части нашей литературы образовалась особенная рутина. О славянствѣ заговорили люди, никогда прежде о немъ не слышавшіе и ничего о немъ не знавшіе. Конечно, они стали говорить съ чужого голоса, свои свѣдѣнія наскоро компилировать изъ первыхъ попадавшихся книгъ, свои взгляды — изъ теорій, какія всего громче себя заявляли и казались самыми широкими. Славянофильство пріобрѣло множество новыхъ союзниковъ, которымъ, собственно говоря, не очень можетъ радоваться. Для массы публики эти вновь обращенные славянолюбцы до сихъ поръ не принесли особенной пользы,—потому что, повторяя чужія слова, повторяли ихъ безъ всякой собственной мысли и еще затемняли дѣло, далеко не выясненное.—Имя г. Турбы до сихъ поръ не встрѣчалось намъ въ числѣ писателей, занимавшихся славянствомъ. Повидимому, это—новый прозелитъ. Изданіе, которое онъ предпринялъ, могло бы имѣть свою пользу для читателей, которые по поводу новѣйшихъ событій могутъ интересоваться исторіей, бытомъ и отношеніями современнаго славянства. Первые два выпуска, которые мы видѣли, могутъ еще не служить характеристикой цѣлаго изданія; можетъ быть, дальнѣйшіе выпуски будутъ лучше,—но если изданіе впредь будетъ вестись такъ же, какъ въ этихъ двухъ выпускахъ, мы опасаемся, что оно не будетъ соотвѣтствовать важности предмета. Очевидно, въ качествѣ руководящей статьи въ началѣ 1-го выпуска помѣщена краткая біографія И. С. Аксакова съ выписками изъ его письма къ Ригеру, которое видимо считается глубочайшимъ выраженіемъ славянской идеи: никакая оговорка его не сопровождаетъ. Затѣмъ, нѣтъ никакихъ другихъ объясненій славянскаго вопроса, и оба выпуска наполнены коротенькими статейками: „Балканскій полуостровъ“, „Княжество Черногорія“, „Тырново, бывшая столица Болгаріи“ и т. п. Статейки не обнаруживаютъ опытной и знающей руки, и напримѣръ, въ разсказѣ о Черногоріи приводятся какъ авторитетъ тѣ самые „Фриллей и Влохитн“, съ которыми недавно мы имѣли случай познакомить читателя. „Иллюстраціи“ — ужасны; портреты г. Аксакова и особенно Палацкаго безъ подписи не могутъ быть узнаны; „черногорскія дѣвушки“—также, особенно одна, которую смѣло можно принять за „негритянскую дѣвушку“ и т. д.— Отчего же только такія изданія славянскій вопросъ способенъ былъ вызвать въ нашей литературѣ въ послѣдніе годы?

К. Иречекъ. Исторія болгаръ. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціею В. А. Яковлева. Выпускъ 1-й. Варшава, 1877.

Книга Константина Иречка есть важнѣйшее сочиненіе по болгарской исторіи, какое только появлялось доселѣ въ литературѣ. Это—цѣльный законченный трудъ, исполненный съ большимъ знаніемъ; кромѣ собственныхъ изысканій, авторъ воспользовался почти всѣмъ, что было до сихъ поръ сдѣлано по этому предмету,—между прочимъ и въ русской литературѣ. Книга явилась на чешскомъ и на нѣмецкомъ языкахъ, и вполнѣ заслуживаетъ перевода. — Русское изданіе, вообще говоря, исполнено довольно аккуратно; но, какъ замѣчено было уже другими, удивительно, что г. Яковлевъ, историко-филологическій профессоръ варшавскаго университета, незнакомъ съ настоящимъ именемъ народа. Никто изъ славянъ не называетъ болгаръ — булгарами; такъ называются они только на чужихъ европейскихъ языкахъ; переводчикъ взялъ нѣмецкую форму имени. Нельзя не замѣтить также, что переводчики и самъ редакторъ чувствовали себя въ болгарской исторіи и географіи немного въ лѣсу. Назвавъ, напримѣръ, *древній* народъ Скордисковъ, редакція считаетъ нужнымъ поставить нѣмецкое написаніе ихъ имени Skordisker (стр. 61), для русской книги совсѣмъ ненужное; городъ Монемвасію называетъ „Монембазія“, Навплію — „Науплія“, и т. п. Редактору невполнѣ знакомы, кажется, и иныя очень извѣстныя имена новѣйшей славянской науки (на стр. 165 онъ не умѣетъ написать имени хорватскаго ученаго Рачкаго). Подобныхъ ошибокъ и странностей можно бы не ожидать отъ историко-филологическаго профессора.

Воспитаніе умственное, нравственное и физическое. Сочиненіе Герберта Спенсера. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1877. Малое 8°; 360 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Англійскій философъ нашелъ у насъ, повидимому, очень много любителей: всѣ главныя сочиненія его переведены или переводятся на русскій языкъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ начато было цѣлое изданіе его сочиненій; оно осталось неконченнымъ; но въ послѣдніе годы опять явился рядъ изданій Спенсера. Въ упомянутомъ изданіи, если не ошибаемся, былъ уже переведенъ трактатъ о воспитаніи; тѣмъ не менѣе, новое появленіе его мы не считаемъ лишнимъ. Педагогія у насъ въ великой модѣ и, нельзя скрыть, слишкомъ часто переходитъ мѣру въ своемъ усердіи, — что и оправдываетъ отчасти экстравагантныя нападенія, произведенныя на нее гр. Л. Толстымъ.—Для этихъ теряющихъ мѣру педагоговъ, и для всѣхъ, интересующихся вопросомъ воспитанія, полезно прочесть книгу умнаго человѣка, въ которой они найдутъ много здравыхъ замѣчаній, напрасно забываемыхъ нашей семьей и школой. Рекомендуемъ, напр., въ особенности послѣднюю главу, гдѣ идетъ рѣчь о „системѣ набиванія головъ“, которую у насъ считаютъ верхомъ педагогической мудрости, объ этой системѣ, которая „дѣлаетъ ученіе отвратительнымъ“, и, противорѣча здравымъ требованіямъ воспитанія, въ концѣ-концовъ не только не приноситъ пользы, но крайне вредитъ народному просвѣщенію. Съ мыслями Спенсера объ этомъ предметѣ нельзя не согласиться.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ"

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

ОТДѢЛЕНІЕ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ

въ Москвѣ, на Кузнецкомъ-Мосту: Книжный магазинъ Н. И. Мамонтова.

Въ 1877-омъ году:

		На годъ:	Первое полугодіе:
Городскіе:	безъ доставки:	15 р. 50 коп.	8 р. — к.
	съ доставкою:	16 „ — „	8 „ 50 „
Иногородные:	съ пересылкою:	17 „ — „	9 „ — „
Иностранные:	въ почт. союзѣ:	19 „ — „	10 „ — „
	внѣ почт. союза:	25 „ — „	13 „ — „

Примѣчаніе — Подписывающіеся въ Главной Конторѣ, въ московскомъ ея Отдѣленіи при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова (бывш. А. И. Глазунова), на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою ☚

Отъ редакціи. Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала городскимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Вас. Остр., Академ. пер. 7.

вовъ. Романъ въ двухъ частяхъ, И. С. Тургенева. М. 1878. Стр. 303. Ц. 2 р.

Намъ остается только указать на появленіе отдѣльнымъ изданіемъ всѣмъ извѣстнаго романа „Новь“, еще по первому его появленію въ нашемъ журналѣ. Противники „Нови“ сказали уже все, что могли; главною тэмою ихъ разсужденій было сравненіе „Нови“ съ ея ровесницею „Анною Карениной“; конецъ послѣдней, повидимому, ихъ очень удивилъ; редакція журнала отказалась напечатать послѣднія главы „Карениной“. Мы съ своей стороны не отвѣчали прямо критикамъ „Нови“ и едва ли будемъ скоро отвѣчать; впрочемъ, такіе писатели, какъ Тургеневъ, имѣютъ право апеллировать въ ту инстанцію, которая называется временемъ; ихъ не скоро перестаютъ читать, а слѣдовательно, они могутъ разсчитывать и на болѣе безпристрастную оцѣнку въ близкомъ будущемъ: ихъ не поняли сегодня, ихъ могутъ понять завтра. Намъ кажется, что какъ ни мало прошло времени съ перваго появленія „Нови“, но уже и теперь общество имѣетъ основаніе отнестись къ ней иначе, и видѣть тамъ художественную правду, гдѣ избытокъ себялюбія вынужденъ былъ усматривать одну каррикатуру преувеличенія и оскорбленіе патріотизму.

Стихотворенія И. З. Сурикова. Изд. К. Т. Солдатенкова. Третье, полное изданіе. Ц. 1 р. М. 1877. Стр. 316.

Собраніе стихотвореній г. Сурикова, какъ видно изъ довольно скораго появленія третьяго ихъ изданія, имѣло значительный успѣхъ, вполнѣ заслуженный. Мы имѣли уже случай дать отзывъ объ его поэзіи; нѣкоторыя изъ его былинъ знакомы нашимъ читателямъ прежнихъ лѣтъ; но, безъ сомнѣнія, главною причиною успѣха служитъ лирическая поэзія, гдѣ болѣе высказывается неподдѣльная, симпатическая натура поэта, совпадающая съ господствующимъ тономъ нашихъ народныхъ пѣснопѣній.

Не проси отъ меня
Свѣтлыхъ пѣсней любви:
Грустны пѣсни мои,
Какъ осенніе дни!

—въ этихъ строфахъ поэтъ весьма вѣрно характеризуетъ самъ свою лирику, и эти строфы могли бы хорошо служить эпиграфомъ къ собранію его стихотвореній.

Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составл. Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Ч. I. Спб. 1877. Стр. 512. Ц. 1 р. 60 к.

Подобныя изданія въ наше время оправдываются особенно пониженіемъ уровня историческаго воспитанія въ школѣ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, на что указываютъ и авторы настоящей книги, говоря въ предисловіи о „небольшомъ количествѣ времени, удѣляемаго у насъ на преподаваніе исторіи“. Но, къ сожалѣнію, авторы слишкомъ увлеклись этимъ случайнымъ обстоятельствомъ, и подъ его вліяніемъ придали своему труду не тотъ характеръ, какой, по нашему мнѣнію, должны имѣть подобныя изданія. Въ подобныхъ изданіяхъ на первомъ планѣ должны стоять непосредственные историческіе матеріалы, письменные памятники эпохи, а не новѣйшая ихъ научная обработка; въ этой же хрестоматіи такіе матеріалы и памятники отодвинуты на весьма задній планъ. Выборъ авторитетовъ научныхъ не всегда вѣренъ; напримѣръ, по такому важному вопросу нашей исторіи, какъ русская колонизація, не обращено вниманіе на имя Ешевскаго; и вообще повторилось замѣченное нами по поводу исторической хрестоматіи для новой исторіи: на ряду съ дѣйствительно большими научными именами стоятъ имена, которыя будутъ обязаны своею извѣстностью развѣ этой же хрестоматіи. Изъ Устрялова можно было дѣлать заимствованія съ одною цѣлью представить образцы риторической исторіи—худшей изъ всѣхъ родовъ. Наконецъ, было бы необходимо при именахъ авторовъ давать ихъ біографическіе очерки, съ указаніемъ, какой исторической школѣ они принадлежатъ и въ чемъ состоитъ ихъ заслуга; изъ тѣхъ же, о комъ нельзя ничего сказать, не слѣдовало бы дѣлать и заимствованій. Высказываемыя нами желанія—не осужденіе хрестоматіи; она и въ этомъ видѣ принесетъ свою пользу; но, можетъ быть, авторы найдутъ возможнымъ принять высказанное нами во вниманіе при продолженіи ихъ труда.

Новая русская литература. Состав. В. Водовозовъ. Третье изданіе. Спб. 1877. Стр. 390. Ц.

Авторъ опредѣляетъ предѣлы избраннаго имъ періода Жуковскимъ и Гоголемъ, помѣщая между ними Батюшкова, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова и Кольцова. Весьма обстоятельные и подробные анализы ихъ главнѣйшихъ произведеній заключены въ дополненіи краткимъ очеркомъ хода нашего образованія въ первую половину нынѣшняго столѣтія, съ цѣлью уяснить тѣ культурныя условія, подъ вліяніемъ которыхъ сложился литературный характеръ дѣятельности упомянутыхъ писателей.

Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента правит. сената, за 1875 годъ. Состав. А. Гожевъ. Т. I. Матеріальное право. Спб. 1877. Спб. 660. Ц. 3 р.

Настоящій сборникъ служитъ какъ-бы продолженіемъ такой же работы А. А. Книрима и Е. Е. Ковалевскаго за 1874 годъ. Содержаніе нынѣ вышедшаго перваго тома представляетъ рѣшенія, въ области гражданскихъ законовъ, о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ; о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущество вообще и въ особенности, и объ обязательствахъ по договорамъ. Второй и послѣдній томъ, имѣющій вскорѣ выдти въ свѣтъ, обниметъ собою рѣшенія, разъясняющія право процессуальное.

Хроника петербургскихъ театровъ, съ конца 1836 до начала 1855 года. Сост. А. И. Вольфъ. Въ 2-хъ частяхъ. Спб. 1877. Стр. 190 и 214 Ц. 3 р.

Въ первой части авторъ помѣстилъ составленныя имъ по годамъ обозрѣнія вновь поступавшихъ пьесъ на петербургскую сцену, образцы театральной критики изъ разныхъ эпохъ, свѣдѣнія изъ жизни артистовъ, закулисные анекдоты; во второй—такъ сказать статистику русской драматической и оперной сцены, также нѣмецкой, итальянской и французской съ 1838 года. Для будущей исторіи нашего театра этотъ сборникъ представляетъ много весьма цѣннаго матеріала, притомъ расположеннаго систематически и снабженнаго алфавитнымъ указателемъ.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ

въ С.-Петербургѣ, Вас. Остр., 2 л., 7.

Подписка на 1878-й годъ:

	въ Россіи:	за гран
ГОДЪ—12 книгъ:		
1) Съ пересылкою, чрезъ Газетную Экспедицію	17 р. — к.	19
2) Съ доставкою, по городской почтѣ, въ Спб.	16 » — »	—
3) Безъ доставки, въ Главной Конторѣ журнала	15 » 50 »	—
ЧЕТВЕРТЬ—3 книги, съ доставкою и пересылкою . .	5 » — »	7
Примѣчаніе. — Подписка по четвертямъ открывается съ января, апрѣля, іюля и октября.		
МѢСЯЦЪ—1 книга, съ доставкою и пересылкою . . .	2 » 50 »	3

Подписывающіеся въ Москвѣ, въ Отдѣленіи Главной Конторы журнала, при книжномъ магазинѣ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ-Мосту, могутъ получать при подпискѣ тамъ же всѣ прежде вышедшіе нумера журнала.

☛ **Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою**

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку журнала го скимъ подписчикамъ Главной Конторы, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ торые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губерн уѣздъ, почтовое учрежденіе гдѣ (NB) *допущена* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адресса просятъ извѣщать своевременно и съ указан прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адресса изъ городскихъ въ иногородные плачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 50 к.; и изъ городскихъ иногородныхъ въ иностранные—недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государств

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣ въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

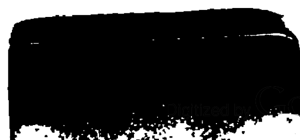
Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, торые приложатъ къ подписной суммѣ 16 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: **М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер. 7.

Digitized by Google